ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

В ТРЕХ ТОМАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
С. Д. СКАЗКИНА

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ТОМ
II

X-XV ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

9 (И) 1
Х 91

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования РСФСР
в качестве учебного пособия
для университетов

Редакторы II тома
Л. В. Симоновская (часть I, Страны Востока и Африки)
М. М. Себенцова (часть II, Западные страны)
Б. Т. Рубцов (часть II, Византия и славяне)

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с общим планом издания, намеченным в первом томе хрестоматии по истории средних веков [1], во втором томе печатаются документы, относящиеся ко второму периоду истории средневековья (X—XV вв.), к периоду развитого феодализма. Разумеется, степень развития феодальных отношений в Азии, Африке и Европе была различной.

В Китае, на Ближнем Востоке, в Египте феодальные отношения сложились в VIII—IX вв. В Индии, Иране и в Японии процесс становления феодальных отношений завершился в X—XII вв. Что касается Тропической Африки, то, насколько позволяют судить ныне известные источники, созревание феодализма задержалось на более продолжительный срок: в ряде стран Африки господствовало рабовладение или первобытнообщинный строй. В некоторых азиатских и африканских странах феодальные отношения существуют и в наши дни.

В большинстве стран Востока в X—XV вв. были расширены посевные площади, усовершенствована техника искусственного орошения, применялись новые методы возделывания полей, выращивались новые культуры (сахарный тростник, красители, масличные растения, лен и пр.), повышалась урожайность.

В Азии и в Африке возникли многочисленные, иногда крупные и густонаселенные города. В них концентрировались ремесленное производство и торговля, создавались учебные заведения, библиотеки, архивы. Города были центрами товарного производства, начальными пунктами дальних внешнеторговых путей. При большом развитии товарно-денежных отношений в обращении появились бумажные деньги.

---

[1] «Хрестоматия по истории средних веков в трех томах». Под ред. акад. С. Д. Сказкина. Т. I. «Раннее средневековье», М., 1961.

Прежние формы собственности на землю как на основное средство производства при феодализме изменились. Если раньше верховная собственность на землю принадлежала государству, то теперь образовалась частная собственность отдельных феодалов, которые захватывали государственные, общинные и церковные земли. На Ближнем Востоке распространилась военно-ленная система. В Китае и в Японии появились феодальные вотчины. Лишь в Индии господствующей формой все больше становилась государственная собственность на землю.

Резко усилилась эксплуатация крестьян, которые были вынуждены платить налоги государству, ренту помещику и очень часто долги ростовщику. Помимо взносов продуктами и деньгами крестьяне отбывали трудовую повинность. Налогами и повинностями облагались также ремесленники и торговцы. Они, как и крестьяне, были прикреплены к земле или к месту жительства. Откупная система, государственные монополии и регламентации, фискальные функции цехов и гильдий ограничивали развитие городского производства. В городах Востока самоуправления не существовало.

Класс феодалов, перестраивая формы своего политического господства, подрывал мощь сильных империй. В связи с децентрализаторскими тенденциями ослабла Китайская империя, распался Арабский халифат. Но на севере Индии образовалось централизованное государство.

Обострение классовых противоречий вызвало распространение новых религиозных учений, крестьянские восстания и войны, которые имели невиданный размах. Происходили также восстания горожан. Повстанцы пытались сформулировать свои требования; эти движения часто скрывались под религиозным покровом.

Тяжелая эксплуатация трудящихся и паразитизм господствующего класса задерживали развитие восточных обществ и часто делали их жертвой нашествий кочевников. Особенно разрушительным было нашествие монголов, распространившееся в XIII в. также и на Запад. Оно привело к уничтожению массы производительных сил и разрушению многовековых культурных очагов. Однако земледельческие народы Азии в упорной борьбе побеждали кочевников и освобождались от их гнета.

В Европе период развитого феодализма приходился на XI—XV вв. и имел свои отличительные черты: в результате развития — хотя и медленного — производительных сил происходило отделение ремесла от сельского хозяйства, развивалось городское производство, росли города как центры средневекового ремесла и торговли, усиливались товарно-денежные отношения и на этой основе складывался и рос

внутренний рынок в пределах отдельных стран, в которых постепенно росла политическая консолидация. Второй период истории средних веков ознаменовался возникновением современных больших и малых государств Европы в виде феодальных монархий с сословным представительством, и этот процесс имел всемирно-историческое значение.

Вместе с тем росли классовые противоречия в деревне и городе. Крестьяне с развитием товарно-денежных отношений получили бо́льшую свободу хозяйствования, продавали излишки своего труда на рынке, а феодалы усиливали свой нажим на крестьян, стремясь получить с них дополнительные доходы путем увеличения натуральной и денежной ренты. В XIII—XIV вв. наиболее крупными крестьянскими движениями в Европе были: восстание под предводительством Дольчино в Италии, Уота Тайлера в Англии, Жакерия во Франции. Особенно большое значение имели Гуситские войны, охарактеризованные Ф. Энгельсом как «национально-чешская крестьянская война»[1]. Гуситские войны оказали влияние на Германию, Польшу, Венгрию, Трансильванию и Валахию.

Для славян, Венгрии, Трансильвании, Валахии, Молдавии, Албании, а также Византии огромное значение имела борьба против иноземных завоевателей: в Польше против немецких рыцарей, в Болгарии против византийских феодалов, в Венгрии против монголов, в Болгарии, Сербии, Албании и Византии против турок и т. д.

Подводя итоги по второму периоду средних веков, можно сказать, что к концу его страны Западной Европы в своем развитии стали опережать страны Востока.

* *
*

Материалы настоящего тома освещают изложенные выше основные исторические процессы и события, деревню и город почти во всех странах, политическую организацию обществ и государств.

Особое внимание уделено освещению растущих классовых противоречий, а также освободительной борьбе народов с иноземными захватчиками.

Мы стремились дать читателю как можно больше новых, не опубликованных до сих пор на русском языке источников и документов, используя прежние издания лишь в редких случаях, когда без них не удавалось обойтись.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 6, стр. 180.

В отличие от первого тома во введении, которое предпослано каждой стране, мы указали фамилии составителей и переводчиков.

Материалы из произведений Маркса, Энгельса и Ленина подготовили Г. В. Мелехов (по Востоку), В. В. Самаркин и С. Л. Плешкова (по Западу).

Введение написали С. Д. Сказкин и Л. В. Симоновская (по Востоку).

В редакционной работе принимала участие Г. И. Трайнина.

Материалы второго тома рецензировались и обсуждались в Московском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственном университете имени М. В. Ломоносова на кафедрах истории средних веков (страны Европы) и древнеславянских языков (славянские страны), в Институте восточных языков (страны Азии), а также в Институте Африки АН СССР (страны Африки). Материалы по истории Венгрии рецензировал М. М. Смирин, по истории Монголии — И. Я. Златкин.

Редакция и издательство приносят благодарность всем товарищам, принявшим участие в рецензировании и обсуждении, давшим свои ценные замечания на материалы при подготовке тома к изданию.

ЧАСТЬ I

СТРАНЫ ВОСТОКА И АФРИКИ В X—XV ВЕКАХ

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС О ФЕОДАЛИЗМЕ В АЗИИ

...Как это обычно бывает, в азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе — от хорошей или дурной погоды.

К. Маркс, Британское владычество в Индии.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 9, стр. 133.

Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

Третья форма, это — феодальная или сословная собственность. Если для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*... Подобно племенной и общинной собственности, она (феодальная собственность. — *Ред.*) также покоится на известной общности, которой, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне. Вместе с полным развитием феодализма появляется и антагонизм по отношению к городам.

К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Немецкая идеология.
Соч., т. 3, стр. 22—23.

Во всех случаях способ производства, будь то победителей, будь то побежденных, будь то возникший из соединения обоих, определяет то новое распределение, которое устанавливается. Хотя последнее выступает как предпосылка для нового периода производства, само оно опять-таки продукт производства — и не только исторического вообще, но определенного исторического производства.

Например, монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством, для которого большие необитаемые пространства являются главным условием.

К. Маркс, Введение к «Критике политической экономии». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 12, стр. 724.

Принадлежащие всем условиям действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы,* играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами.

К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству. «Вестник древней истории» № 1, 1940, стр 11.

В Азии с незапамятных времен, как правило, существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ... Элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе заставила частных предпринимателей соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, — где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, — повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ.

Такая система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и немедленно приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь бесплодными и пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными, как, например, Пальмира,

Пе́тра, развалины Йемена и обширные провинции Египта, Персии и Индостана. Этим также объясняется тот факт, что одна опустошительная война оказывалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей её цивилизации.

К. Маркс, Британское владычество в Индии.
К. Маркс и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 9, стр. 132.

При всех докапиталистических способах производства ростовщик действует революционно только в *политическом* отношении, подрывая и разрушая те формы собственности, на прочной основе которых — т. е. на их постоянном воспроизводстве в том же виде — покоится политическая структура общества... При азиатских формах [общества] ростовщичество может долго продолжать свое существование, вызывая лишь экономический упадок и политическую деморализацию, но не приводя к реальному разложению [существующего способа производства].

К. Маркс, Теории прибавочной стоимости
(IV том «Капитала»), ч. III, М., 1961, стр. 507.

Застойный характер этой части Азии[1], несмотря на все бесплодные движения, происходящие на политической поверхности, вполне объясняется двумя взаимно усиливающими друг друга обстоятельствами: 1) общественные работы — дело центрального правительства; 2) наряду с тем, что существует это правительство, все государство, если не считать немногих крупных городов, состоит из множества *сельских общин*, каждая из которых имеет свою совершенно самостоятельную организацию и представляет собой особый замкнутый мирок.

Маркс — Энгельсу, 14 июня 1853 г.
К. Маркс и *Ф. Энгельс*, Соч., т. 28, стр. 228.

В 1452 г. *Дели был осажден Джанпурским раджой, что вызвало войну, длившуюся 26 лет* (это важно: доказывает, что туземные индийские князья стали достаточно сильны, {чтобы бороться} против давнишнего мусульманского владычества) и закончившуюся полным поражением раджи и *присоединением Джанпура к Дели.*

К. Маркс, Хронологические выписки по истории
Индии, М., 1947, стр. 18.

Его войско (Махмуда Газневида. — *Ред.*) состояло преимущественно из *тюрок*, которые считались рабами персов и были сведены в полки так называемой *гвардии мамлюков*

[1] Речь идет об Индии.

(рабов). *Пастухами овечьих стад* были преимущественно татары. *Знать и бо́льшая часть привилегированного населения — арабы:* им принадлежала вся *судебная и духовная власть; гражданское управление* находилось по преимуществу в руках *персов*.

К. Маркс, Хронологические выписки по истории Индии, М., 1947, стр. 7.

На Бали — остров у восточного берега Явы — вместе с индусской религией сохранилась еще в полной мере и эта индусская организация. Следы ее, как и вообще индусского влияния, можно обнаружить на всей Яве.

Маркс — Энгельсу, 14 июня 1853 г.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 28, стр. 229.

КИТАЙ В X—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

В X—XV вв. китайские ученые собрали множество документов о своем времени и создали многочисленные и разнообразные исторические труды.

Уже в XI в. в стране широко распространились книгопечатание[1] и книготорговля, что стимулировало деятельность писателей и ученых. Старая официальная история перестала удовлетворять ученых и государственных деятелей, и они принялись за составление новых сводов истории и за написание произведений, посвященных отдельным темам. Влиятельный сановник, поэт и ученый Оуян Сю (1007—1072) собирал древние надписи и работал над улучшением и изданием ранее составленных династийных историй. Труды, изданные под его руководством, богаты материалом, систематизированы и написаны хорошим языком. Другой видный деятель того времени, Сыма Гуан (1019—1089), трудился над созданием громадной истории Цзычжи тунцзянь, написанной в строго хронологическом порядке. В то же время стали появляться новые виды исторических трудов типа «Бэнь мо», в которых каждое событие рассказано от начала до конца, а также сборники материалов, отдельные исторические сочинения частных лиц, экономические и географические описания.

Все это повлияло и на работу историков-чиновников, которые постоянно трудились над подбором исторических документов в специальном учреждении при императорском дворе. Обработанный ими материал должен был получить высочайшее одобрение и составлял то, что называется «Ши лу» («Правдивые записи»). Когда в XIV в. была выпущена в свет история Китая времени царствования династии Сун (960—1279), основанная на обработке «Ши лу», она в

[1] В Китае тогда печатали ксилографические книги при помощи текста, вырезанного на специально обработанных торцовых досках.

какой-то мере отразила развитие исторических знаний и общий культурный подъем.

В хрестоматии из Сунской династийной истории («Сун ши»)[1] из отдела «Описания» («Чжи») и подотдела «Продовольствие и товары» («Ши хо») взяты материалы для I раздела, свидетельствующие о мероприятиях правительства в области сельского хозяйства (док. № 1), учета земли и распашки целины (док. № 2, 3), о положении крестьян, налоговом гнете и бегстве крестьян с земли (док. № 4, 5). X—XI вв. были временем захвата частными лицами земель, которые ранее находились в прямом держании государственных тяглых, периодом значительного ухудшения положения крестьянских масс, что нашло отражение в док. № 6.

В феодальном Китае выросли большие города — центры ремесла и торговли (этому посвящен раздел II). Наиболее крупными из них были столицы Сунской империи Кайфын в Хэнани и Ханчжоу в Чжэцзяне, а также г. Ханькоу в Хубэе и большие портовые города Гуанчжоу (Кантон), Цзюаньчжоу и др., особенно многочисленные на востоке страны.

Материалы для характеристики трудовой деятельности горожан и жизни городов почерпнуты в трудах отдельных ученых и лиц, писавших по собственному почину. Так, г. Кайфын, его ремесло и торговлю в XII в. интересно описал Мэн Юань-лао (док. № 7). О шелкоткацком производстве, работавшем для казны, ценные сведения сохранились в сочинении Лю Да-фына, жившего в провинции Сычуань и составившего описание этого богатого района, одного из центров шелкоткачества (док. № 8). Описания керамического дела в уезде Цзиндэ, провинция Цзянси, в XI—XII вв. (док. № 9) принадлежат сунскому автору Чжун Янь-сяну (первый отрывок). О ремесле и найме мастеров свидетельствуют отрывки, взятые из «Описания уезда Лунцюань» (док. № 10). О ремесленном производстве в Ханчжоу, столице южнокитайского государства в XII—XIII вв., сведения почерпнуты из произведений чиновника Сюй И-куя (док. № 11) и У Цзы-му (док. № 12). Описание этого богатого города оставил также венецианский купец Марко Поло (док. № 12).

В конце раздела помещены материалы из указов и декретов о наказаниях за выплавку и куплю-продажу металлов (меди, свинца) частными лицами (док. № 13).

Захват земли феодалами, как крупными, так и мелкими, ухудшил положение крестьян и вызвал массовые крестьянские движения. Обострение классовых противоречий в городах приводило к крупным восстаниям городских низов. Раз-

---

[1] «Сун ши» и «Мин ши» вошли в «Эршисыши» («Двадцать четыре династийные истории»), изд. Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958 г.

дел III посвящен таким значительным народным движениям, как восстания в Сычуани (док. № 14), городское восстание в Хэбэе (док. № 15), движение на юго-востоке (док. № 16). В восстаниях кроме крестьян принимали участие ремесленники, мелкие торговцы, солдаты.

Среди различных групп господствующего класса возникло движение, которое нашло отражение в новых философских системах, в распространении материалистических взглядов, в спорах о необходимости преобразований. В связи с этим в 1069 г. на высокую государственную должность был назначен мелкий провинциальный чиновник и видный ученый экономист Ван Ань-ши, родом из Линьчуаня, провинции Цзянси, который приступил к проведению реформ согласно своей программе. В документах IV раздела (№ 17—20) содержатся императорские указы и другие материалы об этих реформах.

Внешнее положение Китая было крайне осложнено возникновением на его границах — а частично и на его территории — государств соседних кочевых народностей, которым Китай платил ежегодно большую дань. В X в. это были кидане, в XI в. — тангуты, в XII в. — чжурчжени, а в XIII в. — монголы, завоевавшие всю территорию Китая. Выдающийся русский китаевед Н. Я. Бичурин перевел почерпнутые им из официальной истории и из продолжения «Цзычжи Тунцзянь ганму», составление которой было начато Сыма Гуаном, отрывки по истории первых периодов монгольского нашествия на Китай (док. № 21). Мощные народные восстания свергли власть монгольских феодалов (док. № 22, 23). Представляют интерес док. № 24—26 (из «Мин Тай-цзу ши лу» — исторических записок, подготовленных историками-современниками в качестве основы для будущей династийной истории и других публикаций) о мероприятиях, проведенных Чжу Юань-чжаном в ходе борьбы против монгольских феодалов.

Новое китайское государство хотя и оставалось феодальным, но в первые десятилетия своего существования было вынуждено сделать некоторые уступки народу. Ценные материалы (док. № 27—30) об аграрной политике времени царствования первого минского императора Тай-цзу (1368—1398; его имя Чжу Юань-чжан) почерпнуты из сводов законов и различных сборников. Так из «Да Мин люй» («Свод законов династии Мин») и «Мин хуэй дянь» («Собрание указов династии Мин») взяты тексты императорских указов о прикреплении крестьян к земле при новом государственном правлении. Из Минской династийной истории («Мин ши», подотдел «Продовольствие и товары») выбраны отрывки, свидетельствующие о восстановлении феодальной системы взимания

налогов (док. № 27). О политике минского правительства во главе с Чжу Юань-чжаном рассказывает отрывок из «Да гао» — сборника высказываний этого императора по поводу лихоимства, казнокрадства и других преступлений чиновников (№ 32).

Документ № 33 рассказывает о видах земельной собственности и формах эксплуатации крестьян, о бегстве крестьян в другие районы, о гражданских и военных поселениях, создаваемых правительством, чтобы разрешить продовольственные затруднения.

Составители и переводчики: *А. А. Бокщанин* — док. № 1—6, 34; *З. Г. Лапина* — док. № 17—20; *Г. В. Мелехов* — док. № 13; *Н. П. Свистунова* — док. № 22—30, 32; *Э. П. Стужина* — док. № 7—13, 14—16; *Л. В. Симоновская* — док. № 31, 33.

I. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В X—XII вв.

1. Мероприятия правительства в области сельскохозяйственных работ

Из «Сун ши»

Был дан императорский указ... повелевавший повсеместно оповестить население, что с тех, кто увеличит посадки тутовых и финиковых деревьев или поднимет целинные земли, будут взимать налоги в прежнем размере... В областях, где нельзя высевать некоторые виды земледельческих культур по причинам непригодности климатических условий, почвы и посевных площадей, не следует взимать [положенные с этих культур] налоги.

В урожайный год народ должен заполнять зерном государственные амбары и экономно расходовать его, чтобы иметь запасы на случай непредвиденного несчастья. Людей, которые вырубают тутовые и финиковые деревья на топливо, наказывать. Если кто обдерет кору с тутовых деревьев, собираясь для этого по трое и больше, то главаря казнить, а остальных высылать за 3 тыс. ли; если же их меньше трех человек, то главарю казнь заменять каторгой, а подручного сажать в тюрьму на 3 года.

В годы правления Тайпинсинго (976—983) при Тайцзуне населению в окрестностях обеих столиц было разрешено сообща выдвигать одного человека, искушенного в определении

качества земли и постигшего искусство взращивания деревьев и злаков, на должность уездного нунши[1]. Он был обязан проверять плодородие полей, а также выявлять наиболее подходящие для посева виды злаков. В некоторых семьях имелись семена, в некоторых дворах были только тяглые мужчины, а некоторые люди имели рабочий скот, и они объединялись. Волостные старосты и старшины созывали всех остальных мужчин[2] и распределяли среди них свободные поля, поощряя посадку ими риса. А когда урожай созревал, сообща с ними получали прибыли. Нунши освобождались от налогов и трудовой повинности. О тех из народа, кто пил спиртные напитки, играл в азартные игры и ленился в сельскохозяйственных работах, нунши после тщательной проверки сообщал областным и уездным властям с просьбой их наказать, дабы предотвратить бродяжничество и лодырничество. Распаханные целинные земли становились вечной собственностью. Казна не взимала с них налогов.

Позже от этой хлопотной системы[3] отказались.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 16, стр. 20394—20397, Ксилогр., л. 3а, 7б, 8.

2. Учет обрабатываемой земли

Из «Сун ши»

...Согласно «Куайцзылу»[4], написанным Дин Вэем в правление Цзиндэ (1004—1007), насчитывалось более 1 860 000 цин земли[5]. При подсчете, учитывая, что в том году было более 7 220 000 дворов, получается, что на каждые 4 двора приходится пахотное поле в 1 цин. Отсюда можно заключить, что в Поднебесной было много утаенных от учета полей. Кроме того, в провинциях Сычуань и Гуанань земли не хватает для наделения дворов.

В исторических записях времени правления Тяньшэн (1023—1031) говорится, что если исходить из общего числа 5 видов налогов, то в конце правления Кайбао (968—975) было 2 952 320 цин и 60 му[6] обрабатываемых полей; во 2-м году правления Чжидао (966) было 3 125 251 цин и 25 му; в 5-м году правления Тяньси (1021) было 5 247 584 цина и

---

[1] Нунши — старший чиновник по делам сельского хозяйства.

[2] Т. е. не объединявшихся с другими для совместной работы.

[3] Имеются в виду мероприятия, введенные в годы правления Тайпинсинго.

[4] Куайцзылу — статистические таблицы.

[5] 1 цин равен 6,144 *га*.

[6] 1 му равен $^1/_{16}$ *га*.

32 му [обрабатываемой земли]. Но тогда количество [обрабатываемой земли] получается в правление Кайбао вдвое больше, чем в правление Цзиндэ. Это свидетельствует, что записанное [Дин Вэем в «Куайцзылу»] не соответствует истине.

В годы правления Хуан'ю (1049—1053) и Чжипина (1064—1067) составлялись новые статистические таблицы. В годы Хуан'ю было более 2 280 000 цин обрабатываемых полей, в годы Чжипина — более 4 400 000 цин. Не прошло и 20 лет, а количество обрабатываемых полей увеличилось вдвое. Если взять и сравнить всю обрабатываемую землю в годы правления Чжипина, то она не достигнет того количества, которое было в годы правления Тяньси.

Но составители записей времени Чжипина при определении количества земельных площадей исходили исключительно из подсчета налогов, а на каждые 10 человек 7 не платят налогов. В целом же при подсчете в Поднебесной было более 30 000 000 цин обрабатываемых полей.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 16, стр. 20398—20399, Ксилогр., л. 11б — 12а.

3. Распашка целины

Из «Сун ши»

[В 994] ...разрешили населению просить в аренду на вечное пользование земли во всех областях и уездах. В течение трех — пяти лет с этой земли налогов не взимали, а по истечении трех лет вносилась $^{1}/_{2}$ [положенного налога]. Чиновников, которые поощряли распашку целины народом, вносили в списки на предмет получения награды.

Императорским указом предписывалось совещаться о награждении тех волостных старост и старшин (чжанли и линцзо) из всех областей, которые смогут привлечь народ к починке ранее заброшенных дамб, водоемов и каналов, а также с помощью распашки целины и заброшенных полей увеличат поступление налогов до 20 000 [1] и выше.

...Спустя много времени население в Поднебесной еще более увеличилось, а распаханные целинные поля еще более расширились. Только в уездах Тан и Дэн [2], что в Цзинсилу [3], было еще много пустующих земель, 8/10 или 9/10 которых были запущены. Некоторые просили императора заселить эти

[1] Единица измерения не указана. Вероятно, подразумевается дань, равная 103 *л*.
[2] Тан — уезд в провинции Хэбэй; Дэн — уезд в провинции Хэнань.
[3] Цзинсилу — область, расположенная к западу от столицы.

земли переселенцами, другие предлагали учредить там военные поселения...[1]

...В 10-й луне 3-го года Шаосин (1133) вербовали людей для разработки на условиях аренды пустующих земель к востоку и к западу по реке Янцзы. Арендная плата делилась на три категории: с 1 му лучшей земли бралось 1 доу и 5 шэн[2] риса, с 1 му земли среднего качества — 1 доу риса и с 1 му худшей земли — 7 шэн риса.

...В 4-м году правления Циньдао (1168) начальник области Эчжоу Ли Чжуан подал доклад: «Хотя область лежит к югу от Янцзы, но заброшенных полей там очень много. Тех, кто берет в аренду и обрабатывает целину, вскоре же облагают налогами. [Сборщики] обмеривают поля и требуют [уплаты налогов]. Люди не могут вынести таких беспокойств и вскоре же убегают. Ныне намереваемся призывать народ браться за это дело на условиях отмены налогов в течение трех лет. По истечении трех лет земли переходят в вечное пользование».

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958,
кн. 16, стр. 20395, 20398, 20401, 20403,
Ксилогр., л. 5б, 10б — 11а, 16б, 20а.

4. Положение крестьян

Из «Сун ши»

Времена бывают древние и нынешние; правления бывают [идущие] к подъему и клонящиеся к упадку. Количество богатств, рождаемых небом и землей, ограничено. Расходы же государства по различным статьям безграничны. Одним словом, тех, кто производит богатство, много, а тех, кто потребляет его, мало; те, кто создает богатство, напряженно [трудятся], а те, кто расходует его, [живут] вольготно. И не бывает по-другому.

Несколько лет подряд посевы не давали всходов. Богатые, обладая излишками, давали ссуды бедным под двойные проценты. Как только случался небольшой урожай, богатые требовали немедленного возвращения долгов. Из-за этого деньги [бедняков] были исчерпаны еще до того, как были уплачены налоги. Тогда было приказано уполномочить волостных старост и старшин во всех областях и уездах расследовать положение. [После расследования было решено:] на зерно и деньги, полученные кем-либо взаймы, проценты не должны превышать [взятую сумму] более, чем в 2 раза. До уплаты

[1] Военные поселения обычно устраивались в пограничных районах. Переселенцы получали земельные наделы, но вместе с тем должны были нести и военные обязанности.

[2] Доу и шэн — меры объема сыпучих и жидких тел, равные соответственно 10,4 *л* и 1,035 *л*.

[государственного] налога не разрешалось возвращать частные долги, а нарушавших это правило наказывали.

...Сыма Гуан говорил: «Из четырех категорий народа лишь крестьянам живется очень трудно. Холодно, а они пашут; жарко, а они заняты прополкой. Дожди вымачивают их тела, грязь облепляет их ноги. Целый день они трудятся и отдыхают лишь с появлением звезд. Женщины разводят шелковичные коконы и коноплю, сучат нитку за ниткой и прядут вершок за вершком пряжу. Труд их очень изнурителен. А кроме того, еще случаются бедствия от наводнений, засух, заморозков и саранчи. Если же, по счастью, случается урожай, то и казна, и частные взаимодавцы наперебой требуют своей доли. Зерно, еще не вывезенное с тока, и шелк, еще не снятый с ткацких станков, уже не принадлежат крестьянам. В пищу идет мякина и отходы риса, но и того не хватает, одеваются они в грубые одежды, но не могут полностью прикрыть тела. Беспрерывно из поколения в поколение трудятся крестьяне на полях и не знают, какие иные занятия можно выбрать в жизни. При том еще сановники, собирающие земельный налог и арендную плату, сотнями способов вымогают незаконные поборы, чтобы выслужиться и получить награды.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 16, стр. 20394, 20395, 20399, Ксилогр., л. 26, 5а, 136.

5. Налоговый гнет и бегство крестьян с земли

Из «Сун ши»

...В начале правления Дуаньгун (988—989) император самолично пахал принадлежащее ему поле, чтобы поощрить сельскохозяйственные работы. Однако народ в столичной округе изнывал под тяжестью налогов. Когда младшие братья становились взрослыми, то выделялись из семьи. С их полей взимались налоги как с целой семьи, поэтому они бросали свои участки и убегали. Налог с уездов ежегодно уменьшался в связи с увеличением количества заброшенных полей. Беглые скрывались в чужих домах и батрачили под вымышленными именами.

Доу Пин был назначен управляющим в Кайфынскую область в должности сылуши[1] и контролировал земельный налог во всех уездах столичной округи. Он прибегал к особо жестоким мерам, чтобы выбить побольше налогов. Он собирал беглый люд, а также разыскивал в соседних домах по всей деревне тех беглецов, которых семьи дальних родственников часто включали в списки [жителей своих дворов]. Это

[1] Сылуши — управляющий протокольным отделом.

доставляло очень много хлопот и беспокойства, поэтому через несколько месяцев меры, предложенные Доу Пином, отменили.

Во 2-м году правления Чжидао (996)...[1] Чэнь Цинь подал императору доклад: «...Ныне в окружающих столицу двадцати трех областях протяжением в много тысяч ли[2] поднятая целина составляет лишь 2—3 десятые доли. Из каждых 10 налогоплательщиков 5—6 [человек] не платят налогов. Кроме того, есть люди, которые спрятались в близлежащих деревнях, но считаются беглыми. Люди бросают занятие сельским хозяйством и становятся бродягами и бездельниками. Сумма налогопоступлений уменьшается с каждым годом. Не хватает средств на государственные расходы. Указами императора народу неоднократно разрешалось вернуться к прежним занятиям с освобождением от земельного налога и подати изделиями ремесла на ряд лет. Однако волостные и уездные власти не оставляют вернувшихся в покое. Каждый глава двора, вернувшийся к прежним занятиям, должен доложить о причинах [своего бегства]. Если утром он вспахал клочок земли, то вечером за ним записывали различные повинности. Сразу же приходили деревенские старосты с упреками и вопросами. Хотя постоянный земельный налог был милостиво отменен, практически это не спасает от [огромных] косвенных поборов. Население бродяжничает и переселяется с места на место в первую очередь из-за лишений и нужды или же чтобы избежать уплаты частных долгов и скрыться от государственных налогов. Волостные и деревенские власти конфискуют имущество убежавших и скрывшихся, а их дома, домашняя утварь, тутовые, финиковые и другие деревья оцениваются, и [из этой суммы] либо вносятся налоги волостным чиновникам, либо возвращают долг взаимодавцу. Бежавшие лишаются средств к существованию, и при возвращении им негде остановиться. Поэтому люди бродяжничают и отказываются вернуться к землепашеству...»

...В начале правления Тяньшэнь (1023—1031) императорским указом разрешалось людям обрабатывать без уплаты налогов в течение трех лет землю тех, кто находился в бегах более 10 лет, а через три года с них взимали половину прежнего налога. Затем был издан еще один императорский указ, чтобы подобным же образом взимали налоги с тех, кто самостоятельно вернулся к своему хозяйству. Вскоре опять было объявлено, что те из беглых людей, кто в стодневный срок вернется к своему хозяйству, будут в течение пяти лет

---

[1] Пропущен чин.

[2] Ли равен 576 *м*.

освобождены от налогов и трудовых повинностей, а затем прежние налоги будут уменьшены на 8/10. Землю беглых, не возвратившихся в указанный срок, разрешалось передавать для обработки другим людям. В то время приказы о прощении всегда касались находящихся в бегах либо вербуемых для распашки целины.

По мере того как сменялись правления, налоговый гнет вызывал беспокойство в народе. Не велось постоянной проверки, и не было точно установлено количество пахотных земель... А в податных списках значилось еще 480 000 цин земли, которые на деле были заброшены.

...Если кто возвращался к своему хозяйству, на покинутое им поле, то за него должны были поручиться. И за тех, кто уклонялся от уплаты налогов, налог вносили поручители...

...Управляющий областью Пинцзян[1] Чжан И докладывал, что наибольшие страдания народу приносит преждевременный сбор налогов. Налоги и трудовые повинности распределены неравномерно. Сильные роды и знатные дома, имеющие необозримые земли в сотни и тысячи му, в большинстве случаев не платят налогов со своих полей. Бедные дворы из-за этого разоряются.

...В 12-м году правления Шаосин (1141)...[2] Ли Чжуан-нянь докладывал, что межи, проложенные несправедливо, вызывают десять зол. Еще [он] докладывал, что прежде ежегодные налоговые поступления из [области] Пинцзян составляли более 17 000 ху[3] зерна. Ныне же, хотя по податным спискам с населения положено получать 30 000 ху, но на самом деле поступает лишь 20 000 [ху зерна]. При проверке обнаружилось сокрытие размеров земли.

В 19-м году правления Шаосин (1148) императорским указом приказывалось ранее смещенному с должности Чжэн Кэ проводить в Сычуани меры по упорядочению межей. Чжэн Кэ действовал очень сурово. Всем областным и уездным властям было вменено в обязанность следить, чтобы не было не вносящих налогов земель среди так называемых шэнчжуан-тянь[4], хотя бы эти земли и были под огородами, садами и тутовыми деревьями. А с полей простолюдинов в Цюн, что в Шу (Сычуань), брали в качестве налогов до половины урожая.

...В 29-м году правления Шаосин (1158) начальник области Танчжоу[5] Вэй Лян-чэн докладывал: «В данной обла-

---

[1] Пинцзян — город в провинции Хунань.
[2] Пропущен чин.
[3] Ху — мера сыпучих тел, равная приблизительно 52 *л*.
[4] Шэнчжуантянь — частновладельческие поместья.
[5] Танчжоу — область около г. Чанша, провинция Хунань.

сти люди, возвращающиеся к своему хозяйству, обрабатывают уже возделываемые ранее поля, а выдают их за целину и не вносят налогов. Ныне следует установить для них срок уплаты налогов. Начиная с будущего года следует разрешить людям доносить о тех, у кого количество земли по спискам не соответствует наличности, и доносчиков награждать землей». Ведомство налогов порешило: тех, кто не уплатит налогов в стодневный срок, судить как нарушителей, увиливающих от уплаты налогов. Императорским указом это было разрешено.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 16, стр. 20395—20402, Ксилогр., л. 4б, 5б, 6а, 10б, 12, 14, 15а, 17, 18, 19б.

6. Захваты земли частными лицами и монастырями

Из «Сун ши»

Затем наступил долгий период мирного времени[1]. Сильные чиновники и богатые семьи не знали ограничений в захвате земли. Захват земли с помощью различных подлогов сделался обычным, и самые строгие запреты не могли его остановить.

Когда умер Чжэньцзун (998—1022), то через дворцовых евнухов монахи из храма Юйцюаньшань были одарены золотом. Храм закупил землю, и говорили, что это сделано для обеспечения счастья покойного императора. В дальнейшем подобное, как правило, не практиковалось. [Однако] впоследствии храмы и монастыри стали понемногу расширять закупку земли.

Во 2-й год правления Миндао (1033)...[2] Дуань Шао-лянь докладывал, что в этот год в [район] Ляньшуйцзунь[3] прибыли евнухи и, ссылаясь на указ императора, скупали земли у населения для передачи монахам монастыря, что нарушает старые порядки. Императорским указом земли возвращались населению, а уплаченные за них деньги поступали в казну.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 16, стр. 20397, Ксилогр., л. 9б.

---

[1] Имеется в виду мирная передышка, полученная империей Сун после подписания договоров 1042 г. и 1044 г., обязывавших Китай выплачивать своим противникам ежегодную дань.

[2] Пропущен чин.

[3] Ляньшуйцзунь — район в провинции Цзянсу.

II. ГОРОДА, РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ В XI—XII вв.

7. Мэн Юань-лао. «Дунцзин мэнхуалу» (1147)

Мэн Юань-лао — псевдоним сунского чиновника (имя его не известно), служившего в Кайфыне при сунском императоре Хуйцзуне (1102—1125). Именно этот период и охватывает его книга «Дунцзин мэнхуалу» («Записи о ярких снах в Восточной столице»), написанная в 1147 г. и представляющая собой весьма подробное описание сунской столицы Кайфына.

Кайфын — торгово-ремесленный центр в X—XII вв.

Глава 2. К востоку от Наньмэньдацзе[1] расположена лавка семьи Тан, торгующая золотыми и серебряными изделиями, лавка лаковых изделий из Вэньчжоу[2]...

Если идти от императорской улицы прямо на юг и пройти через мост Чжоуцяо, то по обеим сторонам расположены жилища народа. К востоку от улицы — угольная [торговля] семейства Чэ, винная лавка семьи Чжан, затем лавка Ван Лоу, продающего баоцзы[3], свечная лавка семьи Ли, блины с мясом старухи Цао, разливной чай Ли-четвертого...

...К югу от улицы Шицзыцзе расположен имбирный хан[4]. Если идти к северу от улицы Гаотоуцзе, мимо хана, торгующего пряжей, к улице Дунхуамэньцзе... там повсюду циновки, [служащие дверями] лавок, и это самое оживленное место... В южной части улицы Фаньлоуцзе... сосредоточены все лавки, торгующие жемчугом, шелком и благовониями. Пойдешь к югу в переулок ... есть место для торговли золотыми и серебряными изделиями и цветными шелками.

Здания там величественные и красивые с широкими воротами и просторными входами... При каждой торговой сделке выручают тысячи и десятки тысяч[5]. Так что люди, которые видят или слышат об этом, изумляются.

Внизу у здания Паньлоуцзюдянь ежедневно в 5-ю стражу[6] собирается рынок... и все мастера идут туда покупать и продавать материалы и специи.

...Пойдешь на восток — там улица Нюханцзе, а на ней лекарственная лавка семьи Ся Ма-лю, винная лавка Кань

---

[1] Название улицы в Кайфыне («Большая улица южных ворот»).

[2] Вэньчжоу — город в провинции Фуцзянь на морском побережье.

[3] Баоцзы — пирожки с начинкой из мяса или овощей, приготовленные на пару — распространенное национальное блюдо в Китае.

[4] Хан — торгово-ремесленная организация, объединяющая цехи и гильдии.

[5] Что выручают — не указано.

[6] Счет времени в китайских городах производился ударом в барабан. 5-я стража (или 5-й барабан) — около 6 часов утра.

Ню-лоу, а дальше снова увеселительные дома до самого конца нового города (стр. 12, 14, 15).

Глава 3. Если идти к северу от улицы Маханцзе за ворота Цзюфынцю, то увидишь на улице Аомяосецзе вацзы [1] под названием Чжоубэй. По обеим сторонам улицы Синфынцюмэньдацзе расположены лавки простолюдинов... Если пройти за ворота 10 ли, там повсюду множество кварталов, переулков и дворов, они тянутся вдоль и поперек и кажутся бесконечными. Повсюду тесно расположены ворота, а за каждыми — чайная или винная лавка, теснятся ряды, где торгуют съестным. На рынке есть также семьи маклеров. Здесь, в рядах, где торгуют съестным, они покупают еду, дома же еды не готовят (стр. 20—21).

Ночные рынки

Глава 2. Если идти от моста Чжоуцяо к югу, то на этой улице продают жидкую кашу, жареное мясо, сушеные фрукты и овощи. Перед зданием Ванлоу идет торговля барсуками, дикими лисами, сушеным мясом, курами. Семейства Мэй и Лу продают баоцзы с разной начинкой... [2], а также птичье перо, почки — все это не дороже 15 вэней [3]. Как перейдешь за Чжуцаомэнь, там торгуют жареной бараниной... сушеной рыбой... фруктами... печеньем... холодными ледяными шариками... В летние месяцы торгуют... жидкой похлебкой, резаным сахарным тростником, холодными ледяными шариками, прохладительными напитками... зелеными бобами... имбирем... ароматными сладкими фруктами...

В зимние месяцы торгуют зайчатиной на блюдах, жареной свининой... различными рыбными блюдами... требухой и т. п.

Торговля происходит до 3-й стражи [4].

...К востоку от улицы Шицзыдацзе... в чайных до 5-й стражи горят фонари. Повсюду идет торговля одеждой, различными вещами, картинами... и другими предметами. Расходятся только к рассвету. Люди называют это «Гуйшицзы» — «Чертовым рынком» (стр. 14, 15, 19).

Глава 3. Ночной рынок [на улице Маханцзе] расходится только к концу 3-й стражи, а в 5-ю стражу снова начинается

---

[1] Вацзы (букв. черепица) — квартал или несколько улиц, где были сосредоточены постоялые дворы, гостиницы, всевозможные увеселительные места (театры теней, цирк, опера, выступали рассказчики и т. д.), чайные и харчевни и т. п.

[2] Здесь и далее в тексте опущены названия китайских блюд, которые трудно передать по-русски.

[3] Вэнь — мелкая монета.

[4] 3-я стража — около 2 часов ночи.

торговля. Если же в этом месте торговля бывает очень бойкой, то не расходятся до рассвета... В зимние месяцы, когда дует ветер со снегом или идет дождь, все равно собирается ночной рынок... (стр. 21).

Торговля для простонародья внутри монастыря Сянго[1]

Глава 3. В монастыре Сянго каждый месяц 5 раз открывается торговля для простого народа. У первых ворот повсюду торгуют всевозможными живыми птицами, кошками, собаками и удивительными зверями — чего там только нет!

У вторых ворот торгуют домашней утварью и мебелью.

В середине двора устанавливают пестрые палатки и открытые лавки, в которых продают тростник, циновки, пологи и ширмы, принадлежности для умывания, конскую сбрую, оружие, фрукты, копчености и другие товары. Недалеко от зала Будды у даоса Вана из Мэнцзядаоюаня идет торговля сладостями и засахаренными фруктами, у Сяо Вэнь-сю — кистями, у Паньгу — тушью. Построены две галереи, на которых монахини из монастыря продают вышитые изделия: воротники, цветы, шитые жемчугом, разноцветными нитками и золотом головные уборы, накладки на женские прически, ленты с кистями — и другие товары. За дворцом перед воротами Цзышэньмэнь продаются книги, безделушки и картины, а также всевозможные вещи и благовония, привезенные из самых различных мест уволенными в отставку чиновниками.

...За восточными воротами храма большая улица. Там расположены лавки, где продают пояса, головные повязки, книги, головные уборы, циновки. Там же находится чайная семьи Дин. На юге за храмом увеселительный дом в переулке Луши. В переулке вышивальщиц повсюду находятся жилища монахинь, занимающихся вышивкой. К северу — переулок Сяоганьшуй. В середине и в южной части переулка огромное количество лавок, торгующих едой, и увеселительных домов (стр. 19—20, 21).

Торговые организации

Глава 2. В столице 72 двора имеют лавки чжэндянь, и сверх этого нельзя увеличивать их количество. Все остальные лавки называются цзяодянь[2] (стр. 16).

---

[1] Сянго — буддийский монастырь на территории г. Кайфына.

[2] По-видимому, существовали различия в правовом положении лавок чжэндянь и цзяодянь: первые находились в более привилегированном положении.

Глава 3. ...Для семей, имеющих лавки (пуси), власти (гуань) устанавливают специальные таблички и вывески (стр. 23).

Ремесло

Глава 2. Начиная от Дасяньсяна, Вантуаньцзы, Чжанцимэнь[1] и за ними находится территория, где народ может устанавливать мастерские.

Если идти к северу от Янлоу, а затем на север от улицы Маханцзе, это место называется большим и малым хоханами[2], и живут в них мастеровые (стр. 14, 15).

О найме рабочей силы

Глава 3. Все, кто хочет нанять рабочую силу:

люди, изготовляющие пищу и вино, мастеровые разных специальностей — все подчиняются старосте хана (ханлао), который и подыскивает нанимателей (гу). При найме служанок пользуются маклерами, которые их и приводят (стр. 22).

Глава 4. Если нужно починить дом или замазать глиной стену, а также если хотят в день рождения или в день поминания предков устроить пост и пригласить [буддийских] монахов и монахинь или даосов, то рано утром выходят к мостам, рынкам, улицам и переулкам, где стоят плотники и столяры, которых называют «разных дел мастерами», а также работники различных подсобных специальностей, даосские и буддийские монахи. Все они стоят толпой и ждут, когда их пригласят (стр. 25).

Мэн Юань-лао, Дунцзин мэнхуалу, Шанхай, 1957.

8. Казенное шелкоткацкое производство в провинции Сычуань во второй половине XI в.

Лю Да-фан. «Цзиньгуаньлоу цзи»

Лю Да-фан (второе имя Вэй Чжун) — сунский чиновник, служивший начальником области Чэнду во второй половине XI в. Его произведение «Цзиньгуаньлоу цзи» («Записки в павильоне Цзиньгуань») вошло в литературный отдел «Хуаянсянь чжи» («Географическое описание уезда Хуаян (Чэнду) — ксилографа, изданного в годы правления Цзяцина (1796—1821), под ред. Пань Ши-туна) как произведение местного, сычуаньского автора Сунского периода.

Страна Шу (Западная Сычуань) расположена на юго-западе Китая... Основной доход здесь получают от того, что

[1] Названия улиц и переулков.

[2] Хохан — букв. ряд с товарами, торговый ряд. Здесь «хохан» обозначает уже цеховое объединение торговцев или ремесленников.

из шелка и конопли умело ткут узорчатые ткани и отправляют к императорскому двору... Ткут шелк с узорами (вэньцзинь), вышивают его шелками. Работа чрезвычайно искусна. Что может сравниться с вещами, которые здесь изготовляют? Что может сравниться с богатством почти живых узоров?

В переулках тесными рядами стоят дома, беспрерывно движутся нити, снуют челноки.

Вечером зажигаются фонари, чтобы продлить день.

Подростки также участвуют в работе.

[Сотканный шелк] расходится во все стороны государства, чтобы превратиться в одежду. Называется это выполнением повинностей. Люди, занимающие чиновничьи должности в управлении шелковыми делами, должны в точности следовать системе снабжения и полученные от этой повинности шелка почтительно отправлять к императорскому двору для одежды императору и императрице и в ведомства... а также в качестве подарков императора чиновникам и военачальникам...

Однако уже давно нет чиновников, [управляющих шелковыми делами].

Поэтому, когда подходил срок внесения даров [1], раздавали материалы для ткачества городским жителям (шиминь) и в определенное время собирали с них продукцию.

При этом либо собранные ткани оказывались плохими и не соответствовали установленным стандартам, либо [местные чиновники] расходовали собранные ткани на личные нужды и, когда следовало их [отправлять], не могли возместить.

Таким образом, производство разрушалось, а [народ] разорялся и не мог существовать. В 6-й год, 2-й месяц правления императора Юаньфэна (1083) начальник области представил доклад, в котором говорилось: «Ежегодные дары императорскому двору [от Чэнду] равны 14 000 кускам шелковых тканей цзинь, ци, вань, ло [2]...

Если для изготовления отборных тканей, отправляемых императору, выделить всего 2 700 000 цяней и еще 30 000 цяней на содержание 80 работников, созываемых по повинности (мугун), то можно будет обойтись без такого хлопотного дела, как раздача работы населению, и добиться результатов в получении хороших тканей для внесения даров». Император согласился с этим докладом, и было решено к востоку от управления восстановить одно здание для производства

[1] Снабжение императорского двора происходило в форме преподнесения даров императору всеми провинциями. Сроки внесения даров были различны — обычно 2—3 раза в год, но по некоторым видам продукции и реже.

[2] Цзинь, ци, ло — узорчатые ткани; вань — тонкий белый шелк.

ткацких работ, а также построить двухэтажное помещение для хранения готовой продукции.

В 5-й месяц следующего года снова был издан императорский указ об установлении в этом помещении, называемом Шангун цзиюань (Павильон тканей, вносимых в дар императору), должности специального чиновника для контроля. [Этот чиновник] из года в год управлял производством, контролировал внесение даров от казенных [мастерских] и от народа.

Поэтому количество отборных узорных шелков цзинь и ци увеличилось до 1500 кусков, а количество работников, выполнявших повинности, — до 300 человек. Если этого было недостаточно, то нанимали людей (цзююн), чтобы выполнить работу.

Согласно примерным подсчетам, было установлено 154 станка. Ежедневно использовались 154 ткача и 164 помощника ткачей [1], 11 красильщиков, 110 крутильщиков шелка, и этого было достаточно для удовлетворения ежегодных потребностей [двора в шелке]. По приблизительным подсчетам, ежегодно использовалось 125 000 лян [2] шелка-сырца, 211 000 цзиней красной, голубой и фиолетовой растительных красок, и этого было вполне достаточно. Ткацких мастерских, помещений для управления и жилых домов чиновников — всего было 127.

«Хуаянсянь чжи», гл. 39, л. 26а, 26б.

9. Керамическое производство в XI—XII вв.

[А.] Ко времени правления «Пяти династий» (907—959) на этом месте собралось множество народа. Они обрабатывали землю и занимались производством керамики (тао) [3]. В результате этого здесь возник населенный пункт и рынок, начались богослужения в выстроенном храме.

В начале правления чжоуского Сяньдэ [4] это место называлось гаотансянскими и линцзянлискими туанями [5], [имев-

---

[1] На китайском станке для тканья многоцветных узорных тканей работали 2 человека.

[2] Лян равен 37,3 *г.*

[3] Иероглифом «тао» в XI—XII вв. обозначались и керамика, и фарфор. Можно предположить, что в этот период в Цзиндэчжене производились уже сосуды из фарфоровидной массы.

[4] Чжоуский Сяньдэ (Гунди) — император последнего периода «Пяти династий» (954—959).

[5] Туань — одна из форм принудительной организации ремесленников в Сунское время. Туани находились под строгим контролем феодальных властей. Из текста следует, что туани керамических мастеров находились даже под военным надзором туаньцзюня.

Гаотансян, Линцзянли — местности в уезде Цзиндэ, провинции Цзянси.

шими] керамические печи, и был начальник (туаньцзюнь), управлявший этими туанями. В Сунское время место это постепенно достигло процветания.

В центре Цзиндэ был установлен рынок чжэня [1], учреждены должность инспектора чжэня и управление, руководившее керамическими печами, населением и общими делами. Установлены были кварталы и переулки, улицы и рынки. Страна в это время была спокойна. Народ приходил отовсюду, и жило здесь несколько тысяч семейств.

«Дунчан гуцзи чжи» («Описание исторических памятников в Дунчане»), «Вэньу цанькао цзыляо», 1953, № 9, стр. 90.

[Б.] К востоку и к западу от столицы [2] находятся керамические печи.

Управление распоряжается керамической массой для производства кирпича, черепицы, сосудов, которые используются для обеспечения нужд строительства... Есть мастера по изготовлению черепицы, мастера по изготовлению кирпичей, мастера, загружающие печи, мастера, занимающиеся лепкой, мастера, создающие фигурки зверей, птиц и единорогов, мастера по изготовлению посуды, работники, собирающие готовые изделия, работники кладовых, мастера, приготавливающие краски, — всего 10 различных видов.

«Сун хуйяо цзигао» («Материалы по сунской экономике», сост. Сюй Сун, 1809), Пекин, 1957, стр. 5758.

10. Производство фарфоровых (селадоновых) [3] изделий в Лунцюане, провинции Чжэцзян, в XI—XIII вв.

Глава 1. Селадоновые сосуды Чжан Шэн-эра. Фамилия Чжан. Имя Шэн-эр. Не известно, когда он родился. Он был хозяином печи в Лютяне. Сосуды, сделанные его старшим братом, в народе называют [сосудами] из печей старшего брата. А сосуды младшего брата называют Шэн-эр Чжан.

Все сосуды из печи [Чжан] Шэн-эра изящны и блестящи.

Они настолько чисты и совершенны, что подобны самой лучшей яшме.

---

[1] Чжэнь — административно-территориальная единица в средневековом Китае, стояла по положению выше уездного центра, но прав города не имела.

[2] Столица Северо-Сунского Китая — г. Кайфын.

[3] Селадон — плотные глазури серого, серовато-зеленого, зеленого или голубовато-зеленого цвета. Эти глазури получались путем добавления в глазурные массы окислов железа и наносились на керамические и фарфоровые изделия. Изделия с глазурями типа «селадон» ценились в Китае и за его пределами.

Из печи, хозяином которой является Чжан Ши-и, выходят беловатые сосуды с кракелюрами, которые называются «100 трещин». В [Сунское] время они считались непревзойденными.

«Лунцюаньсянь чжи» («Описание уезда Лунцюань»), «Юйдигуцзи» («Древние памятники местности»).
Цит. по: *Чэнь Вань-ли,* Краткая история китайского селадона (кит.), Шанхай, 1957, стр. 23, 27, 26.

11. Частное шелкоткацкое производство в Ханчжоу в середине XIV в.

Сюй И-куй. «Шифэнгао»

Сюй И-куй — чиновник и писатель, живший в XIV в. в г. Ханчжоу. Трактат «Шифэнгао» («Заметки о началах богатства») написан им в конце Юаньского времени, по-видимому в 1350—1355 гг. Издан в 1893 г. Здесь приводятся отрывки из первого раздела книги «Разговор с ткачами».

В Цяньтане[1] на террасе Сяньаньли я снимал квартиру у одного богача, руководившего ткацкой мастерской.

Каждую ночь после 2-й стражи начинал петь голос, и ему весело вторил хор. Это пели ткачи.

«До чего же им весело», — вздыхая сказал я. Однако, когда я проходил мимо того места, то увидел старую лачугу, которая вот-вот обрушится. В ней находилось 4 или 5 ткацких станков, а с севера на юг друг против друга сидели ткачи — более 10 человек. Руками они тянули, а ногами толкали[2]; от тяжелой работы лица их были изнурены.

Проходя мимо, я спросил их: «Вижу, что ваша жизнь и работа тяжела. Отчего же вы так веселы?»

Ткачи отвечали: «...хоть наше занятие и ничтожно, мы нанимаемся за 200 минь[3] в день, и кроме того, хозяин дает нам одежду и пищу. И нашего ежедневного заработка хватает, чтобы прокормить отца, мать, жену и детей.

И хотя пища наша не слишком сладка и обильна, голода и холода мы не испытываем...»

---

[1] Цяньтан — старое название Ханчжоу.

[2] В тексте описан шелкоткацкий станок для узорного ткачества с ножным приводом.

[3] Минь — связка китайских монет, имевших хождение в конце XIV в. (при династии Юань) и равная 1000 цяней.

Китайский историк Чжэн Тянь-тин предполагает, что в этой части текста есть ошибка, допущенная переписчиками книги. Цифра 200 слишком велика, так, по данным «Юань ши» («История династии Юань»), в других провинциях плата наемного ткача составляла 3—5 минь в день. По мнению Чжэн Тянь-тина, либо вместо 200 должно быть 20, либо вместо слова «день» — слово «месяц».

Так как работа ткачей очень искусна, она нравится людям нашего времени. Поэтому хозяину легко продать, а наятым работникам легко получить плату... (л. 3а, 4а).

Чжэн Тянь-тин, О книге Сюй И-куя «Разговор с ткачами». Журнал «Лиши яньцзю», 1958, № 1, стр. 65—76.

12. Ханчжоу в XII—XIV вв.

У Цзы-му. «Мэнлянь лу»

«Мэнлянь лу» — описание г. Ханчжоу, созданное сунским автором У Цзы-му в период между 1241 и 1274 гг.

Для хрестоматии русский перевод сделан с последнего издания «Мэнлянь лу» в сборнике «Дунцзин мэнхуа лу» (вайсычжун), Шанхай, 1957 г.

Торговля рисом (гл. 16)

Наша область (Ханчжоу) кормится за счет того, что из Су[чжоу], Ху[чжоу], Чан[чжоу], Сю, Хуай[нани], Гуан[1] приезжают купцы и привозят рис. На хучжоуском рынке[2] у мостов Мишицяо (Мост рисового рынка) и Хэцяо (Черный мост) расположены рисовые ханы, приезжающие купцы продают им рис... Рис доставляется прямо в каждую лавку и там продается. Хозяин лавки называет день, когда он вносит деньги за рис. На других рынках есть мелкие маклеры (сяояцзы), которые лично являются в каждую лавку и приводят торговцев для заключения сделок. Кроме того, за воротами Синькаймэнь на улице Наньцзе, что находится ниже Цаоцяо (Травяной мост), есть еще 30—40 семейств, образующих рисовый рынок; они заключают сделки с торговцами и распределяют рис по лавкам для продажи. ...В Ханчжоу непрерывно прибывают лодки с рисом, движение не прекращается ни днем, ни ночью.

«Дунцзин мэнхуа лу». Шанхай, 1957, стр. 239, 240, 269.

Пришли мы вот сюда и расскажем Вам о величии этого города; поговорить о нем следует. Бесспорно, это самый лучший, самый величавый город в свете... Город в округе около 100 миль, и 12 000 каменных мостов в нем, а под сводами каждого моста или большей части мостов суда могут проходить...

...Было там 12 ремесел, и для каждого ремесла было 12 000 домов; в каждом доме было по меньшей мере 10 че-

[1] Сучжоу, Хучжоу, Чанчжоу и др. — название областей Китая, славившихся разведением риса. Гуан — провинции Гуандун и Гуанси на юге Китая.

[2] Рынок, на который приезжают купцы из Хучжоу.

ловек, а в ином — 15, а то — 30 или 40; не все, конечно, мастера, но и работники, что по указанию мастера работают; и всем было дело, потому что отсюда снабжаются многие другие города в области.

Много здесь богатых купцов, и бойко они торгуют; и никто об этом истинной правды не знает, так тут много купцов. Скажу вам еще: знатные люди и их жены и те мастера, о которых вам рассказывал, собственными руками ничего не делают, живут в таком довольстве и так чисто, словно цари...

Крепко сторожит этот город великий хан[1], и много тут его войска; город этот самый главный в области Манги[2]. Богатства тут много, и доход великого хана большой; коль порассказать о нем, так и веры не дадут. Боится еще великий хан, что город взбунтуется, а потому и велит большому войску сторожить его.

«Книга Марко Поло», М., 1955, стр. 159—161.

13. Указы и декреты о добыче полезных ископаемых

Цинъюань тяофа шилэй

«Цинъюань тяофа шилэй» — сборник сунских законов, составленный в годы правления императора Нинцзуна (девиз правления Цинъюань, 1195—1200 гг.).

В хрестоматию включен раздел законов о добыче полезных ископаемых. Перевод сделан с ксилографа, изданного в 1948 г. библиотекой Яньцзинского университета в Пекине с неполного сунского издания.

Если у частных лиц обнаружат медь... то за один лян меди наказывать 80 ударами палки, а за каждый цзинь[3] меди повышать наказание еще на одну степень.

За 15 цзиней меди отправлять в ссылку в города соседних областей, но не клеймить лицо.

Людей, которые изготовляют для других различную утварь из меди, судить одинаково с хозяевами вещей: самих отправлять в ссылку, а их инструмент конфисковать в казну.

(Это в равной степени относится и к тем, кто производит для себя[4].)

Если у частных лиц обнаружат свинец (чистый свинец подсчитывается только после того, как переплавлены свинцовые смеси и желтые каменные шары[5]), то за каждый цзинь

---

[1] Монгольский хан Хубилай, который перенес столицу в г. Пекин.

[2] Так Марко Поло называл Южный Китай. Монгольские завоеватели считали жителей Юга особо опасными своей власти и поставили их в крайне угнетенное положение.

[3] Цзинь = 596,816 *г.*

[4] Здесь и далее в круглых скобках дан текст источника.

[5] Свинцовые смеси — один из видов свинцовой руды; желтые каменные шары, очевидно, какое-то химическое соединение, использовавшееся в XII в. китайцами при выплавке свинца из руды.

свинца наказывать 50 ударами плети, а за 20 цзиней свинца увеличивать наказание на одну степень.

Если количество свинца превысит 20 цзиней, то виновный получает 100 ударов палкой, а за 30 цзиней наказание увеличивается на одну степень.

После того как преступник будет наказан, сослать его на каторжные работы на три года.

Для тех людей, которые на рудных месторождениях частным образом ведут плавку [свинца], увеличивать наказание еще на одну степень.

Всех людей, которые повинны в нарушении налоговых правил на монопольные товары (на медь, свинец, медную руду это не распространяется), за две степени вины присуждать наказание в одну степень, а потом ссылать на каторгу не более чем на три года...

Гл. 28, стр. 26б.

Если сюньбугуань (чиновники, занимавшиеся инспекцией и сыском) в период выполнения должностных обязанностей совершат упущение, в результате которого медь уйдет на сторону, или если они не обнаружат, что частные лица, установившие печи и занимающиеся плавкой, не сдают [металл] в казну, а ведут частную куплю-продажу, то подобных чиновников следует схватить и подвергнуть наказанию в соответствии с количеством цзиней металла [1]...

(...Если чиновник совершит упущение или не обнаружит хищения [металла], но количество металла не превышает 200 цзиней, то понизить его в должности на один ранг, но использовать на службе).

10 цзиней медной, свинцовой или оловянной руды или 5 цзиней неочищенной меди, переплавляющейся в чистую медь, приравниваются к одному цзиню меди.

Если лица, ответственные за инспекцию (сюньбужэнь) [2], не обнаружат, что кто-то остановился в их местности, спрятал товары и торгует [3], или если недоглядят, что частные

---

[1] Имеется в виду количество металла, ушедшего из-под контроля инспекции, но выявленного по доносу или при поимке торговцев.

[2] Сюньбужэнь — люди, ответственные за инспекцию, но не занимающие при этом в отличие от сюньбугуаней чиновничьей должности.

На наш взгляд, сюньбужэни назначались из каких-то групп местного населения в порядке выполнения трудовой повинности. Поэтому-то наказания за упущения в сыске, назначенные сюньбужэням, во много раз тяжелей, чем наказания чиновников-сюньбугуаней (отстранение от должности, понижение в чине у сюньбугуаней и тяжелые телесные наказания для сюньбужэней).

[3] Торговля частных лиц разрешалась только после того, как они заявят о своем приезде властям, уплатят налоги с товаров и внутренние таможенные пошлины.

лица держат у себя монопольные товары, а об этом будет написан донос другими людьми и преступники будут схвачены и осуждены к наказанию палками, то и сюньбужэнь наказывается 40 ударами плети; если преступника осудят к каторжным работам, то сюньбужэнь наказывается 80 ударами палки; если преступника осудят к ссылке, то сюньбужэнь получает 100 ударов палкой.

Гл. 28, стр. 27а.

Если сюньбужэни, сферой действия которых является район добычи медной руды, совершат упущение и не обнаружат, что частные лица незаконно торгуют медью или самовольно ведут плавку и изготовляют на продажу медные сосуды, то каждое из наказаний сюньбужэням повышать на одну степень.

Если в местах добычи меди, свинца и олова старшины (цичжан) не обнаружили, что частные лица построили печи и ведут плавку, а эти частные лица были пойманы по доносу других людей, а также если баофу[1] или баочжэнчжан узнали об этом и не приняли никаких мер, то всех их наказать по закону о лицах, «не обнаруживших [торговцев], останавливающихся и прячущих товары или торгующих монопольными товарами».

Гл. 28, стр. 27б.

Всех частных лиц, которые имеют медные гонги (имеются в виду те гонги, которые используются для военных нужд), наказывать 100 ударами палки и позволить другим людям доносить на них.

([Этот закон] не распространяется на гонги, где есть пометки начальников бао, цуней и сянов[2], а также на гонги, выданные властями).

Гл. 28, стр. 27б.

---

[1] Цичжан — старшина, баофу — старейшина, бао, баочжэнчжан — начальник бао.

В феодальном Китае существовала система баоцзя, по которой каждые 1000 дворов составляли бао, подразделявшиеся на десятидворки — цзя. Члены цзя и бао были связаны круговой порукой.

Во главе бао и цзя стояли старшины, старейшины, начальники бао, назначаемые из более состоятельных слоев населения. В их обязанности входило докладывать властям обо всем, что происходит на территории бао: о тайной торговле, об укрывающихся преступниках и т. п., помогать властям в сборе налогов и наборе войск.

[2] Цунь, сян — административные единицы (чаще всего совпадающие с деревнями).

III. НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В X—XII вв.

14. Крестьянские и солдатские восстания в провинции Сычуань[1]

Из «Сун ши»

В 4-й год, 2-й месяц, 20-й день правления Тайцзуна (993)... в области Юнкан, в уезде Цинчэн, человек по имени Ван Сяо-бо собрал вокруг себя сторонников и поднял мятеж. ...В Мэйчжоу они убили Ци Юань-чженя, начальника уезда Дэн-шань.

...В 12-м месяце (993) шел сильный дождь со снегом. Сычуаньский инспектор Чжан Ши сражался с Ван Сяо-бо, и Сяо-бо был убит шальной стрелой.

...После гибели Ван Сяо-бо люди выдвинули предводителем Ли Шуня[2], одного из сторонников Сяо-бо.

...Во 2-м месяце [войска] Ли Шуня с разных сторон подступили к Цзянчжоу[3]...

...Император назначил Ван Цзи-эня, чиновника, объявляющего указы, командующим [войсками], которые должны были установить спокойствие в Лянчуане и усмирить Ли Шуня.

...Во 2-м месяце (994) было объявлено, что во всех областях Сычуани... население и воины освобождаются от недоимок за 5-й год Чуньхуа (994).

...Заместитель начальника, наблюдающего за мастерскими Западной столицы[4], по имени Чжэн Чэн, и чиновник, контролирующий войска, Су Хань напали на войска Ли Шуня, разгромили их и отрубили уши[5].

...В 3-й месяц во всех округах была объявлена большая амнистия. [Помилование касалось всех], за исключением 10 категорий самых злостных преступников[6], ограбивших или убивших чиновников.

...В 5-м месяце войска разбили в Сычуани 100 000[7] разбойников, убиты и обезглавлены 100 000 человек, захвачен г. Чэнду и схвачен Ли Шунь.

---

[1] Сычуань — провинция в Юго-Западном Китае. Восстание началось в 993 г. в области Юнкан и окончилось в 994 г. Руководили восстанием Ван Сяо-бо и Ли Шунь.

[2] Ли Шунь был мужем сестры Ван Сяо-бо.

[3] Цзянчжоу — окружной город в провинции Сычуань.

[4] Западная столица — г. Лоян.

[5] Отрубленные уши в Китае предъявлялись командованию в качестве доказательства одержанной победы и уничтожения неприятеля.

[6] К 10 категориям преступлений, не подлежащих амнистии, относились не только убийства и ограбления чиновников, но и все преступления, направленные против императорского двора: измена, участие в заговоре и т. д.

[7] По-видимому, автор преувеличивает число войск.

...[994 г.] в Цзюйчжоу[1], в местечке Янжаоцзэ, солдаты подняли восстание и напали на охрану казны. Дуюйхоу[2] Чжао Сянь-юна они сделали своим предводителем.
... [997] в Сычуани восстали тысяча человек из пограничных войск. Восставшие солдаты сделали своим предводителем Лю Сюя.

«Эршиу ши», т. IV, Пекин, 1958, стр. 4505—4506.

15. Восстание в г. Бэйчжоу[3]

В 11-м месяце (1047)... в Бэйчжоу солдат Ван Цзэ из области Сюаньи[4] поднял мятеж и захватил город. Ван Цзэ был уроженцем Чжочжоу. Скитаясь в голодные годы, он добрался до Бэйчжоу, где продал себя и стал пастухом. Впоследствии в области Сюаньи он занимал младший военный чин.

Среди жителей Бэйчжоу и Цзичжоу[5] были распространены странные верования. Они изучали «Улун дилэй»[6] и другие каноны, а также все гадательные книги. Говорили, что Будда Шакьямуни[7] пришел в ветхость и изжил себя и что хозяином мира должен стать Будда Милэфо[8].

Когда Ван Цзэ отправлялся в Чжочжоу, мать при расставании приколола ему на спину метку в виде иероглифа «фу» (счастье). А суеверные люди стали передавать друг другу, что у него спрятан иероглиф «фу», стали верить в него и служить ему.

Бэйчжоуские чиновники Чжан Луань и Бу Цзи стали главными советниками Ван Цзэ, привлекли сообщников из Дэчжоу[9], Цзичжоу и других мест.

Договорились о том, что в первый день нового года разрушат переправу в Танчжоу[10] и поднимут мятеж в Хэбэе. Как

---

[1] Цзюйчжоу — округ в провинции Сычуань.
[2] Дуюйхоу — низший военный чин.
[3] Бэйчжоу — город и округ в провинции Хэбэй.
[4] Сюаньи — область в Хэбэе.
[5] Цзичжоу — область в провинции Хэбэй.
[6] «Улун дилэй» — название буддийского канона («Пять драконов льют слезы»).
[7] Шакьямуни — буддийское божество, Будда настоящего, который правит миром.
[8] Милэфо, или Майтрейя, — божество будущего, мессия, которого Будда должен послать к людям на землю, чтобы установить всеобщее счастье и благоденствие. Будда Милэфо — особенно популярное в Китае божество. В Китае были распространены тайные секты Милэцзяо, целью которых была борьба за пришествие Милэфо и сопротивление социальному злу.
[9] Дэчжоу — округ в Северном Шаньдуне.
[10] Танчжоу — округ в провинции Хэбэй.

раз в это время один из сторонников Ван Цзэ, по имени Пань Фан-цзин, явился с письмом на прием к пекинскому люшоу[1] Цзя Чан-чао, спрятав за пазухой нож. Однако его замысел [убить Цзя Чан-чао] был обнаружен, и он был схвачен. Поэтому повстанцы поспешно выступили, не дожидаясь назначенного срока.

В то время когда начальник округа Бэйчжоу Чжан Дэ-и вместе со своими подчиненными находился в храме Тяньцингуань[2], Ван Цзэ вместе со своими сторонниками ограбил склад оружия. Чжан Дэ-и помчался спасать казармы, где находились отборные правительственные войска, но разбойники[3] сожгли ворота, схватили Дэ-и и бросили его в тюрьму.

Дуцзянь[4] Тянь Бинь вместе со своей личной охраной вступил в уличный бой, но не добился победы и отступил за пределы города. В это время [повстанцы] закрыли городские ворота; чиновники, ведавшие наказаниями и тюрьмой, Тянь Цзин и Жэнь Хуан-чан, бросив свои семьи и захватив печати, по веревке спустились с городской стены и обороняли наньгуань[5].

Разбойники хотели отобрать ключи от военной казны, находившиеся у тунпаня[6] местности Шулу Дун Юань-хэна. Дун Юань-хэн сопротивлялся, но был убит.

Кроме того, выпустили арестованных из тюрем. Среди выпущенных из тюрем были люди, ненавидевшие Ван Цзяна[7]... поэтому Ван Цзян и другие были убиты.

Ван Цзэ незаконно провозгласил себя князем Восточного Спокойствия. Чжан Дуаня он сделал канцлером (цзайсян), а Бу Цзи — секретарем по тайным государственным делам (шумиши). Созданное Ван Цзэ государство получило название «Умиротворенное Ян».

На воротах помещения, которое занимали руководители повстанцев, была вывеска «Срединная столица». Для внутренних жилых помещений, для казны и конюшни — для всего были установлены свои названия. Изменили годы правления[8] и назвали их «Дэшэй» (достигшие совершенства).

---

[1] Люшоу — высокий чин в Сунском Китае.

[2] Тяньцингуань — храм милосердия, храм Неба.

[3] Разбойниками в официальных трудах и документах назывались повстанцы — участники городских и крестьянских восстаний.

[4] Дуцзянь — высокий чин в Сунском Китае, командующий или главный инспектор войск.

[5] Наньгуань — территория за городской стеной, прилегающая к южным воротам.

[6] Тунпань — военный чин.

[7] Далее идет перечисление чинов и фамилий представителей власти, убитых людьми, выпущенными из тюрьмы.

[8] В феодальном Китае счет лет велся по девизам правления императора. Так, 1046-й год считался 23-м годом правления императора Чжаочжен (девиз правления Жэньцзуна).

12-й месяц (1046) считался первым месяцем [нового правления]. Весь народ с 12 до 70 лет раскрашивал себе лица и называл себя «справедливой армией, победившей Чжао[1] и добившейся победы». На всех знаменах и приказах были написаны буддийские знаки. В городе каждое двухэтажное здание считалось за округ, и на нем было написано название этого округа. Ван Цзэ назначил своих сторонников на должности начальников округов.

Однако с каждым днем становилось все больше людей, спускавшихся по веревке за стену города. И тогда был отдан приказ: всем оборонявшимся разделиться на пятерки, а пяти пятеркам образовать бао[2]. Если один человек из бао скроется, остальным членам бао отрубали головы.

Цзя Чан-чао послал Хао Чжи, ведавшего печатью в Даминфу, командовать войсками и спешно наступать на Бэйчжоу.

В 12-м месяце... первого числа Цзя Чан-чао послал доклад о мятеже в Бэйчжоу. Императорский двор отправил распоряжение в чжуншу[3] и в Палату важнейших государственных дел срочно назначить военачальников и отправить их для полного уничтожения мятежа. Кроме этого, в Танчжоу, Мэнчжоу, Динчжоу, Чженьдинфу[4] были разосланы приказы укреплять оборону и ни в коем случае не допускать бегства.

...Начальник дворцовой стражи Май Юнь-янь и инспектор мастерских Западной столицы Ван Кай направились в Бэйчжоу, чтобы схватить и уничтожить разбойников из войска[5], а Цзя Чан-чао получил приказ во главе отборных войск бороться за Бэйчжоу.

Дубуши[6] Гаоянгуаня[7], по фамилии Ван Синь, услышав о мятеже в Бэйчжоу, немедленно отдал приказ своему отряду пойти на помощь городу. Ван Синь получил назначение... под стены Бэйчжоу...

25-й год правления Жэньцзуна (1048). Первый месяц. ...Поскольку г. Бэйчжоу был крепостью, расположенной на

---

[1] Чжао — фамилия императорского Сунского рода. Первый император Сунской династии — Чжао Куанинь.

[2] Бао или баоцзя — широко распространенная в старом Китае система круговой поруки, используемая властями для принуждения и в фискальных целях. Руководители восстания использовали ту же систему принуждения, которой пользовалась феодальная администрация.

[3] Чжуншу — название одной из императорских канцелярий.

[4] Танчжоу, Мэнчжоу, Динчжоу, Чженьдинфу — названия округов в провинции Хэбэй.

[5] Т. е. Ван Цзэ и восставших солдат.

[6] Дубуши — небольшой военный чин.

[7] Гаоянгуань — местность недалеко от Бэйчжоу.

возвышенности, Мин Хао[1] не смог взять его штурмом и задумал создать огромное сооружение (цзюйинь[2]), использовав на строительстве его до 20 000 человек. Через 30 дней это сооружение уже могло бы быть одной высоты с городской стеной.

А разбойники в свою очередь также установили на городской стене боевые навесы, такие же, как у правительственной армии. Назывались они сисянфэн («счастливая встреча»).

Когда строительство подходило к концу, разбойники подожгли его. Три дня [правительственные войска] не могли погасить пламя.

Тогда решили применить план, придуманный...[3] Люй Цзунем: к южной стене прорыли подземный ход, а днем ударили с севера, чтобы отвлечь внимание осажденных. Среди жителей города находились Ван Вэнь-цин, Го Бинь, Чжао Цзунбэнь, Ван Шунь. Они со стены города пустили в шатер Мин Хао стрелу с письмом, в котором сообщали, что поддержат изнутри наступление правительственных войск.

Ночью они спустили веревки, по которым несколько сотен правительственных войск проникли в город и подожгли сторожевую башню. Однако разбойники разгадали замысел и вместе со всем народом ожесточенно сражались.

Еще вначале, когда правительственные войска только начали взбираться на стены, вышеуказанные лица обрубили веревки, чтобы не попали в город те, кто шел позади, так как они стремились добиться заслуг только для себя. А когда вступили в бой с разбойниками, не могли их победить, потому что сил было недостаточно, и вместе с Ван Вэнь-цином и другими спустились обратно. Этой ночью город был почти взят... Ван Вэнь-цин получил от императора титул...

Мин Хао, руководивший всеми военачальниками, наступал на Бэйчжоу, но долго не мог его взять. Император очень беспокоился об этом, спрашивал у приближенных, что нужно делать. Вэнь Янь-бо просил, чтобы его самого послали покарать разбойников.

Поэтому послали Вэнь Янь-бо, назначив его командующим, а Мин Хао назначили заместителем. Шумиши Ся Сун ненавидел Мин Хао и завидовал его успехам.

Поэтому всегда, когда Мин Хао представлял доклады, Ся Сун тайно старался повредить ему.

В это время Вэнь Янь-бо, получив приказ, сказал, что в военном деле нельзя успеть обо всем вовремя докладывать

---

[1] Мин Хао — сунский военачальник, командующий осадой Бэйчжоу.

[2] Цзюйинь — высокий вал, специально насыпанный вокруг города, чтобы отрезать обороняющихся и наблюдать за ними; сооружался на некотором расстоянии от городской стены и достигал высоты стен.

[3] Опущены чины Люй Цзуня.

двору, и просил предоставить ему полномочия самому решать дела... Был получен приказ, в котором Вэнь Янь-бо позволялось действовать по своему усмотрению.

Вэнь Янь-бо просил императора назначить к нему... Цзюй Чжэнь-цина и еще троих человек, чтобы ведать секретными делами, и получил позволение на это...

Бэйчжоуские разбойники составили план захвата ляоского[1] посла, однако лазутчики Мин Хао узнали об этом, и дворцовый телохранитель Ань Су был послан с войсками, чтобы устроить засаду у западных ворот. Поэтому, когда 300 с лишним разбойников выступили ночью, они нарвались на засаду, и все были схвачены.

...Вэнь Янь-бо прибыл к городу Бэйчжоу. Правительственные войска стремительно наступали на Бэйчжоу с севера, но разбойники оказали им отчаянное сопротивление, выставив лучшие силы. Однако правительственным войскам удалось тайно подвести к городу подземный ход, вырытый под южной стеной. Разбойники же совсем не обнаружили этого.

В високосный месяц первого числа Вэнь Янь-бо приказал выбрать 200 воинов, которым повелел взять в рот по палочке[2] и проникнуть в город через подземный ход... Цао Цзе и еще несколько человек руководили ими. Как только вышли из подземного хода, сразу же взобрались на городскую стену, убили стражу, стоявшую здесь, и спустили веревку, чтобы подтянуть остальных воинов правительственной армии.

Тогда разбойники выпустили подожженных быков[3], и правительственным войскам пришлось немного отступить.

Военачальник Ян Суй бросал копья в морды быков, и быки повернули обратно.

Среди разбойников начался переполох, ряды их рассыпались, и, открыв восточные ворота, Ван Цзэ обратился в бегство... Чжан Инь, расположившийся с войсками вдоль рва, вступил в бой с разбойниками, но был убит. Ван Синь захватил Ван Цзэ, а остальные его сторонники оборонялись в деревенской хижине, где и были сожжены.

Всего от начала мятежа Ван Цзэ до его подавления прошло 65 дней.

«Сюй цзычжи тунцзянь», т. 2, Шанхай, 1957, гл. 49, стр. 1182—1188.

---

[1] Ляо — Киданьское государство в X—XII вв.

[2] Солдат заставляли брать в рот палочки или ветки, чтобы устранить всякий шум и разговоры при скрытом передвижении войск. Способ этот существовал в китайском военном искусстве с древних времен.

[3] К хвостам быков привязывали паклю, пропитанную маслом и горючими смолами. Этим приемом китайцы пользовались еще в древности.

16. Восстание под руководством Фан Ла в 1120—1121 гг.

Человек из местности Цинси, находившейся в Мучжоу[1], принадлежал к семье, из поколения в поколение жившей в местности Цзэцунь. Он проповедовал еретические взгляды и совращал народ. На территории уезда в Цзитуне, Банъюане[2] и других ущельях было много труднодоступных и мрачных мест, где собралось множество народу и производилась масса всевозможных предметов; там росли ели, лаковые, бумажные деревья, и купцы с большими суммами часто приезжали туда. Фан Ла имел участок с лаковыми деревьями, но казенное управление[3] часто собирало с него очень много налогов. Фан Ла был озлоблен, но не осмеливался возмутиться. В это время в области У[4] все население переносило большие трудности из-за того, что Чжу Мянь[5] отбирал много резного камня, украшений и других изделий, и все семьи были недовольны.

Когда народ не мог уже больше терпеть, Фан Ла тайно собрал бедняков и бродяг на дорогах и поднял мятеж, воспользовавшись недовольством против Чжу Мяня.

...В 11-м месяце первого числа Фан Ла провозгласил себя Совершеннейшим князем, установил девиз своего правления Юнлэ[6], а текущий месяц объявил первым месяцем [нового правления].

Были назначены мелкие и крупные чиновники и военачальники, для различия [чинов] установлены были повязки и украшения, начиная от красной повязки и выше — всего 6 категорий.

У повстанцев не хватало луков, стрел, панцирей, шлемов, поэтому для привлечения сторонников использовали магические действия и хитрости. Сжигали дома, захватывали шелк и золото, детей и женщин, а честных мужчин угрозами и соблазнами заставляли идти в свое войско.

Не прошло и 10 дней, как собрали несколько десятков тысяч человек и захватили уезд Цинси...

---

[1] Мучжоу — округ в провинции Чжэцзян; Цинси, Цзэцунь — местности в уезде Цзяндэцзюнь, округа Мучжоу.

[2] Цзитунь, Банъюань — местности в уезде Цзяндэцзюнь, округа Мучжоу.

[3] Казенное управление (цзаоцзоцзюй) снабжало столицу и императорский двор ремесленными изделиями и различными продуктами, собранными с населения. Оно же ведало казенными мастерскими.

[4] Древнее название провинции Цзянсу, которая включала часть провинции Чжэцзян и Аньхой.

[5] Чжу Мянь — чиновник, стоявший во главе казенного управления.

[6] Юнлэ — Вечная радость.

...Военачальники двух Чжэ[1] Ца Цзунь и Янь Тань напали на Фан Ла у Сикэна, но были убиты.

В 12-й месяц... Фан Ла захватил Мучжоу и убил тысячу человек из правительственного войска, а затем разбойники захватили уезды Шоучан, Фыншуй, Тунлу, Суйань и др.[2]

...Фан Ла завладел уездом Сюнин; начальник уезда Цзюй Сы-фу был схвачен разбойником. Фан Ла угрозами заставлял его покориться. Но Цзюй Сы-фу непрестанно ругал разбойника и спрашивал: «Почему ты сразу не убьешь меня?»

Разбойник ответил: «Я — человек из Сюнина. Вы — начальник этого уезда. Вы сделали много хорошего. Ваши предшественники не могут сравниться с Вами. Разве я могу убить Вас?» Оставил его и ушел.

Поэтому императорский двор приказал Цзюй Сы-фу быть начальником Мучжоу и повысил его в чине на две степени[3]. Вскоре Цзюй Сы-фу был ранен одним из разбойников, собственными силами переправился через реку, собирался просить войска у сюаньфусы[4], но умер, не успев выступить.

Фан Ла взял Сичжоу[5]. Командующий юго-востоком Го Ши-чжун погиб в бою. Мелкий чиновник, по имени Ли Сянь, охранявший тюрьму, ругал разбойников, и был за это убит. Вслед за тем убежали чиновники из Уюаня, Цзиси, Цимыня, Исяня. Вскоре [Фан Ла] взял еще Фуян, Синьчэн и вплотную подошел к Ханчжоу[6]. Всюду, куда проникали разбойники, они захватывали чиновников, разрезали их на куски, вытаскивали внутренности, поджаривали, чтобы вытопить сало, или же превращали в мишень, забрасывая стрелами и копьями, мучили их очень жестоко, расплачиваясь за все старые обиды.

Обо всем этом было послано тревожное сообщение в столицу.

Но в это время как раз собирали войска, чтобы пойти походом на север[7]. Поэтому Ван Фу[8] спрятал это сообщение и не доложил императору. А в то время все больше и больше

---

[1] Два Чжэ — восточное (Чжэдун) и западное (Чжэси) — территории к востоку и западу от р. Чжэцзян.

[2] Через два месяца после начала восстание охватило почти всю провинцию Чжэцзян, восточную часть провинции Аньхой и северо-восточную часть Цзянсу.

[3] В период Сунской династии существовало 10 степеней чиновников.

[4] Сюаньфусы — название военного учреждения.

[5] Сичжоу — округ на юге провинции Аньхой.

[6] В конце декабря 1120 г. войска Фан Ла перешли из южной части провинции Аньхой в Чжэцзян и с севера и с юга наступали на главный город провинции Ханчжоу.

[7] По-видимому, против киданей, угрожавших Китаю с севера.

[8] Ван Фу — крупный чиновник, ведавший военными делами при императорском дворе.

сторонников собиралось вокруг Фан Ла, весь юго-восток был потрясен.

Чэнь Гоу, чиновник, ведавший перевозками продовольствия в Хуайнани, докладывал императору:

«Силы разбойников очень велики, а правительственная армия слаба. Умоляю направить правительственные войска из столичного округа, а кроме того, быстрым маршем перебросить войска копейщиков из местностей Дин и Ли, чтобы не дать восстанию распространиться». Император получил доклад и чрезвычайно удивился; после этого было принято решение прекратить подготовку похода на север... Тань Чжэня назначили чжичжиши[1] в оба Чжэ, а Тун Гуаню[2]... поручили командовать гвардией и 150 000 китайских и некитайских войск в провинциях Шэньси и Шаньси.

...Фан Ла захватил Ханчжоу[3].

Начальник округа Чжао Чжэнь убежал и спрятался.

Чиновник, по имени Чжао Чжэ, ругал разбойников, и они убили его...

Император вначале послал Тун Гуаня для устройства дел на юго-востоке, сказав ему: «Если попадете в критическое положение, то действуйте от моего имени».

Тун Гуань отправился в У, где увидел, что народу очень тяжело [поставлять в столицу] украшения и ценности[4], а это вызывает смуту и беспокойство. Люди говорили ему, что разбойников не могли быстро усмирить именно из-за этого.

Тун Гуань поручил своему подчиненному каллиграфу Дун Юню написать указ от имени императора, где император упрекал себя за то, что вызвал бедствия народа, и приказывал ликвидировать в Сучжоу и Ханчжоу казенные управления[5] и отменить поставку императорскому двору древесины, камня, красок и других материалов для строительства.

А император прогнал со службы и лишил всех званий отца, сына, братьев и племянников семьи Чжу Мяня. Народ в У был чрезвычайно обрадован этим.

---

[1] Чжичжиши — чиновник, назначавшийся на определенное время для управления пограничными и военными делами.

[2] Тун Гуань — крупный военачальник Сунского времени.

[3] Фан Ла захватил Ханчжоу в начале февраля 1121 г.

[4] Население этих районов кроме занятий сельским хозяйством производило еще большое количество ремесленных изделий. В Цзянсу и Чжэцзяне было развито производство шелка и керамики, большое количество ремесленников занималось резьбой по дереву и камню, изготовлением лаковых и костяных изделий. На территории У находились рудники по добыче мрамора и других поделочных камней.

[5] Население У обязано было выполнять повинности по обеспечению императорского двора ремесленными изделиями и подвергалось жестокой эксплуатации со стороны цзаоцзоцзюй, занимавшегося поставками изделий ко двору и распределением повинностей и налогов среди населения.

...Фан Ла захватил Учжоу[1], а затем Цюйчжоу[2], чиновник Цэн Жу-фан, оборонявший Цюйчжоу, погиб при этом...

Во 2-м месяце... был издан императорский указ, повелевавший привлечь на свою сторону Фан Ла и его сторонников.

...В Поднебесной была объявлена амнистия. Фан Ла захватил Цзиндэсянь и Чучжоу.

...Ван Бин отобрал г. Ханчжоу.

...В 3-м месяце Фан Ла вновь наступал на Ханчжоу. Военачальник Ван Бин и другие сражались за пределами города, 500 человекам отрубили головы. Правительственные войска сражались с разбойниками у Тунлу, нанесли им поражение и освободили Мучжоу. Авангард войск Тун Гуаня и Тан Чжэня наступал и дошел до Цинхояня, продвигаясь и по суше и по воде.

Фан Ла сжег правительственные помещения, амбары и жилища народа, а сам ночью убежал; затем Фан Ла вернулся в Цинси и Банъюаньдун. Тун Гуань и другие объединили войска и напали на [разбойников].

У Фан Ла оставалось 200 000 войск, которые сражались с правительственными войсками и были разбиты, но укрылись в пещерах на далеком и неприступном утесе. Ни один из военачальников не знал, как войти туда, куда они скрылись. Хань Ши-чжун, мелкий военачальник из людей Ван Юаня, узнав дорогу у местной старухи, тайно прошел по руслу горного ручья и с копьем в руках внезапно бросился в пещеру и убил несколько десятков человек... схватил Фан Ла и выбрался оттуда...

...Синь Син-цзун с войсками перерезал выход из пещер и присвоил себе заслугу [захвата Фан Ла]. Военачальники захватили в пещерах жену и детей Фан Ла, а также лжеканцлера Фан Фэя[3] и других повстанцев — всего 52 человека, убили семьдесят с лишним тысяч разбойников, все сторонники которых разбежались.

Во время мятежа Фан Ла всего было захвачено 6 округов, 52 уезда, перебито более 2 млн. народу...

В обоих Чжэ и Цзяндуне области и уезды, пострадавшие от разбойников, на 3 года были освобождены от налогов...

...Ван Фу говорил императору: «Восстание Фан Ла было вызвано законами о чае и соли, а Тун Гуань доложил неправильно и всю вину переложил на Ваше величество».

Император разгневался... Был издан указ о восстановлении казенных управлений, снабжающих императорский двор,

[1] Учжоу — округ в провинции Чжэцзян.
[2] Цюйчжоу — округ в провинции Чжэцзян.
[3] Фан Фэй — один из соратников Фан Ла, занимавший у него место канцлера.

а Ван Фу и Лян Ши-чэну было приказано возглавить их, поэтому Чжу Мянь снова поднял голову...

...Тун Гуань, вздыхая, сказал императору: «На юго-востоке семьи еще не установили прочно котлов для пищи, а Вы опять принялись за старое?» Император разгневался еще больше.

В 8-й месяц... Фан Ла был казнен.

«Сюй цзычжи тунцзянь», т. 3, Шанхай, 1957, гл. 93, стр. 2424—2455.

IV. РЕФОРМЫ ВАН АНЬ-ШИ (1069—1085 гг.)

17. Закон о ссуде под зеленые побеги [1]

В 4-й день, 9-го месяца, 2-го года эры правления Синин [2] (1069) Управление по выработке положения для 3 ведомств [3] подало доклад [императору следующего содержания]:

«Неоднократно чиновники докладывали императору о продаже зерна из амбаров чанпингуанхуэй [4] и о помощи путем предоставления ссуды [земледельцам].

Ныне мы обстоятельно сообщаем обо всем этом:

...В настоящее время денег и продовольствия в амбарах чанпингуанхуэй во всех провинциях насчитывается примерно на сумму более 15 000 000 связок монет, но, так как при закупке и раздаче продовольствия амбары не выполняют своих задач, не все получают от этого пользу...

Ныне желательно использовать продовольствие, хранимое в амбарах, для того чтобы в случае повышения цен продавать подешевле, а в случае понижения цен закупать [у народа] по повышенной цене.

Следует подумать о том, чтобы управление, ведающее финансами в провинциях, принимало земельные налоги и продовольствие и обменивало их на деньги.

Необходимо по примеру выдачи ссуды под зеленые побеги в Шэньси [5] использовать наличные деньги, ныне хранящиеся в амбарах, для предоставления ссуды нуждающимся из народа и приказать им возвращать долг вместе с уплатой налога.

---

[1] Предоставление государством ссуды крестьянам под залог будущего урожая.

[2] 1068—1077 — годы правления сунского императора Шэнь-цзуна.

[3] Организации, специально созданные для проведения реформ, во главе которых стоял Ван Ань-ши. Их общее название саньсы.

[4] Чанпингуанхуэй — казенные амбары, созданные по проекту Ван Ань-ши для оказания помощи крестьянам и для ограничения деятельности ростовщиков.

[5] Впервые выдача ссуды под зеленые побеги была осуществлена Ли Цанем в провинции Шэньси.

Желающим отдать натурой и тем, кто желает уплатить деньгами, поскольку цены высокие, разрешить поступить так, как им выгодно. В случае стихийного бедствия разрешить отсрочить уплату долга до следующего урожая.

С помощью таких мер народ не только сможет справиться с трудностями в период неурожая, но, получив ссуду, во время обработки полей не будет заботиться о том, чтобы обеспечить себя пищей.

Нужно подобрать чиновников, которые смогут заинтересовать народ [в получении ссуды].

Если народ будет заниматься возделыванием полей, то земледелие, естественно, поднимется.

Когда новый урожай еще не созрел, а старые запасы уже кончились, и люди испытывают трудности, ростовщические дома, пользуясь этим, домогаются высоких процентов; желающие же взять в долг страдают оттого, что не могут получить ссуды.

Когда наступает неурожайный год и цены возрастают, то продовольствие, накопившееся в амбарах, продается, однако получают его в подавляющем большинстве лишь городские бродяги.

В настоящее время следует регулировать движение товаров: при повышении цен надо продать, при понижении — закупить; если сделать большие запасы продовольствия и уравнять цены, то люди будут своевременно заниматься земледелием и ростовщические дома не смогут воспользоваться их затруднениями.

Все вышесказанное делается для народа, а не с целью получения доходов для казны. К этому стремились прежние императоры, которые распространяли свою милость, развивали экономику, помогали земледелию, дополняя меньшее большим, чтобы тем самым пресечь действия людей, занимающихся стяжательством.

Согласно прежней системе амбары чанпингуахуэй находились в подчинении тисинсы[1]. Ныне же, когда учредили новые законы и стоит задача обмена денег на продовольствие, надо использовать чиновников, ведающих финансами в провинции, чтобы осуществить это, почему и просим передать им руководство [амбарами].

По-прежнему просим приказать тидяньюйсы согласно прежней системе управлять [финансами] и не разрешать использовать продовольствие в амбарах для других целей.

...Думаем, что сначала нужно послать чиновников определить количество денег и зерна в провинциях. После

---

[1] Тисинсы (тидяньюйсы) — контрольный орган, осуществляющий надзор за финансами.

успешного проведения намеченных мер в провинциях Хэбэй, Цзиндун, Хуайнань осуществить их во всех районах страны...»

Последовал указ императора: «Согласно примеру выдачи ссуды под «зеленые побеги» в Шэньси и взяв за основу самую низкую цену на различные виды продовольствия в период урожая за последние десять лет, установить выдачу ссуды из наличных денег в амбарах и призывать желающих взять в долг.

Пять и больше дворов, желающих получить ссуду, образуют одно бао, рассчитывают, сколько им денег нужно, прикидывают ресурсы каждого двора. Начальник уезда и его помощник должны лично требовать от каждого старосты, чтобы он знал все это. Каждому двору следует раздать не менее одной связки монет. Нельзя принуждать брать взаймы тех, кто не просит. Тем, кто хочет взять взаймы зерном, необходимо выдать его в соответствии с установленной в данный момент ценой. Нельзя, чтобы казенные фонды терпели убыток, а поэтому нужно по курсу цен перевести деньги в продовольствие и возвратить казне. Земледельцы кэху[1], желающие взять взаймы, должны войти в состав бао, образованного чжуху[2], и пропорционально количеству имущества чжуху получить определенное количество денег.

Если после выдачи обнаружится остаток, то можно на перечисленных выше условиях дать ссуду дворам из городских жителей, которые могут дать залог».

«Сунхуйяогао», отдел «Шихо», гл. 4, ч. 16—17.
Цит. по: *Ци Ся,* Реформы Ван Ань-ши,
Шанхай, 1959, стр. 239—240.

18. Законы об обмере полей и равномерном обложении налогом

В день цзяшэнь, 8-го месяца, 5-го года эры правления Синин (1072), императорским указом велено обнародовать положение по обмеру полей и об уравнении налога в качестве закона для Поднебесной.

Закон об обмере полей

Протяженность каждого квадрата[3] с востока на запад и с юга на север — 1000 бу[4], а площадь его — 401 цин 66 му 160 бу.

---

[1] Кэху — букв. пришлый. В X—XII вв. этот термин обозначал крестьян — держателей земли, находившейся во владении феодалов.

[2] Чжуху — налогоплательщики, держатели государственной земли.

[3] Квадрат — единица измерения, принятая реформаторами.

[4] Бу — мера длины, равная 1,6 *м*.

Ежегодно в течение 9-го месяца правитель уезда и его помощник должны определить количество земли (дворов), сверяя его с количеством, записанным в земельном реестре, и проверить качество земли.

После окончания обмера земель определить степень ее плодородности. Установив ее качество, разделить на пять категорий. Исходя из качества земли равномерно утвердить сумму налога. Дождавшись конца третьего месяца следующего года, огласить это для всеобщего сведения, а по прошествии одного сезона [1], когда все выскажут свои мнения, составить подворный список и опись обмеренных полей, которые передать (дворам) в качестве документа на землю.

Закон о равномерном обложении налогом

С каждого уезда взимается определенное количество налога. Взимая налог, нельзя превышать его прежнюю норму, как это делали раньше. Так, иногда количество налога в виде риса не достигало 10 гэ [2], а взимали 1 шэн; случалось, шелка было неполных 10 фэней [3], а взимали 1 цунь...

Необходимо повсеместно запретить превышение нормы налога. Количество взимаемой шелковой ваты и шелковой ткани не зависит от наличия тутовника и кудрании и должно исчисляться лишь с количества земли. Следует оповестить об этом народ, чтобы он не пугался слухов и не вырубал эти деревья.

Тех, кто сейчас обрабатывает заброшенные земли, считать хозяевами последних. Не нужно доискиваться причин, почему они самовольно обрабатывают землю.

Если земля малоплодородна, то позволяется занять ее. Собираемый народом хворост не должен учитываться как имущество семьи. Нельзя взимать налог с населения, пользующегося водными бассейнами, дорогами, пустошами и кладбищами.

Подделка имен, незаконное присвоение имени арендатора не должны иметь место.

«Вэньсянь тункао» («Исследование древних памятников»), отдел «Тянь фу», гл. 4, стр. 29а.

19. Уравнение повинности перевозок

...Сейчас в Поднебесной финансы находятся в бедственном положении. Ведающие финансами чиновники придерживаются порочных законов, центр и окраины не связаны друг

---

[1] Сезон равен трем месяцам.
[2] Гэ — мера объема, равная 1/10 шэна, т. е. 0,104 *л*.
[3] Фэнь — мера длины, равная 1/10 цунь, т. е. 3,2 *мм*.

с другом, излишек и недостаток товаров не регулируются.

Ежегодно сумма поступлений императору со всех провинций имеет твердо установленную норму. В урожайный год там, где сообщение удобное, можно взимать [податей] больше, но этого не осмеливаются делать. А в неурожайный год, когда цены высокие и снабжение затруднено, чиновники не смеют снизить поборы. В отдаленных местах налоги увеличиваются в несколько раз, а в столице товары продают за полцены. Саньсы и фаюньши[1] согласно реестру торопят с уплатой в установленный срок, и невозможно увеличить или уменьшить налог [в зависимости от обстоятельств]. Каждый раз, когда требуется увеличение средств на войско, государственные нужды или на жертвоприношения, посылают чиновников, которые так мародерствуют, что [у населения] ничего не остается.

В провинции чиновники обычно умело прячут товары, скрывают (сколько их в наличии) и дожидаются возникновения затруднений; и когда опасаются, что годовых поступлений будет недостаточно, то, собирая налог, требуют вносить его в отдаленных от местожительства налогоплательщиков районах[2] и вместо одного вида продовольствия требуют другой[3] или деньги. Таким образом, налоги, выплачиваемые народом, увеличиваются в несколько раз по сравнению с установленной нормой. А двор императора требует различные товары в местах, где они не производятся, и взимает их в то время, когда они не производятся. Крупные богатые торговцы используют эти возникающие между казной и народом затруднения и прибирают к своим рукам монопольное право понижать и повышать цены, накоплять и пускать товары в оборот.

Ван Ань-ши, Собрание сочинений учителя из Линьчуаня, Шанхай, 1959, гл. 70, стр. 745.

20. Реформы в области торговли

Императорский указ от 20 дня, 3-го месяца, 5-го года эры правления Синин (1072), гласит:

Когда в Поднебесной бродячие торговцы привозят товары в столицу, большинство из них, испытывая притеснения со стороны крупных купцов, часто несут убытки и разоряются. Кроме того, поскольку мелкие торговцы — лавочники

---

[1] Фаюньши — чиновник, ведающий переправой налогов в столицу.

[2] Место уплаты налога назначалось произвольно в зависимости от потребности государства в данный момент, в результате чего к обычному налогу прибавлялись расходы на перевозку.

[3] Обычно один вид продовольствия заменялся более дорогим.

так или иначе стараются получить выгоду [от приезжих купцов], последние все более попадают в бедственное положение. Нужно, чтобы государство выдавало из хранилищ деньги и шелк. Следует выбрать чиновников и установить в столице торговое ведомство. Когда товары у торговцев задерживаются и те не могут их сбыть, правительство должно закупить эти товары; в соответствии с имуществом торговцев[1] оно должно дать кредит желающим и установить срок уплаты процентов. Этот договор послать ответственным чиновникам в управление, чтобы они подробно разработали и доложили о сделанном.

Незадолго до этого [3-й месяц 1072 г.] Вэй Цзи-цзун, называвший себя простолюдином, подал письмо императору:

«Цены различных товаров, сосредоточенных в столице, постоянно колеблются, высокие и низкие цены как бы состязаются между собой. Иногда цена в несколько раз превышает первоначальную стоимость товаров. Богатые торговцы все выжидают случая захватить монополию на закупку и продажу товаров.

Когда прибывает много торговцев и товары не находят сбыта, то [богатые купцы] открыто сбивают цену, доводя ее до крайне низкой, и состязаются [между собой], закупая товары.

Если сообщение неудобное, а в столице имеется большой спрос на товары и народ нуждается в них, то крупные торговцы часто придерживают накопленное, выжидая, когда цена поднимется, и лишь тогда продают, получая таким образом увеличенную в несколько раз прибыль. В связи с этим бродячие торговцы, прибывшие из других мест, не имея возможности получить доход, не желают приезжать.

Народ в столице с каждым днем подвергается все большему угнетению и не имеет достаточных средств к жизни. Когда богатства сосредоточены в руках отдельных лиц и не обращаются, государственные финансы также находятся в плачевном состоянии. Древние говорили: «Если вы возьмете богатство у богатого и дадите бедному, то вы сможете управлять Поднебесной»».

...Поэтому начальник ведомства доложил императору:

«В древности путем хорошего обмена уравновешивали высокие и низкие цены. Уравнивая цену товаров, подавляли ростовщиков...

Используя земли и имущество в качестве залога, государство дает взаймы деньги [чиновникам государственных торговых учреждений], с тем чтобы они по уравненной цене закупали товары, которые не требуются народу. Получая

[1] Имеются в виду чиновники торгового ведомства.

[взаймы денег] столько, сколько хотят, они выплачивают ежегодно 20 процентов.

Необходимо полностью ликвидировать положение, когда организации на местах принуждают брать в долг, а местные власти беспокоят народ. К тому же разрешается призывать доверенных лиц (агентов) из всех лавок служить маклерами в торговом ведомстве. Нужно приказать им доложить об имеющемся у них имуществе или использовать имущество других людей в качестве залога; свыше пяти человек объединить в бао. Если пришедший из других мест торговец не может сбыть свои товары и хочет продать их государству, то можно разрешить ему продать их [торговому управлению], только при этом он должен вместе с маклерами уравнять цену. Маклер на государственные деньги закупает необходимое количество этих товаров...»

Поэтому появился указ.

«Сунхуйяогао», отдел «Шихо», гл. 37, ч. 14—15. Цит. по: *Ци Ся,* Реформы Ван Ань-ши, Шанхай, 1959, стр. 245—246.

V. КИТАЙ В XIII—XIV вв.

21. Монгольское нашествие

Из «Цзы-жи тунцзянь чанму»

Разорение страны захватчиками

Монгольский государь[1], оставя Котая и Хотая с войском по северную сторону Пекина, разделил 46 китайских дивизий, равно и татаньские войска, на три армии. Трех сыновей своих... послал с правой, т. е. с западной, армией следовать по направлению хребта Тайхан на юг. Они взяли города... прошли до Желтой реки и произвели великое опустошение между городами Пинян и Тайюань[2]. Генерал Бот шел подле моря на восток... и произвел великие грабежи в Ляоси[3]. Монгольский государь с сыном Тулуем пошел средней дорогой, взял города Сючжоу... Цзинань[4], потом от Дакоу снова повернул с армией к Пекину. В сие время чжурчженьские[5] войска со всех дорог [провинций] отозваны были... для охраны мест, лежащих позади гор в провинции Шаньси, а крестьяне все взяты были в ополчение и поставлены на стенах городских для взятия тех же городов. Так с против-

---

[1] Чингис-хан.
[2] Провинция Шаньси.
[3] Юго-западный район Дунбэя.
[4] Провинция Шаньдун.
[5] Чжурчжени — войска государства Цзинь.

ных сторон отцы узнавали сыновей, старшие братья взывали к младшим. По сей причине никто не имел твердости защищаться, и города при первом прибытии войск сдавались. Сим образом разорено около 90 областных городов. В губерниях Хубэй, Хэнань, Шаньдун на несколько тысяч ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все подобно циновке свернуто и увезено. Домы и хижины преданы огню, городские стены превращены в развалины.

Осада города Цайчжоу[1] в 1234 г.

В новый год монгольские войска пировали. Голоса поющих и звуки флейт во все стороны разносились. В городе томились голодом и только что испускали вздохи... Перебежчики говорили, что минуло три месяца, как город не имеет съестных запасов. Седла, сапоги, ветхие литавры — все сварено; сверх того дозволено есть старых и слабых. Войска питались массой, сваренной из человеческих и скотских костей с зеленью. Нередко съедали целые отряды разбитых солдат.

Война в Сычуани в 1259 г.

Ван Цзянь храбро защищался. Монгольский государь[2] со всеми силами осадил его, но ни в одном сражении не мог одержать победы. Предводитель первого корпуса генерал Ван Да-чэн с отборными войсками в ночи взошел на стены внешнего города. Ван Цзянь дрался с ними до самого рассвета. Ван Да-чэн, один подъехавши, громко кричал: «Ван Цзянь! Я пришел даровать жизнь войскам и жителям целого города — лучше заблаговременно покориться». Едва кончил сии слова, как камень, пущенный из баллисты, поразил его. От сего удара получил болезнь и умер. В сие время пошел проливной дождь. Осадные лестницы подламывались. Задние войска не могли вперед подаваться, и все отступили. Монгольский государь также скончался под стенами Хэчжоу[3] 52 лет от рождения. Князья и вельможи, обернувши тело его в шелковые ткани, положили на двух ослов и отправили на север.

Н. Я. Бичурин (Иакинф), История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829, стр. 65—67, 233, 353.

---

[1] Цайчжоу — город на юге провинции Хэнань.
[2] Хан Мункэ (1251—1259).
[3] Хэчжоу — старое название г. Хэчуань в Сычуани

22. Участие крестьян в антимонгольских восстаниях

Год гуйцзи (1353), 6-й месяц, день биншэн, первое число. В Хаочжоу [1] многие воины были ранены и убиты юаньскими [2] солдатами. Император [3] вернулся в родную деревню вербовать воинов, завербовал более 700 человек и вернулся [в Хаочжоу].

Люди из свиты [Го Цзы-сина] доложили: «В [местечке] Чжанцзябао, [около] Динюаня [4], есть укрепленный лагерь отдельного отряда народного ополчения, который называется Лупайсай; им [5] недостает продовольствия, они никому не подчиняются и хотели бы к кому-нибудь присоединиться.

«Мин Тай-цзу ши лу», Ксилогр., гл. 1, л. 6.

22. Участие крестьян в антимонгольских восстаниях

Взятие у монголов г. Уюаньчжоу [6]

Год маосюй (1358), 2-й месяц, в день имао ... [7] Дэн Юй послал подчиненных ему полководцев Ван Би, Сунь Ху, Ван Туна, Сунь Моу-сяня и других взять Уюаньчжоу. Войска подошли к городу, и к западу от него завязался бой с охранявшим его юаньским полководцем Чжумуэрбухуа. Бились с утра до полудня, враги потеряли убитыми и ранеными более 500 человек, но город все еще не сдавался. Тогда рассредоточили войска и у разных ворот стали теснить врага. Сунь Моу-сянь напал на восточные ворота, Ван Би и Сунь Ху — на южные, Ван Тун — на северные. Продвигаясь по трем направлениям, еще убили более 3000 человек. Взяв город, обезглавили Чжумуэрбухуа и захватили в плен свыше 3000 человек.

---

[1] Хаочжоу — ныне Фэнъян в провинции Аньхой. В 1352 г. здесь началось антимонгольское восстание во главе с Го Цзы-сином, а в самом начале 1353 г. к этому движению примкнул Чжу Юань-чжан, будущий основатель Минской династии.

[2] Т. е. солдатами правившей тогда Китаем чужеземной, монгольской династии (династии Юань).

[3] Имеется в виду император Чжу Юань-чжан. В то время он был всего лишь мелким военачальником в отряде Го Цзы-сина, однако в «Мин Тай-цзу ши лу» он повсюду называется императором или основателем династии, так как эта летопись была составлена уже после его вступления на престол, а по китайской традиции собственное имя императора никогда не упоминалось.

[4] Динюань — город в провинции Аньхой.

[5] Т. е. воинам этого отряда.

[6] Уюаньчжоу — уезд и город того же названия в современной провинции Цзянси.

[7] Здесь указано воинское звание Дэн Юя, которому невозможно подыскать адекватное значение в русском языке. Дэн Юй — крупный полководец группировки, возглавленной Чжу Юань-чжаном.

Война с Чжан Ши-чэном[1] и занятие Исина[2]

Год усюй (1358), 10-й месяц, в день цзясюй Сюй Да и Шао Жун[3] взяли Исин. Перед этим император Чжу Юань-чжан отправил посла сказать Сюй Да и другим: «Исин — маленький город, но он сильно укреплен, приступом его нелегко взять. Говорят, что на западе город соединяется с озером Тайху».

Чжан Ши-чэн, бесспорно, подвозит продовольствие по этому пути. Если войска перережут дорогу, по которой подвозят продовольствие, то вражеские войска в городе будут испытывать нехватку продовольствия и город можно будет взять. Поэтому Сюй Да и другие перерезали [дорогу на Тайху] и, объединив силы, стремительно напали на город и овладели им.

«Мин Тай-цзу ши лу», Ксилогр., гл. 6,
л. 1а — 1б, 5—5а.

24. Создание военных поселений в годы антимонгольских восстаний

Год усюй (1358), 2-й месяц, [Чжу Юань-чжан] повелел У Чжану вместе с братом У Ляном[4] охранять Цзянъин[5]. В то время число охранных войск в Цзянъине не доходило до 5000 человек, а земли эти граничили с территорией Чжан Ши-чэна. Братья обучали войска и постоянно были настороже. Использовали военные поселения, чтобы снабдить воинов продовольствием. Враги не осмеливались вторгаться, а народ очень доверял им (братьям У).

Год гуймао (1363), 2-й месяц, [Чжу Юань-чжан] разъяснил всем полководцам указ о военных поселениях.

Первоначально император повелел всем полководцам в отдельности организовать военные поселения в Лунцзяне[6] и других местах. К настоящему времени только Кан Мао-цай добился успехов, а остальные полководцы нет. Тогда был издан указ, в котором говорилось: «Основа государства в сильной армии и достаточном питании. В прошлом, при ханьском Уди[7], с помощью военных поселений покорили

[1] Чжан Ши-чэн возглавлял антимонгольское движение в провинциях Чжэцзян и Цзянсу. С конца 50-х годов XIV в. началась борьба между ним и Чжу Юань-чжаном за власть в Центральном Китае.

[2] Исин — город в современной провинции Цзянсу на восточном берегу озера Тайху.

[3] Сюй Да и Шао Жун — полководцы Чжу Юань-чжана.

[4] У Чжэн и У Лян — вожди повстанцев группы Чжу Юань-чжана.

[5] Цзянъин — ныне город того же названия в провинции Цзянси.

[6] Лунцзян — вероятно, нынешний Цзюцзян в провинции Цзянси.

[7] Уди — девиз правления ханьского императора Лю Чэ (140—87 гг. до н. э.).

варварские государства на Западе. Цао Цао [1], используя военные поселения, обеспечил снабжение армии и стал гегемоном. С того времени как началась война, народ жил неспокойно, несколько лет подряд были неурожаи, земли запустели. Если продовольствие целиком брать с народа, то народу будет очень трудно. Поэтому [я] приказал полководцам и воинам создавать военные поселения, обрабатывать землю и вести военные действия. Ныне во всех районах крупные и мелкие полководцы прикреплены к городам и крепостям, но повсюду с земли еще не получена та польза, которую можно было бы получить. Прошло несколько лет, а успехов не видно. Только Кан Мао-цай собрал 15 000 даней зерна. Он снабдил воинов продовольствием, и еще осталось более 7000 даней. Из сравнения его достижений с положением дел у других полководцев видно, что к земле приложены равные силы, а доходы получены неодинаковые. В чем кроется причина этого? Причина кроется в том, что люди различны: есть прилежные и есть ленивые. Отныне все полководцы должны организовать своих воинов для своевременного подъема целины, чтобы земля не пропадала даром. Тогда через несколько лет армия будет иметь вдоволь продовольствия, а государство получит опору.

«Мин Тай-цзу ши лу», Ксилогр.,
гл. 6, л. 6б — 7а; гл. 12, л. 1б — 2а.

ПЕРЕРАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГОДЫ АНТИМОНГОЛЬСКИХ ВОССТАНИЙ

25. Лю Чжень. «Го чу ши цзи»

Тай-цзу [2], лично взяв [какой-либо] город, раздавал народу землю, все [документы] скреплял своей личной подписью, потом начинали облагать эти земли налогами.

После того как Тай-цзу взял Цзянькан [3], разрешили военным чиновникам обрабатывать заброшенные земли и превращать их в свою собственность. Гражданским чиновникам роздали должностные земли, [чиновники] подыскивали (букв. призывали) арендаторов, которые обрабатывали землю и вносили зерно, заменявшее жалованье.

Лю Чжень, Го чу ши цзи,
Ксилогр., л. 26б—27а.

---

[1] Цао Цао — древнекитайский полководец, основатель царства Вэй (III в. н. э.).

[2] Тай-цзу — посмертное имя основателя Минской династии Чжу Юаньчжана.

[3] Цзянькан — современный Нанкин.

26. Из «Мин ши»

Тай-цзу, как только усмирил Сучжоу, целиком отписал в казну поместья заслуженных сановников[1], их сыновей и младших братьев.

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань. Шанхай, 1958, кн. 22, стр. 20550, Ксилогр., л. 7б — 8а.

АГРАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НАЧАЛА МИН. УКАЗЫ О ПРИКРЕПЛЕНИИ КРЕСТЬЯН К ЗЕМЛЕ

27. О возделывании заброшенных земель

Еще был издан указ, повелевавший повсеместно земли, ранее оставленные людьми, бежавшими из-за военных действий, считать собственностью тех лиц, которые их возделают. Если же хозяева вернутся, то чиновники должны вознаградить их из близлежащих пустующих земель. Кроме того, [император] повелел разрешить всем людям повсюду превращать в вечную собственность возделанные ими заброшенные земли с освобождением их на три года от налогов и повинностей, а затем обложить их налогом как частные земли[2]. И еще был издан указ о том, что людям, вернувшимся к своим хозяйствам и имеющим в настоящее время мало тяглых, а в прошлом имевшим много земли, не разрешается занимать землю не в соответствии с числом тяглых[3]. В 3-м году (1370) из-за того, что вблизи городов в северных областях и уездах земли заброшены, было приказано призывать людей для подъема целины. На двор давали по 15 му пашни и по 2 му под огород. Имевших излишнюю рабочую силу не ограничивали этим количеством земли, всех их на три года освобождали от податей. В 13-м году (1380) императорским эдиктом было разрешено населению Хэнани, Шаньдуна, Бэйпина и других бучжэнсы[4], а также областей Фэнъян, Хуайань, Янчжоу, Лучжоу и других в полную силу поднимать новь; власти не должны были облагать их налогами.

«Мин хуэй дянь», Ксилогр., гл. 19, л. 15а — 15б.

28. О наказании беглых крестьян, ремесленников и др.

Бегство на территорию соседних округов и уездов с целью уклонения от повинностей карается 100 ударами палкой.

---

[1] Имеются в виду чиновники Чжан Ши-чэна. Войска Чжу Юань-чжана взяли Сучжоу в 1367 г.

[2] В «Мин Тай-цзу ши лу» этот указ датирован 1-м годом правления Хуну (1368). Хуну (1368—1398) — годы правления первого минского императора Чжу Юань-чжана.

[3] В «Мин Тай-цзу ши лу» (см. гл. 73, стр. 11а—11б) этот указ датирован 5-м годом (1372) правления Хуну.

[4] Бучжэнсы — провинция.

Затем беглые возвращаются на первоначальное место приписки и облагаются повинностями. Попустительствовавшие их побегу старосты ли [1] и уездные чиновники, а также лица, скрывшие их [на новом месте], несут такое же наказание. 60 ударами палкой наказываются старосты ли, знавшие о побеге и не пославшие тотчас погони; уездные чиновники, не отправившие бумаги с требованием вернуть беглых на прежнее местожительство; чиновники [соседних уездов, получившие требование о возвращении беглых], но не задержавшие их и не отправившие их обратно. Действие этого закона не распространяется на лиц, переселившихся в другие области до 10-го месяца 7-го года правления Хуну [2], уже занесенных в реестры этих областей и обложенных повинностями. Бегство от повинностей крестьян и ремесленников, а также музыкантов и лиц прочих профессий, постоянно приписанных к казне, карается 10 ударами плети за один день, за каждые последующие 5 дней наказание увеличивается на одну степень, но не может быть больше 50 ударов плети. Попустительствовавшие им чиновники, ведающие раскладкой повинностей в данном уезде, подвергаются такому же наказанию. Взяточники караются по всей строгости в зависимости от величины взятки как извратившие закон в личных интересах. Необнаружение бегства 5 тяглых карается 20 ударами плети, за каждых последующих 5 человек наказание увеличивается на одну степень и доходит до 40 ударов плёти. Если бежали менее 5 человек, то чиновники не несут ответственности.

«Да Мин люй», Ксилогр., гл. 4, л. 21а — 21б.

29. О возвращении беглых крестьян

В 23-м году правления Хуну (1390) император повелел студентам государственной школы совместно с чиновниками каждой области, округа и уезда собрать жителей ли и цзя [3] и расследовать, есть ли в них беглые. Соответствующий уезд должен был составить бумагу и отправить с нею родственников и соседей по ли и цзя в различные места с розыском. Те ли и цзя, в которых есть беглые из других областей, по получении бумаги должны тотчас же отправить их в уезд. Чиновники обязаны выдать им продовольствие на дорогу и

---

[1] Ли — административно-фискальное объединение из 110 крестьянских дворов.

[2] Видимо, в этом месяце свод законов был опубликован, так как составление его было закончено во 2-м месяце 7-го года. См. «Да Мин люй», предисловие, стр. 1.

[3] Цзя — административно-общинное объединение 10 дворов в сельской местности, имевшее также фискальные цели.

под стражей отослать их в округа и уезды, где они первоначально были приписаны, для занятий сельским хозяйством.

«Мин хуэй дянь», Ксилогр., гл. 21, л. 1а.

30. О разрешении беглым крестьянам пахать землю в новых местах

Год 24-й (1391), 4-й месяц, день гуйхай. Чиновники уезда Дайсянь, округа Дайчжоу, области Тайюань, подали доклад о том, что бежало более 300 крестьянских дворов, что в течение ряда лет их пытались вернуть назад, но они не возвращаются. [Чиновники] просили разрешения отдать приказ войскам вернуть их. Император, обращаясь к чиновникам ведомства финансов, сказал: «Крестьянам недостает одежды и пищи или же налоги очень тяжелы — вот они и бегут. Если бы у них было достаточное количество одежды и пищи, а чиновники не беспокоили их, то, даже если бы их прогоняли силой, разве они согласились бы покинуть свою деревню, свою землю? Приказываю не разрешать беглым крестьянам переходить границу, однако если [на новом месте] они имеют пахотную землю, достаточную для пропитания, то... следует включить их в тамошние списки населения и приказать местным властям помогать им. Если же есть такие, которые не хотят заниматься земледелием, а исключительно занимаются торговлей, то считать их беглыми и взять их под стражу».

«Мин Тай-цзу ши лу», Ксилогр., гл. 208, л. 4б.

31. Установление системы податей и повинностей

Из «Мин ши»

Система податей и повинностей — танские цзу, юн и дяо [1] — была подобна древности, а введенная Ян Янем система двух налогов — лян шуй [2] — была проста и легко осуществима. С течением времени, передаваясь из поколения в поколение вплоть до эпохи Мин, она не претерпела изменений.

Тай-цзу, сделавшись князем У, стал взимать лишь $^1/_{10}$ податей. Люди выполняли повинности, исчисляемые с земли.

Уезды подразделялись на 3 категории: высшую, среднюю и низшую, внося соответственно этому различную сумму налогов — в 60 000, 30 000, 10 000 даней и меньше. Области,

---

[1] Цзу — зерновой налог; юн — государственная барщина; дяо — налог тканями в период Танской династии (618—906).

[2] Реформы сановника Ян Яня были утверждены указом императора в 780 г.

исходя из суммы налогов, подразделялись также на три различные категории: высшая в 200 000, а низшая в 100 000 даней.

После восшествия на престол император[1] сразу же установил систему податей и повинностей, считая единственно правильным Желтый реестр, который включал тяглых (дин) и поля (тянь). На тяглых налагалась повинность, а на землю — зерновая подать. Налог был двух родов: летний налог и осенняя подать. Летний налог взимался не позже 8-го месяца, а осенняя подать — не позже 2-го месяца следующего года.

Тяглые подразделялись на 2 категории: совершеннолетние и несовершеннолетние. Как только человек родился, его имя вносили в списки и он числился несовершеннолетним тяглым; когда же он достигал 16 лет, то становился совершеннолетним тяглым и облагался повинностями, а по достижении 60-летнего возраста от них освобождался.

Исключение составляли барщинники чиновников, которые были освобождены от повинностей государству.

Повинностей было всего три вида: повинность, которой облагались дворы; повинность, накладываемая на тяглых крестьян, и повинности, устанавливаемые в разное время специальными императорскими указами. Все они выполнялись в порядке трудовой повинности или по найму.

В областях, округах и уездах проверили записи податного населения, выясняя, много или мало производят продуктов, богаты или бедны [дворы], чтобы налогообложение было равномерным и соответствовало [местным] возможностям.

В годы правления Хуну летний налог состоял из риса и пшеницы, а также из денег (монеты и ассигнации) и из шелка. Осенние подати состояли из риса, денег (монеты и ассигнации) и шелка.

При Хунчжи (1488—1505) подсчитали общее количество поступлений. В летние налоги входили: рис, просо, пшеница, гречиха, шелковая вата вместе с нераспутанными нитями, налоговый шелк, шелковая вата, заменяющая ткани, нитки взамен ткани.

Осенняя подать состояла из риса, ассигнаций «цзу», ассигнаций «линь», ассигнаций «шаньцзу», налогового шелка, налоговых тканей и пр.

Тай-цзу вскоре после восшествия на престол приказал на всех частнособственнических землях размером от 5 до 10 му отводить по $^1/_2$ му на посадку тутовых деревьев, конопли и хлопчатника, а если земли имелось более 10 му, то вдвое

---

[1] Имеется в виду Чжу Юань-чжан — вождь антимонгольского восстания, провозглашенный императором в 1368 г.

больше. С 1 му [засеянной] коноплей земли брали 8 лян подати, с 1 му хлопчатника — 4 ляна, если же сажали туты, то только через 4 года начинали взимать налоги. Те же, кто не посадил тутовых деревьев, были обязаны внести 1 кусок шелковой ткани; кто не посадил конопли и хлопка — вносил холстом и хлопчатобумажной тканью по 1 куску. По этой причине произошел подъем в разведении тутов и в шелкоткачестве.

В 9-й год правления Хуну (1376) приказано было народу во всей стране приравнять натуральные поборы к серебру, ассигнациям, звонкой монете, шелковым тканям. Один лян серебра, или 1000 вэнь монеты, или 10 гуаней[1] ассигнациями приравнивались к 1 даню[2] риса, а мелкой пшеницы меньше на $^2/_{10}$. Один кусок хлопковой ткани приравнивался к 6 доу риса или к 7 доу пшеницы; 1 кусок холста из конопли приравнивался к 4 доу риса или 5 доу пшеницы. Шелк-сырец и ткани заменялись соответственно их весу. Желающим разрешалось вносить налоги просом.

В 17-м году (1358) в Юньани осенние подати заменили золотом, серебром, раковинами, холстом, лаком, киноварью, ртутью.

Тогда рис и пшеница считались основным налогом, а все, что их заменяло и вносилось как подать, считалось заменяющим налогом.

...В 30-м году (1396) в приказе императора ведомству финансов говорилось, что некий человек Гао Чжэнь написал о том, что Шэньси бедствует из-за задолженности по налогам, что и повелевалось обсудить. Чиновникам разрешалось в погашение задолженности по налогам в Поднебесной до 28-го года (1395) принимать рис, шелковые ткани, хлопок, золото, серебро и другие предметы. Что и сделали правилом.

Тогда ведомство финансов установило:

1 дин ассигнациями приравнивать к 1 даню риса;

1 лян золота приравнивать к 10 даням риса;

1 лян серебра приравнивать к 2 даням риса;

1 кусок шелковой ткани приравнивать к 1 даню 2 доу риса;

1 кусок хлопчатобумажной ткани приравнивать к 1 даню риса;

1 кусок ткани из рами приравнивать к 7 доу риса;

1 цзинь хлопка-сырца приравнивать к 2 доу риса.

Император сказал: «Ведь получением недоимок заменой желаю смягчить народную нужду. Подобное же бремя налогов может только увеличить бедствия народа. А разве это

---

[1] Гуань — ассигнация достоинством в 1000 медных монет.

[2] Дань — мера объема сыпучих тел, приблизительно равная 103 *л*.

значит жалеть народ? Каждый лян золота и серебра следует приравнивать к рису в двойном количестве[1]. Ассигнациями ограничиться 2 гуанями 500 вэнь за 1 дань. Остальное оставить, как предложено».

«Эршисыши», Шанъуиньшугуань, Шанхай, 1958, кн. 22, стр. 28994, Ксилогр., гл. 78, л. 1, 2.

32. Борьба центральной власти с злоупотреблениями местных чиновников

О вреде, причиненном народу налоговым старостой[2] Цюй Чжун-ляном.

Налогоплательщики Сун Гуань-эр и другие подали челобитную о том, что в Шанхайском уезде налоговый староста Цюй Чжун-лян собирал слишком тяжелые налоги, отбирал у крестьян, доставивших зерно, подорожные[3] и не разрешал им вернуться домой к хозяйствам. И у них не осталось иного выхода, кроме как донести на него. Я послал людей арестовать его и обратился к нему с вопросом: «Кроме того что ты поливал зерно водой[4] и замерял его неправильными мерами[5], ты еще собрал 10 000 гуаней на жертвоприношения духам[6]. Как же ты их использовал?» На что Цюй ответил: «Налогоплательщики сами использовали эти деньги в ближайшем храме». Я еще раз спросил его об этом, и он не смог произнести ни слова. Тогда [вызвали налогоплательщиков и они] доложили: «Гуань-эр и другие перевозили зерно из Сунцзяна, один раз они [везли зерно] до Шаоюаня, один раз до Сучжоу и один раз до Иси. Как только мы покинули лодки, с нас сразу же стали требовать лодочные деньги по 6 гуаней». Я спросил старосту: «Как ты использовал эти

---

[1] Т. е. не за 10, а за 20 даней риса взимать 1 лян золота; не за 2, а за 4 даня риса взимать 1 лян серебра.

[2] В 1371 г. вся Минская империя была разбита на ряд районов, каждый из которых должен был сдавать в казну по 10 000 даней зерна в качестве налога. Во главе районов были поставлены налоговые старосты, отвечавшие за своевременный сбор и доставку зерна в казенные амбары.

[3] Доставка зерна осуществлялась крестьянами в порядке отбывания государственных трудовых повинностей. Крестьяне, назначенные на эту повинность, получали от старост своих деревень подорожные, на которых налоговые старосты ставили свою пометку о доставке зерна в казенные амбары, после чего крестьяне возвращались в свои деревни, сдавали подорожные деревенским старостам, и это означало окончание отбывания повинности. Вот эти-то подорожные и отобрал у крестьян Цюй Чжун-лян.

[4] После чего зерно увеличилось в объеме, появился излишек по сравнению с установленной правительством нормой и часть зерна староста смог присвоить себе.

[5] Применение нестандартных мер в целях личного обогащения широко практиковалось чиновниками феодального Китая.

[6] В каждом районе Китая почитались духи местных рек, озер, гор и т. д.

деньги?» Он ответил: «На починку лодок». Налогоплательщики сказали: «Гуань-эр и другие доставили по 17 даней, а два хозяина (Хуан Гуань-и и Сун Гуань-эр) — по 10 даней, и все они пользовались собственными лодками для доставки зерна в казенные амбары». Увы, вот так он вел себя в моем присутствии. Слова налогоплательщиков поставили его в тупик, и он не смог сказать ни одного слова [в свое оправдание] и только стоял, опустив голову. Он, [Цюй Чжун-лян], из богатой семьи, и я повелел ему вместо меня [1] оказывать помощь народу, не допускать скверных дел и творить добрые дела; так он смог бы сохранить навеки свое потомство [2], разве это не прекрасно? «Почему ты же, староста, не угомонился и после того, как крестьяне внесли то зерно, которое следовало с них собрать, установил фиктивные налоги и требовал множество повинностей? Почему же ты довел дело до того, что на тебя донесли, и погубил себя и свою семью? Когда же я передал тебя в руки закона, ты испугался. Разве ты не знал, что такие дела караются законом? А теперь вздыхаешь и просишь освободить тебя, но как же можно освободить тебя?»

«Да гао», рукопись, хранящаяся
в библиотеке Пекинского университета.

33. Виды земельной собственности. Формы эксплуатации крестьян

Из «Минь-ши» гл. 77, 78

Земельная система

Минская земельная система в целом складывалась из двух категорий полей: государственных и частных.

Первоначально государственные земли состояли из земель, входивших в государственный земельный фонд еще во времена Сун и Юань. Затем к ним были присоединены земли, возвращенные в государственный фонд, земли, конфискованные правительством, земли, конфискованные по приговору суда, школьные земли, императорские поместья, конские пастбища, пригородные земли, клеверные луга, выгоны для скота, земли при императорских усыпальницах и кладбищах, земли казенные (гунтьянь), обрабатываемые или незанятые, пожалованные или испрошенные, земли поместий (чжуан тянь) князей, княгинь, заслуженных чиновников и родствен-

---

[1] Чжу Юань-чжан хотел этим сказать, что на местах чиновники представляли особу самого императора.

[2] По китайскому законодательству, наказанию подвергался в случае тяжелых преступлений не только сам преступник, но и члены его семьи.

ников императора, вельмож, евнухов, монастырей, — должностные земли чиновников, поля, отданные на кормление пограничным служащим, земли поселений: военных, крестьянских и купеческих. Все они в целом назывались государственными землями. Остальные же все считались частными землями. Во время смут и разорения при конце Юаней[1] многие земельные реестры и списки населения погибли, и сбор земельных податей был неточным.

Минский Тай-цзу, став государем, послал Чжоу Чжу и других 164 человека перемерить в Чжэси[2] поля, чтобы обложить податями и налогами. Затем он приказал ведомству финансов (хубу) обследовать подлинное состояние земель в Поднебесной. В то время в обоих Чжэ богатые люди, уклонялись от повинностей, переписывали в большом количестве земельное имущество на чужое имя. Это называлось «Те цзяо гуй цзи» — железные ножки — ложная передача.

В двадцатом году Хунъу (1388) император приказал гоцзышэну У Чуно и другим отправиться в округи и уезды и соответственно размерам продовольственного налога установить участки (цюй). В каждом участке назначить по 4 податных старосты. Измерив площадь земельных участков, по номерам записать имена хозяев и размеры полей и, собрав эти записи, сделать реестр. Формой он был подобен рыбьей чешуе, а потому назывался «Рыбьечешуйчатый реестр» («Юймань туце»). До этого императорским эдиктом было приказано по всей стране составить «Желтый реестр» («Хуан цэ»), в котором принимался за основу двор; в нем подробно записывались по 4 рубрикам: 1) количество давних владений, 2) вновь полученных, 3) потерянных владельцами, 4) действительно имевшихся в наличии. А в «Рыбьечешуйчатом реестре» земля принималась за основу, и особо записывались все земли равнинные, возвышенные, расположенные на крутых склонах, заливные и заболоченные, плодородные и неплодородные, песчаные и солончаковые.

«Рыбьечешуйчатый реестр» был как бы основой, и в случае земельных тяжб в нем справлялись. «Желтый реестр» служил как уто́к, на основании его устанавливались нормы взимания податей и повинностей.

При каждом закладе или продаже земли подготовлялся список размера податей и натуральных поборов, а чиновники записывали все это. Если же продажа происходила без ведома начальства, то случалось, что имущество уходило, а налог оставался, и людям от того был большой вред.

---

[1] Имеются в виду народные восстания против монгольского ига в 50—60-х гг. XIV в.

[2] Северо-западная часть пров. Чжэцзян.

В связи с тем, что на всякой равнине многие земли пришли в запустение, император приказал местным чиновникам сосчитать людей и раздать им землю, учредить сынун (земельное управление), чтобы южнее Хуанхэ они ведали освоением целины и делами управленческими. Земли, находящиеся при канале, император приказал учесть, передать местным тяглым и не разрешать отбирать у них эти земли.

На севере, где вблизи стены многие земли лежали необработанными, было приказано призвать народ для пахоты. При этом одному человеку давали по 15 му пахотной земли и 2 му огородной и освобождали от податей в течение трех лет. Каждый год палата Чжуншушэн[1] подавала доклад о том, сколько в Поднебесной поднято целины: наименьшее количество целинной земли достигало тысячи му, а наибольшее — превышало 200 тыс. му.

Люди, получившие от казны быка и сельскохозяйственные орудия, платили за них налог. Целина и пустоши, обработанные сверх нормы, навечно освобождались от обложения.

В двадцать шестом году (1394) при переучете земель в Поднебесной оказалось 8 507 623 цина потому, что тогда почти не было пустующих земель. Как правило, поля, расположенные близ городов, считались землей высшего разряда, более отдаленные — среднего и низшего. 5 чи равнялись 1 бу, 240 бу равнялись 1 му, 100 му — 1 цину.

Тайцзу сохранил юаньскую систему «ли» и «шэ»[2]. В округах и уездах севернее Хуанхэ «шэ» — общины местного населения — разделялись на «ли» и «цзя». Земли пришлых людей в каждом поселении также разделили на «ли» и «цзя». Общинники раньше заняли большие участки, а новые участки переселенцев были малы. Поэтому земли поселенцев считались малыми му, а земли общинников — широкими му. В царствование Сюаньдэ (1426—1435) целина и пустоши больше не освобождались от обложения податями навечно, а заболоченные низины и солончаки, с которых ранее вообще не взимали подати, все подверглись учету и были включены в установленную норму обложений; поэтому сумма податей превысила прежнюю норму. Местные власти считали большие му за малые му, чтобы общее число соответствовало прежней сумме; случалось, что несколько му считали за 1 му; бу и чи были неодинаковыми. Люди произвольно то увеличивали их, то уменьшали. Земли распределялись неравномерно.

Такое положение было только в северных районах. В гуйчжоуских землях отсутствовало подробное измерение и пере-

---

[1] Палата Чжуншушэн — одно из высших учреждений в империи.
[2] «Ли» и «шэ» — сельские общины и другие деревенские административные единицы.

3*

пись; когда же нужно было уточнить количество [земли], то справлялись у местных чиновников.

Со временем учет земли повсюду пришел в хаотическое состояние и «Желтому реестру» не соответствовал...

Система поселенческих земель (тунь, тянь) состояла из военных поселений и народных поселений. В начале царствования династии Тай-цзу установил народных и военных поселений 10 тыс. хуфу[1], где солдаты одновременно занимались земледелием. Эта система была чрезвычайно хороша. Кроме того, приказали военным начальникам расселять солдат в районах Лунцзяна. Кан Муцай сравнительно с другими имел большой успех, поэтому император издал указ, восхвалявший его; тем самым порицались другие начальники. В третий год Хунъу (1370) палата Чжуншушэн просила разрешения взимать подати с солдат — поселенцев в Шочжоуском округе Тайюаня, но император не разрешил. На следующий год палата Чжуншушэн ходатайствовала о разрешении взимать подати с поселенческих земель в Хэнани, Шаньдуне, Бэйпине, Шэньси, Шаньси и в областях Чжили и Хуайань; с тех, кто получил от казны скот и семена, взимать подати 50%, а с тех, кто сам себя всем обеспечивал, брать подати 30%. Император приказал пока не облагать податью, а через три года начать взимать зерновой налог по одному доу с каждого му земли.

В шестом году (1373) тайпучэн Лян Есянь Темуэр писал, что на территориях Нинся и Сычуани, к юго-западу до Чуаньчэна и к северо-востоку до Татань, на протяжении 800 ли расположены плодородные земли и нужно призвать бродяг и разорившихся людей для поселения на тех землях, что и было сделано императором. В связи с этим послали Дэн Юя, Тан Хэ и других военачальников для руководства заселением Шэньси, Чжандэ, Хунина, Бэйпина, Юнпина, для переселения жителей Шаньси и Чжэньдина в Фынян.

В связи с тем, что доставлять провиант морем было далеко и случалось, что многие тонули, горячо обсуждалась выгода переселенческой политики и необходимость того, чтобы в Поднебесной и «вэй со» — военных округах и уездах — все солдаты и поселенцы занимались возделыванием целины.

Эта мера имела целью уменьшение тесноты в густозаселенных местностях и переселение в редкозаселенные районы (куань сян) завербованных или сосланных за преступления. Переселенцы считались «минь тунь» — народными поселенцами, и ими управляли «юсы» — гражданские власти, а «цзюнь тунь» — военные поселенцы управлялись вэй со —

[1] Единица управления несколькими дворами.

гарнизонными властями. В пограничных районах три десятых поселенцев несли гарнизонную службу, а семь десятых занимались земледелием. Во внутренних землях страны две десятых несли охранную службу, а восемь десятых занимались земледелием. Каждый военный получал 50 му пахотной земли, что и считалось одним наделом. Он получал также рабочего вола, сельскохозяйственный инвентарь, его учили полеводству и выращиванию деревьев, а позже облагали повинностями и податями. Чиновников посылали взимать подати, а тех из них, которые грабили и насильничали, наказывали.

Вначале с 1 му взимали подати 1 доу, а спустя 35 лет установили правило взимания с одного надела земли военного поселенца основной подати (чжэн лян) — 12 даней. Запасы складывали в поселенческие амбары, и местным войскам разрешали самим их расходовать. Остальная продовольственная подать находилась в распоряжении местных вэй со — гарнизонных властей.

В начале годов правления Юнлэ установили правила награждения и штрафов поселенцев из правительственного войска. Сверх ежегодного рациона, равного 12 даням риса, считалось нормой иметь излишек в 6 даней. Собиравших сверх этого награждали ассигнациями, а у кого была нехватка — вычитали из жалованья.

Ввиду различия плодородия земли законные нормы не могли быть одинаковыми, а потому император приказал воинским начальникам засевать поле для образца, чтобы по количеству снятого с него в год урожая можно было проверять и сравнивать.

Тайюаньский цзовэйцяньху Чэнь Хуай собрал с образцового поля каждого военного поселения зерна 23 даня. Император приказал щедро вознаградить его. Командующий войсками (цзунбин) в Нинся Хэ Фу собрал зерна еще больше, за что пожалован был указом, восхвалявшим его.

Начальник ведомства финансов Юй Синь донес, что в Хугуане гарнизоны собирают зерно различных сортов, и просил, чтобы рис считали стандартом. Все же остальное: просо — су, гу, ми, шу, ячмень, гречиху, просо (ци) — по 2 даня, рис — дао (необрушенный), гаолян (сорго) — 2 даня 5 доу, красное просо (шань), мелкое просо (бай) — 3 даня приравнивали к 1 даню риса. Пшеницу, коноплю, бобы также приравнивали к рису. Император утвердил это и опубликовал как приказ.

Кроме того, изменили количественное соотношение поселенцев — земледельцев и воинов с таким расчетом, чтобы в важных стратегических пунктах близ границы гарнизонов было больше, чем поселенческих земель, а в захолустных

местностях, куда подвоз провианта затруднен, поселенцев было больше, чем гарнизонных солдат. На каждые 100 воинов назначали сотника (байху), на каждые 300 — тысячника (цзяньху), на каждые 500 и более — военного командира (чжихуэй), чтобы они осуществляли командование. В поселениях установили красные доски, на которых перечисляли правила, гласившие, что старики старше 60 лет, калеки и малолетние должны обрабатывать землю, чтобы только прокормить самих себя, и их не включают в установленные нормы поборов. Те из поселенческих войск, которым государственные задания мешали заниматься земледелием, должны были быть освобождаемы от поборов до последней крупинки. Запрещалось также солдат гарнизонов (вэйсо) привлекать на другие работы.

В то время на востоке от Ляо и Цзо, на севере до Сюань и Да, на западе до Ганьсу, на юге вплоть до Дянь и Шу и даже до Цзяочжи и внутри страны, к югу и к северу от великой реки Хуанхэ — повсюду поселения процветали.

В эпоху Сюаньцзуна (1426—1435) произвели переучет жителей всех поселений. Тем, кто из-за участия в походах прекратил пахоту или у кого землю захватили начальники (гуань), богачи (хао) и влиятельные люди (шияо), уменьшили дополнительную подать вполовину. Людям, которые приходили в поселения из северных земель, давали повозку, быка и земледельческие орудия.

Всех ляодунских военнопоселенцев (тунь цзюнь) подразделили на 3 категории. Тех, кто имел тяглых (дин) и быков, отнесли к первой категории. Тех, кто имел одного из двух — либо тяглых, либо скот, — включили во вторую категорию. Не обладавшие ни тем, ни другим считались принадлежащими к третьей, низшей категории.

При Инцзуне (1436—1449 и 1457—1465) отменили взимание с военных земель чжэнлян — основной натуральной подати в зернохранилище, а взимали только юйлян — дополнительную подать, равную 6 даням. После этого освободили от всех податей военных, поднявших целину вдоль границы, и уменьшили в различных размерах зерновую подать с пограничных поселенческих земель.

Во время Цзинди (1450—1456) в пограничных районах было много ратных дел, поэтому приказали разделить солдат на две смены, так, чтобы каждая смена 6 дней несла охрану, а 6 дней занималась земледелием.

В начале правления Чэнхуа (1465—1486) губернатор в Сюаньфу Е Шэн закупил для казны 1 800 быков и сельскохозяйственный инвентарь и послал солдат в земледельческие поселения. Собрав с этих поселенцев подать зерном, он обменял ее на серебро, чтобы покрыть расходы на содержание

казенных лошадей. Пограничное население считало это выгодным...

После восшествия на престол Сюаньцзуна (1426—1435) гуансийский бучжэнши Чжоу Гань производил проверку в округах (фу) Су, Чан, Цзя, Ху и, вернувшись, сообщил: «Во всех этих округах народ во множестве разбегается и гибнет. Старшины, которых я опрашивал о причинах, говорят, что это результат тяжелых поборов. Так, например, в Уцзяне и Куньшане налог с частных земель со старого му был равен 5 шэн. Мелкий люд (сяо минь) арендовал и возделывал землю богачей (фуминь) и вносил с му частной аренды 1 дань. Позже в связи с событиями и конфискацией установили налог по образцу частной аренды. Забирали все. Даже если из 10 частей брать 8, народ не может этого вынести, и тем более, когда все отбирают! Если все отбирать, то это обрекает людей на холод и голод. А если желать, чтобы они не разбегались и не погибали, то так нельзя поступать. В Жэньхэ, Хайнине, Куньшане море затопило более 1 900 цин государственной и частной земли, но даже теперь, более 10 лет спустя, с них еще взимают (чжэн) налоги. Земля затоплена морем, откуда же платить налог?».

«Хрестоматия по истории Китая в средние века (XV—XVII вв.)», М., 1960, стр. 19, 27, 37.

МОНГОЛИЯ В X—XIV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

В разделе «Монголия в X—XIV вв.» собраны материалы, характеризующие жизнь монголов-татар в X—XII вв. (док. № 1—4), но главное внимание сосредоточено на вопросах образования, организации и взаимоотношениях с завоеванными народами раннефеодального монгольского государства в XIII—XIV вв.

Все приводимые материалы взяты или из произведений современников, очевидцев событий, или из источников, близких к ним по времени написания.

«Мэн-да бэй-лу» [1] («Полное описание монголо-татар») представляет собой записку о древних монголах южносунского посла Чжао Хуна, посетившего монгольского главнокомандующего Мухали в Яньцзине (современный Пекин) в 1221 г. Она является самым ранним китайским источником по истории Монголии.

«Хэй-да ши-люе» [2] («Краткие сведения о черных татарах») — это сведенные вместе записки членов южносунских миссий к Угэдэй-хану — Пэн Да-я и Сюй Тина (первый совершил путешествие в Монголию в 1233 г., второй — в 1235—1236 гг.). В них содержится много наблюдений очевидцев о монгольском обществе XIII в. Особенно ценны конкретные сведения о податях и повинностях монголов в пользу феодалов и о торговле в Монголии.

Ряд документов почерпнуты из «Монгол-ун ниуча тобчон» [3] («Тайной истории монголов») — первого монгольского литературного и исторического сочинения, написанного

---

[1] Дается по кн.: «Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу» («Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Ханина»), Шанхай, 1940, кн. 37.

[2] Дается по кн.: «Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37.

[3] Цит. по кн.: *С. А. Козин,* Сокровенное сказание, М. — Л., 1941.

в 1240 г. Как источник по периоду борьбы Чингис-хана за власть над монгольскими племенами она не имеет себе равных.

Использованы отчеты монахов ордена францисканцев Плано Карпини (док. № 9, 10) и Гильома Рубрука (док. № 3) о посольствах в Монголию (первый совершил свое путешествие в 1245—1247 гг. в качестве посла римского папы Иннокентия IV к великому Гуюку (1246—1248), второй был послом французского короля Людовика IX к великому хану Мункэ (1251—1259) и совершил свое путешествие в 1253—1255 гг.) [1], а также «Сборник летописей» персидского историка Рашид ад-Дина (1247—1318) [2], который дает энциклопедические сведения о всех сторонах жизни монголов и значительно дополняет китайские источники. Рашид ад-Дин, крупный сановник при дворе монгольского правителя Ирана Газан-хана, сотрудничал с историками и знатоками источников разных стран.

«Го-чао вэнь-лэй» [3] («Образцы сочинений правящей династии») является сборником сочинений китайских писателей. Он был составлен в 1334 г. чиновником и ученым Су Тянь-цзюе. В сборнике содержится текст надписи на могиле ближайшего советника Чингис-хана и его преемника потомка царского рода киданей Елюй Чу-цая.

Наконец, наиболее широко использованная нами «Юань ши» [4] («История династии Юань») была написана в 1370 г. комиссией во главе с Сун-Лянем по приказу первого императора династии Мин Чжу Юань-чжена (1368—1664). «Юань ши» содержит разнообразные сведения по истории монгольского государства и политики монгольских феодалов в Китае.

«Юань ши» — официальная история Китая времени владычества монгольских завоевателей. В биографии упомянутого Елюй Чу-цая, из которой мы почерпнули много выдержек, освещена политика монгольских феодалов в первый период после завоевания Китая.

Во всех этих источниках отводится много места описанию действительных и мнимых «добродетелей» императоров, правителей и чиновников, но они ценны для исследователя

---

[1] *Дж. дель Плано Карпини,* История монгалов; *Г. де Рубрук,* Путешествие в восточные страны, пер. А. И. Малеина, вступит. статья и прим. Н. П. Шастиной, М., 1957.

[2] *Рашид ад-Дин,* Сборник летописей, т. 7, кн. 1, пер. с перс. Л. А. Хетагурова, ред. и прим. А. А. Семенова, М.—Л., 1952; т. 1, кн. II, пер. О. И. Смирновой, прим. Б. И. Панкратовой и О. И. Смирновой, М. — Л., 1952; т. 2, пер. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратовой, М. — Л., 1960; т. 3, пер. А. К. Арендса, М. — Л., 1946.

[3] «Го-чао вэн-лэй», сост. Су Тянь-цзюе, изд. Сы-бу цун-кань.

[4] «Юань ши», изд. Бо-на.

содержащимся в них фактическим материалом. Если создание монгольского государства способствовало консолидации монгольской народности и отражало прогресс в жизни монгольского народа, то войны Чингис-хана и его преемников, а также господство монгольских феодалов в других странах носили антинародный характер и принесли всем народам завоеванных ими стран неисчислимые страдания и бедствия.

В Средней Азии и Закавказье, в России и Польше, в Китае монгольские феодалы, гонимые жаждой наживы, беспощадно уничтожали взрослых, детей и беспомощных старцев, сжигали селения, поля и леса, а в завоеванных странах жестоко эксплуатировали население.

Монгольские завоеватели применяли разработанную Чингис-ханом тактику массового террора — поголовного истребления населения и полного уничтожения городов в случае малейшего сопротивления защитников. В результате были сравнены с землей крупнейшие экономические и культурные центры Средней Азии (Бухара, Ургенч, Мерв и др.) и Китая. Некогда цветущие оазисы обезлюдели. В Северном Китае осталась в живых только незначительная часть населения.

Войны принесли бедствия и самой Монголии. Войско несло значительные потери в живой силе. Сократились материальные ресурсы и население Монголии в результате угона феодалами воинов и скота в завоеванные страны. Монголы, откочевавшие в другие части империи, так и не вернулись в страну и растворились в массе местного населения.

Все источники свидетельствуют также о том, что военные успехи монголов в XIII в. объясняются не какими-то особыми способностями завоевателей (Чингис-хана и его полководцев), а временной слабостью их противников (как это было, например, в Средней Азии и на Руси), вызванной определенной ступенью развития феодального государства.

На эту же ступень развития вступила и сама держава Чингис-хана. Не связанные между собой экономически, не имевшие культурного и этнического единства, улусы чингисидов сперва оторвались от центральной власти, разорвав огромную империю на части, а затем и вовсе перестали существовать, уступив место новым государствам, возникшим на их развалинах.

Составитель Ф. С. Быков. Новые переводы сделали: *Н. Ц. Мункуев* — док. № 1—8, 11, 15—17, 19—26, *Лин Кюн-и* — док. № 10, 13, 18.

I. ЗАНЯТИЯ, БЫТ

КОЧЕВОЕ СКОТОВОДСТВО

1. Из «Мэн-да бэй-лу»

У татар земли изобилуют водой и травой и подходят для [разведения] овец и лошадей. Это является их основным занятием. Они пьют только кобылье молоко, утоляя жажду и голод. Молоком от одной кобылы могут питаться досыта три человека. Отправляясь в путь или приезжая домой, они пьют кобылье молоко или режут овец и едят мясо. Поэтому в том государстве, кто имеет одну лошадь, непременно владеет 6—7 овцами. Следовательно, если есть 100 лошадей, то непременно должно быть стадо из 600—700 овец. Если во время похода в Китай [татары] съедают всех овец (которых они взяли с собой), то стреляют зайцев, оленей и диких кабанов для пропитания... В том государстве в двух-трех местах родится черное просо. Из него варят жидкую кашицу.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 13а.

2. Из «Хэй-да ши-люе»

Их домашние животные: коровы, собаки, овцы и верблюды. У овец, которых разводят северные племена, пышная шерсть и веерообразный курдюк.... [У монголов] есть верблюды: двугорбые, одногорбые и совсем без горба. Больше всего они разводят овец, мясом которых питаются. Затем следует крупный рогатый скот.

...Они пьют кобылье молоко и простоквашу из овечьего и коровьего молока.

Как [я, Сюй] Тин [1], видел, в степях коровы все только желтые, ростом с южнокитайского буйвола и самые выносливые. Так как [татары] не пашут, то [быки] используются только в упряжку. У большинства быков не продето [кольцо] через нос.

Они, [черные татары], живут в куполообразных хижинах (т. е. в войлочных шатрах). У них не строятся города со стенами и [каменные] здания. Они кочуют с места на место в зависимости от [наличия] воды и травы без постоянных [маршрутов].

---

[1] В тексте Сюй Тину принадлежат те абзацы, которые начинаются со слов «[я, Сюй] Тин» (в оригинале просто «Тин»). Все остальные абзацы принадлежат Пэн Да-я. В оригинале текста Пэн Да-я во всех изданиях имеются строки, напечатанные петитом. Они считаются примечаниями самого Пэн Да-я и в переводе взяты в круглые скобки.

Татарский правитель перевозит свои шатры вслед за ними и занимается охотой, устраивая загоны... Их повозки тащат быки, лошади и верблюды. На повозках устраиваются комнаты, в которых можно сидеть и лежать.

Когда [я, Сюй] Тин, прибыл в степи... то увидел, что... куполообразные хижины бывают двух родов. В тех, которые изготовляются в Яньцзине[1], каркас сделан из ивовых прутьев и похож на [дно] сита, [которое делается из плетеного бамбука] на юге [Китая] и сворачивается и разворачивается. Дверь в таких хижинах выходит вперед, [т. е. в южную сторону]. Верх [изнутри] похож на каркас зонта. На самой верхушке каркаса [посредине] проделывается отверстие, которое называется верхним окном. Весь [каркас] снаружи покрывается войлоком. [Такой шатер] можно перевозить на лошадях вьюком. В тех [шатрах], которые изготовляются в степях, круглые стены сплетаются из ивовых прутьев и закрепляются волосяными веревками. Они не сворачиваются и не разворачиваются, а перевозятся на повозках.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 3б — 4б.

3. Г. де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»

Они, [монголы], не имеют нигде постоянного жительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию (Cithiam), которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимой, летом, весной и осенью. Именно зимой они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные.

Дж. дель Плано Карпини, История монгалов; *Г. де Рубрук,* Путешествие в восточные страны, М., 1957, стр. 91.

ОХОТА

4. Из «Хэй-да ши-люе»

Они питаются мясом, а не хлебом. Они добывают на охоте зайцев, оленей, кабанов, сурков, диких баранов (из костей их позвоночников можно делать ложки), дзеренов (спины у них желтые, а хвост величиной с веер), диких лошадей (по

---

[1] Яньцзинь — г. Пекин.

виду они похожи на ослов) и рыбу из рек (ее можно ловить после наступления морозов) [1].

Их обычай — стрельба из лука и охота. Когда их правитель устраивает облаву, всегда собираются большие массы народа. Они выкапывают ямы и втыкают в них колья. Последние соединяются между собой волосяными веревками, а к веревкам привязывают войлок и птичьи перья.

[Веревки] тянутся 100—200 ли [2]. Так как на ветру перья колышутся, то перепуганные звери не осмеливаются перебежать. Люди окружают [огороженный участок, постепенно] прижимая [зверей к середине круга], ловят и убивают их.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 5в — 6в.

II. МОНГОЛЬСКОЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

5. Из «Монгол-ун ниуча тобчан»

Избрание Темучина всемонгольским ханом

Когда он, [Чингис-хан], направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса (1206) составился сейм и собрались у истоков р. Онона. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана. Так же и Мухалия [3] нарекли го-ваном [4]. И тут же повелел он Чжебею [5] выступить в поход для преследования найманского Кучулук-хана.

Создание гвардии Чингис-хана

...Оказав милости нойонам — темникам и тысячникам, достойным этих милостей, о чем были изданы соответствующие указы, Чингис-хан повелеть соизволил: «В прежние времена наша гвардия состояла из 80 кебтеулов [6] и 70 турхах [7]-кешиктенов [8]. Ныне и вы учреждайте для меня сменную гвардию — кешиктен-турхах, образуя оную путем отбора изо всех тысяч

---

[1] Имеется в виду ловля рыбы в проруби.

[2] Ли — мера длины, равная 576 *м*.

[3] Мухали — один из главных полководцев Чингис-хана (ум. в 1223 г. в возрасте 53 лет).

[4] Го-ван — китайский титул (букв. князь государства).

[5] Чжебе — полководец Чингис-хана.

[6] Кебтеулы — ночная стража (монг.). Правильно «кэбтэул».

[7] Турхахи — дневная стража (монг.).

[8] Кешиктены — гвардия Чингис-хана (монг.).

и доведя таковую до полного состава тьмы (10 000), считая в ее составе как кебтеулов, так и хорчинов[1] и турхахов». К сему повелению следовал указ государя Чингис-хана относительно избрания и пополнения кешиктенов: «Объявляем во всеобщее сведение по всем тысячам о нижеследующем. При составлении для нас корпуса кешиктенов надлежит пополнять таковой сыновьями нойонов — темников, тысячников и сотников, а также сыновьями людей свободного состояния, достойными при этом состоять при нас как по своим способностям, так и по выдающейся физической силе и крепости. Сыновьям нойонов-тысячников надлежит явиться на службу не иначе как с десятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновьям же нойонов-сотников — с пятью товарищами и одним младшим братом при каждом. Сыновей нойонов-десятников, равно и сыновей людей свободного состояния, каждого сопровождают по одному младшему брату и по три товарища, причем все они обязаны явиться со своими средствами передвижения, коими снабжаются на местах. В товарищи к сыновьям нойонов-тысячников люди прикомандировываются на местах по разверстке от тысяч и сотен для той цели, чтобы усилить составляемый при нас корпус. В том размере, в каком будет нами установлено, надлежит снабжать на местах по разверстке отправляющихся на службу сыновей нойонов-тысячников вне всякой зависимости от того, какую кто из них наследственную долю получил от отца своего, или от того имущества и людей, какие кто из них приобрел собственными трудами. По этому же правилу, т. е. независимо от принадлежащего им лично имущества, подлежат снабжению по разверстке также и сыновья нойонов-сотников и лица свободного состояния, отправляющиеся на службу также в сопровождении трех товарищей.

...И еще повелел государь Чингис-хан: «Мой рядовой кешиктен выше любого армейского начальника-тысячника. А стремянной моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника».

Создание уделов

...Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи[2] — мой старший наследник, а Отчигин[3] — самый младший из отцовых братьев». Ввиду этого он, выделяя

---

[1] Хорчины — лучники (монг.).

[2] Чжочи (принято «Джучи») — старший сын Чингис-хана.

[3] Отчигин — младший брат Чингис-хана. В переводе С. А. Козина ошибочно сказано, что он являлся дядей Чингис-хана.

уделы, дал 10 000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю[1] — 8000, Огодаю[2] — 5000, Толую[3] — 5000, Хасару[4] — 4000, Алчидаю[5] — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт.

Образование наследственных феодальных владений — «тысяч»

По завершении устройства Монгольского государства Чингис-хан соизволил сказать: «Я хочу высказать свое благоволение и пожаловать нойонами-тысячниками над составляемыми тысячами тех людей, которые потрудились вместе со мной в создании государства...»

Всего, таким образом, Чингис-хан назначил девяносто пять (95) нойонов-тысячников из монгольского народа, не считая в этом числе таковых же из лесных[6] народов.

С. А. Козин, Сокровенное сказание, М. — Л., 1941, стр. 158, 168—170, 175—176.

6. Плано Карпини. «История монгалов»

Власть императора и князей

I. Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми... Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия. Точно так же, если он просит дочь-девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным...

III. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, т. е. татары и другие, распределены между вождями... Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и

---

[1] Чаадай (принято «Чагатай») — второй сын Чингис-хана.

[2] Огодай (принято «Угэдэй») — третий сын Чингис-хана, второй монгольский великий хан (1229—1241).

[3] Толуй — младший сын Чингис-хана.

[4] Хасар — брат Чингис-хана.

[5] Алчидай — по-видимому, племянник Чингис-хана.

[6] Под лесными народами имеются в виду племена, обитавшие в таежных районах к северу от современной Монголии.

подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И короче говоря, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно.

Военная организация и воинская дисциплина

...Чингис-хан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному. Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются, и, короче говоря, если они не отступают сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадает в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

Дж. дель Плано Карпини, История монгалов;
Г. де Рубрук, Путешествие в восточные страны,
М., 1957, стр. 45—46, 49—50.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЛОГИ

7. Из «Юань ши»

1-й год цзи-чжоу[1] (27.I. 1229 г. — 15.I. 1230 г.)

...Было приказано монгольскому народу платить [в ханскую казну] 1 кобылицу с имеющего 100 лошадей, 1 корову с имеющего 100 голов крупного рогатого скота, 1 барана с имеющего 100 овец, и [это] было сделано законом на вечные времена. Только теперь были учреждены зерновые склады и почтовые станции [по дорогам империи]. Было приказано китайскому населению Хэбэя[2] отдавать налоги из подворного расчета, и для распоряжения этим был послан Елюй Чу-цай[3], а людям Западного края (Сиюй)[4] приказано отдавать на-

[1] Китайское летосчисление (60-летний цикл).

[2] Хэбэй — территория Китая к северу от р. Хуанхэ.

[3] Елюй Чу-цай (1189—1243) — китайский советник Чингис-хана и Угэдэй-хана. Был поставлен во главе административного управления Северного Китая.

[4] Си-юй — Синьцзян, Средняя Азия и Иран.

логи из подушного расчета, и для распоряжения этим был послан Ма хэ-мо-ди Хуа-ла-си-ми (Махмуд Хорезмийский) [1].

«Юань ши», гл. 2, л. 1б.

8. Из «Хэй-да ши-люе»

Сбор налогов у них называется чай-фа [2]. Они пьют кобылье молоко и едят баранину. Во всех случаях они берут их (кумыс и баранину) в зависимости от количества домашнего скота у народа; это похоже на шан-гун [3] китайской налоговой системы.

В этих пустынных землях, через которые [я, Сюй] Тин, проезжал, все, начиная с [самого] татарского правителя, незаконных [4] императриц, царевичей, царевен, их родственников и ниже, имеют свои владения. Все их люди, [живущие в этих владениях], отдают им как чай-фа быков, повозки, оружие, работников, баранину и кобылье молоко. Ибо в степях, которыми управляют татары, поделившие [их на уделы], все отдают чай-фа [каждый своему владельцу]. Среди благородных и подлых не бывает ни одного человека, который мог бы быть освобожден [от уплаты податей].

Кроме того, существует еще один вид обложения: все отдают чай-фа на нужды местных почтовых станций. Это также одинаково обязательно для высших и низших. Это чай-фа в степях.

[Я, Сюй] Тин, в пути видел, что татары считают для себя довольно большой тяжестью добычу волосяных веревок и войлока. У большинства станционных лошадей, на которых [я, Сюй] Тин, ехал, были срезаны гривы. Когда я спрашивал татар о причине, то они отвечали, что сделали из них веревки и сдали в орду [5] для использования на охоте.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, стр. 11а.

9. Рашид ад-Дин. «Сборник летописей»

Раньше, когда еще существовали их обычаи и правила, со всего монгольского войска ежегодно выделяли обедневшим

---

[1] Махмуд Ялэвач из Хорезма — купец мусульманского происхождения, перешедший на службу к Чингис-хану.

[2] Чай-фа — термин, обозначающий налоги у некитайских народностей.

[3] Шан-гун (букв. снабжение императора) — налог, существовавший в эпохи Тан (618—907) и Сун (960—1279) и выражавшийся в выделении части дохода налогоплательщика непосредственно в пользу императорского дома (помимо уплаты местных налогов).

[4] Сюй Тин, чиновник китайской династии Сун, называет представителей всех других некитайских династий «незаконными», «узурпаторскими».

[5] Орда — ставка феодала.

ордам и дружинам копчур[1] лошадьми, овцами, волами, войлоком, крутом[2] и пр.

...Теперь ни для кого не секрет, что прежде, во времена наших славных отцов, на монгольский улус налагались разного рода повинности и тяготы вроде копчура скотом, содержания больших ямов...

Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. III, М. — Л., 1946, стр. 281—283.

В ту эпоху было установлено следующее: личная тысяча (Чингис-хана), несмотря на то что она главнейшая, [численно] не должна была превышать тысячи человек. Эмиром этой тысячи Чингис-хана был человек из племени Тангут, по имени Чаган. Когда ему было одиннадцать лет, Чингис-хан, усыновив его, воспитал и называл его также пятым сыном. Средства передвижения, продовольствие, веревки и прочее он получал от этой тысячи и часть, [причитающуюся] Чингис-хану, требовал [для него] без всякого пристрастия...

Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. I, кн. 2, М. — Л., 1952, стр. 266.

Уже несколько лет между потомками Джучи, Чагатая и Угэдэя, являющимися двоюродными братьями государя ислама — да укрепится навеки его царство, — происходит борьба и распря. Войска их, постоянно грабя обозы друг друга, уводили в полон детей друг друга и продавали их торговцам. Многие же продавали своих детей по бедности. Государь ислама — да укрепится навеки его царство — от этого обстоятельства пришел в негодование и сказал: «Поскольку монгольские роды по большей части происходят от великих эмиров, которые усердно служили в пору Чингисхана, а в настоящее время потомки эмиров находятся в почете у каана[3] и других государей, то как можно, чтобы их родственников продавали в рабство тазикам[4] или большая часть их впадала в нищенство. Для соблюдения прав этих людей или для защиты [их] чести необходимо устранить эти обстоятельства, потому что иначе величие и внушительность монгольского войска, достигшие выси небесной, будут разбиты, и в глазах тазиков оно (войско) станет ничтожным, и большую часть их (воинов) уведут во вражеские страны».

---

[1] Копчур — общее название всех поборов по-монгольски.

[2] Крут — масса выжатого, свернувшегося кипяченого молока, сушеная и нарезанная.

[3] Каан — великий монгольский хан, резиденция которого находилась в современном Пекине.

[4] Тазиками названы жители бывших владений хорезм-шаха Мухаммеда, покоренных Чингис-ханом.

По этой причине (Газан-хан) повелел: «Сколько бы ни приводили от монголов молодых людей, всех покупали бы для государевой службы и давали бы за них наличными деньгами, дабы в итоге получилась слава и награда, а из них неотлучно служили бы каптаулы[1] собственного [государева] войска. В последние два года он купил многих и, определив им средства для жизни и тагар[2], назначил для их содержания область [г.] Мераги. Темником над ними он поставил Пулад-чинсанга[3], а начальниками тысяч и сотен назначил своих приближенных. Собралось около десяти тысяч человек. По заведенному правилу, сколько ни приводят [молодых людей], всех покупают, чтобы получился целый тумэн[4] с лишком, и все, ставши государевыми каптаулами и инджу[5], служат неотлучно».

Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. III, М. — Л., 1946, стр. 281, 283, 286.

СОДЕРЖАНИЕ ПОЧТОВЫХ СТАНЦИЙ НА ДОРОГАХ

10. Из «Хэй-да ши-люе»

Что касается системы учреждения почтовых станций, то разрешается [местным] вождям и начальникам самим определять длительность их обслуживания.

В этих пустынных землях, через которые [я, Сюй] Тин, проезжал... кроме того, существует еще один вид [обложения]: все отдают чай-фа на нужды местных почтовых станций в каждом владении. Это также одинаково обязательно для высших и низших.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 11а — 11б.

11. Из «Го-чао вэнь-лэй»

Вначале все князья и императорские родственники сами [по собственному усмотрению] могли брать лошадей на почтовых станциях, а послов было великое множество. Когда кони падали от усталости, то они силой отбирали лошадей у народа, чтобы ехать на них дальше, а когда они прибывали в подворья, то требовали себе самых различных вещей и, если подача кушаний задерживалась хоть немного, [обслуживающих лиц] избивали плетьми. В городах и их

---

[1] Т. е. кэбтэул, «ночная стража».

[2] Тагар — обложение населения на содержание войска.

[3] Пулад-чинсанг — монгольский министр при дворе Газан-хана, монгольского правителя Ирана.

[4] Тумэн — «десять тысяч», «тьма» (монг.).

[5] Инджу — категория зависимых людей.

предместьях, на дорогах — всюду, куда они прибывали, вызывали тревогу [среди местного населения]. Люди в подворьях не могли сносить [такого обращения].

«Го-чао вэнь-лэй», изд. Сы-бу цун-кань, гл. 57, л. 18а.

12. Рашид ад-Дин. «Сборник летописей»

Хотя государям бывает необходимо посылать послов и гонцов в разные страны и края и дела государственные через то могут быть укреплены и упорядочены, однако вошло в обычай посылать их и для доставления известий о здоровье, даров и подношений и ради важных дел окраин, войсковых дел и государственных тайн. Очевидно, что нужда в посылке гонцов по таким делам случается в год несколько раз. К настоящему времени постепенно дошло до того, что все хатуны [1], царевичи, эмиры ставок и эмиры-темники, тысячники и сотники, воеводы областей... и прочие разряды [чинов], назначенные на различные должности, помалу и помногу за всяким делом посылали гонцов по областям, а также посылали их по разным надобностям в монгольские кочевья...

...Кончилось тем, что по дорогам гонцов стало попадаться больше, чем караванов и всех путешественников. Если бы даже в каждом яме держали пять тысяч лошадей, то улага [2] для них (гонцов) не хватило бы. Забирали монгольские табуны, которые держали на летних и зимних стойбищах, и садились [на лошадей]. Спешивали все караваны и путешественников, которые прибывали из Китая, Хиндустана и других дальних и ближних стран, [а также] и эмиров, баскаков [3]... и челобитчиков, едущих в [государеву] ставку, захватывали их лошадей, а их оставляли посреди дороги...

Часто бывало, что одни гонцы отбирали улаг у других гонцов под предлогом, что наш-де путь поважнее. Дошло до того, что каждый, у кого было больше провожатых и силы, отбирал улаг у другого. Когда разбойники проведали о таких делах, то они и гонцам [числом] поменьше говорили: «Мы-де гонцы», силком отнимали у них улаг, их грабили и даже забирали у них [государевы] ярлыки [4] и пайзы [5]. Стало так, что большая часть разбойников с пайзами и [государевыми] ярлыками, преградив горные перевалы, выходили для

---

[1] Хатун — монгольский женский титул (царица, княгиня).

[2] Улаг — средства передвижения.

[3] Баскак — военачальник, представитель, производивший учет дани и переписи населения в покоренной стране.

[4] Ярлык (монг. «джарлик») — указ.

[5] Пайзы (кит. «пайцзы») — золотая, серебряная или деревянная дощечка, дающая право на получение лошадей и продовольствия на почтовых (ямских) станциях.

разбоя на дороги, хитро и коварно под предлогом выполнения обязанностей гонцов нападали на путников, едущих с караванами, и гонцов и грабили животных и пожитки.

Гонцы не удовлетворялись только улагом и путевым довольствием, а как только приезжали к кому-нибудь, так сейчас же под разного рода предлогами поднимали ссору и, причинив разные неприятности, забирали добро. Коноводы же их отнимали у людей одежду, головные уборы и все, что видели. [Гонцы] преднамеренно получали больше улага, [чем нужно], и распродавали [его]. Все, что они находили в деревнях, они силой тащили. Если в один день они приезжали в десять деревень и кочевий, то со всех этих мест они брали путевого довольствия во много раз больше, чем [требовали] дорога и ясак, и поскольку корма у них оказывалось в излишке, они [его] продавали.

...Поскольку вес и значение [гонцам] придавала толпа провожатых, то они старались, чтобы вокруг них собиралось побольше нукеров[1]. Нукеров приглашали из родственников и друзей. По дороге они привлекали к себе людей всякой породы, и за ними следовали бродяги и беспутные люди. Стало так, что гонец, которого не признали бы государь и старшие эмиры, при небольшом деле, по которому он ехал, брал с собой двести — триста всадников, а некоторые, которые были познатнее да поименитее, ездили с пятьюстами и тысячью всадников.

Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. III,
М. — Л., 1946, стр. 263—265.

ТОРГОВЛЯ И РОСТОВЩИЧЕСТВО

13. Из «Хэй-да ши-люе»

Что касается их торговли, то все, начиная от татарского правителя и вплоть до незаконных князей, незаконных царевичей, незаконных царевен и т. д., передают серебро мусульманам. [Последние] либо отдают [это серебро] в рост народу и наращивают проценты с него — при этом процент с капитала в 1 дин[2] через 10 лет составляет 1024 дины, — либо покупают [на это серебро] различные товары и перепродают их в других местах, либо же принуждают народ возместить [им данную сумму] на том основании, что она якобы украдена в ночное время][3].

---

[1] Нукер — букв. товарищ (монг.), т. е. дружинник.

[2] Дин (слиток) равнялся 50 лянам, а лян — приблизительно 37,3 *г*.

[3] Чингис-ханом был издан указ, по которому потери купцов от ограблений и краж возмещались населением той местности, где купцы понесли потери.

[Я, Сюй] Тин, видел, что татары только и делают что берут са-хуа[1] и никто не понимает в торговле. Все, начиная с татарского правителя и ниже, только передают серебро мусульманам и заставляют их самих отправляться для торговли, с тем чтобы они уплатили проценты [сверх взятой ими суммы татарскому правителю или другому лицу из знати]. Мусульмане либо передают [полученное ими серебро] в рост другим лицам, либо сами торгуют в различных районах, либо же ложно заявляют, что они якобы ограблены, и заставляют население уездов и округов возмещать.

...Обычаи татар поистине таковы, что они не поднимут на дороге утерянных [чужих] вещей. Однако неизбежно случаются грабежи, но только совершают их люди из погибших государств...

У них торгуют овцами, лошадьми, золотом, серебром и шелками.

[Я, Сюй] Тин, видел, что... в общем татары хотят [покупать] лишь холст, шелк, железо, котлы-треножники и цветное дерево только для нужд одежды и питания.

Когда китайцы, мусульмане и другие прибывают в степи с товарами, [монголы] обменивают своих овец и лошадей [на их товары].

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 13б.

14. Г. де Рубрук. «Путешествие в восточные страны»

О городе Каракоруме[2] да будет вашему величеству известно... Там имеются два квартала: один сарацин[3], в котором бывает базар и многие купцы стекаются туда из-за двора, который постоянно находится вблизи него, и из-за обилия послов; другой квартал катайев[4], которые все ремесленники. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся 12 кумирен различных народов, 2 мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и 1 христианская церковь на краю города. Город окружен глиняной стеной и имеет четверо ворот: у восточных продается пшено и другое зерно, которое,

---

[1] Са-хуа — подарок, т. е. взятка.

[2] Каракорум — столица первых монгольских ханов, основанная в 1220 г. и обнесенная стеной в 1235 г. Ее развалины находятся на берегу р. Орхон, на месте монастыря Эрдэни-дзу.

[3] Сарацин — мусульманин.

[4] Катай — китаец.

однако, редко ввозится; у западных продают баранов и коз; у южных — быков и повозки; у северных — коней.

Дж. дель Плано Карпини, История монгалов; *Г. де Рубрук*, Путешествие в восточные страны, М., 1957, стр. 165.

15. Введение уйгурской письменности в Монголии (1204 г.)

Та-та Тун-а[1] был уйгур. Он был от природы умен и сообразителен и искусен в беседах и рассуждениях. Он глубоко постиг письменность своей страны. Найманский Даян-хан уважал его и сделал его заведующим своей золотой печатью и налогами. Когда Тай-цзу[2] выступил в карательный поход на запад и найманское государство погибло, Та-та Тун-а положил печать за пазуху и бежал. Когда он неожиданно был схвачен, император стал порицать его: «Люди и земли Даяна[3] полностью перешли ко мне! Куда же ты шел с печатью?» Та-та Тун-а отвечал ему: «Это был долг слуги. Я собирался сохранить [печать даже ценой своей] смерти, хотел разыскать старого хозяина и вручить ему. Как бы я посмел иначе!» Император сказал: «Это верный и почтительный человек!» — и спросил его, для чего употреблялась эта печать. Та-та Тун-а ответил ему: «Она употреблялась как свидетельство [подлинности указа] во всех делах, когда взимались налоги и назначались люди на должности». Император одобрил это и приказал оставить Та-та Тун-а в свите. После этого стала употребляться печать во всех случаях, когда издавались императорские указы. Было приказано Та-та Тун-а заведывать ею по-прежнему. Император спросил его: «Глубоко ли ты знаешь письменность своей страны?» Та-та Тун-а в ответе изложил все, что он ведал. Это пришлось по душе [императору], и он приказал Та-та Тун-а обучить царевичей и князей писать на монгольском языке при помощи уйгурских букв. Когда Тай-цзун[4] вступил на трон, было приказано Та-та Тун-а ведать императорской печатью и сокровищами казначейства, а его жене, урожденной У-хэ-ли, быть кормилицей царевича Хэ-ла-ча-эр (Харачар). Тогда же были увеличены пожалования Та-та Тун-а.

«Юань ши», изд. Бо-на, гл. 124, л. 5а — 5б.

---

[1] Та-та Тун-а попал в плен к монголам в 1204 г. во время разгрома племени найманов Чингис-ханом.

[2] Тай-цзу — храмовое имя, присвоенное посмертно Чингис-хану по обычаю китайских императоров.

[3] Даян-хан — вождь монгольского племени найманов, разгромленный Чингис-ханом в 1204 г.

[4] Тай-цзун — храмовое имя Угэдэй-хана (1229—1241).

ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

16. Из «Мэн-да бэй-лу»

При первом возникновении [монгольского государства] у них совсем не было письменности. Во всех случаях, когда рассылались приказы и отправлялись послы, вырезали метки [на кусках дерева], чтобы запомнить их [приказы]. Послы не смели прибавить или убавить хотя бы одно слово. Это обычай той страны... В документах, применяемых ими самими в сношениях с другими государствами, до сих пор всегда употребляются мусульманские письмена [1], похожие на китайские нотные знаки для флейты. Но в последние два года в сношениях с государством Цзинь [2] [монголы] пользуются китайской письменностью. Беглые цзиньские чиновники, изменившие своему государству, сдавшиеся [монголам] и не имевшие пристанища, желая попасть на службу, стали обучать их письменности. В прошлом году, весной, [я], Хун, каждый раз видел, как в отправляемых ими документах они назывались еще «Великой династией» (да чао), а названия годов обозначались как «год зайца» или «год дракона». Только в прошлом году они переменили [название года] на гэн-чэнь [3], а нынешний называют годом синь-сы [4].

...Что касается ныне отправляемых документов, то во всех случаях перебежавшие чиновники, которые знают грамоту, усиленно объясняют [монголам] дела, чтобы научить их.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 4а — 4б.

17. Из «Юань ши»

Тангут Чан-ба-цзинь стал известен императору благодаря своему искусству делать луки и каждый раз при случае бахвалился [перед Елюй Чу-цаем]: «Ныне государство как раз нуждается в военном деле, для чего же нужен Елюй-ученый?» Елюй Чу-цай сказал ему: «Если для починки (чжи [5]) луков все же необходимо использовать мастеров-лучников, то как же строящие Поднебесную обойдутся без использования мастеров по управлению Поднебесной». Его величе-

---

[1] Имеется в виду уйгурская письменность, введенная в Монголии в 1204 г.

[2] Цзинь — чжурчжэньское государство в Северном Китае (1115—1234).

[3] Гэн-чэнь — 6 февраля 1220 г. — 24 января 1221 г. (по китайскому лунному календарю).

[4] Синь-сы — 25 января 1221 г. — 12 февраля 1222 г.

[5] Чжи (кит.) — чинить и управлять; здесь непереводимая игра слов.

ству, узнавшему об этом, очень понравился ответ, и [с того времени Елюй Чу-цай] стал все более приближаться [к императору].

«Юань ши», изд. Бо-на, л. 1б — 2а.

18. Из «Хэй-да ши-люе»

У него четыре министра: Аньчжидай[1] (черный татарин, умен и решителен); Ила[2] Чу-цай (по прозвищу Цзинь-цин, из киданей; иные называют его чжун-шу ши-лан[3]) и Нянь-хэ Чун-шань[4] (из чжурчженей, некоторые называют его цзян-цзюн[5]). Они совместно ведают делами, относящимися к китайцам, а Чжэнь-хай[6], [мусульманин], специально ведает делами, относящимися к мусульманским странам.

Когда [я, Сюй] Тин, прибыл в степи, Аньчжидая уже не было. Нянь-хэ Чун-шань уехал с незаконным царевичем Цюйчжу для вторжения на Юг... Ила Чу-цай и Чжэнь-хай, которые сами называют себя титулами чжун-шу сян-гун[7], вместе управляют государственными делами; Чжэнь-хай управляет не только мусульманами. У татар нет названия «министр» (сян) и называют их только бичэчэ, а бичэчэ на китайском языке означает писарь. Им приказано ведать только официальными бумагами.

...Все дела — малые и большие — решаются обязательно самим незаконным вождем. У татар Елюй Чу-цай, Нянь-хэ Чун-шань и Чжэнь-хай вместе держат в руках кормило правления.

В делах всеми краями [государства] право полностью распоряжаться жизнью и имуществом населения при отсутствии указов татарского правителя переходит в руки того, кто распоряжается [ханской] печатью.

[Я, Сюй] Тин, исследовал это. Только когда дело воспроизводится в документе, Елюй Чу-цай и Чжэнь-хай могут проводить в нем личные идеи, ибо татарский правитель не знает грамоты. Что касается таких важных дел, как походы, война и другие, то они решаются только самим татарским

---

[1] Аньчжидай (Элчжигидэй) был поставлен в 1229 г. во главе всех нойонов.

[2] Ила — другой вариант фамилии Елюй Чу-цая.

[3] Чжун-шу ши-лан — одна из высоких китайских должностей.

[4] Нянь-хэ Чун-шань был помощником Елюй Чу-цая по управлению Северным Китаем в 1231—1238 гг.

[5] Цзян-цзюн — полководец, генерал (кит.).

[6] Чжэнь-хай (Чин-хай) являлся старшим секретарем при монгольском дворе в 1231—1241 и 1246—1248 гг. По свидетельству многих источников, он был монголом.

[7] Чжун-шу сян-гун — министры императорского секретариата.

правителем. Однако он еще обдумывает их вместе со своей родней. Китайцы и другие люди не участвуют [в этих обсуждениях]. Правитель обычно называет татар «своей костью»[1].

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 2а, 9а.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНЫЕ ВОЙНЫ — ИСТОЧНИК ОБОГАЩЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ФЕОДАЛОВ

19. Из «Мэн-да бэй-лу»

Всякий раз при наступлении на большие города они, [монголы], прежде всего наносят поражение маленьким городам и захватывают там население, чтобы обеспечить себя слугами. В таком случае отдается приказ, чтобы каждый воин-всадник непременно стремился захватить десять человек. Когда люди полностью набраны, то каждый [захваченный] человек обязан собрать травы или дров, земли или камней. Затем их насильно гонят по нескольку дней и ночей подряд. Если люди медлят, то [монголы] убивают их. Когда их пригонят к городу, они заваливают крепостные рвы [принесенными ими материалами] и заравнивают их или обслуживают стенобитные машины и участвуют в других [работах]. [Монголы] не останавливаются перед тем, чтобы [пригнать] несколько десятков тысяч человек. Благодаря этому не бывает случаев, чтобы при штурме они не разбили городских стен. Разрушив стены, [монголы] истребляют всех — старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных. Всякого, кто перед лицом противника не принимает приказа [о капитуляции], непременно казнят, пусть даже он оказывался знатным [лицом].

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, стр. 12а.

20. Из «Юань ши»

Если при штурме города враг отвечал хотя бы одной выпущенной стрелой или камнем, то по старой системе это считалось отклонением приказа [о капитуляции] и по взятии [города осажденные] непременно подвергались избиению.

Накануне падения Бяньляна[2] первый военачальник Субэтэй[3] прислал посла сказать [императору]: «Цзиньцы оказывали сопротивление долго, [отчего] у нас погибло или ранено

---

[1] Монг. слово «ясун» (кость) в тексте употребляется в значении «родственник».

[2] Бяньлян — г. Кайфын, одна из столиц государства Цзинь, т. е. чжурчженей.

[3] Субэтэй — полководец Чингис-хана (ум. в 1248 г.).

много воинов. [Поэтому] следует перебить их (жителей) в день взятия города». Елюй Чу-цай поспешно прибыл [в ставку] и в докладе императору сказал: «Генералы и солдаты вот уже десятки лет терпят невзгоды военных походов и то, чего они хотят, есть только земля и народ. Если получить земли без народа, то как использовать их?» Но император колебался и еще не решался. Заметив это, Елюй Чу-цай добавил: «Здесь собрались все удивительно искусные мастера и семьи с громадными сокровищами. Если их всех перебить, то не останется никакой добычи!» Император согласился с этим и издал указ наказать только род Вань-яня [1], а со всех остальных не спрашивать.

Укрывавшиеся от войск и проживавшие в Бянь составляли 1 470 000 человек [2]...

«Юань ши», изд. Бо-на, гл. 146, л. 5а — 5б.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВОЕННОЙ ДОБЫЧИ

21. Из «Мэн-да бэй-лу»

Во всех случаях, когда [монголы] занимают город и получают добычу, они распределяют ее пропорционально. Все от низшего до высшего каждый раз оставляют независимо от количества [добычи] одну часть для преподнесения императору Чэн-цзи-сы [3], а остальное раздают [чиновникам] по-разному. Получают свою норму также министры и другие [лица], которые находятся в Северной пустыне и [даже] не приезжали на [место] сражения.

«Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн и шу», Шанхай, 1940, кн. 37, л. 12а — 12б.

III. ПОЛИТИКА МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В ПОКОРЕННЫХ СТРАНАХ

ПОРАБОЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ, УГОН ЛЮДЕЙ НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ И ВОЙНЫ

22. Из «Юань ши»

В век Тай-цзу [Чингиса] в Западном крае ежегодно происходили военные действия, и Тай-цзу не имел досуга заниматься Северным Китаем. Чиновники взимали налоги и думали только о себе; их богатства достигали несметного

---

[1] Род Вань-яня — род чжурчженьского императора.
[2] Событие относится к 1232 г.
[3] Чэн-цзи-сы — Чингис.

количества, но у казны не было никаких запасов. В связи с этим придворный чиновник Бэдэ и другие сказали императору: «Ханьцы не приносят никакой пользы государству. Можно уничтожить всех их людей и превратить (их земли) в пастбища...» [1]

В году жень-чень (24.I. 1232 г. — 10.II. 1233 г.), весной, император выступил в карательный поход на юг и перед переправой через Хуанхэ издал указ о том, что если беженцы сами приходят сдаваться, то их не освобождать от казни. [Тогда] некоторые говорили: «Эти люди сдаются, когда им трудно, а когда им легко, убегают. Это будет лишь помощь врагу. Нельзя щадить их!» Но Елюй Чу-цай просил за них императора, изготовил несколько сот флагов для раздачи беженцам [в знак их капитуляции] и вернул [беглецов] в родные места. Так была сохранена жизнь очень многим.

В то время впервые была покорена Хэнань [2], пленных взяли очень много. При возвращении монгольских войск на Север из 10 пленных бежали 7—8 человек. Тогда издали императорский указ уничтожать не только беглых, но и семьи, которые приютили их или дали им питье или пищу, и вместе с ними наказывать и всю деревенскую общину. После этого беглые не смели останавливаться в домах и большинство из них умирали с голоду на дорогах.

Елюй Чу-цай по своей инициативе изложил [императору] по пунктам восемнадцать дел, о чем в Поднебесной был обнародован эдикт. Вкратце в нем говорилось о том, что [1] в областях следует ставить старших чиновников, а среди пастушеского населения учреждать [должности] темников для командования войсками и приравнять их во власти и силе, чтобы предотвратить своеволие и произвол; [2] выплачиваемые [населением] средства в землях Северного Китая следует тратить на вспомоществование этому населению; [3] в округах и уездах следует наказывать тех [чиновников], которые посмеют самовольно вводить [новые] подати без получения высочайшего указа; [4] наказывать тех [чиновников], которые заимствуют казенные вещи для торговли; [5] наказывать смертью монголов, мусульман и тангутов, которые занимаются земледелием, но не платят налогов; [6] наказывать смертью надзирателей [над государственной собственностью], которые сами воруют казенные вещи; [7] о преступниках, совершивших правонарушения, наказуемые смертью, должно представлять доклад императору с изложением мотивов, дожидаться ответа и только после этого осуществлять кару...

---

[1] Событие относится к 1230 г.

[2] Хэнань была завоевана в 1234 г.

В то время военачальники и сановники получали рабов из пленных и часто оставляли их в [других] областях. Елюй Чу-цай при переписи населения приказал всех их превратить в крестьян (минь); кто будет владеть ими, скрыв при переписи населения, того казнить [1].

Придворный фаворит Кэ-сы Бу-хуа (Кэм Буха) представил доклад императору о мужиках для добычи золота и серебра, для обработки полей в Западном крае и о семьях для выращивания винограда. Император приказал переселить для выполнения этой [повинности] свыше 10 000 семей из Сицзин и Сюаньдэ. Тогда Елюй Чу-цай сказал императору: «По завету прежнего императора народ Шаньхоу [2] простого нрава, не отличается от соотечественников и можно использовать его по необходимости. Не следует легко передвигать его. Ныне, во время похода в Хэнань, не казните народ, чтобы обеспечить эти повинности». Император согласился с его докладом [3].

«Юань ши», изд. Бо-на, гл. 146, л. 3б, 4а, 5а, 5б.

ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ, НАЛОГИ И РАЗДАЧА ТЕРРИТОРИИ В УДЕЛЫ ЗНАТИ

23. Из «Юань ши»

[В ответ на предложение Бэдэ и других об истреблении населения Северного Китая Елюй] Чу-цай сказал императору: «Ваше величество собирается в поход на Юг, и необходимо иметь чем удовлетворять военные нужды. Если в действительности для Северного Китая справедливо установить земельный налог, торговый налог и поборы с соли, вина, плавки железа и [продуктов] гор и озер, то ежегодно можно получать серебра 500 000 лян [4], шелка 80 000 кусков и зерна свыше 400 000 дань. Этого достаточно для снабжения [армии и страны]. Разве можно говорить, что [ханьцы] бесполезны!» Император сказал [Елюй Чу-цаю]: «Вы попытайтесь осуществить это для нас на деле». Тогда [Елюй Чу-цай] предложил императору послать комиссаров по сбору податей в 10 лу [5], в Яньцзин и др. На все [должности] старших и помощников были назначены ученые люди, такие, как Чэнь Ши-кэ,

---

[1] Событие относится к 1234 г.

[2] Шаньхоу — местность, начинающаяся за горным проходом Цзюйюн, севернее Пекина.

[3] Событие относится приблизительно к 1231 г.

[4] Лян — мера веса, равная 37,3 *г*.

[5] Лу — самая крупная административная единица в Северном Китае. В 1230 г. Северный Китай был разбит на 10 лу.

Чжао Фан и другие, великодушные и благородные [люди], лучшие из лучших в Поднебесной. Помощниками их во всех случаях использовались старые чиновники из палаты государственных дел (шэн) и ведомств (бу) [династии Цзинь][1].

В году синь-мао (4 февраля 1231 г. — 23 января 1232 г.), осенью, император прибыл в Юньчжун. Все 10 лу представили императору книги учета [казенных] зернохранилищ, а золото и шелковые ткани были разложены во дворе. Император, смеясь, сказал Елюй Чу-цаю: «Вы не отходили от нас, но сумели обеспечить в избытке государственные доходы...» — [и] в тот же день назначил его начальником Великого императорского секретариата (чжун-шу лин), и приказал, чтобы все дела — будь то большие или малые — прежде всего сообщались ему.

Елюй Чу-цай в докладе императору предложил приказать, чтобы во всех округах и областях старшие чиновники управляли только гражданскими делами, темники командовали только военной администрацией, а все [налоговые] управления ведали только налогами, а влиятельные и знатные не должны посягать на их [права].

Кроме того, он выдвинул на должность Чжэнь-хая и Нянь-хэ, и они оба служили вместе с ним.

...В году цая-у (1234—1235) [при дворе] обсуждался вопрос о переписи населения Северного Китая. При этом сановник Ху-духу и другие предлагали считать каждого тяглого (дин) за отдельный двор (ху). Елюй Чу-цай заявил: «Нельзя! Ибо когда тяглый уйдет в бега, то некому будет платить подати. Должно устанавливать их, [т. е. налоги], подворно!» После неоднократных споров они наконец были установлены подворно.

...Осенью в 7-ю луну (4 августа — 1 сентября 1236 г.) Ху-духу прибыл [в императорскую ставку с докладом о результатах] переписи населения [Северного Китая], и император решил расчленить округа и уезды и пожаловать их царевичам и заслуженным чиновникам... Чу-цай сказал: «Если двор поставит чиновников [в уделах], будет собирать там подати и распределять их в конце года [между владельцами уделов], чтобы последние самовольно не производили обложений и взиманий, то это еще возможно». Император одобрил план Елюй Чу-цая.

После этого в Поднебесной были установлены [размеры] налогов: каждые 2 двора вносили 1 цзинь[2] шелковой пряжи в казну; [каждые] 5 дворов — 1 цзинь шелковой пряжи в счет пропитания князей и чиновников; поземельный налог рав-

---

[1] Событие относится к 1230 г.

[2] Цзинь равен 596 *г*.

нялся $2^1/_2$ шэн[1] с каждого му полей[2] среднего качества, 3 шэн с му полей высшего качества, 2 шэн с му полей низшего качества и 5 шэн с каждого му заливных полей. Торговый налог достигал $^1/_{20}$ [стоимости товаров], а размер соляного [налога] — 1 лян серебра за 40 цзинь [соли].

Когда при дворе обсуждались установленные регулярные подати, то нашли их слишком легкими.

«Юань-ши», изд. Бо-на, гл. 146, л. 6а—7в.

24. Из «Го-чао вэнь-лэй»

Вначале при переписи населения Поднебесной оказалось 1 040 000 дворов, а к настоящему времени находятся в бегах 4—5 [дворов] из 10, но общая сумма налогов осталась прежняя, от чего страдает Поднебесная. Его превосходительство, представив доклад императору, исключил [из списков налогоплательщиков] 350 000 беглых дворов, и благодаря этому народ успокоился.

Некий Лю Ху-ду-ма из Яньцзина тайно связался с влиятельными и знатными и предложил взять на откуп налог чайфа в Поднебесной за 500 000 лян серебра [в год].

Некий Шэ-ле-фа-дин [Шариф уд-Дин] предложил взять на откуп [сборы] за земельные участки под казенными торговыми рядами, оросительные сооружения, а также за свиней и кур за 250 000 лян [серебра].

Лю Тин-юй предложил взять на откуп налог на спиртные напитки в Яньцзине за 50 000 лян серебра.

Еще один мусульманин предложил взять на откуп соляной налог в Поднебесной за 1 000 000 лян серебра.

Дело дошло до того, что нашлись люди, которые предлагали взять на откуп [сборы] за рыбную ловлю, мосты и переправы в Поднебесной.

Его превосходительство [по поводу предложений откупщиков] сказал [императору]: «Все это коварные люди. Они обижают низы и запутывают верхи и делают много зла». Он во всех случаях в докладах императору предлагал отменить их, [т. е. эти сделки][3]...

...Сперва начиная с года гэнь-инь (16 января 1230 г. — 3 февраля 1231 г.) его превосходительство установил норму для налоговых управлений в 10 000 дин[4] серебра в год; когда была покорена Хэнань и население прибавилось, [эта норма] была увеличена до 22 000 дин.

---

[1] Шэн — мера объема, равная 948 *куб. мм.*
[2] Му — мера площади, равная 0,06 *га.*
[3] Речь идет о налогах на 1239 г.
[4] Дин равнялся 50 лянам.

[Затем] мусульманин Ао-ду-ла-хэ-мань [Абд-ар-Рахман] предложил [Чжэнь-хаю] взять на откуп налоги, и [годовая норма налогов] была увеличена до 44 000 дин серебра. [По этому поводу] его превосходительство сказал императору: «Если захотеть извлечь даже 440 000 [дин в год], и то их можно получить. Необходимо лишь установить строгие законы, запреты и жестоко отнимать у народа все доходы. Однако следует понять, что когда народ нищает и идет в разбойники, то это несчастье для государства!» Но все приближенные и свита императора были соблазнены. Сам император был введен в заблуждение многочисленными советами и повелел для пробы провести это, [т. е. отдачу налогов на откуп].

«Го-чао вэнь-лэй», изд. Сы-бу цун-кань, гл. 57, л. 19б — 20а.

ВЫПУСК БУМАЖНЫХ ДЕНЕГ

25. Из «Юань ши»

Некий Юй Юань в докладе императору предложил ввести в обращение бумажные деньги — цзяо-чао. Тогда Елюй Чу-цай сказал императору: «Впервые были введены бумажные деньги (цзяо-чао) во времена цзиньского Чжанцзуна и ходили наравне с медной монетой. Чиновники считали выпуск бумажных денег выгодным, но избегали даже упоминания о приеме их обратно [в казну]. Дело дошло до того, что на 10 000 связок (гуань) можно было купить только один пирожок, силы народа истощались и государственных доходов не хватало. Это должно стать для нас предостережением. Если ныне печатать бумажные деньги, то не следует выпускать их более 10 000 дин». Император последовал этому совету.

«Юань ши», изд. Бо-на, гл. 146, л. 6б — 7а.

ПРИВЛЕЧЕНИЕ К СЛУЖБЕ МЕСТНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ БЮРОКРАТИИ И СОЮЗ С ФЕОДАЛЬНОЙ ВЕРХУШКОЙ ЗАВОЕВАННОЙ СТРАНЫ

26. Из «Го-чао вэнь-лэй»

По прошествии следующего года столичный город пал и подчинился царствующей династии. Тай-цзу [Чингис] давно стремился присоединить [к своим владениям] Поднебесную, когда-то даже справлялся о близких родственниках из дома Ляо. Теперь он вызвал [Елюй Чу-цая] на аудиенцию в свою

походную ставку и сказал ему: «Ляо[1] и Цзинь[2] являются извечными врагами. Ныне я отомстил [цзиньцам] за тебя!» [Елюй Чу-цай ответил императору]: «Со времен моих деда и отца все служили дому Цзинь как подданные. Неужели можно отважиться еще таить двоедушие и стать врагом государства и отца, будучи подданным и сыном!» Его величество высоко оценил эти слова и оставил его около себя на случай советов.

«Го-чао вэнь-лэй», гл. 57, стр. 11а.

27. Из «Юань ши»

В году дин-ю (28 января 1237 г. — 17 января 1238 г.) Елюй Чу-цай доложил императору: «Если хотят сделать утварь, то непременно используют отличных мастеров, а когда хотят сохранить успех в делах, то непременно используют чиновников-конфуцианцев. Профессия же чиновника-конфуцианца совершенствуется нелегко, и для этого нужно несколько десятков лет». Император сказал: «Можно, действительно, назначать этих людей чиновниками». Тогда Елюй Чу-цай просил разрешения «провести экзамены». Налоговому комиссару Сюань-дэчжоу Лю Чжуну было приказано провести экзамены в областях по трем предметам: по содержанию конфуцианских канонических книг (цзин-и), поэтическому творчеству (цы-фу) и рассуждениям (лунь) [на исторические и политические темы]. Если конфуцианцы были захвачены в плен и обращены в рабство, то им также было приказано отправляться на экзамены, а если рабовладельцы скрывали и не посылали их, то [виновные] подлежали наказанию смертью. Всего было собрано 4030 ученых. Из них одну четверть составляли освобожденные от рабства.

«Юань ши», изд. Бо-на, гл. 146, л. 7б — 8а.

---

[1] Ляо — кидане.

[2] Цзинь (букв. золотое) — название чжурчженьского государства (1115—1234).

КОРЕЯ В X—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

В начале X в. корейские земли были объединены в государство Корё, откуда произошло известное на Западе наименование страны — Корея.

Корё — централизованное феодальное государство, экономическую основу которого составляла верховная государственная собственность на землю.

Характер общественных отношений и исторические события нашли свое отражение в разнообразных трудах средневековых корейских ученых, и прежде всего в таком ценном источнике, как «Корёса»[1]. Именно в этом труде почерпнут материал для освещения форм феодальной земельной собственности в X—XIV вв., государственных повинностей, положения крестьян и горожан. Отрывки из «Корёса» (№ 1, 2) содержат сведения о наделении государственной землей, об условиях держаний и о присвоении земли, о государственных мерах, принятых для улучшения земледелия, усовершенствования техники полива полей и пр. Значительное место в источниках уделялось системе взимания государственных налогов и отбывания повинностей, а в связи с ними определенное освещение получало и положение народных масс (док. № 3, 4). Крестьяне принуждены были обращаться к ростовщикам (док. № 5).

Из того же источника почерпнуты док. № 7—8, рассказывающие о государственном контроле в ремесле и торговле, об употреблении металлических денег. В докладе чиновника Пан Са Рана отражена попытка оградить ремесло от кон-

---

[1] «Корёса» — «История Корё» — была составлена в 1451 г. на основании летописи периода династии Корё (918—1392). Этот труд, состоящий из 139 книг, дошел до нас в ксилографическом издании. В 1957—1958 гг. издательством Академии наук КНДР без изменений была переиздана «Корёса» в трех томах.

куренции со стороны китайского ввоза. Из «Корёса» взяты документы о борьбе народа против монгольских завоевателей и корейских феодалов (№ 13—16), о монгольском иге в Корее (№ 17—19), о борьбе с японскими пиратами (№ 20, 40).

Сведения о столицах Кореи (док. № 9 и 10) взяты из «Сюань хэ фэн ши Гаоли туцзин», сочинения Сюй Цзина[1].

Работа Сюй Цзина содержит интересные сведения по истории, этнографии и географии Кореи. Особенно ценным являются собранные автором данные о состоянии экономики и культуры, а также о государственном строе Корё начала XII в.[2]

Публикуемые отрывки из сочинений Сюй Цзина извлечены нами из неопубликованной рукописи перевода с китайского, сделанного А. Честным[3].

---

[1] Сюй Цзин — китайский дипломат, который участвовал в посольстве Лу Юнь-ди и Фу Лю-цзина, отправленном в 1125 г. сунским двором из Китая в Корею. Руководствуясь известным изречением одного из древнекитайских поэтов «везде и у всех разведывай и расспрашивай», Сюй Цзин «во множестве собирал рассказы людей, выбрасывая то, что было сходно у них с Срединным государством (Китаем), и оставляя только несходное». Собранные таким образом сведения Сюй Цзин включил в свое сочинение «Описание Корё с иллюстрациями, составленное послом Сюань Хэ», сокращенно называемое «Гаоли Туцзин» и состоящее из 40 глав. Оно было издано в 1130 г., после смерти автора, его племянником Сюй Чанем в Хуйцзяне. Ныне оно стало библиографической редкостью.

[2] Сам автор, как, впрочем, и все ученые конфуцианцы, писал о себе очень скромно: «Я, глупый и презренный, по недостатку людей был взят в последыши посольской свиты. Само собой разумеется, что назначенное мне дело было соразмерно моим способностям, но при всем этом я получил некоторую известность у двора. Не будучи, однако ж, в состоянии чем-либо воздать ему за присоединение меня к посольству, я обратился к самому себе и произнес следующее место из стихов «Блестящие цветы»: «Везде и у всех разведывай и расспрашивай».

[3] *Аввакум Честной,* Донесение из Пекина в Азиатский департамент Министерства иностранных дел России. Хранится в рукописном отделе ГПБ им. В. И. Ленина, ф. Скачкова, папка М 2881/132. «Записки и заметки о Китае», литера А, ч. I. Рукопись-перевод состоит из трех тетрадей большого формата. Текст написан черными чернилами на листках плотной европейской бумаги с двух сторон. Почерк четкий, разборчивый, но местами встречается скоропись.

Аввакум Честной — архимандрит, начальник русской православной духовной миссии в Пекине в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. Он великолепно знал китайский язык, перевел с китайского много работ по географии, истории и этнографии народов Дальнего Востока.

Не имея возможности сличить перевод Аввакума Честного с оригиналом Сюй Цзина, так как в книгохранилищах Советского Союза нет этого источника, мы ограничились лишь исправлением отдельных неточностей в транскрипции собственных имен и орфографии. В целях сохранения стиля переводчика и характерных особенностей языка первой половины XIX в. интерпретация перевода весьма незначительна. Все слова или часть слов, внесенные в текст, заключены в прямые скобки, а пропуски в тексте обозначены многоточием.

Приводимые ниже материалы о нашествии киданей (№ 11) и чжурчженей (№ 12) на Корё извлечены из «Тонгук пёнгам»[1].

Этот двухтомный труд является ценным источником по истории борьбы Кореи против чужеземных захватчиков со времени правления ханьского императора У-да (140—86 гг. до н. э.) до 80-х годов XIV в.

О войнах с японскими пиратами в XIV—XV вв. свидетельствуют приводимые здесь отрывок (№ 38) из «Тайхэйги», цитируемый по «Ёкса нонмун чип» («Сборнику статей по истории», т. 2, изданному в Пхеньяне в 1958 г.), а также донесение корёского посла Пак Со Сэна в 1429 г. (№ 21), заимствованное из «Се Чжон силлок» («Летописи короля Се Чжона»).

Материалы для главы подобрали и перевели *Ю. В. Ванин* — док. № 1—8 и 13—19, *И. И. Хван* — док. № 9—12, 20, 21.

I. ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОРЕЕ В X—XIV вв.

1. Из «Корёса»

Земельная система Корё в основном подражала танской системе[2]. Было определено количество пахотных земель, которые поделили в зависимости от плодородия. [Земли получали все], начиная с гражданских и военных чиновников и вплоть до солдат провинциальных войск и ханинов[3]. Все без исключения имели должность и в зависимости от должности получали землю и топливо. Это называлось чонсиква[4]. После смерти [владельца] все возвращалось государству.

Солдаты получали землю, когда им исполнялось 20 лет, а в 60 они возвращали ее. Если у них имелись дети или родственники, последние могли их заменить на службе. Люди, не имевшие детей и приписанные охранять тюремные ворота, после 70 лет получали пенсионные земли (кубунчжон), а из-

[1] «Тонгук пёнгам» — «Военное зерцало Восточного государства (Кореи)» было составлено в середине XV в. крупными корейскими учеными Чон Ин Чжи, Син Сук Чу и др. Первое издание «Тонгук пёнгам» (1450 г.) стало библиографической редкостью с самого момента его появления. В 1911 г. в Сеуле издательством «Кванмунхве» этот труд был выпущен без изменений, а в 1955 г. в Пхеньяне — в переводе на современный корейский язык. Нами использованы два последних издания.

[2] Земельная система в Китае в VII—VIII вв.

[3] Ханины — мелкое служилое дворянство, вышедшее из богатых крестьян.

[4] Чонсиква — существовавшая в X—XIV вв. система наделения землей чиновников за службу.

лишек земли у них отбирался. Если человек, не имевший потомства, умирал или погибал на войне, жена также получала пенсионный надел.

Кроме того, имелись наградные земли (конымчжонси). Когда человек оставлял службу, эту землю он мог передать своим детям. Имелись также земли государственных учреждений (конхэчжон). Эти земли предоставлялись... дворцам, начальникам округов, государственным почтовым станциям. Все они получали разное количество земли. Если у чиновников не хватало зернового жалованья, они получали надел земли (нокквачжон)[1] в округах Кёнгидо[2].

Из указа об аренде залежной земли (1111 г.)

На пахотной земле, которая находилась в залежи свыше трех лет, урожай первых двух лет полностью отдавать арендатору, а начиная с 3-го года он должен делить урожай пополам с хозяином; на земле, пролежавшей два года, урожай делить на 4 части: одна часть хозяину, а три части арендатору; на земле, пролежавшей год, урожай делить на 3 части: одна часть хозяину, две части арендатору.

Из королевского указа от 1298 г.

Во всех местах, где храмы устраивают молебны, они захватывают земли янбанов[3], получают обманным путем грамоты на эти земли и превращают их в свои поля. Правители областей впредь должны расследовать это и возвратить земли хозяевам.

Из петиции крупного чиновника и политического деятеля конца XIV в. Чо Чжуна

Чиновники не в состоянии следить за раздачей земли. Закон о наделении землей постепенно теряет силу. Пользуясь этим, вероломные и коварные люди обманывают государство. Этому нет предела!..

Накапливаются горы судебных дел. Борьба из-за одного мё[4] земли продолжается в течение нескольких десятков лет. Ради этого люди забывают о сне и отказываются от пищи...

Сообщники коварных злодеев приходят в области и уезды, ставят столбы на горах и реках и объявляют эту

[1] Нокквачжон — земельные наделы, выдававшиеся чиновникам вместо зернового жалованья.
[2] Кёнгидо — название столичной провинции.
[3] Янбаны — корейское дворянство.
[4] Мё (кит. му) — мера площади, равная 0,061 *га*.

землю собственностью своих предков. Они грабят друг друга, отнимают силой землю. Один мё земли оказывается в руках 5—6 хозяев.

Из королевского указа 986 г.

Во всех областях и уездах 12 провинций с настоящего времени и вплоть до осени необходимо прекратить все второстепенные работы и сосредоточить усилия на поощрении земледелия. Надо послать чиновников, чтобы они обследовали пустующие и заброшенные земли. Начальники провинций должны вознаграждать за прилежание и порицать за леность.

Из доклада чиновника Пэк Мун Бо (XIV в.)

Население, проживающее в Канхвэ[1], занимается земледелием и не знает беспокойства от наводнения и засухи, потому что оно употребляет водяные колеса. Народ нашей восточной страны, работая на рисовых полях, пользуется ямами и оросительными каналами и не понимает пользы водяных колес. Поэтому, когда рядом находятся ямы и каналы, в которых недостаточно воды, люди даже не знают, как быть. В результате этого неплодородная земля составляет $^{8}/_{10}$ или $^{9}/_{10}$.

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 583, 600, 681, 590—591, 604—605, 607.

2. Из послания корейского короля юаньскому императору в 1271 г.

...Богатые люди имеют скот, но не более чем 1—2 головы. А бедняки в большинстве случаев обрабатывают землю сохой и для этого совместно арендуют рабочий скот у других.

«Корёса», т. 1, Пхеньян, 1957, стр. 411.

3. Из сочинений ученого и политического деятеля конца XIV в. Чон До Чжона

Что касается закона о земле, обрабатываемой народом, то допускалось: если человек сам поднял целину, он сам ею и владел. Чиновники этой землей не управляли.

Человек, имеющий много сил, поднимает обширные земли, и поэтому сильные люди[2] владеют многочисленными землями. Не имеющие сил, слабые люди вновь подчиняются человеку, обладающему силой, и одалживают у него землю.

[1] Канхвэ — корейское название междуречья Янцзы и Хуайхэ в Китае.
[2] «Сильные люди» и «слабые люди» — термины для обозначения различия в социальном происхождении людей.

Урожай делят пополам. Обрабатывает землю один, а кормятся двое. Богатый человек все более и более богатеет, а бедный человек все более беднеет. Люди доходят до того, что не имеют средств для существования, уходят и превращаются в бродяг. Они меняют профессию и становятся ремесленниками и торговцами, а некоторые даже делаются разбойниками. О горе! Нет слов, чтобы передать, какое это зло!

«Екса квахак» («Историческая наука») № 4, 1955, стр. 67.

4. Феодальная эксплуатация. Государственные повинности

Земельная система в государстве [Корё] подражала ханьской системе налога в $^1/_{10}$ [урожая]...

По государственным законам человек в 16 лет считается совершеннолетним и начинает нести государственные повинности, а в 60 лет становится стариком и освобождается от повинностей. В областях и уездах каждый год составляются реестры приписанных людей, которые отправляются в Подворную палату (Хобу). Все без исключения обязываются нести военную повинность. Государственные повинности налагаются согласно подворному реестру.

Из королевского указа от 1071 г.

Богатые и сильные люди, опираясь на свое влияние, уклоняются [от военной службы], и бедные люди одни несут на себе все тяготы этой работы. Они испытывают крайнюю нужду в пище и одежде и не знают даже малейшего отдыха.

Из указа короля Е Чжона от 1107 г.

В областях и уездах Кёнгидо помимо обычной подати большие страдания народу приносит трудовая повинность. Каждый день люди постепенно разбегаются и бродят с места на место...

Кроме того, с ремесленников требуют медь, железо, фарфор, бумагу, тушь и другие изделия. Это очень мучительно, и они также разбегаются.

Из королевского указа от 1296 г.

...Сейчас чиновники всех ведомств и люди, добивающиеся выгоды для себя, заранее вносят товары и получают свидетельство об этом. А затем они отправляются в деревни и с избытком возмещают их стоимость. Народу поистине очень тяжело!

Положение ноби[1]

В каждом хозяйстве ноби несут очень тяжелые повинности, им надо посочувствовать и помочь. Если кто-нибудь из них заболеет, его не лечат и выбрасывают на дорогу. Если же ноби умрет, труп его не закапывают в землю, а выбрасывают на дорогу, и его кости гложут скопища собак. Поистине это печально!

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 600, 603, 639, 601, 690, 707.

5. Ростовщичество в Корё

Из доклада Пэк Мун Бо

...Бедные люди в течение года обрабатывают несколько мё земли, но налог составляет половину [урожая], и поэтому они не в состоянии прокормиться до конца года. Когда наступает время полевых работ, они вынуждены брать в долг у богатых [зерно] на семена и для пропитания.

Проценты на ссуду

Вообще частная и государственная ссуда такова: берешь 15 ту[2] зерна, платишь процент 5 ту, берешь 15 пхиль[3] холста, платишь процент 5 чхок[4]. Это была постоянная система.

Из указа короля Мён Чжона от 1188 г.

Повсеместно богатые и сильные янбаны, в случае если бедный и слабый народ одалживает товар и не возвращает его, отнимают издревле принадлежавшую [народу] землю, отчего он лишается работы и еще больше беднеет.

Из указа короля от 1375 г.

Провинциальные чиновники, приезжая в столицу, рассказывают, что все правители подгоняют с уплатой податей и взимают недоимки. Люди берут деньги взаймы у частных лиц и возвращают долг в двойном размере. Это приносит народу большой ущерб.

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 615—616.

---

[1] Ноби — рабы, в ходе исторического развития превратившиеся в крепостных крестьян.
[2] Ту — мера сыпучих тел, равная 15 *кг*.
[3] Пхиль — единица измерения тканей, равная примерно 20 *м*.
[4] Чхок — единица измерения, равная 0,3 *м*.

II. РЕМЕСЛО, ТОРГОВЛЯ, ДЕНЬГИ И ГОРОДА

6. Ремесло

Из королевского указа, изданного весной 1012 г.

...В последнее время люди порывают со старыми обычаями и не знают труда землепашца. Во всех провинциях имеются мастерские и лавки различных тканей и доспехов. Повелеваем сократить [их количество], с тем чтобы люди занялись земледелием.

Из петиции чиновника Хон Ча Бона (конец XIII в.)

В последнее время медники, имеющие латунь, проживают в отдаленных местностях. Во всех областях и округах чиновники... соперничают между собой в том, чтобы создать запасы латуни и меди для изготовления посуды, поэтому посуды у населения с каждым днем становится все меньше. Необходимо приказать, чтобы в указанный срок ремесленники вернулись в столицу.

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 605, 690.

7. Торговля

Из доклада чиновника Пан Са Рана в 1391 г.

Толпы торговцев собираются вместе, на лошадях и быках они тайно переправляют через реку золото и серебро, отвозят в чужую страну[1] и там продают. Привозимые ими оттуда шелка вытесняют товары, производимые в нашей стране, такие, как тонкое полотно, холст и т. д. И люди независимо от их происхождения одеваются в эти шелка.

«Чосон чунсеса» («История Кореи в средние века»), т. I, Пхеньян, 1954, стр. 338.

8. О появлении денег в Корё

В 4-м мес. 15-го года Сон Чжона (996 г.) впервые начали употреблять железные деньги.

Из петиции первого министра Хан Он Чома (1002 г.)

Стремясь продолжать прежнюю политику умиротворения людей и поощрения обмена товарами, следуя традициям предков, король ввел употребление денег и запретил использовать грубые ткани. Боюсь, что это не принесло пользы государству и лишь возбудило недовольство народа!

[1] Имеется в виду Китай.

Из донесения чиновников ведомства по делам снабжения (1328 г.)

Стоимость ынбён[1] день ото дня падает. В настоящее время ынбён высшего сорта стоят 10 пхиль холста, а стоимость ынбён низшего качества пала до 8—9 пхиль. Преступники, ведающие сбором меди с простого народа и подлого люда, сами отливают ынбён, примешивая медь так, что серебра мало, а меди много. Хотя государство и установило цены, но люди их не придерживались.

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 607, 609.

9. Столица г. Кэгён

Столица (г. Кэгён) лежит к юго-востоку от реки Ялу[2] на 1 тыс. ли. Окружность городской стены — 60 ли.

Городская стена имеет 12 ворот, над которыми написано их название... В юго-западном углу столицы находится кремль с кремлевскими дворцами и палатами, а в северо-восточном — подворье Покорности небу (шунь-тянь-гуань), отделанное самым лучшим образом. Западные ворота сего подворья также великолепны и красивы... От конторы столичной торговли до места, находящегося при монастыре Возвышения государства, и от ворот Великого превращения до кабинета (храма) служения предкам тянется целый ряд флигелей, состоящий из нескольких сот звеньев. Поскольку жилища городских обывателей тесны и неопрятны, расположены беспорядочно и неровно, то упомянутые флигели служат для заслона оных, дабы китайские послы не могли насквозь видеть их безобразия. От юго-восточных ворот река течет к юго-востоку...

В прочих частях города судебные места, дворцовые храмы, даосские копища, буддийские монастыри, отдельные королевские дворцы и гостиные подворья, выстроенные смотря по удобству местоположения, рассеяны по всем местам, как звезды.

Жилища граждан

Столичный город хотя и велик, но как от множества камней и пригорков местоположение его не равно и не гладко, так и жилища граждан представляются иные возвышенными, иные низкими, как пчелиные гнезда и муравьиные пещерки. Дома эти, соединенные вместе по десяти и более, представляют из себя как бы общие корпуса. Кровли домов, сделанные из соломы, едва защищают от ветра и дождя. Самые

[1] Ынбён — серебряные бутыли, употреблявшиеся в качестве денег.
[2] По-корейски — Амноккан.

большие из них, основанные более как на двух стропилах [?]. С недавнего времени зажиточные люди начали строить дома с черепичными кровлями, но таковых домов между десятью можно видеть разве только один или два. По древним сказаниям, на жилищах актрис и актеров ставились длинные шесты в отличие от домов честных. Ныне этого нет. По обыкновению своему корейцы чрезвычайно привязаны к почтению духов и слишком много занимаются молитвами и жертвоприношениями.

Торговля

В старину всякий раз, как приезжали послы наши [китайские], корейцы открывали большой торг, в множестве раскладывали разные товары, лакированные вещи и шелковые материи... чтобы все это имело красивый вид. Случалось, что иногда раскладывали также вместе с товарами золотые и серебряные вещи из королевского дворца; явно, что в обыкновенное время этого не могло быть, это заметили послы, бывшие там в правление Чун-нин (1102—1106) и Да-гуань (1107—1110). Ныне этого нет.

За недостатком постоянных купеческих лавок торг производится только в полдень. Тогда и мужчины и женщины, и старые и молодые, и чиновники и ремесленники — все выносят, у кого что случилось [1], и производят меновую торговлю. Монета у них не в употреблении. Цены вещам определяют по сравнению их с шелковой материей, холстом или серебряными баночками. Мелкие вещи, нужные в домашнем быту, не стоящие куска холста или унции серебра, выменивают на зерновой хлеб. Народ, издавна привыкший к такой мене, нисколько ею не затрудняется. Медные монеты, подаренные некогда Двором нашим [2], доселе хранятся в королевской кладовой; по временам вынимают их напоказ чиновникам и забавляются ими.

Аввакум Честной, Описание Кореи. Рукописный отдел ГПБ им. В. И. Ленина, папка М. 2888/I 32. «Записки и заметки о Китае», литера А, ч. I, л. 886 — 91.

10. Столица Чосон г. Сеул в XV в. [3]

Посреди Зала почтения и благоговения (Цинь-цзин-гэ) стоит гора, вылитая из меди, вышиной в семь футов с лишним. Внутри горы помещена искусно устроенная машина.

---

[1] Т. е. то, что имеется.

[2] Т. е. китайским.

[3] В августе 1392 г. Ли Сон Ге, основатель новой династии, объявил о перенесении столицы государства из Кэгёна в Ханян (современный Сеул). В течение четырех лет шла напряженная работа по строительству новой

Натиск воды, действующей на нее из каменной вазы (лоу), приводит в движение колеса, обращает пятицветные искусственные облака около солнца и показывает восхождение и захождение оного. Кроме того, в ней помещены фигуры, показывающие каждый час времени, как-то: солдат, красавица и 12 духов. По наступлении каждого часа солдат звонит в колокол, красавица выходит с часовой планкой, 12 духов тотчас встают и становятся по своим местам [1]. По окончании своего дела красавица опять уходит на свое место; духи также уходят и ложатся. Удивительный процесс сего движения не приметен, как дух.

По сторонам сей чудной горы расположены символы четырех времен года... Все это служит местом представления суточного времени, показания народу годовых времен и благоговения к небу.

В Зале вечных часов (Бао-лоу-гэ) находится двухъярусный пьедестал, наверху которого стоят три духа. Один из них, заведующий временем, звонит в колокол; другой, заведующий ночными стражами, бьет в литавры; третий, заведующий краткими периодами стражи, бьет в каменный барабан.

В нижней части пьедестала размещены 12 духов, из коих каждый держит по часовой планке. По наступлении срочного времени они сами выходят из пьедестала и по окончании своего дела опять возвращаются на свое место. Фигуры всех этих духов сделаны из дерева. Тайная машина приводится в движение от натиска воды, действующей на нее из вазы

столицы, на которой было занято до 200 000 человек, согнанных со всех концов страны в принудительном порядке.

Новая столица была обнесена высокой гранитной стеной, имевшей в окружности более 17 *км*, с четырьмя воротами. Главный королевский дворец, носивший название Кёнбоккун («Дворец светлого счастья»), был построен в 1394 г.

Все здания к югу от главного королевского дворца были заняты центральными правительственными учреждениями. Для торговых рядов был построен специальный квартал, соединяющий район восточных ворот с южными воротами. Здесь же находились гостиные дворы для иностранных посольств и купцов.

Город Ханян был разделен на 5 крупных районов, которые в свою очередь подразделялись на кварталы. Сначала в столице было всего 49 кварталов. Каждый квартал, не говоря уже об отдельном районе, был строго предназначен для определенной группы людей (янбанов, ремесленников, рабов и т. д.). Население нового города быстро росло. Так, в 1426 г. оно составляло немногим более 103 000 человек (16 921 двор), а в 1435 г. — около 120 000 человек (19 552 двора).

[1] В древней Корее сутки делили на 12 частей, обозначавшихся циклическими знаками («крыса», «бык», «тигр», «заяц», «дракон», «змея», «лошадь», «овца», «обезьяна», «птица», «собака» и «кабан»).

Под 12-ю духами здесь подразумеваются фигуры тех знаков, которые заменяют наименования часов. Например, фигура «крысы» — 11 и 12 часов полночи, фигура «быка» — 1 и 2 часа ночи и т. д.

без содействия сил человеческих, и в определенные периоды сама как бы извещает о времени без малейшей погрешности. Искусство чрезвычайно удивительное!

...Беседка с астрономическими инструментами (Цзяй-идай) лежит в северо-западном углу дворцового города. Она выложена из камней и обведена каменными перилами. На вершине ее расставлены астрономические инструменты. По западную сторону сей беседки утвержден на земле медный тенепоказатель. Выточенная из темноватого камня планка с о[бо]значением саженей, аршинов, вершков и линий служит стрелкой для показания солнечной тени. Принимая в расчет полуденную тень, выводят верные заключения о приращении и ущербе того или другого из двух основных начал природы.

[Недалеко от нее] при подошве горы стоит еще астрономическая обсерватория с инструментами меньшего размера. Здесь рассматривают небесные явления, замечают воздушные метеоры и делают наблюдения над погодой. На беседке, устроенной сбоку главного проспекта, поставлен котел отверстием вверх [1], на внутренней поверхности коего вырезаны градусы всего неба и изображены 12 духов, а на внешней означены страны света. Здесь же утверждено коромысло по направлению от юга к северу. В центре сего коромысла проделана небольшая дырочка для показания направления солнечных лучей, дабы простой народ знал время дня, утро и вечер.

Аввакум Честной, Описание Кореи. Рукописный отдел ГПБ им. В. И. Ленина, папка М. 2888/I 32. «Записки и заметки о Китае», литера А, ч. I, л. 78б — 79б.

III. БОРЬБА КОРЕЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ИНОЗЕМНЫХ НАШЕСТВИЙ

11. Отражение первого и третьего нашествий киданей

[I.] В 5-м месяце 12-го года правления короля Сон Чжона [993 г.] было получено от чжурчженей из Северо-Западного края сообщение: «Племя киданей готовит войско и замышляет вторжение» [в Корё]. Считая это сообщение ложным, королевский двор ничего не сделал для укрепления обороны своей страны.

В 7-м месяце того же года чжурчжени снова сообщили: «Кидани уже начали поход». Только теперь двор, поняв, какая угроза нависла над королевством, направил во все

---

[1] Вероятно, описывается полушарие звездного неба.

провинции специальных военных чиновников (кунма чжэчжонса [для формирования войск].

В 10-м месяце три армии, спешно сформированные в провинциях, под командованием Пак Лян Ю, Со Хи и Цой Ряна расположились на севере для защиты от киданей. Через месяц король, направляясь на север к своим войскам, прибыл сначала в Согён[1], а оттуда в Анбук[2]. Узнав в пути, что киданьский отряд под командованием Сяо Сюнь-нин[3] напал на уезд Понсан[4] и захватил часть авангарда корейских войск, он был вынужден отказаться от дальнейшего продвижения на север и вернуться в Согён. На помощь в Понсан был послан Со Хи с войсками...[5]

Король Корё был очень обрадован блестящей дипломатической победой своего посла.

...В следующем году (994) Со Хи, выполняя указание короля Сон Чжона, покорил чурчженей, [населявших территорию к югу от реки Амноккан], и построил два военных укрепленных пункта в Чанхыне[6] и Квихва[7], а также возвел крепостные стены вокруг Квакчу[8] и Кучжу[9]. Тогда и был учрежден Апкандокундан — специальное управление по делам переправ через реку Амноккан.

[II.] В 12-м месяце 9-го года правления короля Хён Чжона (1018) кидани начали новое, [третье] нашествие на Корё. Во главе 100 000 киданьской армии стоял Сяо Сюнь-нин.

Для отражения неприятельских сил король собрал войско численностью 208 300 человек. Главнокомандующим его был назначен полководец Кан Гам Чхан, а его заместителем — Кан Мин Чжон. Корёские войска расположились в Ненчжу[10]. Кроме того, в горах близ Хынхваджина ими была устроена засада. Здесь врага ожидали 12 000 всадников, а на большой реке, протекающей у восточной части крепости, была устроена запруда с помощью [нескольких сот] мешков из бычьих шкур. Когда неприятель, переправившись через реку, стал осаждать крепости, запруда на реке была поднята, и потоки

---

[1] Согён — западная столица, т. е. г. Пхеньян.

[2] Анбук — современный Анчжу.

[3] Сяо Сюнь-нин в корейском чтении Со Сон-Ён.

[4] Понсан — южнее современного Кусона в провинции Северная Пхёнандо.

[5] Кидане потребовали от корейцев капитуляции. Некоторые придворные советовали королю принять ультиматум. Но Со Хи убедил короля в возможности обороны при одновременных переговорах о мире. Король направил Со Хи в ставку киданей, где он держался с достоинством и успешно завершил переговоры.

[6] Чанхын — современный Томён в уезде Тхэчхон.

[7] Квихва — западнее современного Унсана.

[8] Квакча — современный Квансан.

[9] Кучжу — современный Кусон.

[10] Ненчжу — современный Анчжу.

воды обрушились на него. В это время внезапно вышедшие из засады всадники уничтожили много вражеских солдат.

Несмотря на это, кидани продолжали двигаться на юг по направлению к столице г. Кэгён. Корёские войска под руководством Кан Мин Чжона преследовали противника и нанесли ему крупное поражение в районе Чачжу[1], а войска Чо Вона, действовавшие в районе Матхан[2], истребили и взяли в плен свыше 10 000 вражеских воинов.

Для защиты столицы г. Кэгён Кан Гам Чхан в первый месяц следующего года (1019) направил туда 10-тысячный отряд Ким Чжон Хёна, приказав ему во что бы то ни стало опередить неприятеля. На помощь столице направился также отряд из 3300 человек, посланный начальником сухопутных войск Северо-Восточного края.

12-го числа первого месяца [1019 г.] враг достиг уезда Синын[3] в 100 ли от Кэгёна. В связи с этим король приказал впустить в крепость всех жителей окрестных сел, не оставив там ровно ничего, что могло быть использовано неприятельскими войсками[4]. Чтобы узнать положение в столице, Сяо Сюнь-нин, командующий киданьскими войсками, направил туда своего чиновника [на разведку] с письмом, в котором сообщил, что будто войска будут уведены. Одновременно с этим он послал туда же 300 конных разведчиков, но последние были схвачены корёскими солдатами и истреблены полностью. [Узнав, какие силы обороняют столицу], враг начал отступать. Когда отступающий неприятель направился в Ренчжу[5] и Вичжу[6], он подвергся нападению корёских войск и потерял более 500 человек.

Во 2-м месяце, когда кидани бежали через Кучжу, там их ждал Кан Гам Чхан со своими войсками. Так здесь встретились главные силы войск обеих сторон. Когда обе стороны еще стояли друг против друга и исход боя не был известен, в Кучжу на помощь Кан Гам Чхану прибыл отряд Ким Чжон Хёна, [тот самый отряд, который защищал столицу, а затем все время преследовал отступающего противника]. Используя налетевший с юга бурный ливень, корёские войска развер-

---

[1] Чачжу — современный Часан.

[2] Матхан — современный Садон на южном берегу р. Тэдонган.

[3] Синын — современный Синге.

[4] Здесь речь идет о примененной Кан Гам Чханом тактике «выжженных полей». Вдоль дорог, по которым продвигались неприятельские войска, было все уничтожено по приказу Кан Гам Чхана, в результате они на земле Корё не могли найти ни одного укрытия, ни одной меры зерна. Эта тактика «выжженных полей» Кан Гам Чхана была блестяще применена корейскими патриотами в XVI в. в борьбе против японских захватчиков.

[5] Ренчжу — современный Кэчхон.

[6] Вичжу — современный Ёнбён.

нули последние решительные бои. Противник нес тяжелые потери: от реки Сокчхон до ущелья Паннён [на протяжении 30 ли] все дороги и поля были усеяны трупами киданей. Было захвачено огромное количество пленных и трофеев. Из 100 000 войска киданей, переправившегося через Амноккан, вернулось на родину всего лишь несколько тысяч.

Так во время этого, третьего по счету, нашествия кидани понесли поражение, равного которому они еще не знали.

«Тонгук пёнгам», изд. «Кванмунхвэ», Сеул, [1911], ч. I, стр. 64—67, 76—78.

12. Борьба Корё против чжурчженей

В 1-м месяце 9-го года правления короля Сук Чжона [1104 г.] вождь чжурчженей, по имени Уяшу, стремясь подчинить себе восточные племена, разорвал связь с последними, а затем напал на них со своими войсками. Так, конница чжурчженей вторглась в пределы Корё в районе Чжончжу [1].

Корёский король назначил Лим Гана, одного из своих влиятельных сановников, военачальником войск Северо-Западного края и приказал ему оборонять страну от неприятеля. В боях, развернувшихся во втором месяце [1104 г.] возле крепости Чжончжу, Лим Ган потерял больше половины своих солдат убитыми. Лишь пришедшие ему на помощь части под руководством опытных военачальников приостановили дальнейшее наступление противника.

Лим Ган был отстранен от должности военачальника войска Северо-Восточного края. Его заменил Юн Гван, который также понес большие потери в живой силе. Сообщая королю о своих неудачах, он писал: «Причина поражения нашего войска в боях с чжурчженями кроется в том, что у противника была конница, в то время как у нас — лишь пехота, которая не способна выдержать натиск врага».

По предложению Юн Гвана впервые в Корё были созданы пёльмубан («Особые воинские части»). Все лица, начиная от гражданских и военных чиновников и кончая купцами и крепостными, а также крестьяне, имевшие своих лошадей, были зачислены в так называемую сингиун («чудесную конницу»). Тех, у кого не было лошадей, зачисляли в «синбоун» («чудесную пехоту») и другие части. Одним словом, все мужчины старше 20 лет, за исключением тех, кто допущен к государственным экзаменам на право занятия государственной должности, были приписаны к «синбоун». Все янбани были также обязаны проходить военную подготовку в одной из частей правительственных войск в любое время года. Кроме того,

---

[1] Чжончжу — современный Чжонпхён.

были созданы также особые воинские части (ханмагун), состоящие исключительно из бонз.

Так, король Сук Чжон после поражений Лим Гана и Юн Гвана создал сильные войска, а также запасы продовольствия, с тем чтобы вести борьбу с чжурчженями. Ему, однако, не суждено было осуществить свои намерения, он умер [в 1105 г.]. Его преемником был Е Чжон, который в начале своего царствования не двинул войска на север против чжурчженей...

В 12-м месяце [1107 г.] Юн Гван и О Ён Чхон покинули столицу и, прибыв со своими войсками на север, расположились возле Чжанчхуна [1]. Здесь находились войска общей численностью 170 000 человек. Они подразделялись на 5 корпусов, в числе которых был и морской корпус, состоящий из 2600 человек. Все эти силы внезапно вторглись в чжурчженьские земли и нанесли большой урон противнику. Не выдержав натиск корёских войск, чжурчжени были вынуждены в конце концов признать себя побежденными.

На завоеванной у чжурчженей земле Юн Гван построил 6 крепостей и переселил сюда много жителей из южных районов.

...Начальник сухопутных войск Ким Хан Чхун, который также смотрел с опасением на строительство крепостей и переселение туда людей с юга страны, говорил: «Как мы будем защищать людей-[переселенцев] в случае внезапного нападения чжурчженей еще до того, как будет завершено строительство этих крепостей?» Опасения этих опытных военачальников подтвердились, и 4-го месяца [1108 г.] чжурчжени вновь стали нападать на Корё, требуя возвращения территории 9 крепостей.

... Учитывая создавшееся в стране положение, король был вынужден принять предложение противника о заключении мира...

«Тонгук пёнгам», изд. «Кванмунхвэ»,
Сеул, [1911], ч. II, стр. 1—11.

13. Борьба корейского народа против монгольских завоевателей

Защита крепости Кучжу (Кусон) в 1231 г.

Монгольская армия подошла к Кучжу. Наместник (пёнмаса) Пак Со, полководцы (чангуны) Ким Чун Он из Сакчжу, Ким Гён Сон из Чончжу, чиновники из Чончжу, Сакчжу, Вичжу, Тхэчжу и других областей собрали в Кучжу воинов, которыми они командовали. Пак Со приказал, чтобы отряд

[1] Чжанчхун — около современного Чжонпхёна.

Ким Чун Она оборонял крепость с востока и запада, а отряд Ким Гён Сона — с севера и юга. Более 250 человек местного ополчения и ополченцев из Вичжу и Тхэчжу были поставлены к крепостным стенам с трех сторон.

Большой отряд монголов подступил к южным воротам. Ким Гён Сон во главе 12 смертников выехал из ворот крепости и вступил в сражение. Он сам убил начальника монгольского авангарда Хык Чхи (Хэйчи), который ехал, подняв черное знамя. Отряд смертников ринулся в атаку. Вражеская стрела ударила в руку Ким Гён Сона, брызнула кровь, но попрежнему звучал барабан, звавший в атаку. Несколько раз отступали монгольские воины, и к концу боя были обращены в бегство...

[В последующие дни] монгольская армия в несколько рядов окружила крепость, день и ночь штурмовала западные, южные и северные ворота. Наши воины, выйдя из крепости, атаковали монголов и заставили отойти. Монгольская армия захватила в плен начальника Вичжу Пак Мун Чхана и отправила его в крепость, чтобы он убедил ее защитников сдаться. Но Пак Со отрубил Пак Мун Чхану голову...

В течение 30 дней монгольская армия осаждала крепость, применяя самые различные меры. Но Пак Со, всякий раз приспосабливаясь к обстановке, в конце концов отогнал монголов от крепости.

Вторжение монголов в 1236 г.

[В 7-м месяце] монголы подошли к крепости Чукчжу и предложили ее защитникам сдаться. Находившиеся в крепости воины вышли из ворот, напали на монголов и обратили их в бегство. Но вскоре монголы вернулись с катапультами и снова напали на крепость. Им удалось разрушить с четырех сторон крепостные ворота, но защитники крепости подвергли монголов такому обстрелу из катапульт, что те не осмелились приблизиться...

Взяв в руки факелы и сухую солому, монголы устроили пожар в крепости и бросились в атаку. Но корейские воины вышли им навстречу, и трудно было сосчитать убитых монголов. Монгольские воины, окружив крепость со всех сторон, потратили 15 дней и все же не смогли заставить ее сдаться. Они сожгли осадные орудия и удалились.

Вторжение монголов в 1253—1254 гг.

В этом [1254] году монгольская армия захватила более 206 800 мужчин и женщин. Никто не считал людей, погибших во время резни. Все места, где проходили монголы, были

превращены в груду пепла. Никогда впоследствии после вторжения монгольской армии Корея не знала ничего подобного.

«Тонгук Пёнгам», Пхеньян, 1955, стр. 334—335, 350—351, 371.

ВОССТАНИЕ ВОЙСК САМБЁЛЬЧХО[1] ПРОТИВ ОБЪЕДИНЕННЫХ СИЛ МОНГОЛЬСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ И КОРЕЙСКИХ ФЕОДАЛОВ В 1270—1273 гг.

14. Из биографии руководителя восстания Пэ Чун Сона

... В 11-м году (Вон Чжона) (1270) было объявлено о возвращении столицы в Кэгён[2] и было также приказано вернуть туда Самбёльчхо. Но у Самбёльчхо были другие намерения, и они не подчинились. Король послал полководца Ким Чи Чжи, чтобы он отправился на остров Канхва, заставил Самбёльчхо покориться, отобрал у них именные списки и возвратился. Но Самбёльчхо боялись, что именные списки будут переданы монголам, и затаили в душе бунтовщические настроения. Пэ Чун Сон вместе с начальником ябёльчхо[3] Но Ён Хи и другими учинил смуту, разослал людей, которые говорили, будто бы монгольские воины убивают и казнят народ. Они призывали, чтобы на площади собрались все те, кто хочет помочь государству. Немного погодя люди собрались. Но некоторые бросились бежать. Люди дрались из-за лодок, чтобы переправиться через залив Канхва, многие утонули и погибли... Мятежники открыли склад Кымганко и роздали воинам снаряжение, чтобы они защищали Ёнсон. Самбёльчхо во главе с Пэ Чун Соном и Но Ён Хи собрались в торговых рядах, провозгласили королем князя (ху) Ван Она[4] и создали свои государственные учреждения... В это время чиновники повсеместно выходили навстречу королю, его жене и детям, говорили о том, что мятежники ограбили их, и горько плакали. Их вопли сотрясали небо и землю.

«Корёса», т. 3, Пхеньян, 1958, стр. 658—659.

15. Из письма короля Вон Чжона юаньскому императору Хубилаю в 1271 г.

... Сейчас мятежники распространяются все дальше, они вторглись в Кимчжу и Мильсон в Кёнсандо, ограбили Намхэ, Чхансон, Кочжедо, Хаппхо, Чиндо и другие местности и до-

[1] Самбёльчхо — армия, созданная в годы монгольского нашествия. В течение ряда лет эта армия охраняла о. Канхва, где укрывался королевский двор.
[2] Кэгён — современный г. Кэсон.
[3] Ябёльчхо — один из отрядов Самбёльчхо.
[4] Ван Он — родственник короля Вон Чжона.

стигли селений на морском побережье, которые ограбили полностью. Поэтому в этих местах трудно создавать запасы[1] и необходима помощь. Подати из Кёнсандо и Чолладо невозможно доставлять по суше, а непременно только морским транспортом. Но сейчас бунтовщики захватили остров Чиндо, который в настоящее время является горлом водного пути, и поэтому суда не могут здесь проходить.

«Корёса», т. 1, Пхеньян, 1957, стр. 411.

16. Из биографии Пэ Чун Сона

...Когда мятежники бежали и вторглись на Тхамна[2], [Ким Бан Гён][3] снова преследовал их на 80 с лишним кораблях. Но мятежники уже успели высадиться на Тхамна и выстроили здесь внутреннюю и внешнюю крепости. Они начали грабить округа и уезды, убили начальника обороны. Морское побережье опустело... В 14-м году (Вон Чжона) (1273) король снова приказал Ким Бан Гёну напасть [на мятежников]. Ким Бан Гён, Синьду[4] и другие пошли и напали.

Мятежники были разбиты наголову. Оставшиеся в живых более 70 человек бежали в горы и там покончили с собой. Наконец-то Тхамна был умиротворен!

«Корёса», т. 3, Пхеньян, 1958, стр. 659.

МОНГОЛЬСКОЕ ИГО В КОРЕЕ

17. Из сообщений «Корёса» от 1271 г.

В 4-м месяце 12-го года Вон Чжона во все провинции были направлены специальные чиновники по делам земледелия (нонму пёльгам), чтобы собрать там рабочий скот и земледельческие орудия, которые затребовали монголы для своих тунчжон[5] в Хванбончжу.

В 11-м месяце из-за долгого пребывания монгольских строевых лошадей все уездные склады были опустошены, поэтому не выдавался фураж.

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, стр. 606, 612.

---

[1] Готовясь к походу на Японию, монголы создавали в то время на юге Кореи запасы продовольствия.

[2] Тхамна — о. Чечжудо.

[3] Ким Бан Гён — корейский полководец, который возглавлял войска, подавлявшие восстание Самбёльчхо.

[4] Синьду — монгольский военачальник, участвовавший в подавлении восстания.

[5] Тунчжон — земли военных поселений.

18. Из петиции, посланной королю в 1277 г.

Члены свиты, сопровождавшие принцессу[1], а также столичные чиновники захватили лучшие земли в больших размерах и установили межевые знаки по горам и рекам. Многие получили жалованные грамоты и не платят налогов.

«Корёса», т. 1, Пхеньян, 1957, стр. 435.

19. Из послания юаньскому императору в 1339 г.

...Когда рождается дочь, корейцы прячут ее и не показывают даже соседям. Узнав о прибытии гонцов из Китая, они сразу меняются в лице и с тревогой говорят друг другу: «Зачем они приехали в нашу страну, наверное, опять за девушками?» Действительно, когда приезжают чиновники, они ходят из дома в дом и обшаривают все закоулки. Если обнаруживается, что кто-то спрятал женщину, то не только его, но даже родственников и соседей подвергают жестоким пыткам, так что женщину в конце концов обязательно находят... Родители и родственники отобранных женщин плачут день и ночь напролет и в день разлуки со слезами на глазах преграждают им путь; от горя и возбуждения они кончают с собой или падают в обморок...

«Чосон чунсеса» («История Кореи в средние века»), т. I, Пхеньян, 1954, стр. 102.

20. Набеги японских пиратов

[А.] Во 2-м месяце 2-го года правления короля Чхун Чжона (1350) японские пираты напали на район Косона и остров Кочжэдо, [расположенные на южном берегу Кореи]. Против вторгшихся разбойников выступил корёский флот под командованием начальника укрепленного порта Хаппхо Цой Сона, который уничтожил более 300 японских пиратов. Это было началом набегов японских пиратов.

В 8-м месяце 3-го года правления короля Чхун Чжона (1351) японские пираты, прибывшие на 130 судах, разграбили и разрушили населенные пункты на островах Чжаёндо и Саммокто[2].

... Все, как чиновники, так и мирные жители, занимались сбором продовольствия для армии.

В 4-м месяце 3-го года правления короля Кон Мина (1354) японские пираты захватили в провинции Чолла 40 судов с

[1] В годы монгольского господства корёские короли в обязательном порядке брали в жены родственниц юаньского императора. В этом отрывке речь идет о монгольской принцессе и сопровождавших ее монгольских и корёских чиновниках.

[2] О-ва Чжаёндо и Саммокто расположены на западном побережье, недалеко от столицы.

зерном. В 4-м месяце следующего года в той же провинции они захватили уже более 200 таких судов[1].

Перевозка зерна по морю стала невозможной. Ввиду этого было дано указание впредь перевозить зерно только по суше[2].

В 4-м месяце 7-го года правления короля Кон Мина (1358), когда перестали возить зерно по морю, японские пираты совершали нападения на государственные склады зерна в Ханчжу и Чинсон, расположенные в устье р. Кымган в провинции Чолла. В связи с этим все государственные склады зерна перенесли в глубь страны.

«Корёса», т. I, Пхеньян, 1957, кн. 37, стр. 573, 577; кн. 39, стр. 589, 595, 600.

[Б.] В 1375 г. [Кон Мин] отправил в Японию новую, третью по счету, миссию с письмом на имя правительства Асикага, в котором говорится:

...После этих переговоров [1366 г.] наступило временное затишье. Но с 1374 г. снова участились набеги пиратов, в связи с чем нами была отправлена миссия, которую возглавлял На Хын Ю. Она требовала прекратить разбойничьи действия пиратов.

Однако отношения между двумя странами не улучшились, и, к сожалению, до сих пор не прекращаются набеги японских пиратов на приморские районы...

«Корёса», т. 2, Пхеньян, 1958, кн. 133, стр. 1122.

21. Из донесения корёского посла Пак Со Сэна, ездившего в 1429 г. в Японию по поручению короля Се Чжона

Каждый раз, когда совершали свои набеги на Корё, японские пираты захватывали много мирных жителей в плен и вывозили их в Японию в рабство. Часть своих жертв они оставляли у себя в качестве рабов, а другую часть продавали в дальних странах, тем самым отнимая у них всякую возможность вернуться на родину...

Во время нашей поездки в Японию многие из этих несчастных людей пытались всеми способами пробраться на наше судно, с тем чтобы вырваться из неволи и вернуться на свою родину, но хозяева не отпускали их. Поистине трагична судьба этих подневольных людей.

«Чжон силлок», кн. 46, стр. 325, л. 2а — 2б.

---

[1] Одна из основных целей набегов японских пиратов на юге — захват правительственных судов, занимающихся перевозкой зерна на север из трех южных провинций.

[2] Действия пиратов в конце концов полностью парализовали транспортировку зерна по морю. Об этом свидетельствует указ короля Кон Мина от 6-го месяца 1356 г.

ВЬЕТНАМ

ВВЕДЕНИЕ

X—XV века были для Вьетнама (Дайвьета, как его называли в средние века) временем становления и развития феодального общества. В X в. вьетнамское государство (в северной части современного Вьетнама) добилось независимости. В начале XI в. была ликвидирована феодальная раздробленность, а затем укрепилась центральная власть и оформились основные феодальные институты.

Крупное централизованное государство отразило в упорной борьбе монгольское нашествие и вело длительные войны с индианизированным государством Тьямпа в современном центральном Вьетнаме.

Во второй половине XIV в. во Вьетнаме происходили крестьянские восстания. Попытки смягчить обострившиеся классовые противоречия путем проведения реформ потерпели неудачу, и крупные феодалы призвали в 1407 г. на помощь войска китайской империи Мин. Но в 1428 г. они были изгнаны восставшими крестьянами под руководством Ле Лои.

Документы, освещающие историю Вьетнама в X—XV вв., почерпнуты из двух ранних источников: «Вьет шы лыок» и «Аннам ти нгюйен».

«Вьет шы лыок» («Краткая история Вьета», автор неизвестен) написана на китайском языке во Вьетнаме в XIV в., примыкает к циклу исторических хроник. Этот труд охватывает события от полумифической династии Хунг (середина I тысячелетия до н. э.) до конца династии поздних Ли (1225 г.) и состоит из трех книг; очень сжатая запись в нем ведется по годам, комментарии незначительны; наиболее детально описаны события XI—XII вв. — время становления централизованного вьетнамского феодального государства.

Взятые из «Вьет шы лыок» (Ханой, 1960) материалы посвящены организации государственного аппарата, усилению централизаторских тенденций в монархии, проявившихся в переходе от системы земельных пожалований к жалованью.

Иллюстрируются также аграрные отношения, система образования, борьба с крупными феодалами.

«Аннам ти нгюйен» — это экономико-географическое описание Вьетнама начала XV в., сделанное китайским чиновником Гао Хуан-чжэном, жившим в стране, когда здесь находились китайские войска. Он располагал всеми необходимыми источниками, поэтому его сочинение содержит ценные данные об административной и общинной организации, о городах, о сельском и ремесленном производстве, о государственных налогах и повинностях и т. д.

Летописный свод «Кхам-динь Вьет шы тхоунг-жям кыонг-мук» («Полный очерк истории Вьета», сокращенно «Кыонг мук») был составлен в 50—80-х годах XIX в. на китайском языке коллективом авторов под руководством Фам Тхань Жяна (вьетнамская транскрипция). Этот крупнейший вьетнамский исторический труд (52 книги) охватывает всю историю страны до конца XVIII в. Как и указанные выше источники, он переводится на европейский язык впервые с вьетнамского издания 1958—1959 гг. «Кыонг мук» основан на более ранних источниках, в разделах до XVI в. он почти полностью воспроизводит источник XV в. — «Дай Вьет шы ки Тоан тхы». Выбранные отрывки посвящены победоносной борьбе вьетнамцев с монгольскими феодалами, в которой решающую роль сыграло участие широких народных масс, а также крестьянским восстаниям и реформам Хо Кюи Ли в XIV в.

Материалы составил и перевел *Д. В. Деопик.*

1. Перенесение столицы в г. Тханг-лаунг (1010 г.)

Прежде государь[1], видя, что город Хоа-лы[2] тесен, решил перенести столицу в Дай-ла[3]. Во время переезда, когда его корабль остановился у стены, на корабле появился золотой дракон, поэтому переименовали [Дай-ла] в Тханг-лаунг («Взлетающий дракон»). Переименовали Хоа-лы в округ Чыонг-ан...

«Вьет шы лыок», кн. II, Ханой, 1960, л. 2б (стр. 70).

[1] Ли Тхай То — первый государь (вуа) династии поздних Ли, правил в 1010—1028 гг.

[2] Город Хоа-лы — столица династий Динь и ранних Ли (968—1009), расположенная в горах.

[3] Город Дай-ла — столица Вьетнама в IX — начале X в. рядом с современным Ханоем, в центре равнины. Перенесение столицы из горных ущелий в центр рисовых долин Красной Реки было следствием объединения страны после периода феодальной раздробленности. В то же время это была централизация на базе вьетнамской, а не китайской центральной власти, и Дай-ла, бывший центр китайского влияния, получил новое, национальное название.

2. Замещение и оплата высших судейских и других должностей

Год Динь муй, 2-й год эры Лаунг тьыонг тхиен-ты[1] (1067 г.).

Назначили виен-нгоай-лангов[2] Нгюи Чаунг Хоа, Данг Тхе Ты на должность до-хо си-шы[3]; 10 тхы-за[4] назначили ан-нгук-лаи (судья). Государь установил для Чаунг Хоа, Тхе Ты каждый месяц каждому из них 50 куанов[5], 100 снопов риса, чтобы уничтожить у них желание брать взятки...

(1072 г.). Государь издал указ, чтобы все монахи, имевшие стихи и поэмы, представили [ему их], все люди, обладающие познаниями в литературе, получили звание тхы-за, чтобы занимать должности, соответствующие этому званию.

«Вьет шы лыок», кн. II, Ханой, 1960, л. 12б (101), 15а (108).

3. Аграрные отношения

(1140 г.)... Весной, в 12-й месяц, государь (Ань-тон, 1137—1175) издал указ, установил: все поля, отданные в заклад в течение 20 лет, сейчас можно выкупить; все земельные споры, разбираемые в суде более 5—10 лет, должны быть прекращены. Все земли, проданные по документам, не могут быть выкуплены.

«Вьет шы лыок», кн. III, Ханой, 1960, л. 3а (139).

4. Восточная деспотия

(1148 г.)... В этом году запретили слугам-сторожам (куан-тхи) свободный вход во дворец. Все чиновники при дворе были лишены свободного допуска в дом государя и его родственников. Вошедший в пределы Фунг-ве[6] наказывался 80 ударами палки, вошедший в коридор подвергался смертной казни[7].

«Вьет шы лыок», кн. III, Ханой, 1960, л. 4б (143).

---

[1] Годы правления, подобные китайским; внутри них годы, обозначаемые цифрами, в отличие от параллельно используемой 12-ричной системы, также аналогично китайской.

[2] Виен-нгоай-ланг — придворный чин.

[3] До-хо си-шы — высший судейский чиновник.

[4] Тхы-за (литератор) — звание, получавшееся по конкурсу; назначались затем чиновниками.

[5] Куан — денежная единица.

[6] Фунг-ве — запретный город, дворцовый комплекс в Тханг-лаунге.

[7] В обстановке крестьянских волнений и дворцовых переворотов правящая верхушка все более стремилась изолировать себя не только от придворных чиновников, но и от слуг.

5. Города и укрепления

В общем имеется 39 городов и укреплений (19 городов и 20 укреплений):

В области	Жяо-Тяу	1 город	4 укрепления
»	Ланг-сон	1 »	2 »
»	Тан-ан	2 города	1 укрепление
»	Бак-жянг	2 »	1 »
»	Ланг-жянг	2 »	3 укрепления
»	Киен-сыонг	—	1 укрепление
»	Киен-бинь	1 город	—
»	Там-жянг	1 »	—
»	Тюйен-хоа	—	1 укрепление
»	Тхань-хоа	1 город	4 укрепления
»	Нге-ан	2 города	—
»	Тан-бинь	2 »	—
»	Тхуан-хоа	3 »	—
Округ	Куанг-оаи	—	2 укрепления
»	Нинь-хоа	—	1 »
»	Зиен	1 город	—

«Аннам ти нгюйен», гл. 6. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 60.

6. Административное и общинное деление

Нгюи Вьет нгоаи ки[1] пишет: «Наместник династии Таи[2] Кхыу-Хоа создал общины (хыонг и са) внутри и вне округов и уездов (тяу и хюйенов). Уезд делился на «большие хыонги», «малые хыонги» и «большие са», «малые са». «Малое са» состояло из 10—30 дворов, «большое са» — из 40—60 дворов, «малый хыонг» — от 70 до 150 дворов, «большой хыонг» — от 160 до 540 дворов. В правление И Цзуна (860—874) Као Биен разделил всю территорию, образовал 159 хыонгов. В годы правления Тай Цзу (907—911 гг.) династии Лян[3] губернатором был Кхук Хао; он снова переменил единицу административного деления — создал объединение нескольких деревень (жяп), основал дополнительно 150 жяпов, которые вместе с прежними составили 314 жяпов. Во время Ли Чана эта система была сохранена, но частично подверглась изменению. В настоящее время названия «уезд» и «округ» устоялись как единственные, но для общин, помимо названий хыонг и са также применяются фыонг, няи, тьо и др. Эти различные между собой названия обозначают поселения типа фыонг, куать, хыонг, чан (т. е. общины).

---

[1] Не дошедший до нас источник.
[2] Китайская династия (618—907 гг. н. э.).
[3] Лян — династия, правившая в Северном Китае.

В настоящее время названия объединены в установившиеся категории, и общее число фыонгов, куать, хыонгов, чанов и т. д. в целом составляет 3385.

«Аннам ти нгюйен», гл. 6. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 61.

7. Сельское хозяйство, ремесло, добыча ископаемых

Дай Вьет нгоаи ки говорит: земли в Жяо-тяу в старые времена назывались «лак[1] диен». Почва их очень плодородна, [люди здесь] сажают рис, выращивают туты, занимаются скотоводством.

Относительно хлопчатобумажных и шелковых тканей можно сказать, что имелись ткани типа креп, подобные им ткани... блестящие (из тонких шелковых нитей), хлопчатобумажные ткани, чулки из шелка — эти виды изделий также очень хороши. Джутовая ткань, ткань из древесины бананового дерева могут быть сделаны путем добычи из этих растений древесных волокон и выделки ниток. Эти ткани, тонкие как газ, очень удобны для теплой погоды...

Ан-нам ти лыок говорит: в Жяо-тяу на некоторых полях возделывают рис, называемый черным, его пересаживают в мае, а собирают в октябре; возделывают рис, называемый красным, его пересаживают в январе, собирают в апреле. Поэтому государственный налог называется «рис, собранный в два сезона».

Что касается разведения шелковичных червей, то каждый год получают восемь выводков, поэтому говорят, что «общины должны сдавать (в качестве налога) нитки от восьми видов шелковичного червя».

Соль (должна быть) белая как снег; перья мартина-рыболова (пеликана) — прекрасного розового, пурпурного цвета и очень красивые; золото — из собранного в округах Фу-лыонг и Куанг-нгюэн; жемчуг и алмазы — из районов Тин-йен и Ван-доун; кораллы и черепаховые щитки — из моря.

Золото. Ти лыок пишет: [золото] добывается в районе (тяу) Куанг-нгюен и др. Относительно добычи золота: группы золотоискателей должны преодолевать неудачи в деле собирания и добычи золота; если они не удовлетворены [добычей], то должны перейти на другое место и там добывать. Перечисляя области, добывающие в настоящее время золото, укажем область Тхаи-нгюен, где шахты добычи желтого золота имеются в 17 местах; округ Фу-лыонг не имеет [мест добычи]; область Ланг-сон имеет золотодобывающие шахты в 4 местах; округ Куанг-нгюен не имеет [мест добычи]; округ

---

[1] Лак — древнее название вьетнамцев.

Куанг-оаи имеет 59 мест; округ Жя-хынг — 5; округ Нинь-хоа — 3; округ Кюи — 1; округ Нгок-ма — 6; округ Ча-ла-унг — 3. Некоторые из этих мест не описаны в Ти лыок.

Добыча серебра. [Серебро] добывается в области Тюйен-хоа и др.; в настоящее время [шахты] заброшены, так как многие места постоянной добычи не дают серебра.

Драгоценные камни. Чиновники, контролирующие добычу из воды драгоценных камней, должны спросить духа, дух дает большие драгоценные камни. Торговцы из прибрежных районов говорят: в год, когда ночью в середине осени (14-й день восьмого месяца) есть луна, то в этот год будет много драгоценных камней.

Кораллы. Имеется два вида [кораллов]: красный и черный. [Кораллы], добытые в море, прямые и гибкие, собранные под солнечным светом (побывавшие на солнечном свету), изогнутые и негибкие. В начале эпохи Хань[1], Чжао То послал своему сюзерену в качестве дани красные кораллы.

Плетеные ткани. Кат Хоунг эпохи династии Цзинь[2] хотел научиться плести, чтобы обрести долгую жизнь, и спрашивал о наилучших способах плетения в Кау-лау[3]. В стихах Ду Фу[4] имеется фраза: «Плетеные ткани Жяо-ти драгоценны», имеющая тот смысл, что в Жяо-ти имеется вид плетеных тканей очень высокого качества. Эта фраза может служить доказательством того, что в те времена существовали плетеные ткани. В настоящее время их уже нет.

Квасцы того же рода, что и соль. При добыче прежде всего выкапывают из земли, складывают в кучи, по прошествии долгого срока получаются квасцы, поднимают на поверхность земли, ждут, когда покрытые (прикрытые) квасцы сгустятся, снова разрубают и используют.

Дерево алоэ, или орлиное. Древняя книга пишет: «В Ньатнаме есть лесные районы, производящие благовония». Нам Вьет ти пишет: «Жяо-ти имеет благовонное дерево. Местное население, живущее здесь, рубит деревья, чтобы длительное время их использовать. Во внутренних районах они еще часты; когда их погружают в воду, они тонут, поэтому их называют «тонущее дерево». Порода, которая плавает, называется «петушиный язык», или «тонущее в воде наполовину»...

Пурпур добывается из насекомых, живущих в ветвях деревьев. Чунг-тяу ки пишет: «...имеют красный цвет и желтый, подобный сосновой смоле». Как следует из этого, два вышеуказанные вида не должны быть отнесены к одной породе.

---

[1] Эпоха Хань — конец III в. до н. э. — II в. н. э.
[2] Династия Цзинь в Китае (XII—XIII вв.).
[3] Кау-лау — современный центр Северного Вьетнама.
[4] Ду Фу — китайский поэт (712—770).

Металлические фигуры, так же как благовония, могут применяться для изгнания злых духов.

Благовония «лау», вид корней дерева «хюэ», — также вид благовоний уже изученный.

Благовоние «лаун ни» — дерево с большими заостренными белыми листьями и желтым пестиком, (который) имеет ароматическое вещество; древесина (его) твердая, имеет косорасположенные темные полосы, из него можно делать различные предметы обихода.

Благовоние «баи» — дерево с толстыми, круглыми листьями, с шипами, в корнях содержится благовонное вещество.

Благовоние «фаунг ти» — очень высокое дерево, сок которого содержит благовонное вещество.

Благовоние «то хоп» — дерево, содержащее опиум, [из которого] можно делать курительный опиум. Почтенные старцы рассказывают, что эту породу деревьев [раньше] разводили и высаживали... В настоящее время этого уже нет.

«Зу би» — дерево из породы мандариновых, благовоние содержится в коре.

Благовоние «бать моук» — большое дерево с маленькими листьями, после 300 лет старые деревья сами падают на землю. [Люди] ждут смерти дерева, чтобы его использовать; [они] берут сердцевину дерева и делают благовония.

«Аннам ти нгюйен», гл. 9. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 62—63.

8. Налоги и повинности

Страна Жяо-ти окружена горами, соседствует с морем, производит много продуктов. Она принадлежит нам с эпохи Хань, но налоги, поступающие с производимых предметов, не зафиксированы точно.

Тан шу[1] пишет: «В Аннаме — облагаются налогом банановые деревья, арековые пальмы, шкуры крокодилов, желчь питона, перья пеликанов[2]; в области Аи в состав налога входят ткани двух сортов и хвосты павлинов; область Фук-лоук платит налог белым воском, пурпуровым тростником (бамбуковым); область Чыонг платит налог золотом; область Хоан платит налог золотом листовым и золотом в брусках, слоновой костью, рогом носорогов, «тонущими благовониями»[3], связками бамбукового тростника; область Фаунг платит налог серебром, изделиями обихода из тростника, белым

[1] Тан шу — книга эпохи Тан (VII—IX вв.), обобщающее название книг танской эпохи во вьетнамской литературе.

[2] В трех последних случаях перечислены, конечно, не объекты обложения, а предметы, сдававшиеся в уплату налога.

[3] Благовониями из пород дерева тяжелее воды.

воском, желчью питонов, кардамоновым деревом; область Люк платит налог золотом, черепаховыми панцирями «тить би»[1], благовонием «жяп»[2]. Здесь описаны различные предметы, но не говорится о количестве всего перечисленного. Хотя Тхоунг кхао пишет: «Область До-хо платит налог золотом 10 слитков, бананов — 10 буонгов[3], арека — 2000 плодов, шкур крокодила — 2000 кан[4], желчи питона — 20 штук[5], хвостов и крыльев пеликанов — 200 комплектов.

Провинция Ньат-нам платит налог: слоновых бивней — 1 штуку, рога носорогов — 4 штуки, благовоний «чам» — 20 кан, золота листового и 4 слитка».

Что касается других округов, то о размерах налога с них не пишется.

В налоги, установленные при Динь, Ле, Ли, Чан[6], входили слоны, слоновая кость, рога носорогов, различные виды редких животных, предметы из золота и серебра, золотые черепахи, «золотой хлеб»[7], ткани, шелк, шелковые нитки, хлопчатобумажные ткани, лекарства, журавли, благовоние «лы», «семь сокровищ»[8], мебель и т. д.

О земельном налоге и других налогах нужно сказать, что от эпохи Хань из-за различных препятствий не известно упоминаний о количестве собиравшихся налогов, так же как и об их составе. Во времена династий Ли и Чан общинные рисовые поля были двух категорий, каждая категория делилась на 3 разряда.

Категория земель куок кхо: высший ранг с каждого мау приносит неочищенного риса 6 хоуков[9], 80 тхангов[10], средняя категория — с каждого мау[11] 4 хоука, низшая категория с каждого мау платит налог 3 хоука.

Категория земель тхак дао: высший ранг с каждого мау платит налог 1 хоук, средний ранг с каждых 3 мау платит налог 1 хоук, низший ранг с каждых 4 мау платит налог 1 хоук.

Рисовые поля «народа»: с каждого мау платится налог очищенным рисом 3 тханга.

Соленосные земли облагаются налогом в денежном выражении согласно доходам.

---

[1] Панцирь одной из пород черепах.
[2] Жяп — створки раковин, используемые для получения благовония.
[3] Буонг — мера объема.
[4] 1 кан равен 604,5 *г*.
[5] Не известно, что за штуки.
[6] Вьетнамские династии X—XIV вв.
[7] Слитки золота определенной формы.
[8] Предметы буддистского ритуала.
[9] Хоук — мера сыпучих тел, приблизительно равная 60 *кг*.
[10] Тханг — мера сыпучих тел, приблизительно равная 0,16 *кг*.
[11] Мау — приблизительно $^1/_3$ *га*.

Рисовые поля во всех районах облагаются налогом соответственно количеству урожая.

Нашим государством (т. е. Китаем) раньше не были твердо установлены нормы налогов и не регистрировались цифры сборов их (т. е. налогов). Чиновники, пользуясь этим, обманывали народ: произвольно изменяли (нормы налога), уменьшали и увеличивали (их). В настоящее время на основе восстановления [правильного] правления в 15-й год Винь-лак'а (1417) золото, серебро и благовония всех видов взимаются в необходимом качестве, повсеместно имеются контролеры, для всех установлен день... [когда следует] посылать людей для сопровождения перевозок налога.

В 16 областях, принадлежащих Жяо-тяу, и 5 округах, принадлежащих Куанг-оаи, общее число налога, собранного за один год, составило:

Перья пеликанов — 2000 комплектов
Бумажные веера — 10 000 штук
Лак сырой — 3 315 кан 9 лангов 5 донгов
Квасцы сырые — 500 кан

Орошаемые частные и общественные земли, занятые под сельскохозяйственные культуры, составляют 17 442 кхоаня[1] 34 мау 5 фан 6 ли[2].

Налог очищенным рисом собирается с урожая второго муссона в 5-м лунном месяце и 10-м лунном месяце; он составляет 73 549 хоук 4 тханг 2 хоп 6 тхыок 5 сао[3].

Общее число собранного налога рисом 10-го месяца 3001 хоук 8 дау.

Налог солью	— 40 400 дау 40 тханг
Налог золотом	— 573 ланг 8 донг 5 фан 1 ли
Налог серебром	— 1 072 ланг 3 фан 1 ли
Налог шелком	— 1 229 кан 15 ланг 1 донг
Налог слонами	— 4 слона

Налог с торговли:

Бумажными деньгами, выпущенными династией Хо[4], собрано 34 461 куан 6 тиен 17 тьы[5].

В медной монете собрано 3902 куан 5 тиен 56 тьы;

собрано в бумажных китайских деньгах династии Мин (XIV—XVII вв.) 30 558 куан 9 тиен 21 тьы.

---

[1] 1 кхоань равен 100 мау.

[2] Ли — наименьшая единица площади.

[3] В общем 1200 зерен падди, собранных в цилиндрической мере, составляют 1 тхыок; 10 тхыок = 1 хоп (или кап); 10 хоп = 1 тханг; 10 тханг = 1 дау; 10 дау = 1 хоук (или тхать). Сао — меньшая часть тхыок. Падди — очищенный, но необрушенный рис.

[4] Хо — вьетнамская династия (1400—1407).

[5] Куан — «связка монет» = 10 тиен; 1 тиен = 36 или 60 монетам, или 1000 тьы.

Налог с кирпичных заводов, гончарных печей, печей для отжига извести, с кузниц собран в медной монете — 68 куан 2 тиен.

«Аннам ти нгюйен», гл. 10. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 64—65.

9. Численность населения

Государство (китайское) с 5-го года Винь-лак [1407] имеет людей, вновь ставших его подданными, имеет людей, называющихся «вновь вернувшимися», имеет людей, возвратившихся к своим прежним занятиям; положение еще не устоялось окончательно. В настоящее время, опираясь на начавшуюся регистрацию 15-го года Винь-лак'а [1417 г.], насчитывается 162 558 дворов и 450 288 жителей:

Область	Жяо-тяу	— 19 586	дворов	65 219	человек	
»	Бак-жянг	— 10 073	»	35 667	»	
»	Ланг-жянг	— 8 136	»	17 087	»	
»	Тан-ан	— 20 647	»	74 226	»	и т. д.

«Аннам ти нгюйен», гл. 13. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 72—73.

10. Мосты через реки

Мань-ты говорит: «Каждый год в первый месяц оканчивается строительство малого (пешеходного) моста, в последнем месяце оканчивается строительство большого (для перевозок) моста, тогда народ не должен огорчаться, переходя водные пути». Изложенное выше, как и строительство, также было функцией королевской власти, так как работы народа не должны быть отсрочены [1]. Территория Жяо-ти имеет много рек, во всех необходимых местах имеются мосты. Помимо этого, каждый год в определенное время юноши и девушки обычно ходят друг к другу и забавляются или выстраиваются в ряд на мосту, чтобы продавать и покупать (что-либо), поэтому в таких случаях ремонт моста производится силами населения, без нужды в поощрении. В настоящее время, опираясь на объявленные областями и уездами записи в книгах, общее число мостов составляет 335:

В области	Жяо-тяу	— 31	мост
»	Лан-жянг	— 5	мостов
»	Чан-ман	— 18	»

[Далее перечисляются 16 областей].

«Аннам ти нгюйен», гл. 13. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 74.

---

[1] Видимо, имеются в виду сельскохозяйственные полевые работы.

11. Плотины и заграждения

Заграждения строятся, чтобы сдерживать воду, плотины строятся, чтобы останавливать воду. Районы, расположенные вблизи моря, с низким уровнем земли по отношению к морю могут не нуждаться в заграждениях, но не могут не иметь плотин. На территории Жяо-ти население плотное, обрабатываемой земли не хватает, поэтому в прежние времена наши люди строили плотины высотой в 2 бен[1] на берегах рек, принимали заблаговременно меры против наводнений. Распашка целинных земель, подверженных постоянным наводнениям, происходила следующим образом: влиятельные роды, желая получить земли в частную собственность, строили плотины, препятствуя воде затоплять пригодные для обработки земли, и, с одной стороны, сохраняли мир с населением, с другой стороны, пользовались всеми продуктами с этих земель. Река Фу-дыонг (река Каи), возникая в горах северо-запада, течет, отклоняясь к юго-востоку. Вода в ней поднимается и широко разливается от обилия дождей летом и осенью. Для борьбы с несчастьями, вызванными наводнением, на берегах имеются плотины, чтобы создать защиту: одна плотина — от реки Даи до реки Хаи-чиеу[2] и реки Фу-ван, другая плотина — от реки Бать-хак[3] до реки Ло, реки Даи-лынг, бухты Мань, бухты Нинь[4]. С каждой стороны имеется вал высотой 3 тхыока (1,2 *м*) шириной 5 чыонгов (20 *м*). Имеется установленный титул — «управитель реками» (ха до фо сы), чтобы охранять (реки)[5].

Каждый год в первый лунный месяц чиновник побуждает жителей соседних районов всех без различия, богатых и бедных, молодых и старых, идти строить. В низменных местах собирают больше народа. Также заделываются разрушения в плотинах. До начала лета все работают. В одном месте работа продолжается обычно несколько лет. В 7-м и 8-м месяцах вода в реках поднимается до наивысшего уровня, в это время чиновник должен обойти вверенный ему участок, выявить места, нуждающиеся в быстром ремонте. Если он замешкается, не выполнит своего долга и не направит к месту, где протекает вода, жителей ближайшего района, вода затопит посадки риса. Тогда, согласно размерам бедствий

---

[1] Бен — мера длины.

[2] Река Хаи-чиеу находится в области Кхоам-тяу.

[3] Река Бать-хак находится во Вьет-чи, округ Там-даи.

[4] Многие имена этих рек и этих заливов не имеют точных географических соответствий.

[5] Плотина, о которой здесь говорится, — плотина Куай-вак (Диньни) — построена в 1248 г. Титул «Ха до фо сы» также учрежден в это время.

от этого преступления, он осуждается на наказание. Благодаря такому порядку, за исключением затопляемых земель, земли, пригодные для обработки, не остаются необработанными. В настоящее время, следуя старине, в течение нескольких лет назначаются чиновники, побуждающие ремонтировать плотины.

«Аннам ти нгюйен», гл. 13. Цит. по:
«Ван Шы Диа» № 20, 1956, стр. 75 и след.

12. Борьба против монгольских завоевателей

Приводимые ниже отрывки рассказывают о втором походе монголов на Дай Вьет в 1284—1285 гг., о мероприятиях по объединению всего народа для борьбы с захватчиками.

[А] *(1284 г.) 11-й месяц, зима. Послали послов к Юаням* [1]

Монголы собрали войска в Хугуане [2], объявили о намерении захватить нашу страну. Государь послал чунг-дай-фу Чан Фу в страну юаней (Китай), чтобы остановить войска. Но монголы не согласились, отправили наследника Тогхана командовать войсками, говоря, что они идут воевать в Тьямпу. На самом деле (они) разными путями стремились захватить нашу страну. Государь созвал старейших со всей страны во дворец Зиен-хоунг, устроил пир и спросил, как бороться, какой применить способ. Все старики ответили: «Надо воевать». Не было ни одного, сказавшего иное.

(1285 г.) 4-й месяц, лето. Тиеу-ван-выонг Нят Зуат победил монгольские войска в устье Хам-ты

Войска Тоа До [3] вернулись из Тьямпы. Грабя по дороге, они шли горами и долинами в пределах областей О, Ли, Хоан, Ааи, потом остановились в Тэк-кете [4]. Государь созвал совет приближенных, сказал: «Враги шли тысячами путей, чтобы неожиданно захватить чужую страну, но это им не удалось и пришлось отступить. Сейчас, когда они устали, мы пошлем свои свежие силы против утомленного врага. Если первое сражение мы дадим так, чтобы они утратили боевой дух, то, несомненно, мы разгромим их». После этого совещания государь приказал Тиен-ван выонгу [5] Нят Зуату, тиеу-тхань выонгу [6] (имя неизвестно), хоаи-ван хэу Куок То-

---

[1] Монгольская династия Юань в Китае.
[2] Хугуань — провинции Хунань, Хубэй.
[3] Тоа-До — монгольский полководец Сагату.
[4] Северные провинции в современном Чунгбо.
[5] Тиен-ван выонг — военный титул.
[6] Тиеу-тхань выонг — военный титул.

ану и тыонг-куану Нгюену Кхоаи повести навстречу наиболее сильные войска. Когда наши войска достигли устья Хамты, оба противника жестоко сразились. В войске Нят Зуата были китайцы, одетые по-китайски, носили лук и стрелы, сражались вместе с нами. Тхыонг-хоанг[1] думал, что так как одежда и язык китайцев похожи на монгольский, то существует опасность, что наши войска не смогут отличить [их от монголов]. Он послал людей сообщить следующее: «Это китайские войска тиеу-ван выонга, отличайте их получше». Войска Тоа До только что пришли издалека; видя в рядах противника воинов, одетых по-китайски, боялись, что здесь есть китайские войска, сражающиеся на стороне нашего войска. Поэтому монгольские войска были разбиты. Тоа До отступил и остановился в устье Тхиен-чыонга, чтобы запастись продовольствием. Прежде, когда китайское государство было уничтожено, многие китайцы перешли к нам; Нят Зуат собрал их, среди них был один очень сильный, и Нят Зуат сделал его телохранителем. Поэтому в победе над монгольскими войсками большая заслуга Нят Зуата...

5-й месяц. Государь пригласил тхыонг-хоанга, и они приняли командование над войсками для войны с монголами, разгромили их войска в Тэйкете и убили Тоа До

Прежде тхыонг-тыонг Куанг Кхаи, Хоаи-ван хэу Куок Тоан возглавили народное ополчение и армию в различных провинциях, разгромили войска монголов в Тыонг-зыонге и возвратили столицу. Отряды монголов Тхоат Хоана и Тхитя должны были переправиться через реку Фу-лыонг[2], чтобы спастись. Тогда государь пригласил тхыонг-хоанга из Тханьхоа командовать войсками, приведенными оттуда, и снова победил войска монголов в области Чыонг-ен. Позиции войск монголов — войска Тоа До и войска Тхоат Хоана — расположились друг от друга на 200 замов[3]. Когда Тхоат Хоан вынужден был отступить, Тоа До ничего не знал об этом. Поэтому Тоа До и О Ма Ни[4] собрали войска и с моря повели наступление по реке Тхиен-мак, желая соединиться с войсками Тхоат Хоана, чтобы поддержать друг друга.

Передовые отряды монгольских войск прошли до хюйена Фу-нинь, но встретили начальника уезда Ха Дака, который устроил засаду и внезапно всем войском напал. Враги бежали

---

[1] Тхыонг-хоанг — титул отца-императора.
[2] Фу-лыонг — один из притоков Красной реки в ее дельте.
[3] 200 замов — приблизительно 100 *км*.
[4] О Ма Ни — монгольский полководец Омар.

5*

до А-лапа. Увлеченный преследованием, Ха Дак погиб, его войска попали в плен. Младший брат Ха Дака Тыонг, используя неосторожность врагов, похитил у них кольчуги и знамя, передал нашим. Наши войска воспользовались этими военными доспехами, напали на лагерь врагов; юаньские войска не ожидали нападения и были разгромлены.

«Кыонг мук», кн. 7, Ханой, 1958—1959, стр. 30 (505), 39 (513), 40 (514).

[Б] (1389 г.) 8-й месяц, осень. Разбойники[1] *поднялись в Тхань-хоа*

Нгюейен Тхань, житель Тхань-хоа, провозгласил себя князем Линь-дыком, спасаясь от преследований (правительственных войск), собрал очень много людей на реке Лыонг[2]. Народ поддержал его. В то время Нгюйен Ки, житель Нонгконга, провозгласил себя князем Ло, тоже собрал вооруженных людей и грабил.

(1389 г.) 12-й месяц. Бонза-маг Фам Шы Он поднял восстание. Государь послал подчинить виен-тыонга полка Та Тзань-дык. Хоанг Фунг Тхе подавил (восстание)

Шы Он призывал народ собраться в селе Куок-оаи, злоупотребил высоким званием[3]. Назначил Нгюйен Маи и Нгюйен Кха Ханя на посты губернаторов, чтобы они собрали бродяг и бездельников и организовали отряды: «Священный», «Храбрый», «Беспредельный». Шы Он возглавил войска и прямо напал на столицу. Государь и тхыонг-хоанг уехали в Бак-жянг. Шы Он был в столице три дня, потом отправился походом на Нон-тяу[4]. Государь послал Хоанг Фунг Тхе на подавление [восстания]. В это время Фунг Тхе воевал с Ла Нгаи, полководцем Тием-тханя в Хоанг-жянге. Получив приказ, Фунг Тхе начал поход из Миет-жянга. Стояла зима, уровень воды в реках упал, Фунг Тхе построил канал, войска начали наступление. Противник был неожиданно атакован и потерпел поражение. Армия Чанов захватила Шы Онга с Нгюйен Маем и Кха Ханем: их казнили».

«Кыонг мук», кн. 11, Ханой, 1958—1959, стр. 7 (650), 10 (653).

---

[1] Разбойниками в источниках называли повстанцев.
[2] Лыонг — река Ма.
[3] Т. е. объявил себя государем.
[4] Нон-тяу — современный Шон-тэй.

13. Реформы Хо Кюи Ли

(1396 г.) 4-й месяц, лето.
Начали выпускать деньги «тхонг-бао хой-шао»

Придворный Вьонг Ньы Тю предложил изменить систему. Хо Кюи Ли согласился, установил следующую новую денежную систему: на деньгах в 10 донгов были изображены водоросли, на деньгах в 30 донгов — волны, на деньгах в 1 тиен — облака, на деньгах в 2 тиена — черепаха, на деньгах в 3 тиена — лан, на деньгах в 5 тиенов — феникс, на деньгах в 1 куан — дракон. Фальшивомонетчики карались смертной казнью и конфискацией всего имущества. После выпуска этих бумажных денег принудили население обменивать настоящие деньги на бумажные. За один куан настоящей монеты давали один куан два тиена бумажной. Народу запретили использование бронзовых денег, все бронзовые деньги должны были быть сданы чиновникам. Если кто-либо хранил или использовал в торговле (бронзовые деньги), его наказывали как фальшивомонетчика.

(1398 г.) Хо Кюи Ли установил должность работающих в провинциях, округах и уездах

В провинциях установили должность правителя ан-фу сы и заместителя, в областях — чан-фу сы, в округах — тхоунг-фан и тхием-фан, в уездах — лень-юи и тю-ба. Чиновники провинций руководят областью; область управляет округом, округ управляет уездом. Все административные, финансовые, налоговые, судебные и тюремные дела областей, округов и уездов хранятся в провинции, в конце каждого года (они) подаются в ведомства для проверки. Установили должность до-дока, до-хо, до-тхонга, тонг-куана, тхай-тху, чтобы управлять делами. Назначили фо-тьонга [1] Ле Хан Тхьонга исполнять должность до-хо-фу в провинции Донг-до [2]...

(1398 г.) 5-й месяц. Установили должность хаук-куана [3] в каждой провинции и давали им поля различных размеров

Указ гласил: «В древние времена в стране были государственные школы, в городках были местные школы, в окраинных районах имелись школы «тьонг»; обращали внимание на то, чтобы просвещение было ясным, обряды — хорошими.

---

[1] Фо-тьонг — военный чин.
[2] Донг-до — Ханой.
[3] «Кьонг мук», кн. II, стр. 30 (671).

Эти методы мне очень нравятся. Теперь общегосударственная система образования совершенна, но в округах и уездах многого не хватает (для образования). При таком положении как мы можем дать путь для воспитания народа? Посему повелеваю в каждой области или округе провинций Шоннам, Кинь-бак и Хай-донг назначить чиновников по просвещению («хаук-куан»). Дарую им рисовые поля согласно следующим категориям: 15 мау — в больших округах и уездах, 12 мау — в средних округах и уездах, 10 мау — в маленьких округах и уездах. Урожай с этих полей будет идти на образование в этом округе или уезде. Государственные чиновники в провинции должны контролировать хаук-куанов, чтобы они воспитывали учащихся, делали их сведущими в литературном искусстве. В конце каждого года выбирать всех лучших учеников и представлять ко двору. Я сам буду их повторно экзаменовать и потом назначу на должности.

(1398 г.) 6-й месяц.
Установили законы об ограничении земельных владений

Прежде все родственники государя обычно посылали тягловых строить дамбы, ограждать от морской воды участки в прибрежных областях. Через два-три года начинали обрабатывать эти поля и создавали здесь свои земельные владения. Теперь установили закон об ограничении землевладения, за исключением сыновей монарха и дочерей монарха, чьи поля не были ограничены. Дальние родственники монарха не имеют права владеть более 10 мау, имеющие земли выше нормы должны отдать ее чиновникам, виновные в чем-либо могут, отдав поле, выкупить себя.

(1400 г.) Установление налога на торговые суда

Разделили торговые суда на три категории: высшая, средняя и низшая. За каждого гребца на судне высшей категории платили 5 куанов, средней — 4 куана, низшей — 3 куана.

(1401 г.) 4-й месяц, лето. Составили списки населения

Прежде Хо Кюи Ли вел секретные переговоры с дворцовыми чиновниками о том, каким образом мы можем получить 100 000 солдат, чтобы сопротивляться разбойникам с севера? Донг-чи су-мат шы Хоанг Хой Кхань составил единый список всего населения. Детей с двухлетнего возраста должны были обязательно вносить в список. Жители столицы, уехавшие в другие города, должны были вернуться на свое

первоначальное местожительство и пройти перепись, не обманывая. После окончания переписи число людей от 15 до 60 лет намного увеличилось. С этого времени возросло и число завербованных солдат.

(1401 г.) Установили закон об ограничении использования рабов

В это время Хоанг Хой Кхань, Нгюйен Хи Тю и Донг Тхык, поддерживавшие семью Хо, неоднократно советовали Хан Тхыонгу[1] уничтожить родственников Чанов, уменьшить число зависимых, чтобы уменьшить силу Чанов. Хан Тхыонг издал закон об ограничении числа рабов. Людям было позволено использовать рабов соответственно своему чину, больше или меньше, остальных рабов надо было отдать в общее пользование. Рабы все имели на лбу клеймо[2].

(1402 г.) Хо Кюи Ли установил порядок взимания поземельного налога и барщины

Прежде при династии Чан с полей общинников взималось 3 тханга[3] риса с одного мау, с земли, на которой выращивали тутовые деревья, — с каждого мау 9 или 7 куанов. Общинники платили ежегодно 3 куана. Отныне Хан Тхыонг изменил это. Делали так: с каждого мау рисовых полей взимали 5 тхангов; земли под тутами делились на три категории: с одного мау высшей категории — 5 куанов, с одного мау средней категории — 4 куана, с одного мау низшей категории — 3 куана. Подушный налог уплачивался общинниками согласно количеству земли: люди, имевшие более 2 мау 6 сао, вносили 3 куана. Кто имел земли менее этого количества, для тех налог уменьшался. Безземельные, а также сироты, вдовы, имеющие землю, освобождались от государственной барщины.

«Кыонг мук», кн. 11, Ханой, 1958—1959, стр. 24 (666), 28 (669), 29 (670), 39 (678), 40 (679), 44 (682).

---

[1] Хан Тхыонг — второй государь династии Хо, сын Хо Кюи Ли, правил в 1400—1407 гг.

[2] Клеймо у государственных рабов имело форму драгоценного камня «хоа тяу», встречающегося в Чунгбо, у рабов дочери государя — форму «зыонг-дыонг» (значение слова неясно); рабы дай выонга носили «красное кольцо», рабы чиновников I или II класса... «черное кольцо», чиновников III класса — два «черных кольца».

[3] Тханг — мера сыпучих тел.

ЯПОНИЯ В X—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Помещаемые ниже документы относятся к периоду развитого феодализма в Японии, когда в результате кризиса надельной системы, при которой существовала государственная собственность на землю (см. том I «Хрестоматии»), в X—XI вв. окончательно установилась частная феодальная собственность в форме поместий (сёэн). Приводимые источники отражают некоторые новые тенденции развития: создание военно-феодального правительства и его аппарата, феодально-иерархической организации, положение и борьбу крестьянства, нравы японского рыцарства. Документы сгруппированы в шести разделах.

Раздел «Государственное устройство» содержит сведения о становлении (после битвы в 1185 г. при Данноура) новой власти военно-феодального правительства «бакуфу», возглавлявшегося сильнейшим феодальным домом — сёгунами (военачальниками) Минамото. Такая форма правления с перерывами просуществовала в Японии вплоть до буржуазной революции 1868 г.

Стремясь подавить распри и укрепить феодальную власть в интересах всего класса феодалов, Минамото Ёритомо, борясь со своими соперниками, установил известный порядок в деле управления, разослал своих людей, обладавших вооруженными силами, на посты губернаторов-протекторов как в государственные, так и в частные владения, учредил систему старшинства среди феодалов и самураев. Не желая обострять отношений с придворной камарильей и группой феодалов, стоявших за ней, сёгун оказывал трону подчеркнутые знаки внимания. Больше всего опасаясь крестьянских волнений, часто вспыхивавших в те годы, он пытался ограничить непрекращающиеся грабежи и произвол феодалов и их дружинников, уменьшить непомерные поборы.

Правление Ёритомо — первого сёгуна династии Минамото — изображается японской буржуазной историографией как век образцового государственного управления.

Приводимые материалы взяты из труда «Нихон гайси», написанного с 1802 по 1896 г. японским историком Рай Санъё на большом историческом материале. Исследование охватывает период с XII по XVII в., имеет 22 тома.

Правительственные указы последующих лет, помещенные в разделе «Социально-экономические отношения», прямо свидетельствуют об обеднении и разложении опоры правительства — непосредственных вассалов (гокэнин) династии и косвенным образом — об ослаблении верховной власти и усилении торгово-ростовщического капитала. Правительственные указы об аннулировании долгов дворян характерны для этой эпохи.

Аннулирования ростовщических процентов и издания соответствующих указов (токусэйрё) добивались также и крестьяне, выдвигая это как одно из основных требований во время крестьянских восстаний в XIV—XV вв.

Подлинники указов, помещенных ниже, находятся в коллекциях фамилии Коноэ и храма Тодзи в Киото. Переводы сделаны по «Нихон си. Сирё энсю» [1].

«Политическая программа сёгуната Асикага» (раздел третий) представлена документом «Кэмму сикимоку» — «Кодекс годов Кэмму» (1334—1338 гг.), определявшим главную цель правительства второй династии сёгунов — ликвидировать смуту и создать стабильную власть.

Это правительство пришло к власти в обстановке глубокого возмущения бесчисленными новыми податными и другими тяготами, возложенными на широкие слои японского народа придворной камарильей и поддерживавшей ее группой феодалов, в обстановке недовольства коррупцией и безответственностью, воцарившимися повсюду во время кратковременного (двухлетнего) «восстановления монархии», возглавленной императором Годайго.

Чувствуя непрочность своего положения в условиях продолжавшейся междоусобной войны и крестьянских волнений, правительство Асикага действовало осторожно. Оно объявило о преемственности политических принципов, провозглашенных главой первой сёгунской династии Минамото Ёритомо, и стремилось укрепить основу главенства правящего класса; чтобы взять государственный аппарат в свои руки, правительство назначило везде доверенных людей. Стремясь

---

[1] «Нихон си. Сирё энсю» («История Японии. Хрестоматия исторических материалов и документов»). Сост. профессора Фудзики Кунихико и Иноуэ Мицусада, Токио, изд. Токё дайгаку сюппанкай, 1956.

успокоить широкие слои японского народа, в первую очередь крестьянство, правительство обещало прекратить произвол и грабежи со стороны самураев, бороться со взяточничеством и бюрократизмом, принимать и рассматривать жалобы и прошения простого народа. Характерны два новых положения, не встречавшиеся ранее в такого же рода документах: готовность гарантировать торговцам и ростовщикам в городах и деревнях безопасность и возможность дальнейшего расширения деятельности (ст. 4 и 6) и настороженность в отношении буддийской церкви (ст. 16), которая впоследствии, в XV—XVI вв., выросла в мощную силу и претендовала на политическое господство.

Кодекс «Кэмму сикимоку» был составлен по поручению Такаудзи — основателя сёгунской династии Асикага, группой сановников и учеными монахами в форме ответа на его запрос. В таком же виде без каких-либо изменений он и был обнародован. По примеру кодекса VII в. он также состоял из 17 статей. Впоследствии к нему было сделано более 200 дополнений, которые в 1569 г. были объединены в отдельную книгу.

Кодекс «Кэмму сикимоку» помещен в обширном (530 томов) собрании документов, дневников, описаний и проч. — «Гунсё руйдзю». Труд этот охватывает период начиная с древнейших времен до середины третьего, токугавского сёгуната (XVIII в.). Составлялся в течение 41 года (1779—1820 гг.) ученым Ханава Хакиити (1746—1827 гг.) и его учениками. Издание было начато только в 1898 и закончено в 1930 г.

Документ о «Положении крестьян в XIII в.» заимствован из архивов крупного старинного буддийского монастыря Коясан. Документы, помещенные в пятом разделе, отражают антифеодальную борьбу крестьян в XV в., отличавшуюся таким размахом и силой, каких, пожалуй, не наблюдалось в феодальной Японии ни до, ни после этого. Это выдержки из различных дневников и записей частных лиц — представителей господствующего класса, с ненавистью и страхом наблюдавших крестьянские выступления. Эти выдержки (док. № 6—8) взяты нами из книги «Синтэй сирё Нихон си»[1].

В разделе «Нравы самураев» помещено несколько отрывков из известной феодальной эпопеи «Тайхэйки» («Сказание о Тайра и Минамото») в переводе акад. Н. И. Конрада. «Тайхэйки» состоит из 40 томов, охватывает период около

---

[1] «Синтэй сирё Нихон си» («Проверенные и исправленные материалы по истории Японии»). Сост. Историческое общество при литературном факультете Токийского государственного университета, Токио, Ямакава сюппанси, 1958, т. 1, стр. 147.

50 лет (1318—1367 гг.); автор и время составления точно неизвестны. «Тайхэйки» посвящено междоусобной борьбе двух крупнейших феодальных домов — Тайра и Минамото. Как и в других военных хрониках и многочисленной рыцарской литературе того времени, в «Тайхэйки» описываются военные битвы и поединки феодалов, дается понятие о складывающейся идеологии правящего дворянского класса, о его этике. В это время получает распространение особый японский способ самоубийства «харакири» (другое название «сэппуку»). В рыцарской литературе того времени отдельные случаи харакири, действительно имевшие место, множились и преувеличивались до неузнаваемых размеров, преподносились как образец поведения воина и вассала.

Эта воинская этика впоследствии легла в основу расистских и шовинистических идей японской военщины эпохи империализма.

Составитель и переводчик (док. № 2—8) *Г. И. Подпалова.*

I. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО

1. Правление Минамото Ёритомо [1]

Оэ Хиромото составил [для Минамото Ёритомо] следующий проект:

«Ныне великая смута впервые подавлена, и население Канто чувствует себя спокойно, находя опору в походно-военном управлении (бакуфу), однако смелые негодяи скрываются, притаившись по разным территориям. Когда они поднимаются, их громят, но посылать каждый раз для этого восточных воинов [из района Канто], так тогда и не перечесть, сколько это станет трудов и расходов, да и население страдает при этом от поборов и насилий.

Так вот, если составить теперь план действий, то нет ничего лучше, как поставить во всех областях зависящих от правительства протекторов (сюго) [2], а в частновладельческие

[1] Минамото Ёритомо (1147—1199) — крупный феодал, владетель района Канто, основатель первой династии сёгунов. Он разбил и уничтожил в морской битве при Данноура силы другого крупнейшего феодала, Тайра Киёмори, своего главного соперника, установил в 1192 г. новый режим, известный под названием «бакуфу» — «сёгуната». Сёгунат Минамото был первым в Японии (1192—1333), вторым являлся Асикага (1338—1573) и третьим — Токугава (1603—1867).

[2] Сюго — губернаторы (протекторы), направляемые центральным правительством бакуфу во все провинции Японии. Находились там наряду с правителем области, который назначался от императора. Имели в своем распоряжении войска и фактически являлись хозяевами провинции. На обязанности сюго лежало подавление мятежей, преследование политических противников правительства и охрана провинции.

вотчины (сёэн) назначить вотчинных начальников (дзито)[1], поручив всем им преследовать и захватывать смутьянов в подведомственных им местах, и тогда, сидя на месте, можно будет усмирить и привести в состояние покоя всю страну!»

Ёритомо очень обрадовался и, командировав Ходзё Токимаса для охраны столицы, поручил ему вместе с тем подать верховной власти доклад с просьбой об утверждении этого; кроме того, он поручил ему также просить и о том, чтобы пристоличные земли и юго-западные территории[2] обложить сбором по пяти сё[3] (риса) с каждого тан[4] в целях доставления продовольствия войскам.

Правительство после обсуждения удовлетворило просьбу, и Ёритомо, представив отличившихся подвигами и заслугами своих домочадцев и челядинцев, подразделил их, назначив одних из них сюго, а других — дзито, себе же лично он оставил общий надзор за ними, почему в народе его прозвали «Генеральным протектором 66 областей»[5] (рокудзюроккоку соцуй буси).

Вслед за этим он подал доклад с просьбой о том, чтобы учредить государевых докладчиков (гисокан) в числе десяти человек; на должности их он назначил, сделав выбор сам, из придворной знати, причем поручил им произвести следствие, доискавшись тех, начиная с придворных, которые принимали [в свое время] участие в деле издания указа о восточной карательной экспедиции [против Ёритомо].

В 1-й луне 2-го года (Кэнкю-1191 г.) он переименовал Приказ общественных грамот (кумондзе) в Приказ управления страной (мандокоро), заставив отправлять все вообще дела на основании письменных распоряжений этого учреждения.

Во 2-й луне [этого же года] он отремонтировал Ходзюдзидэн[6].

В 7-й луне [1191 г.] последовал указ императора, жаловавший Ёритомо званием «Сэйи тайсёгун», т. е. главного воеводы по усмирению и покорению варваров.

---

[1] Дзито (вотчинные начальники) — представители от правительства бакуфу, направляемые в частновладельческие вотчины «сёэн»; их главной обязанностью был контроль за доходностью вотчины, за выделением правительству положенной доли подати и другие административные функции.

[2] Юго-западные территории Санъёдо, Санъиндо, Нанкайдо и Сайкайдо.

[3] Сё — мера емкости, равная 1,5 *кг* риса.

[4] Тан — мера площади, равная 0,0991 *га*.

[5] В то время Япония состояла из 66 областей.

[6] Ходзюдзидэн — резиденция постригшегося императора Госиракава. Находилась близ Киото.

В 1-й луне 4-го года (Кэнкю-1193 г.) Ёритомо установил порядок старшинства мест для всех военачальников и самураев[1].

В 8-й луне [1195 г.] он (Ёритомо) отдал приказ вотчинным начальникам восточных областей [Канто], в котором говорилось, что если кто будет укрывать злоумышленников, то он (Ёритомо) будет отбирать у таких должности и отдавать их (должности) захватившим преступников.

После смерти Ёритомо последовал указ, которым Ёрииэ назначался исполняющим должность среднего командира правого крыла лейбгвардии и главнокомандующим над протекторами и вотчинными начальниками всей страны.

Это было в первый год Сёдзи (1199).

Как в первый, так и в обратный путь [из Камакура в Киото] он (Минамото Ёритомо) совершенно не обременял крестьян поборами для своего путешествия, и все население как в ближних, так и в дальних местах было очень довольно и склонялось к нему.

В то время [1195 г.] Хирага Ёсинобу был вотчинным начальником в области Мусаси, и так как крестьяне были им очень довольны, находя, что он действует в их пользу и интересах, то Ёритомо вывесил в помещении [сёгуната] надпись, что вообще правители в областях должны подражать Ёсинобу.

Сочинения Рай Дзио Сисэй, Нихон гайси («История сёгуната в Японии»). Книга III. Минамото. Перевод и комментарии В. М. Мендрина. Известия Восточного института, Владивосток, 1913, т. 39, вып. I, стр. 42—58.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

2. О закладе и продаже ленных владений

Все нижеизложенное санкционировано и утверждено 26-го дня 12-й луны 4-го года Бунъэй (1267)

Возможно, что заклад и продажа ленных владений, допускаемая нашими прямыми вассалами (гокэнин), происходят из-за их материальных затруднений. Тем не менее отныне и впредь должны быть прекращены подобные операции, выкуплены все заложенные земли, и, конечно, в первую очередь полученные от нас в награду.

«Из документов дома Коноэ» «Нихон си. Сирё энсю», сост. профессора Фудзики Кунихико и Иноуэ Мицусада, Токио, изд. Токё дайгаку сюппанкай, 1956, стр. 154.

---

[1] Примерно то же самое, что русское местничество.

3. Правительственное распоряжение об аннулировании долгов от 5-го года Эйнин (1297) 7-й луны 22-го дня

Господам Укондаю Сёкан из Сагами и Маэцкаса из Кодзукэ.

Из Канто[1] в адрес тиндай[2] в Рокухара[3] направлено следующее распоряжение:

Запрещается подача судебных апелляций

Число подаваемых апелляций с просьбами о пересмотре дел[4] год от году растет. В большинстве случаев заявления, подаваемые по отвергнутым искам, беспочвенны, но все же истцы не успокаиваются. Это создает немало затруднений. Посему впредь надлежит прекратить подобные апелляции...

О закладе и продаже земель

Главная причина бедствий и несчастий наших прямых вассалов (гокэнин) лежит в том, что они допускают просрочку возмещения ссуд, полученных под залог земель, или же продают земли вовсе. Впредь этого нельзя допускать. Все земли, проданные ими до издания настоящего распоряжения, должны быть возвращены прежним владельцам[5]. Однако теперь уже нельзя ничего изменить в отношении тех документов о назначении правителем [самураю] рисового жалованья или ленного владения или в отношении самого ленного владения, продажа и заклад которых совершены более 20 лет назад, будь то на государственных или личных землях.

Всякие возражения или препятствия, чинимые изложенному выше, считаются наказуемым деянием.

В случае если гокэнин заключил сделку с негокэнином или с простолюдином, земли должны быть возвращены их прежнему хозяину, даже и по прошествии 20 лет.

О процентах по рисовым ссудам (суйко)[6]

Когда у того или другого человека возникает нужда, он не задумывается о расходах и потому принимает на себя

[1] От правительства сёгуна Минамото.

[2] Тиндай — генеральный представитель правительства Минамото при императорском дворе. Должность считалась одной из важнейших. Представителя называли также рокухара сюго, нандэн, хоппо, хокудэн.

[3] Рокухара — район в г. Киото.

[4] Имеются в виду главным образом земельные тяжбы.

[5] Т. е. гокэнинам — непосредственным прямым вассалам правящего дома Минамото.

[6] Рисовые ссуды «суйко» выдавались правительственными органами крестьянам под огромные проценты, выдавались такие ссуды и частными

непосильные обязательства, по которым приходится платить огромные проценты. Это разоряет нуждающихся и, напротив, еще более обогащает богачей.

Предписываем отныне и впредь не подвергать должника наказанию, о чем и должна быть выдана ему бумага. Возмещать [проценты по рисовым ссудам «суйко»] не требуется.

Если кредитор обратится в суд, прошение не принимать.

Однако это распоряжение не относится к заложенному движимому имуществу.

Печати Сагами-но-ками[1]
и Мацу-но-ками.

Из документов храма Тодзи [Киото]
«Нихон си. Сирё энсю», Токио, 1956, стр. 155—156.

III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СЁГУНАТА АСИКАГА

4. Кодекс годов Кэмму (1334—1338)

Должно ли оставаться правительство бакуфу в Камакура, как то было до сих пор, или его пребывание следует перенести в другое место?

В старину в Китае и в нашей стране перемены происходили так часто, что не счесть. Но когда мы переходим к более позднему времени, то видим, что обстоятельства складываются более сложно, и подобные перемены теперь уже не так легко осуществить.

Следует отметить как чрезвычайно важное изменение переезд [правительства] в район Камакура, где в годы Бундзи [1185—1189] его светлость правый министр (Минамото Ёритомо) создал правительство бакуфу. В годы Сёкю (1219—1221) Ходзё Ёситоки[2], состоявший в ранге «асон», захватил всю страну.

Но было ли это место счастливым для княжеского дома? Правда, князья имели обширные доходы, обладали большой властью. Но вместе с тем сделались расточительны и жадны, перестали заботиться об исправлении зла, которое укоренялось все глубже и глубже. В конце концов это привело к вымиранию рода Ходзё.

лицами (ростовщиками и купцами) различным другим категориям населения, но также под крайне высокие проценты.

[1] Ходзё Садатоки (1270—1311).

[2] Ходзё Ёситоки (1163—1224) — один из правителей рода Ходзё. Пользовался большой властью и влиянием. Известен суровыми расправами с непокорными.

Но если бы даже они переместили свою резиденцию куда-либо в другое место, все равно, разве можно было им уйти от опасности, если они так и не покидали пути, ведшего к гибели?

Династии Чжоу и Цинь[1] правили в одних и тех же границах. Но Цинь были свергнуты уже во втором поколении, а Чжоу стояли у кормила правления 800 лет.

Династии Суй и Тан[2] имели резиденцию в Чанъане. Но Суй были также свергнуты уже во втором поколении, а Таны держали власть 300 лет.

Следовательно, продолжительность правления зависит от того, хороша или плоха система управления страной. Другими словами, причина не в том, что плоха данная местность, но в тех людях, которые управляют. В самом деле, если кто-либо хочет изменить местопребывание правительства, разве он в таких случаях не должен руководствоваться мнением общества?

Вопрос о системе управления

Когда мы рассматриваем вопрос о том, какую систему управления ввести, мы можем избрать пример Китая или Японии. На чем же следует остановиться?

Мы являемся наследниками того периода, когда княжеский дом[3] переживал период расцвета. Сможем ли мы, [так же как они], создать хорошее управление? Если да, то и у нас будут обладающие зрелым опытом высшие государственные советники члены Хёдзёсю[4] и чиновники всех классов и рангов. Можно ли утверждать, что в чем-либо прежний (камакурский) режим был плох, если оценивать его справедливо, без предубеждений? Древний [китайский] закон гласит: «Добродетель — это хорошее управление, а хорошее управление заключается в том, чтобы сделать жизнь народа легче, более терпимой».

Следовательно, мы, очевидно, сможем быстро положить конец страданиям множества людей, дав такие распоряжения:

1. Все должны соблюдать строгую экономию. За последнее время многие гонятся за тем, чтобы одеваться красиво и оригинально, люди наряжаются в одежды узорчатой парчи, вышитого шелка, носят богато разукрашенные мечи, стараются поразить глаз. Кажется, будто наше время — век людей, лишившихся рассудка. Кто богат — преисполняется гор-

---

[1] Династии правителей в Китае (с 1122 по 207 г. до н. э.).

[2] Династии правителей в Китае (с 589 по 907 г. н. э.).

[3] Камакурское правительство сёгунов Минамото.

[4] Хөдзёсю — нечто вроде государственного совета при камакурском правительстве.

дости все больше и больше. Кто победнее — стыдится того, что не может равняться с этими богачами. Ничто не может быть губительнее этого для доброй морали. Нужно строго пресекать подобные тенденции.

2. Следует строго запретить попойки и распутные развлечения.

Очень важно запретить всем, невзирая на ранги, излишества в этом отношении. Тем более потому, что нередко человек, ослепленный привязанностью к любовнице, вовлекается в азартные игры. Кроме того, бывают случаи, когда под предлогом чайной церемонии или состязания в стихосложении на самом деле люди собираются, чтобы играть в азартные игры. А ведь это никогда не приносит пользы, а только вред.

3. Надлежит строго карать преступные действия.

Не прекращаются кражи в домах среди бела дня; ночью ограбления, а иногда даже случаются резня и убийства; грабители на больших дорогах орудуют на каждом перекрестке. Не смолкают вопли и стенания жертв.

Не следует ли немедленно отдать обязательные и твердые инструкции, [могущие предотвратить подобные действия]?

4. Нужно решительно пресечь практику своевольного вторжения в чужие дома и вмешательства в чужие дела.

В частности, совершенно нетерпимо, когда, например, человека, который ценой больших лишений построил себе новый дом, допрашивают вышестоящие лица и в конце концов дом у него отбирают. Он лишается крова, становится бездомным бродягой, теряет средства к существованию. А ведь это самое прискорбное!

5. О возвращении прежним владельцам их земельных участков в столице, превратившихся в пустоши.

В настоящее время более половины площади столицы превратилось в пустошь [1]. Не следует ли возвратить пустующие земельные участки в столице их прежним владельцам и разрешить возводить дома заново?

Городская молва требует осудить всех без исключения высоких персон и простых людей, виновных в том, что его императорское величество бежал из столицы, и, не вдаваясь в проверку правильности обвинения, конфисковать имущество и т. д.

Однако не следует ли перед тем, как применить положения закона, разобраться в том, кто является главным виновником беспорядков и мятежа, а кто — лишь соучастником, выделить тех, кто являлся подчиненным или лицом зависимым? Не следует ли тщательно расследовать каждый отдельный случай и определить различную степень наказания?

---

[1] Т. е. выгорело.

После волнений в годы Сёкю повсюду проводились бесчисленные конфискации владений. Если и теперь мы снова начнем отбирать имущество, то кугэ[1] и другие придворные впадут в крайнюю нищету.

6. Надлежит поощрять строительство огнебезопасных хранилищ[2] товариществами денежной взаимопомощи.

Если учесть, какие огромные тяготы возлагаются на народ в виде денежных и других взносов и отработок да его страдания от неискорененного еще обычая [самураев] вламываться в дома с целью вымогательств и грабежа, то возникает опасение, что жизненные припасы, в которых нуждаются как высшие, так и низшие, перестанут поступать, бедняки окажутся не в состоянии поддерживать свое существование, нормальное управление страной будет нарушено.

Если удастся осуществить такое строительство [огнеупорных хранилищ], то не создаст ли это у народа известное чувство уверенности в своей безопасности?

7. На посты губернаторов провинций надлежит избирать людей особо способных и авторитетных.

В такое время, как сейчас, не надо ли вызвать наших верных воинов и назначить их губернаторами провинций? А тем, кто заслужил награды, даровать поместья [сёэн]?

Должность губернатора провинции издавна учреждена в нашем государстве. Этот пост имеет важное значение в деле обеспечения мира и покоя всей страны. Народ сохраняет спокойствие, если на такой пост назначается человек безупречных качеств.

8. Требуется безоговорочно пресечь практику посредничества и различных рекомендаций [правителю] со стороны влиятельных аристократов, различных дам и духовных лиц (из секты Дзэн).

9. Лица, занимающие общественные должности, несут ответственность за свою небрежность или бездействие. Следует тщательно отбирать людей для назначения на эти посты.

Два помещенных выше пункта не представляют собой ничего нового.

Это незыблемые принципы управления, поддерживавшиеся из поколения в поколение.

10. Надо с корнем уничтожить взяточничество.

Хотя этот принцип также провозглашается не впервые, но теперь для покарания виновных нужно применять наказания более строгие, чем обычно. Например, если человек принял взятку хоть в 100 мон, его следует лишить на длительный период права занимать любую должность. Если же взятка

---

[1] Кугэ — придворная аристократия.

[2] Такие хранилища возводились большей частью купцами, ростовщиками и др.

велика, то принявшего ее надо навсегда лишить права занимать какой-либо официальный пост.

11. Подарки, преподнесенные тем, кто несет наружную или внутреннюю службу при императорском дворе, должны быть отосланы обратно.

Если вышестоящим лицам нравится получать подарки, то по их стопам пойдут подчиненные. Нужно провести реформу, преследующую цели укрепления честности и строгости нравов.

Категорически запретить принимать в качестве подарков и сувениров всякие редкостные вещицы из Китая.

12. Люди, лично несущие службу при особе правителя [императора или сёгуна], должны избираться на этот пост.

Недаром говорится: «Если хочешь узнать, каков король, взгляни на его министров; если хочешь знать, каков человек, посмотри, с кем он дружит». Следовательно, если хорошие или плохие качества монарха можно отгадать по характеру окружающих его министров, то, очевидно, на посты министров надлежит избирать особо достойных людей. И далее, если люди, окружающие правителя, формируют группы и партии, по взаимному уговору рекомендуют кого-либо или, наоборот, стараются очернить, что может быть более опасным? Это ведет к спорам, ссорам, беспорядкам. История династий, царствовавших в Китае, да и наша собственная история знает немало подобных примеров. Наконец, имеется еще один источник недоразумений — когда актеры, разыгрывающие представления при дворе, используя свое мастерство, красивую внешность и костюмы, входят в доверие и пользуются расположением правителя. Этих авантюристов нельзя допускать в число окружающих его людей. Не следует ли об этом серьезно подумать [его величеству]?

13. Этикет и вежливость должны соблюдаться особо тщательно.

При управлении страной нет ничего важнее, чем поддерживать строгие правила этикета. Для лиц царствующего дома существует своя форма церемоний, для вассалов — своя. При всех обстоятельствах различие между высшим и низшим должно сохраняться. Соблюдению правил этикета должно придавать главное внимание как в разговоре, так и в поведении вообще.

14. Надлежит высоко отмечать лиц, известных своей честностью и верностью высоким моральным принципам.

Это путь, помогающий выдвигать людей достойных и отделываться от дурных. Неукоснительно следует издавать распоряжения о выражении похвалы достойным или порицания нерадивым.

15. Надлежит выслушивать жалобы и прошения бедняков и людей низкого положения.

Этому вопросу придавалось особо важное значение в правление Яо и Шунь[1]. В «Книге истории» сказано: «Что обычному человеку представляется не имеющим значения, мудрец считает делом первостепенной важности». Стоящим у власти надлежит свято помнить это. Среди бедняков всегда есть люди, нуждающиеся в жалости и сочувствии. Их горестные прошения следует принимать и рассматривать; настоятельно необходимо, чтобы затем были изданы соответствующие распоряжения.

16. Прошения и претензии буддийских и синтоистских храмов надлежит удовлетворять или, наоборот, отвергать, если они того заслуживают.

В некоторых случаях священнослужители пользуются своим духовным авторитетом и влиянием; в других случаях в качестве предлога объявляют о намерении возвести новые или расширить старые храмы и другие сооружения; то ссылаются на таинственные веления и чудеса или на то, что это нужно им для молитвенных целей. Вот такого рода доводы они выдвигают в обоснование своих домогательств. Надлежит провести тщательное расследование всех обстоятельств дела [перед тем как дать согласие на прошение].

17. Должны быть назначены определенные дни для вынесения решений и для издания государственных распоряжений.

Из того, что причиняет страдания людям, нет более досадного, чем нерадивость и небрежность чиновников, управляющих народом при выполнении ими своих обязанностей. Нельзя спешить сбросить дело с рук, не доискавшись до причины и корня вопроса. Ясное решение должно быть вынесено как в отношении одной, так и другой стороны. Главная цель подобных распоряжений, отдаваемых властями, должна заключаться в том, чтобы не оставлять у народа поводов для жалоб.

Таково содержание изложенных выше 17 статей.

Хотя я, Дзээн, являюсь потомком рода Ли Цао, я превратился в невежественного сельского жителя отдаленной затерянной местности. Несмотря на это, мне оказана великая честь — меня призвали, чтобы спросить совета о принципах твердого и устойчивого управления. Вышеуказанное — итог изучения мной истории Китая и Японии от древних времен до наших дней. В настоящее время во всех провинциях не смолкает звон оружия. Так не следует ли действовать чрезвы-

---

[1] Яо и Шунь — китайские легендарные правители.

чайно осторожно и осмотрительно? Древние говорили: «Когда живешь в мире и спокойствии, никогда не забывай об опасности». Мы же живем в обстановке тревоги. Можно ли забывать об опасностях, которыми мы окружены?

Сейчас — тревожное время; требуется проявлять сугубую осторожность.

Примером для подражания следует избрать благодетельное правление двух святых монархов древности, царствовавших в годы Энги и Тэнряку[1], и полезную деятельность отца и сына — Ёситоки и Ясутоки, [управлявших страной] уже в ближайшие годы. Пусть они станут нашими учителями и в нынешнее время. Во всяком случае, если мы создадим такую систему управления, к которой миллионы людей будут относиться с уважением, то разве не станет она незыблемым фундаментом для обеспечения мира в нашей стране?

Таков в общих чертах смысл предложений, которые мы имеем честь представить для рассмотрения.

Кэмму 3-й год, 11-я луна, 7-й день [10 декабря 1336 г.].

Подписи СИНЬЭЙ

ДЗЭЭН [кроме того названо еще 6 имен]

«Гунсё руйдзю», т. 461. «Дай-нихон сирё» («Материалы по истории великой Японии»), сост. Исторический отдел литературного факультета Токийского императорского университета, Токио, изд. Токё тэйкоку дайгаку, 1903, т. 6, ч. 3, стр. 859—864.

IV. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН В XIII в.

5. Господину управителю (ками) от крестьян

Крестьяне деревни Камимура поместья Атэкава[2] почтительнейше обращаются к Вам с прошением.

От нас, крестьян, дзито требует работать то по распиловке леса, то обслуживать его во время поездок в Киото и обратно, и мы не имеем ни минуты покоя.

Даже тех немногих людей, которые не заняты в этом, гонят в горы на рубку и вывоз леса. А когда они возвращаются, заставляют обрабатывать суходольные поля беглых крестьян.

Если же не идут и не засевают эти поля, хватают их жен и дочерей, мучают, отрезают уши, нос, волосы, насильно постригают в монастырь, а то избивают скрученными веревками, всячески издеваются и истязают. Вот какими средствами он заставляет заготовлять себе лесоматериал.

---

[1] Император Дайго (898—930); император Мураками (947—967).

[2] Эти земли находились в провинции Кии.

Кроме всего этого, старший сын дзито грабит и разоряет наши крестьянские дома.

28-го дня 10-й луны 1-го года Кэндзи (1275 г.)

Записи и хроники монастыря Коясан.
«Дайнихон Комондзе» («Старинные исторические документы великой Японии»), Коясан бунсё-нороку (том 6-й записей и материалов монастыря Коясан). Цит. по: «Нихон си. Сирё энсю», Токио, Токё дайгаку сюппанкай, 1956, стр. 142.

V. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В XV в.

6. Из «Мансай дзюго ки»

«Мансай дзюго ки» — название произведения из 2-х томов, написанного в форме дневника. Описаны события конца XIV — начала XV в. Автор — архиепископ Мансай, настоятель храма Дайгодзи в г. Киото.

Сегодня на заре здесь, в [деревне] Дайго, взбунтовались крестьяне[1] и потребовали издания указа «Токусэйрё». Повсюду они вытаскивали [у ростовщиков из хранилищ] долговые обязательства и сжигали их.

Все эти требования об издании указа токусэйрё пошли из провинции Оми. Дело началось еще в 8-й луне. Это просто возмутительно!

«Синтэй сирё Нихон си», Токио,
Ямакава сюппанся, 1958, т. I, стр. 147.

7. Из «Дайдзёин никки мокуроку»[2]

Крестьяне поднялись по всей стране. Они требовали издания указа «Токусэйрё», разрушали водочные лавки, склады, амбары при буддийских и синтоистских храмах и забирали хранившееся там зерно, сжигали все долговые обязательства. Власти этих владений покарали мятежников. Такие события — самая страшная опасность для государства. Подобных крестьянских восстаний не бывало с самого начала существования нашей страны.

«Синтэй сирё Нихон си», Токио,
Ямакава сюппанся, 1958, т. I, стр. 147.

---

[1] В 1428 г. в провинции Оми волнения подняли возчики (басяку), а за ними восстали и крестьяне в районе Киото.

[2] Записи храма Дайдзёин; выяснить автора этого источника нам не удалось.

8. Из «Саккайки»[1]

Один человек рассказал: «Крестьяне в провинции Харима[2] взбунтовались так же, как прошлой зимой крестьяне близ Киото. Повсюду нападали на самураев, и в это время к ним присоединялись [дружины] заместителей сюго в различных поместьях. Из-за этого войска, подведомственные сюго, потеряли много людей убитыми, а уцелевшие разбежались. Вся провинция охвачена восстанием. Настали неслыханные времена. Крестьяне требуют: «В нашей провинции не должно остаться ни одного самурая!» Весь мир ввергнут в беспорядок, царят разброд и неурядицы».

Эйке 1-й год, 1-я луна, 29-й день (1429 г.).

«Синтэй сирё Нихон си», Токио,
Ямакава сюппанся, 1958, т. I, стр. 147.

VI. НРАВЫ САМУРАЕВ

9. Вызов на поединок

Я, Дзиро Такасигэ, правнук Нагасаки, в монашестве Энги из рода Такатоки, бывшего правителем в Сагами, потомка в тринадцатом поколении Садамори — вождя рода Тайра, потомка в третьем поколении принца Кацурабара — пятого сына императора Камму. Я, желая ныне почтить воинскую доблесть своих предков, хочу умереть на поле битвы. Кто хочет заслужить славное имя, выходи, сразимся!

Со стороны вы, вероятно, слышали мое имя. Теперь приблизьтесь и узнайте меня самого! Перед вами Синодзука, князь Ига, потомок в шестом поколении Хатакэяма Дзиро Сигэтада. Здесь тот, кто вырос в Мусаси, о ком его светлость Нитта сказал, что он один стоит тысячи. Выходите на бой, приобщитесь к бранной славе!

«Тайхэйки», гл. XXVI, Масацура Есино-э маиру кото. Цит. по: *Н. И. Конрад,* Японский феодальный эпос XII—XIV веков. Сб. «Восток». Литература Китая и Японии, М. — Л., 1935, стр. 249—250.

10. Харакири

Принц спросил: «А как нужно убивать себя?» Ёсиаки, сдерживая хлынувшие слезы, проговорил: «Вот так...» И, не договорив до конца, выхватил меч, повернул его на себя,

---

[1] Перевести название и выяснить автора этого источника нам не удалось.

[2] Крестьянские волнения, начавшиеся в провинции Нара, перебросились в провинции Тамба, Харима и другие районы, расположенные недалеко от г. Киото.

вонзил в левый бок и разрезал себе несколько ребер по направлению к правому боку. Затем, вынув меч, положил его перед принцем, упал ниц лицом и умер. Принц тотчас же взял меч и взглянул на него. Так как на рукоять стекала кровь, принц обернул ее рукавом своей одежды, обнажил свое подобное снегу тело и, вонзив себе меч около сердца, пал на то же изголовье, что и Ёсиаки.

Все бывшие с принцем — То-но тайфу Юкифуса, Сатоми Оиноскэ Токиёси, Такэда Ёити, Кэи-но Ясабуро дайю Удзихару, Ота Соцу-но хогэн и прочие — все воскликнули: «Мы тоже вслед за принцем!» В один голос возгласили молитву буддам, и все сразу совершили харакири. Видя это, воины числом более трехсот, что стояли во дворе, стали пронзать друг друга мечами и грудою свалились на землю.

«Тайхэйки», гл. XVIII, Канэгасаки сиро оцуру кото. Цит. по: *Н. И. Конрад,* Японский феодальный эпос XII—XIV веков. Сб. «Восток». Литература Китая и Японии, М. — Л., 1935, стр. 255.

ИНДИЯ В X—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Процесс становления феодальных отношений завершился в Индии к X в. В XI—XV вв. происходило дальнейшее укрепление феодального экономического и общественного строя. Определенную окраску развитию общества того времени придало так называемое мусульманское завоевание, т. е. завоевание Индии выходцами из Средней Азии, Гура, Ирана — представителями тюркских племен, а также таджиками и афганцами. В Делийском султанате, образовавшемся в 1206 г., правящая верхушка феодалов была представлена чужеземцами, официальной религией стал ислам, а персидский язык — языком официальной переписки, делопроизводства, историографии и пр.

Ослабление Делийского султаната в конце XIV в. сопровождалось отпадением провинций и вассальных территорий, образованием новых государств: Гуджаратского султаната, Бахманидского султаната со столицей в Бидаре, Виджаянагара на юге страны и т. д.

В Южной Индии, где власть делийских султанов всегда была призрачной, многие социальные институты продолжали сохранять свою специфику и в так называемый мусульманский период. Поэтому материалы по истории Южной Индии выделены в хрестоматии в специальные подразделы.

Предлагаемые извлечения из источников отражают отнюдь не все проблемы истории Индии указанного периода, что объясняется и характером источников, и недостаточной степенью их изученности.

В настоящий раздел хрестоматии включены в основном материалы из сочинений феодальных историографов XIII—XVI вв. и материалы эпиграфики.

Важнейшим первоисточником по истории Делийского султаната второй половины XIII — середины XVI в. служит «Тарих-и Фируз-шахи» («История Фируз-шаха»), принадлежащая перу Зия уд-дин Барани (1286—1356 гг.). Барани поль-

зовался большим влиянием при султанском дворе. Но при Фируз-шахе Туглаке (1351—1388 гг.) он попал в немилость. Свою историю, посвященную правлению нескольких султанов Дели от 1265 г. до 1356 г., Барани писал при жизни султана Фируз-шаха, милости которого он тщетно добивался. Поэтому страницы, посвященные Фируз-шаху, в значительной мере панегиричны. Но Зия уд-дин Барани был хорошо осведомлен о делах государства, и его свидетельства о внутренней политике султанов, экономическом состоянии страны и т. д. как очевидца весьма ценны.

Для характеристики султаната во второй половине XIV в. мы использовали одноименную хронику («Тарих-и Фируз-шахи») Шамс Сирадж Афифа, написанную, по-видимому, в начале XV в. вскоре после индийского похода Тимура (1498—1499 гг.), т. е. в период феодальных усобиц, ослабления и территориального распада султаната. Это обстоятельство в значительной мере определило идеализацию Афифом правления султана Фируз-шаха, личным качествам и деятельности которого историк приписывает хорошее состояние земледелия, торговли, преуспевание населения. Однако, отбрасывая все славословия в честь Фируз-шаха, в сущности безвольного ставленника могущественных феодалов, следует признать большую историческую ценность многих свидетельств Афифа.

Большой интерес для истории Индии представляет оригинальное сочинение «Футухат-и Фируз-шахи» («Победы Фируз-шаха»), приписываемое перу самого Фируз-шаха, написанное, возможно, под его диктовку или по его поручению. Здесь перечисляются «незаконные» сборы с торговцев и ремесленников, приводятся сведения о религиозно-сектантских течениях, о реформах в области феодального землевладения.

Некоторые данные о феодальном землевладении, торговле и ремесле взяты из хроники «Мират-и Сикандари» (история Гуджарата XV—XVI вв.), написанной феодальным хронистом Сикандаром ибн-Мухаммадом, известным в начале XVII в. под прозвищем Маджху Абкар.

Некоторые из эпиграфических памятников (док. № 1—4) содержат достоверные сведения о сельской общине. Надписи раскрывают внутреннюю жизнь общины, рассказывают о деятельности общинных органов самоуправления, стоявших иногда во главе целых округов, об их функциях.

Док. № 5 свидетельствует о существовании определенных форм организации в кастах.

В разделе II содержатся сведения, характеризующие формы феодальной собственности на землю.

Мусульманские феодалы-завоеватели, встречая в Индии сопротивление всего населения, были заинтересованы в соз-

дании сильного государства, способного гарантировать эксплуатацию крестьян и новые завоевания. Некоторые султаны пытались в целях усиления своей власти всемерно укрепить государственную земельную собственность (док. № 5—7).

Должностные земельные пожалования (икта, джагир), которые по условиям держания были временными владениями, постепенно превращались в наследственные, что нашло отражение в законодательных актах делийского султана Фируз-шаха и султанов Гуджарата Махмуда Бегарра (1458—1511 гг.) и Музаффара II (1511—1526 гг.) (док. № 8—10).

Постепенный рост частного феодального землевладения выразился в увеличении доходов феодалов-ленников (мукта, иктадар) за счет увеличения ренты-налога, доли ленников в ренте-налоге и приобретения ими прав налогового иммунитета (док. № 11—13).

Выражением слабости государственной земельной собственности Индии во второй половине XIV в. было формирование подвассалитета — поземельной и личной зависимости между феодалами (док. № 14). Док. № 15 также свидетельствует о развитии частной феодальной собственности путем обводнения «мертвой» земли. Наконец, док. № 16 рассказывает о политике делийских султанов в отношении земельной собственности средних и мелких феодалов — индусов и феодализирующейся общинной верхушки.

Док. № 17—19 указывают на относительную слабость в Южной Индии государственной собственности на землю и наличие права отчуждения у феодальных вассалов.

Небольшой отрывок из надписи от 1194 г. (док. № 20) весьма интересен тем, что указывает на имевшее место усиление феодальной эксплуатации в случае перехода земли из собственности верховного правителя в руки отдельного феодала.

Материал о формах феодальной эксплуатации представлен как надписями, так и извлечениями из хроник. Одна из приводимых надписей повествует о налоговой системе в империи Виджаянагар (док. № 21). Содержание док. № 22 отражает налоговую политику делийских султанов.

Как это видно из привлекаемых источников, преобладающей формой ренты-налога была смешанная — натурально-денежная. Размер и форма налога не были точно фиксированы и определялись в каждый данный период различными экономическими и политическими интересами феодального класса.

Под давлением широких слоев населения, с одной стороны, и в целях обеспечения условий для нормального воспроизводства крестьянского хозяйства — источника благополучия феодального класса — с другой, султаны нередко были вынуждены проводить более мягкую налоговую политику.

Перечень налогов и сборов с торгово-ремесленного населения городов в Делийском султанате содержится в извлечении из «Футухат-и Фируз-шахи» (док. № 27).

Док. № 24—26 свидетельствуют о политике в области торговли: регламентация цен на продовольствие и др. товары Ала уд-дином Хилджи, произведенная в интересах феодального государства, и отмена этой (ненавистной торговцам) регламентации преемником Ала уд-дина, стремившимся к расширению социальной опоры своей власти; наконец, об упразднении Фируз-шахом большого числа феодальных поборов с торгово-ремесленного населения.

О городах, состоянии торговли и ремесла рассказывают извлечения из дневника Афанасия Никитина, побывавшего в государстве Брахманидов в 1469—1472 гг., и хроника Гуджарата XVI в. (док. № 27, 28). Отрывок из хроники Афифа (док. № 29) свидетельствует о деятельности торгово-ростовщического капитала, проникавшего в сферу деятельности налогового аппарата.

Об объединениях купеческих и ремесленных гильдий рассказывает надпись от 1093—1094 гг. (док. № 30).

Заслуживает внимания отрывок из надписи начала XV в. (док. № 31) о торгово-ремесленных городках, выросших, по-видимому, из деревень.

Среди источников X—XV вв. не сохранилось сколько-нибудь значительного материала о народных движениях. Лишь по косвенным данным или же отдельным отрывочным свидетельствам мы можем судить о размахе антифеодальных выступлений крестьян и торгово-ремесленного населения городов. В связи с этим составители раздела нашли целесообразным поместить в Хрестоматии материал лишь о некоторых сектантских учениях.

В приведенном из «Футухат-и Фируз-шахи» извлечении (док. № 32) рассказывается о жестоких преследованиях делийским султаном сектантов и расправах с их главарями.

Материалы для главы составили и перевели: *Л. Б. Алаев* — док. № 1—4, 17—21, 30, 31; *К. З. Ашрафян* — док. № 5—16, 22—26, 28, 29, 32.

I. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

ВЫБОРЫ ВАРИЙЯМОВ (ДЕРЕВЕНСКИХ КОМИТЕТОВ)

Приводятся две надписи из Уттарамаллура, небольшого городка к юго-западу от Мадраса. Надписи рассказывают о возникновении и развитии системы выборных деревенских комитетов в одной из деревень, населенной брахманами. Подобные комитеты существовали и в деревнях, населенных более низкими кастами, но о них нет таких подробных сведений.

1. Надпись 918 г.

Счастья! Процветания! В 12 год [правления] государя Паракесаривармана [1], который завоевал Мадураи, мы, члены собрания Уттарамеру-чатурведимангалам [2], вместе с Таттанур-Мувенда, веланом [3], который присутствует среди нас в соответствии с царским приказом, [адресованным] нашей деревне, приняли следующее решение относительно выборов комитетов начиная с этого года ежегодно, а именно: «годового комитета», «комитета садов» и «комитета водоемов».

[В деревне] имеется 30 кудумбу [4]. Члены каждой из этих 30 кудумбу должны собраться и написать на специальных жеребьевых билетах имена тех [жителей], которые имеют более четверти поля [5] облагаемой податями земли; живут в домах, построенных на их собственных участках; находятся в возрасте от 30 до 60 лет; известны своими познаниями в Ведах, Шастрах [6]; сведущи в делах; обладают телесной и духовной чистотой; не выполняли общинных обязанностей в течение трех лет и не являются близкими родственниками старшин [7], выполнявших общинные обязанности раньше.

[Затем эти билеты] собираются в каждом квартале, и мальчик, который еще не умеет различать знаки, вытягивает эти билеты один за другим, с тем чтобы от каждого из кварталов было избрано по одному человеку. 12 человек, [избранных таким образом], да составят «годовой комитет». До этого подобным же способом должны быть вытянуты билеты [с именами членов] «комитета садов», и 12 человек да составят «комитет садов». [Люди, записанные] на оставшихся шести билетах, образуют «комитет водоемов».

Три комитета, [избранные] путем вытягивания 30 билетов, пусть исполняют свои обязанности полных 360 дней. Комитеты, которые будут назначены после этого, пусть образуются только путем вытаскивания жеребьевых билетов, предоставленных перед тем каждой кудумбу для заполнения согласно

---

[1] Паракесариварман — титул. Имеется в виду князь Парантака I (907—947) из династии Чолов.

[2] Уттарамеру — название деревни. Чатурведимангалам — «поселение четырех Вед», одно из названий для брахманской деревни.

[3] Титул, обозначавший людей из нескольких каст, главным образом земледельческих.

[4] Кудумбу — по-видимому, группа родственных семей; букв. связка, охапка.

[5] Употреблен термин «нилам» (букв. поле под рисом). Размер такого поля не известен.

[6] Веды, Шастры — священные книги индуистов.

[7] Употреблен термин «перумаккал» (большие люди). Так назывались все члены деревенских собраний.

установленным правилам. Имена родственников тех лиц, которые уже были в комитетах, не следует вносить в билеты.

Для [избрания] «комитета панчавара»[1] и «комитета монет»[2] 30 билетов должны быть предоставлены 30 кудумбу, и один человек [избирается] от каждого из кварталов путем жребия. Из [избранных] 12 человек 6 должны образовать «комитет панчавара» и 6 — «комитет монет».

Те, кто служил однажды в [каком-либо] комитете, кроме «годового», не должны избираться в этот же комитет.

Мы, члены собрания Уттарамеру-чатурведимангалам, ознакомившись с милостивым царским посланием, полученным от господина богов императора Шри-Виранарайяна Шри-Парантакадева Паракесаривармана, вместе с Таттанур-Мувенда, веланом, сидящим среди нас согласно этому указу, составили этот документ на погибель злым и ради процветания добродетельных жителей нашей деревни, чтобы начиная с этого года всегда, пока существуют солнце и луна, мы назначали бы комитеты только путем жребия.

«Archaeological Survey of India. Annual Report for 1904—1905», Calcutta, 1908, p. 136—138. (Пер. с тамильского.)

2. Надпись 920 г.

Счастья! Процветания! В 16 день 14 года [правления] государя Паракесаривармана, который завоевал Мадураи, мы, члены собрания Уттарамеру-чатурведимангалам, [расположенного] в нашем округе Калийур-коттама[3], получив милостивое послание его величества нашего господина Шри-Виранарайяна Шри-Парантакадева Шри-Паракесаривармана и ознакомившись с ним вместе с Каранджай Кондайя Крамавиттабхаттаном, иначе называемым Шомашиперуманом, [происходящим] из Шриванганагара, [расположенного] в наду[4] Пурангарамбай в стране чолов[5], который присутствует среди нас согласно этому указу, составили следующий документ о назначении комитетов, а именно: «годового комитета», «комитета садов» и «комитета водоемов».

---

[1] Панчавара — один из существовавших в то время налогов. «Комитет панчавара», возможно, должен был организовывать его сбор.

[2] В X в. и позже имело хождение множество монет разного веса и качества металла. Специальный комитет деревенского собрания исследовал, очевидно, вес и качество монет, поступающих в деревню.

[3] Коттам — область.

[4] Наду — вероятнее всего, большая община типа западногерманской марки, которая позже стала единицей (округом) административно-территориального деления.

[5] Страна чолов — государство на крайнем юге Индии, существовавшее в древности и в раннее средневековье.

[В деревне] имеется 30 кудумбу. Члены каждой из этих кудумбу должны собраться и написать на жеребьевых билетах [имена] тех, которые имеют более четверти поля обложенной земли; живут в домах, построенных на их собственных участках; имеют от 35 до 70 лет; знают Мантры и Брахманы [1] и имеют опыт обучения им.

Даже тот, кто имеет только одну восьмую поля, может быть внесен в жеребьевый билет, если он знает одну Веду и имеет опыт толкования одной из четырех Бхашья [2].

Среди тех, [кто имеет перечисленные выше качества], должны быть избраны люди, сведущие в делах, добродетельные, отличающиеся телесной и духовной чистотой и не состоявшие в комитетах последние три года. Тот, кто был в каком-либо из комитетов, но не представил отчета [о своей деятельности], и все его перечисленные ниже родственники не могут быть предназначены для вступления в комитеты. [Ближайшими родственниками человека считаются:] сыновья его младшей матери и старшей матери [3], сыновья его тетки со стороны отца и дяди по матери, брат матери, брат отца, его собственный брат, дядя, отдавший ему свою дочь [4], брат его жены, муж его сестры, сыновья его сестры, зять, отец, сын.

Те, против которых выставлено обвинение в кровосмешении или в одном из четырех первых из числа пяти великих грехов [5], и все их родственники, перечисленные выше, не должны избираться. Те же, кто поставил себя вне касты из-за общения [с преступниками], не должны избираться, пока не совершат очистительных церемоний. Не должны избираться вспыльчивые. Не должны избираться укравшие собственность другого. Съевшие запрещенное кушанье, [хотя бы они и] очистились путем церемоний с употреблением коровьего масла [6], не должны избираться до конца их дней.

Те, кто совершили... [7] преступления и очистились в результате соответствующей церемонии; ставшие врагами деревни и очистившиеся; виновные в кровосмешении и очистившиеся — все эти люди не могут быть избраны в какой бы то ни было комитет до конца их дней.

---

[1] Мантры, Брахманы — священные книги индуистов.

[2] Бхашья — одно из названий Вед.

[3] Т. е. сыновья младшей и старшей сестер его матери.

[4] Т. е. тесть.

[5] Пять великих грехов, по брахманским законам, следующие: убийство брахмана, употребление алкогольных напитков, воровство, прелюбодеяние с женой духовного наставника и общение с людьми, совершившими перечисленные преступления.

[6] Имеется в виду, по-видимому, обряд очищения, называемый в законах Ману таптакриччха. Он заключался в употреблении в течение трех дней воды, молока и коровьего масла в горячем виде.

[7] Пропуск в тексте.

За исключением всех этих людей, на жеребьевых билетах записываются имена [членов] каждой из 30 кудумбу, проживающих в 12 кварталах деревни. [Билеты] каждой кудумбу должны быть связаны вместе и, снабженные разными ярлыками, положены в сосуд.

При вытаскивании жребиев должно присутствовать полностью все великое собрание, от юных до старых. Все храмовые жрецы, которые окажутся в деревне в этот день, должны быть без всяких исключений посажены в центре великого собрания. Один из храмовых жрецов, старший среди них, должен встать и, глядя вверх, поднять сосуд, чтобы все люди его видели. [Связка билетов] одной кудумбу должна быть вынута мальчиком, который даже среди дня не мог бы заметить разницы [между связками]. Она должна быть положена в другой сосуд, который следует встряхнуть, и один билет [из этой связки] должен быть вытащен и передан в руки мадхьястхе[1]. Мадхьястха, которому передают билет, должен принять его открытой ладонью с растопыренными пальцами. Он должен прочесть [имя] на полученном билете. Прочитанный им билет прочитывается также жрецами, сидящими в центре собрания. Оглашенное имя должно быть записано. Таким способом должно быть избрано по одному человеку от каждого кудумбу.

Среди избранных этим способом 30 человек те, которые раньше были в «комитете садов» или в «комитете водоемов», выдающиеся своими знаниями или возрастом, должны составить «годовой комитет». Из оставшихся 12 человек берутся в «комитет садов», и последние 6 человек образуют «комитет водоемов». Два [последних] комитета образуются способом карай[2].

Большие люди, избранные таким образом в состав трех комитетов, должны исполнять свои обязанности в течение полных 360 дней и затем быть заменены. Если кто-либо из состава комитетов будет виновен в преступлении, его удаляют [из комитета]. Для того чтобы назначить новые комитеты после того, как истечет срок избрания этих, те служащие общины, которые наблюдают за распределением милостыни в 12 кварталах, пусть сами предложат мадхьястхе созвать собрание. Комитеты должны назначаться при помощи жеребьевки в соответствии с изложенным порядком.

Чтобы избрать «комитет панчавара» и «комитет монет», во всех 30 кудумбу должны быть заполнены жеребьевые билеты, 30 связок билетов должны быть помещены [в сосуд] и

---

[1] Мадхьястха — букв. посредник; судя по дальнейшему, исполнял обязанности писца деревни.

[2] Одно из значений слова «карай» — речь. Возможно, что в данном случае имеется в виду открытое обсуждение и голосование.

30 жеребьевых билетов должны быть вытянуты. Из этих 30 12 человек должны быть отобраны. Из них 6 человек образуют «комитет монет» и 6 человек — «комитет панчавара». При выборах в эти комитеты на следующий год те кудумбу, которые были представлены в комитетах [в этом году], должны быть исключены [из жеребьевки] и избирать следует [представителей] других кудумбу способом карай.

Тот, кто проехал на осле[1] или совершил подделку документов, не должен избираться.

Среди мадхьястхов только человек, честный в делах, может составлять документы. Пока человек, ведущий документацию, совместно с «комитетом документов» великого собрания не представит отчет и этот отчет не будет признан правильным, до тех пор он не должен допускаться к другим документам. Лицо, которое ведет документацию, должно само представлять свой отчет, другие писцы не должны входить и приближаться к нему.

Мы, члены собрания Уттарамеру-чатурведимангалам, ознакомившись с милостивым указом, полученным от господина богов императора, любящего умных, борца со слонами, жемчужины среди героев, соревнующегося с Калпакой, Шри-Паракесаривармана, вместе с Каранджай Кондайя Крамавиттабхаттаном, иначе называемым Шомашиперуман, происходящим из Шриваньянагара в Пурангарамбай-наду, что в стране чолов, который сидит с нами по этому приказу и побуждает нас составить этот договор, — мы пришли к решению о том, чтобы для процветания нашей деревни, для погибели злых и возвеличения остальных начиная с этого года мы назначали комитеты только путем жребия, пока существуют солнце и луна.

Я, мадхьястха Кададипоттан Шивакури Раджамалламангалаприйян, записал этот документ под диктовку великих людей, заседающих в собрании.

«Archaeological Survey of India. Annual Report for 1904—1905», Calcutta, 1908, p. 139—142.
(Пер. с тамильского.)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩИННОГО ОКРУЖНОГО СОБРАНИЯ

3. Из надписи 1359/60 г.

Мы, наттавары[2] Пон-Амаравати-наду, согласились с жителями Вирайяччилай с [прилегающими] деревнями и с жителями Коттийура с прилегающими деревнями в следующем.

[1] По-видимому, имеется в виду человек, совершивший проступок и в наказание посаженный на осла.

[2] Наттавар или наттар — «жители наду», коллективный орган, управляющий делами округа.

Господин царей[1] приказал разрушить Шурайккуди, послав [туда] во главе своих войск Манджими Али-хана, Азим-хана и Муаззам-хана под [общим] командованием Раджатти-хана. Разрушив Шурайккуди, эти [военачальники] стали лагерем в Муттур-кулам и собрали [туда] жителей Вирайяччилай и Коттийура. Вследствие этого, поскольку упомянутый господин царей возложил на Дхунад-хана и на нас обязанность защиты его подданных [в нашем округе] и [мы] соответствующим образом уверили его, [что выполним свои обязанности], мы постановили, что жители Вирайяччилай и жители Коттийура, собравшись по своим наду[2], пусть платят нам то, что положено нам выплачивать по давнему обычаю. Пусть они платят, как один человек[3]. Было также решено, чтобы этот документ был высечен на скале, образующей храм Тируккололаккуди-Найянара. Поэтому мы, созвав свое собрание, приказали высечь эту надпись и согласились исполнять обязанности, возложенные на нас, до тех пор, пока существуют солнце и луна.

K. S. Aiyangar, South India and her Muhammadan Invaders, Oxford, 1921, p. 226—227.
(Пер. с тамильского.)

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАСТ ЛЕВОЙ РУКИ

4. Из надписи 1218 г.

Когда мы, чтобы истребить демонов, мешавших жертвоприношениям святого Кашьяпы[4], появились из ямы, в которой горел жертвенный огонь, и охраняли это жертвоприношение, Чакравартин Ариндама оказал честь риши, принимавшим участие в этой службе, посадив их в повозку и отвезя в [основанное им] поселение брахманов. Нам при этом указали занять место позади повозки и держать туфли и зонтики риши. В конце концов нам разрешили поселиться вместе с этими святыми брахманами в деревнях Тирувелларай, Паччил, Тируваши, Тирутидавур, Ураттур и Карайккаду, расположенных в Шенмвала-курраме[5]. Мы получили общее на-

---

[1] Имеется в виду султан Мадуры Фахр уд-дин Мубарак-шах (около 1359—1368).

[2] Здесь слово «наду» имеет более узкое значение — несколько деревень, тяготеющих к одной, центральной.

[3] Т. е. коллективно, единой суммой.

[4] Кашьяпа — один из семи поэтов и святых мудрецов (риши), которые считались авторами ведийских гимнов и сыновьями бога Брахмы.

[5] Здесь авторы надписи пытаются применить легенду к действительности. Названные деревни — реальные населенные пункты в современном дистрикте Тиручирапалли. Куррам — административная единица в государстве чолов.

звание идангай[1], потому что мы поддерживали риши, [когда они сходили с повозки], с левой стороны. Так как предки нашей общины потеряли свои грамоты и знаки отличия в лесах и зарослях, мы не знали о нашем происхождении. Узнав теперь обо всем этом снова, мы, члены 98 каст [левой руки], в 40-й год [правления] государя[2] пришли к решению, что мы должны впредь вести себя как дети одних родителей и все должны разделять любое добро и зло, выпавшее на долю кого-либо из нас. Если случится что-нибудь унижающее общину идангай, мы будем все вместе отстаивать и утверждать наши права. Пусть знают, что к нашей общине принадлежат только те, кто во время собраний, созываемых для решения внутриобщинных споров, может показать отличительные предметы: рог, раковину и зонтик. Тот, кто хочет отличить нас среди толпы, может узнать нас по особенным признакам — перу журавля и свободно висящим волосам. [Когда мы идем], перед нами должны играть на рогах и раковинах, а также дуть в трубу особым способом, принятым среди общины идангай. Те, кто действует противно этим правилам, должны считаться врагами нашей общины. Те, кто ведет себя не по правилам, предписанным членам общины идангай, должны быть изгнаны [из касты] и не должны считаться людьми, признающими Шрути[3]. Пусть они считаются рабами общины, противоположной нам.

K. S. Aiyangar, South India and her Muhammadan Invaders, Oxford, 1921, p. 22—23.
(Пер. с тамильского.)

II. ФЕОДАЛЬНАЯ ЗЕМЕЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

МЕРЫ ДЕЛИЙСКИХ СУЛТАНОВ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

5. Попытка изъятия деревень у престарелых иктадаров[4] или их наследников

[Делийскому султану Гийяс уд-дину Балбану][5] стало известно, что иктадары-шамси[6] стали дармоедами, не являются

---

[1] Идангай — букв. левая рука.
[2] Куллотунга III (1178—1216) из династии Чолов.
[3] Т. е. не должны считаться индуистами. Признание авторитета Шрути (т. е. Вед) — одно из важнейших положений ортодоксального индуизма.
[4] Иктадары — владельцы временного и обусловленного службой владения — икта.
[5] Гийяс уд-дин — основатель династии Туглаков, правил в 1320—1325 гг.
[6] Иктадары-шамси — получившие свои пожалования от делийского султана Шамс уд-дина Илтутмыша (1211—1236).

на службу в войско и при содействии писцов дивана обеспечили продолжительность [владения] деревнями; [они] оставались дома и наслаждались удовольствиями и покоем. В тот год, что султан Балбан вернулся из Лахора и вступил в город [Дели], он приказал диван-и аризу[1] извлечь список иктадаров-шамси и, произведя обследование, доложить о [результатах] престолу для получения [соответствующих] указаний. Обнаружилось, что почти двум тысячам всадников из войска Шамс уд-дина были даны в качестве жалованья (маваджиб) деревни в двуречье [Ганга и Джамны]. В правление сыновей султана Шамс уд-дина некоторые из упомянутых всадников умерли, но многие оставались прочно в деревнях, полученных в качестве икта. И это войско называли иктадарами-всадниками. По прошествии 30—40 лет или более со времени учреждения этого войска многие из тех всадников стали старыми и дряхлыми, большинство из них умерли и дети их овладели деревнями как наследством отцов; они заставили вписать свои имена в [книгах] диван-и ариз, а которые же после [смерти своих] отцов остались малолетними, нанимали вместо себя гулямов. Те иктадары и их дети воображали себя [владельцами] милка[2] и инама[3] и утверждали-де, султан Шамс уд-дин эти деревни дал им в инам. В правление Шамс уд-дина и его детей в диван-и ариз того [или иного] падишаха с иктадаров требовали одного, двух или трех снаряженных всадников. И если кто-либо из них по каким-либо причинам не посылал всадника в диван-и ариз и [для] службы в войске, деревни их не отбирались: в диван-и ариз внимали их причинам. В течение двух поколений деревни оставались в их владении. Это привело к тому, что со временем вошло в обычай, когда некоторые иктадары охотно соглашались на службу в войске, но затем не являлись в него, оставались в своих домах и деревнях, выдумывая всякие тому оправдания. Наиб-и ариз-и мамалик[4] и держателям реестров они доставляли из своих деревень некоторое количество вина, баранов, кур, голубей, масла и зерна. Диван-и ариз, начиная наиб-и аризом и кончая [простыми] чиновниками, получал большую пользу от [взяток] с иктадаров. Во времена и правление сыновей султана Шамс уд-дина, когда не было устойчивости государства и [сильной] власти, никто не производил обследования [дел] лжеиктадаров. При султане Балбане государство

---

[1] Диван-и ариз — военное ведомство.

[2] Милк — частная феодальная собственность, не связанная с государственной службой.

[3] Инам — форма служебного землевладения, передаваемая по наследству; владелец инама обладал налоговым иммунитетом.

[4] Ариз-и мамалик — глава военного ведомства. Наиб-и ариз-и мамалик — его заместитель.

укрепилось, и в год, когда султан вернулся из Лахора в город [Дели], список лжеиктадаров-шамси представили султану. Султан Балбан разделил тех иктадаров на три категории. [Он] приказал, чтобы старым и дряхлым, которые остаются на месте и полностью не способны [служить] делу священной войны, выдавалась бы пенсия в размере 40—50 танка[1], а деревни их были бы отобраны в халисе[2]. Жалованье тех, кто был в зрелом и молодом возрасте, было признано соответствующим их службе; [однако султан] дал приказ, чтобы фазилат-и хасил[3] с деревень [иктадаров] второй категории ежегодно требовалась бы диваном, но деревни у них не были отобраны. [Третья] категория — это малолетние сироты, которые имели деревни, но [вместо себя] в диван-и ариз посылали способных [служить] конных и оружных гулямов. В отношении их был издан приказ: дать сиротам и вдовам из тех самых деревень, [которыми владели прежние иктадары], определенное довольствие[4], а доход их деревень отобрать у них и передать в диван.

Этот приказ султана Балбана в отношении иктадаров породил среди лжеиктадаров-шамси, многие из которых были [в столице], уныние, и во всех кварталах города возникло волнение. Старики и дети иктадаров собрались и направились к дому Малик ул-умара Фахр уд-дина, котвала[5] [столицы], со своими жалобами. Рыдая и плача, они говорили, что прошло пятьдесят лет со времени правления Шамс [уд-дина] и [в течение всего этого времени] двуречье было нашим икта; мы эти деревни, которые тот падишах дал [нам], считали инамом, и мы, и жены наши, и дети получали [там] средства к жизни и, как нам это удавалось, исполняли военную службу конно и оружно в диван-и ариз-и мамалик и служили двору падишаха. Те из нас, кто могли и имели силу оставаться в войске, направились в войско; мы же не в состоянии [это делать]... Котвал посочувствовал [им]... и, направившись к двору, предстал, задумчивый и огорченный, перед султаном... [На вопрос султана о причине его задумчивости котвал ответил]: «Я слышал, что из диван-и ариз-и мамалик прогнали стариков и средства их прокормления отобраны в диван. Я боюсь и страшусь, так как спрашиваю себя, что, если в день страшного суда старцы будут отвергнуты и не получат места в раю, каково будет мое положение...» Султан проникся состраданием и, послав за налоговыми чиновниками, приказал, чтобы

[1] Танка — денежная единица; имелись золотые и серебряные танка.
[2] Халисе — земли казны, находившиеся в ведении чиновников центрального фискального управления.
[3] Фазилат-и хасил — доля казны в ренте-налоге.
[4] Букв. пищу и одежду.
[5] Котвал — начальник города, представитель военно-феодальной знати.

утвердили деревни за иктадарами, а те приказы в отношении них считали бы недействительными. Я, автор [этой книги], очень хорошо помню многих из этих иктадаров, живших при дворе султана Джалал уд-дина (1290—1296 гг.), постоянно благословлявших султана Балбана и Малика Фахр уд-дина.

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 61—64.

6. Земельные конфискации, произведенные делийским султаном Ала уд-дином Хилджи (1296—1316)

Султан Ала уд-дин для предупреждения восстаний задумал ряд мер. И первой мерой было изъятие имущества. Он приказал, чтобы везде, где есть деревня, принадлежащая кому-либо на правах милка, инама или вакфа [1], единым росчерком пера была бы отобрана в халисе. Над людьми совершали насилие и под всякими предлогами взимали деньги. Многие люди остались без денег, и дело наконец дошло до того, что ни у кого, кроме как в домах маликов и эмиров [2], чиновников, мултани и саханов [3], не осталось совсем денег. Его (султана) приказ был таким суровым, что, кроме [пожалований в размере] нескольких тысяч танка, [в общем] все идрары [4], инамы, мафрузы [5] и вакфы в государстве были упразднены. Весь народ так был поглощен изысканием средств пропитания, что никто даже не произносил слова «мятеж».

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 283—284.

7. Возвращение делийским султаном Фируз-шахом (1351—1388) конфискованных земель

Одной из милостей бога, дарованных бедному рабу, является то, что он дал нам силу для укрепления основ благотворительных учреждений.

Мы заложили много мечетей, медресе, странноприимных домов для того, чтобы ученые, главы религии, аскеты и паломники могли бы возносить свои молитвы в этих местах и помогать основателю этих добрых дел своим благословением. Копание танков [6], насаждение деревьев и дарение земли, согласно предписаниям закона, является дозволенным и всячески поощряемым [делом], и в исламе улемы единогласны

---

[1] Земельная и прочая собственность мусульманских религиозно-благотворительных учреждений и частных лиц.

[2] Малики и эмиры — представители военно-феодальной знати.

[3] Мултани и саханы — ростовщики.

[4] Идрары — пенсии.

[5] Букв. отделенный, выделенный. Терминологически — земли, выделенные из податных списков дивана, т. е. освобожденные от государственных налогов.

[6] Танк — водоем.

в этом; они были обеспечены жалованьем, соответственное количество дарений (инамов) было закреплено за одаренными, так чтобы их прибыль доставалась бы слугам бога и в вакфнама[1] было бы дано подробное описание [этих инамов].

...Танк Алтамаша[2], канал от которого был загорожен в его верхнем течении нечестивыми людьми, был отрезан от воды. Мы пригрозили бесстыдным и наглым людям наказанием и пустили воду течь по каналу. Танк Ала уд-Дин[3] вышел из своих пределов, и вода в нем высохла; люди города разделили его и выкопали там колодцы и продавали из них воду. Мы выкопали его спустя некоторое время, в результате чего танк круглый год оставался наполненным глубокой водой...

Другой милостью бога было то, что он сделал возможным для нас построить госпитали, так что всякий, знатный или простой, пораженный болезнью или недугом, может приходить в это место. Врачи определят болезнь, пропишут [должное] обращение и диету, обеспечат лекарством и пищей из предназначенных дарений. Все пациенты, живущие [здесь], или путешественники, знатные и простые, свободные или зависимые, которые посещали это место, были приняты и с божьей милостью возвращены к здоровью...

Одной из милостей бога является то, что деревни и земли, находившиеся в собственности, были конфискованы в прежние времена по различным причинам и перешли из ведения и владения частных лиц под контроль казны. Мы объявили, чтобы все, кто имел доказательства своим правам собственника, принесли бы их в Диван-и-шар'а[4] и после проверки деревни и земли, которые были конфискованы (а кроме того, [в случае если] кто-либо учредил свою собственность), должны были быть утверждены за ними. Слава аллаху! Благодаря его помощи мы имели успех в этих усилиях и собственность перешла в руки законных собственников.

Мы поощряли зиммиев[5] в поиске истинной религии и объявили публично, что, если кто-либо из неверных произнесет формулу единобожия и примет ислам, он будет освобожден от джизии[6] в соответствии с предписаниями религии избранника Мухаммада (да будет мир над ним). Слова эти достигли слуха всех. Индусы толпами шли и были осчастливлены честью быть принятыми в лоно ислама. Их джизия

[1] Вакфнама — дарственная грамота.

[2] Алтамаш — Шамс уд-дин Илтутмыш, делийский султан.

[3] Ала уд-Дин — делийский султан.

[4] Диван-шар'а — суд шариата, мусульманский духовный суд.

[5] Зиммии — иноверцы, немусульмане, подданные мусульманских правителей.

[6] Джизия — подушный налог с иноверцев в государствах, где официальной религией был ислам.

аннулировалась, и они отмечались различными наградами и почестями...

Одним из даяний бога было то, что богатство и собственность рабов бога оставались охраняемыми в покое и безопасности в течение нашего правления и мы не считали законным забирать даже малейшую частицу их. Многие злонамеренные люди делали ложные доносы о том, что какой-то человек владеет столькими-то лакхами и такой-то чиновник — столькими-то лакхами. Мы закрыли рты этим сплетникам укором и наказанием, так что люди были освобождены от их порока.

...Если кто-либо из чиновников достигал естественного бессилия старости, мы отпускали его и сообщали ему, что он может посвятить себя приобретению сокровищ другого мира и отречься от деяний, осуждаемых законом, совершенных им в юности, отвернуться от мира и повернуться лицом к делам другого мира... Когда кто-либо из чиновников, имеющих [высокие] должности и ранг, каждый, кто по воле провидения уходил из этого мира очарования в жилище блаженства, мы утверждали его должность и ранг за его потомками таким образом, что они могли пребывать в лучшем положении, богатстве и чине, чем их отцы, и не испытывали бы какого-либо ущерба в [своем] положении.

«Футухат-и Фируз-шахи». Микрофильм с рукописи, принадлежащей Британскому музею.

8. Утверждение наследственности служебных земельных пожалований в Делийском султанате

Передают, что султан Фируз-шах делал людям несравненные пожалования [1] и был очень щедр в этом. Некоторым он определил пожалование (нан) в размере 10 000 танка, 15 000, другим — 2000 в соответствии с [достоинством] лица, которому делается пожалование. Этот способ [оплаты] был введен султаном и остался в качестве памяти о нем, так как в правлении прежних султанов и имамов [2] религии в государстве столичного города Дели не было такого правила. Ни одной деревни не давали в ваджх... [3] Султан Ала уд-дин говорил не раз в этой связи.., что не следует давать деревни в ваджх, так как в каждой деревне, несомненно, имеется 200 или 300 жителей, все эти жители подчинены одному ваджх-

---

[1] В тексте — «нан» (хлеб).

[2] Имам — глава мусульманской религиозной общины.

[3] Ваджх — букв. сумма, деньги, средства. В терминологическом значении — мелкое земельное пожалование, обусловленное военной службой; ваджхдары — воины, получавшие таковые, гайр-ваджхи — воины, оплачиваемые наличными деньгами и не получавшие земельного пожалования.

дару. Не удивительно было бы, если бы несколько ваджхдаров собрались вместе и от большого честолюбия и безнравственности, войдя в согласие между собой, стали бы злоумышлять против государства. По этой причине султан Ала уд-дин никому не жаловал деревень в ваджх, а войску каждый год давал из казны деньги (мал). Когда власть перешла к Фируз-шаху... в течение 40 лет своего правления он проявлял милости по отношению к мусульманам... разделив между воинами деревни (кариат), селения (дехха), городки (касабат)...

Когда Фируз-шах передал доход[ы] государства в ваджх войску, он ввел новое правило: если отец, один из воинов (яран) войска, умирает, то утвержденное (истикамат) [за ним пожалование] утверждается за сыном; если кто-либо не имеет сына, то — за зятем; если кто-либо не имеет и зятя, то утвержденное [за ним пожалование] утверждается за его рабом; если и раба нет, то — за [кем-нибудь из] его близких [мужчин]. Если и такового нет, то утверждается за его женой.

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1891, стр. 95.

УТВЕРЖДЕНИЕ НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ДЖАГИРОВ[1] *СУЛТАНАМИ ГУДЖАРАТА*

9. Установление султана Махмуда Бегара (1458—1511)

...В случае если эмир или рядовой воин бывает убит в бою или умирает своей смертью, его джагир утверждается за его сыном; если [у него] нет сына, то половина джагира дается дочери; если и дочери нет, то определенное довольствие назначалось его подчиненным [или домочадцам], чтобы у них не было основания для жалоб... Причина хорошего состояния земледельцев [при Махмуде Бегара] заключалась в том, что джагир не мог быть изъят от держателя, если он не бесчинствовал и не тиранил [своих земледельцев]. Когда [эти] установления были выработаны, они осуществлялись без каких-либо отклонений.

«Мират-и Сикандари». Цит. по кн.: *E. C. Bayley,* The local Muhammadan Dunasties, Gujarat, London, 1886, p. 167.

10. Установление султана Музаффара II (1511—1526)

[Котвал] города Ахмадабада Ходжа Джахан славился тем, что в период правления четырех султанов Гуджарата его земли и пожалования не подвергались уменьшению: на протя-

[1] Джагир — служебное пожалование.

жении всего этого времени они не сменялись и не упразднялись. В то же время каждый из падишахов давал ему повышение и дополнительные пожалования... Однажды Ходжа Джахан решил сделать обследование [на предмет выявления] лиц, которые умерли и которые покинули [страну]. Обследовав, он нашел, что, хотя первых и было много, последних не было [вовсе], так как в те дни Гуджарат был страной, преисполненной такой прелести и удовольствий, что ни чужеземец, приходивший сюда, не покидал ее более, ни уроженец [этой] страны не поселялся где-либо [в другом месте]. При обследовании он отобрал пожалования умерших, большую сумму дохода которых в денежном выражении представил султану... [Свои действия он объяснил султану следующим образом:] со времен первого султана династии Музаффара[1] каждый из султанов производил всякого рода дарения и вплоть до настоящего времени[2] не было произведено ни одного обследования для выявления получивших пожалования лиц, которые умерли, или тех, кто покинул [страну]. Именно это и было сделано теперь. Высвободившиеся пожалования тех, которые умерли, были отобраны и представлены в виде суммы [денег] султану. [Султан был разгневан и сказал]: «Каждый, кто умер, оставил в живых сына, дочь или во всяком случае домочадцев и слуг. Я говорю тебе, что ты поступил очень несправедливо и, если ты это сделал по собственному побуждению, ты сделал очень дурно». Затем он сказал: «Возьми эти деньги и отдай лицам, от которых ты взял их, и попроси прощения». Наконец, он издал общий приказ всем чиновникам [фискального] управления о том, чтобы впредь ни одно пожалование не подвергалось бы изъятию со смертью пожалованного лица, а делилось бы согласно законам наследования [между его наследниками].

«Мират-и Сикандари». Цит. по кн.:
E. C. Bayley, The local Muhammadan Dynasties, Gujarat, London, 1886, p. 167, 290—292.

11. Раздел прибавочного продукта между государственной казной и отдельным феодалом

Ала уд-дин[3] в те дни был мукта[4] Кара. Он получил разрешение от султана [Джалал уд-дина (1290—1296)] выйти походом из Кара в Бхаиласан (Бхилса). Там его войско захватило большие богатства; бронзовые идолы, которым покло-

---

[1] Султан Музаффар I (1399—1401).
[2] Начало XVI в.
[3] Впоследствии султан Дели, правил в 1296—1316 гг.
[4] Мукта — владелец икта (арабская форма в отличие от персидской — иктадар).

нялись индусы того места, были взяты и со всевозможными другими богатствами отправлены султану в Дели... Султан Ала уд-дин был племянником и зятем, воспитанником и креатурой султана Джелал уд-дина. После того как он прислал из Бхаиласана огромные богатства, [султан] дал ему должность ариз-и мамалика и икта Ауда в дополнение к икта Кара. Когда Ала уд-дин ходил [походом] на Бхаиласан, он многое слышал о богатствах и слонах Деогира[1]... Он решил, что предпримет поход из Кара в Деогир, наняв большое число всадников и пехотинцев, но без ведома султана Джалал уд-дина. Прибыв в Дели, он нашел султана настроенным к нему еще более милостиво и просил отсрочки в уплате фавазила[2] с икта Кара и икта Ауда, заметив: «Я слышал, что в Чандери и близлежащих ему областях царит мир, спокойствие и неведение о делийском войске. Если будет приказано, я в счет фавазила с моих икта найму новых всадников и пехотинцев, пойду в упомянутые... области и захвачу несметные богатства. [Тогда] и богатства, и фавазил с моих икта сразу вручу дивану...» Султан разрешил Ала уд-дину нанять новых всадников и пехотинцев, а уплату (букв. требование) фавазила с его обоих икта отменил.

* *
*

Не следует тех эмиров и маликов[3], которых султан Гайяс уд-дин возвысил и которым дал икта и области, вызывать, словно [простых] амилей[4], в диван и, словно бы с амилей, невежливо и со всей строгостью требовать с них налог (мал). В то же время [султан] вещал им (иктадарам): «Если хотите, чтобы диван-и везарат[5] не предъявляло вам претензий, чтобы не попиралось ваше достоинство эмира и малика, умерьте свою алчность [в требованиях] со своих икта и из того малого, [что вы будете присваивать себе], немного давайте вашим делопроизводителям (каркунан), но не посягайте ни на единый данг, или драхму[6], из жалованья войска. В вашей воле дать или не дать войску что-нибудь из того, что [принадлежит] вам. Но если вы посягнете на то количество [дохода], которое идет войску, вы не можете называться эмиром и маликом. Эмиру лучше прах съесть, чем взять что-нибудь из жало-

---

[1] С середины XIV в. известен как Даулатабад.
[2] Фавазил — доля казны в прибавочном продукте с икта.
[3] В данном контексте — представители военно-феодальной знати.
[4] Амили — чиновники фиска.
[5] Везарат — налоговое ведомство.
[6] Драхма — мелкая монета.

ванья чакира[1]. Если же малики и эмиры будут оставлять себе $^1/_{20}$—$^1/_{22}$ или $^1/_{10}$—$^1/_{15}$ из хараджа со своих областей и икта, реализуя [тем самым] хакк-и иктадари ва вилайатдари[2], им не следует запрещать это, отбирать [взятое ими] и привлекать эмиров к ответу будет совершенно несправедливо. Точно так же, если делопроизводители и чиновники (каркунан ва мутасаррифан) областей и икта присвоят помимо своего жалования 5—10 тыс. [танка?], не следует их за это количество предавать бесчестью и подвергать побоям, истязаниям, заковывать в кандалы. Но те, кто берут не в меру [много] и [взятое] списывают из общей суммы [сбора] и, словно бы [по праву] хиседари[3], присваивают большие богатства, таких плутов и воров следует подвергать побоям, истязаниям, заключать в кандалы, предавать бесчестью и позору, а то, что они взяли, следует взыскивать с их жен.

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 220—221, 430—431.

12. Увеличение доли мукта в прибавочном продукте

Было правило, состоявшее в том, что мукта, ежегодно являвшийся ко двору для целования ног [Фируз-шаха], приносил всякого рода хидметы[4], как-то: быстрых и дорогостоящих лошадей из Средней Азии, слонов, изделия из золота и серебра, сладости, оружие, покрывала.., каждый сообразно размеру своего икта. Посылали также и рабов. Согласно приказу султана Фируз-шаха, следовало устанавливать стоимость того количества хидмета, которое мукта приносил из икта, и вычислять эту стоимость из [государственного] налога с икта. Это правило [в отношении] дани было полностью установлением Фируз-шаха. В дни прежних султанов этого правила не было... и мукта приносили султанам то, что могли, но никакие вычеты, учитывающие стоимость сделанных подношений, из их платежей не производились. Когда же на трон вступил султан Фируз-шах, он распорядился: в связи с тем что у мукта очень большие расходы, освободить их от хидмета; он приказал также, чтобы, когда мукта приходят из икта и приносят султану все то, что имеется в том икта, стоимость [преподношения] устанавливалась и вычитывалась из

---

[1] Чакир — наемник-солдат.

[2] Букв. право владельца икта и области; терминологически — доля владельца икта в прибавочном продукте.

[3] Хиседари — букв. имеющие долю, т. е. получающие ренту.

[4] Хидмет — букв. служба. В качестве термина означало вассальную службу, дань от полузависимых феодальных владетелей. В данном случае — подарки сверх государственного налога, преподносимые султану владельцами икта.

[государственного] налога. Это правило оставалось в силе в течение 40 лет правления султана Фируз-шаха.

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1891, стр. 268—299.

13. Пожалование налогового иммунитета феодалам

[А.] [Султан Фируз-шах]... набрал новое войско и [набранным воинам] — гайр-ваджхи [1] — дал [жалованье], в 6, 10, 11 раз [превосходящее обычное жалованье воина]. По милости султана [эти гайр-ваджхи] в скором времени стали всадниками. В связи с этим Малик Имад ул-Мулк, который был одним из столпов государства столичного города Дели, довел до сведения его величества состояние дел ваджхдаров [2]. Он сказал, что по шахской милости группа гайр-ваджхов стала всадниками, а группа ваджхдаров вследствие [испытанных в Тхатта] [3] бесчисленных тягот осталась без лошадей [4] и впала в уныние и безнадежность, так как их деревни — в области Дели, а они — [здесь] в страшной нужде; ваджхдары достигли этой страны — [Гуджарата] беспорядочными группами, а их довольствие (ваджх) еще не прибыло из Дели... Султан Фируз-шах сказал, что знает о том, что группа ваджхдаров вследствие бесчисленных тягот и бед осталась без лошадей; хотя в этом важном деле они оказали содействие, деревни их далеко отсюда... а то зерно, которое [они получают] со своих деревень, расходуется их детьми, так что положение этих несчастных стало затруднительным. [В связи с этим] во славу бога султан Фируз-шах приказал выдать ваджхдарам ссуду (карз) из казны. В соответствии с шахским указом каждый из них получил ссуду: некоторые 500 танка, некоторые 700 танка, другие 1000 танка в зависимости [от чина и ранга]. Ваджхдары, получившие по милости повелителя ссуду, экипировались и [вновь] стали всадниками. Тогда же повелитель мира приказал послать [в Дели] Хан-и Джахану [5] распоряжение о том, чтобы ни под каким предлогом не беспокоить деревни ваджхдаров; чиновникам двора сделать строгое внушение не чинить никаких притеснений вплоть до возвращения его величества, [с тем чтобы] дети ваджхдаров пребывали в местах своего жительства в радости и не знали горя.

...[Султан Фируз-шах пожаловал икта области Мултана одному из феодалов, Айн ул-Мулку. Последний заявил султану]: «Если я буду лично управлять [пожалованным] икта, я

---

[1] Ваджх — земельное держание; гайр-ваджхи — не получающий таковое.

[2] Ваджхдар — имеющие земельное держание.

[3] Имеется в виду неудачный поход в Синд.

[4] Букв. остались пешими.

[5] Вазиру султана Фируз-шаха.

не смогу представлять счета в диван-и везарет[1], я хочу представлять их непосредственно трону». В связи с этим его величество шахиншах сказал: «Ходжа Айн ул-Мулк, я изымаю икта Мултана из [ведения] диван-и везарета[2]»... С этим условием Айн ул-Мулк согласился на [принятие пожалования икта Мултана].

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи,
Калькутта, 1891, стр. 220—221, 415.

[Б.] [В 1532 г. феодал Хабиб-хан Манду] от гуджаратского султана Бахадур-шаха (1526—1537) получил в инам округ Аштах, который был прежде его джагиром.

[Султан Гуджарата Махмуд III (1537—1553)] воинам, которые имели семьи, в добавление к их джагирам и пожалованиям давал инамы.

«Мират-и Сикандари». Цит. по кн.:
E. C. Bayley, The local Muhammadan Dynasties,
Gujarat, London, 1886, p. 358, 410.

14. Поземельная зависимость между феодалами, развитие подвассалитета

Передают, что его величество [Фируз-шах] дал много икта и муамалат[3] малику Наиб-и Барбаку[4]. Упомянутый малик назначал и определял в те икта и паргана (округи) от себя мукта. Когда какой-либо мукта прибывал в икта, упомянутый малик приказывал своим собственным чиновникам (охдедаран-и хайл хане-йе ход) проверить его счета. Если при проверке они обнаруживали недостачу некоторых сумм денег [в счетах] того должностного лица, они докладывали упомянутому малику. И тогда малик Наиб-и Барбак приказывал получить с него сполна [недостающую сумму], если даже недостача была незначительной — 20 000 или 30 000 танка. Но и в случае если [не хватало] 1 лакха[5] танка, он равным образом приказывал полностью взыскать с этого человека [недостающую сумму].

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи,
Калькутта, 1891, стр. 432—433.

---

[1] Айн ул-Мулк был в неладах с вазиром Хан- и Джаханом.

[2] Что означало предоставление налогового иммунитета.

[3] Муамалат — букв. сделка, торговое дело, коммерция; терминологически — владение, приносящее доход.

[4] Представитель военно-феодальной знати, один из приближенных султана Фируз-шаха.

[5] Лакх — 100 тыс.

15. Обводнение «мертвой» земли как один из путей образования частной феодальной земельной собственности

[Построив два города — Фатхабад и Хисар-Фирузе, делийский] султан Фируз-шах (1351—1388) провел сюда большое число водных протоков. [В результате] около 80—90 курухов[1] тех мест стали [пригодными для возделывания]. На этом пространстве были селения и деревни, как-то: городок (касаба) Джанид и Дахатаратх, город Ханси и Туглакпур; и все деревни и местности от воды тех протоков получили выгоду. Тогда его величество Фируз-шах приказал собрать всех казиев[2], улемов[3], глав суфиев[4] и шейхов государства. Он спросил их: «Полагается ли какая-либо привилегия за старания (хакк-и са'й) тому, кто, затратив большой труд и деньги, проведет воду, и в тех пределах, в селениях и деревнях, через которые она потечет, жителям будет большая польза?» [Те ответили], что такому старателю полагается привилегия за полив (хакк-и шорб), т. е. одна десятая. Таким образом, его величество Фируз-шах доход (хасил), [получаемый в качестве] привилегии за полив, сделал полностью своей собственностью (амлак).

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1891, стр. 129—130.

16. Политика делийских султанов в отношении мелких феодалов-индусов и феодализирующейся общинной верхушки

[А.] «Хуты, мукаддамы, чаудхри[5] ездят на хороших лошадях, носят прекрасную одежду, стреляют из персидских луков, ведут друг с другом войны, охотятся, но ни джитала хараджа[6], ни джизии, ни караи или чараи[7] не платят. Они самостоятельно взимают с деревень кисмет-и хути[8], собираются, пьют вино; многие вовсе не являются в диван, не проявляют никакого уважения к моим чиновникам...»

Султан Ала уд-дин потребовал от мудрых людей, чтобы они выработали такие правила и установления, которые при-

---

[1] Курух (или кос, или гав) — мера расстояния от $6^1/_2$ до 15 *км*.

[2] Казий — мусульманский судья.

[3] Улем — ученый, богослов.

[4] Суфии — представители мусульманского мистицизма.

[5] Хута, мукаддамы, чаудхри — представители сельской администрации, общинные, окружные старшины.

[6] Джитал — денежная единица, равная $^1/_{50}$ танка. Харадж — поземельный налог государству.

[7] Чараи — налог за пользование пастбищами, за выпас скота.

[8] Кисмет-и хуты — определенные сборы с крестьян, взимавшиеся хутами в свою пользу.

низили бы индусов[1], с тем чтобы в их домах не оставалось имущества и богатств, являющихся средством [для поднятия] мятежей. Следует, чтобы было единое правило платежа хараджа для всех [индусов] от хута до балахара[2], [чтобы] наиболее тяжелый харадж не падал на самого бедного и чтобы индусам, [хутам и пр.] не оставалось столько [из доходов с земли], чтобы они могли ездить верхом, носить оружие, покрываться дорогими одеждами и вообще роскошествовать и наслаждаться жизнью. Для осуществления этих упомянутых мер, чрезвычайно важных для государства, были выработаны два установления. Первое состояло в том, чтобы все посевы, маленькие и большие, [облагались] в соответствии с площадью с [каждой] бисва[3] в размере половины [урожая] без каких бы то ни было исключений. В выплате [половины] не должно быть никакой разницы между хутом и балахаром, и от хукук-и хути[4] хутам ничего не оставалось бы. Второе установление касалось получения чараи с [лиц, содержащих] буйволов, коров и другой скот, дающий молоко. Был назначен чараи, который взимался со всех обитаемых дворов, так что ни одно животное... не оставалось вне обложения. Самое тяжелое бремя не было возложено на бедных, [так как] было единое правило в платеже хараджа. Чиновники фиска[5], бравшие взятки и совершавшие нечестные поступки, были смещены. Шараф-Каи наиб-и вазир-и мамалик[6], не имевший во всем государстве равного себе в писцовых делах и бывший в высшей степени честным, знающим и способным человеком... в течение нескольких лет прилагал старания для осуществления этих установлений во всех деревнях и городках: в области города [Дели] и двуречья [Ганга и Джамны] от Бианы до Джхабана, от Палама до Дипалпура и Лахора, в деревнях области Самана и Сунам от Ривари[7] до Нагора, от Кара до Кануди[8], от Амроха до Афганпура и Кабира, от Дабхои до Бадауна, Кхарка, Куиле и всего Катехра — [везде] была одна и та же ставка хараджа, чараи и караи в соответствии с площадью с каждой бисвы. Дело было поставлено так, что чауд-

[1] Меры, принятые Ала уд-дином, были направлены, как это будет видно из дальнейшего изложения, против привилегий средних и мелких феодалов-индусов и феодализировавшейся общинной верхушки.

[2] Балахар — представитель низшей касты.

[3] Бисва — единица земельной меры, равная примерно $^1/_{20}$ бигхи.

[4] Множественное число от хуку-и хути, букв. право хута, терминологически — сумма привилегий, которыми пользовались представители феодализировавшейся общинной верхушки (освобождение их земель от налогов, обложение в свою пользу крестьян и др.).

[5] Уммал, нависандаган, мутасаррифан, каркунан.

[6] Наиб-и вазир-и мамалик — помощник вазира, главы фискального ведомства.

[7] Ривари или Рапри — город в Северной Индии.

[8] Кануди — Канаудж.

хри, хуты и мукаддамы не могли более ездить на лошадях, носить оружие, одеваться в дорогие одежды, жевать бетель, [так как] во взимании хараджа было одно правило для всех. Было достигнуто такое повиновение, что один служащий из диванов в городках мог связать за шеи двадцать хутов, мукаддамов или чаудхри и побоями заставить их платить харадж. Индусы не могли поднять своей головы, в их домах не было более и следа золота и серебра, танка и джиталов или значительного имущества, не осталось того, что порождает неповиновение и мятеж. Движимые бедностью, жены хутов и мукаддамов шли в дома мусульман, работали и получали плату.

[Б.] [Султан Гийяс уд-дин Балбан (1320—1325) приказал правителям областей следить за тем, чтобы] хуты и мукаддамы, помимо хараджа султану, не облагали бы крестьян в свою пользу. [Так как] с посевов и пастбищ хутов и мукаддамов налоги не взимаются, следует, чтобы их право тем и ограничивалось... [В то же время] не следует возлагать на хутов и мукаддамов большие поборы, ибо, если они будут платить столько же, сколько крестьяне, не останется никакой выгоды быть хута.

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 291, 287, 288, 385.

ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В ЮЖНОЙ ИНДИИ

17. Из «Джайминийяньяйямала»

«Джайминийяньяйямала» — трактат середины XIV в., составленный министром первых виджаянагарских императоров и известным ученым Мадхавачарьей, представляет собой комментарий на выдержки из различных Смрити, т. е. древних и раннесредневековых сборников индусского права. В приведенном отрывке вслед за положением древнего индийского законника следует комментарий Мадхавачарьи. Судя по этому комментарию, в среде высшей феодальной знати Южной Индии XIV в. существовало представление о том, что не вся земля принадлежит государю.

«Махабхуми[1] *не является предметом дарений. Пусть раджа дарит из своей* [*собственности*]. *Земля же, принадлежащая радже по причине того, что он защищает царство, не его, и пусть он не дарит ее».*

По нашему мнению, власть раджи означает, что он обуздывает плохих людей и защищает хороших, так говорят Смрити. Земля — это не собственность раджи, а общая

[1] Махабхуми — букв. великая земля, т. е. земля вообще. В этом же трактате поясняется, что в махабхуми включаются, в частности, земли, занятые под проезжие дороги, тропы для скота, водные резервуары и т. п.

собственность всех существ, живущих плодами своего труда. Поэтому та часть земли, которая не является общей, [а принадлежит лично радже], может быть отдана в дар; дарения же махабхуми не бывает.

Jaiminiyanyayamala. Çri-Bukkanamaharajamatyvarena Sri-Madhavacaryena viracita, Poona, 1892, p. 359.

18. Из «Койилолугу»

«Койилолугу» — хроника храма в Шрирангаме, составленная не ранее XVIII в., но описывающая и более ранние события. В первом отрывке, взятом из хроники, говорится об установлении государственного контроля над землями храмов и брахманов первым императором Виджаянагара. Однако, судя по другим источникам, подобный контроль существовал и раньше.

Второй отрывок рассказывает о попытке виджаянагарского государя конфисковать земли своего вассала Тирумалы-раджи. Вновь назначенный ленник (Куликандала Кампа-раджа) встретил сопротивление не только со стороны своего предшественника, но и со стороны населения, связанного, видимо, какими-то узами с прежним владельцем.

[А.] Прежде, когда имелся один правитель в мандалах[1] Чера, Чола и Пандия[2], а также и после этого, когда в каждой из трех мандал управлял свой царь, до года эры Шака (1249) Акшайя[3] раджи не распоряжались землями девадайя[4] и брахмадайя[5]. Так велось, что брахманы сами контролировали себя. [Раджи] только наблюдали за текущими судебными делами и обуздывали [преступников]. Потом пришли тулуккары[6] и разграбили земли девадайя и брахмадайя. Божество должно было удалиться в леса подобно дикому зверю[7], и впоследствии оно изволило вернуться в храм в год эры Шака (1293) Паридапи[8], 17-го числа месяца Вайгаши. В это время все эти мандалы перешли под власть райев, которые

---

[1] Мандала — область, крупное территориальное деление в стране тамилов.

[2] Чера, Чола и Пандия — государства на крайнем юге Индии, существовавшие в древности и в раннее средневековье.

[3] 1326/27 г. эра Шака начинается в 78/79 г. н. э. По одной из систем индийского летосчисления, годы делились на 60-летние циклы. Это было связано с 60-летними циклами изменения положения планеты Юпитер. Каждый год цикла имел свое название. Два из этих названий — Акшайя и Паридапи — встречаются в данном отрывке.

[4] Девадайя или девадейя — земли индуистских храмов.

[5] Брахмадайя, брахмадейя — земли, принадлежавшие брахманам.

[6] Тулуккары — мусульмане. Имеются в виду походы в Южную Индию войск делийских султанов Ала уд-дина Хилджи (1296—1316) и Мухаммеда Туглака (1325—1351).

[7] Т. е. было увезено в леса изображение бога, которому был посвящен храм в Шрирангаме.

[8] 1372 г.

назывались нарапати[1], и эти райи и многие обладатели крепостей, ставшие слугами райев, подарив [храмам] деревни с пролитием воды[2], сами стали назначать в храмы своих служащих управляющими и писцами и распоряжаться храмовыми землями, ставшими землями девадайя, подобно тому как они управляли округами, принадлежавшими государю...

[Б.] Когда Куликандала Кампа-раджа прибыл в Тиручирапалли как человек, обладающий царской печатью, Тирумала-раджа сказал ему: «Вам следует покинуть пределы этих округов», и между ними возникла враждебность. В год эры Шака (1380) Прамоди[3] члены сабхи[4] и наттары[5] южного и северного берегов [р. Кавери] и все земледельцы ушли и жили 12 лет в тысячеколонной мандапа[6] и в иных землях, занимаясь земледелием. Потом, в год эры Шака 1392 Кара[7], когда сима[8] Тиручирапалли и сима Тиндал стали симой Тирумала-раджи, все жители северного и южного берегов встретились с Тирумала-раджей и разошлись по своим деревням.

N. Sastri and Venkatavamanayya,
Further Sources on the Vijayanaga History,
Vol. II, Madras, 1946, p. 56, 80.

19. Из надписи 1427 г.

Мы, Мутту-найяка с братьями, сын Андийяппанайяка из семьи Ванийя-райя, проживающий в [деревне] Веллодай, расположенной поблизости от деревни Кумангалам, иначе называемой Чатурведимангалам и находящейся на южном берегу [р.] Арани, в Пайур-коттаме[9] в Мейкунра-валанаду[10], в восточной части провинции Чандрагири, в Тондамандалам,

---

[1] Райя, нарапати — титулы императоров Виджаянагара, государства, возникшего в 1336 г.

[2] Обряд пролития воды был обязательным при переходе собственности на землю из рук в руки.

[3] Датировка неточная. Год эры Шака падает на 1458 г., год Прамоди — на 1450/51.

[4] Сабха — собрание брахманов деревни, города или округа.

[5] Наттар — коллективный орган, стоявший во главе округа (наду).

[6] Мандапа — терраса, сооружение с крышей, но без стен; временное сооружение.

[7] Год Шака соответствует 1470/71 г. н. э., год Кара — 1471/72 г.

[8] Сима — граница, округ, владение.

[9] Коттам — единица административного деления, часть мандалы.

[10] Валанаду — крупная наду, округ в Тамилнаде.

объявили, не желает ли кто купить половину деревни Веллодай, которая находится в нашей собственности. Услышав это объявление, Коттай Перийя Бомму-Шетти[1] с братьями, происходящий из вайшьев[2], живущий в том же наду, в том же коттаме и в той же мандале, заявил, что он желает совершить покупку. Поэтому мы, Мутту-найяка с братьями и Коттай Перийя Бомму-Шетти с братьями, т. е. продавец, который предложил [сделку], и покупатель, который на нее согласился, с обоюдного согласия в присутствии Маннама-наккана из Куммангалам установили цену в 125 подлинных новых пуликатских панамов[3].

Из 3850 кули[4] земли, измеренных шестом в 32 аду[5], мы продаем половину, т. е. 1925 кули, которые образуют $1\frac{11}{160}$ карай[6], за 125 панамов. Пусть это будет ценой, установленной ценой, да будет это ценой во второй и в третий раз. Пользуйтесь землей, пока существуют солнце и луна. Пусть не будет никаких споров об этой купчей. Если же возникнут какие-либо [споры], мы сами выступим и разрешим все [недоразумения]. Итак, мы с нашим полным согласием даем вам этот документ о продаже наших земель. [Соглашение заключено] между Коттай Перийя Бомму-Шетти и Мутту-найяком с братьями. Мутту-найяка из Кайманданґам руку приложил. Свидетели: Муттийяппа-найяка из Куммангалам, Маннареддн-мудалийяр из Шиннакаманам, Найинаппа-мудалийяр из Перийя-каманам, Паллава Венката, мудалийяр из Поннагири. Под диктовку этих лиц Шинайяна-пиллай, деревенский писец, любезно записал это. Данаппа-ашари выгравировал надпись [на медной табличке]. Муттийяппа-найяка руку приложил. Маннаредди-мудалийяр руку приложил. Найинппа-мудалийяр руку приложил. Паллава Венката-мудалийяр руку приложил. Мутту-найяка из Пагайманданґам руку приложил.

J. Burgess, Tamil and Sanskrit Inscriptions with some Notes on Village antiquities, collected chiefly in the South of the Madras Presidency, Madras, 1886, p. 148—149.

---

[1] Шетти — член касты торговцев.

[2] Вайшьями в средние века назывались преимущественно касты торговцев и ремесленников.

[3] Панам — золотая монета. Пуликат — город на Коромандельском, восточном побережье Индии, важный торговый центр.

[4] Кули — мера площади, равная примерно 0,6 акра.

[5] Аду — мера длины, букв. ступня.

[6] Земли деревни были разделены на большие поля (карай), которые делились по долям между отдельными крестьянами.

III. ФОРМЫ ФЕОДАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

20. Увеличение податей в результате земельного пожалования в государстве Хойсалов (Южная Индия)

Из надписи 1194 г.

Славный государь Вира-Баллала[1] образовал аграхару[2], называемую Нералиге в Вира-Баллала — Чатурведимангалам, и даровал ученым брахманам 202 доли, на которые разбита земля этой аграхары... Подати, получаемые с Нaралиге, составляли 400 гадьяна[3]. Теперь с добавлением сбора с орехов арека и других разнообразных налогов, собираемых вместе, они (жители) будут платить 1000 гадьяна. Раньше они обычно платили упомянутую сумму натурой: зерном кхана[4], рисом, сезамом[5] и чоламом[6]. Теперь [вновь установленная] сумма должна выплачиваться владельцам долей.

«Annual Report of the Mysore archaeological Department», for the year 1923, Bangalore, 1924, p. 33.

21. Налоговая система в империи Виджаянагар

Из надписи 1429/30 г.

Надпись дает представление о системе налогообложения в Южной Индии XV в. Особый интерес надписи заключается в том, что перечисленные в ней ставки податей выдвигаются и утверждаются самими представителями крестьян, которые, следовательно, признают эти ставки законными.

Со времени каннадиев[7] наша наду была объявлена дживитапарру[8] храмовых служащих, и жители платили подати властям храма, а не в [государственную] казну. Подати собирались не одним человеком. Земли сдавались [на откуп] разным людям, и собирался налог пуравари[9]. Из-за этого вся наду пришла в запустение. Поэтому жители Парантака-наду, 98 каст правой руки и 98 каст левой руки, приняли решение о выплате государственных налогов и податей в пользу храма,

---

[1] Вира-Баллала II (1173—1220) из династии Хойсалов.

[2] Аграхара — одно из названий для деревни, находящейся в собственности брахманов.

[3] Гадьяна — золотая монета.

[4] Кхана — бобовое растение.

[5] Сезам — кунжут.

[6] Чолам — вид проса.

[7] Каннадии — название династии Хойсалов (1022—1343), правители которой происходили из народности каннара (или каннада).

[8] Дживитапарру — место (парру), где расположены земли, выделенные за службу в пожизненное владение (дживитам).

[9] Существо и размер этого налога неизвестны.

подобное тем [решениям], которые уже приняты другими наду, входящими в Валудаламбатту-ушавади[1], и выбили это решение на стене храма.

Орошаемые земли, приносящие только плохое зерно или попорченные другим образом, не должны учитываться. Не следует учитывать также суходольные земли плохого качества. Но если на исключенных таким образом землях ожидается урожай в размере 1/4 [нормального], то каждый держатель земли должен отдать треть [полученного] в качестве варама[2].

С полей под рисом, включая налоги арашуперу[3], илаккай и др. уплачивается 50 каламов[4] (зерном) и 1/4 панама (деньгами) и, кроме того, 20 панамов в счет налогов каниккай[5], шаммадам[6], паттаваттам, каникули[7] и др. с каждого вели[8]. С необработанных земель — 40 каламов и 18 панамов. С земель, очищенных из-под леса, — 20 каламов и 2 панама. С земель кадайппу[9] и с земель, орошаемых связанной водой[10], — 20 каламов и 10 панамов. С пизанговых и тростниковых зарослей, [произрастающих] на орошаемых землях, — 60 панамов; с пизанговых и тростниковых зарослей на плотинах и дамбах — 50 панамов; с участков, на которых растет красный лотос, — 40 панамов; с участков под куркумой, имбирем, луком, чесноком и т. д. — 25 панамов; с участков под клещевиной, горчицей, бенгальским горошком и пшеницей — 20 панамов; с участков под огурцами, тыквой и пр. — 30 панамов; с участков под стручковыми — 1 панам; с участков под сезамом первого урожая — 3/4 предыдущей ставки; с участков под бетелем[11] — 200 панамов; с участков под бетелем первого урожая — 100 панамов. С каждых 5 арековых пальм, приносящих по 1500 орехов, — 1 панам. С каждой кокосовой пальмы, приносящей не менее 40 орехов, — 1/2 панама. Заболевшие, бесплодные деревья и деревья при усадьбах исключаются [из обложения]. С каждого хлебного дерева, приносящего не

---

1 Ушавади — область.

2 Варам — доля, натуральная рента из доли урожая.

3 Арашуперу — «царский сбор», один из мелких налогов.

4 Калам — мера объема, равная примерно 9600 *куб. см.*

5 Каниккай — «подарок», один из «добровольных» сборов чаще всего в пользу религиозных учреждений.

6 Шаммадам — один из сборов в пользу откупщика податей.

7 Паттаваттам — «сбор на коронацию», один из мелких налогов. Значение термина каникули еще не установлено.

8 Вели — мера земли, равная примерно 2,6 *га.*

9 Кадайппу — низкосортные земли, на которых даже при орошении можно выращивать лишь суходольные культуры.

10 Имеется в виду, по-видимому, полив из колодца ведрами.

11 Бетель — кустарниковое дерево, листья которого используются при приготовлении жевательной смеси.

менее 20 плодов...[1] Деревья, расположенные на внешних землях, не облагаются.

С каждого дома в деревне — 3 панама. С каждого дома ткача — $1\frac{1}{2}$ панама. С каждого дома... — $1\frac{1}{3}$ панама. Со строений с наклонными крышами[2] — $\frac{3}{4}$ панама. Неиспользуемые строения не облагаются.

С каждого торговца — 3 панама; с каждого главного сборщика пошлин — 4 панама; с каждого ткача [из касты] кайколла с одним работающим станком — 4 панама; с каждого ткача-кайколла с одним неработающим станком — 2 панама; с каждого лавочника, открывшего лавку в своем доме, — 3 панама; с каждого ткача [из касты] шалийя за каждый станок — 9 панамов; с каждого судьи — 5 панамов; с каждого члена деревенского совета — $\frac{1}{2}$ панама; с каждого работающего станка по производству кружев — 3 панама; с каждого неработающего станка по производству кружев — $1\frac{1}{2}$ панама; с каждого главного гончара — 5 панамов; с каждого главного цирюльника — 4 панама; с каждого главного прачечника — 4 панама. С каждого... — 6 панамов; с каждого главного маслодела — 20 панамов; с каждого парайяна[3] — $\frac{1}{2}$ панама. Некоторые из них (парайянов) могут быть исключены [из обложения].

Было решено, что тот, кто станет собирать налоги по-другому, иначе чем указано в вышеприведенном документе, может делать так лишь с разрешения собрания жителей мандалы. Было решено, что ряд специальных земель в наду Парантака, освобожденных от податей, не должен затрагиваться [данным постановлением], а именно: земли пандара-вадай[4], дживитапарру, адайппу[5], отти[6], гуттагай[7] и шервай[8].

Report of the Assistant, Archaeological Superintendent for Epigraphy, Southern Sircle, for the Year 1914—15, Madras, 1915, p. 107—108.

---

[1] Здесь и далее отточием обозначен пропуск в тексте.

[2] Возможно, речь идет о сараях и прочих хозяйственных постройках.

[3] Парайян — член неприкасаемой касты парайя. Этим термином могли называться и члены всех неприкасаемых каст.

[4] Пандара-вадай — государственные земли.

[5] Адайппу — земля, сданная в один из видов откупа.

[6] Отти — заложенная земля.

[7] Гуттагай — земля, арендованная на привилегированных условиях.

[8] Шервай — земля, пожалованная за службу.

22. Налоги с крестьян в Делийском султанате

Система сбора налогов при султане Ала уд-дине Хилджи (1296—1316)

...Шараф Каи, наиб-и вазир[1], предъявлял строгие требования к делопроизводителям (каркунан), надзирателям (мушрифан), чиновникам (уммал), хранителям писцовых книг (охдедаран-и дефатир), уполномоченным (гумаштеган), сборщикам (мухассилан). Производились строгие доследования, и каждый джитал, числившийся за ними, устанавливался на основании книг патвариев[2]. Деньги получали [с чиновников] при помощи побоев, заключения в тюрьму и кандалы. Не было никакой возможности незаконного получения от индусов или мусульман хотя бы одного танка взятки. Чиновники (уммал ва мусарифан) и хранители [писцовых книг] были под неослабным контролем, и за 500 или 1000 танка [недостачи или хищения] они подвергались заключению в тюрьму и годами содержались в кандалах. Людям служба чиновника представлялась ненавистней лихорадки. Писцовое дело было великим злом, и ни один человек не выдавал свою дочь за писца. Смерть представлялась более желанной, [чем служба чиновника]. Часто чиновники фиска попадали в тюрьму, подвергались палочным ударам и побоям.

Налоговые установления делийского султана Гийяс уд-дина Туглака (1320—1325)

По милосердию своему [он] приказал, чтобы харадж в государстве взимался бы на основаниях справедливости с учетом реальной продукции; он отменил практику обложения крестьян государства, не учитывающую потерь в урожае[3]. В делах, касающихся икта и областей государства, он не потакал рвачам (сайян), барышникам (моуффиран), домогателям-откупщикам (мукат'а гиран). Он приказал, чтобы рвачи, барышники, откупщики и грабители не привлекались бы диван-и везаретом [для сбора налогов]. Диван-и везарету он дал приказ, чтобы с икта и областей не взимали бы... более $^1/_{10}$—$^1/_{11}$ [урожая]. [Чиновники дивана] должны прилагать старания к тому, чтобы процветание из года в год возрастало и сверх [уплаты] хараджа оставалось бы [крестьянам] столько, чтобы области не разрушались от тяжелых налогов, а

---

[1] Помощник вазира, главы фискального ведомства.

[2] Патварии — сельские писцы, счетоводы.

[3] Отменил обложение «буд ва набуд-ра» — букв. обложение того, что было (уродилось), и чего не было (не уродилось).

была бы возможность увеличения [продукции земледелия]. Султан Туглак-шах неоднократно указывал, что харадж с областей должен взиматься в таком размере, чтобы крестьяне областей расширяли посевы, а количество выращиваемой продукции не только не уменьшалось, но увеличивалось из года в год. Не следует взимать сразу столько, чтобы [количество выращиваемой продукции] уменьшалось и впредь не увеличивалось бы. Области разоряются и остаются разоренными в результате чрезмерно тяжелого хараджа и непомерных требований падишахов... Султан Туглак-шах в отношении получения хараджа с крестьян завещал мукта и валиям[1] государства, что индусы[2] должны иметь столько, чтобы они не были ослеплены богатством, не проявляли бы неповиновения и не подымали бы мятежей; и [в то же время не следует доводить их до того], чтобы из-за бедности и нищеты они бросали земледелие и хлебопашество.

Увеличение налогов Мухаммад-шахом Туглаком (1325—1351)

Султан Мухаммад в глубине души своей затаил несколько идей для того, чтобы весь населенный мир подчинить власти своих приближенных. Но об этих мерах он никогда не беседовал ни с кем из своих доверенных лиц и друзей. То, что он задумал, в его представлении было добром. Однако, осуществляя эти идеи, он потерял и те области, которыми владел, отвратил от себя людей, опустошил казну. Стали возникать волнение за волнением, замешательство за замешательством. По причине недовольства народ подымал восстания и мятежи. Но задуманное султаном с каждым днем проводилось все упорнее. Большинство народа вышло из повиновения... Налог (хараджа[3]) большинства отдаленных областей и округов был потерян. Многие воины и слуги рассеялись и направились в отдаленные края. Казна оскудела... Кроме Гуджарата и Деогира, [у султана] не осталось [других отдаленных] областей. И даже в самой столичной области Дели происходили волнения и мятежи...

Первая идея, которая послужила причиной разрушения страны и разорения крестьян, заключалась в том, что султан Мухаммад вздумал увеличить хараджа в двуречье [Ганга и Джамны] на $^1/_{10}$ или $^1/_5$. Для осуществления упомянутой

---

[1] Вали — правитель области.

[2] В данном контексте — крестьяне, подавляющая масса которых в Делийском султанате по своему вероисповеданию была индусами.

[3] Хараджа — в данном контексте совокупность различных сборов с податного населения.

идеи султан ввел такие жестокие абвабы[1] и наложил такой мал[2], что спины крестьян надломились. Абвабы были так обременительны, что бедные райаты были полностью разорены, а богатые крестьяне, которые имели деньги и имущество, восстали; области разорились, земледелие полностью прекратилось. Крестьяне отдаленных областей, прослышав о разорении крестьян Двуречья, из страха, что этот приказ [об абвабах] будет распространен и на них, вышли из повиновения и бежали в леса. Вследствие сокращения посевов и разорения крестьян Двуречья, сокращения подвоза зерновых торговцами-караванщиками из [различных] областей Индостана, в Дели, области Дели и во всем Двуречье начался страшный голод, поднялись цены на зерновые; случился и недостаток дождей, так что голод стал всеобщим. Это продолжалось в течение семи лет. Тысячи тысяч людей погибли во время этого голода. Общины рассеялись, и многие люди лишились семей.

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз шахи,
Калькутта, 1861, стр. 288—289, 429—430, 472—473.

23. Налоги и сборы с торгово-ремесленного населения городов

Благодаря богу в мой ум прочно проникла мысль о том, что жизнь и имущество мусульман должны быть совершенно обеспечены, но если кто-либо отклонится с пути религиозного закона, он должен получить заслуженное, согласно установлениям Корана и предписаниям казиев...

...В прежние времена они (правители) собирали для казны запретные налоги, как-то: сбор с продажи листьев бетеля, с рыночных маклеров, [налог] на мясников, налог в пользу смотрителя общественных увеселений и празднеств, [налог] на продажу цветов, [налог] на орошение, пошлинные сборы, [налог] на продажу рыбы, на торговлю хлопчатобумажными одеждами, на производство мыла, на продажу веревок, на производство растительного и животного масла, жареного грама[3], тех-базари, чунги галла[4], [налог] с пенсий, налог на азартные игры, на дома терпимости, котвали[5], ихтисаби[6], караи и чараи[7].

---

[1] Абвабы — всевозможные дополнительные поборы сверх поземельного налога.

[2] Мал — в данном контексте поземельный налог.

[3] Грам — зерновая культура.

[4] Чунги галла — налог, собираемый со всех торговцев зерном на городских базарах.

[5] Котвали — сбор в пользу градоначальника.

[6] Ихтисаби — сборы в пользу мухтасиба (цензора нравственности).

[7] Караи и чараи — сбор за выпас скота.

Мы приказали казне упразднить эти налоги из регистра и объявить, что если кто-либо будет взимать эти сборы с населения, он будет подвергнут заслуженному наказанию.

Богатство, которое собиралось в казну, состояло из налогов, предписанных законом избранника (да будет божья милость и мир над ним) и изложенных в священных книгах, т. е. харадж, десятина (арази-йе ушр), закят, джизия на индусов и [доход] с выморочного имущества, $^1/_5$ от [военной] добычи и рудников... ...До настоящего времени из-за распространения ереси они обычно собирали $^4/_5$ добычи в казну, а $^1/_5$ давали воинам якобы по обычаю и договоренности. Установление же религии таково, что они должны брать $^1/_5$ в казну, а $^4/_5$ — платить воинам, но это установление полностью извращалось. Так как такое положение противоречит предписанию закона, следовательно, тот, кто присвоит эту добычу, совершит запретное деяние... Для упразднения этого, мы приказали, чтобы они (чиновники) собирали $^1/_5$ в казну, а $^4/_5$ выплачивали бы воинам.

«Футухат-и Фируз-шахи». Микрофильм с рукописи Британского музея.

IV. ТОРГОВЛЯ И РЕМЕСЛО

24. Рыночные установления делийского султана Ала уд-дина Хилджи (1296—1316)

Установление 1. Фиксация цен на зерно. Пшеница — 7,5 джиталов за ман[1], ячмень — 4 джитала за ман, рис — 5 джиталов за ман, маис — 5 джиталов за ман, горох — 5 джиталов за ман, мотх — 3 джитала за ман. В течение ряда лет, пока был жив султан Ала уд-дин, сохранялись указанные цены и зерно никогда не повышалось ни на один данг[2], ни в годы избыточных дождей, ни засух. Постоянные цены на зерно на рынках считались одним из чудес [того] времени.

Установление 2. В целях сохранения дешевых цен на зерно малик Кабул Улуг-хан, мудрый и деятельный приближенный [султана], был назначен шихна[3] рынков. Упомянутому шихна рынков был пожалован большой икта. С большой и пышной [свитой] из всадников и пехотинцев он

---

[1] Ман — единица веса, колебавшаяся в разное время и в различных областях.

[2] Данг — одна шестая доля; также мелкая денежная единица.

[3] Шихна (или даруга) в Хулагуидском Иране — ханский наместник в городе. В Северной Индии — смотрители, надсмотрщики, назначенные феодальными правителями, за рынками или группами некоторых категорий ремесленников.

объезжал [рынки]. У него были сведущие заместители (наибы) и агенты (кардар), которые являлись его друзьями, представленными престолу. На рынки посылались также опытные шпионы.

Установление 3. Для сохранения низких цен на зерно [было необходимо] накопление больших запасов зерна в султанских амбарах. Султан Ала уд-дин приказал, чтобы все касаба[1] халиса в двуречье [Ганга и Джамны] платили бы харадж в натуре и то [количество] зерна доставляли бы в султанские амбары в городе [Дели]. Был издан приказ, чтобы в Новом городе[2] и области Нового города доля султана — половина урожая — также собиралась зерном. В Джхайне и деревнях Джхайна также должны были быть сооружены амбары. [Зерно из] этих амбаров подлежало отправке в столицу караванами. Благодаря этим мерам в Дели у султана сосредоточилось столько зерна, что не случалось так, чтобы одновременно не было бы два-три амбара, наполненных зерном. Когда ощущался недостаток дождей или по какой-либо причине не прибывали караваны и на рынках ощущался недостаток зерна, султанские амбары открывались и зерно продавалось по [установленным] султаном ценам согласно пожеланию народа. Зерно вручалось купцам-караванщикам из Нового города. Благодаря этим двум правилам зерно никогда не убывало на рынках и никогда [цена] на него не возрастала более чем на 1 данг над установленной.

Установление 4. Для сохранения дешевых цен на зерно купцы-караванщики были поставлены под контроль шихна рынков. Султан Ала уд-дин дал приказ арестовать нескольких глав купцов-караванщиков и доставить их в цепях к шихна рынков, который приказал держать их [под арестом] до тех пор, пока они не согласятся действовать [согласно распоряжению шихна] и не дадут поручительных расписок. Но они не были освобождены до тех пор, пока не привели своих жен и детей, вьючных животных и скот, пока не привезли свое имущество и не поселились в деревнях у берега Джамны. И пока шихна рынков не назначил смотрителей над ними, их женами и детьми и пока купцы-караванщики не были [окончательно] подчинены, цепи не были сняты с [арестованных] глав. Благодаря упомянутому установлению на рынках было столько зерна, что не было необходимости открывать султанские амбары, и зерно не подымалось ни на один данг над установленной ценой.

---

[1] Касаба — деревня или городок.

[2] Шахр- и ноу — одна из частей Дели, отстроенная в конце XIII — начале XIV в.

Установление 5. В целях сохранения низких цен на зерно была запрещена спекуляция. В дни Ала [уд-дина] были приняты такие [строгие] меры против спекуляции, что ни один из купцов, собственников деревень (дех-даран), баккалов[1] и т. п. не мог спекулировать хотя бы на одном мане зерна или продать в своем доме утаенный ман или полмана зерна дороже цены, установленной султаном, хотя бы на один данг или дирхем[2]. В случае если обнаруживалась спекуляция, зерно изымалось в пользу султана, а спекулянта подвергали штрафу. От наибов[3] и чиновников области Двуречья диван-и везарет получил расписку в том, что ни одному человеку [в подведомственной] им области не будет дозволено заниматься спекуляцией, а в случае если станет известно, что кто-либо в области Дуаб спекулировал, виновность ложится на наиба и чиновников, которые ответственны за это перед троном. Благодаря мерам, запрещающим спекуляцию, на рынке установленные султаном цены на зерно ни на один данг или дирхем не повышались ни в периоды избыточных дождей, ни в периоды засухи.

Установление 6. В целях сохранения дешевизны зерна от чиновников фиска (мутасаррифан ва каркунан) области брали письменное обязательство в том, что купцам-караванщикам крестьяне будут сдавать зерно в поле [также по особо установленным] ценам. Султан приказал также, чтобы от высочайшего дивана, от шихна, от чиновников области Дуаб, что близ города [Дели], взяли письменное обязательство в том, что они будут взимать харадж с крестьян с такой строгостью, чтобы у них не было возможности забирать домой из урожая зерно [до изъятия его части в виде налога] и спекулировать [им] и чтобы они продавали зерно купцам-караванщикам на поле по дешевой цене так, чтобы у купцов-караванщиков не было бы повода для отказа от доставки зерна на рынки [столицы]. Постоянное снабжение было таким образом обеспечено. Для того чтобы у крестьян (дехканиян) также была возможность для получения прибыли, им было разрешено везти по мере возможности свое зерно с поля на рынок и продавать [там] по установленной цене.

Установление 7. Для сохранения дешевизны зерна султан ежедневно получал сведения о рыночных ценах и о соблюдении рыночных установлений. Султан Ала уд-дин получал... [эти сведения] из трех источников. Во-первых, отчет о рыночных ценах и состоянии рынка представлял шихна

---

[1] Баккал — торговец бакалейными товарами.

[2] Дирхем — мелкая денежная единица, серебряная монета.

[3] Имеется в виду наиб-и мукта, т. е. заместитель, наместник правителя области.

рынков; во-вторых, барид[1], осведомители, которые были определены на рынок, [также] делали сообщения. Если в сообщениях барида и осведомителей, [с одной стороны], и в докладе шихна рынков — [с другой], имелись противоречия, шихна подвергался наказанию...

Все мудрые люди времени Ала [уд-дина] удивлялись стабильности цен на рынках. Когда дожди выпадали [регулярно] и погода бывала благоприятной, не было ничего удивительного в том, что зерно не подымалось в цене. Но подлинное чудо судьбы в дни Ала [уд-дина] состояло в том, что, случалось, годами бывала засуха и, казалось, неизбежен голод, но в Дели голода не бывало и ни на один данг не подымалась цена ни на султанское зерно, [продаваемое на рынках], ни на зерно, [приобретаемое у крестьян] купцами-караванщиками... Однажды или дважды в период недостатка дождей шихна рынков доложил, что цена на зерно поднялась на полджитала; за это он получил 20 ударов палкой. В периоды нехватки дождей баккалам каждого квартала [города] вручали с рынка зерно в количестве, достаточном для удовлетворения потребности в зерне населения этих кварталов. Таким образом, те из знатных, которые не имели деревень и земли, получали зерно с рынков...

Для сохранения низких цен на одежду, ткани, сахар, овощи, фрукты, животное масло и масло для фонарей были выработаны пять [соответствующих] установлений...

[Одно из установлений султана Ала уд-дина] для сохранения дешевизны предусматривало суровое наказание, побои, отрезание мяса от ляжек тех, кто обвешивал... Но люди базара не могли отрешиться от обвешивания. Они продавали свои товары по установленной цене, но обманывали покупателей в весе, в особенности невежественных людей и детей. Когда султан обратил свое внимание на это, он обнаружил, что люди базара, как правило, поступают нечестно... [По приказу султана], в случае, если... обнаруживался недовес, шихна рынков... отправлялся в лавку торговца, который недовесил, и клал перед ним купленный у него товар. Затем шихна забирал в лавке недостающее количество [товара], а от ляжки торговца отрезал кусок мяса, равный недовеску, и бросал перед ним. Жестокость такого наказания делала торговцев честными и сдерживала их от недовешивания и прочих мошеннических проделок...

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 305—309, 318—319.

---

[1] Барид — информатор.

25. Отмена рыночных и других установлений Ала уд-дина его преемником султаном Кутб уд-дином Мубарак-шахом (1316—1320)

В день своего вступления на трон он дал приказ об освобождении 17—18 тыс. заключенных и изгнанников времен Ала [уд-дина], [томившихся] в городе [Дели] и в различных сторонах государства. Во все концы государства были разосланы через гонцов приказы об освобождении арестантов и изгнанников... Он сделал войску дар (инам) в размере их шестимесячного [жалованья]; увеличил жалованье (мавадджиб) маликов и эмиров и сделал им богатые дары. Он приказал также принимать от нуждающихся полностью запрещенные [прежде] прошения и представлять их престолу. В большинстве случаев на все представленные ему прошения... он давал [удовлетворявший писавших их] ответ. В четыре года и четыре месяца своего правления он увеличил пенсии (идрар) улемов и жалованье войска. Большое число деревень и земель, которые в правление Ала [уд-дина] были отобраны в халисе, в его правление люди получили [обратно]... Султан Кутб уд-дин... упразднил [лежавшее] на народе тяжелое бремя налогов [хараджха] и жестокие поборы (талабха-и сахт). Он устранил из [практики] диван-и везарет наказания, жестокости, побои, кандалы, заключение в тюрьму, удары палками. Благодаря его любви к удовольствиям, расточительности, праздности все установления и распоряжения Ала [уд-дина] потеряли свою силу; благодаря его мягкости все люди пребывали в спокойствии и были избавлены от дурного нрава, жестокого обращения и суровых приказов Ала уд-дина. Золото и золотые изделия, серебро и серебряные изделия снова появились в домах, на улицах и в [городских] кварталах. Люди избавились от [предписаний] де-делай это и не делай того, говори это и не говори того, это прячь, а это не прячь, ешь это, не ешь того, продавай это и не продавай того-то, будь таким и не будь таким... Цены на продукты питания и зерно вздорожали, а [установленные] Ала уд-дином расценки полностью исчезли, и товары продавались по ценам, назначаемым продавцами... Мултани [вновь] занялись своей торговлей, в каждом доме били в бубен и барабан, [так как] люди базара радовались смерти Ала уд-дина. Теперь они продавали по собственным ценам, обманывали и обдирали людей. Они поносили султана Ала уд-дина и прославляли султана Кутб уд-дина. Плата работникам (иджарет-и маздуриан) возросла на $^1/_4$, слуги (чакир), которые получали 10—12 танка, стали получать 70, 80 и 100 танка. Вновь начались взяточничество, вымогательства, злоупотребления и наступили хорошие дни для чиновников фиска (мутасаррифов и амилей) и

обманщиков. Благодаря уменьшению налогов (хараджха) индусы[1] снова наслаждались благоденствием, изобилием и удовольствиями. Индусы, которые срывали незрелые колосья, [так как] нуждались в хлебе насущном, которые не имели приличной одежды... одели теперь хорошие одежды, ездят на конях, стреляют из лука. За время правления Кутб уд-дина ни от одного из установлений Ала [уд-дина] не осталось и следа: положение дел изменилось, появились новые порядки.

Зия уд-дин Барани, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1861, стр. 382—385.

26. Упразднение некоторых феодальных сборов и повинностей с торгово-ремесленного населения городов

При его величестве [Фируз-шахе] были ученые и святые. Все, что они нашли незаконным в отношении государственных налогов, султан Фируз-шах запретил собирать, хотя это и уменьшало доходы [казны]. Они довели до сведения султана, что в прежние правления появились некоторые [незаконные] поборы, в том числе дангана[2]. Товары, облагавшиеся в сар-и адл[3] закятом[4], после уплаты [их хозяевами] закята взвешивались, и на них налагали один данг с каждого танка [стоимости товара]. Это давало большие сборы. Купцы, как местные, так и иноземные, были очень недовольны взиманием дангана... В городе Дели был [еще один] незаконный [сбор] — мустагал. Мустагал — это рента с земли, [занятой] под домами и лавками. Он собирался согласно приказу прежних падишахов. Следующим незаконным [сбором] был джазари, налагавшийся на мясников в размере 12 джиталов с каждого заколотого ими быка; он приносил казне значительный доход. Рузи — являлся повинностью купцов. Когда купцы, местные или иностранные, привозят в Дели зерно, соль, сахар и другие товары, груженные на быков, чиновники дивана отбирают [у них] этих животных на один день и отправляют в старый Дели. Там находилось несколько укреплений прежних правителей, пришедших в состояние разрушения... Животные, [взятые] у купцов, посылались туда чиновниками на один день и должны были доставить оттуда груз кирпичей в Фирузабад. Ни один купец, приходивший в Дели, не мог получить разрешение на выезд, пока его животные не выполнят этой работы. Купцы стали неохотно приходить в город, в резуль-

---

[1] Имеются в виду средние и мелкие феодалы-индусы, хуты и др.

[2] Дангана — налог по чрезвычайному сбору.

[3] По-видимому, так называлось главное таможенное ведомство в столице Дели (букв. дворец товаров).

[4] Закят — сбор с торговли и ремесла, равный 2,5% дохода.

тате чего цены на зерно и соль возросли. Сведения об этих различных незаконных [сборах] были доведены до его величества, и [сборы] были полностью отменены.

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи, Калькутта, 1891, стр. 375—376.

27. Из описания Индии Афанасием Никитиным

Город Джунир[1] находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен богом... Меня обманули псы-бусурмане[2]: они говорили про множество товаров, но оказалось, что ничего нет для нашей земли. Весь товар белый только для бусурманской земли. Дешевы перец и краска. Некоторые возят морем, иные же не платят за него пошлин. Но нам они не дадут провезти без пошлины. А пошлина большая, да и разбойников на море много. А разбивают все кафиры[3], не христиане и не басурмане...

В Бидаре происходит торг на коней и на товар: на камки[4], на шелк, на всякий другой товар; можно купить на нем также черных людей. Другой купли здесь нет. А товар их весь индостанский. Съестной же — все овощи.

...Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается все поморье, индийское и ефиопское.

«Хождение за три моря Афанасия Никитина», 1466—1472, изд. 2, М. — Л., 1958, стр. 74, 75, 76, 79, 88.

28. Торговля и ремесла в Гуджарате при Махмуде Бегарре

Гуджарат теперь переживал время нового и беспримерного процветания... Купцы спокойно занимались прибыльной торговлей, вся страна пребывала в мире и безопасности, а дороги были свободны от разбойников... Торговцы были довольны, так как в дни султана Махмуда передвижение по дорогам было прекрасным и безопасным: не было ни воров, ни разбойников... Прекрасные [караван-]сараи и постоялые дворы были сооружены для удобства путешественников; были воздвигнуты также великолепные медресе и мечети. Ремесленники были довольны, так как султан был в высшей степени справедлив и милостив, и ни один человек не имел права обидеть или угрожать другому... Говорят, что в его правление цены на зерно не подымались. Все было дешево в его правление — народ Гуджарата не видел [дотоле] такой дешевизны... Каждый земледелец, который выращивал на своей земле

---

[1] Чюнейр — к востоку от Бомбея, входил во владение Бахманидов.
[2] Мусульмане.
[3] Кафир — «неверный», нехристианин. Здесь имеются в виду индусы.
[4] Камка — шитая золотом цветная шелковая ткань, парча.

деревья, получал поощрение, так что люди сажали деревья и выращивали [всякого рода] растения с каждым годом все больше и больше... Если в каком-либо городе, или местечке, или деревне он замечал пустую лавку или разрушенный дом, он запрашивал сельского старшину или чиновников о причине [этого] и предоставлял [все], что было необходимо для их восстановления... Большая часть прекрасных и искусных видов ремесла, существующих в настоящее время в Гуджарате, были созданы при Махмуде Бегарре. Умные люди из отдаленных стран и городов поселялись здесь.

«Мират-и Сикандари». Цит. по: *E. C. Bayley,*
The local Muhammadan Dynasties, Gujarat,
London, 1886, p. 167—171, 213.

29. Деятельность представителей торгово-ростовщического капитала в икта

В те дни некоторые люди по обоюдному соглашению [с ваджхдарами] покупали итлаки[1] воинов, а в городе [Дели] давали им одну треть [причитающегося по итлаку содержания]. Им доставалась добрая половина [доходов] в областях. Эти покупатели итлаков содержание, [полученное] по итлакам [ваджх-и итлакат] в областях, пускали в торговлю и от этого также имели значительную пользу.

Некоторые в дни правления того повелителя мира (Фируз-шаха, 1351—1388) стали богатыми вследствие покупки содержания воинов.

Шамс Сирадж Афиф, Тарих-и Фируз-шахи,
Калькутта, 1891, стр. 296—297.

30. Купеческие гильдии

Из надписи 1093/94 г.

Вся гильдия нагарамуммури, которую зовут славным именем «дерево с 32 стволами»[2], отличающаяся чистым происхождением по прямой линии от Кхандали; украшенная светлым знаменем [с изображением] горы, [приобретенным] охраной законов Вира-баланджей[3], которые заключаются в правдивости, чистом поведении, блестящих достижениях, соблюдении моральных норм и умеренности; украшенная неисчислимыми

---

[1] Итлаки — документ на получение служилыми лицами довольствия из казначейства той или иной области. Букв. отпуск, отсылание.

[2] Имелись отдельные гильдии нагараттаров, муммури и пр. Данная надпись составлена, по-видимому, от лица объединения, включавшего 32 разные купеческие и ремесленные организации.

[3] Вира-баланджи — одно из названий для купцов, лингайятов по религии.

хорошими качествами, приобретенными благодаря 500 строгим указам, почитаемым во всем мире; имеющая свои поселения в 18 городах; имеющая преимущества 64 йога; место сосредоточения 64 гхатика [1]; верховная владелица города Айяволе [2]; сосуд со стрелами молний [для защиты] тех, кто ищет у нее убежища; предоставляющая приют и убежище; члены которой относятся к женам других людей как братья, — дерево исполнения желаний для всех, кто к ней обращается. [Члены этой гильдии:] Хануманта-шетти, паттанасвами [3] столицы, большого процветающего города Баллиграма; Бармишетти; Меби-шетти; Сауваревиддимайя; Свамишанкарайя-гаунда [4]; Шанкарайя-сенабова [5]; ювелир Наги-шетти, подобный Раме в жестоком споре, а также Дхундхарабаладева-шетти, Эхарикатайя, Битийяппа, Кали-шетти из Бхаттакери — образовали собрание всего мира вместе с 4 носильщиками и 60 коттали и вашаварти [6]...

[Все эти лица] для выполнения обряда ангабхога [7] и для того, чтобы можно было восстановить любую сломавшуюся или разорвавшуюся вещь [в храме], а также для прокормления послушников и аскетов этого храма даровали с пролитием воды одну священную лавку [8]; уттамада-балакке [9]; право на: 1 панам с каждой лавки, 1 панам с продавцов листьев бетеля и орехов арека, 1 панам с маслоделов, 1 панам с носильщиков, $^5/_8$ панама с их арендаторов, $^5/_8$ панама с 60 коттали, $^5/_8$ панама с бинунгу [10], которые являются вашаварти города, 1 панам со всех земель, свободных от налогов, 1 панам с лавок гильдии муммури. Кроме того, 50 земледельцев, возглавляемых мехари [11], пожертвовали один ковш [растительного] масла с каждого маслопресса для поддержания постоянной лампады в храме и лампады в монастыре.

«Indian Antiquary», Vol. V, Bombay, 1876, p. 342—343.

---

[1] Значение двух последних эпитетов не ясно. Гхатика — мера времени, 24 минуты.

[2] Современный г. Айхоле.

[3] Паттанасвами — начальник города, титул главы торговцев в городе.

[4] Гаунда — староста деревни.

[5] Сенабова — писец деревни.

[6] Коттали и вашаварти — какие-то люди, зависимые от гильдии купцов. Вашаварти — букв. подчиненные контролю, находящиеся в подчинении.

[7] Ангабхога — обряд облачения и украшения статуи божества.

[8] По-видимому, доходы с торговли одной из лавок должны были целиком идти храму.

[9] Уттамада-балакке — доля (бале) с каких-то доходов; точный перевод затруднен.

[10] Бинунгу — термин нам не известен.

[11] Мехари — очевидно, староста.

31. Торгово-ремесленный городок
(Из надписи 1416 г.)

Деревня Четтупеду, принадлежащая Конайкотта-патти, которая включена в список земель, предназначенных брахманам в провинции Арага, и управляется Саптанаткой, из провинции Падайвиду, вместе с водоемом, [расположенным] около Тагара Ирумпеду; а также 23 пона[1] 3 панама в соответствии с весом серебряного пона, принятым в данной деревне, с начислением 1 пона $1^1/_2$ панама на обмен денег, с начислением $3^1/_2$ панама 1 беле на более низкое качество монет, а всего 24 пона 8 панамов 1 беле деньгами; а также деревня Якалу жертвуются в честь Махамайи, источника славы, с пролитием воды для утверждения дара. Пошлины, взимаемые в этой деревне: дорожный сбор, налоги на маслопрессы и маслоделов, на мелких торговцев, на торговцев тканями, на ткачей, а также все другие налоги деньгами и зерном переходят к нему. Пусть он пользуется (ими) в качестве дара, свободного от всех обязательств так долго, как существуют солнце и луна.

G. Oppert, Contribution to the History of Southern India, pt. I, Inscriptions, Madras, 1882, p. 47.

V. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ИХ ИДЕОЛОГИЯ

32. Сектантские учения в Северной Индии во второй половине XIV в.

Одной из милостей бога, ниспосылающего тяготы жизни, — его величие всесильно и милость всеобъемлюща — было то, что в Индостане ереси и дурное получили распространение в религии и стали обычными и естественными для людей, которые отклонились от великолепных законов [пророка]. Бог вложил свою силу в своего ничтожного раба, и этот задумал взять на себя [труд] запрещения ересей, устранения дурного (греха) и искоренения запретного. Он сделал скромные попытки, так что с помощью бога ложные и еретические обычаи были сметены и правда была отделена от лжи. Это был первый шаг.

В прежние времена кровь мусульман обильно проливалась и многие виды пыток практиковались, как-то: калечили руки,

---

[1] Пон, панама, беле — монеты, употреблявшиеся в данном поселке, видимо, отличались по весу и качеству от общепринятых. Упоминаемые надбавки должны были компенсировать возможные потери получателя дара при обмене монет на другие. В поселке существовала оригинальная денежная система: 1 пон (серебряный, а не золотой, как обычно) равен 5 панамам или 40 беле.

ноги, уши и носы, выкалывали глаза, вливали расплавленную медь в горло людей, резали на куски мясо рук и ног, заживо жарили на огне, вбивали гвозди в руки, ноги, грудную клетку, сдирали заживо кожу, колотили жезлом с шипами, отделяли артерии, распиливали тело пополам... Милостивейший и милосердный бог укрепил ум своего раба, помог ему посвятить свои силы тому, чтобы не проливалась несправедливо кровь мусульманина, и чтобы его не подвергали никаким пыткам, и чтобы никого не калечили... Они (прежние правители) совершали эти [жестокости] для того, чтобы сердца были проникнуты страхом, страх довлел над умами людей и дела государства были упорядочены. Их девизом было следующее высказывание:

Если хотите спокойствия в государстве,
Держите постоянно свой меч в действии.

Благодаря богу... эти жестокости и ужасы были вытеснены мягкостью, великодушием и благодеяниями. Страх и надежда усилились, как никогда прежде, в умах знатных и простых, и нет нужды в наказаниях, побоях, жестокости и пытках...

Затем шииты, именуемые рафизитами, вынуждали людей отдаться шиизму. Написав памфлеты и книги о своей религии, они проповедовали и наставляли [в своей вере] и открыто поносили и безобразно оскорбляли двух шейхов — [Абу Бекра и Омара]. Мы арестовали всех их, и их отступничество и обольщение [ими] других были доказаны. Мы наказали фанатиков и припугнули остальных предостережением, наказанием и жестокостями.

Секта мулхидов и абахтиев собралась и подстрекала народ к неверию. Они обычно собирались по ночам в назначенном месте. Люди, не уважающие матримониальные запреты, приносили с собой еду и вино и говорили: «Это и есть поклонение аллаху». Сделав изображение, они заставляли людей склоняться перед ним. Они приводили по ночам с собой жен, матерей, сестер, и кому из них удавалось схватить за одежду какую-нибудь женщину, он совокуплялся с ней [1]. Мы отрубили головы этим пирам (старшинам, старейшинам), заключили в тюрьму и наказали остальных, так что это зло было полностью искоренено из лона ислама.

Группа людей в лице безбожников (дахарийа), отступников и распутников пыталась вводить людей в заблуждение, делала своими последователями и проповедовала им о порочности (ложности) веры. Эти совратители имели главу, именовавшегося Ахмадом Бихари. Он был жителем города Дели, и

---

[1] Представители ортодоксального духовенства обвиняли многих сектантов в бесстыдстве, клеймили их позором за оргии, якобы имевшие место на сектантских сборищах.

группа бихариев, [его последователей], называла его богом. Они [чиновники] арестовали банду этих людей и привели в цепях к нам. Он (Ахмад Бихари) поносил пророка и утверждал: «Какой свет может быть в апостольстве человека, который имел девять жен?» Один из его последователей дал свидетельское показание о его утверждениях. Мы наказали обоих заключением в тюрьму и приказали другим отказаться и отречься. Мы изгнали каждого из них в различные городки. В результате порочность этой грязноголовой секты была подавлена.

Еще одним деянием бога было следующее. В городе объявился некто, по имени Рукн, называвшийся Махди. «Я — последний Махди, я достиг тайно внушенного знания. Я не учился у кого-либо, но названия всех созданий, которые не известны ни одному апостолу, кроме пророка Адама (да будет мир над ним), известны мне, и тайны науки алфавита, которые никому не открыты, открыты мне». С такой претензией (обманом?) он написал книги, и склонял людей к неверию и безбожию, и объявил: «Я, Рукн уд-дин, апостол Аллаха». Религиозные наставники уведомили нас об этом, утверждая: «Это было сказано, и мы слышали это от него». Когда они привели его к нам, мы узнали о совращении им других. Мы вырвали у него признание в ересях и заблуждениях. Ученые, сведущие в религии, объявили: «Он обратился в язычника и его наказание законно». Этот грех и порча имели место среди суннитов... благодаря его отступничеству. Если бы искоренение их было отложено — [что не угодно богу], — [этот грех и порча] могли бы повести к такому вреду, что многие мусульмане впали бы в заблуждение и отреклись бы от ислама; поднялось бы такое волнение, что многие люди погибли бы из-за этого. Мы приказали объявить на собрании ученых мира, сведущих в законе, о грехе, порочности этого злодея и обольщении им [людей], приказали и довели это до слуха всех знатных и простых, дабы осуществить заслуженное наказание согласно решению знатоков закона и догмы.

Они казнили его вместе с теми, которые были его приверженцами, последователями и союзниками, и все люди, знатные и простые, напали и разорвали его мясо, кожу, члены на куски, и его зло покарали сурово, чтобы это стало предостережением людям мира...

Еще одной милостью бога было следующее. Некто... выдавал себя в области Гуджарат за духовного руководителя. Он набрал большое число последователей и, заявляя: «Я — бог», наставлял их следующим образом: «Когда я говорю, что я — бог, вы должны подтверждать [это]». — «Ты есть, ты есть», — отвечали они, а он продолжал: «Я — повелитель, который бессмертен». [Он] написал книгу своих высказываний. [Чинов-

ники] привели его ко мне в цепях, и ему было предъявлено обвинение. Мы наказали его и сожгли его книгу, которую он написал, так что эта смута среди единобожных мусульман также была подавлена.

Другая милость бога явствует из следующего. Глупые идолопоклонники-индусы... построили новые храмы в городе [Дели] и его окрестностях. В религиозных установлениях пророка сооружение новых храмов не дозволено. Внушенные божественной силой, мы разрушили их слабые сооружения, наказали глав ложной религии, которые ввели других в заблуждение, пригрозили остальным наказанием, так что эта мерзость полностью исчезла.

Еще одной милостью бога было следующее. В деревне Малух[1], где был танк, известный как Канд, были построены храмы. Большое число индусов со своей свитой, верхом, оснащенные оружием и доспехами, сопровождаемые женами и детьми, которых несли в паланкинах и везли в экипажах, собирались тысячами, согласно своему обычаю, в назначенный день и осуществляли идолопоклонство... Группа неверующих мусульман, побуждаемых дурными страстями, участвовала в сборищах. Когда это положение вещей дошло до нашего слуха, то мы благодаря милости бога приняли твердое решение уничтожить такой грех, который разъедает религию ислама. Мы направились туда в день, когда они собрались, и приказали наказать старшин, которые обольстили [их] и вели по ложному пути. Остальных индусов мы предостерегли мучительным наказанием. Мы разрушили храм идолов и воздвигли мечеть на его месте. Мы заселили местности и дали одной название Туглакпур, другой — Садлапур, и теперь благодаря великому и всевышнему богу мусульмане возносят молитвы истинному богу... в тех местах, где глупые неверные построили свои храмы идолов.

Еще одной милостью бога было следующее. Доложили, что в деревне Салихпур некоторые индусы построили новый храм и осуществляют идолопоклонство. Туда мы также послали несколько человек разрушить храм и искоренить грех этих людей, которые упорствуют в пороке...

«Футухат-и Фируз-шахи». Микрофильм рукописи, принадлежащей Британскому музею.

---

[1] Некоторые индийские исследователи идентифицируют Малух с местностью Малджа или Малча близ Дели, другие — с местностью, известной под этим названием в округе Лакнау.

ИРАН В IX—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

На рубеже IX—X вв. в Иране складываются развитые феодальные отношения, происходит политический распад халифата Аббасидов и образование самостоятельных государств, которые лишь номинально входили в халифат.

Основным источником для изучения истории Ирана в IX—XV вв. служат географическая литература и исторические хроники на арабском и новоперсидском языках. В X в. у иранских народов значительного развития достигли экономика, торговля, средневековая культура, различные науки. Тогда же возникла персидская историография.

В настоящей главе использованы следующие источники: «Всемирная история» народов, входивших в халифат, написанная Ат-Табари (838—923). По обилию материала и по точности, особенно в разделах по истории отдельных областей, она не имеет себе равных в арабоязычной историографии раннего средневековья. Изложение охватывает события до 912/13 г. (док. № 5).

Продолжателем Ат-Табари был Ибн-Мискавейх[1], который описывает события до 982/83 г. (док. № 6).

«Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» («Книга путей и стран») Ибн-Хордадбеха[2] является самым ранним из сохранившихся до наших дней арабских географических трудов, которые ценны сведениями административно-статистического характера о торговых и почтовых маршрутах, расстояниях между населенными пунктами, налогах (док. № 1).

«Китаб ахбар ал-булдан» («Книга рассказов о странах») Ибн ал-Факиха[3] представляет собой компиляцию из других

---

[1] Ибн Мискавейх (ум. в 1030 г.) — перс, служивший казначеем и везиром у Буидов.

[2] Ибн-Хордадбех (ок. 820 — ок. 912) — персидский географ, занимавший пост начальника почты и государственной разведки в провинции Джибаль (Северо-Западный Иран), позже жил в Багдаде. Книга написана в 846/47 г. и переработана в 885/86 г.

[3] Ибн ал-Факих (букв. сын законоведа) родом из Хамадана. Книга написана около 902 г.

географических и исторических трудов (Ибн Хордадбеха, Ал-Мадаини, Ал-Балазури, Ибн Кутейба и др.). Книга содержит описание крупных городов, данные о поземельном налоге (док. № 2), о восстании Бабека.

«Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» Ал-Истахри и аналогичное сочинение Ибн-Хаукаля свидетельствуют о преобладании частной феодальной земельной собственности в северных районах Ирана (док. № 4, 8—11) [1].

«Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания областей») Ал-Муккаддаси [2] заслуженно считается вершиной средневековой арабоязычной географической литературы (док. № 12).

Использованы мемуары Абуль Фазля Бейхаки [3] (док. № 13, 25), «Сафар-намэ» («Книга путешествия») Насир-и-Хосроу [4] (док. № 14).

Из «Сийасет-намэ» («Книги о правлении») Низам аль-Мулька [5] взяты данные о взимании подати с крестьян (док. № 7), о народных движениях в IX и XI вв. (док. № 23).

Использован многотомный компилятивный труд по всемирной истории Ибн ал-Асира [6] «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории»), который ценен тем, что написан на основании многих не дошедших до нас первоисточников (полной редакции «Истории» Ат-Табари и др. — док. № 3, 26). Авторы XIII—XV вв. свидетельствуют о резком упадке производительных сил в стране в результате нашествия монголов на Иран.

В частности, известный Плано Карпини писал о тяжелых условиях жизни и работы пленных ремесленников-рабов (док. № 19), а Марко Поло (1254—1323) — о состоянии городов и областей, через которые он проехал во второй половине XIII в. (док. № 17). О разрухе и экономическом упадке при монгольском владычестве в Иране, о народной освобо-

[1] Персидский географ-путешественник Ал-Истахри, родом из Фарса, около 933 г. составил обширный труд на арабском языке «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик», который по его просьбе затем переработал (в 60-х годах X в.) арабский географ-путешественник Ибн Хаукаль, родом из Багдада, дополнив сочинение Ал-Истахри новым материалом. Его труд имеет то же название. Ибн Хаукаль в 40-х годах путешествовал по многим странам, был в Иране.

[2] Ал-Муккаддаси (Ал-Макдиси), родом из Иерусалима, — выдающийся арабский географ-путешественник, закончил свой труд в 985 г. и отредактировал его в 988 г.

[3] Абуль Фазль Бейхаки (996—1077) — персидский историк, крупный чиновник в государстве Газневидов и очевидец многих событий. Из 30 томов его мемуаров, написанных около 1059 г., сохранилось лишь несколько.

[4] Насир-и-Хосроу — известный поэт, философ и путешественник XI в.

[5] Низам аль-Мульк — персидский везир сельджукских султанов Алп-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха (1072—1092).

[6] Ибн ал-Асир (1160—1234) — арабский историк и богослов, родился в семье правителя в Верхней Месопотамии.

дительной борьбе, о восстаниях против монгольских завоевателей свидетельствует «Сборник летописей» Рашид ад-Дина [1] (док. № 16, 27). В этот труд также вошли копии указов Газан-хана (док. № 20). Любопытна книга «Пути взоров по государствам разных стран» Ибн-Фадлаллаха ал-Омари [2], написанная на основании расспросов лиц, ездивших в Золотую Орду по торговым и дипломатическим делам (док. № 18).

Европейские путешественники XV в. сообщают о политическом положении и социально-экономических отношениях в Иране того времени. Интересны, в частности, дневник Клавихо [3] (док. № 21) и записки Афанасия Никитина [4] (док. № 22).

Наконец, о последствиях вторжения монголов в Иран свидетельствует «Хуласат аль-Ахбар» («Квинтэссенция известий») Хондемира [5] (док. № 15).

Народные движения, развивавшиеся в Иране под религиозной оболочкой, преимущественно в форме исламских «ересей», освещаются в отрывках из произведений Низам аль-Мулька, ал-Муккаддаси, Ибн ал-Асира, Рашид ад-Дина и из «Ал-Асар ал-бакия ан ал-курун ал-халиа» («Памятники минувших поколений») ал-Бируни [6] (док. № 24). О крупном народном восстании в Хорасане под руководством сербедаров в XIV в. помещен отрывок из сочинения Мирхонда [7] «Роузат-ас-сафа» («Сад чистоты»). Являясь типичным представителем придворной феодальной историографии, он скупо упоминает об участии народных масс в этом движении, не останавливается на социальных мероприятиях сербедаров, увлекаясь лишь военно-политической историей и историей вождей сербедаров. Однако произведение Мирхонда ценно тем, что написано им на основании первоисточника, который не сохранился.

В отрывках, взятых из ранее опубликованных переводов русских исследователей, имена собственные и различные термины в некоторых случаях даются в принятом ныне написании.

Материалы подобраны Н. К. Беловой, перевод док. № 5, 6 — Л. И. Надирадзе.

---

[1] Подробно о Рашид ад-Дине и «Сборнике летописей» см. на стр. 71, 79—81.

[2] Ибн Фадлаллах ал-Омари (ум. ок. 1349 г.) — секретарь при египетском султане.

[3] Рюи Гонзалес де Клавихо — кастильский посол, ездивший ко двору Тимура в 1403—1405 гг.

[4] Русский купец Афанасий Никитин через Иран проехал дважды: в 1467—1469 и в 1472 гг.

[5] Хондемир — персидский историк, написал сочинение около 1499 г. на основании труда своего деда-историка Мирхонда.

[6] Ал-Бируни (973—1048) — известный ученый-энциклопедист, астроном, историк, филолог и поэт.

[7] Мирхонд (1433—1498) родился в Балхе, но большую часть жизни жил в Герате при тимуридском дворе, пользуясь покровительством первого министра Мир Алишера Навои (1441—1501).

I. ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В X—XII вв.

1. Поземельный налог с Хорасана в IX в.[1]

Харадж[2] Хорасана и присоединенных к нему округов, причитавшийся с Абу-л-Аббаса Абдаллаха ибн-Тахира[3] в 211 и 212 гг. [826—827].

Нишапур — 4 180 900 дирхемов[4], из них 758 724 дирхема недоимок...

Тус — 740 860 дирхемов, из них недоимок 139 020 дирхемов...

Ибн Хордадбех, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 145.

2. Поземельный налог с Южного Азербайджана в X в.

...Харадж Азербайджана 2 000 000 дирхемов... Территория Азербайджана от земель Берд'а до земель Зенджана.

Ибн ал-Факих, Китаб ахбар ал-булдан. Цит. по: «Сведения арабских географов IX и X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане», т. II, Тифлис, 1902, стр. 11, 9.

3. Доходы казны по откупной системе в Северном Иране

В этом же, 296 (908/9) году Юсуф Ибн-абу с-Садж был назначен правителем областями Азербайджана и Арминии[5]. Он обязался вносить за них аренду[6] 120 000 динаров в год...

В этом, 310 (922/3) году халиф Муктадир[7] выпустил из тюрьмы Юсуфа Ибн-абу с-Саджа по ходатайству Му'ниса, слуги. Он был принят Муктадиром, ему было пожаловано почетное платье, и он был назначен военачальником Рея, Казвина, Абхара, Зенджана и Азербайджана с обязательством

---

[1] Док. № 1 взят из книги: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, VII—XV вв., Арабские и персидские источники, под ред. С. Л. Волина, А. В. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского, М. — Л., 1939, которую в легендах даем сокращенно: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939.

[2] Харадж — поземельный налог.

[3] Абу-л-Аббас Абдаллах ибн Тахир — наместник Хорасана с 822 г., фактически эту должность занимал после смерти своего брата Тальхи с 828 или с 830 до 844 г.

[4] Дирхем (диргем) — серебряная монета весом 2,97 г, имевшая хождение во всех областях халифата.

[5] Под Арминией средневековые арабские авторы часто понимали области собственно Армении, но под этим же именем ими понимались и области Азербайджана, и области Грузии.

[6] Речь идет не об аренде, а о сдаче этой области на откуп.

[7] Муктадир — аббасидский халиф (908—932).

вносить ежегодно в государственную казну 500 000 динаров[1] помимо жалованья войскам, стоявшим в тех областях...

Ибн ал-Асир, Тарих-ал-Камиль. Цит. по: «Материалы по истории Азербайджана», Баку, 1940, стр. 78, 82.

4. Частная феодальная земельная собственность и доходы казны с северных областей Ирана в X в.

В округах Джурджана[2] господствуют горы и неприступные крепости; там в наше время более тысячи крепостей, которые не достались Вашмгиру ибн Зияру[3] и не ушли из рук их владельцев; у каждой крепости одно или два поместья. Тому, кто владеет Джурджаном, следуют с них деньги (мал), которые он и берет, а иногда они отказываются давать то, что с них следует... Они оказывают сопротивление, и он не может с ними справиться. Джурджан и Табаристан — города, расположенные между областями Хорасана и Рея; иногда ими завладевают владетели Хорасана, и тогда там читают молитвы за род Самана, а иногда — приверженцы Хасана ибн-Буйе[4], и тогда там читают молитвы за род Буидов...

Сумма доходов Джурджана после его упадка в наше время, податей, которые он платит Нахафшуру ибн Вашмгиру ибн Зияру ад-Дейлеми, и того, что сдается на откуп (даман) из сборов, обязательств и прав государя (джабайат, кабалат и хукук-ас-султан), и того, что взимается с кораблей, прибывающих и отправляющихся по Табаристанскому морю[5] и с краев Джибаля, [составляет] от 100 000 динаров до 1 000 000 дирхемов. Сумма же дохода Табаристана не может быть вычислена, так как он находится в руках не одного человека, как было описано ранее; раньше же она была такова, как в Джурджане.

Ибн-Хаукаль, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 181—182.

5. Ленное землевладение и пожалование доходов с земли

Мазиар ибн-Карин[6] питал ненависть к Тахиридам и не посылал им харадж. Ал-Му'тасим писал ему и приказывал посылать харадж Абдаллаху ибн-Тахиру, но тот отвечал: «Я пошлю харадж не ему, а повелителю верующих».

---

[1] Динар — золотая монета, содержащая 4,25 *г* чистого золота.

[2] Джурджан — область юго-восточного побережья Каспийского моря.

[3] Захир-ад-Даула Абу-Мансур Вашмгир ибн-Зияр — правитель в Джурджане и Табаристане из династии Зияридов (935—967).

[4] Рукн-ад-Даула Абу-Али Хасан из династии Буидов, правил в Рее, Хамадане и Исфахане в 932—976 гг.

[5] Табаристанское море — одно из названий Каспийского моря.

[6] Мазиар ибн Карин — один из наместников Табаристана, восставший против халифа ал-Му тасима (833—842).

Когда Мазиар посылал хэрадж ал-Му'тасиму и имущество доходило до Хамадана, ал-Му'тасим со своей стороны приказывал человеку получить его и передать доверенному Абдаллаха ибн Тахира с тем, чтобы тот отвез его в Хорасан.

Ал-Афшин[1] иногда слышал от ал-Му'тасима слова, которые указывали на то, что халиф хотел удалить Тахиридов из Хорасана. Когда ал-Афшин одержал победу над Бабеком и занял при ал-Му'тасиме такое почетное место, которого до него не занимал никто, он захотел получить в управление Хорасан. Ему стало известно о ссоре Мазиара с Тахиридами, и он надеялся, что она послужит причиной отстранения Абдаллаха ибн-Тахира.

...Когда Мазиар решил восстать, он обратился к жителям с призывом присягнуть ему, и они присягнули ему принудительно. Он взял у них заложников и заключил их в Бурдж ал-Азбухабаз[2]. Он приказал крестьянам напасть на собственников имений и разграбить их имущество.

Мазиар переписывался с Бабеком, подстрекая его и предлагая ему помощь.

«Annales quos scripsit Abu Djafar Muhammed at-Tabari cum aliis ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum», t. 2, 1880, p. 1269.

6

Когда Ибн-Ширзад[3] скрылся, Абу Джафар[4] выполнял его обязанности [в одно время], потом эмир Му'изз-ад-Даула и ас-Саймари[5] назначили Хасана ибн-Алий ибн-Муклу на должность, которую временно выполнял Абу Джафар: он назначал сборщиков хараджа и собирал доход.

В этом году дейлемиты подняли мерзкий бунт против Му'изз-ад-Даулы, поносили его вслух и много бранили. Он поручился выплатить им жалованье в назначенный срок и [поэтому] был вынужден притеснять народ и добывать деньги недозволенными средствами.

Он пожаловал своим военачальникам, приближенным и тюркам имения султана и тех, кто скрылся, а также имения Ибн-Ширзада и право казны на имения подданных[6]. Таким

---

[1] Ал-Афшин — тюрок по происхождению, подавлял восстание Бабека.

[2] Бурдж ал-Азбухабаз — крепость ал-Азбухабаз в Табаристане.

[3] Ибн-Ширзад — один из дворцовых чиновников, исполнял обязанности везира, не занимая официально этого поста. При халифе Мутиа (946—974) участвовал в войне против Буидов и скрылся от преследований в 946 г.

[4] Абу Джафар — один из приближенных Му'изз-ад-Даулы Ахмеда (ум. в 967 г.) — эмира из династии Буидов.

[5] Ас-Саймари — один из приближенных Му'изз-ад-Даулы.

[6] Право казны на получение поземельного налога.

образом, большая часть ас-Савада стала обеленной и недоступной сборщикам налогов, а меньшая часть его была подвержена обложению и откупам.

...Потом везиры, уступая мукта[1], принимали от них взятки. Иногда они брали подарки, а иногда уступали их заступникам, и раздавались икта по непостоянным ставкам.

Когда проходили годы и земли обрабатывались, то доход с некоторых рос из-за роста урожая, а с некоторых падал из-за падения цен. [В то время, когда начали жаловать икта войскам, цены были неимоверно высокими из-за засухи, о которой мы говорили.]

Те, кто получал выгоду, умалчивали о том, что они извлекали от икта, и не было возможности поэтому определить сумму их дохода согласно оценке обложения.

Те, кто терпел убыток, возвращали свои икта и получали взамен другие, с тем чтобы они возместили убытки.

Злоупотребления росли до того, пока не была узаконена такая практика: войска разоряли свои икта, потом возвращали их и получали взамен другие там, где они выбирали.

Мукта ограничивались передачей земли для управления своим гуламам и управляющим, которые не вели счета тому, что проходило через их руки и не отыскивали способов увеличения дохода и пользы. Они присваивали имущество мукта разными незаконными путями, а господа возмещали то, что они теряли со своего имущества, за счет конфискации их имущества и беззакония по отношению к тем, с кем они имели дело.

Управление каждым округом было предоставлено какому-либо вельможе из приближенных Дейлемитов, который превращал этот округ в свою резиденцию и в кормление. Он был окружен вероломными чиновниками, цель которых была — не дать хода делам, откладывать их из года в год.

Земли, не розданные в икта, давали на откуп двум группам людей. Одна группа состояла из крупных военачальников и других военных чинов, другая — из гражданских.

Что касается военачальников, то они домогались накопления богатства и получения барыша, подавали жалобы и требовали уменьшения откупной суммы. Если с них требовали уплаты этой суммы, они становились врагами, а когда росло их имущество, затевали восстания. Если к ним были снисходительны, то жадность их росла, и они не умеряли ее.

«The Eclipse of the Abbasid
Caliphate, Vol. II, Oxford, 1921.
The Concluding Partion of the Experiences
of the Nations by Miskawaihi,
arabic Text,» p. 96, 98.

---

[1] Мукта — те, кто держат икта. Икта — условная форма феодального землевладения.

Мукта, т. е. те, кто держит икта, должны знать, что они не могут взимать с крестьян ничего другого, кроме предоставленной им законной подати, которую они с них могут брать только хорошим способом. И когда они (мукта) ее, законную подать, взимают, то крестьяне должны быть спокойны за свою жизнь, имущество, жен и детей, а также за орудия и земельные участки, так как у мукта (иктадаров) на все это права нет. Если крестьяне пожелают прийти ко двору и довести до сведения правителя о своем положении, то они (мукта) не могут их от этого удерживать, и всякого мукта, кто иначе поступит, укротят, икта отберут, а его накажут, чтобы другим это послужило назидательным примером.

Низам-аль-Мульк, Сийасет-намэ. Цит. по: «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 259.

8. Феодальное землевладение в Фарсе

В Фарсе имеются владения, которые их собственники передали под покровительство (ильтиджа) вельмож из приближенных султана в Ираке. Их владельцы владели от имени этих [вельмож], они продавали их друг другу и передавали по наследству.

Ал-Истахри, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 170—172, 176—177.

II. ГОРОДА, ТОРГОВЛЯ, ПОЛОЖЕНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ ИРАНА В X—XII вв.

9. Морская торговля иранских купцов на юге страны в X в.

У купцов особенно заметно стремление объединять средства. Жители Сирафа[1] и побережья предпринимают морские путешествия... На долю их (купцов) достается богатое имущество, так что состояние иного человека достигает 4 миллионов динаров. Теперь мне называют еще более высокие суммы. Однако подобный человек (купец) по своей одежде ничем не отличается от своих наемных поденных работников.

Ал-Истахри, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.», ЛГУ, 1958, стр. 134.

---

[1] Сираф — гавань в Персидском заливе.

10. Г. Нишапур в X в.

Нишапур, он же Абрашахр... Строения в нем из глины... Рынки его [находятся] в рабаде[1], вне старого города (медина) и цитадели (кухендиз)...

Ал-Истахри, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 170—172, 176—177.

11

[К описанию рынков Нишапура, данному Истахри, добавлено:] и в промежутках между этими рынками ханы и караван-сараи[2], в которых живут торговцы с товарами, [предназначенными] для продажи на них. На каждый рынок привозят то, что соответствует ему; любой караван-сарай походит на рынок какого-нибудь другого города. В одном из этих караван-сараев [находятся] богатейшие из тех, кто [торгует] на этих больших рынках. А у небогатых в других [местах] рынок и караван-сарай, там находят себе приют владельцы мастерских, [располагаясь] по своим ремеслам в лавках, населенных ремесленниками, и в мастерских, набитых работниками.

Ибн-Хаукаль, Китаб ал-месалик ва-л-мемалик. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 182.

12

Я не знаю в мусульманских [странах] равного ему (Нишапуру)... Его товары вывозятся во все страны, у его ткани слава и блеск, в нее наряжаются жители Египта и Ирака. Там собираются плоды и туда ездят ради наук и торговли. Он — ярмарка Фарса, Синда и Кермана, складочное место Хорезма, Рея и Джурджана... Но [при этом] в климате его сухость, в людях его грубость... Улицы [в нем] грязные, ханы, [караван-сараи] в беспорядке, бани нечистые, лавки скверные и стены неровные. Ему постоянно сопутствуют беды, и с ним водит дружбу дороговизна. В нем мало зелени для еды и дров, тяжелые заработки и средства к жизни.

Ад-Муккаддаси, Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 196—197.

---

[1] Рабад — внешний город, первоначально предместье.

[2] Хан (от слова ханэ) — постоялый двор. Караван-сарай (первоначально рабад) — постоялый или гостиный двор, огороженный стенами с большими воротами.

13. Голод в Нишапуре (XI в.)

Нишапур я увидел на этот раз не таким, [как раньше]. Весь он запустел, лишь немногое осталось населенным. Ман[1] хлеба стоил 3 дирхема.

...Был такой голод, какого не помнили в Нишапуре. Умерло много людей из войска и простого народа.

Нужно обратиться ко времени до событий, случившихся в этом году[2]: джуфтвар[3] земли покупался за 1000 дирхемов, потом продавали за 200 дирхемов, потом стали продавать за 1 ман пшеницы — и никто не покупает...

После нашего возвращения в Нишапур 1 ман хлеба дошел до 13 дирхемов. Большинство жителей города и области умерли.

Абу-л-Фазль Бейхаки, Тарих-и-Бейхаки. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 290—291.

14. Исфахан и Табриз в XI в.

Этот город (Исфахан) лежит в долине, воздух и вода там замечательно хороши...

Город окружен высокой прочной стеной с воротами и бойницами. Наверху стена по всему протяжению снабжена зубцами. В городе есть ручьи проточной воды и красивые высокие здания. Посреди города стоит красивая большая соборная мечеть. Говорят, что длина стены — три с половиной фарсаха[4]. Весь город находится в цветущем состоянии, развалин я не видел нигде. Базаров там много; я видел базар менял, где торгуют 200 менял. Каждый базар окружен стеной и воротами, точно так же окружены стенами с крепкими воротами кварталы и улицы.

Там были прекрасные караван-сараи и улица, называемая улицей вышивальщиков, где было 50 хороших караван-сараев, в каждом из них жило много торговцев и жильцов

Тот караван, с которым следовали мы, вез 1300 харваров[5] разного товара, но, когда мы приехали в этот город, наше прибытие осталось совершенно незаметным, ибо тесноты там нет, всюду достаточно помещений...

---

[1] Ман, батман (иногда в переводах мен, бетмен) — мера веса, колеблющаяся от 2800 *г* до 16 *кг*. Тебризский ман равен 2949 *г*.

[2] Имеется в виду 1040 г.

[3] Джуфтвар — мера земли, которую можно обработать парой быков.

[4] Фарсах — мера длины, расстояние, которое можно было проехать по дороге в час, примерно 6—8 *км*.

[5] Харвар (перс.) — букв. груз осла; в разных районах Ирана были свои меры веса — харвары.

Султан[1] повелел, чтобы в течение трех лет с жителей города ничего не брали. Правитель следовал этому указанию, и все переселенцы снова вернулись на родину...

Незадолго до нашего приезда там был страшный недород, но, когда мы приехали туда, там как раз снимали с полей ячмень. Полтора мена пшеничного хлеба отдавали за один полновесный дирхем, 3 мена ячменного хлеба тоже стоили один дирхем...

Во всех странах, где говорят по-персидски, я не видел города красивее, более населенного и более цветущего, чем Исфахан.

[5.XII.1042 г. в Табризе]... произошло землетрясение. Часть города была разрушена. Мне говорили, что при этом погибло 40 000 человек.

Насир-и-Хусрау, Сафар-намэ (Книга путешествия). Пер. и вступ. ст. Е. Э. Бертельса, М. — Л., 1933, стр. 197—198, 37.

III. МОНГОЛЫ В ИРАНЕ

15. Поход Тулуй-хана в Иран

Разрушив Мерв, Тули-хан[2] устремился на Нишапур и менее чем через неделю, взяв сей город, в отмщение за смерть Тагаджар Гурекана, приходившего прежде сего для завоевания Нишапура, не оставил в оном ни одного живого существа, срыл стены, башни и другие городские строения, и на том месте, где находились они, посеяли ячмень. В хорасанской летописи упомянуто, что исчисление убитых в Нишапуре продолжалось 12 дней и что число их, кроме женщин и детей, простиралось до 1 747 000[3].

От Нишапура Тули-хан устремился на Герат[4]...

...В Хорасане распространился слух, что Султан Джелал ад-Дин в окрестностях Газнина обратил в бегство некоторых вождей Чингис-хана, вследствие чего во всех городах, где находились даруги[5], управлявшие именем Чингис-хана, жители возмущались... и убивали их...

Хондемир, Хуласат аль-Ахбар (История монголов с древнейших времен до Тамерлана), СПб., 1834, стр. 28—31.

---

[1] Султан Тогрул-бек — глава сельджукского государства (1038—1063).

[2] Тули-хан (правильно Тулуй-хан; ум. в 1232 г.) — четвертый сын Чингисхана.

[3] Цифра явно завышена.

[4] Герат (правильно Херат) — город на северо-западе современного Афганистана.

[5] Даруга — чиновник юстиции.

16. Иран под властью монголов

Передавали так, что в 691 г. [1292] в Иездской области был хакимом Али-Ходжа, сын Омар-Шаха Самарканди. Один из землевладельцев (арбаб) отправился в деревню под названием Фирузабад, одну из самых больших тамошних деревень, [в надежде], что он, быть может, сумеет кое-что получить из урожая с поместья, которое он имел. Но сколько он ни старался, за трое суток не мог заполучить ни одного из старост. В деревне сидели 17 сборщиков... Они поймали в степи одного полевого сторожа и двух ра'иятов, и, приведя в деревню, подвесили на веревках, и били, чтобы они привели других и раздобыли для них съестного, но ничего не вышло... (стр. 260). В Иездской области дошло до того, что если кто-нибудь ездил по всем тамошним деревням, то он решительно никого не видел, с кем бы мог поговорить или расспросить о дороге. Немногочисленные люди, которые оставались, назначали дозорного. Когда он кого-нибудь издалека замечал, то подавал знак, и все прятались в кяризах [1] и песках...

Из изложения этих обстоятельств явствует, сколько тысяч гонцов в году ездило туда и обратно, сколько они брали улага [2] и фуража, сколько народу избивали, вешали и обижали. Так как ра'ияты постоянно отвлекались ими по случаю требования фуража и [разных] запросов и по ночам стерегли их лошадей и пожитки, то становится удивительным, каким образом достигалось хлебопашество в таком размере, что от него получалось пропитание народа... (стр. 273).

Вследствие злоупотреблений и разорения большая часть ра'иятов покидала родину и поселялась в чужих краях, а города и деревни пустели (стр. 259).

Если же изредка... и начинали возводить здания в некоторых местах, подобно тому как Хулагу-хан, Абага-хан, Аргун-хан и Гейхату [3] хотели... привести в цветущий вид земли, или строить какой-нибудь базар или город и его заселять, или проводить оросительный поток, то из-за этого множество областей разорялось еще пуще, расходовались несметные средства и принудительно сгонялось множество ра'иятов из других областей на трудовую повинность. Но ни одно из мест не было благоустроенным и [стройки] не доведены до конца, как мы сами воочию видим (стр. 320).

...Области сдавали на откуп хакимам... Такой хаким каждый год брал с ра'иятов 10 копчуров [подушной подати], а местами 20 и 30 копчуров (стр. 256).

---

[1] Кяризы — подземные каналы для орошения.

[2] Улаг — побор натурой, почтовая повинность.

[3] Хулагу-хан (1256—1265), Абага-хан (1265—1282), Аргун-хан (1284—1291), Гейхату-хан (1291—1295).

Часть обессиленных ра'иятов, не имевших сил повторно платить, бросив деревню и дом, убегали, либо могущественные и влиятельные лица, которые препятствовали сверхсметным разверсткам, удовлетворяли их тем, что «эту-де последнюю разверстку мы с вас не потребуем либо снимем половину» (стр. 258).

В ту пору, когда государь ислама... [Газан-хан] воссел на царский престол, сокровищницы его отцов и дедов были пусты, владения чрезвычайно опустошены и не взяты твердо в управление, причитающиеся дивану налоги пропадали, сбор податей невозможен и мутасаррифы[1] областей вследствие нераспорядительности прежних везиров и хакимов алчно расхищали [государственные] средства, и пришлось долгое время блюсти выгоды государства, пока после этого в казну не стали поступать деньги.

...Если из дальних и ближних стран приезжал какой-нибудь гонец и ему хотели дать почетную одежду и подарки, то в казне ничего достойного его положения в наличии не оказывалось (стр. 220).

...Во время завоевания владений [население] больших многолюдных городов и обширных областей до того подвергали избиению, что редко кто-либо оставался [в живых], подобно тому как было в Балхе... Серахсе, Герате, Рее, Хамадане, Куме, Исфагане, Мераге, Ардебиле... и большей части областей, принадлежащих этим городам... В общем если произвести относительное сравнение, то окажется, что только одна десятая часть владений находится в цветущем состоянии, а все остальное — в запустении (стр. 320).

Те, которые оставались в городах, большей частью закладывали двери домов камнем или оставляли в них узкое отверстие, входили и выходили через крышу домов и убегали из страха перед сборщиками (стр. 259).

Раньше монгольские государи и некоторые из отцов и дедов государя ислама... [Газан-хана]... имели страстную склонность к благоустройству и приступали к нему. Однако они редко, как наблюдалось, доводили его до конца. Повсюду они закладывали основания [построек]. На это расходовались большие средства, из областей доставляли чрезвычайные налоги (вуджух-и табкур), [вьючных] животных, материалы и наемных рабочих (муздур)... Пропадало много добра, множество построек не удавалось, а те, которые сооружали, не были прочными и в короткий срок разрушались (стр. 232).

Рашид ад-Дин, Джами-ат-таварих (Сборник летописей), т. III, Баку, 1957. Перевод А. К. Арендса.

[1] Мутасаррифы — чиновники.

17. Города, ремесло, торговля в Иране в XIII в.

Большая страна Персия, а в старину она была еще больше и сильнее, а ныне татары разорили и разграбили ее...

Язди [Йезд] — красивый, большой, торговый город Персии. Много шелковых тканей тут выделывается; называют их язди; купцы торгуют ими с большой прибылью по разным странам...

Крерман [Керман] — древнее царство в самой Персии, им владели цари по наследству, но, с тех пор как его покорили татары, нет тут наследственных владетелей; татары, кого пожелают, того в цари и ставят... Делают тут отлично конскую сбрую: узды, седла, шпоры, мечи, луки и колчаны; всякое вооружение у них на собственный образец...

...Городов, крепостей тут много. Города обнесены земляными валами, высокими, толстыми, в защиту от каранов, что бродяжничают по здешним местам и грабят всех... А как заберут равнину, что задумали разграбить, ничему там не спастись — ни людям, ни скотине; нет той вещи, которой они не забрали бы. Полонив народ, стариков убивают, а молодых уводят с собой и продают в рабство. Царь их называется Ногодаром [1].

...Сам Марко, скажу вам, был полонен ими, да бежал в крепость Каносальми; немало и товарищей его было забрано: иных продали в рабство, а других побили.

«Книга Марко Поло». Пер. старофранцузского текста И. П. Минаева, М., 1955, стр. 63, 65, 66, 67.

18. Основание карханэ в Табризе (XIII в.)

По завоевании тех стран, которые ими (монголами) были взяты, эти войска остались при нем (Хулагу) и он отвел каждому отряду из них в содержание одну из [завоеванных] областей. То, что было отведено войску, отправленному с ним, со стороны властителя земель кипчакских и хорезмских, заключалось в Тавризе [2] и Мераге. И стали они (кипчаки) получать с них свое содержание. Потом когда Хулагу умер и воцарился сын его Абага, то они постарались обмануть его тем, что султан их Берке хочет построить в Тавризе соборную мечеть. Он (Абага) дал им разрешение на это, и они построили ее да написали на ней имя султана Берке. Потом они попросили [позволения] построить завод для выделки тканей для себя. Он (Абага) разрешил им и это. И стали они выделывать там материи для султана Берке. В этом положении

[1] Ногодар (Негудер, Некудер) — внук Чагатая, находился на службе хулагидов до 1269 г., ум. до 1278 г.

[2] Тавриз — правильнее Табриз.

оставалось дело до тех пор, пока произошел между ними разлад и они столкнулись и Берке поразил Абагу. Разгневался Абага и уничтожил фабрики. Потом, когда это столкновение было забыто и дело между обоими царями уладилось, фабрики возобновили работу, с тем чтобы они (кипчаки) имели право привозить со своей земли имущество для изготовления там того, что захотят.

Ибн Фадлаллах ал-Омари, Масалик ал-абсар фи-мамалик ал-амсар (Пути взоров по государствам разных стран). *В. Тизенгаузен,* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб., 1884, т. I, стр. 239.

19. Положение ремесленников-рабов

В земле сарацин (мусульман) и других, в среде которых [монголы] являются как бы господами, они забирают всех лучших ремесленников и приставляют их ко всем своим делам. Другие же ремесленники платят им дань от своего занятия... Каждому они дают на день хлеба на вес, но очень немного, а также не уделяют им ничего другого, как небольшую порцию мяса трижды в неделю. И они делают это только для тех ремесленников, которые пребывают в городах... И, говоря кратко, они (ремесленники) мало что едят, мало пьют и очень скверно одеваются, если только они не могут чего-нибудь заработать в качестве золотых дел мастеров... Другие же, которых держат дома в качестве рабов, достойны всякой жалости: мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод.

Плано Карпини, История монголов. Пер. старофранцузского текста А. И. Малеина, СПб., 1911, стр. 36—37.

20. Рашид ад-Дин о реформах Газан-хана (1295—1304)

Из Указа Газан-хана об отмене откупной системы и введении фиксированных податей (1304 г.)

Указ о том, чтобы [наряды] на причитающиеся с областей подати подробно выписывал и переводил [на место] Большой диван, а мелики и хакимы[1] областей отнюдь не писали бератов[2].

[1] Хаким — губернатор, управляющий.

[2] Берат — ассигновка, дававшая право на получение жалованья или пенсии с определенной области или селения.

...Мы отправили во все владения битикчиев[1], чтобы они подробно переписали каждую область, уезд и деревню и так установили бы денежный налог и подати, чтобы весь народ успокоился... Прежде аваны[2] и угнетатели взимали вдвое больше налогов под видом расходов, чрезвычайных повинностей и разных причин и поводов, перечислять которые подробно было бы долго, но большую часть [их] расхищали они сами...

Люди, бравшие [сбор] причитающихся дивану налогов на откуп, имели только корыстную цель...

Ныне... стало доступно и удалось подробно для каждой деревни написать податные росписи большой части местностей [наших] владений, которых никогда, ни в одну пору не переписывали, и реестров и списков которых никогда не собирали воедино, и установить [размер] налога...

Все реестры областей собрали в книгохранилище, которое мы построили в Тебризе... Каждая деревня и место пусть начертают [эту роспись податей] на [деревянных] досках, или каменных [плитах], или медных и железных листах... пусть высекут надпись на алебастре и пишут на воротах деревни, на мечети, на минарете — где хотят... Для селений, которым налог определен наличными деньгами, уплата обязательна по-прежнему наличными деньгами, для тех, которым [назначены подати] натурой, по-прежнему уплата обязательна натурой, причем для каждого разряда податей — в определенный срок. Устанавливаются точно так же и тамговые пошлины, дабы по-прежнему их писали на досках... Если раис и ра'ияты проявят нерадивость... и не доставят податей в установленный срок, то пусть сборщик их заберет и взимает с каждой сотни динаров основной [подати] по одному динару пени, а каждому, кто провинился, даст по 70 палок...

Написан в средине божьего месяца раджаб-ал-асамма лета 703 [февраль 1304 г.]... (стр. 264—270).

Об Указе о сокращении числа гонцов

Было также повелено, чтобы ни одна душа не посылала гонцов, кроме как к его высочеству. По этой причине [посылка] гонцов другими была устранена. Вышло постановление, что если кто-либо по своему делу пошлет в какую-нибудь область или место гонца, то ему не давали бы путевого довольствия, тамошние хакимы хватали бы [пославшее] лицо, заковывали в цепи и бросали в тюрьму (стр. 275).

---

[1] Битикчи — писец, секретарь. Битикчи были чиновниками, составителями документов во всех монгольских государствах и при Джелаиридах в Иране в XIV в.

[2] Аваны — чиновники по сбору налогов.

О реформе ремесленного производства

...[Газан-хан] приказал, чтобы людей одного ремесла из числа мастеровых каждого города соединили вместе. Он приказал, чтобы им ничего не давали в виде путевого и вещевого довольствия, определил, сколько наборов оружия собственного государства и «расходного» [и] по какой цене они поставляли бы, и сказал: «Несмотря на то что они наши мастеровые и невольники, пусть они мастерят на средства дивана и рассчитываются так же, как другие торгуют на базаре на свои средства». Во главе каждого разряда он поставил надежного смотрителя, чтобы он был порукой, каждый год получал бы причитающиеся суммы, поставлял согласно установленному все до мелочей и получал расписки в приеме (стр. 311—312).

Из Указа о введении для всего государства единой монетной системы и единой системы мер и весов

Приказано, чтобы во всех владениях от реки Амуйе[1] до Мисра[2] исправили меры веса золотых и серебряных [денег] и грузов, меры для зерна и меры длины, наложили на них клейма и во всех владениях придерживались и не отступали от того строгого порядка, который мы установили в столице. Подробности и разъяснение этого таковы, как излагаются ниже.

Во-первых, меры веса золота и серебра должны во всех владениях совпадать и быть одинаковыми с тебризскими мерами веса, чтобы никто [их] не уменьшал и не увеличивал и не обижал народ. Пусть также не перевозят звонкую монету из одной области в другую из-за разницы в весе. Подобно тому как проба золотых и серебряных [денег] во владениях едина, так и меры веса [их] пусть будут одинаковы. По этой причине мы назначали устадов[3] Фахр ад-Дина и Беха ад-Дина из Хорасана, чтобы они смастерили гири для золотых и серебряных [денег] в виде восьмиугольников... (стр. 283).

Из Указа о раздаче икта монгольскому войску

Теперь ни для кого не скрыто, что прежде, во время наших славных отцов, на монгольский улус налагались разного рода повинности и тяготы вроде копчура скотом, содержания

---

[1] Амуйе — р. Аму-Дарья.
[2] Миср — Египет.
[3] Устад — мастер.

больших ямов, несения бремени сурового ясака и каланов[1], которые мы ныне одним разом отменили.

...Мы повелели, чтобы во владениях выделили деревни, воду и земли местностей, каждая из которых [находится] поблизости и является подходящей для них (войска) из числа инджу[2], степей и возделанных и запустевших пашен, согласно тому как установлено в реестрах и податных росписях, и определили [их] в качестве икта каждой тысячи и передали им, дабы они вступили во владение ими...

Далее надобно, чтобы общество ратных людей не присваивало поместий [частных] владельцев, арбабов и вакфных учреждений, не завладевало доходами с них и согласно реестрам податной росписи и упомянутого подробного перечисления исправно доставляло установленный диваном денежный налог, копчур и подати. Пусть возделывают принадлежащие дивану деревни, пашни и места, пришедшие в запустение и входящие в их [войска] юрт и их земли, ставшие пастбищами, а остальное обрабатывают своими пленниками, рабами, рабочим скотом и семенами.

Далее. Ра'иятов, разбежавшихся 30 лет тому назад из переданных им (войскам) благоустроенных или пришедших в запустение деревень, и не вошедших в подушную перепись других областей, [и не упомянутых] в податных росписях [этих областей], пусть возвратят обратно, у кого бы они ни находились. Если и у них (воинов) окажутся ра'ияты из других областей, то пусть они этих людей тоже возвратят обратно и решительно никоим образом не допускают к себе ра'иятов других областей и местностей... Военные люди пусть не переводят ра'иятов переданных им деревень и из родных деревень в другие деревни и не говорят, что оба-де хутора или деревни наше икта, а они наши ра'ияты. Ра'ияты каждой деревни должны заниматься земледелием на своем месте. Да чтобы не говорили: ра'ияты-де этих мест, которые нам отданы в икта, — наши невольники. У военных над ра'иятами нет власти выше, как только заставлять их возделывать [землю] их деревень и получать с них исправно установленные диваном налог и подати. Пусть [воины] не занимают ра'иятов иной работой, кроме той, что каждый возделывает землю на своем месте.

...Эти икта, которые мы дали, пусть они не продают, не дарят и не отдают названным братьям, сватам, родичам или

---

[1] Ясак — дань. Калан — характер этой подати не ясен, возможно: 1) подать с возделанных земель, синоним хараджа; 2) сбор для содержания монгольской военной знати и их войск (см. *Рашид ад-Дин,* Сборник летописей. Пер. с перс. Л. А. Хетагурова, т. I, М. — Л., 1952, стр. 1457).

[2] Инджу — ханская земля.

свойкам и [не уступают] в качестве кавина[1] и калыма. Всякий, кто совершит такой проступок, будет виновен и умрет. Кавин пусть установят в $19^1/_2$ динара чистых... Когда из этих людей кто-либо умрет, то надобно одного из его сыновей или родичей сделать его преемником, передать ему икта покойного и занести в реестр. Если же он безродный, то пусть [икта] закрепят за его старинным гулямом, а если и гуляма у него нет, то пусть признают достойным кого-нибудь из числа сотни и передадут ему. Если кто-нибудь в сотне или десятке изменит установленный ясак, то пусть начальники тысяч и сотен определят его виновность и отдадут его икта другому, кто может нести службу, занесут в реестр на его имя, а реестр каждый год представляют (стр. 292—294).

Рашид ад-Дин, Джами-ат-таварих
(Сборник летописей) т. III, Баку, 1957.

21. Тебриз в XV в. Торговля шелком

В следующую среду, 11-го числа июня месяца... приехали в большой г. Табриз. Этот город лежит в долине между двумя высокими безлесными хребтами гор. Он не окружен стенами... Этот город очень велик и очень богат деньгами и товаром, который в нем покупается и продается каждый день. Говорят, что в прежнее время он был более населенным; однако и нынешнее население займет, пожалуй, 200 000 домов и больше.

...Гилянский шелк идет в Дамаск, землю Сирийскую, Турцию, в Зафу и во многие другие места. Еще привозят сюда (в Султанию) шелк, который выделывается в земле Шемахи; это земля, где шелка выделывается очень много, и туда за шелком приезжают купцы даже генуэзские и венецианские.

Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примечаниями, составленными под ред. И. И. Срезневского, СПб., 1881, стр. 167—170, 177.

22. Афанасий Никитин о положении в Иране в XV в.

...Ормуз[2] — великая пристань. Люди всего света бывают в нем, есть здесь и всякий товар. Все, что на свете родится, то в Ормузе есть. Пошлина же велика, со всего берут десятину.

А из Ормуза на Хорасан пути нет, и на Чагатай пути нет, и на Бахрейн пути нет, и на Йезд пути нет. Везде происходит мятеж. Князей везде прогнали. Мирзу Джеханшаха убил

---

[1] Кавин — выкуп за невесту.

[2] Ормуз (Хормуз) — порт в Персидском заливе; ок. 1315 г. в целях безопасности переведен с материка на о. Джераун.

Узун-Хасан-бек, султана Абу-Саида отравили; Узун-Хасан-бек сел было на Ширазе, но земля эта его не признала. А Ядигар Мухаммед к нему не едет — опасается[1].

«Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг.», М. — Л., 1958, стр. 80, 85.

IV. НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИРАНЕ

23. Низам аль-Мульк. «Сийасет-намэ»

В дни Васика (842—847) опять восстали хуррамдинцы[2] в пределах Исфахана. От них произошло много зла и разрухи. Они бунтовали до трехсотого (912/913) года, ограбили Тирэ, убили много людей. Снова были побеждены, снова восстали против шаха, нашли убежище в горах Исфахана, грабили караваны, разоряли селения, убивали старого и молодого, жен и детей. Более 13 лет они поднимали смуту; ни одно войско не было в силах им сопротивляться, невозможно было проникнуть в те недоступные и укрепленные места, которыми они владели. Но в конце концов их захватили и перебили, а головы носили по Исфахану.

«Сиасет-намэ. Книга о правлении везира XI столетия Низам аль-Мулька». Пер., введение в изучение памятника и прим. проф. Б. Н. Заходера, М. — Л., 1949, стр. 228, 188—189.

24

Потом объявился человек из жителей Фарса, относивший себя к суфиям[3], которого звали аль-Хусейн ибн-Мансур-аль-Халладж[4]. Сначала он проповедовал [пришествие] махди[5] и утверждал, будто махди выйдет из Талькана, [города] в Дейлеме[6]. Его схватили и провезли по Багдаду напоказ, после чего подвергли заточению, но он ухитрился освободиться из темницы. А это был человек ловкий на руку, мастер на раз-

---

[1] Джеханшах из династии Кара-Коюнлу погиб в сражении с войсками Узун-Хасана из династии Ак-Коюнлу в 1467 г. Тимурид султан Абу-Саид был разбит войсками Узун-Хасана и его союзника ширваншаха, выдан тимуриду Мухаммед-Ядигару и обезглавлен в 1469 г.

[2] Хуррамдинцы — общее название нескольких маздакидских сект.

[3] Суфии — дервиши-мистики, объединялись в братства, ордена. В конце XI — начале XII в. суфизм (мистико-аскетическое направление в исламе, возникшее в условиях распада Багдадского халифата) был легализован в суннитском исламе.

[4] Аль-Халладж — знаменитый мистик, казненный в начале X в.

[5] Махди — «ведомый [Аллахом]», по учению шиитов, имам — духовный глава мусульман, который явится в конце времени и восстановит истинную справедливость и благочестие.

[6] Город Талькан находится не в прикаспийском Дейлеме, а в Хорасане, между Мервом и Балхом.

ные проделки, который в соответствии со своим учением и верованиями общался со всяким людом. Потом он заявил, что в него воплотился святой дух, и стал называть себя богом...

Аль-Халладж оставил несколько книг о своем учении, как, например, «Основной свет», «Большая мера», «Малая мера».

Аль-Муктадир-биллах наложил на него руку в 301 г. хиджры (913—914) и велел тысячу раз ударить его бичом, отрубить ему руки и ноги и отсечь голову. Потом на него брызгали нефтью, пока его тело не сгорело, и бросили пепел в Тигр. Пока с ним [все] это делали, он не вымолвил ни слова, не двинул лицом и не пошевелил губами.

Последователей аль-Халладжа, которых связывают с ним, осталось немного. Они проповедуют [пришествие] махди и [говорят], что он выйдет из Талькана. [Это тот самый махди], про которого говорится в «Книге пророчеств», что он наполнит землю справедливостью, как она наполнена была несправедливостью...

И в наше время некоторые люди ожидают [махди] и говорят, что он жив и находится на горе Радва[1]. Потомки Омейядов тоже ожидают выступления суфьянита[2], упомянутого в «Книге пророчеств»; в ней также говорится о пришествии со стороны Исфахана ад-даджжаля[3], сбивающего [людей] с пути.

Бируни, Памятники минувших поколений, Ташкент, 1957, стр. 217—218.

25. Борьба горожан в Нишапуре

Толки у них[4] правоверные, за исключением хариджитов[5], которые многочисленны в Седжестане, окрестностях Герата, Керухе и Астрабиане, мутазиллитов[6], которые явно [существуют] в Нишапуре, но не преобладают в нем; и в нем (Нишапуре) значительное число шиитов и керрамитов[7].

Там вражда между западной половиной Нишапура, а это верхняя [половина], которая называется по Манишаку, и дру-

[1] Радва — гора близ Мекки.

[2] Суфьянит — потомок Абу Суфьяна, отца первого омейядского халифа.

[3] Ад-даджжаль — антихрист.

[4] Имеются в виду жители Хорасана.

[5] Хариджиты — сначала политическая партия, потом крайняя религиозная секта, отрицавшая халифат и мусульманское государство вообще.

[6] Мутазиллиты — направление в исламе, появившееся в VIII в. при возникновении догматических споров о предопределении и свободе воли. Они были сторонниками индетерминизма.

[7] Секта керрамитов была основана Ибн Керрамом в начале IX в. Керрамиты требовали буквального понимания Корана и строгого преследования ересей. Их обвиняли в антропоморфизме.

гой [половиной], которая называется по Хире[1], эта дикая вражда из-за толка, а теперь она стала [враждой] между шиитами и керрамитами.

Среди населения там преобладают... шииты и керрамиты, [которые] обладают обеими половинами [города]. Факихи[2] вместе с ними в бедствии и пороке; когда там нет эмира, он (Нишапур) приходит в расстроенное состояние и с обеих сторон им овладевают негодяи.

Ал-Муккаддаси, Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 201, 205. 197—198.

26

488 год (1095). В этом году, в месяце зу-л-хидже (декабре), некий великий эмир из эмиров Хорасана собрал много людей, отправился с ними к Нишапуру и осадил его. Население города собралось и вступило с ним в жестокий бой. Он продолжал осаду их около 40 дней. Не найдя там желаемого, он ушел от него (города) в мухарраме 489 г. (январе 1096 г.). Когда он оставил Нишапур, там произошла распря между керрамитами и другими партиями его жителей и было убито среди них очень много народу. Предводителем шафиитов был Абу-л-Қасим ибн-имам-ал-харамейн Абул-л-Ма'али ал-Джувейни, а предводителем ханифитов[3] был кади Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Са'ид. Оба они были вместе против керрамитов, предводителем которых был Махмешад. Шафииты и ханифиты победили керрамитов. Были разрушены их (керрамитов) медресе, и было убито много людей среди них и среди других. Это была великая смута.

Ибн ал-Асир, Ал-Қамиль фи-т-тарих. Цит. по: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М. — Л., 1939, стр. 381.

27. Рашид ад-Дин о народных движениях в государстве Хулагидов

...Қ ним (разбойникам) приставали также и бежавшие гулямы и шли городские подонки и сволочь. Некоторые сельские и окрестные жители становились с ними заодно и ходили у них в проводниках. Во всех городах [разбойники] держали лазутчиков, чтобы они извещали о выезде разного состояния людей. Если иногда попадались некоторые грабители, кото-

---

[1] Манишак и Хира — два квартала Нишапура.

[2] Факих — законовед, знаток мусульманского права.

[3] Ханифиты — последователи Абу Халифа (ум. в 767 г.), основателя ханифитского толка суннитского ислама.

рые уже долгое время разбойничали на дорогах и приобрели в этом деле славу, то кой-какой народ их защищал: как-де можно убивать такого богатыря, надо ему оказать покровительство... Напротив, доходило до того, что у грабителей в каждом роду кочевников и оседлых жителей деревень были приятели и товарищи... Многие ходили в гости в жилища этих людей и во время опасности бежали к ним. В городах у них тоже были знакомые, продававшие их товар.

В эту пору (в декабре 1303 г.) произошло удивительное обстоятельство. А оно было таково: несколько людей, по внешности прикидывавшихся шейхами, а по внутренним качествам бывших нахалами, предводителем [которых был] пир Я'куб Багбани, в Табризе склонили к своему учению царевича Алафранга[1] из-за [его] любви к славе и богатству и захотели показать чудеса, которых у них не было. В те дни они послали в ставку некоего мюрида, по имени Махмуд, чтобы привлечь на свою сторону близких к государю людей. Тот человек из невежества объявил ту тайну и говорил: «Некий-де человек сорока гязов роста и пяти гязов в плечах приходит к шейху Я'кубу с гор Меренд и Икан, наставляет его и открывает ему тайны». Ныне он царство отдал царевичу Алафрангу, волей иль неволей, а царство будет его, дервиши ему [уже] его пожаловали.

...[Государь] послал в Табриз Джебей-ахтачи для вызова подстрекающих к мятежу злоумышленников. Через десять дней тот возвратился обратно и доставил всех — пира Я'куба, каанова гонца Насир ад-Дина, шейха Хабиба, который был преемником Рашида Булгари, и сейида Кемал ад-Дина. Шейх Рашид был шейхом Садр ад-Дина Зенджани[2], а сейид Кемал ад-Дин тоже постоянно состоял при нем. Удивительно то, что, когда государь ислама их увидел, он сказал: «Мне приходит на память, что эти мятежники приверженцы Садр ад-Дина Зенджани». Когда дело расследовали, то точно так и оказалось. [Газан-хан] промолвил: «Мертвый все еще подстрекает к мятежу». Потом он сам лично сел и в присутствии эмиров и приближенных стал вести допрос, а та братия невежд говорила все те же никчемные речи. Когда тщательно вникли в дело, то было установлено, что верование их является все тем же образом мыслей Маздака, а цель — распространить этот тарикат среди народа... Государь... приказал сбросить его (Я'куба) с вершины горы, на которой они находились, а товарищей его казнить.

Рашид ад-Дин, Джами-ат-таварих, (Сборник летописей), т. III, Баку, 1957, стр. 276—277, 203.

---

[1] Алафранг — старший сын Гейхату-хана, хулагид.
[2] Садр ад-Дин Зенджани — везир, мюрид шейха Рашида Булгари.

28. Мирхонд о начале восстания сербедаров в Хорасане (1336 г.)

В Хронике сербедаров упоминается, что в Паштине[1], городке из городков Бейхака, жил уважаемый и почтенный ходжа с значительным состоянием. Его прозвище было Ходжа-Джелаль-еддин-Фазлюлла. У Ходжи Фазлюллы было пятеро сыновей: эмир Эмин-еддин, эмир Абдурраззак, эмир Веджих-еддин Масъуд, эмир Насрулла и эмир Шемседдин. Первый из них состоял в качестве пехлевана[2] при троне султана Абу-Саида-Ходабенде[3].

Абдурраззак был человеком веселым и мотоватым. Государь приказал придворным, чтобы они дали его любимцу выгодное занятие; вследствие этого его назначили на службу в Керман с правом получать 120 000 динаров доходу с области и 100 000 доставлять в казну, а остальные брать себе в виде жалованья. Абдурраззак явился в Керман, собрал с жителей означенную сумму денег и промотал ее... Вдруг пришла весть о смерти султана... Он отправился на родину, в Паштин, где между тем произошло неожиданное обстоятельство.

В Паштин явился гонец[4], который, остановясь в этом городке, просил братьев Хасана-Хамзу и Хусейна-Хамзу достать ему вина и бесчестную женщину; братья не соглашались на требование, но гонец не слушал... Тогда братья, обнажив кинжалы, вскрикнули: «Лучше нам надеть на себя петлю (сер-бедар), чем стерпеть такой позор» — и вслед за тем убили посланного. Тогдашний правитель Хорасана Алауддин-Мухаммед, проживавший в Термезе, услыхав об этом происшествии, послал требовать к себе Хасана и Хусейна, но братья медлили явиться на суд, а между тем из Кермана прибыл Абдурраззак. Шум и толки привлекли его внимание; он полюбопытствовал о причине суматохи и, узнав, сказал: «Нам да и всем мусульманам надобно поддержать Хасана и Хусейна; это люди честные и мужественные!» Посланные Ходжи Алауддина-Мухаммеда воротились без успеха, и этот правитель снова отправил уже отряд войска схватить и убийц, и человека, который явился их защитником; но Абдурраззак, собрав толпу молодых смельчаков, считавших себя ничем не хуже Рустема[5], выжидал появления отряда Ходжи Алауддина. От брани дело дошло до стычки между

---

[1] Паштин (Баштин) — в округе Бейхак, провинции Хорасан.

[2] Пехлеван (перс.) — борец, богатырь, от «пехлю» — сила.

[3] Абу-Саид Богадур-хан (1316—1335) — правитель Ирана из династии Хулагидов, сын Олджайту (султан Ходабенде).

[4] Очевидно, ханский гонец.

[5] Рустем — герой иранского эпоса.

противниками, несколько солдат Алауддина было убито, остальные разбежались. Абдурраззак, охотник до кровавых ссор и смут, собрав братьев и жителей городка, говорил им: «Наступили для нас тревожные обстоятельства, и, если мы сделаем послабление своим противникам, нас перебьют. Истинному мужу приятнее в тысячу раз видеть свою голову в петле (сер-бедар), чем погибнуть, как не мужчина». Вот эти слова его и были причиной названия «сербедаров», т. е. «обреченных виселице» или «висельников».

Иные составители хроник говорят, что Абдурраззак был из числа бейхакских вельмож в городке Паштине, жители которого по большей части слыли «мюридами» или приверженцами шейха Хасана-Джури. Абдурраззак поссорился с правителем области и убил его; мужественный и хитрый, он стал советоваться со своими единомышленниками, как бы избежать возмездия за совершенное преступление, но прошлое было невозвратимо, и друзья Абдурраззака решились действовать очертя голову... Абдурраззак, собрав толпу удальцов, был провозглашен ими предводителем. Эта шайка говорила: «Наши начальники поступают несправедливо, и, если господь поможет нам, мы прекратим насилия, если же это не удастся, то лучше положим головы в петлю (сер-бедар), но не потерпим обид!» Так они назвали себя, и так возникло прозвище сербедаров; но первый приведенный нами рассказ о начале их заслуживает большего вероятия.

Мирхонд, Роузат ас-сафа, т. V, пер. И. Н. Холмогорова. История сербедаров, «Ученые записки, издаваемые Казанским университетом», кн. IV, Казань, 1860, стр. 10—17.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

ВВЕДЕНИЕ

Период XI—XV вв. является наиболее напряженным в истории арабских государств. За это время Арабский халифат пережил нашествия кочевников, вел борьбу с крестоносными ополчениями и наконец пал под ударами монгольских завоевателей. В начале XVI в. арабские страны были завоеваны турецким государством и вошли в состав обширной Османской империи.

В данном разделе хрестоматии сделана попытка отобразить особенности исторического развития арабских стран. Материалы взяты из произведений арабских и персидских авторов, современников описываемых событий или явлений. Некоторые отрывки переведены на русский язык и публикуются впервые.

С развитием феодальных отношений в арабском государстве возникла необходимость юридического обоснования и закрепления различных форм налогообложения, феодального землевладения и других феодальных институтов. В связи с этим создавались школы мусульманских законоведов. Одним из крупнейших законоведов в XI в. был Абу-л-Хасан Алий ибн-Мухаммад ибн-Хабиб ал-Басрий ал-Маварди (ум. в 1058 г.). В своем произведении «Книга о принципах управления» ал-Маварди учел мнения основателей главнейших школ мусульманских законоведов. Отрывок № 1 отражает многообразие форм и принципов налогообложения податного населения отдельных районов и городов Арабского халифата в зависимости от вероисповедания и условий подчинения. Отрывок № 2 освещает одну из наиболее сложных проблем в истории халифата — формы феодального землевладения, в частности характер пожалованных земель — икта. Здесь дана характеристика наиболее распространенного вида пожалованных земель — икта ат-тамлик с указанием всех категорий земель, которые могут быть пожалованы в качестве икта. Наряду с икта ат-тамлик ал-Маварди признавал другую

форму пожалования, когда владелец получал право не на землю, а только на доход с этой земли. Такое пожалование обозначалось термином икта ал-истиглал.

Персидский поэт Абу-Муин Насир ибн-Хусрау ибн-Харис, посетивший во время паломничества в Мекку в 1045—1052 гг. города халифата, в своей книге «Сафар-намэ» («Книга путешествия») дает не только внешнее описание городов, многие из которых в XI в. выделились как центры культурной, политической и экономической жизни, но и их достопримечательностей. Он обращает внимание на численность городского населения, на развитие торговых связей между отдельными областями и городами, организацию ремесла, на обложение налогами торгово-ремесленного населения и т. д.

Очень ценны выдержки из книги «История Дамаска» арабского историка Хамза ибн-Асад ибн-Алий ибн-Мухаммад ибн-ал-Каланиси (ум. в 1160 г.), который раскрывает политическое положение в Сирии и отношения сирийских правителей с государствами крестоносцев, так как он сам был современником описываемых событий.

Нашествие монголов в середине XIII в. и конец существования Арабского халифата во главе с династией Аббасидов представлены в выдержках из летописей Рашид ад-Дина ибн-Абу-л-Хейр Алий Хамадани, который был крупным феодалом, официальным историком и государственным деятелем при монгольских властителях династии Хулагидов.

Для характеристики политического положения в Северной Африке в XIII в. приводятся извлечения из книги арабского историка Абу-Закарйа Йахйа ибн-Халдуна (ум. в 1379 г.).

Материалы подобраны Ф. М. Ацамба, новые переводы (док. № 1, 3, 6) сделаны Л. И. Надирадзе.

I. АРАБСКИЕ СТРАНЫ В АЗИИ

1. Аграрные отношения в Арабском халифате в XI в.

Категории земель по принципам налогообложения

Все земли делятся на четыре категории.

Первая категория — земли, оживленные мусульманами. Это земли ушра[1], и не дозволено облагать их хараджем[2].

[1] Ушр — десятая часть урожая, выплачиваемая в качестве поземельного налога арабами-мусульманами в пользу государства.

[2] Харадж — 1) поземельный налог, платимый в пользу государства завоеванными народами, сохранившими свою религию; 2) единый фиксированный налог — дань, платимая в пользу государства народами, заключившими с завоевателями договор о сохранении земли в их владении, о покровительстве со стороны государства.

Вторая категория — земли, ради сохранения которых владельцы их приняли ислам. Они имеют преимущественное право на эти земли, и, по мнению аш-Шафи'и [1], — да благословит его аллах — они — земли ушра, и не дозволено облагать их хараджем.

Абу-Ханифа [2] говорит: имам [3] может по собственному выбору наложить на них харадж или ушр. Если он наложил на них харадж, то не дозволено перевести их на ушр, но если он наложил на них ушр, то дозволено перевести их на харадж.

Третья категория — земли, завоеванные у неверующих посредством оружия, с бою. Они, по мнению аш-Шафи'и, — и добыча, подлежащая разделу между взявшими их в качестве добычи, и они — земли ушра. Не дозволено облагать их хараджем. Малик [4] их считает вакфом [5] из-за хараджа, налагаемого на них. Абу-Ханифа говорит, что имам может выбирать: разделить их или сделать вакфом.

Четвертая категория — земли, о которых неверующие заключили договор. Это та специальная категория земель, которая облагается хараджем и состоит из двух видов.

Первый вид — земли, брошенные их владельцами. Таким образом ставшие принадлежностью мусульман без сражения. Они — вакф в пользу всех мусульман и облагаются хараджем, который представляет постоянную арендную плату, если его сумма и не будет определена во времени, когда это будет в общих интересах.

Харадж не подлежит изменению ни при принятии ислама, ни при вступлении под покровительство. Не дозволено продавать субстанции [6] этих земель из-за распространения на них статута вакфа.

Второй вид — земли, владельцы которых остались на них и заключили договор об их сохранении в своем владении посредством хараджа, который налагается на них. Этот вид состоит из двух подвидов.

---

[1] Аш-Шафи'Мухаммад ибн-Идрис — основоположник юридической школы шафийтов (ум. в 820 г.).

[2] Абу-Ханифа ан-Ну'ман — основоположник юридической школы ханифитов (ум. в 767 г.).

[3] Имам — термин, имеющий различные значения. В данном случае это халиф, облеченный властью светского правителя и духовного главы — имама.

[4] Малик Абу-Абдаллах ибн-Анас — основоположник юридической школы маликитов (ум. в 795 г.).

[5] Вакф — государственная собственность, изъятая из гражданского оборота.

[6] Словом «субстанция» переведено сочетание слов «ракабат ал-ард» — букв. шея земли.

Первый подвид — земли, владельцы которых при заключении договора с нами отказались от собственности на них в пользу нас. Эти земли — вакф мусульман подобно землям, брошенным их владельцами. Харадж, налагаемый на них, представляет арендную плату, которая сохраняется и при обращении их владельцев в ислам. Не дозволено им продавать субстанцию этих земель. Они сохраняют преимущественное право на них, пока они соблюдают договор, независимо от того, останутся ли они неверующими или примут ислам, у них нельзя отобрать эти земли, так же как нельзя отобрать арендованные земли у арендаторов.

Платеж хараджа не освобождает их от платежа подушного налога — джизьи, если они станут людьми зиммы и изберут новое местожительство. А если они не вступают в покровительство — зимму, сохраняют договор и не платят джизью, то не дозволено оставить их в этом положении больше года. А меньше одного года без платежа джизьи оставлять их дозволено [1].

Второй подвид — земли, владельцы которых сохранили собственность на них, не отказались от их субстанции и о которых они заключили договор при условии уплаты хараджа, налагаемого на них. Это харадж-джизья, которая взимается с них, пока они остаются неверующими, но при обращении в ислам снимается. Дозволено не брать у них подушный налог, и им разрешается продавать эти земли, кому они пожелают: из их среды, из мусульман или из зиммьев.

Если они продадут землю своим, то на нее будет сохранен статут хараджа. Если они продадут землю мусульманину, то харадж с нее снимается. Если они продадут землю зиммьям, то, возможно, с нее будет взиматься харадж из-за неверия покупателя, а, возможно, с него будет снят харадж из-за того, что после принятия им зимма, условия прежнего договора для него не обязательны [2].

---

[1] Эту категорию, по мнению других законоведов, составляют земли, завоеванные посредством оружия. Ал-Маварди признает наличие договора с их владельцами, но собственность на эти земли, по его мнению, принадлежит мусульманам, а право пользования — владельцам, обязанным платить в пользу государства расчлененный налог: харадж — поземельный налог; джизью — подушный налог.

[2] Эту категорию, по мнению некоторых законоведов, составляют земли, приобретенные на основе договора. Согласно ал-Маварди, отличительная черта этой категории — принадлежность права собственности на землю ее владельцам, плата не расчлененного, а единого налога — хараджа, который по своему существу то же, что и джизья (единый налог, дань), платимый в пользу государства. Дозволена купля и продажа этих земель без ограничения круга покупателей.

Что касается икта ат-тамлик[1], то земля, пожалованная на правах икта, делится на три категории: мертвую землю, обработанную землю и землю с полезными ископаемыми.

Что касается мертвой земли[2], то она двух видов. Первый вид — земля, которая не переставала быть мертвой с давних времен, не подвергалась обработке и на которую не была установлена собственность. Это та земля, которую султан может пожаловать тому, кто ее оживит и обработает. По мнению Абу-Ханифы, пожалование ее в икта — условие дозволенности ее оживления, так как Абу-Ханифа не разрешает оживить мертвую землю без дозволения имама. По мнению аш-Шафи'и, пожалование ее на правах икта дает получателю преимущественное право на ее оживление по сравнению с другими, но это пожалование не обусловливает дозволенности ее оживления, ибо оживлять мертвую землю дозволяется без разрешения имама.

Согласно обоим мнениям, тот, кто получает мертвую землю на правах икта, посредством оживления приобретает преимущественное право по сравнению с другими.

Посланник аллаха — да благословит его аллах, да приветствует — пожаловал Зубайру ибн-Авваму[3] земли из мертвой земли ан-Наки столько, сколько тот покрыл бы галопом своего коня. Зубайр припустил своего коня, а потом, желая увеличить получаемую землю, перебросил свой кнут через коня, и посланник аллаха — да благословит его аллах, да приветствует — сказал: «Дайте ему землю до места падения его кнута».

Второй вид — земля, которая была обработана, а потом пришла в негодность и стала мертвой, бесплодной.

Такая земля двух видов. Первый вид — земля, которая существовала при джахилии[4] подобно землям адии самуд[5]. Этот вид походит на землю, которая не была обработана, и ее пожалование на правах икта дозволено. Посланник аллаха — да благословит его аллах, да приветствует — сказал: «Земля

[1] Икта ат-тамлик — пожалование земли на правах собственности. Ал-Маварди знает и другой вид пожалования: икта ал-истиглал — пожалование дохода с земли.

[2] Согласно мусульманским законоведам, мертвыми считались все земли, которые не находились во владении или в собственности кого-либо и не обрабатывались.

[3] Зубайр — один из близких сподвижников Мухаммада, участник завоевания Египта, был убит в «сражении верблюда».

[4] До возникновения ислама и государства.

[5] Названия древних племен, употребляемые в значении древнего происхождения. Ал-Маварди имеет в виду земли, которые были в собственности племен или отдельных лиц до возникновения ислама, запустевшие по разным причинам, в том числе по причинам переселения племен.

ади принадлежит аллаху, его посланнику, а потом от меня — вам», подразумевая землю ади.

Второй вид — земля, которая была приобретена во время ислама и на которую распространялась собственность мусульман, а потом она пришла в негодность и стала мертвой, бесплодной. О правилах ее оживления у законоведов три различных мнения.

По мнению аш-Шафи'и, на эту землю посредством оживления нельзя установить собственность, независимо от того, известны или не известны ее владельцы. Малик говорит, что посредством оживления на нее можно установить собственность, независимо от того, известны или не известны ее владельцы. Абу-Ханифа говорит, что если владельцы этой земли известны, то на нее посредством оживления собственность не устанавливается, но если они не известны, то на нее посредством оживления собственность устанавливается. Согласно его мнению, посредством оживления не дозволено установить собственность на мертвую землю без пожалования ее на правах икта. Если ее владельцы известны, тогда не дозволено пожаловать мертвую землю на правах икта, ибо ее владельцы имеют преимущественное право на ее продажу и оживление; но если они не известны, то пожалование ее на правах икта дозволено и это пожалование — условие законности ее оживления.

Когда мертвая земля по комментированному нами способу становится икта, лицо, которому имам пожалует ее и в силу этого приобрело на эту землю преимущественное право по сравнению с другими, не может установить собственность на эту землю, пока ее не оживит. Если это лицо приступает к оживлению полученной земли, то по окончании ее оживления становится собственником. Если же получивший мертвую землю на правах икта не приступает к ее оживлению, то он имеет преимущественное право на эту землю только в качестве ее владельца, но не собственника. Будут рассмотрены причины, из-за которых он не приступил к ее оживлению; и если они будут явно уважительными, то нельзя оспаривать у него эту землю, и он сохраняет ее в своем владении, пока существуют эти причины.

Но если причины будут неуважительными, то, по мнению Абу-Ханифы, нельзя оспаривать у него эту землю до истечения трех лет. Если владелец оживит ее в течение этого времени, то хорошо, а если нет, то упраздняется статут икта на том основании, что Умар назначил срок пожалования три года.

По мнению аш-Шафи'и, установление срока не обязательно. Во внимание принимается возможность этого лица оживить мертвую землю, и когда наступит время, в течение

которого земля должна быть оживлена, то ему будет сказано: или ты оживи ее, и она будет утверждена в твоей собственности, или откажись от нее с тем, чтобы она вернулась в положение, в котором она находилась до ее пожалования. Что касается срока, назначенного Умаром, — да будет доволен им аллах, то он, возможно, был вызван частным обстоятельством, или же его мнение было признано годным во всех случаях.

Если какой-либо узурпатор присвоит пожалованную мертвую землю и оживит ее, то по этому поводу законоведы высказывают три различных мнения.

По мнению аш-Шафи'и, тот, кто оживит такую землю, приобретает преимущественное право над лицом, получившим ее на правах икта.

Абу-Ханифа говорит, что при оживлении такой земли до истечения трех лет, она остается в собственности того, кому она была пожалована, а после истечения трех лет она становится собственностью того, кто ее оживил.

Малик говорит, что если эту землю оживили, зная о том, что она была пожалована на правах икта, то тогда земля остается в собственности того, кому она была пожалована, но если ее оживили, не зная о том, что она была пожалована на правах икта, то тогда тот, кому она была пожалована, может выбирать: или оплатить расходы по оживлению тому, кто мертвую землю оживил, или оставить [ее] у него и передать ему же остальную часть мертвой земли.

Что касается обработанной земли, то она двух категорий. Первая — земля, собственник которой признан и на которую у султана нет никаких прав, за исключением обязательств, налагаемых на эту землю казной, когда она находится на территории ислама[1], независимо от того, будет ли она принадлежать муслимам или зиммьям; но если земля находится на территории войны[2], которую мусульмане еще не захватили, и имам пожелает пожаловать ее на правах икта с тем, чтобы тот, кому она будет пожалована, вступил в собственность при ее завоевании, то это дозволено. Тамим ад-Дари просил посланника аллаха — да благословит его аллах, да приветствует, — чтобы тот пожаловал ему Уйун ал-Балад, который находился в Сирии, до ее завоевания, и он так и сделал.

Таким образом, если кто-либо просит у имама в дар имущество на территории войны и оно еще в собственности ее

[1] Дар ал-ислам, согласно ал-Маварди, — территории, подчиненные мусульманской юрисдикции.

[2] Дар ал-харб противопоставляется дар ал-исламу. Согласно ал-Маварди, дар ал-харб — территории, не подчиненные мусульманской юрисдикции и могущие стать объектом завоеваний.

населения или кто-либо просит пленных и подростков с этой территории, с тем чтобы при ее завоевании он имел преимущественное право на них, то это дозволено. Дарение разрешено и тогда, когда еще не известно, осуществимо ли оно, ибо оно зависит от общего положения[1]. Аш-Ша'би рассказал, что Харим ибн-Аус ибн Харис ат-Таи сказал пророку — да благословит его аллах, да приветствует: «Если аллах доставит тебе победу над Хирой[2], то дай мне Бинт Нафилу»[3]. Когда Халид[4] хотел заключить договор с жителями Хиры, Харим заявил ему: «Посланник аллаха — да благословит его аллах, да приветствует — назначил мне Бинт Нафилу, и не включай ее в договор». Башир ибн-Са'д и Мухаммад ибн-Маслама засвидетельствовали это, и Халид исключил ее из договора и передал Хариму, который продал ее за тысячу дирхемов. Со времен договоренности Харима она изменилась и состарилась. Хариму сказали: «Горе тебе, ты ее удешевил, а если ты запросил, то родственники ее дали бы тебе в два раза больше». Тот ответил: «Я не думал, что существовало число большее, чем тысяча».

Когда икта ат-тамлик соответствует этой категории, то необходимо рассматривать условия завоевания. Если завоевание имело место на основе договора, то земля освобождается для лица, получившего ее на правах икта, и она подлежит изъятию из условий договора в силу предшествующего пожалования этой земли на правах икта. Но если завоевание осуществлено посредством оружия, то лицо, получившее землю на правах икта и дара, приобретает преимущественное право на пожалованную и подаренную землю над теми, кто ее взял в качестве добычи. Дело последних будет рассмотрено, и если они знали о пожаловании и дарении этой земли до ее завоевания, то они не имеют права требовать возмещения за пожалованную и подаренную землю. Но если они не знали об этом до завоевания, то имам дает им в возмещение то, что их удовлетворит, таким же образом, как имам дает им компенсацию из добычи за какое-нибудь другое дело. Абу-Ханифа говорит, что не обязательно дать им компенсацию из добычи как за пожалованную и подаренную землю, так и за какое-нибудь другое дело.

Вторая — земля, владелец которой не признан и на которую никто не может предъявить права. Эта категория делится на три вида.

---

[1] Когда успех военных мероприятий еще не определился.

[2] Хира — столица Лахмидского царства арабов, существовавшего до арабского завоевания на территории современного Южного Ирака.

[3] Бинт Нафила — имя девушки.

[4] Халид ибн ал-Валид — знаменитый полководец, Хиру завоевал при халифе Абу Бакре.

Первый вид — земля, которая в завоеванных странах была взята имамом в пользу казны или по праву хумса[1], так как она принадлежала людям хумса, или по праву конфискации для удовлетворения тех, кто взял ее в добычу. Умар ибн-ал-Хаттаб[2] — да будет доволен им аллах — конфисковал на территории Савада земли Хосроя, земли членов его дома и земли, собственники которых или бежали или погибли в сражении[3]. Общая сумма дохода с этих земель составляла 9 000 000 дирхемов. Он расходовал ее в интересах мусульман и никому не жаловал из этих земель икта. Потом Усман[4] — да будет доволен им аллах — начал жаловать из них икта, так как считал, что пожалование их на правах икта дает больше доходов, чем их оставление необработанными. Эти пожалования земли на правах икта он обусловливал платежом по праву фая[5].

Эти его пожалования были икта иджара[6], а не икта ат-тамлик. Доход с этих земель увеличился до того, что достиг, как говорят, 50 000 000 дирхемов. Из этого дохода выдавал он награды и дары, а после халифы передавали его друг другу. Во время ал-Джамаджима в 82 г., когда восстал ибн ал-Аш'ас, сгорел Диван и каждый забрал ту часть этой земли, которая примыкала к его владению[7].

---

[1] По установленным еще при Мухаммаде правилам $^4/_5$ добычи, взятой арабскими войсками, делили между собой воины, а $^1/_5$ — хумс — шла в распоряжение главы государства, который раздавал ее определенным лицам.

[2] Умар ибн-ал-Хаттаб — второй халиф (634—644), при котором были завоеваны Ирак, Сирия, Египет и большая часть собственно Ирана.

[3] Всего в руки государства перешло 10 категорий земель, а основная масса земли Савада была оставлена прежним владельцам.

[4] Усман — третий халиф (644—656); при его правлении раздача на правах икта из фонда конфискованных земель приняла особенно широкие размеры, хотя, по утверждению исторических источников, к такой практике частично прибегал и халиф Умар.

[5] Фай — добыча. Часть законоведов считает, что это доход с земель, завоеванных арабскими войсками, присваиваемый государством в «пользу всех мусульман», а другая часть — сторонники развитой концепции государственной собственности на землю — считает, что фай — это земли, завоеванные арабскими войсками. Прежним владельцам государство уступило право пользования, а собственность на сами земли принадлежит государству, «мусульманской общине».

[6] Иджара — аренда. Таким образом, ал-Маварди признает за владельцами этих земель не право собственников, а право арендаторов, имевших право пользования. Тем самым этот вид земли выпадает из рубрики икта ат-тамлик, но концепция ал-Маварди не увязывается с исторической действительностью, в частности с приведенным им самим фактом захвата этого вида земли частными лицами после сожжения Дивана во время восстания Ибн ал-Аш'аса.

[7] Ал-Маварди имеет в виду восстание Абд ар-Рахман ибн-Мухаммада ибн ал-Аш'аса, наместника Седжестана, в 700 г. против Халифа Абд ал-Малика и его наместника Хаджжаджа. В восстании приняло участие наряду с арабскими войсками, которыми командовал Абд ар-Рахман, мно-

Это тот вид обработанной земли, субстанцию которой не дозволено пожаловать на правах икта, ибо посредством конфискации она стала принадлежать казне как собственность всех мусульман и на субстанцию этого вида земли распространяется статус постоянного вакфа.

Второй — земли хараджа, субстанции которых не дозволено пожаловать в собственность. Этот вид делится на два подвида.

Первый подвид — земли, субстанции которых — вакф, а ее харадж — арендная плата. Передача в собственность вакфа посредством пожалования, а также посредством продажи и дарения незаконна [1].

Второй подвид — земля, субстанция которой частная собственность, а ее харадж — джизья [2].

Незаконно пожаловать в икта землю, которая находится в частной собственности и собственники которой признаны. Что касается пожалования ее в харадж, то об этом мы упомянем после, в икта ал-истиглал.

Третий подвид — земля, владельцы которой умерли и на которую не имеют права наследники умершего.

Maverdii, Constitutiones Politicae ex regensione M. Engerin, Bonnae, 1853, стр. 254—259, 330—336. (На арабск. яз.)

2. Города Халифата в XI в.

г. Алеппо [3]

...Мы приехали в г. Алеппо. От Мейяфарикина до Алеппо 100 фарсахов [4]. Я нашел, что Алеппо — прекрасный город. Он окружен стеной, высоту которой я определил приблизительно в 25 араш [5], есть там и замок, выстроенный на скале. Мне кажется, что Алеппо не меньше Балха, он густо заселен, и

жество шиитов и хариджитов. После ряда побед войска восставших в 702 г. потерпели одно из поражений у Дайра ал-Джамаджима, в окрестности Куфы.

[1] В эту категорию входил первый подвид второго вида четвертой категории земли по приведенной нами классификации ал-Маварди. Вопреки утверждению ал-Маварди владельцы хараджных земель, обремененные тяжелыми налогами, продавали или дарили свои земли арабским феодалам, платившим по сравнению с ними незначительный поземельный налог — десятую часть урожая. Халиф Умар II признал законность всех сделок, имевших место до 100 г. (718/19).

[2] В эту категорию входил второй подвид второго вида четвертой категории земли по приведенной нами классификации ал-Маварди.

[3] Алеппо (араб. Халеб) — столица государства Хаманидов; крестоносцы дважды осаждали ее, но безуспешно.

[4] Фарсах — мера длины, расстояние, которое можно проехать за час.

[5] Араш — мера длины, равняется длине руки от локтя до кончика среднего пальца.

все строения соприкасаются. В этом городе взимают пошлину с товаров, идущих через Сирию, Рум, Диарбекр, Египет и Ирак, и из всех этих стран туда наезжают купцы и торговцы. В Алеппо четверо ворот: Баб-ал-яхуд[1], Баб-Алла[2], Баб-ал-Джинан[3] и Баб-Антакиэ[4]. Базарным весом там служит ратль Захири[5], составляющий 480 дирхемов...

На полях они сеют исключительно пшеницу, и родится ее много. В большом обилии деревья фиговые, оливковые, фисташки, миндаль и виноградная лоза. Вода в городе дождевая и колодезная.

г. Триполи

От Алеппо до Триполиса тем путем, которым мы ехали, 40 фарсахов.

Мы прибыли туда в субботу 5-го шабана (7. II). В окрестностях было много полей, садов и деревьев. Было очень много сахарного тростника, апельсинов сладких и кислых, бананов, лимонов и фиников. В это время как раз собирали сок сахарного тростника.

Город Триполис выстроен так, что три стороны его омываются морем. Когда море волнуется, волны плещут через стены. С той стороны, которая выходит на сушу, устроено укрепление с большим рвом и крепкими железными воротами. С восточной стороны возвышается каменная стена с такими же зубцами и бойницами. На верху стены установлены метательные машины. Обитатели города боятся румийцев, которые нападают на город с кораблями. Пространство города 1000 араш в квадрате. Высота зданий четыре и пять этажей, есть даже и шесть. Улицы и базары там красивые и чистые, можно было бы подумать, что каждый из них — разукрашенный замок. Пища, плоды и съестные припасы всех родов, какие мне только приходилось видеть в Персии, были и там, только их было во сто раз больше.

Посреди города стоит огромная, чистая, хорошо украшенная и прочно выстроенная соборная мечеть. Во дворе ее большой купол, а под куполом мраморный бассейн с бронзовым фонтаном. На базаре тоже устроен фонтан, где вода в обилии бьет из пяти труб. Люди пользуются ею, а большая часть течет по земле и впадает в море. Говорили, что в этом городе 20 000 жителей, а вокруг него много поселков и селений. Там вырабатывают хорошую бумагу вроде самарканд-

---

[1] Баб-ал-яхуд — Еврейские ворота.
[2] Баб-Алла — Божьи ворота.
[3] Баб-ал-Джинан — Садовые ворота.
[4] Баб-Антакиэ — Антиохийские ворота.
[5] Ратль Захири — мера веса, меченная египетским халифом Эз-Захир ли-изази-Дини-Лла, правившим с 1020 по 1035 г.

ской, но только лучше. Город этот относится к числу владений египетского султана. Причиной этому, говорят, то, что однажды, когда нечестивые румийцы напали на этот город, египетские мусульмане сразились с их войском и разбили его наголову. Египетский султан взял с этого города подать и постоянно держит там свои войска под начальством своих полководцев для охраны города от врага.

В этом городе имеется таможня, так как корабли, прибывающие из Рума, Ференгистана, Андалусии и Магриба, платят там десятину султану. На эти деньги содержатся войска. У султана есть суда, которые ходят в Рум, на Сицилию и в Магриб и ведут торговлю. Население этого города сплошь шииты, и шииты же выстроили во всех городах этой страны прекрасные мечети.

г. Бейрут

Оттуда мы проехали в г. Бейрут. Я видел каменную арку, под которой проходила проезжая дорога, и высоту ее определил в 50 гезов. По бокам она была крыта плитами белого камня, каждая весом больше 1000 мен[1]. Эта постройка возведена из кирпича на высоту 20 гезов, и наверху ее воздвигнуты мраморные колонны, каждая высотой в 8 гезов и такой толщины, что ее не охватить двум человекам. На этих колоннах покоится арка, выстроенная с таким расчетом, что камни ее с двух сторон соприкасаются и не соединены ни глиной, ни известью. Над этими арками сверху другая большая арка на самой середине высотою в 50 араш. Высоту каждого камня, пошедшего на постройку этой арки, я определил приблизительно в 8 араш в длину и 4 араша в ширину, а весом каждый около 7000 мен. Все эти камни покрыты скульптурной и резной работой столь красивой, что и на дереве скульптуру такой красоты видеть доводится редко. Кроме этой арки, в этой местности других строений не осталось. Я спросил, что это за место, и мне ответили: мы слыхали, что это были ворота в сад фараона и что они очень древние.

Все степи этой местности покрыты мраморными колоннами, отдельными капителями и колоннами без капителей, все они из разукрашенного мрамора, закругленные, четырехугольные, шестигранные и восьмигранные. Камень этот настолько тверд, что железо не оставляет на нем никакого следа. Но в окрестностях нигде нет горы, где могли бы быть каменоломни. Другой камень напоминает искусственное соединение, и его так же, как и другие камни, не берет железо.

---

[1] Мен — мера весов, колеблющаяся от 2,8 до 16 *кг*.

По всей Сирии мне попадалось около 500 000 колонн или капителей, и ни одна живая душа не знает, что это было такое или откуда привезено.

г. Акка[1]

Я смерил город: длина его 2000 араш, а ширина 500. Город окружен прочной каменной стеной, с южной и западной стороны омывается морем. На южной стороне лежит гавань. Большая часть прибрежных городов имеет гавани, которые устраиваются для охраны судов. Это нечто вроде конюшни, задняя стена которой прилегает к кремлю, а две другие вдаются в море. Вход в нее шириной около 50 гезов, и стены там нет, протянуты только цепи от одной стены к другой. Когда хотят впустить в гавань корабль, цепи ослабляют, так что они опускаются под воду, и корабль проходит по воде над ними. Затем цепи опять поднимают, чтобы никто чужой не мог напасть на корабли.

С левой стороны у восточных ворот есть источник, к которому надо спуститься на 26 ступеней, чтобы достать воды.

г. Хайфа

...Мы прибыли в деревню, называемую Хайфой[2]. По дороге в эту деревню нам попалось много того песку, которым в Персии пользуются золотых дел мастера и который они называют «меккским песком». Деревня Хайфа лежит на берегу моря, там много пальмовых рощ и деревьев. Там были корабельные мастера, строившие большие корабли. Эти морские корабли называются «джуди».

г. Рамлэ

...В воскресенье 1-го рамазана мы прибыли в Рамлэ. Оттуда до Кайсарийэ 8 фарсахов. Это большой кремль с прочной стеной из камней, скрепленных известью, и железными воротами. От города до берега моря 3 фарсаха. Жители города пользуются дождевой водой. В каждом доме есть цистерны, куда собирают дождевую воду, и вода всегда есть в запасе.

В этом городе много мрамора и большая часть дворцов и домов изящно выложена мрамором и покрыта рисунками.

---

[1] Акка — порт в Палестине к северу от Хайфы, взят крестоносцами при Балдуине I в 1104 г., главный оплот крестоносцев до взятия его в 1291 г. египетским султаном Малик ал-Ашрафом. Крестоносцы назвали его Сен-Жан-д'Акром.

[2] Ныне г. Хайфа.

Мрамор режут пилой без зубцов, применяя при этом меккский песок. Колонны пилят в длину, не в ширину, как пилят деревья, и делают из камня доски. Я видел много различных цветов мрамора: пестрый, зеленый, красный, черный, белый — всех цветов.

Там есть разновидность фиги, лучше которой фиг не бывает нигде; ее вывозят во все окрестные города. Город Рамлэ в провинции Сирии и в Магрибе известен под названием Филистин.

г. Иерусалим

Окрестности и пригороды Бейт-ал-Мукаддаса[1] гористы, но вся земля там возделана и много масличных, фиговых и других деревьев. Воды там нет совершенно, но тем не менее много богатств и жизнь дешева. Там есть хозяева, у каждого из которых колодцы и цистерны наполнены более чем 50 менами оливкового масла; они развозят его оттуда во все страны света.

...Теперь я опишу г. Бейт-ал-Мукаддас. Это город, расположенный на вершине горы. Воды там, кроме дождевой, нет. В окрестностях есть ручьи, но в самом городе нет. Вокруг города возведена прочная стена из камней, скрепленных известью, с железными воротами. Около города нет ни одного дерева, так как город стоит на камне.

Это ближний город. В то время, когда я посетил его, в нем было 20 000 жителей. Там есть красивые базары, высокие здания; вся земля его вымощена каменными плитами. Где была гора или возвышение, их срезали и сравнивали, так что, когда идет дождь, вся земля в городе вымывается начисто.

В городе много ремесленников, и каждый цех занимает на базаре отдельный ряд. Мечеть в восточной части города и восточная стена города вместе с тем и стена мечети. Если пройдешь за мечеть, раскрывается большая бесконечная ровная долина, называемая Сахирэ.

...В Бейт-ал-Мукаддасе есть прекрасная больница, на нее жертвуется много денег, и многим больным там дают снадобья и лекарства; при ней состоят врачи, получающие содержание из пожертвованных сумм.

г. Мекка

Град пророка — мир да будет с ним! Это город, лежащий на краю пустыни; земля там влажная и покрыта солончаками. Проточная вода есть, но ее мало. Там есть плантации финиковых пальм. Кыбла от Медины лежит к югу.

[1] Бейт-ал-Мукаддас — ныне г. Иерусалим.

От Мекки до Медины 100 фарсахов, но дорога каменистая, и мы шли восемь дней. В воскресенье 6-го зу-л-хидджэ (24 мая 1047 г.) мы вступили в Мекку и остановились около ворот Баб-ас-Сафа. В тот год в Мекке был недород и четыре мена хлеба продавали за один нишапурский динар. Муджавиры покинули Мекку, и ниоткуда не прибыло паломников.

...Этот год из Магриба прибыл огромный караван, и, когда он возвращался обратно, бедуины у ворот благородного города Медины потребовали с паломников уплаты денег за право свободного проезда. Между ними началась схватка, было убито более 2000 магрибинцев, и многие не возвратились назад в Магриб.

У самого подножья Мервэ есть базар, где 20 лавок друг против друга: все они заняты цирульниками, которые бреют головы паломникам.

...Я подсчитал, что в Мекке коренных жителей тысячи две, не больше. Все остальные, около 500 человек, — приезжие и муджавиры. В тот год там был недород, 16 мен пшеницы стоили один магрибинский динар, и много народу покинуло город.

В Мекке были дома для жителей каждого города: Хорасана, Мавераннахра, Ирака и других областей, но большая часть их разрушились и лежали в развалинах.

Багдадские халифы выстроили там много богоугодных заведений и красивых зданий, но в то время, когда я был там, некоторые из них развалились, а другие обращены в частную собственность.

...Климат в Мекке чрезвычайно жаркий. В конце месяца бахмана (января), по старому календарю, я видел там свежие огурцы, бадренги и баклажаны... 15-го фарвардина (марта — апреля) старого календаря поспел виноград, его начали привозить из деревень в город и продавать на базарах. 1-го ардибехишта (апреля — мая) появились в обилии дыни, все плоды там есть даже зимой и никогда не прекращаются.

г. Сан'а (Йемен)

Замок Гумдан лежит в Йемене около города, называемого Сан'а. От этого замка осталось сейчас нечто вроде холма посреди города. Там говорят, что владелец этого замка был царем над всем миром, что в этом холме скрыто много сокровищ и кладов, но никто не решается завладеть ими: ни султан, ни народ. В г. Сан'а изготовляют агат. Это камень, добываемый из гор.

Его прокаливают, окружив песком, в огне, затем в песке же выставляют на солнце и обрабатывают на станке. Я

видел в Мисре меч, привезенный султану из Йемена: и рукоятка, и ножны его были сделаны из одного куска красного агата, похожего на рубин.

г. Лахса (Бахрейн)

Вся торговля и все деловые сношения там ведутся на свинец; держат его в мешках, по 6000 драхм везут в каждом. Когда сделка заключена, отсчитывают мешки и берут сколько надо. Монету эту никто не имеет права вывозить оттуда. Там ткут прекрасные фута и вывозят их в Басру и другие города.

Один из... султанов во времена багдадских халифов пошел с войском на Мекку, взял этот город, убил паломников, совершавших таваф вокруг Ка'бы, а черный камень выломал из угла и отвез в Лахсу.

...В г. Лахсе продают мясо всех животных: кошек, ослов, коров, собак, овец и др. Когда продают какое-нибудь животное, около мяса кладут его голову и кожу, чтобы покупатель знал, что покупает. Собак там откармливают словно овец, и они делаются столь жирными, что не могут ходить; тогда их режут и едят... Если поехать по морю, приедешь в Бахрейн, остров в 15 фарсахов длиной. Там есть большой город и много пальмовых плантаций.

В этом море добывают жемчуг; но из всего того, что добывают пловцы, половину надлежит отдавать султанам Лахсы.

г. Басра (Ирак)

Каждый день в Басре устраивают базар в трех местах: поутру торгуют в месте, называемом Сук-ал-Хуз'а[1], днем — на Сук-Османе, под вечер — на Сук-ал-Каддахине[2]. Торгуют там следующим образом: если у кого-нибудь есть что-нибудь, он сдает этот товар меняле и получает от него расписку. Затем он покупает все что ему надо, а вместо уплаты дает чек на того же самого менялу. За все время, что купец находится в городе, он сплошь пользуется расписками менял и совершенно не прибегает к звонкой монете.

...К Басре принадлежит 20 областей, и в каждой из них много деревень и обработанной земли.

Насир-и-Хусрау, Сафар-намэ
(Книга путешествия), М. — Л., 1933, стр. 46—67,
133—157, 181—191.

---

[1] Сук-ал-хуз'а — рынок, где торгуют верблюжьим мясом.
[2] Сук-ал-Каддахин — рынок мастеров, выделывающих чаши.

3. Отношения с крестоносцами и политическое положение в Сирии в XII в.

Год 527-й (12.XII.1132—31.X.1133)

В мухарраме (12.XI—12.XII 1132 г.) этого года со стороны франков[1] дошли известия о том, что среди них поднялся спор, хотя это и было не в их привычке, и произошла схватка, в которой легло множество из них. В этом же году отряды туркменов столкнулись с всадниками во главе с владетелем Зарадна. Они одержали победу над ним, убили его и тех, кто был с ним, овладели их конями и скотом. Говорят также, что Ибн ад-Данишманд одержал победу над многочисленным отрядом, который вышел из Константинополя. Ибн ад-Данишманд напал на него и уничтожил тех, кто был в этом отряде из румов и прочих...

Шамс ал-Мулук[2] расположился лагерем у Банийаса[3] в воскресенье в начале месяца сафара (11.XII. 1132 г.). Он двинулся со своими войсками на город, в котором было множество конных и пеших.

От внезапности появления войск Шамс ал-Мулука жители города пришли в ужас, сникли и пали духом. Он приблизился к их стене с отрядами хорасанцев, вооруженных сводчатыми щитами, и подкопщиков. Он сошел с коня, и за ним спешились все тюрки. Они засыпали стрелами тех, кто был на стене. Эти последние спрятались, и не остался из них ни один, который из-за множества стрел высунул бы голову. Шамс ал-Мулук приставил щит к тому месту городской стены, которое он считал тонким, и долбил ее до тех пор, пока не сделал проход. Тогда войска бросились через проход и наводнили город. Франки, которые были в городе, отступили в цитадель и бастионы, где они укрепились и защищались от нападения.

Шамс ал-Мулук овладел городом. Он открыл его ворота и умертвил или взял в плен всех франков, попавших в его руки. Когда осажденные в крепости и бастионах увидели, что после взятия города они оставлены без поддержки и помощи, то попросили пощады. Просьба их была удовлетво-

---

[1] Франками арабы называли всех европейцев.

[2] Шамс ал-Мулук Исмаил — владетель Дамаска (1132—1135). Управлял Дамаском после смерти своего отца Тадж ал-Мулука, сына Тугтегина. Этот последний был опекуном и военачальником Дукака, правившего Дамаскским султанатом, подчиненным власти сельджукских султанов. Тугтегин, захватив власть, в 1104 г. основал дамасскую династию Буридов, правивших до перехода Дамаска в руки Нур ад-Дина, сына атабека Мосула Имед ад-Дина Зенги.

[3] Банийас — город в Сирии.

рена, они сдались и были взяты в плен. Шамс ал-Мулук, разграбив город, оставил там гарнизон храбрецов, обязанных охранять и защищать его. Сам вышел из города во главе войск, уводя пленных с женами и детьми, прежнего правителя города, увозя множество военного снаряжения и головы убитых врагов, и прибыл в Дамаск в четверг 6-го сафара этого года (пятница, 16.XII. 1132 г.).

Жители Дамаска вышли из города для встречи с ним и лицезрения пленных, перевязанных веревками, и голов на тростниковых шестах, а их было великое множество. Жители города увидели все, и это зрелище вселило прохладу в их глаза, радость в их сердца и крепость в их чресла. Они пришли в восторг и воздали многократно благодарность аллаху всевышнему за то, что он удостоил их явной помощи и великой победы. Весть об этой победе распространилась среди франков, и она навела страх на них. Они пришли в ужас от того, что подобное могло еще случиться, сердца их были полны страха и опасения. Они сильно были удивлены от того, что взятие Банийаса, несмотря на его неприступность и многочисленность гарнизона, было осуществлено так легко и за такой короткий срок. Они горевали также о тех всадниках, рыцарях и пеших, которые были убиты в этом сражении...

В месяце сафаре этого года (12.XII. 1132 — 10.I. 1133) владетель Иерусалима, король франков[1] во главе конницы направился к границам провинции Алеппо и прибыл к местности, называемой Наварой. Против него выступил эмир Саввар, наместник Алеппо во главе алеппского войска и тех, кто присоединился к нему из туркменов. Они встретились и сражались несколько дней, а потом преследовали друг друга, пока не достигли земли Киннесрина[2].

Франки бросились на них и обратили в бегство. Они убили в этом сражении около 100 мусульман из всадников, среди которых было много славных и известных начальников, но из франков было убито еще больше. Отступающие войска достигли Алеппо, а франки дошли сначала до Киннесрина, а потом до ал-Мукавама и Накира ал-Ахарина. Из Алеппо эмир Саввар вторично отправился в поход против них во главе остатков своего войска и тюрков. Они наткнулись на отряд

---

[1] Очевидно, Фулько V, король Иерусалима (1131—1142), преемник Балдуина II (1118—1131). Иерусалим после первого крестового похода стал столичным городом Иерусалимского королевства, основанного крестоносцами. В состав этого королевства входили также три вассальных государства: Антиохийское княжество, графства Триполи и Эдессы. До крестовых походов был центром султаната, подчиненного власти Сельджукидов.

[2] Киннесрин — один из городов Сирии, между Хама и Алеппо.

франков, напали на него, обратили в бегство и убили около 100 всадников. Разбитые франки отступили в свою страну, а мусульмане возвратились в Алеппо с головами убитых франков и трофеями. Таким образом, печаль прежнего поражения прошла благодаря легкости этой милости.

Король франков прибыл в Антиохию[1], а до Саввара дошла весть о выступлении конницы из ар-Рухи[2]. Эмир Саввар и Хассан ал-Ба'лбакки выступили в поход, напали на эту конницу, и кто из нее попал в их руки живыми, был взят в плен, а остальных до последнего человека истребили в северной части страны. Они вернулись в Алеппо победителями, с пленными и головами убитых франков.

Год 528-й (1.XI.1133—21.X.1134)

В последних числах месяца раби'а I (конец января) этого года Шамс ал-Мулук Исмаил ибн Тадж ал-Мулук отправился на охоту в окрестность Сайданайа и Асала[3]. Во вторник 9-го раби'а II (6. II. 1134 г.), когда он удалился от своих гуламов и личного отряда, на него напал один из мамлуков его деда Захир ад-Дина Атабека. Мамлук этот был из тюрков, звали его Илбой. Найдя Шамс ал-Мулука в уединении и улучив момент, он ударил его мечом, размахнувшись со страшной силой, желая отсечь голову. Но аллах великий определил безопасность Шамс ал-Мулука: меч выпал из рук мамлука, не достигнув цели. Тогда мамлук тотчас соскочил на землю и ударил вторично, но удар пришелся по шее коня, конь был убит. Шамс ал-Мулук оказался между мамлуком и убитым конем, пока множество гуламов не подоспели и не собрались вокруг него, а мамлук не обратился в бегство. Шамс ал-Мулук послал вслед за ним всадников преследовать, разыскивать и схватить его, а сам вернулся в город. При распространении вести об этом нападении люди заволновались, но успокоились, когда увидели Шамс ал-Мулука невредимым.

Те, кто был послан из конных и гуламов, усердствовали в розысках мамлука по горам, по большим дорогам, по тропинкам, пока они его настигли. Но он ранил многих прежде, чем они его взяли. Когда мамлука доставили к Шамс

---

[1] Антиохия — столица Селевкидов, основана в 300 г. до н. э. В 638 г. ее завоевали арабы, а в 1098 г. — крестоносцы. При крестоносцах Антиохия была столичным городом Антиохийского княжества, входившего в состав Иерусалимского королевства.

[2] Ар-Руха (Эдесса) — древний город Мессопотамии. В 639 г. завоеван арабами, а в 1098 г. — крестоносцами, при которых стал главным городом Эдесского графства, входившего в состав Иерусалимского царства. В 1144 г. завоеван войсками Имад ад-Дина Зенги, эмира Мосула.

[3] Местности недалеко от Дамаска.

ал-Мулуку, последний спросил его: «Что побудило тебя к этому делу?» Тот ответил: «Я сделал это лишь для того, чтобы приобрести милость аллаха всевышнего посредством твоего умерщвления и избавить народ от тебя, так как ты притесняешь слабых из народа, ремесленников, феллахов, работников и поступаешь несправедливо как с войсками, так и с подданными». Он упомянул также несколько гуламов, непричастных к этому делу, впутывая их на том основании, что они были согласны с ним. Шамс ал-Мулук арестовал их всех, присоединил их к нему и предал всех смерти беспощадно и немедленно.

Народ осуждал Шамс ал-Мулука за убийство гуламов на основании слов этого злодея без предъявления явного доказательства и явных улик. Но убийство тех, кого он предал смерти несправедливо, не удовлетворило Шамс ал-Мулука, и он обвинил даже своего старшего брата Савинджа ибн-Тадж ал-Мулука и умертвил его наиболее отвратительным образом — голодной смертью. Он умножил такие мерзкие и несправедливые деяния, не зная границ...

«History of Damascus» 353—555 a. h. by Iba al. Qalânisi, ed. by H. F. Amedroz Sciden, 1908, стр. 236—243. (На арабск. яз.)

4. Завоевание Багдада монголами

Рассказ о возникновении усобицы в Багдаде, неприязни между даватдаром и везиром и начале невзгод багдадского халифа

В 654 г. (1256), в конце лета, произошло великое наводнение и г. Багдад был затоплен так, что нижние ярусы тамошних зданий погрузились в воду и стали невидимыми. В течение 50 дней это наводнение нарастало, а затем стало убывать. Половина уездов Ирака была опустошена, и до сих пор еще муста'симский потоп на устах народа. Во время этого события городские подонки и сволочь, бездельники и бродяги протянули руку насилия и власти и каждый день убивали народ. Муджахид-ад-дин Эйбек, даватдар, склонил к себе бродяг и бездельников и в короткое время приобрел большую силу. Когда он окреп и увидел халифа Муста'сима нерешительным, нерассудительным и простодушным, он посоветовался с некоторыми сановниками, как бы его свергнуть и на его место посадить другого из рода [тех] же Аббасидов. Везир Муайййид-ад-дин ибн-Альками проведал об этом обстоятельстве, наедине уведомил Муста'сима и сказал: необходимо-де принять меры против них. Халиф тотчас же призвал даватдара, передал ему доклад везира и сказал: «Из-за доверия, которое я к тебе имею, я не послушал слов везира

о доносе на тебя и передаю [его слова] тебе. Ни в коем случае ты не должен обольщаться и не сходить с пути повиновения». Когда Эйбек почувствовал прощение, снисхождение и милосердие халифа, он в ответ промолвил: «Ежели за мной будет доказана вина, то вот моя голова, а вот меч. Однако куда же направлено прощение и помилование халифа? Коварного везира див попутал, и в помраченном мозгу его появилась склонность и любовь к Хулагу-хану и монгольскому войску. Он клевещет на меня, дабы от себя отвести подозрения. Он против халифа, и между Хулагу-ханом и ним беспрерывно обращаются лазутчики». Халиф выразил ему расположение и сказал: «Впредь будь бдителен и благоразумен». Муджахид-ад-дин Эйбек вышел от халифа и высокомерно собрал вокруг себя множество бродяг и городских подонков, злоумышляя против халифа. Денно и нощно они служили ему. Халиф стал подозревать, собрал войска, чтобы его отразить, и смута и смятение в Багдаде возросли.

Тамошние жители были удручены Аббасидами, стали гнушаться ими и считали, что [наступил] последний час их могущества. Среди них появилось разногласие и [разгорелись] страсти. Халиф перепугался и повелел Фахр-ад-дину Дамгани, сахиб-дивану, успокоить смуту. Собственноручно он написал послание, что-де то, что говорят о даватдаре, клевета и ябеда, у нас к нему полное доверие и он-де под нашим покровительством. Это послание он отправил через ибн-Дарнуша к даватдару, чтобы он явился на служение к халифу. Снискав благоволение, [даватдар] с почетом и уважением вернулся. В городе кликнули клич, что речи, которые говорили о даватдаре, все ложны. В хутбе после поминания халифа поминали имя даватдара, и таким путем та смута была устранена.

Рассказ о походе Хулагу-хана на Багдад, обращении гонцов между ним и халифом и исходе тех обстоятельств

Идя на Багдад, Хулагу-хан 9-го числа месяца раби'алахыра 655 г. (26.IV. 1257) дошел до Динавера, а оттуда повернул обратно и прибыл в Тебриз[1] 12-го числа месяца раджаба (27.VII) того же года. 10-го числа месяца рамазана того же года он прибыл в Хамадан и послал гонца к халифу с угрозами и посулами...[2]

[1] В рукописи Института востоковедения Академии наук СССР название города опущено с оставлением пробела.

[2] Мы опускаем очень пространный рассказ об обмене послов между халифом и ханом, сохранив ту часть, из которой видно неустойчивое положение халифата в последнее перед нашествием монголов время.

В эту смутную пору, поскольку даватдар был плох с везиром, сволочь и городские подонки, подчиняясь ему, распространяли среди жителей слух, что везир заодно с Хулагу-[ханом], желает его победы и низвержения халифа и в этом имеется подозрение. Халиф снова через посредство Бадр ад-дина Дизбеги и казия Банданиджейна[1] отправил небольшое количество даров и возвестил: хотя-де государю и неведомо, однако пусть он справится у людей знающих, что до сих пор конец всякого государя, который покушался на род Аббасидов и обитель мира Багдад, был ужасен. Хотя-де на них покушались непреклонные государи и могущественные повелители, но основание этого державного здания оказалось чрезвычайно крепким и будет стоять незыблемо до дня воскресения из мертвых. В минувшие дни Я'куб, [сын] Лейса Саффари, покушался на современного [ему] халифа и с многочисленным войском устремился на Багдад, но, не достигнув цели, отдал душу от болезни живота. Точно так же пошел в поход его брат Амр. Его захватил Исма'ил ибн-Ахмед Самани и связанного отправил в Багдад, чтобы халиф совершил с ним то, что было предопределено судьбой. Из Мисра в Багдад пришел с превеликим войском Бесасири, схватил халифа и держал в заключении в Хадисе. Два года в Багдаде он читал хутбу и чеканил монету именем Мустансира, бывшего в Мисре халифом исмаилитов. В конце концов [это] стало известно Тогрул-беку, сельджуку. С громадной ратью он двинулся из Хорасана на Бесасири, взял его в плен и казнил, а халифа освободил из заключения, доставил в Багдад и посадил халифом. Султан Мухаммед, сельджук, тоже покушался на Багдад, но разбитый повернул назад и на пути скончался. Мухаммед Хорезмшах, злоумышляя истребить наш род, повел превеликое войско, однако по приговору гнева божьего был настигнут снежной бурей на горном перевале Асадабада и большая часть его войска погибла. Потерпев неудачу и понеся потери, он возвратился обратно и на острове Абескун потерпел от деда своего Чингис-хана то, что претерпел. Не будет добра государю от злых умыслов на род Аббасидов. Пусть он поразмыслит о сглазе вероломной судьбы. От этих слов гнев Хулагу-хана возрос...

...[Хулагу-хан] выступил в путь и расположился на берегу реки Хульван 9-го числа месяца зи-л-хиджджэ 655 г. (18. XII. 1257). Там он пребывал до 22-го числа того же месяца (31. XII. 1257 г.). В те дни Китбука-нойон взял многие города Луристана добром и силой. 11-го числа джакшабата-месяца года змеи, соответствующего 9-му числу месяца мухаррама 656 г. (16. II. 1258), Байджу-нойон, Бука-Тимур и

[1] В тексте — Банданиджан.

Сунджак в назначенный срок, дорогой на Дуджейль, перейдя через Тигр, достигли окрестностей Нахр-и-Иса...[1]

Войска разом вошли в город и предавали огню сырое и сухое, кроме домов немногих аркаунов и некоторых чужеземцев. В пятницу 9-го числа месяца сафара Хулагу-хан въехал в город для осмотра дворца халифа. Он расположился во [дворце?]... и пировал с эмирами. Он повелел призвать халифа и сказал: «Ты хозяин, а мы гости, покажи-ка, что у тебя есть для нас подходящего». Халиф понял правду этих слов, задрожал от страха и так перепугался, что не мог припомнить, где ключи от хранилищ. Он приказал сломать несколько замков и поднес на служение 2000 халатов, 10 000 динаров и сколько-то редкостных предметов, усыпанных драгоценными камнями украшений и жемчугом. Хулагу-хан не оказал им внимания, все подарил эмирам и присутствовавшим и сказал халифу: «Богатства, которые у тебя на земле, они явны и принадлежат моим слугам, а ты скажи о схороненных кладах, каковы они да где». Халиф признался в [существовании] водоема, полного золота, посередине дворца. Его разрыли, и он оказался полным червонного золота, все в слитках по 100 мискалей.

Было повелено пересчитать халифские гаремы. Подробно было перечислено 700 жен и наложниц и 1000 человек прислуги. Когда халиф узнал о переписи гарема, он смиренно взмолился и сказал: «Обитательниц гарема, которых не озаряли солнце и луна, подари мне». [Хулагу-хан] сказал: «Из 700 выбери 100, а остальных оставь». Халиф увел с собой 100 женщин из близких и родных. Ночной порой Хулагу-хан вернулся в ставку и наутро приказал, чтобы Сунджак отправился в город и отобрал все имущество халифа и отправил его [из города]. Короче говоря, все, что собирали в течение 600 лет, горами нагромоздили вокруг ханской ставки. Большая часть почитаемых мест, как-то: соборная мечеть халифов, гробница Мусы Джавада, да будет над ним мир, и могильные склепы Русафы были сожжены...

В конце дня в среду 14-го числа месяца сафара лета 656 (20. II. 1258) в деревне Вакф дело халифа прикончили вместе со старшим сыном и пятью слугами, которые при нем состояли.

На другой день казнили прочих, которые стояли с ним у ворот Кальваза. Ни одного Аббасида, кого нашли, не оставили в живых, кроме немногих... В пятницу 16-го числа месяца сафара (23. II) среднего сына халифа отправили к отцу и братьям, и власть халифов из рода Аббасидов, которые

---

[1] Далее следует рассказ о неудачной обороне и сдаче г. Багдада монголам.

восседали [на престоле] после рода Омейядов, пресеклась. Срок их халифата был 525 лет, а числом их было 37 человек согласно тому, как они именуются и перечисляются [ниже]: Саффах, Мансур, Махди, Хади, Рашид, Амин, Ма'мун, Му'тасим, Васик, Мутаваккиль, Мунтасир, Муста'ин, Му'тазз, Мухтади, Му'тамид, Му'тадид, Муктафи, Муктадир, Қахир, Ради, Муттаки, Мустакфи, Мути, Таи, Қадир, Қаим, Муктади, Мустазхир, Мустаршид, Рашид, Муктафи, Мустанджид, Мустади, Насир, Захир, Мустансир, Муста'сим. [Последний] халифствовал 17 лет.

Рашид ад-Дин, Сборник летописей, т. III, М. — Л., 1946, стр. 33—47.

II. ЕГИПЕТ В XI—XV вв.

5. Египетские города

г. Тиннис

Тиннис — это красивый город, он лежит на острове так далеко от суши, что даже с крыш города не видно берегов. В городе много жителей, есть красивые базары и две мечети. Я полагаю, что там около 10 000 лавок, 100 лавок имеют москательщики.

Летом на базарах продают кешкаб [1], потому что город лежит в теплом климате и там много болезней.

Там ткут цветные материи, называемые касаб, для тюрбанов, женских платьев и панталон. Такого цветного касаба не ткут нигде. Белый касаб ткут в Дамиэтте, а тех материй, которые ткутся в султанских мастерских, никому не продают и никому не дарят.

Я слыхал, что правитель Фарса послал в Тиннис 20 000 динаров, чтобы ему купили одежду из султанских материй. Его посланцы провели там несколько лет и так и не смогли ничего купить.

Есть там известные ткачи, и одному из них, соткавшему тюрбан для египетского султана, султан приказал дать 500 магрибинских динаров. Я видел этот тюрбан, и мне говорили, что он стоит 4000 магрибинских динаров.

В г. Тиннисе ткут «бу-каламун» [2], равного которому нет во всем мире. Это золотая ткань, которая во всякое время

---

[1] Так называются два вида напитков: один — засушенное кислое молоко, разведенное в воде, а другой — нечто вроде пива, изготовляемый из перебродившего ячменя с примесью мяты, руты, перца, лимонных листьев и других приправ.

[2] Бу-каламун — хамелеон.

дня отливает другим цветом. Эту ткань из Тинниса вывозят и на Запад, и на Восток.

...В г. Тиннисе около 50 000 жителей и более 1000 кораблей постоянно привязано у берегов. Большая часть их принадлежит купцам, но много также и султанских, потому что все, что может понадобиться в деле, туда надо привозить, а в самом городе ничего нет. Так как это остров, то сношения с ним возможны только при помощи кораблей.

Там постоянно стоит сильный вооруженный гарнизон из предосторожности на случай, если бы франкам или румийцам вздумалось напасть на остров.

Я слыхал от верных людей, что оттуда ежедневно поступает 1000 магрибинских динаров в казну египетского султана и сумма эта сдается сразу в один назначенный день. Собирает подать один человек, которому жители города передают их в установленный день, а он уже доставляет эти деньги в казначейство. При этом никто не отказывается платить и ни у кого ничего не отбирают силой.

За касаб и бу-каламун, которые ткутся для султана, казна платит полную стоимость, так что люди охотно работают на султана; это не так, как в других странах, где диван и султан принуждают ремесленников к тяжелой работе.

Из бу-каламуна делают также ткани для носилок, укрепленных на верблюдах, и подседельники, предназначенные для султанских приближенных.

Фрукты и все продовольствие в город привозят из деревень Египта.

Там выделывают также железные инструменты, как, например, ножницы, ножи и тому подобное. Я видал ножницы, привезенные оттуда в Египет, за которые спрашивали 5 магрибинских динаров. Они были устроены так, что, когда вынимали гвоздь, их можно было разнять, а когда его снова вкладывали, они резали.

...Когда Нил подходит к морю, он разделяется на отдельные русла. То русло, по которому ехали мы, называлось Румийским. Судно продолжало подниматься, пока не прибыли в город, называемый Салихийэ. Это селение, полное товаров и запасов продовольствия. Там строят много кораблей, каждый вместимостью в 200 харваров [1]. Товары везут в Миср [2] и доставляют к самым дверям бакалейных лавок по воде, ибо на спинах вьючных животных и нельзя было бы доставлять в этот город провизию, такая там давка на улицах.

---

[1] Харвар — букв. «ослиный вьюк» — столько, сколько сможет поднять осел; считается равным 106 менам, но, как было сказано выше, мен — это тоже мера веса, точно не определена.

[2] Миср — старый Каир.

Я подсчитал, что в г. Каире должно быть не меньше 20 000 лавок, которые все принадлежат султану. Много лавок сдается, каждая за 10 магрибинских динаров в месяц и нет ни одной дешевле 2 динаров.

Караван-сараев, бань и прочих общественных зданий столько, что их пересчитать нет возможности, и все они — собственность султана, ибо ни один человек там не может обладать зданиями и недвижимостью, кроме того, что он выстроит сам.

Я слыхал, что в Каире и Мисре у султана 8000 домов, все они сдаются в наем и каждый месяц за них получают плату. Их отдают в пользование и берут назад по желанию нанимателя без какого бы то ни было принуждения.

Стены вокруг города нет, но здания так высоки, что они выше и прочнее стены. Каждый дворец и каждый павильон представляет собой крепость. Большая часть зданий в пять и в шесть этажей.

Для питья служит нильская вода, которую привозят на вьючных животных водовозы. В колодцах вода тем лучше, чем ближе они к Нилу; чем дальше они, тем вода солонее. Говорят, что в Мисре и Каире 50 000 вьючных животных, на которых водовозы в бурдюках возят воду. Водоносы, которые носят воду на своей спине в бронзовых кувшинах и маленьких мехах, ходят по узким переулкам, куда вьючное животное не может войти.

В городе между дворцами есть сады и деревья, поливают их колодезной водой. В султанском гареме есть особый гаремный сад, прекраснее которого не найти ничего. Там установлены гидравлические колеса, и при помощи их эти сады поливаются.

На крышах тоже насажены деревья и устроены беседки. В то время, когда я там был, дом площадью в 20 гезов на 12 сдавался за 15 магрибинских динаров в месяц. В том доме, где я жил, было четыре этажа, три из них отдавались за эту цену, а за верхний хозяину дома предлагали 5 магрибинских динаров в месяц, но он не соглашался и говорил: «Быть может, мне понадобится временами наезжать туда». Однако за тот год, что я там прожил, он не приехал и двух раз.

Дома эти так чисты и изящны, что можно было бы принять их за домики, сложенные из драгоценных камней, а не из извести, черепицы и камня. Все дома в Каире стоят отдельно, так что ни у кого деревья и здания не прилегают к чужой стене. Поэтому всякий, когда пожелает, может сносить

и вновь отстраивать свой дом, и никому от этого не будет вреда.

Было там еще и много людей других профессий, как, например, ораторы, литераторы, поэты, законоведы, и все они состояли на жалованьи у султана.

При этом никто из вельмож не получал меньше 500 динаров жалованья, а были и такие, которые получали 2000 магрибинских динаров. Дела у них не было никакого, только, когда везир открывал собрание, они должны были пойти поклониться ему, а затем снова могли идти по домам.

Если поглядеть издали на г. Миср, то кажется, что это гора. Там есть дома в 14 этажей друг над другом, есть здания и в 7 этажей. Я слыхал от верного человека, что кто-то из жителей посадил на крыше семиэтажного дома сад, доставил туда теленка и вскармливал его, пока он не вырос. Тогда он устроил там гидравлическое колесо, которое этот бык приводил в движение и таким образом поднимал воду. На этой крыше он посадил сладкие и кислые апельсины, бананы и другие деревья, которые все приносили плоды. Он выращивал там также цветы и разные растения.

От одного почтенного купца я слыхал, что в Мисре много домов, где есть наемные комнаты, т. е. комнаты, отдающиеся в наем. Площадь таких домов — 30 арашей в квадрате, и в них помещается 650 человек.

Там есть базары и переулки, где постоянно горят светильники, потому что свет туда никогда не попадает: они служат только для прохода.

С северной стороны мечети лежит базар, называемый Сук-ал-Канадилем[1]. Подобных базаров нет ни в одной стране: там можно найти все диковины, какие только бывают в мире. Я видел там изделия из черепахи, как, например, ларчики, гребенки, ручки для ножей и тому подобное; видел также чрезвычайно красивый хрусталь, который обрабатывают искусные мастера, его привозят из Магриба, но говорят, что поблизости, в море Кулзум, нашли хрусталь лучше и прекраснее магрибинского. Видел я также слоновую кость, привезенную с Занзибара: там было много кусков, весивших больше 200 мен. Была там также бычья шкура, привезенная из Абиссинии, напоминавшая шкуру леопарда; из нее делают обувь. Из Абиссинии же была привезена домашняя птица довольно большого роста, с белыми крапинками и хохолком на голове, как у павлина.

В Мисре производят много меду, а также и сахару.

3-го числа месяца дея старого календаря, 416 г. (18. XII. 1048) по персидскому счислению я в один и тот же день видел

[1] Сук-ал-Канадиль — базар лампад.

вместе следующие плоды и растения: красные розы, лотосы, нарциссы, сладкие и кислые апельсины, лимоны, яблоки, жасмин, дыню, айву, гранаты, груши, арбузы, дыни «дестенбуй» [1], бананы, маслины, свежую мироболану, свежие финики, виноград, сахарный тростник, баклажаны, свежую тыкву, редьку, репу, свеклу, свежие бобы, огурцы, свежий лук, морковь. Всякий, кто подумает, как можно собрать вместе эти плоды и овощи, из которых одни — осенние, другие — весенние, третьи — летние, четвертые — зимние, мне, вероятно, не поверит; однако я не имею никаких поводов обманывать и пишу только про то, что видел. Если же я пишу про что-нибудь, что я слыхал, то за это я отвечать не могу, ибо Египет — страна очень обширная, климат там самый разнообразный — и холодный и жаркий, а со всех концов страны товары везут в город, и часть их продают на базарах.

В Мисре вырабатывают самые различные сорта фаянса, столь изящного и прочного, что, когда снаружи к нему прикоснуться рукой, ее видно насквозь. Делают из него бокалы, чаши, блюда и тому подобные вещи; затем их раскрашивают цветами бу-каламуна, так что с какой стороны ни посмотреть, каждый раз цвет будет другой.

Там выделывают также стекло, чистое и ясное, похожее на хризолит; продают его на вес.

Я слыхал от одного почтенного торговца галантереей, что за одну драхму веревки в Мисре дают 3 магрибинских динара, что равняется 3,5 динара нишапурского. Когда же я спросил в Нишапуре, сколько стоит самая лучшая веревка, мне сказали, что веревка, подобно которой не найти, продается по 5 дирхемов за драхму веса.

Город Мисо лежит вдоль берега Нила, и много павильонов и вышек поставлено так, что обитатели их, если захотят, могут поднимать к себе воду из Нила на веревке. Однако всю воду в город привозят из Нила водовозы: одни — на верблюдах, другие — на спине. Я видел кувшин из дамасской бронзы, вмещавший 3 мена воды; он так блестел, что его можно было принять за золотой.

Один человек мне рассказывал, что там есть женщина, у которой 5000 таких кувшинов. Она отдает их напрокат и за каждый кувшин берет дирхем в месяц; когда кувшин возвращают назад, нужно, чтобы он был в целости и сохранности.

В Мисре столько лодок и судов, сколько не найдется в Багдаде и Басре, взятых вместе.

Торговцы на базарах в Мисре, когда продают что-нибудь, говорят правду, а если кто-нибудь солжет покупателю, его

[1] Небольшой желтоватый плод вроде маленькой дыни.

сажают на верблюда, дают ему в руку колокольчик и водят по городу, при этом он должен звонить в колокольчик и кричать: «Я сказал неправду и теперь несу наказание, ибо всякий, кто солжет, достоин наказания!»

На базаре в Мисре все бакалейщики, москательщики и торговцы мелким товаром, когда продают что-нибудь, сами дают упаковку — стекло или фаянсовый горшок, или бумагу, так что покупателю не нужно брать с собой ничего для упаковки.

Масло для горения там выжимают из семян репы и свеклы и называют его «зейт харр»[1]. Сезама там мало, и масло из него дорогое, а оливковое масло дешевое. Фисташки там дороже миндаля, а 10 мен очищенного миндаля никогда не бывают дороже 1 динара.

Базарные торговцы и лавочники садятся на оседланных ослов, когда едут на базар или возвращаются назад. На всех углах улиц держат много красиво оседланных ослов: если кто-нибудь желает, может сесть на них, плату за это берут совсем небольшую. Говорят, что там 50 000 верховых животных, которых каждый день оседлывают и отдают в наем. На лошадях, кроме воинов и солдат, никто не ездит, т. е. не ездят базарные торговцы, крестьяне, ремесленники и чиновники.

Я видел там одного христианина, одного из самых богатых людей в Египте. Говорили, что количество его кораблей, его движимости и недвижимости невозможно сосчитать. Как-то раз вода в Ниле не поднялась до настоящего уровня, и зерно вздорожало. Тогда везир султана призвал этого христианина и сказал: «Нынче недобрый год, сердце султана гнетут заботы о народе. Дай столько зерна, сколько можешь, хочешь за деньги, хочешь в долг». По счастью султана и везиря его, ответил христианин, у меня заготовлено столько зерна, что шесть лет я могу снабжать Миср хлебом. А в это время в Мисре, несомненно, жителей было в 5 раз больше, чем в Нишапуре. Тот, кто знаком с арифметикой, сможет вычислить, каковы должны быть богатства человека, обладающего таким количеством зерна.

...Я видел там караван-сарай, называвшийся Дар-ал-Везиром, где жили торговцы касабом, в нижнем этаже жили портные, а в верхнем — штопольщики. Я спросил заведующего, какой доход приносит этот караван-сарай. Он ответил: каждый год 20 000 магрибинских динаров; однако в данный момент один угол здания обрушился и его вновь отстраивают, тем не менее и сейчас мы имеем дохода 1000 динаров в месяц, т. е. 12 000 в год. Мне говорили, что в городе

[1] Горячее масло.

больше этого караван-сарая нет, но таких же ханов около 200.

Безопасность и спокойствие жителей Египта доходят до того, что торговцы галантерейным товаром, менялы и ювелиры даже не закрывают дверей: они натягивают только перед ними сетку, и никто не решается украсть что-нибудь.

...Кадий кадиев получает 2000 магрибинских динаров жалованья, и все прочие кадии — соответственно своему посту, дабы никто не зарился на чужое добро и не причинял зла людям.

г. Айдаб

Город Айдаб лежит на берегу моря, там есть мечеть, жителей около 500 человек. Он подчинен египетскому султану. В городе находится таможня, так как туда прибывают суда из Абиссинии, Занзибара и Йемена, оттуда товары везут на верблюдах по той пустыне, по которой ехали мы до Ассуана, а из Ассуана на судах по реке Нилу доставляют в Миср.

Насир-и-Хусрау, Сафар-намэ (Книга путешествия), М. — Л., 1933, стр. 94—131, 144.

6. Политическое положение в Северной Африке в XIII в.

Йахйа ибн-Халдун, «Книга истории династии Бану абд ал-вад»

Глава третья

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О первоначальном выступлении племени абд ал-вад

Это благословенное аллахом племя, как мы об этом уже говорили, постоянно обитало в пустыне. Временами в поисках пастбищ, как заведено у кочевников, оно достигало Телл-Тлемсена. В 612 г. (2. V. 1215—19. IV. 1216) оно заняло область между Теллем и Сахарой, которую оно облюбовало из-за ее плодородия, обилия растительности и жизненных средств. Оно определило ее местом весенних стоянок и в отличие от бану марин признало над собой власть Алмохадов [1].

При царях той династии из этого племени выходили высшие чины. Преемники Абд ал-Му'мина ибн-Алия брали их

[1] Алмохады — правящая династия государства Алмохадов Северной Африки, основанная Мухаммадом ибн-Тумартом, который происходил из берберского племени масмуд. Алмохады вели войны против Алморавидов Марокко, Испании. После смерти основателя династии власть перешла к его близкому сподвижнику Абд ал-Му'мину ибн-Алию. Он происходил из берберского племени кумия, правил с 522 (1128) по 558 (1163) г. Вел войны против войск Алмохадов и захватил все их владения, в том числе и Тлемсен.

своими помощниками, опекунами и защитниками земли Тлемсена.

В то время, с 623 г. (1226), конца правления Абд ал-Вахида ибн-Махлу ибн-Йусуфа ал-Асрий ибн-Абд ал-Му'мин ибн-Алия[1], брата Йа'куба ал-Мансура[2], и начала правления Абдаллаха ал-Адила[3] Йа'куба ал-Мансура по причине беспорядков в государстве Алмохадов шла война с переменным успехом между Алмохадами и бану маринами.

С этого времени начались попытки племени абд ал-вад овладеть страной. Оно приступило к подчинению ее своей власти. Всадники этого племени взбудораживали население страны и рыскали по ее долинам и горам. Каждый ее отдел овладел частью территории страны и заключил договор о предоставлении ее жителям гарантии мира, неприкосновенности жилищ, имущества и личности, а они признавали верховную власть племени абд ал-вад.

В это время власть над всеми этими отделами принадлежала главе самого большого племени Джабиру ибн-Йусуфу ибн-Мухаммаду ибн-Занджану ибн-Нидуксан ибн-Та'аллаху.

Племянникам последнего по мужской линии принадлежали все пригодные для заселения места земли Тлемсена и окружающей его местности. Они хорошо обращались с жителями этой земли. Они выполняли гарантию, которая была дана этим последним, согласно договору, пока дела их в стране стали прочными, а ее жители укрепили в сердцах своих любовь к ним. Могущество их в государстве Алмохадов росло непрерывно вплоть до правления ал-Ма'муна ибн-Йа'куба ал-Мансура ибн Йусуфа ал-Асри[4]. Это дата начала им мощной власти и перехода ее от преемников Идриса к ним.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О причине перехода власти к племени абд ал-вад

Эта причина заключается в том, что ал-Хасан ибн-Хаийан ал-Куми, тогдашний наместник области Тлемсена, не любил абд ал-вад и тяготился своими соседями. Потом он побудил ас-Саида Абу Са'ид Усмана, который был братом повелителя

---

[1] Абд ал-Вахид ибн-Махлу — повелитель из династии Алмохадов, правил с 620 (1225) по 621 (1224) г.

[2] Абу Йусуф Йа'куб ал-Мансур — повелитель из династии Алмохадов, правил с 580 (1184/85) по 595 (1198/99) г.

[3] Абдаллах ал-Адил — повелитель из династии Алмохадов, правил с 621 (1224) по 624 (1226/27) г.

[4] Ал-Ма'мун ибн-Йа'куб — повелитель из династии Алмохадов, правил с 624 (1226/27) по 630 (1232/33) г.

правоверных Идриса ал-Ма'муна и правителем города Тлемсена, схватить знать этого племени. Он поступил таким образом и заточил знать абд ал-вад в крепости Дар ал-Наринд до тех пор, пока Ибрагим ибн-Исмаил ибн-Алан ас-Санхаджи, шейх алморавидской пехоты, которая в то время стояла в Тлемсене, не заступился за эту знать. Однако заступничество было отклонено, и он обиделся на него. Из чувства любви к Алморавидам он собрал своих подчиненных, похитил ал-Хасана ибн-Хаийана и умертвил его. Он освободил знать абд ал-вад и на ее место заточил ас-Саида Абу Саида. Он объявил о низложении Алмохадов и попытался восстановить умершее государство Алморавидов. У него возникла злая мысль добиться господства, а это было возможно лишь после умерщвления Джабира ибн-Йусуфа и шейхов племени абд ал-вад. Он построил план их истребления, выступил против них во главе восьми человек из близких, приглашая приехать их в город для присутствия на пиршестве у него.

Однако весть о его намерении дошла до них, они схватили Ибрахима ибн-Исмаила и его сподвижников и заточили. Джабир ибн-Йусуф со своими братьями вступил в город и выступил с призывом в пользу халифа ал-Ма'муна. Он занял здание эмира, сосредоточил в своих руках все дела и правил самостоятельно, упоминая имя ал-Ма'муна лишь с минбара, на динарах, дирхемах и при подобных внешних проявлениях признания верховенства Алмохадов.

Это было начало возникновения государства Абд ал-Вад, восходом его солнца, началом его пятикнижия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О тех, кто правил без деспотии

Первый из них — Джабир ибн-Йусуф, царь Тлемсена от имени ал-Ма'муна, как было сказано в 627 г. (20. XI. 1229—8. XI. 1230). Он первый, кто сорвал с потомков Абд ал-Ма'муна одежду власти. У главы государства Алмохадов от преклонного возраста поседели волосы, и старость приковала его к сидению. Цари Алмохадов довольствовались номинальной покорностью Джабира. Они жили спокойно, закрывая глаза на его действия из-за страха перед мощью его власти. Джабиру ибн-Йусуфу изъявили покорность все отделы племени абд ал-вад, так же как весь бану рашид. Все местности, не считая только Надрума, присягнули Джабиру ибн-Йусуфу. Он выступил против Надрума и взял его за горло. Стрела, пущенная с городской стены, уложила Йусуфа — да помилует его аллах — на месте. Это произошло в конце 629 г. (29. X. 1231—17. XI. 1232). Он правил около

трех лет, а после него сын его ал-Хасан — 6 месяцев, а потом уступил власть своему дяде Усману ибн-Йусуфу, брату Джабира.

Усман пришел к власти в начале 630 г. (12. X. 1232). Был он грубый и жестокий, народ тяготился его властью и в месяце раджабе 631 г. (2. IV—1. V. 1233) изгнал его из Тлемсена. Правил он около полутора лет.

После него дело правления взял на себя Абу Узза Зайдан ибн-Заййан ибн-Сабит ибн-Мухаммад, став царем за упомянутым Усманом по единодушному решению всего его племени, не считая бану мутаххар. Был он человеком, не знающим страха в бедственном положении и усталости в важных делах.

Бану мутаффары, получив поддержку от бану рашид, начали войну против него. Война между ними шла с переменным успехом, пока его не убили — да помилует его аллах — в окрестности Тлемсена в 633 г. (16. IX. 1236—3. IX. 1236). Правил он около трех лет. С его смертью молитва за Алмохидов в Тлемсене и его области прекратилась. С приходом к власти его брата, повелителя мусульман Абу Йоахйа Йагмарсна ибн Заийан — да благословит его аллах — в этом городе росла слава власти династии Абд ал-вад.

«Histoire des Beni 'Abd el-Wâd rois des Tlemsen jusqu'au regne d'Abon h'Ammon Moûsa II par Abou Zakarya Yah'ia ibn Khaldoun», ed. par A. Bel, Alger, 1904. (На араб. яз.) p. 104—108.

ТУРЦИЯ В XIV—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Образовавшееся к началу XIV в. Османское феодальное государство после насильственного включения в свои владения значительной части Балканского полуострова, всей Малой Азии и Крымского полуострова к концу XV в. превратилось в многоплеменную империю.

С самого начала турецких завоеваний в Малой Азии, а затем на Балканах, по мере того как стал формироваться аппарат военной и гражданской администрации Османского государства, турецкие султаны все активнее привлекали к своему двору законоведов и богословов, поэтов, историографов и ученых. Задача их состояла в том, чтобы содействовать совершенствованию всех форм государственного управления и вместе с тем прославлять деятельность и ратные подвиги турецких султанов. Так, у турок широкое развитие получила традиция исторического летописания, воспринятая от арабов и персов. Благодаря этому в истории Османского государства нет периода, который бы не был записан в исторических летописях.

Исключительно четко была разработана турецкими законоведами и система военной и гражданской администрации. Чиновникам различных государственных ведомств как в центре, так и провинциях вменялось в обязанность заносить в особые книги все издаваемые от имени султана указы, грамоты и распоряжения, а также получаемые из провинций донесения, письма, прошения и т. п. Судебные решения всех инстанций также заносились в специальные книги. Благодаря частым переписям земель и жителей провинций, а также различного рода имущества составлялись многочисленные реестры, содержащие бесценные социально-экономические данные для истории. В свою очередь регистрировалась и копировалась в особые книги и вся документация в провинциях. Большую часть этих материалов сдавали в казну и тщательно

сохраняли в особых кладовых. Сохранению документации способствовали также мечети, различные благотворительные учреждения и шариатские суды. Таким образом, в архивах Турции и многих стран, входивших в состав Османской империи (в Болгарии, Югославии, Албании, ряде арабских стран), сохранились десятки миллионов турецких архивных документов самого разнообразного содержания.

Серьезной разработкой турецких исторических архивов западные и турецкие ученые стали заниматься только в последние 30—50 лет. К настоящему времени опубликована лишь ничтожная доля этих богатейших материалов. Однако то, что уже стало достоянием науки, свидетельствует об огромном значении всех этих источников для изучения истории не только турецкого, но и всех народов, входивших в состав Османской империи.

Документальных материалов, относящихся к XIV—XV вв., опубликовано еще немного. Для настоящего издания мы постарались отобрать источники, которые дали бы представление о разных сторонах жизни Османского государства. Общую характеристику начального периода турецкой истории в Малой Азии можно составить на основе интересных сведений, сообщаемых средневековыми летописными сочинениями.

Ашикпашазаде (1400 — после 1495-го) — автор хроники, называемой «История династии Османа», и Мехмед Нешри (ум. ок. 1520 г.) в своей «Истории Нешри» описывают события от возникновения Османского государства до конца XV в. Публикуемые из них извлечения (док. № 1, 2) дают представление о характере полулегендарных известий о первом периоде турецкого государства и деятельности его правителей, направленной на создание военных сил, о первых законодательных положениях и распределении завоеванных земель среди приближенных и родичей государей.

Компилятивный летописный свод «Удивительные события» автора XVII в. Хюсейна (ум. ок. 1650 г.) вобрал в себя сведения из многих хроник XIV и XV вв. Отрывок из этого сочинения (док. № 3) доносит до нас отзвуки известий о законодательной деятельности султана Орхана (1326—1359) и организации им пехотного войска. Следует помнить, что материалы хроник нельзя считать абсолютно точными, они всегда носят на себе печать субъективных суждений их авторов и поэтому нуждаются в проверке и уточнении. Этой цели и служат официальные документы.

Один из наиболее ранних дошедший до нас документ середины XIV в. представляет собой дарственную грамоту султана Орхана, которая подтверждает факт передачи султаном земельных владений в полную собственность одному военачальнику (док. № 4).

Надпись, высеченная на стене в саду школы при мечети (медресе) правителем Гермиянского бейлика в Кютахье Якубом Челеби (док. № 5), свидетельствует о том, что после присоединения его земель к владениям османских султанов он служил Баезиду I (1389—1402 гг.) и Мехмеду I (1403—1421 гг.), при этом не только сохранил, но и умножил свои владения. Он отказал их на благотворительные цели (в вакф). Важно, что при этом был определен наследственный доход в пользу назначенных им управителей этого вакфа. Такого рода вакуфные владения служили надежным способом сохранения наследственного дохода в руках одной семьи из поколения в поколение без страха конфискации их государством.

Док. № 6 представляет собой образец султанской дарственной грамоты 2-й половины XV в.

В док. № 7 собраны образцы описи тимарных (ленных) владений феодалов в завоеванных землях Албании. Из этих реестров можно извлечь чрезвычайно ценные данные о происхождении феодалов в данной местности, о составе и доходе с их владений, а записи на полях, которые относятся к более позднему периоду, чем время составления реестра, позволяют установить, кому и как передавались земли и какие обязанности возлагались на их держателей.

Наконец, под № 8 даны извлечения из первого дошедшего до нас свода законов султана Мехмеда II (1431—1481 гг.), в котором изложены статьи о наказаниях за различные провинности и статьи о правах феодалов и обязанностях крестьян.

Материалы подобрала и перевела *А. С. Тверитинова.*

I. ОБРАЗОВАНИЕ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

1. Из летописи Ашикпашазаде «Таварих-и Ал-и Осман»

Рассказ о начале государства Османского

Дедом Османа-гази [1] был Сулейман-шах. Причина прихода последнего в Рум [2] следующая. Во времена Аббасидов [3] армия арабов покорила Рум и Иран. Но Иран выставил на своих границах тюрок, и арабы были разбиты. Вот почему мусульмане тогда не покорили неверных [4].

---

[1] Гази — «победитель неверных», «борец за веру» — почетный титул.

[2] Рум — Малая Азия, византийские и сельджукские владения в Малой Азии.

[3] Аббасиды — династия арабских халифов (750—1258).

[4] Неверные — неверующие, немусульмане.

Потом иранские беи объединились, чтобы изгнать тех великих кочевых тюрок. К Сулейман-шаху присоединились со своими шатрами до 50 000 кочевых туркмен и татар. Они откочевали от Эрзинджана в Земли Рума и оставались там лет шесть. Но Сулейман-шах, решив проявить отвагу, снова направился в страну тюрок (Тюркистан) и прибыл в область Халеба к крепости Джафар. При переправе через Евфрат он утонул и был похоронен на берегу. Находившиеся с ним кочевники рассеялись. Некоторые остались с сыновьями Сулейман-шаха, а их было трое: Сункар Текин, Эртогрул и Гюн Догду. Два сына двинулись далее в путь, а Эртогрул с 400 кибиток вернулся в земли султана Алаэддина [1]. Разбив по дороге противников султана, [Эртогрул] сам сделался правителем. У Эртогрула было три сына: Осман, Гюндюз и Саруяты. Эртогрул послал своего сына Саруяты к Алаэддину: «Пусть он покажет нам место». Султан Алаэддин дал им область Сёгюд, находящуюся между Караджа-хисаром и Биледжиком, кочевья Туманидж и Эрмени. Направившись через Энгирю [2], они прибыли в эти земли. Через некоторое время Эртогрул скончался... Существует много сказаний о приходе Эртогрула в Сёгюд. Я рассказал их суть. В Сёгуде Осман встал на место отца. Тотчас началась вражда с Гермиянами [3]. Осман-гази начал завоевание земель.

О законе и постановлениях Османа-гази

Когда после завоевания Караджа-хисара Осман-гази назначил судью (кадия) и военачальника (субаши), они потребовали законов. Из Гермияна прибыл некий человек и сказал:

— Продайте мне пошлину (бадж) с этого базара.

Эти люди [4] ответили:

— Пойдем-ка в дом.

Он пришел и повторил сказанное. Осман-гази спросил:

— А что такое бадж?

Тот человек ответил:

— Со всякого, кто придет на базар, я возьму деньги.

— Разве ты продал что-нибудь людям на этом базаре, что возьмешь с них деньги? — сказал Осман-гази.

— Хан мой, таков обычай, — ответил тот. — Во всех землях падишахи берут.

---

[1] Имеется в виду правитель государства Сельджукидов в Малой Азии или Румского султаната, султан Алаэддин Кейкубад III (правил с перерывами с 1284 по 1304 г.).

[2] Энгирю — византийская Анкира, современная Анкара.

[3] Гермияны — правители княжества на западе Малой Азии, образовавшегося после распада Сельджукского государства.

[4] Имеются в виду кадпи и субащи.

— Это что же, — спросил Осман-гази, — бог повелел, или беи сами установили?

— Это обычай, хан мой, он установлен издавна, — ответил тот.

Осман-гази страшно рассердился.

— Разве полученная кем-либо выгода может принадлежать другому? — сказал он. — Как это я могу вмешаться и взять с кого-то деньги? Уходи-ка ты и не говори больше таких слов, — иначе тебе плохо будет.

Тогда заговорили [кадии и субаши]:

— Хан, это обычай, установленный беями на этом базаре. Пусть хоть что-нибудь платят.

— Ну раз вы так говорите, — сказал Осман-гази, — то пусть каждый, кто принесет на рынок вьюк (товара) и продаст, платит 2 акче[1], а если не продаст, то пусть ничего не платит. Кто нарушит этот закон, то пусть всевышний покарает его. И еще: тимар[2], который я дам кому-либо, пусть без причины не отнимают. А если тот, кому я дал тимар, умрет, то пусть передадут сыну его. Если сын мал, то все равно пусть передадут, чтобы во время войны слуги его ходили в поход до тех пор, пока он сам не станет пригодным.

Кому Осман раздал тимары завоеванных областей

Санджак[3] Караджа-хисар, называемый также Инёню, он отдал сыну своему Орхан-бею, должность военачальника (субаши) — брату Гюндюзу, Яр-хисар — Хасану Али, который был его лучшим соратником из тех, что пришли вместе с ними. Инегёль он отдал Торгуду Али. Имя этого достойного человека знаменито до сих пор. В области Инегёль имеется деревня, которая называется Торгуд-или. Тестю Эдебали он дал в качестве тимара доход с Биледжика. В Биледжике с отцом он оставил и свою жену. Сам же направился в Енишехри.

О завоевании Енишехри

Осман-гази захватил всю область Енишехри и распорядился справедливо. Газии веселились. Каждому из них он дал деревни. Каждого облагодетельствовал по его достоинству. Собравшиеся к Осману газии набрались сил. Они постоянно хотели воевать.

Aşikpaşazade, Tevarih-i Al-i Osman, Istanbul, 1913, стр. 3—4, 20—21, 23.

---

[1] Акче — мелкая серебряная монета разного достоинства в разное время.

[2] Тимар — «кормление», «содержание», пожалованная в лен земля.

[3] Санджак — край, область.

2. Из летописи Мехмеда Нешри «Тарих-и Нешри»

Рассказ о вступлении на престол Орхана во владениях Османа. Когда Осман был похоронен в Бурсе, Орхан и его брат Алаэддин пришли в обитель Ахи Хасана, где собрались знатные люди, чтобы распределить имущество Османа между его сыновьями. Кроме завоеванных областей, никакой казны не было — ни золота, ни серебра. Осталось еще кой-какая одежда Османа из местной ткани, несколько красных знамен прежних владетелей Алашехира, несколько табунов славных коней и овечьих стад. Знатные утвердили наследником и султаном Османа, который назначил Алаэддина своим везиром.

Mehmed Neşri, Ķitab-i cihan-nümâ,
Neşri tarihi, c. I—II, Ankara, 1941—1957,
t. I, S. 148—149.

3. Из летописи Хюсейна «Беда'и ул-века'и»

Об установлениях султана Орхана

При Орхане степень славы Османской династии возвысилась. Однажды ставший везиром Алаэддин сказал султану Орхану:

— Хвала всевышнему, знамя победы и султаната поднято, воины прибывают к вашей счастливой столице и собираются под вашим знаменем. Отныне по правилам султанов надлежит составить несколько законов. Прежде всего надо начать чеканить монеты от вашего имени. До сего времени мы признавали монеты, оставшиеся от сельджукидов. И не был еще приобретен большой город, подходящий для монетного двора. Теперь мы захватили такой огромный город, как Бурса.

Тогда султан назначил нужных людей и чеканилась монета. На одной стороне ее значилось: «Нет бога, кроме аллаха, и Мухаммед пророк его», а на другой стороне — «Султан Орхан сын Османа». Эта новая монета появилась в 729 [1328] году.

Второе суждение Алаэддина. Во всех самостоятельных владениях Рума и у их войска имеются особые одежды и отличительные знаки. Только у этого войска, ведущего войну с неверными, нет особой одежды и нет различия между сипахием [всадником]-господином и райятом [1]-простолюдином. Большинство правителей Рума надевают на голову золототканый колпак и корону. Большинство сипахиев надевают колпаки из красной материи, а некоторые — золоченые и

[1] Райят — подданный, приписной к земле феодала крестьянин.

черные колпаки. Вашему войску достойно было бы надевать колпаки из белой материи в знак почитания сунны (преданий) пророка, и это поднимает вас в глазах других правителей.

Султан Орхан принял этот совет и издал указ о том, чтобы войско его и гулямы[1] надевали белые колпаки. До периода султана Баезида Йылдырым-хана (1389—1402) шах и сипахии носили белые колпаки. Йылдырым-хан по совету эмира эмиров Тимурташ-паши для возвышения достоинства повелел определить войску своему одежду из белой материи, а эмирам и мирмиранам — из красной.

Третье суждение Алаэддина. Вследствие существующей вражды между мусульманами и идолопоклонниками[2] необходимо обязательное умножение войска для ведения многочисленных войн против неверных в обширных областях. Запишем в войско некоторое количество подрастающих мальчиков из турок с жалованьем по 1 акче в день и назовем [это войско] яя[3]. Каждой сотне назначим начальника из всадников (сювари)[4] и на каждую тысячу — одного бея. Когда придется идти в поход, пусть им выдается жалованье, а когда похода нет — жалованье их пусть остается в казне, они же в назначенных местах пусть обрабатывают землю и от положенных повинностей пусть будут свободны.

Орхан-хан, приняв и этот совет брата, дал наименование пехотному войску яя, поставил в качестве сотника (юзбаши) сювари под названием мюселлем и тысячника (бинбаши) под названием яя-бей. В качестве верховного военного судьи (кадиаскера) над этим войском был поставлен Кара Халил. Таким образом, это войско было присоединено к орхановой армии. Впоследствии, когда обнаружилась непригодность этого войска, появились янычары. После этого жалованья им уже не платили, однако, как и прежде, они занимались земледелием, освобождались от десятины (ушра) и [других] налогов и во время войны выполняли службу...

Алаэддин-паша и кадиаскер мевляна[5] Кара Халил стали снова советоваться об увеличении войска. Они представили султану Орхану следующее: «Большинство стран кяфиров с их детьми уже покорено; мужчины и женщины их превращены в рабов. Все они Ваши рабы и рабыни. Взять несколько тысяч из детей неверных дозволено и возможно».

Султан Орхан принял совет брата и дал указ о создании нового войска (ени чери).

---

[1] Гулямы — низшая категория воинов, обслуживавших ленников.
[2] Т. е. немусульманами.
[3] Яя — пехота, пехотное войско.
[4] Сувари — «всадник», феодал, владелец лена.
[5] Мевляна — «господин наш» (арабск.) — титул для ученых «улемов».

Вышеупомянутый [Алаэддин] выбрал некоторое количество близких к возмужалости мальчиков из кяфиров и дал им наименование «девширме» («сбор»). Затем он распределил их среди турок (знатных, ремесленников и простых людей — райятов), чтобы они обучились турецкому языку и рабскому служению. Через несколько лет этих мальчиков отобрали у турок и поместили в аджеми-огланы[1], а после этого выпустили ко двору. Вот этому новому отряду и дали наименование «новое войско» (ени чери, янычары). Им было положено жалованье по 1 акче в день с надбавкой за выслугу. В походах и при султанах они стали наиболее надежными слугами династии Османов.

Хюсейн, Беда'и ул-века'и (Удивительные события), ч. 1, М., ИВЛ, 1961 («Памятники литературы народов Востока», Тексты, Большая серия, т. XIV), т. I, л. 43б — 45б.

II. ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

4. Дарственная грамота султана Орхана

[Тугра][2]: Орхан сын Османа.

Причина написания сей грамоты состоит в том, что я, находясь в памяти и полном уме, будучи владетелем в моей стране, передал в полную собственность (мюльк) долину Памбуджак [такому-то], имеющему достоинство военачальника, да продлится слава его. Достаточно бога, как защитника, чтобы то, что принадлежит ему и на что требуется его соизволение и доброе дело во имя его, находилось в моих руках. Отныне пусть никто не касается его мюлька и не чинит помех и затруднений. Кто бы ни предъявил иск, тот иск будет напрасным. Для того, кто употребит насилие, в мусульманском законе не будет оправдания совершенному им изъятию.

Первая сторона границ этого владения — Караджа кая, другая — Эсарлык, третья — долина Козджагыз, четвертая — достигает земли Хатун до местности Пазарлубейказы, что находится напротив.

[Тот же] дал 18 кобылиц, производящих жеребцов для повелителя. Из них султан дал Сулейман-паше хорошего мула и гнедого коня, Мурад-бею —гнедого и рыжего коней, Халил-бею — одного коня, Ибрагим-бею — одного коня. А Хаджи-

---

[1] Аджеми-огланы — «чужеземные мальчики» — так было названо учреждение наподобие военной школы, где туркизированные в деревнях христианские мальчики подготавливались к несению военной службы. Было основано после завоевания Галиполи в 1356—1359 гг.

[2] Тугра — монограмма султана, которая стояла в начале каждого издаваемого от имени султана документа.

паше дал звание везира, красного шелка и почетный халат. Законные свидетели, которые присутствовали при составлении сей грамоты, упомянуты [ниже].

Присутствовали при этом: (перечислено 6 имен).

Написано в конце месяца Раби II, 749 (1348) г.

«Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi kılavuzu», I. fasikul, varaka I, Istanbul, 1938.

5. Надпись на медресе Якуба Челеби в Кютахье (1411 г.)

...Причина записи такова: великий эмир источник щедрости, великодушия, высокопоставленный и высокочтимый Якуб-бей, сын шаха Сулеймана, да будет длиться царствование его до предела времен, учредил сей имарет[1] для спасения в загробной жизни, и был завершен он в 814 году хиджры [1411]. Дверь его была открыта, и он начал действовать. Но через 5 месяцев после этого по причине нападения Караман-оглу[2], он в течение двух с половиной лет был заброшен.

Вслед за тем наступило время расширения царства повелителя [османов][3]. Он изгнал из этих мест Караман-оглу и, взяв обратно [имарет], передал его мне. В его царствование и по его милости снова были открыты двери дома сего, и он начал действовать. Дай бог, чтобы и время царства его было нескончаемо до судного дня. Мой дед Мехмед-бей[4] отнял Гюльди у неверных. Озеро Симав мой дед Мехмед также взял у неверных. По договоренности с наследниками я превратил в вакф эти владения вместе со всеми их пределами и деревнями, со всем, что принадлежит им внутри и вне их. Мехмед Худавендигяр, сын Баезид-хана, утвердил это и выдал грамоту. Затем я купил деревню Арслан Апа у сыновей Арслан Апы. У Кюрт-огланов я купил деревню Кюрт. А у султанского данышменда[5] в Гедизе я купил Чепни и Пынар-баши. У сына Хюсейн-бея я купил Илидже-су с рисовым арыком в его пределах. У Хызыр-бея, сына Омер-бея, я купил Армут-эли. А Омер-бей является сыном Ильяс-бея... Армут-эли и указанные выше деревни со всеми их границами я передал в вакф. У Айяс-оглу я купил также Айязхареми и превратил в вакф. Султан Мехмед и это принял и выдал

---

[1] Имарет — благотворительное заведение, странноприемный дом.

[2] Караман-оглу — правитель караманского бейлика, одного из княжеств, образовавшихся после распада Сельджукского государства в Малой Азии. Центром бейлика была Конья.

[3] Речь идет о султане Мехмеде Худавидигер (1403—1421).

[4] Мехмед-бей — один из правителей Гермиянского бейлика (ум. ок. 770 г., Хиджры, т. е. в 1368 г.).

[5] Данышменд — ученый, образованный человек, мудрец.

грамоту. Собственные владения деда моего Умур-бея[1], находящиеся между городом Кютахьей и Бёлджек, — чифтлик[2], дворцовый сад, гиацинтовый сад, Давут-харем, местность, у которой с одной стороны клеверный сад, а с другой — площадь, большая баня и сад в Сандыклы, сад в Чате, Сад канатных плясунов в Шейлю и деревня Караджа-агадж, которая принадлежит к Кютахье, — я по согласованию с наследниками передал в вакф. Это также было принято султаном Мехмедом, и он выдал грамоту. [Султан] Баезид купил у Инанч-оглу Исхак-бея баню Ходжи Омера, что находится в Денизли, земли у водяного ворота и два сада, что у ворот Хобер в Денизли. Султан Мехмед Худавендигяр передал все это своему слуге — мне. После этого я получил от мевлияна Кёсе два сада, которые находятся у ворот Хобер. Я отдал[3]... а остальное передал в вакф имарета... Все это султан Мехмед Худавендигяр утвердил и выдал грамоту. Новую баню, находящуюся в Кютахье, купил покойный... у Ильяс-бея, сына Сулейман-шаха. Я же передал ее в вакф, чтобы получали с нее доход и ежедневно совершали молитву.

И после этого я поставил управителем [вакфа] Исхак Факиха, чтобы он был им столько лет, сколько может. После него, если у него имеется подходящий сын, пусть будет он [управителем], а если у того сына будет подходящий сын, то пусть также станет он. Если же подходящего сына не окажется, то пусть будет тот, кого назначит царствующий султан. За обязанность управителя содержание пусть составит 5 акче в день и [еще] в год 6 мюдов[4] пшеницы городским мюдом. [Доход] с бани пусть идет на содержание субаши. Пусть все это будет содержанием управителя. Сеида Джафера я поставил шейхом пожизненно. После него шейхом пусть будут подходящие для этого сын и [после него] внук. А если подходящих не окажется, то пусть будет тот, кого назначит правящий султан. Содержание за обязанности шейха имарета пусть идет с дохода имарета по 5 акче в день, а также [доход] с деревни Секмен в области Армут и с клеверного сада в Кютахье. А тот, кто будет шейхом после них, пусть получает содержание по 10 акче в день и в год 6 мюдов пшеницы. Учителю в медресе [положено] содержание в день 6 акче, 6 мюдов пшеницы городским мюдом, три повозки дров и ежедневно две миски еды и 4 хлеба.

---

[1] Умур-бей — отец матери Якуб-бея.

[2] Чифтлик: 1) крестьянский земельный надел разного размера в зависимости от качества земли; 2) земельный участок, принадлежащий феодалу лично.

[3] Здесь и далее пропуск в тексте.

[4] Мюд — мера сыпучих тел разной емкости в разных местах. В Кютахье он был равен 20 стамбульским киле (1 киле — ок. 25 *кг*).

На 9 худжр[1] пусть выдают по 1 акче в день, по 1 мюду пшеницы в год городским мюдом и на каждую худжру по 2 повозки дров [в год], по 2 миски еды и 4 хлеба [в день]. Содержание имаму — по 3 акче в день, 6 мюдов пшеницы в год, муэдзину — по 2 акче в день и по 2 мюда пшеницы в год. Смотрителю — по 2 акче в день и по 2 мюда пшеницы в год. Пекарю — по 2 акче в день и по 2 мюда пшеницы в год. Пусть приготовляют ежедневно 4 батмана[2] мяса, не менее. Хлеб пусть будет свежим и доброкачественным. Лошадям прибывающих гостей пусть выдается корм до трех дней... По обычаю выдается вдоволь еды и хлеба находящимся там гостям и живущим рядом. После этого остаток раздается народу. Тем, кто заболеет, пусть приводят лекаря и заставят его лечить. А лекарю пусть выдают содержание и стоимость дров. Того, кто умрет, пусть завернут в саван и предадут земле. Сколько бы гостей ни останавливалось, пусть останавливаются и пусть не говорят им «уходите»[3]...

I. H. Uzunçarşilioglu, Kütahya şehri, Istanbul, 1932, S. 79—84.

6. Указ султана Мехмеда II кадию Бурсы (1432 г.)

Когда прибудет сей высочайший указ, да будет известно, что из пожалованного ранее славному и благородному шейху Хасану, да продлится слава его, тимара пахотное угодье деревни Одунджук, что находится в области Бурсы и записано с доходом в 667 акче, по недосмотру наместника (бейлербея) Анатолии было передано другому. В настоящее время это пахотное угодье закреплено за шейхом Хасаном. Пусть он владеет им, и никто не должен препятствовать ему в этом. А все, что тот получил из доходов этого угодья, присудите упомянутому [Хасану] и отберите. Знайте это! Год 883 (1480).

Halil Inalcik, Bursa Şeriye secillerinde Fatih sultan Mehmedin Fermanlari. «Belleten», c. XI, № 44, 1947, S. 699.

7. Образцы описи тимарных владений из подробного реестра земель области Арванид (Албания) 835 [1432] г.

Тимар Юсуфа. Переселился из Сарухина. Во времена покойного султана [в тимаре] кормился Кайит Яман. При нашем султане передали упомянутому Юсуфу. На руках у него имеется берат нашего султана.

---

[1] Худжра — келья для учащихся медресе.

[2] Батман — мера веса. В зависимости от области в Османском государстве она составляла от 2 до 6 окка, или от 2,5 до 7,5 *кг*.

[3] Последние строки надписи прочитать нельзя.

(Сам бюрюме[1] выводит одного джебелю[2]).

От деревни Чипозинад — доля: домов — 23, вдовых — 3. Доход 2374 акче.

От деревни Строжина — не заселена [первоначально домов 9]. Доход от незаписанных в реестр[3] 130 акче.

От церкви Айо-Панайя — не заселена, [первоначально 3 дома].

Всего: долей — 3, домов — 23, вдовых — 3. Доход 2504 акче.

Деревня Исмаки, подведомственная Пелашу. — [Ранее] кормился [там] Сеиди, он ее забросил; домов — 7, вдовых — 2. Доход 652 акче.

Тимар Баезида, сына Ченбера. Переселился из Сарухана. Во времена покойного султана кормился Хамза. При нашем султане передали упомянутому [Баезиду]. На руках у него имеется берат нашего султана.

[Записи на полях]:

I. Этот тимар находился в руках Мустафы. Однако он совершил предательство, и ему запрещен вход в крепость. По этой причине [тимар] передан некоему, по имени Маруф Ходжа, и он, владея им, несет службу в крепости. Записано в начале месяца Раби-ул — эввеля 857 (1453) г. в Эдирне.

II. В настоящее время [тимар] изъят и передан пушкарю Янка, музыканту Шахину и Пазарлу. Пазарлу — воин в крепости, Янко — пушкарь, а Шахин играет на зурне. [Записано] в начале месяца Рамазана 857 (1453) г. в Эдирне.

От деревни Чипозинад — доля: домов — 21, вдовых — 4. Доход 2325 акче.

От деревни Строжина — не заселена [первоначально домов 8]. Доход от незаписанных в реестр — 120 акче, от церкви Айо-Панайя — половина.

Всего: долей — 3, домов — 21, вдовых — 4. Доход 2445 акче.

Тимар Огул-паши, начальника гулямов

(Сам латник-джебелю, выводит 1 гуляма).

Доля из [владений], переданных от Хамзы:

от деревни Эфлях-катуне — домов 4. Доход 525 акче;

от деревни Микат — домов 5. Доход 538 акче;

от деревни Косридже — домов 2. Доход 308 акче.

Доля из [владений], переданных от Танрывермиша:

от деревни Аглоботицы — домов 9. Доход 735 акче;

от деревни Кепареш — домов 4, вдовых 1. Доход 435 акче.

Всего: долей от деревень — 5, домов — 24, вдовых — 1. Доход 2541 акче.

«Hicri 835 tarihli Suret-i defter-i sancak-i Arvanid. Heşreden: Halil Inalcik», Ankara, 1954, S. 46—47.

---

[1] Бюрюме — особым образом обернутый тюрбан, род головного убора, знак достоинства ленника во время военного похода. Здесь — титул ленника.

[2] Джебелю — латник, воин феодального ополчения.

[3] Т. е. от незаписанных в реестр земель или крестьян.

8. Закон султана Мехмеда II (1488 г.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О прелюбодеянии и прочих обстоятельствах

Если мужчина совершит прелюбодеяние [и это] будет доказано на суде, а совершивший прелюбодеяние окажется женатым и к тому же состоятельным, так, что достояние его достигает 1000 акче и более, то пусть будет взят с него штраф [в размере] 300 акче; если же он среднего достатка, т. е. обладает достоянием в 600 акче, то пусть возьмут с него 200 акче штрафа, если его достаток достигает менее указанной суммы, то пусть будет взят штраф в 100 акче; если же он еще беднее — 50 акче; если он и того беднее, совершенный бедняк, пусть будет взят штраф в 40 акче.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О драке, взаимных оскорблениях и убийстве

Если два человека, сцепившись друг с другом, порвут один другому воротники, то судья пусть накажет их, штрафа нет; если один у другого вырвал бороду или волосы и судья установит это, то, если виновный богат, взимется штраф 20 акче, а если беден — 10 акче. Если будет рассечена до крови голова, — взыскать штраф в размере 30 акче. Если выйдет наружу кость и потребуется помощь лекаря, то с виновного, если он богат и обладает имуществом в 1000 акче и более, должно взыскать 100 акче штрафа, а если его имущество достигает 200 акче, взыскать 50 акче, если же он бедняк — штраф 30 акче.

Если кто-либо убьет человека и ему не отомстят за это, должен он уплатить штраф за кровь, если он богат и его состояние достигает 1000 акче — 400 акче, если его состояние достигает 600 акче — 200 акче, если же менее того — 100 акче, а если он беден, то пусть платит 50 акче.

Если кто-либо ударит кого-нибудь стрелой или ножом, а тот, будучи пожилым, упадет на пол, то, если человек, нанесший ранение, богат и его состояние достигает 1000 акче и более, штраф с него 200 акче, если он среднего достатка — 100 акче, если же он беден, пусть возьмут с него штраф в 50 акче.

О питье вина, воровстве и клевете

Если кто-либо выпьет вина, будь то селянин или горожанин, должен кадий наказать его палками и за каждые два палочных удара взыскать 1 акче штрафа.

Если кто украдет гуся или утку, то должен кадий наказать его палками и за каждые два палочных удара взыскать 1 акче штрафа.

Если кто украдет барана или улей, то взыскать с него 15 акче штрафа.

Если кто украдет быка, то руки у него пусть не отрубают, а если он богат и состояние его достигает 1000 акче, то взыскать штраф в 100 акче, если он среднего достатка — в 50 акче, если он беден, то пусть возьмут штраф в 40 или 30 акче.

Если кто украдет лошадь, то пусть отрубят ему руку, а если этого не сделают, взыскать штраф в 200 акче.

Если кто украдет хлебные злаки или деньги, то, если он богат, следует взыскать с него штраф в 40 акче, если он среднего достатка — штраф 20 акче, а если он беден, пусть возьмут 10 акче штрафа.

Если сын украдет что-либо у своего отца, или отец у сына, или брат у брата, или муж у жены, или жена у мужа, то судья пусть накажет виновного палками, и за каждый удар взыскать 1 акче штрафа.

Если один у другого выбьет глаз или зуб и ему не отомстят за это, то, если он богат, взыскать с него штраф в 200 акче, если среднего достатка — 100 акче, если менее зажиточен — 50—40 акче, а если беден, пусть возьмут с него 30 акче штрафа.

Если подерутся маленькие дети, штрафа нет.

Тапу[1] за землю, на которой стоит дом, взимается: самое большое — 50 акче, среднее — 40 или 30 акче, а если [плательщик] беден, брать 20 или 10 акче.

Налог за брачную ночь взимается самый высший в 60 акче, средний — в 40—30 акче и при бедности — в 20—10 акче.

Если сювари силой прогонит своего райята с его земли, то в случае возвращения того обратно, тапу с него не брать. Если же он, [райят], уйдет самовольно или в течение года оставит свой участок необработанным, то волен сювари поступать по своему усмотрению. Дом и поле самовольно ушед-

[1] Тапу — плата владельцу земли за получение крестьянином надела.

шего райята принадлежат сювари, а если его прогнал сювари, то дом и поле принадлежат райяту.

Если кто-либо украдет из вороха зерно, то пусть взыщут с него украденное в пользу его владельца земли.

Сювари пусть не занимает земли более, чем его чифтлик. Землю райята пусть отдает райяту. Без падишахского позволения [сювари] не должен занимать землю сверх чифтлика из земель крестьян или оставленных необработанными. А если он занял землю райята, то пусть платит положенные подати в пользу бедных.

Если кто-либо найдет безнадзорных быка, кобылу или овцу и не попросит прокричать об этом, то, если он богатый, взыскать с него 30 акче штрафа, если он среднего достатка — 20 акче, а если он беден — 10 акче. Если же прокричат и владелец [животного] не обнаружится, то передать [животное] судье на хранение. Если же после объявления о находке [владелец животного] обнаружится, штрафа нет. Каков священный закон, так пусть и будет.

Kanunname Sultan Mehmeds des Eroberers. «Mitteilüngen zur osmanische Geschishte», B. I, Wien, 1921—1922, S. 13—48.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

ВВЕДЕНИЕ

В отличие от других стран мира народы Африки не имеют известных науке собственных письменных источников, которые свидетельствовали бы об их истории в X—XV вв. Первые письменные источники, составленные африканцами, появляются только в XVII в. Поэтому исключительно важное значение приобретают иностранные письменные памятники, особенно арабские. Арабские географы и историки сообщают разрозненные сведения о Тропической Африке начиная со второй половины VII в. Однако ранние арабские источники более интересны как свидетельство развития географических знаний арабов и не могут служить в полном смысле базой для исторического изучения народов Тропической Африки [1].

Наиболее достоверные сведения о Тропической Африке содержат труды арабских географов и путешественников начиная со второй половины X в. В 970 г. один из них, Абу Касым Мухаммад ибн Хаукаль, совершил путешествие в южные области Сахары. Большой труд, завершенный в 988 г. «Китаб аль-Масалик ва ль-Мамалик» («Книга путей и царств») [2], является свидетельством очевидца, описавшего районы Аудагоста и северную часть Сахеля (южной кромки Сахары). И хотя сведения о суданских африканских государствах идентичны тем, которые приводятся у аль-Истахри (ум. ок. 952 г.), заимствовавшего их у аль-Балхи (ум. ок. 934 г.), Ибн-Хаукаль вносил в них ряд серьезных уточнений. В тот же период Абу аль-Хасан Али аль-Мас'уди (ум. ок. 965 г.) совершил путешествие по арабским странам, Индии,

[1] Насколько скудны сведения исторического характера в арабских источниках VII—X вв., можно судить по их своду «Арабские источники VII—X вв., по этнографии и истории Африки южнее Сахары», М. — Л., 1960.

[2] *Ibn Haukal,* Des routes et des royaumes. Edition et traduction par de Slane (Journal asiatique, 1842).

Цейлону и Китаю. В оставленных им трудах «Муруджж аз-захаб» («Золотые луга»), «Китаб ат-Танбих ва ль-ишраф» («Книга разъяснений и исправлений») и сохранившихся фрагментах хроники «Ахбар аз-заман» («Известия времени») аль-Мас'уди первый из арабских путешественников сообщил сведения о побережье Восточной Африки, острове Занзибаре и, возможно, Мадагаскаре [1].

Но главным источником наших знаний о средневековой Тропической Африке, несомненно, являются сведения Абу Убейд аль-Бекри (ум. в 1094 г.). В сохранившихся фрагментах его труда «Китаб аль-Масалик ва ль-Мамалик» [2] мы находим наиболее полные первостепенной важности сведения о доисламской Гане, о социальном строе средневековых государств Судана, о торговых путях между Западным Суданом и странами Магриба. Аль-Бекри использовал ряд недошедших до нас произведений своих предшественников, архивные материалы, а также устные свидетельства арабских купцов и путешественников. Труд аль-Бекри вплоть до XIV в. служил источником для компиляций всех арабских географов и историков. Даже наиболее крупный географ того времени аль-Идриси (1100—1166) почти ничего не смог добавить к сведениям аль-Бекри [3]. Новую эпоху в изучении средневековой Тропической Африки составляет труд Фадл Аллаха аль-Омари (1301—1349) «Масалик аль-абсар фи мамалик аль-амсар» («Пути и царства», 1342—1346) [4]. Ему принадлежат первостепенной важности сведения о царствах Мали и Канем и пребывании царя Мали Мансы Мусы в Каире в 1327 г. Большую ценность для историка средневековой Африки представляет описание двадцатипятилетних странствий величайшего арабского путешественника и географа Абу Абдаллаха Мухаммада ибн-Ибрахима, известного под именем ибн-Батуты (1304—1377/78) [5]. Ибн-Батута оставил нам личные впе-

---

[1] *Maçoudi,* Les prairies d'or. Муруджж аз-захаб ва ма'адин аль-джавахир. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, I—IX, p. 1861—1877; At-tanbiw a-l-ishraf... al-Masûdi, ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1894. Текст «Абхар аз-заман» опубликован в своде: *Yousouf Kamal,* Monumenta Cartographica Africae et Aegypti, vol. III, fasc II, Leide, 1932.

[2] *El-Bekri,* Description de l'Afrique septentrionale (1067). Texte et traduction par de Slane, Alger, 1913.

[3] Знаменитая книга аль-Идриси «Китаб Руджар», или «Развлечения для того, кто желает путешествовать вокруг света», до сих пор не издана. Часть ее, относящаяся к Магрибу и Западной Африке, опубликована: *Idrisi,* Description de l'Afrique et de l'Espagne, Traduction par K. Dozy, Leyde, 1866.

[4] Текст, за исключением описания Египта, издан Годефруа-Демомбином в книге «L'Afrique mons l'Egypte», Paris, 1927.

[5] *Ibn Batoutah,* Voyages, t. I—IV, Texte et traduction par C. Defremery et B. R. Sanguinetti, Paris, 1853—1858.

чатления о своем посещении государств Западного Судана. Обилие ценных исторических фактов делает труд ибн-Батуты одним из самых содержательных источников по истории Западной Африки.

Важнейшим источником для изучения, в частности, истории берберов Сахары, истории царства Мали и мандингских государств является труд выдающегося арабского историка ибн-Халдуна (1332—1406) [1].

Ценные сведения о султанате Борну и его связях с Египтом собрали египтянин аль-Калькашанди (ум. 1418 г.) и арабский историк аль-Макризи (1306—1342), которому принадлежат интересные очерки «Описание рас черных» и «Паломничества султана Такрура» [2], освещающие социально-экономический строй африканских народов Западной и Центральной Африки. Особое место среди источников по средневековой Африке занимает книга Льва Африканского «Описание Африки, третьей части света» (1526), охватывающая весь африканский континент. Автор ее Хасан аль-Ваззан аз-Зайяти длительное время прожил в Томбукту. Захваченный в плен сицилийскими пиратами, он перешел в христианство, жил при дворе папы Льва X и стал профессором Болонского университета. В 1492 г. он перевел на итальянский язык составленную им первоначально на арабском языке книгу, являющуюся своего рода полным сводом всех сведений о средневековой Африке, сообщенных арабскими и европейскими путешественниками [3].

Для хрестоматии отобраны фрагменты из текстов аль-Идриси, ибн-Батуты, ибн-Халдуна, Льва Африканского и отрывки из раннего сочинения португальского путешественника в Восточную Африку Дуарте Барбоса. Эти извлечения охватывают наиболее важные сведения о социально-экономическом строе средневековой Африки в период X—XV вв. Недостаток места не позволил включить очень интересные отрывки из аль-Омари, аль-Калькашанди, аль-Макризи и других авторов.

Материалы из аль-Бекри достаточно полно приводятся в книге Д. А. Ольдерогге «Западный Судан в XV—XIX вв.», М.—Л., 1960. Отрывки из произведений аль-Мас'уди даются в книге «Арабские источники VII—IX вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары», М.-Л., 1960.

Составитель и переводчик *Н. Г. Калинин.*

---

[1] *Ibn Haldoun,* Histoire des Berberés et des dynasties musulmanes, t. I—III, Traduction par de Slane, Paris, 1925—1934.

[2] Опубликованы Годефруа-Демомбином в 1907 г.

[3] Новое научное издание этой книги в переводе на французский язык издано А. Эполяром в двух томах с обширными комментариями в 1956 г.

1. Страны Западного Судана

...А страны черных обширны, хотя безводны и очень бедны. В горах имеются все фрукты, которые есть в странах ислама. Только они (жители) не едят их. Кроме этих фруктов у них есть плоды и растения, неизвестные в странах ислама, которыми они питаются.

Из этих стран в государствах ислама продают черных слуг. Они не являются ни нубийцами, ни зинджами, ни абиссинцами и не беджа[1]. Они представляют собой отдельный народ чернее всех и более веселый. В областях Судана (абиссинцев, нубийцев, беджа и других) нет, говорят, более обширных областей, чем области, занимаемые этими черными.

...А Завила[2] — город перед страной черных. Большинство черных слуг попадает в Завилу...

[*M. J. de Goeje*], Viae Regnorum, Descriptio ditionis moslemicae auctore Abû Ishâk al-Istakhri, Lugdunum Batavorum, 1927, p. 40, 44, 45.

2. Сенегал

Силла расположен на северном берегу Нила[3]. Это людный город и место стечения черных, которые ведут там значительную торговлю. Он составляет часть владений султана Такрура[4], могущественного правителя, который владеет рабами и войсками и известен твердостью, суровостью и справедливостью своего характера. Его страна безопасна и спокойна; его резиденция и столица — г. Такрур[5], расположенный на юг от Нила, в двух днях пути от Силлы по земле или по реке.

Г. Такрур больше Силлы и более торговый. Жители Западного Магриба привозят туда шерсть, медь, бусы и вывозят оттуда золото и рабов. Жители Силлы и Такрура питаются дуррой[6], рыбой и молочными продуктами; их стада состоят обычно из верблюдов и овец...

Оружие, которым пользуются народы, — луки и стрелы. Они пользуются также палицами, которые с большим искусством и умом изготовляют из эбенового дерева. Их дома

---

[1] Беджа — кочевые племена в Нубии.

[2] Завила — город и область в южной части ливийской территории — Феццане.

[3] По ошибочным представлениям средневековых писателей р. Сенегал, о которой идет речь, отождествлялась с р. Нилом.

[4] Такрур — средневековое государство народа тукулеров, находившееся в нижнем течении р. Сенегала.

[5] Такрур — столица одноименного государства. Находилась в районе современного г. Подора (Сенегал).

[6] Дурра — один из видов сорго.

построены из глины; большие и длинные деревянные части в них очень редки...

То, что мы только что сказали об их питании, одежде и украшениях, присуще большей части жителей Судана, страны крайне жаркой и сухой. Что касается земледелия, то те, кто живет в городах, выращивают лук, огурцы и арбузы, которые достигают там огромной величины. Они не имеют ни хлеба, ни других зерновых, кроме дурры, из которой делают также напиток. В остальном их пища состоит из рыбы и высушенного на солнце мяса верблюдов.

Al-Idrisi, Description de l'Afrique et de l'Espagne, Leyde, 1866, p. 3—8.

3. Гана[1]

Гана состоит из двух городов, расположенных на двух берегах реки. Город Гана — самый значительный, самый населенный и самый торговый в стране черных. Туда приходят богатые купцы со всех соседних стран и стран Западного Магриба. Жители [Ганы] — мусульмане, а ее царь, как сообщают, происходит от Салиха, сына Абдаллаха, сына Хасана, сына Али, сына Абу-Талиба. Признавая высшую власть принца верующих из рода Абассидов, он заставляет упоминать в хутбе[2] только свое собственное имя. Он владеет на берегу Нила прочным и хорошо укрепленным замком, внутренность которого украшена различными скульптурами и картинами, а окна застеклены. Этот замок построен в 510 г. хиджры (1116). Территория этого царя примыкает к стране Вангаре[3], или стране золота.

Жители Ганы имеют на Ниле[4] прочно построенные барки, которые они используют для рыбной ловли и для сообщения между обоими городами...

От г. Ганы до ближних земель Вангары насчитывают 8 дней. [Вангара] образует остров в 300 миль в длину и 150 миль в ширину, который всегда окружает Нил. В августе Нил выходит из берегов, остров затопляется, затем вода начинает спадать. Тогда негры со всего Судана приходят на этот остров искать золото... Когда река возвращается в свое русло [и вновь заливает остров], начинается торговля золотом;

---

[1] Гана — одно из древнейших африканских государств южнее Сахары. Основано в IV в. н. э. Столица Ганы находилась в районе среднего течения Нигера, возле современной деревни Кумби Сале.

[2] Хутба — пятничная мусульманская проповедь, в которой называлось имя правителя. Упоминание в хутбе было символом суверенности государства.

[3] Вангара — территория к юго-западу от Ганы.

[4] По представлению средневековых географов, р. Нигер считалась одним из рукавов Нила.

они перепродают его друг другу. Большая часть покупается жителями Варгалана и Западного Магриба, где это золото доставляется в монетные дворы, чеканится в динары и обменивается на товары при торговле. Так происходит каждый год. Это основная продукция страны черных: большие и малые из этого извлекают средства существования. Имеются в стране Вангаре цветущие города и знаменитые крепости. Ее жители богаты; они в изобилии обладают золотом, и им доставляют лучшие товары из самых отдаленных частей земли...

Вся страна, о которой мы только что говорили, повинуется царю Ганы. Ему платят налоги, и он покровительствует жителям...

Al-Idrisi, Description de l'Afrique et de l'Espagne, Leyde, 1866, p. 10—11.

4. Государства Гана и Мали [1]

...Когда после завоевания Северной Африки [мусульманами] несколько купцов проникли в западную часть страны черных, они не нашли у них более могущественного царя, чем царь Ганы. Его владения тянулись к западу до берегов Атлантического океана. Гана, столица этой сильной и многочисленной страны, состояла из двух городов, отделенных Нилом, и образовывала один из наиболее крупных населенных городов мира... Сообщают, что с востока соседями Ганы были сусу и сёсё.

За ними идут последовательно мелли, каокао или кагу и текруры [2].

Царство Гана дошло до крайнего ослабления к эпохе, когда носители литама [3] начали становиться могущественными. Этот народ жил непосредственно на севере от Ганы и распространил свое господство на черных, опустошил их территорию и ограбил их владения. Литамы обложили [жителей Ганы] подушной податью, навязали им дань и принудили большую часть из них перейти в ислам. Власть суверенов

---

[1] Мелли (Мали) — государство Западного Судана, основанное народом малинке. Первоначально было вассальным государством Ганы. С XIII в. становится одним из крупнейших государств Западного Судана, особенно после победоносного завершения войны с Сосо во время правления царя Сундиаты в 1235 г.

[2] Мелли, каокао и текруры — народы малинке, сонгайцы и тукулеры.

[3] Литам — кусок ткани для покрытия нижней части лица. Употреблялся берберскими племенами Сахары, особенно туарегами. В данном случае имеются в виду племена группы санхаджа.

Ганы была уничтожена, а их соседи, сусу, подчинили эту страну и увели жителей в рабство[1].

Позже население Мелли (Мали) настолько увеличилось, что оно стало хозяином всей этой области и подчинило черных соседних стран. Победив сусу, Мелле оккупировало все владения, которые составляли это древнее царство, и распространило свое господство на царство Гана на западе до Атлантического океана. Они исповедовали ислам, и, говорят, первым среди них, кто обратился в эту религию, был царь по имени Барамендана...[2]

Наиболее могущественным из этих монархов был тот, кто подчинил сусу, занял их города и отнял у них суверенную власть. Его звали Мари-Джата[3]... Этот царь, генеалогию которого мы не знаем, царствовал 25 лет... Его сын Манса-Ули[4] наследовал ему [и] был одним из самых великих царей... От брата его и преемника Уати власть перешла к третьему брату — Халифе, который был слаб умом и занимался только стрельбой из лука. Так как он имел привычку метать стрелы в прохожих и убивать их с радостью в сердце, народ восстал против него и предал его смерти. Абу Бекр, сын дочери Мари-Джата, наследовал царство. Его избрали царем согласно принципу варварских народов, который ставит сестру [умершего монарха] или сына его сестры на [трон]. Мы не узнали происхождения этого принца по отцовской линии.

По его смерти вольноотпущенник царской семьи Сакура[5] захватил власть. Шейх Осман нам сообщил, что на их языке это имя произносится Себкера. Узурпатор совершил хадж во время царствования Эль-Малика ан-Насера и был убит в Таджуре[6], когда находился на пути в свои владения. Царство Мелли приобрело большие размеры под управлением этого суверена, и соседние народы были покорены его армиями. Он захватил также г. Каокао[7]. Его владения простирались от Атлантического океана и Ганы на западе до страны Такрур на востоке[8]. Царство Мелли стало тогда грозным для других народов и приобрело такую важность, что купцы Магриба и Ифрикийи приходили туда вести торговлю...

---

[1] Завоевание Ганы царством Сосо, или Каньяга, произошло в 1203 г., когда царь Сосо Сумангуру оккупировал основные территории Ганы — области Аукар, Багану и Диагу.

[2] Барамендана перешел в ислам в 1050 г.

[3] Мари-Джата — царь Мали Сундиата (1230—1255).

[4] Манса-Ули (Манса-Уле) — царь Мали (1255—1270).

[5] Сакура совершил переворот в 1285 г. и стал царем Мали (1285—1300).

[6] Таджура — район расселения племен данакиль в Сомали.

[7] Каокао (Гао) — столица Сонгайского государства. Была захвачена полководцем малийского царя Канкана-Мусы Сагамандиа в 1325 г.

[8] Так в тексте. Вероятно, описка автора, так как Такрур находился на территории современного Сенегала, т. е. на западе от Мали.

Сакура имел преемником сына султана Мари-Джата по имени Гао, который передал власть своему сыну Мухаммеду ибн-Гао. Власть перешла от детей Мари-Джата к одному из сыновей его сестры — Абу-Бекру...

Манса-Муса[1], сын и преемник Абу Бекра, отличался своим могуществом и святостью своей жизни. В 724 г. хиджры (1324 г. н. э.) он совершил паломничество в Мекку и, встретив там испанского поэта Абу-Исхака-Ибрагима-эс-Сахели, известного больше под именем Туэйджина, увел его с собой в страну черных...

Хадж Юнус, переводчик народа [мали] в Каире, рассказывает следующее:

«Царь Манса-Муса прибыл из своей страны с 80 грузами золотого песку, весящими каждый 3 кантара... Мы сопровождали его до столицы его царства. Он повелел построить величественный зал для приемов и оштукатурить его. В его стране таких зданий еще не было. Абу-Исхаку ат-Туэйджину, искусному во всех ремеслах, было поручено исполнить волю царя, и он построил квадратный зал, увенчанный куполом. Оштукатурив и украсив цветными арабесками, он сделал восхитительное сооружение...»

Султан Манса-Муса поддерживал дружеские отношения с меринидским[2] султаном Абуль Хасаном...

Ибн-Халдун, Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale, t. II, Paris, 1927, p. 109—114.

5. Царство Мелли

Мелли тянется вдоль рукава Нигера на расстоянии, может быть, 300 миль. Оно граничит с предыдущим царством — [Дженне] — на севере и пустыней с бесплодными горами на юге. В качестве западной границы имеет дикие леса, которые идут до океана, а на востоке оно граничит с территорией Гаго. В этой стране есть очень крупная деревня, которая насчитывает около 6000 очагов и которую называют Мелли. Это от нее пошло название всего остального царства. Там живут царь и его двор. Страна изобилует зерном, мясом, хлопком. В этой деревне существует очень большое число ремесленников и местных и иностранных торговцев. На последних царь смотрит лучше, чем на местных. Жители богаты благодаря торговле, ибо они снабжают Гинеа и Томбукту

[1] Манса Муса, или Канкан-Муса, — царь Мали (1307—1332).

[2] Мериниды (Мариниды) — династия, захватившая власть над Марокко после падения династии Альмохадов. Меринидская династия находилась у власти в течение XIII—XVI вв. Название происходит от племени бану-марин, низложившего Альмохадов.

большим количеством продуктов. Они имеют множество храмов[1], священников и учителей, которые учат в храмах, ибо там нет школ. Они являются наиболее цивилизованными, развитыми и рассудительными из всех черных. Они действительно первыми присоединились к религии Магомета.

Jean Leon l'Africain, Description de l'Afrique, Nouvelle edition traduite de l'Italien par A. Epaulard, t. II, Paris, 1956, p. 476.

6. Г. Каукау

Г. Каукау является одним из наиболее знаменитых в стране черных...

Царь Каукау — абсолютный властитель, и провозглашают хутбу на его имя; у него много слуг, доходов, офицеров и солдат... Масса жителей Каукау пользуется шкурами, чтобы прикрыть свою наготу; но купцы носят кадавир и кису[2]. Они покрывают голову колпаками, имеют золотые украшения; что касается значительных и благородных лиц, то они носят изар[3]. Эти последние не отделяют себя от класса купцов, посещают их, садятся около них и снабжают их средствами для их торговых предприятий, доверяя им товары и получая за это часть прибыли.

Al-Idrisi, Description de l'Afrique et de l'Espagne, Leyde, 1866, p. 10—11.

7

Каукау — большой город, расположенный у Нила. Это один из самых красивых городов негров, один из самых обширных и наиболее изобилующих припасами. Там [покупатели] находят много рису, кур и рыбы... Торговля производится посредством маленьких раковин, или каури, вместо денег; то же самое и в Мали.

Медную руду выкапывают из земли и доставляют в город, чтобы плавить в домах. Эту работу выполняют рабы обоего пола. Как только медь раскалится, ее формуют в длинные, толстые и тонкие брусья размером в полторы пяди, 400 брусков стоят один дукат золота, 600 или 700 стоят также дукат золота. Эти прутья служат средством обмена вместо денег: на тонкие покупают мясо, дрова; на толстые — мужчин и женщин-рабынь, просо, масло и сыр.

C. Defremery et *B. A. Sanguinetti* (ed), Voyages d'ibn Batoutah, Paris, 1853—1858, t. IV, p. 436, 442.

---

[1] Имеются в виду мусульманские мечети.

[2] Кадавир — широкая и длинная рубаха без рукавов из шерсти или хлопчатобумажной ткани; киса — род одежды в виде плаща.

[3] Изар — род шелкового халата.

8. Тагаза[1] и Юфи (1335 г.)

...Тагаза является поселком, ее дома и мечеть построены из кусков каменной соли; их крыши сделаны из верблюжьих шкур. Там нет никаких деревьев; почва — песок, где находятся месторождения соли. Ее вырубают в почве, открывая большие пласты каменной соли, лежащие один над другим... Верблюд может обычно нести только две плиты соли.

Тагаза населена исключительно рабами месуфитами[2], которые занимаются добычей соли; они питаются финиками, которые приносят из Дар'а и Сиджильмасы, мясом верблюдов и анли, или просом, ввозимым из страны негров. Негры увозят отсюда соль... Они используют соль вместо денег, разрубая ее на куски и торгуя ими.

...Юфи — одна из наиболее значительных стран Судана, ее сувереном является один из самых великих царей страны. Ни один белый человек не входит в Юфи, ибо негры его убили бы до того, как он прибыл...

C. Defremery et *B. A. Sanguinetti* (ed),
Voyages d'ibn Batoutah, Paris, 1853—1858, t. IV,
p. 378, 396.

9. Лев Африканский, «Описание Африки»

Царство Гинга[3]

...Оно простирается приблизительно на 250 миль вдоль Нигера. Там чрезвычайное обилие ячменя, риса, скота, рыбы, хлопка. Жители страны имеют значительные доходы от торговли хлопковыми тканями, которую они ведут с купцами Берберии. А те продают им много европейских тканей, меди, латуни, оружия, такого, как джаннетони[4]. Деньги, которыми пользуются эти черные, — нечеканенное золото. Они используют также куски железа для уплаты за малоценные вещи, как молоко, хлеб, мед. Эти куски [железа] весят один ливр, пол-ливра или четверть ливра[5].

Там нет ни городов, ни замков. В единственной большой деревне — [Дженне] живут правитель, священники[6], доктора[7], торговцы и знатные люди. Все дома, в которых живут эти

---

[1] Тагаза (Текказа) — район соляных копей в Северной Сахаре, недалеко от границ Марокко.

[2] Месуфиты — одно из берберских племен Сахары.

[3] Гинга — Дженне.

[4] Джаннетони — название одного из видов кинжалов итальянского производства.

[5] Ливр (весовой) — французская мера веса в средние века; колебался от 380 до 552 *г*.

[6] Так в тексте. Имеются в виду мусульманские проповедники.

[7] Имеются в виду мусульманские богословы (улемы).

люди, представляют собой глинобитные хижины, покрытые соломой... Эта деревня в течение трех месяцев в году (июль, август, сентябрь) превращается в своего рода остров, потому что Нигер в это время года имеет разлив, совершенно похожий на разлив Нила.

В это именно время торговцы Томбукту имеют привычку туда прибывать. Они доставляют свои товары в маленьких, очень узких лодках, выдолбленных из ствола дерева. Они плывут весь день, причаливают вечером и остаются на ночь спать на земле.

Томбукту

...Дома Томбукту — хижины, сделанные из кольев, обмазанных глиной, с соломенными крышами. Посреди города находится храм, построенный из камней, скрепленных известковым раствором... а также довольно большой дворец, построенный из того же материала, где живет царь[1]. Многочисленны лавки ремесленников, торговцев и особенно ткачей хлопковых тканей. Европейские ткани также доходят до Томбукту, куда их привозят купцы Берберии.

...Очень сильно недостает соли, потому что она привозится из Тагазы, находящейся на расстоянии около 500 миль от Томбукту. Я был в этом городе в момент, когда груз соли стоил там 80 дукатов[2] (за четыре бруска). Царь обладает большой казной в деньгах и слитках золота. Один из этих слитков весит 1300 ливров.

...В Томбукту имеется множество судей, докторов и священников, хорошо обеспеченных царем... Продают также много рукописных книг, которые привозят из Берберии, извлекают больше выгод из их продажи, чем от торговли остальными товарами.

Вместо чеканенной монеты используют куски чистого золота, а для незначительных покупок — каури, т. е. раковины, привезенные из Персии[3], четыре сотни которых стоят 1 дукат. В одной римской унции золота — $6^2/_3$ их дуката.

...Горожане имеют к своим услугам много рабов-мужчин и женщин.

Гаго и его царство

Гаго — очень большой город... без крепостной стены. Он находится приблизительно в 400 милях от Томбукту, на юго-востоке... Его жители — богатые купцы, которые постоянно

---

[1] Имеется в виду губернатор Томбукту, назначавшийся сонгайскими царями.

[2] Дукат — золотая монета достоинством в 10—12 французских франков.

[3] Каури доставлялись с Мальдивских островов в Индийском океане.

разъезжают по области со своими товарами. Туда приходит бесконечное число черных, которые приносят большое количество золота, чтобы купить предметы, ввезенные из Берберии и Европы, но они никогда не могут достаточно найти этих предметов, чтобы израсходовать все свое золото. И они всегда половину или две трети его отвозят вновь к себе... Хлеба и мяса там крайне обильное количество, но нельзя найти ни вина, ни фруктов. Правда, отличные дыни, огурцы, тыквы здесь в изобилии, а рис имеется в огромных количествах... Существует место, где в рыночные дни продают большое число рабов, как мужчин, так и женщин. Девушка 15 лет стоит около 6 дукатов и молодой человек — почти столько же; дети продаются дешевле, чем взрослые рабы.

Доходы царства значительны, но расходы его еще больше. В самом деле, лошадь, которая стоит в Европе 10 дукатов, продается здесь за 40—50 дукатов; самое среднее европейское сукно продается по 4 дуката за канну[1]; тонкие сукна, как монаскино и минимо, стоят по 15 дукатов; тонкое венецианское сукно, такое, как алое, фиолетовое или бирюзовое, — 30 дукатов. Самая плохая европейская сабля, которая стоит $1/3$ дуката, здесь стоит 4 дуката или по меньшей мере 3. То же самое в отношении шпор и сбруи. Все предметы галантереи и медикаменты равно очень дороги, а децима[2] соли стоит в этой стране 1 дукат.

Остальная часть царства состоит из местечек и деревень, где живут земледельцы и пастухи.

Царство Губер[3]

Это царство приблизительно в 300 милях на восток от Гаго (Гао). В стране имеется большое количество овец и коров маленького роста. В царстве значительное число деревень, населенных пастухами, но люди вообще очень цивилизованны. Существует среди них множество ткачей и особенно сапожников, которые изготовляют обувь, похожую на ту, которую носили некогда римляне. Эту обувь вывозят в Томбукту и Гао.

Мед, рис и другое зерно — в большом количестве, которого я никогда не видел в Италии, но которое, я думаю, есть в Испании.

Население обременено налогами. Оно имело некогда крупные торговые доходы, но теперь обеднело и уменьшилось

---

[1] Канна — итальянская единица для измерения тканей, равная 2 *м.*

[2] Децима — итальянская мера веса, равная 3 *кг* 390 *г.*

[3] Хаусанское государство Гобир в Северной Нигерии.

более чем на половину, поскольку аския[1] увел из страны большое число мужчин, держит их в плену, а часть из них обратил в рабов.

Агадес и его царство

Агадес — город, обнесенный стенами, построенный новыми царями на границах Ливии. Это город черных, который является почти самым близким к городам белых, если исключить Гуалату. Его дома очень хорошо построены, потому что почти все его жители — иностранные купцы. Имеется довольно мало местных жителей. Они почти все ремесленники или солдаты царя. Каждый торговец владеет большим числом рабов, которые служат ему эскортом на дороге из Кано в Борно, проходы к которым изобилуют бесчисленными племенами, бродящими по пустыне. Эти люди, похожие на самых бедных цыган, постоянно нападают на купцов и убивают их. Торговцы заставляют своих рабов, хорошо вооруженных дротиками, саблями и луками, сопровождать их; они начали теперь даже употреблять арбалеты... Как только купец прибывает в какой-либо город, он использует этих рабов на различных работах, чтобы они зарабатывали себе на жизнь, а для личных нужд и охраны своих товаров оставляет из них от 10 до 12 [рабов].

В остальной части царства, т. е. во всей южной области, люди занимаются выращиванием овец и коров. Они живут в хижинах из ветвей или циновок, которые они перевозят при переездах на быках и устанавливают там, где пасут свой скот, так же как это делают арабы.

Царь извлекает большие доходы из пошлин, которые платят иностранные купцы, а также с продуктов страны. Но он платит дань царю Томбукту около 150 тысяч дукатов.

Jean Leon l'Africain, Description de l'Afrique, Nouvelle edition traduite de l'Italien par A. Epaulard, t. II, Paris, 1956, p. 474, 480.

10. Эфиопия

...На берегу реки, которая пересекает Абиссинию, жители выращивают и запасают... ячмень, два вида проса... бобы и чечевицу... Деревни снабжают города... внутренней части страны. Что касается приморских городов, то они снабжаются из Йемена водным путем.

К числу этих последних нужно отнести Залег[2], Манкуба, Акант. Жители всех этих мест питаются рыбой, молочными

[1] Аския — титул царя.

[2] Залег — г. Зейла, порт на Африканском побережье Аденского залива у выхода из пролива Баб эль-Мандеб.

продуктами и злаками, привозимыми из деревень, расположенных на берегу реки, о которой только что упоминали...

Залег — город большой и очень населенный. Там бывает много иностранных путешественников, ибо большая часть кораблей из Кулзума[1] пристают туда с различного вида товарами, которые нужны жителям Абиссинии. Вывоз состоит в рабах и серебре. Что касается золота, то оно редко...

Все абиссинцы занимаются выращиванием верблюдов, торгуют ими, пьют их молоко... и заботятся о распространении этих животных. Это их основной товар. Кроме этого, они торгуют детьми, которых воруют друг у друга и которых продают торговцам, отвозящим их в Египет.

Al-Idrisi, Description de l'Afrique et de l'Espagne, Leyde, 1866, p. 23—26.

11. Страны Восточной Африки

[Город] *Зендж*[2]. Его жители занимаются разработкой железных руд и охотой на тигров... В этом городе живет царь Зангебара[3].

...Существует большое число месторождений этого металла (железа) в горах Софалы[4]. Жители островов Занедж[5] и других соседних островов приходят искать сюда железо, чтобы перевозить его на континент и острова Индии, где они продают его по хорошей цене...

Во всей *стране Софале* находят в изобилии золото великолепного качества. Однако жители предпочитают медь и делают свои украшения из этого металла.

Золото, которое находят в Софале, превосходит по количеству и величине [самородков] золото других стран, поскольку оно встречается кусками по 1—2 мискаля[6], а иногда даже по 1 ротлю[7]. Его плавят в пустыне посредством огня, топливом для которого служит коровий помет, не прибегая для этой операции ко ртути, как это делается в Западной Африке, ибо жители последней собирают куски золота, смешивают их с ртутью, сплавляют эту смесь огнем от углей

---

[1] Кулзум — арабская транскрипция древнего г. Клисма, находившегося в 1,5 *км* от современного г. Суэца (Египет).

[2] Зендж — у арабских географов так называлось коренное население побережья Восточной Африки (от Берберы до Софалы).

[3] Зангебар (Занзибар) — остров и арабско-бантусское государство, известное в литературе как империя Зендж.

[4] Софала — город и область в южной части современного Мозамбика.

[5] Занедж — группа островов у побережья Восточной Африки. Кроме Занзибара сюда относятся Пемба, Мафия и др.

[6] Мискаль — весовая единица, применявшаяся для взвешивания ценных металлов и благовоний, соответствует 4,25 *г*.

[7] Ротль — весовая единица, колеблющаяся от 296,3 до 407,25 *г*.

так, что ртуть испаряется и остается только отлитое и чистое золото. Золото Софалы... плавят без какой-либо искусственной примеси, которая его бы изменила.

Al-Idrisi, Geographie d'Edrisi, t. I, Paris, 1836, p. 55—57, 68—69.

12. Мелинда[1]

Он принадлежит маврам и имеет мавpского царя. В городе много красивых каменных многоэтажных домов с обилием окон и плоскими крышами по нашему образцу... Народ черный и белый; они ходят нагими, покрывая только свои срамные части хлопковыми или шелковыми тканями. Другие носят одежды подобно плащам, а на голове — тюрбаны из очень богатых тканей.

Они большие торговцы и торгуют золотом, слоновой костью и другими товарами с маврами и язычниками большого царства Камбайя; в их гавань приходит каждый год много кораблей с разными товарами: золотом, слоновой костью и воском... Имеется большое обилие пищи в этом городе: рис, просо и некоторое количество пшеницы, которую они привозят из Комбайи, и различные виды фруктов, поскольку здесь в изобилии фруктовые сады. Здесь также множество курдючных овец, коров и другого скота, а также кур. Царь и народ этого места были и являются друзьями короля Португалии.

Дуарте Барбоса. Отчет о странах, граничащих с Индийским океаном, и их жителях. Цит. по: «Works issued by Hakluyt Society», Vol. 44, London, 1918, p. 25.

13. Города Зейла и Макдашу

Город Зейла — столица берберы, черного народа, который следует шафи'и[2]. Их страна пустынна и простирается на 2 месяца пути, начиная от Зейлы и кончая Макдашу[3]. Их стада состоят из верблюдов и баранов, знаменитых своей жирностью...

...Макдашу — обширный город. Жители его имеют много верблюдов и режут их сотнями каждый день. Они имеют также много баранов и являются богатыми торговцами. В Макдашу изготовляют ткани, которые называются по имени этого города и которые не имеют себе подобных. Из Макдашу эти ткани вывозят в Египет и другие места.

---

[1] Мелинда (Малинда) — портовый город на побережье Кении.

[2] Шафи'и — основатель одного из мусульманских религиозных направлений.

[3] Макдашу (Могадишо) — арабская колония, основанная в X в., в настоящее время столица Сомали.

...Султан Макдашу называется его подданными шейхом. Имя его Абу-Бекр, сын шейха Омара, и по происхождению он бербериец; говорит на диалекте макдашу, но знает арабский язык.

Остров [Момбаса] не обладает никакой подчиненной территорией на континенте. Его деревья — бананы, лимоны. Жители собирают также плоды, которые они называют джаммунами и которые похожи на оливку; у них ядро подобно оливке, но вкус очень сладкий. Они не занимаются земледелием, и им привозят зерно из Савахиль[1]. Большая часть их пищи состоит из бананов и рыбы.

C. Defremery et *B. R. Sanguinetti* (ed), Voyages d'ibn Batoutah, Paris, 1853—1858. t. II, 179—181, 183, 191—193.

14. Дуарте Барбоса. «Отчет о странах, граничащих с Индийским океаном, и их жителях»

Великое царство Бенаметапа[2]

...Внутри страны имеется большой город, названный Зимбаоче[3], в котором имеется много домов из дерева [и соломы]. Он принадлежит язычникам, и царь Бенаметапы часто останавливается там... Путь туда идет от Софалы внутрь страны, в сторону мыса Доброй Надежды. В этом городе, Бенаметапы, наиболее обычное местопребывание царя, и отсюда торговцы везут золото в Софалу и дают его без веса маврам за цветные ткани и бусы, которые высоко ценятся среди них...

Царю Бенаметапы... подчинено много царей. Он является правителем большой страны, которая идет далеко внутрь континента, а также простирается до самого мыса Доброй Надежды и Мозамбика. Ежедневно кладут перед ним богатые подарки, которые другие цари и правители ему шлют... каждый в соответствии со своими возможностями... Этот царь всегда берет с собой в поход офицера, которого называют соно, с большим отрядом воинов и 5 или 6 тысяч женщин, которые также носят оружие и сражаются. С этой армией он обходит подчиненных царей, которые восстали или хотят восстать против своего государя. Царь Бенаметапы

[1] Страна Савахиль — часть побережья современной Кении. В средние века на этой территории находился ряд городов-государств со смешанным арабско-бантусским населением, впоследствии ставшим народом суахили.

[2] Бенаметапа (Мономотапа) — средневековое государство в современной Южной Родезии.

[3] Зимбаоче (Зимбабве) — остатки каменных сооружений в западной части Южной Родезии, в районе юго-восточнее современного г. Гвело. Принадлежность этой древней культуры до сих пор окончательно не установлена.

каждый год посылает людей [высокого] ранга из своего царства во все подвластные ему области дать им новый огонь, чтобы он мог узнать, покорны ли они ему. Это делается следующим образом: когда каждый из этих людей прибывает в какой-либо город, все огни убираются, и когда все огни убраны, они (правители) приходят получить огонь из его рук в знак величайшей дружбы и повиновения; место же или город, которые не желают делать так, обвиняются в мятеже...

Ангойя

Далее Куаму, в 140 лигах от нее... есть очень большой город мавров Ангойя, который имеет собственного царя. В нем живет много купцов, которые имеют дело с золотом, слоновой костью, шелком, хлопковыми тканями и камбайскими бусами... Некогда эти мавры повиновались королю, нашему господину, но в другие времена, будучи далеко от наших крепостей, они стали мятежными.

Килоа (Кильва) [1]

Идя вдоль побережья от г. Мозамбик, попадают на остров у материка, который называется Килоа, на нем есть мавр-ский город со многими красивыми домами из камня и извести, со многими окнами по нашему образцу, с плоскими крышами, очень хорошо распланированными улицами. Двери — из дерева, хорошей столярной работы. Вокруг города — ручьи и фруктовые сады с многочисленными каналами пресной воды. Им управляет маврский царь. Отсюда жители торгуют с Софалой и распространяются по всей счастливой Аравии... До того как наш король послал экспедицию для открытия Индии, мавры Софалы, Куамы, Ангойи и Мозамбика были подданными царя Килоа, который был самым могущественным царем среди них. И в этом городе было множество золота, так как ни один корабль не проходил к Софале без захода на этот остров...

Этот город, [Кильва], был взят силой у их царя португальцами, так как движимый высокомерием, он отказался повиноваться королю, нашему господину.

Момбаса

Момбаса — страна, изобилующая пищей. Там находят много очень хороших овец.., коров и другого рогатого скота и птицы, крайне жирных. Имеется много проса и риса, сладких

[1] Килоа (Кильва) — город и государство в стране Зенджей, основанное в 975 г. арабами. Султанат Кильвы длительное время объединял под своей властью все города побережья и острова Момбасу и Занзибар.

и горьких апельсинов, лимонов, гранатов, индийских фиг, разного рода овощей и много пресной воды. Люди там очень часто воюют и редко бывают в состоянии мира с жителями материка. Они ведут торговлю с ними, привозя большие запасы меда, воска и слоновой кости.

Царь этого города отказался повиноваться приказам короля, нашего господина, и из-за своего высокомерия он потерял его [город], а наши португальцы взяли его у него силой. Он бежал, и они вырезали много его людей, а также взяли в плен много мужчин и женщин. Таким образом, город был оставлен разрушенным, разграбленным и сожженным. Большая добыча была взята здесь в виде золота и серебра, браслетов и золотых бус, а также большой запас меди с другими богатыми товарами, а город был оставлен в развалинах.

«Works issued by Hakluyt Society», Vol. 44,
London, 1918, p. 6—25, 28.

ЧАСТЬ II

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ВИЗАНТИЯ, ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В X—XV ВЕКАХ

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О ФЕОДАЛИЗМЕ

...Крупная земельная собственность была подлинной основой средневекового, *феодального общества. Современное буржуазное общество, наше* общество, покоится, наоборот, на промышленности и торговле... Земельная собственность, как господствующий общественный фактор, предполагает *средневековый способ производства и обмена.*

Процесс против Рейнского окружного комитета демократов. Речь Маркса. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 6, стр. 258.

...Насколько источники позволяют проникнуть в прошлое, мы находим повсюду в Германии большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку.

Ф. Энгельс, Марка. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 19, стр. 330.

...Я даю краткое историческое описание того древнейшего земельного строя германцев, который сохранился до наших дней, хотя в виде жалких остатков, и который на протяжении всего средневековья служил основой и образцом всякого общественного устройства и пронизывал всю общественную жизнь не только Германии, но и Северной Франции, Англии и Скандинавии.

Ф. Энгельс, Марка. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 19, стр. 329.

Мы и теперь еще можем видеть на Мозеле и в Хохвальде, в так называемых подворных общинах [Gehöferschaften], как это происходило. Вся пахотная земля, поля и луга — правда, уже не ежегодно, но все же через каждые 3, 6, 9 или 12 лет — там соединяются в один общий массив и делятся на некоторое число «конов» [«Gewanne»] в зависимости от расположения и качества почвы. Каждый кон в свою очередь делится

на столько равных частей в виде длинных узких полос, сколько правомочных членов имеется в общине; эти части распределяются между ними по жребию, так что каждый член общины получает первоначально равную долю в каждом коне, т. е. от каждого участка, отличающегося своим расположением и качеством почвы... Необработанная земля, леса и пастбища остаются общинным владением для совместного пользования.

Та же самая древняя система удерживалась вплоть до начала нашего столетия в баварском Рейнском Пфальце в виде так называемых жеребьевых участков, пахотная земля которых впоследствии перешла в частную собственность отдельных членов общины. И подворные общины находят для себя все более выгодным прекращать переделы и превращать владение, переходящее от одного к другому, в частную собственность...

В результате отказа от новых переделов пахотной земли марковый строй принимает теперь ту форму, в какой он выступает перед нами не только в старых «Правдах» V—VIII веков, но также в английских и скандинавских средневековых судебниках, в многочисленных германских марковых уставах (так называемых Weistümer) от XIII до XVII столетия и в обычном праве (coûtumes) Северной Франции.

Ф. Энгельс, Марка. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 19, стр. 331—332, 334.

I. *Средневековое общество:* Мелкое индивидуальное производство. Средства производства предназначены для индивидуального употребления и потому примитивно неуклюжи, мелки, с ничтожным действием. Производство с целью непосредственного потребления продуктов, — самим ли производителем или его феодальным господином. Лишь там, где сверх этого потребления оказывается излишек производства над непосредственным потреблением, этот излишек предназначается на продажу и поступает в обмен: следовательно, товарное производство находится лишь в процессе возникновения; но уже и в это время оно заключает в себе в зародыше *анархию общественного производства.*

Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии
к науке. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 19,
стр. 228.

...Рост товарного хозяйства не мирится с отработочной системой, так как эта система основана на натуральном хозяйстве, на неподвижной технике, на неразрывной связи помещика и крестьянина. Поэтому эта система в полном виде совершенно неосуществима, и каждый шаг в развитии товар-

ного хозяйства и торгового земледелия подрывает условия ее осуществимости.

В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 199.

Под денежной рентой мы понимаем здесь — в отличие от промышленной или коммерческой земельной ренты, покоящейся на капиталистическом способе производства и представляющей собой лишь избыток над средней прибылью — земельную ренту, возникающую из простого превращения формы продуктовой ренты, как и она сама, в свою очередь, была лишь превращенной отработочной рентой. Непосредственному производителю приходится здесь уплачивать своему земельному собственнику (будет ли то государство или частное лицо) вместо продукта цену продукта. Следовательно, уже недостаточно получить избыток продукта в его натуральной форме, этот избыток необходимо превратить из натуральной формы в денежную форму. Хотя непосредственный производитель по-прежнему продолжает производить сам, по крайней мере наибольшую часть своих средств существования, однако часть его продукта должна теперь быть превращена в товар, произведена как товар. Следовательно, характер всего способа производства более или менее изменяется. Он утрачивает свою независимость, свою отрешенность от связи с обществом... Тем не менее базис этого рода ренты, хотя он и идет здесь навстречу своему разложению, все еще остается тот же, как при продуктовой ренте, образующей исходный пункт.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. II, стр. 360—361.

На крестьянина ложилась своей тяжестью вся общественная пирамида: князья, чиновники, дворянство, попы, патриции и бюргеры. Принадлежал ли он князю, имперскому барону, епископу, монастырю или городу — с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным, или же еще того хуже. Если он был крепостным, он находился всецело во власти своего господина; если же он был зависимым, то уже одних законных, установленных по договору повинностей было вполне достаточно, чтобы его придавить, а эти повинности увеличивались с каждым днем.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 356.

В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда — и еще больше в XV веке — из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы

феодальными вывесками ни скрывалась их собственность. В более крупных господских имениях bailiff (управляющий), некогда сам крепостной, был вытеснен свободным фермером. Наемные рабочие в земледелии состояли частью из крестьян, употреблявших свободное время на работу у крупных земельных собственников, частью из особого, относительно и абсолютно немногочисленного, класса собственно наемных рабочих. К тому же даже эти последние фактически были крестьянами, ведущими самостоятельное хозяйство, так как наряду с заработной платой получали коттедж, а также 4 и больше акров пахотной земли. Кроме того, совместно с крестьянами в собственном смысле они пользовались общинными землями, пасли на них свой скот и добывали топливо: дрова, торф и т. п.

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 728--729.

...Феодальной структуре землевладения соответствовала в *городах* корпоративная собственность, феодальная организация ремесла. Собственность заключалась здесь главным образом в труде каждого отдельного индивида. Необходимость объединения против объединенного разбойничьего дворянства, потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие тогда города, феодальная структура всей страны — все это породило *цехи*; благодаря тому, что отдельные лица среди ремесленников, число которых оставалось неизменным при растущем населении, постепенно накопляли, путем сбережений, небольшие капиталы, — развилась система подмастерьев и учеников, создавшая в городах иерархию, подобную иерархии сельского населения.

Таким образом, главной формой собственности в феодальную эпоху была, с одной стороны, земельная собственность, вместе с прикованным к ней трудом крепостных, а с другой — собственный труд при наличии мелкого капитала, господствующего над трудом подмастерьев. Структура обоих этих видов собственности обусловливалась ограниченными отношениями производства — слабой и примитивной обработкой земли и ремесленным типом промышленности. В эпоху расцвета феодализма разделение труда было незначительно. В каждой стране существовала противоположность между городом и деревней; сословная структура имела, правда, резко выраженный характер, но, помимо разделения на князей, дворянство, духовенство и крестьян в деревне и на мастеров, подмастерьев, учеников, а вскоре также и плебеев-поденщиков в городах, не было сколько-нибудь значительного разде-

ления труда. В земледелии оно затруднялось парцеллярной обработкой земли, наряду с которой возникла домашняя промышленность самих крестьян; в промышленности же, внутри отдельных ремесел, вовсе не существовало разделения труда, а между отдельными ремеслами оно было лишь очень незначительным. Разделение между промышленностью и торговлей в более старых городах имелось уже раньше; в более новых оно развилось лишь впоследствии, когда города вступили во взаимоотношения друг с другом.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 23—24.

Противоположность между городом и деревней начинается вместе с переходом от варварства к цивилизации, от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации и проходит через всю историю цивилизации вплоть до нашего времени... Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, наслаждений, потребностей, между тем как в деревне наблюдается диаметрально противоположный факт — изолированность и разобщенность...

В течение всего средневековья непрерывно продолжается бегство крепостных в города. Эти крепостные, преследуемые в деревнях своими господами, приходили поодиночке в города, где они заставали организованную общину, по отношению к которой они были беспомощны и в рамках которой они вынуждены были подчиниться тому их положению, которое определялось потребностью в их труде и интересами их организованных городских конкурентов... Подмастерья и ученики были организованы в каждом ремесле так, как это наилучшим образом соответствовало интересам мастеров; патриархальные отношения между ними и мастерами придавали последним двойную силу: во-первых, мастера оказывали непосредственное влияние на всю жизнь подмастерьев, и, во-вторых, работа подмастерьев у одного и того же мастера была действительной связью, объединявшей их против подмастерьев других мастеров и обособлявшей их от последних; наконец, подмастерья были связаны с существующим строем уже в силу своей заинтересованности в том, чтобы самим стать мастерами. Поэтому если плебеи и поднимали иногда мятежи против всего этого городского строя, — мятежи, которые, впрочем, вследствие бессилия этих плебеев не приводили ни к какому результату, — то подмастерья не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя...

Разделение труда в городах между отдельными цехами было еще [совершенно примитивным], а внутри самих цехов между отдельными работниками и вовсе не проводилось.

Каждый работник должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что полагалось делать при помощи его инструментов; ограниченность торговли и слабая связь отдельных городов между собой, скудость населения и ограниченность потребностей препятствовали дальнейшему разделению труда...

Следующее расширение, которое получило разделение труда, заключалось в обособлении торговли от производства, в образовании особого класса купцов... Этим создавалась возможность торговой связи, выходящей за пределы ближайшей округи...

Вместе с концентрацией торговых сношений в руках особого класса и с тем расширением, которое — благодаря купцам — получила торговля, вышедшая за пределы ближайших окрестностей города, тотчас возникает и взаимодействие между производством и торговлей. Города вступают в связь *друг с другом,* из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность.

В средние века горожане в каждом городе вынуждены были для защиты своей жизни объединяться против сельского дворянства; расширение торговли и установление путей сообщения дали возможность отдельным городам узнать о других городах, отстаивавших те же интересы в борьбе против того же противника. Из многих местных объединений жителей отдельных городов лишь весьма постепенно возник *класс* горожан.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Немецкая идеология.
Соч., т. 3, стр. 49—53.

По образцу общины-марки строились все позднейшие промышленные общины и прежде всего городские цехи, внутреннее устройство которых было не чем иным, как применением устройства общины-марки, но уже к привилегированному ремеслу, а не к определенной территории.

Ф. Энгельс, Дополнения к третьему тому «Капитала». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. II, стр. 475—476.

... Цеховые законы, строго ограничивая число подмастерьев, которым имел право давать работу один мастер, тем самым планомерно препятствовали превращению его в капиталиста. Равным образом мастер мог использовать подмастерьев исключительно в том ремесле, мастером которого он сам был. Цех ревностно охранял себя от всяких посягательств

со стороны купеческого капитала, — этой единственной свободной формы капитала, противостоявшей цехам. Купец мог купить всякие товары, но не труд в качестве товара. Его терпели лишь в роли скупщика продуктов ремесла. Если внешние обстоятельства вызывали прогрессирующее разделение труда, то существующие цехи расщеплялись на подвиды или же наряду со старыми основывались новые цехи, однако без объединения различных ремесел в одной и той же мастерской. Таким образом, хотя обособление, изолирование и развитие ремесел цеховой организации послужило материальной предпосылкой мануфактурного периода, тем не менее сама цеховая организация исключала возможность мануфактурного разделения труда. В общем и целом рабочий срастался со своими средствами производства настолько же тесно, как улитка с раковиной...

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 23, стр. 371.

Главной целью цехового «...производства является *обеспечение существования ремесленника, ремесленного мастера,* стало быть, потребительная стоимость; не *обогащение,* не *меновая стоимость как самоцель.* Производство поэтому всюду подчинено потреблению, на которое оно заранее рассчитывает, предложение подчинено спросу, и поэтому производство расширяется лишь медленно.

К. Маркс, Формы, предшествующие
капиталистическому производству, М., 1940, стр. 50.

Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни. Можно сказать, что вся экономическая история общества резюмируется в движении этой противоположности...

К. Маркс, Капитал, т. I, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 23, стр. 365.

С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство...

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 21, стр. 163.

...Привилегии, учреждение цехов и корпораций, весь режим средневековой регламентации были общественными отношениями, единственно соответствовавшими приобретенным производительным силам и ранее существовавшему общественному строю, из которого эти учреждения вышли.

Маркс — П. В. Анненкову, 28 декабря 1846 г.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 27, стр. 403.

Частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства, а мелкое производство составляет необходимое условие для развития общественного производства и свободной индивидуальности самого работника. Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом, и при крепостном строе, и при других формах личной зависимости. Однако он достигает расцвета, проявляет всю свою энергию, приобретает адекватную классическую форму лишь там, где работник является свободным частным собственником своих, им самим применяемых условий труда, где крестьянин обладает полем, которое он возделывает, ремесленник — инструментами, которыми он владеет как виртуоз.

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 23, стр. 771.

Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии, то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 25, ч. II, стр. 365.

Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию.

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 23, стр. 728.

Средние века оставили после себя две различные формы капитала, которые достигают зрелости в самых различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом как таковым: ростовщический капитал и купеческий капитал... Превращению денежного капитала, образовавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе.

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,*
Соч., т. 23, стр. 759—760.

... Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает... Но как далеко заходит это разложение старого спо-

соба производства, это зависит прежде всего от его прочности и его внутреннего строя. И к чему ведет этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства становится на место старого, — это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. I, стр. 364.

Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (carrying trade), например у венецианцев, генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран.

... Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которые она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. I, стр. 361.

Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, а не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится просто его сохранять, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния.

К. Маркс, Капитал, т. III. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 25, ч. II, стр. 159—160.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов...

К. Маркс, Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4, стр. 425.

Из первоначального посадского населения средневековых *городов* с расцветом торговли и ремесла развились три резко обособленные группы.

Верхушку городского общества составляли *патрицианские роды,* так называемые *«благородные».* Это были наиболее богатые семьи. Они одни заседали в городском совете и занимали все городские должности. Поэтому они не только ведали доходами города, но и растранжиривали их. Сильные своим

богатством, своим традиционным, признанным императором и империей аристократическим положением, они всеми способами эксплуатировали как городскую общину, так и подвластных городу крестьян. Они занимались ростовщичеством, давая ссуды зерном и деньгами, присваивали себе всякого рода монополии, отбирали у общины одно за другим все ее права на совместное пользование городскими лесами и лугами, пользуясь ими исключительно в интересах своей частной выгоды, произвольно взимали дорожные, мостовые и воротные пошлины и всякие иные поборы, торговали цеховыми привилегиями, званием мастера, правами гражданства и правосудия. С крестьянами городской округи они обращались не менее беспощадно, чем дворяне и попы; более того, городские фогты и должностные лица в деревнях, которые все были патрициями, при взимании поборов присоединяли к аристократической жестокости и алчности еще и известный бюрократический педантизм. В управлении городскими доходами, собираемыми таким образом, господствовал величайший произвол: отчетность в городских книгах, представлявшая собой чистую формальность, велась чрезвычайно небрежно и запутанно; растраты и кассовые недочеты были обычным явлением...

Городская оппозиция патрициату делилась на две фракции...

Бюргерская оппозиция ...охватывала богатых горожан и горожан среднего достатка, а также бо̀льшую или меньшую часть — в зависимости от местных условий — мелких бюргеров... Она требовала контроля над городским управлением и участия в законодательной власти... ограничения патрицианского непотизма и олигархической власти нескольких избранных семейств, олигархии, которая все более открыто обозначалась даже внутри самого патрициата. В лучшем случае бюргерская оппозиция кроме того требовала замещения нескольких мест в совете горожанами, вышедшими из ее собственной среды. Эта партия, к которой кое-где присоединялась недовольная и опустившаяся часть патрициата, имела за собой значительное большинство во всех регулярных собраниях общины, а также в цехах... Впрочем, бюргерская оппозиция очень серьезно боролась против попов, праздная, привольная жизнь и распущенные нравы которых вызывали в ней величайшее негодование...

Плебейская оппозиция состояла из разорившихся горожан и массы городских жителей, не обладавших правами гражданства: ремесленных подмастерьев, поденщиков и многочисленных представителей возникающего люмпен-пролетариата, которые встречаются уже на низших ступенях развития городов...

Как мы видим, городская плебейская оппозиция того времени состояла из весьма смешанных элементов... С одной стороны, это были обедневшие цеховые бюргеры, все еще связанные своими привилегиями с существующим городским строем, с другой — выброшенные из своих насиженных мест крестьяне и уволенные слуги, которые еще не могли стать пролетариями. Промежуточное положение между теми и другими занимали подмастерья: временно они стояли вне официального общества и по условиям жизни настолько приближались к пролетариату, насколько это было возможно при тогдашнем состоянии промышленности и господстве цеховых привилегий; однако в то же самое время, в силу тех же цеховых привилегий, почти все они были будущими бюргерами и цеховыми мастерами.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 352—355.

В XV веке городские бюргеры стали уже более необходимы обществу, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения... Но как бы мелки и ограниченны ни были ремесла, а вместе с ними и бюргеры-ремесленники, у последних хватило силы совершить переворот в феодальном обществе, и они, по крайней мере, находились в движении, в то время как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у городского бюргерства было могучее оружие против феодализма — *деньги.*

Ф. Энгельс, О разложении феодализма
и возникновении национальных государств.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, стр. 406—407.

В средние века крепостное право преобладало. И здесь формы государства были разнообразны, и здесь мы имеем и монархию и республику, хотя гораздо более слабо выраженную, но всегда господствующими признавались единственно только помещики-крепостники. Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

В. И. Ленин, О государстве. Полн. собр. соч.,
т. 39, стр. 76.

Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы

сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином.

В. И. Ленин, О государстве. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

Законодательство относительно наемного труда, с самого начала имевшее в виду эксплуатацию рабочего и в своем дальнейшем развитии неизменно враждебное рабочему, начинается в Англии при Эдуарде III рабочим статутом от 1349 года. Во Франции ему соответствует ордонанс 1350 г., изданный от имени короля Иоанна...

... Дух рабочего статута 1349 г. и всех последующих законов ярко сказывается в том, что государство устанавливает лишь максимум заработной платы, но отнюдь не ее минимум.

К. Маркс, Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 23, стр. 748—749.

Объединение более обширных областей в феодальные королевства являлось потребностью как для земельного дворянства, так и для городов. Поэтому во главе организации господствующего класса — дворянства — повсюду стоял монарх.

К. Маркс, Ф. Энгельс, Немецкая идеология. Соч., т. 3, стр. 24.

В каждом из средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они одновременно находились в состоянии непрерывного мятежа.

Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, стр. 410—411.

... Во всей этой всеобщей путанице королевская власть была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противовес раздробленности на мятежные вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и бюргерства ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, — ведь в течение всех средних веков развитие не шло непрерывно в одном направлении, — и вновь возобновлялся, становясь все крепче, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской вла-

сти одержать окончательную победу, а королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника.

Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, стр. 411—412.

Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим. Европейский мир, фактически лишенный внутреннего единства, был объединен христианством против общего внешнего врага — сарацин. Западноевропейский мир, представлявший собой группу народов, развитие которых происходило в условиях постоянно изменявшихся взаимоотношений, объединялся католицизмом. Это теологическое единство было не только идейным. Оно действительно существовало и не только в лице папы, монархического средоточия этого единства, но прежде всего в лице церкви, организованной на феодальных и иерархических началах. Владея в каждой стране приблизительно третьей частью всех земель, церковь обладала внутри феодальной организации огромным могуществом. Церковь с ее феодальным землевладением являлась реальной связью между различными странами; своей феодальной организацией церковь давала религиозное освящение светскому государственному строю, основанному на феодальных началах.

Ф. Энгельс, Юридический социализм. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 21, стр. 495.

Средневековье развилось на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала. Единственным, что оно заимствовало от погибшего древнего мира, было христианство и несколько полуразрушенных, утративших всю свою прежнюю цивилизацию городов. В результате, как это бывает на всех ранних ступенях развития, монополия на интеллектуальное образование досталась попам, и само образование приняло тем самым преимущественно богословский характер. В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия. А это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того положения, которое занимала цер-

ковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя.

Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии.
К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360—361.

Ересь городов — а она собственно является официальной ересью средневековья — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует gouvernement à bon marché, дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего église à bon marché, дешевой церкви. Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устраняло монахов, прелатов, римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим...

Совершенно иной характер носила та ересь, которая являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием. Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений Из «равенства сынов божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства. Эта крестьянско-плебейская ересь, которую в период расцвета феодализма, например у альбигойцев, еще с трудом можно отделить от бюргерской, развивается в резко выделяющееся партийное воззрение в XIV и XV веках, когда она вы-

ступает, как правило, уже совершенно самостоятельно рядом с бюргерской ересью. Таковы, например, Джон Болл, проповедник восстания Уота Тайлера в Англии рядом с последователями Уиклифа и табориты рядом с каликстинцами в Богемии. У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 361—363.

Вся эпоха крепостного права равным образом полна постоянных восстаний крестьян.

В. И. Ленин, О государстве. Полн. собр. соч.,
т. 39, стр. 77.

... В средние века борьба свободного крестьянства против все более и более опутывающего его феодального господства сливается с борьбой крепостных и зависимых крестьян за полное уничтожение феодального гнета.

Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии.
К. Маркс и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 364.

...Простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата.

В. И. Ленин, О конституционных иллюзиях.
Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

АНГЛИЯ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Документы по истории Англии XI—XV вв. сгруппированы в две темы: аграрные отношения и классовая борьба, развитие английского феодального государства. Документы, относящиеся к первой теме, позволяют представить хозяйственную и социальную организацию крупной феодальной вотчины в период расцвета феодализма (середины XIII в.) и, в частности, формы и способы эксплуатации крестьянства (док. № 1), характер огораживаний общинных земель в XIII в. и отношение к этому вопросу феодального государства (док. № 2), бедственное положение крестьянства в XIII в. и оценку этого положения самими крестьянами (док. № 3). Выдержки из протоколов судебных разбирательств (док. № 4—5) отражают попытки феодалов усилить эксплуатацию вилланов, сопротивление крестьян этим попыткам и классовую пристрастность королевских судов. В выдержках из хроники, современной восстанию Уота Тайлера (док. № 6), очень ярко описан ход восстания и, что особенно важно, даны все программные документы, выдвинутые восставшими крестьянами. Тема развития английского феодального государства раскрывается с начала усиления центральной власти после нормандского завоевания, когда Генрихом I была восстановлена деятельность собраний свободных жителей сотен и графств, которые с конца XII в. становятся проводниками политики центрального правительства на местах в противовес частной власти крупных феодалов (док. № 7); в док. № 8 отражены законодательные меры правительства Эдуарда I по ограничению феодальных иммунитетов; выдержка из Винчестерского статута (док. № 9) характеризует стремление королевской власти уже в XIII в. ослабить роль феодального ополчения в королевской армии за счет наемников, набираемых из числа свободных жителей королевства. Док. № 10 показывает, как

практически осуществлялся этот статут в конце XIII в. В большой группе документов об английском парламенте конца XIII — начала XIV в. содержится материал о социальном составе и организации парламента (док. № 11), о характере и порядке выборов в парламент представителей от городов и графств (док. № 12), о порядке разрешения налогов парламентом (док. № 13), об организации сбора налогов на движимость и обычной системе оценки имущества (док. № 14). Из док. № 15 и 16 мы получаем представление о том, как фактически производилась эта оценка и раскладка налогов в городах и сельских местностях.

Петиции сессий парламента (док. № 17) характеризуют интересы различных слоев английского общества этого времени. Док. № 18 содержит некоторые подробности о политическом конфликте 1301 г. между королем и парламентом по вопросу о сокращении королевских лесных заповедников. Док. № 19 — первая из парламентских петиций, которые к концу XIV в. стали источником законодательной инициативы парламента.

Желающим привлечь дополнительные материалы рекомендуем следующие издания: «Социальная история средневековья», под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II, М., 1929; «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. II, М., 1950; «Хрестоматия памятников феодального государства и права», под ред. В. М. Корецкого, М., 1961 (раздел III); «Памятники истории Англии XI—XIII вв.» (в переводе Д. М. Петрушевского), М., 1936; «Английская деревня XIII—XIV вв. и восстание Уота Тайлера», под ред. Е. А. Косминского и Д. М. Петрушевского, М., 1935.

Составитель и переводчик (док. № 3—5, 7—10, 12—15, 17—19) *Е. В. Гутнова;* док. № 16 — *А. А. Сванидзе.*

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XI—XV вв.

1. Манор аббатов Риптон [1]

Расследование о повинностях и взносах, произведенное в ближайший вторник после праздника св. Михаила в 36-й год царствования короля Генриха, сына короля Иоанна [2], Томасом Истэнд, Андреем Карпентером, Джоном, сыном Мартина, и Уильямом Хаулундом.

---

[1] Риптон — манор в 8 *км* к юго-западу от Рамзея, графство Гентингдоншир.

[2] 2 октября 1252 г.

Церковь

Они говорят, что церковь в аббатовом Риптоне построена и освящена во имя св. Андрея; и патронат над ней принадлежит рамзейскому аббату и монастырю; в среднем ее доход оценивается в 30 марок в год. К этой церкви принадлежит одна свободная виргата пашни, и усадьба с постройками приходского священника, и три усадьбы трех держателей, которые платят в год в два срока 2 *s* 4 *d*. И каждый из них должен найти одного человека, чтобы полоть хлеб и убирать сено без харчей священника; а осенью они ставят по одному человеку на один рабочий день на харчах священника. Вместо десятины снопов с домена он получает 2 акра пшеницы и 2 акра овса в следующих трех местах... (Следуют названия конов.) Он пользуется правом на общинный выпас всего скота, какой у него есть, в Уэствудском лесу; но в этом лесу он не имеет права брать ничего из зелени без разрешения господина. Со свободных и вилланов он получает десятину сена; после смерти мужа с вдовы он получает лучшую голову скота; после жены, умершей при жизни мужа, — вторую по качеству голову. Он получает с жеребенка 1 *d*, с теленка — $^1/_2$ *d*, с ягненка — $^1/_2$ *d*, с козленка — $^1/_4$ *d*, а если теленок, ягненок или козленок будут проданы, то получает $^1/_{10}$ взятых за них денег. Десятину сада, огорода, шерсти, холста, поросят, гусей, кур и яиц он получает на пасху. С каждого мужчины, имеющего жену и очаг, за исключением коттеров, церковь взимает на лампаду 1 *d* в год. С мужчин, не имеющих жен, вдовцов и коттариев взимается только $^1/_2$ *d*. И с каждого дома, где имеется скот ценой хотя бы в 30 *d*, взимается 1 *d* на праздник св. Петра в оковах. Этот сбор называется денарием св. Петра.

Домен

Домен аббата в аббатовом Риптоне состоит из следующих пашен... (Следует 13 названий.) Их можно вполне обработать при помощи 5 плугов вместе с пахотными повинностями деревни. А пахотные повинности деревни приравниваются к работе двух домениальных плугов.

Луга, принадлежащие к этому манору, называются так... (Следует 6 названий.) Их можно по воле аббата ежегодно косить и огораживать. После же покоса и уборки сена все луга в Риптоне, если этого пожелает господин, находятся под запретом, пока хлеба, соседние с этими лугами, не будут свезены с полей; и никто не имеет права в это время пасти там свой скот. К этому манору принадлежат два леса, а именно: Уэствуд, в котором все имеют выпас по траве, и Хаулунд, в котором никто не пользуется правом общинного выпаса.

Манор может кормить двух быков, 20 коров с их приплодом, 400 овец, 100 свиней с тремя кабанами; и овцы коттеров и чужаков, не имеющих пахотных полей, могут ночевать лишь в загородке (falda) [1] господина.

В вилле Риптон имеется 11 гайд и 3 виргаты пашни, не считая аббатова домена. Четыре виргаты земли составляют гайду, и 20 акров составляют виргату.

Свободные держания

Отсюда Ричард-рыцарь держит 1 гайду свободной земли во владении и оммаже и за нее приносит оммаж аббату и посещает курию в Бротоне [2]. Он платит погайдовый сбор, сбор на починку мостов, подмогу шерифу и сотне и несет внешние службы полностью [3], как и все свободные держатели аббатства.

Филипп, сын рыцаря, держит 1 виргату земли... по дару своего отца; а тот получил ее от Гервазия, который держал ее непосредственно от господина аббата. За эту землю он приносит оммаж, посещает курию, платит подмогу шерифу, погайдовый сбор и несет внешние службы; и ежегодно на праздник св. Михаила он платит манору Риптон 2 *s* 2¼ *d*...

Симон Россель держит усадьбы и заимку и за них приносит оммаж аббату и платит рамзейскому сакристу [4] 6 *s* 8 *d* в год.

Роберт Вернон держит 1 виргату земли и платит за нее 3 шилл. в год и двух каплунов на рождество. Он платит вилланскую подать (tallagium) всякий раз, когда она накладывается на вилланов; платит погайдовый сбор, подмогу шерифу, уплату при проверке круговой поруки [5], сбор на починку мостов. Он пашет на господина три раза в год на стольких волах, сколько у него есть в плуговой запряжке. И со своим плугом должен являться на все плуговые помочи. И на осенние помочи он должен являться сам и его держатели, и вся его семья, кроме жены.

---

[1] Falda — загородка, куда загонялся скот на ночь. Лорду принадлежало право на весь остававшийся там навоз.

[2] В Бротоне (Broughton) у аббата была курия для свободных держателей из всех его маноров.

[3] Тут перечислены государственные и земские налоги.

[4] Сакрист — ризничий — должностное лицо в монастыре.

[5] В большей части Англии население было разделено на десятки (tithings), объединенные круговой порукой, т. е. обязательством представлять властям своих членов, совершивших какое-нибудь преступление. Дважды в год шериф объезжал все сотни графства и производил проверку круговой поруки (visus franci plegii, view of frankpledge), сопровождавшуюся расследованием о совершенных в десятках правонарушениях. Иногда право проверки круговой поруки принадлежало сеньору. В десятки было объединено главным образом несвободное население.

Джоселин Русби держит некий участок земли... содержащий 4 акра; это заимка отца этого Джоселина, сделанная им с разрешения Уольтера Стокли, бывшего тогда управляющим рамзейскими манорами. За нее он не несет аббату никакой службы.

Вилланская земля

Андрей Карпентер держит 1 виргату земли. Он платит 12 *d* heysyre[1] в три срока; на подмогу шерифу — $1\frac{1}{2}$ *d*; при его объезде — 2 *d* сельдяных денег[2]; вилланскую подать (tallagium), плату за выпас свиней (pannagium), сбор на починку мостов, погайдовый сбор, wodehac[3], меркет[4], прелюбодейную деньгу (leyrwit)[5], гериет[6], допускную плату (gersuma)[7], уплату при проверке круговой поруки; на рождество — один хлеб и трех кур в виде рождественского подарка; двух кур — за право собирать валежник и на пасху — 20 яиц.

Он должен также приготовить $1\frac{1}{2}$ митты солода, $\frac{1}{2}$ митты он должен обмолотить и доставить из барского двора в свой дом сам, за что ему выдается связка соломы, обвязанная двумя завязками для сушения солода, а одну митту в его дом посылает староста. И если изготовленный им солод будет забракован пивоваром, то он должен возместить пивовару из своего собственного имущества; молотьба, изготовление солода и перевозка зачитываются ему за три работы.

Каждый год, когда будет много желудей, он должен платить за годовалую свинью 2 *d*; за полугодовалую свинью — $\frac{1}{2}$ *d*, если она достаточно велика; за более молодую свинью — 1 *d* или $\frac{1}{2}$ *d*; и это он должен делать независимо от того, выгоняет ли он свиней в лес или нет.

А если у него есть 10 свиней, то господин получает лучшую, за исключением матки, если он пожелает удержать ее на следующий год.

---

[1] Heysyre — плата за пользование усадьбой.

[2] Сельдяные деньги — взнос, заменивший обязанность доставлять сельдей к столу шерифа во время его объезда.

[3] Wodehac — сбор на приобретение леса для постройки королевских крепостей и прочих государственных сооружений.

[4] Меркет — вилланский побор, уплачивался лорду манора при выдаче замуж дочерей вилланов. Также считался одним из признаков вилланского состояния.

[5] Leyrwit — штраф, взимавшийся с дочерей вилланов за прелюбодеяние.

[6] Гериет — плата в случае смерти держателя, обычно взимался натурой в виде лучшей головы скота.

[7] Gersuma — допускная плата, вносившаяся наследником при вступлении во владение наделом. Впрочем, это слово употреблялось в весьма различных значениях.

И он не может продавать свинью без разрешения. При проверке круговой поруки он платит за себя 1 *d* и за каждого живущего с ним сына старше 12 лет столько же.

Каждую неделю от праздника св. Михаила до 1 августа он должен работать в течение 3 дней, а именно по понедельникам, вторникам и средам, ту работу, какая будет ему приказана, если только не помешает какой-нибудь праздник. Такой праздничный день он потом не должен отрабатывать. Если ему будет приказано молотить, то за один рабочий день он должен обмолотить 24 снопа пшеницы или ржи или 30 снопов ячменя, бобов или овса. На ровной земле он должен сделать за один рабочий день канаву длиной в одну руду, т. е. в 16 футов, глубиной в 4 фута и шириной наверху в 5 футов и на дне в 2 фута. А при расчистке старой канавы он должен прокопать полторы руды той же ширины и глубины.

В Уэствуде он должен за один рабочий день собрать и принести 2 связки хвороста или веток или 4 связки терновника. В Хаулунде он должен собирать и носить с праздника св. Михаила до Hokeday[1] ветки и хворост, как в Уэствуде; и 15 связок терновника. И после этого дня — 6 связок терновника.

И какой бы вид работы ни был ему предписан, он должен работать с утра до того часа, когда распрягаются плуги; так до Hokeday. А после Hokeday до жатвы — в течение целого дня.

Он должен вспахивать каждую неделю от праздника св. Михаила до 1 августа, за исключением 13 дней, на рождество и в пасхальную неделю, по одной полосе[2] совместной плуговой запряжкой с другими крестьянами. Господин может по своему желанию иначе расположить эти пашенные повинности и потребовать, если захочет, в одну неделю то, что располагается на две или три следующие друг за другом недели.

Он вспахивает пол-акра под озимое, и это называется beneerthe. И одну руду он вспахивает вместо возки леса, которую прежде выполняли вилланы. Плуговую помочь (precaria carucarum) он должен давать всякий раз на той неделе, когда ему это будет приказано, в воскресенье на господских харчах, и это засчитывается ему за 1 рабочий день.

Он должен боронить под озимое целый день и под яровое до послеполудня. Разбрасывание навоза по двум полосам считается ему за 1 рабочий день. Если он будет наряжен на рубку, то он должен рубить дубы до полудня; и если господин пожелает, чтобы он пас, он должен работать до вечера; и так от праздника св. Михаила до Hokeday.

---

[1] Hokeday — вторник на фоминой неделе (вторая неделя после пасхи).
[2] Selio — обычно $^1/_2$ акра.

Полоть он должен целый день, и это засчитывается за 1 рабочий день; и один день он должен полоть в виде помочи (lovebone) [1] и должен боронить под озимое и яровое 2 дня в виде помочи; и за три помочи получает $1^1/_2$ хлеба.

Во время сенокоса работа продолжается целый день. А в тот день, когда косят луг, называемый Benemede [2], в Риптоне или в Готоне [3], он и его товарищи получат по обычаю 12 *d* из денег аббата... В обычные же сенокосные дни он получает столько сена, сколько он может поднять на рукоятке своей косы, так, чтобы коса не касалась земли. И если она сломается или коснется земли, то он теряет сено. От 1 августа до праздника св. Михаила, если жатва будет продолжаться столько времени, он должен ставить на работу двух людей каждую неделю по 4 дня, т. е. по понедельникам, вторникам, средам, пятницам; а по четвергам и субботам, если понадобится, он должен ставить после помочи двух человек на lovebones; он должен сжать $^1/_2$ акра, и это называется bene, и возить ее на господский двор.

И на все осенние помочи он должен являться со всем семейством, за исключением жены.

И на первую помочь ему дается хлеб, пиво, мясо и сыр; а на все остальные — хлеб, пиво, рыба и сыр. И пусть будет ведомо, что если какая-нибудь помочь придется на воскресенье, то он должен возместить этот день в другой подходящий день, поставив на работу двух человек.

Если ему придется возить сено или хлеб в Риптоне, он должен найти на целый день телегу с лошадью или двумя, и это зачитывается ему как работа двух человек.

Для возки сена из Готона или из Риптона в Рамзей к нему присоединяется один виргатарий; и эта возка зачитывается им за 2 рабочих дня.

Всякий раз, когда понадобится косить сено или солому [4], он должен работать с утра до вечера, и это засчитывается за 1 рабочий день. И должен также собирать и возить солому в течение всего жатвенного сезона с утра до вечера, и это каждый раз зачитывается за 1 день.

Он дает 1 ринг овса, и это называется foddercorn [5].

Если он должен будет молотить осенью, то будет молотить с утра до вечера, а не поурочно.

---

[1] Некоторые дополнительные работы назывались lovebones, т. е. добровольные исполняемые, из «любви» к господину. Тем не менее они были обязательны.

[2] Benemede — луг, который косили в виде помощи, сверх обычных барщинных работ.

[3] Готон — манор в 6 *км* к юго-востоку от Риптона.

[4] Во время жатвы хлеб срезали серпом очень высоко, а оставшуюся солому потом косили.

[5] Foddercorn — корм скоту.

Он должен возить на вьючном животном в пределах сотни... куда и когда ему будет приказано. И это ему не зачитывается в счет рабочих дней[1]. И когда он отправляется с вьючным животным за реку у Сент-Айвса или Гентингдона[2], он получает 1 *d* от тех, кто остается дома. При этом нагрузка вьючного животного определяется в 1 ринг зерна или угля при всех поездках, за исключением возки на барский двор в Рiптоне; когда он возит туда овес, нагрузка повышается на 1/2 ринга. А когда он возит в Рамзей уголь, свинину, сыр, кур или на телеге возит сено, то на двоих выдается 1 хлеб оруженосца и пиво.

Он должен найти человека для работы на винограднике; о сроке его известят; и получит 1/2 хлеба и пиво; зачитывается за 1 рабочий день.

А если он заболеет, его болезнь должна быть засвидетельствована приходским капелланом; и он освобождается с этого срока на время своей болезни от всех работ, кроме пашенных и половины осенних. А если его болезнь продлится один год и один день, то после этого срока, даже если он и будет все еще болен, он не освобождается ни от каких работ.

И когда он умрет, жена его даст вместо гериета 5 *s* и будет свободна от работ в течение следующих трех недель, и будет держать его землю, пока желает честно нести свои повинности. И если он пожелает продать лошадь или вола, то он должен сначала известить бейлифа и старосту, чтобы господин, по их представлению, имел в покупке преимущество перед прочими.

По желанию господина работы могут быть заменены денежными взносами[3]. Расценка их такова: один рабочий день зимой 3/4 *d*, летом — 1 *d*, осенью — 1 1/2 *d*, за исключением работ, сдающихся поурочно, каковые оцениваются в 1/2 *d* за дневной урок.

Он должен собирать и носить ветки и плести плетень у Сент-Айвса; и вместе с еще одним виргатарием устраивать стену между двумя столбами; это должно быть сделано своевременно[4]. И если нужно, он должен нести там службу ночного сторожа, и это идет в счет рабочих дней.

В свадебные дни он обязан угощать служащих барского двора хлебом и пивом.

---

[1] Эта повинность в рамзейских манорах обычно была «по воле господина», т. е. размеры ее не были определены.

[2] Сент-Айвс — местечко на реке Аузе, в 6 *км* к юго-востоку от Риптона. Там у аббата были манор и ярмарка. Гентингдон — главный город графства, в 5 *км* к югу от Риптона.

[3] Обратить особенное внимание на это обстоятельство.

[4] Дело идет о ярмарочных сооружениях в Сент-Айвсе.

И если он будет старостой, он получит 1 акр пшеницы и 1 акр овса рядом с землей приходского священника и будет свободен от всяких работ, пока будет занят в этой должности.

Харчи он получает только во время жатвы. Он освобождается от haysyre и foddercorn.

Кроме того, он держит $2^1/_2$ руды и платит за них 3 *d* в год. Уильям, сын Томаса, держит виргату земли и во всем делает то же, что и вышеназванный Андрей. И он держит еще 3 руды форленда [1] и платит за них $2^3/_4$ *d* в год.

(Следует перечисление еще 39 виргат.) Большинство держит, кроме того, небольшие участки форленда. Только на 10 виргатах сидит по одному виллану; на прочих — по два [2]. Один из вилланов держит сверх своего надела еще $^1/_4$ виргаты и несет с нее пропорционально повинности.

Роджер, сын Ричарда, держит $^1/_2$ виргаты и делает все пропорционально половине виргаты земли. И держит 1 руду... и платит за нее 1 *d*.

Уильям Волк держит $^1/_4$ виргаты и делает сколько полагается для $^1/_4$ виргаты.

Коттеры

Джон Диспенсатор держит котленд, за который платит вилланскую подать (tallagium) вместе с деревней, плату за выпас свиней (pannagium), сторожевые деньги (wardpenhy) [3], меркет, leyrwit, допускную плату (gersuma), плату за проверку круговой поруки, на рождество двух кур, на пасху 20 яиц, и во время проверки круговой поруки платит за себя и своих сыновей как виргатарий, равным образом и за своих свиней.

В течение всего года еженедельно он работает по одному дню всякую работу, какая ему будет приказана, но он не должен ни косить, ни рубить, ни работать на винограднике. Он должен сделать три дополнительные работы (lovebones) в год и три раза носить кладь на спине.

На все осенние помочи он должен являться со всей семьей и получает харчи как виргатарий...

(Еще 7 таких же держателей с такими же повинностями.)

Уильям Уенингтон держит усадьбу... и платит за нее 6 *d* в год, вилланскую подать (tallagium) вместе с деревней,

---

[1] Forland, или forerda, — неудобно расположенный уголок земли, не вошедший в нарезку пахотных полос; обычно эти земли сдавались мелкими клочками в аренду крестьянам.

[2] В данном случае мы имеем не совместное владение виргатой, а искусственное соединение двух отдельных наделов в одну виргату с целью более удобного распределения барщинных повинностей: два держателя совместно несут столько повинностей, сколько лежит на одной целой виргате.

[3] Сторожевые деньги — плата, являющаяся коммутацией сторожевой службы.

меркет, leyrwit, выкуп за дочь. На первую осеннюю помочь ставит одного работника.

Александр Карпентер держит усадьбу и $^1/_2$ акра земли и платит за них в год 4 *d*, вилланскую подать, меркет, leyrwit, выкуп за дочь, пошлину на выпас свиней; на первую осеннюю помочь он ставит одного человека, на рождество приносит двух кур вместо собирания хвороста, на пасху — 20 яиц.

Алиса, дочь Гарвея, держит усадьбу и платит за нее 4 *d* в год вилланскую подать и прочее, как вышеупомянутый Александр.

Гильберт Смит держит усадьбу и кузницу и платит за них 18 *d*. в год; платит вилланскую подать вместе с деревней, пошлину на выпас свиней. И ставит одного работника на первую осеннюю помочь...

«Английская деревня XIII—XIV вв.»
Сборник документов. Под ред. Е. А. Косминского
и Д. М. Петрушевского, М. — Л., 1935, стр. 34—42.

2. Мертонский статут (1235—1236), статья VI

Многие магнаты Англии, сдавшие в своих больших манорах мелкие держания в феод своим рыцарям и свободным держателям, жаловались, что они не могут извлекать выгод из остальных частей своих маноров, как-то: из пустошей, лесов и пастбищ, в то время как у тех, кто получил землю в феод, имеется достаточных размеров пастбище, сколько полагается при их держаниях; ввиду этого постановлено и соизволено, чтобы всякий раз, когда такие держатели феодов возбудят ассизу о новом захвате (assisa novae disseisinae) [1] по поводу [нарушения] своих общинных прав на пастбище и перед судьями будет установлено, что у них имеется такое количество пастбища, какое достаточно для их держаний, и что им предоставляется свободный проход и выход от их держаний до самого их пастбища, то пусть они этим удовлетворятся, и те, на кого они жаловались, будут оправданы в том, что они сделали для своей выгоды на своих землях, пустошах, лесах и пастбищах; если же они заявят, что у них недостаточно пастбища и им не предоставлено достаточного входа и выхода, как полагается при их держаниях, то истину следует расследовать при помощи ассизы. И если путем ассизы будет установлено, что есть какие-либо препятствия их входу и выходу или что им не предоставлено достаточного пастбища и достаточного входа и выхода, как сказано выше, то они получат обратно свое владение по приговору присяжных, так, чтобы по их осмотрительному, основанному на присяге

---

[1] Ассиза о новом захвате — одна из форм иска и судебного разбирательства в земельных тяжбах по поводу свободного держания.

приговору жалобщики получили достаточное пастбище и достаточный вход и выход в вышеупомянутой форме. А захватчики их прав пусть будут оштрафованы и возместят убытки, как они должны были возмещать до настоящего постановления. Если же путем ассизы будет установлено, что у жалобщиков имеется довольно пастбища со свободным и достаточным входом и выходом, как было сказано выше, то ответчикам будет предоставлена свобода извлекать выгоды из остального, и они будут по ассизе оправданы.

«Английская деревня XIII—XIV вв.»
Сборник документов. Под ред. Е. А. Косминского
и Д. М. Петрушевского, М. — Л., 1935, стр. 96—97.

3. Песня землепашца [1]

Я слышал, что люди на этой земле горько жаловались, как им трудно обрабатывать землю. Хорошие годы доброго урожая минули — люди забыли, что такое шутки, и больше не поют песен.

Теперь мы должны только работать, нам не осталось ничего другого; я не могу больше жить, собирая колосья после жатвы; но еще горше, когда приходится просить милостыню, ибо каждый четвертый пенни должен идти королю [2].

Так, мы жалуемся королю, но получаем холодный ответ, и, надеясь поправить свои дела, все время теряем больше и больше; тот, кто имеет какое-либо добро, не надеется его сохранить, но всякий раз мы в конце концов теряем самое дорогое.

Тяжело терять, когда мало, что есть, а у нас много нахлебников, ожидающих нашего добра; луговой сторож норовит причинить нам ущерб, чтобы получить мзду; бейлиф постоянно приносит нам вред, считая, что поступает хорошо; лесной сторож занят тем, что сторожит нас, следя за нами из-за деревьев. У нас не может быть ни достатка, ни покоя.

Так они грабят бедняка, который для них ничего не значит: он должен гибнуть в поту и в труде.

Он должен изнывать, хотя он принял присягу [3], и у него нет даже шапки, чтобы прикрыть голову. Так произвол шествует по стране, право нарушается, и вся рыцарская спесь опирается на труд бедняка.

---

[1] Перевод в прозе со староанглийского стихотворного текста.

[2] Имеются в виду государственные налоги, которые английские крестьяне (как крепостные, так и свободные) обязаны были уплачивать при каждом очередном сборе.

[3] Под присягой, очевидно, понимается вступление крестьянина в «десяток свободного поручительства», из которых состояла система круговой поруки крестьянского населения, существовавшая в Англии XI—XV вв.

Так они грабят бедняка и полностью обчищают его [карманы]; богатые лорды делают это без всякого права, так что их земли и их люди находятся в убожестве — настолько большой ущерб наносят им бейлифы своими вымогательствами. [Из-за этого] терпят унижение многие монахи, бароны и крепостные, клирики и рыцари [1]. Так произвол шагает по стране, наводя на всех ужас, выкармливая обман и заставляя всех склоняться перед могуществом.

А тот, кто заставляет нищих бродить с посохом и сумой, остается безнаказанным и неумолимым. Так, нас выгоняют из хороших домов в углы; и те, кто прежде носил хорошее платье, теперь одеты в лохмотья.

А потом еще является бедль [2] с насмешливыми словами: «Приготовь мне серебро для оплаты штрафа — ведь твое имя занесено в мои документы, и ты это отлично знаешь» [3]. А я уже более чем десять раз уплатил свои поборы! И все же я должен отнести ему жареных кур, а в рыбный день — миногу и лосося.

И вот я должен на выбор или выставить поручителей, или продать мой хлеб, когда он еще на корню. И для тех, кто получит все мое добро, я все же останусь грязным грубияном и буду вынужден, таким образом, истратить все, что я собирал целый год.

Я вынужден отдать то, что я накопил раньше, и позаботиться об этом до того, как придут судебные приставы. Ведь господин бедль является как дикий кабан — он кричит, что он опустошит мое жилище; чтобы его умилостивить я должен дать ему марку или еще больше, хотя я продал свою кобылу в установленный [обычаем] день [4]. Так под видом штрафов они притесняют нас, охотясь за нами, как собаки охотятся за зайцами.

Они преследуют нас, как собаки преследуют зайцев на холме. С тех пор как я работаю на земле, я постоянно терпел такие обиды. Бедли никогда не призывались к ответу, ведь они умеют избегать этого, мы же всегда попадаемся.

Так я с холодом в сердце несу все эти заботы, с тех пор как веду хозяйство и владею своей хижиной. Чтобы уплатить налог королю, я продал зерно, предназначенное для посева,

---

[1] Намек на то, что сами феодалы в конечном итоге терпят ущерб из-за разорения их крестьян.

[2] Бедль — судебный пристав в манориальной (вотчинной) курии и вообще в феодальных куриях, которым были подсудны крепостные крестьяне, а иногда и свободные держатели того или иного лорда.

[3] Имеются в виду протоколы курии, в которых фиксировались штрафы или недоимки с вилланов — крепостных крестьян.

[4] Обычно в феодальной вотчине XIII в. виллан, для того чтобы продать скот, должен был получить разрешение от феодала, а иногда продажа скота разрешалась только в определенный день.

и теперь моя земля пустует и привыкает к отдыху. С тех пор как они увели из моего хлева мой лучший скот, я готов плакать, думая о своей судьбе, — так рождаются нищие, и наша рожь гниет на корню. Наша рожь гниет на корню из-за плохой погоды. По свету бродит отчаяние и горе; насколько лучше сразу погибнуть, чем так трудиться.

«The Political Songs of England from the Reign of John to that of Edward II ed. Th. Wright», London, 1839, p. 149—152.

ПРОТОКОЛЫ СУДЕБНЫХ РАЗБИРАТЕЛЬСТВ МЕЖДУ ФЕОДАЛАМИ И КРЕСТЬЯНАМИ, ПРОИСХОДИВШИХ В РАЗЛИЧНЫХ КОРОЛЕВСКИХ СУДАХ

4. Споры о феодальных повинностях

Тяжба между Петром де Невиллем и его вилланами (1267 г.)

[Крестьяне манора Уайткок (Wytecok) в Лестершире пожаловались на своего лорда Петра де Невилль, обвиняя его в том, что он], утверждая, будто люди ... этого манора [1] являются вилланами, а не сокменами [2] господина короля, к большому ущербу крестьян выгнал их из домов и задерживает их имущество, несмотря на представление поручителей... чего господин король не желает и не должен терпеть. Роджер, сын Беатрисы, один из этих крестьян, говорит, что вышеуказанный Петр лишил его усадьбы и виргаты [3] земли, которыми вышеупомянутая Беатриса владела в день своей смерти как своим наследственным держанием. И другие люди этого манора [владели землей на таком же праве]. Вышеупомянутый Петр принуждал их к выполнению служб и повинностей, которых ни они сами, ни их предки никогда не выполняли. И Петр де Невилль явился в суд и заявил, что они вилланы господина короля и должны за свои земли нести всякого рода повинности — платить талью [4] по воле господина короля или

---

[1] Как видно из этого документа, манор Уайткок принадлежал королю и держатели считали его манором «старинного домена короны». На этом основании они претендовали на привилегии вилланов старинного домена — на определенность повинностей в пользу лорда и на право жаловаться на него в суд, в случае когда он лишает их наделов.

[2] Сокмен — в XIII в. свободный держатель за денежную ренту. Здесь имеются в виду вилланы-сокмены, т. е. вилланы старинного домена короны, пользовавшиеся некоторыми правовыми привилегиями по сравнению с другими вилланами.

[3] Виргата — мера земли, равная в среднем 30 акрам.

[4] Талья — в данном случае произвольный феодальный побор, взимавшийся лордами с вилланов и считавшийся одним из характерных признаков вилланского, крепостного состояния крестьянина.

того, кто держит эту землю по поручению короля, и давать меркет за выдачу замуж своих дочерей, и не могут продать жеребенка или своего быка, которого они вырастили без разрешения [лорда], и т. д. И сказал, что во времена короля Иоанна, отца теперешнего короля, этот манор как наследственное держание принадлежал некоему Реджинальду де Нортон и что господин король дал вышеуказанному Реджинальду в обмен на этот манор манор Тиндаль, а также заявил, что в те времена и во все последующие годы крестьяне выполняли указанные выше вилланские повинности. [Жюри подтвердило заявление ответчика, но отметило, что, когда манор находился в руках королей Иоанна и Генриха III]... управляющие манором, назначавшиеся королем, не брали с этих вилланов ничего, кроме 4 шилл. с каждой виргаты земли, в то время как свои другие домены и города господин король облагал тальей [1].

Поэтому было постановлено, что вышеуказанные люди являются вилланами господина короля и должны выполнять вилланские повинности и службы, как это они делали до сих пор, и что эти вилланы ничего не могут получить по своему иску и штрафуются за ложную жалобу.

Тяжба между Рожером де Валлибус и его вилланами (1281 г.)

Согласно справке, в Книге Страшного суда, манор Котон (Coton) не был старинным доменом короны [2]. Поэтому шерифу приказано, чтобы он принудил держателей этого манора выполнять в пользу Рожера де Валлибуса те повинности и службы, которые они обычно выполняли. Приказано также шерифу, что если указанному Рожеру случится в целях принуждения этих людей к вышеуказанным службам арестовать их скот или движимость, шериф не должен освобождать это имущество под предлогом какого-либо приказа из канцелярии, если в этом приказе не будет прямого упоминания о данном судебном решении.

Тяжба аббата де Бекко с его вилланом (1302 г.)

Присяжные говорят, что Джон де Брохюль из деревни Вендон является вилланом аббата де Бекко и что он подле-

---

[1] Талья — в данном случае государственный побор, взимавшийся королем с его доменальных земель и, в частности, с городов, но не распространявшийся на земли других феодалов.

[2] Старинный домен короны — маноры, записанные в качестве королевского домена (terra regis) в Книге Страшного суда. Эти маноры сохраняли свой статут и привилегии старинного домена и тогда, когда они переходили в руки других феодалов. О привилегии старинного домена см. выше, стр. 320, примечание.

жит обложению тальей и с головы до ног находится в воле аббата[1]. И аббат заявил, что за то, что он (виллан) оказал ему неповиновение, Вильям де Грэфтон (сенешал этого аббата) схватил виллана и посадил в колодки[2].

Тяжба между вилланами манора Саутвальхэм в Норфолке и их лордом Джоном Фастольфом (1324 г.)

Разные держатели и люди манора Саутвальхэм против Джона Фастольфа. Они утверждают, что этот манор — старинный домен короны и что упомянутый Джон требует с них другие и более тяжелые вилланские повинности, чем они имели обыкновение и обязаны были платить и выполнять, и что он требует от них новых [повинностей]. [Лорд] отвечает им, протестуя против того, что их адвокат Томас Дарнедаль является его вилланом, и требует, чтобы подобный прецедент никогда не мог быть использован к его (лорда) ущербу. И сверх того, он говорит, что некоторым из тех [держателей], которых он называет по имени, он не обязан отвечать, ибо они его вилланы[3]. А в отношении остальных он просит, чтобы они указали, на каком основании [они считают, что] указанный манор — старинный домен короны. И они сослались на данные Книги Страшного суда. Первые же названные вилланами [держатели] заявили, что они не вилланы, а свободные сокмены этого манора. Позже Гальфрид Жерард и другие держатели не стали поддерживать свой иск[4]. Поэтому они были оштрафованы, а Джон Фастольф отпущен с миром, [оправдан].

«Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum abbreviatio», London, 1811, p. 201, 346, 246.

5. Тяжбы между феодалами и крестьянами из-за общинных земель

1272 г.

Тяжба, в которой Гуго де Тиве и 20 других [людей] из деревни Хинтон, что рядом с Бифилдом, привлекаются к ответ-

[1] Т. е. его крепостной.

[2] Английское феодальное право признавало за лордом право арестовывать, заковывать в кандалы и колодки непокорных вилланов.

[3] Здесь лорд опирается на юридический принцип «Исключения вилланства» (exceptio villenagii), лежавший в основе английского феодального права, согласно которому вилланы не имели права возбуждать дела против своего лорда в королевском суде.

[4] Вилланы часто вынуждены были отказываться от своих исков против лордов ввиду их безнадежности, недостатка денежных средств для ведения процесса или прямого нажима со стороны лорда и королевских чиновников.

ственности от имени магистров Генриха де Брея и Вильяма де Мея за то, что они, крестьяне, не разрешают этим магистрам согласно обычаю выделить из пара (inhocare) некий участок земли, на который, по мнению вышеуказанного Гуго и других, распространяется право общинного выпаса[1].

1279 г.

Разбирается дело, возбужденное Джоном де Ласи против Мартина Шьют и 40 других лиц по поводу того, что они вошли на его землю в Нортволде и потравили его хлеба и траву. Они (обвиняемые) отвечают, что Нортволд является общинным пастбищем, которое принадлежит к их держаниям в Миттлволде и где они имеют право общинного выпаса.

1279 г.

Рожер де Бресю возбудил иск против Ильи, сына Ильи из Гуннингсбурга (Gunningesburge), и более чем 100 других лиц по обвинению в том, что они потравили своим скотом его хлеба в Донингдоне, на его заимке, которая называется Шортескубунгом (Shortescubung). И они отвечают, что они имеют там право общинного выпаса.

1289 г.

Мать короля[2], которой принадлежит опека над сыном и наследником Бенедикта де Блекенхэмом, на основании прав этого наследника возбуждает иск против более чем 100 лиц по обвинению в том, что они потравили своим скотом пастбище, находившееся в индивидуальном пользовании (separalem pasturum) этого наследника в Лифорде (Leaford). Они (ответчики) сказали, что вышеуказанное пастбище в Икельхэме (Ikelham) является их общинным пастбищем и что оно никогда не было в чьем-либо индивидуальном пользовании.

1303 г.

Томас де Гардинис возбудил иск против Генриха Компейна и 44 других лиц по поводу порубки [ими] его леса в [деревне] Айснинг. Генрих и остальные явились в суд и сказали, что в вышеуказанной деревне имеется некий луг, называемый

---

[1] Выделение из поля, находящегося под паром, участка для индивидуального пользования лорда серьезно ущемляло права общины, ибо нарушало принудительный севооборот, которому должны были подчиняться все члены общины, и сокращало общинное пастбище, так как на полях, стоявших под паром, обычно производился общинный выпас скота.

[2] Эдуарда I.

Фляшем, на котором они ежегодно имеют право общинного выпаса начиная с 9 часов утра дня св. Петра в оковах до праздника очищения блаженной Марии. И так как вышеуказанный Томас соорудил на этом лугу ров и вдоль этого рва насадил всякие растения, желая таким образом помешать им пользоваться их вышеуказанными общинными правами, они уничтожили этот ров и насаждения.

«Placitorum in domo capitulari Westmonasteriensi asservatorum abbreviatio», London, 1811, p. 201, 196, 281, 248.

II. ВОССТАНИЕ 1381 г. ПО ЛЕТОПИСНЫМ МАТЕРИАЛАМ

6. Из анонимной хроники, принадлежащей аббатству св. Марии в Йорке

После того как в 1380 г. в Нортемптонском парламенте были с легким сердцем разрешены субсидии и разным лордам и общинам показалось, что названные субсидии не были добросовестно собраны, но, как общее правило, взыскивались с бедных, а не с богатых, к великой пользе и выгоде сборщиков, вводя в обман короля и общины, Королевский совет назначил несколько комиссий для расследования в каждой деревне, как эти субсидии взимались. Одно из таких поручений было отправлено в Эссекс некоему Томасу Бамптону, сенешалу одного лорда, который занимал в этой местности высокое положение вроде короля или великого магната. Перед пятидесятницей он устроил заседание комиссии в деревне Брентвуд в Эссексе для производства расследования, огласил присланное ему поручение собрать деньги, которых не хватало, и произвести расследование о том, как сборщики собирали вышеназванную субсидию. Он велел явиться к нему деревни ближайшей сотни и пожелал взять с них новую субсидию, наказав людям этих деревень произвести старательное расследование и дать ему ответ и уплатить, что с них следует. Среди этих деревень был Фоббинг, и все его люди дали ответ, что они не желают платить ни одного пенни, потому что у них есть квитанция, полученная от него самого, в уплате этой субсидии. Тогда названный Томас сильно пригрозил им, а с ним было два сержанта нашего сеньора короля. И, боясь зла от него, люди Фоббинга стали совещаться с людьми Кэррингэма, и люди этих двух деревень поднялись и стали собираться вместе и обратились с просьбой к людям Станфорда восстать вместе с ними для пользы их всех. Затем люди трех этих деревень собрались вместе в числе ста и более и с общего согласия пришли к названному Томасу Бамптону и без

всякой церемонии дали ему ответ, что они не желают иметь с ним никакого дела и не намерены платить ни одного пенни. Тогда названный Бамптон приказал сержантам арестовать этих людей и посадить их в тюрьму. Но люди этих деревень воспротивились им и не желали быть арестованными, но намеревались убить названного Томаса и названных сержантов, вследствие чего вышеназванный Томас бежал в Лондон к Королевскому совету, а люди уже ушли в леса, боясь его злобы, и там укрывались долгое время, пока едва не умерли с голоду, а затем стали ходить из деревни в деревню, чтобы побуждать других людей восстать против больших лордов и состоятельных людей страны (bonz gentz du pais). И по причине этих происшествий, случившихся с названным Томасом, сэр Роберт Белкнап, главный судья общей скамьи нашего сеньора короля (Королевской скамьи), был послан в графство с полномочиями произвести расследование и суд по этим делам, и перед ним было выставлено много обвинений против разных людей, вследствие чего люди этого графства были в таком страхе, что собирались бросить свои усадьбы. Вследствие этого общины восстали против него и пришли к нему и заявили, что он изменник короля и королевства и что лишь по злобе и злоумышлению он хотел выставить их недоимщиками с помощью ложного расследования, перед ним произведенного, и заставили его поклясться на библии, что впредь он никогда не будет устраивать таких сессий и не будет судьей в таких расследованиях. И они заставили его сообщить им имена всех присяжных, причем всех их, кого только могли схватить, обезглавили и предали смерти, а их дома сровняли с землей. Названный сэр Роберт со всей поспешностью отправился восвояси. После этого названные общины собрались перед пятидесятницей в числе пятидесяти тысяч, и они отправились к манорам и деревням тех, которые не хотели восставать вместе с ними, и сровняли их с землей или предали их огню. Тогда же они схватили трех клерков вышеназванного Томаса Бамптона и отрубили им головы и носили их головы с собой изо дня в день на кольях для примера другим и намеревались убить всех законоведов и всех присяжных и слуг короля, каких только могли найти. В это время все магнаты (grandes seignurs) этого графства и другие сильные люди (grand gentz) бежали в Лондон и в другие графства, где только они могли спастись. Затем общины разослали разные письма в Кент и Сэффольк и Норфольк, чтобы они восстали вместе с ними, и когда они собрались, то затем разбрелись отдельными бандами, чиня великое зло в каждом округе.

В понедельник, ближайший после праздника пятидесятницы, рыцарь двора нашего сеньора короля, по имени сэр

Симон Бэрли, имея с собой двух сержантов названного короля, прибыл в вышеназванный понедельник в Гревзенд и потребовал здесь одного человека, заявляя, что это его крепостной (son natif). Уважаемые люди (les bones gehtz) города явились к нему, чтобы мирно договориться с ним из уважения к королю, но названный сэр Симон не хотел брать меньше 300 фунтов серебром, к великому разорению названного человека. Уважаемые люди просили его смягчить свое требование, но они не могли ни прийти к соглашению с ним, ни убедить его взять меньшую сумму, хотя они и говорили названному сэру Симону, что этот человек был христианин и добрых нравов и ввиду этого его нельзя доводить до полного разорения. Но названный сэр Симон был очень раздражителен и сердит и очень оскорбительно обошелся с этими уважаемыми людьми, и по грубости сердца приказал сержантам связать названного человека и отвести его в Рочестерский замок, чтобы здесь держать его под стражей, из-за чего впоследствии произошла великая беда и зло. И после его ухода общины начали подниматься, приглашать присоединиться к ним людей многих деревень Кента. И в это время судья был назначен королем и его советом и отправлен в Кент с полномочиями расследовать здесь бесчинства на манер того, как это было в Эссексе, и с ним сержант нашего сеньора короля, по имени господин Джон Legg, везя с собой большое число обвинительных показаний, направленных против различных людей графства, чтобы сделать короля богатым. И они хотели устроить сессию в Уентербери, но общины заставили их удалиться.

И после этого общины Кента без главы и без предводителя стали собираться со дня на день в большом числе, и в пятницу после пятидесятницы они пришли в Дартфорд и устроили совещание и постановили, чтобы никто из тех, кто жил вблизи моря в любом месте, в расстоянии двенадцати миль, не шел с ними, но оставался там, чтобы защищать берега моря от врагов, говоря между собой, что существует королей больше, чем один, и они не желают терпеть и иметь другого короля, кроме короля Ричарда. И в это же время общины Кента явились в Мэдстон и отрубили голову одному из лучших людей города и сровняли с землей разные дома и владения людей, которые не хотели восставать вместе с ними, как это было сделано в Эссексе, и в ближайшую пятницу после этого они пришли в Рочестер и здесь встретили большое число общин Эссекса, и из-за человека Гревзенда осадили замок Рочестера, чтобы взять оттуда своего гревзендского товарища, которого посадил туда в заключение вышеназванный сэр Симон. И они сильно напирали на замок, а комендант замка (conestable) мужественно защищал его пол-

дня, но наконец из страха, который он ощутил перед таким бунтом и перед толпой людей без разума из Эссекса и Кента, он сдал им замок, и общины вошли, и взяли своего товарища и всех заключенных, [и вывели] из тюрьмы. Люди из Грейвзенда отправились домой со своим товарищем в великой радости, ничего больше не делая. А другие из Мэдстона отправились с остальными общинами по прилегающим местностям. И здесь они сделали своим предводителем Уота Тайлера из Мэдстона, чтобы он поддерживал их и давал им советы. А в ближайший понедельник после праздника троицы пришли они в Кентербери около полудня, и 4000 из них вошли в собор св. Фомы во время торжественной обедни, и, набожно преклонив колени, затем все в один голос закричали монахам, чтобы они приготовились избрать одного из монахов архиепископом кентерберийским, потому что тот, кто состоит им теперь, изменник и будет обезглавлен за свою несправедливость. И это и сталось с ним через пять дней. И когда они сделали это (т. е. побывали в соборе. — *Д. П.*), они пошли в город к своим товарищам (a lour compaignions), и с общего согласия послали за мэром, бейлифами и общинами сказанного города, и стали спрашивать их, хотят ли они добровольно принести клятву быть верными и лояльными в отношении к королю Ричарду и верными общинам Англии (les loyals comons d'Engleterre) или же нет. И мэр отвечал, что они хотят добровольно сделать это, и они принесли свою клятву. Тогда они (восставшие. — *Д. П.*) спросили у них, нет ли среди них каких-нибудь изменников, и те сказали, что есть трое, и назвали их имена. Тогда общины вытащили их (этих троих) из их домов и отрубили им головы, а затем взяли с собой в Лондон пятьсот из людей города, а остальных оставили стеречь город.

В это время общины имели своим советником одного капеллана с дурной славой, по имени сэр Джон Болл, каковой сэр Джон Болл советовал им убрать (de fuir) всех лордов и архиепископа и епископов, аббатов и приоров и многих монахов и каноников так, чтобы не было ни одного епископа в Англии, кроме архиепископа, каким будет он сам, и ни одного монаха, каноника в религиозной обители, кроме двух, и что их владения должны быть поделены между мирянами. За это он считался среди общин пророком и изо дня в день трудился над тем, чтобы укрепить их в злобе, и за это получил впоследствии достойную награду, когда из него выпустили внутренности, а затем повесили его и обезглавили как изменника. После этого сказанные общины ходили по разным деревням и поднимали людей одних по доброй их воле, других против их воли, так что их собралось добрых 60 000. И, идя к Лондону, они встретили разных законоведов и двенадцать

рыцарей нашего государя этой страны, и схватили их, и заставили их дать им клятву, что они будут поддерживать их, иначе они будут обезглавлены. Они наделали много бед в Кенте и, в частности, Томасу Газельдену, слуге герцога Ланкастерского, из ненависти, какую они имели к сказанному герцогу. Ибо они сровняли с землей его маноры, а также растащили его постройки, продали его скот, лошадей, его хороших коров, овец и свиней и всякого рода хлеб в зерне по самой дешевой цене...

Когда услышал об их деяниях король, он отправил к ним своих посланцев в среду, ближайшую после названного праздника троицы, чтобы узнать, почему они так поступают и по какой причине они восстали на его земле. И они отправили через сказанных посланцев ответ, что они восстали для спасения его и для того, чтобы уничтожить изменников его и королевства. И сказанный король во второй раз послал сказать им, чтобы они перестали делать то, что они делали, из уважения к нему, чтобы он мог поговорить с ними, и что он сделает согласно их желанию резонные исправления того, что было сделано худого. И общины из чувства расположения к нему и через его посланцев просили сказать ему, что они хотят видеть его и говорить с ним на Блэкгизе. И король в третий раз послал сказать им, что он охотно прибудет к ним на другой день в час заутрени, чтобы услышать от них об их намерениях. В то время король был в Уиндзоре. Со всей поспешностью, с какой он только мог, он отправился в Лондон; тогда мэр и уважаемые люди (les bones gentz) Лондона вышли к нему навстречу и проводили его в безопасности в цитадель (Тауэр) Лондона. Здесь собрались весь Совет и все сеньоры из окрестностей, т. е. архиепископ кентерберийский, канцлер Англии, и епископ лондонский, и магистр госпиталя св. Иоанна в Клеркунуэлле, тогдашний казначей Англии, и графы Бэкингемский, Кентский, Арондел, Уоррик, Сэффольк, Оксфорд, Солсбери и другие, числом 600.

Накануне дня тела Христова пришли общины Кента на Блэкгиз в трех милях от Лондона в числе 50 000, чтобы ждать короля, и развернули два знамя св. Георгия и сорок небольших флагов. И общины Эссекса подошли с другой стороны воды в числе 60 000, чтобы помочь им и получить ответ от короля [1].

И сказанные общины имели между собой пароль: «ты кого держишься», по-английски «with whome haldes you», и ответ был «with King Richerd and the True comons» (короля

---

[1] Далее следует подробное описание поведения короля, который под влиянием своих советчиков не решался встретиться с восставшими.

Ричарда и верных общин), и те, кто не знал или не хотел так ответить, обезглавливались и предавались смерти...

...Перед часом вечерни общины вошли в большом числе — 60 000 — в Саусверк, где находилась тюрьма Маршалси. И они ворвались в нее, и разрушили все дома Маршалси, и вывели из тюрьмы всех заключенных, которые были заключены сюда за долги или за преступление, и затем сровняли с землей прекрасную усадьбу Джона Имуорта, тогдашнего маршала Маршалси из [суда] Королевской скамьи и стража заключенных в этом месте, и все дома присяжных и стряпчих, принадлежащих к Маршалси разрушали в течение всей ночи. А в это же время общины Эссекса подошли к Ламбету близ Лондона, манору архиепископа кентерберийского, и вошли в дома, и разрушили большое количество добра сказанного архиепископа, и бросили в огонь все книги регистра и свитки мемориалов, принадлежавшие канцлеру, там найденные.

А на следующий день, в четверг, который был праздником тела Христова, в тринадцатый день июня, сказанные общины пришли утром в Гайбери, в двух милях от Лондона к северу, очень красивый манор магистра госпиталя св. Иоанна в Кларкенвелле. Они предали его огню и пламени к очень большому ущербу и урону госпитальеров св. Иоанна, и одни из них вернулись в Лондон, а другие оставались в открытом поле всю ночь... В то же самое время сказанные общины держали свой путь через Лондон и не сделали никакого зла и ущерба, пока не дошли до улицы Флитстрит. А в это время, как было сказано (?), общины Лондона подожгли и сожгли прекрасный манор Савой до прихода общин из окрестностей... Затем они отправились к Темплю, чтобы погубить владельцев сказанного Темпля, и разрушили дома и разбросали все черепицы, так что сделали их плохо покрытыми. Они вошли в церковь Темпля и взяли все книги и свитки и мемориалы, которые находились в ящиках в Темпле и принадлежали изучавшим право, и вынесли их на площадь и сожгли их. И на пути к Савою они сжигали все дома, которые принадлежали магистру госпиталя св. Иоанна. А затем они отправились к дому епископа честерского возле церкви св. Марии, что на Странде, где жил сэр Джон Фордгам, избранный епископом дермским, хранитель тайной печати, и выкатили бочонки с вином из его погреба, и выпили достаточно, и удалились, не причинив больше зла. А затем они отправились к Савою и подожгли дома разных людей, которые навлекли на себя проклятия на западной стороне, и, наконец, пришли к Савою, и разбили ворота, и вошли в дом, и отправились в гардероб, и забрали все факелы, подставки для головы большой ценности, ибо по слухам, как об этом

рассказывали, они оценивались в 1000 марок. И все столовое белье и другое добро, какое могли найти, снесли в зал и зажгли сказанными факелами. И они сожгли зал и комнаты и все дома внутри ворот, принадлежащие к сказанному дворцу или манору, какие общины Лондона оставили несожженными...

Затем часть их отправилась к Уэстминстеру, и предала пламени дом Джона Бэттервика, помощника шерифа графства Мидделсекс, и другие маноры разных людей, и разбила уэстминстерскую тюрьму, и вывела из нее всех заключенных, осужденных законом, а затем вернулась в Лондон через Холборн и перед церковью гроба господня предала пламени дом Симона Hosteler и много других домов, и разбила тюрьму Ньюгет, и выпустила всех заключенных, за что бы они ни были заключены. В тот же четверг названные общины пришли к св. Мартину Великому и вытащили из церкви от высокого алтаря некоего Роджера Legett, главного стряпчего, повели его на Чипсайд, и здесь он был обезглавлен. В тот же день было обезглавлено еще 18 человек в разных местах города...

В это время король находился в одной из башен большого лондонского Тауэра и увидел манор Савой и Клеркенвелл и дома Симона Hostler возле Ньюгета и усадьбу Джона Бэттервика пылающими огнем. Он позвал всех лордов, бывших с ним, в одну комнату и просил у них совета, что делать в такой трудный час. И ни один из них не умел или не хотел дать совета, вследствие чего юный король сказал, что он велит мэру Сити сделать распоряжение шерифам и олдерменам, чтобы они в своих кварталах приказали громко оповестить, что все в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет под страхом за жизнь и члены должны завтра утром, в пятницу, быть на Майл-Энде и встретить его там в 7 часов; все это для того, чтобы все общины, которые находились вокруг Тауэра, прекратили осаду и отправились на Майл-Энд, чтобы видеть и слышать его так, чтобы все, кто находился в Тауэре, могли в безопасности выйти, куда им было угодно, и спастись. Но из этого ничего не вышло, потому что некоторым не привелось спастись. А в тот же четверг, в названный праздник тела Христова, король находился в Тауэре задумчивый и грустный. Взойдя в малую башню против св. Екатерины, где расположилось большое число общин, он приказал громко объявить им, чтобы все тотчас же мирно расходились по домам и что он простит им все их проступки. И все закричали в один голос, что они не уйдут прежде, чем не получат находящихся в Тауэре изменников и хартий, которые освободят их от всякого рода рабства (de ester free de toutte maner de servage) и дадут им и другое, чего они потре-

буют. И король благосклонно пожаловал им это и приказал клерку написать билль в их присутствии в таком роде: «Ричард, король Англии и Франции, премного благодарит свои добрые общины за то, что они так сильно хотели его видеть и иметь своим королем, и прощает им всякого рода проступки, оскорбления и преступления, содеянные до этого часа, и хочет и приказывает, чтобы вслед за этим каждый поспешил к себе домой и чтобы каждый изложил свои жалобы на письме и прислал их ему, и он по совету верных лордов и своего доброго совета измыслит такое средство, которое будет на пользу ему и им, и всему королевству». И к этому он приложил свою печать в присутствии их и затем отправил названный билль с двумя из своих рыцарей к св. Екатерине и велел прочесть его им. И тот, кто читал билль, стоял на старом кресле перед другими, так что все могли слышать. И все это время король находился в Тауэре в большой тревоге. И когда общины выслушали билль, они сказали, что это только пустяки и издевательство. Поэтому они вернулись в Лондон и велели оповестить по Сити, что все законоведы и все из канцелярского суда и из Палаты шахматной доски и все, кто умеет писать бумаги, должны быть обезглавлены, где только их найдут. В это же время они сожгли много домов в Сити, и король взошел на высокую башню Тауэра, чтобы смотреть пожар. Затем он опять сошел вниз и послал за лордами, чтобы иметь их совет. Но они не знали, что советовать, и были удивительно как подавлены и смущены.

На другой день, в пятницу, общины из окрестностей и общины Лондона собрали страшные силы числом 100 000 и более, кроме 80 000, которые оставались на холме у Тауэра, чтобы стеречь тех, которые находились в Тауэре. И некоторые отправились на Майл-Энд на Брентвудской дороге, чтобы ждать прибытия короля после оповещания, им сделанного, а другие отправились на холм возле Тауэра...

...И вот около семи часов король отправился на Майл-Энд и с ним его мать в карете и графы Бэкингэм, Кент и Уоррик и Оксфорд, и сэр Томас Перси, и сэр Роберт Ноллис, и мэр Лондона, и много рыцарей и оруженосцев; а сэр Обри де Вер нес государственный меч. И когда он прибыл и общины увидели его, они все склонили перед ним колени и сказали: «Добро пожаловать, наш сеньор король Ричард, и мы не хотим иметь другого короля, кроме вас». И Уот Тайлер, их предводитель и главарь (meastre et ductour de eux), стал просить его от имени общин, чтобы он позволил им взять всех изменников против него и против закона, и король соизволил на то, чтобы они взяли по своему желанию тех, кто были изменниками и о которых можно было законным порядком доказать, что они были изменниками. И названный

Уот и общины держали два знамя, и флаги, и флажки, когда они обращались со своей петицией к королю. И они просили, чтобы ни один человек не был больше крепостным (naife) и не приносил феодальной присяги и никакой повинности не нес никакому сеньору (ne fair homage ne nul menner de suit a ascun seignur), но давал бы по четыре пенса за акр земли и чтобы никто не должен был никому служить (servire ascune home) иначе, как по своей доброй воле и по договору (et par couenante taille).

И в это время король велел общинам выстроиться в два ряда и оповестить их, что он хочет подтвердить и пожаловать им, чтобы они были свободны, и вообще все, чего они желают, и что они могут пройти через все королевство Англии и брать всех изменников и в безопасности приводить их к нему и он будет наказывать их, как того требует закон.

Под предлогом этого пожалования названный Уот Тайлер и некоторые общины отправились к Тауэру, чтобы взять архиепископа, а другие остались на Майл-Энде. В это время архиепископ набожно пел свою мессу в Тауэре и исповедовал приора госпиталя в Клеркенвелле и других, а затем слушал две мессы или три и пел Commendacione и Placebo и Dirige и семь псалмов и литанию, и когда он произносил: «Все святые, молитесь за нас», вошли общины и вытащили архиепископа из капеллы в Тауэре, грубо толкали и били и других, которые были с ним, и вывели их на холм у Тауэра, и отрубили голову владыке Симону Сэдбери, архиепископу кентерберийскому, и сэру Роберту Гельзу, приору госпиталя св. Иоанна в Клеркенвелле, казначею Англии, и сэру Уильяму Аппелтону, большому знатоку права и хирургу, главному доктору короля и герцога Ланкастерского. Некоторое время спустя они отрубили голову Джону Леггу, сержанту нашего сеньора короля, и одному присяжному... Когда это было сделано, они отправились в церковь св. Мартина у Винного подворья и нашли в сказанной церкви тридцать пять фламандцев, вытащили их и на улице отрубили им головы. И было обезглавлено в этот день 140 или 160 человек. Затем они отправились к домам ломбардцев и других иноземцев, врывались в их дома и грабили их, забирая все их имущество, какое только могли найти, в течение всего дня и наступившей ночи с отвратительными криками и страшным шумом...

На следующий день, в субботу, большое число общин пришли в Уэстминстерское аббатство в час третий и здесь нашли Джона Имуорта, маршала Маршалси и стража заключенных, человека без жалости, мучителя, возле раки св. Эдуарда, схватившегося за мраморную колонну и просившего у него помощи и поддержки для своего спасения от своих врагов. Общины оттащили его руки от колонны на-

званной раки, отвели на Чипсайд и обезглавили его. В это же время они схватили на Хлебной улице одного слугу Джона Гринфильда за то, что он хорошо говорил о брате Уильяма Аппелтона и других, вывели его на Чипсайд и отрубили ему голову. И все это время король велел оповещать по Сити, что всякий должен удалиться в свой округ и в свой дом и не делать больше зла. Но на это они не согласились. В тот же день в три часа пополудни король отправился в Уэстминстерское аббатство, и с ним была свита из 200 человек. Аббат, и конвент этого аббатства, и каноники, и викарии капеллы св. Стефана вышли в процессии ему навстречу, одетые в мантии и с босыми ногами, на полпути к Чэринг-Кроссу и проводили его в аббатство, а затем — в церковь к высокому алтарю. И король набожно творил свои молитвы и оставил свое приношение алтарю и реликвиям. А затем он беседовал с затворником и исповедовался у него и долго был с ним. Затем король велел оповестить среди всех общин из окрестностей, которые были в Сити, чтобы они отправились на Смисфилд, чтобы встретиться там с ним, и так они и сделали.

И когда король прибыл со своими людьми, он стал с ними к востоку, возле госпиталя св. Варфоломея, дома каноников, а общины стояли к западу в боевом порядке в большом числе. В это время подъехал мэр Лондона Уильям Уолуорс, и король велел ему отправиться к общинам и сказать, чтобы их предводитель явился к нему. И когда он был позван мэром, по имени Уот Тайлер из Мэдстона, он подъехал к королю с большой учтивостью, сидя на небольшой лошади, чтобы его могли видеть общины. И он сошел с лошади, держа в руке кинжал, который он взял у другого человека. И когда он сошел, он взял короля за руку, наполовину согнул колено и крепко и сильно потряс кисть руки, говоря ему: «Будь спокоен и весел, брат! Через какие-нибудь две недели общины будут хвалить тебя еще больше, чем теперь, и мы будем добрыми товарищами». А король сказал названному Уоту: «Почему вы не хотите отправляться в ваши места?» Тот отвечал с большой клятвой, что ни он, ни его товарищи не уйдут до тех пор, пока не получат грамоту такую, какую они хотят получить, и пока не будут выслушаны и включены в грамоту такие пункты, каких они хотят потребовать, угрожая, что лорды королевства будут раскаиваться, если они (общины) не получат пунктов, каких они хотят. Тогда король спросил его, какие это пункты, каких они хотят, и он охотно и без прекословий прикажет написать их и приложить к ним печать. И тогда названный Уот прочел вслух пункты, которых они требовали, и потребовал, чтобы не было никакого другого закона, кроме Уинчестерского

закона, и что впредь ни в каком судебном процессе не будет объявления вне закона (nul uttelagarie), и что ни один сеньор не будет иметь сеньории, и все они будут справедливо разделены между всеми, и только один сеньор король будет их иметь, и что имущество святой церкви не должно находиться в руках монахов, приходских священников и викариев, ни других из святой церкви; но те, кто владеет им, будут получать достаточное для жизни содержание, а все остальные имущества должны быть разделены между прихожанами; епископов не будет в Англии, кроме одного, и прелатов, кроме одного; и все земли и держания, находящиеся у этих владетелей, будут взяты у них и разделены между общинами, оставляя им умеренное содержание; и что в Англии не будет ни одного крепостного (nul naif), ни крепостничества, ни холопства (ne nul seruaige ne naifte), но все должны быть свободны и одного состояния (et de un condicione). На это король спокойно ответил и сказал, что все, что может, он честно им пожалует, оставляя за собой регалию своей короны, и велел ему отправляться в свой дом без дальнейшего замедления.

Все это время, когда король говорил, ни один лорд и ни один из его советников не осмеливался и не хотел давать ответ общинам ни в одном месте, кроме самого короля. В это время Уот Тайлер приказал в присутствии короля принести себе склянку воды, чтобы освежить себе рот из-за большой жары, которую он испытывал, и как только вода была принесена, он стал полоскать свой рот грубым и отвратительным образом перед лицом короля. А затем он велел принести себе фляжку пива и выпил большой глоток и в присутствии короля опять влез на свою лошадь. В это самое время один слуга из Кента, находившийся среди людей свиты короля, пробился посмотреть названного Уота, предводителя общин, и когда он его увидел, он сказал во всеуслышание, что это величайший вор и разбойник во всем Кенте. Услышав эти слова, названный Уот потребовал, чтобы он вышел к нему, тряся головой в его сторону в знак раздражения; но названный слуга отказался идти к нему из страха перед толпой. Но наконец лорды велели ему выйти, чтобы посмотреть, что он будет делать перед королем. И когда названный Уот увидел его, он приказал одному из своих, который следовал за ним, который сидел на лошади, держа развернутое знамя, сойти с коня и отрубить голову названному слуге. Но слуга ответил, что он не заслужил смерти, но то, что он сказал, была правда, и он не станет отрицать этого, но в присутствии своего государя он не может вести спора по закону без его разрешения, разве только в свою собственную защиту, и это он может сделать без упрека;

поэтому тот, кто против него выступит, получит от него контрудар. И за эти слова названный Уот хотел нанести ему удар своим кинжалом и убить его в присутствии короля. Поэтому мэр Лондона, по имени Уильям Уолуорс, стал укорять названного Уота за это насилие и неуважительное поведение в присутствии короля и арестовал его. И за этот арест названный Уот в большом раздражении ударил мэра кинжалом в живот. Но, как было богу угодно, названный мэр носил кольчугу и не потерпел никакого вреда, но, как человек смелый и мужественный, извлек свой меч и ответил названному Уоту сильным ударом в шею и еще раз сильным ударом в голову. Во время столкновения один слуга королевского двора извлек свою шпагу и ударил его два или три раза в живот и ранил его насмерть. И названный Уот пришпорил лошадь, крича общинам, чтобы они отомстили за него; и лошадь пронесла его каких-нибудь восемьдесят шагов, и тут он свалился на землю полумертвый. И когда общины увидели, что он свалился, и не знали, наверное, что с ним случилось, они стали натягивать свои луки и стрелять, вследствие чего сам король пришпорил своего коня, и поехал к ним, и велел им, чтобы все они шли к нему на поле св. Иоанна Клеркенвельского...

...Затем, когда король прибыл в открытое поле, он велел общинам стать в порядке на западной стороне. И сюда прибыли олдермены, ведя с собой начальников кварталов во главе выстроенных в военном порядке своих людей, прекрасный отряд хорошо вооруженных людей большой силы. И они окружили общины, как овец в загоне. И после того как мэр отправил начальников городских кварталов к королю, он вернулся с отрядом копейщиков на Смисфилд, чтобы покончить с вышеназванным предводителем общин. Когда он прибыл на Смисфилд, он не нашел названного предводителя Уота Тайлера, и этому он очень удивился и спросил, куда девался изменник. И ему сказали, что он был отнесен частью общин в госпиталь для бедных возле св. Варфоломея и положен в комнату начальника названного госпиталя. И мэр вошел туда, и нашел его, и приказал вынести его на Смисфилд в присутствии его товарищей, и велел обезглавить его, и так окончил его преступную жизнь. И велел мэр насадить его голову на кол и нести перед собой к королю, который находился в поле. И когда увидел король сказанную голову, он приказал принести ее поближе к нему, чтобы привести в замешательство общины, очень благодарил названного мэра за то, что он сделал. И когда общины увидели, что их предводитель Уот Тайлер умер таким способом, они пали на землю среди пшеницы, как люди обескураженные, громко умоляя короля о прощении им их преступлений.

И король благосклонно даровал им прощение, и многие из них бросились бежать. И король сам повелел двум рыцарям проводить остальных людей из Кента через Лондон и через лондонский мост, не чиня им никакого вреда, так, чтобы каждый мог отправляться к себе домой. В это же время король приказал вышеназванному мэру, по имени Уильям Уолуорс, надеть на голову шлем для того, что должно было затем произойти, и мэр спросил, зачем это ему нужно сделать, и король сказал ему, что он (король) многим обязан ему, и за это он должен получить звание рыцаря[1].

...После этого король разослал своих посланцев по разным местам хватать злоумышленников и предавать их смерти. И многие были схвачены и повешены в Лондоне. И много виселиц было поставлено тогда вокруг лондонского Сити и в других городах и деревнях в южной части страны. Наконец, с божьего соизволения король увидел, что слишком много на его подданных погибели и много крови пролито, сердце его охватила жалость, и он даровал им прощение под условием, что впредь они никогда не будут восставать под страхом потери жизни и членов и что каждый из них возьмет грамоту о помиловании и заплатит королю пошлины за его печать 20 *s*, чтобы сделать его богатым.

Так кончилась эта несчастная война.

«Английская деревня XIII—XIV вв.».
Сборник документов. Под ред. Е. А. Косминского
и Д. Л. Петрушевского, М. — Л., 1935, стр. 158—175.

III. РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В XI—XV вв.

7. Распоряжение Генриха I о порядке созыва и ведения собраний сотен и графств

Предполагаемое время издания между 1108—1112 гг.

Генрих, король англов, епископу Самсону Урсу де Абстот[2] и всем своим французским и английским баронам в графстве Вустер, привет.

Знайте, что я желаю и приказываю, чтобы отныне мои собрания графств и сотен заседали бы в тех же местах и в те же сроки, как это происходило во времена короля Эдуарда[3], но не иначе. Сам же по своей воле буду созывать их

[1] Далее следует краткое описание крестьянского восстания в других областях Англии: Суффолке и Норфолке.

[2] Шериф графства Вустер.

[3] Имеется в виду король Эдуард Исповедник, правивший с 1042 по 1066 г.

ради моих государевых надобностей, когда этого пожелаю. И если впредь возникнет тяжба о разделе земельных владений, то, если это будет тяжба между моими держателями — баронами, пусть она разбирается в моей курии, а если [это будет тяжба] между вассалами двух разных лордов, то пусть она разбирается в собрании графства. И в этом случае тяжба должна решаться поединком[1], если стороны не придут к соглашению. И я желаю и приказываю, чтобы все жители графства[2] являлись на собрания графств и сотен, как они делали во времена короля Эдуарда, и чтобы осуществление королевского мира и спокойствия не замедлялось бы ни в коем случае из-за тех, кто не является на мои судебные собрания и разбирательства, соответственно тому, как они это делали в те времена.

Засвидетельствовано королем, епископом лондонским Рожером, канцлером Ранульфом и графом Малле. Дано в Рединге.

«Select Charters and other Illustrations of English constitutional History arranged and edited by W. Stubbs», Oxford, 1874, p. 103.

8. Из Глостерского статута 1278 г.

Первый (вводный) раздел статута, именуемый иногда статутом quo warranto

В год от рождения Христова 1278 и в правление короля Эдуарда [I], сына короля Генриха III, этот король, будучи озабочен исправлением недостатков и усовершенствованием администрации и правосудия в королевстве, как того требуют благо народа и обязанности короля, созвал в Глостере в августе месяце наиболее сведущих [людей] своего королевства, как больших, так и малых. Там было решено и постановлено с общего согласия, что, поскольку во многих случаях, касающихся иммунитетных привилегий и других дел, в отношении которых отсутствовали [специальные] законы, королевство терпело большой ущерб, а жители королевства из-за такого рода недостатков в законах бесчисленное множество раз подвергались разорению, необходимо внести различные дополнения в [действующее] право и издать новые постановления, а также [было решено], что нижеследующие статуты, ордонансы и постановления должны впредь твердо соблюдаться всеми жителями королевства.

---

[1] Речь идет о так называемом судебном поединке между тяжущимися, с помощью которого в английских судах до 60-х годов XII в. обычно решались все гражданские тяжбы.

[2] Имеются в виду лично свободные жители графств, составлявшие меньшинство населения, которое преимущественно состояло из разных категорий зависимого крестьянства.

Так как прелаты, графы, бароны и прочие люди королевства претендуют на владение различными иммунитетными привилегиями, то для проверки [их прав] на эти привилегии и вынесения судебного решения [по этому поводу] король должен назначить этим прелатам, графам, баронам и прочим определенный день[1]. Предусматривается с общего согласия, что вышеупомянутые прелаты, графы, бароны и прочие люди могут пользоваться такого рода иммунитетными привилегиями, ничего не прибавляя к ним с помощью насилий и узурпаций за счет прав короны, до ближайшего приезда в графстве, [где находятся иммунитеты] самого короля или разъездных судей, разбирающих общие тяжбы[2], или до тех пор, пока король не распорядится иначе, с тем чтобы за королем оставалось право начать расследование, когда он пожелает, согласно тому, что будет написано в королевском приказе [по этому поводу]. Такого рода приказы в отношении каждого ответчика [в отдельности] должны посылаться шерифам, бейлифам и другим [должностным лицам]; форма приказа должна изменяться в зависимости от различий в иммунитетных привилегиях, на которые претендует то или иное лицо.

Шерифы должны сделать публичные объявления во всех поселениях [своего графства], а именно в больших городах, бургах, рыночных местечках и повсюду в других местах, что все те, кто претендует на владение иммунитетными привилегиями, согласно хартиям предков [теперешнего] короля, королей Англии или по другим основаниям, должны явиться перед королем лично или перед его разъездными судьями в такой-то день и в таком-то месте и дать там показания о том, на какие иммунитетные привилегии они претендуют и на каком основании (per quel garaunt). И сами шерифы должны явиться туда [в суд] лично вместе с их бейлифами и другими помощниками, чтобы дать показания перед королем относительно вышеупомянутых иммунитетных привилегий и всех дел, касающихся этих привилегий.

И шерифы должны то же самое публично объявить во время судебного объезда и также явиться на него в сопровождении своих бейлифов и других помощников, чтобы дать показание перед судьями относительно этих иммунитетных привилегий и всех вещей, к ним относящихся.

Эти публичные объявления должны быть сделаны за 40 дней, как это принято при обычных вызовах [в суд], и если сторона, претендующая на владение привилегиями, не явится

---

[1] Для рассмотрения их претензий в суде, как явствует из нижеследующего.

[2] Имеются в виду обычные, а не какие-либо специальные разъездные суды.

перед лицом короля, ее отсутствие в разъездном суде не будет сочтено за неявку, так как господин король по своей особой милости гарантировал, что он не будет преследовать ответчика из-за отсрочки [судебного разбирательства]. И если ответчик по поводу такого рода привилегий будет отвечать перед вышеуказанными двумя разъездными судьями, то эти судьи, которые разбирают его дело, должны защитить его от каких-либо притеснений со стороны других судей и даже со стороны самого короля, поставив его в известность о том, что дело ответчика рассматривается в их суде... Но если те, кто претендует на владение такими иммунитетными привилегиями, не явятся [в одну из этих инстанций] в назначенный им день, то их привилегии должны быть взяты шерифом в руку короля[1], подобно тому как накладывается арест на имущество, с тем чтобы они не могли пользоваться этими привилегиями до тех пор, пока не явятся в суд... И когда они вследствие этой меры принуждения явятся в суд и потребуют эти привилегии, то могут выкупить их.

«Statutes of the Realm», Vol. I,
London, 1810, p. 45—46.

9. Из Винчестерского статута 1278 г.

Ст. VI. Далее приказано, чтобы каждый человек имел в своем доме вооружение, необходимое для охраны [мира, согласно древней ассизе][2]; а именно, каждый человек в возрасте от 15 до 60 лет должен принести присягу в том, что он будет иметь вооружение в соответствии с размерами его земельных владений и движимого имущества: при наличии земли с годовым доходом в 15 фунтов [стерлингов] или движимости на 40 марок [следует иметь] кольчугу, шлем, меч и кинжал; при наличии земли с годовым доходом в 5 фунтов — дублет, железный шлем, меч, кинжал; при наличии земли с годовым доходом от 40 до 100 шилл. [следует иметь] меч, лук со стрелами и кинжал; и кто имеет годовой земельный доход меньше чем в 40 шилл., обязан иметь алебарду, ножи и прочее мелкое оружие, а кто имеет движимость меньше чем на сумму в 20 марок, пусть имеет меч, нож и прочее мелкое оружие; и все прочие [люди], живущие вне территории лесных заповедников, должны иметь луки и тонкие стрелы, а в пределах лесных заповедников — луки и короткие утолщенные стрелы. Проверка [наличия] этого вооружения должна производиться дважды в год, для чего в каждой сотне и иммунитете должны быть выбраны два констебля, и выбранные констебли должны представлять назначенным для

[1] Т. е. должны быть временно конфискованы.
[2] Имеется в виду ассиза о вооружении Генриха II (1181 г.).

проверки разъездным судьям, когда те прибудут в графство, всех обнаруженных ими нарушителей постановлений в отношении вооружения и охраны городов и дорог.

«Statutes of the Realm», Vol. I, London, 1810, p. 98.

10. Образец приказов о наборе наемных воинов из числа свободных держателей графств, обязанных иметь вооружение, согласно Винчестерскому статуту

О наборе пеших воинов для отправки в Шотландию

Король своему возлюбленному и верному Вильяму де Ормесби. Мы попросили графов, баронов и прочих магнатов нашего королевства явиться конными и оружными в Нью-Касл на Тайне к нашему любимому сыну Эдуарду, который в настоящее время управляет от нашего имени [1] Англией, так, чтобы они пришли туда в ближайший день св. Николая и оттуда двинулись вместе с этим нашим сыном в Шотландию для защиты королевства и подавления коварных и мятежных шотландцев, которые с враждебным намерением уже напали на нас и наше королевство [2]. И так как для того чтобы с наибольшей твердостью осуществить это намерение, мы нуждаемся в большом количестве пеших воинов, мы назначили Вас, чтобы Вы набрали и наняли за наш счет тысячу пеших воинов из графства Нортумберленд, четыре тысячи из графства Йорк и тысячу из графств Ноттингем и Дерби и сколько возможно сверх этого, если Вы разведаете, что в этих графствах можно найти еще больше людей из числа лучших и более влиятельных, и все они, будучи хорошо вооружены каждый подходящим оружием [3], должны быть представлены Вами в указанный день и место, для того чтобы отправиться с сыном нашим и собравшимися там магнатами по направлению к Шотландской границе против вышеупомянутых шотландцев. И поэтому мы Вам приказываем, чтобы Вы как можно скорее лично прибыли в вышеуказанные графства, набрали там нужное количество таких пеших воинов и, согласно вышеуказанной форме, отвели их в предписанный срок в установленное место. Мы приказываем также шерифам вышепоименованных графств, чтобы они были готовы

---

[1] В момент подписания этого приказа Эдуард I находился в военной экспедиции во Фландрии, где вел войну с Францией.

[2] Воспользовавшись отсутствием короля, шотландцы в 1297 г. восстали против английского владычества.

[3] Возможно, что под «подходящим оружием» (competentibus armis) нужно понимать оружие, которое каждый совершеннолетний свободный человек обязан был иметь согласно Винчестерскому статуту.

отвечать перед Вами, советовать и оказывать помощь всякий раз, как Вы обратитесь к ним от нашего имени.

Итак, действуйте в этом деле предусмотрительно и старательно, и по заслугам будете вознаграждены нами. Засвидетельствовано Эдуардом, сыном нашим, в Вестмистере 23 октября 1297 г.

Таким же образом нижепоименованные лица были назначены для набора и найма [пеших воинов] за счет короля в нижеперечисленных графствах.

Джон де Ходельстон и Петр из Дэнвича для набора трех тысяч человек в графстве Ланкастер, пяти тысяч в графстве Кэмберленд и трех тысяч в графстве Вестморленд.

Вильям Ходенет для набора и найма трех тысяч человек в графствах Шропшир и Стаффордшир.

Генрих де Валей для набора и найма тысячи пеших воинов в графстве Вустер.

Роберт Беркли для набора и найма двух тысяч людей в графстве Глостер.

«Parliamentary Writs and Writs of military Summons», Vol. I, London, 1827, p. 304.

11. Приглашения в парламент 1295 г.

Приглашение архиепископа и духовенства

Король достопочтенному во Христе отцу Роберту той же милостью кентерберийскому архиепископу, всей Англии примасу, привет. Так как справедливейший закон, установленный прозорливой осмотрительностью священных государей, увещевает и постановляет, чтобы то, что касается всех, было всеми одобрено, то вполне очевидно, что против общих опасностей должны быть приняты меры, сообща обсужденные. В достаточной мере всем ведомо и уже, как мы думаем, по всем странам мира распространилась об этом весть, как король Франции обманным и хитрым способом нас отстранил от нашей страны Гаскони. Ныне же, не довольствуясь названным выше обманом и беззаконием, для завоевания королевства нашего огромный флот и громадное множество воинов собрав, с каковыми уже сделал враждебное нашествие на королевство наше и на жителей этого королевства, вознамерился совсем истребить с лица земли язык английский, если бы гнусному плану затеянного им беззакония соответствовала его сила, что да отвратит бог. Так как предусмотренные заранее удары менее опасны и так как здесь ваши интересы затронуты в сильнейшей мере, как и прочих сограждан этого королевства, то мы повелеваем вам, крепко наказывая именем верности и любви вашей к нам, чтобы

в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего [11.XI], вы лично присутствовали в Уэстминстре, предуведомив («Praemunientes») приора и капитул церкви вашей, архидиаконов и весь клир вашего диоцеза[1], чтобы эти приор и архидиаконы лично, а названный капитул через посредство одного, а этот клир через посредство двух достойных представителей, имеющих полную и достаточную власть от этих капитула и клира, вместе с вами присутствовали для того, чтобы здесь тогда всеми способами вместе с нами и с остальными прелатами и магнатами и другими жителями королевства нашего обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эти опасности и злоумышления. Засвидетельствовано королем в Уэнгеме в тридцатый день сентября.

Приглашение графа (эрла)

Король возлюбленному родственнику и верному своему Эдмунду, графу Корнуолла, привет. Так как необходимо позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают всему королевству нашему, и мы желаем иметь с вами и прочими королевства нашего магнатами совещание и рассуждение, то мы повелеваем вам именем верности и любви, которые вы имеете к нам, крепко наказывая, чтобы в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, Вы лично присутствовали в Уэстминстере для того, чтобы обсудить, постановить и исполнить вместе с нами и с прелатами и прочими магнатами и другими жителями королевства нашего то, с помощью чего следует устранить эти опасности. Засвидетельствовано королем в Кентербери в первый день октября.

Приглашение представителей графств и городов

Король шерифу Нортгамптоншира. Так как мы хотим иметь совещание и рассуждение с графами, баронами и прочими магнатами королевства нашего, чтобы позаботиться о мерах против опасностей, которые в эти дни угрожают этому королевству, вследствие чего повелели им, чтобы они прибыли к нам в воскресенье, ближайшее после праздника св. Мартина зимнего, в Уэстминстер, чтобы обсудить, постановить и исполнить то, с помощью чего следует устранить эту опасность, мы предписываем тебе, крепко наказывая, чтобы ты распорядился без замедления избрать и к нам в указанный выше день и место отправить от названного выше графства двух рыцарей и от каждого города этого же граф-

---

[1] Диоцез, иначе епископство, — территория, на которую распространялась церковная власть епископа.

ства двух граждан и от каждого бурга двух горожан из более выдающихся и более способных к труду; так, чтобы названные рыцари полную и достаточную власть за себя и за общину названного выше графства, а названные граждане и горожане за себя и за общину названных выше городов и бургов отдельно от них здесь тогда могли делать то, что тогда будет по общему совету постановлено касательно того, о чем была речь выше, так, чтобы за отсутствием этой власти названное выше дело никоим образом не оставалось бы несделанным. И ты должен иметь здесь имена рыцарей, граждан и горожан и этот приказ. Засвидетельствовано королем в Кентербери третьего дня октября.

«Памятники истории Англии XI—XIII вв.», М., 1936, стр. 220—222.

12. Образцы сообщений шерифов (returnus) о произведенных в графствах выборах рыцарей и горожан — представителей в парламент

Сообщение шерифа графства Девоншир (1290 г.)

Рыцари Роберт де Водстон и Андрей Треллор избраны общиной всего графства и им даны полномочия, согласно содержанию этого приказа[1], и Джилберт Бикербы с Алланом Дедескомб поручились за них в том, что они явятся [в парламент] в указанный в приказе день[2].

Сообщение шерифа Оксфордшира и Беркшира (1295 г.)

В графстве Оксфорд нет ни городов, ни бургов[3], кроме города Оксфорда. И приказ, который я получил, был передан бейлифам этого города, которые имеют право исполнять [на территории городского иммунитета] королевские приказы[4], и они мне сообщили, что с согласия общины[5] города Оксфорда, согласно форме [королевского] приказа, выбрано два нижепоименованных горожанина...

[1] Имеется в виду королевский приказ шерифу об избрании рыцарей и горожан.

[2] Поручительство бралось потому, что многие депутаты уклонялись от явки в парламент.

[3] Обычная формула парламентской документации XIII в. — «города и бурги». Под «городами» подразумевались наиболее крупные городские центры с широкими для Англии правами самоуправления (лат. «civitates»), под бургами («burgus») подразумевались все прочие города, привилегии которых были более ограничены.

[4] Город Оксфорд, как и многие другие города Англии, пользовался иммунитетным правом (returnus brevium), которое запрещало королевским должностным лицам, в том числе и шерифам, въезжать на территорию городской округи даже для выполнения королевских приказов.

[5] Под «общиной» города здесь подразумеваются все полноправные горожане.

Сообщение шерифа Линкольншира (1297 г.)

Получив приказ, я без промедления, с согласия вышеуказанного графства произвел избрание Симона, сына Радульфа, и Ричарда Кэвела, двух из числа лучших и знающих законы рыцарей графства Линкольн, которые имеют полномочия за себя и за всю общину этого графства; и я нашел нижепоименованных поручителей, так что могу обеспечить их явку к Эдуарду, любезному сыну нашего господина короля [1], в тот день и в то место, которые указаны в королевском приказе, для того чтобы они узнали и выполнили то, что там будет решено, в соответствии с тем, как этого требует приказ [2].

Сообщение шерифа Сэссекса и Сэрри (1297 г.)

Я созвал к себе в Льюс всех рыцарей и свободных держателей графства Сэссекс, которые, однако, отказались произвести выборы рыцарей в отсутствии архиепископа Кентерберийского и других, как епископов, графов, баронов, рыцарей, так и прочих [людей], находящихся в войске господина короля за морем [3] и в других местах [4].

«Parliamentary Writs and Writs of military Summons», Vol. I, London, 1827, p. 21, 40, 59, 60.

13. Приказ о сборе налога на движимость в размере $^1/_{30}$ от оцененной движимости налогоплательщиков (1283 г.)

Король рыцарям, свободным людям и всей общине графства Гампшир, привет. Ввиду того что Вы недавно через четырех рыцарей, посланных от имени общины графства в Норгемптон [5], любезно разрешили нам собрать субсидию, по причине нашей теперешней экспедиции в Уэльс [6], вследствие чего наши магнаты, узнав об этом, также согласились на эту субсидию, мы премного Вас благодарим. И эти магнаты, увидев, что рыцари других графств нашего королевства, по-

---

[1] Т. е. к наследнику престола будущему королю Эдуарду II, который осенью 1297 г. в связи с военной экспедицией Эдуарда I на континент Европы действовал в Англии от имени короля.

[2] Далее следуют имена поручителей.

[3] Т. е. в континентальной Европе.

[4] Очевидно, имеется в виду Шотландия, на границе которой в это время тоже концентрировались войска.

[5] Речь идет о парламенте, собравшемся незадолго до этого в Нортгемптоне.

[6] Имеется в виду война с Уэльсом, начавшаяся в 1283 г. и закончившаяся в 1284 г. присоединением Уэльса к Англии.

сланные от имени этих графств в вышеупомянутое место, разрешили нам субсидию в размере $^1/_{30}$ от всех своих движимых имуществ, также нам дали согласие на сбор этой субсидии в размере $^1/_{30}$ в той форме, в какой дали свое согласие рыцари графств. Поэтому мы назначили наших любезных и верных Уильяма де Брайбефа и Джона Арунделя для того, чтобы они определили размеры этого налога, произвели раскладку и сами вместе с шерифом этого графства собрали бы эту $^1/_{30}$; и поручаем Вам исполнять их требования, отвечать перед ними, помогать и советовать им во всех вышеуказанных делах в соответствии с тем, что они сообщат Вам от нашего имени. Засвидетельствовано королем в Редлене 18 февраля (1283 г.).

«Parliamentary Writs and Writs of military Summons», Vol. I, London, 1827, p. 13.

14. О налоге $^1/_{30}$ движимости, уступленной королю Эдуарду в 11-й год его царствования[1]

О порядке оценки, раскладки и сбора этого налога

Добрые люди этого королевства, как должно быть всем известно, по своей доброй воле согласились уступить королю ввиду его войны в Уэльсе $^1/_{30}$ всей их движимости, которую они имеют или имели за неделю до праздника св. Гилярия, за исключением, поскольку это касается всех добрых людей королевства, которые не являются горожанами или купцами, их драгоценностей, верховых лошадей, постелей, одежды, посуды, инструментов, яиц, каплунов, кур, хлеба, вина и пива, воска и всякого рода приготовленной и запасенной пищи. Но все имущество и движимость купцов и горожан должны быть оценены и обложены согласно тому, как они облагались ранее в тех случаях, когда предкам теперешнего короля разрешалось собирать вспомоществование. И пусть будет известно, что личное движимое имущество графов Глостерского, Уорена, маршала Уорвика, графа Линкольнского, Джона Гиффирда, Реджинальда де Грей, Джона де Веси и других магнатов, которые находятся с королем [на войне] в Уэльсе, а также [имущество] их вилланов не должно облагаться этим налогом, но [может быть обложено] только имущество их свободных держателей.

И в отношении тех, кто находится вместе с королем, но получает от него плату [за это], должна быть произведена оценка имущества, и [с них] должна быть собрана $^1/_{30}$. Также ничего не следует оценивать или брать [в счет этого налога] с личного движимого имущества архиепископов и епископов,

[1] Этот налог был разрешен Эдуарду I парламентом в 1283 г.

но вся движимость их свободных держателей и вилланов подлежит оценке, и с нее следует взять $^1/_{30}$.

Также пусть будет всем ведомо, что все горожане, жители бургов, церковные люди и прочие, оказавшие денежное воспомоществование королю через сэра Джона Керкеби[1], должны быть освобождены от уплаты этой $^1/_{30}$, так как они уже участвовали в уплате прежнего воспомоществования, если они предъявят соответствующие оправдательные документы. Но тем не менее вся их движимость должна быть оценена и обложена, если окажется, что [в тот раз] ничего не было взыскано с имущества духовных лиц в счет их светских доходов[2]...

И пусть всем будет ведомо, что эта оценка имущества должна быть произведена согласно определенным правилам, так, чтобы были оценены все виды имущества, подлежащего обложению. И следует иметь в виду, что оценщики и все прочие лица, участвующие в оценке, должны принести присягу по форме: о том, что они правильно и по закону в меру своих сил и знаний будут оценивать движимость всех добрых людей, согласно подписанной им форме и согласно тому, что к этому добавят главные оценщики[3] и что они ничего не пропустят ни ради любви, ни ради ненависти, ни по знакомству, ни за подарки или посулы, и будут делать все по закону, никого не избавляя [от налога]; и что они ничего не будут брать себе из имущества, которое должно быть оценено, ни сами, ни через других лиц, за исключением того, что они съедят или выпьют в течение дня. И что они законно произведут оценку и прикажут записать имя каждого плательщика и сумму оценки его имущества и по закону передадут эти записи главным оценщикам в виде свитка, к которому те приложат свою печать. И клерки, которые будут заполнять свиток, пусть принесут присягу, что они по закону будут записывать все имена, прозвища[4] и суммы налога и что они не совершат никакого обмана и ни с кого ничего не будут

---

[1] Джон Керкеби — в то время главный казначей Англии. Очевидно, речь идет о платежах, которые вносились ранее в казначейство отдельными лицами по частным соглашениям с ним.

[2] Имеются в виду доходы духовенства, которые оно получало от своих светских владений (temporalia), т. е. земель, лично приобретенных или полученных в наследство, в отличие от земель, принадлежавших церковным корпорациям, учреждениям, епископским кафедрам и приходским церквам (так называемые духовные владения церкви — spiritualia).

[3] Главные оценщики, или сборщики, ведали сбором налога во всем графстве. Они назначались королем, и им были подчинены сотенные сборщики, которым в свою очередь подчинялись лица, производившие оценку имущества и сбор налогов в каждой деревне.

[4] Прозвище в XIII в. обычно заменяло фамилию, которая в эту эпоху имелась далеко не у всех людей.

15. Списки по сбору налога на движимость ($^1/_{30}$) в 1283 г. в одной из деревень сотни Блекборн (Blackbourn) графства Сэффолк в Восточной Англии

Вилла Reseworth — по-англ. Rushford

Имена налогоплательщиков	Смешанное зерно		Ячмень		Овес		Чечевица		Упряжные и др. лошади		Жеребята		Коровы		Быки		Телята до 3 лет включительно		Овцы и бараны		Ягнята до 2 лет включительно		Общая сумма оценки имущества			Размер налога $^1/_{30}$	
	кв., буш.*	ш., п.**	кв., буш.	ш., п.	кв., буш.	ш., п.	кв., буш.	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	штук	ш., п.	ф.	ш.	п.	ш.	п.
1. Приор монастыря Theford[1]	8,0	32,0	9,0	36,0	10,0	13,4	—	—	2	12,0	—	—	5	20,0	2	10,0	4	4,2	—	—	15	10,0	6	17,6	6	4	7
2. Уолтер, препозитус[2]	2,0	8,0	8,0	32,0	3,0	4,0	0,4	1,6	1	4,0	1	1,0	3	12,0	—	—	2	6,0	60	55,0	34	14,0	6	17,6		4	7
3. Уолрер ле Фен	1,0	4,0	2.0	8,0	2,0	2,8	2	0,9	1	4,0	—	—	2	7,0	—	—	2	4,8	3	2.0	2	0,8	1	13,9		1	1 1/2
4. Петер де Факэнкэм	4	2,0	1,4	6,0	1,0	1,4	—	—	1	3,0	—	—	2	7,0	—	—	1	0,4	2	1,4	—	—	1	1,3		—	8 1/2
5. Томас, сын Уильяма	1,0	4,0	2.0	8,0	2,0	2,8	—	—	1	4,0	—	—	2	7,0	—	—	2	2,6	10	5,7	—	—	1	13,9		1	1 1/2
6. Александр Беркат	—	—	1,0	4,0	—	—	—	—	1	3,0	—	—	1	4,0	—	—	1	0,6	1	0,8	1	0,4	—	12,6		—	5
7. Гервазий Фабер[3]	4	2,0	1,4	6,0	1.0	1,4	—	—	—	—	—	—	1	4,0	—	—	—	—	2	1,4	1	0,4	—	15,0		—	6
8. Маргарета Бель	1,0	4,0	2,0	8,0	1,0	1,4	—	—	1	5,0	—	—	3	12,0	—	—	2	5,0	16	14,7	10	3,1	2	13,9		1	9 1/2
9. Уильям ле Фен	1,0	4,0	3,0	12,0	2,0	2,8	2	0,9	1	5,0	1	—	2	7,0	—	—	1	1,0	12	11,0	6	2,1	2	5,0		1	6
10. Петер Клирик	1,4	4,6	3,0	12,0	3,0	4,0	3	1,3	1	4,0	—	1,0	2	7,9	—	—	3	6,0	9	7,6	7	3,0	2	12,6		1	9
Всего	16,4	64,6	33,30	132,0	25,0	33,4	1,3	4,3	10	44,0	2	2,0	23	87,9	2	10,0	18	40,5	112	98,1	79	35,11	27	2,6		18	1

Примечания оценщика: Сумма оценки имущества виллы **27 ф. 2 ш. 6 п. Размеры $^1/_{30}$ — 18 ш. 1 п. Из этой суммы вычитается 4 ш. 7 п.** из части прибора[4] и остается сумма 13 ш. 1 п.

* Кв. — квартер, 8 бушелей; буш. — бушель.
** Ш. — шиллинг, 12 пенсов; п. — пенс.

1 По-видимому, лорд Виллы.
2 Возможно, что это староста виллы (praepositus).
3 Судя по фамилии, кузнец (faber).
4 **Скидка с налога делалась по особой милости короля или в счет выполнения феодалом военной или какой-нибудь другой службы.**

E. Powell, A. Suffulk Hundred in the Year 1283, Cembridge, 1910, tabil. 25.

брать при исполнении этой должности, благодаря чему король мог бы потерять доход или другие лица понесли бы ущерб.

«Parliamentary Writs and Writs of military Summons», Vol. I, London, 1827, p. 12.

16. Извлечения из налоговых списков по сбору налога на движимость (в размере $^1/_{15}$) в Колчестере (1301 г.)

Иоганн Красильщик имеет на данный день: 1 квартер зерна — 5 шилл.[1] и 2 бушеля зерна — 15 п., 4 квартера ячменя по 4 шилл. за квартер, 2 коровы по 5 шилл. каждая, 1 небольшой кусок шерстяной ткани — $^1/_2$ марки, 4 куска льняной ткани по 2 шилл. каждый, составы для красителей — 13 шилл., 1 нарядное платье — $^1/_2$ марки, 1 покрывало — 4 шилл., 2 серебряные ложки по 10 п. каждая, подушку — 3 шилл.

Всего имущества на 75 шилл. 3 п.
В счет $^1/_{15}$ — 5 шилл. 1 п.

Вильям Грэй имеет на данный день: 1 застежку (пряжку) — 12 п., 2 серебряные ложки — 16 п. В горнице: 2 нарядных платья по 6 шилл. 6 п. каждое, 2 накидки — 2 шилл. 6 п., 1 простыню — 12 п., 1 полотенце — 12 п. В кухне: 1 кастрюлю — 2 шилл., 1 сковородку — 12 п. В сарае: 1 корову — 5 шилл., 2 свиньи — 4 шилл., 1 попону — 4 шилл., грабли — 12 п., 1 кусок шерстяной ткани — 1 марка. В амбаре: 1 квартер ячменя — 3 шилл., 1 квартер мелкого овса — 20 п., топливо — 12 п. Приспособления для ловли рыбы, коровьи шкуры, пояса, воск и другие мелкие предметы для торговли — 16 шилл. В чулане: 2 кадки — 18 п., 2 чана — 12 п., 2 маленькие кадки — 6 п., 2 бочки — 6 п., 1 треножник — 2 п.

Всего имущества на 4 фунта 4 п.
В счет $^1/_{15}$ — 6 шилл. 4 п. с четвертью.

Вильям, цирюльник, имеет на данный день: 1 платье — 18 п., 1 супружескую кровать и 1 покрывало — 16 п., тазы для своей работы — 5 шилл., 1 полотенце — 6 п., 1 поросенка — 10 п.

Всего имущества на 9 шилл. 1 дин.
В счет $^1/_{15}$ — 7 п. обол.

Ранульф Стелегер, мясник, имеет на данный день: 1 пряжку серебряную — 8 п., 2 нарядных платья — 1 марка, 1 накидку — 4 шилл., 1 простыню и 1 полотенце — 20 п.,

[1] Здесь и далее имеется в виду оценка предмета.

1 кастрюлю — 2 шилл., 1 маленькую сковороду — 18 п., 4 метра ткани — 12 шилл., 1 треножник — 4 п., мясо для продажи и жир — 1 марка, 15 квартеров овсяного солода — 4 шилл., 2 бочки — 7 п., чаны и мелкие чаны и бочки для костей — 18 п., 1 топор и 1 маленький топор, необходимые для его ремесла, — 9 п.

Всего имущества на 60 шилл. 8 п.
В счет $^{1}/_{15}$ — 4 шилл. обол.

Вильям Каббер, дубильщик, имеет на данный день: кожи — 8 шилл., кожи в дубильне — 1 марка, 1 пресс — 2 шилл. 6 п., 1 верхнее платье, поношенное, — 2 п., 2 чана в своей дубильне — 9 п.

Всего имущества на 21 шилл. 3 п.
В счет $^{1}/_{15}$ — 17 п.

Гельфрид Даннинг, рыбак, имеет на данный день: сети для ловли рыбы — 4 шилл., 1 верхнее платье — 3 шилл. 6 п.

Всего имущества на 7 шилл. 6 п.
В счет $^{1}/_{15}$ — 6 п.

Вальбер имеет на данный день: 1 верхнее платье — 2 шилл. 8 п.

Всего имущества на 2 шилл. 8 п.
В счет $^{1}/_{15}$ — 2 п.

«Rotuli parliamentorum ut petitiones et placita in Parliamento», Vol. I, London, 1832, p. 229, 247, 248, 250, 252.

17. Петиции, подававшиеся на имя короля и его совета во время заседаний парламента от разных слоев населения

1290 г.

Гильберт Умфраунвилль просит разрешения на передачу в феод своему первородному сыну Гильберту и его жене Маргарет своего манора в Овертоне, с тем чтобы он держал этот манор от своего отца в течение всей жизни последнего, а после его смерти от главного лорда этого феода за службы, которые следуют и установлены [за это держание][1].

Ответ: Король не желает иметь посредников. И поэтому не согласен[2].

---

[1] Петиция эта вызвана изданием статута 1290 г. (quia emptores), который запрещал субинфеодацию, создававшую целую цепь промежуточных лордов между королем и его непосредственными держателями, без специального разрешения вышестоящего лорда.

[2] Отказ короля подтверждает предписание вышеупомянутого статута.

1305 г.

Петиция Вильяма де Инсула, который просит, чтобы его горожане города Тотнес были свободными от объезда шерифа[1], как это было всегда.

Ответ: Пусть будет проведено расследование о положении дел при его предшественниках и выяснено, какие данные имеются в его пользу.

1305 г.

Петиция того же Вильяма, который просит, чтобы господин король уступил ему право returnus brevium[2] в указанном городе Тотнес, которым пользовались некогда его предшественники.

Ответ: Пусть предъявит доказательства и пусть будет проведено расследование о положении дела при его предшественниках.

1305 г.

Петиция епископов, аббатов, графов, баронов и других людей королевства, которые просят короля ввиду того, что они выполнили в его пользу военную повинность по его приглашению во время его войны в Шотландии в 28-м и 31-м годах[3] его царствования, милостиво распорядиться о том, чтобы они могли собрать в свою пользу щитовые деньги, которые им полагаются согласно решению короля и его совета и т. д.[4]

Ответ: Король желает, чтобы все, как духовные, так и светские лица, выполнявшие свою военную повинность, получили бы то, что они просят в этой петиции, однако в соответствии с тем, что было решено об обложении щитовыми деньгами в королевском совете. Прелаты, графы, бароны и другие магнаты согласились на то, чтобы каждый щит уплатил 40 шилл. и чтобы щитовые деньги собирались в течение двух лет, если будет угодно королю.

«Memoranda de parliamento 1305.
Roll. Series N 98», London, 1893, p. 75, 123.

---

[1] Объезд шерифа — судебный объезд, производившийся шерифом два раза в год для проверки десятков свободного поручительства в графстве и для разбора мелких уголовных преступлений.

[2] Returnus brevium — иммунитетное право английских феодалов. При наличии этой привилегии шериф не имел права въезжать на иммунитетную территорию для выполнения каких-либо королевских приказов, и должен был передавать эти приказы для исполнения министериалам феодала.

[3] 1300 и 1303 гг.

[4] Речь идет о том, чтобы феодалы, поскольку они отслужили за свой счет в королевском войске, собрали бы в свою пользу щитовые деньги со своих держателей, которые не участвовали в войне. Если бы феодалы не служили лично, они должны были бы уплатить королю щитовые деньги за себя и своих держателей.

1290 г.

Ткачи города Оксфорда, которых раньше было 15 человек, обычно уплачивали господину королю 62 шилл. в год [1], теперь же их осталось только 7, и они обнищали, [поэтому] просят, чтобы, учитывая их бедность, им разрешили платить господину королю 1/2 марки в год, иначе они готовы вернуть господину королю его хартию, которую они имеют, и переселиться в какое-либо другое место и перенести туда свои дома.

Ответ: Пусть платят фирму [в прежнем размере] или уходят [из города].

1302 г.

Горожане города Линкольна и купцы графства Линкольна обращаются к королю и его совету с просьбой: поскольку король Генрих, отец теперешнего господина короля, приказал в своем открытом письме, адресованном ко всем духовным лицам этого графства, чтобы они не скупали шерсть и другие товары и не продавали бы их иностранным купцам вместе с шерстью, произведенной в их владениях, к разорению указанного города Линкольна и других торговых местечек в этом графстве, благодаря чему уменьшаются получаемые королем фирмы [2] и нарушается поступление обычных торговых пошлин, как это подробно изложено в вышеуказанном письме, копия которого приложена к этой петиции. [Они просят], чтобы господин король соизволил направить приказ шерифу Линкольншира, чтобы дело велось согласно форме вышеуказанного «открытого письма», так как иначе причиняется ущерб [королю] и происходит сокращение фирм и торговых пошлин господина короля и разорение вышеупомянутого города Линкольна и других торговых местечек этого графства, как это подробно изложено в этом открытом письме.

Ответ: Пусть будет приказано шерифу в той же форме, как раньше, и пусть будет исполнено.

1305 г.

Петиция мэра и горожан города Бристоля, которые просят, чтобы люди, которые держат земли и получают ренты с земель Магистра и братьев тамплиеров в городе Бристоле,

---

[1] Имеется в виду гильдия ткачей, имевшая королевскую хартию — право заниматься своим ремеслом в городе.

[2] Здесь фирма (firma) — платеж, который уплачивали в королевскую казну города те, кто пользовался правом самообложения и финансовой автономией по отношению к своему сеньору королю.

подлежали бы обложению тальей[1] и участвовали бы в уплате тальи, следуемой королю с этого города вместе с его горожанами, поскольку они (тамплиеры) ведут торговлю [в этом городе] и пользуются другими вольностями и выгодами, которые относятся к этому городу.

Ответ: Пусть их принуждают к участию в уплате тальи, и пусть просителям будет оказана справедливость. И сверх того, пусть мэру и бейлифам Бристоля будет выдан приказ [об этом] из канцелярии.

1305 г.

Жалоба бедных горожан города Ньюкасл на реке Тайн, которые просят помощи. Хотя предшественники теперешнего короля своими хартиями, которые теперешний король подтвердил, даровали всем горожанам этого города различные вольности, [а именно], чтобы они могли свободно покупать и продавать всякого рода товары в разных городах Англии, богатые горожане этого города препятствуют бедным горожанам пользоваться этими и другими нижеследующими вольностями: так, если какой-либо бедный горожанин делает в своем доме сукно, согласно ассиз[2], то он может продать его только оптом и т. д.; если в порт заходит корабль, груженный соленой рыбой, богатые не разрешают беднякам что-либо с него покупать сверх того, что им нужно для домашнего потребления, и также [не разрешается] выставлять для продажи в тавернах купленное вино или покупать и продавать необработанные кожи для дубления или овчины, или шерсть стоунами[3], и если они, [бедняки], это делают, то богачи подвергают их тяжелым штрафам.

И они также просят, чтобы мэр и бейлифы представили отчет о деньгах, которые они по разным поводам собирали с общины указанного города.

Ответ: Пусть казначею и баронам казначейства будет поручено специальным приказом из канцелярии вызвать к себе и выслушать обе стороны, [с тем чтобы решить], что нужно предпринять; и пусть бедные горожане пришлют одного представителя за всех.

«Memoranda de parliamento 1305». Roll. Series N 98, London, 1893, p. 75, 90, 123, 135.

---

[1] Талья — здесь произвольный побор с королевских городов и доменов.

[2] Имеется в виду «суконная ассиза» — государственное постановление, регламентирующее качество, размеры и цену сукон, предназначенных для продажи.

[3] Стоун — мера веса, равная примерно 6,35 *кг*.

1290 г.

Люди манора старинного домена короны Стонлей в Ардерн, которые имели обыкновение брать все, что им нужно, в лесах этого манора, и пользоваться [там] обширным пастбищем как для свиней за уплату паннагиума[1], так и для другого скота, и собирать орехи, и держать свинарники, и пользоваться проезжей дорогой и пешеходной тропой, [ведущей] к церкви, к рынку и к деревням аббата этого места[2], жалуются на то, что [аббат] огородил вышеуказанный лес и эту заимку, как и другие пастбища, и запахал их, вследствие чего они разоряются и не могут существовать и просят в этом деле у короля помощи.

Ответ короля. Пусть идут судиться в суд, который заседает в присутствии короля[3], и представят туда протоколы судебных разбирательств, которые велись [по этому поводу] в других судах; и там им будет оказана справедливость.

1290 г.

Люди манора Грендон, которые являются держателями старинного домена короны, жалуются на Филиппа де Паунтон, Изабеллу де Паунтон, Изабеллу де Мортуамари, Роберта де Ролей и Якоба де Паунтон[4], что они требуют от них других повинностей и служб, чем те, которые они обязаны были выполнять во времена, когда их лордом был господин король, и что в 47-м году царствования короля Генриха (1263 г.) эти лорды выгнали их с их земель и вывезли их движимое имущество на общую сумму в 100 фунтов стерлингов. И хотя они, держатели, судились с этими лордами в различных судах, никогда они не могли в результате этих разбирательств добиться справедливости. И они просят именем господа, чтобы господин король по своей милости как можно скорее позаботился бы оказать им помощь и чтобы король мог без промедления провести в их графстве расследование об их правах и оказать им справедливость.

---

[1] Pannagium — феодальный побор, взимавшийся с вилланов за право пасти свиней на общинном пастбище. Иногда так назывался вообще сбор в пользу феодала за выпас всякого скота.

[2] Имеется в виду аббат монастыря Стонлей (Stonley), очевидно, лорд жалобщиков.

[3] Суд coram rege — высший королевский суд, заседавший в присутствии короля. В конце XIII в. — это суд Королевского совета в отличие от обычных судов общего права, где это дело, очевидно, уже неоднократно рассматривалось раньше.

[4] Очевидно, лорды, в руках которых находились в момент жалобы земли этого манора, прежде являвшегося доменом короны.

Ответ короля. Пусть канцлер вызовет судей и изыщет раз и навсегда средство в помощь им и другим, находящимся в таком же положении.

«Rotuli parliamentorum», Vol. I, London, 1832, p. 46, 60.

ДОКУМЕНТЫ,
СВЯЗАННЫЕ С ПЕРВОЙ ОБЩЕПАРЛАМЕНТСКОЙ ПЕТИЦИЕЙ, ПОДАННОЙ КОРОЛЮ ОТ ИМЕНИ ВСЕХ СОСЛОВНЫХ ГРУПП, УЧАСТВОВАВШИХ В ПАРЛАМЕНТЕ В ЛИНКОЛЬНЕ В 1301 г.

18. Запрос, направленный [в письменном виде] прелатам и лучшим людям королевства [1] от имени господина короля в парламенте

Что касается предложений о пересмотре границ королевских заповедных лесов [2], который должен быть произведен [3], то король желает, чтобы они были показаны всем добрым людям, присутствующим на этом парламенте. И когда они изучат и хорошо узнают, как, каким образом и какими средствами это новое установление лесных границ должно быть произведено и по каким основаниям во всех пунктах и повсюду одновременно, имея при этом в виду то, что государь намерен сохранить в своих интересах, пусть, если они пожелают, скажут по этому поводу, согласно своим обязательствам, вытекающим из их оммажа и феодальной клятвы по отношению к королю и короне, считают ли они, что [предложенные] новые границы лесных заповедников установлены правильно и законно и по обоснованному решению на основании внушающих доверие фактов и что они приемлемы для короля, короны и народа, и что они могут их утвердить, не нарушая своей присяги и не причиняя разорения короне, и что они могут смело посоветовать, чтобы король соизволил принять эти новые границы. А если они сочтут, что следует увеличить размеры (лесных заповедников) [4] или изменить

[1] Лучшие люди королевства (proceres regni) — одно из обычных в Англии XIII в. обозначений представителей феодальной аристократии — магнатов. В данном контексте означает светских магнатов в отличие от духовных, обозначенных здесь как «прелаты».

[2] Королевские лесные заповедники (Foresta) в Англии XI—XV вв. — обширные домениальные территории, находившиеся под особой «лесной» юрисдикцией и исключавшиеся из-под действия общего права.

[3] В 1297 г. Эдуард I под давлением оппозиции обещал провести сокращение территории заповедников, но все время откладывал это. В 1300 г. он подтвердил свое обещание и назначил в графства комиссии для пересмотра лесных границ, которые к парламенту 1301 г. представляли уже практические предложения по этому вопросу. В данном документе идет речь именно об этих предложениях.

[4] Намек на то, что, по мнению короля, комиссии предлагают слишком большое сокращение заповедных лесов.

их (границы) без промедления каким-либо подходящим способом, то чтобы король мог по их совету распорядиться в отношении этого дела. И если этот способ им не понравится [1], пусть они изыщут другой способ, с помощью которого пересмотр лесных заповедников может быть произведен наилучшим образом в смысле соблюдения интересов короны, в соответствии с тем, как они решат, если это не будет связано с нарушением их клятвы [верности] королю и их обязательств по отношению к короне.

«Parliamentary Writs and Writs of Military Summons», Vol. I, London, 1827, p. 104—105.

19. Петиция прелатов и лучших людей королевства, переданная господину королю от имени всей общины в парламенте в Линкольне в вышеуказанном 1301 г. [2]

1. Люди общины его страны извещают нашего господина короля о том, что в отношении двух путей проведения пересмотра лесных границ, которые он им указал, с тем чтобы они ни в коем случае не опасались подвергнуть их сомнению, то они не берут на себя смелости ответить в форме, предложенной им относительно этих двух путей, ввиду опасностей, которые могут от этого произойти [3]. И указанная община также считает, что, если это угодно нашему господину королю, пусть обе хартии — Хартия вольностей и Лесная хартия — во всех их пунктах отныне полностью соблюдаются в будущем [4].

2. И все постановления, противные этим хартиям, должны считаться аннулированными [5].

И совет прелатов, графов и баронов должен назначить специальные комиссии судей в каждое графство для наблюдения за выполнением этих хартий.

Заметка на полях: «Король молчаливо с этим согласился» [6].

3. И пересмотр границ лесных заповедников там, где под надзором добрых людей, согласно форме вышеупомянутой

---

[1] Имеется в виду процедура, предложенная королем в предшествующей части письма.

[2] Эта петиция заключает в себе также ответ на вышепомещенный запрос короля.

[3] Парламент здесь уклоняется от прямого ответа на вопросы короля.

[4] Речь идет о Великой и Лесной хартиях, подтвержденных Эдуардом I в 1297 г.

[5] На полях против этого пункта стоит пометка: «Королю это не угодно».

[6] Эта и последующие пометки на полях петиции сделаны каким-то чиновником и хотя не могут рассматриваться как официальный ответ короля, но, очевидно, довольно точно выражают его отношение к отдельным пунктам этой петиции.

Лесной хартии, уже установлены новые границы лесов, пусть осуществляется без промедления, и пусть будут сняты изгороди[1], согласно границам, о которых община в настоящее время осведомлена и которые были установлены лицами, производившими перемер границ[2].

Заметка на полях: «Король открыто выразил согласие».

4. И все ошибки, и нарушения, совершаемые должностными лицами короля против содержания указанных хартий, а также незаконные захваты имущества без оплаты, производимые против формы статута нашего господина короля, изданного в Вестминстере во время прошедшего великого поста[3], пусть ныне прекратятся.

Заметка на полях: «Король открыто выразил согласие».

5. И все нарушения, допущенные какими-либо королевскими должностными лицами, должны быть исправлены, как того требуют эти нарушения специально для этого назначенными аудиторами, которые будут вне подозрения прелатов и баронов страны, в соответствии с тем, что они сами на этом парламенте постановили и что немедленно должно быть введено в действие.

Заметка на полях: «Господин король желает изыскать другие средства для исправления правонарушений, но не согласен на таких аудиторов».

6. И пусть шерифы отныне и впредь отчитываются о своих доходах и расходах, согласно тому, как они обычно делали во времена правления отца (нынешнего) короля, так как поборы шерифов приводили и теперь еще приводят к великому обеднению народа; и пусть с шерифов не требуют более высоких платежей[4].

Заметка на полях: «Королю угодно, чтобы по этому поводу как можно скорее с общего совета было изыскано подходящее средство».

7. И в тех местах, где пересмотр границ лесных заповедников еще не произведен, пусть он проводится между сегодняшним днем и ближайшим праздником св. Михаила.

Заметка на полях: «Король открыто выразил согласие».

---

[1] Речь идет о снятии изгородей с участков, выделенных в результате пересмотра границ из территории лесных заповедников.

[2] Имеются в виду комиссии, работавшие в графствах (см. выше примечание 3 к док. № 18).

[3] Имеется в виду статут Articuli super carta, принятый парламентом, предшествующим 1300 г.

[4] Имеется в виду фирма — откуп, который некоторые шерифы единовременно уплачивали в казну, затем восполняя этот взнос за счет обложения графства.

8. И как только все вышеупомянутые просьбы будут выполнены и все необходимые постановления утверждены и осуществлены, народ королевства даст королю свое согласие на сбор $^{1}/_{15}$ деньги вместо двадцатой деньги, разрешенной ему настоящим парламентом [1], при том условии, что все эти дела будут осуществлены между настоящим временем и ближайшим днем св. Михаила, а если в другие сроки, то они нисколько не повысят размера разрешенного налога.

9. И пусть король припомнит девятую деньгу, сбор которой был недавно ему разрешен за обещание выполнить те же просьбы [2].

10. И пусть этот налог [$^{1}/_{15}$] взимается в течение года начиная с ближайшего праздника св. Михаила, так чтобы в каждом графстве были выбраны с общего согласия по четыре рыцаря для оценки и обложения [имущества] и сбора вышеупомянутой $^{1}/_{15}$ в пользу нашего господина короля.

З а м е т к а н а п о л я х: «Король открыто выразил согласие».

И в этой последней статье прелаты св. церкви заявляют, что они не могут и не осмеливаются дать свое согласие на сбор налога со своих светских и церковных владений [3], так как это противоречило бы папскому запрету [4].

З а м е т к а н а п о л я х: «Королю это неугодно, но община лучших людей королевства выразила согласие».

«Parliamentary Writs and Writs of Military Summons», Vol. I, London, 1927, p. 104—105.

---

[1] Т. е. парламентом 1301 г., до начала данного конфликта.

[2] Намек на политический конфликт 1297 г., когда король не мог добиться у парламента разрешения на сбор налога — $^{1}/_{9}$, до тех пор пока не подтвердил Великую и Лесную хартии.

[3] Церковные земельные владения и доходы в Англии XIII в. делились на светские — temporelia (полученные по наследству от родственников, приобретенные путем покупки или субинфеодации лично самим духовным лицом) и духовные — spiritualia (принадлежавшие епископствам, монастырям, приходским и кафедральным церквам, церковные бенефиции, пребанды и т. д.).

[4] Имеется в виду папская булла clericis laicos (1296 г.), строго воспрещавшая католическому духовенству всех стран платить какие-либо налоги в пользу светской власти без специального разрешения папы.

ФРАНЦИЯ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Документы по истории Франции сгруппированы в четыре темы: «Аграрные отношения XI—XV вв.», «Крестьянские восстания XIII—XIV вв.», «Города XII—XV вв. и городские движения», «Патриотическое движение во время Столетней войны и его представительница Жанна д'Арк».

Документы, относящиеся к I теме, позволят представить положение различных групп французского крестьянства в период расцвета феодализма и формы и способы его эксплуатации: док. № 1—3 характеризуют положение сервов; № 4—6 — вилланов; № 7—8 — свободных поселенцев, госпитов.

В связи с ростом городов и развитием товарно-денежных отношений во Франции шел интенсивный процесс освобождения крестьян от личной крепостной зависимости; док. № 10—15 дают возможность установить условия освобождения, благодаря которым положение основной массы крестьянства оставалось тяжелым; док. № 12 и 15 указывают, что в некоторых провинциях Франции сохранялся и серваж. На смену прежнему земельному держанию крестьянина-серва приходили цензива и аренда. Док. № 14—17 свидетельствуют об образовании этих новых форм крепостных держаний.

Документы, относящиеся ко II теме, дают сведения о восстании «пастушков» в 1251 г. и о Жакерии. Док. № 19—20 позволяют выяснить социальный состав участников восстания «пастушков», его цели, его характер как еретического, антифеодального движения. Документы, посвященные истории Жакерии, рисуют картину восстания и дают возможность понять его причины (№ 21—22); док. № 23 содержит

ценные указания о царистском характере восстания; док. № 24 — официальная хроника французской монархии — дает большой фактический материал; док. № 25 свидетельствует об участии городов в восстании; док. № 26 проливает свет на одну из причин поражения восстания — отсутствие прочного союза с горожанами.

Начиная с XI в. во Франции расцветают и начинают борьбу за свои вольности и самоуправление города. Документы, относящиеся к III теме, отражают развитие ремесленного производства в XIV—XV вв.: док. № 27 отражает организацию производства в горном деле и указывает на появление тенденций будущей мануфактуры, док. № 28 показывает типичную по своей организации и структуре средневековую общину парижских мясников, переживающую в начале XV в. состояние разложения.

Углубление внутренних противоречий, свойственных феодальной эпохе в период начинающегося разложения феодализма, и бедствия, принесенные Столетней войной, вызывают обострение классовой борьбы и в городах. Док. № 29 и 30 характеризуют один из эпизодов классовой борьбы в Париже — восстание кабошьенов 1413 г. По док. № 29 выясняются положение Франции в царствование Карла VI и программа преобразования государственного управления, выдвинутая широким общественным движением, непосредственно предшествовавшим вооруженному восстанию. Док. № 30 дает ценный фактический материал по вооруженному восстанию кабошьенов.

Для характеристики IV темы включены выдержки из протоколов обвинительного процесса Жанны д'Арк (док. № 31) и письмо Жанны д'Арк английскому королю (док. № 32). Эти документы содержат данные о ранних годах жизни Жанны д'Арк, ее поведении в тюрьме и на допросах, ее участие в борьбе против англичан.

При учебной работе над данными документами следует иметь в виду, что дополнительные материалы по истории Франции XI—XV вв. можно найти в сборнике документов «Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия» под ред. Грацианского, М., 1935; в сборнике «Средние века» № 10—11 «Книга ремесел Э. Буало»; в Хрестоматии под ред. Грацианского и Сказкина, Учпедгиз, т. II, Москва, 1939 г.

Составители и переводчики: *Н. А. Денисова* — док. № 1—7, 9—11, 21—26; *Д. А. Дбрглав* — док. № 31, 32; *А. Б. Каплан* — док. № 8, 12—18; *В. Л. Керов* — док. № 19, 20; *М. М. Себенцова* — док. № 28—30; *Н. В. Ширяева* — док. № 27.

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В XI—XV вв.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

КРЕПОСТНЫЕ (СЕРВЫ)

1. Из Бомануара

Ф. де Бомануар (ок. 1250—1296), известный французский юрист, происходил из рыцарского рода, занимал ряд высоких государственных должностей, автор работы «Обычаи Бовэзи» (между 1280 и 1283 гг.), которая представляет собой важнейший источник для изучения правовой жизни северной Франции XIII в.

§ 1452. ...Есть много состояний личной крепостной зависимости (servitudes). Ибо одни из крепостных так подчинены своим сеньорам, что эти сеньоры могут распоряжаться всем их имуществом, имеют [над ними] право жизни и смерти, могут держать их в заключении по своей воле — за вину или без вины — и никому за них не ответственны, кроме как одному богу. С другими обращаются более человечно, ибо при их жизни сеньоры не могут ничего от них требовать, если только они не провинятся, кроме их чиншей, рент и повинностей, обычно платимых за их крепостное состояние (servitude). И [лишь] когда они умирают или женятся на свободных женщинах, все их имущество — движимое и недвижимое — переходит к сеньорам. Ибо тот, кто женится на свободной, должен платить выкуп по усмотрению сеньора. И если [крепостной] умирает, нет у него наследника, кроме сеньора, то дети крепостного ничего не получают, если не заплатят выкупа сеньору, как это сделали бы люди посторонние. Эти последние повинности (custume) носят у крепостных Бовэзи название мертвой руки и брачной пошлины (foris maritagium). О других крепостных состояниях в чужих землях мы умолчим, ибо наша книга гласит об обычаях в Бовэзи.

§ 1457. Наши обычаи более вежливы (courtoise) по отношению к крепостным, нежели во многих других областях, ибо во многих других областях сеньоры могут распоряжаться жизнью и смертью своих крепостных, когда и как им угодно, а также принуждать их вечно жить на своих землях. В Бовэзи же с ними обращаются более человечно, ибо при условии платы своим сеньорам положенных обычаем рент и подушного (chevages) они могут идти служить и жить вне юрисдикции своих сеньоров. Но нельзя им отказываться платить следуемое сеньору брачное (formariage) за исключением мест, пребывание в которых может дать им свободу, как, например, в некоторых городах, всякий житель которых свободен в силу привилегии или обычая. Ибо как только кто проведает, что его крепостной поселился в таком месте, он

может получить его обратно, если заявит на него в течение одного года и одного дня притязание как на своего крепостного... Множество крепостных, тайно ушедших от своих сеньоров на жительство в такие места, получило свободу.

§ 1434. Известно, что состояние личной крепостной зависимости (servitude) передается через матерей, ибо всякое дитя, рожденное крепостной (serve), считается крепостным, хотя бы отец его был человек свободный. Даже если отцом будет рыцарь (chevalier), женившийся на крепостной (une serve), все дети, которых она будет иметь от него, наследуют ее крепостное состояние.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 29—31.

2. Из грамоты конца XI в.

Вот аллоды... кои состоят в вечном владении аббатов — Roserias Muceium, Iuncherium — с их принадлежностями, именно: мужчинами и женщинами крепостного состояния (servis et ancillis), землями, обрабатываемыми и необрабатываемыми, лесами, лугами и водами.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 31.

3. Из грамоты 1263 г.

Лично зависимые люди (homines de corpore), согласно местным обычаям, те, по отношению к коим Парижский капитул имеет следующие права: мертвую руку (manum mortuam) и брачное (forismaritagium); нельзя также без разрешения капитула ставить их в клирики. Можно обменивать их на лично зависимых людей других сеньоров, голову на голову (persona pro persona). И не имеют они свободы свидетельских показаний, каковая принадлежит свободным людям той местности.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 33.

СВОБОДНЫЕ ВИЛЛАНЫ

4. Из Бомануара

XIV, § 467. Мы называем вилланским держанием такое, которое держат от сеньора за чинш, ренту или шампар, ибо с держания феодального (en fief) ни одного из этих платежей нести не должно.

XLVIII, § 1502. Отнюдь не исключена возможность того, чтобы дворянин (gentilhomme) держал землю на вилланском праве... только он должен выполнять за вилланские держания то, что следует, как если бы подначальные люди (gens de poosté) их держали, ибо свобода лица не делает вилланского держания свободным.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 38.

5. Из грамоты XI в.

Я, рыцарь Одон... дарю господу богу, святым его апостолам, Петру и Павлу, и Клюнийскому монастырю... все, что имею в селениях Curtilliacus Cliciacus, [именно] манс, который держит Арнульф виллан... т. е. 12 денариев, кои поименованный виллан мне ежегодно уплачивал...

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 38.

6. Из грамоты 1060 г.

Да будет ведомо, что все оброчные дворы (casales) должны нести одинаковый оброк (censum); каждый двор должен давать ежегодно по 8 денариев... 8 мер (concas) пшеницы и 24 [меры] овса... А также виноградник, некогда именовавшийся виноградником аббата, дважды в году должны вскапывать, подрезать и выполнять в нем все нужные работы, выжимать виноградный сок и доставлять его [для сливания] в господские бочки; если же виноградник будет обращен в поле, должны нести труды по обработке полей, насколько это понадобится и как полагается, вплоть до доставки собранного урожая в господские амбары.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 38—39.

СВОБОДНЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ (HOSPITES)

7. Грамота начала XII в.

Этой грамотой настоящих и будущих уведомляем о том, что Вильгельм Coetus пожертвовал нам, монахам св. Петра Шартрского, для владения, обработки и заселения (ad hospitandum) лес из своего феода. Мы же, монахи, для защиты и охраны поселенцев (hospitum) этой земли разрешили ему взимать с тех из них, кои осядут на этой земле и будут обрабатывать ее плугом с волами, ежегодно в третий день рожде-

ства господня... по секстарию овса, каплуну и денарию; с прочих же — по мине[1] овса, каплуну и денарию... Разрешили мы также господину Вильгельму, в случае если он законную дочь свою захочет выдать замуж или если замок (castrum) приобретет, взимать с поселенцев земли той талью[2], однако лишь через посредство приора св. Романа; равным образом для выкупа себя из плена можно взимать ему талью. Также если он пожелает сам со всей родней (gente) своей участвовать в походе короля или графа, людей земли той может вести за собой в качестве телохранителей, если захочет; но без его личного участия людям земли той никак [в поход] не ходить. Согласился он, чтобы от прочих повинностей (consuetudinibus), кои он обычно взимает на земле своей и с людей своих, [означенные поселенцы] были совершенно свободны.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 42.

8. Госпиты на земле собора Шартрской богоматери (1215 г.)

Пусть будет известно теперь и в будущие времена, что Жермон д'Ерлюа с согласия своих сыновей, Дроко и Адама, и жены Изабеллы дал монастырю Шартрской богоматери 9 арпан[3] земли около Тернесвиля и право владеть 8 госпитами. Уступили Жермон и его наследники всех госпитов, которые находятся на упоминаемых арпанах этой земли, с которых получают следующие повинности и права, а именно: два секстария овса, две курицы и за хлеб три денье[4], половина с которых идет в пользу Жермона и его наследников, остальная часть, которая находится около дороги, отдана для возделывания госпитам на условии отдачи шампара и десятин, если она будет обрабатываться.

«Cartulaire de Notre-Dame de Chartres», vol. 2. Chartres, 1863, p. 75.

---

[1] Секстарий и мина — меры сыпучих тел; секстарий, или сетье, составлял $^1/_{16}$ модия и делился на 2 мины. Модий — древнеримская мера сыпучих и жидких тел, равная 8,7 *кг*. Средневековый модий значительно превосходил древнеримский; величина его варьировалась в зависимости от различных районов.

[2] Произвольная талья — ежегодная подать, размер которой устанавливался по воле сеньора; при освобождении крестьян от личной зависимости обычно заменялась фиксированной тальей, денежная величина которой была твердо определена.

[3] Арпан — древнефранцузская поземельная мера, заимствованная у древних галлов; величина арпана — около $^1/_2$ *га*.

[4] Денье — мелкая древнефранцузская монета, происходившая от римского денария. В средние века 12 денье составляли 1 су. Су — медная или низкопробного серебра монета; 20 су составляли один ливр.

9. Монахи св. Петра отпускают на волю неких своих людей

Всем, кто увидит настоящую грамоту, официалы Шартрской курии... Да будет всем ведомо, что Эрембурга, дочь покойного Гуго de Laon из Жерминьовиля, Аальда, дочь оной Эрембурги, и Вильгельм, сын Леобина Куанье, муж названной Аальды, явившись в наше присутствие, признали, что они, а также Петр, Гуйот, Жилот и Иоанна, дети названной Эрембурги, и Лигарда, дочь названных Вильгельма и Аальды, были лично зависимыми людьми (homines de corpore) монастыря блаженного Петра Шартрского, но что аббат и братия означенного монастыря отпустили их на волю и совсем разрешили от всяких уз и обязательств (honere) крепостной зависимости (servitutis) с сохранением названными аббатом и братией их прав на юстицию, барщину, мельничный баналитет (molture), талью, чинш и все другие поступления (redibentiis), кои должны идти аббату и братии с владений поименованных отпущенных на волю.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 53.

10. Грамота освобождения 1288 г., данная аббатом св. Колумбана Санского

...Пожелали также названные монахи и пожаловали, чтобы оный Готфрид и наследники его, как свободные и от всякого беспокойства крепостной зависимости (ab omnis scrupulo servitutis) избавленные люди, имели впредь право свободно продавать, покупать, дарить, закладывать и отчуждать всякое свое имущество, делать завещания, заключать с кем угодно браки, вступать в духовное звание... имущество свое умножать и уменьшать, учинять иски и отвечать перед всякими судьями...

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 54.

11. Ордонанс короля Людовика X от 3 июля 1315 г. об освобождении крепостных

Людовик, милостью божьей король Франции и Наварры, возлюбленным и верным нашим — господину Saince de Chaumont и господину Nicole de Braye — привет и изъявление расположения. Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, но по некоторым обычаям и кутю-

мам, с незапамятных пор установленным и доселе в нашем королевстве хранимым, а также случайно за проступки предков множество нашего простого народа (commun peuple) впало в крепостную зависимость (servitudes) и разные [другие зависимые] состояния, что весьма нам не нравится. И мы, принимая во внимание, что королевство наше названо и слывет королевством франков, и желая, чтобы действительное положение вещей соответствовало [этому] названию и чтобы положение народа было исправлено нами с начала нашего нового царствования, по обсуждении с нашим великим Советом повелели и повелеваем, чтобы повсюду в королевстве нашем, поскольку это в нашей власти и власти преемников наших, такие состояния несвободы приведены были к свободе (franchises) и чтобы всем тем, кои либо по происхождению, либо по давности, либо вновь в силу браков или в силу проживания на несвободной земле впали в крепостную зависимость, дана была на добрых и приличных условиях свобода. И ради того чтобы простой народ наш не терпел более ни обид, ни вреда от сборщиков, сержантов и других служащих, которых прежде посылали по делу о мэнмортах и формарьяжах, как это было до сих пор и что весьма нам не нравится, а также ради того, чтобы и другие сеньоры, владеющие лично зависимыми людьми, по примеру нашему привели их к свободному состоянию, мы, вполне полагаясь на верность и испытанную мудрость вашу, настоящей грамотой поручаем и приказываем вам отправиться в Санлисский бальяж и его ведомство, а также во все местечки, города, общины и к отдельным лицам, кои будут требовать у вас вышеназванной свободы, с тем чтобы договариваться и условливаться с ними относительно известных выкупов, которыми мы были бы достаточно вознаграждены за выгоды, кои с названного крепостного состояния могли поступить нам и преемникам нашим, и давать им, насколько это касается нас и преемников наших, общую и постоянную свободу, как выше сказано и как более подробно мы вам о том устно говорили, объявляли и поручали. И даем по совести обещание за нас и за преемников наших, что утвердим, одобрим, соблюдем и повелим соблюсти и оградить все, что вы сделаете и обещаете в названных случаях, и грамоты, кои выдадите по делу о договорах, выкупах и о даровании свободы городам, общинам, местечкам или отдельным лицам, мы тотчас же утвердим и будем выдавать наше на то [разрешение] всякий раз, как будут они о том просить нас...

Дано в Париже, в третий день июля, в год от воплощения господа 1315.

«Французская деревня XII—XIV вв. и Жакерия». Сборник документов. Под ред. Н. П. Грацианского, М. — Л., 1935, стр. 56—57.

12. Серваж в XIV в. в районе Бордо (1344 г.)

Да будет известно, что Фор Жан, а также Арио Жан и Фор Жан, его сыновья, прихожане Мули и Медока, по своей доброй воле... не побуждаемые ни силой, ни страхом, ни обманом, ни принуждением, признали, что они и их наследники являются и будут, так же как их предки с незапамятных времен, людьми, подчиненными произвольной талье от госпожи Моримонды де Поденсак, жены благородного барона Бернара д'Ескуссана, владельца и сеньора Ланьюарана (Langoiran), которая, как и ее предки и потомки, располагает правом господства над ними (per los cors), над их землями (виноградником, домами и жилищами) и над всем остальным имуществом, которое они держат от вышеупомянутой госпожи в приходе Мули и Медоке...

R. Boutruche, La crise d'une société, Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la Guerre de Cent Ans, Paris, 1947, p. 455—456.

13. Отмена права «мертвой руки» в сеньории Монбуасье 1403 г., 3 апреля — 5 мая

Да будет известно, что недавно произошла тяжба между знатным сеньором и доблестным рыцарем Луи де Монбуасье, владельцем замков Монбуасье, Обюссон, Монтейль, Буассонель и Во-мо, находящихся в диоцезе Клермона, сенешальство Овернь, с одной стороны, и его людьми, эмфитевтами[1] и цензитариями, которые живут в округах, прилегающих к этим пяти замкам, и подсудны его сеньоральному суду, с другой стороны.

Упомянутый сеньор Луи утверждал, что он имел привилегию мертвой руки в вышеописанных округах на своих эмфитевтов и цензитариев, или, другими словами, что после их смерти сеньор наследовал имущество покойного, а не кровные родственники умершего, за исключением тех случаев, когда сын умершего не достиг совершеннолетия или когда имущество покойного находилось в нераздельном владении с его братьями и сестрами. Но упомянутые люди утверждали обратное... сеньор даровал и уступил от своего имени и от имени своих потомков право наследства для своих людей, эмфитевтов и цензитариев, и засвидетельствовал, что они свободны и не подвластны праву мертвой руки и, в каком бы отдаленном родстве ни находились с ними их родственники по восходящей и нисходящей линии, они могут после смерти вышеупомянутых лиц наследовать все добро их в городе и деревне — права, дела, право взимать долги и другое имуще-

[1] Эмфитевт — держатель эмфитевзиса, т. е. наследственной аренды.

ство (движимое и недвижимое) без завещания, а также по воле умершего, указанной в завещании, и будет так теперь и в будущие времена, согласно обычаям Оверни и общему праву. Но если умерший не имеет родственников, упомянутый сеньор сохраняет для себя и для своих потомков полное право наследования имущества этого покойного.

«Histoire de l'Auvergne. Chois de documents, concernant la Basse — Auvergne et Puy-de-Dome», t. I, Clermont-Ferrand — Paris, 1959, p. 151—152.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В XII в. И ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ СЕВООБОРОТ

14. Фрагмент из цензье домена Маниз (конец XI — начало XII в.)

1. Каждый манс должен в середине февраля 2 дня [барщины] на быках; в марте — 2 дня на быках; в течение первой половины апреля — 1 день на быках, а остальные 15 дней — 1 день на быках, и после полудня — 1 день ручной барщины; в мае должен обработать 1 бонуарий[1] пахотной земли и платить ценз 15 денье; в июне — 2 дня на быках; в июле — 2 дня на быках, 3 дня косьбы и 3 дня скирдования с вилами; в августе — сентябре — 15 дней на жатве, обработать 2 бонуария земли — один засеянный полбой, другой овсом; в октябре — 1 день ручной барщины, а другой на быках. Начиная с праздника св. Мартина до середины февраля — 15 дней ручной барщины, до середины мая — 7 дней.

2. Каждая четверть манса должна иметь полосу 5 верже длины и 5 верже ширины. Каждый верже содержит 16 с половиной шагов. Первая полоска должна быть обработана до праздника св. Иоанна, вторая должна быть закончена на праздник св. Ремиглия. Те, кто не успел этого сделать, должны платить штраф, согласно установленному праву.

Ed. Perroy, La terre et les paysans en France au XII et XIII siecle, Paris, 1956, p. 2.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ФОРМ ДЕРЖАНИЙ

15. Освобождение крестьян от серважа и образование цензовых держаний (1185 г.)[2]

1. ...Аббат Арнульф и весь монастырь Ферриер освобождают и отпускают на волю на вечные времена от всех тягот

---

[1] Бонуарий — мера площади в раннее средневековье. Размеры ее варьировались от 54 до 134 арпан.

[2] Цензовое держание (цензива) — крестьянское земельное держание, с которого уплачивалась сеньору денежная рента, реже — оброк про-

серважа всех сервов (homines de corpore), как мужского, так и женского пола, которые ныне проживают в приходе Сен-Элюа и в предместье монастыря, как слуг монахов, так и всех прочих — их жен, детей и их будущее потомство. Они также дают право им и своим госпитам, живущим в этом приходе, полную свободу уйти по своему усмотрению и распорядиться своим добром как свободным госпитам.

2. ...Всех тех, кто живет в пределах монастырского предместья, и тех, кто желает жить там в будущем, церковь освобождает от поборов, денежных требований и тальи [1]. А вместо освобождения каждый владелец дома с очага должен ежегодно уплачивать церкви 5 су ценза [2]. Если кто-либо владеет многими домами, то один из них может быть житницей (granchia), за который надо платить 6 денье, за каждый из остальных домов упомянутый держатель платит по 5 су. Но если по причине раздела наследства или по какой-либо другой причине житница превращается в дом для жилья, с него платится ценз в 5 су.

3. Кто захочет построить житницу на земле церкви, тот должен получить на это разрешение и платить 6 денье. Все, кто проживает в пределах монастырского предместья, платят подорожную подать только по вторникам, как и прихожане Сен-Элюа. На праздник св. Петра, в июле, также платят подорожную пошлину.

Они платят винаж [3] постоянно и фораж [4] на следующий день после праздника св. Мартина, а также уплачивают в пользу церкви тариф в 3 денье за каждую бочку, большую или малую, проданную ими.

4. Весь день действует церковный бан [5], а 8 дней июля — шамбелан [6]. Если кто-либо приедет на монастырскую землю с повозкой закупать вино, то при продаже одного модия сеньор получает секстарий, при продаже полмодия — полсекстария и при продаже четверти модия — одну четверть секстария.

5. Мясники платят мясную повинность.

6. Церковь имеет право получить от жителей военную помощь по обычаям [округа] Гатине.

дуктами и талья государству. Цензива отчуждалась при условии уплаты сеньору особой пошлины.

[1] В данном случае денежная подать.

[2] Ценз — подать продуктами или деньгами, которую платили феодально зависимые крестьяне за пользование землей.

[3] Винаж — издольщина с виноградника.

[4] Фораж — определенный процент с продажи вина.

[5] Бан — монополия сеньора на продажу вин.

[6] Шамбелан — в данном случае лицо, ведающее доходами монастыря.

7. Все фьефы церковных минестериалов[1] будут уничтожены и превращены в цензовые вилланские держания, причем ценз на них устанавливается в 5 су, если держатель вышеназванного фьефа не владеет другим держанием, с которого он может платить 5 су. Но если он уже владел или будет владеть держанием, которое не было фьефом, то тогда с него вносится 5 су, а то, что раньше было фьефом, превращается в вилланское держание под цензом 12 денье. Если размер фьефа слишком мал, то размер ценза уменьшается сообразно его величине. Все цензы уплачиваются в июле, на праздник св. Петра и Павла.

8. Сапожную повинность уплачивают так же, как и раньше.

Ло и вант[2] уплачиваются так же, как и раньше...

10. Шамбелан и мер держат свои фьефы по праву личной присяги и обязаны содержать боевого коня.

11. Все другие повинности и судебные штрафы берутся по обычаям г. Лорри, за исключением руажа[3], снопов в пользу приказчика и подводной повинности, которые сохраняются за цензивами церкви, будут ли это виноградники, земли, леса или какие-либо держания.

12. ...Каждый раз, когда избирается новый аббат, каждый житель предместья аббатства должен заплатить для пира по 5 су с каждого дома и по 5 су сверх ежегодного ценза...

Никто из наших сервов, госпитов и жителей этих мест, находящихся от нас в какой-либо зависимости, не может пользоваться вышеописанной свободой без нашего дозволения. Все, кто получил эту свободу, в случае войны должны помогать нам и охранять наше имущество.

13. Они же должны накануне праздника св. Ремиглия ежегодно платить только прево Шато-Ландон талью, сумма которой равна 15 ливрам.

H. Delaborde, Recueille des actes de Philippe Auguste, t. I, N 156, Paris, 1916.

16. Уступка приора Сан-Мартен де Беллет Жирару, и его жене Алисе, и ее сыновьям пожизненно хутора и житницы (1250 г.)

...Мы им уступили, приняв их в братство нашей церкви, наш хутор в Вонуазе, грангий[4] с участком земли и домом.

[1] Фьеф — феод; минестериалы — лица, осуществлявшие контроль по сбору повинностей; минестериалы были часто держателями фьефов.

[2] Ло и вант (lods et ventes) — повинности, взимавшиеся в пользу сеньора с каждой продажи или покупки в его владениях; обычно составляли третью — шестую часть цены и уплачивались деньгами.

[3] Руаж — повинность за проезд на повозке по дорогам сеньора.

[4] Грангий — житница.

Владелец хутора получает $^4/_5$ урожая, а также за наблюдение над работой в винограднике 4 денье и обол[1], галлон вина по мере монастыря, картье мяса на рождество, по скоромным дням и на пасху. Из урожая, сдаваемого в наш грангий в Вонуазе, — 10 сетье зерна, сетье пшеницы, сетье овса, 4 сетье смешанной пшеницы и также десятину с капеллы Вонуаз, за исключением того, что уплачивает с продажи свиней, рыб и овец. Затем получают десятину льна, за все это они платят 25 локтей полотна за зерно и остальное.

Сверх всего оговаривается, что если кто-либо из трех держателей этого хутора приобретает в течение срока аренды какое-либо имущество, то мы получаем его полностью. Это же касается и движимого имущества, однако каждый может завещать нищим свою одежду или что-либо из плугов, смотря по величине имущества. Хуторянин должен оказывать монастырю следующие услуги: ухаживать за виноградными лозами в нашем винограднике и наблюдать за его охраной, перевозить на своих быках винную десятину из Воклюза для продажи. Хуторянин обязан держать не меньше четырех коров, половина приплода которых принадлежит монастырю.

Содержать наш дом в Вонуазе в хорошем состоянии, доставлять, если будет нужно, 2000 штук дранки, наконец, собирать плоды с нашего урожая.

Кроме того, хуторянин может пользоваться сеном и фуражом с земли около нашего грангия. Мы же можем использовать на потребу наших виноградников навоз с земли хуторянина.

Ed. Perroy, La terre et les paysans
en France au XII et XIII siecle, Paris, 1956, p. 162.

17. Превращение земельных участков, подчиненных двуполью, в виноградники (1399 г.)

Да будет известно, что Бернар Рейно, виноградарь, проживающий в приходе Сен-Луа, и горожанин из Бордо, по своей доброй воле признал и принес клятву, что он (а также его потомки и все наследники обязаны соблюдать в будущем) держит фьеф, согласно обычаям и праву Бордо, от благородных и благочестивых сеньоров: аббата, раздатчика милостыни и смотрителя за рыбами, и монахов монастыря ордена св. Бенедикта Сан-Круа в Бордо и преемников; все угодья включают в себя 55 аррегов[2] неосвоенной земли, одна часть которой расположена у моста Тюн в месте, называемом «поля Жаля»; другая земля упомянутого Бернара Рейно, которая находилась под властью покойного капеллана Раймонда

---

[1] Обол — половина денье.

[2] Аррег — старинная мера земли в районе Бордо.

Лесна, расположена между землей и виноградником англичанина Жана Солсбери, горожанина из Бордо. Эти два участка необработанной земли Бернар Рейно должен превратить в хороший виноградник и поля в течение четырех лет со дня подписания настоящей грамоты. Эти два участка неосвоенной земли, равные 55 аррегам, Бернар Рейно по своей доброй воле взял на условиях владения от г-на Аманье де Ламота, аббата божьей милостью монастыря Сан-Круа. И тот же сеньор аббат ввел его в права владения этими фьефами на условии, что каждый фьеф должен облагаться уплатой в 2 денье при перемене сеньора, а также ежегодно аббат и монастырь присваивают четвертую часть полученного вина и имеют право предпочтительной покупки, хотя раньше они присваивали с этих земель $^{1}/_{3}$ урожая.

Господин аббат, видя, что эти два участка земли засеваются лишь раз в два года, нашел для себя более выгодным ежегодно получать четвертую часть вина и винаж и $^{1}/_{4}$ часть сбора винограда, который будет посажен и вырастет на этих участках, чем собирать и получать $^{1}/_{3}$ урожая раз в два года...

R. Boutruche, La crise d'une société. Seigneurs et paysans du Bordelais pendant la Guerre de Cent Ans, Paris, 1947, p. 469.

18. Положение крестьян в Оверни в конце Столетней войны (1434 г.)

Разногласия жителей Обьера с господином Анном д'Обьером, рыцарем, сеньором и его братом, метром Гильомом д'Обьером, закончились следующим соглашением:

Упомянутые жители должны каждый год на праздник всех святых платить своему сеньору 30 турских ливров в ходячей монете, так, как они платили раньше.

Жители деревни обязаны приносить в замок сеньора ежегодно четвертую часть всех мертвых и сухих деревьев, сплавляемых по реке, протекающей через Обьер.

Затем упомянутые жители платят десятину с овец, а также за ягненка монету (maille) и десятину с приплода скота.

Никто из жителей деревни не должен продавать вино в течение августа и вывозить вино за пределы земли, подсудной сеньору Обьеру.

Жители Обьера обязаны каждый год своему сеньору возить сено с лугов, которые расположены на земле, подсудной сеньору, который может, когда захочет, иметь сено с 25 юрналов [1] или около этого.

---

[1] В средние века под юрналом земли подразумевалась площадь, которую можно обработать за один день.

Жители же Обьера пользуются правом ловить рыбу в реке, протекающей через Обьер, на протяжении всего года могут брать гравий, землю и камень с прибрежных мест для строительства домов.

Все жители, каждый в отдельности, могут охотиться с арбалетом вдоль реки Обьера на пахотных полях и лугах, расположенных на земле, подсудной сеньору, но запрещается охота на кроликов, зайцев и куропаток.

Могут пользоваться жители и родником, но использовать они его должны разумно, не нанося ущерба сеньору Обьеру.

Затем каждый житель должен отбыть три дня барщины на быках, а именно: один день в марте, другой во время сева и третий в августе; каждый из этих жителей, имеющий быка, получает от сеньора Обьера харчи, хлеб и вино.

...Кроме того, было решено относительно пустующих земель, что никто из жителей деревни не имеет права осваивать пустоши без разрешения упомянутого сеньора.

«L'Histoire de l'Auvergne Choix de documents, concernant la Basse — Auvergne et Puy-de-Dome», t. I, Clermont-Ferrand — Paris, 1959, p. 154—155.

II. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В XIII—XIV вв.

ВОССТАНИЕ ПАСТУШКОВ 1251 г.

19. Большая хроника Матвея Парижского

Автор — известный английский хронист, монах Сент-Альбанского монастыря, получивший свое прозвище, очевидно, потому, что учился в Париже; умер в 1259 г. Его хроника охватывает 1200—1259 гг.

Заметь нечто чудесное о тех, которые называли себя во Франции пастухами, намеревающимися отвоевать Святую землю

В то же самое время враг рода человеческого... попытался сбить с толку людей хитростью нового рода.

Некто, венгр по национальности... который знал французский, немецкий и латинский языки, принялся шататься то тут, то там и проповедовать без разрешения папы или покровительства какого-либо прелата, уверяя ложно, что он получил от пресвятой Марии, божьей матери, поручение собрать пастухов овец и других животных, которым, как он говорил, небом предоставлено по смирению и простоте сердец вырвать из рук неверных Святую землю и всех невольников, ибо французские рыцари были отвергнуты богом из-за своей спеси...

Итак, вышеуказанный обманщик и все те, кто за ним следовал, принимали крест. И нашлось много людей, которые оказывали им милость и помощь, говоря, что часто бог избирает слабых мира сего для того, чтобы сразить сильных...

Также и королева Бланка, которая управляла Францией, надеясь, что эти пастухи вернут ей Святую землю и отомстят за ее сыновей, оказывала им милость и поддержку. Вскоре их число увеличилось столь значительно, что дошло до 100 000 и более. Они несли военные знамена, и на знамени их вождя был изображен ягненок, несущий стяг: ягненок — в знак кротости и невинности, стяг с крестом — в знак победы.

Продолжение сведений о вышеназванных пастухах

Со всех сторон к ним стекались воры, изгнанники, беглецы, отлученные — все те, которых во Франции в народе имеют обыкновение называть бродягами; таким образом они сформировали весьма многочисленную армию, которая имела уже 500 знамен, подобных стягу их учителя и вождя. Они несли мечи, обоюдоострые секиры, копья, кинжалы и ножи и выглядели приверженными скорее культу Марса, чем Христа.

Все больше и больше безрассудствуя, они разрешали заключать недозволенные браки. Их вожди и учителя хотя и были светскими, однако брались проповедовать. В своих проповедях они в огромной степени уклонялись от канонов христианской веры и правил очевидной истины. Если кто-либо им противоречил, они не пытались его убедить ни с помощью разума, ни с помощью авторитета, но набрасывались на него с оружием в руках. И когда их главный вождь проповедовал, окруженный толпой вооруженных людей, он сурово осуждал все религиозные объединения, за исключением их сборища, особенно же доминиканцев и францисканцев, называя их раскольниками и лицемерами. Он уверял, что монахи цистерцианского ордена — это жаднейшие любители стад и гордыни, каноники наполовину светские и пожиратели мяса. Он говорил, что епископы и их прислужники знают только, как гоняться за деньгами, и утопают в излишествах всякого рода. Что касается римской курии, то он ее осыпал такими оскорблениями, которые нельзя даже повторить; таким образом, эти пастухи оказались явными схизматиками и еретиками.

Но народ в ненависти и презрении к духовенству внимательно слушал все эти поношения и радостно их одобрял, что и было самым опасным.

О волнении в Орлеане (11 июня)

Итак, в день св. Варнавы они появились... в большом количестве перед Орлеаном и вошли вопреки воле епископа и всего духовенства в город, где они были желанными гостями жителей. После того как их вождь, который казался вещим пророком, объявил громогласным голосом, что будет проповедовать, и, мало того, скорее как тиран приказал прийти на эту проповедь, народ сбежался во множестве, чтобы его слушать. Однако епископ города, страшась в высшей степени этого злосчастного бедствия, запретил под угрозой анафемы какому бы то ни было клирику идти слушать их проповеди или следовать их примеру, уверяя, что все это козни дьявола. Однако не только светские пренебрегали его угрозами и приказаниями, но и некоторые из клириков-школяров, дерзко преступая границы епископального запрещения, не смогли удержаться от того, чтобы не прислушиваться внимательно к этой неслыханной новости (от желания услышать которую у них буквально зудели уши), хотя делали они это не для того, чтобы стать последователями заблуждений, а лишь с целью быть свидетелями столь редкой дерзости. И действительно, разве не новым и совершенно нелепым было то, что светский человек, видимо даже плебей, вопреки папскому авторитету принялся проповедовать столь дерзко публично и даже в таком городе, где процветает университет, и пытался заразить своей ложью сердца и уши стольких людей? Итак, эти пастухи развернули 500 стягов. Наиболее благоразумные клирики не без волнения и страха спрятались в своих жилищах, предварительно заколотив накрепко двери и опустив ставни. Вышеупомянутый учитель, взобравшись на возвышение, чтобы проповедовать публично, не объявив заранее никакой темы, начал извергать громким голосом много таких недостойных вещей, которые нельзя и повторить. Тогда один из школяров, который находился на расстоянии, смело продвинулся как можно ближе и вскричал: «О еретик, порочнейший из порочных и враг истины, ты лжешь на свою собственную голову. Ты обманываешь этих невинных своими фальшивыми, лживыми речами». Едва он закончил, как один из этих бродяг бросился на него и одним ударом секиры надвое раскроил ему череп... Поднялась величайшая сумятица, и те, которых мы до сих пор называли пастухами, но которые больше достойны быть названными обманщиками и предвестниками Антихриста, со всех сторон бросились на духовенство Орлеана, нападая с оружием на беззащитных людей, вытащили книги огромной ценности и бросили их в огонь, разбивая при этом окна и двери; они многих перебили, многих утопили в Луаре, некоторых ранили, других ограбили, в то время

как жители города смотрели на эти ужасы с удовлетворением или, лучше сказать, их приветствовали, заслуживая быть названными собачьим племенем.

Видя это, многие из тех, кто вначале спрятался и заперся в своем доме, затем убегали тайком под покровом ночи. Весь университет был взбудоражен, и было установлено, что приблизительно 25 клириков погибли самым ужасным образом, не считая раненых и тех, кто потерпел ущерб в том или ином виде. Кроме того, подвергались множеству поношений и понесли большой ущерб епископ и его приближенные, хотя они и спрятались, чтобы не быть вовлеченными в подобные бедствия. Пастухи, боясь, что в городе поднимется возмущение и что появятся их враги, с которыми дело дошло бы до военных действий, ушли из города. Однако епископ, не желая быть уподобленным собаке, которая не может лаять, наложил на город интердикт, поскольку жители были виновны в потворстве, сочувствии и содействии пастухам, что покрыло их позором. Вопли и жалобы достигли ушей королевы Бланки, сеньоров и прелатов. И королева ответила кратко: «Бог мне свидетель: я думала, что они в простоте своей и святости завоюют Святую землю; но поскольку я узнала, что они обманщики, пусть они будут отлучены, изловлены и уничтожены». Все эти шарлатаны были таким образом отлучены, о чем было объявлено. Но прежде чем этот приговор был опубликован, они коварно явились перед Буржем, ворота которого им были открыты с согласия жителей, не послушавшихся запрещения архиепископа. Большая их часть вошла в город, другие остановились среди виноградников вне города. Они были столь многочисленны, что ни в одном городе они не могли бы удобно расположиться; но много их военных отрядов разошлось по разным провинциям, поэтому даже Париж потерпел от них ущерб. Благодаря тому что вождь этих обманщиков обещал произносить публичные речи и делать удивительные чудеса, множество народа сбегалось со всех сторон, чтобы увидеть и услышать то, что прошедшие века не могли ни увидеть, ни услышать. Но так как этот изменник стал произносить безумные речи и чудеса, которые он обещал произвести, оказались обманом, один мясник из толпы так ударил секирой его по голове, что даже мозг брызнул... Труп убитого был брошен без погребения на перекрестке и оставлен на съедение животным. Вскоре, после того как распространился слух о том, что все пастухи, так же как и их покровители и последователи, отлучены, они разбежались, и их повсюду как бешеных собак истребляли. Когда некоторые из них прибыли в Бордо, ворота города оказались закрытыми по приказу Симона, графа Лейстерского. Они потребовали впустить их. Граф спросил: «В силу чьего повеления вы

делаете это?» Они ответили ему, что действуют не по велению папы или какого-либо епископа, но по зову всемогущего бога и пресвятой Марии, его матери, которая еще выше. Граф справедливо расценил их слова как пустой предлог и пригрозил им: «Убирайтесь как только можете скорее или же я вызову всю мою конницу и затем вместе с коммуной этого города и всей округи обрушусь на вас и размозжу вам головы».

Каким образом погиб второй чародей

Услышав такой ответ, эти несчастные, охваченные ужасом, стали похожи на песок без извести. Каждый из них, заботясь лишь о своем спасении, пустился в бегство. Рассеиваясь, они оказались предоставленными опасностям всякого рода. Один из их вождей и учителей, убежав тайно и наняв судно, пытался поспешно вернуться в страну неверных, откуда он прибыл; но матросы догадались, что это изменник и компаньон того венгра, о котором мы говорили выше и которого убили жители Буржа, связали ему руки и ноги и бросили несчастного в Гаронну; таким образом, избегая Сциллы, он попал в Харибду...

Как погиб третий чародей

Третий имел дерзость прибыть в Англию и, высадившись около Хорэма[1], собрал в короткое время вокруг себя более 500 пастухов, земледельцев, свинопасов, погонщиков быков и других подобного же рода людей. Но так как распространилась весть, что они отлучены, а венгр, их главный учитель, и его компаньон убиты, а сообщники их рассеяны, то положение их в немалой степени ухудшилось. Когда их вождь, прибыв в Монтрей, вновь попытался проповедовать, высказывая в речах свои заблуждения или, скорее, безрассудные вещи, то те, кто его слушали, выступили против него. Так как они прибегли к оружию, несчастный убежал в лес, но вскоре был схвачен и разорван, мало сказать на куски, но на мельчайшие кусочки. И вороны расклевали его труп.

Как соблазненный простой народ раскаялся

Большое число тех, которые следовали за этими обманщиками, поняли, что они были соблазнены, и, сознавая свое бедственное положение, после охватившего их раскаяния вновь приняли крест из рук добрых людей и совершили как следует свое паломничество. Они направились в Святую

[1] Юго-Восточная Англия.

землю и соединились со свитой короля Франции после его освобождения... Раскаившиеся уверяли, что их учителя обещали им освободить короля Франции и только поэтому все они так поспешно приняли на себя крест. Сеньор Томас, монах из Шербурна, нормандец по национальности, человек скромный и красноречивый, посланный в это время в заморские страны, чтобы помочь в затруднительном положении королю, был захвачен пастухами, о которых мы только что говорили, и провел у них семь дней. Так как он не хотел уступить их лживым речам, он был жестоко избит. С большим трудом он все же убежал ночью, нашел короля в Винчестере и с присущим ему красноречием подробно рассказал ему обо всем, что самому пришлось увидеть, и о других подробностях. В его присутствии и написана эта история. Писавший точно и полно описал события, о которых сообщалось в повествовании рассказчика, поскольку человек этот был достойный доверия.

Заключение

Люди, почтенные и скромные, выдающиеся глубиной своих познаний, утверждали, что никогда со времени Магомета не проникала в христианскую церковь столь страшная зараза, особенно потому, что в связи с несчастьем, случившимся с королем Франции, и сама вера в французском королевстве начала колебаться.

Matthesi Parisiensis, monachi Sancti Albani Chronica Majora. Rerum britannicarum medii aevi scriptores, N 57, ed. Luard, vol. V, Lnd., 1880, p. 246—254.

20. Письмо кустоса[1] ордена францисканцев

«Кустос ордена францисканцев в Париже докладывает брату Адаму де Мариско в присутствии других братьев из Оксфорда о том ужасном, что они претерпели от пастухов в Париже, Орлеане и других местах».

Париж 1251 г.

...Совсем недавно, в пасхальный праздник, когда мы уже надеялись на то, что мир вернулся в святую церковь и устранен был окончательно бич земли, вдруг появилось неожиданное несчастье. Пришел некий еретик, или язычник, отличавшийся нравами, ученостью и которому было свойственно лицемерие, и стал уверять, что он может совершать чудеса; как волк забирается в овчарню не открыто, а прикрывшись овечьей шкурой, так и он пришел под предлогом приня-

[1] Кустос — глава отдельной францисканской общины.

тия креста. Под видом благочестия объявил себя вождем пастухов, уверяя, что ему сделаны богом откровения, с тем чтобы он вместе с пастырями Христа, опоясавшись мечами, переправился через море сражаться с сарацинами. Не знаю, при содействии ли кого-либо или при попущении божьем вследствие грехов наших, но это столь большое помрачение приобрело такую силу, что отовсюду, из всех частей мира толпами в течение весьма короткого промежутка времени стекались пастухи, следуя за этим пропащим человеком. Сочувствие плебса к нему и к его соучастникам настолько возросло, что они могли и говорить, и делать все, что только хотели. Видя себя окруженным такой большой толпой и благожелательностью народа, этот беспутный человек, впитавший в себя яд, не смог больше сдерживаться и начал бесчестить достоинство церкви, кощунствуя над таинствами, благословляя народ, проповедуя, давая крест, освящая воду новым способом, измышляя чудеса и, сверх того, совершая убийства церковных мужей. Наконец по прибытии в Париж его и его глашатаев и спутников возмущение народа против духовенства столь усилилось, что в течение немногих дней множество клириков было убито, потоплено в реке и еще больше ранено; у одного приходского священника во время мессы отняли ризу, надели ему венок из роз и издевались над ним.

И настолько возросло это зло, что если бы не милосердие Спасителя, то был бы разгромлен и Парижский университет и при этом пролилась бы кровь священников и было бы опозорено христианское имя.

В Руане разрушили церковь и дом архиепископа. В Орлеане многих клириков убили и собранию клириков, которое там уже долго находилось, пришлось оттуда удалиться. В Туре, властно напав среди прочего на школу и дом доминиканцев, одних ранили, других без монашеской одежды тащили за собой по городу как пленных и лишили их средств существования и всего другого, что им доставило благочестие христиан.

Но то, что вызывает ужас на основании слухов и рассказов, еще более ужасно воочию: войдя в храм, они кощунственно сбросили с алтаря величайшую святыню — непорочное тело Христово, а у изображения св. Девы отбили нос и выкололи глаза. Они захватывали нечистыми руками все, что им нравилось, и с оскорблениями унесли то, что господь бог ниспослал нашим братьям. Маленький же дом братьев наших уничтожили, оскорбили отцов наших, ввергнув их в горе и страх. Однако по предначертанию божьему в силу чрезмерной его милости, а не по нашим заслугам, этот сын погибели заслужил следующий конец.

Когда он пришел в Бурж, то начал еще больше распространять имеющийся в нем яд, внушая всем присутствующим, что они не должны верить тому, что говорят клирики, так как учение их противоречит их собственной жизни, а поэтому они и допускают всякие вольности. На эти слова какой-то выдающийся человек, воодушевленный усердием к божественному, начал возражать мудро и властно, говоря, что то, что проповедуется клириками и духовными лицами, несмотря на то что в некоторых случаях жизнь их и не соответствует их учению, все же обладает значением и силой благодаря написанному в Новом и Ветхом завете; его же собственные слова не имеют никакой опоры. Услыхав это, сын погибели не мог сдержаться и в своей гордыне бросился на Христова мужа и, пронзя его мечом, убил. Увидав это, сограждане убитого прибегли к оружию и с немалыми потерями среди своих уничтожили сына погибели (защищавшегося и призывавшего, как говорят, Магомета) с некоторыми его соучастниками. Самого же его разрубили на куски, других обратили в бегство.

Говорят, что у них (восставших) был такой план: сначала уничтожить на земле духовенство, затем монахов, а после обратиться против рыцарей и знати, чтобы таким образом земля, лишенная всякой защиты, легче была бы предоставлена заблуждениям и набегам поганых. И это кажется правдоподобным, в особенности после того, как какое-то множество неизвестных воинов, одетых в белое, начали появляться в некоторых местах Германии.

Таково положение этого дела на сегодня, как это выслушано от людей, достойных доверия.

«Chartularium Universitatis Parisiensis», t. I, piéce 198 (p. 224—225), Paris, 1889;
см. также «Annales de Burton, Annales monastici», vol. I, Lnd., 1864, p. 290—293.
Rerum britannicarum medii aevi scriptores, N 28.

ЖАКЕРИЯ

21. Из хроники Жана де Венетт

Жан де Венетт (1307—1371), монах-кармелит, враждебно настроенный по отношению к знати, сочувствовал простому народу, очевидец событий Столетней войны.

В этом 1358 г. много неукрепленных селений превратило свои церкви в настоящие замки, окопавши их рвами, установивши на башнях и колокольнях военные машины, камни и баллисты, чтобы защищаться от бригандов в случае их нападения, а это, как кажется, случалось очень часто. По ночам на вершине этих башен бодрствовали часовые. Стояли там дети, чтобы предупредить о приближении неприятеля.

Заметивши их издали, они поднимали тревогу трубными звуками и колокольным звоном. При этом сигнале крестьяне, покидая свои дома и поля, возможно скорее искали убежище в церкви. Другие, по берегам Луары, проводили ночи со своими семьями и скотом вдали от своих хижин на островах реки или же в лодках, поставленных на якорь по середине ее течения.

В этом (1358) году виноградники, источник благотворной влаги, веселящей сердце человека, не возделывались; поля не обсеменялись и не вспахивались; быки и овцы не ходили по пастбищам; церкви и дома ...повсюду носили следы всепожирающего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на тернии и сорные травы. Колокола не звонили радостно, призывая верных к божественной службе, а лишь били тревогу, подавая сигнал к бегству крестьян при приближении неприятелей. Что сказать мне еще? Самая отчаянная нищета царила повсюду, и особенно среди крестьян, ибо сеньоры усугубляли их страдания, отнимая у них и имущество, и их бедную жизнь. Хотя количество оставшегося скота — крупного и мелкого — было ничтожно, сеньоры все же требовали платежей за каждую голову: по 10 солидов за быка, по 4—5 солидов за овцу. И тем не менее они редко обременяли себя заботами о том, чтобы защищать своих вассалов от набегов и нападений неприятелей.

В это время те, которые должны были бы защищать народ, теснили его не менее, чем неприятели, и можно бы сказать, что оправдывалась басня о собаке и волке. Была некогда сильная собака, к которой питал полное доверие ее господин, так как надеялся, что она отважно будет защищать его овец от нападений волка. Так много раз и было. Но вот со временем волк сделался близким другом собаки, которая позволяла ему безнаказанно уносить овец, а сама делала вид, что преследует его, чтобы отнять овцу и вернуть ее своему господину. Когда же волк и собака были один на один вблизи леса и вдали от глаз пастуха, они вместе лакомились овцой. Такая уловка повторялась часто, и всегда собака получала похвалы от своего господина, уверенного в том, что, преследуя волка, верное животное делало для спасения овцы все от нее зависящее. Так эта проклятая собака умела скрыть свое коварство. В конце концов она вместе с товарищем пожрала... всех овец своего господина.

«Социальная история средневековья».
Под. ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова,
т. II, М. — Л., 1927, стр. 35—36.

22. Из Фруассара

Фруассар (1337—1404) — известный средневековый хронист, горячий защитник интересов феодального дворянства, снискавший славу «певца рыцарства».

Вскоре после освобождения короля Наварры случился удивительный и великий мятеж во многих областях королевства Франции, именно: в Бовэзи, Бри, на Марне, в Лаоннэ, Валуа и по всей стране до Суассона. Некие люди из деревень собрались без вождя в Бовэзи, и было их вначале не более 100 человек. Они говорили, что дворянство королевства Франции — рыцари и оруженосцы опозорили и предали королевство и что было бы великим благом их всех уничтожить. И тому, кто так говорил, каждый кричал: «Истинную правду он сказал: позор тому, кто будет помехой истреблению дворян всех до последнего!» Потом собрались и пошли в беспорядке, не имея никакого оружия, кроме палок с железными наконечниками и ножей, прежде всего к дому одного ближайшего рыцаря. Они разгромили и предали пламени дом, а рыцаря, его жену и детей — малолетних и взрослых — убили. Затем подошли к другому крепкому замку и сделали еще хуже: захвативши рыцаря, они привязали его к крепкому столбу и на его глазах насиловали жену и дочь много раз, один после другого, а потом убили даму, которая была беременна, дочь, детей, наконец самого рыцаря, замок же подожгли и разгромили. Так они поступили со многими замками и добрыми домами и умножились настолько, что их уже было добрых 6 тыс.; всюду, где они проходили, их число возрастало, ибо каждый из людей их звания за ними следовал; рыцари же, дамы, оруженосцы и их жены бежали, унося на своей шее малых детей, по 10 и по 20 миль до тех пор, пока не считали себя в безопасности, и бросали на произвол судьбы и свои дома, и имущество. А эти злодеи, собравшиеся без вождя и без оружия, громили и сжигали все на своем пути, убивали всех дворян, которых встречали, истязали и насиловали всех дам и девиц без жалости и милосердия, как бешеные собаки. Поистине, ни христиане, ни сарацины никогда не видали таких неистовств, какими запятнали себя эти злодеи. Ибо, кто более всех творил насилий и мерзостей, о которых и помышлять-то не следовало бы человеческому созданию, те пользовались среди них наибольшим почетом и были у них самыми важными господами. Я не осмелюсь ни написать, ни рассказать о тех ужасных и непристойных поступках, которые они допускали по отношению к дамам. Между прочими мерзостями они убили одного рыцаря, насадили его на вертел и, повертывая на огне, поджарили при даме и ее детях. После того как 10 или 12 из них истязали и насиловали женщину,

они накормили ее и детей этим жареным, а потом всех умертвили злой смертью. Выбрали короля из своей среды, который, как говорили, происходил из Клермона в Бовэзи, и поставили его первым над первыми. И величали его, короля, Жак Простак. Они сожгли и начисто разгромили в области Бовэзи, а также в окрестностях Корби, Амьена и Мондидье более 60 добрых домов и крепких замков, и если бы бог не пришел на помощь своей благостью, эти злодеи так бы размножились, что погибли бы все благородные воины, святая церковь и все зажиточные люди по всему королевству, ибо таким же образом действовали названные люди и в области Бри, и в Патуа. Пришлось всем дамам и девицам страны, и рыцарям, и оруженосцам, которые успели от них избавиться, бежать в Мо, в Бри поодиночке, как умели, между прочим и герцогине Нормандской. И спасались бегством все высокопоставленные дамы, как и другие, если не хотели стать жертвами истязания, изнасилования и злой смерти. Точно таким же образом поименованные люди действовали между Парижем и Нуайоном, между Парижем и Суассоном, между Суассоном и Ан, в Вермандуа и по всей стране до Куси. И тут творили они великие злодейства и разгромили в области Куси, Валуа, епископства Ланского, Суассона и Санли более 100 замков и добрых домов рыцарей и оруженосцев, а всех, кого хватали, грабили и убивали. Но бог по своей благости ниспослал спасение, за которое его надо премного благодарить, как вы сейчас увидите из нижеследующего.

Когда дворянство из Корби, Вермандуа, Валуа и [других] земель, где действовали и чинили свои неистовства эти злодеи, увидало свои дома разгромленными, а своих близких умерщвленными, оно обратилось за помощью к своим друзьям во Фландрии, Геннегау, Брабанте и Hassebaing. Тогда тотчас же сошлось достаточно [людей] отовсюду. Собралось и иноземное дворянство, и местное, которое руководило им. И стали тогда ловить и обезглавливать этих злодеев без жалости и милосердия и всюду, где их встречали, вешать на деревьях. Даже король Наварры в один день положил их более 3 тыс. неподалеку от Клермона в Бовэзи, но их было такое множество, что, соберись они все вместе, было бы добрых 100 тыс. Когда их спрашивали, зачем они затеяли все это, отвечали, что не знают, но что, видя поступки других, сами поступали по их примеру и что полагали своим долгом уничтожить таким образом знатных и благородных людей всего света, чтобы не осталось из них в живых ни единого...

В то время когда неистовствовали эти злодеи, возвращались из Пруссии граф де Фуа и сеньор де Буш, его двоюродный брат. Дорогой, подъезжая к границам Франции, услыхали они о той напасти и о тех ужасах, которые обрушились

на дворянство. И возымели к нему оба сеньора великую жалость. Доехавши через несколько дней до Шалона в Шампани... узнали там, что герцогиня Нормандская, герцогиня Орлеанская, около трехсот дам и девиц и герцог Орлеанский укрылись в Мо в Бри из-за великого страха перед этой Жакерией. Оба доблестных рыцаря условились тогда, что пойдут к этим дамам и окажут им посильную помощь, хотя сеньор [де Буш] и был англичанин [1]. Но было тогда перемирие между Англией и Францией, и он мог свободно ездить повсюду, а также жаждал выказать свое благородство в сообществе с двоюродным братом графом де Фуа. Могли они выставить со своей свитой около 40 копий, не более, ибо возвращались, как я уже сказал, из паломничества. Так и торопились они ехать, пока не достигли Мо в Бри и предстали перед герцогиней Нормандской и другими дамами, которые очень обрадовались их приезду, так как им все время угрожали жаки и мужики Бри, а также и горожане, состоявшие с последними в союзе, ибо злодеи эти, узнавши, что здесь скопилось множество дам, девиц и малых детей из дворянских семейств, устроили сборище вместе с [мужиками] из Валуа и двинулись к Мо. С другой стороны, и люди из Парижа, хорошо осведомленные об этом сборище, двинулись в назначенный день в одиночку и целыми отрядами и сошлись с теми и другими. Было их всего добрых 9 тыс. злоумышленников, и все время по дороге в Мо к ним приставали люди различных селений. Так подошли к [городским] воротам; злодеи же горожане и не подумали препятствовать вступлению людей Парижа... И вот вошли в город в столь великом множестве, что заполнили все улицы вплоть до рынка...

Когда знатные дамы, укрывшиеся в рынке Мо, который был достаточно укреплен, ибо р. Марна его окружала, увидали, сколь многое стремительно идет и движется на них количество народа, они были крайне устрашены и напуганы. Но граф де Фуа и сеньор де Буш с их свитой, бывшие в полном вооружении, выстроившись на рынке, выступили за ворота и распорядились затворить их за ними. А затем ударили на этих мужиков, черных, низкорослых и плохо вооруженных... Когда злодеи увидали этих рыцарей и оруженосцев, столь хорошо вооруженных, [движущихся на них] со знаменами графа де Фуа и герцога Орлеанского и значком сеньора [де Буш], с мечами и шпагами в руках в полной готовности защищать и охранять этот рынок, неистовство их поостыло; наоборот, первые ряды стали отступать, а дворяне

---

[1] На самом деле он был гасконец. Выражение Фруассара надо понимать в том смысле, что сеньор де Буш сражался в Столетнюю войну на стороне англичан.

преследовали их, действуя своими мечами и шпагами, и избивали. И все, которые были впереди, всякий раз, как чувствовали удар или страх получить его, пятились назад и теснили друг друга. Тогда выступили из укрепления все вооруженные люди. Поспешивши на место битвы, они [со своей стороны тоже] устремились на этих злодеев. И стали избивать их в одиночку и целыми массами, и истреблять как овец, и гнали их всех в полном смятении и расстройстве из города, и истребляли их до тех пор, пока сами совсем не выбились из сил, и массами сбрасывали их в р. Марну. Словом, перебили их в этот же день более 7 тыс. и ни один бы не ушел, если бы захотели преследовать далее. Когда же дворяне возвратились, они пустили в усмиренный город огонь и сожгли его дотла со всей городской чернью, которую могли там застигнуть. После этого разгрома в Мо [мятежники] больше совсем не собирались, ибо сир де Куси имел под рукой великое множество дворян, которые истребляли их без жалости и милосердия всюду, где бы ни находили.

«Социальная история средневековья».
Под. ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова,
т. II, М. — Л., 1927, стр. 36—39.

23. Из «Хроники первых четырех Валуа»

Составлена, вероятно, в конце XIV в. в Нормандии духовным лицом.

В то время вспыхнул бунт жаков в Бовэзи, и начался он в Saint Leu de Cerens и в Клермоне в Бовэзи. Между ними был один человек, видавший виды и хороший говорун (bien sachant et bien parlant), статного телосложения и красивый лицом (de belle figure et fourme). Имя ему было Гильом Шарль. Его-то жаки и выбрали своим вожаком. Но он хорошо видел, что это — люди на малые дела (gens de petit fait), почему и отказывался руководить ими. Однако жаки заставили его силой и сделали своим правителем вместе с одним человеком, бывшим госпитальером, видевшим войну. Видел войну и Гильом Шарль, и он говорил жакам, чтобы держались вместе. И когда увидали жаки, что их собралось множество, набросились они на дворян и многих из них умертвили. И еще хуже сделали они, как люди неразумные и необузданные и с малым смыслом, ибо умертвили они [также] множество знатных женщин и детей, хотя Гильом Шарль и говорил им не один раз, что слишком многое они себе позволяют.

И увидал Гильом Шарль, что дело не может так оставаться, ибо, если бы они стали действовать порознь, дворяне легко бы их одолели. Поэтому послал наиболее благоразум-

ных и наиболее почтенных к купеческому старшине Парижа, написавши ему, что будет его помощником, если и тот окажет ему в случае нужды подмогу и помощь. Это очень обрадовало руководителей (les genereaux) трех сословий, и отписали они Гильому Шарлю, что окажут ему помощь с полной готовностью. И пришли эти жаки в Геллефонтен. Напуганная ими, графиня Валуа, там проживавшая, притворно оказала им радушный прием и распорядилась снабдить их съестными припасами, ибо взяли они в обычай, чтобы люди неукрепленных городов, по которым они проходили, — мужчины или женщины, — выставляли на улицах столы и угощали там жаков, [которые] проходили потом дальше, сжигая дома дворянства.

Тогда дворяне, прибывшие в поисках убежища к королю Наварры, просили его, чтобы соизволил он принять меры и позаботиться о том, как бы сокрушить, поразить и уничтожить этих жаков. «Государь, — говорили они ему, — вы — первый дворянин в мире, не потерпите же, чтобы дворянство погибло. Ведь если эти люди, именующие себя жаками, продержатся долго, а добрые города им помогут, дворянство ими будет совсем уничтожено». Тогда согласился Карл, король Наварры, оказать им подмогу против жаков. И обещали ему дворяне, что никогда против него не пойдут, и в том принесли свою клятву.

Когда король Наварры, взявши с дворян клятву, что в его делах не будут они ему перечить, выступил из Лонгвиля с рыцарями и английскими наемниками, всего у него было около 400 воинов; пройдя спешным маршем на жаков Бовэзи и у Клермона в Бовэзи, он стал перед ним лагерем. Было там два отряда французского дворянства: одним из них командовал он сам, а другим — сир Пекиньи и виконт des Kesnes. Кроме того, Роберт Серкот командовал отрядом английских наемников.

Жаки хорошо знали, что король Наварры и дворяне идут на них. И держал им речь Гильом Шарль: «Дорогие сеньоры, вы знаете, что дворяне идут на нас, а они — большие люди (grant gens), опытные в военном деле. Если вы мне доверяете, пойдемте к Парижу. Там займем какое-нибудь укрепленное место и будем тогда иметь от горожан поддержку и помощь». И закричали тогда жаки, что ни в коем случае они не отступят, так как они достаточно сильны для того, чтобы разбить дворянство: видя, что их такое множество, слишком они были в себе уверены. Гильом Шарль и госпитальер выстроили жаков [в боевой порядок], образовавши [из них] два отряда по 3 тыс. человек в каждом. Тех, у кого имелись луки и арбалеты, выставили они вперед, а перед ними поставили свои повозки. Еще один отряд они образовали из своих кавалеристов,

и было в нем 600 человек, из которых большинство имело оружие. И стояли они там, выстроенные в таком порядке, два дня.

Король Наварры и дворяне... всего около 1000 вооруженных людей, расположились... перед лагерем жаков, которые держались с внушительным видом, в порядке, трубили в трубы... громко кричали «монжуа» и имели множество знамен с изображением цветка лилии.

Король Наварры попросил перемирия у вождя жаков и выразил желание переговорить с ним: Гильом Шарль пошел к нему запросто (simplement), не потребовавши никаких заложников... Так как жаки остались без вождя, Роберт Серкот ударил на них с фланга со всеми своими людьми и сломил один из их отрядов силой мечей; да и горячие кони топтали и опрокидывали при этом натиске жаков. Тогда жаки совсем смешались, так как не было с ними их капитана (capitaine); они сами стали давить друг друга, и множество их было убито англичанами. Затем вступил в дело другой отряд дворян, ударивший на второй отряд [жаков] и сокрушивший его мечами и конями. Тогда вышеназванные бароны и сеньоры стали избивать жаков почти без сопротивления. А жаки, бывшие на конях, при виде поражения своих [пехотинцев], ударились в бегство и по большей части спаслись. Монсиньор Фрике де Фрикан и монсиньор Реньо де Бракемон преследовали их со всеми [своими] 100 копьями и истребили их около сотни.

Карл, король Наварры, со всем своим отрядом, который был очень велик, обрушился на пеших жаков и истребил их всех, за исключением очень немногих, укрывшихся в одном хлебном поле и ночью убежавших. Правда, много их было истреблено и в этом хлебном поле, но поле было очень обширно. После поражения жаков король Наварры пошел в Клермон в Бовэзи и велел там обезглавить капитана жаков. Другой отряд дворян... численностью до 300 копий, шедший на помощь королю Наварры против жаков, узнавши о их поражении, спустился к границе Бовэзи, где было несколько отрядов жаков. Там названные нормандские дворяне соединились с дворянами Амьенской области и Бри и встретили у Пуа отряд жаков, шедший к большому отряду под начальством Гильома Шарля. И истребили их названные дворяне без милосердия в количестве более 1300 [человек]. Затем поспешили названные дворяне в Gerberay, разбили между Ray и Gerberay другой отряд жаков и умертвили их там около 800, а в одном монастыре сожгли их около 300. Потом пришли в Геллефонтен, где проживала мадам Валуа, и долго досаждали ей за то, что она дала жакам съестные припасы, как они говорили. И убили там около 1000 крестьян. Так были сокру-

шены и поражены жаки и в Бовэзи, и в окрестностях. В Бри граф де Русси избил их великое множество и приказывал вешать их на их же дверях...

«Социальная история средневековья». Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II, М. — Л., 1927, стр. 39—41.

24. Из «Больших Хроник»

Большие хроники Франции освещают события с правительственной точки зрения. Период с 1350 по 1380 гг. отражен канцлером и ближайшим советником короля Пьером д'Оржемоном (ум. в 1389 г.)

О начале и первом сборище злой Жакерии в Бовэзи

В понедельник 28 мая взбунтовались некие мелкие люди (menues gens) в Бовэзи в местечках Saint Leu de Serans, Нуантель, Крамуази и в окрестностях и устроили сборище для злого дела. И напали на неких дворян в названном местечке Saint Leu и девятерых из них умертвили — четырех рыцарей и пять оруженосцев. А после того... пошли по области Бовэзи, каждодневно умножаясь в количестве, и убивали всех знатных мужчин и женщин, которых встречали, и многих детей умертвили. И разрушали или сжигали все дома дворян, которые им попадались, были ли то крепости или другие жилища. И поставили некоего капитана, именуемого Гильомом Калем. Подошли к Компьени, но жители этого города их к себе не пустили. Потом пошли к Санли и устроили так, что жители этого города вошли в сообщество с ними. И разрушили все крепости области: Арменонвиль, Тьер и часть замка Бомон на Уазе. Бывшая там герцогиня Орлеанская спаслась оттуда бегством и укрылась в Париже.

О неистовствах людей Бовэзи и о том, как регент отправился из Мо в Санс

В то время разгорелся мятеж этих людей в Бовэзи. Сошлись и устроили сборище также многие другие... в Монморанси и разгромили и сожгли все дома и замки сеньора Монморанси и других дворян [этой области]. Были и другие сборища таких людей в Мульсьен и прочих окрестных местностях. Участвовали в этих сборищах по большей части хлебопашцы (gens de labour), но были и зажиточные люди, горожане и другие. И всех знатных мужчин, которых они могли найти, убивали. Так же со знатными женщинами и многими детьми в великом своем неистовстве поступали.

В это время означенный регент, пребывавший в рынке Мо, который он укрепил и каждодневно старался еще более

укрепить, отбыл оттуда... в город Санс. И принят был горожанами с почетом, как подобало... и хотя оставалось мало городов... в странах Langue d'oïl, которые не поднялись бы против дворян или из сочувствия к горожанам Парижа, питавшим к ним великую ненависть, или же из сочувствия к народному движению (le mouvement du peuple), но все же он был принят в названном городе Сансе в великом мире и с великим почетом. И объявил регент в названном городе большой сбор вооруженных людей.

О том, как люди Парижа и Силли потерпели поражение в Мо, и о смерти мэра города Жана Soulas

В ту же субботу, 9 июня 1358 г. множество [людей], вышедших из города Парижа в числе 300 или около того под начальством некого Пьера Жиля, парижского бакалейщика, и [в числе] около 500, собравшихся в Силли в Мульсьен под начальством некоего Жана Вайана, заведующего королевским монетным делом, отправились в Мо. И хотя Жан Soulas, тогдашний мэр Мо, и многие другие из названного города клялись регенту в том, что будут ему добрыми и честными [подданными] и не потерпят нанесения ущерба ни ему, ни его чести, тем не менее они отворили ворота названного города людям Парижа и Силли, расставили по улицам накрытые скатертями столы, а на них хлеб, вино, мясо; и пили, и ели, кто желал, и освежались. А потом ринулись в битву, направившись прямо к рынку города Мо, где была герцогиня Нормандская с дочерью и сестра регента, госпожа Изабелла Французская... С ними были граф де Фуа, сеньор de Hangest и некоторые другие из дворян, коих регент оставил для охраны герцогини — своей супруги, дочери, сестры и рынка.

И вот граф де Фуа, сеньор де Ханже (de Hangest) и некоторые другие числом до 25 вооруженных людей или около выступили из рынка, двинулись на Пьера Жиля и его полчища и завязали с ними битву. Убит был тут стрелой в глаз один рыцарь из рынка, монсиньор Луи де Шамбли. В конце концов люди из рынка одержали победу, а люди из Парижа, из Силли и множество горожан Мо, соединившихся с ними, были разбиты. И в возмездие люди из рынка пустили в названный город огонь и несколько домов сожгли.

Потом были получены сведения, что многие горожане вооружаются против них и замышляют измену; поэтому люди рынка разгромили и сожгли часть города. Впрочем, большая церковь и дома каноников сожжены не были... королевский же замок сожгли. И продолжался пожар в городе и замке более двух недель. И захватили люди рынка Жана Soulas,

тогдашнего мэра города Мо, а также многих других мужчин и женщин и подвергли их тюремному заключению в рынке. А потом мэра казнили, как этого и требовала справедливость.

Об умерщвлении Гильома Каля королем Наварры

В это время прибыл король Наварры в Бовэзи и умертвил многих из сельского люда, в частности, велел отрубить голову в Клермоне в Бовэзи Гильому Калю...

О количестве жаков, убитых дворянами

И убивали дворяне всех, кого они могли найти из бывших в сообществе с жаками, т. е. из [жителей сельских] общин, которые умерщвляли дворян, их жен и их детей. И разоряли дома их. Считали за верное, что в день св. Иоанна крестителя они убили их до 20 тыс. и более.

«Социальная история средневековья». Под. ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II, М. — Л., 1927, стр. 41—43.

25. Из «Хронографа французских королей»

Автор — неизвестный монах аббатства Сен-Дени. Хроника представляет компиляцию из других памятников, доведена до начала XV в.

...Рыцари, у которых были замки, собрались для совещания о том, как выполнить [им] приказ регента [1], так как многие из них не имели средств для снабжения крепостей своих; и когда порешили, чтобы тот, кто не имел средств, промышлял (providerent) для себя у людей своих, многие слишком неумеренно брали из их имущества. По этой причине жители Бовэзи, взбунтовавшись, стали нападать на рыцарей и сеньоров своих, ибо многих дворян с женами и детьми их убили, а крепости и дома их разрушили.

Купеческий же старшина, когда до него дошла весть об этом бунте крестьян, двинул (fecit exire) горожан Парижа, которые пошли и сравняли с землей башню Гурнэ, крепости Плэзель, Трапп... и много других в окрестностях Парижа.

Тогда названные крестьяне (rustici) из Бовэзи числом около 50 тыс. и более того подошли к городу Компьени

---

[1] Речь идет об ордонансе, изданном 14 мая 1358 г. ставшими на сторону Дофина штатами Компьени. Параграф 5-й ордонанса вменял в обязанность дворянам привести в боевую готовность их замки на Сене, Марне и Уазе, чтобы воспрепятствовать подвозу по этим рекам съестных припасов в мятежный Париж, возглавляемый купеческим старшиной Этьеном Марселем.

и потребовали у горожан выдачи дворян, которые у них укрылись. Но горожане в ответ сказали, что скорее умрут, нежели в чем-либо их послушают, и что они будут повиноваться только приказаниям регента Франции.

Спасались тогда бегством все дворяне Франции, кто за границу, а кто в замки внутри королевства, ибо страшились они жестокости крестьян, которые немилосердно, не принимая выкупа, убивали жен и детей дворянства. Пошли и осадили означенные крестьяне замок, называемый Плэзель, принадлежавший Матвею де Руа, в котором он сам со многими дворянами укрылся. Тем временем Рауль de Conchiaco собрал по просьбе упомянутого Матвея множество рыцарей и вооруженных людей, вступил с крестьянами в бой и, многих убивши, одолел их.

Потом крестьяне снова собрались с большими силами во Франции и в Бовэзи, ибо жители Бовэ [тоже] были против дворянства. Поэтому крестьяне привели туда многих дворян и там с общего согласия горожан предали их смерти. Кроме того, мэр города Амьена послал в помощь крестьянам из числа горожан 100 человек, но, так как это не понравилось городскому совету, посланные туда люди были отозваны...

Тем временем дворянство Франции обратилось с просьбой о помощи во многие концы христианского мира, и многие с разных сторон прибыли ему на помощь.

Тогда король Наварры, прибывши к Клермонскому лагерю со множеством наваррцев, англичан и нормандцев, пригласил к себе одного из крестьянских вождей, притворившись, что он намерен оказать им помощь. Но когда он увидел его (перед собой), повелел обезглавить и, повернувши на крестьян, которые ждали от него помощи... избил их более 800. Тем временем парижане подошли к Эрменонвилю и взяли приступом замок; находившийся там Роберт де Лорри, рыцарь, движимый страхом, отрекся от всего дворянства, заявивши, что он питает больше любви к парижским горожанам, из среды которых происходит, нежели к рыцарству; так и избежал он смерти с женой и малолетними сыновьями. Все же замок парижане взяли и разграбили, а [потом] вернулись в свой город.

В то время регент Франции пошел в Компьень, чтобы собрать свое рыцарство, а супругу свою оставил в Мо с [рыцарями]. Бэг де Вилэн и Луи де Шамбли сложили в отменно укрепленном рынке множество имущества, именно местные ценности (divitias) и пожитки крестьян, которых по многим местам они убили. Тогда напуганные жители Мо обратились за помощью к парижанам, и купеческий старшина прислал им 1400 человек. Явившись в Мо, они пошли по мосту на приступ рынка, но бывшие внутри дворяне отважно оборонялись;

убит был при этом Луи де Шамбли, о котором герцогиня, супруга регента, и вся ее свита много скорбели. Все же дворянство так [отважно] оборонялось, что парижане ни с чем вернулись восвояси. А потом дворяне, вышедши из рынка, [ворвались] в город и предали его огню, потоку и разграблению.

А купеческий старшина, услыхавши, что регент собирает дворянство, убедил парижан согласиться признать короля Наварры военачальником и правителем Парижа. Послали ему просьбу, чтобы шел к ним с великой дружиной из наваррцев, англичан и других воинов.

По совету означенного короля Наварры около 13 тыс. парижан направились к Компьени, чтобы осадить бывшего там регента. Послал король Наварры послов горожанам Компьени, чтобы вступили с ним в союз. Но они держали ответ, что никак не ему, а лишь регенту Франции будут повиноваться. Тогда герцог Орлеанский пошел с 400 копьями к Компьени на помощь регенту, своему племяннику. Тем временем парижане и король Наварры со своими людьми дошли до Сильванетума (Silvanetum), но, услыхавши, что к регенту стекается великое множество дворян, повернули оттуда обратно к Парижу.

Тем временем собралось из разных местностей великое множество дворян, и опустошили они область Бовэзи огнем и мечом: жители области были либо истреблены, либо изгнаны, а имущество их вконец разграблено. Тогда регент, собравши до 40 тыс. или более дворян, пошел с ними к Парижу и осадил его.

«Социальная история средневековья».
Под. ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова,
т. II, М. — Л., 1927, стр. 43—45.

26. Из письма Этьена Марселя к городам Фландрии от 11 июля 1358 г.

Дорогие сеньоры и добрые друзья! Мы полагаем, что вы достаточно наслушались разговоров о том, как великое множество дворян из вашей области Фландрии, Артуа, Булони, Guinois, Чингур, Понтье, Геннегау, Корби, Бовэзи, Вермандуа и многих других местностей, следуя своему обычаю утеснять всех недворян, совсем не делая различия между виновными и невиновными, добрыми и злыми, явились с оружием [в руках] для войны, убийства и разбоя по сю сторону Соммы и Уазы. И хотя многим из них не было сделано никакого зла, все же они пожгли города, избили добрых людей этой местности без всякой жалости и милосердия, разгромили и разграбили все, что попалось им [под руки]; жен, детей, священ-

ников, монахов подвергли жестоким мукам, дабы проведать об имуществе жителей, а потом [его] взять и разграбить. Многих из таких они муками уморили, церкви ограбили, священников хватали при совершении служб... брали... священные сосуды; церкви, аббатства, приорства и приходские храмы или сжигали, или же выкупом облагали, посвятивших себя святой церкви девушек растлили; насиловали жен в присутствии их мужей; словом, жестокими и бесчеловечными своими поступками причинили более бед, нежели когда-то совершили вандалы и сарацины. Множество из награбленного таким путем отправили они во Фландрию, Артуа и Вермандуа; множество оставили в Компьени, который к разорению открытой страны и добрых городов во всех означенных делах их поддерживал и поддерживает. И доселе все еще продолжают они упорствовать в своей злобе: всех встречных торговцев или убивают, или выкупом облагают, товары у них отнимают; всякого недворянина, жителя добрых городов или открытой страны, и всякого земледельца умерщвляют, грабят и обирают до нитки... Хорошо нам известно, что его высочество герцог и нас, и имущество наше, и всю открытую страну отдал дворянам и уполномочил их сделать то, что они делают с нами, так как не имеют они от него другой платы, кроме того, что смогут награбить. И хотя ни дворяне, ни его высочество герцог, как нам известно, не захотели после пленения короля нашего государя стать с оружием в руках против недругов королевства, однако против нас и против простого люда (le commun) они [охотно] вооружились ради великой ненависти, к нам и к простому люду питаемой, и множество их явилось ради великого грабежа и разбоя, ими народу учиняемых, такое множество, что поистине удивительно. И вот мы очень нуждаемся в помощи нашего господа, а также вашей и всех добрых друзей наших. И тот, кто поможет в защите доброму народу, добрым земледельцам и добрым торговцам... против этих убийц, грабителей и злых врагов бога и веры, более заслужит у господа нашего, чем если бы он пошел в крестовый поход на сарацинов. Воистину, ведь столько они причинили бед по сю сторону Соммы, в Бовэзи и по сю сторону Уазы и столько побили земледельцев, что великое является опасение, как бы в этом году, хотя и обильном для названной области хлебом и вином, все не пропало и не погибло: некому ведь собирать хлеб и вино, некуда даже вино сливать, так как сосуды в селениях сожжены вместе с селениями...

Дорогие сеньоры и добрые друзья! Некоторые из дворян и приспешников их хотят оправдать неистовства, учиненные ими в Бовэзи и над нами, ссылкой на то, что некоторые люди открытой страны в Бовэзи, поднявшись против дворян, уби-

вали их с женами и детьми и разрушали дома их; а также на то, что мы им в этом деле будто бы помогали и потворствовали... Соблаговолите принять к сведению [по этому поводу следующее]: названные дела были начаты и сделаны в Бовэзи помимо нашего ведома и желания, и мы предпочли бы скорее умереть, чем одобрить поступки некоторых людей открытой страны в Бовэзи. Напротив, мы послали 300 воинов из людей наших с верительными грамотами (lettres de crédance), имея целью положить конец неистовствам, ими чинимым. И так как они не пожелали прекратить то, что делали, и требованиям нашим не вняли, люди наши от них ушли согласно приказанию нашему, оповестивши в 60 селениях, чтобы никто под страхом потерять голову ни детей, ни жен дворян не убивал... а также ни разбоем, ни грабежом не занимался и домов не сжигал и не разрушал. Ведь были же в то время в г. Париже более тысячи знатных мужчин и знатных дам, в том числе госпожа [графиня] Фландрская, госпожа королева Жанна и госпожа [герцогиня] Орлеанская, и никто из них ничего, кроме добра и уважения, [от горожан] не видал. И еще более тысячи человек нашли там убежище, и ни добрым знатным мужчинам, ни добрым знатным женщинам, которые не причинили и не имели в мыслях причинять зло народу, мы [со своей стороны] никакого зла не желаем. И после того как разыгрались в Бовэзи [эти] события, его высочество [король] Наварры... 4 раза нанес [восставшим] поражение, захватил в плен их капитанов и отрубил им головы. Умиротворивши [таким образом] всю область, он с согласия потерпевшего ущерб и обиды дворянства Бовэзи и Вексен, а также жителей открытой страны в Бовэзи приказал, чтобы от каждого селения по четыре главных зачинщика восстания были выданы и судимы. Были также привлечены еще десять из области Бовэзи, знавшие, кем учинен вред, нанесенный дворянству... Так собраны были [нужные] сведения его высочеством [королем] Наварры, и распорядился он возместить то, что следовало названным дворянам за нанесенный ущерб, а тем временем добрые люди открытой страны в Бовэзи... должны были пребывать в безопасности в мире. Невзирая на это, дворяне Бовэзи и Вексен, а также другие, пришедшие из областей, о которых сказано выше, и не имевшие к делу никакого касательства, собравшись по уходе его высочества [короля] Наварры, всю область Бовэзи предали потоку и разграблению. Прикрываясь означенным происшествием в Бовэзи (sur l'ombre du dit fait de Beauvoisis), дворяне и во многих других местах устроили великие сборища. Явившись по сю сторону рек Соммы и Уазы, напали они во многих местностях на тех, кто по делу в Бовэзи ничего не

знал и был чист... и разбоями, грабежами, поджогами и убийствами всю страну разорили и изо дня в день разорять продолжают...

«Социальная история средневековья». Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова, т. II, М. — Л., 1927, стр. 45—47.

III. ФРАНЦУЗСКИЙ ГОРОД XII—XV вв. И ГОРОДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

РАЗВИТИЕ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В XV в.

27. Статуты, установленные Жаном Дове для эксплуатации рудников

15, 16, 17 дня (апреля 1454 г.) я занимался составлением статутов рудников, и для этой цели я совещался и советовался с Брисоне, Гранье, Филибертом Мангвином, Мерметом де Фонтеном. Каковые статуты я разделил на статьи и привел в надлежащий вид следующим образом.

Для того чтобы упорядочить руководство и управление серебряными и медными рудниками, расположенными в областях Лионне и Божоле, бывшими [в руках] у Жака Кера и принадлежащими в настоящее время королю, и в исполнение того, что было угодно указанному сеньору [королю] поручить мне, Жану Дове, советнику и генеральному прокурору указанного сеньора и комиссара в этой части, установлены мной следующие уставы:

[1.] Во-первых, определено, что отныне указанные рудники будут иметь одного управляющего (gonverneur), которому будет поручено ведать всеми доходами и расходами и вести все счета указанных рудников как в отношении основных доходов, так и королевской десятины. Указанная должность управляющего уже поручена мной мэтру Пьеру Гранье.

[2.] Также чтобы контролировать и удостоверять все указанные доходы и расходы, [средства для] покупки съестных припасов, [поступления от] арендной платы, расходы на платежи рабочим (ouvriers) и подрядчикам (prifacteur) отныне один контролер (controleur), и это я теперь поручаю и устанавливаю клерку Николаю Таро.

[3.] Также указанные управляющий и контролер будут проживать на месте рудников и самым тщательным образом исполнять свои обязанности согласно ниже данных подробных разъяснений.

[5.] Также указанный управляющий будет самым тщательным и добросовестным образом, как он только может, распоряжаться горными мастерами (maistres de montaigne)

указанных рудников и будет требовать от них, чтобы они посещали и осматривали каждый день — один или несколько раз в зависимости от необходимости — шахты (puiz), траншеи (voiages) и помещения рудников; должен знать, как горные мастера руководят работой забойщиков (ouvriers de martel), в каких помещениях и как они работают и какую руду они добывают, а также как они организуют и руководят группами подсобных рабочих (piardes[1] de maneuvres), если они добывают руду вне указанного рудника, выполняют земляные, водяные и прочие работы, а также как они руководят плотниками и рабочими, занимающимися изготовлением подпорок для шахт (apoyeurs de montaigne), чтобы они должным образом укрепляли траншеи, шахты и другие помещения указанных рудников. И обо всем, что будет сделано, выработано и выполнено в рудниках в течение дня, они докладывают вечером названному управляющему.

[7.] Также он должен направлять в кузницы (forges) указанных рудников самых лучших и старательных кузнецов (mareschaulx), которые должны будут без задержки ковать железные клинья (coignetz)[2], молоты и прочие железные орудия для указанных рудников таким образом, чтобы рабочие указанных рудников не бездействовали и чтобы работа их ничем не задерживалась.

[9.] Также он должен наилучшим образом следить за подсобными рабочими указанных рудников, как за теми, которые находятся на жалованье (gaiges, salaires) и содержании (despens)[3] короля, так и за теми, которым по подряду поручено выкачивать воду, выгружать землю и руду из указанного рудника. Да будет известно, что они будут работать и извлекать то количество баро (barrau)[4] воды, земли и руды, которое они должны извлечь.

[10.] Также следует давать наилучшие указания пекарям, поварам и прочим людям, обслуживающим указанные рудники, так чтобы каждый на своем месте выполнял свое дело наиболее добросовестно и тщательно.

[11.] Также он должен заботиться о съестных припасах для людей, занятых работами на рудниках. Да будет известно, что хлеб, вино, мясо, рыбу и другие продукты необходимо заготовлять вовремя и распределять по правилам.

---

[1] Piard — термин не вполне ясный, встречается в источнике много раз. Обозначает, очевидно, группу (бригаду) работающих или (см. § 44) смену.

[2] Coignet, sognet (coin dezfer) — железный клин, используемый при работе шахтерами, каменоломами.

[3] В данном случае имеется в виду заработная плата, выплачиваемая деньгами (gaiges, salaires) и натурой (despens), что характерно и для других отраслей французской промышленности XV—XVI вв.

[4] Barrau (очевидно, от baril — боченок) — особые бадьи, употреблявшиеся в шахтах.

[14.] Также ввиду того что издавна принято, что горные мастера, плотники и забойщики лучше обеспечиваются продовольствием и лучше оплачиваются, а также имеют лучшее помещение для жизни, чем подсобные рабочие, а теперь у них нет никакого порядка и они едят и спят вместе, указанный управляющий разделит названных подсобных рабочих и указанных забойщиков, и распорядится, чтобы они ели и спали отдельно, и восстановит старую форму их содержания и оплаты.

[15.] Также указанный управляющий будет посещать — обычно не менее двух или трех раз в неделю — плавильни (martinez) названных серебряных рудников как в Коне (Cosne) и Вене (Venail), так и в Брусье (Brucieu) и наблюдать, как мастера-литейщики (maistres fondeurs) и обжигальщики (affineurs) работают над regretz [1], литьем и обжиганием. И если названный управляющий там найдет какой-либо беспорядок, он примет наилучшие меры для восстановления порядка.

[16.] Также не могут названные литейщики и обжигальщики плавить и обжигать в отсутствие названного управляющего или контролера указанных рудников или одного из них. Причем указанный контролер регистрирует все серебро, свинец и медь, которые были добыты, отлиты и обожжены в указанных рудниках.

[31.] Также учитывая, что горные мастера, рабочие и прочие занятые на указанных рудниках в прошлое время жили без правил и без страха правосудия, из-за чего они совершали много проступков, установлено, что названный управляющий отныне будет иметь право суда (juridicion) над названными мастерами, рабочими, литейщиками, плавильщиками, служащими и прочими находящимися в указанных рудниках, а также в отношении их работы так, как это уже разъяснялось.

[33.] Также никто из названных мастеров, рабочих или служащих не должен осмеливаться вносить в указанные рудники — будь то рудник, плавильня, кузница, дома или другие [помещения], принадлежащие указанным рудникам, — мечи, кинжалы, дротики и прочее оружие нападения, кроме небольших ножей для резания хлеба и мяса, под угрозой конфискации названных предметов и штрафа в 10 турских ливров (10 s. tournois) [2] за каждый раз, когда они будут найдены.

[35.] Также никто из указанных мастеров и рабочих подсобных рабочих и других служащих указанных рудников не должен осмеливаться бить, ударять или оскорблять один

---

[1] Regretz — термин неясный, связан с рудой.

[2] Livre tournois — турский ливр, равный 20 су.

другого под угрозой быть оштрафованным и наказанным указанным управляющим в зависимости от того, что требует данный случай.

[37.] Также в зависимости от оскорбления, брани, драки и других проступков и злодеяний, которые совершают и учиняют указанные мастера, рабочие, подсобные рабочие, служащие и прочие, работающие на указанных рудниках, указанный управляющий может взять и арестовать их на указанных рудниках и там держать столько времени, сколько нужно, и наказать их изгнанием с рудников (из жилища и с работы), лишением и потерей их зарплаты или другим образом, каким сочтет нужным это сделать.

[39.] Также для выполнения указанных вызовов в суд, для заключения в тюрьму и для выполнения прочих наказаний и приказов указанного управляющего там отныне должны быть два сержанта в указанных рудниках Пампайи и по одному сержанту в каждом из рудников Сент-Пьер, Шисье и Жоз, которых указанный управляющий туда назначит.

[44.] Также все рабочие ежедневно должны держаться своих смен (piarde), как в последнее время принято делать, и должны все вместе собираться незадолго до смены перед входом в рудник, где они берут свои свечи, и входить все вместе по двое внутрь указанных рудников. И если кого-либо из них не было в этот час с ними и он пришел немного позже, даже при самой незначительной задержке он не получит свечи и не спустится во внутрь указанных рудников в этот день.

[45.] Также когда указанные рабочие будут внутри указанных рудников, они должны ждать другую смену, которая должна прийти после них, и не покидать своих помещений до тех пор, пока следующая смена не придет и не войдет в указанные рудники...

[47.] Также никто из вышеназванных рабочих не должен осмеливаться изменить свою смену без согласия указанного управляющего или его приказчика (commis) под угрозой потери своей зарплаты на время, в течение которого совершался обмен.

«Les Affaires de Jacques Coeur. Journal du procureur Dauvet. Procés verbaux de séquestre et d'adjudication», t. 1—2. Ed. par M. Mollat, Paris, 1952—1953, t. I, p. 347, 348, 349, 351—352, 353, 355.

28. Ордонанс Карла VI. Утверждение привилегий общины мясников Парижа

1. Во-первых, каждый раз, как умирает глава или мастер (chef ou maistre) их ремесленной общины, вся судебная власть, все права и доходы, которые ему принадлежали при

его жизни в силу вышеупомянутой его должности, переходят к четырем присяжным (jurez) и упомянутые четверо присяжных могут ими пользоваться и извлекать из них выгоду для общины; упомянутая община обязана их слушаться во всем так, как слушалась мастера, пока он был жив, и [эти присяжные] могут наказывать ослушников и непокорных, налагать штрафы и обращать их на пользу общины каждый раз, как для этого представится случай.

2. Каждый раз, когда случится, что мастер упомянутых мясников умрет, присяжные и община упомянутой бойни должны собраться в течение месяца со дня смерти упомянутого мастера в месте, где обычно происходят выборы мастера, и призвать двенадцать наиболее состоятельных из них всех, которые и будут иметь право избрать упомянутого мастера, и они назовут и выберут по своему разумению мастером наиболее состоятельного из всех, а тот, которого все двенадцать или большая часть из них по соглашению назовут и выберут из них или из прочих членов общины, и будет признан, и ему будет присвоено звание мастера их ремесла и общины.

3. Должны быть избраны три живодера (escorcheurs), которые будут производить вызовы в суд, налагать взыскания, вести записи и приводить в исполнение приговоры, когда это окажется нужным, и им будут верить или одному из них на основании их присяги, и их должны будут слушаться как клерков и сержантов упомянутого ремесла.

4. Если кто-нибудь из членов общины будет вызван в суд в определенный день упомянутыми мастером и присяжными и не придет, он может быть присужден за неявку к уплате 17 су 6 денье; и столько может спросить с него взявший на откуп упомянутую юрисдикцию; но если мастер и присяжные видят его покорным, они устанавливают за первую его неявку 12 денье, за вторую — 2 су и за третью — 17 су 6 денье, а после этого ему может быть запрещено заниматься его ремеслом мастером и присяжными; и если случится, что после запрещения он будет рубить мясо, и не уплатит своему противнику, и не откажется от своего ремесла, он уплачивает в виде штрафа 17 су 6 денье и у него вышеупомянутыми сержантами может быть отобрано все мясо, находящееся на его прилавке, — сколько бы его ни было — в уплату упомянутого штрафа и для удовлетворения противной стороны; если случится, что он ослушается или окажет сопротивление, а вышеупомянутые сержанты не будут полагаться на свою силу, они должны прийти к мастеру упомянутого ремесла и к присяжным и взять себе в помощь других живодеров; мастер и присяжные не должны идти сами ни на данное, ни на какое другое выполнение приговоров, если они не по-

желают, но должны послать достаточное число своих живодеров и других людей, чтобы они могли разбить и бросить на землю прилавок этого заочно приговоренного и непокорного; а если он будет продолжать упорствовать в своем злостном поступке, [то его прилавок] разломать, сжечь или бросить в воду по усмотрению мастера и присяжных.

5. Из всех доходов и прибылей, которые будут получены в результате ведения судебного процесса упомянутым мастером и присяжными, — будут ли они получены за неявки, за штрафы или как-нибудь иначе — третья часть пойдет в пользу мастера, а две трети — в пользу общины на оплату Совета или на что другое, как она найдет нужным.

6. Упомянутый мастер не может утвердить или принять мясника или живодера без согласия четырех присяжных и прочих добрых людей (preudes hommes) [1] данного ремесла.

7. Четверо присяжных данного ремесла, выбираемые ежегодно мастером и общиной, будут производить все расходы, получать взносы, принимать доходы, полученные от сдачи внаймы помещений, от ведения судебных дел, и за 8 или за 15 дней до того дня, когда обычно принято собирать владельцев лавок, они (присяжные) будут обо всем давать точный отчет мастеру и шести preudes hommes, избранным для этой цели, если упомянутые доходы от сдачи внаймы помещений и пр. к этому времени не будут проданы; если же доходы за помещения и за ведение судебных процессов будут проданы, то получивший их также должен дать точный отчет, подкрепленный клятвой, в указанный день; упомянутый покупатель не может взять себе выручку, полученную в день заседания или на другой день, но должен вручить ее присяжным запечатанной его печатью, а присяжные должны отнести ее в сундук, в котором хранятся деньги, принадлежащие общине.

8. Упомянутый мастер не будет получать и выдавать деньги.

9. Мастер и присяжные должны дать клятву при избрании, что они будут лично присутствовать все три дня, когда обычно принято разбирать тяжбы, если не будут слишком заняты; они будут помогать мэру [2], [если дело касается купца, живущего не в Париже], или тому, кто будет разбирать жалобы, защищать их права и всех других, и не будут говорить никому бранных слов; и их (присяжных) должно быть по меньшей мере два с мастером и его заместителем.

---

[1] Preudes hommes — уважаемое лицо в корпорации; иногда этот термин применяется к старшинам цеха.

[2] Мэр (maire) — городской старшина, глава муниципалитета.

10. Следует иметь небольшую печать, удобную и постоянную, чтобы скреплять все акты и записи, которые будут сделаны при разборе жалоб и споров; эта печать будет храниться в сундуке для бумаг или в особом ящике с тремя ключами, один из которых будет вручен мастеру, другой — мэру, третий — присяжным; и с каждого написанного документа клерки (писцы) будут получать по два денье, которые заносятся в доходы от ведения дела, а с каждого подтверждения клятвой со свидетелей, а также со стороны, выставившей этих свидетелей, будет взиматься один денье, причисляемый к доходам от ведения дела.

11. Если кто-нибудь будет вызван в суд по прошению торговца, [живущего вне Парижа], относительно продуктов, проданных на базаре в неуказанный день или срок, и на суд явится только его уполномоченный, этот уполномоченный не будет иметь отсрочки для ответа ни на один день, но будет отвечать немедленно; а если не явится в суд, будет отвечать и за неявку, и за торговлю; все другие, которые будут вызваны в суд за долги или за торговлю вне рынка (определенного) или в неустановленные дни, будут судиться по закону так, как это полагается, причем сроки не будут им установлены ни на субботу, ни на воскресенье, ни на понедельник, ни на вторник.

12. Мясник, продавший плохое мясо, будет наказан штрафом в 50 су и лишен пищи (foirier[1]) на 8 или 15 дней по усмотрению мастера и присяжных; его сосед, который не видел и не донес на него, если не представит достаточных свидетелей, что ничего не знал, будет лишен пищи по усмотрению вышеуказанных лиц.

13. Если бездетной жене мясника после его смерти достанется бойня, она может продать мясо так, как это делал ее муж, пока был жив, — будет ли это свинина, говядина, баранина, — но не может убить приобретенный или купить новый скот.

14. Каждый мясник или живодер, который будет вызван по суду в Шатле[2] или другое место, должен туда явиться согласно своей присяге под угрозой штрафа.

15. Заседание владельцев лавок должно происходить ежегодно в пятницу после дня св. Якова или св. Христофора, и в этот день четверо присяжных, которые были избраны на этот год, выбирают четырех preudes hommes; эти четыре preudes hommes выбирают четырех новых присяжных или из тех, кто уже был, или из самих себя, или из других, как это им покажется лучше согласно их присяге.

---

[1] Foirier — праздничная пища.

[2] Шатле (chatelet) — здание, где производил суд парижский прево.

16. Когда эти четверо присяжных будут избраны и утверждены, они поклянутся хорошо и честно охранять ремесло и его обычаи: если появятся дурные обычаи, они их уничтожат, как это позволяет им их власть, а хорошие обычаи будут хранить.

17. Эти четверо новых присяжных будут держать в своих руках все лавки и сдадут их внаймы preudes hommes своего ремесла, как сочтут за лучшее согласно своей присяге.

18. Никто не может занять лавки, если не заплатит полностью за наем в истекшем году, и не может выполнять ремесло мясника иначе как с разрешения мастера и присяжных под угрозой отнятия у него мяса.

19. Если какой-нибудь мясник не заплатил за наем лавки, которую он занимал в истекшем году, ко дню общего собрания и не удовлетворил полностью купившего [у него лавку] за истекший год, его лавка будет передана купившему и этот последний будет получать всю прибыль в течение следующего года; если какой-нибудь мясник умрет и, [пока он был жив], с ним не было заключено условие и если его не заменит другой мясник, известный присяжным как добропорядочный, они могут передать лавку, как им покажется нужным; если какой-нибудь мясник умрет до дня общего собрания — за сколько бы времени это ни случилось, — его лавка переходит в руки купившего, который может получать с нее доходы, если у мясника не было сына, который мог бы держать лавку до общего собрания, оплачивая за наем.

20. Ни один мясник не должен говорить грубых слов и делать надбавки тем, кто придет покупать мясо на бойню, как бы ни было мясо нарезано, под угрозой лишиться ремесла на месяц или больше, как это сочтут нужным мастер и присяжные.

21. Если кто-нибудь разрубит мясо не будучи мясником, он лишается права заниматься ремеслом до тех пор, пока мастер и присяжные не призовут его; даже если он будет сыном мясника, разрубленное им мясо будет конфисковано [1].

22. А также он будет навсегда изгнан из Большой бойни, чтобы он не мог рубить мясо ни для себя, ни для других под угрозой лишиться мяса; но он может рубить мясо на одном из прилавков у Малого Моста [2], как это ему разрешат и утвердят мастер и присяжные.

23. Никто не может быть мясником Большой Парижской бойни, или представлять мясника для принятия в бойню, если он не является сыном мясника этой бойни.

---

[1] Вопрос идет о подмастерье мясника.

[2] В другой бойне.

24. Когда принимают молодого человека, который должен стать подмастерьем (garcon boucher), тот, кто его представляет, т. е. его отец или опекун, должен заключить условие, что угощение и другие законные выплаты, которые сюда относятся, он будет выплачивать в дни, назначенные мастером и присяжными; если случится, что этот молодой человек откажется от ремесла или умрет, он ограничится первыми взносами, которые были сделаны.

25. Когда молодой человек будет утвержден мясником благодаря отцу или preudes hommes, которые внесли за него деньги, и уйдет от упомянутого отца или preudes hommes без их согласия, а кто-нибудь из мясников примет его за свой прилавок или как-нибудь иначе разрешит ему рубить мясо, не спросив на это разрешения preudes hommes, благодаря которым он стал мясником, тотчас же мясо будет отобрано мастером и присяжными и будет отдано в виде милостыни бедным или как они найдут нужным; кроме того, тот мясник, который совершил этот проступок, будет лишен пищи (foirier) на 15 дней или более по усмотрению мастера и присяжных.

26. Прево Парижа или королевский сборщик в Шатле от имени короля и для короля с каждого вновь утвержденного мясника, с угощения, которое обычно устраивают при приеме в мясники, получает Maille d'or [1].

27. Прево Парижа получает от каждого такого угощения секстье вина и четыре пирога, за которыми он посылает, и платит два денье музыканту[2] за то, что он принес пироги и вино.

28. Упомянутый прево получает в тот год, когда состоялся прием нового мясника, законную часть, которую упомянутый мясник должен ему предоставить в день, назначенный мастером и присяжными, а именно 61 фунт с четвертью мяса свинины и быка, а также каплуна, секстье вина, четыре пирога; и когда он (мясник), посылает за вином и пирогами, он платит 2 денье музыканту.

29. Мастер мясников Большой Парижской бойни получает от каждого вновь утвержденного мясника восковую свечу весом в один фунт, чтобы зажечь ее перед собой [во время празднества], пирожок, замешанный на яйцах, чтобы разделить со своими товарищами — [участниками пирушки], и, когда он уходит из зала, половину секстье вина и два хлеба. И это то, что мастер получает от угощения.

30. Жена мастера Большой бойни получает от каждого вновь утвержденного мясника прежде всего от угощения от

[1] Maille d'or — старинная мелкая серебряная монета.

[2] Jugleur de la salle — музыкант, игравший в зале, принадлежавшем корпорации.

каждого блюда четыре порции: если это пулярдки, то четыре пулярдки и от всех других блюд по четыре порции, 12 хлебов и два секстье вина. Это то, что получает жена мастера от угощения.

31. Мастер Большой бойни получает в тот год, когда состоялся прием нового мясника, законную часть — 30 с половиной фунтов и полчетверти мяса свинины и быка, как это принято, и половину каплуна; когда мастер приходит в зал, перед ним [на столе во время пиршества] находится зажженная свеча весом в 1 фунт, пирожок, замешанный на яйцах, которым он делится со своими товарищами, пришедшими вместе с ним, и он получает восковую свечу, половину секстье вина, два хлеба, когда он уходит из зала. Это то, что получает мастер от каждого вновь утвержденного мясника.

32. Смотритель дорог г. Парижа получает с каждого вновь утвержденного мясника прежде всего от угощения, половину секстье вина и два пирога; за этим вином и пирогами он посылает музыканта и платит ему при посылке один денье.

33. Упомянутый смотритель получает в тот год, когда был принят новый мясник, законную часть — 30 фунтов с половиной и полчетверти мяса свинины и быка, как это полагается, половину каплуна, половину секстье вина и два пирога; за этим вином и пирогами он посылает музыканта и платит ему при этом денье.

34. Прево фур Левек (на ул. Сен-Жермен, где происходили судебные процессы) получает от вновь принятого мясника от угощения половину секстье вина, два пирога; за этим вином и пирогами он посылает музыканта и при этом дает ему денье.

35. Упомянутый прево фур Левек в этот год, когда утвержден новый мясник, получает законную часть в назначенный день — 30 с половиной фунтов и полчетверти мяса свинины и быка, как это принято, полкаплуна и половину секстье вина, два пирога, за которыми (пирогами и вином) он посылает музыканта и платит ему денье.

36. Казначей и консьерж парламента получают от каждого вновь принятого мясника прежде всего от угощения половину секстье вина, два пирога, за которыми они посылают музыканта, и платят ему при этом за посылку один денье.

37. Упомянутые казначей и консьерж получают в течение года, когда был утвержден новый мясник, законную часть платы в назначенный для этого день, а именно 30 с половиной фунтов и полчетверти мяса свиного и говяжьего, как это принято, а также половину каплуна, половину секстье вина и два пирога, а за посылку за ними платят денье музыканту.

38. Никто не может построить или оборудовать новую бойню в Париже, в его предместьях и местностях, прилежащих к ним, и не может выполнять ремесло мясника каким бы то ни было способом, и не может убивать или приказывать убить скот на мясо в своем доме или в другом месте и потом продавать его в розницу, сырое, вареное или как-нибудь иначе, в своем доме или в другом месте в упомянутом г. Париже и прилежащих к нему местностях на чьей бы земле и в чьих бы владениях это ни было, за исключением мясников Большой бойни г. Парижа, а также мясников старинных боен, которые с самых древних времен существуют в Париже.

39. А также если кто-нибудь другой, кроме указанных мясников, будет замечен как убивающий или продающий в розницу или как-нибудь иначе сырое или вареное мясо в своем доме или в другом месте, мясники Большой бойни г. Парижа могут взять их как преступников силами своих людей или с помощью прево г. Парижа и судить их или отдать под суд прево г. Парижа, и наложить на них штраф в свою пользу и в пользу короля через прево.

40. А также мясники Большой бойни г. Парижа имеют право покупать и продавать скот, живой и мертвый (убитый), и все другое, относящееся к ремеслу мясника, беспошлинно, не уплачивая кутюм и пеаж[1] в Париже, откуда бы таковой скот ни привозили, и куда бы ни направляли, и если бы никуда не направляли вовсе; и точно также могут продавать и покупать рыбу морскую или пресных вод.

Дано в Париже, в год господний 1381, а нашего царствования первый, в месяце июне.

«Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина», М., 1949, стр. 84—90.

ДВИЖЕНИЕ КАБОШЬЕНОВ 1413 г.

29. Ремонстрация университета и г. Парижа Карлу VI об управлении государством от 13 февраля 1413 г.

Нашему высочайшему государю, верховному сеньору и отцу. Ниже следуют пункты и статьи, которые составили Ваша покорнейшая и благочестивейшая дочь Сорбонна, Ваши покорнейшие и послушнейшие подданные купеческий прево, эшевены[2] и горожане Вашего доброго города для

---

[1] Кутюм (coutume) и пеаж (péage) — пошлины, взимавшиеся при провозе товаров.

[2] Купеческий прево и эшевены — представители именитого купечества; купеческий прево — глава корпорации купцов; эшевены — присяжные.

того, чтобы оказать Вам помощь, подмогу и высказать свое мнение, как Вы просили, для пользы, чести и блага Вас и Вашего королевства.

1. Во-первых, по первому пункту, касающемуся сохранения мира[1] между некоторыми сеньорами Вашей крови, — вопрос, который уже был изложен Вашему Величеству. Добрые Ваши города и все, кто теперь собрались по Вашему приказанию, добровольно поклялись и обещали и всегда до настоящего времени стремились поддерживать мир, и, если будет угодно богу, будут его поддерживать и в дальнейшем. Но нам кажется, что Вы должны приказать и другим сеньорам Вашей крови и их вассалам точно так же дать клятву и обещать поддерживать упомянутый мир, так как это необходимо по многим причинам: одни из них никогда не давали клятвы, а некоторые не выполняют ее и не доказывают своей преданности.

2. Также всем известно, что англичане в вашем государстве и многие другие вооруженные отряды как Вашего королевства, так и других стран разоряют Вашу страну и приносят вред вашим подданным: многие жалобы поступали и поступают изо дня в день и доносится ропот из различных частей Вашего государства, а средства для искоренения зла и причины его будут здесь ниже изложены.

3. Граф Арманьяк, который является Вашим подданным, не обращает внимания и не выполняет клятвы относительно упомянутого мира, но всегда поддерживает и ведет войну в Вашем государстве, как говорят.

4. Для того чтобы упомянутый мир был лучше соблюдаем, Вы должны приказать Вашими королевскими грамотами, опубликовать и обнародовать, обращаясь к вашим officiers[2] и другим, кому Вы найдете нужным, что нарушители [Вашего приказания] будут надлежащим образом наказаны.

5. Вы, наш государь, просите помощи и подмоги; Ваша покорнейшая дочь и Ваши упомянутые и верные подданные, желая от всего своего сердца Вашего блага, пользы и чести, а также продолжения и сохранения Вашего государства, считают необходимым изложить Вам злоупотребления, кото-

---

[1] Имеется в виду борьба двух феодальных партий: «бургундцев» — сторонников герцога Бургундского и «арманьяков», возглавляемых герцогом Орлеанским. Свое название «арманьяки» получили от имени графа Арманьяка, одного из могущественных вассалов герцога Орлеанского. Во время болезни Карла VI обе партии стремились захватить власть и не брезговали никакими средствами для этого; их многочисленные феодальные дружины грабили население, разоряли страну. Несколько раз «бургундцы» и «арманьяки» заключали мир, но не соблюдали его.

[2] В XIV и XV вв. все лица, занимавшие судебные, финансовые и другие должности, назывались officiers, officiers du roi (высшие чины короны: канцлер, коннетабль и др.).

рые имеют место в Вашем государстве, и начинают говорить о финансах, которыми Вы должны поддерживать честь Вашего звания и содержать Ваше королевство.

6. Прежде всего о финансах Вашего домена, которые должны быть распределены четырьмя способами: на оплату расходов Вашего домена и на пожалования церкви, монастырям; на расходы Ваши, королевы и монсеньера Гиенни, Вашего старшего сына; на жалованье Вашим слугам; на восстановление Ваших мостов, дорог, мельниц, замков, дворов и других построек и для того, чтобы откладывать в королевскую казну [для личных расходов короля], как это издавна делалось.

7. Всем известно, каким образом используются на вышеизложенные нужды упомянутые финансы, распределять которые является обязанностью Ваших казначеев. Часто видим бедных монахов и монахинь аббатств, госпиталей и богаделен, теряющих свое время на добывание средств, и обивающих пороги казначейства (Trésor), и не добивающихся исполнения [своих просьб], из-за чего церкви разрушаются, церковная служба заброшена, недостаточно возносятся моления о спасении душ Ваших предков, что обременяет и Вашу совесть.

8. Что касается расходов домена и пожалований церквам и монастырям, по правде сказать, они оплачиваются плохо или совсем не оплачиваются.

9. Относительно расходов Ваших, королевы и монсеньера Гиенни, которыми (расходами) управляют Фонтеней и Пике и которые (расходы) оплачивают Maîtres des chambres aux deniers [1], установлена сумма для расходов Ваших и герцога Гиенни в 450 тыс. франков, а сумма расходов в прошлое время не превышала 94 тыс. франков. Несмотря на это, короли — Ваши предшественники — вели блестящий образ жизни и купцы и другие люди были хорошо оплачиваемы за их товары.

Теперь, несмотря на вышеупомянутую сумму в 450 тыс. франков, купцам не платят за упомянутые товары и Ваш дворец, дворцы королевы и герцога Гиенни частично разрушены.

Из этого явствует, что упомянутая сумма не целиком используется на упомянутые расходы, как это было предусмотрено в определенное время, но расходуется в пользу тех, кто управляет упомянутыми финансами, или тех, кому им заблагорассудится дать.

То же происходит и в ведомстве по управлению двором королевы, для расходов которого прежде сумма не превы-

---

[1] Maîtres des chambres aux deniers — главные чиновники, ведавшие расходами королевского двора.

шала 36 тыс. франков; теперь же она поднялась до 104 тыс. франков. И происходит это по вине упомянутых казначеев, которым поручено управление упомянутыми расходами; из них (чиновников) главным управляющим финансами королевы является казначей Рагье, который так управлял, что на деньги королевы сделал большие приобретения и дорогостоящие постройки в деревне и городе.

11. Точно так же имеются большие злоупотребления в office de l'argenterie и chambre aux deniers[1]. Чиновники, которые занимают упомянутые должности, собирают очень большие суммы денег и используют их по другому назначению, а не для Вашей пользы: они задерживают оплату Ваших долгов, жалованья Вашим королевским чиновникам и многим добрым людям, у которых берут для Вас вино и другие товары, и все это к своей собственной выгоде, как это явствует из тех состояний, которые они имеют, большого имущества, чрезмерных построек, которые они возводили и возводят каждый день. Это доказано относительно Рагье, построившего замки и большие дома, на которые он истратил, как говорят, больше 30 тыс. франков; так же Пупар и Бюде возвели большие постройки, имеют большое имущество и другие чрезмерные доходы — все это не из их жалованья и обычных доходов от их службы, не из их имущества, когда они вступали в упомянутые должности.

14. Относительно жалованья слугам Вашего двора: оно очень хорошо распределено в палате расходов, но о выплате его Вашим упомянутым слугам ничего неизвестно, вследствие чего они испытывают большую бедность и нужду.

15. Что касается восстановления Ваших замков, мельниц, ярмарок и т. д. — все разрушается и идет к упадку.

16. Что касается королевской казны упомянутого домена, она теперь пуста, тогда как в прошлое время были сбережения, и особенно при королях Филиппе, Иоанне и Карле, когда управляли по-другому, чего не делается в настоящее время.

17. По делам финансов мы вынуждены сказать, что управление ими теперь и в течение 24-х лет было таково, что они (финансы) растрачены множеством чиновников, которые не имели попечения о благе Вашем и общественном, а думали только единственно о своих доходах. И Ваша упомянутая дочь Сорбонна, и Ваши подданные покорнейше просят Вас обнаружить должностных лиц Вашего королевства, которые виновны в упущениях.

18. Прежде всего, Вы имеете чрезмерно большое число казначеев, которые всегда там были с упомянутого времени,

[1] Заведование золотой и серебряной посудой королевского двора.

и слишком много людей стараются туда проникнуть, так что не было ни одного года, чтобы они не возбуждали и не представляли в высокую инстанцию при удобном случае прошения через некоторых людей, имеющих значение в Вашем королевстве.

Бог знает, почему они входят туда так охотно; очевидно, только из-за больших выгод, наживы и возможности хищений, которые им доставляют эти должности, так как, если казначей не получит ежегодно 5 тыс. франков доходов, это считается за ничто. И там, где в прошлое время их (казначеев), было только два, теперь их четыре или пять, а иной раз шесть или семь; из этого видно, что Вы имеете убытка ежегодно 14—20 тыс. франков к выгоде упомянутых казначеев; они не имеют обыкновения оплачивать необходимые расходы, ни выполнять обещаний, которые они давали при принятии их на эту должность, но они оплачивают большие чрезмерные подарки тем, кто помог им достигнуть их должностей и кто их поддерживает.

Что касается других чиновников — менял и клерков, то, так как упомянутые дурные дела проходят через их руки, они много и давно занимаются вымогательством, что явствует из наличия их домов, построек, рент и имущества.

Теперь казначеями являются А. Жиффар, Бюро де Дамартин, Ренье, менялой — Ж. Герин, а клерком — Бонне, который был клерком Ж. Шо, своего предшественника; они все бесполезны и виновны в упомянутом дурном управлении, исключая Ж. Герина, который новичок и не имеет еще плохих привычек.

20. Особенно виновен упомянутый А. Жиффар: состояние, которое ему оставил его отец, было растрачено, но, как говорят, благодаря проискам прево Парижа, его родственника по жене, он стал казначеем и пополнил свое имущество дворцовыми рубинами, алмазами, сапфирами и другими драгоценными камнями, серебряной посудой — горшками, чашами, кубками.

21. Нет никакой необходимости иметь [особых] казначеев по судебным делам упомянутого казначейства; было принято раньше держать одного клерка-советника, но теперь, говорят, их имеется четыре и все они имеют большое жалованье, обременяющее без всякого основания упомянутое казначейство.

22. Что касается управления по делам aides[1], оно поручено чиновникам, называемым généraulx, в ведении которых находится управление всеми aides, предназначаемыми на

---

[1] Aides — эд, один из налогов, взимавшийся и как прямой налог (aide, en forme de taille и subside de guerre) и как косвенный (aides) — при покупке и продаже товаров.

войну, на сумму в 1 200 тыс. франков; вышеупомянутые казначеи управляют дурно, но еще хуже управляют généraulx, так как они проникли [на свои должности] благодаря настойчивости и могуществу друзей, которым эти généraulx предоставляют чрезмерные подарки.

24. После упомянутых должностей идет одна, которая незаслуженно называется заведованием королевской казной (épargne), занимаемая А. Дезессаром, из-за которого aides поднялись намного против обычного.

Издавна упомянутые денежные средства хранились в королевской казне под двумя ключами, из которых Вы должны были иметь один, чтобы расходовать их на надобности Ваши и Вашего королевства, однако же те, которые управляют и управляли в прошлое время, так распоряжались ими и привели их в такое состояние, которое является чрезвычайным ущербом для Вас и общественного дела.

26. После этой должности идет другая, называемая garde de coffre[1] и занимаемая Рюильи; упомянутый Рюильи получает ежедневно 10 экю, которые должны быть вручены Вам с рук на руки, чтобы Вы могли распоряжаться ими по Вашему соизволению, но от них не осталось и следа, потому что он распределяет большую часть открыто так, как ему угодно, а под видом упомянутой должности ему выплачиваются изо дня в день огромные суммы.

27. Вы должны знать, как Вас, королеву и монсеньера Гиенни грабили и обирали, когда Вы нуждались в том, чтобы спешно получить деньги для ведения войны или для каких-либо других Ваших дел и нужд; приходилось обращаться к некоторым людям в Париже (marchans d'argent), которые занимаются финансовыми делами и под проценты производят запрещенные сделки, и вручать им Вашу посуду, золотые и серебряные драгоценности с большим убытком для Вас; благодаря этому Вы теряете ежегодно до 300 тыс. франков, включая туда проценты, которые они берут за обмен. И то, каким образом это происходит, дает возможность ясно видеть, что некоторые из Ваших королевских чиновников являются участниками и посредниками упомянутых запрещенных сделок.

30. Необходимо, чтобы Вы знали, куда ушли и деньги Вашего королевства за последние два-три года. Кроме субсидий и сверх того, что собирают в домене, за это время собрано много тальи, десятин, займов, сверхзаймов, явных и тайных, и применено множество других способов, чтобы получить средства. И эти займы, тальи и т. п. большей частью

---

[1] Для охраны королевских драгоценностей существовала особая должность блюстителя сундука (garde de coffre).

уходят в руки прево Парижа, как это известно, который является верховным управителем финансов (maître et général gouverneur des finances).

31. Также не надо забывать, что некоторые высокие чиновники, как, например, упомянутый прево Парижа и другие, которые легко получили множество больших должностей, продавали их и получали большие деньги, откладывая эти деньги в свои карманы к ущербу Вашему и общественному, нарушая постановления Ваших ордонансов; следствием этого часто было, что люди бесполезные, не умеющие управлять, назначались на эти должности.

32. Упомянутый прево с некоторого времени занимает должность верховного начальника вод и лесов (maître des eaux et forêts) Вашего королевства; он уступил упомянутую должность сеньору д'Иври, и по этому поводу были собраны подати в 6 тыс. франков упомянутым сеньором д'Иври, как говорят, но деньги собираются в пользу упомянутого прево, и эта уступка стоит Вам 6 тыс. франков; также говорят, что вместе с упомянутой должностью прево занимает должности капитана — в Тибо, где имеет 6 тыс. франков в год, в Монтаржи, где имеет 2 тыс., и в Нему, где имеет также 2 тыс. франков.

33. Ваши упомянутые финансы расхищаются и другим способом. Очень большое число сборщиков (receveurs) и контролеров (controleurs), их клерков и некоторых других, которые домогались получить финансовые должности, получили от Вас ежегодные грамоты на чрезмерные пожалованья, кроме [обычных] пожалований, которые имеют Ваши другие чиновники.

Установлено, что при посредстве упомянутого прево и других управляющих финансами они были хорошо оплачиваемы и очень хорошо оплачиваются к ущербу Вашему и из-за этого запаздывает оплата множества уважаемых людей, как придворных, членов Совета, так и других Ваших чиновников и подданных, которые Вам хорошо служат. Становится обычным, когда молодой человек, неопытный, с очень маленьким состоянием, занимая должность казначея, сборщика или какую-либо другую, через короткое время становится богатым и приобретает чрезвычайно большое состояние, покупает должности, наследства, имеет большие суммы денег, и все это к Вашему ущербу, во вред Вам.

34. Вашими военными казначеями (trésoriers de guerre) совершено много больших подлогов по денежным делам; как говорят, они имеют обыкновение брать от Ваших начальников отрядов чистые бланки с печатью, которые они очень плохо используют; великое несчастье слышать жалобы упомянутых военных на оплату, которая всегда была так мала

для большей части их; теперь стало обычным делом, что вооруженные отряды живут за счет народа, не платя ничего, говоря, что им самим не платят их жалованья, и им приходится жить на чужой счет.

37. И сказать по правде, каждый из Ваших верных подданных должен удивляться такому управлению и должен горько сожалеть, когда он видит Вас, Ваше Величество, короля и государя, лишенным средств, ограбленным и когда все деньги попадают в дырявые кошельки, минуя Вас, а упомянутые управители финансами в прошлое время и теперь богаты, осыпаны драгоценностями, а Вас оставили и оставляют в нужде, не имея никакого сострадания ни к Вам, ни к благу Вашего королевства, проявляя большую несправедливость и малую благодарность к благам, которые Вы им дали.

38. Относительно Вашего Королевского совета: в нем нет такого порядка, который должен ему принадлежать; следует там иметь только хороших preudes hommes, людей умных, в достаточном количестве и без великого множества получающих жалованье от Вас, а не от какого-либо другого сеньора, имеющих попечение о Вашем благе и чести, о сохранении Вашей короны и о пользе Вашего государства.

Часто случается, что, когда в Совете принимается хорошее решение, оно остается без исполнения, даже если касается Вас.

И когда хорошее решение принято после обсуждения в Совете, не следует его изменять, как часто это делают.

39. Что касается судебных дел Вашего королевства и прежде всего Вашего парламента, который является верховной курией Вашего королевства, он не управляется так, как следовало бы. Он должен был бы состоять по преимуществу из благородных preudes hommes зрелого возраста и опытных в вопросах права и юстиции. С некоторого времени по милости друзей и родственников, по назойливости и по другим причинам некоторые молодые люди, невежественные в судебных делах и недостойные такого высокого звания, вошли туда, благодаря чему авторитет и репутация упомянутой курии весьма пошатнулись. Так же имеются и другие затруднения [для работы парламента]: в упомянутой курии имеется много сыновей, братьев, кузенов, племянников, зятьев и свойственников, и так бывает, что в родстве и свойстве до девяти человек, как, например, у первого президента парламента. Из-за увеличения благодаря родству и свойству такого количества молодых людей, которые там состоят, могут произойти большие опасности и затруднения.

40. Также в упомянутой курии имеется множество вечных тяжб бедных людей и других, и члены парламента не

вершат правосудия с такой скоростью, как они обязаны это делать.

42. Относительно Счетной палаты: там можно найти все тайные злоупотребления; с недавнего времени туда вошли некоторые новые члены, но никаких улучшений не замечается. Новые введены туда благодаря большой назойливости Бурсье, который долгие годы был генеральным сборщиком aides и не закончил все свои счета. И поэтому могут быть большие подлоги к Вашему великому ущербу, так как тот, кого самого надо исправить, поставлен для того, чтобы исправлять других.

43. Для того чтобы лучше обделывать свои дела на практике, Ж. Готье, бывший его клерком, был поставлен на упомянутую должность в Счетной палате по вышеупомянутому способу.

44. Сколько раз королевскими ордонансами и клятвами, которые заставляли давать сборщиков, виконтов, казначеев и других чиновников домена, было определено, что расходы домена и пожалованья на церкви, монастыри и богадельни должны быть оплачиваемы прежде всего другого; однако же из-за попустительства упомянутых чиновников и из-за того, что они скрывали доходы, упомянутые ордонансы, как говорят, очень часто нарушаются.

45. Что касается généraulx de la justice, кажется, что такое множество чиновников по делам юстиции бесполезно и ведет к расхищению государственного имущества и к обременению народа, потому что в этом ведомстве имеется очень большое число чиновников и сержантов, которые получают как жалованье, так и подарки к великому ущербу короля.

46. То же самое, что говорят о многочисленных чиновниках, которые назначены по назойливости друзей, следует сказать и о généraulx de la justice. Во время короля Карла их было один или два как по делам финансов, так и по делам юстиции; теперь только по делам юстиции их семь к ущербу короля и общественного дела, а каждый из них получает 600 парижских ливров жалованья, и три советника, из которых каждый получает сто ливров, не считая секретарей. Последний, который назначен недавно, по имени Ж. д'Онгр, совсем неопытный в судебных делах, был поставлен и утвержден прево Парижа, который сказал другим: «Господа, надо, чтобы дали ему возможность пройти [на эту должность], так как он мой кузен».

47. О начальниках Палаты прошений (maîtres des requêtes) королевского дворца [1] и о других судебных должностях,

---

[1] Ведомство королевского двора имело свой особый суд и многочисленных чиновников, главными из которых были maîtres des requêtes.

которые все обычно замещались после долгих обсуждений, бог знает как, можно сказать то же самое.

В прежнее время ставили людей старых и опытных, знакомых с обычаями королевства, умеющих отвечать на все прошения, которые были представляемы, их подписывать и засвидетельствовать документы в канцелярии. А теперь назначают на эти должности молодых людей, неопытных, незнающих, которые могут засвидетельствовать документы только по совету канцлера; и по этой причине произошло, что назначили множество экстраординарных [чиновников], для того чтобы заменить их, исправить их оплошность, и они получают большие пожалования к ущербу Вашего Величества.

48. Относительно канцелярии: хорошо известно, что канцлер Франции имеет очень много забот в связи со своей должностью и весьма заслуживает получать большое вознаграждение от вас без ущерба для общественного блага. Но он должен получать как свое обычное жалованье только 2 тыс. парижских ливров в год и этой суммой довольствоваться; однако в течение 20 лет или около этого он брал, кроме упомянутых 2 тыс. ливров каждый год еще 2 тыс. парижских ливров под видом суммы, отпущенной в счет жалованья, т. е. как жалованье экстраординарное, и, кроме этого, 2 тыс. франков в год, как дар за приложение печати; таким образом, он получал ежегодно вместо своего обычного жалованья в 2 тыс. ливров, 4 тыс. ливров и 2 тыс. ливров за приложение печати.

49. Кроме этого, взимается за регистрацию и выдачу документов по 20 турских су за каждый, что составляет в год очень большую сумму. Так же он брал, кроме упомянутого 2 тыс. франков из сумм, полученных как aides и предназначенных на войну; также брал и берет ежегодно 200 франков на свою одежду. Кроме упомянутого, он имел из сумм, получаемых как талья, взимаемая в течение упомянутого времени, очень большие доходы, которые составляют весьма большие денежные суммы.

50. Он легко пропускал грамоты на чрезмерные пожалования, не оказывая сопротивления, в ущерб общественному благу, в то время когда он был обязан сопротивляться всей своей властью, соответствующей занимаемой им должности.

51. Для того чтобы лучше пояснить предыдущий пункт, напомним, что он засвидетельствовал счета Саблона, Бурье и других генеральных сборщиков на сумму в 500 тыс. франков или около этого для оплаты дарений частным лицам; упомянутый канцлер скрепил упомянутые грамоты печатью, несмотря на то что он хорошо знал, что упомянутые деньги предназначались на войну, а не для подобного употребления,

из-за чего происходит большой ущерб королю и королевству.

53. В упомянутой канцелярии имеются много нотариусов, которые очень небрежно относятся к своей службе, и из них многие не знают ни французского, ни латинского языка; однако же они получают жалованье, стипендии и доходы, которые они купили, и [они служат] больше для того, чтобы выпрашивать у Вас пожалования, чем для пользы Вашей и правосудия.

55. Известно, что множество чиновников Вашего королевства занимают многие должности, которые, согласно Вашим королевским ордонансам, одновременно нельзя занимать...

56. Следует помнить, что с некоторого времени Ваша монета очень уменьшилась в весе и изменилась в сплаве настолько, что экю имеет стоимость 2 су... менялы и ломбардцы собрали всю хорошую монету, а свои платежи производят новой монетой. Следует узнать, чьими происками монета уменьшилась; общее мнение, что это произошло благодаря купеческому прево и Лайе, которые приобрели в свое ведение дела, касающиеся монеты, и препятствовали другим maîtres des monnaies [1] вмешиваться в это дело.

58. Ваша упомянутая дочь (Сорбонна) и Ваши подданные изложили Вам кратко множество упомянутых недостатков, злоупотреблений, проступков, и все-таки это еще недостаточно, так как многих дней не хватило бы, чтобы изложить Вам дурное управление тех, о ком здесь говорилось, и им подобных и проступки, которые они совершили против Вас к Вашему большому ущербу; и так как многие другие лица виновны в упомянутых делах, эти лица и их дела будут объявлены Вам, монсеньеру Гиенни, Вашему старшему сыну, и другим сеньорам Вашей крови, когда будет надобно, Вашей упомянутой дочерью и Вашими подданными в известное время и в известном месте для блага Вас и Вашего королевства.

59. Наш верховный сеньор и государь, относительно совета, помощи и подмоги, которые Вы просили от Ваших дворян, духовенства и горожан и которые Вы теперь желаете получить, Ваша упомянутая дочь и ваши подданные очень желают, чтобы богу было угодно и он оказал им милость посоветовать вам умно и всемерно оказать помощь, для этого они готовы от всего сердца предоставить свое состояние и положить жизнь, как они обязаны это сделать для своего сеньора и государя.

---

[1] Maîtres des monnaies — главные чиновники, ведавшие чеканкой монеты.

Во-первых, мы советуем, для того чтобы, если вам будет угодно, исправить вышеупомянутое и быстро иметь очень большие, хорошие и справедливые финансы, прежде всего другого — и по-другому дело не может быть лучше сделано, чтобы с теперешнего времени вы заклеймили упомянутых управителей финансами без всякой пощады всех без исключения; они должны быть лишены своих должностей и вместе с тем все их движимое имущество, а также и наследственное должно быть конфисковано и передано в ваши руки до тех пор, пока они не дадут отчета о своем управлении, и Вы поступите с ними, если богу будет угодно, как надлежит согласно разуму и правосудию.

60. Необходимо, чтобы с настоящего времени Вы отменили и аннулировали все чрезвычайные пожалования, ренты и пенсии и чтобы Вы приказали немедленно явиться к Вам всем сборщикам и виконтам как домена, так и управления по делам aides и потребовали, чтобы они с настоящего времени под страхом лишения должности, конфискации имущества и других наказаний доставляли Вам все деньги, которых Вы могли быть лишены благодаря просьбам и пожалованиям, чтобы они не предоставляли их никому, кто бы он ни был, исключая тех, кому Вы снова прикажете.

61. Для того чтобы получить скоро деньги, необходимо приказать, чтобы подмога (aides) предназначалась только на войну и на дело защиты Вашего королевства, а не на другое употребление. Вы с настоящего времени вернете себе и будете держать в своих руках все aides Вашего королевства. Вы это можете и должны сделать, потому что они Ваши и должны быть использованы только на упомянутую защиту. И принимая во внимание, что Вы очень нуждаетесь [в деньгах], как это ясно видно, никто по этому поводу не должен быть недоволен; и при этом дай бог иметь Вам в памяти великое управление доброго короля Карла, Вашего отца, душу которого взял к себе господь бог, который (король) так замечательно использовал упомянутые aides в свое время, что изгнал из своего государства своих врагов англичан, вернул с честью крепости, которые были утрачены, построил очень много новых и его слуги и чиновники были очень хорошо оплачиваемы и довольны, а также он оставил много имущества, золота, серебра и прекрасные драгоценности.

62. Если упомянутого не будет достаточно для того, чтобы оказать Вам помощь, следует на многих лиц, которые Вам будут названы в количестве 1500 человек или около этого, которые богаты и которые могут и должны поддерживать бедных, разоренных в настоящее время, и, как Вам известно, среди которых (названных лиц) нет такого, который не мог

бы без убытка для себя одолжить 100 франков, эти деньги наложить, что составит 150 тыс. франков.

63. Чтобы получить средства как с домена, так из управления по сбору aides кроме вышеупомянутого будет необходимо, чтобы до тех пор, как будут приняты другие меры, назначить небольшое число некоторых благородных и верных людей, любящих бога и Вас, не подозреваемых в корыстолюбии, честолюбии и алчности, которые не были замечены в упомянутых злоупотреблениях, которые получали бы умеренное жалованье без всяких других пожалований, к которым поступали бы упомянутые деньги и распределялись бы ими, а не другими: одна часть — для расходов Ваших, королевы и монсеньера Гиенни так, как это будет угодно Вам, а не так, как это было принято до сих пор, когда деньги выпрашивали на ренты или на другое, чтобы не было столько тунеядцев, чтобы Вы имели средства в более широких размерах; другая часть — для оплаты жалованья Вашим слугам, на расходы домена и пожалования церквам, монастырям, богадельням и для восстановления Ваших дворцов; третья часть — на войну и защиту Вашего королевства и для Вашей личной казны (espargne), хорошо оберегаемой, и для других Ваших надобностей, как Вам будет угодно.

65. Расходы дворцового ведомства королевы и герцога Гиеннского должны быть внимательно рассмотрены; тогда все узнают, как увеличился упомянутый расход и достиг 200 тыс. франков или другой очень большой суммы, которую управляющие теми расходами собирали из средств домена и aides. И упомянутая сумма в 200 тыс. франков тратилась управляющими на пожалования их друзьям и союзникам и другим образом злостно расхищалась.

66. Относительно парламента: необходимо, чтобы те, которые будут объявлены не соответствующими такому высокому положению, были сняты со своих должностей и на их места поставлены благородные, хорошие люди с достатком, так как авторитет упомянутой курии требует, чтобы там были только люди уважаемые; относительно этого должны быть соблюдаемы прежние ордонансы и статуты.

67. Что касается главных управляющих финансами и юстиции (généraulx des finances et de la justice), казначеев и секретарей, относительно них должны быть приняты меры к уменьшению их числа и прежнего их жалованья.

68. В Счетной палате имеются честные люди как среди прежних [служащих], так и новые, которые обязаны Вас уведомлять о злоупотреблениях, так как в противном случае они не должны исполнять своих обязанностей.

69. Нам кажется, что должны быть избраны хорошими и справедливыми выборами некоторые умные и честные люди,

чтобы войти в Ваши советы вместе с принцами Вашей крови, для того чтобы честно и смело без всякого страха и притворства давать Вам советы и предостерегать в делах Ваших и Вашего королевства; поступая так, они будут охраняемы и поддерживаемы Вами и Вашей доброй юстицией; таким образом, все, что они решат и прикажут, для Вашего блага было бы приведено в исполнение без всяких противоречий, а кроме клятв, которые они дали, следует заставить их принести новые и торжественные о том, что касается вышеуказанного.

70. Для того чтобы принять меры против злоупотреблений, которые происходят изо дня в день благодаря прево по делам откупов, и особенно в отношении бедных и простых людей, нам кажется необходимым послать хороших людей, с достатком, честных, получающих приличное жалованье, которые от Вашего имени охраняли бы и распоряжались упомянутыми откупами и которые поддерживали бы и охраняли Ваши права без лицеприятия и ненависти к кому-нибудь, не обижая бедных людей и не вымогая у них деньги.

73. Ваша упомянутая дочь (Сорбонна) и Ваши подданные Вас умоляют покорно и настоятельно о том, чтобы Вы услышали и занялись быстро исправлением вышеупомянутого, а для того чтобы узнать тех, которые чрезмерно налагали подати без достаточного основания, и чтобы исправить это надлежащим образом, пусть будет Вам угодно поручить некоторым сеньорам Вашей крови, которые призовут на помощь некоторых хороших лиц, честных и обладающих достатком, которые не принадлежат к вышеназванным или к их свойственникам, но являются людьми незапятнанными, не вызывающими подозрений в дурных делах, алчности или корыстолюбии и дать им возможность Вашей властью так, как им заблагорассудится, наказать, уволить и исправить тех, которые провинились, какой бы властью они ни обладали, управляющих и взяточников как и в прошлом, так и в настоящее время; и те, которые берут взятки в настоящее время, будут названы впоследствии.

74. Также Вы должны приказать наиболее знатным людям и горожанам провинций, чтобы они назвали тех, кто в их провинциях творил вышеупомянутые злоупотребления, потому что они должны лучше знать виновников своих местностей.

«Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина», т. 59, вып. 3, М., 1949, стр. 90—102.

30. Из хроники Карла VI

Автор хроники — неизвестный монах аббатства Сен-Дени, современник и свидетель описываемых событий царствования Карла VI.

Опасаясь, что непредвиденные обстоятельства могут воспрепятствовать выполнению обещаний короля, достопочтенный ректор университета и горожане Парижа были уполномочены [Генеральными штатами] ходатайствовать перед герцогом Гиеннским [1], королевой и герцогом Бургундским о том, чтобы расточители, управляющие королевской казной, были лишены своих должностей и заменены другими. Они (уполномоченные) получили исполнение своей просьбы... Однако король сделал исключение для своего канцлера, объявив, что его советы необходимы для государства, и отозвался с большой похвалой о его неизменной преданности...

Что касается других расточителей, названных в списке университета, то некоторые из них, боясь ненависти народа и не желая подвергать опасности себя и свое имущество... бежали из Парижа. В их числе был и прево [2] Пьер Дезессар, вследствие чего члены Королевского совета предоставили должность прево Парижа Ле Борн де ла Хез, доблестному воину, известному своим умом и красноречием. Университет и горожане одобрили этот выбор; они добились также назначения комиссии для исправления в интересах государства указанных ими недостатков в управлении. И были избраны для этого епископ г. Турне, аббат монастыря св. Иоанна, господа д'Оффемон, де Муа, де Бларио и виконт г. Амьена, духовник короля, а также магистры Гайар Сен-Пти и Жан де Лонгейль от парламента, Пьер Кошон, профессор университета, и Жан де Л'Олив, эшевен Парижа.

Я вспоминаю о том, как многие лица, обладающие большими знаниями и опытом, говорили: «Абсурдно, что люди, привыкшие жить среди книг, а также купцы и ремесленники, думающие только о деньгах, претендуют на то, чтобы управлять государством... Большая часть горожан Парижа... просили назначить на место Пьера Дезессара другого прево, на что легко получили согласие; и с тех пор они стали считать указанного Пьера Дезессара изгнанным из пределов государства, стоящим вне закона.

Таково было состояние умов, когда 27 апреля прево Дезессар во главе вооруженного отряда по приказанию герцога Гиеннского занял крепость св. Антуана (Бастилию). Я отказался бы говорить подробно [о происходившем], если бы не дал

---

[1] Герцог Гиеннский — старший сын Карла VI, наследник престола.

[2] Прево Парижа ведал в столице администрацией, Королевским судом; Дезессар, кроме того, ведал и чеканкой монеты.

обязательства передавать и добро и зло для памяти потомства. Некоторые люди, склонные к смутам, низкого состояния, которых я обязан назвать здесь для того, чтобы навсегда их заклеймить, — два брата Легуа, гнусные мясники, Дени де Шомон и Симон Кабош, живодеры Парижской бойни, — обходили город в течение всего дня, разглашая о происшедшем. С ними вместе были еще люди, имена которых я сейчас не помню; среди них был известный врач Жан де Труа, человек ученый, хитрый, преклонного возраста... с ним они всегда советовались относительно своих мероприятий.

Эти негодяи, подстрекавшие к бунту и руководившие последующими волнениями, заявляли везде, что захват [Бастилии] имеет целью разрушить город и силой увезти короля и его старшего сына герцога Гиеннского...

Они принудили силой... эшевенов Парижа низложить купеческого прево Жансьена... и назначить на его место именитого буржуа А. д'Епернейль. Для того чтобы добиться выполнения своих замыслов, они пошли к нему и помимо его воли заставили выдать им знамя города, вызвать пятидесятников[1] и десятников, разрешив им вооружиться вместе с подчиненными им людьми и явиться на Гревскую площадь...

На другой день, 28 апреля, пятидесятники, люди почтенные, умеренные, и некоторые из наиболее именитых горожан собрались в ратуше без оружия вместе с купеческим прево и эшевенами, для того чтобы обсудить происшедшее. Считая, что последние волнения были вредны для общественного блага, они предложили горожанам сложить оружие, взятое без разрешения герцога Гиеннского, успокоиться и приступить к занятиям ремеслом и торговлей, не давая себя возбуждать необоснованными слухами...

Но говорить разумно с вождями восстания было все равно, что обращаться к глухим. На разумные советы они отвечали беспорядочными воплями: «Напрасно, — восклицали они, — мы предупреждали короля, принцев и их советников и частным образом, и публично, что они подвергаются опасности благодаря козням изменников. Поскольку на наши предупреждения не обращают внимания, мы имеем право сами их наказать».

В то же время они, одержимые яростью, привели к воротам крепости св. Антуана около 3000 негодяев, которых они вооружили, и установили стражу, чтобы помешать Дезессару бежать. Видели, что во главе восставших появились люди, принадлежащие ко двору герцога Бургундского, — де Хелли, Леон де Жаккевиль, военные, которые, к великому удивлению всех, предложили им свою помощь...

[1] Пятидесятники — начальники городского ополчения; назначались обычно из состоятельных горожан.

Дезессар, справедливо опасаясь за свою жизнь... обратился из окна крепости к вышеназванным вождям восстания и говорил им, что он явился по приказанию герцога Гиеннского, и показывал грамоты, скрепленные печатью этого принца. Он добавил... что он никогда не думал делать что-либо во вред королю, королевству и г. Парижу, что он готов удалиться, если ему дадут возможность, и не вернется до тех пор, пока его не позовут.

Но эти бешеные были далеки от того, чтобы обращать внимание на его просьбы; они испускали невероятные вопли, упрекали его в измене и клялись не покидать площади до тех пор, пока он не будет предоставлен в их распоряжение для того, чтобы быть наказанным по заслугам. Они привели бы свое намерение в исполнение и начали бы осаду [крепости] немедленно, если бы вышеназванные люди [герцога Бургундского] не успокоили их кроткими словами. В это же время прибыл герцог Бургундский и убедил Пьера Дезессара изъявить покорность [восставшим]. Затем он уговорил толпу не совершать преступления «оскорбления величества», атакуя королевскую крепость. Он предложил взять на себя поручительство за Пьера Дезессара и обещал не сопротивляться в передаче его для суда над ним.

Между тем число восставших увеличилось до 20 000, и они грозили разрушить Бастилию. Они исполнили бы это, если бы герцог Бургундский не дал клятвы их вождям, что он сдержит свое слово. Но как только он их покинул, они, оставив часть своих для охраны площади, увели остальных, для того чтобы совершить тяжкое, неслыханное до сих пор преступление... Они не могли простить монсеньеру герцогу Гиеннскому его ночных оргий, скандалов, дурного поведения... Считая, что это было внушено ему его приближенными, они решили арестовать большую их часть и заключить в тюрьму...

Возбужденные неистовой, дьявольской яростью, восставшие вместе со своими капитанами сбегались ко дворцу и, окружив его со всех сторон, громкими криками заявили, что желают говорить с герцогом. Так как нестройные вопли этой мятежной толпы внушали ему великий ужас и он опасался за свою жизнь и жизнь своих приближенных, он не осмелился отказать восставшим в аудиенции. По совету герцога Бургундского он показался в окне и сказал: «Друзья мои, что привело вас ко мне и почему происходит такое великое смятение? Я готов вас выслушать и поступить согласно вашему желанию».

При этих словах Жан де Труа, которому было поручено держать речь, голосом и жестами потребовал, чтобы все утихли, и сказал: «Светлейший государь, здесь собрались в интересах Вашего королевства и Вашей чести Ваши горожане и подданные. Не бойтесь того, что мы вооружены: мы, не колеб-

лясь, готовы подвергнуть опасности свою жизнь для Вашей защиты. Но мы видим с огорчением, что в цвете Вашей королевской юности. Вы по совету некоторых изменников уклонились от того пути, по которому следовали Ваши предки... Августейшая государыня, Ваша мать, и все принцы крови глубоко огорчены: они опасаются, что, когда Вы достигнете совершеннолетия, Вы будете не в состоянии управлять государством. Вот почему, считая этих негодяев заслуживающими осуждения бога и людей, мы много раз просили членов Королевского совета удалить их от исполнения их обязанностей. Так как до сих пор не обращают никакого внимания на наши просьбы, мы просим теперь, чтобы они были предоставлены в наше распоряжение, для того чтобы наказать их за измену, и... представил герцогу список около 50 имен главных придворных герцога.

Толпа неистовыми криками одобрила эту дерзкую речь. Смущенный герцог удалился в покои короля. В то время когда он с горечью и болью размышлял о нанесенном ему оскорблении и об опасности, грозившей его приближенным, одержимые яростью [восставшие] разбили ворота и силой ворвались [во дворец]. Они обошли дворец во всех направлениях, обыскали самые тайные убежища и арестовали кузена короля герцога де Бар, канцлера...[1] Затем они отправили всех верхом на лошадях в сопровождении герцога Бургундского во дворец указанного герцога. После этого восставшие, проведя всю ночь под стенами крепости св. Антуана... отвезли своих пленников в Лувр и поручили их охрану людям королевского дворца и значительному числу горожан...

Затем герцог Бургундский, которого торопили восставшие выполнить его обещание, повидался и переговорил с прево Парижа (Дезессаром), предложил ему сдаться, если он не желает быть разорванным на куски чернью, которая его осаждает. Прево, чтобы избегнуть гибели, допустил людей герцога Бургундского на площадь и был тотчас взят ими под стражу; они должны были головой отвечать за него. Тогда народ прекратил осаду площади и сложил оружие...

Спустя два дня... вожди восстания отправились в ратушу для совета с купеческим прево и эшевенами относительно того, что произошло. Несмотря на их уверения... что они действовали для чести и блага королевства, горожане, имевшие наибольшее влияние в Совете, заявили, что это было актом безрассудства, достойным порицания, браться за оружие без разрешения короля, врываться силой во дворец монсеньера герцога Гиеннского и помимо его воли арестовать его кузена и его приближенных...

---

[1] Далее перечислено 15 имен придворных.

В начале мая восставшие надели белые шапки как знак верности восстанию. Они пошли к герцогам Гиеннскому, Беррийскому и Бургундскому, предоставили им три шапки и своими настоятельными просьбами добились того, что они согласились носить их в знак любви к городу и народу Парижа.

На другой день известный доктор Евстафий Павильи, сопровождаемый вооруженной толпой восставших... во дворце герцога Гиеннского в присутствии его и его двора... в длинной речи перечислил, каковы должны быть добродетели, присущие тем, которые хотят быть достойными трона, принадлежащего им по праву рождения... и не побоялся сказать герцогу Гиеннскому о том, что если он не изменит своего поведения, то даст повод передать его право первородства его младшему брату...

Достопочтенный доктор, заканчивая свою речь, заявил, что толпа, окружающая дворец, просит, чтобы королевские комиссары, назначенные для суда над расточителями финансов, были... заменены другими...

И так как известно, что вместе с графом Арманьяком находится много подданных короля, которые совершают враждебные действия в Гиенни... то народ просит, чтобы охрана границ королевства была поручена наиболее верным людям.

Герцог пожаловал, о чем его просили, и назначил 12 членов комиссии.

Известный граф де Вертю, молодой принц, которого герцог Гиеннский, его кузен, очень любил и приблизил к себе, напуганный смутами, переодетый тайно, покинул Париж и направился к своему брату герцогу Орлеанскому...

Я знаю от придворных, хорошо осведомленных, что герцог Гиеннский пытался сам бежать несколько раз и что, так как ему это не удалось, он тайно послал письма, написанные собственноручно, к герцогам Орлеанскому и Бретанскому, королю Сицилии и графу Алансонскому, умоляя их во имя родственных связей, во имя верности, которой они обязаны его отцу, прийти к нему на помощь и избавить его от плена, в котором он находится.

Парижане, уведомленные об этом, начали тщательно охранять ворота города... обыскивать всех, которые выходили... и установили вооруженную стражу по ночам вокруг королевского дворца Сен-Поль для того, чтобы было невозможно тайно увезти принца.

Вожди восстания на другой день вопреки приказанию короля вооруженные начали обходить улицы города. Они силой захватили около 60 именитых горожан и купцов в их домах и бросили их в тюрьму.

Я знаю, что послужило причиной их ареста, — это был их отказ взяться за оружие в начале восстания... Герцог Гиенн-

ский, уступая настоятельным просьбам толпы, утвердил капитаном Парижа Леона де Жаккевиля, доверил охрану моста Сен-Клу гнусному живодеру Д. де Шомон, а Шарантонского моста — Симону Кабош. В то время, когда весь город был взволнован ужасными бедствиями и насилиями, о которых я говорил, король был болен.

18 мая он выздоровел и отправился в собор Парижской богоматери, чтобы принести благодарность за свое выздоровление; его сопровождали герцоги Гиеннский и Бургундский и многочисленный кортеж благородных сеньоров...

По дороге навстречу ему вышел метр Ж. де Труа вместе с купеческим прево и эшевенами и поднес белую шапку, почтительно умоляя носить ее в знак сердечного согласия с верными ему горожанами Парижа. Король согласился. Они (восставшие) принудили своими неотступными просьбами сделать то же главных лиц двора и парламента, наиболее известных буржуа и достопочтенного ректора университета... В тот же день король послал верных ему придворных к герцогу Орлеанскому, графу Вертю, графу Алансонскому, герцогу Бурбонскому и герцогу Бретани с письмами, написанными от его имени, в которых он приглашал их явиться к нему... для беседы относительно различных дел и принятия мер [по этому поводу].

Со своей стороны [вышеназванные принцы] за несколько дней до этого направили к королю посольство; они почтительно писали, что готовы служить ему как своему сеньору и предоставляют в его распоряжение себя и свое имущество...

22 мая по просьбе вождей восстания Е. Павильи, монах кармелитского ордена, ученый, профессор богословия и красноречивый оратор... направился в королевский дворец Сен-Поль к королю для того, чтобы оправдать все насилия, которые были произведены... Л. де Жаккевиль, капитан Парижа, и главные вожди восстания... взяв с собой около 10 тыс. человек, наполовину вооруженных, явились после полудня ко дворцу... и яростными криками просили герцога Гиеннского их выслушать. Герцога охватил страх... сеньоров его свиты также, особенно когда они услышали слова Ж. де Труа: «Сиятельнейший принц, все собравшиеся здесь просят, чтобы все изменники, которые еще остались при дворе... были предоставлены нам, чтобы быть брошенными в тюрьму...» Напрасно герцог ссылался на невиновность своих слуг... В ту же минуту Л. де Жаккевиль поднялся в аппартаменты герцога Гиеннского с 16 вооруженными людьми и арестовал указанных лиц... Они осмелились наложить руку на герцога Людовика Баварского, дядю герцога Гиеннского.

Многие придворные дамы.., которые при виде их убежали, дрожащие, спрятались в тайных покоях дворца... были уве-

дены для того, чтобы заключить их в тюрьму. Все разумные люди были в ужасе от этих насилий; они не могли поверить, что эти дерзкие мероприятия могли быть совершены без тайного потворства каких-нибудь могущественных лиц. Дело дошло до того, что громко говорили о том, что герцог Бургундский дал клятву этим негодяям безмолвно оправдывать и утверждать все, что они сделают. Я не разделяю этого мнения...

24 мая они (восставшие) явились вооруженные в Королевский совет, где король решал дела с герцогами Гиеннским, Беррийским и Бургундским. После почтительных приветствий Ж. де Труа сказал: «Сиятельнейший государь, когда мы жаловались на нерадение в управлении государством, на расхищение финансов Вашими чиновниками, на огромные пенсии, выплачиваемые ежегодно, мы получили ответ, что вы избрали добрых и честных людей, боящихся бога и пекущихся о благе государства, для того чтобы произвести полезные реформы... Нам известно, что они составили по этому поводу прекрасный ордонанс... Мы почтительно просим, чтобы он был опубликован на этой неделе». Канцлер ответил, что король и члены его совета согласны выполнить эту просьбу. Восставшие просили еще, чтобы все взятые в тюрьму были изгнаны из двора и их должности были переданы людям, уважаемым народом... и тотчас же представили список. Я должен сказать, что это были люди темные и малоуважаемые... Они (восставшие) добавили: «Мы умоляем Вас признать за благо и утвердить все, что мы совершили, и засвидетельствовать это Вашими верительными грамотами, скрепленными Вашей печатью».

...Составление грамот должно было быть поручено секретарям короля, но восставшие не хотели никого другого, кроме Гийома Барро; они его получили, но против желания канцлера.

На другой день в присутствии короля на торжественном заседании в парламенте Жан де Френ, секретарь палаты Шатле, громким голосом зачитал ордонанс... После этого король приказал, чтобы он был выполняем точно и неизменно. Принцы выполняли желания этих гнусных убийц из страха, что в городе вспыхнут еще более ужасные восстания.

Сир де Хелли, вернувшись из Гиенни, где хозяйничала английская армия, видя, какое они (восставшие) имеют влияние, предложил идти сражаться с врагом, если его снабдят в достаточном количестве деньгами и войском.

Это было пожаловано принцами; были назначены знающие и благоразумные люди, чтобы наложить талью в виде займа на именитых горожан после точной оценки доходов каждого. При сборе подати были назначены присутствовать

от имени короля Легуа, Кабош, де Труа и де Шомон — зачинщики этого мероприятия. Облеченные такой властью, они проявили большую жестокость особенно против королевских чиновников, многих из которых приказали заключать в тюрьму за то, что они отказывались платить или просили уменьшения. Они наложили эту подать принудительно на прелатов и духовенство, хотели наложить и на членов корпорации университета. Когда Жан Жерсон, знаменитый доктор богословия, которого они считали сторонником арманьяков, отказался платить, они силой ворвались в его дом и разграбили его. Спустя некоторое время они захватили от имени короля доходы от ярмарки Ланди, принадлежавшие аббатству Сен-Дени... и передали 80 тыс. золотом сиру де Хелли...

Народ, утомленный в течение долгого времени господством этих бездельников, начал проклинать их... И на самом деле, торговля прекратилась, не было потребителей, дававших ремесленникам возможность производить изделия, каждый вынужден был терять бесполезно свое время, так как был обязан нести стражу день и ночь. Именитые буржуа испытывали к ним такую ненависть, что не боялись громко упрекать их в ратуше...

Герцоги Гиеннский, Беррийский и Бургундский получили известие, что принц Людовик, король Сицилии, герцоги Орлеанский и Бурбонский и граф Алансонский направили к ним некоторых людей с предложением мира. В конце июня им дали аудиенцию. Посланные... сказали, что... принцы ничего не имеют в своем сердце, кроме желания заслужить милости короля своей верной службой... что желают мира и согласия с принцами[1]... что просят назначить место для переговоров вне Парижа... Принцы обещали ходатайствовать об этом перед королем, когда он выздоровеет.

Вожди восстания... передали в комиссию записку, позорящую прево Дезессара, который, по их словам, совершил многие ужасные преступления против короля и королевства... Палач отрубил ему голову и наколол ее на пику, а тело повесил... Это произошло 1 июля.

9 июля, между 11 и 12 часами ночи, в то время как стража охраняла дворец герцога Гиеннского, де Жаккевиль, капитан Парижа, вошел в аппартаменты герцога во время бала; де Жаккевиль осмелился громко порицать [принца], не уважая его достоинство, и сказал, что он бесчестит своим скандальным поведением свой титул... Герцог, возмущенный, ударил де Жаккевиля три раза ножом в грудь и убил бы его, если бы не двойная кираса, которую тот носил.

---

[1] Речь идет о примирении двух партий, борющихся за власть в государстве: «бургундцев» — сторонников герцога Бургундского — и «арманьяков», возглавляемых герцогом Орлеанским.

Стража прибежала как одержимая, и они убили бы много сеньоров, если бы герцог Бургундский не упросил их настоятельно не осквернять королевский дворец таким великим преступлением.

10 июля король выздоровел... Узнав о желании принцев заключить мир, он решил отправить и своих послов в Вернейль. Через три дня они вернулись и сообщили, что означенные сеньоры жаждут мира и согласия...

Их просьба [о заключении мира] была одобрена всеми членами Королевского совета... Герцог Гиеннский предложил тотчас же известить об этом купеческого прево, эшевенов и именитых горожан. Но прежде чем посланные успели узнать мнение горожан, бывших в ратуше, де Жаккевиль, де Шомон и С. Кабош, вооруженные явились с сотней своих сообщников и... с яростью восклицали: «Наше мнение таково, что надо отвергнуть этот притворный мир».

С. Кабош, гнусный живодер, потребовав тишины у смущенного собрания, начал изъясняться так: Мы удивляемся, как вы, бывшие всегда на стороне короля, теперь советуете ему заключить мир с теми, которые в течение двух лет сражались против него и разоряли королевство... Они представляются вашими верными друзьями только для того, чтобы осуществить свою месть... Они питают непримиримую ненависть к Парижу... Мы ставим в известность всех как присутствующих, так и отсутствующих, что, как только король, герцог Гиеннский и королева будут с ними, они отнимут у вас оружие, цепи и навсегда наденут на вас ярмо своих поборов и податей, чтобы обогащаться за счет вашей шкуры, по их обыкновению, к вашему вечному стыду... каждого, кто согласится на этот мир, мы будем считать изменником короля и доброго города Парижа...»

В тот же день состоялось другое, тайное собрание начальников кварталов Парижа... все высказались за заключение мира.

Через три дня члены королевской комиссии освободили дам, девиц и многих других придворных, заключенных в тюрьму без указания причин... Так же была предоставлена свобода герцогам де Бар и Баварскому и другим сеньорам...

На другой день герцог Гиеннский приказал Генриху де Труа вернуть ключи от крепости св. Антуан и лишил должности коменданта дворца его отца, Жана де Труа, сказав, что гнусный хирург не заслуживает этой чести...

Между тем горожане, вооруженные, ходили по улицам, и было слышно со всех сторон: «Мы желаем мира». При этой новости Кабош, Шомон и их сообщники, взяв с собой 400 вооруженных людей и большое количество арбалетчиков, отпра-

вились в ратушу, где и провели ночь. На другой день утром герцог Бургундский, осведомленный о том, что пятидесятники и десятники обходили все дома своих кварталов, предлагая горожанам вооружаться... отправился к ним и уговаривал их отказаться от своего намерения. Но ему ответили: «Мы получили на этот счет от короля и герцога Гиеннского официальное приказание, которому, как вам известно, надо повиноваться без промедления...» Тогда герцог Бургундский отправился к вождям восстания в ратушу. Нам неизвестно, что он им говорил, но те, кто к ним присоединился, исчезли один за другим... и осталось с ними около сотни человек.

Еще не было 8 часов утра, как члены парламента и профессора университета отправились вместе с торжественной процессией духовенства ко дворцу Сен-Поль. Тотчас к ним вышел герцог Гиеннский и вместе с герцогами Беррийским и Бургундским верхом, окруженный горожанами, приветствовавшими его радостными кликами, направился в Лувр...

Некоторые из горожан отправились к ратуше и громко кричали: «Пусть те, кто любит мир, присоединятся к нам». Кабош и его сообщники, а также секретарь короля Барро вышли и, казалось, готовы были последовать этому призыву. Но когда толпа немного отхлынула, они скрылись в окружающих улицах и поспешно покинули Париж из страха подвергнуться наказанию за свои злодеяния.

Герцог Гиеннский, прибыв в Лувр, освободил своего дядю и своего кузена... а также всех арестованных во дворце Сен-Поль... Он передал охрану Лувра Людовику Баварскому, ворот крепости С.-Антуан — герцогу де Бару, а должность капитана Парижа — герцогу Беррийскому.

8 августа король приказал на всех перекрестках Парижа опубликовать о заключении мира [с арманьяками]. Герцог Гиеннский, недовольный тем, что зачинщики восстания тайно бежали из Парижа, решил отменить все, что было сделано по их требованию; он назначил новых эшевенов, именитых горожан, вместо Ж. де Труа и Сент-Иона, передал должность своего канцлера Жану Жювеналь, главному адвокату Парижского парламента, а канцлера Франции — Генриху де Марль — первому президенту парламента... Он приказал арестовать и заключить в тюрьму некоторых придворных герцога Бургундского, а также многих горожан, принимавших активное участие в смутах.

Герцог Бургундский был недоволен тем, что происходило... он попросил позволения у короля удалиться и, получив это, не без труда уехал 23 августа так поспешно, как будто его преследовали смертельные враги, и направился во Фландрию со своей блестящей свитой.

На следующей неделе принцы просили короля устроить торжественное заседание парламента... Король согласился, и [на этом заседании] канцлер Франции объявил: «...некоторые люди, виновные в оскорблении величества... силой добились назначения комиссии над арестованными. Король приказывает, чтобы указанная комиссия была распущена... Уступая настоятельным просьбам тех же интриганов, король согласился опубликовать ордонанс, но так как это было сделано без согласия всех принцев и так как, по их мнению, ордонанс умаляет королевскую власть, он должен быть аннулирован и разорван в присутствии всего собрания»...

Так как большая часть участников восстания избежала наказания, спасаясь бегством, в Королевском совете было решено принять меры относительно их. Все были единодушно согласны, что сообразно законов, применяемых против преступников, следует вынести приговор, осуждающий их на изгнание из пределов государства. Это было опубликовано в конце сентября в Париже и других городах королевства.

«Chronique de Religieux de Saint — Denis — Chronicorum Karoli Sexti», Vol. V, Paris, 1844, p. 2—168.

IV. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ВРЕМЯ СТОЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ. ЖАННА Д'АРК

31. Протоколы обвинительного процесса Жанны д'Арк

21 февраля. Первое публичное заседание. Первое увещевание Жанны

...Стремясь исполнить в этом процессе с милостивой помощью Иисуса Христа, дело которого защищается, долг нашего служения защите и возвеличению католической веры, мы [1] стали прежде всего милостиво убеждать часто упоминаемую Жанну, тогда сидевшую перед нами, а также требовать от нее, чтобы для ускорения настоящего дела и для очищения собственной совести она говорила только правду относительно того, о чем ее будут допрашивать по вопросу веры, не прибегая к уловкам и хитростям, которые мешают изложению истины.

Требование дать клятву

Затем, согласно нашей обязанности, мы потребовали судебным порядком от этой Жанны, чтобы она дала в должной форме, прикоснувшись к св. Евангелию, клятву, что будет го-

[1] Пьер Кошон — епископ Бове, руководивший процессом.

ворить, как выше упомянуто, правду относительно того, о чем ее будут спрашивать.

Эта же Жанна ответила на это следующим образом: «Я не знаю, о чем вы хотите меня спрашивать. Возможно вы будете у меня спрашивать то, о чем я вам не скажу». Когда же мы ей стали говорить: «Вы поклянетесь говорить правду относительно того, что будут у вас спрашивать касательно веры и что вам будет известно», она снова ответила, что относительно отца и матери и того, что делала, после того как направилась во Францию[1], она охотно поклянется; но что об откровениях божьих она никогда никому не говорила и не открывала их, кроме как одному Карлу[2], которого она называет своим королем; и она не открыла бы этого, даже если бы ей грозили отрубить голову, так как откровения она получила через видения, т. е. свой тайный совет, с тем чтобы она никому их не открывала; и по истечении ближайшей недели она твердо будет знать, должна ли она это открывать.

И снова, и многократно мы, вышеупомянутый епископ, убеждали и требовали от той же Жанны, чтобы она соизволила дать клятву в том, что будет говорить правду по вопросам, затрагивающим нашу веру. Эта же Жанна, преклонив колени, возложив обе руки на книгу, т. е. на миссал[3], клятвой обязала себя говорить правду относительно того, что будут спрашивать у нее касательно вопроса веры и что она будет знать, не выставляя при этом ранее упомянутого условия, т. е. того, что никому не скажет и не откроет ей сделанные откровения.

Первый допрос после клятвы

Затем после такой клятвы мы у этой же Жанны спросили о ее имени и прозвище. На это она ответила, что на родине ее зовут Жаннета, а после того как пришла во Францию, прозвана Жанной. Относительно своего прозвища она сказала, что она его не знает. Далее на вопрос о месте рождения ответила, что родилась в деревне Домреми, которая сливается с деревней Грю, и что в деревне Грю находится главная церковь.

Затем на вопрос об имени отца и матери ответила, что отца зовут Жаком д'Арк, мать же — Изабеллой.

На вопрос, где ее крестили, ответила, что в деревне Домреми.

На вопрос, кто были ее крестные отцы и матери, ответила, что одну из крестных матерей зовут Агнессой, другую — Жан-

---

[1] Имеется в виду центральная часть Франции в противоположность ее окраине, откуда была родом Жанна д'Арк.

[2] Король Франции Карл VII.

[3] Миссал — книга с текстами богослужений.

ной, еще одну — Сивиллой; из крестных же отцов одного зовут Жаном Ленге, другого — Жаном Баррей; у нее было много и других крестных матерей, как это она слышала от матери.

На вопрос, какой священник ее крестил, ответила, что, как она думает, господин Жан Мине.

На вопрос, жив ли он, ответила, что, как она думает, да.

Далее на вопрос, сколько ей лет, ответила, что, как ей кажется, около 19 лет. Она сказала, кроме того, что у матери выучила Pater noster, Ave Maria, Credo[1] и что приобщилась к вере только благодаря указанной своей матери.

Далее на наше требование сказать Pater noster ответила, что мы можем ее выслушать на исповеди и она скажет нам охотно эту молитву. И когда снова многократно мы стали у нее требовать этого, она сказала, что не скажет Pater noster и пр., если мы ее не выслушаем на исповеди. Тогда мы сказали, что охотно ей выделим одного или двух нотаблей, родным языком которых является французский язык и в присутствии которых она произнесет Pater noster и пр. На это Жанна ответила, что не скажет им молитву, если они не будут ее выслушивать на исповеди.

Запрещение выходить из тюрьмы

Исполнив это таким образом, мы, упомянутый епископ, запретили той же Жанне без нашего разрешения выходить из места заключения, ей предназначенного в руанской крепости, под страхом уличения в ереси. Она же ответила, что не принимает этого запрещения, сказав далее, что, если она уйдет, никто не сможет ее укорять в несоблюдении или нарушении данного слова, так как последнее она никогда никому не давала. Затем стала жаловаться на то, что ее содержат в железных цепях и кандалах. Тогда мы ей сказали, что прежде она много раз пыталась уйти из тюрьмы, и поэтому для более надежной и верной ее охраны было приказано надеть на нее железные цепи. На это она ответила: «Это правда, что я прежде хотела и хотела бы и сейчас уйти из тюрьмы, как это позволено каждому заключенному или арестанту».

После этого мы выделили для надежной охраны Жанны благородного мужа Джона Гриса, телохранителя господина нашего короля[2], и с ним Джона Бервойта и Вильяма Тальбота, вменив им в обязанность, чтобы крепко и надежно охраняли эту Жанну, не позволяя никому с ней говорить без на-

---

[1] Pater noster, Ave Maria, Credo — названия молитв.
[2] Т. е. английского короля Генриха VI.

шего разрешения. Эти лица, коснувшись св. Евангелия, торжественно поклялись исполнить это.

Наконец, в конце заседания, после исполнения всего предпосланного, мы назначили той же Жанне четверг, следовавший непосредственно, с тем чтобы она предстала перед судом в 8 часов утра в парадной зале в конце больших палат указанной руанской крепости.

22 февраля. Второе заседание

II. На следующий вопрос о возрасте, в котором она была, когда ушла из отцовского дома, она ответила, что этого она не знает.

На вопрос, научилась ли она в юношеском возрасте какому-нибудь ремеслу, она сказала, что научилась шить полотняное платье и прясть и не уступает в этом деле любой руанской женщине. Далее она признала, что из страха перед бургундцами она ушла из дома отца и отправилась в город Нёшато в Лотарингии к какой-то женщине, по прозванию Рыжая, у которой находилась около двух недель; она прибавила далее, что, пока была в доме отца, занималась домашними делами своей семьи и не ходила в поля с овцами и другими животными.

III. Далее Жанна созналась, что голос сказал ей, чтобы она осталась в г. Сен-Дени [1] во Франции; и сама Жанна хотела там остаться, но против ее воли сеньоры [2] увели ее. Если бы, однако, не была ранена, она не ушла бы оттуда; она была ранена в парижских рвах, когда туда отправилась из указанного г. Сен-Дени; но в течение пяти дней она уже оправилась. Далее она призналась, что приказала устроить под Парижем стычку (escharmouche).

И когда ее спросили, был ли тогда праздник, она ответила, что, как она почти уверена, тогда был праздник.

На вопрос, хорош ли это был поступок, она ответила: «Переходите к дальнейшему допросу».

24 февраля. Третье заседание

IV. На вопрос, ходила ли она в юношеском возрасте гулять в поля с другими девушками, она ответила, что, конечно, ходила иногда, но не помнит, в каком возрасте.

На вопрос, находились ли жители Домреми на стороне бургундцев или на враждебной им стороне, она ответила, что

---

[1] Имеется в виду пребывание Жанны д'Арк в Сен-Дени, когда была сделана неудачная попытка изгнать англичан из Парижа.

[2] Т. е. военачальники Карла VII.

знала только одного бургундца, причем она хотела бы, чтобы ему отрубили голову, однако только по воле божьей.

На вопрос, были ли в деревне Марсей[1] бургундцы или их противники, она ответила, что были бургундцы.

На вопрос, голос ли ей сказал, когда она была уже в юношеском возрасте, чтобы она ненавидела бургундцев, она ответила, что, после того как поняла, что упомянутые голоса находятся на стороне короля Франции, сама перестала любить бургундцев. Затем она сказала, что бургундцы получат войну, если не будут исполнять того, что должны исполнять; и это она знает от указанного голоса.

На вопрос, имела ли она в юношеском возрасте откровение от голоса в том, что англичане должны прийти во Францию, она ответила, что англичане уже были во Франции, когда голоса стали приходить к ней.

На вопрос, гуляла ли она когда-нибудь вместе с маленькими мальчиками, дравшимися за ту сторону, которой она придерживается, она ответила, что об этом не помнит, но отчетливо помнит, как некоторые из деревни Домреми, дравшиеся со своими противниками из Марсей, иногда приходили оттуда сильно побитыми и окровавленными.

На вопрос, имела ли она в юношеские годы серьезное намерение преследовать бургундцев, она ответила, что у нее было большое желание и стремление, чтобы ее король получил свое королевство.

На вопрос, очень ли она желала стать мужчиной, когда должна была прийти во Францию, она ответила, что прежде она уже говорила об этом.

На вопрос, водила ли она стадо в поля, она сказала, что прежде уже ответила на это и что, после того как стала более взрослой и достигла зрелого возраста, обыкновенно не пасла стадо, но, несомненно, помогала гнать его на пастбища и в замок по названию Остров при угрозе нападения солдат; но она не помнит, пасла ли она в юношеском возрасте стадо или нет.

Далее ее спросили об одном дереве, находящемся около ее деревни. На это она ответила, что довольно близко от Домреми имеется дерево, под названием дерево Дам, а другие называют его деревом Фей (des Faées), возле которого есть источник; и она слышала, что больные лихорадкой пьют из этого источника и приходят брать воду из него для получения исцеления. И это она сама видела, но не знает, получают ли они от этого исцеление или нет. Далее она сказала, что, как она слышала, больные, когда могут вставать, идут к дереву на прогулку. И есть еще одно большое дерево под названием

---

[1] Марсей — село на р. Маасе, соседнее с Домреми.

Fagus[1], откуда берется май[2] (le beau may); и по обычаю это дерево принадлежало господину рыцарю Пьеру де Бурлемон. Далее она сказала, что иногда сама ходила туда гулять с другими девочками и делала у дерева гирлянды для иконы св. Марии Домреми. И часто она слышала от стариков (но не от своих родичей), что туда сходятся феи. Она слышала от одной женщины, по имени Жанна, жены мэра Обери из той же деревни (du Maire Aubery), которая была крестной матерью самой допрашиваемой Жанны, что она видела там упомянутых фей; но сама допрашиваемая не знает, правда это или нет. Далее она сказала, что никогда не видела упомянутых фей у дерева, в чем она вроде уверена, но не знает, видела она их в другом месте или нет. Далее она сказала, что видела, как девушки вешали гирлянды на ветвях дерева, и сама иногда там вешала их вместе с другими девушками; иногда они уносили их с собой, иногда оставляли. Далее она сказала, что, после того как узнала о необходимости прийти во Францию, мало играла и гуляла и старалась совсем не думать о развлечениях. И она не знает, плясала ли возле дерева после достижения зрелого возраста; но иногда она, несомненно, там могла плясать с детьми, причем больше пела, чем плясала. Далее она сказала, что есть там одна роща, которую зовут Дубовой (le Bois Chesnu), которая видна с порога отцовского дома и находится от него на расстоянии менее чем пол-лье. Она не знает и никогда не слышала, чтобы там собирались упомянутые феи, но она слышала от своего брата, что в их родных местах ходит слух о том, что у дерева Фей Жанна приняла решение действовать. Но она сказала, что это не так и о том же прежде говорила брату. Далее она сказала, что когда пришла к своему королю, некоторые спрашивали у нее, есть ли у нее на родине какая-то роща, называемая le Bois Chesnu, так как есть пророчества о том, что около этой рощи должна появиться какая-то дева, которая сотворит чудеса. Но Жанна сказала, что этому она не верила.

На вопрос, хочет ли она иметь женскую одежду, она ответила: «Дайте мне ее, я ее возьму и уйду, иначе я ее не возьму. Я довольна теперешней одеждой, после того как богу стало угодно, чтобы я ее носила».

27 февраля. Четвертое заседание

V. На вопрос, что она больше почитала, свое знамя или меч, она ответила, что гораздо больше почитала, т. е. в сорок раз, знамя, чем меч.

---

[1] Fagus — дословно: бук.

[2] Под маем здесь разумеется дерево или ветвь, служащие для украшения на майский праздник.

На вопрос, кто приказал ей нарисовать на знамени упомянутое изображение[1], она ответила: «Я уже достаточно вам говорила, что ничего не делала, кроме как по указанию бога». Она также сказала, что, когда нападала на противников, сама носила указанное знамя, с тем чтобы никого не убивать; и она сказала, что ни разу не убила человека.

На вопрос, какое войско передал ей ее король, когда поручил ей действовать, она ответила, что он дал ей 10 или 12 тысяч человек и что сначала она пошла в Орлеан к замку Сен-Лу, а затем к замку Моста[2].

На вопрос, под какой крепостью это случилось, что она приказала своим людям отступить, она ответила, что не помнит. Она сказала также, что через сделанное ей откровение была весьма уверена в снятии осады с Орлеана; и об этом же она сказала своему королю, прежде чем туда пришла.

На вопрос, говорила ли она своим людям, когда должен быть устроен штурм, что сама будет принимать на себя стрелы, дротики, камни из метательных орудий или из пушек и пр., она ответила, что нет; напротив, сто человек из ее войска или более было ранено, но, несомненно, она сказала своим людям, чтобы они не колебались и сняли осаду. Она сказала также, что во время штурма замка Моста она была ранена в шею стрелой или дротиком, но получила большое утешение у св. Екатерины и поправилась в течение двух недель, однако она не прекращала из-за своей раны разъезжать верхом и действовать.

На вопрос, твердо ли она знала наперед, что будет ранена, она ответила, что это она хорошо знала и сказала об этом своему королю, но, несмотря на это, она не прекращала дальнейшие действия. И было это ей открыто благодаря голосам двух святых, т. е. св. Екатерины и св. Маргариты. Она сказала далее, что под указанным замком Моста она первая приставила лестницу, чтобы взбираться вверх, и, когда она поднимала эту лестницу, была ранена, как выше указано, дротиком в шею.

На вопрос, почему она не приняла соглашение, которое ей предложил комендант Жаржо[3], она ответила, что сеньоры из ее войска ответили англичанам отказом на просьбу дать им перемирие в течение двух недель, а потребовали от них немедленного ухода на конях. Она также добавила, что со своей стороны она сказала, чтобы воины из Жаржо немедленно

---

[1] На знамени Жанны д'Арк, по ее собственным словам, было изображение вселенной, двух ангелов по краям и надпись.

[2] Замки-крепости, построенные англичанами под Орлеаном.

[3] Жаржо — крепость на р. Луаре, восточнее Орлеана.

ушли в своих полукафтанах или плащах, сохранив при этом свою жизнь, если они этого пожелают; в противном случае они будут захвачены путем штурма.

1 марта. Пятое заседание

VI. На вопрос, получила ли она письмо от графа Арманьяка, который хотел узнать, кому из трех пап[1] он должен повиноваться, она ответила, что этот граф написал ей какое-то письмо относительно этого; на него она дала ответ, причем среди другого там было сказано, что, когда она будет в Париже или в другом месте на отдыхе, лично даст ответ. И когда она дала ему ответ, то собиралась сесть на коня.

А что касается до копии писем указанного графа и самой Жанны, которые тогда в суде мы приказали зачитать, то эту же Жанну спросили, таков ли был ее ответ, который содержится в указанной копии. Она ответила, что, как полагает, она дала такой ответ частично, а не целиком.

На вопрос, говорила ли она, что то, чего указанный граф должен был придерживаться в данном вопросе, она знает благодаря совету короля королей[2], она ответила, что об этом она ничего не помнит.

На вопрос, сомневалась ли она, кому указанный граф должен был повиноваться, она ответила, что ей невозможно было указать, кому тот должен был повиноваться, так как граф стремился узнать, кому он должен повиноваться согласно воле божьей. Но что касается до самой Жанны, то она придерживается того и верит в то, что мы должны повиноваться господину нашему папе, находящемуся в Риме. Она сказала также, что ответила и другое посланцу упомянутого графа, чего нельзя обнаружить в указанной копии письма; и если бы этот посланец тотчас не удалился, то был бы брошен в воду, однако не по указанию самой Жанны. Затем она сказала, что на желание графа узнать, кому согласно воле божьей он должен повиноваться, она ответила, что этого не знает, но она передала ему многое, чего не содержалось в письме. А что касается до нее самой, то она верит в господина папу, который находится в Риме.

На вопрос, почему она писала, что даст в другой раз ответ о причине ее веры в того папу, который находится в Риме, она ответила, что данный ею тогда ответ касался других дел, а не вопроса о существовании трех пап.

На вопрос, говорила ли она, что относительно трех пап получит совет, она ответила, что никогда не писала и не при-

---

[1] Раскол в католической церкви был устранен лишь в 1429 г.
[2] Титул французского короля.

казывала писать о трех папах. И она поклялась своей клятвой в том, что никогда сама не писала об этом и другим не приказывала писать.

VII. Далее она сказала, что не пройдет и семи лет, как англичане оставят больший заклад [1], чем это было под Орлеаном, и что они потеряют все во Франции. Она сказала также, что упомянутые англичане понесут бо́льшие потери, чем когда-либо имели во Франции, и это произойдет в результате большой победы, которую бог пошлет французам.

На вопрос, откуда она это знает, она ответила: «Я хорошо это знаю через сделанное мне откровение, и это случится до истечения семи лет; и я готова сильно негодовать, что это может настолько задержаться». Она также сказала, что об изложенном она знает через откровение так же хорошо, как знает, что мы находимся перед ней.

VIII. На вопрос, какой знак она дала своему королю в подтверждение того, что она пришла от бога, она ответила: «Я всегда вам отвечала, что вы не вырвете у меня этого признания. Идите узнавать у него самого».

На вопрос, клялась ли она не рассказывать о том, о чем у нее будут спрашивать и что касается процесса, она ответила: «Я уже прежде вам говорила, что не расскажу вам об имеющем отношение к нашему королю. И того, что касается нашего короля, я и теперь не открою вам».

На вопрос, знает ли она сама тот знак, который дала своему королю, она ответила: «Вы не узнаете этого от меня». А затем, так как ей сказали, что это затрагивает процесс, она ответила: «То, что я обещала держать в полном секрете, я вам не открою». И далее сказала: «Я это обещала при таких обстоятельствах [2], что не могла бы вам сказать этого без клятвопреступления».

На вопрос, кому она это обещала, она ответила, что обещала св. Екатерине и св. Маргарите и это было указано королю. Далее сказала, что это она обещала двум упомянутым святым, хотя те от нее этого не требовали. Жанна это сделала по своему собственному побуждению, так как, если бы она не давала обещания указанным святым, слишком много людей допытывалось бы у нее относительно этого. На вопрос, был ли еще кто-нибудь при короле из его окружения, когда она дала ему знак, она ответила, что, как она думает, другого лица там не было, хотя довольно близко было много людей.

На вопрос, видела ли она сама корону на голове своего короля, когда давала ему знак, ответила: «Я не могу вам этого сказать без клятвопреступления».

---

[1] «Оставлять больший заклад» — выражение взято из практики поединков; здесь употреблено образно.

[2] Т. е. в присутствии святых.

IX. На вопрос, видела ли она или приказывала ли делать какие-нибудь свои портреты или изображения, на которых можно было бы ее узнать, она ответила, что видела в Аррасе[1] одну картину в руках какого-то шотландца; на ней было изображение Жанны в полном вооружении, передающей какую-то грамоту своему королю и преклонившей колено. И она сказала, что никогда не видела и не приказывала делать какой-либо свой портрет или изображение.

На вопрос о картине у ее хозяина[2], на которой были нарисованы три женщины с надписью: «Правосудие, мир, единение»[3], она ответила, что об этом ничего не знает.

На вопрос, знает ли она, что ее сторонники приказывали устраивать в ее честь службу, мессу и молитвы, она ответила, что об этом ничего не знает, и если они устраивали какую-нибудь службу, то это не по ее приказанию; однако если они молились за нее, то, как ей кажется, они не делали ничего дурного.

На вопрос, твердо ли верят ее сторонники, что она послана богом, она ответила: «Я не знаю, верят ли они в это, и я оставлю это на их совесть; но если они этому и не верят, я все же послана богом».

На вопрос, думает ли она, что ее сторонники придерживаются истинной веры, если верят, что она послана богом, она ответила: «Если они верят, что я послана богом, то они в этом не ошиблись».

На вопрос, знала ли она хорошо настроение своих сторонников, когда они целовали ей ноги, руки и одежду, она ответила, что многие охотно приходили к ней и они целовали ее руки и одежду, хотя она старалась этого не допускать; и бедные люди охотно приходили к ней, так как она не вызывала у них неудовольствия, а по возможности их поддерживала.

J. Quicherat, Procés de condamnation et réhabilitation de Jeanne d'Arc, vol. I, Paris, 1841, p. 44—48, 51, 57, 65—68, 78—80, 82—83, 84, 90—91, 100—102.

32. Письмо Жанны д'Арк английскому королю

Иисус Мария!

Вы, король Англии, и вы, герцог Бедфордский, именующий себя регентом французского королевства, вы, Вильгельм Поль, граф Суффольский, Иоанн Тальбот и вы, Томас, сир

---

[1] В Аррас Жанна д'Арк попала, будучи уже в плену.

[2] Имеется в виду хозяин дома, в котором Жанна д'Арк останавливалась в Орлеане (это видно из латинской редакции).

[3] Надпись приведена по-французски: «Justice, paix, union».

Скальский, называющий себя лейтенантом упомянутого герцога Бедфордского, окажите справедливость королю неба: отдайте деве, посланной сюда богом, небесным королем, ключи всех добрых городов, которые вы взяли и подвергли насилию во Франции. Она пришла сюда от бога, чтобы потребовать обратно королевскую кровь[1]. Она вполне готова прийти к мирному соглашению, именно: если вы желаете сделать ей должное удовлетворение, возвратите Францию и заплатите за то, что владели ею. И вы все, стрелки, военные товарищи, джентльмены и другие, находящиеся перед Орлеаном, уходите, прошу вас именем бога, в свои страны, а если не сделаете так, ждите вестей от девы, которая скоро придет к вам, к вашему великому горю. Если вы, король Англии, не сделаете так, то я беру на себя руководство войной и, где бы ни настигла ваших людей во Франции, я заставлю их уйти волею или неволею; если они не хотят повиноваться, я всех их уничтожу, если же захотят повиноваться, помилую их. Я послана сюда богом, небесным королем, как его заместительница, чтобы выгнать вас из всей Франции. И не думайте, что вы будете владеть французским королевством, принадлежащим богу, небесному королю, сыну святой Марии, а будет владеть им король Карл[2], истинный наследник, ибо так хочет бог, небесный король, и воля его объявлена девой; король вступит в Париж с славными товарищами. Если вы не внемлете известиям от бога и девы, то, где бы мы ни нашли вас, мы будем вас бить и сделаем такую резню, какой уже не было во Франции тысячу лет, — так будет, если не окажете должного удовлетворения.

И будьте твердо уверены, что король небесный даст деве столько силы, что вы при всем своем старании не в состоянии будете отразить ее и ее добрых военных товарищей, и борьба покажет, кто более прав, небесный бог или вы, герцог Бедфордский: дева просит и даже требует не заставлять ее губить вас. Если вы удовлетворите ее, вы могли бы еще идти в ее сотовариществе[3] туда, где французы исполнят самое лучшее дело, какое когда-либо было совершено на пользу христианства. Если вы желаете прийти к миру, отвечайте в Орлеан, а если не сделаете так, я скоро напомню вам об этом на вашу гибель.

Писано во вторник на страстной неделе.

«Хрестоматия по истории средних веков».
Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина,
т. II, ч. I, М., 1938, стр. 50—51.

---

[1] Намек на герцога Орлеанского, бывшего тогда в плену у англичан, освобождения которого Жанна д'Арк требовала во что бы то ни стало.

[2] Имеется в виду «буржский король» Карл VII.

[3] В крестовый поход в Палестину.

ГЕРМАНИЯ В XII—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Включенные в хрестоматию материалы по истории немецкой деревни в XII—XV вв. в своем большинстве принадлежат к одному из наиболее важных и подробных типов источников по социально-экономической истории Германии этой эпохи — записям обычного права, иначе уставам, составлявшимся чаще всего при непосредственном участии самих крестьян. Вошедшие в данный том хрестоматии документы отражают типы аграрного развития, наиболее характерные для Южной и Юго-Западной Германии (док. № 1—5) и для Северо-Западной Германии (док. № 6—7).

Док. № 1 рисует типичное для Южной и Юго-Западной Германии положение зависимого крестьянства после завершения процесса складывания вотчинного землевладения. Док. № 2 показывает известное ослабление личной зависимости крестьян, свойственное периоду роста денежной ренты, а также фиксирует раздел права феодальной собственности между членами феодальной иерархии. Док. № 3 характеризует права общинного самоуправления, которыми обладали крестьянские общины ряда деревень этой эпохи. Два документа иллюстрируют процесс феодальной реакции, усилившейся в XV в. и проявлявшейся, в частности, в попытках захвата общинных угодий (док. № 4), в ограничении личной свободы работников по найму (док. № 5). Док. 6—7 дают представление о краткосрочной мейерской аренде, получившей с XIII в. наибольшее распространение в Северо-Западной Германии и встречавшейся в ряде районов Германии.

Док. № 8 — «Страсбургское право» — представляет собой источник по истории немецкого города на ранней стадии его развития, когда он находился под властью феодального сеньора, в данном случае епископа.

Группа документов (№ 9—14) раскрывает организацию ремесла и особенности его развития в шелкоткацком и шелкопрядильном производстве в Кельне (XV в.).

Политическая история Германии XII—XV вв. представлена документами, отразившими рост феодальной раздробленности. Док. № 15—17 характеризуют политику уступок князьям со стороны императорской власти.

Соглашение четырех курфюрстов для выборов короля и их постановление о низложении Адольфа Нассауского (док. № 18 и 20) показывают силу курфюрстов, распоряжавшихся королевским престолом.

Соглашение между рейнскими городами от 5 февраля 1273 г. (док. № 19) свидетельствует о борьбе городов за государственное единство.

Дополнительный материал по истории Германии XIV—XV вв.: «Немецкий город XIV—XV вв.», сборник материалов, под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М., 1936; сб. «Крестьянские движения в Германии перед Реформацией», сборник документов, сост. В. А. Ермолаев, Саратов, 1961; «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», под ред. В. М. Корецкого, М., 1961.

Составители главы: *Ю. Л. Бессмертный, В. Е. Майер, Н. Н. Денисова, Н. Ф. Колесницкий.* Новые переводы сделали: *Н. Ф. Колесницкий* — док. № 17, 18; *В. Е. Майер* — док. № 1—7.

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ XII—XV вв.

1. Монастырские права и крестьянские обычаи конца XII в. (1181 г.)

Ниже следуют права, принадлежащие монастырю Ашпах[1] в Роттале в округе суда[2] (ehaft teiding) Гохкухена и в лесу Зуммерау.

§ 1. ...Существует обычай, по которому ежегодно в воскресенье после св. Глена прелат[3] или его заместитель приезжают верхом в Гохкухен; только в случае их занятости назначается другой день. Пусть в этот день фогт Гохкухена собирает всех людей Ашпаха, держат ли они много или мало от монастыря. И пусть каждый жалуется и говорит о том, что его притесняют.

§ 2. Прелат имеет право назначать судьями тех, кто ему больше нравится и кто его больше слушает. И пусть суд заседает только на монастырской земле в присутствии прелата

[1] Ашпах (ныне Ашбах) — в Баварии, юго-восточнее Мюнхена.

[2] Суд (ehaft teiding, ding, geding и т. д.) — ежегодные сходки крестьян, созываемые ими самими или феодалами. На суде обсуждались и утверждались уставы, сдавались оброки, принимались решения о наказаниях за невыполнение повинностей и другие проступки, разбирались отдельные жалобы и споры и т. д.

[3] Прелат — глава монастыря Ашпах.

или его заместителя. Кто это нарушит, теряет свои права по отношению к монастырю.

§ 3. Существует обычай и право монастыря, по которому если кто женится и вручит утренний дар[1] жене, то он обязан это сделать в присутствии прелата или его заместителя, а жена его в течение 42 дней обязана дать что-нибудь монастырю. Также если кто-нибудь покупает или продает, он обязан в течение 42 дней прийти и уладить свои дела.

§ 4. ...Существует такой обычай и право монастыря: в случае поступления жалобы следует ее разобрать в ближайшие 14 дней. Пусть это будет сделано по всем законам. Если же кому покажется, что суд разобрал дело не по закону, он может апеллировать в Ашпахский монастырь. После этого можно апеллировать в Фридбах[2] и т. д.

§ 5. ... Существует обычай: если кто с кем в ссоре и не может ему простить нанесенной обиды, тогда он обязан судиться с ним в монастырском суде и больше нигде. Если двое судятся, то они обязаны заранее вносить плату за суд. Если же тяжущиеся имеют в пределах монастырских владений деньги в размере полфунта, то они не обязаны заранее вносить плату за суд. Если же случится, что один из тяжущихся лишается наследства, то он не обязан возмещать убытки, ибо он и без того достаточно наказан.

§ 6. ...Существует обычай, по которому никто не имеет права что-либо продавать или покупать без согласия прелата или его заместителя. Кто же нарушит этот обычай, тот расстается с деньгами и наделом до тех пор, пока не уплатит штраф (ein benügen thuet).

§ 7. Также существует право и обычай монастыря, по которому если двое повздорят из-за марки[3] или подобных дел, то их судит фогт. Если ему не удастся примирить их по-доброму, то он судит их на суде.

§ 8. ...Существует обычай: если кто захочет передать наследство, то он обязан это делать в присутствии прелата, его судьи или кого-нибудь из высокопоставленных людей или на открытом суде. Если наследники откажутся от наследства, то оно может быть передано любому крестьянину (gemainen pauman), но только по согласию прелата или его заместителя.

---

[1] Утренний дар (Morgengabe) — подарок, который согласно древненемецкому обычаю, муж должен был преподнести жене в день свадьбы. Подарок мог включать домашнюю утварь, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот.

[2] Фридбах — вышестоящая судебная инстанция.

[3] Марка — здесь общинные угодья: леса, луга, пастбища, выгоны и т. д.

§ 9. ...Существует обычай: если у кого имеются притязания по имущественным вопросам, он обязан их предъявить на данном суде. Кто же их не предъявит, тот не имеет права предъявлять их в течение года, а тот, в отношении которого имеются притязания, может оставаться спокойным. И пусть никто не осмелится по таким вопросам обращаться в какой-либо другой суд, чем Ашпахский.

§ 10. ...Существует обычай: если кто продает наследство, то он платит монастырю с каждого фунта 30 пфеннигов [1]. Продажа имущества документально оформляется только прелатом или его заместителем. Оформление документов может быть задержано не более 42 дней.

§ 11. ...Существует монастырское право, по которому монастырские люди не могут уходить с суда без уплаты оброка, установленного по обычаю и милости (genaden und landpresten).

§ 12. ...Существует обычай, по которому если прелат или его заместитель приезжают в деревню, то фогт обязан им предоставлять ночлег, а монастырские люди обязаны приносить ему для еды курицу и корм для лошадей. Пусть все будет сделано так, как издревле водится и как это предусмотрено в книге обычаев.

§ 13. ...Существует право: если фогт кого вызовет на суд, а тот не придет, то последний платит штраф в размере 6 пфеннигов, в следующий раз — 12 и в каждый последующий раз — тоже 12 пфеннигов.

§ 14. ...Существует право монастыря: если кто умрет, брать с него посмертный побор в виде второй [по качеству] головы [скота] и вещи, но по милости прелата или его заместителя все это может быть возвращено вдове умершего. Если же будут недоразумения относительно движимого имущества, то пусть разберется в этом фогт.

§ 15. Если у кого умрет его жена и он вновь хочет жениться, то он может это сделать по согласию фогта, не спрашивая согласия своего господина.

J. Grimm, Weisthümer, Berlin, 1957, Bd. VI, S. 129—131.

2. Устав Гофштеттена [2] (1384 г.)

1. Шефены [3] показали, что г. Ринэке принадлежит судебная власть (die Gewalt), деревне — марка, а пробсту Майнцского собора — собственность (die Eigenschaft).

[1] Пфенниг — $^1/_{12}$ шиллинга. С XV в. пфенниг равнялся 2 геллерам. Геллеры зачастую определялись по весу. Поэтому в уставах часто встречается выражение «фунт геллеров». Шиллинг — серебряная монета, равная $^1/_{20}$ фунта серебра.

[2] Гофштеттен — город северо-восточнее Лора во Франконии.

[3] Шефены — судебные заседатели.

2. Если фогт Вильденштейна застанет постороннего человека в лесу, то он берет с него залог. Он может увезти залог с собой, но также может его (залог) привезти в деревню. Если там его выкупят, то фогт вместе с крестьянами выпивает на вырученные деньги.

3. Шульц[1] держит половину своего надела бесплатно. За это он обязан принимать фогта, когда тот приезжает [в деревню] не по делам господина. Если же фогт приезжает по делам господина, то его обязана принимать деревня.

4. И когда фогт в сопровождении двух слуг приезжает на суд в день св. Мартина, то вся деревня, бедные и богатые должны ему устроить прием, как это подобает рыцарю.

5. Штраф в деревне не должен превышать 5 шиллингов белыми пфеннигами. Если же фогт откажется от штрафа, то соборному пробсту тоже ничего не положено. Но если фогт берет штраф, то ему причитается $1/3$, а соборному пробсту — $2/3$ [штрафа].

6. Если случится, что соборный пробст остается на ночь (do lege) [в деревне], то они (крестьяне) обязаны давать только белую солому его лошадям. Если же в это время приедет господин Ринэке, то он (пробст) обязан ему уступить место и выехать [из деревни].

7. Каждый может пользоваться и продавать свой надел, не нанеся при этом ущерба господскому чиншу.

8. Если по каким-либо причинам надел будет разделен на части и им будут владеть многие, но потом кому-нибудь удастся его вновь соединить воедино, то последнему он будет даваться (leyhen) на первоначальных условиях.

9. При продаже надела следует платить ленному господину, т. е. соборному пробсту, 4,5 геллера за продажу (wan man ine das vffgibt) и 4,5 геллера за вступление во владение. Если же соборный пробст откажется от нее (платы), то фогт и шульц имеют право потребовать с покупателя указанную сумму.

10. Соборный пробст имеет своего представителя (lusener) в суде Гофштеттена. Ему никто не обязан давать корм, пищу и питье, разве только соседи сами согласятся на это.

11. Если в суде кто-нибудь будет наказан (fur leip und gut), то соборному пробсту дается не более 5,5 шиллинга белыми пфеннигами. Кроме того, г-н [Ринэке] получит свою часть.

12. Никто из слуг соборного пробста не имеет права брать залог, разве только шульц деревни разрешит ему это.

---

[1] Шульц — староста.

13. Если проштрафившийся в лесу отказывается давать залог, то фогт Вильденштейна обязан заставить его внести залог.

(Следуют подписи шефенов.)

J. Grimm, Weisthümer, Berlin, 1957, Bd. III, S. 542—543.

3. Общинное самоуправление деревни Пфлаунлох[1] (1480 г.)

Во имя неделимой святой троицы аминь. Так как постановления, давно принятые людьми, забываются, а письменные законы могут существовать вечно и изо дня в день дополняться и усовершенствоваться, то сегодня, в день, указанный в этом документе, собралась вся община, богатые и бедные, лично проживающие в своем жилище в деревне Пфлаунлох, и единодушно решила, что любое постановление, принятое теперь всеми жителями Пфлаунлоха, богатыми и бедными, или которое будет принято их потомками, должно иметь силу до тех пор, пока ему будет покровительствовать господь бог. Во имя разумного увековечивания своего замысла и упрочения своего единства, в интересах обеспечения своих и потомства общинных владений и чести, а также с целью дальнейшего сохранения единства и общих источников жизни для потомства они составили настоящий распорядок и по единодушному решению всей общины превратили его в закон, который вечно должен соблюдаться всеми теперь живущими в Пфлаунлохе, а также теми их потомками, которые будут здесь проживать лично в своем жилище (haushäblichen wohnhaft).

§ 1. ...Значительное время тому назад существовал обычай, по которому все жители Пфлаунлоха выбирали из своей среды четырех [старших]. Однако с течением времени из-за уменьшения или роста количества населения, а особенно из-за разногласий и пренебрежения к общим интересам этот обычай был забыт и каждый стал действовать в своих интересах, нанося этим вред общине. Отныне вновь на благо общины, во имя лучшего мира и единства ежегодно в день св. Георгия[2] вся община, богатые и бедные, деревни Пфлаунлох, как ей подсказывает совесть, выбирает в качестве старших владеющих наследственными наделами четырех [крестьян], которых она считает наиболее полезными и пригодными для рассмотрения и решения общинных вопросов. И пусть эти четверо всегда будут настолько полновластными и могущественными, чтобы решать все вопросы общины относительно

---

[1] Вблизи г. Нердлингена (ныне в ФРГ).

[2] 23 апреля.

марки, дорог и тропинок, собирать все долги, заботиться об общинных баранах, распоряжаться относительно выгона скота, пастбища, охраны, рытья канав и всего того, в чем будут нуждаться члены общины, богатые и бедные, а также их скот. И все то, что эти четверо, избранные теперь или в другое любое время, сообща или по отдельности предпримут, сделают, призовут, прикажут, запросят и т. д., является обязательным для всех; все должны быть им послушны и не сопротивляться, не выступать против них ни устно, ни делом, не скрываться от них и не искать защиты со стороны.

§ 2. Пусть не только никто не выступит ни устно, ни делом против четырех, избранных или утвержденных в день св. Георгия всей общиной сообща или большинством ее, но и пусть никогда не случится, чтобы все четверо были одновременно уволены. Необходимо, чтобы три, два или по крайней мере один из них остался для того, чтобы учить вновь избранных соблюдать общинную пользу и собственность.

§ 3. И пусть эти четверо ежегодно в день св. Георгия клянутся общине, что они по мере своих сил будут действовать на пользу и благо всей общине, как это предусмотрено настоящим документом.

§ 4. И пусть община сообща с четырьмя старшими в день св. Георгия выберет общинного исполнителя. Исполнитель настолько полновластен и могуществен, что согласно решению и приказанию четырех старших может разрешать, запрещать и делать все то, что на пользу и благо всей общины. Исполнитель обязан давать клятву общинникам в том, что он по мере своих сил будет действовать на пользу и благо всей общины, предупреждая всякое зло, и что он честно исполнит все распоряжения и приказы четырех старших. И пусть община заплатит исполнителю за его труд столько, сколько он заслужил согласно усмотрению четырех старших.

§ 5. Отныне четверо старших ежегодно в день св. Георгия обязаны при помощи присягнувшего исполнителя созывать всю общину в пригодный для этого дом, чтобы выбирать четырех старших и исполнителя. И пусть прежние четверо старших, которые получают отставку от общины, отчитываются перед вновь избранными о всех общинных делах, приходах, расходах и долгах, сообщают им все, чтобы вновь избранные знали, как и что делать дальше.

§ 6. Все деньги, собранные в виде штрафа или иным путем, четверо избранных обязаны по совету общины использовать на общее благо, на пользу богатых и бедных, никому не отдавая их в личную собственность; и сами они не должны их присваивать.

§ 7. Если теперь в марке или на пашне Пфлаунлоха находится залежный участок (wismad ligt, das vor zeiten eines

teils acker gewesen sind), который раньше обрабатывался, то согласно обсуждению и решению он на третий год превращается в пар, а если на нем растет достаточно травы, то ее следует косить в день св. Якова[1]. Остальные луга следует косить в обычное время, как это водится издревле. Необработанная земля между пашней и дорогой должна обрабатываться за исключением той, которая находится перед четырьмя участками, начиная от Трюмлина в сторону Лоха. С ней следует поступать, как это принято издревле[2].

§ 8. ...Каждый житель Пфлаунлоха, богатый и бедный, у которого нет огорода, имеет право разбить огород на одной четвертой части висмада[3] и посадить там столько овощей, сколько ему и его семье нужно.

§ 9. ...Пусть никто не начинает обрабатывать свой пар раньше, чем за 8 дней до троицы. Пусть тогда начнут поднимать пар. Если же в это время будет засушливая или ненастная погода, то четверо выборных имеют право приблизить или отсрочить этот день в зависимости от времени, погоды и необходимости. И что они прикажут, является обязательным для всех без исключения.

§ 10. И пусть в дальнейшем никто ничего другого не сеет на паровом поле, кроме свеклы и льна. Если же кто-нибудь сеет другое, чем здесь указано, то это отойдет общине, и никто не может этому мешать или возражать против этого.

§ 11. ...Постановили, что община платит пастуху ежегодно в качестве жалованья 10 фунтов серебром и он не должен получать сверх того в качестве жалованья ни одной овечки. Пусть, однако, у пастуха будут собственные овцы, как и у всех других Söldner[4].

§ 12. ...У каждого крестьянина Пфлаунлоха должно быть не более 14 овец и у каждого Söldner[5] — не более восьми, которых он может выгонять на обычное пастбище.

§ 13. ...Если у кого из жителей деревни после дня св. Георгия отелится корова или опоросится свинья, то он обязан давать пастуху с коровы и свиноматки по буханке хлеба; если же у кого имеются поросята, которым ко дню св. Иоанна[6] исполнилось 12 недель, то он платит пастуху полную плату; если же поросятам исполнится 12 недель не ко дню

---

[1] 25 июля.

[2] Во многих местах община предоставляла старосте право иметь коня. Сено для него он косил по обочинам дорог. Возможно, что в документе подразумевается этот обычай.

[3] Висмад — участок сенокоса, который может быть за день скошен одним человеком.

[4] Имеется в виду кузнец, банщик и др.

[5] Söldner — житель деревни, живущий на чужом наделе в качестве субарендатора, или подсоседка. Иногда это безземельные жители деревни.

[6] 24 июня.

св. Иоанна, а только ко дню св. Якова, то каждый, кому принадлежат эти поросята, обязан давать пастуху летом сноп колосовых, осеннюю плату и буханку хлеба. И пусть каждый платит пастуху без обмана и возражений.

§ 14. ...Если какой-нибудь житель деревни Пфлаунлох до дня св. Иоанна купит скот на стороне и захочет его пасти в общем стаде, то каждый, кто это сделает, обязан давать пастуху буханку хлеба и плату с каждой головы; со скота, проданного и выведенного из деревни до дня св. Иоанна, платы не полагается.

§ 15. ...Пусть каждый житель Пфлаунлоха, который из бедности арендует (umb züns bestünde) одну или несколько голов скота, платит пастуху буханку хлеба.

§ 16. ...Никому из жителей Пфлаунлоха не разрешается в течение восьми дней до или после дня св. Мартина[1] за полную плату или ее половину спарить свою овечку.

§ 17. ...Если кто-нибудь из жителей Пфлаунлоха выгоняет свой скот в общее стадо и не имеет в поле зерновых культур, то он вместо одного снопа озимого или ярового зерна обязан платить 3 геллера, а кто сам ничего не мелет и не печет, тот платит пастуху 4 геллера за буханку хлеба. И ежегодно в течение восьми дней до или после св. Георгия каждый, кто выгоняет свой скот в общее стадо, но не имеет колосовых, обязан платить за мерку зерна столько, сколько она стоит к этому времени в Нердлингене. Кто же имеет скотину, платит пастуху зерном. Так же, как здесь сказано, следует поступать с зерном и деньгами в день св. Михаила.

§ 18. Кто из жителей имеет собственных лошадей, тот обязан ежегодно один раз привозить пастуху дрова из леса. Однако никто не обязан это делать в день св. Михаила, разве только в том случае, если до этого пастух перевозил 4 телеги кизяка на собственной упряжке.

§ 19. Далее также постановили, что если какой-нибудь житель Пфлаунлоха, богатый или бедный, утаит часть своего скота и не уплатит пастуху деньгами или продуктами, как сказано выше, то этот скот переходит в руки общины. Его обязаны принять четыре старших и использовать на благо общины. И ни собственник, ни наследники не могут возражать против этого или потребовать его себе.

§ 20. И с пастбищем следует поступать так, как это издавна ведется.

§ 21. И если кто из общинников, проживающих в Пфлаунлохе, богатый или бедный, когда-нибудь не повинуется четырем избранным или присягнувшему общине исполнителю, то каждый раз, когда это случится, четверо старших или по их

---

[1] 11 ноября.

приказу присягнувший общине исполнитель обязаны взять под залог то, что предусмотрено согласно присяге, и использовать залог на благо общины. И пусть им поможет в этом община, а непослушный не должен предпринимать что-либо против или искать защиту на стороне.

§ 22. Если же кто из общинников, богатый или бедный, ведет кощунственные речи или противодействует четырем старшим в их деятельности или в выполнении их приказа через исполнителя и это выяснится, то каждый, кто так поступает, платит 60 пфеннигов геллерами, если он беден, и 3 фунта, если он богат. Если же кто выступит с клеветой против когонибудь из четырех и это является личным оскорблением, тогда он (один из четырех) имеет право ответить на оскорбление специальным изречением[1]. И если эта клевета направлена против одного или всех четырех избранных, которые выступали на пользу всей общине, то пусть вся община приходит им на помощь и содействует им по возможности в выполнении этого закона. Если же один или несколько из четырех избранных поспорят с общинниками по вопросам, не относящимся к общей пользе, то пусть спорящие стороны сами решат спор: общине же дела до этого нет. Но те общинники, которые находятся в родственных связях со спорящими, могут и обязаны заступиться за правые и справедливые дела.

§ 23. Также всей общиной, богатыми и бедными, согласовано, постановлено и запрещено отныне и вовеки кому бы то ни было из жителей Пфлаунлоха рыть канаву или копать яму на проезжей дороге, проходящей через указанную деревню. Кто совершит это преступление, обязан немедленно платить штраф в один рейнский гульден. Кто в других местах деревни по необходимости выроет канаву не в ущерб проезжей дороге, тот может это сделать без уплаты упомянутого штрафа.

И чтобы все то, что здесь написано, во все времена верно соблюдалось всеми жителями деревни Пфлаунлох, богатыми и бедными; все те богатые и бедные, которые теперь лично в своих жилищах живут в Пфлаунлохе, клятвенно дали друг другу руки в том, что они и их наследники и потомки всегда будут вместе. Так как различные господа, духовные и светские, имеют в деревне Пфлаунлох наделы, то пусть наше мнение, порядок и все то, что здесь записано (meinung, ordnung vud was hievor geschrieben), не затронут ни у одного из этих господ их цензы, богатства, зависимых людей и права. И чтобы это наше согласие, порядок и все то, что здесь записано, остались неизменными во все времена, мы и составили настоящий документ и постановили всей общиной, что он должен быть положен в специальное отделение [сейфа] приходской

---

[1] Не известно, какое специальное изречение употреблялось.

церкви Пфлаунлоха, к которому должны иметь ключ четверо избранных, и тот дворянин, который лично будет проживать в Пфлаунлохе. Если же в Пфлаунлохе не будет проживать дворянин, то ключ должен находиться у двух зажиточных крестьян (stattlich Gepawersmänner). Ежегодно в день св. Георгия этот документ или его копия должны быть зачитаны на общинном собрании, чтобы каждый житель знал, что ему следует делать. После прочтения документа или копии его следует их вновь вложить в сейф.

Чтобы составить настоящий порядок, всей общиной, богатыми и бедными, деревни Пфлаунлох были избраны юнкер Ганс фон Вейбинген, проживающий в настоящее время в Пфлаунлохе, нынешние четверо старших: Георг Треублер, Мартин Руф, Ганс Холл и Ганс Вольсхант, а также Хейнц Холл, Паулюс Фриц и Ганс Бауер. Все семеро сами присутствовали, когда зачитывался этот документ и были даны все клятвы так, как это указано выше. И после этого по настоятельной и серьезной просьбе всех членов общины, богатых и бедных, привесили свою печать к этому документу благородный юнкер Ганс фон Вейбинген, городской амман[1] имперского города Нердлингена, Георг Гелен-старший и Димарн фон Розен, однако без ущерба для каждого из них и их наследников. Документ написан и зачитан всей общине честным Иоганном Шафлютцелем, являющимся в настоящее время судебным писарем в священном имперском г. Нердлингене. Дано в воскресенье 13 августа 1480 г. от рождения Христа.

J. Grimm, Weisthümer, Berlin, 1957, Bd. VI, S. 262--268.

4. Спор между феодалами и крестьянами из-за леса (1487 г.)

Мы, шульц и 12 присяжных судей г. Шильдах, извещаем настоящим документом, что на бедных обитателей Убельбаха и Лангенбаха поступила жалоба его дворянского высочества г-на Гангольфа, владельца Герольтзека и Шенкенцелла, относительно леса в Хегбахе[2]. Ему принадлежит лес со всеми его богатствами, потому что он расположен на земле, где он, как барон, судит. Все, что находится в пределах этой земли, он унаследовал от своего отца. Всякое нарушение порядка на своей земле и в лесу он сам должен наказывать. Ему ответили бедные обитатели Убельбаха и Лангенбаха письменно, как это записал их публичный защитник (ihren

---

[1] Амман — староста.

[2] В долине р. Кинциг близ г. Виллингена в Шварцвальде.

erlaubten fürsprächen) в присутствии юнкера Конрада Фельзенберга и честного Андреса Хецеля, кафедрального писаря графа Генриха Фюрстенбергского, от которого всегда исходят добрые советы, что больше, чем это помнят два поколения, больше ста лет без всякой помехи и притязаний со стороны кого-либо лес и альменда в Хегбахе принадлежали им и они ими владели, пользовались и распоряжались так, как это было необходимо для содержания в должном порядке их усадеб и пашни. Они надеются, что владелец Герольтзека возьмет свою жалобу обратно и оставит в покое их старые наследственные права относительно леса точно так же, как это сделали его предки и другие господа. Только так восторжествует справедливость.

На это упомянутый владелец Герольтзека заявлял, как прежде, что лес принадлежит ему, так как только он один имеет право охотиться на дичь и наказывать преступления, совершенные в данном лесу. Из всего этого видно, что лес — его, а так как они утверждают, что никто никогда не предъявлял своих притязаний на лес, то он вынужден сказать, что это не так. Ибо порядочное время тому назад в Тамберге, принадлежащем ему, жила г-жа Охсенштейн, которая запретила крестьянам пользоваться лесом, так как он якобы принадлежит ей. Она не пожелала, чтобы крестьяне пользовались лесом по своему усмотрению, как им этого хотелось. Кроме того, родной его отец, Ганс фон Герольтзек, также запретил им пользоваться лесом. Так что уже раньше кое-кто предъявлял крестьянам свои притязания на лес.

Однако упомянутые бедные люди в присутствии публичных советников на это ответили, что они не возражают против его права охотиться на дичь и распоряжаться другими сокровищами в лесу, они только отстаивают то, что лес является их альмендой. Против этого вообще никто никогда не возражал. А что касается утверждения его милости о том, что какая-то г-жа Охсенштейн и г. Ганс фон Герольтзек запретили им пользоваться лесом, то это произошло следующим образом. Упомянутая госпожа запретила им пользоваться дорогой в лес, проходившей через ее владения, но не самим лесом. Тогда их родители пожаловались своему господину. Тот запретил ее людям пользоваться дорогой через Вольфах. После этого мать нашего милостивого графа Генриха [Фюрстенберга] вступила в переговоры с упомянутой г-жой Охсенштейн и ее должностными лицами, и было тогда решено снять запрет с дороги. Этим сразу закончилась вся игра, и с тех пор до сегодняшнего дня не было спора из-за леса. Не было больше ни единого притязания на их лесную альменду. Далее, его милость сообщила, что якобы покойный Ганс фон Герольтзек некоторое время тому назад запретил им пользо-

ваться лесом. Они это не отрицают, но тогда, как и теперь, они не отступились. Дело тогда дошло до того, что упомянутый господин пожаловался на них в земский суд Роттвиля. Тогда они выбрали трех мужей и послали их в качестве полномочных представителей на суд. Когда последние пришли в суд, то выяснилось, что с противной стороны никто не явился. Они тогда же и спросили, как же им далее поступать, как себя вести, чтобы не впасть в новое преступление? Тогда им было сказано и приказано, чтобы они вернулись домой и там пользовались и распоряжались альмендой так, как они делали это до сих пор. И пусть они это делают до тех пор, пока их вновь не пригласят в суд или пока им не будут предъявлены новые притязания. Этому приказу они и последовали. И так как со стороны упомянутого г-на Ганса фон Герольтзека или другого господина не было новых притязаний, то они пользовались и распоряжались альмендой так же неограниченно, как всегда. Однажды у мейера в Тифенбахе сгорел дом. Тогда он просил старую г-жу фон Фюрстенберг, мать моего милостивого графа Генриха, чтобы она с согласия общины разрешила ему рубить лес в альменде на постройку дома. Община не дала своего согласия. Тогда мейер по приказу ее (госпожи) без разрешения общины начал рубить лес. Они (общинники) тогда заявили госпоже, что, по унаследованному обычаю, срубленный строевой лес должен быть расколот на дрова. Пусть она, мол, на них не сердится, если они так и поступят. Она тогда стала их убеждать, чтобы они сами использовали срубленный лес в строительных целях. Но они не согласились на это. Срубленный лес был ими расколот так, как им велел их старинный обычай. Это было сделано еще и потому, что уже до этого в долину приезжали несколько мейеров, пожелавших на основе каких-то наследственных прав пользоваться лесом и сокровищами его. Тогда после всего случившегося собрались для урегулирования всех лесных вопросов следующие господа: от имени крестьян наш милостивый граф Генрих фон Фюрстенберг и г. фон Фельзенберг, а с противной стороны гг. Герольтзеки. Вместе с ними заседали и их должностные лица, в том числе и старик Лэшлер как представитель господ Герольтзеков. Он же тогда и участвовал при осмотре границ марки. Тогда и восторжествовало согласие по всем вопросам альменды. В честь этого представители Фюрстенберга, Герольтзека, Фельзенберга и некоторых других мест отправились в св. Руму, чтобы там купить вино и выпить его. После сказанного перед судом предстал Лэшлер, который заявил, что он не отрицает своего участия в осмотре границ марки. Однако на это он не был уполномочен г-ном фон Герольтзеком. Когда же они все вместе пришли в Руму, он ушел от остальных. С ними он не ел

и не пил. Несмотря на это, упомянутые добрые люди, как и до этого, продолжали утверждать, что он (Лэшлер) участвовал в осмотре границ марки и всего того, что наследуется от старины. Кроме того, они просили, чтобы были допрошены все люди, причастные к этому делу, ибо только таким путем обе стороны могут быть удовлетворены. После всего этого вышеупомянутый шульц обратился к правосудию за решением данного вопроса. В ответ на это было единодушно и клятвенно принято решение рассматривать все документы и опрашивать всех людей, причастных к этому [делу]. На основе этого решения и были рассмотрены все документы и допрошены люди. Была зачитана запись суда деревни Обервольфах. Согласно ей добрые люди клятвенно заявили: во-первых, столетний старик Гейнц Рек клятвенно показал, что, как он слышал от своего отца, который также достиг столетнего возраста, а также много раз от других стариков, лес в Хегбахе принадлежит жителям Лангенбаха и Убельбаха как настоящая общинная альменда, унаследованная от их предков. В отношении леса им принадлежат такие же права, как и в отношении их усадеб, расположенных возле их жилищ. Всем тем, что относится к лесу, они сами распоряжаются. Лесом же они могут пользоваться только для того, чтобы содержать в порядке свою усадьбу и пашню. Если же кто из тех, кто живет в долине или за ее пределами, срубит строевой лес с целью продать его или если он увезет этот лес, то последний должен быть расколот на дрова. И это следует делать даже тогда, когда лес будет обнаружен под мостом у Вольфаха [1]. Строевой лес может быть продан только в том случае, если с этим согласится вся община без исключения. Каждого из живущих в долине, кто не соблюдает и не выступает в защиту общинных прав на альменду, следует лишить права пользоваться альмендой. Случилось однажды, что чужие люди, переселившись в долину Лангенбах и Убельбах, пожелали узнать, на что они могут рассчитывать в альменде. Тогда и было созвано собрание, чтобы по доброй воле определить границы и порядки марки. Три должностных лица г-на Герольтзека во главе с Лэшлером приходили тогда ко мне. И говорил Лэшлер: «Дорогой Гейнц Рек, покажи мне известное тебе дерево, стоящее на границе марки!» Тогда я и повел его к пограничному дереву, которое по обхвату равнялось домашней печке. Лэшлер, ударив палкой по дереву, сказал: «Рек, вот это — настоящее пограничное дерево, хотя ему, возможно, и нет еще ста лет». Мы обошли вокруг всей марки и согласовали все спорные вопросы. В честь этого предста-

[1] Т. е. если он будет сплавляться по реке.

вители Фюрстенберга, Герольтзека, Фельзенберга и других мест отправились тогда в св. Руму, чтобы там купить вино и выпить его. Во всем этом он, Рек, лично участвовал. Вместе со всеми он всю жизнь пользовался и распоряжался упомянутым лесом. И до сих пор они ни разу не столкнулись с господами Герольтзеками.

После Гейнца Река было допрошено еще 12 свидетелей — все в возрасте старше 40 лет. Единогласно они подтвердили показания Река. На основании этого и было решено...

Все единогласно решили и признали справедливым следующее: так как наш г. фон Герольтзек в свою пользу не имеет других доказательств, кроме тех, которые он неуверенно защищал на суде, то пусть он оставит жителям Лангенбаха и Убельбаха их старинные, унаследованные права. И пусть они и впредь пользуются и распоряжаются лесом в Хегбахе так, как они им пользовались и распоряжались до сих пор. Приговор признан обеими сторонами верным, и обе стороны обязались пользоваться им в дальнейшем.

Этот документ мы вручаем жителям Лангенбаха и Убельбаха, чтобы они им руководствовались в дальнейшем. И по их настоятельной просьбе мы сознательно привесили к нему печать нашего г. Шильтаха. Однако это не должно быть использовано во вред нашему городу и нашим потомкам. Дано в понедельник накануне дня св. Гюлгена в 1487 г. от рождения Христа.

J. Grimm, Weisthümer, Berlin, 1957, Bd. I, S. 397—403.

5. Статут о наемных работниках конца XV — начала XVI в.[1]

§ 1. ... Он (наемный работник) обязан приносить пользу на работе, не трудиться бесполезно, усердно служить тогда, когда это нужно. Он обязан влиять на других наемных работников, чтобы они трудились так, как они это клятвенно обещали своему господину. Он обязан предупреждать всякий ущерб и заботиться о полезном, как будто все это касается его лично.

§ 2. ... Он не должен откладывать на завтра то, что ему поручено делать сегодня, обязан охотно и радостно браться за любую работу.

§ 3. В-третьих, он обязан трудиться равномерно от начала работы до окончания ее, а не так, чтобы в начале прилежно, а потом без всякой охоты, как это обычно бывает с нечестными и ленивыми наемными работниками.

---

[1] Составлен в монастыре Тиргауптен в Баварии.

§ 4. Далее, каждый наемный работник обязан с охотой делать то, к чему его принуждают; он не должен отказываться от какой-либо работы, заявляя, что его не на это наняли и т. д.

§ 5. Далее, все обязаны честно и дружно жить вместе. Никто не должен кого-либо унижать или обесчещивать. Служанки должны быть честными и не предаваться беспутной гульбе. Никто не должен говорить об их бесчестье или творить с ними бесчестные дела. Если же последнее случится, то их обоих следует прогнать с работы и платить только за то время, которое они работали. Кроме того, каждый из них обязан принести монастырю мерку соли.

§ 6. В будущем не должно быть никаких ссор и драк. Если же это случится, то те из [работников], которые провинились, обязаны без возражений прийти в тюрьму и принять то наказание, которое на них наложит господин. Кроме того, их следует немедленно уволить и уплатить только за проработанное время.

§ 7. Далее, наемный работник не должен портить или терять [инструмент] для работы. Если же случится последнее, то он возмещает стоимость его. Прежде чем получить новый [инструмент], он обязан отчитаться перед господином за старый.

§ 8. ... Работники не имеют права уносить что-либо: ни ржи, ни овса, ни соли, ни чего-либо из того, что полезно лошадям и скоту вообще. Кто провинится в этом, тот платит штраф 16 геллеров.

§ 9. Работницы обязаны быть послушными старшей доярке: спать вместе с ней в одном чулане, ложиться спать одновременно с ней и вставать, когда она их будит. Старшая доярка обязана воспитывать их так же честно, как делает мать в отношении своей дочери.

§ 10. ... Пусть они в первую очередь зимой и летом следят за скотом. За этим обязана следить старшая доярка. Кроме того, они должны выпекать хлеб и носить еду косцам, жнецам и подгребальщикам, а также сами обязаны грести [сено] во владениях монастыря.

§ 11. Они не должны ночью выходить одетыми без ведома и разрешения старшей доярки.

§ 12. Старшая доярка ведает всеми делами в доме: она охраняет хлеб, следит, чтобы ничего не терялось и не уносилось, чтобы бережно обращались с молоком. Она обязана быть всем доброй матерью в стирке белья, в починке его и во всем том, в чем они нуждаются.

§ 13. Чтобы дело не стояло, все строители и косари обязаны подчиняться старшему мастеру.

§ 14. Косари во время косьбы не должны ездить верхом на лошади.

§ 15. ...Никто из работников не должен до истечения срока просить расчета у господина или побуждать на это других. Если же кто из работников или работниц уходит до срока, то им не обязаны платить. Господин имеет право заставлять их трудиться на другой работе, чтобы возместить причиненные ему убытки.

§ 16. ... Никто из наемных работников не должен говорить «прежде был такой обычай» ни в отношении еды, ни в отношении работы. Что касается еды (подавать еду рано или поздно, подавать молоко или овощи) и работы, то все должно быть сделано по статуту, а не по обычаю.

§ 17. Келлер обязан зорко учитывать, кому и что он выдает. Если же он что-либо прозевает, то по воле господина он обязан возмещать убытки.

§ 18. ... Если кто из наемных работников будет пойман у яблони, груши, гороха или в другом месте, куда он проник без разрешения, то из его жалованья высчитывают 1 богемский (ein behmisch), равный 8 геллерам.

§ 19. Если же понадобится один или несколько наемных работников на войну, то они обязаны слушаться приказа господина или его представителя.

J. Grimm, Weisthümer, Berlin, 1957, Bd. VI, S. 199—201.

6. Условия мейерской аренды

1. Во-первых, следует помнить, что мейеру дают в аренду двор, который не подчинен фогту, т. е. не платит ему налога и десятины, не подчиняется его суду и не выполняет барщины в его пользу. И должен этот двор стоять отдельно.

2. И пусть он (мейер) выставит поручителей в том, что он неизменно и лично три года будет мейером.

3. Пока он лично будет там [1] находиться и трудиться, никто не имеет права прогонять его оттуда.

4. И станет он владеть двором по милости, а не по праву [2], до тех пор пока он сам на нем будет жить.

5. И обязан он содержать в исправности двор, дом, конюшни и все хозяйственные постройки у дома и на поле.

6. И не разрешается ему без согласия господина что-либо отчуждать.

7. И обязан он за свой счет [3] и в срок ежегодно доставлять в господские закрома арендную плату продуктами, а

---

[1] На арендуемом наделе.
[2] Т. е. двор не будет его собственностью.
[3] Это так называемый Bringzinse (приносимый чинш).

именно: в пасху — яйца, на день св. Иоанна — пшеницу, в день св. Галена[1] — рожь, на рождество — плату с виноградника, в день св. Мартина — гусей, в мае — курицу, а в день св. Андрея[2] — свинью, в масленицу — курицу.

8. Барщину или иную службу он обязан выполнять в зависимости от зажиточности двора (nach gelegenheit des hofs).

9. Если же случится град или если какой-нибудь вред будет нанесен насекомыми, то это приведет к снижению только платы зерном.

10. О причиненном вреде следует сообщить своевременно. Если окажется, что будет собрано меньше, чем посеяно, то следует еще до жатвы показывать повреждения господину, иначе не должно быть никакой скидки.

11. Зависим ли двор от фогта или нет, мейер выполняет все обязанности[3], не нанося ущерба господину.

12. И пусть он без ведома и согласия господина никому ничего не продаст и не подарит из того, что вырастает на пашне.

13. Запрещается ему вывозить на чужой участок навоз, зерно, сено и солому.

14. И не разрешается ему срубать плодоносящие деревья.

15. И запрещается ему без согласия господина разбивать огород на пашне или залежной земле, а также превращать огород в пашню.

16. И не должен без согласия господина жить с ним Söldner. И обязан последний давать господину такую же клятву, как мейер, а то из-за этого случаются большие недоразумения.

17. Если мейер засеет поле несвоевременно, то это не должно наносить ущерба господину.

18. И запрещается ему без согласия господина отдавать без платы Söldner или другому пашню и пастбище.

19. Особенно следует помнить, что если в состав двора входит лесок частично или полностью, то без разрешения господина мейер не имеет права что-либо оттуда продать или подарить или кому-либо дать разрешение на вывоз леса.

20. Если же господину захочется что-либо оттуда подарить или продать, то он (мейер) не имеет права помешать ему в этом.

21. Если же мейеру понадобится лес на дрова, или на изгородь, или на строение, то господин или его уполномоченный обязаны ему указать место для рубки, чтобы он не повредил леса.

---

[1] 16 октября.

[2] 30 ноября.

[3] Т. е. участвует в суде, собирает с крестьян десятину и т. д.

22. То же относится и к Söldner, нуждающимся в лесе.

23. Мейеру запрещается без разрешения господина корчевать лес.

24. Мейеру и Söldner также запрещается что-либо с надела продавать, закладывать или изменять без ведома господина.

25. Особенно следует помнить, что мейер обязан вернуть во двор все то, что взято оттуда, и распоряжаться им только по согласию господина.

26. И пусть он приведет к присяге всех слуг[1] и Söldner, чтобы они верно служили господину, помогали бы ему в беде и не искали бы защиты на стороне, помимо своего господина.

27. Они[2] обязаны в случае тяжбы обращаться только к господину и выполнять только то, что он потребует и прикажет, а также судиться только в его суде и только у его судей.

28. И если мейер покинет двор или умрет, или будет содержать двор в беспорядке, или не внесет ежегодной платы, то он и его наследники лишатся надела навсегда.

29. И обязан он оставить двор[3] в таком состоянии, в каком он находился: все постройки в исправности, поля засеянными, как это требуется по земельному праву.

30. И все это он оставляет бесплатно следующему мейеру.

31. С некоторых дворов берется оброк, доходящий до половины движимого имущества, в виде овса, соломы, сена, телеги, плуга, бороны, гусей, кур и небольшой суммы денег.

32. Следует помнить, что навоз и солома со двора не вывозятся.

33. Несколько дворов зависят от фогта и подсудны ему. Другие не зависят от него, но подсудны ему. Все это следует соблюдать как положено.

34. И обязаны они соблюдать все законы. Если же они их нарушат, то их следует по усмотрению господина подвергнуть светским и духовным наказаниям.

35. Следует разузнавать, нет ли у мейера второго надела, зависящего от фогта, так как в таком случае оба надела должны подчиняться фогту.

36. Необходимо составить опись и внести туда все пашни, луга, леса и долги.

37. Следует также выяснить, не являются ли мейер, или Söldner, или их супруги крепостными (leibeigene), что часто случается, ибо в таком случае наделы отойдут к фогту, особенно если они принадлежат духовным лицам.

38. Следует помнить, что некоторые крестьяне хотят расторгнуть договор, чтобы уйти от своей клятвы. Нельзя

[1] Имеются в виду домашняя прислуга и сезонные наемные работники.
[2] Слуги и Söldner.
[3] В случае ухода со двора или лишения арендованного надела.

допустить, чтобы кто-нибудь дававший клятву одному переезжал к другому или вел себя плохо (umbtreibe moge).

39. Следует следить за тем, чтобы у крестьянина рядом с арендованным участком не находился его личный участок. Также не разрешается ему без согласия господина купить или обрабатывать участок, лежащий по соседству.

C. Gesenius, Das Meyerrecht, Bd. 2, Wolfenbüttel, 1803, Beilage, S. 1—10.

7. Формула мейерской аренды

Мы, (такой-то) аббат, (такой-то) приор и все монахи (такого-то) монастыря, для нашей и наших монастырских преемников памяти отмечаем.

Так как в (такой-то) день истек срок (стольких-то) лет мейерской аренды...[1] двора под номером (таким-то) и мейер вновь просит его в аренду с этого же срока, мы согласились пойти ему навстречу и с (такого-то) дня возобновить его аренду на 9 лет. Мы даем вышеуказанному (такому-то) в аренду монастырский двор (указываются размеры его) в (таком-то) месте и вместе с ним входящую в него (указывается количество моргенов) пахотную землю вместе со всеми принадлежностями и милостями, в том числе огород, луг и право на лес, как это все записано в специальном документе (in der specification beschrieben) и как оно до сих пор соблюдалось по отношению к этому двору. Однако (такой-то) обязан содержать в исправности все строения в монастырском мейерском дворе, образцово обрабатывать поля, не допускать ничего из того, что может нанести ущерб владельцу земли; он не имеет права без нашего разрешения даже самую малость отдавать под залог, променять, поставлять под видом налога или каким-нибудь образом отчуждать.

За все [арендованное] он обязан и согласен ежегодно в день Михаэлиса сдать монастырю хорошее чистое зерно: pro toto[2] (столько-то) шефелей[3] пшеницы, (столько-то) шефелей ржи.

Однако pro ordinario[4] (столько-то) гимтенов[5] ржи, (столько-то) гимтенов ячменя.

Все это он обязан своевременно представлять, как это и подобает преданному и прилежному мейеру.

Если же случится, что полевым плодам будут нанесены какие-нибудь повреждения[6], и он (мейер) захочет, чтобы

[1] Пропуск в тексте.
[2] Pro toto — в целом, за все.
[3] Шефель — зерновая мера, неодинаковая в разных местах.
[4] Pro ordinario — обычно, согласно обычаю.
[5] Гимтен — четверик.
[6] Очевидно, в результате града, войны и других стихийных бедствий.

ему были снижены его мейерские обязательства, то он должен сообщить о вреде, нанесенном урожаю, в (такое-то) монастырское владение, где в зависимости от понесенных потерь ему и будет снижено общее количество чинша.

Если же в течение 9 лет он (мейер) пробудет примерным хозяином, которому не будет сделано каких-либо замечаний, и по истечении этого срока в день Михаила (такого-то) года он вновь попросит этот надел в аренду, то ему или его родным он будет раньше других предоставлен (vor anderen), разумеется при уплате традиционной мерки вина и довольствия.

Однако если указанный [мейер] или его близкие не станут соблюдать все так, как выше сказано, и станут расчленять мейерский двор, или даже самую малость отчуждать оттуда без ведома монастыря, или несвоевременно вносить ежегодный чинш и оброки, то мейер, согласно данному документу и земельному праву, немедленно теряет свое право на аренду, а монастырь может по выбору передать этот двор другому.

Уплачено денег:

за заверку документа (господский пфенниг для бедных),

за вручение его (столько-то),

писарю и за печать (столько-то).

Данный документ подписал (такой-то).

Настоящий [аббат и приор] приложил монастырскую печать.

Данный документ подписал (такой-то).

Размеры участка согласно измерениям (такого-то) года: двор вместе с домами (столько-то веток[1]), огород возле двора (столько-то веток).

C. Gesenius, Das Meyerrecht, Bd. 2. Wolfenbüttel, 1803, Beilage XI, S. 105—107.

II. НЕМЕЦКИЙ ГОРОД XII—XV вв.

8. Первое городское право Страсбурга (последние десятилетия XII в.)

1. По образу других городов на том почетном условии основан Страсбург, чтобы каждый человек, как чужой, так и местный уроженец, имел в нем мир во всякое время и от всех.

2. Если кто вне [города] совершит преступление и из-за страха вины бежит в него, пусть пребывает в нем безопасно.

---

[1] Ветка — часто встречаемая мера, длина которой колебалась от 2 до 4 *м*. Измерения участка, судя по уставам, производились только в ширину.

Пусть никто, применив насилие, не наложит на него руку; [он же] покорно и с готовностью пусть предстанет перед судом.

3. Пусть никто не приносит в город и не осмеливается [в нем] хранить награбленное или украденное, если не будет готов дать отчет каждому истцу.

4. Пусть никто не введет [в город] пленника, если не представит его шультгейсу (causidicus) или судье (iudex), который пусть сохранит его до законного рассмотрения дела.

5. Все должностные лица этого города подчинены власти епископа, так что либо он сам их назначает, либо те, которых он сам поставил. Старшие же будут назначать младших соответственно тому, как они им подчинены.

6. Никому епископ не должен давать общественной должности, кроме [тех], кто принадлежит к людям, зависимым от его церкви.

7. Четырех же должностных лиц, на которых лежит управление городом, епископ инвестирует своей рукой (властью), а именно: шультгейса, бургграфа, телонеария[1] и магистра монеты.

О шультгейсе, который называется также causidicus, скажем прежде всего.

8. Шультгейс имеет право назначать двух подчиненных ему заместителей, которых обыкновенно называют судьи, настолько уважаемых, чтобы горожане, сохраняя свою честь, могли предстать перед ними в суде.

9. Также шультгейсу принадлежит [право] назначать трех лиц, которых называем геймбургами: одного во внутреннем, т. е. старом, городе и двух — во внешнем и надзирателя тюрьмы, в которой содержатся под охраной преступники.

Таковы же обязанности каждого в отдельности.

10. Шультгейс будет судить за кражу, за frevela[2], за денежные долги (pro geltschulda) всех горожан города и всех прибывших в него из этого епископства, если они не противопоставят разумного [основания для] исключения, кроме министериалов церкви и тех, которые принадлежат к зависимым людям (de familia) епископа, и [тех], которые им назначены на должности.

11. Получает же власть преследовать и наказывать преступников, которую называют банн, не от епископа, но от

---

[1] От слова «the loneum» (пошлина).

[2] Frevela или vrevela (frevel) — в правовых памятниках средневековой Германии наименование уголовных преступлений, особенно часто некоторых не очень тяжелых (например, преднамеренная порча чужого имущества), которые влекли за собой уплату небольшой пени. Согласно Страсбургскому праву, к этому разряду преступлений относится вторжение в чужой двор (ст. 36).

фогта. Ибо ту власть, которая в соответствии с характером преступления направлена на пролитие крови при вешании, отрубании головы, изувечении и тому подобном, духовное лицо не должно ни иметь, ни передавать [другому]. Поэтому, после того как епископ поставит фогта, император дает ему банн, т. е. [право] наказания мечом осуждаемых таким образом и всю власть их преследовать.

12. Так как ее (т. е. эту власть) имеет, следовательно, только лишь в силу фогтского звания (advocatia), то справедливо, чтобы никоим образом не отказывал в ней шультгейсу, телонеарию, магистру монеты, кого бы ни поставил епископ, от которого он сам держит фогтство.

13. В этом городе, итак, никто не имеет права суда, исключая императора или епископа или тех, которые имеют [судебную власть] от него.

14. У судей (iudices), которые подчинены шультгейсу, власть судить не распространяется на кражи (furta или frevelas), но только на денежные долги (in geltschuldas).

15. Место же судов на рынке у св. Мартина. Поэтому никто из тех, на кого подана жалоба, не должен быть вызван в дом шультгейса или судьи, но только в вышеупомянутое общественное место.

16. Если, однако, судьи или шультгейс вызовут кого-либо к себе на дом и те не придут, то за это [они] не будут (обязаны уплатить) какую-либо композицию[1].

17. Обязанность надзирателя тюрьмы [состоит в том, чтобы] бдительно стеречь всех вверенных его охране.

18. Если же кого-либо упустит, вместо него примет вину, если не будет у него отнят силой.

19. Также его обязанность приговоренных к повешению выводить к виселице, завязывать глаза приговоренного повязкой, воздвигать виселицу, приставлять лестницу, подводить преступника к самой лестнице. Тогда только примет его заместитель фогта (vicarius advocati) и, накинув на шею петлю, его повесит.

20. Если же заместитель фогта будет отсутствовать, преступник пусть останется под стражей до тех пор, пока шультгейс об этом деле сообщит епископу.

21. Также если кто получит приговор [в отношении] кожи и волос, то это наказание пусть осуществит тюремный надзиратель.

22. Если же кто-либо будет приговорен в отношении руки, то тот же тюремный надзиратель возьмет bartam[2], а заместитель фогта ударит деревянным молотком и отсечет руку.

[1] Compositio — сумма, которую по приговору суда должен был платить преступник за совершенный им проступок.

[2] Barta — особый вид топора.

23. Этот же заместитель фогта будет вырывать глаза, кастрировать, отрубать голову и выполнять все прочие наказания соответственно разному характеру преступлений.

24. Также обязанность тюремного надзирателя [состоит в том], чтобы так же был послушен телонеарию и магистру монеты, как и шультгейсу.

25. Также должен вызывать в суд обвиняемых в присутствии шультгейса или судей.

26. Способ же вызова таков: пусть назовет истца и объявит его противнику, что он вызван на суд, либо устно [самому ему] присутствующему, где бы с ним ни встретился, либо у его дома в первый, второй и третий раз с перерывом в одну ночь (одни сутки).

27. Если, когда будет сделан первый, второй или третий вызов, тот не придет и посланец судьи докажет tercia manu[1], что [он] сделал эти три вызова или по крайней мере первый лицом к лицу, то тот уплатит судье композицию в 30 солидов.

28. Будучи же вызван на суд, должен явиться в первое время (т. е. по первому зову) и, сколь долго судья будет заседать в суде, столь долго будет ожидать истца или уйдет по разрешению судьи. Не должен, однако, [судья] отказывать ему в разрешении уйти, если попросит..Если же судья обвинит его, что в установленное время не пришел, то он поклянется, что там был, или уплатит ему композицию.

29. Шультгейс или судья не должен разбирать в суде никакого дела, за исключением того, с которым обратились к нему. Если же будет уличен, что сделал что-либо помимо судебного порядка и справедливого суда, по закону теряет свою должность.

30. Горожанина, находящегося в состоянии готовности к дороге, т. е. уже входящего на корабль или садящегося на лошадь или в повозку, никто из согорожан его не должен задерживать из-за жалобы. Но так как он настолько не заботился о себе, что дело свое отложил до такого крайнего времени, то справедливо, чтобы все, что против того имел, до его возвращения отложил.

31. Если кто обвинит своего согорожанина вне города перед чужим судьей, то из-за этой вины обязан уплатить композицию и судье города, и тому, кого обвинил, и возместить ему ущерб, который из-за его жалобы [тот] понес.

32. Никому не должна платиться композиция, исключая того, кому она присуждена.

33. Всякая же композиция, которая следует за frevela, доходит до 30 солидов...

[1] Букв. это значит «третьей (или троекратной) рукой». Это выражение означает судебное доказательство посредством клятвы трех свидетелей или соприсяжников. Аналогичные выражения встречаются в ст. 52, 65, 67.

34. Если кто-либо будет обязан уплатить композицию судье и истцу и ее в определенные сроки не уплатит, то, если дело правильным образом будет доведено до конца, должен содержаться в общественном месте заключения (publica custodia) до тех пор, пока заплатит свою композицию сначала истцу, а потом судье.

35. Если кто-либо оскорбит другого словом или делом при народе [и] если оба захотят предстать на суд народа (ad iudicium populi), судья решит согласно суду и приговору народа. Если же, однако, [они не захотят этого, то] обвиняемый очистит себя простой своей клятвой или же тот [обвинитель] пусть уличит его (докажет его вину) посредством поединка.

36. Если кто-либо без судьи или посланца судьи дерзко нападет на своего согорожанина внутри ограды его дома или двора, уплатит судье 30 солидов за frevela. Тому же, на кого напал, оплатит свое преступление (missetat) в троекратном размере.

37. Во всех дворах монастырских братьев или министериалов, в которых [они] сами лично не будут жить, шультгейс или судья имеет право вызова на суд и принуждения их обитателей.

38. Точно так же [шультгейс] имеет право судить слуг братьев любого монастыря в отношении их личности, а именно в делах, касающихся торговли, если хотят торговать.

39. Всякий, кто прибудет в город, являясь должником какого-либо человека, если будет обвинен перед судьей, должен быть представлен шультгейсу на суд тем каноником или министериалом, в дом которого он вступил. Если же (каноник или министериал) этого не сделает, то должен ответить вместо него.

40. Из всех композиций, следуемых за кражу, две части причитаются шультгейсу, а третья — фогту. При этом должно соблюдаться следующее различие: если композиция будет уплачена фогту, то его [право] отделить себе третью часть, шультгейсу — две. Сам именно пусть получает следуемую ему композицию, и какую сумму при получении композиции он установит — большую или малую, — шультгейс не должен ее ни уменьшать, ни увеличивать, но пусть считает правильной.

41. Наоборот, если композиция будет уплачена самому шультгейсу, его будет право взять две части [себе], а третью дать фогту. И сходным образом, какую сумму композиции сам установит, фогт пусть ее не отменяет.

42. Фогт же не должен судить [нигде], кроме как во дворце епископа. Если же кого-либо вызовет к себе на дом, то тот,

кто не придет, не должен из-за этого платить ему какую-либо композицию.

43. Когда же фогт умрет или когда по какой-либо причине фогство будет вакантно, епископ никакого фогта не должен назначать без избрания и согласия каноников, министериалов и горожан.

44. К обязанности бургграфа принадлежит назначать магистров почти всех officiorum[1] в городе, а именно: седельников, кожевников, перчаточников, сапожников, кузнецов, мельников и тех, которые делают винные бочки и кружки, и изготовителей мечей, и которые продают плоды, и трактирщиков. И в отношении них имеет право суда, если в чем-либо прегрешат в своих обязанностях.

45. Место же суда и наказания их находится во дворце епископа.

46. Если же некоторые из вышеупомянутых окажутся непокорными бургграфу, то он пусть доведет дело до епископа.

47. К праву бургграфа принадлежит также получение некоторых пошлин, как, например, с мечей, которые в ножнах выносятся на рынок для продажи. С других же товаров, которые на кораблях привозятся из Кельна или откуда бы то ни было, пошлину пусть получает телонеарий.

48. Также с растительного масла, орехов, плодов — откуда бы они ни были привезены, которые проданы за деньги, пошлину получает бургграф. Если же [они] проданы за соль, вино, зерно или за какую угодно другую цену, то пошлину пусть поделят бургграф и телонеарий.

49. Помимо вышеназванных, все остальные пошлины принадлежат к должности телонеария. Они же [взимаются] поразному.

50. Если кто с одного корабля на другой перегрузит свои товары, с каждого корабля даст 4 денария .

51. Всякий купец (mercator), который пройдет через этот город со своим грузом [на вьючных животных], но ничего не продаст и не купит, не уплатит никакой пошлины.

52. Если кто-либо из зависимых людей этой церкви — мужчина или женщина — продаст в этом городе вещи, которые сделал своими руками или которые выросли у него, то не даст пошлины. И если купит что-либо для своих надобностей, что не будет продавать ради наживы, также не даст пошлины. Если же, однако, кто-либо наклевещет на него, что проданные вещи не выросли у него и не были им самим сде-

---

[1] В рассматриваемую эпоху слово «officiorum» употреблялось для обозначения отраслевых организаций городских ремесленников.

ланы или [что он] купил их ради наживы, то простой своей рукой[1] пусть себя очистит.

53. Если кто купит или продаст (менее чем) на 5 солидов, не даст пошлины.

54. С 5 солидов пусть даст монету[2], с таланта[3] — 4, с лошади — 4, с мула — 4, с осла — 1 денарий.

55. Пошлину с углей и пеньки, которую епископы до сих пор взимали, как и получали банн вина и хлеба, которые называются bernbrot[4], телонеарий пусть не взимает.

56. К должности телонеария относится удостоверять раскаленным железом все меры — малые или большие — для соли, вина, растительного масла и зерна, сделанные магистром трактирщиков. И их никому не должен уступать, разве согорожанину своему для [измерения] амы (ата) вина или четверти зерна и прочих подобных мелочей, и [притом] бесплатно.

57. Однако если их пожелает иметь кто-либо из горожан для своей надобности, то ему дозволяется, но так, чтобы они были добросовестно и самим лично телонеарием клеймены, так же как и каждому из горожан можно иметь в доме свои собственные весовые гири при том, однако, условии, чтобы они были сделаны магистром монеты (monetarius).

58. Также обязанность телонеария все мосты нового города — сколько их будет нужно — и бургграфа все [мосты] старого [города] строить настолько прочно, чтобы всякий мог безопасно проехать со своими повозками и вьючными животными. Если же из-за старости, слишком большой изношенности или какой-либо неисправности мостов кто-либо потерпит ущерб, то телонеарий или бургграф должны быть принуждены каждый по своей части по праву возместить.

Следует об обязанности магистра монеты (monetarius).

59. Он по праву имеет судебную власть [в делах относительно] фальшивой монеты и над самими фальшивомонетчиками как в городе, так и вне [его] по всему епископству без какого-либо препятствия [со стороны] судей.

---

[1] Manu sua. Под этим выражением, очевидно, подразумевается очищение от вины посредством простой клятвы самого обвиняемого. Сравни ст. 67.

[2] Словом «монета» без всяких дальнейших уточнений в средние века часто называли наиболее распространенную тогда монетную единицу — денарий.

[3] Талантом в средневековой Европе того времени стали называть фунт. В настоящей статье идет речь о фунте как счетной денежной единице в 240 денариев.

[4] Средневековое немецкое слово «bern» (Bërn) в одном из своих значений обозначало повинность, подать. Brot — хлеб.

60. Где бы во всем епископстве он ни нашел фальшивомонетчика, пусть доставит его в город и судит согласно судебному праву города.

61. Монета же должна быть такого веса, чтобы 20 солидов составляли марку, каковые денарии (т. е. чеканенные из этого расчета) называются pfundig[1]. И эта [монета], постоянная и устойчивая, должна обращаться в этом епископстве, если только не будет подделана. Тогда же по совету мудрых пусть будет изменена соответственно другой форме, но не другому весу.

62. Место же чеканки монеты находится около рыбаков. Чеканить денарии надо в одном помещении, чтобы все взаимно видели работу рук своих.

63. Никто, кроме людей, зависимых от этой церкви, не должен делать денарии.

64. В месте, где сидят менялы, никто другой не должен покупать серебро, кроме только одних чеканщиков денариев. В других местах по всему городу пусть покупают и продают серебро все желающие, если это не будет воспрещено из-за [чеканки] новой монеты.

65. Когда новая монета чеканится и старая запрещена, то, [считая] от дня запрещения, объявляется срок в трижды четырнадцать дней, т. е. шесть недель, в течение которых магистр монеты (monetarius) может всякого, кого захочет, задержать за то, что принимает запрещенную монету. Если же тот захочет отрицать, то пусть cum septima manu[2] поклянется, что он не сделал [этого]. В противном случае уплатит магистру монеты композицию в 60 солидов.

66. По истечении шести недель никого не должен задерживать, если не увидит, что кто-либо получает запрещенную монету.

67. Если увидит, [что кто-либо получает денарий], пусть возьмет денарий, и отведет его (преступника) в суд, и там его обвинит. И если тот будет отрицать [вину], с тремя честными людьми пусть уличит его, что получил. И уличенный уплатит ему композицию в 60 солидов. Если же не захочет его уличить, то он своей рукой себя очистит.

68. Нельзя, однако, никого задерживать и никто не должен платить композицию, если не за денарии, которые называются phundig.

---

[1] Иначе говоря, из марки как весовой единицы, равной в то время, по некоторым подсчетам, примерно 234 *г*, должно было чеканиться 240 денариев (1 солид был равен 12 денариям). Выражение «pfundig, phundig» происходит от слова «фунт» (pfund или в средневековой немецкой транскрипции Phund), которым в Страсбурге того времени в области денежного обращения называли уже не определенную весовую единицу, как это было ранее, но счетную денежную единицу в 240 денариев.

[2] С семью соприсяжниками. См. выше прим. к ст. 27.

69. Если кто перед магистром монеты получит осуждение руки[1], будет судиться, как выше [описано], перед шультгейсом.

70. Если епископ захочет переплавить серебро своей камеры и из него чеканить денарии, пусть примет его магистр монеты и разделит между монетчиками, чтобы из него делали денарии. И если денарии суть phundig, возвращает с каждой марки 20 солидов без двух денариев.

71. Если же будут отчеканены в сколь угодно более легком весе, то [все равно] всегда сдается с марки на 2 денария меньше.

72. Из камеры епископа доставляются угли. На марку даются 3 секстария углей.

73. Когда епископ приказывает чеканить новую монету, то сначала делаются 5 солидов той формы и того веса, которые должна иметь в обращении [новая] монета.

74. Их будет хранить бургграф, сколь долго монета эта [будет обращаться], с тем расчетом, чтобы в случае обвинения, что эта монета подделана, посредством тех 5 солидов она была испытана и удостоверена.

75. Магистр монеты также поклянется, что будет чеканить монету того веса и формы, которые имеют те 5 солидов.

76. Когда магистр монеты будет возвращать епископу железные приспособления, в которых делаются денарии, пусть возвратит ему два [штампа] в форме монет (денариев) и два в форме оболов (полушек)[2]. Кроме этого, все остальное полностью возвратит и поклянется, что он не имеет [ничего] более и не знает, чтобы кто-либо имел. При этом формы будут уничтожены и разломаны и обломки возвращены магистру монеты или же сам [магистр монеты] по разрешению епископа удержит их целыми и неповрежденными.

77. Всякий желающий получить право монетчика даст епископу половину марки золота, магистру монеты 5 денариев золота, монетчикам 20 солидов тяжелой (полновесной) монеты.

78. Когда епископ пожелает изменить монету, то даст железные приспособления [для изготовления] монеты на шесть недель.

79. Всякий монетчик, живущий вне города, который в городе купит серебро, пусть оплатит право монеты.

80. Каждый, кто повредит стены или ров (vallum) города, уплатит бургграфу композицию в 40 солидов.

---

[1] Damnationem manus — очевидно, приговор об отсечении руки (см. ст. 22).

[2] Словом «обол» в средневековой Европе стали называть мелкие монеты в $^1/_2$ денария.

81. Всякий, кто застроит улицу, также предстанет для уплаты штрафа перед бургграфом. Никому же [бургграф] не должен давать разрешения.

82. Пусть никто не вываливает навоз или отбросы перед своим домом, если не желает немедленно вывезти их, за исключением предназначенных для этого мест, а именно: около мясных ларей, также около св. Стефана, и также около колодца на конном рынке, и около места, которое называется Гевирке.

83. Ров города должен иметь по окружности вне стены [в ширину] 60 футов, внутри [от стены] — 30 футов.

84. Всякий, кто желает выстроить мельницу, пусть просит разрешения у бургграфа и согласия у горожан. Заручившись тем и другим, пусть даст бургграфу золотую монету.

85. Пусть никто не платит пошлины с рогож, [или циновок], кур, гусей, яиц, лука, капусты и других каких угодно овощей, с чаш (scuttelis), с кружек, если не продаст на 5 солидов.

86. Никто не должен иметь в городе свиней, если не поручит их пастуху.

87. Место же, где пасутся свиньи, находится между воротами, которые называются Wallemanus burgetor, и другими ближайшими воротами.

88. К праву епископа принадлежит иметь из этого города 24 посланца (legatos), и только лишь из числа торговцев (mercatores). Их обязанность в пределах только епископства совершать поездки с поручениями епископа к его людям. Если же в то время они понесут какой-либо ущерб — или в отношении своей личности, или в отношении своих вещей, которые везли с собой в пути, — епископ должен им возместить.

89. Отдельные из них обязаны ежегодно три раза совершать такие поездки с поручениями за счет епископа. Со стороны епископа им оказывается такая почесть, чтобы при его празднествах, когда он пригласит своих людей, они имели перед ним самим почетные места за столом, чтобы тем людям его [благодаря этому] сделались тем более известны.

90. Когда епископ вступит в город, то его лошади должны быть размещены в господской конюшне, которая начинается от странноприемного дома и идет по окружности стены до сада епископа.

91. Если [епископ] будет иметь больше лошадей, то их возьмут шультгейс или судьи его и конюший и разместят их по домам, где обычно находятся пристанища для пришлых людей. Если [еще] больше будет иметь лошадей, то по праву не может разместить их в каких-либо других домах города, если не сможет этого добиться посредством просьб.

92. Если же император или король вступит [в город], его лошади размещаются всюду.

93. Отдельные горожане должны также ежегодно 5 дней работать на господской барщине (in dominico opere), за исключением всех монетчиков, которые принадлежат к числу зависимых людей церкви, и за исключением двенадцати среди кожевников, и за исключением всех седельников, и четырех среди перчаточников, и четырех среди пекарей, и восьми среди сапожников, и всех кузнецов, и всех плотников, и мясников, и бочаров винных бочек.

94. На господский двор, находящийся внутри города, шультгейс пусть дает для плугов епископа 13 быков, которых получает в случае смерти людей церкви, и 1 лошадь, на которой магистр двора (magister curtis) будет ездить и возить семена в поле.

95. Даст также 12 свиней и 2 боровов: одного для нужд епископа, другого для нужд горожан.

96. Епископ в тот же двор назначает Stadelarium. Stadelarius[1] дает плуг и борону.

97. Все остальное, что необходимо, пусть предоставит шультгейс, за исключением оплаты и пропитания слуг.

98. Каждый из судей даст во время жатвы 5 солидов, и магистр мельников 1 солид, и магистр трактирщиков 1 солид для покупки хлеба при жатве.

99. И когда будет обмолачиваться хлеб епископа, каждому из судей [он] даст один мальтер [зерна], так как судьи и глашатаи (precones) должны стеречь хлеб епископа при жатве, пока идет уборка.

100. Быков, предназначенных для плугов епископа, шультгейс не должен употреблять для других надобностей, разве только для обработки его Schuchbuze[2], но и епископ [не должен] использовать их на другие нужды, кроме как для своего плуга.

101. Если среди этих быков один или два или еще более вследствие старости или какой-либо другой причины, кроме заразной болезни, сделаются непригодны для обработки земли, то мясники обязаны мясо их продавать, а деньги отдавать шультгейсу. И тем временем никакое другое мясо не может быть продаваемо.

102. Среди кожевников есть 12, которые за счет епископа (cum expensis episcopi) должны [обрабатывать] кожи и [изготовлять] меховые одежды, сколько епископу понадобится. Материал для них магистр кожевников, взяв с собой сколько

[1] Епископский барский двор в Страсбурге называли Stadelhoy. Stadelarius — очевидно, его управляющий.

[2] Schuchbuze (Schuppose) — небольшой земельный участок, равный обычно 1/3—1/4 гуфы.

будет нужно из [числа] этих 12, пусть купит на деньги епископа в Майнце или Кельне. Если какой-либо ущерб потерпят в дороге как в вещах, так и из-за плена, епископ должен им возместить.

103. Право (обязанность) кузнецов таково. Когда епископ отправится в поход императора, каждый кузнец даст по 4 подковы со своими гвоздями. Из них бургграф даст епископу на 24 коня, остальные удержит [себе].

104. Если епископ отправится ко двору [императора], каждый [кузнец] дает по 2 подковы со своими гвоздями, из числа которых бургграф дает епископу на 12 лошадей, а остальные удержит [себе].

105. Кроме того, кузнецы обязаны делать все, что понадобится епископу в его дворце — или в дверях, или в окнах, — что надлежит делать из железа. При этом им дается железо, и в это время (покрываются) издержки жизни.

106. Если епископ начнет осаду какого-либо замка или у него будет осажден [замок], то [кузнецы] дадут 300 стрел. Если епископу понадобится больше, то за его счет в достаточном количестве пусть доставят.

107. Запоры и цепи для запирания городских ворот, получив общественные [средства на] расходы, должны делать кузнецы.

108. Среди сапожников есть 8 [человек], которые будут давать епископу, отправляющемуся ко двору или в поход императора, чехлы для светильников (baccinorum et cyphorum[1]). Все остальное, что понадобится для вышеуказанного или для осады замков, либо из кожаных мешков, либо in bustris[2], либо из какого угодно соответствующего [характеру] вышеупомянутых нужд снаряжения, изготовляемое из черной кожи, пусть делают за счет епископа.

109. Четверо среди перчаточников дадут епископу, отправляющемуся ко двору или в поход, сколько будет необходимо белой кожи на чехлы для светильников (baccinorum et cyphorum). Все остальное, сколько будет необходимо для вышеупомянутых вещей и для осады замков, из белой кожи пусть делают за счет епископа.

110. Седельники дадут епископу, отправляющемуся ко двору, 2 вьючных седла, в поход империи — 4. Если будет иметь нужду в большем количестве, за счет епископа пусть сделают.

111. Когда епископ отправляется в поход или ко двору, то изготовители мечей должны чистить мечи и шлемы vice-

---

[1] Baccinus — сосуд для зерна или других сухих веществ. Cyphus — тоже особый сосуд.

[2] Ящик, шкатулка, короб.

domini[1] конюшего, дворецкого, виночерпия, камерария и всех необходимых и повседневных слуг епископа. Кроме того, если окажется нужным, будут чистить охотничьи копья епископа.

112. Кружечники пусть выделывают все кружки, в скольких будет иметь нужду епископ или при своем дворе, когда [император] к нему прибудет, или [при дворе] императора, или отправляясь ко двору императора, за счет самого [епископа]. Магистр же бочаров даст последним древесный материал. Кроме этого, ежедневно будет давать дерево кружечникам епископа.

113. Бочары, получив древесный материал от своего магистра и обручи и связки a cellerario[2] епископа, пусть сделают все, в чем будет иметь нужду епископ, находясь дома, или император, или императрица, когда будут присутствовать здесь, для бани своей, и для кухни, и для нужд виночерпиев. Точно так же и когда [епископ] отправляется ко двору, все то же доставят за счет епископа. Кроме этого, на все винные бочки епископа — малые и большие — будут [набивать обручи] за его счет.

114. Право (обязанность) трактирщиков по понедельникам чистить отхожее место епископа и амбар, если этого захочет.

115. Мельники и рыбаки должны перевозить епископа по воде, куда бы [он] ни захотел, от Руста выше [по течению] и ниже Веллетора. Им телонеарий предоставит суда сколько необходимо. Сами же с веслами своими войдут [в них] и отведут их обратно до сада епископа, откуда и вывели [их], за счет самого [епископа]. Дадут же рыбаки двух людей, мельники — третьего человека. Если по своей небрежности погубят суда, то пусть заплатят. Если будут у них отняты силой, то епископ возместит.

116. Рыбаки должны ловить рыбу для нужд епископа [в промежуток времени] между рождеством св. Марии и праздником св. Михаила ежегодно в течение трех дней и трех ночей со всеми своими снастями, когда вода будет более благоприятна, в Рейне ниже [по течению] Веллетора и выше Руста, в Альзе вплоть до Эберсгейма, в Брейше вплоть до Моллесгейма, в Шуттере вплоть до Мербурга, в Кинциге вплоть до Кинцдорфа[3] за счет епископа. В этих пределах

---

[1] Vicedominus — букв. заместитель господина (т. е. епископа). Так часто назывались министериалы, ведавшие епископским хозяйством.

[2] Cellerarius — министериал, ведавший кладовой и погребом.

[3] Альза (Илл) — левый приток Рейна, впадающий в него вблизи Страсбурга, а Брейша — ее приток. Шуттер и Кинциг впадают в Рейн с правой стороны, примерно против Страсбурга.

никто пусть не осмелится лишить их [права ловить рыбу], исключая [воды], которые sub claustris coarctata est[1].

117. В Брейше от верхней стены города до нижней около св. Стефана пусть никто не осмелится ловить рыбу без разрешения епископа или его дворецкого.

118. Плотники по понедельникам должны выходить на работу епископа за его счет. Когда самым ранним утром придут [на место] перед дворцом, пусть не осмелятся уходить до звона колокола, в который ударят к ранней обедне. Если тем временем не будут взяты на работу епископа, то свободные в тот день пусть уходят. [Они] не могут быть принуждаемы идти на работу для кого-либо другого, кроме епископа.

«Ученые записки Московского государственного педагогического института им В. И. Ленина», т. 59, вып. 3, М., 1949, стр. 11—25.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В КЕЛЬНЕ В XV в.

9. 1469 г., 20 июня.
3-й цеховой устав ткачих шелковых изделий[2]

Мы, бургомистры и совет города Кельна, объявляем всем, кому предстоит увидеть и услышать эту грамоту, нижеследующее:

Наши предки — бургомистры и совет города Кельна — в год от рождества господня 1437, в мае месяце, в понедельник, следующий за днем св. Люции, учредили женский шелкоткацкий цех, утвердили его на прочных законах и предписаниях и дали означенным ткачихам устав, приложив к нему городскую печать; в этом уставе содержалась оговорка, что если бургомистры и совет найдут его в чем-либо не соответствующим общему благу, то они вправе во всякое время по мере надобности расширить или сократить его. Устав был дан по предложению и нижайшей просьбе наших дорогих и верных бюргерш и жительниц из числа ткачих шелковых из-

---

[1] Букв. «стеснена под запорами (или преградами, препятствиями)». Очевидно, участки реки, выделенные какими-то особыми запретами.

[2] В Кельне существовало четыре женских цеха: бумагопрядильный, золотопрядильный, шелкопрядильный и ткачих шелковых изделий. Сверх того, женщины входили как полноправные члены в ряд других цехов: ткачей полотна и шерстяных изделий, вышивальщиков гербов, кошелечников, поясников, заготовщиков кожи, золотых дел мастеров, золотобитов и угольщиков, бочаров, токарей, портных, скорняков, пекарей и пивоваров, рыботорговцев, мясников. И наконец, почти во всех остальных цехах, не указанных здесь, женщина могла принять участие в производстве на основании так называемого вдовьего права, предоставлявшего вдове право продолжать дело покойного мужа. Полный запрет женского труда содержится лишь в уставе панцирников.

делий, возбужденной ими из-за того, что ремесло, которым они занимались в течение ряда лет почетным и похвальным образом, стало приходить в заметный упадок, с одной стороны, из-за некоторых новшеств[1], с другой — из-за отсутствия у них до сих пор писаных законов, подобных тем, какими обладают другие ремесла; сверх того устав дан во славу всемогущего бога и нашего города, во имя общего блага и, наконец, ради того, чтобы купец, как свой, так и приезжий, не рисковал быть обманутым...

1. ... Ни одна женщина, принадлежавшая к этому цеху, не имеет права занять положение главной мастерицы по выделке шелка, не проучившись и не прослужив три года в этом цехе. Учение она должна пройти у главных мастериц цеха... Таким образом, если она не уживется у одной мастерицы, то может продолжать учение у другой, не иначе, однако, как с ведома цеха.

2. Все прослужившие три года в этом цехе могут стать главными мастерицами по выделке шелка... независимо от того, законного ли они или незаконного происхождения. Главная мастерица имеет право обучать своих детей у себя дома в течение вышеуказанного времени; затем они могут вступить в цех, внеся один рейнский гульден. Другие же ученицы, закончившие срок учения, могут вступить в цех лишь под условием взноса двух рейнских гульденов, считая, что рейнский гульден равен 3 маркам и 5 шиллингам нашей кельнской валюты...

3. Главная мастерица имеет право держать у себя одновременно не больше 4 учениц... не считая ее собственных детей.

4. Ткачиха может обучать девушек ремеслу только у себя дома, держа их на своем иждивении под угрозой исключения из цеха навсегда. Следует, однако, оговорить, что если какой-либо бюргер или житель Кельна пожелает, чтобы дочь его дома обучалась этому ремеслу у лица, изучившего его и приобретшего права мастерицы, то это разрешается...

5. Если продавщица или ученица этого цеха произведет у хозяев хищение стоимостью в 2 кельнские марки, то она лишается права заниматься этим ремеслом...

6. Девушка, желающая изучить ремесло, должна уплатить цеху 1 марку для осведомления властей о том, что она приступила к учению, чтобы ее могли записать. [Копия излагаемого устава, написанного в 1480 г., добавляет, что марка должна быть внесена в течение двух первых недель; если это не будет сделано, то ученица считается как бы не существую-

---

[1] Намек на введение машины для сучения шелка. См. ниже грамоту 1412/13 г., касающуюся шелкопрядильщиц.

щей в цехе. Начало учения считается с момента регистрации. Окончив трехлетний срок учения, продолжает устав 1480 г., девушка должна в течение ближайшего года вновь явиться к старшинам мужского и женского пола и зарегистрироваться как прослужившая свое время. Не сделавшая этого не считается окончившей учение.]

7. Запрещается вышеупомянутым мастерицам и их мужьям производить шелковые изделия из пряжи, изготовленной не в Кельне, и отдавать их красить. Нарушившие это правило караются отобранием шелка, половина которого поступает в пользу совета и бургомистра, а другая половина — в пользу старшин (мужского и женского пола) цеха. К тому же означенные лица теряют право в будущем заниматься производством шелковых изделий.

8. Красильщики шелка в нашем городе имеют право работать только для главных мастериц. Это постановлено для того, чтобы сохранить источники пропитания наших бюргеров, бюргерш и жителей. Красильщик шелка, нарушивший этот пункт, уплачивает 100 марок штрафа и подвергается в течение месяца заключению в городской башне. Мастерицам же запрещается давать ему работу, пока он не уплатит штрафа.

[Копия 1480 г. дополняет этот пункт следующими постановлениями.] Прежде чем приступить к занятию своим ремеслом, красильщики должны явиться к нашим двум членам совета [1] и старшинам цеха, показать им свое искусство и присягнуть на верность последнему пункту. Работа красильщиков и красильщиц должна подвергаться осмотру в их домах, когда мы и цех сочтем нужным его произвести. Они обязаны также являться на суд доверенных совета и наших старшин. Не повинующийся этому закону уплачивает указанный выше штраф и подвергается указанному выше наказанию [2].

9. Запрещается окрашивать шелк... вайдой. Нарушивший это правило уплачивает 5 марок штрафа с каждого фунта шелка...

10. Если какой-либо венецианец, верденец или кто-либо иной, проживающий в нашем городе Кельне, привезет сюда водным или сухим путем сученый шелк [3], крашеный или не-

---

[1] О «наших членах совета» или «доверенных совета» см. ниже.

[2] Красильщики шелка составляли первоначально один общий цех с красильщиками полотна. Таково было положение по уставу красильщиков, данному им в 1397 г. Но, как видим, красильщики шелка вместе с тем находились под контролем женского шелкоткацкого цеха. Позднее они отделились от красильщиков полотна. Устав 1506 г., не приводимый нами здесь, сливает их с шелкоткацким и шелкопрядильным цехами.

[3] Шелк-сырец шел преимущественно из Венеции либо сухим путем (а также по Рейну через Франкфурт), либо же на венецианских кораблях через Брюгге или Антверпен. По обработке шелка Кельн занимал в XV в.

крашеный, чтобы отдать его здесь в дальнейшую переработку, и он же станет ходить с сырым шелком, ища таким образом пропитания... то мастерицам запрещается покупать у него сырой шелк. Мастерицы, нарушившие это правило, уплачивают 1000 марок штрафа.

11. Если какая-либо главная мастерица нашего города уедет отсюда, то она теряет после этого право заниматься у нас своим ремеслом. Это постановлено для того, чтобы защитить интересы купца.

12. ... Ни ткачихи шелковых изделий, ни кто-либо по их поручению не имеют права изготовлять парчу, иначе как из парчевого шелка; уток должен быть из золота и серебра такого качества, как это принято в нашем городе. Нарушение этого правила карается 5 марками штрафа с каждого фунта шелка.

13. Шелковые шнуры разрешается делать лишь так, чтобы уток был из парчевого шелка; при желании можно примешивать хороший шнуровой шелк. Нарушивший это постановление уплачивает 5 марок штрафа.

14. Запрещается примешивать к парче или шнурам крашеную или некрашеную пряжу. Нарушивший это правило теряет право заниматься выработкой шелковых изделий, а товар, изготовленный таким образом, сжигается.

15. Запрещается кому бы то ни было прясть шелк из узлов... или продавать узлы в сыром виде; совершивший этот проступок наказывается отнятием шелка и узлов, которые подвергаются сожжению. Сверх того он уплачивает с каждого фунта пряжи 40 марок штрафа [1].

16. Мастерицы, принадлежащие к шелкоткацкому женскому цеху, не имеют права отдавать шелк для прядения или другой обработки лицам, живущим вне Кельна, а также бегинкам [2] и духовным, проживающим в монастырях и скитах... Нарушившие это правило лишаются права заниматься своим ремеслом.

первое место в Германии. Как велико было количество привозимого сюда шелка-сырца, видно по данным Гееринга («Kölns Koloni aewarenhandel vor 400 Jahren»). Последний исчисляет его в период времени от 1491 до 1495 г. в 94 тыс. кельнских фунтов в год. Количество шерсти, привозившееся ежегодно в Кельн в тот же период времени, равнялось 64 тыс. кельнских фунтов, количество хлопка — 27 тыс. кельнских фунтов. Таким образом, ввоз шелка-сырца относился к ввозу шерсти и хлопка как 9 : 6 : 3. Приведено у *Koch,* Geschichte des Se densgewerbe in Köln, II. 1904. («Staats — und sozialwissensch. Forsch.», Heft 128).

[1] Узлами назывались концы шелковых нитей (основы), прикрепляемые во время тканья к ткацкому станку. По окончании работы их предписывалось обрезать и бросать. Их дальнейшая переработка запрещалась.

[2] Бегинки — мирские женские союзы для благотворительных целей.

17. ... Тем, которые за заработную плату прядут шелк, делают парчу или шнуры или как-либо иначе участвуют в изготовлении шелковых изделий, следует платить по обычной норме и не иначе как деньгами, имеющими хождение в Кельне, а не каким-либо другим товаром. Нарушивший это правило уплачивает штраф в размере стоимости того товара, за производство которого была дана заработная плата.

18. Если какая-либо мастерица разрежет шелк, данный ей кем-либо для обработки за плату... затеряет, продаст или заложит его христианам или евреям, то никто не должен давать ей больше работы... пока она не удовлетворит того, кому принадлежал шелк, и не заплатит ему за пропавшее добро. Нарушивший это правило уплачивает каждый раз 5 гульденов штрафа.

19. Главным мастерицам разрешается красить только собственный шелк. Нарушившие это постановление лишаются права заниматься ремеслом...

20. Все лица, принадлежащие к этому цеху, обязаны оказывать повиновение старшинам во время обхода, совершаемого этими последними для осмотра шелка и шелковых заведений (копия 1480 г. пишет: нашим членам совета, а также старшинам). Оказавший сопротивление словом или делом платит рейнский гульден штрафа и тем не менее все-таки должен представить свою работу старшинам для суждения о ней.

21. Если старшины найдут, что работа неправильно исполнена и не является добротным товаром, то они отбирают его и представляют властям. Тот, у кого найдено это изделие, должен сам разрезать его на куски и сверх того уплатить с каждого лота по 2 шиллинга штрафа.

22. ... Лица, не принадлежащие к женскому шелкоткацкому цеху и продающие в Кельне шелк и шелковые изделия, должны следить за тем, чтобы они были хорошего качества и являлись добротным товаром. Если старшины при осмотре найдут, что это не так... то продавец такого плохого шелка платит с каждого фунта 4 марки штрафа.

23. Каждый год главные мастерицы совместно выбирают двух мужчин (копия 1480 г. пишет: двоих из числа своих мужей, которые занимаются торговлей[1]) и двух женщин, принадлежащих к этому цеху, в старшины; однако муж и жена не могут одновременно занимать должность старшин... По окончании срока старшины лишь два года спустя могут быть вновь избраны на эту должность. Они обязаны собираться каждые две недели для обсуждения дел, касающихся цеха, и творить суд по мере надобности. Каждый из них

[1] Т. е. торговлей шелком,

получает по 4 шиллинга вознаграждения за каждое заседание.

24. Если кто-либо, занимающийся этим ремеслом, будет призван властями на суд и не последует призыву, то он платит штаф в размере 3 вейспфеннигов (букв. белых пфеннигов) за первое ослушание, 6 — за второе и 2 марок — за третье.

25. Одна треть штрафов, взыскиваемых старшинами (копия 1480 г. пишет: доверенными совета и старшинами), поступает ежегодно в пользу города, вторая треть — в пользу цеха, а третья — в пользу того, кто донес и сообщил.

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М., 1936, стр. 25—29.

10. 1470 г., 22 августа. 4-й цеховой устав ткачих шелковых изделий

18. ... Мастерицы и занимающиеся этим ремеслом не имеют права продавать шелк лицам, относительно которых они знают или предполагают, что лица эти приобретают шелк для спекулятивных целей. Кто нарушит это правило, штрафуется уплатой в пользу городской казны половинной стоимости проданного товара.

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М., 1936, стр. 30.

11. 1470 г., 24 октября. Дополнительная грамота к цеховому уставу от 22 августа 1470 г. [1]

Мы, бургомистры и совет города Кельна, объявляем всем через посредство этой грамоты, что по предложению наших дорогих бюргеров и бюргерш из цеха ткачих шелковых изделий мы в интересах общего блага, а также чтобы предотвратить возможность обмана в торговле шелком и поддержать честь и страх в управлении цехом, постановили нижеследующее:

1. Запрещается лавочникам и лавочницам нашего города продавать шелковые материи и шелковые шнуры, не сработанные главными мастерицами Кельна. Если у лавочника или у лавочницы будет найден подобного рода товар ... то старшинам цеха принадлежит право наказать его согласно постановлениям основной грамоты.

---

[1] Такого рода дополнительные грамоты носили название Transfixbriefe, т. е. букв. грамота, прикрепляемая насквозь, так как она прикреплялась к основной грамоте, которая прокалывалась для этой цели.

3. Нам надлежит выбирать двоих членов совета таким образом, что каждый из них остается в должности год, но каждые полгода один из них выбывает и вместо него выбирается новый. Эти лица по желанию старшин цеха обязаны во всякое время совершать с нами обход, осматривать работу и содействовать наказанию виновных ... Старшины обязаны давать доверенным совета вознаграждение за такие обходы[1].

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов.
Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М.,
1936, стр. 30.

12. 1480 г., 55-й цеховой устав ткачих шелковых изделий

5. Кто три года обучался этому ремеслу и не хочет[2] самостоятельно заняться им, может работать по найму; но нельзя брать к себе и допускать к работе девушку, не проучившуюся положенного числа лет.

11. Запрещается самим красить шелк; его надлежит отдавать для этого красильщикам...

21. Работающие над изготовлением шелковых изделий по найму, а именно: прядильщицы, изготовительницы шнуров, сучильщицы и другие, должны получать заработную плату монетой, имеющей хождение в Кельне, в следующем размере: за выработку 1 фунта шелковой пряжи для чепцов из таланского[3] или еще более высокосортного шелка-сырца — 14 кельнских альбусов; за выработку 1 фунта шелковой пряжи для чепцов или для вязки из сырца по качеству ниже таланского шелка, как-то: так называемая Kammerfrauenseide, мессинский шелк и так называемая recalica, — 12 альбусов; за выработку 1 фунта пряжи из шелковой смеси разных сортов — 8 альбусов; за выработку 1 фунта шелковой пряжи для шнуров — 5 альбусов; за выработку парчи по ширине основы — как установлено обычаем (в частности, от 8 до 12 альбусов за 1 фунт ткани).

Эта плата не может быть выдаваема никаким товаром. Нарушивший это правило уплачивает штраф в размере стоимости той работы, за которую дана была заработная плата. Штраф делится пополам между бургомистром и советом, с одной стороны, и шелкоткацким женским цехом — с другой.

Если окажется, что работницы пряли или ткали шелк не для законных мастериц, или что они, приступив к прядению

---

[1] Немецкое обозначение этих доверенных совета — Ratsfreunde, т. е. букв. друзья совета. Все женские цехи Кельна находились под контролем таких доверенных.

[2] Правильнее было бы сказать: не может.

[3] Таланский шелк шел из Талиша — местность в Закавказье у Каспийского моря, откуда привозились лучшие сорта шелка.

или тканью, раздавали затем материал другим женщинам, которые смешивали его с другими сортами шелка, или что они пряли и ткали свой шелк, то таким женщинам не следует больше давать работу. За нарушение этого пункта взыскивается 5 марок штрафа.

31. ... Доверенный совета и старшины обоего пола... обязаны не реже одного раза в месяц призывать к себе старшин цеха шелкопрядильщиц, а также красильщиков шелка, чтобы установить, не было ли каких-нибудь неправильностей в отношениях между ткачихами и этими лицами (прядильщицами и красильщиками), особенно по вопросам, касающимся заработной платы... Они должны судить и наказывать виновных согласно постановлениям цеховых уставов.

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М., 1936, стр. 30—31.

13. 1490—1491 гг. Доклад об отрицательных сторонах шелкового производства, представленный Кельнскому совету Гергардом фон Везелем [1]

Следует знать, что почтенные друзья из цеха ткацких шелковых изделий в Кельне получили от совета устав, который они ... с поднятыми руками, произнося слова присяги, именем бога и святых поклялись соблюдать.

1. П. 3 этого устава гласит... (следует изложение п. 3 устава 1469 г.).

...По-видимому, только 4 или 6 мастериц, настолько богатых, что они в состоянии тратить ежегодно от 2 до 3 тысяч гульденов на покупку шелка-сырца, обучают учениц и собственных детей, извлекают отсюда пользу... и занимают положение главных мастериц в цехе, а почтенные лица, изучившие ремесло... не почитаются за главных мастериц в цехе... не могут иметь учеников и обучать своих детей... и не получают соответствующей выгоды, хотя они и владеют ремеслом так же хорошо, как и те, которые обрабатывают свой материал, и даже, быть может, лучше их. Создается такое положение, что мастерицы, не работающие над своими материалами, не находятся под охраной прав, гарантируемых уставом, между тем как в других кельнских цехах, как, например, у золотых дел мастеров, щитовиков и других, как богатые, так и бедные в равной мере пользуются правом держать учеников или учениц.

---

[1] Гергард фон Везель, кельнский купец и общественный деятель конца XV в., был в разное время членом совета многих городских комиссий, судьей, кельнским послом при королевском дворе, бургомистром и рентмейстером (казначеем). Особую известность приобрел своими финансовыми проектами.

2. П. 6 устава гласит... (следует изложение п. 7 устава 1469 г.). Наступит время, когда станет известно, что шелковая пряжа, идущая из Венеции, подверглась здесь окраске и переработке.

3. Говорит о допущении к работе мастериц, покинувших Кельн, вопреки п. 2 устава 1469 г.

4. Говорит о противозаконной обработке узлового шелка вопреки п. 15 устава 1469 г.

5. П. 15 устава гласит... (следует изложение п. 16 устава 1469 г.).

Прекрасно известно, как этот пункт соблюдался и соблюдается кое-кем из тех, кто присягнул на верность уставу. Осмотрите и обыщите многие монастыри и скиты, вы убедитесь в этом.

6. П. 16 устава гласит... (следует изложение п. 17 устава 1469 г.).

К сожалению, людям и богу хорошо известно, как соблюдался и ныне соблюдается этот пункт; проповедники с давних пор много говорили об этом... Но к сожалению, улучшения заметно мало; денег... не дают или же дают их в ничтожном количестве, а вместо них дается товар, в частности шелк, английское и другое сукно... которое затем приходится продавать. Перед нашими глазами проходят примеры бедняков, принимающихся за прядильную и ткацкую работу, чтобы спасти себя от голода и жажды. Они принуждены брать от мастериц шелковую материю, оцениваемую мастерицей в 19 кельнских марок, между тем как они не могут продать ее затем даже за $14^{1}/_{2}$ или 15 марок, или же их заставляют брать сукно, оцениваемое мастерицей в 6 марок, которое они рады затем сбыть с уступкой третьей части цены. Многие лица, принадлежащие к шелкоткацкому женскому цеху, вступают одновременно в цех розничных торговцев сукном, пользуясь таким образом двойным источником пропитания... Эти бедняки, а также посредницы разносят по городу такого рода мелочный товар, продавая его с убытком, чем чинят подрыв розничной торговле сукном, которая всегда была крупным источником пропитания, уменьшают доход от акциза, идущего в пользу города, и вместе с тем поневоле совершают беззаконие.

7. П. 17 устава гласит... (следует изложение п. 18 устава 1470 г.).

Как соблюдался и ныне соблюдается этот пункт, легко понять из только что сказанного. Если при выдаче заработной платы фунт шелка оценивается в 19 марок, а затем может быть продан не больше чем за 15 марок, то как же назвать подобного рода сделки, как не ростовщическими?

Почтенный совет мог бы узнать у посредниц, почему бедняки берут вместо заработной платы такую материю.

Те ткачихи шелковых изделий, которые недавно продали кое-каким князьям и каноникам шелк, взятый у канонисс Эссенского монастыря на дровяном рынке[1], прекрасно знали, что эти князья и каноники отнюдь не купцы, сбывающие шелк во Франкфурт и другие места[2]. Если бы почтенный совет захотел узнать причину этого, то, быть может, нашлись бы посредники, которые сумели бы раскрыть ее.

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов.
Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М.,
1936, стр. 31—33.

14. Шелкопрядильщицы[3]. 1412—1413 гг.

Да будет известно, что к нам явился Вальтер Кезенгер, предложивший построить колесо для прядения и сучения шелка. Но, посоветовавшись и подумавши со своими друзьями... совет нашел, что многие в нашем городе, которые кормятся этим ремеслом, погибнут тогда. Поэтому было постановлено, что не надо строить и ставить колесо ни теперь, ни когда-либо впоследствии.

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов.
Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М.,
1936, стр. 33.

15. Шелкопрядильщицы. 1456 г., 1 декабря

[В 1456 г. шелкопрядильщицы Кельна обратились к городскому совету с жалобой на то, что в женских монастырях Кельна в большом количестве прядется шелк, чем чинится подрыв ремеслу светских шелкопрядильщиц. Последние, по их словам, пришли в крайнюю бедность и принуждены будут совсем покинуть город, если совет не запретит монастырям заниматься шелкопрядением. Обитательницы монастырей возражали на это, что они сами дети бюргеров, никакого другого ремесла, кроме шелкопрядения, не знают и ничем другим прокормить себя не могут. Тогда совет прибег к компромиссному решению. Восьми женским монастырям Кельна,

[1] Очевидно, речь идет о конфискации шелковой пряжи, которую канониссы выткали незаконным образом. См. приведенную ниже грамоту от 1456 г.

[2] Главным местом сбыта кельнского шелка издавна была Франкфуртская ярмарка. Во время ярмарок весь кельнский шелкоткацкий цех перекочевывал во Франкфурт. Сверх того, кельнские шелковые изделия сбывались еще в Страсбург, позднее в Лейпциг и Наумбург и, наконец, морским путем шли в Англию, на север и восток. В этом последнем направлении складочным местом являлся Антверпен.

[3] Шелкопрядильщицы с 1459 г. составляли особый цех, находившийся, однако, в зависимости от цеха ткацких шелковых изделий.

перечисленным поименно, разрешено было в течение еще 10 лет заниматься шелкопрядением с тем, однако, условием, чтобы еженедельная выработка пряжи не превышала очень ограниченного количества фунтов, строго установленного для каждого монастыря (от 2 до 6 фунтов). Ткачихам же и ткачам шелковых изделий запрещено было под угрозой штрафа в 25 марок раздавать монастырям работу в количестве, превышающем установленную норму.]

«Немецкий город XIV—XV вв.». Сб. материалов. Под ред. В. В. Стоклицкой-Терешкович, М., 1936, стр. 34.

III. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ XIII—XV вв.

16. Привилегия Фридриха II князьям церкви (1220 г.)

Во имя святой и нераздельной троицы Фридрих II... божьей милостью римский король, всегда священный, и король Сицилии. Размышляя с должным вниманием о том, с какой силой и верностью возлюбленные и верные наши князья-епископы до сих пор помогали нам, возводя нас на высоту престола, поддерживая нас на оном и, наконец, благосклонно и согласно выбрав своим королем и господином сына нашего Генриха, мы решили всегда возвеличивать тех, кто возвеличил нас... А посему, ввиду того что на тягость им выросли во время долгой смуты в империи ныне, благодарение создателю, рассеянные разные обычаи или, вернее, злоупотребления, как-то: новые таможни, монета, которая зачастую сама себя обесценивает сходством чекана, бесчинства фогтов их церквей и иные беды, коим нет числа, мы решили воспротивиться сим злоупотреблениям с помощью некоторых постановлений.

1. Во-первых, обещаем, что никогда впредь после смерти какого-либо церковного князя не будем присваивать фиску его наследства; также запрещаем любому мирянину присваивать его себе под каким бы то ни было предлогом, но пусть отойдет оно к преемнику, если предшественник умер без завещания; его завещание, если сделает таковое, мы считаем действительным. Если же кто вопреки этому постановлению осмелится присвоить себе наследство, то пусть считается опальным и вне закона и пусть навсегда лишится феода или бенефиция, если имеет таковой.

2. Также впредь не будем без их совета или против их воли вводить новые пошлины и новые монеты в их территориях или в подсудных им областях, но будем крепко и неизменно сохранять и защищать старые пошлины и монетные

права, уступленные их церквам, и сами не будем их нарушать и не позволим нарушать другим...

3. А людей, состоящих у них в крепостной зависимости того или иного рода и уклонившихся по какой-либо причине от своих по отношению к ним обязанностей, мы не станем принимать в города наши во вред их господам. Желаем также, чтобы это положение соблюдалось как ими самими между собой, так и светскими господами по отношению к ним.

5. Если кто из них изобличит по ленному праву своего вассала, который его оскорбил, и вернет тем самым его феод, мы сохраним этот феод для него. И если он по своей доброй воле и щедрости захочет нам передать феод, то мы примем его независимо от нашей дружбы или вражды. Но если у церковного князя случится пустовать каким-либо образом феоду даже благодаря смерти инфеодированного, то мы собственной властью, точнее, насилием в него ни в коем случае не вступим, если не сможем получить по доброй воле и щедрой уступке, а, наоборот, всемерно будем защищать феод для него.

7. И так как меч светский создан в помощь мечу духовному, то вслед за отлучением, [произведенным прелатом — князем церкви]... последует наша опала, и она не отменяется до снятия отлучения.

9. Также постановляем, чтобы никакие постройки, именно замки и города, не воздвигались в поместьях церквей либо для фогта, либо под каким-нибудь другим предлогом. И если какие случайно воздвигнут против воли тех, кому принадлежат поместья, то пусть будут королевской властью разорены.

10. Также по примеру деда нашего, блаженной памяти императора Фридриха, запрещаем кому бы то ни было из королевских чинов наших присваивать себе в городах этих князей какую-либо юрисдикцию в таможенных, монетных и иных делах, кроме как только в течение недели до заседания нашей курии, объявленной там всенародно, и в течение недели после нее. Но и в течение этих дней пусть не осмеливаются они в чем-либо преступать юрисдикцию [местного] государя и обычаи города. Всякий же раз, как мы вступим в какой-либо город не ради заседаний государственной курии, они в нем не будут иметь никаких прав, но местный государь и господин пусть пользуется всей полнотой власти.

11. ...А чтобы ведомо было потомкам и не выпало из памяти и из ведения современников, мы приказали приписать это к сей грамоте и грамоту снабдить подписью имен присутствующих, т. е. князей, и скрепить печатью нашей...

Свидетелями были [4 архиепископа, 9 епископов].

«Средневековье в его памятниках». Под ред. Д. Н. Егорова, М., 1913, стр. 196—198.

17. Отмена городских и ремесленных вольностей (1231—1232 гг.)

...Фридрих II... Пожелав, чтобы вольности и милости, которыми по высочайшему нашему дарению ныне и впредь будут обладать наши имперские князья, толковались самым широким образом и применялись вполне свободно и беспрепятственно, мы санкцией настоящего эдикта совершенно отменяем и кассируем во всех городах и местах Германии коммуны, советы, бургомистров, ректоров и всяких других должностных лиц, которые ставятся городской общиной без соизволения архиепископов или епископов. Отменяем также и кассируем для всех ремесел братства, или товарищества, как бы они ни назывались в народе. Также мы решили постановить санкцией этого эдикта, чтобы в каждом городе или месте, где существует чекан монеты, ни товары, ни съестные припасы не продавались и не покупались на иные деньги, кроме тех денариев, которые приняты в данном городе или месте. Как в былые времена города и владения, даруемые императорским величеством, находились в ведении архиепископов и епископов, так и ныне мы желаем, чтобы они неизменно оставались в ведении их самих и их должностных лиц, специально ими назначенных, а обычай какого-либо города, если он и противоречив, тому не помеха: мы считаем его фактом, а не правом. И вот, чтобы столь чудовищный лжеобычай был совершенно устранен и не прикрывался каким-либо авторитетом, мы отныне и впредь окончательно отменяем и объявляем совершенно ничего не значащими и пустыми все привилегии, патенты и грамоты, данные либо нашей милостью, либо предшественниками нашими, а также архиепископами и епископами какому-либо городу относительно сообществ, коммун и советов в умаление власти князей, империи или частных лиц. При этом мы заявляем, что положения настоящего нашего постановления, составленные на основании законов кесарей и в полном сознании нашей правоты, вышли в форме имперского постановления. А посему постановляем и скрепляем императорским эдиктом, чтобы ни один человек ни из знатных, ни из простых, ни из церковных, ни из светских никогда и никоим образом не осмелился противодействовать или не подчиняться этому нашему торжественному постановлению. Если кто отважится, то пусть знает, что кроме немилости нашей он подвергнется штрафу в 40 фунтов чистого золота, который пойдет в наш фиск.

[Засвидетельствовано 14 архиепископами и епископами, 3 герцогами, 6 графами и другими лицами.]

«Средневековье в его памятниках».
Под ред. Д. Н. Егорова, М., 1913, стр. 198—199.

18. Привилегия князьям (1232 г.)

...Фридрих II, божьей милостью римский император августейший, король иерусалимский и сицилийский. Величие нашего императорского сана и благо государственного управления только тогда пребывают в мире и справедливости, когда мы проявляем должную заботу о наших князьях и магнатах, на которых, как голова на славном теле, покоится наша империя. Итак, да будет известно настоящим и будущим, что мы вместе с нашим любезным сыном Генрихом, королем римским, собрались в Форо Юлио у Сибидата и по просьбе князей и магнатов, которых прибыло туда множество, подтвердили и укрепили нашим авторитетом пожалованные королем и сыном нашим [Генрихом] милости и привилегии его курии в Вормсе [1231]...

1. Итак, подтверждаем и постановляем в соответствии с тем, что пожаловал сын наш, что ни мы, ни кто-либо другой не будет возводить крепости и города в округе церквей под предлогом фогтства.

2. Точно так же не будут учреждаться новые рынки во вред существующим исстари.

3. Пусть каждый пользуется полной свободой посещать какой хочет рынок.

4. Не должны также чиниться препятствия в пользовании старыми дорогами, если ими желают пользоваться путешествующие.

5. Во всех наших городах отменяется «запретная миля».

6. Пусть каждый князь свободно и беспрепятственно пользуется всеми правами юрисдикции, а также графствами и сотнями, как принадлежащими ему по наследству, так и инфеодированными, в полном соответствии с обычаями своей земли.

7. Сотенные графы (centumgravii) пусть получают сотни от владельца земли или от тех, кто инфеодирован ими.

8. Никто не может изменить местоположение сотни без согласия господина земли.

10. Чтобы горожане, именуемые пфальбюргерами[1], были полностью изгнаны [из королевских городов].

11. Чтобы винный чинш, деньги, зерно и прочее, что обязались платить крестьяне [городам]... больше не взимались.

12. Чтобы в наши города не принимались люди, принадлежащие князьям, магнатам, министериалам и церквам.

13. Чтобы собственность и лены, занятые нашими городами у князей, знати, министериалов и церквей, были освобождены и в дальнейшем не занимались.

---

[1] Пфальбюргеры — люди, имеющие земельную собственность за пределами города.

14. Ни нами, ни нашими людьми не будут чиниться никакие препятствия правам князей осуществлять свободное передвижение по землям, полученным от нас в феоды.

16. В наши города не будут приниматься осужденные, беглецы и скрывающиеся от преследования, а принятые будут выдаваться.

17. Обещаем, что в округе какого-либо князя впредь не будем открывать монетных дворов, из-за чего обесценивалась бы монета этого князя.

18. Наши города не будут распространять свою юрисдикцию за пределы городской черты, если только не имеют права на специальную юрисдикцию.

19. Пусть в наших городах судебные дела разбираются по месту жительства обвиняемых или по месту поимки преступников и должников...

20. Никто не может взять в залог имущество, полученное в качестве феода, без согласия высшего господина.

21. Чтобы люди, проживающие в наших городах, выполняли в пользу своих господ положенные и законные повинности от всего своего имущества и чтобы их не беспокоили незаконными повинностями.

23. Чтобы зависимые люди, находящиеся под фогтской или вотчинной властью, если они пожелают уйти к своим господам, не удерживались нашими служащими.

Свидетели: [4 архиепископа, 3 епископа, 1 аббат, 3 герцога, 3 графа, ряд имперских министериалов и др.].

«Monumenta Germaniae Historica. Legum, sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum Germaniae», t. II, ed. L. Weiland, Hannoverae, 1896, N 171, p. 211.

19. Объединение четырех курфюрстов для выборов короля (11 сентября 1273 г.)

Мы, Энгельберт, божьей милостью архиепископ св. Кельнской церкви и канцлер Священной империи для Италии, объявляем для сведения всех присутствующих, что с почтенными отцами... господином... Майнцским и господином... Трирским архиепископами, в настоящее время здесь восседающими, и с господином... герцогом Баварии графом Рейнского палатината являемся связанными союзом, дав взаимно обещание вместо присяги, обязывающее нас при выборах римского короля, предстоящих в ближайшее время, выступать единодушно и согласно без лжи и обмана, так что, если трое из нас согласятся, четвертый без всякого возражения будет следовать за ними, с тем чтобы избрать того, кто будет заботиться о нашей и его выгоде и чести; и мы обяжем того, кого изберем, блюсти его интересы как наши собственные,

чтобы он не понес никакого ущерба, как и мы сами. Господин же Майнцский архиепископ обещал за господина Трирского архиепископа оставаться в составе названного союза; если он откажется, мы с названными двумя... будем оставаться в согласии по указанной выше форме, в свидетельство и подтверждение чего настоящее соглашение скрепляем нашими печатями.

Дано в Бопарде 3 сентября 1273 г.

«Monumenta Germaniae Historica. Legum, sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum Germaniae», t. III, ed. L. Weiland, Hannoverae, 1896, N 6, p. 11.

20. Объединение городов Рейна и Веттерау для сохранения государственного единства (5 февраля 1273 г.)

Мы, уполномоченные, рыцари, консулы, шеффены и все остальные граждане городов Майнца, Вормса, Опенгейма, Франкфурта, Фрейбурга, Ветфлара и Гейлингузена, объявляем во всеуслышание настоящим письмом, что во имя бога и на благо всей нашей земли клятвенно согласились постоянно соблюдать настоящий договор и взаимно обязуемся о нижеследующем: так как корона империи в настоящее время не занята и если господа курфюрсты, избирающие Римских королей, согласно представят нам одного короля, мы каждый в отдельности в зависимости от своего положения будем оказывать ему должное почтение, но если названные князья при избрании короля — да отвратит их господь от этого — разойдутся и захотят избрать нам многих королей, мы таких королей никогда в свои города не впустим и не окажем никому из них никакой помощи...

«Monumenta Germaniae Historica. Legum, sectio IV. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum Germaniae», t. III, ed. L. Weiland, Hannoverae, 1896, N 3, p. 9.

21. Низложение Адольфа Нассауского (1298 г.)

...Хотя мы с надлежащим почтением и мягкостью неотступно настаивали и просили светлейшего господина нашего Адольфа, первейшего из светских князей, о соблюдении общего мира, о том, чтобы он сам исправился, искупил свои проступки и достойно загладил бесчинства, оный князь... подражая жестокости фараоновой и, яко аспид, затыкая уши свои, презрел с гордым упрямством и упрямой гордостью сии наши просьбы и спасительные увещания. А посему не в силах без тяжкого оскорбления Христа переносить дольше его несправедливости мы принуждены... всемерно покарать его по всей справедливости.

Ведь в его царствование, чтобы умолчать о других его преступлениях, что, увы, доказывают со дня на день как очевидность дела, так и общий крик народа, поднимающийся со вздохами и слезами к небесам, в наши дни, говорим со скорбью, право, порученное охране его меча, в делах служителей церкви и государства распинается им самим и его клевретами, разнузданными донельзя; страх же божий забыт, и деяния сии являют неистовства язычников и явно оскорбляют веру христианскую. Ведь он и его приспешники, врываясь святотатственно и насильственно в разные церкви, бросали — о чем страшно подумать и на что нельзя молча, без содрогания глядеть, — бросали величайшую церкви божьей святыню, самое тело господа нашего Иисуса Христа, бросали кощунственно, схватив дарохранительницу, на землю как вещь обыденную. Даже священники, церковные люди и монахи, не говоря уже о мирянах и простых, спасающиеся в церковь божью к самому престолу, после похищения чаш и церковных украшений подвергаются и во время богослужения ограблению вплоть до нижнего платья, избиваются и порой убиваются; алтари обнажаются, баптистерии взламываются и церкви поджигаются, после того как со святотатственным дерзновением похищены вещи бедных и богатых, положенные там на сохранение; церковные судьи и светские власти за правосудие, оказанное жалобщикам, неправосудно наказываются; честные же иереи, поставленные канонически, согласно церковному обычаю, местным епископом, низлагаются, а на их место злоупотреблением светской власти ставятся нечестные, которые посвящены неизвестно кем.

...И чтобы умолчать об остальных преступлениях вышеназванного короля, он совершил нечто весьма тяжкое, чего нельзя скрыть никаким вилянием: он многократно осквернял общий земский мир, скрепленный присягой как его самого, так и жителей германского королевства, знатных и простых, неся насилие и разорение и совершенно не соблюдая присяжных договоров между ним и нами о сохранении прав нашей церкви.

Совершил также святотатство, приказывая хватать прелатов, клириков, монахов и [находящихся под охраной церкви] мирян; кроме того, много издал он статутов и ввел обычаев, направленных на подрыв церковной свободы, желая подчинить церковь рабству и государственным повинностям, от которых она вполне изъята, и, что еще тяжелее, у епископов и прелатов, добивающихся принадлежащих им прав, он исторгает большие дары мерзкой симонии... совершенно отказывает им в праве, если они наперед не дадут и не назначат ему что-либо из своего имущества и из владений своей церкви. Итак, благодаря ему, как бы главному гонителю

церкви, извращается церковный чин и ослабляется основа церковной дисциплины.

Также против бога и справедливости, словно сеятель несогласия, многократно пытался он без разумной причины посредством хитростей, обмана и неких дьявольских козней лишить званий, почестей, имущества и прав князей Германии, как духовных, так и светских: архиепископов, епископов, прелатов, герцогов, маркграфов, графов и баронов; и вознамерился истребить в корне князей...

...По рассмотрении и тщательном обследовании князьями и иными бывшими налицо мудрыми людьми вышеназванный король Адольф вследствие устных свидетельств очень многих честных людей и других законных данных оказался явно и доподлинно замешанным в упомянутых бесчинствах и преступлениях. Сверх того, король этот был найден неподходящим и бесполезным для столь великого правления и столь великой власти, как это доказала тяжелая, все более и более разраставшаяся по всей Германии бранная смута, безумно вызванная им самим и его людьми, т. е. теми, которые скорее должны были ее заглушить. Посему после тщательного рассуждения с курфюрстами, епископами, прелатами, герцогами, графами, баронами и всеми мудрыми, здесь находящимися, по общему решению, воле и единодушному согласию тех, кого это касается, вышеназванного господина Адольфа, который показал себя столь недостойным королевской власти и который за свои злодейства и прочие дела отвергнут богом, мы лишаем царства — да не царствует более! И открыто заявляем, что лишил его господь, и тем самым согласно единодушно выраженному решению курфюрстов постановляем освободить от нерушимой присяги всех тех, кто связан с ним оной, накрепко запрещая кому-либо впредь повиноваться и служить ему как королю.

Дано в Майнце в год 1298...

«Средневековье в его памятниках».
Под ред. Д. Н. Егорова, М., 1913, стр. 204—206.

ИТАЛИЯ В XII—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

XII—XV века в истории Италии — время расцвета городов, значительного усиления влияния товарно-денежных отношений на всю экономику страны. В передовых городских центрах (Флоренции, Сиене, Перудже) появляются раннекапиталистические отношения. В деревне по-прежнему преобладали феодальные земельные держания: наследственные либеллярные договоры с широкими правами распоряжения участком (док. № 1), а также различные виды краткосрочной аренды (док. № 2—4), в числе которых была и знаменитая испольщина (меццадрия). Док. № 5—9 свидетельствуют о разных формах освобождения крестьян от крепостной зависимости и среди них — освобождение крестьян городами.

Выдержки из городских статутов XIII—XV вв. (док. № 12—13, 17—19), из постановлений судебных курий и нотариальных актов (док. № 10—11, 20—21) рисуют политику города в отношении крестьян округи. Они содержат предписания относительно условий крестьянской аренды, обязанностей арендаторов земель в городской округе, мерах по принуждению к несению повинностей «злостными» неплательщиками чинша и т. д.

Извлечения из статута сельской коммуны Аверрара (Северная Италия) 1313 г. (док. № 22) свидетельствуют о том, что объединения крестьян — сельские коммуны, существовавшие повсюду в Северной и Средней Италии XIII—XIV вв., — добились в период их расцвета значительных прав: возможности издавать свои законодательные постановления, избирать собственных должностных лиц вплоть до самых высших, распоряжаться общинными угодьями. Выдержки из статута 1368 г. сельских коммун Аверрара и Толеджо (док. № 23) отражают изменения в административных и финансовых правах сельских коммун после их подчинения Милану.

Восстание Дольчино представлено двумя документами: док. № 24 принадлежит автору, жившему в том же веке, по-видимому, одному из инквизиторов, допрашивавших Дольчино после его пленения в 1307 г. В этом источнике отражена программа движения, устанавливается преемственность идей и деятельности Дольчино и его предшественника и основателя движения братьев-апостолов Герардо Сегарелли. Док. № 25 анонимного автора, современника событий, сообщает об обстоятельствах гибели Дольчино и его сподвижников.

Док. № 26, отрывок из «Флорентийской хроники» Дино Компаньи, сообщает о борьбе против власти патрициата во Флоренции и установлении новой конституции 1293 г. («Установления справедливости»). Выдержки из Хроники Джованни Виллани (док. № 27) содержат важные сведения об экономическом процветании Флоренции XIV в. Ряд хроник описывает городские народные движения в итальянских городах XIV в. Док. № 28, отрывок из анонимной хроники XIV в., сообщает о движении флорентийских наемных рабочих 1345 г. во главе с чесальщиком шерсти Чуто Брандини. Отрывок из «Сиенской хроники» XIV в. Нери Донато, члена одного из богатых цехов Сиены (док. № 29), рассказывает о восстании наемных рабочих-шерстяников и мелких ремесленников в Сиене в 1371 г.

Знаменитому Восстанию чомпи посвящены следующие документы: отрывок из «Первой хроники» анонимного автора, симпатизирующего восставшим (док. № 30); отрывок из «Флорентийской истории», рукописи анонимного автора конца XIV — начала XV в. (док. № 31); небольшой фрагмент из рукописи неизвестного автора (док. № 32). Оба последних автора являются сторонниками богатых горожан и противниками чомпи.

Док. № 33, отрывок из хроники г. Перуджи, сообщает об антипапском восстании в Перудже в 70-х годах XIV в. Анонимный автор хроники — сторонник пополарской антипапской партии.

Дополнительные сведения по истории Италии XII—XV вв. см.: «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. II, ч. 1, М., 1938; «Хрестоматия по истории средних веков», под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. II, М., 1950 г.

Составители и переводчики: *Л. А. Котельникова* — док. № 1—13, *В. В. Самаркин* — док. № 14—21, *Л. М. Брагина* — док. № 22—23, *С. Д. Сказкин* — док. № 24—25, *В. И. Рутенбург* — док. № 26—33.

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕЙ ИТАЛИИ (XII—XIV вв.)

АРЕНДА ЗЕМЛИ

1. Либеллярный договор (область Лукки, 1126 г.)

10-я индикция[1], 6-ой день перед апрельскими календами[2]. Я, Берардо пресвитер и управляющий приюта св. Мартина, по этой грамоте на либеллярном праве при условии платежа чинша передаю тебе, Видо, сыну Петра, 1 пецию[3] земли — поле в селении Савалиана, которое принадлежит вышеназванному приюту. Границы: с одной стороны общественная дорога, с другой — земля св. Понтиана, сбоку — земля и половина рва Убермо из Корсена, с другого бока — земля приюта св. Марии в Понте (т. е. в Понтетекто). Передаю на том условии, чтобы ты и твои наследники могли это иметь и использовать. Если тебе или твоим наследникам будет удобно продать это либеллярное держание, должны поставить в известность меня или моих преемников, и, если в течение 30 дней после того, как нам сообщите, мы не заплатим тебе ту цену, которую [вы] могли бы иметь в действительности от других людей, вы можете продать кому угодно. Мне или моим преемникам в каждый август должны доставлять в пределы иммунитета приюта 25 систариев[4] хорошего сухого зерна (того систария, который теперь идет на продажу в г. Лукке); и не имеете права кому-либо передавать без нашего разрешения иначе, чем сказано выше. Штраф 10 лир серебра; 2 либеллярных договора.

Заключено в Лукке. Подписи: Уберто сына Мартина, Альдибертина сына Райнуля Мангорини и Джерардо сына Роланда и Энрико Ролантитора свидетелей.

«Regesta chartarum Italiae»
a cura dei P. Guidi e O. Parenti, vol. 6, Lucca,
1910, p. 259, N 830.

2. Об аренде (locatione) земли по праву фикта[5] (nomine ficti) в округе Флоренции (первая половина XIII в.)

Мартин, сын И[оханна] передал в аренду (locavit) и уступил такому-то по праву фикта пецию земли с домом в таком-то селении или все земли и участки (podere), какие

[1] Индикция — хронологический период, состоящий из 15 лет. Индикция 10 — 10-й год очередной индикции.

[2] Календы — первое число месяца римского календаря. 6-ой день перед апрельскими календами — 27 марта.

[3] Пеция — участок земли, обычно небольших размеров.

[4] Систарий — мера сыпучих тел, равная $^1/_{16}$ модия (0,547 *л*).

[5] Аренда по праву фикта — передача земли (обычно на короткий срок) при условии внесения установленной арендной платы (фикта) деньгами или натурой.

имеет в этом селении, в определенных границах и обещает ему их не отнимать и не оспаривать, не беспокоить и не требовать больше, но защищать от любого человека и селения по закону (de iure); в противном случае обещает ему заплатить в качестве штрафа столько-то лир и возместить ущерб и расходы, и после [уплаты] договор остается в силе под залогом его имущества с помощью права и закона... Упомянутый И[оханн] заключает договор относительно названных земель (podere et res) и обещает их держать и обрабатывать (tenere et conducere), проживать сам или заставить поселиться на них [кого-либо], если будет сказано [об этом], и охранять их, улучшать, не ухудшать, посадить (plantare) деревья и виноградники, и обрабатывать, и не срубать [их], и прорывать канавы, и удобрять навозом (litaminare), и платить [с этих земель] ежегодно в качестве фикта (nomine ficti) столько-то лир и столько-то зерна в таком-то селении; в противном случае обещает ему заплатить в качестве штрафа столько-то лир и возместить ущерб и расходы, и после [уплаты] договор остается в силе под залогом его имущества...

«Formularium florentinum artis notariae (1220—1242)» a cura di G. Masi, Milano, 1943, p. 29—30.

3. Договор об испольщине (Болонья, первая половина XIII в.)

Джилио Бонфилиоло дал и передал в аренду Петру Туско свое поле в Мурателлис около ручья Сканнабеккум на 3 года на таких условиях: названный локатор[1] ни сам, ни через кого-либо другого до истечения указанного срока не будет отбирать землю у арендатора или его наследников и будет ее законным образом защищать от всякого человека. И упомянутый Петр должен эту землю до истечения указанного срока каждый год вспахивать, взрыхлять, троить и в четвертый раз засевать; половину семян дает господин (dominus); упомянутый арендатор должен привозить и передавать упомянутому локатору в Болонью половину всех плодов, которые каждый год уродит земля, и вывозить [на поле] из своих запасов 20 возов навоза и столько, [сколько] упомянутый локатор купит и захочет вывезти на эту самую землю таким образом, что упомянутый локатор на свои средства пусть [наймет] арендатору человека, который поможет ему нагрузить воз и сгрузить, пока не вывезет навоз на упомянутый участок.

[1] Локатор — землевладелец, сдающий землю в аренду.

Все это обещали соблюдать и не предпринимать каких-либо действий против этого по какой-либо причине под угрозой штрафа в 100 болонских солидов, после уплаты которых все сказанное сохранит свою силу.

Rainerio de Perusio. Ars notaria... Boloniae. 1890, pars 2, p. 38, § 7.

4. Договор об испольщине (область Сиены, 25 августа 1277 г.)

В год 1277-й, 5-ю индикцию, 8-ой день перед сентябрьскими календами. Я, Боненсенья, [сын] некоего Рестауро де Каспрено, получаю в аренду (conduco) от тебя, Тофо, [сына] Райнерия Салимбени, участок [земли], твое держание (podere et tenimentum tuum), расположенный у св. Лаврентия, в Босси и Барбайоне и в [границах] поместий и округов (curtis et districtibus) названных земель, где только можно обнаружить, с [пахотной] землей и виноградником, домом и хижиной (capanna), болотистым участком и лесом, т. е. лесом Бонифация, и пастбищем... Этот участок и держание можно засеять [с помощью] пары быков; но из него исключаются насаждения деревьев, сад и луг Петриччоли. Названный участок беру от тебя в аренду для обработки исполу (ad medium) со времени праздника св. ангела в сентябре на ближайшие 6 лет и обещаю тебе этот участок хорошо и тщательно обрабатывать, и засевать, и не вырубать деревья и виноградники, но насаждать их, сажать черенками и [правильными] рядами (plantare et propaginare) с чистой совестью и без обмана. Обещаю тебе предоставлять половину всего необходимого для посева на этом участке зерна и быков, которые нужны на этом участке, и обещаю на свои средства приобретать рыбу для пищи и питье на время жатвы и молотьбы, и обещаю проживать и находиться на этом участке с женой и тремя сыновьями, и самый участок или какую-либо часть его никому не передавать в аренду (locare) без твоего разрешения, и не брать в аренду (conducere) и не захватывать (tollere) никакой другой участок (podere) или землю для обработки без твоего разрешения. Ты можешь взять сначала свою половину всех семян, а другую половину, которую мне обещал дать взаймы, — во время сбора урожая. И обещаю тебе [возвратить] в конце срока [аренды] обработанный участок [в таком же виде], каким его и нашел, и весь навоз и всю солому, которые будут на этом участке. Все это обещаю тебе [предоставить] под угрозой штрафа в 50 сиенских лир, которые обещаю тебе заплатить. И после уплаты или неуплаты штрафа все [вышесказанное] тем не менее

обещаю соблюдать. Передаю тебе в качестве залога все имущество, принадлежащее мне и моим наследникам. Если я не буду соблюдать сказанное [выше], ты можешь вступить в распоряжение и владение [этим имуществом] по предписанию курии и судьи (iudex'а).

Нижеподписавшийся нотарий[1] предписал упомянутому Боненсенье... под клятвой... согласно установлениям сиенских статутов, что эта грамота будет соблюдаться.

Заключено в Сиене перед лицом Ачербо [сына] Районерия и Джечо Иоханна и Джанионе Рануччо, свидетелей. Я, Яков, [сын] некоего Иоханна, вышеназванный нотарий участвовал во всем этом и, призванный написать это, передал другому нотарию и публично подписал.

I. Imberciadori, Mezzadria classica toscana con documenti inediti dal IX al XIV secolo, Siena, [1951], p. 97.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ КРЕПОСТНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

5. Грамота об освобождении в епископстве Лукки (23 июня 1182 г.)

...Я, Матвей, пресвитер и камерарий церкви св. Мартина в Лукке, с согласия каноников по грамоте дарую свободу тебе, Нигро, сын некоего Бурнетто, и всем твоим сыновьям и дочерям, которых ты сейчас имеешь или твои дети будут иметь, и всем твоим потомкам от маненции, колоната и оригинарии (de manentia et de omni colonaria atque originaria conditione)[2] и даем тебе полную возможность уйти и проживать [там], где тебе будет угодно, как свободному и совершенно независимому человеку (tamquam bene liberis et absolutis hominibus) от всякого состояния маненции, колоната, аскриптиции[3] и оригинарии. Передаем вам весь наш пекулий[4], движимый и недвижимый, который имеете или будете иметь. Кроме того, продаю и передаю тебе 1 пецию

---

[1] Нотарий — должностное лицо коммуны, оформлял все юридические дела коммуны и отдельных лиц.

[2] Manentes — полусвободные феодальные держатели; колоны — в средние века зависимые держатели, по своему социальному положению были, как и manentes, выше сервов, но со значительными элементами личной зависимости. Оригинарии в позднем Риме — наиболее близкая к рабам часть колонов, ставшая ими по наследству, происхождению (origo). В средние века оригинария — один из видов личной зависимости крестьянства.

[3] Аскриптиции — полусвободные держатели, прикрепленные к земле (glebae adscripti).

[4] Пекулий — имущество, принадлежавшее несвободным и полусвободным людям.

земли, [принадлежащей] названной церкви, — виноградник с домом и оливковыми деревьями, через который проходит дорога. Расположена [эта земля] в селении и границах Дометхано, называемом у Кампо. С одной стороны канал, с другой — земля церкви.., с одного бока земля церкви... с другого... названная дорога, которая проходит через эту землю. Продаю, передаю и вручаю тебе названную пецию со всеми правами, [принадлежащими ей], и со всей собственностью, принадлежащей упомянутой церкви. За это получил в [качестве цены] 24 лукканские лиры в денариях, которые передал на использование в названной церкви. Штраф — двойная [стоимость участка] и штраф, установленный консулами и подестой[1] Лукки, — 20 лир серебром. После уплаты штрафа все пусть пребывает крепким и нерушимым под угрозой указанных штрафов. Заключено в Лукке, в ограде упомянутой церкви...

«Regesta chartarum Italiae», vol. 9, Lucca, 1914, p. 305—306, N 1472.

6. Из статута Сиены XIII в.

Об освобождении от повинностей тех, кто придет в город с территории, расположенной вне графства

[Если] какой-либо человек, проживающий за пределами Сиенского графства, придет в город, захочет стать горожанином и поселится постоянно [в городе], я (подеста) приму его в число горожан и буду защищать, как и других горожан Сиены. И такой горожанин не должен отягощаться сиенской коммуной прямыми налогами (datiis) и другими какими-либо повинностями со дня своего прихода в течение 15 лет, если это не противоречит какому-либо другому постановлению. Но [он] должен участвовать в пешем войске или кавалерии Сиенской коммуны и держать коня, как и другие горожане Сиены. Это постановление не распространяется на вилланов, постоянных горожан Сиены, которых не могут принимать, за исключением тех из них, о ком говорится в другом постановлении относительно возможности принять одного из трех, сидящих на одном наделе (maxaritia). Это постановление принято в 1246 г. в сентябре месяце.

«Il Constituto del comune di Siena dell'anno 1262», publ. da L. Zdekauer, Milano, 1897, p. 423. Dist. IV, § 71.

---

[1] Подеста — глава военной, административной и судебно-исполнительной власти в итальянских городах.

7. Из статута Пистойи 1296 г.

О тех, кто проживет в Пистойе 5 лет с ведома их господ

Кто проживет в течение 5 лет в Пистойе, или ее бургах, или суббургах[1], или будет жить и впредь на территории, на которую распространяется власть города (infra circulas civitatis), с ведома господина и без его противодействия и законного востребования, пусть подеста не разрешает, чтобы относительно личности этого человека и его детей, проживающих в Пистойе и ее бургах и суббургах, был возбужден какой-либо иск, но должен их защищать своей властью от господина...

L. Zdekauer, Liber potestatis comunis Pistorii a. 1296, L. IV, § 43, p. 223.

8. Из статута Пизы первой половины XIII в.

Постановляем настоящим замечательнейшим законодательством, что, если кто-либо родится или будет проживать в городе или его бургах на земле, [принадлежащей] кому-либо, хозяином земли или кем-либо еще, имеющим право на эту землю, не должен принуждаться оставаться (manere) на этой земле, сколько бы он на ней ни прожил. Помимо этого, указываем, что, если оставит землю, не должен исполнять какие-либо повинности (servitium), если он только не является аскриптицием; в последнем случае в соответствии с этим своим статусом должен [исполнять повинности]. Сыновьям же или дочерям аскриптиция меньше всего следует препятствовать [покидать землю], за исключением тех случаев, когда они после смерти родителей в течение 30 лет пребывают в состоянии аскриптиция[2].

Подтверждаем нашим гражданским законодательством, что, если кто-либо проживет в г. Пизе на своем наделе (massaritia), но не под властью господина (non cum domino) в течение 10 лет, пусть проживает как горожанин (ut civis), и никто не должен стеснять его никакой зависимостью колона или аскриптиция или подобной им (nulla colonaria vel ascrip-

---

[1] Бурги и суббурги — укрепленные поселения в округе итальянских городов.

[2] Видимо, пребывание на держании аскриптиция в течение более короткого времени (до 30 лет) еще не делало человека прикрепленным к земле, даже если его родители были таковыми людьми. В этом, безусловно, сказалось изменение в положении крепостных крестьян и все более широко распространяющаяся в первой половине XIII в. практика их освобождения.

ticia vel alia simili condictione) и не должен беспокоить каким-либо образом. Это предписание действительно и по поводу человека, моложе 20 лет.

F. Bonaini, Statuti inediti della città di Pisa, Firenze, 1870, vol. II, Constitutum usus della cittá di Pisa, § 42, p. 952.

9. Из статута Реджо-Эмилии (середина XIII — начало XIV в.)

Того, кто проживет в городе 10 лет, не должны беспокоить по причине [принадлежности его] к крепостному состоянию.

Если кто-либо из епископства Реджо проживет постоянно в г. Реджо 10 лет со своей семьей, [никто] не может и не должен беспокоить его по причине серважа или зависимости (servitutis vel manentie); и пусть это имеет место в настоящем, прошлом и будущем; и этот обычай пусть соблюдается нерушимо подестой или консулом [1].

P. Vaccari, Le affrancazioni collettive degli servi della gleba nell'Emilia e Toscana, Milano, 1940, p. 102. Consuetudine di Reggio Emilia 1242—1311, § 57.

ПОЛИТИКА ГОРОДА В ОТНОШЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА ОКРУГИ

10. Решение флорентийской курии относительно передачи земель держателей, не плативших оброки пресвитеру св. Мартина Толомею (19 мая 1189 г.)

Во имя господа аминь. В курии св. Михаила заседали консулы юстиции [2] Ачербо, Данио, Бруно, Якопо, судья и провизоры [3] Марсилио, Альдеротто, Лотарь дель Цампо.

Известно, что пресвитер епископской церкви св. Мартина Толомей изложил жалобу перед консулами и курией на Магалотто, и Деотайюти, и Райнерия, сына Доната дель Паццо, говоря, что они несправедливо держали [земли] и не платили уже 20 лет те 26 денариев, которые обязаны были вносить ему ежегодно в качестве фикта; [он] требовал возмещения [неуплаченного фикта] и недопущения неуплаты его в будущем. Требовал также, чтобы [они] возместили ему непредоставляемую в течение того же времени полную лампаду оливкового масла, которую должны были доставлять ежегодно.

То же самое [пресвитер] сказал и о Райнерии, который несправедливо держал [землю] и задержал за 7 лет уплату ежегодного фикта в 2 денария. За все это [пресвитер] требо-

---

[1] Консул — должностное лицо коммуны.

[2] Консулы юстиции ведали судебными делами коммуны.

[3] Провизоры — должностные лица коммуны, избранные на определенный срок для решения судебных дел.

вал возмещения. Согласно установленной процедуре [названные люди] были вызваны в курию и не явились. Таким образом, в соответствии с установленными правилами консулы и курия передали пресвитеру право на владение их домами и землями (domibus et rebus), с которых они должны были платить 26 денариев и лампаду оливкового масла. [Земли] расположены во Флоренции в бурге св. Петра, границы их таковы: с одной стороны общественная дорога, с другой — [земля] Асте, сына Лоттаринго, с третьей — церковь св. Марии в Кампо, с четвертой — [земля] Бандино, сына Бонсиньоре. Помимо этого, относительно Райнерия за указанный фикт в 2 денария [передали пресвитеру] во владение пецию земли в Монтелатико, называемом Кафаджо, с которой должен [был] платить упомянутый фикт; границы [пеции] таковы: со второй стороны [земля] того же Райнерия, с третьей — Толозано, с четвертой — дорога. Постановлено в названной курии под 1189 г., в 14-ый день перед июньскими календами в 7-ю индикцию.

Я, Якоб, судья императора Фридриха, участвовал [в передаче] и подписал упомянутую передачу владения.

Я, Бернардо, судья и нотарий названной курии, подписал это постановление по предписанию консулов и вышеупомянутого судьи (iudex'a).

«Documenti di storia Italiana», vol. X.
«Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze» publ. per cura di P. Santini, Firenze, 1895, p. 225—226, § 5.

11. Постановление флорентийской курии относительно земли колона, задолжавшего уплату фикта своему господину (16 июня 1175 г.)

Во имя господа аминь. В то время когда Райнерий из Гаетано был подестой г. Флоренции, один из его советников (consiliariis), Корсо, был послан в курию св. Михаила в качестве консула юстиции от имени коммуны; в той курии судьей (iudex'ом) тогда был Райнерий, сын некоего Уголотто, а провизорами — Астанколло и Мелиорелло. Известно, что Пандольфин обратился в курию с жалобой на своего колона Кристофана, утверждая, что он должен ему 2 модия зерна, 6 кур и 18 денариев и [обязан исполнять] барщинные работы ручные и на быках; он требовал, чтобы заставили самого Кристофана возвратиться на его обычный надел (solitam mansionem) в Ваччано, и, если запросил слишком много, просил снисхождения.

Так как [Кристофан], вызванный в суд, не явился, Пандольфину в соответствии с установленной процедурой курия предоставила право распоряжения упомянутым колоном, с

тем чтобы он возвратил его как своего колона на обычный надел, на котором он сидел.

И в порядке возмещения стоимости упомянутого зерна, кур, денег и работ, которые Кристофан должен был выполнять, Пандольфину предоставляется право после трехкратной жалобы вступить во владение домом (capanna), [пахотными] землями и виноградниками Кристофана в Ваччано. Первая пеция, на которой расположен дом, с двух сторон граничит с дорогами, с третьей — [земля] Октавиана, с четвертой — Мергулльези; другая пеция [расположена] поблизости: с одной стороны дорога, с другой — земля, принадлежавшая сыну Горголо, с третьей — Петра, с четвертой — Октавиана; другая его же пеция расположена в Имо: с одной стороны [земля] Октавиана, с другой — принадлежавшая сыну Горголо, с третьей — [земля] Има, с четвертой — [земля] Сeрачино, и еще где что-либо будет найдено при сохранении прав других [людей]. Это [право] владения передано в указанной курии в год 1195-й, в 16-ый день перед июльскими календами в 13-ю индикцию, Корсо, консулом юстиции.

Я, Райнерий, [сын] некоего Уголотто, общественный судья Флоренции (iudex publicus), подписываю это [право] на владение, переданное по моему поручению Корсо, консулом юстиции.

Я, Гверио, судья и нотарий коммуны Флоренции, подписал и скрепил это постановление от имени курии.

«Documenti di storia Italiana», vol. X.
«Documenti dell'antica costituzione del comune di Firenze», publ. per cura di P. Santini, Firenze, 1895, p. 227, § 8.

12. Из статута Пистойи XIII в.

Об арендаторах земель

Постановляем, что люди, держащие от кого-либо и обрабатывающие земли на условии [уплаты] половины, третьей, четвертой или пятой части урожая, или terraticum'a, держатели и арендаторы перед сбором урожая должны известить хозяев (dominos) земель или их представителя относительно того, когда предстоит сбор [урожая] и молотьба.

Кто поступит вопреки [этому постановлению], платит 20 солидов по решению названного судьи. Это постановление входит в силу за 8 дней до мартовских календ.

Для расследования господину достаточно клятвы арендатора и одного свидетеля.

То же самое следует соблюдать относительно луга. Расследование производится за день до сбора урожая или

молотьбы, с тем чтобы урожай не был помещен на гумне и зерно не увозили с [молотильного круга] и чтобы никто не трогал и не разрушал гумна (meta) до того, как придут господин, или госпожа, или их посланец.

«Statutum potestatis comunis Pistorii anni 1296» ed, L. Zdekauer, Milano, 1888, p. 184, § 90—91.

13. Из статута Имолы 1334 г.

Что должны делать арендаторы (laboratores possessionum)

Постановляем, что каждый арендатор, который арендует земли под обработку (ad laborandum), должен четыре раза вспахать их до посева, и при пятом возделывании засеять, и до августовских календ засыпать все ручьи до краев, протроить и прочетверить [землю] за свой счет, и засеять при пятом возделывании своими семенами; зерно, которое произрастет на этом участке, должен привезти в снопах на господский двор (ad aram domini possessionis) или в то место, куда [тот] захочет, если обрабатываемое владение будет расположено на территории какой-либо виллы дистрикта Имолы, и двор (area), или место, куда господин пожелает, чтобы привез [зерно], будет находиться [на территории] указанной виллы; если же владение будет расположено на территории города или в его границах, арендатор должен привезти зерно на господский двор или в другое место города или бургов, по желанию хозяина владения; и таким образом устанавливаем, что названные арендаторы должны доставлять зерно на господские дворы в виллах или границах [округи] Имолы, как сказано выше; если же арендатор будет проживать на господском дворе или в поместье господина в то время, в которое обрабатывает упомянутое владение, пусть доставляет на быках всю или большую часть зерна; солому пусть оставит в пользование господам. Если же арендаторы будут проживать в собственном доме или в доме, за который уплачивают арендную плату, и будут обрабатывать пеции земли разных лиц, арендатор должен доставлять хозяину владения только полагающуюся ему часть на господский двор или в то место, куда захочет [господин], в вилле или в городе или бургах, как сказано выше; и это пусть имеет место, если между хозяином владения и арендаторами не заключены другие соглашения и договоры, противоречащие [этому].

«Corpus statutorum italicorum» № 13 N. S. № 3. «Statuti di Imola del sec. XIV» a cura di Serafino Gaddoni. I. Statuti della città (1334), Milano, 1931, rubr. 81, p. 83.

II. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ ИТАЛИИ

14. Заклад земли

Во имя господа бога вечного. Год от видения Иисуса 1119, 9 ноября, индикция 12. Тебе, Коно де Вигоново, сыну некоего Уго Мальвенне, я, Доменико Гомпо, предки которого жили по римскому закону[1], объявляю, что ты, Коно, продал мне по грамоте купли-продажи с двойным поручительством и принял плату в 130 лир в венецианской монете за 6 массариций[2] пахотной земли, что узаконивается в этой грамоте купли-продажи, со всеми правами, этим массарициям принадлежащими. И с нынешнего дня я, мои наследники и те, кому бы я ни передал право владения, будем обладать правом законного собственника делать с этими массарициями все, что бы мы ни захотели. Подобным же образом я, вышеназванный Доменико, вместе с моими наследниками обещаю и гарантирую тебе, Коно, с твоими наследниками и потомками, что если ты или твои наследники и потомки мне или моим наследникам вернете и возместите указанную сумму в 130 венецианских лир с ежегодными процентами от 120 лир, [а также] взносы и повинности, идущие с массариции в Меланиго, а именно: colta, opera, dasone, districto[3], хлеб, вино и окорок — соответственно с тем, как обычно выплачивает Джованни де Мигаро, а за остальные 10 лир — за каждую лиру 6 денариев ежемесячно до конца установленного срока, т. е. за 5 полных лет, сюда в Падую, то тогда здесь, в этом месте, мы вам вернем эту грамоту продажи, разорванную на куски, и она впоследствии не будет иметь никакой силы.

Если же я, Доменико, и мои наследники откажемся принять эту установленную плату и вернуть порванную грамоту в указанный срок, как было сказано выше, тогда заплатим штраф за это в двойном размере [в зависимости от стоимости массариций] с учетом увеличения их стоимости за прошедшее время по оценке подобных владений в соседних местах. А если же ты, вышеназванный Коно, или твои наследники или потомки откажутся вернуть указанные 130 лир с процентами, как было сказано выше, тогда этот договор о продаже, которую ты, Коно, совершил, останется в силе. И я, вышеуказанный Доменико, и мои наследники на основании этой законной грамоты о продаже с этого момента можем [делать] все что захотим с этими массарициями как [их] собственники.

---

[1] Т. е. происходившие от старого римского, а не лангобардского населения.

[2] Массариция — держание, манс.

[3] Colta, opera, dasone, districto — различные повинности, связанные с поземельной и судебной зависимостью держателя.

И в подтверждение грамоты я, Коно, принял в качестве лаунегильда[1] шляпу. Поэтому мне нельзя когда-либо отказываться от того, что я уже заявил и что мною однажды было сделано или подписано. И я обещаю нерушимо соблюдать условия, приведенные выше, и платить проценты. И пусть этот договор существует постоянно и без изменений.

Сделано благополучно в городе Падуе.

Знак руки вышеназванного Коно, который попросил сделать эту грамоту и принял, как было сказано, выше указанный лаунегильд.

Знак руки Уго, сына Коно, Натигерия де Вигоново, Альберто да Серматия, Бальдо, приглашенных свидетелей...

«Codice diplomatico Padovano», vol. I,
Venezia, 1879, N 109.

15. Передача земли в залог. Год 1145-й, 29 апреля, индикция 8.

Адам, сын Вивиано де Вигоново, по приказу господина своего Уго и брата своего Убальдо сделал эту долговую грамоту в пользу Симеона де Фоссато относительно всей земли и леса, которые этот Адам держит от Уго на правах феода, [а именно] относительно пеции земли и леса, которые названный Адам держит от Уго на правах феода, и относительно пеции земли, собственности самого Адама, расположенной в Вигоново. [Эти земли Адам отдает] тебе, Симеону, взамен 14 лир в веронских денариях, для того чтобы ты, Симеон, постоянно имел плоды этих земель в качестве уплаты за проценты и таким образом проценты были бы погашены. Когда же Адам захочет вернуть эти 14 лир Симеону, тот должен принять [деньги] и возвратить заложенные [земли], собрав, однако, урожай с этих земель. Если же по воле случая Адам умрет до того, как выплатит долг, а его сыновья, братья или сам г-н Уго решат заплатить эти деньги, Симеон должен принять [их] и вернуть залог. В свою очередь Симеон не должен этот долг [произвольно] увеличивать или отдавать [эти земли] за эти деньги другим [людям].

[Все] это было договорено в присутствии самого г-на Уго в Вигоново. Свидетели... (перечисляется 5 имен). Залог же был передан в присутствии Магинфредо, брата Адама.

Меня, нотария Альбертино, попросили, и я эту [грамоту] записал.

«Codice diplomatico Padovano», vol. I,
Venezia, 1879, N 452.

[1] Лаунегильд — символическое вознаграждение, гарантирующее действительность сделки; сохранилось как пережиток от лангобардских времен.

16. Сублибеллярная аренда

Во имя Христа, в год от его [рождения] 1123-й, 4 февраля, индикция первая. Гвиперто, кожевник, и Бенедикта, жена Арипранди, пришли к соглашению о том, что во имя господа бога Гвиперто должен дать и дает с настоящего момента указанной Бенедикте на правах вечного либеллярия с условием выплаты чинша (redditus) одну пецию пахотной земли, которая является собственностью монастыря св. Джустины и принадлежит самому Гвиперту на правах либеллярия. [Эта пеция] расположена в окрестностях города Падуи, вблизи от Силиче, имеет в длину 55 пертик[1], в ширину 7 пертик, считая в пертике 6 шагов. Граничит с ней с одной стороны Гумпо, с другой и третьей — сам Гвиперто, с четвертой — либеллярная земля [монастыря] св. Андрея. Бенедикта же должна ежегодно платить в праздник св. Мартина или восьмью днями раньше или позже Гвиперту, его наследникам или посланным ими [людям] один веронский денарий... И если она не уплатит этот чинш — должна его уплатить в двойном размере.

Благополучно совершено в Падуе перед мастерской Гвиперто. Свидетелями же приглашенными были: доктора права Ингельфредо и Николао, нотарий Коно... и многие другие.

Я, Иона, каузидикус[2], по просьбе [указанных лиц] записал условия этого договора.

«Codice diplomatico Padovano», vol. I, Venezia, 1879, N 133.

17. Из статутов Падуи

Венецианский кодекс

В начале XV в. Падуя вошла в состав Венецианской республики. Настоящий кодекс был составлен по указу венецианских властей в 1420 г. Оригинал находится в библиотеке Коммунального музея Падуи. В подлиннике год издания приведенного статута не указан, однако на полях другой рукой поставлено — 1396 г.

Никакой колон, издольщик (partiaruis), чиншевик (affictuarius), мельник или погонщик быков (bovarius) из Падуи и Падуанского дистрикта не имеет право бросать, оставлять или уходить без разрешения [господина] от арендуемых и обложенных чиншем или долей [урожая] земель и мельниц, даже если окончился срок [аренды] и он предупредил господина, съемщика (locator) или их наследников, раньше чем он не удовлетворит господина, съемщика или их наследников

---

[1] Пертика — мера длины, состояла из 6, 7, 8, 12 или 15 шагов (pedes).

[2] Каузидикус — стряпчий.

и полностью не заплатит все то, что он должен этому господину или съемщику. Если же колон, издольщик, чиншевик, погонщик быков или мельник этого не сделают, то ни один гражданин Падуи или житель дистрикта, а также любое другое лицо, какого бы оно положения не было, ни сами, ни через других не должны и не имеют права дать этому колону, издольщику, чиншевику или мельнику в аренду или держание на любом условии (ad partem vel ad affictum vel ad donicatum) ни земли, ни мельницы. И никаким другим образом ни его самого, ни его сына, брата, родственника или племянника, вместе с ним живущего, никто не может принять на свое содержание (ad unum panem et ad unum vinum accipere) или ввести его во владение своими собственными мельницами и землями, а также теми, которые он получил в держание от других, или землями, на которых он сам живет.

Падуя, Biblioteca del Museo Civico; BP 1236.

18. Из статутов Падуи, изданных Делла Скала

Падуанские статуты Делла Скала были изданы во время кратковременного господства Скалигеров в Падуе (1328—1337 гг.).

Статут, принятый в 1329 г.

Предписываем тем [людям], которые держат [земли] по либеллярному или арендному договору, чтобы они в ближайшее время пересмотрели [и проверили условия своих] либеллярных и арендных договоров и вновь получили инвеституру [1] на оставшийся срок у того, кому принадлежит право собственности — непосредственной, опосредованной [2] или права, близкого [к праву собственности] (racione directi vel utilis dominii vel quasi). Во всех случаях, предусмотренных этим статутом, а также и во всех других случаях либеллярный договор должен быть продлен, если в нем указано, что он основан на праве непосредственной или опосредованной собственности [господина] или праве, близком [к собственности], и это будет доказано. Пусть господин в ближайшее время предъявит свои права этому либеллярию, или арендатору, или тому, кто заключил либеллярий, или арендный договор, и пусть [господин], собственник [земли], в ближайшее время вновь инвестирует этого либеллярия или арендатора. И [подобным же обра-

---

[1] Инвеститура — акт передачи во владение. В данном случае процедура передачи земли в держание, связанная с выплатой определенного взноса инвестируемым.

[2] Т. е. прямая и непосредственная собственность господина (dominium directum) или право собственности, полученное от другого лица, которое остается верховным собственником (dominium utile).

зом] этот либеллярий или арендатор должен в кратчайший срок подтвердить [условия своего держания] господину. Любая из этих [сторон] может решительно действовать во всем вышесказанном. [А господин не должен требовать] никакого взноса деньгами или имуществом сверх определенного условиями первоначальной инвеституры. Ближайшим же временем устанавливаем пятилетний срок.

Так же [предписываем], что если кто-нибудь, имеющий либеллярную грамоту, в которой указано, что он не может продавать или передавать [свое право обработки держания] кроме как определенным образом, [все-таки] передаст [это право другому], то пусть [это держание] без помех будет возвращено господину...

Статут, принятый в мае 1331 г.

Предписываем, что каждый гражданин Падуи, который платит налоги и выполняет повинности, положенные падуанскому гражданину, может иметь и держать 10 голов скота в виллах Падуанского дистрикта, в которых он владеет по меньшей мере 20 кампами[1] земли. И [сверх того] в каждом мансе[2], которым он владеет на [территории] вилл Падуанского дистрикта, он может иметь больше скота, [чем указано, однако в следующем соотношении] — 10 голов скота на каждый манс и не более...

«Gli Statuti Padovani durante la dominazione Scaligera in Padova», Padova, 1907, приложение N 34, 36.

19. Из статутов Падуи, изданных Каррара

Кодекс статутов Падуи, записанных по приказу Франческо I Каррара в 1362 г. Подлинник хранится в г. Падуе, в библиотеке Коммунального музея.

Старый статут, принятый до 1236 г.

Каждый земледелец, который имеет манс в 20 кампов или более, должен возделывать на этой земле один камп виноградника. А [имеющий] манс размером в 10 кампов должен возделывать и хорошо обрабатывать половину кампа виноградника, если он [еще] там его не имеет.

---

[1] Камп — мера земельной площади. Падуанский камп равен 0,4 *га*.

[2] Манс — крестьянское хозяйство, состоящее из усадьбы, пахотных земель, виноградника и других угодий; мансу также принадлежало право пользования общинными угодьями. Средний размер падуанского манса — от 10 до 30 кампов.

Статут от 1265 г.

Постановляем, что господин подеста Падуи, когда и как только он сочтет необходимым для блага коммуны, в целях контроля за тем, чтобы не вывозились продукты и другие предметы, которые запрещено вывозить за пределы дистрикта, имеет право и должен посылать капитанов и стражников из солдат ко всем воротам и по всем дорогам дистрикта.

В правление подесты господина Энрико Дауро из Венеции. 1281 г.

Если какой-либо либеллярий, вассал или арендатор в присутствии юдекса [1] будет спрошен [о том, является ли он свободным человеком или зависимым держателем], то он должен ответить [правду], даже если [будет спрошен] до начала судебного разбирательства. Если же он будет отрицать, что он является либелларием, вассалом или арендатором, то он должен это доказать, или останется тем, кто он есть и [вдобавок к этому] заплатит [штраф] по меньшей мере 50 золотых лир, из которых половина пойдет коммуне, а [другая] половина господину.

Падуя, Biblioteka del Museo Civico, BP 1237.

20. Из протоколов судебных канцелярий Падуи

Из протоколов канцелярии Porcello (Поросенка) [2], находящихся в Падуанском государственном архиве

1372 г., 1-я индикция, 29 июля, четверг. Мудрый и выдающийся муж юдекс и чиновник канцелярии Поросенка коммуны Падуи г-н Нашимбене де Латика из Читаделлы [приказал], чтобы любой из преконов [3] коммуны силою задержал, схватил, а связанного доставил и поместил в тюрьму коммуны Падуи [некоего] Дезидерато, сына Райнерия из виллы Арлезино Падуанского дистрикта, за [долг] в 20 малых лир и за проценты (expensis) по неуплаченному [им] чиншу с участка земли со всем к нему относящимся, расположенного в названной вилле, в окрестностях Кальденонго. И это сделано по просьбе Миледупео, нотария, с тем чтобы должник

---

[1] Юдекс — должностное лицо городской коммуны.

[2] В Падуе XIV—XV вв. существовало несколько десятков судебных канцелярий, называвшихся по имени различных животных — Орла, Верблюда, Павлина и т. д. Канцелярии занимались разбором самых разнообразных судебных исков.

[3] Прекон — одно из низших должностных лиц городской коммуны.

находился в месте справедливого заключения до тех пор, пока не выполнит условия долговой сделки или не представит достойного поручителя...

Падуя, Archivio di Stato, Arch. del Porcello, vol. I, fasc. 3, p. 14.

21. Из нотариальных актов

Нотариальные акты — книги, в которых нотарии регистрировали в хронологическом порядке краткое содержание оформляемых ими сделок. Ниже приводится краткое изложение отрывков из актов нотария Джованни из виллы Арсико Падуанского дистрикта, хранящихся в Падуанском Государственном Архиве.

1381 г., 1 марта. Епископальный синдик[1] Джованни Франческо передал в аренду сроком на 9 лет на условиях несения чинша кузнецу Энрико, сыну кузнеца Джакопо из виллы Сан-Анжело Падуанского дистрикта, право взимания децимы[2] с усадьбы с деревянным домом, крытым соломой, участка пахотной земли, участка луга, цветника и огорода, расположенных в вилле Сан-Анжело и имеющих полтора кампа земли. Ежегодный чинш — два добрых петуха...

1382 г., 29 декабря. Господин Балдуино, житель падуанского квартала Платео, отдал в аренду на 5 лет Джованни из Скандолато, сыну Дзенаро, и Франческо, сыну Джованни, живущим ныне в Боско Саци, 25 кампов земли, лежащей в трех полях. Фикт за эту землю: ко дню св. Маргариты [20 июля] — две курицы и 6 модиев пшеницы; к празднику всех святых [1 ноября] — 18 лир деньгами и окорок; на рождество — окорок, повозку прутьев, повозку камыша и воз соломы; двух добрых цыплят — к мясоеду, 24 яйца и козленка — к вознесению. Кроме того, они должны своими силами ремонтировать и поддерживать в порядке постройки на этой земле...

В тот же год, месяц и день, в том же месте и с теми же свидетелями. Вышеупомянутый синьор Джованни и сын его Франческо заявили, что они получили в сочеду[3] на условиях доброй сочеды без права передачи по наследству от Адуа Томазеа, жены упомянутого Балдуино, двух коров, из которых одна светлая, другая рыжая со спиленными рогами, и теленка, с общего согласия оцененных в 82 лиры... И обещали названный Франческо и Джованни этих коров усердно и добросовестно охранять, кормить и пасти полностью за свой

[1] Один из управляющих епископским имуществом.

[2] Децима — феодальная повинность, которую держатель земли уплачивал ее собственнику продуктами урожая.

[3] Сочеда — краткосрочный договор на аренду скота.

счет и из первых же денег заплатить за эту сочиду названной госпоже Томазеа 82 лиры...

1382 г., 30 ноября. Госпожа аббатиса монастыря Марии — Магдалины дала Берто, сыну Алессандро из Вилла Франка, в аренду на 9 лет землю на условии несения чинша в 16 малых лир, 6 стариев пшеницы, бочонок и пять с половиной бочек вина, две курицы и одного козленка, а также с обязательством, что он своими силами будет поддерживать в порядке постройки, используя лес, растущий на этой земле, и в случае если госпожа прикажет ему привезти дров, то Берто должен свезти 20 повозок дров к городским воротам, что обращены к Бренте...

1382 г., 22 декабря. Дзанино, называемый Дзарамелинус, заявил и подтвердил, что он получил на 5 лет в сочеду от синьоры Джованни Франческо, нотария епископа Падуанской коммуны, выступающего от имени и по поручению сестер монастыря св. Марка в Порчелло, корову светлого цвета с рогами, загнутыми вперед, вместе с теленком; теленок же четырех месяцев, тоже светлый; а также корову рыжего цвета со спиленными рогами вместе с четырехмесячным рыжим теленком, с общего согласия оцененных в 50 малых лир. И названный Дзанино обещал на свой риск и за свой счет охранять и пасти этих животных и следить за тем, чтобы они не совершали потрав. И за эту сочиду он обещал из первых же денег отдать и заплатить названному синьору Джованни Франческо 50 лир в качестве капитала сочеды, согласно обычаям, по которым заключается договор сочеда...]

Падуя, Archivio di Stato; Atti not, vol. 172, p. 4v, 24v, 25, 71v, 76v.

III. СЕЛЬСКИЕ КОММУНЫ

22. Статут сельской коммуны Аверрара от 1313 г.[1]

Во имя Христа аминь. Настоящий статут скопирован с древнего подлинного текста статута, издавна установленного коммуной (comun), консулами и членами совета коммуны Аверрара, [копию снял] нотарий, г-н Огузон де Боэгисси, в 1313 г., в 11-ю индикцию, когда консулами были Мартино де Сан Педро дель Мора из Ольмо, Квадро, сын Редиво, Эмуано, сын Пагано ди Скенарди из Валь да Гиеро, и Гуриско де Зуане де Ланьеро из Кузо. С согласия членов совета указанные консулы постановили снять копию со старого текста ста-

[1] Сельская коммуна Аверрара была расположена в предгорьях Альп, в районе озера Комо. Статут 1313 г. — наиболее ранний из сохранившихся статутов этой коммуны.

тута, так как его невозможно было читать из-за того, что он был плохо написан. Настоящий статут утвержден во славу нашего господа Иисуса Христа и его непорочной матери, святой мадонны Марии, а также во славу монсеньеров архиепископов Милана и их викариев, которых они в настоящее время поставили на службу в Вальсассине[1], а также во славу и во имя мира всех членов коммуны Аверрара.

1. Во-первых, в оригинальном тексте статута установлено, что в данной коммуне должно быть четыре участка (squadre)[2].

2. Установлено также, что совет коммуны (credenza) должен ежегодно избирать четырех консулов[3] коммуны — по одному от каждого участка, трех членов совета от каждого участка, одного кампария[4], одного нотария, одного сервитора[5], четырех сборщиков штрафов — по одному от каждого участка и двух оценщиков имущества. Консулы должны получать от коммуны жалованье — каждый по 5 солидов в империалах; кампарий — 10 солидов, нотарий — 40 солидов, а сервитор — 30 солидов и 6 денариев в империалах ежегодно[6]. Их служба должна продолжаться в течение одного года.

3. Установлено также, что указанные консулы вместе со своими сборщиками штрафов, т. е. на каждом участке консул этого участка со своим сборщиком штрафов, должны собирать все налоги (taye) и штрафы (condenasone e bandi).

4. Установлено также, что консулы и сборщики штрафов данной коммуны вместе с сервитором должны получать $^1/_3$ всех штрафов, собранных за время их службы, а остальные $^2/_3$ штрафов должны поступать коммуне.

5. Установлено также, что все указанные выше участки и все [входящие в них] лица должны платить все налоги, штрафы и другие подати, которые налагаются на эти участки. И если какой-либо из участков или кто-либо из входящих в них лиц откажется платить штрафы или подати и не захочет в полной мере соблюдать указанные постановления, то этот участок или это лицо должны уплатить штраф и возместить ущерб, который они в таком случае нанесут коммуне Авер-

---

[1] Вальсассина — название территории, охватывавшей долины Пьоверна, Варроне, Казарга и Перледо в Альпах, близ озера Комо.

[2] Далее указываются границы участков.

[3] Их обязанности раскрывают статьи 3, 4, 8, 26, 27 настоящего статута.

[4] Кампарий — должностное лицо коммуны; о его обязанностях см. статью 21 настоящего статута.

[5] Сервитор — служитель коммуны, вызывал в суд, оформлял вступление во владение имуществом, принимал вклады на хранение, выполнял отдельные поручения коммуны.

[6] 1 солид равен 12 денариям.

рара или тем участкам, которые соблюдали данное предписание статута.

6. Установлено также, что если какой-либо из участков или кто-либо из входящих в них лиц откажется соблюдать то, что предписано в предыдущей главе, и если коммуна Аверрара наложит на них за это штраф, то остальные участки, которые выполнили предписание предыдущей главы статута, должны заставить данный участок или отдельное лицо, которые не подчинились [предписанию статута], заплатить все эти штрафы и возместить ущерб.

7. Установлено также, что если кто-либо из членов коммуны Аверрара (vessin del dito comun de Averrara) признается, что хотел причинить большой или незначительный вред коммуне, то пусть уплатит коммуне 5 солидов в империалах за каждый случай нарушения; и кроме того, он не может быть должностным лицом (offizial) коммуны в течение 5 лет.

8. Установлено также, что никто из членов коммуны Аверрара не должен работать в поле на территории коммуны (in la visinanza) ни в воскресные дни, ни в праздники св. мадонны Марии, ни в праздники двенадцати апостолов, ни в праздник св. Готарда, ни в праздник св. Бриджиды, ни по пятницам в мае месяце. И тот, кто нарушит это постановление, пусть уплатит штраф в размере 12 денариев за каждый случай нарушения. В случае особой необходимости викарий[1] и консулы могут разрешить работать в поле в указанные дни. Сборщики штрафов и кампарий данной коммуны должны обвинить тех, которые работали в указанные праздники, но их обвинение должно быть справедливым.

9. Установлено также, что каждый [член коммуны] Аваррара должен ежегодно выгонять в горы весь свой скот, за исключением... (salvo li soli joli, ne le jole), в праздник св. Иоанна Крестителя[2] и не должен спускаться с гор вместе со своим скотом вплоть до праздника славнейшей непорочной св. мадонны Марии, который бывает в августе[3]. Каждая семья (fameya) данной общины (vesinanza) может не выгонять в горы ежегодно одну отелившуюся корову с теленком, либо же восемь окотившихся овец или коз. И тот, кто нарушит постановление, пусть уплатит коммуне штраф: за каждую корову по 16 денариев, за каждую овцу, козу или ягненка по 4 денария; кроме того, взимается 30 денариев с каждого лица, нарушившего постановление.

---

[1] Викарий — высшее должностное лицо коммуны — творил суд по гражданским делам, исполнял главные административные функции в коммуне.

[2] 24 июня.

[3] 15 августа.

10. Установлено также, что если у кого-либо из членов общины (vesin de la ditta vesinanza) окажется больной скот, то этот больной скот он должен спустить с гор и поместить на территории своего участка[1] в том месте, которое установлено членами совета (credenzeri) данной коммуны, и должен уплатить своему участку за аренду горного пастбища в соответствии с количеством скота.

11. Установлено также, что никто из членов данной общины пусть не имеет намерения и не должен рубить деревья ни ниже, ни выше, ни вдоль дороги [на участке] от дома наследника г-на Токоло де Маскарон из Ольмо, который [дом] расположен в Ольмо, и вплоть до поворота дороги у дома, где живет Мулето де Грепела. И кто нарушит данное постановление, пусть уплатит штраф 30 империалов за каждый случай нарушения. Это постановление распространяется также [на участок дороги] от Куньо до земли Бональьдов.

12. Установлено также, что никто не может и не должен идти в солдаты (andar per soldà) от коммуны Аверрары, если не является членом этой коммуны. И если кто-либо, не будучи членом этой коммуны, пойдет [в солдаты], то не должен получать никакого жалованья от коммуны, кроме тех случаев, когда пошел [в солдаты] по желанию коммуны.

13. Установлено также, что все члены совета и должностные лица (offiziali) данной коммуны, как нынешние, так и будущие, должны являться на совет коммуны, когда получат приказание от сервитора коммуны. Тот, кто нарушит данное постановление, пусть уплатит штраф 12 империалов за каждый случай нарушения. Этот штраф не следует ни в коем случае прощать, а деньги могут быть потрачены членами совета коммуны.

14. Установлено также, что все члены данной коммуны (vesini del dito comun), т. е. по одному человеку от каждого хозяйства (uno per fogo), должны являться на общее собрание коммуны (vegnir a la vesinanza), когда им будет приказано сервитором коммуны. И тот, кто нарушит это постановление, пусть уплатит коммуне штраф 12 империалов за каждый случай нарушения.

15. Установлено также, что викарий, как настоящий, так и будущий, должен ежедневно, кроме воскресений и праздников, решать тяжбы о деньгах для любого лица как из Аверрары, так и из другого места.

16. Установлено также, что викарий, как нынешний, так и будущий, должен ежегодно получать из имущества данной коммуны в качестве жалованья 30 империалов и $^1/_3$ штрафов,

---

[1] Имеются в виду участки, о которых шла речь в гл. 1—3, 5, 6 данного статута.

собранных за период его службы, кроме штрафов за скот, который не был выгнан в горы, и 1/3 штрафов из 30 империалов, полученных по касающимся его делам.

17. Установлено также, что каждый [член коммуны] Аверрара, который должен был в итоге тяжбы о деньгах уплатить штраф другому жителю Аверрары, подчиненному викарию из Вальсассины, обязан уплатить этот штраф, исключая тот случай, если была сделана апелляция, чтобы не создавать затруднения для коммуны Аверрары. [За нарушение этого постановления] штраф 30 империалов в каждом случае.

18. Установлено также, что каждый член общины должен по желанию викария бежать на крик, или звон колокола, или удары молотка под угрозой штрафа в 5 солидов в империалах за каждый случай неявки.

19. Установлено также, что каждый член коммуны Аверрара должен являться — и не один раз — в дом сервитора данной коммуны по поводу налога или штрафа, который он обязан уплатить коммуне, или по иному какому-либо делу, [касающемуся коммуны]. И кто нарушит это постановление, пусть уплатит коммуне штраф 30 империалов за каждый случай нарушения.

20. Установлено также, что если кто-либо из членов общины Аверрара совершит кражу или насилие на территории общины, чем нанесет ущерб коммуне или кому-либо из ее должностных лиц, то пусть тот, кто совершил кражу или насилие, уплатит штраф и возместит полностью убыток.

21. Установлено также, что ежегодно члены совета данной коммуны должны избирать по крайней мере четырех кампариев — [по одному] для каждого участка данной коммуны, которые должны до начала апреля и до праздника св. Андрея[1] обнаруживать скот, наносящий ущерб [посевам].

За каждую овцу и козу следует платить штраф от 1 империала до 5 и выше, за каждого быка — 3, за корову — 4, за лошадь, коня, осла или ослицу — 6 империалов, если [скот наносил ущерб] днем, и 12 империалов, если ночью. Указанные кампарии должны штрафовать тех, кто работает в праздники, в соответствии с приведенной выше статьей статута. Третья часть всех штрафов пусть идет тем кампариям, которые обнаружили нарушение, но каждый кампарий должен обнаруживать нарушения только в пределах своего участка. Остальные 2/3 штрафов пусть идут коммуне Аверрара. Каждый кампарий должен требовать залог, а [в случае нарушения] ночью залог по предусмотренным выше пунктам данной главы статута должен взиматься в двойном размере.

---

[1] 30 ноября.

22. Установлено также, что никто из [членов коммуны] Аверрара не должен пускать игрока в кости ни в свой дом, ни в свою усадьбу под угрозой штрафа в 5 солидов за каждый случай нарушения. Тот, кто будет играть [в кости], пусть уплатит штраф в 30 империалов; те, которые окажутся около игрока, пусть уплатят столько же. Консулы и другие должностные лица коммуны могут обвинять нарушителей данного постановления.

23. Установлено также, что если кто-либо из [членов] данной общины скосит у кого-либо траву или выроет яму, то пусть уплатить штраф 6 империалов за каждый случай нарушения.

24. Установлено также, что никто из членов данной общины не должен молоть [зерно] на территории общины ни в воскресные дни, ни в праздники св. мадонны Марии, двенадцати апостолов и св. Бриджиды. Тот, кто нарушит это постановление, пусть уплатит штраф в 6 империалов за каждый случай нарушения. Штраф должен уплатить и тот, кто будет молоть [зерно], и тот, кому принадлежит мельница.

25. Установлено также, что каждый член коммуны Аверрара обязан ежегодно заботиться о церкви св. мадонны Бриджиды в день праздника св. мадонны Бриджиды и в праздник св. Марка (letanie), который празднуется после вознесения нашего господина Иисуса Христа, и в праздник всех святых. В каждом случае следует приносить по крайней мере половину кварты пшеницы (meyo) в виде испеченного хлеба. А те, которые имеют молоко, должны приносить сыр и молоко... в праздник св. Марка. А в праздник мадонны в августе следует делать однодневный сыр, такой сыр [следует] приносить в качестве подаяния и в праздник всех святых, и в праздник св. Бриджиды, и... (à la hora de terza).

И тот, кто нарушит это постановление, пусть уплатит штраф в 30 империалов за каждый случай нарушения.

26. Установлено также, что консулы и нотарий данной коммуны должны присутствовать в церкви в указанные выше дни, установленные для подношений, чтобы видеть и знать, кто приносит подаяния, [а кто нет], и указывать, когда, [в какое время] это подаяние следует приносить. И если консулы и нотарий не будут присутствовать [в церкви] и не будут следить за тем, как совершаются подношения, то пусть уплатят штраф: каждый консул по 5 солидов империалов, а нотарий 30 империалов за каждый случай нарушения.

27. Установлено также, что консулы в настоящее время и в будущем должны ежегодно на средства коммуны ремонтировать церковь св. мадонны Бриджиды, [принадлежащую] данной общине: [приводить в порядок] крест, церковное уб-

ранство, церковные книги, чинить пол, стены, потолок и все прочее.

28. Установлено также, что каждый член общины, который не уйдет в горы согласно тому, как это установлено[1], и его скот будет обнаружен на общинных землях (comunanzie) данной коммуны, пусть уплатит штраф коммуне по 30 империалов за каждый день. И если скот (malga), который угнали в горы, забредет на общинные земли коммуны, то пусть [хозяин их] уплатит штраф 5 солидов в империалах за каждый день и за каждую скотину.

«Corpus statutorum italicorum» N 3.
«Statuti dei Laghi di Como e di Lugano del sec. XIV», vol. I, a cura di E. Anderloni, Roma, 1913, p. 7—13.

23. Из статута сельских коммун Аверрара и Таледжо от 1368 г.[2]

Гл. 1. О викарии и его жалованье. Викарий, направленный синьором Бернабо[3] в местечки Таледжо и Аверрара, является викарием [данных коммун]; он может и должен управлять в соответствии с указаниями и желанием синьора Бернабо и должен получать от указанных коммун жалованье в размере 10 солидов в империалах ежедневно.

Гл. 4. О том, что викарий должен поклясться соблюдать статуты и не должен раздавать [что-либо] из имущества коммуны и прощать правонарушения.

Когда викарий указанных местечек вступает в свою должность, он обязан поклясться на Евангелии, держа в руках священное писание, что будет нести службу справедливо и без обмана и будет по мере своих сил охранять людей и имущество данной коммуны[4], соблюдать статуты данных местечек и не производить дарений отдельным лицам из имущества коммуны данных местечек, а также не будет никому прощать правонарушений без особого на то разрешения синьора Бернабо и общего совета (consilio generale) данных местечек.

Гл. 8. О починке дорог. Викарий данных местечек обязан в период своей службы [следить за тем], чтобы общественные дороги, которые проходят по территории данных местечек, тщательно ремонтировались жителями данных местечек, т. е. каждый участок (squadra) [должен ремонтировать] свои

---

[1] См. статью 9 настоящего статута.

[2] К 1368 г. сельские коммуны Аверрара и соседняя с ней Таледжо объединились в федерацию (comunitade).

[3] Бернабо Висконти — фактический правитель Милана и его дистрикта.

[4] Имеется в виду объединенная коммуна местечек Аверрара и Таледжо.

дороги. Ремонт следует закончить через четыре дня после того дня, когда викарием или его заместителем было сделано указание. Штраф [за нарушение этого постановления] — 40 солидов с каждого участка за каждый случай нарушения.

Гл. 9. О разбирательстве гражданских дел коммуны. Викарий данных участков и местечек, как настоящий, так и будущий, обязан разбирать дела коммуны данных местечек о долгах, тратах и кредитах людей данной коммуны, которые они имеют по отношению к коммуне. На этом разбирательстве должны присутствовать члены совета коммуны, как настоящие, так и будущие.

Гл. 12. О членах совета коммуны данных местечек. Установлено, что 18 человек, т. е. 12 из Таледжо и 6 из Аверрара, должны быть членами совета [коммуны] данных местечек в течение трех месяцев; их следует избирать по участкам. И когда их изберут, они должны явиться в совет и, вступая в свою должность, поклясться, что будут соблюдать статуты указанных местечек под угрозой штрафа в 5 солидов с каждого за каждый случай, когда им было дано указание викарием данных местечек, [которое они не выполнили]. И если кто-либо явится в совет вместо избранного и принесшего клятву члена совета, то [его мнение] не учитывается при обсуждении. Члены совета от имени коммуны и людей данных местечек, а также в соответствии с правами (cum honore) славного синьора Бернабо могут обсуждать [различные дела коммуны], принимать меры, приказывать, постановлять, изменять, исправлять, сокращать [статуты] и делать все в соответствии с тем, как им укажут коммуна, консулы, должностные лица и отдельные лица данных местечек.

Гл. 56. О поддержке и помощи друг другу. Коммуны и отдельные жители данных местечек должны всеми средствами поддерживать и честно помогать друг другу, т. е. солид за солид, лира за лиру, сообща (per comun), как это заведено в товариществах, против всех тех лиц и коммун (comunitade), которые нанесут убыток или ущерб какой-либо из коммун или отдельным лицам данных местечек. Это постановление не распространяется на лиц, осужденных за преступление.

Гл. 90. О тех, кто придет на жительство в данные местечки. Каждый, кто придет на жительство и проживет месяц в каком-либо из данных местечек, пусть считается членом общины (vesino). Он должен и может быть принужден платить налоги и подати коммуне (comun) указанных местечек, подобно тому как это обязаны делать другие члены общины (vesini) и не больше.

«Corpus statutorum italicorum» N 3.
«Statuti dei Laghi di Como e di Lugano dél sec. XIV», vol. I, a cura di E. Anderloni, Roma, 1913, p. 20, 21, 22, 24, 45, 57.

IV. ВОССТАНИЕ ДОЛЬЧИНО

24. О секте тех, которые называют себя принадлежащими к ордену апостолов и уверяют, что они живут жизнью апостолов и соблюдают евангельскую бедность, написано то, что следует дальше, а именно когда эта секта началась и как и кто был ее зачинателем, а также о ее заблуждениях, дабы знали об этом нынешние люди, равно как и те, кто будет жить после них

...Около 1260 г. появился некий Герардо Сегарелли из Пармы в Ломбардии, который выделялся злыми намерениями, как своими, так и многих своих приверженцев. Этот человек, желая казаться совершенным, выдумал новый образ жизни и, прикинувшись кающимся, своими выдумками и баснями привлек на свою сторону многих, ставших его учениками и последователями. Создав с ними постепенно нечто вроде монашеского ордена и тайно влив в них заразительный яд своего учения, он стал выступать против общего статуса святой римской церкви, против прелатов и всего клира, против монахов и всех монашеских орденов, против белого духовенства, как об этом будет сказано полнее в том, что последует. Внушив своим слушателям под личиной поддельной святости, что он хочет следовать жизни и путям апостолов и, как поступали апостолы, проповедовать им покаяние и учить новой жизни, не понимая того, что более старые пути более спасительны. Поэтому он назвал своих учеников и последователей апостолами и хотел, чтобы они именно так назывались, дабы они жили, не повинуясь никому, кроме бога, как и первые апостолы господа нашего Иисуса Христа. Пагубную же свою секту не столько своим авторитетом, которого у него не было, сколько своею наглостью, которая у него была большая, он постановил назвать орденом апостолов, которые должны были рассеяться по всему свету подобно монахам нищенствующих орденов, которые просят милостыню и живут ею, и должны были бы проповедовать повсюду народу: «Покайтесь, ибо приблизилось царствие божие». И многое тому подобное, что на первый взгляд казалось бы добром слушателям, особенно простым людям.

Многочисленные заблуждения, вымышленные умом его, он передал своим последователям, поучая их, чтобы они не открыто и не при всем народе, но тайно держали их и поучали других. И так с самого начала они ходили в плаще, прикрывшись наподобие монахов, иногда в сандалиях, а иногда и босыми; они отступали от обычного вида верных христиан, от их жизни и от их обычаев и делали вид, что они ведут совершенную жизнь и апостольскую, показывая народу своим

внешним видом, своими жестами, своим поведением, что они следуют евангельскому учению. А на самом деле жизнь их была внутренне далеко не так совершенна и внешне постыдна, а их учение на их тайных собраниях было в такой же степени еретическое, как и безумное. Вследствие этого с самого начала под таким монашеским покровом эта злокачественная болезнь приняла большие размеры отчасти потому, что никто не выступил против этих волков в овечьей шкуре. А простые люди принимали ложный образ их святости [за подлинную святость], благодетельствовали им, давали им милостыню. И таким образом в течение 20 лет они выросли численно сверх всякой меры, и дело шло все хуже.

...После запрещения[1] эта зловредная секта мало-помалу стала численно уменьшаться, и верные стали ее избегать. Однако, ввиду того что она распространялась в течение долгого времени и широко в различных частях мира, ее не могли полностью вырвать с корнем тогда же, т. е. во времена папы Гонория IV, как вследствие ее популярности среди простых людей, так и вследствие небрежности со стороны прелатов. И так как не было руки, которая бы вырвала ее с корнем, сыны дьявола умножились и росли еще во времена, когда их главою был Герардо, ересиарх и вождь неправедный. Так как их заблуждения и ересь в последующее время приобретали все больший вес, инквизиторы начали расследовать в Италии это дело, используя авторитет апостольского престола, и [стали] выступать против этих еретиков. А сам Герардо продолжал жить и при папе Бонифации VIII[2], имея множество учеников и проповедников, так что почти через 50 лет после начала своей деятельности упомянутый выше Герардо рвением и заботами инквизиторов из ордена доминиканцев, уполномоченных по Ломбардии, был схвачен как еретик, от каковой ереси он отказался. И однако, брат ордена доминиканцев Манфред Пармский, инквизитор, на исповеди вскрыл, что этот Герардо снова впал в ересь, от которой он отрекся. Установив это, названный инквизитор по торжественному постановлению совета многих юристов того и другого права[3] и множества монахов и клириков, соблюдая процессуальные формы, по единогласному решению передал в Парме названного Герардо в руки светской власти как еретика, отрекшегося и снова впавшего в ересь (relapsum). И был он предан огню там же и сожжен. И многих людей обоего пола, которых Герардо сделал своими учениками и последователями своей зловредной и вероломной жизни, назван-

[1] Папа Гонорий IV запретил эту конгрегацию полностью в 1285—1287 гг.

[2] Т. е. в 1294—1303 гг.

[3] Т. е. гражданского и канонического.

ный инквизитор, осторожно и заботливо исследуя, и наложив различные наказания, и действуя против них проницательно и неустанно, вырвал с корнем эту дьявольскую синагогу из этого города и его округа...

После того как ересь была ликвидирована и Герардо ересиарх сожжен, появился Дольчино, незаконный сын священника Наваррского диоцеза, один из учеников названного выше Герардо, в качестве наставника в заблуждениях и неправильных учениях и сделался главой и знаменосцем этой секты и сообщества не апостольского, а дьявольского, прибавляя к прежним заблуждениям новые, как о том станет ясным ниже... Названный же Дольчино объединил в своей секте и ереси много тысяч людей обоего пола особенно в Италии и Тоскане и в других соседних областях, и передавал им свое зловредное учение, и на основе своего духа, не столько пророческого, сколько фанатичного и безумного, много предсказывал о будущем, уверяя и сочиняя, что он имеет откровение от бога, который даровал ему дух пророческого понимания. И во всем этом он оказался лживым и сам обманулся вместе со своей проклятой Маргаритой, своей женой и подругой в заблуждениях, как об этом повествуется дальше.

А вот заблуждения их [1], как это выяснилось из показаний сожженного Сегарелли и некоторых учеников Дольчино, ставших впоследствии на путь праведный.

1. ...Они тайно учили там и тогда, когда они могли сделать это возможно самым тайным образом, что весь авторитет, данный господом нашим Иисусом Христом римской церкви, отнят у нее и давно уже не пребывает в ней из-за греховности прелатов и что римская церковь, которая находится в руках папы, и кардиналов, и клириков, и монахов, не есть церковь божия, а осужденная церковь и бесплодная.

2. Что римская церковь есть та блудница, которая отошла от веры христовой и о которой пишет Иоанн в своем Апокалипсисе.

3. Что вся та власть духовная, какую дал церкви Христос вначале, перенесена на их секту, которую они сами называют сектой апостолов, или апостолическим орденом, и эту секту они называют духовной конгрегацией, посланной от бога и избранной в эти последние дни; они сами и другие такие же имеют власть, какую имел св. апостол Петр.

4. Что Герардо Сегарелли Пармский, названный выше, был началом секты и ее создателем, а он, как говорит и уверяет Дольчино, был новым древом бога, разрастающимся на корне веры, в котором бог начал приводить церковь свою к общению, совершенству, к жизни и к порядку, к бедности

---

[1] Т. е. Сегарелли и Дольчино.

первоначальной церкви и к тому ее положению, в каком вручил Христос церковь свою св. Петру Апостолу.

5. Только они одни, которые называются апостолами названной выше секты, или конгрегации, суть церковь божия, и они находятся в состоянии такого совершенства, в каком пребывали первые апостолы Христа. И поэтому они считают, что они не обязаны никому повиноваться, даже самому папе и никому другому, ибо их правило, которое они получили от бога, есть свободное и самое совершенное.

6. Ни папа и никто другой не может им приказывать, чтобы они покинули свои порядки или столь совершенную жизнь, и не может их отлучать от церкви...

11. Никакой папа римской церкви не может кого-либо освобождать от грехов, если он только не будет таким же святым, каким был св. апостол Петр, т. е. он должен жить во всемерной бедности и не иметь собственности, быть смиренным, не поощрять войн и никого не преследовать, но каждому предлагать жить в его свободе.

12. Все прелаты церкви римской, как высшие, так и низшие, со времени св. папы Сильвестра, после того как они отклонились от образа жизни первых святых, — вероломцы и соблазнители, за исключением брата Петра де Муроне, который был папой под именем Целестина[1].

13. Все ордена, монашеские и священнические, субдиаконов и прелатов, существуют во вред католической церкви.

14. Светские люди не обязаны давать десятину никакому священнику и никакому прелату римской церкви, которые бы не были столь совершенными и столь нищими, какими были первые апостолы, и поэтому они говорят, что не следует давать десятины никому, кроме них самих, которые называют себя апостолами и суть христовы нищие.

18. Они утверждают, что освященная церковь имеет для молитвы богу не большее значение, чем конюшня или помещение для свиней...

...Названный выше Дольчино, между прочим, уверял, что ему ниспослан дух пророчества и ему это открыто богом, что в 1305 г. Фридрих, король Сицилии, сын бывшего короля Петра Аргонского, станет императором и установит в Италии десять королей, а папу, кардиналов и всех прелатов церкви и всех монахов убьет, кроме тех, которые перейдут на сторону Дольчино и его последователей, и тогда Дольчино будет возведен на папский престол и будет властвовать в

---

[1] Целестини — предшественник папы Бонифация VIII (1294), монах-отшельник из Абруцских гор, единственный папа, добровольно сложивший с себя звание папы, заявив, что он слишком простой человек и не понимает всей сложности церковных дел.

церкви вместе со своими последователями; все это было и есть теперь очевидно лживым.

Дольчино учил также, что церковь прошла через четыре статуса состояния.

Первый статус был хорошим и смиренным, бедным и способным к совершенству, и это было во время Христа и апостолов.

Второй статус тоже был хорошим, и почитаемым, и богатым, и это было во времена св. Сильвестра.

Третий статус был и сейчас продолжается. Он богат, жаден, прелюбодейственен, честолюбив и горд, и этот статус был и сейчас продолжается.

Четвертый таков же, как и первый, и ведет он свое начало от Герардо Сегарелли Пармского, который, будучи послан богом, первый после апостолов в последние времена положил начало пути совершенства. И вот прошло уже сорок лет с того времени, как названный выше Герардо говорил все это около 1300 года, и эту жизнь апостольскую соблюдают Дольчино и его последователи...

«Historia Dulcini haeresiarchae
novariensi ab anno 1304 usque ad annum 1306».
Muratori «Rerum italicarum scriptores», 1726,
t. IX, col. 448—460.

25. Конец Дольчино и его армии

Появившись около г. Верчелли в 1305 г., Дольчино поднял здесь восстание, но, боясь окружения со стороны епископа Верчелльского и герцога Савойского, которые объявили против него крестовый поход, он ушел в горы и здесь отсиживался в течение 1306—1307 гг. О последних днях его и его армии рассказывает анонимный автор названной выше хроники.

...Сами еретики (Gazzari) [1] по воле божьей и по молитвам господа епископа (Верчелльского) и верных христиан пришли в такое состояние, что многие из них ели мясо как человечье, так и собачье и других животных; и, что страшно даже сказать, если кто-либо из них, еретиков, умирал или пал в бою, другие брали труп его, варили и ели из-за отсутствия других припасов и великого голода. И в таком положении они были окружены в течение трех месяцев и больше на горе Дзебелло... В марте месяце упомянутый выше епископ объявил сбор войскам по всей своей земле против этих неверных еретиков, ибо он видел, что земли его почти целиком разорены, а жители их вынуждены просить милостыню. И поэтому, уповая на милость божью и на помощь св. Евсевия и всех святых, он решил испытать судьбу и атаковать

[1] Gazzari — итальянизированное слово «катары», слово, которое с XIV в. стало употребляться как синоним еретика вообще. Сравни немецкое Ketzer.

еретиков всеми своими силами несколько раз в течение страстной недели. И в четверг под пасху люди, которые сражались с еретиками, взяли укрепление, которое находилось возле места, называемого Ставелло, и в долине Ставелло битва продолжалась почти весь день воскресенья и большая часть неверных была убита. А также и среди христиан было много раненых; многие неверные сброшены были в реку, которая теперь называется Кариаке, и уверяют, что вода этой реки была красной как кровь из-за убитых, которые были в нее сброшены. Итак, в четверг страстной недели, в год 1307-й, 13 марта [1], после долгой битвы и больших усилий брат Дольчино был взят в плен в горах Тривера вместе с Маргаритой Тридентской, его женой, и Лонгин из Бергамо, который был из знатного рода де Серо или де Сакко; и были среди взятых в плен вожаки (majores) этой секты, которых вышеназванный г-н епископ очень желал взять живыми, дабы воздать им по заслугам, поскольку они были причиной многих несчастий.

И там же, в тот же день было предано огню или утоплено в реке больше тысячи, [как говорят], а некоторые обезглавлены... Затем епископ, созвав прелатов, и представителей черного духовенства, и многих светских юристов и после тщательного обсуждения и зрелого решения передал названных Дольчино, Маргариту и Лонгино светской власти. И вот Маргарита была сожжена первой, будучи вознесена на высокий столб, как в амфитеатре, и так там поставлена, чтобы видна была всем. И так была сожжена на глазах самого Дольчино. После этого Дольчино и Лонгин, связанные по рукам и ногам, были поставлены высоко на телегу, чтобы видно было всем, а перед их взором был поставлен горн, полный огня, для того чтобы накалять клещи и жечь их тело, что делали палачи, которые раскаленными железными клещами раздирали их тело, время от времени кладя шипцы в огонь. В таком виде они были повезены по многим улицам, дабы их наказание длилось дольше и было суровее... Эти наказания были совершены над Дольчино и Лонгино в разных местах, а именно Дольчино — в городе Верчелли, на улицах, площадях и известных селах, Лонгино — в местечке Бугелло. И, однако, ни один из них, ни даже Маргарита, не изъявили согласия, несмотря ни на просьбы, ни на подкуп, ни каким-либо иным способом обратиться к господу Иисусу Христу и к истинной вере католической. Так они, жестокосердные и упрямые, погибли достойным жалости образом.

«Historea fratris Dulcini haeresiarchae».
Muratori. «Rerum italicarum scriptores»,
t. IX, Col. 438—440.

---

[1] Хронист ошибается: в этот год пасха была 26 марта, следовательно, четверг приходился на 23 марта.

V. ГОРОДА И ГОРОДСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XIII—XV вв.

26. «Установления справедливости». 1293 г.
«Флорентийская хроника» Дино Компаньи

Дино Компаньи — участник нижеописываемых событий.

Совершился этот разгром 11 июня, в день Сан-Барнаба, в местности, именуемой Кампальдино, возле Поппи[1]. После этой победы... горожане вернулись во Флоренцию. Народ[2] добился величия и могущества, которым он пользовался несколько лет. Однако нобили и гранды, проживавшие в городе, полные гордыни, творили многие несправедливости по отношению к пополанам, избивая их и подвергая оскорблениям. Тогда [объединились] многие добрые горожане и купцы, среди которых был один великий и могущественный горожанин, умный, храбрый и добрый муж по имени Джано делла Белла, очень смелый, из хорошего рода, которому не нравились эти несправедливости. Он стал их главой и руководителем и, будучи избран в новую синьорию[3] (которая приступила к своим обязанностям 15 февраля 1292 г.), с помощью народа и своих коллег способствовал укреплению позиций народа. Во времена деятельности этих приоров к их числу был добавлен еще один, с теми же правами, что и остальные, который именовался гонфалоньером справедливости[4]; был им избран Бальдо Руффоли от сесты[5] порта ди Дуомо, которому было дано знамя пополанского ополчения — красный крест на белом поле. Ополчение состояло из тысячи хорошо вооруженных пехотинцев, носивших те же знаки и готовых по любому требованию этого гонфалоньера явиться на площадь или другое место, где в них будет нужда. И были приняты законы, названные «Установлениями справедливости», и были они направлены против могущественных [грандов], которые наносили обиды пополанам. Эти законы требовали ответственности одного члена семьи за другого, причем для доказательства злодеяния было достаточно показания двух свидетелей, пользующихся доброй славой и поддержанных народной молвой. И постановили, чтобы каждая семья, имевшая в своем составе рыцарей, считалась принадлежащей к грандам и члены ее не могли быть избраны в синьорию,

---

[1] Речь идет о разгроме противников Флоренции в битве, происшедшей в 1289 г. в долине близ горы Поппи.

[2] Народ (popolo) — в данном случае горожане.

[3] Синьория — правительство Флорентийской республики; члены ее именовались приорами.

[4] Гонфалоньер справедливости — знаменосец, фактически вскоре стал главой правительства.

[5] Сеста (шестая часть) — район города, их было шесть.

стать гонфалоньерами справедливости или членами правительственных комиссий. И было всего таких семей 33... И я, Дино Компаньи, будучи гонфалоньером справедливости в 1293 г., направился к их домам[1] и домам их родственников и приказал разрушить их согласно этим законам.

Dino Compagni, La cronaca fiorentina, Firenze, 1888, p. 12—13.

27. Экономическое процветание Флоренции XIV в.

Хроника Джованни Виллани

Виллани родился во Флоренции, где и умер от чумы в 1348 г.; образованный купец, политик и дипломат. Хроника охватывает события с 1300 по 1348 г.

Книга XI, глава I. В году от рождества Христова 1333... была Флоренция в состоянии такого великого могущества, счастья и блага, какого не знала она с 1300 г. и ранее...

Глава XXXVIII. Во времена, когда шла... война между королями Франции и Англии[2], торговыми посредниками английского короля были компании Барди и Перуцци из Флоренции. Через их руки шли все его налоги, шерсть и другие товары... И когда король вернулся с войны, нашли, что он должен был им... 1 365 000 золотых флоринов, что равно стоимости целого королевства.

Глава XCIV. Еще о величии и процветании коммуны Флоренции. Находим при внимательном изучении, что в эти времена было во Флоренции около 25 000 человек от 15 до 60 лет, могущих носить оружие, из них 1500 горожан-нобилей... Полагаю, что во Флоренции было до 90 000 мужчин, женщин и детей... 1500 чужеземцев, странников и наемных солдат. В число этих жителей я не включаю священников и монахов. Могу полагать, что в эти времена в контадо и дистретто[3] Флоренции проживали 80 000 человек... Нахожу, что мальчиков и девочек, которые обучаются чтению, насчитывается от 8 до 10 000; мальчиков, изучающих счетное дело и арифметику в шести школах, — от 1000 до 1200; овладевающих грамматикой и логикой в четырех высших школах — от 550 до 600 человек. Церквей было тогда во Флоренции и в пригородах, считая и монастырские, 110... Мастерских цеха Лана[4] было 200 или даже более, и производили они от 60

---

[1] Речь идет о домах грандов, убивших пополана.

[2] Речь идет о Столетней войне.

[3] Контадо — городская округа; дистретто — вся территория республики, включая и другие города, подчиненные Флоренции.

[4] Цех Лана — цех шерстяников, производивший тонкие и яркие сукна из английской или африканской шерсти.

до 80 000 кусков сукна, что оценивалось в 1 200 000 золотых флоринов. Треть этой суммы оставалась в городе и шла на оплату за выработку сукна, что уменьшало прибыль шерстяников[1]; и жили этим ремеслом более 30 000 человек. Находим также, что за 30 лет до этого было 300 мастерских или около этого и вырабатывали они в год более 100 000 кусков сукна, но эти сукна были более грубыми и стоили вдвое дешевле, так как тогда еще не привозили и не умели обрабатывать английскую шерсть, как это стало потом. Лавок цеха Калимала[2] с французскими и другими чужеземными сукнами было 20, и туда привозилось в год более 10 000 кусков сукна стоимостью в 300 000 золотых флоринов[3]; это только те, которые продавались во Флоренции, не считая направляемых за ее пределы.

Меняльных и банковских домов было 80. Золотой монеты чеканили в год 350 000 золотых флоринов, а иногда и 400 000, а малых кватринов — около 20 000 фунтов.

В коллегии судей насчитывалось 80 человек, нотариев было 600, врачей и хирургов — 60, аптек — 100. Купцов и мелких торговцев было множество; невозможно пересчитать мастерские сапожников; насчитывалось 300 или более купцов, которые вели торговлю за пределами Флоренции. Множество было также других мастеров и ремесел...

G. Villani, Cronaca, Firenze, 1844—1845, p. 203, 314—315, 324—325.

28. Движения наемных рабочих.

Фрагмент анонимной хроники

В день 24 мая 1345 [г.] капитан Флоренции[4], которым тогда был мессер Неччо из Губбио, схватил ночью Чуто Брандини, чесальщика, и двух его сыновей, так как Чуто хотел организовать союз в Санта Кроче[5], и составить заговор, и [проводить] сборища с другими рабочими Флоренции. И в тот же день рабочие Флоренции, т. е. чесальщики шерсти, в тот же момент, как только услышали и узнали, что названный Чуто был схвачен капитаном ночью, в постели, немедленно, как один, бросили работу, и остановились, и не хотели [начинать] работу [до тех пор], пока названного Чуто не получат обратно. И пошли эти рабочие к приорам, прося их вернуть

---

[1] Шерстяники — владельцы мастерских.

[2] В цехе Калимала грубые чужеземные сукна перерабатывались в тонкие.

[3] Эти данные относятся к 30-м годам XIV в.

[4] Капитан Флоренции — глава городского ополчения.

[5] Санта Кроче — церковь; в те времена церкви нередко использовались для политических сборищ.

им, рабочим, названного Чуто так, чтобы они получили его здоровым и веселым. Эти рабочие довели дело до того, что заклокотал весь город, [заявляя], что сделают [еще хуже], если названного Чуто не получат обратно здоровым и веселым; а также хотели, чтобы их лучше оплачивали... Названный Чуто был затем повешен...

«Frammento di altra Cronica d'Anonimo»,
pubblicata dal Manni, D. Velluti. Cronaca di Firenze.
Appendice, Firenze, 1731, p. 148.

29. Восстание «Дель Бруко» в Сиене в 1361 г.

«Сиенская хроника» Нери Донато

Хроника охватывает события с 1352 по 1381 г.

Чесальщики шерсти и другие рабочие цеха Ланы города Сиены вступили в спор и затеяли препирательства со своими мастерами, заявляя, что хотят быть мастерами[1], и требуя, чтобы им платили по установлениям сиенской коммуны, а не по решениям цеха. И двинулись ко дворцу синьоров[2], но не были пропущены во внутрь и поэтому подняли превеликий шум, угрожая убить своих мастеров цеха Лана и других цехов. И за это были схвачены Чекко делла Форначи, Джованни ди Монна Тесса и Франческо д'Аньоло, по прозвищу Ворчун; это были чесальщики содружества дель Бруко, которые были заодно с другими поклявшимися[3].

В понедельник, 14 июля, они, вооруженные, двинулись ко дворцу сенатора[4], потребовали выдачи этих трех и, не получив их, хотели поджечь дворец. Узнав об этом, капитан народа, которым был Франчино ди Маэстро Наддо, — а в это время весь город взялся за оружие, — выехал из дворца со знаменем и трубами впереди и направился ко дворцу сенатора. А там была крупная схватка, уже были мертвые и раненые среди людей сенатора. Капитан воздействовал на сенатора таким образом, что эти трое были отпущены, капитан же вернулся во дворец. Получив этих трех, содружество дель Бруко с большим шумом двинулось ко дворцу синьоров, провозглашая: «Пусть будут изгнаны Двенадцать и Девять»[5]. И так было сделано...

После этого «Двенадцать» составили заговор с Салимбени[6] и их сторонниками. Пользуясь как их ненавистью, вы-

---

[1] Т. е. иметь такие же права, как мастера.
[2] Дворец синьоров — дворец правительства Сиены — синьории.
[3] Очевидно, вступавшие в содружество дель Бруко приносили клятву.
[4] Сенатор — глава коммунальной полиции.
[5] «Двенадцать» и «Девять» — богатые и средние горожане, члены правительства.
[6] Салимбени — сиенский феодальный род, заигрывавший с народом.

росшей из дел минувшего, так и деньгами, смогли сделать так, чтобы капитан народа Франчино ди Маэстро Наддо и главы отрядов городского ополчения держались бы их... и чтобы никто не мог прийти на Кампо[1]... и занять все улицы, чтобы никто не мог уйти из Сиены и тогда разрубить на куски содружество дель Бруко... Следующим утром, 30 июля... Двенадцать и их последователи вооружились... и начали сражаться за дворец, а синьоры[2] защищались. И был брошен камень с башни дворца, который отскочил и упал на наступавших... А многие пошли к содружеству дель Бруко, и сражались против них в Овиле[3], и громили, и гнали их, незнакомых с военным делом, разным способом — копьями, арбалетами и мечами; и они бежали в разные стороны и бросались на стены. Их жены издавали вопли и умоляли, держа малых детей на руках, но должны были бежать, так как не было по отношению к ним жалости, чтобы не поощрять тех, кто видел много, но не имел ничего.

Neri Donato, Cronica Sanese. Rerum italicarum Scriptores, t. XV, Mediolani, 1729, p. 224—226.

ВОССТАНИЕ ЧОМПИ

30. Первая хроника анонимного автора[4]

...Провозгласив его[5] «рыцарем народа», обещал ему народ, что сделает так, что он получит доходы со Старого моста[6] во Флоренции, и так и было сделано, как ему обещали.

Затем провозгласили рыцарями восемь мужей войны у ворот [дворца] господ-приоров[7]. «Рыцарями народа» провозглашали стоявшие у ворот дворца мессер Аверардо, немецкий граф, и мессер Аверардо делла Кампана, немец. [Рыцарями были объявлены]: мессер Томмазо ди Марко дельи Строцци, мессер Алессандро ди мессер Рикардо ди Барди, мессер Симоне ди Риньери Перуцци, мессер Джованни ди Моне, торговец зерном. Ему было дано [право получения] доходов

[1] Кампо — площадь Сиены, на которой расположен дворец правительства.

[2] Синьоры — правительство «тощего» народа.

[3] Овиле — район Сиены, где проживали наемные рабочие-шерстяники.

[4] Текст хроники начинается с описания провозглашения 20 июля 1378 г. победившими чомпи ряда лиц «рыцарями народа». Рыцарь народа — почетное звание, которое чомпи давали в честь своей победы.

[5] Речь идет, очевидно, о богатом горожанине, главе правительства накануне восстания чомпи, Сальвестро Медичи, которого чомпи считали своим покровителем.

[6] По обеим сторонам Старого моста находились лавки, принадлежавшие республике.

[7] Дворец приоров — резиденция правительства; приоры, представители цехов, составляли правительство — приорат или синьорию.

[с помещений] Старого рынка пожизненно[1]... Эти являются членами комиссии «Восьми войны»[2]. Затем были возведены в звание рыцарей народа следующие: мессер Бенедетто ди Нероццо дельи Альберти.., мессер Сальвестро ди мессер Аламанно ди Медичи. Этому народ давал право получения доходов со Старого моста пожизненно; и так ему и было это пожаловано... Мессер Джоржо дельи Скали.., мессер Филиппо ди Нональдо Рондинелли.., мессер Гвидо Макиавелли.., мессер Вьери дель Порчелло, булочник.., мессер Гвидо Бандьера, чесальщик. Этому было дано 2000 золотых флоринов, и [гвельфская] партия дала ему коня стоимостью в 50 золотых флоринов[3]... Пришел вечер, народ прошел через мост Рубаконте[4] с тем же знаменем гонфалоньера справедливости, чтобы расположиться лагерем у Сан Джорджо. Это знамя нес Бетто ди Чьярдо из Кампо Корболино, аппретурщик, смелый и сильный молодой человек. Когда они пришли к Сан Джорджо, они увидели, что здесь не смогут хорошо укрепиться. Тогда они снова двинулись под знаменем гонфалоньера к Старому мосту, направились к Порта Санта Мариа, а затем пошли прямо к Канта алла Мачина ко дворцу мессера Стефано в Беллетри и там расположились лагерем на этот вечер. Затем настало утро[5]... и многие горожане пришли, чтобы помочь им, [направляясь туда еще] ночью, и чтобы быть с ними вместе во всем, чего бы они не пожелали сделать. Тогда народ послал за всеми младшими цехами, но кто [из них] явился, а кто нет. И собрался там народ, 7000 вооруженных, и постановили они пойти, чтобы натворить много бед. Угодно было богу, чтобы пролились воды такого сильного ливня, что никто не мог пройти по улице. Поэтому стоял отряд до девяти утра, а потом двинулся. Затем порешили они между собой идти и брать приступом дворец подеста̀ и двинулись к нему по всеобщему согласию, а подойдя к этому дворцу, окружили его. Тогда прислуга подеста̀, которая была на башне, начала бросать камни и пускать стрелы в народ и ремесленников, которые находились там, [у дворца]. Тогда народ начал кричать, что если подеста̀ не уступит, то они, захватив дворец, убьют его. Арбалетчики,

---

[1] Далее следует перечень имен всех членов комиссии «Восьми войны», провозглашенных «рыцарями народа».

[2] Комиссия «Восьми войны» вела войну с папской курией, ее приверженцы заигрывали с чомпи, пытаясь использовать восстание в своих целях.

[3] Всего в этом списке кроме членов комиссии «Восьми войны» 49 человек. Кроме Гвидо Бандьера среди возведенных в достоинство «рыцарей народа» в других хрониках значатся еще чесальщик шерсти Кименто и один из вожаков чомпи, булочник Мео дель Грассо.

[4] Мост, ведущий из центральной части города в рабочий район.

[5] 21 июля 1378 г.

[осаждавшие дворец], взобрались на колокольню Бадии[1] и начали пускать стрелы прямо в людей подестà, но мало нанесли им вреда, [в то время] как они, бросая камни, никого не подпускали ко дворцу. Тогда народ начал выносить столы из таверн, и, прячась под ними, подтаскивать их к воротам дворца, и поджег ворота, подложив под них множество вязанок хвороста. Многие горожане соседних с [дворцом] подестà домов стали делать ему знаки шапками, чтобы [его люди] больше не бросали [камни] вниз, и [стали кричать ему], что если бы он соизволил сдать дворец, то мог бы спасти свою персону. Он ответил, что согласен сдать дворец, кроме камеры коммуны[2], и ему [восставшие] ответили, что согласны на эти условия. Он спустился вниз со своей прислугой, охваченный превеликим страхом, призывая на помощь милосердие божье. И вот народ вошел во дворец, не совершив по отношению к нему (подестá) никаких грубостей. [Народ] дошел до самой башни и поместил на ней знамя цеха кузнецов с изображением клещей. Все другие знамена цехов, больших и малых, были выставлены в окнах [дворца] подестà, и среди них — знамя гонфалоньера справедливости; не было только знамени цеха Лана. Войдя в названный дворец, [народ] выбросил вон все, что там было, и поджег вместе со всеми бумагами, которые находились в этом дворце. И там обосновались и находились весь этот день и всю ночь в честь бога; много народа там находилось, богатые и бедные, и каждый охранял знамя своего цеха.

Наутро народ двинулся от этого дворца, из которого вынесли знамя гонфалоньера справедливости, и пошел к Площади синьоров. Все были вооружены и громко кричали: «Да здравствует тощий народ!»[3] Знамя держал в своих руках Бетто ди Чьярдо, аппретурщик. Восклицал весь народ в один голос: «Пусть погибнут синьоры, в землю их, если они не захотят покинуть [дворец] и отправиться по домам»... Дворец был хорошо снабжен всем, чем нужно, но, будучи людьми трусливыми, [приоры] сочли за лучшее покинуть его. Тогда во дворец вошел весь народ со знаменем справедливости, поднялся наверх, прошел по всем комнатам и нашел много веревок, которые были приобретены, чтобы вешать бедняков... Многие молодые люди поднялись на башню [дворца] и начали звонить во все колокола в знак победы и захвата дворца, в честь господа бога. Затем решили сделать все, что необходимо для усиления и освобождения тощего народа.

---

[1] Церковь Бадия.

[2] Камера коммуны — комната во дворце подестà, где хранились деньги коммуны.

[3] «Тощий» народ — беднота во Флоренции; в XIV в. этот термин употреблялся главным образом по отношению к чомпи — наемным рабочим.

...В указанный день вышел Микеле ди Ландо на балкон [дворца] под звуки всех труб и звон колоколов коммуны, и с ним вышли «Восемь войны» и многие другие горожане.

...Затем решили назначить синьоров, которые были добрыми товарищами и заместили бы должности низложенных синьоров; и так были выкликнуты 8 приоров, и 12 [добрых мужей], и знаменосцы [отрядов городского ополчения]. Синьорами приорами были выкликнуты и в день 25-й июля назначены: Микеле ди Ландо, гонфалоньер справедливости; Лиончино, чесальщик из Сан Пьетро Гаттолино; Сальвестро Компьобези; Испинелло Борси; Джованни д'Аньоло Каппони; Бонаккорзо дель Чимьеро, чесальщик; Бенедетто да Карлоне, сапожник... Барджелло[1], который звался сер Нуто из Читта̀ ди Кастелло, был призван, чтобы служить «жирному» народу, который управлял ранее государством, и чтобы вешать бедных людей Флоренции[2]. Не было угодно богу, чтобы было по его («жирного» народа) воле; он (сер Нуто) был схвачен «тощим» народом и весь был изрублен на куски; самая меньшая часть его была не более шести унций... Это[3] было сделано, чтобы дать [возможность] участвовать [в делах республики] большому количеству народа, чтобы каждый был доволен, чтобы каждый принимал участие в исполнении должностных обязанностей, чтобы были объединены вместе горожане и чтобы бедняк получил свое, то, что ему положено, так как всегда только он нес расходы и никогда не имел доходов, как богатые...

1378 год. В день 28-й [июля]. Приказали синьоры приоры разослать указ, по которому каждый высланный из города... может вернуться и ему гарантируется неприкосновенность и безопасность, за исключением мятежников, убийц и предателей... И каждый возвращенный приносил клятву «тощему» народу в том, что не будет никогда против их государства и всегда будет с ним — и в жизни, и в смерти.

Еще [решили] для большего укрепления [власти] «тощего» народа организовать в городе Флоренции [ополчение] из 1500 арбалетчиков... выплачивая им в дни несения охранной службы 13 солидов в день каждому...

Приказали... пересмотреть все решения коммуны, изданные с 1369 г...

И постановили увеличить число младших цехов... и так и сделали. Первый новый цех составился из всех тех, кто при-

---

[1] Барджелло — судебно-полицейская должность.

[2] Нуто пытал вожаков чомпи, схваченных синьорией 19 июля 1378 г.; он был убит 22 июля.

[3] Речь идет о некоторых решениях нового правительства.

надлежал цеху Лана[1]... Число их доходило до 9000. На гербе, который они носили, был [изображен] ангел с мечом в руке и с крестом. Второй новый цех состоял из красильщиков, чистильщиков... Третий цех составили стригальщики, портные, чулочники... И так возросли младшие цехи на 13 000 человек... Горожане, которые были недовольны тем, что делалось, предостерегали народ: «Вам не достанется никакого дела в управлении, так как они все делают для себя и подносят вам ко рту пустую ложку; поэтому изыскивайте способ исправить это положение...» Народ собрался в большом количестве, чтобы рассмотреть и иметь возможность сделать необходимые мероприятия; и собрался в Санта Мариа Новелла[2] почти весь этот народ. И порешили между собой, что изберут 8 человек — по 2 от картьеры[3], которые должны будут пойти к синьорам приорам с петицией в руках... И двое из «Восьми войны»[4], из которых один был Тамбо, чесальщик с площади Санто Спирито, а другой[5]... отправились во дворец и потребовали, чтобы все приоры присягнули им... и все приоры поклялись. Когда же они потребовали, чтобы поклялся гонфалоньер справедливости, он не захотел, вышел и посоветовался с мессером Томмазо дельи Строцци, который нравился ему в это время, и, вернувшись к названному Тамбо, который требовал у него присяги, подбежал к нему сзади с обнаженным мечом, и нанес ему один удар по голове, а другой по левой руке, и приказал схватить его и его товарища; и были они брошены в тюрьму, в башне дворца.

Собрался весь народ, хорошо вооруженный, и многие ремесленники на площади Сан-Марко... и решили, чтобы мессер Сальвестро не имел [доходов] от Старого моста; и чтобы мессер Джованни ди Моне не имел бы [доходов от Старого] рынка; и чтобы ни один рыцарь не мог бы занимать ни одной должности; и чтобы ни один бедняк из младших цехов не мог быть схвачен за долги... Было решено всеми цехами и всеми горожанами из «жирного» народа разгромить и лишить почета и власти «тощий» народ, т. е. тот цех, который именовался цехом чомпи. Этот заговор составили «Восемь войны»[6] с гонфалоньером справедливости. Прежде всего договорились с ним о деньгах[7]...

---

[1] Т. е. наемные рабочие, подчиненные этому цеху и доныне не являвшиеся членами цеха.

[2] Санта Мариа Новелла — церковь и монастырь, резиденция руководящего центра чомпи.

[3] Флоренция (город) делилась на четыре района — картьеры.

[4] В данном случае наименование руководства чомпи.

[5] Тамбо — прозвище, его настоящее имя Доменико ди Туччо. С ним был Маттео ди сер Сальви. Это событие произошло 31 августа 1378 г.

[6] Здесь — комиссия правительства.

[7] Микеле ди Ландо получил 263 золотых флорина 21 солид.

...В изобилии притекал народ со всех концов площади, всех состояний, богатые и бедные, но особенно «жирные» и цеховые ремесленники, мелкие и крупные, так как они знали о состоявшемся заговоре, который должен был осуществиться... Появилось знамя ангела на площади во главе огромной толпы людей из «тощего» народа. Когда они входили на площадь, им не сказали ни слова, так как видели, что они достаточно сильны, чтобы ответить... Была большая жара... Многие ушли... ибо не знали [о готовившихся] против них злодеяниях...

В 19 часов указанного дня синьоры потребовали все знамена цехов во дворец... и все знамена цехов были отнесены, так как они знали о заговоре, который будет осуществлен, о том, что было приказано: как только чомпи отдадут свое знамя, все они должны быть разрублены на куски и разогнаны, и тетива должна быть перерезана у всех их арбалетчиков. Когда же потребовали знамя ангела, они не захотели его отдать...

Тогда синьоры поступили иным образом... потребовали под страхом отсечения ноги собраться под знаменами ополчений, а не какими-либо другими... Цех владельцев таверн, т. е. мясники... пошли на них (чомпи) и так их громили до 21 часа названного дня. Народ защищался упорно. Поэтому нападавшие не имели успеха. Каждый из них (чомпи) с мечом, топором, копьем защищался как мог, не боясь никого. Когда же предатели-синьоры, как избранные из их же цеха, так и члены цеха Лана, увидели, что они не могут их сломить, они начали бросать с дворца множество камней и метать стрелы им в спину. Увидев, что синьоры, те, которым они доверяли и стояли у них на страже, предали их и бросают им в спину камни, они все почувствовали, что пришла смерть. Тогда они отступили и были сломлены и рассеяны. Много было мертвых и раненых в этот день... В полночь отряд золотого знамени [двинулся] в Беллетри и к Сан Барнаба, разыскивая в домах этих людей, которые были изгнаны, и нанес обиды и грубости многим бедным женщинам... В день 11-й сентября, в воскресенье, в 22 часа, на Площади синьоров им [1] отсекли голову, не зачитывая приговора, так как не было процесса до этого. До того, как упали их головы, они обратились к народу, который там был, и сказали: «Это богу ведомо, что мы умираем из-за величайшей несправедливости. Но если родина может получить успокоение через нашу смерть, мы умираем удовлетворенные». Они замолчали, и несправедливость совершилась. Множество людей

[1] Речь идет о Тамбо и Маттео Сальви.

сочли это великим злом. Похоронены они были своими людьми.

«Cronaca prima d'Anonimo; (Cronaca dello Squittinatore) Il Tumulto dei Ciompi. Cronache e Memorie a cura di Gino Scaramella», Raccolta degli storici italiani, nuova ed., t. XVIII, par. III, Bologna, 1934, p. 73—84.

31. «Флорентийская история»

Приводимая часть рукописи составлена в конце XIV — начале XV в.

...В день 23 июля[1] в городе началось восстание, которое поднял «тощий» народ, т. е. чомпи. Они бросились ко дворцу, а приоры из-за разногласий, бывших между ними, и из-за страха разбежались по домам. Чомпи же взяли дворец, сожгли избирательную урну и собрали парламенто[2]. И назначили Микеле ди Ландо, чесальщика[3], гонфалоньером справедливости, и управлял он в течение 46 часов единолично, посылая от своего имени указы. Он избрал ниже поименованных приоров, а именно: трех от старших цехов, трех от младших и двух от чомпи, которые и управляли до 31 августа 1378 г. Приоры, назначенные Микеле ди Ландо[4]... Этот «тощий» народ... двинулся через весь город[5], поджигая и подвергая разграблению многие дома, особенно некоторых гвельфских семей[6]. Они ходили по городу с венками из оливковых ветвей на голове, издавая громкие крики, творя многие безумства и совершая месть. И не было никого, кто бы осмелился выступить против них из-за их огромной численности и беспощадности...

...И многие добрые горожане бежали [и скрывались] в тайных местах. И если во время восстания они находили, что какой-либо горожанин является их другом, они провозглашали его рыцарем... И добавили к [имевшимся] ремесленным [цехам] еще три... и стало их, таким образом, 24 цеха. В день 31-й августа другие ремесленники[7] сочли, что чомпи принадлежит слишком большая часть должностей; они

[1] В действительности восстание началось 20 июля.

[2] Парламенто — общегородская сходка на Площади синьории.

[3] В действительности он был в это время надсмотрщиком над чесальщиками.

[4] Далее следует список девяти приоров. Кроме названных в предыдущей хронике анонимного автора здесь даны: Сальвестро ди Джованни — красильщик, Джованни Бартоло — аптекарь и нотарий приората сер Гуччо Франчески.

[5] Эти события предшествовали назначению правительства Микеле ди Ландо.

[6] Гвельфы во Флоренции XIV в. — ведущее политическое течение; здесь речь идет о семьях богатых горожан.

[7] Речь идет о заговоре богатых горожан — членов цехов.

подняли движение в городе, и изгнали их из правительства, и закрыли их цех, оставив 23 цеха. И установили, что 4 приора должны быть от семи старших цехов и 4 от 16 младших цехов, а гонфалоньер должен быть всегда от 16 младших цехов. И так составлялось правительство вплоть до января (1379 г.).

«Historie fiorentine fino al 1589».
Рукопись Госуд. публ. б-ки им. Ленина,
ф. 256, Ин. № 180.

32. Городские записи о наиболее значительных событиях, происшедших в г. Флоренции

Фрагмент рукописи неизвестного автора

...На высший пост был поставлен Микеле ди Ландо, чесальщик, человек хотя и низкого происхождения, однако хвалимый всеми писателями, которые об этих временах сохранили памятные записи. В то время как он искал способы изменить порядки в городе, чернь, заподозрив его в этом, вооружается против него и против дворца, где он, чтобы не уступить, как его предшественники, и поддержать достоинство магистрата и свои звание и честь, вооружился для того, чтобы предупредить своих противников и напасть на них. Во главе с последовавшим за ним большим отрядом горожан и «жирного» народа он двинулся, чтобы отыскать чернь, которая собрала в Санта Мариа Новелла главные силы... Он разбил их, обратив в бегство, и счастливо принес победу и таким образом спас, к великой славе своей, город, доблестно вырвав его из рук чомпи и низкого плебса. И так, благодаря доблести Микеле ди Ландо, они сложили оружие, были прекращены мятежи и изменены порядки в городе.

Вновь благородные пополаны из «жирного» народа стали главами нового правительства.

«Commentari civili delle cose più notabili
occorse nella Città di Firenze».
Флорентийский архив. Riccardiana, 3251, p. 22—23.

33. Антипапское восстание в Перудже в 1375 г.

Хроника [1] г. Перуджи (1309—1491 гг.)

Во имя господа, его матери Марии, блаженного св. Эркολано, св. Лоренцо и св. Констанцио, которые освободили народ Перуджи, вырвав из рук проклятых пасторов церкви [ярмо] рабства.

В названный год (1375-й), в день седьмой победоносного месяца декабря, в пятницу утром, пользуясь покровитель-

[1] Автор неизвестен.

ством и милостью божьей, святой народ Перуджи, объединившись... двинулся на площадь, восклицая: «Да здравствует народ, смерть аббату и пасторам церкви!» Собравшись на [главной] площади Перуджи, вооруженный народ двинулся ко дворцу приоров, у которого стоял мессер Гомец со своим отрядом. Поняв, что происходит, он приказал прикрыть ворота дворца и занять башни для обороны... Битва продолжалась с утра до 9 часов вечера... При виде такой ярости со стороны народа и не имея возможности сопротивляться, так как во дворце не было запасов, мессер Гомец бежал и бросил дворцы приоров, капитана и подеста̀, укрывшись в крепости, куда он проник через церковь Сан Лоренцо. Туда же бежал епископ Болонский, прибывший тогда в Перуджу..., а также мессер Уго делла Реккья, родственник папы, мессер Грацио, чиновник церковной канцелярии, мессер Лодовико делла Марка, церковный викарий Перуджи; тут укрепились также мессер Бернардо да Сала со всеми английскими наемниками, конными и пешими, все французы и бургундцы, находившиеся до того в крепости... в количестве 1500 человек. Тут же укрылись мессер Боргаро да Маршьяно, граф Франческо ди Санта Фьоре... мессер Раньере со всеми своими людьми, убоявшимися народной мести...

Тогда весь народ, подняв большой шум, двинулся к воротам крепости, где завязалась крупная битва; были подожжены крепостные мосты, и в крепость полетели камни из осадных машин... Мастера камня и дерева уничтожили опоры, поддерживавшие стены крытых переходов... Осажденный аббат, мессер Гомец и другие церковники просили помощи у наемников — англичан, находившихся под стенами Перуджи... Но Джованни Агуто и другие главари наемных отрядов были людьми умными и не пошли на это... Осадная машина размером в 50 футов метала камни в 1500 фунтов веса и наносила большой ущерб крепости... Так, камнем, пущенным этой машиной, был убит граф Франческо ди Санта Фьоре... Флорентийцы... послали 500 копьеносцев лиги[1] и большой отряд пехотинцев... с этими людьми прибыли послы Флоренции, Сиены и Ареццо...

Года 1371-го, в 1-й день января, в четверг, все люди церкви покинули крепость, захватив с собой все свое имущество, которое смогли унести... Ушел и аббат, который был нашим властелином[2]... И все они уходили без оружия, кто пешком, кто на лошади...

«Cronaca della Città di Perugia dal 1309 al 1491. Diario del Graziani».
«Archivio Storico Italiano», t. XVI, par. I, Firenze, 1850, p. 220—224.

[1] Речь идет об антипапской лиге итальянских городов.
[2] Папский наместник в Перудже.

ИСПАНИЯ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

В данном разделе ряд документов посвящен Реконкисте — борьбе народов Пиренейского полуострова за освобождение от арабского господства, которая оказала огромное влияние на дальнейший ход испанской истории. Первый документ — отрывок из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» — посвящен участию свободного крестьянства в Реконкисте.

Док. № 2—3, отрывки из первой «Всеобщей хроники Испании» и Хроники Альфонса XI, ценны также и тем, что их составители использовали материалы других хроник, не дошедших до нас. Приведенные отрывки содержат сведения о численности войск накануне битв. Хотя эти цифры нельзя считать точными, они тем не менее показывают соотношение числа пехотинцев (которые преимущественно были крестьянами и горожанами) и рыцарей, принимавших участие в сражениях.

Док. № 4—9 характеризуют бегетрии (вольные крестьянские общины), их распространение, особенности и упадок.

Материалы, имеющиеся в док. № 10, представляют большой интерес, так как позволяют судить о социальных и поземельных отношениях в Толедо в XII—XIII вв.

В составлении раздела участвовали и переводы выполнили: *Э. Э. Литаврина* — док. № 1, 2; *И. С. Пичугина* — док. № 3—9; *М. Б. Карасс* — док. № 10, 11.

I. РЕКОНКИСТА

1. Об участии свободных крестьян в Реконкисте

Из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» Альфонса X

Составлен в 1256—1262 гг. С 1348 г. после утверждения на кортесах в Алькала приобрел законодательную силу.

...Граница Испании по самой своей природе более беспокойна, чем старые земли, и события, которые там происходят, очень бурны и сложны.

Пеоны[1], идущие в поход с командирами пеших и конных отрядов, — это люди закаленные, вскормленные на воздухе и привыкшие к работе на земле. Ибо если бы они такими не были, они не смогли бы долгое время оставаться невредимыми, несмотря на всю их ловкость и отвагу.

Поэтому командиры пеших и конных отрядов должны заботиться о том, чтобы брать с собой пеонов в отряды, которые отправляются в тыл врага (cavalgadas)[2], а также в другие военные экспедиции, часто предпринимаемые во время войны, о чем было уже сказано выше.

Кроме того, они очень подвижны и ловки, их тела хорошо приспособлены для того, чтобы переносить трудности войны.

Нужно заботиться о том, чтобы они всегда были хорошо вооружены — имели хорошие копья, дротики, мечи и кинжалы. Нужно также брать с собой людей, умеющих стрелять из арбалета, и тех, которые доставляют все необходимое для арбалетчиков. Ибо эти люди очень важны на войне.

Начальники конницы и пехоты должны заботиться о них и почитать их словом и делом, распределяя среди них вознаграждение, какое положено. Если случайно окажется, что таких пеонов, о которых говорилось выше, невозможно иметь, то, отправляясь в поход в земли врага, лучше иметь немного хороших пеонов, чем много плохих [воинов].

«Las siete partidas», t. I, Madrid, 1789, p. 550. Partida II, tit. XXIII, ley 7.

2. Битва при Лас Навас де Толоса. 1212 г.

Из «Всеобщей хроники»

О численности войск, выступавших в поход против арабов

...Благородный король дон Альфонсо приказал своим писцам и чиновникам (notarios y escribanos) пересчитать всех пришедших из других стран крестоносцев[3], чтобы знать, сколько среди них рыцарей и сколько пехотинцев.

---

[1] Пеоны — крестьяне, участники ополчения. См. перевод этого термина в словаре в издании «Fuero de Teruel». Publ. por Max Grosh, Stockholm, 1950.

[2] Подробное описание cavalgadas дается в Партидах Альфонса X. Partida II, tit. XXIII, ley 28.

[3] Крестоносцами (ultramontanos) в хронике названы отряды духовных и светских сеньоров, прибывших из различных стран Европы для участия в сражении против арабов. Хроника упоминает отряды, пришедшие из Франции и Италии, и также отряды австрийского герцога, который прибыл на поле битвы, когда сражение уже было закончено. «Primera cronica general de España, que mando componer Alfonso el Sabio», publ. por R. Menendez Pidal, t. II, Madrid, 1955.

Епископ Родриго сообщает, что среди тех, кто пришел из-за рубежей Испании, было рыцарей более 10 000 и пехотинцев около 100 000. И как повествует история, из Кастилии и соседних с ней областей Испании — Арагона, Леона, Галисии, Португалии и Астурии — было тоже 10 000 кабальерос и 100 000 пехотинцев.

Об участии городских коммун в битве

Из городов королевства Кастилия пришло к благородному королю дону Альфонсу много добрых людей. Из больших городов и укрепленных замков прибыли многочисленные отряды, хорошо снабженные лошадьми, оружием и всем необходимым для того, чтобы участвовать в походе: продовольствием, доспехами для лошадей, кольчугами и всем прочим, что предназначается для защиты тела в бою и помогает хорошо сражаться. И всего этого у них было столько, что невозможно сосчитать, так что среди них не было ни одного, кто в чем-нибудь имел недостаток. Они даже добровольно отдавали снаряжение из своих запасов другим и делились со всеми тем, что у них было.

Несмотря на то что в своих городах и местечках они живут под покровительством сеньора, однако когда он уходит в поход, они имеют обыкновение браться за оружие и знают благородное искусство верховой езды. С древних времен они носят имя caualgar[1], которое дается обычно тому, кто совершил много славных подвигов в борьбе против мавров, а иногда и против тех христиан, которые воюют друг с другом. Все они взялись за оружие так же, как некогда в прошлом это делали их отцы.

О посвящении в рыцари свободных людей перед битвой

...Благородный король дон Альфонс сначала собрал идальго и простых людей, своих соотечественников, и весь свой королевский двор и сказал им: «Друзья мои, среди всех собравшихся вы мои соотечественники и вассалы...

Смотрите, друзья мои, если есть среди вас такие, кто нуждается в лошадях и не имеет их, или такие, у кого нет оружия или денег, или они нуждаются в чем-нибудь другом, придите ко мне и попросите, и я все исполню для каждого».

И как он сказал, так все и исполнил, и дал им лошадей, оружие, денег, и даже дал рыцарское звание тем, кто его не имел, но был его достоин...

---

[1] Caualgar — всадник, участник caualgada — вооруженного отряда, совершавшего рейд в тыл врага во время Реконкисты. «Las siete partidas», Part. II, tit. XXIII, ley 28.

Об уходе крестоносцев после взятия крепости Калатрава накануне битвы

Изо всей добычи, [захваченной в Калатраве], король дон Альфонс не взял себе ничего и все отдал крестоносцам и королю Арагона.

А между тем враг человеческого рода, тот, кто является врагом всех нас, — дьявол, который никогда не перестает завидовать добрым делам людей, вселился в тех, кто составлял войско христово, помутил их рассудок и повернул их сердца к зависти.

И заставил он их отступить от намеченной цели и изменить обещанию, которое они дали. Поэтому почти все крестоносцы заявили, что они слагают с себя крест, который приняли, дав обещание сражаться в этой битве, и заявили, что отказываются от сражения и возвратятся в свои земли. Но король дон Альфонс, еще более укрепившись в своем решении, ничего им не дал и разделил провиант между теми, кто остался и не отказался от намерения выполнить до конца начатое дело. Но эти самые крестоносцы, т. е. те, что пришли из-за гор, изменили благому намерению и доброму делу и как пришли, так и вернулись каждый сам по себе, и все ушли.

Остался архиепископ Нарбонны со своими людьми и некоторыми рыцарями из провинции Вьенна. И как говорит архиепископ Родриго[1], осталось всего 130 рыцарей и несколько пехотинцев. Среди них остался Теобальд де Бласон со своим отрядом, человек благородный и свободный, уроженец Испании, кастилец по происхождению, и с ним некоторые рыцари из Пуату.

Остался и король Арагона со своим войском...

«Primera cronica general de España,
que mando componer Alfonso el Sabio»,
publ. por R. Menendez Pidal, t. II, Madrid, 1955,
p. 691—692, 696.

3. Об участии свободных крестьян в битве при Тарифе в 1340 г.

Из Хроники Альфонса XI

...И поскольку были здесь пехотинцы из гор Бискайи, и Гипускоа, и Алавы, и Астурии, всем им в Севилье король дал щиты, шлемы, копья и арбалеты.

И кроме того, были там и пехотинцы из других городов королевства и из земель орденов.

Во главе их в качестве командира был поставлен дон Перо Нуньес де Гусман из Леона. И король приказал, чтобы все

---

[1] Родриго — архиепископ Толедо, автор хроники Альфонса XIII.

пехотинцы выступали под стягом Перо Нуньеса. И кроме того, король приказал, чтобы рыцари Перо Нуньеса и рыцари королевского отряда, которых король выделил для этого, стали во главе отрядов пехотинцев... в соответствии с тем, что приказал король, пехотинцы находились с доном Перо Нуньесом; значительная часть их занимала вершину горы Пенья дель Сиерво, а среди тех, которые находились с войском, были крестьяне (labradores) и простые, незнатные люди (omes de poco valia).

«Cronica de los reyes de Castilla», t. I, Madrid, 1875, p. 325.

II. БЕГЕТРИИ КАСТИЛИИ В XI—XV вв.

4. Пункт XIII постановления церковного собора Леона 1020 г., подтверждающий свободу человека бегетрии

Всякий человек бегетрии идет свободно, куда захочет идти со всем своим имуществом, и сохраняя свои земельные владения.

«Cortes de los antiguos reinos de León y de Castilla», t. I, Madrid, 1841, p. 14.

5. Что такое девиса, соларьего и бегетрия и какое между ними имеется различие

Из законодательного сборника XIII в. «Семь частей» Альфонса X

Девиса, соларьего и бегетрия суть три вида владений, коими, согласно Фуэро Кастилии, обладают идальгос в некоторых населенных пунктах. Девиса — это владение, которое человек получает от своего отца, или своей матери, или от деда и бабки, или от других, чьим потомком он является, и которая разделена между ними (наследниками). И они точно знают, сколько их и какие части кому из них принадлежат. Соларьего[1] — это человек, живущий на земле другого. И если захочет, он может идти куда угодно из этого владения со всем своим движимым имуществом, которое он там имел; но он не может ни отчуждать этот участок, [обрабатываемый соларьего], ни просить плодов улучшений, которые он там сделал; но должен сеньор получить недвижимую собственность такой, какая она есть. Но если соларьего в то время, когда

[1] Соларьегос — в XI—XII вв. крепостные Кастилии, которые в конце XIII—XIV в. добились освобождения от личной зависимости, но сохранили поземельную и экономическую зависимость от сеньоров. В данном документе один и тот же термин определяет соларьего и его земельный надел.

он живет в данном месте, получил несколько мараведи[1] от сеньора и были заключены соглашения о его (соларьего) положении, эти соглашения должны быть сохранены между ними таким образом, как это было постановлено. И на таких соларьегос, как эти, король не имеет никаких прав, за исключением монеды[2].

И бегетрией является владение, которое принадлежит тому, кто живет в нем; и может он (член бегетрии) получить в качестве сеньора того, кто будет оказывать ему наибольшую милость. И все те, кто будут господами в бегетрии, могут брать там кондучо[3] когда захотят; но они (члены бегетрии) должны заплатить его в течение 9 дней. И если кто-нибудь из них не заплатит в течение 9 дней, должен заплатить тому, кому он обязан платить, в двойном размере. И они обязаны платить королю за каждую вещь, которая стоит 40 мараведис. И со всех платежей, которые идальго взимают в бегетрии, должен король получать половину. И бегетрия не может быть заново создана без разрешения короля.

«Las siete partidas». Partida IV, tit. XXV,
ley III. Alcubilla, «Códigos antiguos de España»,
Madrid, 1885, p. 516—517.

6. Грамота бегетрии от моря до моря, данная жителям Сиерра де Агиар Альфонсом IX 14 августа 1228 г.

Пусть будет известно всем как в настоящее время, так и на будущее и это написанное будет иметь постоянную силу, что я, Альфонс, благодаря богу король Леона и Галисии, отпускаю на волю или освобождаю от рабства всех, как мужчин, так и женщин, кто живет на земле Агиар и кто был мне подвластен, и освобождаю, и совершенно избавляю их от всех повинностей, и признаю также, чтобы они были бегетрией от моря до моря. Желаю также и приказываю, чтобы они были обязаны по призыву короля ежегодно выплачивать каждый по одному солиду в качестве фонсадеры[4]. Если кто-нибудь попытается нарушить грамоту, содержащую это мое постановление об освобождении и отпуске на волю, навлечет на себя гнев всемогущего бога и негодование короля и, сколько

---

[1] Мараведи — старинная испанская монета.

[2] Монеда (moneda) — до XII в. чрезвычайный налог, который устанавливали короли в связи с каким-либо важным событием (женитьба или рождение принца и т. п.); с начала XII в. этот налог превратился в ежегодный; назывался он так потому, что его платили металлическими деньгами.

[3] Кондучо (conducho) — определенное количество съестных припасов, предоставление жилища, одежды, фуража и т. д. королю или сеньору при посещении ими какого-либо населенного пункта.

[4] Фонсадера (fonçadera) — возмещение в деньгах или натурой, платившееся королю за право не отбывать военную службу.

захватит, пусть возвратит в двойном размере; и за безрассудный риск пусть уплачивает королю тысячу мараведис, а грамота тем не менее будет в своей силе постоянна.

Составлена грамота у Понтоферрато 4 августа 1228 г. Бернальд, ныне архиепископ Кастильский. Иоан Оветензи, епископ. Родерик Леонский, епископ (далее следуют 6 подписей).

E. Hinojosa, Documentos para la historia de las instituciones de León y de Castilla, Madrid, 1919, p. 136.

7. Привилегия местечку и бегетрии Вадокондес от 20 августа 1306 г.

Пусть знают те, кто получит эту грамоту, что я, дон Фердинанд, по милости бога являюсь королем Кастилии, Толедо, Леона, Севильи, Кордовы, Мурсии, Хаэна, Альгачбы и сеньором Молины. Чтобы сделать добро и оказать милость консехо [1], алькальдам [2], рехидорам [3] и хорошим людям моего местечка и бегетрии Вадокондес, расположенной по другую сторону Дуэро, в Эстремадуре, и ради того, чтобы они молились богу о моей жизни и здравии, и ради королей, которые после меня будут править, и чтобы возместить им (жителям Вадокондес) большие убытки и бедствия, которые они потерпели в отношении своих имуществ и людей, и за большое количество крови, пролитой ими на войне, которую я вел с людьми Альмасана, и чтобы за эти беды они были вознаграждены, принимаю хороших людей, жителей названного местечка Вадокондес, как мою бегетрию от моря до моря, принимаю ее под мою охрану, покровительство и королевскую защиту отныне и навсегда; клянусь и обещаю моей королевской клятвой никогда не [от]давать ее ни теперь, ни в какое другое время [никому]; и приказываю инфанту дону Альфонсу, моему дорогому и любимому сыну, чтобы имел и сохранял ее как бегетрию от моря до моря и чтобы никогда не давал ее кому бы то ни было из людей, ни другим королям, которые придут после меня, не отчуждал ее, так как, будучи на моей службе, они претерпели большие несчастья и понесли большие человеческие жертвы; это приказание действительно под страхом моего проклятия; и навлекут на себя гнев всемогущего бога и пусть будет уничтожен, как Иуда-предатель, тот, кто сделал бы против приказанного; и чтобы были сохранены все их фуэрос, нравы и обычаи, которые они имеют или должны

[1] Консехо — совет, который управлял вольными поселениями на вновь завоеванных территориях, непосредственно подчиненных королям.

[2] Алькальд — в средние века должностное лицо, занятое судопроизводством.

[3] Рехидор — судья, назначаемый королем.

иметь отныне; и я подтверждаю им все их границы, которые они теперь имеют, или те, которые будут иметь отныне и в дальнейшем. Соблаговоляю, и это является моей милостью, чтобы не давали никаких податей Фернану Родригес, приору[1] госпиталя св. Хуана из Акры в моих королевствах и сеньориях, в случае если какой-нибудь налог или право в названном месте он держал или имел; моя воля такова, чтобы они были свободны от всего, потому что названный приор мне сделал уступку всего того, что он имел в названном местечке Вадокондес, моей бегетрии; ... и чтобы никто не имел в местечке Вадокондес никаких платежей, за исключением того, что они (жители бегетрии) будут сохранены для моей службы и для службы королей, которые после меня придут, в качестве возмещения за те беды и несчастья, которые получили жители данного местечка в данной войне. И кроме того, моей милостью и волей является то, чтобы они не давали никаких галер, чтобы вести войну, когда я прикажу другим моим бегетриям моего королевства и сеньориям поставить их, и не давали галер королям, которые после меня придут, хотя бы они и приказывали сформировать флот против врагов нашей веры; и считаю за благо, и это является моей милостью, что для того чтобы названное местечко лучше заселялось, а это лучше для службы мне и тем королям, которые придут после меня, и чтобы оказать им милость, дарую им, чтобы они имели свою юрисдикцию в названном местечке Вадокондес, гражданскую и уголовную, и чтобы имелись в названном местечке два алькальда и один мерино[2], и чтобы имелись в нем колодка и виселица, и оковы, и позорный столб, и чтобы рассматривались также гражданские дела как уголовные для того, чтобы велись в соответствии с правом жалующихся.

И отделяю их от юрисдикции св. Доминга из Силоса и от другой какой бы то ни было юрисдикции моих королевств и сеньорий отныне и навсегда. И приказываю моей бегетрии, чтобы они не ходили на вызовы к судье, хотя бы им и угрожали какими-нибудь наказаниями, потому что названное место расположено по другую сторону Дуэро, в Эстремадуре. И кроме того, приказываю, чтобы они не ходили на раскладку [платежей], хотя это касается их и им грозят наказанием или наказаниями, потому что я их возвышаю и освобождаю отныне и навсегда; и приказываю сборщикам налогов, чтобы они приходили распределять платежи в названное местечко Вадокондес в зависимости от тех размеров платежей, которые мы или короли, которые после нас придут, прикажем установить по нашему королевству; и чтобы не шли на их

[1] Приор — настоятель небольших монастырей.
[2] Мерино — окружной судья.

призывы и не подпадали под наказание в силу какой-нибудь клеветы; и приказываю мерино св. Доминга из Силоса, который теперь там есть и который будет после него, и другим мерино нашего двора и всех городов, деревень и местечек нашего королевства, чтобы не входили в названное место делать что-нибудь по долгу службы под угрозой штрафа в тысячу мараведи или потери своей должности теперь и в любое другое время, не переходили границу Дуэро. И приказываю, чтобы не входил в названное место ни воин с булавой, ни арбалетчик, ни палач, ни кто-либо другой, который должен был бы в названном местечке Вадокондес пользоваться своей должностью. И приказываю, чтобы они не платили ни васо[1], ни василььо, ни янтар[2], не давали бы мула или какой-либо другой платеж, так как я освобождаю это местечко отныне и навсегда. И моей милостью является, чтобы алькальд округа не призывал их и не вызывал в суд, так как я их отделяю и дарую им собственную юрисдикцию; и приказываю, чтобы они не приходили перед ними на их созывы отныне и навсегда; и отныне приказал им дать эту мою хартию привилегий, скрепленную моей висячей свинцовой печатью. Дана в Вальядолиде на 20-й день августа месяца в 1344 году. Я, Перо Фернандо из Камары, написал ее по приказанию короля. Фердинанд Перес. Фердинад Перес де Меинте Санчес Альфонсо.

Подтверждено в Бургосе доном Альфонсо XIII 14 мая 1326. Доном Энрике IV в Медино дель Кампо 20 мая 1462. Католическими королями в Вальядолиде 10 марта 1408. Доньей Хуаной в Вальядолиде 20 марта 1509. Доном Филиппом II в Мадриде 19 сентября 1561. Доном Филиппом III в Вальядолиде 8 августа 1602. Доном Филиппом IV в Мадриде 8 августа 1654.

«Colección de privilegios, franquezas,
exenciones y fueros de la Corona de Castilla»,
t. VI, Madrid, 1833, p. 23.

8. Отрывок, посвященный бегетриям, из последующих пяти книг «Всеобщей хроники Испании», которую продолжил Амброзио Моралес

Должно знать, что в Старой Кастилии и в королевстве Леон имеется множество местечек, которые называются бегетриями. И эти поселения, над которыми король имел некоторую власть, определенные права и которые обязаны ему определенными платежами и повинностями, брали в каче-

[1] Васо (vacillo — уменьшительное от vaso) — определенное количество вина, которое должно предоставляться сеньору.

[2] Янтар — строго зафиксированное количество съестных припасов, которые предоставлялись королю и его свите при посещении им какого-нибудь селения.

стве сеньора того, кто им нравился, и оставляли его тогда, когда желали этого. Потому что привилегией бегетрии было менять сеньора, исходя лишь из собственного желания, т. е., кто делает мне благо, с тем я иду; отсюда происходит слово «бенефактория», которое перешло в слово «бегетрия». И о том, насколько древним был этот вид владений, свидетельствует то, что я нахожу его во времена Альфонса V. Совершенной противоположностью этой народной свободе было жестокое фуэро Арагона, которым многие сеньоры обладали по отношению к своим вассалам, подразделявшимся на тех, с кем хорошо и с кем плохо они обращались. Наши бегетрии были двух видов: одни назывались бегетриями от моря до моря; они могли свободно выбирать себе сеньора, кого они захотят, от одного моря до другого, т. е. от Португалии до Бискайи и от Бискайи до Андалузии, которые уже были христианскими (и это и называется от моря до моря). Другие бегетрии назывались бегетриями между родственниками, потому что они могли выбирать в качестве сеньора того, кого они хотели бы, но были принуждены выбирать его из определенного места и из определенных родов, которые были известны и установлены для каждого места. Все это видно из многих памятников старины Кастилии, из хроник и писаний, и об этом подробно пишет дон Педро Лопес де Айала в хронике короля дона Хуана I. Большой опыт показывает, как эта свобода менять сеньоров породила большую путаницу и беспорядок в управлении и даже породила кастильскую пословицу, по которой любое дело, связанное с беспорядком, называется делом бегетрии. К тому же известно, что путаница, царящая в бегетриях, очень повредила правам и поборам, на которые в них имел право король. Поэтому король дон Альфонсо XI пригласил людей и приказал, чтобы они разошлись по всем 16 мериндадам[1] Кастилии, на которые разделена вся земля, и посетили в них все места, являющиеся бегетриями, выяснили бы соотношение платежей и повинностей, какие в них имел король, и теми, что относились к сеньорам. Книга, где собраны все эти сведения, называется Бесерро, и было сделано много рукописных копий ее, одна из них есть у меня. Но не король дон Альфонсо закончил ее составление, а его сын дон Педро, что явствует из начала книги и о чем писал дон Педро Лопес де Айала в хронике короля Педро. И эта книга содержит много сведений, которые проливают свет на генеалогию и происхождение родов Кастилии.

«Los cinco libros postreoros de la coronica general de España que continuava Ambrosio de Morales natural de Corona, Coronufta del Rey Catholico nueftro Señor don Philipe fegundo defte nombre», Cordova, año 1586.

[1] Мериндад (merindad) — округ в средневековой Кастилии.

9. Пример перехода местечка бегетрии в соларьего. Привилегия короля Хуана II, данная 20 июня 1439 г.

Этот государь пожаловал привилегию своему главному камергеру, первому графу Аро, принимая во внимание его добрую и верную службу и вознаграждая за нее. Консехо и хорошие люди местечка Салас, которое расположено около Барбадилло, подали следующее прошение: «Данный консехо и его жители образовали бегетрию и более 100 лет находились под покровительством Педро Фернандес де Веласко (его деда) и после Хуана де Веласко (его отца), а в настоящее время самого графа Аро. Раньше они также были под покровительством людей из его рода, и не помнят жители, чтобы у них был какой-нибудь другой сеньор из другой фамилии. Поэтому им было бы очень выгодно стать вассалами-соларьегос названного графа и его потомков, так как от него и его предков они видели много добра и милости и надеются, что его потомки будут в дальнейшем ее оказывать. Поэтому просят его величество, чтобы он считал их вассалами-соларьегос названного графа Аро и его потомков навсегда, за что они будут очень благодарны».

Принимая во внимание все вышеизложенное, его величество желает и приказывает, чтобы отныне и в дальнейшем названное местечко Салас не было бегетрией и не рассматривалось в качестве бегетрии, как будто оно им никогда и не было, и освобождает его от всех повинностей и обязанностей, которые они (жители Салас) выполняли в силу того, что были бегетрией; и желает, и приказывает, и это является милостью, чтобы данное местечко было соларьего и рассматривалось как соларьего, как будто оно всегда было таковым с момента его заселения; и он оказывает милость и дарует названному дону Педро Фернандес де Веласко его землю, владения, округ, вассалов, право совершать правосудие, высшую и низшую гражданскую и уголовную юрисдикцию, подлинную власть, подати, платежи и повинности, штрафы и остальное, связанное с господством над данным местом, и чтобы оно считалось его собственностью и собственностью его наследников и потомков и того, кого он пожелает, потому что он может его продать, отдавать в залог и отчуждать только не церкви, монастырю или лицу за пределами королевства против воли его величества; за короной сохраняется алькабала[1], третья часть налогов и доходов с земли, которые другие местечки его королевства должны ему платить, а также высшая юстиция и т. д.

---

[1] Алькабала — прямой налог со стоимости всех сделок по продаже или обмену.

Эта привилегия была подтверждена с другим добавлением того же короля 28 того же месяца и года.

«Apuntamientos curiosos sobre behetrías, su condición y privilegios, y modo de hacerse en ellas las filiaciones. Rafael de Floranes. — Colección de documentos inéditos para la historia de España», t. XX, Madrid, 1842—1895, p. 443—445.

III. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ТОЛЕДО В XII—XIII вв.

10. Освобождение от рабства

Из архива толедских мосарабов [1] XII—XIII вв.

№ 785. Июнь 1163 г.

Освобождает дон Роман ибн Сельма обращенную в христианство и названную Мария Хулианис, которая избавилась от рабства, приняв крещение, и теперь права ее и обязанности таковы же, как и у всех свободных христиан.

Разрывает он рабские цепи, и никто не должен домогаться от нее чего-либо и требовать возвращения ее в рабство по какой-либо причине или мотиву.

Сделал он это из любви к богу и чтобы заслужить полное прощение. Передает этот документ в ее руки, чтобы он был при ней и она могла бы показать его тому, кто пожелает вернуть ее в рабство.

Без всякого противодействия со стороны какого-либо лица по какому-либо мотиву или поводу и разрывает цепи рабства навсегда.

Сознает дон Роман значение этого акта, не упуская ничего, и [действует] соответственно тому, что устанавливает закон в подобных случаях.

Свидетельствуют [свидетели] по просьбе обеих сторон в том, что сказано, и дают свидетельство, что это произошло, как сказано, и они [свидетели] слышали это от обеих сторон и знают их и знают, что они в полном обладании своими способностями и здравом рассудке и правомочны заключать контракты, в месяце июне 1201 эры [2].

Амр ибн Абильфарадж, Айшун ибн Али, Абдаррахман ибн Харис, Абдальмелик ибн Абдаррахман, Микаэль ибн

---

[1] Мосарабы — арабизированные христиане, населявшие завоеванные мусульманами области Испании и усвоившие язык, быт и другие элементы арабо-испанской культуры, которые они сохраняли и после Реконкисты.

[2] Эра — летосчисление по испанскому календарю. Оно велось от 38 г. до н. э.

Вадиайш (написано за них по их просьбе и в их присутствии).

Абдаллах ибн Сулейман (написано за него по его просьбе и в его присутствии также).

№ 790. Декабрь 1248 г.

Освобождает аббатиса благородная донья Орабона, которая над монахинями монастыря св. Климента, и приора упомянутого монастыря донья Леокадия Фернандес рабов их Мухаммеда ал-Менари, сына ал-Канана, Ахмеда, который был дона Микаэль де Реналес, Омара Бесеро, известного как сын Ахмеда ибн Джами ал-Санхадж, и Али ал-Романкаро ал-Гамари, за обработку виноградника, известного как виноградник Парраль и принадлежащего монастырю в деревне Олиас юрисдикции Толедо, через 8 лет, считая со дня начала работы; обработка [должна быть] полной, [а именно]: поднимать землю, копать, перекапывать, пропахивать дважды плугом.

И так [они должны] работать каждый год в течение 8 лет при любых условиях и, кроме того, они должны косить для своих господ летом во время жатвы ячменя 15 дней бесплатно в той деревне, которую им укажут [монахини]. И так все годы упомянутого срока.

По выполнении указанной работы на винограднике и во время жатвы станут свободными, как и остальные свободные мусульмане, люди их общины, во всех своих правах и обязанностях.

Без всякого противодействия со стороны какого-либо лица или по причине упомянутого конвента [монастыря] по какому-либо мотиву или поводу, и разрывают цепи рабства навсегда.

Если откажутся от выполнения указанной работы на винограднике или на уборке ячменя в указанные дни, или убегут все или один из них и найдут их госпожи [их], или свяжутся с дурными людьми, или уличат их всех или одного из них сеньоры [их] в воровстве какой-либо вещи в течение указанного срока, то теряют все, что приобрели работой, и возвращаются в рабство, как были раньше, и ничего не остается от этого освобождения никоим образом и ни по какой причине.

А также должны упомянутые отпущенники окружать виноградник оградой, которая там есть, в каждый год из указанного срока.

Живут пусть в той деревне из деревень монастыря, где пожелают, и пользуются едой и питьем и остальным, и пусть снабжают себя сами в течение всего срока.

Если убежит один из них, заставят сеньоры остальных выполнить работу за него как на винограднике, так и во время жатвы после указанного срока и при всех условиях, а также если они или кто-либо из них не будет работать какое-то время из указанного срока по болезни, то остальные должны выполнить ее (работу) после окончания срока, и на этих условиях освобождают их, и согласились они с этим.

...В 13-й день декабря 1286 эры.

Документ-копия, чтобы было известно.

Присутствовал при всем этом комендадор[1] брат дон Микаэль из упомянутого монастыря и согласился со сделанным вышеупомянутыми аббатисой и приорой.

Педро ибн Хуан ибн Томе ибн Яхья ибн Пелайо. Мартин ибн Доминго ибн Домингес ибн Абдаррахман. На обороте: «Грамота тяжбы мавров, которые обрабатывали виноградник».

№ 791. Октябрь 1251 г.

Свидетельствуют Педро Хуанес ал-Шаар (цирюльник), житель квартала Сокодовер, и его дочь Тереса от жены его покойной Марии Роман свидетельством, записанным в конце этого документа, в том, что они передали дону Ласаро ал-Сапатеро, [сапожнику], сыну дона Элиаса, все права, принадлежащие им на Гарсию, отпущенника упомянутого Педро Хуанеса, передачей полной, записанной в этом документе и со дня его составления, для того чтобы вернуть его (Гарсию) в рабство, так как он отказался от выполнения условий освобождения согласно тому, что сказано в договоре об освобождении, чтобы дон Ласаро занял в условиях договора [об освобождении] место упомянутых Педро Хуанеса и его дочери, так как они имеют права на него. И они дарят упомянутому дону Ласаро этот подарок, чтобы он заменил их и занял их место.

Присутствовала при этом Мария Петрес, дочь упомянутого Педро Хуанеса, и подтвердила все это, и согласилась с этим, и заявила, свидетельствуя за себя, что нет у нее прав на упомянутого отпущенника.

Свидетельствует она за себя, за отца и сестру в [указанное] время.

Написано, чтобы было известно, что эта передача для того, чтобы вернуть его (отпущенника) в рабство, так как он не выполнил условий освобождения. Написано, чтобы не было сомнений.

Гарсия Куанес ибн Хуан ибн Томе ибн Яхья, свидетель. Гонсальво ибн Висенте ибн Доминго ибн Маркос.

[1] Комендадор — управляющий имуществом монастыря.

№ 793. Декабрь 1255 г.

Освобождает благородная донья Коломба, дочь альгвасила[1] благородного дона Гутера Фернандеса, вместе с Айшем ал-Хайят [портным], сыном Ахмеда ибн Гарнати, рабыню ее (доньи Коломбы) Умалхаду ал-Гальега, дочь Хасана ал-Ансари, за выкуп в 280 с половиной мискалей[2] альфонси по 15 динаров мискаль, чтобы Айш женился на Умалхаде и [чтобы] работали они в Толедо, где будут жить в положении, которое им подобает, без охраны или надзора за ними и будут брать себе все доходы [от своей работы], малые и большие, и отдавать сеньоре из доходов, как сказано, а именно по два полных мискаля каждый месяц, считая с января ближайшего к составлению настоящего документа, месяц за месяцем до полной уплаты суммы выкупа, и тогда Умалхада станет свободной, как остальные свободные мусульмане, люди ее общины, со всеми их правами и обязанностями.

Без всякого противодействия со стороны какого-либо лица по какому-либо мотиву или поводу, и разрывает цепи рабства навсегда.

Если не смогут уплатить один месяц, пусть восполнят это в следующий или в третий, но если не уплатят к концу третьего, как сказано, за исключением болезни, не позволившей им работать, или если убегут оба или один из них, или уедут из Толедо без позволения сеньоры, или Айш будет пить вино, или поручится за кого-либо [другого] и если они сделают что-либо из этого оба или один из них в течение срока освобождения, то теряют все, что уплатили ей раньше, и возвращается Умалхада в рабство, как было, и отдает Айш сеньоре указанный выкуп частями, а если откажется, то упомянутая сеньора прикажет арестовать его и не освободит, пока он не уплатит ей и все это без судебного постановления.

Сознает донья Коломба значение этого акта, не упуская ничего, и [действует] согласно тому, что устанавливает закон в подобных случаях.

Кроме того, они должны делать подарки сеньоре в каждый из трех ее праздников без всяких отговорок, отказа или задержки, и [кроме того] должна [Умалхада] шить все в ее доме только для нее, а не для других и бесплатно...

Декабрь 1293 эры. Документ-копия.

Поручители за вышеупомянутого Айша: Али ибн Али ал-Фабри[3], который был [рабом] Абильхасана Хамамы, [ручается] пятью мискалями.

---

[1] Альгвасил — должностное лицо в Толедо.

[2] Мискаль (мараведи) — основная монета в Толедо; был разного достоинства — по 15 солидов, по $7^1/_2$ солидов и т. д.

[3] Названо еще 17 поручителей, все они ручаются деньгами — от 3 до 17 мискалей. Полностью ни одно имя не сохранилось.

11. Аренда

№ 917. Январь 1261 г.

Арендует дон Педро Каро из Уэкас, житель деревни Уэкас, муж доньи Доминги, у аббатисы благородной доньи Леокадии Фернандес, которая над монахинями монастыря св. Климента, мульк[1] в один югер пахоты из мульков монастыря в деревне Арганс, юрисдикции Толедо.

Упомянутый арендатор оставляет себе все доходы от арендуемого владения ежегодно в течение всего указанного срока.

Срок аренды — 2 года, считая со дня [составления] этого документа: чтобы в первый год землю обработать, а во второй год засеять ее.

Должен дать алькабалы[2] за весь срок 20 мискалей-альфонси. Передал ей теперь первую половину в руки, и взяла она ее [деньги] у него, и стали они ее собственностью. Вторую половину должен уплатить в конце второго года.

Если откажется от уплаты, то будет поручено предъявителю этого документа заложить и взять его имущество и продать, что пожелают, из его мулька, и взять из этого вторую половину алькабалы без судебного постановления и закона, фуэро и т. д.

[Раньше] это владение держал и обрабатывал Мартин Хуанес, отпущенник комендадора Гарсии Гильельма.

По окончании срока [аренды] должен арендатор вернуть арендуемое владение, после того как будет собран урожай, при всех условиях.

В такой форме обязуется арендатор платить упомянутую алькабалу без всякого уклонения, отговорок или отсрочки по какой-либо причине или мотиву, ибо таково соглашение сторон с одобрения монастыря, и они не должны отступать от него по какой бы то ни было причине или мотиву. После того как узнали оба значение этого соглашения и достигли его, не упуская ничего и следуя тому, что устанавливает закон в подобных случаях.

После того как им перевели [на язык, который они понимают], 4 января 1299 эры.

Документ-копия.

Альфонс ибн Доминго ибн Сервандо, Доминго ибн Кристобаль. На обороте: «Грамота аренды земли в Арганс». Внизу: «Грамота владения, которое арендовал Педро Каро в Арганс на 2 года за 20 мараведи; дал раньше 10 мараведи».

---

[1] Мульк равнозначен аллоду.

[2] Алькабала — плата за аренду земли в Толедо.

Арендует дон Хуан ал-Джанан, [садовник], муж Доминги, дочери дона Бенедикта, и его жена донья Доминга, а они, жители деревни Альгорфелья, у каноника дона Педро Рольдан, который из каноников собора св. Марии, матери света, сад, принадлежащий каноник̆у, в Альгорфелья [вместе] с $1/8$ частью мельницы, расположенной ниже сада.

Арендатор оставляет себе все доходы от арендуемого владения ежегодно в течение указанного срока.

Срок аренды — 2 года, считая со дня св. Михаила.

Обязуется арендатор обрабатывать сад каждый год, как полагается по обычаю [обработки] садов, и может сеять в нем из всех родов злаков что пожелает, а что пошлет им всемогущий бог в саду — на земле и фруктах и с $1/8$ мельницы ежегодно, будет для них и их собственностью.

Что касается алькабалы, то пусть дают ему в первый год 18 мискалей альфонси полноценных в два срока: половину по прошествии года со дня [составления] этого документа, а другую по окончании года со дня ближайшего праздника пасхи.

За второй год платят алькабалы также 18 мискалей. Если откажутся от уплаты алькабалы... как сказано, то поручит [каноник] предъявителю этого документа заложить их имущество, взять его и продать из него то, что пожелает, чтобы уплатить из него половину алькабалы, которую они не в состоянии уплатить полностью, [и все это] без судебного постановления или фуэро и чтобы разбиралось [это дело] в том суде, который изберет каноник, а не в другом.

Арендуемое владение в держании упомянутого каноника, принадлежит оно собору св. Марии.

Обязуется арендодатель огородить для них (арендаторов) сад. [Написано], чтобы было известно.

Упомянутые арендаторы получили от него, [каноника], 8 фанег[1] зерна, половину пшеницы, половину ячменя, 2 фанеги семян льна, 4 арробы[2] чеснока, 4 арробы лука, полфанеги бобов, 4 алмуда[3] гороха, 2 мотыги, называемые лагонес, чтобы они уплатили за это или вернули по окончании аренды.

Что касается других условий, то дает им каноник дом в упомянутой деревне, где они будут жить в течение срока аренды при всех условиях.

[1] Фанега — мера объема, равная 55,5 *л.*

[2] Арроба — мера веса, равная 11,5 *кг.*

[3] Алмуд — мера сыпучих тел.

29 сентября 1303 эры.

Педро ибн Хуан ибн Эстебан ибн ал-Вадиайш. Педро ибн Хуан Петрес ал-Адиб. Альфонс ибн Доминго ибн Себриан.

На обороте: «Грамота аренды сада в Альгорфелье». Приписка по арабски:

Присутствовала при всем этом донья Соли, которая является теперь женой дона Хуана ал-Джанан, упомянутого арендатора, и со своей стороны обязалась вместе с мужем платить упомянутую алькабалу.

№ 930. Май 1257 г.

Дает аббатиса благородная донья Леокадия Фернандес, которая над монахинями монастыря св. Климента, дону Педро Ромеро, сыну дона Ромеро, жителю деревни Риельвес из деревень Толедо, землю, принадлежащую монастырю в этой деревне в [месте] Валь де Вакас, чтобы он насадил на ней виноградник, на срок продолжительностью в 6 лет, считая от времени [составления] этого документа.

Упомянутый засадчик должен обрабатывать виноградник — копать, окапывать, вторично пропахивать, подвязывать лозы — в течение всего времени до раздела виноградника. Все продукты и все доходы до раздела виноградника будут собственностью засадчика, а по окончании срока виноградник разделят на две равных части — как землю, так и лозы, и возьмет себе аббатиса одну из частей, лучшую, по праву собственности, и возьмет себе засадчик другую часть по праву насаждения и обработки, и каждый из них может поступать с принадлежащим ему, как поступает он с остальным своим имуществом.

Если засадчик захочет продать принадлежащее ему из виноградника, то пусть продает аббатисе за ту цену, которую он назначит, если она пожелает купить. Если же откажется, то пусть [он] продает кому захочет. Граничит виноградник с тропинкой и с виноградником дона Гарсии, майордома[1] дона Хуана Фернандеса.

Если засадчик откажется выполнять работу на винограднике в какой-либо год, то теряет все плоды этого года, и берет их себе аббатиса.

24 мая 1295 эры.

Родриго ибн Бенедикто ибн Доминго ибн Абдальазиз. Хуан ибн Доминго ибн Микаэль ибн... Педро ибн Доминго

[1] Майордом — управляющий имуществом.

Эстебан ал-Мухтасиб. На обороте: «Это грамота [земли] в Риельвес, которую мы дали Педро Ромеро в обработку [землю] в Риельвес».

№ 1130. Декабрь 1211 г.

Свидетельствуют дон Лопе ибн Халис и дон Темам ибн Селам, что они знают знанием истинным, и нет сомнения в том, что участок виноградника, который купил дон Роман ал-Дакак, племянник ас-Самада, и участок виноградника, который держит дон Хуан Петрес ал-Харат, [вместе] с третьим участком, от которого они части, расположенные в Вальдекубас, юрисдикции Толедо, как известно свидетелям, были единым виноградником и был произведен его раздел с владельцами этого места, [деревни Вальдекубас], каковыми были люди из [монастыря] Сан Сервандо, более чем за 30 лет до [составления] этого документа.

Часть виноградника, которая между участком дона Романа и участком, который теперь ал-Харата, была выделена при разделе для людей из Сан Сервандо по праву собственности их на землю, а две остальные упомянутые части [виноградника] свободны от уплаты $^1/_6$ и других обязательств этого места[1], и это то, о чем свидетельствуют упомянутые свидетели и записано их свидетельство за них по их просьбе и в их присутствии, так как их просили об этом. И заявили они перед теми свидетелями, имена которых ниже, после того, как поклялись именем бога великого, что все это правда и нет в том никакого сомнения.

И это в первой декаде, сентября 1249 эры.

Фелис ибн Педро ибн Хафсун. Педро ибн Хуан ибн Томе ибн Яхья ибн Пелайо. Лопе ибн Халас. Свидетельствовали упомянутые свидетели в моем присутствии, и я их слышал.

Я, Хайр ибн Сулейман ибн Айш ибн Ваыд.

На обороте: «О винограднике в Вальдекубас».

«Los mozarabes de Toledo en los siglos XII y XIII, vol. I—IV, publ. por A. G. Palencia, Madrid, 1926—1930 (на арабск. яз.).

---

[1] Жители деревни Вальдекубас платили монастырю Сан Сервандо $^1/_6$ часть продуктов с виноградников и имели другие обязательства перед монастырем.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XI—XIII ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

В данном разделе помещены записи обычного права Норвегии и Швеции.

Записи народных обычаев Норвегии были произведены в отдельных ее областях впервые в конце XI или начале XII в., вскоре после появления у скандинавов письменности. В основу этих записей на древненорвежском языке легли доклады о действующем праве, которые делали на народных собраниях — тингах — хранители и толкователи старинных обычаев — лагманы. Первоначальные тексты судебников не сохранились, они подвергались переработке в течение XII в. От записи права областного тинга Юго-Восточной Норвегии — «Законов Эйдсиватинга» (док. № 1) остались лишь ранние редакции записи церковного права. «Законы Гулатинга» (док. № 2) — областного тинга Вестланда (Юго-Западная Норвегия, которая развивалась быстрее других областей) — дошли до нас в редакции 1164 г., составленной при короле Магнусе Эрлингссоне.

Однако в судебниках можно обнаружить части более ранних редакций. Так, в «Законах Гулатинга» можно обнаружить две шкалы вергельдов: более раннюю (док. № 2, титулы 218 и сл.) и позднейшую. Вследствие этой особенности областных судебников удается путем их анализа вскрыть некоторые черты эволюции норвежского общества. Записи норвежского обычного права отличаются от «варварских правд» других германских народов необычайной подробностью содержания. В них детально разбираются многочисленные судебные казусы и другие вопросы, касающиеся родовых отношений, порядка наследования, владения землей, аренды, торговых и иных сделок, положения рабов и вольноотпущенников, организации управления в областях, взаимоотношений между королевской властью и ее представителями, с одной стороны, и населением — с другой.

«Упландская Правда» (док. № 3) относится к середине 90-х годов XIII в. Она оказала влияние на обычное право других областей, Упланд был той областью, откуда племена свеев распространялись по территории Швеции, и в новых областях они создавали законы по образцу законов своей родины. «Правда» состоит из отдельных разделов: о церкви, о короле, об общине, о земле, о купле-продаже и др. Противоречия в документе объясняются расхождениями в обычном праве разных районов Упланда, несовершенной систематизацией уложения и разновременным происхождением и действием тех или иных порядков.

Документы составили и перевели: по истории Норвегии — *А. Я. Гуревич,* по истории Швеции — *О. В. Чернышева.*

1. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ НОРВЕГИИ XI—XII вв.

1. «Законы Эйдсиватинга»

I,48. Взнос за погребение лендрмана[1] и его жены — 12 локтей [ткани], а за сына его или дочь — 9 локтей... Столько же за хольда[2]. За сына лейсинга[3] погребальный взнос — 4 локтя и 3 локтя за лейсинга. За несвободного человека — пеннинг[4].

I,50. Лендрмана нужно хоронить подле церкви и там же детей лендрмана и жену лендрмана. Рядом с ними — хольдов и их жен и детей. Далее следует хоронить лейсингов и их детей. А дальше [от церкви] нужно хоронить вольноотпущенников (frjálsgjafa)[5] и их детей. Ближе к церковной ограде нужно хоронить раба и рабыню[6].

«Den aeldre Eidsivathings-Kristenret. Norges gamle love indtil 1387», und. ved R. Keyser og P. A. Munch. I. Bd., Christiania, 1846, s. 390—391.

---

[1] Лендрман (lend mađr) — человек, получивший в пожалование землю от конунга, его служилый человек.

[2] Хольд (haulldz mađr) в Восточной и Юго-Восточной Норвегии в XI и начале XII в. — полноправный свободный человек, по своему статусу стоящий между представителями знати и вольноотпущенниками. О дальнейшей эволюции хольдов см. «Законы Гулатинга».

[3] Leysingi — вольноотпущенник, выкупившийся на свободу за полную свою цену. Его сын пользовался более высоким статусом, чем он сам.

[4] Пеннинг — мелкая серебряная монета. 240 пеннингов составляли 24 эртога, или 8 эре, или 1 марку серебра.

[5] Frjálsgjafa — вольноотпущенник, освобожденный господином без уплаты выкупа.

[6] Порядок раздельного погребения представителей разных социальных групп в церковном праве Западной Норвегии, относящемся к более позднему времени, не упоминается. Этот порядок свидетельствует о том, что в Юго-Восточной Норвегии в период записи церковного права последнее испытало на себе влияние народных обычаев «варварского» общества с присущими ему доклассовыми градациями.

37. О посредническом суде. ...Если человек задолжал другому, но нет свидетелей, то пусть он [кредитор] обяжет его [должника], чтобы он находился у себя дома и выслушал его претензию, и пусть потребует от него [возвратить] переданное ему имущество. А тот [должник] пусть вернет ему требуемое либо созовет посреднический суд для того, чтобы отвергнуть иск... [Посреднический суд происходит в пределах усадьбы ответчика.] [Участники] посреднического суда должны расположиться перед дверью защищающегося, но не позади его дома. Он [истец] должен посадить своих судей на таком расстоянии от дома, чтобы ответчик мог поместить своих судей между дверью и судьями другого человека [истца] и чтобы оставалось достаточно места для проезда повозки с дровами между судьями и дверью... И если истец возьмет в числе своих судей близкого сородича со стороны отца или со стороны матери, или кого-либо, с кем он породнился посредством женитьбы, или человека, имеющего тяжбу с ответчиком, — эти люди обязаны встать и покинуть посреднический суд, и пусть истец найдет взамен их незаинтересованных людей... Но если он возьмет в судьи лендрмана, или сына лендрмана в возрасте до 40 лет[1], или армана[2] конунга, то он станет нарушителем судебных обычаев и навсегда лишится права возобновить свой иск... [Если ответчик проиграл дело], обязанность тингманов[3] взыскать с него деньги... а если он не желает уплатить и не обещает на тинге уплатить впоследствии, пусть он [истец] призовет армана конунга или сюсельмана[4] и стольких бондов, сколько покажется ему необходимым, чтобы пойти на него и взыскать в двойном количестве долг...

47. Об исках и вызовах на суд. ...Каждый человек в стране, свободный и совершеннолетний, имеет право возбуждать иск...

56. Какой величины покупку может совершить женщина. Несовершеннолетний не может сделать [самостоятельной] покупки или вступить в законную сделку. Так же раб (þraell) не смеет заключить сделки более чем на свой нож.

---

[1] Если сын лендрмана не получал от короля пожалования до достижения сорокалетнего возраста, он лишался достоинства лендрмана.

[2] Арман (ármaðr) — слуга конунга, ведавший хозяйством в его усадьбе. Такие усадьбы были расположены во всех частях Норвегии, и конунг разъезжал по ним, получая от арманов необходимые для себя и своей свиты продукты, и творил суд. Арманы управляли местным населением.

[3] Тингманы (þingmenn) — бонды, свободные люди, участвовавшие в местном органе самоуправления и суда — тинге.

[4] Сюсельман (syslomaþr) — наместник конунга. Должность сюсельманов получила распространение в Норвегии со второй половины XII в.

И лейсинг[1], который еще не устраивал [пир] в знак своего освобождения, не может совершать покупок более чем на [1] эртог. Нужно знать, какой величины покупку может сделать женщина. Жена лейсинга может совершить покупку на [1] эртог, если он (ее муж) устраивал пир в знак своего освобождения. Жена его сына — покупку на половину эре; жена бонда — покупку на [1] эре; жена хольда[2] — покупку на два эре; жена лендрмана — покупку на полмарки...

58. *О введении в род (aettleiđing)*. Человек может улучшить статус (rađ) своего [незаконнорожденного] сына, введя его в род (i aett), если он хочет, и с согласия того, кто является ближайшим наследником. Если у него есть сыновья от матери, за которую он уплатил мунд[3], и лишь один из них достиг совершеннолетия, и этот [сын] согласен, то он даст согласие от имени всех других, как несовершеннолетних, так и еще нерожденных. Тот, кто владеет вместе с ними одалем[4], должен выразить согласие на [пользование] одалем. Он, [отец], должен затем устроить пир, выставив такое количество пива, какое можно наварить из трех сальдов зерна[5] по хордаландской мере[6]. И он должен зарезать трехгодовалого быка, и содрать шкуру с правой передней ноги, и изготовить ботинок, который он должен поставить подле большого пивного котла. Тот, кто вводит человека в род, должен надеть ботинок первым, затем тот, кого вводят в род, потом тот, кто согласился на [участие его] в наследовании; потом тот, кто согласился на [предоставление ему права] одаля, а потом сородичи (frendr). Никто не должен отдавать наследства другого, фальшивая сделка не имеет силы.

---

[1] Вольноотпущенники в Норвегии делились на несколько разрядов с неодинаковыми правами. Высшую категорию составляли лейсинги, выкупившиеся на свободу и устроившие пир в знак своего освобождения, после чего они считались свободными, хотя и неравными по статусу свободнорожденным людям. Ко второй категории относились лейсинги, не устроившие такого пира и имевшие меньшие права. Низший разряд вольноотпущенников — это люди, отпущенные на волю своими господами, но не уплатившие выкупа (frjálsgjafi).

[2] Хольд (haulldr) в Западной Норвегии — свободный человек, пользовавшийся бо́льшими правами, чем бонды, привилегированный человек, обладавший родовой земельной собственностью — одалем.

[3] Т. е. с которой он вступил в законный брак. При замужестве женщина выходила из-под покровительства своего отца (или заменявшего его сородича) и подпадала под покровительство мужа. Мунд — покровительство, а также платеж, вносившийся женихом за невесту.

[4] Одаль (ođal) — родовая земельная собственность, переходившая по наследству из поколения в поколение и первоначально считавшаяся неотчуждаемой. В более позднее время, когда отчуждение одаля сделалось возможным, оно по-прежнему было затруднено рядом ограничений (право сородичей купить первыми продаваемую землю или выкупить ее даже по истечении длительного времени после продажи и т. д.).

[5] Сальд — мера сыпучих тел, около 3 бушелей.

[6] Хордаланд — фюльк (округ) в Юго-Западной Норвегии.

Никто не должен лишать другого человека наследства. Теперь отец должен надеть ботинок, если он вводит сына в род, и его совершеннолетний и [законнорожденный] сын. Теперь введение в род совершено полностью... Он [отец] должен сказать: «Я привел этого человека к вещам, которые я ему даю[1], и деньгам, и подаркам, к жилищу и сидению [в горнице][2], к возмещениям и гривнам[3], и ко всем правам, как если бы его мать была куплена посредством уплаты мунда...» Отныне он должен владеть всем тем, что стало ему принадлежать вследствие введения [в род], до тех пор, пока будут живы те, кто вместе с ним надевал ботинок, а после их смерти он получит как наследство (arf), так и одаль. Человек должен оповещать о своем введении в род каждые 20 зим[4], пока он не получит наследства...

61. Если кто-либо освободит раба. Пусть он отведет раба в церковь или усадит его на сундук и даст ему свободу. Если он освободит его от всех долгов и повинностей, он [вольноотпущенник] не обязан устраивать пир в знак своего освобождения, как и родившийся свободным (frjals). После этого он должен сам улаживать свои дела и вступать в брак, но тем не менее обязан оставаться в послушании у своего законного господина (skapdrottinn), как и тот, кто купил свое освобождение... Если раб ходит путями свободного человека в течение 20 зим или долее... и никто не оспаривает его поступков, сделок или брака, находится ли он в пределах фюлька или вне его, он будет свободен, если желает называться свободным. Человек, которому свободу даровал конунг, не обязан устраивать пир в знак своего освобождения... Если раб или рабыня должны уплатить свою цену, их нужно отвести в церковь, на голову каждого положить книгу [Библию] и дать свободу. Человек должен затем в течение 12 месяцев продолжать работать на своего господина. Но если он получил освобождение, когда половина его цены или больше остались невыплаченными, то хотя бы он [господин] и прибегнул к побоям, чтобы заставить его уплатить недостающее, конунг не должен вмешиваться.

63. О женитьбе вольноотпущенника. Если лейсинг, устроивший пир в знак своего освобождения, возьмет в жены женщину из хорошего рода (aettborna)[5]; и они разойдутся, все дети должны идти за матерью. Но если она умрет первой,

---

[1] Т. е. дал ему права на имущество.

[2] Сидение на почетном месте в пиршественном зале, которое занимал хозяин дома.

[3] Гривна (baugr) — серебряное кольцо в виде спирали определенного веса, обычно в 12 эре, уплачивавшееся в качестве возмещений.

[4] Все сделки и юридические акты заключались в присутствии свидетелей.

[5] Свободнорожденную женщину.

все дети должны возвратиться к отцу и жить на его средства, пока их достаточно. А когда все будет съедено, все они должны перейти в лучший род (i hit betra kyn) [1], а он, [отец], должен вернуться к своему законному господину. Если лейсинг, который не устраивал пира в знак своего освобождения, возьмет в жены женщину из хорошего рода, все дети должны идти за матерью, каковы бы ни были условия развода. Если лейсинг женится на вольноотпущеннице, которая устраивала пир в знак своего освобождения, но он не устраивал [пира], дети не должны получать никакого наследства. Но если он устраивал пир в знак своего освобождения, а она не устраивала, но ее законный господин позволяет надеяться на [ее] освобождение, дети должны наследовать обоим. Если лейсинг женится на вольноотпущеннице и господин одного согласен, а [господин] другого нет, то, если нужно делить имущество, тот, кто не согласен, пусть отсчитает свою долю... Если же лейсинг женится на вольноотпущеннице и оба устраивали пир в знак своего освобождения, то дети их будут наследовать обоим. Но в случае, если они впадут в крайнюю нужду, их [т. е. детей] следует считать готовыми для могилы: в церковном дворе нужно выкопать могилу, и положить их в нее, и оставить на погибель. Пусть господин возьмет [из могилы] того, который проживет долее других, и впредь кормит его. А если лейсинг женится на вольноотпущеннице и никто из них не устраивал пира в знак своего освобождения, и у них родятся дети, они будут равны в своих правах с отцом [2] и должны будут работать на отца с матерью. И если один из них пожелает уйти, пусть оставит за себя 3 марки.

66. О послушании лейсинга законному господину. Лейсинг должен соблюдать покорность по отношению к своему законному господину, не посягать на его жизнь или имущество, не выступать против него в суде, если только у него нет собственной тяжбы; в этом случае он может защищаться против своего господина, как и против любого другого человека. Не должен он пререкаться с ним или обнажать против него оружие. Он не должен примыкать к врагам своего господина или выступать со свидетельством против него и не имеет права поступать на службу к человеку более могущественному, чем его господин, без его позволения... Но если он сделает что-нибудь из этого, он должен быть возвращен на скамью, на которой сидел прежде [3], и уплатить выкуп, а его имущество (fe) будет у него отнято. Два поколения [воль-

---

[1] Т. е. в род их матери.

[2] В отличие от детей вольноотпущенника, устраивавшего пир в знак освобождения; сын такого вольноотпущенника имел более высокий статус, чем его отец.

[3] Т. е. будет лишен свободы.

ноотпущенников] должны оставаться в послушании у двух [поколений семьи его господина]. Если его сын сделает что-нибудь из этого (нарушит послушание), должен уплатить своему законному господину столько же, сколько уплатил бы его отец...

67. Если лейсинг покинет фюльк без позволения законного господина. Если лейсинг покинет фюльк без позволения своего господина, и приобретет имущество, и заключит сделки [на новом месте жительства], его законный господин должен отправиться вслед за ним со свидетелями, и будет хорошо, если тот согласится вернуться. Но если он откажется возвратиться, пусть он (господин) докажет с помощью свидетелей, что это его лейсинг, и возьмет его домой, связанного или не связанного, как пожелает, и посадит его на скамью, которую тот занимал прежде (до освобождения).

71. О должнике. Должника (skulldar mađr) нужно отвести на тинг и предложить его прежде всего его сородичам, если они хотят его [выкупить]... или же тому, кому он (кредитор) хочет передать его. Женщину нельзя принуждать отрабатывать долг без согласия ее сородичей... Никто не должен побоями принуждать должника работать, разве только он не имеет другого средства взыскать с него долг. И после этого должник не смеет требовать возмещения ни с него, ни с его жены, ни с кого-либо из его хозяйства... Но если другие люди причинят ему (должнику) ущерб, он (кредитор) имеет такое же право на возмещение, какое он получает за своего старшего раба... Человек хорошего происхождения (aettborenn mađr) может отдать своего ребенка за долги, если он отдает его на тинге, на пиру или в церковном приходе. Он может отдать его за долг в три марки, не более... Он (кредитор) может использовать своего должника так же, как собственного раба, и давать ему уроки таким же образом, и предоставлять ему время для заработка, как и своим рабам. Он должен отрабатывать долг, за который он обязался служить. Если ему не нравится служить, пусть в течение полумесяца ходит по фюльку и собирает для уплаты долга. Но если он будет ходить с закрытым лицом или уйдет из фюлька, он станет рабом, если тот, кому он задолжал, сумеет захватить его. Конунг не получает возмещений за должника, когда он (должник) сам не может требовать себе возмещения. Если свободный совершеннолетний человек хорошего рода (aettborenn) отдается в службу должника, он может обязаться служить за такой долг, за какой хочет... Если должник упрям и отказывается работать, пусть он (кредитор) отведет его на тинг и потребует, чтобы его сородичи освободили его от долга. Но если сородичи откажутся

выкупить его, то тот, кому причитается долг, имеет право изувечить его сверху или снизу, как желает...

72. Раздел об аренде земли (landzleigu). Если человек арендует землю у того, кто ею владеет, и заключит законное соглашение, он имеет право занимать землю в течение 12 месяцев. И пусть он платит такую ренту (leigu), о какой они договорились. Если платеж нужно внести в определенный день, но он не уплатит, то лишится земли... Он может занимать землю до дня истечения сделки следующей весной[1]. Он не должен передавать часть этой земли за ренту другому человеку, если он не предупредил, когда снимал землю, что намерен сдать часть ее другому за уплату ренты на основе законной сделки. А если он передаст [землю], то утратит право пользоваться землей, а равно и тот, кому он ее передаст. Оба должны уплатить возмещение за нарушение права владения[2], и тот, кто взял землю у арендатора (leiguliđa), должен ее оставить; но передавший ему землю должен оплатить ему все расходы и 6 эре за нарушение договора, ибо всякий, кто передал землю незаконным образом, должен уплатить возмещение, если он не может дать ему другой равноценной земли.

78. Если кто-либо сдаст одну землю двоим. Если кто-либо сдаст одну и ту же землю двоим, ее должен получить тот, кто снял ее первым... и он (собственник) должен дать другому человеку иную землю, если он имеет, или же уплатить 6 эре за нарушение сделки. Но если у него нет [земли], кроме той, которую он сам занимает, пусть ее получит другой человек (тот, кому он ее сдал), а не он.

81. Здесь разъясняются отношения между соседями[3]. Если двое соседей (grannar) живут вместе в одной усадьбе и арендуют землю у одного человека, их земля считается неподеленной (uskipt), а тот раздел, который они произведут между собой, должен сохраняться в силе, пока они остаются на земле...[4]

82. Об отношениях между соседями. ...Если два человека или более двух занимают одну усадьбу (bó), они обязаны поддерживать в порядке изгороди согласно размерам своих участков и так, как это было прежде...

84. О горных пастбищах (saetr) и о границе. Пограничные знаки на горном пастбище должны быть там, где нахо-

---

[1] Имеется в виду необходимость перезаключения соглашения через год; арендатор мог при этом сидеть на участке дольше.

[2] См. титул 91.

[3] Это разъяснение, очевидно, давал толкователь обычаев лагман, со слов которого данное постановление было записано.

[4] Собственник считал это владение неподеленным и получал ренту с него, как с целого, хотя арендаторы могли поделить между собой землю: это касалось только их одних.

дились исстари... Пользование горным пастбищем устанавливается так, что никто здесь не может отослать [чужой] скот домой (к его собственнику) под надзор, ибо здесь рог должен встретить рог и копыто — копыто[1].

87. О разделе одаля (óđals skipti). Если люди[2] хотят поделить между собой одаль и производят дележку права собственности (óđals skipti) и все [на это] согласны, пусть поделят как хотят, и пусть бросят жребии на тинге, и будет этот раздел нерушимым. Если люди хотят поделить одаль, пусть тот, чье право старейшее, созовет их на собрание и пусть они поделят одаль в присутствии людей из округи. Вызов должен быть послан заранее, так, чтобы могло успеть собраться необходимое число людей, в то время как земля должна оставаться неогороженной и незасеянной. Тот, кто хочет разделить землю на большие участки, пусть руководит разделом. При дележке одаля обмер можно производить на глаз, если не покажется, что лучше мерить веревкой. Межевые камни должны быть поставлены и врыты в землю там, где люди согласятся. Если приглашенный [принять участие в разделе] не явится, раздел тем не менее производить, как я рассказал[3]. Вызывавший его должен иметь свидетелей [в доказательство того], что он вызывал его на это место в этот день принять участие вместе с ними в дележе. Затем в полу нужно положить столько жребиев, сколько человек участвует [во владении одалем], и нужно осмотреть пометки на каждом [жребии] и знать, что он обозначает — дом или землю. За тех, кто не хочет тянуть жребий сам, пусть тянут другие. Потом они должны явиться на тинг и объявить о разделе своего одаля, и тогда они поделили свой одаль законным образом... Никто не имеет права отказать другому на его требование измерить землю веревкой в течение 3 зим, если землю прежде веревкой не обмеряли. Тот, кто имеет больше земли, должен уступить часть, но он должен получить ту долю, какая досталась ему по жребию... Пусть они поделят усадьбу пополам, если другой способ не покажется лучше...

89. О пограничных камнях. Если люди спорят относительно границы в пределах усадьбы (garđr), будь то граница пахотной земли или луга, и один говорит, что другой обработал лишнюю землю, кроме той, какую он имел право обрабатывать, и украл землю, вырыв пограничные камни, они должны обратиться к тем, кто лучше знает границу между ними...

---

[1] Горные пастбища находились в общей собственности. На них выгоняли скот летом (зимой животных содержали в стойлах).

[2] Имеются в виду хозяева, совместно владевшие землей, возможно, члены большой семьи.

[3] Лагман, который сообщает на Гулатинге об этих обычаях.

91. О возмещениях за вторжение во владение (landnám). Если лейсинг имеет землю, он получит эре в ходячей монете в качестве возмещения за вторжение в пределы ограды. И его сын — эре. Бонд — $1^1/_2$ эре, хольд — 3 эре, лендрман — 6 эре, ярл [1] — 12 эре, конунг — 3 марки. Столько, сколько я сказал, получит каждый за вторжение в пределы ограды, а [за вторжение во владение, расположенное] вне ограды, — половину... Если земля [в пределах усадьбы] не поделена [между владельцами], все должны получить одно возмещение за вторжение; пусть его уплатят в соответствии со статусом лучшего из владеющих землей... [2] Но если земля поделена посредством раздела одаля [3], пусть каждый получит полное возмещение за вторжение в его долю. Если же кто-либо войдет в чужой лес без разрешения владельца и будет там работать, то должен уплатить возмещение за вторжение во владение...

101. Если кто-либо пользуется чужой вейцлой. Если кто-нибудь будет пользоваться землей, [полученной другим человеком в качестве] вейцлы (veizlu jorđ) [4], то он (владелец вейцлы) должен возбудить тяжбу о нарушении права владения и получит половину [возмещения]. А если он этого не сделает, арман конунга учинит иск на все возмещение.

103. Здесь начинается раздел о порядке наследования. Первое наследство (erfđ) то, которое сын получает после отца или отец после сына, если смерть возьмет того или другого. Второе получают дочь и сын сына, каждый половину. Дед по отцу должен наследовать так же, если нет детей покойного, стоящих на пути его. И она (дочь) должна наследовать движимое имущество, а он (сын) одаль. Третье наследство брат получает после брата или братья и сестры получают друг от друга, если у них общий отец и за их мать был уплачен мунд. Четвертое наследство — когда мать становится наследницей своего сына. Пятое получает дядя по отцу и сын брата, один после другого. Оба они получают наследство одного человека, если так случится. Шестое получают сыновья братьев, один после другого, и брат, происходящий от той же матери, [но от другого отца], если имеется такой. Он должен получить по наследству движимое имущество, а они одаль.

104. Седьмое [наследство] получают после отца сын, зачатый в углу (незаконнорожденный сын от свободной жен-

---

[1] Ярл — наместник конунга, правивший страной в его отсутствие.

[2] Т. е. человека более высокого происхождения, чем другие хозяева, жившие в этой усадьбе.

[3] См. титул 87.

[4] Вейцла — букв.: пир, угощение. Такие пиры устраивались бондами для конунга во время его поездок по стране. Конунг мог пожаловать право сбора угощения или продуктов с населения своим приближенным. Получивший такое пожалование назывался лендрманом и управлял переданной ему территорией, но не имел права никому ее передавать.

щины, с которой его отец жил открыто), или сын, зачатый в кустах (незаконнорожденный сын от свободной женщины, с которой его отец находился в тайном сожительстве), или сын от рабыни (получившей волю после его рождения), которого не вводили в род[1]. [Это наследство включает] и движимое имущество, и одаль... Они имеют все права [наследования]. Восьмое [наследство] получают люди, которые следуют после сыновей братьев, один [наследует] другому. Девятое получают отец матери и сын дочери. Десятое получают брат матери и сын сестры, один за другим. Одиннадцатое получают сыновья братьев и сестер[2]. Двенадцатое получают сыновья сестер. Тринадцатое называют наследством нерожденного: если женщина была беременна, и, прежде чем она умерла, ребенок в ней шевелился, и две женщины знали об этом от нее, он должен унаследовать подарок (сделанный женихом вдобавок к приданому), но приданое должен получить [ее] наследник.

Теперь перечислены все наследники из числа родственников (frenderfđir). Те родственники, которые были названы, наследуют первыми, а затем все другие, прежде чем наследство достанется конунгу.

131. О созыве тинга. Любой человек в случае необходимости имеет право созвать тинг. ...И все бонды, к чьим домам приносят знак [о созыве тинга, т. е. стрелу], обязаны отправиться на тинг, кроме тех, кто работает в одиночку (einvirkjar); эти должны посещать три тинга: тинг, созываемый в случае убийства, тинг, созываемый конунгом, и тинг, на котором обсуждаются дела, связанные с исполнением военной службы; а на остальные тинги работающие в одиночку могут не ходить. Человек считается работающим в одиночку, если ему помогает кто-либо моложе 15 зим, будь то его сын или чужой сын, который ходит с ним на работу...

141. Если арман захватит имущество бонда без приговора. Если лендрман или арман захватит владение (bú) бонда прежде, чем будет произведен расчет или вынесен приговор, он обязан возвратить его и уплатить 40 марок, ибо каждый человек имеет по закону право на свое имущество.

145. О прибрежных находках и альменнинге[3]. Каждый человек может пользоваться водой и лесом на альменнинге. Каждый должен пользоваться такими правами на альменнинге, какие он имел исстари. Но если на альменнинге будут

---

[1] См. титул 58.

[2] Systkina — предполагается случай, когда одновременно имелись сыновья и у братьев, и у сестер (в отличие от шестого и двенадцатого наследования).

[3] Альменнинг (almenningr) — «общая земля» — пастбища, леса и пустоши, которые находились в коллективном пользовании. Королевская власть установила над альменнингами свою верховную собственность.

созданы усадьбы, они должны принадлежать конунгу. Если человек возвел ограду вокруг своего одаля или луга, он может владеть землей на таком расстоянии от изгороди, на какое способен бросить свой нож [для подрезки деревьев], но то, что лежит дальше, — альменнинг...

149. Здесь начинаются правила об охоте на китов. Хольд или человек лучший, чем хольд[1], имеет право на всего найденного кита длиною в 18 локтей. Но любой другой человек — наполовину меньше...

180. О вергельдах (gjolld). Теперь в Гуле[2] будут перечислены вергельды. Вергельд хольда — 18 марок законными деньгами[3]. Отсюда вергельды должны возрастать или понижаться, как и другие законные возмещения...

185. Об оценке ран. Если лейсинг ранит человека, должен уплатить возмещение гривною в 12 эре. Но его сын — двумя гривнами. А бонд — тремя гривнами. Человек, рожденный с правом на одаль (óđalborenn mađr)[4], — шестью гривнами, лендрман и маршал[5] — 12 гривнами. А ярл — 24 и конунг — 48 гривнами.

200. О правах людей на возмещения. Лейсинг получает простое возмещение[6] в размере 6 эре. А его сын... в марку. Бонд [получает] простое возмещение в 12 эре, хольд... в 3 марки, лендрман и маршал... в 6 марок, ярл и епископ... в 12 марок. Сын лендрмана должен получать возмещение хольда, если ему не пожалована земля...[7] Всё люди должны наследовать своим отцам права на возмещения, кроме тех, для кого изданы особые постановления (а именно): скутильсвейн[8] должен получать простое возмещение хольда; сын епископа, и сын ярла, а также сын маршала, и сын скутильсвейна, и сын священника, и сын армана должны получать такие возмещения, какие полагаются им по происхождению, если они не имеют достоинства, присвоенного их отцам. Исландцы пользуются возмещением хольдов во время торговой

---

[1] Т. е. человек более высокого социального положения, чем хольд.

[2] Гула (Gula) — место собраний областного тинга Юго-Западной Норвегии — Гулатинга (в северной части фюлька Хордаланд). На Гулатинге были записаны доклады лагманов о действующих обычаях; эти записи послужили основою «Законов Гулатинга».

[3] Серебром.

[4] Человек, происходящий от владельцев одаля. Одальманом считался свободный человек, пять предков которого по прямой нисходящей линии владели землей, не отчуждая ее.

[5] Stallare — один из высших придворных чинов.

[6] Возмещение за причиненный ущерб. За некоторые преступления требовались увеличенные возмещения.

[7] Права лендрмана были связаны с пожалованием ему вейцлы и не являлись наследственными. Ср. титул 101 и примечание к нему.

[8] Skutilsveinn — слуга, прислуживавший конунгу за столом, придворный.

поездки, проживая здесь (в Норвегии) в течение трех зим и имея постоянное местопребывание. А впоследствии они должны пользоваться такими возмещениями, какие полагаются им согласно имеющимся свидетельствам. Все другие чужеземцы, которые прибывают сюда в страну, пусть пользуются возмещениями бондов, если только не имеют свидетелей относительно иного.

206. О землях, пожалованных в качестве вейцлы (veizlu jarđer). Если человек имеет землю от конунга в качестве вейцлы (veizlu konongs) и она у него отобрана, он тем не менее будет сохранять те же права на возмещения, какими пользуется лендрман, и также его сын, пока ему не исполнится 40 лет [1].

218. Здесь объясняется, что такое головная гривна. Первая гривна (вергельда) называется головной гривной, в ней 10 марок [серебра], т. е. [стоимость] 32-х коров, если убитый человек был рожден с правом одаля (óđalborenn) [2]. И отсюда возмещения за жизнь увеличиваются или уменьшаются, как и другие платежи, [в соответствии с положением человека]. Если нет сына, [головную гривну] получит отец [убитого]. Если же оба живы, то отец получит 3 марки. Но если он более не способен сражаться, он получит 12 эре от убийцы...

219. Гривна брата. Вторая гривна называется гривною брата, в ней 5 марок, т. е. [стоимость] 16 коров.

Третья — гривна двоюродного брата, в ней 4 марки, т. е. [стоимость] 13 коров без половины эре.

220. Еще о гривне брата. Гривну в 10 марок должен получить сын убитого. Гривна брата причитается его брату, если он имеется, иначе сыну убитого. Если у убитого нет ни отца, ни сына, все возмещение должен получить брат или (если нет брата) двоюродный брат [по отцу]. Но если нет никого из тех, кого я сейчас перечислил [3], возмещение целиком получит наследник убитого.

221. Подарки женщинам [4]. Для подарка женщинам 1 марка, которую должны поделить между собой четыре женщины, если они имеются: мать убитого, его дочь, сестра и жена [должны получить] по 2 эре каждая, если они живы. Если же [какой-либо] из женщин нет, [ее долю] пусть возьмет сын убитого. Если нет всех [этих] женщин, убийца должен взять марку и отдать ее сыну убитого. Если нет одной из женщин, сын убитого должен получить 2 эре, а если нет двух — пол-

[1] Вейцла не даровалась в наследственное владение, но сын лендрмана мог получить вейцлу, которую держал его отец, при согласии государя.

[2] Т. е. хольд. Ср. титул 185.

[3] Лагман — толкователь права.

[4] Платежи, которые получали родственницы убитого. Главных возмещений — гривен женщины не получали.

марки, и марку, если нет всех [этих женщин]. Теперь перечислены все гривны.

222. О возмещениях сородичам (frendr). Убийца должен уплатить головную гривну сыну убитого. И брат убийцы, если он имеется, должен уплатить гривну брата брату убитого, иначе ее должен уплатить убийца. Двоюродный брат убийцы [по отцу], если он имеется, должен уплатить гривну двоюродного брата двоюродному брату убитого [со стороны отца] — иначе должен уплатить убийца. Тот, кто получает вергельд, должен [считаться за] сына убитого, будь он отцом или братом, кем бы он ни приходился [убитому]. Теперь определены все гривны.

223. Об оценке имущества [при уплате вергельда]. Теперь нужно определить имущество, [которое может быть отдано при уплате вергельда]. Корова [оценивается] в $2^1/_2$ эре. Если в возмещение идут коровы, нельзя давать животное старше восьми зим, если только его согласен взять [получатель вергельда]. Корова, которую дают в возмещение, должна быть здорова, с рогами и хвостом, глазами и сосцами и со всеми ногами. Возмещения и гривны можно платить зерном, быками и тельными коровами, платить золотом или плавленным серебром [1], если имеется, платить конями, но не кобылами, жеребцами, а не меринами, лошадью, у которой не торчит кишка, здоровые половые органы и глаза и нет иных повреждений, [мешающих при] продаже. Можно платить овцами, но не козами. Можно отдать в возмещение землю, [которой владеют по праву] одаля (óđalsjorđ), но не купленную землю (kaupa jorđ). Можно отдать корабль, но не такой, который нуждается в ремонте или настолько старый, что у него поломаны уключины, или сломан штевень, или наложены заплаты, если только они не были поставлены тогда, когда корабль находился на штапеле. Вещь дешевле одного эре нельзя отдавать в возмещение... Можно отдать в возмещение оружие, бывшее в употреблении, но целое, острое и неповрежденное, но того оружия, которым был убит человек, [за которого платят вергельд], нельзя предлагать. Пусть никто не отдает при уплате вергельда меча, если он не украшен золотом или серебром. Можно платить возмещение шерстяной [2] или полотняной тканью, совершенно новой, или другой тканью, новой и нераскроенной, или даже разрезанной, если она новая и получающий возмещение согласен ее принять. Можно давать в возмещение ткани для мужской одежды, но

---

[1] Плавленное чистое серебро ценилось приблизительно вдвое дороже серебра в чеканной монете, где оно было с примесями.

[2] Vađmal — домотканая грубошерстная ткань, употреблявшаяся в Скандинавских странах в раннее средневековье в качестве средства платежа вместо денег.

не для женской, новые, но не старые. Можно давать в возмещение меха, новые и непоношенные, а также черные меха и тонкие ткани, новые и неразрезанные. Можно давать рабов, если они выращены дома и не моложе 15 зим, если только получатель возмещения согласен взять более молодого. Рабынь отдавать при уплате возмещения нельзя. Теперь перечислено имущество, которое можно отдавать при уплате возмещения.

243. О гривнах.[1] Теперь нужно рассказать о вергельде хольда. В головной гривне должны быть 6 марок, каждый эре в 12 локтей шерстяной ткани, 4 [марки] в гривне брата и $2^1/_2$ марки в гривне двоюродного брата...[2]

261. Если свободный и раб вместе воруют. Если совершили кражу совместно свободный человек и раб, то вором считается свободный, а раб ни при чем, ибо человек, укравший вместе с чужим рабом, украл один.

264. О пограничных камнях. Если кто-либо купит землю у армана, он будет вором, если он не купил [ее] на тинге. Если кто-либо продаст землю, пожалованную ему в качестве вейцлы, он тем самым сделается вором, но не тот, кто купит ее...

276. О землях одаля. Теперь нужно перечислить земли, которые подчинены праву одаля. Первая — это земля, которая переходит из поколения в поколение. Вторая — приобретенная при уплате вергельда[3]. Третья — полученная в наследство опекуном[4]. Четвертая — [земля, полученная] как почетный дар (heiđlaunađ)[5]. Пятая — [земля], полученная от конунга в награду за оказанное гостеприимство. Шестая — земля, полученная от кого-либо как платеж за воспитание ребенка. Седьмая — земля, полученная в обмен на землю одаля. Эти [категории земель] должны считаться одалем, и все те земли, которые подверглись разделу (óđals skipti) между братьями и сородичами. Все другие [земли] — купленные.

292. О передаче земли в собственность (jarđar skeyting). Когда кто-либо покупает землю на собрании, тингманы обязаны передать ему землю в собственность. Он должен просить продающего быть дома, чтобы получить вызов на тинг, и привести на тинг своих свидетелей, которые подтвердили бы, что он законным путем сделал в доме [продающего] вызов на тинг. Он должен взять землю, как предписывает

---

[1] Более поздняя шкала вергельдов. Ср. титулы 218 и сл.

[2] Далее идут титулы, в которых подробно устанавливаются порядок уплаты и размеры остальных возмещений.

[3] Ср. титул 223.

[4] Branderfđ (brand — огонь, погребальный костер). Если один человек брал под свое покровительство и опеку другого до его смерти (т. е. до его сожжения на погребальном костре, согласно языческим обычаям), опекун делался наследником земли опекаемого.

[5] Имеется в виду королевское пожалование.

закон: он должен взять ее из четырех углов очага, и из-под почетного сидения [хозяина в горнице], и с того места, где пахотная земля встречается с лугом и где лесистый холм соприкасается с выгоном. И пусть он имеет на тинге свидетелей того, что земля была взята должным образом, а также других людей — свидетелей покупки... Передача собственности (skeyting), произведенная в церкви, в харчевне или на корабле с полным экипажем и настолько длинном, что его называют по числу скамей [гребцов][1], имеет такую же силу, как если бы ее произвели на тинге. Когда конунг передает землю в собственность, это также должно сохранять силу.

295. Здесь начинается раздел об охране побережья. Конунгу принадлежит право предписывать, запрещать и определять наше участие в обороне побережья[2]. Мы не смеем отказываться служить во флоте (leiđangr) [вдоль побережья] вплоть до конца земли[3], если он приказывает, исходя из собственной необходимости и для нашей пользы. Но все люди должны служить в равной степени, так, как обещал нам конунг[4].

296. О подсчете людей. Когда созывается ополчение (leiđangr), каждый должен дать отчет о своих людях, и никто не смеет отказаться произвести новый подсчет с целью более равного распределения [воинской повинности]. Если кто-либо потребует подсчета людей в его корабельном округе (skipreiđa)[5], то будет хорошо, если все они явятся для подсчета и принесут присягу... Каждый должен включить в подсчет себя и всех людей из своего хозяйства, за которых нужно исполнять флотскую службу, и также своих лейсингов, не устраивавших пира в знак своего освобождения. Если лейсинг имеет достаточно средств, он должен самостоятельно участвовать в ополчении, в противном случае это сделает его законный господин. Каждый должен включить в подсчет всех своих детей, которые трижды видели рождество. Если человек бегает из фюлька в фюльк и из четверти в четверть[6], чтобы уклониться от подсчета, и не исполняет флотской службы ни здесь, ни там, то, если он будет в этом обвинен и изобличен, его следует поставить вне закона. Если человек помогает членам своего хозяйства избежать присяги, то, если у него есть раб, его заберет арман конунга, а если у него

---

[1] Военные корабли делились на несколько категорий по числу скамей для гребцов (по 2 гребца на скамье). Наиболее распространенными были корабли с 20 и 25 скамьями.

[2] От имени участников Гулатинга говорит лагман.

[3] Т. е. до устья р. Готы на границе со Швецией.

[4] Участие в ополчении было всеобщей повинностью. См. титул 296.

[5] Жители корабельного округа снаряжали на свой счет один корабль.

[6] В Вестланде фюльки делились на более мелкие административные единицы — четверти с соответствующими тингами.

имеется более одного раба, арман возьмет одного, какого выберет. Но если у него нет рабов, он должен уплатить штраф в 3 марки за каждого члена своего хозяйства, которому помогал уклониться от присяги.

299. Об управлении кораблем. ...Начальник корабля должен выбрать экипаж для службы, и все [набранные им люди] обязаны отплыть либо уплатить штраф в 3 марки. Будет хорошо, если окажется [для этой цели] достаточно неженатых людей, но если их будет недоставать, бонды, имеющие помощников в хозяйстве, должны вступить в экипаж, и будет хорошо, если их хватит. Но если и их будет недоставать, тогда в экипаж придется вступить тем, кто не имеет помощников (einvirki); [из трех хозяев] один должен отплыть, а двое останутся дома стеречь скот, если таким путем удастся укомплектовать экипаж; иначе придется двоим отплыть, а одному остаться дома.

312. О посылке стрелы. ...Если кто-либо имеет сведения о военном нападении [на страну], он должен послать железную стрелу до конца земли[1]. Эту стрелу нужно передавать от одного лендрмана к другому и везти на корабле с полной командой и днем и ночью обычным путем. Всякий, кто не передаст стрелу дальше, будет поставлен вне закона... Всем людям, к домам которых доставили стрелу, она принесла приказ явиться на борт корабля в течение пяти дней. А если кто-либо останется дома, он будет поставлен вне закона, ибо в такое время все — и свободный, и раб (þegn oc þraell) — обязаны выступить. Каждый должен запастись продовольствием для себя и своих спутников. Если нападет вражеское войско, и произойдет сражение, и раб убьет противника, он станет свободным...

Den aeldre Gulathings — Lov. Norges gamle love indtil 1387, udg. ved R. Keyser og P. A. Munch. I. Bd., Christiania, 1846, S. 22—23, 26, 29, 31, 32—34, 36—37, 39—41, 43—45, 47—49, 55—59, 66—67, 71—72, 74—76, 81, 85—86, 91, 96—98, 102—103.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ШВЕЦИИ XIII в.

3. «Упландская правда»

О церкви

VII. О ДЕСЯТИНЕ

Десятина должна выделяться на пашне, каждая десятая копна или каждый десятый сноп, и вокруг должна быть поставлена законная изгородь. Из этого имеет священник одну

[1] См. титул 295 и примечание к нему.

третью часть, и из двух долей, которые остались, имеет церковь одну третью часть. Они должны держать законную изгородь вокруг [этого] в течение 14 суток после того, как все бонды в том коне собрали урожай; и если потом не захочет каждый присматривать за своей долей, то пусть потерпит ущерб тот, кто должен получить ее, бонды же за это не отвечают. И бонды могут не выполнять извозную повинность, будь то для епископа или для священника, если только у них самих не будет желания к этому.

§ 1. И вот сеет кто-нибудь и собирает меньше, чем сто копен, собирает ли он не больше одной копны, или две, или больше, как бы много он ни собрал, но меньше, чем сто; тогда должен он давать в счет десятины каждую десятую копну или каждый десятый сноп и ставить законную изгородь вокруг, и он пусть будет свободен от взноса деньгами.

§ 2. И вот наймит или какой другой бродяга берет внаем землю, а сам не живет на той земле, тогда должна десятина даваться с земли, где она находится, а он должен платить взнос деньгами, где он живет, живет ли он в пределах прихода или нет. Если живет он на той земле, тогда пусть платит он десятину и будет свободен от взноса, если имеет он там стол и дом.

§ 3. Тот, кто хочет правильно заплатить десятину, должен давать каждую десятую копну или каждый десятый сноп, начиная от одной межевой канавы и кончая другой, считая (снопы) вверх по одной полосе пашни и вниз по другой, а не переносить хлеб с пашни на пашню; начинает же пусть с той копны или с того снопа, который он первый увез с пашни, так считает до тех пор, пока не будет десять. Десятина должна оставаться на пашне, и он должен держать законную изгородь вокруг, как выше говорилось. Если десятина будет украдена, съедена, испорчена или сгниет в течение срока законной изгороди, тогда бонд должен возместить это.

§ 4. На свою десятину церковь же должна заботиться о своем украшении, и о покрывале на алтарь, и об одежде для мессы, должна покупать воск и ладан... Если она нуждается в починке или исправлении, тогда должны бонды привозить строевой лес для этого, и церковь должна сама нанимать людей на работу и давать им пищу.

§ 5. И должны давать десятину со льна и конопли, репы, гороха и бобов, со ржи и пшеницы так же, как прежде было, по старому обычаю, и с хмеля.

§ 6. И вот должен священник за свою службу иметь десятину со всего скота. Мы должны давать в счет десятины теленка, когда ему 9 дней, поросенка, когда ему 9 дней, коз-

ленка, гуся и ягненка ко дню св. Улофа[1]. Священник должен сам позаботиться о своей десятине. Бонды должны привозить десятину со скотом к церкви и не обязаны давать клятву. И вот может случиться, что молодняка не родится столько, чтобы священник смог получить с него десятину; тогда должен бонд давать 4 пеннинга[2] за каждого жеребенка, 2 пеннинга за теленка, 1/2 пеннинга за поросенка, 1/2 пеннинга за гуся, пеннинг за ягненка и столько же за козленка. И мы должны давать десятину со всего улова зимней ловли неводом, а также со всех добытых охотой шкур.

§ 7. И вот живет в приходе ремесленник, который ничего не сеет; он должен к пасхе давать священнику пол-эре, если он один; если их двое, то пусть он дает целый эре и не больше, даже если их больше. И вот живет в приходе усадебник, который нанял себе дом и не имеет никакого посева или скота, такой должен к пасхе давать священнику столько же, сколько наймит: это составляет пол-эре, наймитка же платит эртуг.

§ 8. И вот может случиться, что бонд задержится со своей десятиной и все же признает, что он обязан давать десятину; тогда может священник в день пасхи лишить его причастия. И вот говорит священник, что он не получил какой-либо десятины от бонда или что он получил меньше, чем он имеет право получить с него; тогда пусть защищает себя бонд своей собственной клятвой и пусть останется потом безнаказанным. И вот обвиняет священник бонда в том, что он украл у него десятину, после того как она справедливо была выделена им; тогда пусть защищает он себя от этого обвинения в воровстве таким же образом, как бонд защищает себя от бонда в подобном деле в каждом случае в зависимости от рода преступления, или же пусть он платит штраф по закону страны.

§ 9. Священник должен иметь в течение года оброк продовольствием стоимостью на 4 пеннинга или же 4 пеннинга.

О земле

I. КАК ПО ЗАКОНУ ДОЛЖНА ПРЕДЛАГАТЬСЯ ЗЕМЛЯ

Если хочет кто-нибудь продать землю, свою старую наследственную землю, то он должен предложить ее родственнику перед соседями и церковным приходом. Если родственник не хочет купить землю, то должен он перед сотенным тингом предложить ее родственнику. Если захочет родствен-

[1] 29 июля.

[2] Основной денежной единицей была марка. 1 марка = 8 эре = 24 эртугам = 192 пеннингам.

ник объявиться при этом, то земля присуждается по родству. Если не хочет родственник объявиться при этом, то должен он на втором сотенном тинге предлагать ее ему. Если не хочет родственник объявиться при этом и не хочет купить ее, тогда должен он на третьем сотенном тинге предложить землю ему. Если не хочет родственник объявиться при этом, тогда может тот купить землю, кто имеет самый глубокий кошелек и хочет дать ее цену в деньгах серебром. Тогда должна она присуждаться ему полностью и прочно, как старая отцовская и дедовская земля (fäderne och fornärvd odaljord). И вот приходит родственник и предлагает цену за свою наследственную землю (sin bördesjord) в течение трех дней тинга. Тогда отвечает тот, который хочет продать: «Если хочешь ты дать столько же, сколько предлагает другой, и такими товарами, в которых я нуждаюсь, тогда дам я тебе купить землю по родству». «Нет, — говорит он, — я хочу дать цену деньгами». Тогда должна земля присуждаться по родству и деньги должны быть переданы в руки доверенного лица, если тот, который хочет продать землю, отказывается взять их. Тогда должен он дать одну марку чистого серебра за каждый эртуг, который взимается с земли в качестве подати зерном и деньгами, и не больше, или деньгами столько, чтобы можно было выплавить одну марку серебра из этого, а на треть меньше за такой эртуг земли, с которого взимаются в качестве подати только деньги, и потом за каждую землю все, чего она стоит. И вот не хочет он объявиться при покупке земли и не хочет купить землю на четвертом тинге, а также и никакой другой родственник [не хочет]; тогда может тот, кто хочет, дать цену за нее, купить ее и все же давать за каждый эртуг земли так, как здесь сказано.

§ 1. И вот говорит тот, который купил, что земля была законным образом предложена родственнику, но тот отказался; тогда должны 12 человек проверить, была ли эта земля по закону предложена или нет. Если подтвердят они, что земля была законным образом предложена, то должна его покупка быть закреплена за ним. Если захотят они клятвой подтвердить, что земля не была законным образом предложена или что они слышали, что на законном тинге родственнику была предложена цена за его наследственную землю, и деньги будут обнаружены в руках доверенных людей, тогда должна земля вновь быть присуждена по родству.

II. ЕСЛИ РОДСТВЕННИКИ СПОРЯТ О ПОКУПКЕ ЗЕМЛИ

И вот спорят о земле и о праве покупки, и один говорит: «Это принадлежит мне по родству, а не тебе». Если один ближе по родству с [этим] человеком, а другой дальше, тогда

должно право покупки земли присуждаться тому, кто является ближайшим. Если спорят о земле и праве покупки и оба являются родственниками, тогда должен тот быть ближе к покупке, кто является ближайшим наследником, если бы должно было получаться наследство, в случае если он предложит цену за землю в течение законного тинга. А если не предложит он в течение законного тинга и подтвердят это 12 человек, тогда должен тот иметь землю, кто покупает ее. Если спорят о земле и праве покупки и являются оба одинаково близкими, тогда должны оба купить наследственную землю и оба должны уплатить ее цену.

§ 1. И вот называет кто-нибудь себя родственником и хочет поэтому купить землю; пусть он подтвердит свое право покупки с помощью своих родственников и клятвой 18 человек и пусть купит ту землю, на которую он подтвердил свое право.

§ 2. И вот кто-нибудь вновь продал землю, и продал ее согласно закону. Потом оспаривается покупка, защищается же она (покупка) 12 человеками так, как раньше сказано, что земля была законным образом предложена и таким же образом куплена. Если она будет защищена таким образом против того, кто оспаривает в настоящее время, то защищена также и против всех тех, кто потом возбудит иск об этом.

§ 3. Если продает кто-нибудь или обменивает свою наследственную землю в одном месте и покупает в другом, то это есть наследственная земля, а не благоприобретенная.

§ 4. Никакая благоприобретенная земля не должна предлагаться родственникам. Тот, кто приобрел землю, имеет право поступать с ней, как он захочет: дарить ее или продавать ее тому, кому он захочет, и так дорого, как он сможет, если только эта земля не досталась ему путем наследования или он не купил ее в качестве наследственной земли у своего родственника. Такая земля должна быть снова предложена законному родственнику.

V. О ПЛАТЕ ЗА ВСПАШКУ

Если получает кто-нибудь двор от бонда путем покупки или обмена и если захочет владелец сам жить там, то должен он дать бонду плату за вспашку. Если это вспахано наполовину, то пусть он дает половину платы. А если это вспахано два раза, то пусть он дает полную плату. Трудно спорить с собственником. Если время для платы за допуск не истекло, тогда должен тот, кто берет [землю] за плату за допуск, предоставить ее вновь. Если поспорят они, то пусть он вернет обратно плату за допуск или пусть подтвердит, что она возвращена так, как говорит закон.

§ 1. Все фасторы[1], которые должны быть для земли и которые являются фасторами при купле-продаже, должны даваться и приниматься [их показания] на тинге или у церкви.

IX. О ЗАЛОГЕ ЗЕМЛИ

Если отдает кто-нибудь землю в залог другому за зерно, или за деньги, или за другие товары, использует ли он их для посева, или для еды, или для чего-нибудь другого, в чем он нуждается, срок ему должен быть положен до дня св. Мартина[2] для всей той земли, которая отдана в залог. Если может он выкупить ее или его родственники [могут выкупить] до дня св. Мартина, тогда будет иметь землю тот, кто выкупил ее. Если он не выкупит ее до этого дня, тогда будет тот иметь землю, у кого она была заложена.

§ 1. Вся земля, которая отдается в залог, должна отдаваться в залог на тинге или у церкви перед прихожанами и там выкупаться с фасторами таким же образом, каким она была отдана в залог. И вот говорит кто-нибудь, что выкупил [землю] с фасторами; тогда должны 12 человек проверить, выкупил ли он с фасторами или нет. Если подтвердят они клятвой, что он выкупил свою землю с фасторами, тогда выкупные фасторы должны быть признаны действительными. Если подтвердят они клятвой, что он не выкупил ее, тогда землю должен иметь тот, у кого она была заложена, а тот человек, который хотел с помощью выкупных фасторов подтвердить свое дело, должен заплатить 3 марки штрафа...

X. КАКИМ ОБРАЗОМ ЗЕМЛЯ ДОЛЖНА ОБРАБАТЫВАТЬСЯ ДЕРЖАТЕЛЕМ

И вот говорится, каким образом земля должна обрабатываться держателем. Восемь лет — вот срок найма для земли, и на девятый должна даваться плата за допуск. Плата за допуск должна даваться такая, о какой оба договорились, собственник земли и держатель, и таким же образом оброк. Правильный день [сдачи] оброка есть начало масленицы. Если он уплачивает оброк заранее, то пусть он будет безнаказан. Если же он не выплатил оброк к положенному дню, то должен платить штраф эртуг за каждый эртуг до тех пор, пока не будет полного эре. А если он задерживается с целым эре или больше, то должен он платить штраф 3 эре за каждый год, и это должно поступать только бонду. Собственник имеет право потом взыскивать судебным порядком с

[1] Фасторы — доверенные лица, которые должны были присутствовать при заключении сделок о купле-продаже земли.

[2] 11 ноября.

держателя и за оброк, и за штраф, и потом собственник может распоряжаться своей землей, а держатель лишается всего своего труда, кроме того, что касается дома.

XIV. КАК ДЕРЖАТЕЛЬ МОЖЕТ ЕЗДИТЬ В ЛЕС

Если человек владеет меньшим, чем эре [земли] в деревне, тогда держатель может ездить в лес с несколькими повозками. Если имеет он пол-эре, тогда может он ездить в лес с одной повозкой. Если имеет он меньше, чем пол-эре, тогда может ездить он в лес с волокушами, если кто-нибудь ничего не имеет в деревне, тогда не имеет он никакого права на лес.

§ 1. И вот имеет кто-нибудь эре или больше в деревне, тогда могут и владелец, и держатель ездить в лес со столькими повозками, со сколькими они захотят. Если соседи считают, что они рубят слишком много в лесу, тогда прав будет тот, кто хочет поделить лес.

О купле-продаже

III. ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ПРОДАЕТ ХРИСТИАНИНА

Никакой христианин не имеет права продавать христианина, ибо когда Христос был продан, он выкупил всех христиан. И вот продает кто-нибудь свободного человека! Если будет подтверждено, что он свободный, тогда пусть платит штраф 40 марок тот, кто продал свободного человека. И вот продает один христианин другого христианина, и тот его раб; тогда становится тот, который продан, свободным вследствие этой продажи. И тот, который купил, должен взять обратно свои деньги, и при этом не должно уплачиваться никакого штрафа. И он никогда не должен потом быть несвободным.

§ 1. И вот может быть возбужден иск против человека, который был раньше рабом и который был освобожден из двора своего владельца, тогда тот будет прав, кто хочет подтвердить свою свободу. Он должен подтвердить одну восьмую [свободы] с двумя людьми, одну четвертую — с четырьмя, половину — с восемью, полную свободу — с шестнадцатью людьми. Это должны сделать те, кто на тинге принимал его [в качестве свободного], в таком числе, как здесь сказано. Так должны они поклясться, что владелец освободил его, и они приняли его на тинге.

§ 2. И вот раб или рабыня были освобождены от бонда. Потом увеличиваются их деньги, и бонд хочет тогда позвать их обратно к себе. Тогда имеют они право подтвердить, что они были освобождены так, как здесь сказано.

§ 3. Никто не имеет права отдавать себя в добровольное рабство, и никто не имеет права принимать другого как добровольного раба.

Об общине

I. КАК ДОЛЖЕН ПРОИСХОДИТЬ ПЕРЕДЕЛ ДЕРЕВНИ

Если бонды хотят устроить деревню по-новому или если она расположена в соответствии со старым порядком, то пусть каждый засеет свой пар, а уж потом произойдет новый раздел. Если обрабатывает кто-нибудь землю по старому порядку после того, как произошел раздел земли по новому порядку, то должен он платить штраф за незаконную обработку в каждом отдельном случае по роду преступления. Тогда принуждает четверть деревни другую четверть к переделу и половина деревни — другую половину. Тогда в деревне происходит передел. Вокруг деревни должны ставиться четыре межевых знака для усадебных участков и четыре межевых знака для проезжей дороги. Тогда деревня связана сельской улицей. Дорога должна быть шириной в 10 локтей. Одна общая дорога должна вести к каждой деревне и одна оттуда и не больше, если только общинники сами не захотят. Та деревня, которая имеет меньшее число эре [земли], должна иметь проезжую дорогу так же, как и та деревня, которая имеет большее [число]; не должны все тесниться на одной. И вот хотят бонды проложить дорогу через деревню; это могут они безнаказанно делать, если сами они согласны в этом. Если кто-нибудь загораживает общую дорогу или не принимает участия в постройке моста, не заменяя себя никем другим столь же подходящим, и осмотр подтвердит это, то должен он платить штраф 3 марки. Тот, кто владеет деревней, имеет право прокладывать дорогу внутри изгороди или вне ее, как он захочет, столь же хорошую, как прежняя, даже если она будет по размеру несколько длиннее.

§ 1. Усадьба должна наделяться по сельской мере согласно пеннингсландам и эртугсландам, эресландам и маркландам[1]. При этом каждый должен брать соответственно своей доле, которую он имеет в деревне, и каждый распоряжается своей долей, владеет ли он большим или меньшим. Никому не разрешается отнять долю другого под угрозой законного штрафа.

§ 2. Никому, кто владеет меньшим, чем четверть деревни, не разрешается требовать передела деревни. Тот должен распоряжаться в таком деле, кому принадлежит в деревне больше всего. Никто не имеет права без согласия всех владельцев земли сносить деревню, которая находится в справедливом разделе «по солнцу».

---

[1] Для шведской деревни была характерна система сельской меры. Один маркланд = 8 эресландам = 3 эртугсландам = 8 пеннингсландам. Реальное содержание их в каждой местности могло быть различным, но в каждой деревне постоянно.

IX. О СБОРЕ УРОЖАЯ НА ЛУГУ И НА ПАШНЕ И О НАРЕЗКЕ ТОРФА

И вот хотят бонды убрать урожай на своей пашне; и вот заболел у одного бонда работник или сбежал своей дорогой. Тогда должен каждый бонд в [данном] коне помочь ему одним днем работы, и таким образом он получит законную помощь. Этот день работы должен он получить прежде, чем кто-нибудь в коне выедет на пашню.

X. О СНЯТИИ ИЗГОРОДИ

Все должны держать изгородь вокруг луга до позднего благовещения [1], вокруг пашни до тех пор, пока калитка не примерзнет к ограде. Но если кто-нибудь сеет половину эресланда или меньше, то он должен убирать урожай на своей земле тогда, когда другие в коне убирают свой. Если не может он тогда убрать урожай, то должны они держать законную изгородь для него в течение трех дней, и потом могут общинники безнаказанно открывать изгородь.

XXI. О РАСПАШКЕ НОВИ

И вот говорится о нови. Если кто-нибудь делает заимку под пашню на огороженной земле и лежит она в сельской мере, то может он сеять там в течение трех лет и держать ее под паром в течение трех лет и потом предоставить ее к разделу. Если он владеет ею дольше и ему объявлено запрещение, то должен он платить штраф 3 марки. Если он делает заимку под луг, то может пользоваться им в течение трех лет и потом предоставить его к разделу. Если он держит его дольше и ему объявлено запрещение, то должен он платить штраф 3 марки.

Svenska landskapslagar. Första serien:
Östgötalagen och Upplandslagen. Sthlm. 1933—1946,
s. 17—19, 130—131, 133, 135—136, 138—159, 177.

---

[1] 8 сентября.

ПОЛЬША В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Собранные в настоящем разделе документы освещают различные стороны истории Польши изучаемого периода.

Док. № 1 рисует картину произвола феодалов. Док. № 2—3 представляют собой отрывки из законодательных актов, которыми закреплялась неполноправность крестьян и, в частности, постепенно ограничивались их права на переход от одного феодала к другому. Док. № 4 и 6 включают сведения о развитии горного дела, ремесла и торговли в Польше. Об основании первого польского (Краковского) университета сообщает грамота 1364 г. Док. № 8 — яркий рассказ известного польского историка XV в. Яна Длугоша об одном из крупнейших сражений средневековья — Грюнвальдской битве 1410 г. К этому документу примыкает по содержанию отрывок из трактатов Павла Владковица (док. № 9); в нем отражена идеологическая борьба, которую вели передовые люди польского общества против агрессии рыцарей Тевтонского ордена. Док. № 10—17 свидетельствуют о большом влиянии на Польшу гуситского революционного движения. Особый интерес представляет письмо Збигнева Олесницкого (док. № 11), из которого видно, что католическия церковь боялась поддержки гуситов со стороны восточных славян. Впервые дается перевод Нешавских статутов 1454 г. (док. № 18), явившихся одним из важнейших актов на пути образования шляхетской республики. Наконец, приводится маленький, но очень ценный документ (№ 19) о классовой борьбе в конце XV в. — о крестьянском восстании во главе с Мухой, направленном против усиления феодальной эксплуатации.

Составитель и переводчик приводимых в разделе материалов — Д. П. Лыс.

I. ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

1. Винцентий Кадлубек о положении крестьян

Винцентий Кадлубек — польский хронист XIII в. (умер в 1223 г.).

Был у этого народа от древних времен словно освященный привычкой обычай, что, если где-нибудь вельможные паны отправлялись со свитой в поездку, [они] забирали у бедных кметов[1] не только мякину, сено, солому, но даже врывались в сараи и хаты, отнимая у них зерно, и не столько употребляли его на питание, сколько бросали на потраву лошадям.

Был также и другой подобный застарелый дерзкий обычай, что каждый раз какой-нибудь богатый пан, желая к кому-нибудь послать гонца, велел прислуге пользоваться подводами бедных кметов и в один час преодолевать самой быстрой ездой огромное пространство. Этот обычай для многих был очень вредным, так как лошади одних надрывались от быстрого бега и они не получали [за них] вознаграждения, [лошади] других падали посреди дороги. Тех же, которые отличались необыкновенной силой и быстротой, забирали без надежды на возврат.

«Monumenta Poloniae Historica», t. II, Krakow, 1879,
Хроника Винцентия Кадлубска, кн. 3.

2. Из Вислицкого статута короля Казимира III (ок. 1347 г.)

Мы, Казимир, божьей милостью король Польши... совместно с рыцарями королевства нашего, по милосердию и по воле божьей увидев, что в прежние времена в землях подданных нашего государства многие дела судили в судах относительно одного и того же факта не одинаково, но по различию умов и мнений судей. И вследствие этого разнообразия жалобы или дела часто после многих и долгих хлопот остаются как бы нерешенными. А поэтому во имя всемогущего бога и девы Марии задумали мы нашим подданным для руководства вышеуказанные судебные решения или судебные дела исправить и положить конец разнобою, желая и постановляя, чтобы отныне и на вечные времена только в соответствии с приведенными ниже статутами все и каждый из судей земель наших должен и обязан судить и твердо соблюдать эти самые статуты.

I, 53. Сохранился до сих пор ложный обычай: когда какие-нибудь кметы покидают этот свет, не оставляя потом-

[1] Кметы — феодально зависимые крестьяне.

ства, все их имущество, движимое и недвижимое, называемое выморочным, привыкли прибирать к своим рукам господа. Теперь же, изгоняя этот ложный обычай, мы постановляем, чтобы на имущество этих умерших, сколько бы там ни было найдено, была бы приобретена для приходской церкви большая чаша за полторы гривны [1], а остаток имущества без всяких препятствий должен перейти к ближайшим родственникам или родителям.

I, 69. Из-за того что подданные покидают господские имения без всяких к тому надлежащих оснований, [эти имения] часто пустеют, и наши рыцари сочли нужным противодействовать без промедления этому ущербу. Поэтому мы нашей волей устанавливаем, чтобы из одного села в другое вопреки желанию господина села, в котором они живут, могло перебраться не больше чем один-два кмета или обитателя, за исключением таких случаев: первое — когда господин села изнасилует дочь или жену своего кмета; второе — когда по вине господина имущество кметов было разграблено или захвачено; третье — когда отлучают [от церкви] кмета за вину его господина. В этих случаях не только два, три или четыре кмета могут уйти, но и все там проживающие могут уйти, куда им любо.

I, 97. Если кмет нанес одну или несколько ран владыке [2], он [должен уплатить] побитому 15 [гривен], а другие 15 суду. Если рана будет нанесена палкой, но покажется кровь, заявляем, что за нее нужно дать удовлетворение [как] за рану, [нанесенную] мечом. Но если это будет нанесено шляхтичу, тогда уплатит 60 гривен...

II, 134. Кроме того, постановляем объявить, что если от нас либо от какого-нибудь другого господина нашего подданного убежит или уйдет ночью кмет, то господин села имеет право владеть теми вещами, которые этот кмет, убегая, оставил дома. И кроме того, господин, который примет этого убежавшего кмета, должен заплатить первому господину, от которого убежал [кмет], штраф 15 (гривен) и доставить кмета вместе со всеми вещами, которые тот к нему принес. А это о том, кто убежал от господина без предшествующей вины его господина... [3]

«Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы». Под ред. акад. В. М. Корецкого, М., 1961, стр. 748—763.

---

[1] Гривна — монетная единица; употреблялась в Польше с XI в., весила около 200 *г*, содержала 48 грошей.

[2] Владыка — мелкий шляхтич, не имеющий отдельного герба.

[3] Случаи, когда кмет мог покинуть село своего господина, перечислены в статье 69.

3. Из «Свода законов земли Ленчицкой» (1418 г.)

О кметах, находящихся как под немецким, так и под польским правом, когда, как и в какое время могут уходить от своего господина

34. В том же господнем году знатные паны земли собрались на съезд в Ленчицком городе с согласия всей страны и постановили нижеперечисленные статьи в день св. Брикция (13. XI. 1418 г.), что кметы, живущие как на немецком праве, равно как и на польском праве, могут уходить от своего господина только [начиная] от праздника рождества Христова, получив согласие своего господина за две недели до рождества Христова, посадив на свое место другого кмета; в противном случае пусть он заплатит две гривны с четвертью, а также он должен починить постройки и ограды согласно оценке и полюбовному определению четырех лиц — двух со стороны господина и двух со стороны кмета: ограды — до праздника троицы, а постройки — до праздника св. Войтека.

Когда господин должен получить от своего кмета чинш и другое причитающееся [ему]

35. Указанные кметы могут оставить землю также в середине года и когда захотят после уплаты господину трех гривен и после починки построек и оград, так, как выше указано, не дожидаясь праздника рождества.

36. А также господин села должен собрать [все] ему причитающееся и чинш за две недели до рождества, прежде чем кмет получит разрешение [уйти], а после разрешения не может его (кмета) обременять своей властью и распространять на него право [заставлять] жить в [данном] месте (jus locare). В отношении кметов, живущих на польском праве, которые уходят, как выше написано, [они] должны уплатить вдвое меньше, чем живущие на праве немецком.

О кмете, уходящем от своего пана тайно

37. Устанавливаем: если какой-нибудь кмет, будь то днем или ночью, тайно уйдет от господина без [соблюдения] положенного срока и не будучи обижен господином, тогда господин, к которому он бежал, будет обязан вернуть его под страхом [уплаты] штрафа в пятьдесят и четверть (3 гривны) суду в качестве королевского штрафа и к этому господину должен быть отправлен посланец, чтобы вернуть кмета.

J. Sawicki, Wybór tekstów zrodlowych z historii państwa i prawa polskiego, t. I, cz. I, Warszawa, 1952.

II. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

4. Привилей для краковского каштеляна Спытка на право добычи руд в его собственных владениях

Мы, Казимир, божьей милостью король Польши и т. д. Взвесив услуги, которые постоянно оказывал нам на пользу всего нашего королевства вельможный муж г-н Спытек, а особенно розысками всевозможного сорта руд, в награду за эти услуги с сегодняшнего дня, согласно закону, которым пользуются на рудниках во всех странах, объявляем г-на Спытка, каштеляна, его сыновей и их наследников действительными и законными владельцами найденного где-либо в его владениях какого-нибудь сорта руды: золота, серебра, меди и олова, сохраняя, однако, права и собственность нашего королевского величества... Дан во Львове в 1350 г.

«Codex diplomaticus Poloniae», III, Varsaviae, 1858, N 104, s. 229.

5. Из статута Краковских соляных копей

Постановлено, что ни один жупник[1] не должен сам продавать соль на краковском складе, а также ни один слуга жупника. Но жупник должен продавать соль купцам-прасолам из Кракова и купцам, т. е. мещанам, из Велички, а эти мещане из Велички имеют полное право продавать соль на краковском складе. Постановлено, что бохнийские купцы, торгующие солью, имеют полное право чистую соль вывозить в другие края, т. е. в Мазовию, на Русь, в Силезию, а также в Литву и Люблин.

Постановлено, что бохнийские мещане, или торговцы солью, имеют полное право везти соль на краковский склад для хлебопеков и для извозчиков, приезжающих из других краев.

Постановили мы по приказу короля Казимира, что соль нельзя вывозить в Венгрию иначе как по 4 гроша[2] в злотых червонных за центнар[3], а злоты не должны приниматься иначе как по 7 шкот (skot) за грош.

Постановлено, что если из Венгрии будет привезено железо в соляные копи [для обмена на соль], в таком случае каждый центнар железа жупник не может принять иначе как по 7 шкот.

---

[1] Жупник — смотритель, управляющий соляными копями.

[2] Грош (от латин. grossus — большой, массивный) — крупная серебряная монета. Казимир III бил 48 широких грошей из гривны серебра. Гривна — около 200 *г* серебра.

[3] Центнар — единица веса, равная 100 фунтам (фунт — 400 *г*). Варшавский центнар равнялся 160 фунтам, львовский — 126.

Постановили, что, если б люди, которые возят в Венгрию весовую соль из Вислицких копей, этой соли в Венгрию не довезли, но продали ее на границе, тогда они без всяких возражений теряют лошадей и соль.

Постановили, что каждый жупник, который купил соляные копи у короля, не должен отдавать балван соли в 6 центнаров иначе как по $1^1/_2$ гривны.

Постановили, что балван соли в 8 центнаров жупник не должен отдавать своим купцам, т. е. проживающим в королевстве, иначе как по 2 гривны.

Постановили, что жупник не должен отдавать чужим людям, т. е. из чужих земель, балван соли в 8 центнаров дешевле чем по 2 копы.

Постановили по приказу нашего старого г-на короля Казимира, что, если б король одарил некоторых князей, шляхтичей, монаха балваном соли, жупник не должен иначе считать балван г-ну королю как по полгривны, меру мелкой соли — по 4 гроша за центнар, в Вислице — по 6 грошей, в Бохни — по 8 грошей.

Постановили, что каждый балван соли, который будет добыт в Бохни, не может быть засчитан г-ну королю при сдаче копей иначе чем по 6 грошей.

Постановили, что каждый жупник, который покупает соляные копи у г-на короля, при оставлении своей должности не должен вывозить соли на общественный склад, т. е. на краковский рынок, более 300 балванов. Если б вывез больше и эта соль была найдена в домах, или в ямах, или в конюшнях, вся эта соль должна быть отдана в королевскую кладовую, за исключением того случая, когда жупник имел бы на это разрешение короля.

Постановили, что соляные копи не могут быть проданы дешевле чем за 18 000 гривен... Желаем, чтобы в обоих соляных копях, т. е. величской и божнийской, работали только 60 забойщиков... а если б их работало больше, то соль быстрее бы иссякла...

«Rocznik Krakówski», t. XXV, Kraków, 1934.

6. Торговый привилей Кракова (1354 г.)

Во имя господа. Аминь. Так как полезно, чтобы глубоко продуманные постановления, [имеющие целью] благосостояние королевства, правильно и разумно исполнялись, то мы, Казимир, божьей милостью король Польши... стремясь [еще больше умножить] пользу, благосостояние и счастье города нашего Кракова и жителей его, об успехах которых слава идет по свету вдоль и вширь, по зрелом размышлении нашем и по совету баронов наших постановили, предписываем и

настоящим устанавливаем на вечные времена, что все купцы, прибывающие из каких-либо чужих королевств, государств, провинций, земель... каких-либо народностей, которые желали бы в упомянутом городе выставить напоказ, продать или сложить какого-либо рода свои товары, могут это свободно сделать. Кроме того, желая способствовать блистательнейшему развитию города нашего Кракова... оповещаем, что купцам, прибывающим откуда-либо в г. Краков, никоим образом нельзя между собой торговать своими товарами, но такого рода товары пусть продают, как им кажется выгодней, только нашим верным краковским мещанам или другим подданным нашего королевства.

«Monumenta medii aevi historica», t. V, Kraków, 1879, s. 46.

III. КРАКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

7. Грамота об основании Краковского университета 1364 г.

...Мы, Казимир, божьей милостью король Польши и т. д. Горячо стремясь, что является нашей обязанностью, [к тому], чтобы возрастало полезное дело и всякое благополучие рода человеческого, глядя на то, что лучше, и не сомневаясь, что это принесет пользу духовенству и подданным нашего королевства, постановили в городе нашем Кракове определить и установить место, на котором бы процветала всеобщая школа, а на будущее на вечные времена желаем этой грамотой гарантировать ее существование. В этот г. Краков пусть съезжаются свободно и без опасений все жители не только нашего королевства и соседних стран, но и другие с разных частей света, которые стремятся приобрести преславную жемчужину знаний.

Прежде всего все приезжающие в университет или возвращающиеся из него на всех и на каждом отдельном переходе, мостах в городах и на всех сторожевых постах, установленных во всем нашем королевстве, не должны платить пошлины, мыта и платы, но могут свободно и без опасений проходить со всеми своими вещами, лошадьми, книгами, платьем, постелью, деньгами и предметами домашнего обихода. Мы учредили школу, необходимую для изучения права канонического и гражданского, медицинских и свободных наук, и предоставляем приличные помещения для докторов, магистров, студентов, переписчиков, торговцев книгами...

Желаем также, чтобы студенты имели собственного ректора, который бы судил их по делам гражданским и имел бы

право юрисдикции над всеми, кто бы пребывал в г. Кракове с целью учения. Итак, все они должны принести присягу упомянутому ректору и слушать его.

Пусть никто не осмелится в упомянутых гражданских делах вызывать в какой-нибудь духовный или светский суд доктора, магистра, студента, продавца книг.

Приговор ректора никто не может обжаловать. Если же (пусть этого не будет) кто-либо из упомянутых [лиц] явно был бы схвачен за воровство, прелюбодеяние, беспорядок, убийство или за другие крупные преступления, эти проступки ректор не будет расследовать, но духовные лица должны быть отосланы на суд епископа, а светские подлежат нашему суду. Упомянутым студентам назначаем в г. Кракове одного еврея, который бы имел достаточно денег и ссужал их под определенный залог и который бы за свои услуги не требовал бы больше гроша за одну гривну в месяц. Доктора и магистры на платные кафедры должны быть избраны студентами факультетов. Ни один доктор и магистр не может быть избран ректором. Студент, будучи ректором, не может во время своего ректората быть допущен к экзамену ни на каком отделе. Чтобы все это вышеуказанное вошло в силу, мы приказали написать настоящий привилей, скрепленный приложением нашей печати. Совершено в Кракове в день праздника св. троицы (дня 12-го мая в год господен 1364...).

«Rocznik Krakówski», t. IV, Kraków, 1900.

IV. БОРЬБА С ТЕВТОНСКИМ ОРДЕНОМ

8. Ян Длугош о Грюнвальдской битве

Во вторник... 15 июля, Владислав, король польский, решил на заре выслушать святую обедню... Пройдя две мили (между тем как вокруг горели вражеские селения) и выйдя на поля селений Танненберга и Грюнвальда, которым предстояло прославиться битвой, он велел расположить стоянку войска среди кустарника и рощ, которых было множество в той местности, и распорядился поместить на высоком холме над озером Любеном шатер часовни, чтобы прослушать богослужение, пока войско займется устройством стоянки. Между тем прусский магистр Ульрих фон Юнинген уже достиг селения Грюнвальда, которое он затем прославил своим поражением, и находился неподалеку... Польский король Владислав упорно продолжал слушать богослужение и возносить молитвы, все королевское войско, построенное по отрядам и знаменам — польское под командованием Зиндрама из Машковиц, мечника краковского, литовское же под командованием

вел. кн. литовского Александра[1], подошло с поразительной быстротой и встало боевым строем напротив врага; и тогда как польское войско заняло левое крыло, литовское держало правое... Было известно, что польское войско имело в этой битве 50 знамен, которые мы называем хоругвями, составленных из известных и опытных рыцарей, кроме литовских хоругвей числом 40... Между тем когда король уже хотел надеть шлем на голову и ринуться в битву, вдруг возвещают о прибытии двух герольдов... Герольды выступили из вражеского войска, неся в руках два обнаженных меча без ножен, требуя, чтобы их отвели к королю, и были приведены к нему под охраной польских рыцарей во избежание оскорблений. Магистр Пруссии Ульрих послал их к королю Владиславу, чтобы побудить его немедленно завязать битву и сразиться в строю, прибавив к тому же еще дерзостные поручения... Оказав королю подобающее уважение, послы изложили на немецком языке цель своего посольства, причем переводил Ян Менжик таким образом: «Светлейший король! Великий магистр Пруссии Ульрих шлет тебе и твоему брату (они опустили как имя Александра, так и звание князя) через нас, герольдов, присутствующих здесь, два меча как поощрение к предстоящей битве, чтобы ты с ними и со своим войском незамедлительно и с бо́льшей отвагой, чем ты выказываешь, вступил в бой и не таился дальше, затягивая сражение и отсиживаясь среди лесов и рощ. Если же ты считаешь поле тесным и узким для развертывания твоих отрядов, то магистр Пруссии Ульрих, чтобы выманить тебя в бой, готов отступить, на сколько ты хочешь, от ровного поля, занятого его войском; или выбери любое Марсово поле, чтобы дольше не уклоняться от битвы...» Владислав же, король Польши, выслушав дерзкое и заносчивое посольство крестоносцев, принял мечи из рук герольдов... Лишь только зазвучали трубы, все королевское войско... потрясая копьями, ринулось в бой. Сошлись посреди разделявшей их равнины... Когда же ряды сошлись, то поднялся такой шум и грохот от ломающихся копий и ударов о доспехи, как будто рушилось какое-то огромное строение, и такой резкий лязг мечей, что его отчетливо слышали люди на расстоянии даже нескольких миль. Нога наступала на ногу, доспехи ударялись о доспехи, и острия копий направлялись в лица врагов; когда же хоругви сошлись, то нельзя было отличить робкого от отважного, мужественного от труса, так как те и другие сгрудились в какой-то клубок и было даже невозможно ни переменить места, ни продвинуться на шаг, пока победитель, сбросив с коня или убив противника, не занимал место побежденного. Наконец, когда

[1] Александр христианское имя Витовта.

копья были переломаны, ряды той и другой стороны и доспехи с доспехами настолько сомкнулись, что издавали под ударами мечей и секир, насаженных на древки, страшный грохот, который производят молоты о наковальни, и люди бились, давимые конями. ...Оба войска сражались почти в течение часа с неопределенным успехом... Нельзя было ясно распознать, на чью сторону клонится счастье и кто одержит верх в сражении. Крестоносцы, заметив, что на левом крыле против польского войска завязалась тяжелая и опасная схватка, [так как их передние ряды были уже истреблены], обратили силы на правое крыло, где построилось литовское войско; войско литовцев имело более редкие ряды, худших коней и вооружение, и его, как более слабое, казалось, легко было одолеть. Отбросив литовцев, крестоносцы могли бы сильнее ударить по польскому войску. Однако их расчет не вполне оправдал надежды. Когда среди литовцев, русских и татар закипела битва, литовское войско, не имея сил выдерживать вражеский натиск, оказалось в худшем положении и даже отошло на расстояние одного югера; когда же крестоносцы стали теснить сильнее, оно было вынуждено снова и снова отступать и наконец обратилось в бегство... В бегстве литовцы увлекли за собой даже большое число поляков, которые были приданы им в помощь. Враги рубили и забирали в плен бегущих, преследуя их на расстоянии многих миль, и считали себя уже вполне победителями. Бегущих же охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство, только достигнув Литвы; там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр, вел. кн. литовский, и что сверх того их войска совершенно истреблены. В этом сражении русские рыцари Смоленской земли упорно сражались, стоя под собственными тремя знаменами, одни только не обратившись в бегство, и тем заслужили великую славу. Хотя под одним знаменем они были жестоко изрублены и знамя их было втоптано в землю, однако в двух остальных отрядах они вышли победителями, сражаясь с величайшей храбростью, как подобало мужам и рыцарям, и наконец соединились с польскими войсками; и только они одни в войске Александра Витовта стяжали в тот день славу за храбрость и геройство в сражении... После того как литовское войско обратилось в бегство и страшная пыль, застилавшая поле сражения и бойцов, была прибита выпавшим приятным небольшим дождем, в разных местах снова начинается жестокий бой между польским и прусским войсками. Между тем как крестоносцы стали напрягать все силы к победе, большое знамя польского короля Владислава с белым орлом... под вражеским натиском рушится на землю. Однако благодаря весьма опытным и заслуженным рыцарям, которые состояли при нем и тут же

задержали его падение, знамя подняли и водрузили на место... Чтобы загладить это унижение и обиду, польские рыцари в яростном натиске бросаются на врагов и всю ту вражескую силу, которая сошлась с ними в рукопашном бою, опрокинув, повергают на землю и сокрушают. Тем временем возвращается войско крестоносцев, преследовавшее бегущих литовцев и русских, ведя с собой множество пленных и держа себя победителями. Но, видя, что бой принимает неблагоприятный оборот для их оружия и сил, они бросают пленных и добычу и скачут в бой на подмогу своим... С подходом новых воинов борьба между войсками закипела с новой силой... Польские ряды... под многими знаменами обрушиваются на стоявших под шестнадцатью знаменами врагов (к ним сбежались и другие уцелевшие из хоругвей, разбитых под другими знаменами) и сходятся с ними в смертельном бою. И хотя враги еще некоторое время оказывали сопротивление, однако наконец, окруженные отовсюду, были повержены и раздавлены множеством королевских войск; почти все воины, сражавшиеся под шестнадцатью знаменами, были перебиты или взяты в плен. Когда этот вражеский отряд был разбит и повержен и стало известно, что в нем пали великий магистр Пруссии Ульрих, маршалы ордена, командоры и все виднейшие рыцари прусского войска, то остальная масса врагов повернула назад и, раз показав тыл, обратилась уже в явное бегство... Вражеский стан, полный разного добра, обоз и все имущество прусского магистра и его вóйска также были разграблены польскими рыцарями. При этом в крестоносном войске было найдено несколько телег, нагруженных только оковами и цепями, которые крестоносцы везли с собой, чтобы заковать пленных поляков... Разграбив вражеский обоз, королевское войско подошло к холму, где раньше находился привал и стан врагов, и увидело много конных отрядов и клиньев обращенных в бегство врагов... Владислав, король польский, велел рыцарям по данному знаку преследовать бегущих, но при этом, насколько возможно, избегать резни. Преследование растянулось на много миль, и лишь немногие спаслись, успев убежать... В этой битве пало 500 000 врагов, взято в плен было 40 000; рыцарских знамен было захвачено, как сообщают, 51... хотя трудно, я думаю, точно подсчитать, сколько пало врагов, но известно, что дорога на протяжении нескольких миль была устлана телами павших, земля пропитана была кровью убитых и самый воздух оглашался стонами и воплями умирающих.

Ян Длугош, Грюнвальдская битва,
М. — Л., 1962, стр. 86—109.

9. Из трактата Павла Влодковица, разоблачающего агрессивную политику Тевтонского ордена (1415 г.)

Павел Владковиц — ректор Краковского университета, автор антиклерикальных трактатов. На Констанцском соборе, осудившем Гуса, он выступил в его защиту. Владковиц не только отстаивал суверенитет Польши от посягательств папского Рима, но впервые выдвинул принцип признания прав за нехристианскими народами.

5. У язычников, хотя они не признают Римской империи, нельзя отнимать их государств, собственности и власти, так как [они] владеют всем этим, не совершая греха и благодаря бога, который сотворил все это для человека, которого создал по своему подобию.

28. Император не имеет права давать разрешение на захват земель язычников, не признающих его власти.

29. Императорские привилеи, предоставленные Прусскому ордену или другим относительно захвата земель язычников, не дают им никакого права, но только вводят в заблуждение христиан, ибо нельзя дать то, чего не имеешь...

Прусский орден, воюя с мирными язычниками, а вернее, нападая на них, никогда не вел справедливой войны по той причине, что те, кто нападает на стремящихся жить в мире, не имеют за собой никакого права — ни естественного, ни божеского, ни канонического, ни гражданского.

32. Нельзя обращать язычников в христианскую веру мечом и насилием, так как этот способ соединен с обидой ближнего.

«Starodawne prawa polskiego Pomniki», t. V, s. 186—194.

V. ВЛИЯНИЕ ДВИЖЕНИЯ ГУСИТОВ НА ПОЛЬШУ

10. Виелунский эдикт Владислава Ягеллы против гуситов

Владислав, божьей милостью король польский, постановляет, что если кто-либо в нашем польском королевстве и подвластных нам землях оказался бы еретиком или заподозренным в ереси, или, наконец, способствовал бы ей, или руководил ею, должен быть схвачен нашими старостами, городским магистратом и иными должностными лицами, а также всеми нашими подданными, как занимающими должности, так и не занимающими. Такой еретик должен быть наказан сообразно размеру его проступка как оскорбляющий наше королевское величие. Те же, которые прибудут из Чехии и вступят в наше королевство, будут подвергнуты проверке со стороны своих

епископов или также инквизиторов по делам ереси, назначенных с этой целью апостольской столицей.

Если же кто из жителей нашего королевства любого сословия не вернулся бы из Чехии до ближайшего праздника вознесения господня, должен быть признан убежденным еретиком и понести наказание, которое обычно определяется еретикам, и, даже возвратившись, не сможет оставаться в нашем королевстве. Тем не менее все имущество этого сорта людей, движимое и недвижимое, должно быть объявлено конфискованным в пользу нашей казны; потомки же их, как мужского так и женского [пола], должны быть навсегда лишены наследства и почестей и никогда не смогут достичь никаких высоких должностей или званий, но должны навсегда оставаться обесчещенными.

Никогда, наконец, [они] не смогут порадоваться какимлибо привилеем и шляхетским званием. Запрещаем под страхом тех же наказаний всем купцам и другим людям... чтобы не смели вывозить в Чехию никаких товаров, а особенно олова, оружия, продовольствия и напитков. Дан в Виелуне... 9 апреля в год господен 1424.

«Volumina Legum», t. I, s. 85—86.

11. Из письма Збигнева Олесницкого к Юлию Цезарини (январь 1432 г.)

Збигнев Олесницкий (1389—1455) — польский политический деятель, кардинал и епископ Краковский. Стремился подчинить королевскую власть католической церкви. Был решительным противником польско-чешского сближения.

Если эта война продлится, то следует опасаться не только чешских еретиков, но скорее еретиков и схизматиков греческой секты, которые, кажется, соглашаются с чехами по многим вопросам, а именно: причащение под обоими видами, бедность клира, — и по многим другим ложным верованиям у них общий язык. Между ними часто бегают многочисленные посланцы, а последний раз был задержан в польском королевстве один посланец князя Сигизмунда Корибута, пребывающий в Чехии у еретиков, братья которого и почти весь род со стороны отца и со стороны матери находятся у Свидригеллы в Литве и живут по схизматическому обряду, — с дружественным письмом к войску таборитов и к самому князю Сигизмунду, при посредничестве которого все это делается. Эти письма были написаны на народном чешском языке. Перевод их с чешского на латинский, оставляя себе оригинал, посылаю вашему преподобию с таким знаком □, поставленным на обороте. Князь Свидригайло во всем руководствуется советами упомянутых схизматиков и наконец взял

в жены жившую по их обрядам. Так что если литвины, которые являются католиками, хотели бы его склонить к заключению союза с нами, то русины, которые сейчас благодаря союзу и помощи этого князя сильнее литвинов, не допустят этого, боясь, как бы не пострадала их вера и могущество. Они держат в своих руках почти все значительные замки и посты. Ничего этого не было при жизни недавно умершего князя Витольда. В договорах, заключенных между польским королевством и литовским княжеством, было запрещено схизматикам-русинам держать замки в Литве и даже допускать [их] к общим совещаниям, как это ваше преподобие увидит в документах этого соглашения. Особенно поэтому мы решили донести вашему преподобию, чтобы вы видели, что это важнейшая причина, хоть есть и другие многочисленные поводы той злой войны...

Упомянутый князь Свидригайло еще при жизни этого победоносного великого князя Витольда привлек тайно многочисленными милостями почти всех этих схизматических князей и рыцарство и тесно привязал их к себе, а особенно обещанием, что, если он при их помощи достигнет того положения, которое сейчас занимает, примет их веру и будет руководствоваться их советами... С упомянутым князем Свидригайлом находится в союзе некий воевода Молдавии... могущественный схизматик, ленник нашего короля и королевства. В последнее время упомянутый князь вышел из-под власти нашего короля... соединился даже с турками.., а что еще более опасно — допустил в свое государство некоего монаха из францисканского ордена, который публично проповедует учение гуситской секты и увлек им уже большинство простонародья. Он бродит по полям, увлекая за собой огромные толпы народа, учит их создавать войско и соблюдать все обычаи, которые приняты у чешских еретиков.

«Codex epistolaris», II, N 204.

12. Из письма Мартина Эренберга к великому магистру Тевтонского ордена от 16 апреля 1428 г.

Они (гуситы) ездили и еще ездят до сегодняшнего дня по десять и двенадцать всадников куда хотят, чего им никто не запрещает, так как часть князей с ними помирилась и столковалась, а часть из них держит города для них (гуситов), в которых они помещают их больных и раненых и предписывают лечить их и возвращать им здоровье. Они также очень укрепились благодаря тем, которые прибыли в Силезию из Чехии, а также крестьянам, которые к ним присоединились, каких здесь сейчас много...

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. VI,
Breslau, 1871, N 89.

13. Из письма епископа Конрада к великому магистру Тевтонского ордена от 21 мая 1428 г.

Уважаемый вельможный господин и любимый друг... Ересь, к сожалению, так усилилась и укрепилась благодаря многим, которые присоединились к ней в этих краях, а именно: князья Силезии заключили с [еретиками] мир — Болько-старый, его орат князь Бернард, князь Болько-молодой из Ополья, князь Ян из Зембиц, князь Людвиг из Олавы и князь Вацлав из Глубжиц; а затем, когда еретики вернулись из этих краев домой, с ними заключили мир князья из Рацибора, князь Пжемко из Опавы и князь Казько из Освенцима и тот из Цешина. Поэтому очень ослабели другие князья, области и города Силезии.

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. VI, N 93.

14. Из письма Альбрехта фон Колдиц, лужицкого старосты, к магистру г. Згоржельца от 21 декабря 1428 г.

Еретики расположились бивуаком недалеко от Клодска и находятся в Бистрице, где сделали подкоп под башню и захватили ее. Они не очень сильны, так что можно было бы их одолеть. Я оповестил князей, страну и города, но никто не желает подняться... Эти из Клодска (мещане) схватили в городе 40 предателей, часть из них были посланцами и слугами тех господ, которые должны были ударить на город, а палач из Свидницы казнит их в настоящее время в течение 14 дней ежедневно, а число их растет с каждым разом все больше. Поэтому остерегайтесь измены.

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. VI, N 106.

15. Реляция хроники Зигмунда о смерти Януша Зембицкого от 27 декабря 1429 г.

В год 1429-й, в день св. Яна Евангелиста, во время праздника рождества Христова. Светлейший князь Януш Зембицкий был убит вместе со многими верными ему [рыцарями], хотя некоторая часть от него бежала, горчайшими гуситскими еретиками около Клодска.

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. VI, N 76.

16. Из хроники Зигмунда Росича от 17 января 1429 г.

В этом же 1429 г., в день св. Антония (17. XII), вроцлавяне в час ночи взяли Олаву, перебив там многих гуситов и наполнив ими колодцы.

Ключборг. В этом же году г. Ключборг был взят ересиархом Пухалой, который сделал Силезии много зла.

Болеславец. В этом же году, в июне месяце 18-го дня, гуситы взяли г. Болеславец, убив г-на священника Йогана Швейдница вместе со многими священниками и мирянами.

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. XII, s. 48.

17. Из письма Альбрехта фон Колдиц к лужицким городам о гуситах в Свиднице от 4 февраля 1429 г.

Альбрехт из Колдиц, войт Будишина.

Стране и городам в Горных Лужицах.

Ставлю вас в известность, что еретики прибыли в прошлую субботу, как предупреждали, в Свидницу, и мы разведали их силы; они имеют 800 человек и 500 телег и, когда к нам прибыли, сразу с места двинулись в спешном порядке с двух сторон в город, неся впереди себя на двух шестах гостию[1]... Если б [они] увидели, что против них приготовились, тогда прямо с места пошли бы на штурм, а так как по ним сильно стреляли из пушек, пищалей и т. д., тогда отошли. Сейчас они движутся к Сьроде и ко Вроцлаву, чего дальше хотят, не знаю.

Дорогие друзья, наблюдайте внимательно в ваших городах за изменой и огнем, а особенно за предместьями и домами, находящимися наиболее близко к тем местам, откуда можете ждать вреда.

«Scriptores rerum Silesiacarum», t. VI, N 112.

VI. ПРИВИЛЕГИИ ШЛЯХТЫ

18. Нешавский статут 1454 г.

Четыре отдельных статута даны были польским королем Казимиром IV Ягеллоном малопольской (11. XI), великопольской (12. XI), серадзской (16. XI) и хелмской (11. XII в Радоме) шляхте. Эти статуты получили общее название по месту, где были подписаны три из них, — под Нешавой на Висле. Все эти статуты обнаруживают определенное сходство, общность отдельных параграфов и общую редакцию. Логично поэтому предположить, что за основу был принят статут какой-либо одной земли.

Король, стремившийся найти в шляхте опору против феодальной знати, Нешавскими статутами гарантировал шляхте неприкосновенность имущества, реформу судов и судопроизводства, ограничение поземельного обложения, положил начало ограничению привилегий городов и их самоуправления. Это была первая крупная победа шляхты всей Польши в ее борьбе с крупными феодалами, а также городами.

Начинается третья книга земских Нешавских статутов, принятых польским королем Казимиром и его баронами.

[1] Гостии — букв.: жертвы (*лат.*) — облатки из пресного теста, большею частью с изображением агнца и креста, употреблявшиеся в католической церкви при причастии (с XII в.).

[1]. *О сохранении прав, предоставленных жителям.* Король должен управлять всеми жителями своего королевства на основании древнего права, установленного его предшественниками.

[2]. *О закладе замков его королевского величества.* Король не будет отдавать в заклад замки и главные королевские имения. Если кто-либо примет в заклад замки или имения, потеряет деньги.

[3]. *О пособии, назначаемом королем для жителей.* В случае, если король призовет жителей в поход, на каждый щит или копье будет выплачено 5 марок. При этом жители освобождаются из заключения, если они содержались в нем, и им прощаются провинности. На таких же условиях король набирает войска вне границ государства по обычаям и образу действия своих предшественников.

[4]. *О назначении старост.* Ни один воевода не может быть одновременно старостой. Исключение составляет краковский староста.

[5]. *О должностях.* Король не будет жаловать должностями ни иностранцев, ни тех, кто не имеет в данной области имений, но будет давать должности людям заслуженным, владеющим имениями в той области, где открывается вакансия. При этом из всех должностей мы имеем в виду должности воеводы, каштеляна и другие.

[6]. *О назначении судов.* Старосты должны назначать свои суды не чаще чем раз в шесть недель. Вызов на суд должен производиться за неделю до суда, не считая дня ареста.

[7]. *О статьях, которые подсудны старосте.* Старосты могут судить только по четырем статьям: нападение и нанесение ран на королевской дороге, поджог, насильственное вторжение в дом, изнасилование женщин.

[8]. *О бургграфах и старостах.* Ни бургграфы, ни старосты не могут занимать должность судьи, если они в данном крае не владеют наследственными поместьями.

[9]. *Об управлении при приезде короля в какую-либо область.* Король при приезде в какую-либо область и при отъезде должен дать удовлетворение жителям, которые жаловались на старосту.

[10]. *Никто не будет лишен своего имущества.* Король не позволит отнять чье-либо имущество или арестовать кого-либо иначе как по закону.

[11]. *Об общих судах.* Общие суды, или так называемые генеральные коллоквиумы, должны происходить раз в год, а именно: в Кракове на следующий день после праздника очищения Марии, в Сандомире на следующий день после праздника рождения Марии, в Люблине на другой день после праздника Иоанна Крестителя, в Радоме после праздника

обрезания Христа, в Вислице после праздника св. Мартина.

[12]. *О малых судах.* Малые суды должны происходить 4 раза в год в главных поветах.

[13]. *Об отсрочках судебных разбирательств.* В земских судах, как и в судах старост, каждый может отсрочить свое дело первый раз ссылкой на недомогание, второй раз ссылкой на болезнь, а третий раз должен присягнуть сам третий в том, что до этого болел.

[14]. *О взимании судебных пошлин.* Судьи, подсудки и исполняющие их обязанности при взимании судебных пошлин и других платежей не должны брать больше, чем это предусмотрено статутами Казимира и Владислава. Также и нотариусы, если кто-нибудь потребует выписку из актов, из дарственных и даже из актов о тяжбах, не должны брать больше, чем грош, за каждую выписку, а с детей и вовсе ничего не должны брать. Если же кто-нибудь нарушит вышенаписанное в статутах, тот должен понести наказание.

[15]. *О хранении актов, или книг земских судов.* Акты, или книги земских судов, должны храниться под тремя замками согласно постановлению, принятому в Варте, изложенному выше.

[16]. *О спорах.* Судьи при решении дел не будут вдаваться в рассмотрение возбуждаемых сторонами споров, но приступят непосредственно к разбору главного дела.

[17]. *О клеветниках.* Если кто-либо будет обвинен в клевете, он сможет очиститься от обвинения. И только если в четвертый раз будет обвинен в подобном преступлении, он не будет допущен к очищению, но должен быть осужден к лишению шляхетства.

[18]. *О взимании поборов.* Когда старосты или судьи совершают залоговые сделки, будь то судебные решения или исполнение решений короля, они не должны брать больше, чем залоговая сумма, для своих служащих или помощников и должны хранить залоговые суммы по статутам короля Казимира.

[19]. *О евреях.* Евреи должны жить по Вартенским статутам, и если правящий в настоящее время король даст им права и привилегии, которые будут противоречить божескому праву и земским статутам, эти права и привилегии оспариваются и объявляются недействительными. Евреи должны носить такую одежду, чтобы их можно было отличить от христиан.

[20]. *О размежевании дворянских и королевских имений.* Своим подданным, обращающимся с просьбой, король должен разрешать размежевание своих, королевских, от их, дво-

рянских, имений в присутствии двух сановников и одного писца и скреплять печатью по старинным обычаям.

[21]. *Об арендаторах королевских поместий.* Арендаторы королевских поместий несут ответственность за соседние земли и за обиды, нанесенные соседней шляхте. Если они застигнут на королевской земле скот, должны выдавать его хозяину при условии поручительства. С другой стороны, они выплачивают установленную сумму за аренду земли.

[22]. *О налогах.* Старосты, бургграфы и другие королевские чиновники не могут взимать налоги (inscriptionales) с имений духовенства и шляхты. В случае нарушения они платят штраф в 3 марки и возвращают налог тому, с кого они взяли.

[23]. *О том, что воспрещается мещанам чинить препятствия приехавшим на торг.* Мещане, королевские чиновники и духовные лица не должны чинить препятствия в делах торговли. Если кто-либо приехал на торг, пусть продает и покупает как можно выгоднее. Если же продающим и покупающим [кто-либо] будет чинить препятствия, наши старосты должны наказать [того] штрафом в 14 марок.

[24]. *О беглых.* Арендаторы королевских поместий, королевские люди и шляхта должны выдавать беглых. Если они не выдали, платят штраф тому, кому не выдали, затем суду, и все-таки должны выдать. Беглых судят, согласно польским законам.

[25]. *Об очищении от бесчестья.* Королевские старосты за очищение от обвинения в воровстве или ином преступлении, влекущем за собой бесчестие, не должны брать больше установленного.

[26]. *О военной повинности* [о военном походе]. Все подданные, имеющие взрослых сыновей, могут послать их вместо себя в поход, а сами остаться дома. И если кто-либо имеет поместья в двух областях и та область, где он проживает, не призывается на войну, он может не идти в поход, если война не застала его в другой области, которая призывается на войну.

[27]. *О земских судах.* Все судьи общих и малых судов должны судить по своду законов Казимира и Владислава, и всякого, кто пожелает, они должны с ним знакомить.

[28]. *О нанесении ран.* Если кто будет показывать на другого человека, что он нанес ему раны, он должен засвидетельствовать свои раны чиновником и двумя шляхтичами [в качестве свидетелей], а затем сам третий принести присягу в суде, что его действительно ранил такой-то человек.

[29]. *О королевских поборах.* Король не может неограниченно и непрерывно облагать поместья духовных лиц и дво-

рянства новыми поборами, даже если эта надбавка исчислялась бы фертоном[1] или 6 грошами, но должен брать по 2 гроша с каждого человека, как это заведено издавна.

[30]. *О королевских указах, запрещающих судить.* В земских и городских судах не должны пренебрегать королевскими указами, запрещающими продолжать ведение дела судье, по небрежности которого не соблюдаются равенство и справедливость. Но каждый должен соблюдать справедливость, не дожидаясь королевских указов.

[31]. *О таможенных пошлинах.* Таможенные чиновники — королевские, духовные, частных поместий — во всем польском королевстве не должны брать пошлин с подданных, везущих соль для своих нужд. В случае нарушения они платят штраф в 14 марок и везущему соль 3 марки.

[32]. *О продаже соли населению.* Каждый житель областей Краковской, Сандомирской, Люблинской беспрепятственно и свободно может ввозить соль из соляных копей Бохнии и Велички для собственных нужд. Управляющий соляными копями в Величке должен продавать соль три раза в год по 6 грошей за центнар, согласно прежним установлениям, в Бохнии — по 7 грошей, как указано в тех же статутах. Это смотритель соляных копей должен соблюдать под угрозой штрафа в 3 марки.

[33]. *О ранениях, полученных от мещанина.* Если какой-нибудь шляхтич будет ранен мещанином или человеком низшего сословия, получивший рану может вызвать виновного в земский суд и судить его по всем статьям земского права.

[34]. *Об арендаторе, уходящем от хозяина.* Арендатор, уходящий от хозяина, не имеющий земли, не имеет права что-либо строить, но должен пользоваться готовыми уже строениями; если же у него есть земля, он имеет право строить и жить в новых строениях.

[35]. *Об обновлении и утверждении старого права.* Все древнее право, изданное и утвержденное нашими предшественниками — королями польскими, — должно оставаться в силе, и ни в чем не до́лжно от него отступать.

Конец Нешавских статутов.

Pomniki prawa polskiego pod red. A. Vetulaniego, t. 2 polskie Statuty ziemskie w redakcji naststarszych drukow, opranowali L. Zysiak i S. Roman, Wroclaw — Kraków, 1958.

---

[1] Фертон — мелкая монета.

VII. КРЕСТЬЯНСКОЕ ВОССТАНИЕ В КОНЦЕ XV в.

19. Из Густынской летописи

Крестьянское восстание под руководством Мухи в 1490—1491 гг. охватило западные области Украины, Буковину и смежные районы Польши; восставшие взяли ряд городов, в том числе Галич. Под Рогатином шляхетское войско разбило отряды Мухи.

В лето 6999[1] Муха, некто волошин[2], своевольник, собра себе таковых же своевольников 3 десят тысячей, с ними же прийде на Покутя, пленяя; поражен бысть от наших, яко едва сам утече, а прочиих побиша; непомнозе же и сам ят бысть и в Кракове в темнице умре.

«Полное собрание русских летописей», т. II, СПб., 1843, стр. 360.

---

[1] 6999 год по церковному летосчислению «от сотворения мира» соответствует 1490—1491 гг.

[2] Волошин — румын, молдаванин.

ЧЕХИЯ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Центральное место в истории средневековой Чехии принадлежит гуситскому революционному движению, т. е. чешской реформации и гуситским войнам. Соответственно этому и подобраны документы в настоящем разделе.

По аграрным отношениям конца XIII — начала XV в. приводятся отрывки из поземельных описей-урбариев, а также грамоты, в которых показаны рост земельной собственности крупных феодалов (монастырей), тяжесть эксплуатации и рост феодальных повинностей. В док. № 1 описаны владения пражского епископства в Ржечицком округе и поступления с них. Яркую картину положения чешского крестьянства в начале XV в. дают отрывки из Бржевновской и Страговской поземельных описей (док. № 2—4). В них показаны дробление крестьянских наделов, многообразие и тяжесть крестьянских повинностей. Обращает на себя внимание величина барщины. Весьма интересен док. № 5 — извлечение из архива Бржевновского монастыря, в котором отражен рост рыночных отношений в стране.

Об ожесточенных классовых столкновениях в чешской деревне в XIV — начале XV в. свидетельствуют док. № 6, 7.

Острота классовых и национальных противоречий в Чехии в конце XIV—XV в. отразилась на борьбе, которая проходила в то время в стенах старейшего в Центральной Европе, созданного еще в 1348 г. Пражского университета (док. № 8). Сожжение книг английского бюргерского реформатора Уиклефа послужило сигналом к размежеванию сил, группировавшихся вокруг вождей чешской реформации Яна Гуса, Иеронима Пражского, с одной стороны, и сил феодально-католической реакции — с другой.

Расправа с Яном Гусом и Иеронимом Пражским показана в отрывке из хроники Лаврентия из Бржезовы. Приводятся также 4 пражские статьи, составляющие программу чаш-

ников, и изложение взглядов таборитов. Особый интерес представляют документы о пикартах — наиболее радикальной части таборитов. Наконец, «Хроника Бартошка из Драгониц» (док. № 10) рассказывает о событиях, связанных с последним периодом гуситского революционного движения.

Составители и переводчики: В. С. Соколов — док. № 5—10, Б. Т. Рубцов — док. № 1—4.

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XIII — НАЧАЛЕ XIV в.

1. Из урбария Пражского епископства 1290 г.

Владения и поступления с них в Ржечицком округе.

...Также в Ржечице, месте торговом, имеется 36 ланов[1], каждый из которых платит половину марки[2] серебра, 7 мер ржи, 5 овса, 2 ячменя, кроме 3 ланов, из коих один лан держит судья за службу и 2 лана держит пуркграф этого города за свою должность. Также там имеется 30 подсоседков, из которых каждый платит лотон серебра. Также сколько ни есть там лавок, каждая из них платит полфертона[3], и есть там 5 мельниц, которые имеют 7 колес, за каждое платится фертон или свинья вместо фертона. Из каковых судья держит одну мельницу с 2 колесами за службу, а другая, с одним колесом, принадлежит пуркграфу, и одно колесо принадлежит и мелет для епископской курии.

«Decem registra censum Bohemica»,
Praha, 1881, s. 4.

2. Из урбария Бржевновского монастыря 1406 г.

Село Бржевнов[4]. Также Петр платит 15 грошей[5] в день св. Георгия и в день св. Галла 15 гр. Также Мих платит 7 гр. в день св. Георгия и в день св. Галла 7 гр. Также Ян и Свох платят в день св. Георгия 7 гр. и в день св. Галла 7 гр. Также Духон, плотник, платит 7 гр. в день св. Георгия, в день св. Галла 7 гр. Также Герман платит в день св. Георгия 7 гр., в день св. Галла 7 гр. Также Гешек Трчка платит 14 гр.

---

[1] Лан — единица земельной площади. Обычно лан делился на 60 югеров, хотя встречались ланы в 70, 80, 90 и больше югеров.

[2] Марка — денежная единица, состоявшая из 64 грошей.

[3] Фертон — четверть марки, 16 грошей.

[4] Село Бржевнов входит в настоящее время в пределы Праги; монастырь бенедиктинцев в Бржевнове был основан в конце X в.

[5] Далее сокращенно — гр.

в день св. Георгия и в день св. Галла 14 гр. Также Брадач, держатель, несет службу монастырю, ничего не платя. Также Брадач, держатель, имеет данный ему надел в курии, за который надлежит платить 20 гр. и все другие повинности, подобно другим соседям и держит его по воле господина аббата. Также Гржек платит в день св. Георгия 20 гр. и в день св. Галла 20 гр. Также Павел платит в день св. Георгия 20 гр. и в день св. Галла 20 гр. Также монастырский колон ничего не платит. Также Кржечек платит в день св. Георгия 18 гр., в день св. Галла 18 гр. Также Духон, лесник, платит в день св. Георгия 9 гр. и в день св. Галла 9 гр., если он не выполняет службу. Также дом колона ничего не платит. Также Томаш платит 8 гр. в день св. Георгия и в день св. Галла 8 гр., но несет службу монастырю.

Также Михаил Попелка платит 15 гр. в день св. Георгия и в день св. Галла 15 гр. Также Богун платит 15 гр. в день св. Георгия и в день св. Галла также 15 гр. Также Паш платит 7 гр. в день св. Георгия, в день св. Галла 7 гр. Также Зденко платит 8 гр. в день св. Георгия, в день св. Галла 8 гр. Также Вацлав платит 6 гр. в день св. Георгия, в день св. Галла 6 гр. Также Чепел платит 7 гр. в день св. Георгия, в день св. Галла 7 гр.

Также в упомянутом селе Бржевновском каждый житель за каждую курию или надел свой платит каждый год по 3 курицы и каждый из них должен жать по 15 копен. И каждая копна должна иметь 50 снопов, так что каждые 15 снопов должны дать 4 стрихона[1] при молотьбе. Также каждый из них должен жать по 4 дня во время уборки, которая именуется сгоном. Также должны косить и сгребать сено, но монастырь должен, предвидя сенокос, позаботиться о перевозке сена. Также должны выходить 3 дня на охоту, когда им прикажут. Также каждый из них должен давать подымное по 3 гр.

Огород Манды. Также Манда, огородница, и Питель, огородник, за огород свой платят в день св. Маргариты 2 копы[2] и 10 гр. и в день св. Мартина также 2 копы и 10 гр.

Хмельник. Также Невступ, хмелевод, платит в день св. Маргариты 75 гр. и в день св. Мартина также и должен 2 недели работать на хмельнике.

Огород Шинделона. Также Шиндел и Рак, огородники, платят в день св. Маргариты $2^1/_2$ копы и 5 гр. и в день св. Мартина $2^1/_2$ копы и 5 гр.

Огород Клишона. Также огород Клишона платит в день св. Маргариты 2 копы и в день св. Мартина 2 копы.

---

[1] Стрихон — мера сыпучих тел.

[2] Копа — денежная единица, состоящая из 60 грошей.

Всего чинша с Бржевнова в один срок 3 копы 40 гр. и в другой срок 3 копы 40 гр. Всего кур 57, всего копен 285, всего дней уборки 75, всего подымного также в Бржевнове 9 гр. и 6 галлержей, всего за огороды 8 коп. в день св. Георгия, в день св. Галла 8 коп.

Село Збузани[1]. В селе Збузани имеется 7 дедин, из которых 5 платящих и 2 отбывают барщину (laborant robotam) на курии Мирешице; и каждая дедина дает по 60 мер, и каждая из вышепоименованных 5 дедин платит на праздник св. Георгия по 41 гр. и св. Галла по 41 гр. Также должны с каждой из вышеназванных пяти дедин убирать по 20 копен, и каждая копна должна иметь 50 снопов, каковые 50 снопов должны дать при обмолоте 1 стрихон. Также должны с каждой из вышепоименованных 5 дедин возить по 3 воза камней к известковой яме, когда это будет потребно. Также с каждой из всех 7 дедин должны давать подымного по 6 галлержей. Также 2 дедины, отбывающие барщину, должны работать на курии Мирешице во всякий день, когда им прикажут, на своих харчах.

Всего чинша в один срок 3 копы 25 гр. и во второй срок 3 копы 25 гр. Всего копен 100. Всего кур 20, всего подымного $3^1/_2$ гр.

Также курия Мирешице имеет 3 поля и платит с десятины: пшеницы — 2 копны, ржи — 2 копны, ячменя — 2 копны, овса — 2 копны.

«Decem registra censum Bohemica», Praha, 1881, s. 155—157.

3. Из урбария Страговского монастыря[2] (ок. 1410 г.)

Село Оленич[3]. Также там имеются ланы, которые платят шесть без одного квартала, и с каждого лана к празднику св. Галла платят 68 гр. и к празднику св. Георгия подобным образом — 68 гр. Также платят с каждого лана 8 стрихонов славитенской мерой: именно 4 стрихона ржи и 4 ячменя; вышеуказанный хлеб должны возить к монастырю ранее рождества Христова, когда им прикажет управитель из Патека[4]. Также там же платят с каждого лана 4 курицы и 60 яиц, когда им прикажут. Также с каждого лана дают 6 жнецов, когда им приказано будет управителем. Также обязаны на пло-

---

[1] Село Збузани находится к юго-западу от Праги, в 9 *км* от Смихова; поблизости расположено и упоминающееся ниже село Мирешице.

[2] Страговский монастырь, принадлежавший ордену премонстратов, был основан в первой половине XII в.; Страгов вошел в настоящее время в состав Праги.

[3] Современное село Воленице в 10 *км* северо-восточнее Лоуни.

[4] Село на правом берегу Огржи, расположенное поблизости от Воленице.

тину мельницы в Патеке возить бревна из леса или из рощи монастырской, как и люди в Патеке. Также платят подымные деньги с лана по полгроша. Также есть там 5 подсоседков. И каждый из них платит 4 стрихона дедин (heredites), и ко дню св. Галла — 10 гр., и столько же ко дню св. Георгия. Также там один из вышеназванных подсоседков, рыбак, который платит за реку из года в год полкопы грошей, а именно: 15 гр. — ко дню св. Галла и 15 гр. — ко дню св. Георгия, и каждый год в шестой день недели должен давать управителю за рыбу по полгроша, и это только тогда, когда сможет поймать. Также платит берну[1] и прочие сборы по приказу господина аббата. Также должны коноплю срывать, овец стричь и мыть по приказу управителя. Также есть там курия с тремя хорошими полями, один хмельник и 3 луга, и один сад, находящийся на острове, и вышеупомянутые ланы держат люди (laici), нижеперечисленные, и имеют право эмфитевзиса.

Также Якоб имеет 3 квартала; также Лука имеет 1 квартал; также Венцель Лапка имеет $^1/_2$ лана. Также Петр имеет 3 квартала; также Прокоп имеет $1^1/_2$ квартала. Также Мартин Коцур имеет $1^1/_2$ квартала; также Мартин имеет 3 квартала; также Блозплахта имеет $^1/_2$ квартала; также Ян имеет $^1/_2$ квартала; также Ян Чорт имеет $1^1/_2$ квартала; также Георгий имеет 1 квартал; также Якоб имеет $1^1/_2$ квартала; также Петр, колон, имеет 1 квартал, также Галл имеет $^1/_2$ лана.

Подсоседки: также Духон имеет 4 стрихона дедины; Мартин Пищата имеет 4 стрихона дедины; Горасек имеет 4 стрихона дедины; Крук Ремень имеет 4 стрихона дедины; Блашко имеет 4 стрихона дедины...

«Decem registra censum Bohemica», Praha, 1881, s. 270—271.

4. Село Хайно[2]

...Также там имеются прекрасное и прочное укрепление и другие строения: дом и житница, сооруженная из кирпичей и окруженная водой, и 6 рыбников. Также имеются 3 других рыбных пруда на курии и на огороде. Также есть прекрасный огород или выгон. Также имеются луга, обильные добрым сеном. Также там есть 2 обработанных поля, относящихся с древних времен к указанной курии. Также имеются дедины крестьян (вилланов), которые прежде платили чинш. Но блаженной памяти г-н Зденко, движимый страстью к лугам

[1] Берна — государственный поземельный налог, всей тяжестью ложившийся на плечи феодально зависимых крестьян.

[2] Современное село Хине, расположенное в 7,5 *км* к востоку от Унгошта (западнее Праги).

и полям, для себя и для вышесказанной курии от вилланов освободился. Также все вилланы там должны и обязаны выполнять ангарии, или работы, перечисленные ниже: во-первых, каждый с одной дедины должен полдня пахать под озимое и другой день — под яровое, также должен убирать каждый с дедины 32 копы снопов, и сумма уборки их снопов такова: 600 и 27 коп озимого, не считая ярового, которое называют сгоном, так как каждый за одну дедину должен убирать 2 дня яровое. И есть 20 дедин без $1^1/_2$ квартала, не считая полей крестьянских, которые к курии присоединены. Также должны сено сушить и складывать в стога, а колоны все должны свозить [на курию]. Также должны овощи на всех огородах сажать или сеять. Также должны горох убирать, сколько его будет. Также овец должны мыть и стричь в год. Также там имеются 2 больших огорода с овощами для курии, также 6 малых огородов, которые относятся к полям вышеназванных вилланов. Также каждый виллан с дедины платит 2 цыплят и яиц полкопы и 2. Также годовой чинш там около 27 коп. Также лес с этой стороны курии около одного лана.

«Decem registra censum Bohemica», Praha, 1881, s. 236.

5. Из грамоты короля Карла IV Вилемовскому монастырю[1] (15 января 1352 г.)

Мы, божьей милостью вечно благословенный король римский и богемский, объявляем милость всем и на все времена! ...Благочестивому аббату и всей общине монастыря ордена св. Бенедикта в г. Вилемове Пражской епархии и любезным нашим инокам, под монашеским одеянием удостоенным благословения божьего, желая поддержать их специальными милостями и покровительством, чтобы они с тем большей свободой могли отдаться почитанию самого высшего Демиурга, вышеназванному аббату и всей общине его монастыря мы на основании точных сведений предоставляем, уступаем от нашей королевской милости и по возможности наших настоящих сил разрешаем, чтобы в каждый вторник во все будущее время в их г. Вилемове проводился рынок или объявлялся базарный день со всеми правами, сюда относящимися, возможностями и полезными обычаями подобно тому, как подобные рынки или базарные дни обычно осуществляются во всех наших королевских городах, а также, чтобы их селение, называемое в народе Габерном[2], было бы с настоящего времени и на все будущее время признано городом и чтобы место это

---

[1] Вилемовский монастырь, основанный в первой половине XII в., находился в Восточной Чехии, в 6,5 *км* севернее г. Хабри.

[2] Современный г. Хабри в Восточной Чехии.

было признано городским поселением, и чтобы каждую пятницу в нем во все последующее время продолжали производиться рыночные торги или базарные дни со всеми относящимися к ним правами, возможностями и полезными обычаями, как это ранее было указано, которыми пользуются все наши королевские города и местечки, и чтобы города Вилемов и Габерн были доступны для свободного их посещения для покупки или продажи всего, в чем люди нуждаются для своего личного потребления, как это стало привычным в этих городах. Мы определенно и ясно приказываем также нашим капитанам, камерариям и подкамерариям, а также бургграфу в Лейхтенбурге и другим официальным и знатным лицам, и всем нашим подданным, постоянно или временно пребывающим в нашем королевстве Богемском, чтобы они ни в какой мере названным выше аббату и общине не мешали пользоваться объявленной им здесь милостью, не затрудняли бы их ничем и не отягощали, если хотят избежать навлечения на себя нашего королевского гнева и тяжких наказаний.

Настоящая грамота подтверждается приложением к ней печати нашего величества.

Из архива Бржевновского монастыря (переведено по фотокопии № 258, хранящейся в Институте истории АН ЧССР).

II. КЛАССОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОНЦЕ XIV—XV в.

6. Послание каноника Здеражского монастыря[1] Иоглина из Воднян (ок. 1403—1404 г.)

Дети любезные! Ныне пишется письмо сие! Запомните, что опасно оставаться стаду без сторожей и без пастыря, ибо оно легко может быть растащено дикими зверями согласно слову ап. Матфея: «Вот я поражу пастыря, и рассеются овцы стада!» (гл. 26, стр. 31). Так и народу опасно оставаться без сторожа и пастыря. Поэтому, как об этом упоминает Писание, когда не стало Моисея, народ впал в грехи.

Действительно, при отсутствии старших подданные совершают много нарушений порядка и уподобляются речному коню, называемому гиппопотамом... Таковы же, конечно, бывают и плохие подданные: они косматы, т. е. своевольны, непокорны, ворчливы. Они часто вытаптывают посевы добродетели у других хороших подданных, внушая им неповиновение старшим. И они умеют удивительным образом ускользать от зоркости своих охотников, т. е. от исправительных мер

[1] Здеражский монастырь был основан во второй половине XII в.; в настоящее время Здераж входит в пределы Праги.

своих старших наставников — [прелатов]; путем обманов и разных ухищрений они придают другой вид своим дурным поступкам и проделывают свои темные дела, прикрываясь какой-нибудь законной причиной.

Когда пастухи пасут свои стада на полях, приходят воры, разбойники и расхитители, которыми переполнена земля, и угоняют стадо вместе с пастухами. Они хуже волков, ибо, когда нападает волк, он хватает и утаскивает одного, много двух телят, не трогая пастухов. Эти же люди никого не щадят. Они, совсем наоборот, перековывают плуги на мечи и серпы на копья и стрелы, и из-за этого распадаются устои церкви и государство как бы погибает.

F. Graus, Dějiny venkovského lidu v čechách
v době předhusitské, D. I, Praha, 1957.
Приложение № 13, стр. 524—525.

7. Письмо с извещением о том, что аббат не может прибыть на общее собрание ордена цистерцианцев (конец XIV или начало XV в.)

Уважаемому во Христе отцу и господину, почтенному аббату цистерцианского монастыря и всей коллегии общего капитула брат Оттон, аббат Альтиваденского монастыря[1], выражает с должным смирением свое нижайшее уважение и преданность. Так как в окружающих нас, точно валом, землях неспокойно и мы опасаемся засад со стороны герцога нашей земли и, с другой стороны, ежедневно ожидаем налетов герцогов из Австрии, не говоря уже о внутренних распрях, которыми нас донимают наши же люди, то я в этом году на ваше общее собрание без большого ущерба для дома нашего и нашего имущества, а также и без большой опасности для меня лично прибыть не смогу, хотя в другое время и в другое место я приезжал к вам добровольно и по своему почину, и с большим усердием. Поэтому мы со всей возможной преданностью покорнейше просим все собрание ваше, чтобы вы, проникшись в душе сочувствием к нашим затруднениям, соблаговолили освободить нас от присутствия на этом вашем собрании капитула и на основании всего вышесказанного по-отечески признали, что наше прибытие затруднено тяжелыми и непреодолимыми условиями, а не нашим пренебрежением. Мы готовы нижайше подчиняться всем вашим постановлениям, которые будут приняты на собрании вашего капитула.

F. Graus, Dějiny venkovského lidu v čechách
v době předhusitské, D. I, Praha, 1957.
Приложение № 14, стр. 525.

---

[1] Или Вышербродский монастырь на крайнем юге Чехии был основан в XIII в.

8. Из хроники Пражского университета

Основание Пражского университета и его первоначальная история

В лето господа 1348-е император Карл основал в Праге всеобщее обучение теологии, каноническому праву, медицине и [свободным] искусствам. Место обучения было сначала в доме по соседству с кладбищем св. Франциска, потом в доме Лазаря в иудейском квартале. А теперь в доме Ротлеба на площади св. Галла. Итак, этот университет был разделен на четыре национальности: чешскую (богемскую), баварскую, польскую и саксонскую. Со дня на день он удивительным образом разрастался при едином, однако, ректоре университета...

В лето господа 1372-е, когда, согласно уставу университета, в день св. Георгия были произведены выборы нового ректора, прежний ректор, именно Николай Кольперк, не признал [этих выборов][1]. Но на третий день, объединившись с юристами, [они] избрали себе другого ректора, именно некоего графа Пернштейна. С тех пор юристы отделились от других факультетов и от факультета свободных искусств, не признавая их устава, и с упорством пребывают в таком положении до сего времени.

В лето господа 1384-е, в день св. Павла, ректором университета был избран Салтов. Во время его ректорства возникла великая распря между богемской (чешской) национальностью и тремя остальными из-за постоянных мест в коллегии [Карла], которые занимали не чехи, а другие национальности. Из-за этого вышеназванный ректор отменил все занятия под страхом строжайших наказаний. Однако чешская национальность, не обращая внимания на это распоряжение ректора, публично и с оружием в руках читала лекции посещавшим их школярам, проводила диспуты и осуществляла на положенных местах в коллегии прочие учебные занятия. И при таком раздоре ректор с некоторыми другими [профессорами] по причине распри с остальными чехами были избиты чехами, переодетыми в другие одежды, но без кровопролития, и тевтоны после многократных обращений с просьбами к королю Венцеславу, к архиепископу и к королевским советникам, увидав, что они не могут рассчитывать на успех, приняли в состав коллегии Карла пятерых чехов и шестого нейтрального члена. И в соответствии с этим было единогласно объявлено еще такое же число советников в коллегии короля Венцеслава. Да будут чехи за это благословенны на века!..

---

[1] Т. е. хотел остаться ректором.

И еще в том же году в ректорство магистра Генинга Бальтегагена произошло разногласие между чешским землячеством и остальными тремя землячествами, именно Баварским, Польским и Саксонским, по поводу желания короля, чтобы университет поддержал его и кардиналов в желании сложить с себя подчиненность папе. Итак, чехи выразили свое согласие на это, а другие национальности были с этим не согласны, и так как у них было большинство голосов, то ректор не решился вынести заключение против их желания.

И еще в том же году, когда от короля [Франции] и от Парижского университета явилось торжественное посольство к нашему королю Венцеславу, пребывавшему в то время в Горах Кутных, он вызвал к себе ректора университета с докторами и магистрами, в числе которых были доктор теологии Ян, сын Ильи из Брода, а также Ян Гус, тогда уже магистр свободных искусств. Выслушав посольство по вопросу о сложении с себя подчиненности обоим тогдашним папам, с чем чехи согласились, а остальные национальности были не согласны, непобедимый король римлян и Чехии Венцеслав в тот же день щедро даровал чехам три голоса, руководствуясь примером Парижского университета, по образцу которого был основан и Пражский университет. Этим его дарованием были смущены другие национальности, не хотевшие ни в каком случае с этим примириться; они составили между собой дьявольский заговор и поклялись лучше уйти и никогда больше не возвращаться в Прагу, чем признать за чехами, этими мужиками короля, три голоса в предосуждение, как они выразились, и в отягощение других национальностей.

В лето господа 1409-е, около праздника св. Георгия, когда по настоянию короля Венцеслава чехи избрали в ректоры магистра Зденека, на это остальные национальности своего согласия не дали, и произошел великий раздор между землячествами. Итак, во исполнение своей клятвы чужие национальности удалились из Праги кто пешком, кто верхом, кто в повозках.

Обсуждение и сожжение книг Уиклефа

И еще в лето господа 1410-е вышеназванный архиепископ пражский Збинкон, хотя и обладавший от природы здравым умом, но в священной науке не имевший никакого авторитета, был введен в заблуждение дурными [своими] советниками и дело, начатое безрассудно, завершил наихудшим концом. Именно он поручил исследовать изъятые, согласно [папской] булле, книги Уиклефа шести враждебным им докторам и магистрам и на основании их доклада приказал публично сжечь книги в следующий за праздником св. Вита день. Но по настоянию короля Чехии, господина Венцеслава, отложил

исполнение своего безумного решения до прибытия прежнего маркграфа Моравии господина Иодока. Но еще до прибытия маркграфа вышеназванный архиепископ в 16-й день июля приказал сжечь книгу Уиклефа посреди двора архиепископского дома в присутствии пражского капитула, прелатов и многочисленного клира. Итак, на том месте, распевая псалмы и громким голосом возглашая: «Тебя, бога, хвалим...», и под звон колоколов, как над покойником, они бросали в огонь древние пергаменты и сохраненные с давних времен грамоты и сожгли много прекрасных книг. Но, как думают, наиценнейшие из них были спасены. Они надеялись, что этим положили предел всем смутам, но с соизволения бога, судьи праведного, они открыли этим только их начало.

[25 июня] магистр Ян Гус и господин Здислав из Звержетиц с приверженцами выразили свой протест. Но архиепископ Збинкон, не обращая внимания на их протест, отлучил [от церкви] всех протестующих с их приверженцами, так же как и всех, не сдавших книги [Уиклефа].

Распространение раскола в народе

[1410 г.] И еще по причине выше упомянутого сожжения книг и отлучения магистра Яна Гуса и других в народе произошел великий раскол. Некоторые очень тяжело приняли его отлучение архиепископом, так что ропот пошел после этого по всей пражской церкви. И [22 июля], в день Марии Магдалины, духовенство, совершавшее в облачении службу в числе почти 40 человек, и другие отступили от святых алтарей. И в этот же день в храме св. Стефана в Новом Месте Праги шестеро, обнажив мечи, хотели убить богохульствующего проповедника. Всех плебанов охватил [после этого] такой страх, что в последующее время они не стали признавать отлучения, не основанного на законе божьем.

«Fontes rerum Bohemicarum»,
Vol. V, Praha, 1893.

III. ГУСИТСКИЕ ВОЙНЫ

9. Из хроники Лаврентия из Бржезовой

Четыре статьи пражан

Мы, бургомистры (magistri civium), консулы, и скабины, и вся община г. Праги, столицы королевства Богемского, от своего имени и от имени всех других верных этого королевства постановляем [следующие положения]: да будет известно всем верным во Христе, что все верующие в королевстве Богемском стоят за нижеследующие четыре статьи и с помощью

божьей будут стоять за них жизнью или смертью своей, насколько им это будет возможно.

I. Чтобы слово божье в королевстве Богемском проповедовалось священнослужителями господними по уставу свободно и беспрепятственно, согласно словам Спасителя: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари»[1]. Ибо, по словам апостола, «слово божье не связано», но должно проповедоваться, как сказано в писании: «...чтобы слово господне распространялось и прославлялось повсюду»[2]. И, как сказано в первом послании к коринфянам, гл. 14-я: «Никому не должно запрещать говорить в церкви на разных языках».

II. Чтобы таинство святой и божественной евхаристии свободно предоставлялось всем верным христианам, не отягченным никакими смертными прегрешениями, под обоими видами, т. е. хлеба и вина, согласно словам и установлениям самого спасителя, который сказал: «Примите, ядите: сие есть тело мое», и «пейте из нее все, ибо сие есть кровь моя Нового завета, за многих изливаемая...»[3]

III. Чтобы отняты были у духовенства светское обладание богатством и частная собственность на землю, которую оно захватило вопреки заветам Христа, в осуждение их долга и к ущербу для самой светской власти и чтобы само духовенство вернулось к евангельским правилам, к апостольской жизни, какую вел сам Христос со своими апостолами...

...В сердце нашем нет никаких других [стремлений], как только по мере всех наших сил во всем быть угодными господу нашему Иисусу Христу и верно соблюдать и исполнять закон его и наставления, и эти четыре общехристианские статьи (стр. 96—98[4]).

12 статей, предложенных таборитами пражанам

Мы, община таборитов и вся община пришельцев, предлагаем вам, общине пражской, нижеследующие статьи:

Во-первых, чтобы принятые взаимно между нами положения и предписания соблюдались и выполнялись с той и другой стороны во всей своей неприкосновенной чистоте.

И еще, чтобы статьи, на которые согласились капитаны, консулы и община, ввиду того что они уже давно оглашены проповедниками, сохранялись и сообщались под страхом объявленных наказаний.

---

[1] *Марк,* Евангелие, гл. последняя; *Матфей,* Евангелие, гл. последняя.

[2] Перевод цитат из священного писания дается в соответствии с текстом летописи; он не во всем совпадает с переводами в русском изд. Библии. К фессалоникийцам, послание 2-е, гл. 3.

[3] *Матфей,* Евангелие, гл. 26-я; *Марк,* Евангелие, гл. 14-я; *Лука,* Евангелие, гл. 21-я.

[4] Указаны страницы книги.

И еще, чтобы не терпеть и не оставлять без наказания ни одного явного грешника, как-то: прелюбодеев и прелюбодеек, распутников и распутниц, соблазнителей и соблазнительниц, блудников и блудниц, как явных, так и тайных, бездельников и бездельниц, разбойников и всех противников бога, богохульников и умалителей какого бы они ни были общественного положения и сословия.

И еще, чтобы не допускалось под страхом установленных наказаний распитий в корчмах каких бы то ни было напитков, а также внесение их, как только согласно объявлениям[1].

И еще, чтобы не носили роскошных одежд и не допускали бы ношение другими слишком против господа бога драгоценных, как-то: пурпурных, расшитых, тканных серебром или тисненных, вырезных, серебряных поясов, застежек и всяких украшений и драгоценностей, располагающих к гордости.

И еще, чтобы заботились о том, чтобы под страхом соответствующих наказаний ни в ремеслах, ни на рынке не было обманов, утайки [материалов], чрезмерной наживы, божбы, [производства] всяких бесполезных и суетных вещей, хитрости, надувательств.

И еще, чтобы устранены были не согласные с законом божьим права народов неверных и тевтонские и чтобы все управление, суд и все распоряжения производились сообразно с божественным правом.

И еще, чтобы священники, которые должны служить примером, соблюдали порядок, установленный богом, и подражали апостолам и пророкам.

И еще, чтобы начальники (magistri) соблюдали божественное право наряду с другими верующими христианами и свои распоряжения согласовывали с волей божьей и представляли в ратушу для проверки на основе закона божьего.

И еще, чтобы все платежи священникам были обращены на общее благо и чтобы уничтожены были ростовщические сделки на дома, на лавки и на что-либо другое, где бы это ни оказалось, и чтобы упразднены были всякие лихоимные записи[2], чтобы священники содержались по усердию верующих (fide).

И еще, чтобы изгнали от себя всех противников истины божьей и беглецов и изгнанников к себе не принимали, потому как они сами не соблюли верности ни перед собой, ни перед богом, так и им не должно быть оказано доверие ни по какой милости.

---

[1] Т. е. согласно разрешению.

[2] Не совсем ясный латинский текст дополняем выражениями из параллельного старочешского перевода, именно используем выражение: lichvií zkazeny lichnevy zapisové; под сокровищницами следует понимать накопление ценностей в руках ростовщиков и духовенства.

И еще, чтобы упразднили и разрушили все еретические монастыри, ненужные церкви и алтари, иконы, сохраненные явно и тайно, драгоценные украшения и золотые, и серебряные чаши, и все антихристово насаждение, идолопоклонство и симонические заблуждения, не исходящие от господа нашего, отца небесного.

Поэтому, дорогие братья, выставляем мы для себя такие правила, что хотим всем своим имуществом, душой и телом исполнить волю господню, так как уже многие братья наши на изложенную здесь истину пролили свою кровь и отдали свою жизнь. И мы с божьей помощью ни за что ее не забудем, и вам всем того же желаем, и помогаем в этом, и, поскольку будем жить и иметь силу, будем помогать и в будущем, если вы сами не будете пренебрегать предписаниями (стр. 103—105).

О пикартах [1]

Но в это время не дремал и дьявол и, видя, как при такой свободе для всяких заблуждений каждый может распространять какое угодно учение, пустил в народ новое, еще более вредное и раньше державшееся в скрытом виде заблуждение, словно прикрытую плащом ересь (heresis palliata), могущую совершенно разрушить всю христианскую религию, именно, что хлеб и вино, пресуществленные при положенном священнослужении пресвитера, не суть истинные тело и кровь [Христовы], но являются после священнодействия пресвитера только освященным хлебом и вином, которые верующие христиане должны вкушать и пить в память страданий Христа, и что если Иисус Христос, господь и бог наш, на последней своей вечере, взяв хлеб и возблагодарив бога, благословил его и, преломив, сказал: «Это есть тело мое, за вас предаваемое», то буквально это надо понимать так, что Христос указывал при этом не на хлеб и не на тело свое под видом хлеба, но сказал: «Это есть тело мое», показывая пальцами своими на свое тогда еще смертное тело, бывшее перед глазами всех учеников, ибо именно это тело его должно было быть предано для искупления всех. А когда он добавил: «Примите и разделите между вами», он дал им хлеб, который перед этим благословил, чтобы они постоянно также благословляли и вкушали хлеб, делая это в его воспоминание. И то же самое они измышляли о чаше, что буквально [Христос] своими словами указывал на кровь, которую должен был пролить на кресте, а не на вино и не на кровь под видом вина, потому что, как они говорили, ее в то время там и не содержалось. И вот этим

[1] В отличие от общепринятого в Чехии назывались пикартами.

невежественным, еретическим, негоднейшим и противным всему писанию учением постыдно заразилось весьма много мужчин и женщин особенно в округах Жатца, Пльзня и Праги и даже тех, которые раньше с большим усердием и благоговением, проливая слезы, почти ежедневно причащались тайн святой евхаристии. После же того как распространилось это пагубное учение, они уже безо всякого благоговения говорили священникам, прибегая как бы к бренной пищи: «Дай мне причаститься таинства», но понимали при этом просто освященные хлеб и вино, а не тело и кровь господни. И если пресвитер говорил им: «Желаешь ли ты, чтобы я дал тебе здесь тела Христова под видом хлеба и крови его под видом вина?», они, качая головой, отвечали: «Ты не слышишь, что я прошу», т. е. именно таинства алтаря! И не хотели они больше делать коленопреклонения и произносить молитвы и хвалы, как они обыкновенно раньше делали перед святыми дарами и Христом, и истинным богом, истинно содержащимся в этом таинстве. И поэтому некоторые из них, видя как во время обедни выносятся святые дары хлеба и вина или как их полагают в ковчег алтаря, или как несут их в крестном ходу, потупляли в землю глаза, сдвигали брови на своем лице, а некоторые даже плевали, упрекая верующих христиан, преклонявших перед святыми дарами колени и поклонявшихся господу своему, чтя его в святом его таинстве. И, что было хуже всего, в их злобствовании они, где и когда только могли, выбрасывали святые дары из ковчегов или других дарохранилищ, чтобы только никто их так не почитал. Среди таких был Сигизмунд, вассал из поместья Ржепан близ Градца, и много других вассалов и простых крестьян того и другого пола. Они не хотели принимать здравого учения магистров, но порочили его и сами, словно лишившись рассудка, безумствовали, и говорили, что все магистры и пресвитеры, которые утверждают, что под видом хлеба и вина существует истинное тело и кровь Христовы, — обманщики и соблазнители и что никто из верных (христиан) не должен оказывать им доверие (стр. 71—73).

[20] ...И еще в том же году... громадная толпа народа обоего пола из Праги, с разных концов королевства собралась на горе у Кржижкови, там, выслушав от священников несколько проповедей с призывами возлюбить друг друга во Христе и мужественно бороться за правду божью, с большим усердием причащались телом и кровью Христовыми. Вскоре же после этого, еще в тот же день, почти вся эта громадная толпа со святыми дарами евхаристии направилась вместе с пражанами в Прагу и, проникнув уже в ночное время в замок Вышеградский, где еще продолжали пребывать многие друзья и слуги бывшего короля Венцеслава, через замок вступает в самый г. Прагу и принимается пражанами с вели-

кой торжественностью при множестве зажженных факелов и с колокольным звоном... Но в конце концов ввиду того, что пражане, особенно же старейшины, заключили с королевскими людьми, занимавшими Пражский град и Вышеград, на некоторое время перемирие, все посторонние, или пришельцы... возвратились к себе домой (стр. 45).

[27.] *Призыв таборитами народа в пять городов...*

И еще, в те же времена некоторые священники таборитские проповедовали народу новое пришествие Христа, при котором должны погибнуть и будут истреблены все злые и ненавистники истины, а добрые сохранятся только в пяти городах. По этой причине некоторые города, в которых свободно применялось причащение чашей, не хотели вступать ни в какие соглашения со своими противниками и особенно с г. Пльзень. В самом деле, упомянутые выше таборитские священники, распространяя в Бехинском крае, а также и в других местах много заблуждений, противоречащих вере христианской, писания пророков толкуя ложно, из своей головы и пренебрегая католическими установлениями святых ученых мужей, проповедями своими явно обманывали народ, призывая его, чтобы все и каждый в отдельности, желая укрыться от гнева всемогущего господа бога, каковой [гнев], согласно их предположению, должен был разразиться в скором времени над всем миром, бежали из городов, замков, сел и местечек... и укрывались в пяти городах. Названия же этих городов следующие: Пльзень, названный ими самими городом солнца, Жатец, Лоуны, Слави и Клатови. Господь всемогущий, говорили они, хочет уничтожить весь мир, исключая только тех, которые укроются в пяти названных городах... Много простого народа, верившего их пустым письмам как правдивым... распродавало имущество свое по дешевым ценам и стекалось к ним из разных краев королевства Богемского и маркграфства Моравского с женами и детьми и приносило деньги к ногам этих священников.

Когда они, как только что было сказано, собрались в г. Пльзень, многие ревнители причащения чашей, и особенно г-н Брженек из Швигова, г-н Валкун из Адлара, а также и Иоанн Жижка... с верными их последователями, прибыли [туда] из Праги и, изгнав из Пльзня ненавистников правды, заперлись в этом городе... не пожелав никоим образом заключать с ними мир, как с врагами бога и его закона. По наущению же священников, и особенно Венцеслава, по прозвищу Коранда, который был тогда среди них главным, монастыри самого города, церкви и некоторые подворья, расположенные близ города, были разорены и разрушены... Поэтому королева

Софья и бароны, и чины королевства послали немалое число людей для осады г. Пльзня. И люди, засев с разных сторон в различных защищенных местах, с той и другой стороны обстреливали друг друга и взаимно увечили друг другу руки и ноги.

И еще, в те же дни, король венгерский Сигизмунд разослал по всему королевству Богемии всем баронам и в особенности чиновникам королевства... письма с приказом, чтобы всех виклефистов и гуситов и совершающих причащение чашей всякими способами теснить, преследовать и по мере возможности уничтожать (стр. 55—56).

[37.] *Бой крестьян с панами.* *Приход таборитов на помощь пражанам*

Около того же примерно времени, пока король венгерский все еще пребывал в Горах Кутных, собралась на одной горе... еще одна толпа ревнителей причащения чашей вместе с угольщиками для защиты истинного причащения чашей. Вследствие этого среди жителей Гор распространился немалый страх. Льстивыми словами и разными подачками они уговаривали большинство угольщиков вернуться по домам... Но, несмотря на то что общее число собравшихся с уходом их несколько уменьшилось, они все же выступили в путь к своим собратьям в Табор, или в Градиште, со святыми дарами тела Христова, но на открытом месте неожиданно на них напали вооруженные люди, посланные против них королем из Гор. Однако крестьяне оградились со всех сторон повозками и стали стрелять во врагов из пушек и пращей. И хотя всадники были хорошо вооружены и их было, как говорят, по крайней мере по 20 человек против одного крестьянина, все же они не осмелились атаковать слабо вооруженных крестьян, но, потеряв несколько человек убитыми и очень много ранеными, начали с основными своими силами отступать в Горы.

Итак, табориты в ответ на призыв пражан, как выше сказано, не замедлили отправиться в Прагу со своими пресвитерами, женами, малыми детьми и множеством повозок... Оставив тогда монастырь, они прошли дальше, в селение Поржичи, и, перейдя вброд реку, расположились на открытом месте у воды с намерением там переночевать. Однако, заметив, что поблизости находится неприятель, впрягли снова коней в повозки и стали продолжать путь, не отдохнув. Неприятель же, построившись в три большие колонны, с ожесточением напал на них, окружив со всех сторон... Табориты же, несмотря на то что время было ночное, бросились вперед со своим оружием: пушками, пращами, клюками, цепами — и, производя шум цепами, пошли в атаку на неприятеля и с

божьей помощью после ожесточенной схватки обратили его в бегство. Убив человек 20 неприятеля и выхватив у них из рук немалое количество копий и знамен, отмеченных красными крестами, они поспешно и мирно продолжали свой путь в Прагу, не встречая больше никакого сопротивления. Итак, в день мая месяца 20-й в числе многих тысяч человек обоего пола в предшествии своих пресвитеров, несущих впереди народа святые дары тела Христова, подняв их высоко на шестах, они в час службы вечером вступают в г. Прагу. Сами пражане, выйдя им навстречу с крестным ходом, принимают их с благодарностью, снабдив их щедро продовольствием, обильные запасы которого были найдены в домах беглецов, покинувших город... Сами же табориты со своими повозками и конями располагаются на острове против Поржичских ворот и там устраивают себе временное жилище, причем священники их ежедневно проповедовали слово божье и воодушевляли народ к войне за закон божий, главным образом за причащение чашей, с усердием причащая простой народ святым телом и кровью господа нашего Иисуса Христа, чтобы и сам народ был всегда готов для войн во имя божье. Вождями же этих таборитов были, как выше было уже упомянуто, миряне: Николай из Гуси, человек дальновидный, большого ума и военного опыта, Збынек из Бухова, Хвал из Ржепице и Иоанн Жижка (Одноглазый), выше всякой меры храбрый и деятельный (стр. 71—73).

[*105.*] *Поход пражан и таборитов против мейссенцев...*

И еще, в то же самое время... отряды трех сторон г. Праги вышли по направлению Моста, чтобы, собрав воедино всех братьев, рассеявшихся по разным городам, изгнать войско мейссенцев из своего королевства. С ними отправился верхом на лошади, чтобы навести страх на тевтонцев, и капитан таборитов Жижка, находившийся в то время в городе для лечения своих глаз... Услыхав, что пражане собрались вторично, мейссенцы вернулись из Богемии в свои владения.

И еще, в том же году бароны Богемского королевства и другие господа и рыцари, а также и вассалы, прежде бывшие заодно с пражанами, решили и высказали желание собраться в ближайшее воскресенье... в Чешском Броде вместе с пражанами и другими горожанами, сторонниками истины господней, чтобы обсудить вопросы о благополучии королевства, о порядке его и управлении, а также об единодушной защите святой истины. Для того чтобы вынесенное решение имело полную силу, эти господа хотели, чтобы община г. Праги направила туда своих известных горожан, пользующихся влиянием и обладающих всей полнотой власти. И хотя пражская об-

щина дала на это свое согласие и подтвердила письменно, что в назначенный день пражане прибудут в Чешский Брод, однако господин и пресвитер Иоанн [Желивский], находившийся в то время при войске у Моста, отсоветовал пражанам сначала письменно, а потом, вернувшись, живым словом собираться вместе с баронами, утверждая, что эти вышеназванные господа — предатели и неверные, и неискренне преданные истине. По случаю этого в г. Праге произошло глубокое разделение... При таких взаимных разногласиях было принято окончательное решение послать всего двух консулов и двух представителей от общины и не с полнотой власти, а только чтобы выслушать предложения баронов, и собраться не в Броде, а в Колине; баронам же было указано место в Горах Кутных. Все произошло так, как только что было сказано. И когда пражане съехались с баронами в Горах, не имея полноты полномочий от общины, бароны не вступили с ними ни в какие переговоры, но направили в г. Прагу г-на Ульриха из Нового Дома... убедить пражан, чтобы они прислали когонибудь облеченного всей полнотой полномочий, чтобы не распалось объединение баронов с рыцарями... После многократного обсуждения совместно этого вопроса они пришли лишь к такому решению: 1) чтобы бароны послали свое посольство к великому князю Витольду с извещением его о том, что они принимают его своим господином и королем в их королевстве и просят не отказать прибыть в королевство Богемское; 2) чтобы как бароны, рыцари и вассалы, так и пражане с другими городами, примкнувшими к ним, двинули свое войско 18 сентября к Чешскому Броду, а оттуда, куда найдут нужным господа из Праги; 3) чтобы назначить г-на Ульриха, по прозвищу Вавак, начальником монетного двора, чтобы, собирая там деньги, получаемые из горных рудников, он расходовал их на общее благо всей земли... (150—151).

[*106.*] *Поражение немецких крестоносцев у Жатца*

И еще вышеупомянутые мейссенские тевтонцы вместе с некоторыми примкнувшими к ним богемцами захватили города Хомутов и Кадань, окружили кольцом осады г. Билину, опустошая при этом замки и села, менее всего щадя крестьян и женщин. Когда до пражан дошли слухи об этих бедствиях... из Праги вышли два отряда общины с наемниками... с целью выбить тевтонское войско из занимаемого им лагеря. Тевтонцы же, узнав о приближении пражан, сняли осаду с крепости Билины. Точно так же и Сигизмунд Дечинский... обратился в бегство со своими людьми, не дожидаясь прихода пражан. Но так как в Богемию в то время вторглись через Эгер по направлению к Жатцу множество тевтонцев с кур-

фюрстами, то пражане... направили своих послов к баронам, с которыми они были заодно, к Жижке и к остальным таборитам, чтобы они не отказали прийти с возможно большей военной силой в Слани, чтобы выступить против тевтонцев и изгнать их, ибо, как уже было сказано, курфюрсты, как духовные, так и светские, с баварскими и рейнскими князьями, герцогами, графами, господами, рыцарями и с большой толпой вооруженных людей вторглись в Богемию, побуждаемые к этому объявленным папой крестовым походом. Когда они прибыли к границам Богемии, архиепископы с многочисленной своей свитой, сойдя с коней и притворно показывая всем другим свое смирение, переступили границу пешими, чтобы бог даровал им успех в их борьбе с еретиками-богемцами... Когда они в канун дня св. Матфея совершили по крайней мере шесть атак на город, они были с помощью господа бога, за дело которого люди здесь бились, отражены с великим для себя позором и уроном. Как говорили жители этого города, найдено было впоследствии около 60 убитых из их числа, многие были увезены неприятелем полуживыми и 60 были приведены пленными в город.

Так как к войску тевтонцев стекались из отдаленных стран всего почти христианского мира народы разных языков, чтобы оказаться причастными к объявленной папой милости прощения грехов и освобождения от наказаний, видевшие все это войско целиком утверждают, что никогда раньше не видели такого большого числа людей, столь хорошо вооруженных и размещенных в бесчисленных палатках. По общему мнению, их насчитывалось около 200 000 воинов. И когда они день за днем сжигали города, села, замки и, чтобы заслужить индульгенцию, с большей жестокостью, чем язычники, убивали людей того и другого пола, как старых, так и молодых, и сжигали их в пучине огня, страх и трепет охватил сердца многих в Жатецком крае. Поэтому некоторые, покидая хорошо защищенные укрепления, бежали в города, а если сдавались и были ими приняты на милость, то те их не щадили и сжигали так же, как и остальных. А чтобы еще увеличилась их сила, они отправили посольство к королю Сигизмунду, напоминая ему о клятве, данной им в Констанце, чтобы он пришел для борьбы с еретиками с возможно большей военной силой, угрожая, что в противном случае, если он не придет, князья-курфюрсты позаботятся об избрании другого римского короля. Но прежде еще, нежели король Сигизмунд поспешил к их войску из Венгрии, где он тогда находился, плач, крики, стоны женщин, девиц и вдов дошли до слуха господа Иисуса, и гнев божий и справедливое отмщение пали на все неприятельское войско. Ибо всемогущий господь удивительным образом обратил в бегство все.

[120.] *Выступление войска Жижки против Сигизмунда*

...Когда в [Кутных] Горах стало известно о приходе короля в Ледеч... брат Жижка с таборитами стал готовиться к бою и поместился со своими людьми над Горами... и стал дожидаться прибытия короля... Когда же [к ним] прибыли также из Богемской и Моравской земель Бочек, Гашек и г-н Венцеслав, сын г-на Петра, они... в день св. Фомы... и Жижка с пражанами приказали священникам, отслужив утром обедню, громким голосом объявить с амвонов, а глашатаям разгласить по всем улицам, что все они готовы дать бой при встрече с королем, и что они нерушимо исполнят данное ими богу и пражанам обещание защищать евангельскую истину, и что они не испытывают никакого страха перед приближающимся королем, ибо, сохраняя верность своим капитанам, знатные господа, рыцари и все пражское войско скорее сложат свои головы, нежели покинут их и отступят... Но едва они успели отойти на два стадия от города, как войско короля отдельными отрядами стало приближаться к войску пражан. Хотя в большом отряде короля среди массы вооруженных конных людей находилось несколько сот быков и коров, чтобы внушить их видом страх [неприятелю] и обратить его в бегство, однако бог, который никогда не оставляет своих воинов без помощи, внушил всем, борющимся за истину его, большую твердость духа. Никто среди всего множества вооруженных людей не испытывал никакого страха и готовился к бою, и все пешие, а также все вышедшие вместе с ними из города кутногорцы — некоторые, чтобы помогать братьям, другие, чтобы посмотреть, какое войско возьмет верх, окружив себя со всех сторон возами, расположились внутри со своими цепами и другим оружием и приспособили много пиксид на возах для отражения неприятеля. После того как священники подбодрили их в нескольких словах, все пали на землю и вознесли горячие молитвы к богу, а затем, поднявшись после молитвы, посвятили много воинов в рыцари, чтобы храбрее они бились в защиту истины и приготовились выступить против короля. И когда несколько отрядов короля пытались натиском прорваться сквозь возы, они были при помощи пиксид отражены с большим для них уроном. Такие нападения неприятеля как прелюдия большого боя продолжались до самого вечера... Итак, пока, как уже было сказано, на поле боя до самой ночи происходили со стороны того и другого войска такого рода военные действия, войско короля разместилось недалеко от войска пражан, с тем чтобы ему доставлялось продовольствие из [Кутных] Гор; табориты с пражанами имели лишь умеренное количество пищи и питья и в холоде постились во славу божью. И, снявшись со своего лагеря, они

подошли к месту, которое занимал король со своими людьми, и, сбив его пушки, выбили самого короля со всем его войском с занятого им места[1]... (стр. 276—278).

«Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника», М., 1962.

10. Хроника Бартошка из Драгониц (1419—1443)

Завоевания таборитов

В том же 1427 г., в четверг после рождества пресвятой девы Марии (22. IX), пресвитер Прокоп и табориты с сиротами[2] и их единомышленниками, всего по крайней мере до 10 000 пехотинцев и 800 всадников, пришли в Прагу по своей воле и привезли с собой большую пиксиду «Хмелик», а также свои подводы и все к ним принадлежащее.

Затем поскольку г. Колин отделился от пражан и принял к себе в гетманы г-на Гашека из Дитенице, который был очень предан г-ну королю и герцогу австрийскому, взявшему себе в жены дочь г-на короля, то названные выше пресвитер Прокоп, табориты, сироты и пражане обложили осадой сам г. Колин и в течение 13 недель старались взять его при помощи больших пушек и пиксид, и разных других многочисленных хитростей; однако они не смогли взять его силой, но, согласно дружественному договору, по доброй воле горожан Дивиш Боржек с сотней своих людей и людей господ Иоанна Местецкого и Путы из Частоловице выехали из города со всем своим имуществом; а воины, стоявшие перед городом, вступили в него.

В том же году, в субботу перед днем св. Варфоломея (16. XII), рыцари Болоховец, Сигизмунд и Божек, пребывавшие тогда в замке Карлштайн, убили при помощи челяди этого замка одного грабителя из секты таборитов, по имени Ян из Остромец, занимавшегося грабежом близ г. Миншека, но шестеро из семи человек улизнули, хотя трое из них были тяжело ранены.

В том же году гетман секты таборитов, названный пресвитером Прокопом, по прозвищу Голый[3], и другой пресвитер Прокоп, гетман секты, оставшейся после Жижки, называвшей

---

[1] В этом месте хроника неожиданно прерывается. Бои у Кутной Горы окончились грандиозной победой гуситов: сначала Ян Жижка отступил, но потом, 6 января 1422 г., вновь направил удар на войско Сигизмунда, разбил его и непрерывно гнал до самого Немецкого Брода. По дороге Сигизмунд несколько раз пытался дать отпор, но каждый раз терпел поражение.

[2] Последователи Жижки после его смерти в 1424 г. стали называть себя «сиротами».

[3] Голый, или Бритый, от глагола голити, что значит брить.

себя сиротами, отправились с этими своими сектами и с пражанами в поход в Венгрию и захватили там много городов, например Венгерский Брод и другие, и много крепостей. Мало того, они сожгли пригород Пресбурга [1], затем пошли на Вену, но там не могли переправиться через Дунай и причинили много вреда в Австрии на этой стороне реки.

Затем уже в лето господа 1428-е они повернули в Силезию и разбили лагерь перед г. Ниссой; господин же Пута из Частоловице находился в этом городе с людьми епископа Конрада, и некоторые жители пригорода и собравшиеся туда крестьяне выступили против них. Люди же из сект со своими возами, оружием и пиксидами вступили с ними в сражение, наконец, и люди, вышедшие из города, тоже пришли в пригород, и там табориты перебили несколько тысяч человек того и другого пола и сожгли предместье города, и, если бы Пута из Частоловице со своими приверженцами не защищался так мужественно, они захватили бы и весь город.

Затем в том же году они продвинулись к городу герцога Людвига, называемому Бржихом, и по дороге обложили осадой много городов, укреплений и даже замок, называемый Соботкой, и оставили там своих людей, именно, г-на Плихту-[младшего] из Жиротина и др. Придя же к г. Бржиху, вошли в него, так как там было мало защитников, и, разграбив его, сожгли; мало того, они разрушили подобным же образом и г. Остригом и много других городов, укреплений и крепостей... и пригнали оттуда много тысяч голов крупного и мелкого скота в Богемию.

На обратном пути они разделились, и секта сирот с пражанами прошла в Баварию и, придя туда около дня св. Урбана, захватила города Пернов, Мнихов [2] и другие укрепленные места, потому что их никто не защищал, и, подойдя к большому пруду ландграфства, срыли плотину, спустили пруд и учинили много разорения в стране. Затем они вернулись в Прагу. Табориты же на той же неделе... осадили город и замок, именуемые Бехине, и обложили их с четырех сторон; среди них был и гетман пресвитер Прокоп. Там они разбили лагерь, стояли 15 недель и пытались разрушить город и замок при помощи пушек и больших и малых пиксид. Наконец Генч из Лазан с управителем замка, и какой-то командир Кокот, и с ними других больше ста человек (причем много было среди них раненых), не имея сил дольше сопротивляться, на той же неделе, что и день св. Галла, вышли к ним из города и из замка на том условии, что они только их одних отпустят на свободу.

---

[1] Немецкое название г. Братиславы.
[2] г. Мюнхен.

В том же самом году, именно в 1434-м, в самый день св. Криспина, что приходится на 30-й день мая месяца... в 4-й год понтификата святейшего во Христе отца и государя господина нашего папы Евгения IV и во 2-й год империи пресветлого князя-государя г-на Сигизмунда, божьей милостью императора Римского, вечно благословенного короля Венгрии, Богемии, Далмации, Кроации и пр., между городами Коуржим и Чески-Брод, близ селения [Гржибы], в час вечерни произошло великое столкновение. А солнце стояло в тот день в созвездии Близнецов, а луна — в конце хвоста Рыб.

Благородные господа и бароны[1]... а также и некоторые горожане из всех мест Праги и горожане из Мельника в числе, как говорили, 1000 всадников и 10 000 пехоты и с 720 подводами с броней на них и пиксидами, Чернин, г-н Петр из Хлумец, г-н Бенеш из Дуба, проживающий в Козло, Якубок из Божейков, бургграф г-жи Перты, вдовы Конопишта, с людьми этой госпожи с одной стороны, вступили в столкновение с другой стороной, в составе которой были: пресвитер Прокоп Бритый, тогда гетман секты таборитов, с самыми воинствующими таборитами и Иоанн, прозванный Чапеком из Шана, тогда гетман секты сирот Жижки, тоже непрерывно воюющей 12 лет, и пресвитер Прокопек, или Прокоп Младший, и Андрей, по прозвищу Керский, также гетман таборитов в Таборе, с горожанами оттуда, а также из Бероуна, Сланы, Жатца, Лоуны, Коуржима, Колина, Кутных Гор, Чески-Брода, Часлава, Нимбурга, Граца Кралове, Яромержа, Трутнова, Двора, Альтамуты, Клатова, Прахатице, Домажлице, Писка, Литомержище, а также Рогач из Дубы, Заимач из Евишовиц с другими своими единомышленниками — всего, как говорили, 93 всадника и около 9000 пехотинцев, 360 боевых подвод с броней на них и с 40 и больше пиксидами, называемыми гоуфницами.

И вышеназванные господа и бароны, умышленно показывая, будто они бегут, поставили в хвосте своих подвод лучших воинов г-на Ульриха из Розенберга и г-на Менгарда Прахинского из округа Пльзня и из Карлштайна со знаменем г-на Розенберга и приказали им тайно приготовить пушки, но нагнуть их к земле и направить как бы на свой тыловой отряд, будто они самовольно пытаются бежать от таборитов и сирот. В это время те преследовали врагов с тыла на своих подводах, и сильно обстреливали из пиксид хвост обоза господ рыцарей, и кричали при этом: «Бегут, бегут, обращаются в бегство!»[2]. Приблизившись к подводам господ примерно на

[1] Идет перечисление имен.

[2] Чешский возглас здесь приведен грубый, как бы «дают дралка!».

полмили, они сошли со своих возов, собираясь броситься на подводы господ. Но тогда люди господ и они сами, подняв свой стяг, знамя господина Розенберга, сошли со своих подвод и выступили против врагов, подошедших уже близко, и мужественно стали с ними биться, и так жестоко их разбили, что им осталось только петь псалом: «Помилуй мя, боже!»[1] Табориты и сироты повернули тогда в тыл, обратились в бегство и хотели вернуться к своим возам, чтобы укрыться за ними, но господа со своими людьми так ловко и быстро их гнали и избивали, что подошли к их возам одновременно с ними и там убили обоих пресвитеров Прокопов и еще многих других пресвитеров из их злостной секты, и многих побили на подводах, и, преследуя бежавших, как конных, так и пеших, младших гетманов Гиру Ушати и Мареша Кршняк захватили в плен. И те, которые при этом были, все согласно утверждали, что первоначально их было 10 тысяч и 250 человек; те же люди говорили потом, что из них спаслось бегством едва 97 человек: всех остальных убили на этом месте и во время бегства к Чески-Броду, там же и сожгли отнятые у них подводы с броней, пиксиды и другое оружие. Названные же выше гетманы Чапек и Андрей Керский бежали в Колин на конях вместе с некоторыми пешими своими единомышленниками. На другой день все названные господа со своими людьми преследовали их до самого Колина, но там пришли к некоторому соглашению, именно, чтобы тот же Чапек и Керский, а также колинцы со своими приверженцами явились в Прагу на великий съезд всех господ и коренных богемских городов, с тем чтобы им там было объявлено в день св. Иоанна Крестителя то, что решат коренные богемские (чешские) господа и города, на чем стоять и чем удовлетвориться.

Порешив так, господа и другие рыцари распустили лагерь и возвратились по домам, объявив съезд в Праге в день св. Иоанна Крестителя. Господин же Алеш из Штернберка с г-ном Иоанном из Швамберга, с названными людьми из округа Пльзня, с Вильгельмом из Ярославиц, суббургграфом замка Карлштайн, с их конным и пешим войском и с обозом направились в округ Слани и расположились лагерем перед крепостью Ржишуты, пытаясь взять ее силой. Однако не могли сделать этого за один день и ночь и потому в среду, в 9-й день июня месяца, стали разъезжаться по домам.

«Fontes rerum Bohemicarum»,
vol. V, Praha, 1893.

---

[1] Эта битва известна в истории как поражение гуситов при Липанах.

ВИЗАНТИЯ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Приведенные ниже документы характеризуют социально-экономическое развитие и политическую историю Византийской империи (XI—XV вв.). В разделе «Аграрные отношения» док. № 1 содержит весьма ценные указания на раздачу центральной властью государственных земель в полную собственность крупным феодалам, а также на имущественное положение крестьян, разоренных в результате налоговой политики государства; в док. № 2 говорится о раздаче государственных земель вместе с их населением в условную собственность. Оба документа дают представление о видах феодальной собственности в Византии. Эти данные дополняет док. № 3, в котором содержатся сведения о разделе крестоносцами земель империи после ее завоевания. Из док. № 4 видно, что в византийской деревне появились крупные арендаторы, пользующиеся наемным трудом на арендуемых землях и сдающие их за гораздо более высокую плату мелким субарендаторам.

Во втором разделе док. № 5 свидетельствует о значительном развитии ремесла и торговли в Византии в середине XII в., а док. № 7 — о попытках союза императорской власти с городами путем дарования им привилегий, однако более скромных, чем те, какие были предоставлены иностранцам (док. № 6).

В третьем разделе док. № 8 описывает красоту и богатство столицы империи накануне прихода крестоносцев в 1204 г., а док. № 9 рассказывает о сдаче Константинополя крестоносцам, о погромах, грабежах и насилиях, учиненных западными завоевателями. Особый интерес представляет то место, где говорится о том, как крестоносцы делили обширные владения империи.

Помещенные в четвертом разделе материалы свидетельствуют о социальных движениях и классовой борьбе, происхо-

дивших в XIII и XIV вв. в Византии: о восстании крестьян в Вифинии в 1262 г. (док. № 10), восстании в Адрианополе в 1341 г. (док. № 11), начале крупнейшего революционного городского движения зилотов в 1342—1343 гг. (док. № 12, 13).

Наконец, док. № 14 и 15 посвящены падению Византийской империи — завоеванию Константинополя турками в 1453 г. Составитель и переводчик (док. № 1, 4, 7) Г. Г. Литаврин.

I. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1. Передача государственных земель великому доместику[1] Андронику Дуке (1073 г.)

В марте месяце настоящего 11-го индикта[2] 6581 г. мне, Адаму, патриаршему нотарию[3] и доместику секрета[4] эконома[5] богоугодных заведений Востока, было дано повеление славного патрикия[6] и великого эконома богоугодных заведений Мацуки, имеющее следующее содержание:

«Мы получили другое распоряжение сильного и святого нашего императора, повелевающее нам следующее:

«Наша царственность дала протопроедру[7], протовестиарию[8] и великому доместику г-ну Андронику хрисовул[9] на отделенные от эпискепсиса[10] Алопеки проастии[11], находящиеся в ведении твоего секрета и дарованные ему нашей властью на основе полной и неотъемлемой собственности. Наша царственность пожаловала ему все доходы с этих проастиев впредь от начала настоящего, 11-го индикта и повелевает тебе, чтобы он вступил [во владение ими] и был внесен в хартии твоего секрета. Поэтому следует также отдать ему любой

---

[1] Доместик — гражданский и военный титул; носившие этот титул играли обычно роль заместителей и непосредственных помощников крупных должностных лиц.

[2] Индикт — период в 15 лет; по индиктам, как и по годам от сотворения мира, велось летосчисление в Византии.

[3] Нотарий — писец, составитель и переписчик документов.

[4] Секрет богоугодных заведений — ведомство по управлению государственными церквами, монастырями, странноприимными домами, приютами, больницами и т. д.

[5] Эконом — управляющий.

[6] Патрикий — один из высших византийских титулов.

[7] Протопроедр — один из высших титулов, введенный в середине XI в.

[8] Протовестиарий — сановник, ведавший императорским гардеробом и придворным церемониалом.

[9] Хрисовул — дарственная грамота императора с его собственноручной подписью и золотой печатью.

[10] Эпискепсис — императорское, государственное или частное владение, отдаваемое в управление (надзор) какому-либо (часто знатному) лицу.

[11] Проастий — поместье самого различного характера и размера, но часто лишенное господского дома.

доход, который ты в счет настоящего, 11-го индикта, как сказано выше, успел собрать с упомянутых владений. Повелеваем послать кого-нибудь из подчиненных тебе лиц секрета, чтобы оно совершило передачу проастиев протопроедру и протовестиарию, изготовить копию настоящего распоряжения, подписать ее вместе с подчиненными тебе лицами секрета и вручить ее протовестиарию для удостоверения его прав.

[Дано]в месяце феврале 11-го индикта».

Поскольку так повелевает императорское божественное распоряжение и поскольку тебе поручено осуществлять передачу [владений] в Милетском эпискепсисе, недавно дарованном сильным и святым нашим императором упомянутому протопроедру, протовестиарию и великому доместику г-ну Андронику Дуке, необходимо, чтобы ты отправился и передал икопроастий[1] Варис вместе с остальными проастиями, отделенными от эпискепсиса Алопеки лицом, ведущим им учет, что и означено в катастихе[2], подписанном им, снабженном печатью и врученном тебе вместе с настоящим повелением. Следует, чтобы ты, прибыв на место, взял у священника и протокуратора[3] того самого эпискепсиса Никиты практик, который во всем идентичен прототипу, подписан нами и снабжен печатью, и сделал согласно ему, как это тебе поручено, передачу отделенных в катастихе проастиев, а также всех в них париков[4], семян, зевгариев[5], земледельческих орудий, подсобных автургий[6] и прочего оборудования, животных (производителей и остальных, за исключением коней) нашему повелителю светлейшему протопроедру, протовестиарию, великому доместику и любезному двоюродному брату сильного и святого нашего императора. Дóлжно, чтобы ты передал и все недвижимые угодья этих проастиев, дабы наш повелитель, протопроедр господин Андроник, от самого начала настоящего, 11-го индикта владел ими без изменений, как владела ими казна. Сделай разыскание и о доходе в истекший [от начала 11-го индикта] промежуток времени и, если обнаружишь, что нечто было взыскано прокуратором, верни это протопроедру и протовестиарию в соответствии с содержанием повеления нашего могущественного императора. Необходимо, чтобы ты составил два практика передачи: один ты доставишь в секрет, подписанный и снабженный печатью, а другой —

---

[1] Икопроастий — поместье с господским домом.

[2] Катастих (или практик) — опись хозяйств с указанием размеров имущества и суммы налога каждого собственника или владельца.

[3] Протокуратор — главный попечитель, или управитель.

[4] Парик — зависимый крестьянин.

[5] Зевгарий — плужная упряжка из двух животных (быков, волов).

[6] Автургия — доходное владение, часть поместья, не требующая больших затрат от собственника (копи, мастерские, оливковые рощи и т. д.).

точно такой же — передашь великому доместику. Для всего этого настоящее распоряжение, заверенное в соответствии с обычаем, и дано тебе в означенные выше месяц и индикт.

Получив данное распоряжение, я совершил передачу [владений] следующим образом:

Икопроастий Варис Варсакутинский: церковь из местного камня с куполом, поддерживаемым восемью колоннами...

О постройках: крестовидный триклиний[1] из местного камня с куполом, с четырьмя жилыми помещениями... баня... с котлом, находящимся в доме Алопеки, — его следует отдать. Постройки, расположенные по соседству с этим домом, оказались разрушенными; дом — зевгилатий[2], продолговатый, из местного камня, крытый черепицей, без окон; заброшенный виноградник по названию Филопотий; другой садовый участок — Олинф — с плодовыми деревьями, без ограды; соседний с домом садовый участок ныне зарос травой, на нем стоят две смоковницы и одна груша; другой садовый участок с маслиновыми деревьями, по названию Филопотий; сад, называемый Паксимади, который ныне превращен в хорафий[3], другой садовый участок с хорафием — Аривали; лес проастия Олинф; луг дома [Алопеки] около 40 модиев[4]; семена, обнаруженные в этом доме: 260 модиев пшеницы, 150 модиев ячменя, 5 модиев бобов, 5 модиев льняного семени; запасы, предназначенные на питание: 124 модия пшеницы, 60 модиев ячменя, 8 модиев льняного семени.

Было обнаружено и передано 2 зевгария буйволовых и 1 зевгарий бычий, 2 плуга вместе с их снаряжением, 1 медный модий, окованный железом. О рабах: ни одного, ибо все умерли. Установленная прибыль этого дома от других источников дохода: от пастбищ горы св. Ильи и от полевых стойл, т. е. от осеннего [содержания скота], — 2 номисмы[5], от пастбищ леса Олинфа... 14 номисм, ибо лес превращен в хорафий; от травяных угодий для крупного рогатого скота — 5 номисм; от обложения деревни Олинф — 2 номисмы, от сбора желудей на горе — 2 номисмы; от обложения деревни Вервила Пандизи — 1 номисма; от маслиновых деревьев — 12 номисм; от обложения проастия Елевники — $1^1/_2$ номисмы; от обложения имения Арували — $1^1/_2$ номисмы; от монастыря Наматы за хорафии, составляющие $95^1/_2$ модия, — 4 номисмы. Поскольку эта земля отдана [монастырю] вместе со всей землей того же

---

[1] Триклиний — вид жилого помещения, столовая.

[2] Зевгилатий — тип земельного владения с постройками и домами зависимых людей. Этим же термином обозначается вид строения, может быть хлев.

[3] Хорафий — пахотный участок.

[4] Модий — мера площади, равная 0,084 *га;* мера сыпучих тел, равная примерно 8—9 *кг.*

[5] Номисма — золотая монета.

дома, нужно взимать плату за сдачу ее в аренду из расчета 1 номисма с 10 модиев, т. е. всего $9^1/_2$ номисмы, как это и заявлено в практике. [Далее] от страннoприимного дома вместо 6 номисм ничего; от обложения [местечка] Феодота — 1 номисма; от садового участка Филопотий — 1 номисма; от садового участка Олинф — 1 номисма; от арендной платы за проастий Метании — $137^1/_2$ номисмы; от арендной платы с хорафиев Мандракла — 14 номисм; от арендной платы с нового парика Иоанна Динаксина Феологита за отведенную для него землю размером в 230 модиев вместо 24 номисм ничего, ибо он переселился и эта земля сопричислена вместе с прочей землей к общим границам [икопроастия]; от пастбища Ахлады вместо 7 номисм ничего, ибо пастбище ее (Ахлады) стало хорафием; от аренды за садовый участок проастия Прини, что из земель Мандракла, вместе с его посевами и маслиновыми деревьями — 10 номисм; от арендной платы за оказавшуюся в избытке [ранее неучтенную?], годную к обработке землю размером более чем 50 модиев из расчета по 1 номисме за 10 модиев — 50 [5?] номисм. Исчисленный [доход] с Вариса, Олинфа, Гамы и других [мест] вместо $57^1/_2$ номисмы 37 номисм.

О париках икопроастия Варис: Феодул вместо вдовы Ирины имеет жену Марию, дочь Анну, бесхозяйный — $^1/_2$ номисмы; Георгий Цикос имеет жену Анну, сына Иоанна, одного быка, бесхозяйный — $1^1/_2$ номисмы; Варда, сын Георгия Мизотера, имеет жену Ирину, бесхозяйный — $^1/_2$ номисмы; Кириак, сын вдовы Феофано, бесхозяйный — $^1/_2$ номисмы; Мосх, сын Маруладены, имеет жену Марию, бесхозяйный — капникон[1] $^1/_2$ номисмы; вдова Феохаристина имеет сына Никифора — капникон $^1/_2$ номисмы; Георгий Аркудис имеет жену Марию, бесхозяйный — капникон $^1/_2$ номисмы; Иоанн Мармара имеет дочь Анну — капникон $^1/_2$ номисмы; Анна, вдова Хасани, имеет дочь Марию, затя Льва, 1 зевгарий, 1 кобылу — 3 номисмы; Михаил Хинарий имеет жену Анну, 1 зевгарий, 3 коровы, 1 кобылу, 1 осла, 14 свиней — 3 номисмы и 10 милиарисиев[2]; Калла, жена Константина Каллы, бесхозяйная — капникон $^1/_2$ номисмы; вдова Феофано Спанагудена имеет дочь Марию — капникон $^1/_2$ номисмы; Кириак Псалидис имеет жену Феопемпту — капникон $^1/_2$ номисмы. Итого: париков-зевгаратов 2 и бесхозяйных 12, уплачивают они в соответствии с означенным выше стихом[3] каждого 13 номисм

---

[1] Капникон — налог с «дыма», домохозяйства, взимавшийся в деньгах.

[2] Милиарисий — серебряная монета, равная $^1/_{12}$ номисмы (впрочем, это соотношение не было постоянным).

[3] Стих — рубрика в практике (катастихе), соответствовавшая описи одного крестьянского хозяйства; практик — опись владений, производившаяся чиновниками фиска.

8 милиарисиев и в качестве зевгаратикия[1] — 2 милиарисия 12 фоллов[2].

Проастий Олинф. О париках этого проастия (следует их перечень)... Итого: париков-зевгаратов[3] — 2, воидатов[4] — 4 и бесхозяйных — 4, уплачивают они в соответствии с означенным выше стихом каждого $8^1/_2$ номисмы 3 милиарисия 12 фоллов, в качестве зевгаратикия — 12 милиарисиев 12 фоллов.

Проастий Гама. О париках (следует их перечень)... Итого: париков-зевгаратов — 2, воидатов — 1 и бесхозяйных — 4, уплачивают они... $9^1/_2$ номисмы 5 милиарисиев и в качестве зевгаратикия — 5 милиарисиев.

Проастий Вервулидий. О париках (следует их перечень)... Итого: париков-зевгаратов — 2, воидатов — 1, бесхозяйных — 2, уплачивают они... $7^1/_2$ номисмы 6 милиарисиев.

Проастий Галаиды вместе с местностью Лади. О париках (следует перечень)... Итого: париков-зевгаратов — 9 и бесхозяйных — 3, уплачивают они... 27 номисм 2 милиарисия 12 фоллов.

Обмер границ этого проастия, т. е. икопроастия Варис, таков (следует его описание)... составляет 5609 модиев вместе с возвращенной экономом монастыря Орови землей проастия Ливадий. При присоединении и измерении этой земли было обнаружено, что она имеет... 216 модиев. Другая земля, лежащая вне обмеренных границ, по названию Гониа, близ Олинфа, составляет $67^1/_2$ модия. Итого вся годная для обработки земля икопроастия Варис без горы — $5676^1/_2$ модия... Существует обмер границ и пастбищной и горной земли этого икопроастия...

[Следует описание без указания количества модиев]...

Проастий Меланий... не имеет господских домов. О париках этого проастия: Георгий, сын вдовы, имеет жену Анну, сына Иоанна, зевгарат (лакуна); Петр Калавр имеет жену Феопемпту, дочь Анну, зевгарат (...лакуна...) О хорафиях этого проастия, лежащих по разным участкам (следует перечень)... Арендная же плата этого проастия — $137^1/_2$ номисмы — пусть будет приписана к икопроастию Варис, как это помечено в практике секрета.

Проастий Мандракл. В нем нет ни церкви, ни господских домов, но есть парики (названа одна семья)... Итого...

[1] Зевгаратикий — невыясненный вид налога, может быть с пахотных животных или другой незначительный сбор.

[2] Фолл — мелкая монета, равная $^1/_{24}$ милиарисия.

[3] Зевгарат — полнонадельный крестьянин, обладавший упряжкой пахотных животных и соответствующим участком пахотной земли.

[4] Воидат — крестьянин с одним плужным животным.

185 модиев и 5 литров. Сейчас, впрочем, обнаружено лишь 36 модиев, а остальную понемногу погубила река, теперь на этой земле кустарник. Измерена земля и по ту сторону реки Меандра, близ реки Гирокома... в 212$^1/_2$ модия.

Виноградник по соседству с Приини, около 30 модиев, по названию Миктирин, с париком-проскафименом Георгием Анемотрихой, имеющим сына Михаила, внучку Анну, зятя Иоанна. Обнаружена внутри виноградника и пахотная земля в 4 модия, как это и помечено в практике секрета.

Проастий Прин под Мандраклом. Он совершенно не населен, не имеет никаких строений. Обмер его границ (следует описание)... Внутри этого проастия есть годная под обработку и пастбищная неизмеренная земля, есть и 90 стволов маслиновых деревьев, 42 дуба и разные другие плодовые деревья.

Проастий Галаиды с местностью Лади. Церковь из камня... и 3 двухэтажных дома из камня и глины. Обмер границ этого проастия в практике не указан, а лишь общее количество модиев всего проастия с местностью Лади — 762 модия и 10 литров. Перемерив его, мы нашли столько же, сколько и в практике секрета. Внутри границ этого проастия находятся маслиновые и другие разные плодовые деревья.

Итого париков, обнаруженных и в икопроастии Варис, и во всех перечисленных проастиях: двузевгаратов [1] — ни одного, зевгаратов — 18, воидатов — 6, капникариев — 25, имеющих нерабочих лошадей и ослов. Уплачивают: двузевгараты и зевгараты в качестве синоны [2] и капникона — по 1 номисме, воидаты — по $^1/_2$ номисмы, капникарии [3], имеющие ослов, — по $^1/_2$ номисмы, как экскуссаты [4], а не имеющие ослов — по 3 милиарисия. За выпас коров (?) и лошадей и своих ослов каждый бесхозяйный платит по 1 милиарисию [за голову], за своих овец с сотни — по 1 номисме и далее: с 50 — по $^1/_2$ номисмы, а в качестве арендной платы за находящуюся в их владении землю — по 1 номисме за 10 модиев.

Местный расход этого проастия таков: куратор [5] в качестве руги [6] получает за год 2 номисмы, на пропитание вместо 12 модиев пшеницы — 1 номисму, а в качестве обычного [воз-

---

[1] Двузевгарат — крестьянин, имеющий двойной надел, два зевгария.

[2] Синона — римск. аннона — натуральный (реже денежный) налог, один из основных в Византии XI—XII вв.

[3] Капникарии — бесхозяйные крестьяне (актимоны), уплачивающие подать — капникон.

[4] Экскуссаты — крестьяне, освобожденные от общих податей, но несущие взамен другие, специальные повинности (содержание дорог, обслуживание проезжих чиновников и военных, поставки продовольствия к императорскому столу и т. д.).

[5] Куратор — попечитель, надзиратель.

[6] Руга — определенная сумма, выплачивавшаяся из казны чиновникам и обладателям почетных титулов.

награждения] эпискептита[1] — по 1 номисме с 10 номисм[2]. В целом весь доход этих проастиев — 307 номисм, из коих местный расход — 3 номисмы, и остается всего 300 номисм[3].

Эти проастии переданы славному протопроедру, протовестиарию и великому доместику г-ну Андронику Дуке.

Настоящий практик составлен, обычным образом подписан, заверен и передан мною в месяце июне 11-го индикта.

Подпись: +Адам, патриарший нотарий и доместик секрета эконома. +Имеет и свинцовую печать, прикрепленную внизу, и подпись. +Нижайший монах Феоктист, игумен монастыря Всепречистой+.

+Настоящая копия извлечена из числа хартий, хранимых в подчиненном нам священном хранилище митрополии Милета; найдя ее идентичной [оригиналу], подписал+ [+... митрополит Милета Георгий]...

«Acta et diplomata graeca medii aevi», ed. F. Miklošič et J. Müller, v. VI, Vindobonae, 1890, p. 4—15.

2. Никита Хониат о раздаче земель под условием несения военной службы (XII в.)

Никита Хониат — византийский писатель и политический деятель (приблизительно середина XII в. — 1213 г.)

У ромеев принято за правило — да я думаю, что это правило имеет силу и у самих варваров, — давать на содержание воинам жалованье и делать им частые смотры, чтобы видеть, хорошо ли они вооружены и заботятся ли надлежащим образом о лошадях, а людей, вновь вступающих на военную службу, прежде испытывать, здоровы ли и сильны ли они телом, умеют ли стрелять и владеть копьем, и потом уже вносить в списки. Но этот император[4] все деньги, какие должны были идти на содержание воинов, собирал к себе в казнохранилище, как воду в пруд, а голод войск врачевал пожалованиями париков, воспользовавшись делом, придуманным прежними императорами и только изредка допускавшимся для таких воинов, которые часто разбивали врагов. Через это он, сам того не замечая, и ослабил войско, и перевел бездну денег в праздные утробы, и привел в дурное положение ромейские провинции.

---

[1] Эпискептит — осуществляющий попечение над эпискепсисом, его управитель.

[2] Может быть, по 1 номисме с 10 номисм дохода (?) или собранного налога (?).

[3] Итог (300 номисм вместо 304) неясен; может быть, 4 номисмы идут эпискептиту.

[4] Мануил Комнин (1143—1180).

При этом порядке вещей лучшие воины утратили соревнование в опасностях, так как то, что побуждало их выказывать воинскую доблесть, не было уже, как прежде, чем-то особенным, что предоставляется только им одним, а сделалось доступным для всех. И жители провинций, которые прежде имели дело с одним лишь государственным казначейством, терпели величайшие притеснения от ненасытной жадности воинов, которые не только отнимали у них серебро и оболы[1], но и снимали с них последнюю рубашку, а иногда и разлучали их с самыми дорогими для них предметами. От того всякому хотелось попасть в число воинов, и один, простившись с иголкой, потому что она с трудом доставляла скудное пропитание, другие, бросив ходить за лошадьми, иные, отмыв кирпичную грязь, а иные, очистив от себя кузнечную сажу, являлись к вербовщикам и, подарив персидского коня или несколько золотых монет, зачислялись без всякого испытания в полки, тотчас же снабжались императорской грамотой и получали в надел пространства хорошо орошенной земли, плодоносные нивы и податных ромеев, которые должны были служить им в качестве рабов. Случалось даже, что ромей платил подать презренному полуварвару, который никогда не видел боевого строя, между тем как сам он был человеком почтенным, прекрасно знал военное дело и имел такие преимущества перед тем, кто брал с него подать, что казался перед ним Ахиллесом или был по отношению к нему тем же, чем человек, у которого вооружены обе руки, в сравнении с человеком, который от болезни не может протянуть и одной. Положение ромейских провинций, естественно, было вполне достойно таких беспорядков в войсках. Одни из них страдали от иноплеменников, а другие были разоряемы своими, словно чужими.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 193.

3. Робер де Клари о распределении феодов в Латинской империи

Робер де Клари — французский рыцарь, принимавший участие в IV крестовом походе и оставивший его описание

107. Когда император вернулся вместе с баронами, бывшими с ним, после того как они завоевали большую часть страны и свыше 60 городов, не считая замков и соседних деревень, г. Константинополь был разделен так, что император получил четверть в полную собственность, а три остальные четверти — так, что венецианцы получили половину трех

[1] Обол — мелкая медная монета.

четвертей, а крестоносцы — другую половину. Потом заговорили о разделе завоеванной земли. Сначала дали следуемые части графам, затем другим высоким людям. Считали, что если то или иное лицо является более или менее богатым и знатным человеком и если оно имеет более или менее вооруженных слуг, то ему давали [соответственно] больше или меньше земли. Были такие, которым давали доход двухсот рыцарских феодов, другим — ста, семидесяти, шестидесяти, сорока, двадцати, десяти; те же, которые имели еще меньше [вооруженных людей], получали 7 или 6 феодов. Каждый же феод имел доходность 300 анжуйских ливров. Каждому из этих высоких людей говорили: «Вы будете иметь столько-то феодов, а вы столько-то, и вы передадите ваши феоды в наследство вашим людям и тем, кто захочет быть в зависимости от вас, и вы будете владеть этим городом, а вы — этим, а вы — тем и другим», так же как сеньориям, которые от них зависели. Когда каждому дали его часть, графы и высокие люди отправились осматривать их земли и их города и назначали там своих бальи[1] и свою стражу.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 248—249.

4. Решение суда о ликвидации договора монастыря Ивирон с Аргиропулами об аренде монастырского сада[2] (1421 г.)

...Мы сказали Аргиропулам, что, так как монахи утверждают, что могут выставить надёжных... свидетелей, которые брали у монастыря ежегодно в аренду садовые участки, когда они находились в [непосредственном] распоряжении монастыря, нужно, чтобы и вы представили туда же [свидетелей], которые свидетельствовали бы там с надлежащей достоверностью, сколько каждый из них платил за каждый садовый участок, когда владел ими и сдавал монастырь, сколько же в свою очередь взимаете вы, с тех пор как лично стали взимать это, а также рассказали бы и об улучшениях, которые вы, как вы утверждаете, сделали на этих садовых участках.

[После того как Аргиропулы, неоднократно вызываемые в секрет, ни разу не явились]... мы пришли на место, в садовые участки монастыря, в присутствии довольно многочисленного собрания архонтов... Монахи же привели свидетелей... и все они показывали в один голос, что, прежде чем распоряжались этим лично Аргиропулы, Франгопул уплачивал за садовый участок, который теперь разделен Аргиропулами на два,

---

[1] Бальи — судьи и распорядители в имениях крупных западных феодалов.

[2] Начало акта не сохранилось; первые четыре строки, воспроизведенные в издании с лакунами, здесь опущены. Акт приводится с сокращениями.

$27^{1}/_{2}$ иперпира[1]; Калофет имел другой сад и платил 12 иперпиров; Феодор Макрис держал третий сад, уплачивая в год 3 иперпира, а сын Франгопула за четвертый сад платил 10 иперпиров ежегодно; Мавромматис за пятый сад отдавал в год 8 иперпиров, а все вместе — $59^{1}/_{2}$ иперпира. В год они платили также 600 [кочанов] капусты, зеленый лук с 12 грядок, морковь с 6 грядок, 1800 головок чесноку, 1800 луковиц, 1800 гранатов, 6 поклаж салата, 600 огурцов, 300 тыкв, 300 зрелых дынь и с каждого сада обычные «субботние приношения»[2]. С того же времени, как сады взяли Аргиропулы, подтверждали далее вышеназванные свидетели, брали Аргиропулы в первый год, а именно Дмитрий Аргиропул, с арендатора-садовника за первый сад, разделенный Аргиропулами на два, 30 иперпиров. Второй сад держали Франгопул и Карвунис, уплачивая Аргиропулам в первый год 14 иперпиров. Феодор Макрис получил третий садовый участок, уплачивая Аргиропулам в первый год 6 иперпиров; садовник Калофет получил четвертый сад, уплачивая в первый год 16 иперпиров. Дмитрий Мавромматис получил пятый сад и отдавал в первый год 20 иперпиров, а все вместе в первый год [уплатили] 86 иперпиров. Однако увеличиваемая ежегодно для каждого в отдельности этими лицами арендная плата возросла настолько, что в настоящее время составляет 115 иперпиров, не считая капусты, дынь, гранатов и всего прочего, названного выше и взимаемого Аргиропулами; владеют же они этими садами 17 лет.

Так они свидетельствовали и рассказывали. Поскольку же Аргиропулы не пожелали явиться к нам и послушать свидетельства, как мы неоднократно говорили выше, но вне секрета, на перекрестках, хвастались, что затратили 17 000 аспр[3] на устройство и улучшение монастырских владений, мы полюбопытствовали и сделали одновременно достаточное разыскание и об этом. И вышеозначенные свидетели дали показания, поскольку они сами держали и обрабатывали владения монастыря, когда он сам владел ими и когда они оказались в распоряжении Аргиропулов, и поскольку эти свидетели знали и видели произведенные теми улучшения, а именно, что на востоке сада для его улучшения Аргиропулами был вырыт и в разные годы подвергался расчистке широкий оросительный канал. Свидетельствуя же о большом оросительном канале на юге сада и об его увеличении (которое, по словам Аргиропулов, они сделали), они сообщили, что он был увеличен в течение многих лет и удлинен в длину

---

[1] Иперпир — золотая византийская монета в XI—XV вв.
[2] Нигде более не встречающееся обозначение какой-то платы.
[3] Аспра — мелкая монета; в иперпире 14 аспр.

и ширину едва на длину полутора веревок и что хорафий, по которому прошел [удлиненный] оросительный канал, и хорафий в стороне от канала, прилегающий к побережью, являются монастырскими.

Монахи в связи с этим заявили, что за этот канал Аргиропулы удержали из годовой арендной платы плату за одно полугодие, а именно 15 иперпиров. Отметили также и сообщили вышеназванные поклявшиеся [свидетели], отобранные как более практичные и опытные изо всех, перед собравшимися у нас архонтами, что для расчистки канала к востоку от садовых участков, через который постепенно протянулись корни тростника и стали причиной зарастания тростником садового хорафия, а также для разных работ по увеличению канала в южной части этого сада, произведенных Аргиропулами, на оба эти конца сада выходили 100 работников[1]. Наемная плата каждого из них в день была 4 аспры, а вместе весь расход на них — 400 аспр в соответствии с этими четырьмя аспрами на работника за весь день вместе с его питанием.

На другое заседание суда монахи привели к нам строителей Андрея Камбанариса, Аргира, сына Ксифилина, и Георгия Мономаха, которые строили в разное время что-нибудь для садовых колодцев и водяных канавок. Спрошенный нами с надлежащей осмотрительностью Андрей Камбанарис свидетельствовал, что, когда завалился один из колодцев в саду, он был позван Аргиропулами как технит[2], чтобы отстроить и восстановить его, и выставил на очистку 10 работников, на постройку — 4 технита и 20 работников — на сруб колодца, 2 четырехугольных венцов, так что плата всех этих людей составила 150 аспр.

Аргир, сын Ксифилина, и Георгий, сын Мономаха, показали, что и они строили и делали кое-какие поправки к одному колодцу и отстроили 2 новые и 5 старых водяных канавок. Построили они все это, использовав 14 штукатурных лопаток, 20 работников, 7 ведер извести, 3 ведра ракушек, 1 кувшин льняного масла и пеньки на 2 аспры. Расход на все это составил 20 иперпиров, и было сделано все это 10-го индикта[3]. Монахи напомнили, что камни для этих построек Аргиропулы взяли от дома монастыря вблизи Золотых ворот и во дворе (церкви) св. Георгия.

Все это, т. е. доходы, получавшиеся монастырем, когда он был их владельцем, а также получавшиеся Аргиропулами, с

---

[1] Вероятнее всего, эти 100 работников не работали в саду одновременно.

[2] Технит — ремесленник, человек, знающий какое-либо ремесло.

[3] Здесь 10-й индикт соответствует 1416/17 г.

тех пор как они стали распоряжаться ими, мы рассмотрели во всей истине и с надлежащей осмотрительностью с помощью названных свидетелей. Было установлено, что монастырь получал ежегодно в качестве арендной платы за свои садовые участки $59\frac{1}{2}$ иперпира, Аргиропулы же, с тех пор как получили их у монастыря от названного экклесиарха[1] и его монахов 17 лет назад, т. е. в год[2], когда сей город [Фессалоника] и дела ромеев благоволением господа оказались под властью сильного и святого повелителя нашего императора, имели от них доход в первый год в 86 иперпиров, в остальные же годы понемногу, и в отдельности для каждого участка, он был увеличен до 115 иперпиров, не считая «субботних приношений» и перечисленных ранее обычных благ, которые получал и монастырь. Когда же мы выявили и сделанные Аргиропулами расходы на строительство с помощью технитов двух колодцев и виденных нами водяных канавок, то расходы составили вместе 59 иперпиров и 4 аспры...

Мы постановляем, чтобы названный благочестивый и святой царский и великий монастырь Ивирон отныне и на вечные времена имел свои садовые участки в полной собственности и неотъемлемой власти и делал с ними все, что захочет, без беспокойства и тревоги от Аргиропулов и вообще с их стороны, ибо вопреки всем божественным и благочестивым законам, вопреки справедливости господней и, более того, путем коварства была совершена личная сделка, которую заключили иеромонах г-н Феодул и его монахи с Аргиропулами... Для вящего согласия [сторон] мы заявили также, что, если Аргиропулы с течением времени не причинят монастырю какого-либо вреда или неприятности, пусть и они пребывают без тревог и домогательств со стороны монастыря относительно прошлых прибылей, которые они извлекли из монастырских владений и которые монастырь при настоящем положении дел имел право получать. Если же они окажутся когда-нибудь для монастыря причиной беспокойств, то монастырь без дальнейших разысканий безжалостно взыщет с них доходы за 17 лет, полученные ими от этих владений. Пусть и грамоты, которыми владеют Аргиропулы в качестве документов, будут недействительными и утратившими силу...

Настоящая наша грамота секрета составлена и передана неоднократно названному выше... монастырю Ивирон для оповещения обо всем этом, для вящей его безопасности и будущего спокойствия в месяце апреле, 10 числа, 14-го индикта, 6929 г.

---

[1] Экклесиарх — церковный управитель.

[2] В 1403 г. по договору Мануила II с султаном Сулейманом Фессалоника была возвращена византийцам.

+Нижайший епископ Кампанийский[1] Милетий+

+Великий хартофилак[2], святейшей митрополии Фессалоники диакон Николай Превизиан+

+Составлена настоящая для безупречности рукою Дмитрия Катавласта — императорского тавуллярия[3]+

«Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges», hrsg. *F. Dölger,* München, 1948, N 102, S. 263—270.

II. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

5. Ярмарка в Фессалонике в первой половине XII в.

V. День св. Дмитрия[4] такой же большой праздник, как Панафинеи в Афинах или Панионии в Милете; это величайшее македонское торжество, и стекается на него народ не только тамошний, македонский, но всяческий и отовсюду: греки из разных областей Эллады, мисийские[5] племена, населяющие пространства вплоть до Истра[6] и пределов Скифии, кампанцы, италийцы, иберы[7], лузитанцы[8], кельты из-за Альп. Коротко говоря, даже прибрежье океана[9] посылает молящихся поклониться этому святому — так велика его слава по всей Европе. Я же; человек из дальней Каппадокии[10]... устроился на холме, возвышавшемся рядом с ярмарочной площадью, и без помехи все разглядывал. Ярмарка выглядела так: палатки купцов, выстроенные одна против другой, тянулись ровными рядами, отстоя далеко друг от друга...

VI. Если же тебя, мой любознательный друг, интересует, что заполняло прилавки и что я увидел, спустившись с холма, то, представь себе, все на свете, что создается руками ткачей и прях, все решительно товары из Беотии и Пелопоннеса, все, что торговые корабли везут к эллинам из Италии. Немалую долю вносят также Финикия, Египет, Испания и Геракловы столпы, славящиеся лучшими в мире коврами. Все это купцы привозят прямо в древнюю Македонию и Фессалонику, а города Евксинского Понта сначала посылают свои товары в

---

[1] Кампания — область непосредственно к западу от Фессалоники.

[2] Хартофилак — хранитель документов (архива).

[3] Тавуллярий — чиновник, занимавшийся написанием документов, писец.

[4] 26 октября старого стиля.

[5] Мисянами в X—XV вв. византийские писатели называли болгар, а с XII в. также влахов Северо-Восточной Болгарии.

[6] Истр — Дунай, точнее, его среднее и нижнее течение.

[7] Иберы — грузины.

[8] Лузитанцы — жители западных областей Пиренейского полуострова (Лузитания — древнее название современной Португалии).

[9] Океан — Атлантический, со стороны Бискайского залива.

[10] Каппадокия — область в центре полуострова Малая Азия.

Византий и лишь затем обогащают ими ярмарку: множество вьючных лошадей и мулов везут из Византия их дары. Правда, все эти вещи я увидел позднее, когда спустился. Но еще наверху я дивился множеству всевозможных животных, голоса которых, сливаясь в мощный многоголосый рев, наполняли мне уши: кони ржали, быки мычали, овцы блеяли, поросята хрюкали, собаки, сопровождавшие хозяев и охранявшие их порой от волков, порой от грабителей, лаяли.

Timarion, Ellissen, Analekten der Mittel-und neugriechischen Literatur, Bd. IV, Leipzig, 1860.
Цит. по: «Византийский временник», VI, 1953, стр. 367—368.

6. Торговые привилегии венецианцам в Византии (1148 г.)

...Венецианцам был дан хрисовул императорами, достойной памяти дедом моим [1], жалующим им различные блага, а за этим последовал и другой, данный императором, блаженнейшим и дражайшим господином и отцом моей царственности [2]... Моя царственность твердо желает... чтобы они ежегодно получали во время выдачи руги 20 литр [3] и распределяли их ежегодно в своих церквах по своей воле. Благородный их дука (дож) удостаивается почетной должности протосеваста [4] с полной присвоенной этой должности ругой. Эта почетная должность присваивается не персонально данному [дуксу], но вечно, непрерывно будет передаваться дуксам — его преемникам. Патриарх удостаивается звания ипертима [5], т. е. сверхпочтенного, с ругой в 20 литр. И это почетное звание передается через преемников тем патриархам, которые будут избираться впоследствии, так что оно будет непрерывным и постоянным, а не связано только лично с этим [патриархом].

Моя царственность также постановляет, чтобы святейшая церковь святого апостола и евангелиста Марка в Венеции получала от каждого амальфитянина [6], имеющего эргастирии [7] в столице и во всей Романии и находящегося под властью настоящего патриарха, ежегодно по 3 номисмы. К этому даруются им также и эргастирии, находящиеся в эмволе (кры-

---

[1] Имеется в виду Алексей I Комнин (1081—1118) и его хрисовул 1082 г.

[2] Имеется в виду Иоанн II Комнин (1118—1143); цитируемый ниже отрывок извлечен из хрисовула, данного венецианцам в 1126 г. Хрисовулы своего отца и деда подтвердил Мануил I (1143—1180) в 1148 г.

[3] Литр — денежная единица, равная 72 номисмам.

[4] Протосеваст — один из наиболее почетных титулов, дававшийся обычно родственникам императора.

[5] Ипертим — один из высших титулов, жаловавшихся лицам духовного звания.

[6] Жители итальянского г. Амальфи.

[7] Эргастирий — ремесленная мастерская (одновременно лавка).

той галерее) Перамы[1] с прилегающими к нему площадями, которые имеют вход и выход на эмвол, простирающийся от еврейского квартала до Виглы[2], обитаемый и необитаемый, в эргастириях которого постоянно находятся венецианцы и греки, а также 3 морские гавани, которые находятся в этой местности. Даруется также и св. Акиндину мельница, находящаяся вблизи от данной церкви, принадлежащая дому Петрии и дающая доход в 20 бизантинов[3]. Равным образом жалуется им и церковь св. Андрея со всеми относящимися к ней императорскими пожалованиями, за исключением относящейся к ней афесии[4], которую нужно давать на хеландии[5]. Жалуется им также право торговать во всех частях Романии всеми товарами...[6] короче говоря, во всех частях [империи], находящихся под властью нашей благочестивой милости, без уплаты за собственную торговлю каких-либо торговых пошлин или других казенных сборов, как, например, каплокаламия[7], портовых, входных, дачи подарков, эксафолла[8] и других сборов, падающих на торгующих. Во всех местах торговли дается им нашей царственностью льгота, заключающаяся в том, что они освобождаются от всяких поборов. Освобождаются от власти самого эпарха[9], парафалассита[10], логофета, управляющего казначейством[11], коммеркиариев[12], хартуляриев[13], гипологов[14] и чиновников подобного рода, причем никто из тех, кто держит власть на местах и выполняет общественную службу, не может пренебрегать определенным здесь. Разрешается им торговля всякими вещами и товарами, а также покупка всего, что им нужно, без уплаты каких-либо сборов.

Так определило и решило священное благочестие моей царственности, и никто не может мешать им, как истинным и прямым моим рабам, помощникам против врагов и обещающим оставаться таковыми вечно. Никто не может думать

---

[1] Перама — часть берега Золотого Рога, пристани Константинополя.

[2] Вигла — примыкающий к Пераме квартал Константинополя.

[3] Бизантин — золотая монета (солид).

[4] Афесия — вид налога.

[5] Хеландия — вид корабля.

[6] Далее идет перечисление городов, в которых разрешается торговля.

[7] Каплокаламий — пошлина, взыскиваемая с судов.

[8] Эксафолл — налог в пользу чиновников фиска.

[9] Эпарх — высшее должностное лицо в столице, ведавшее судом, торговлей и ремеслами.

[10] Парафалассит — подчиненный эпарху чиновник, имевший право суда над лицами, занимавшимися морской торговлей и перевозкой грузов.

[11] Здесь глава финансового ведомства (секрета).

[12] Коммеркиарий — чиновник фиска, взыскивавший торговые пошлины и налоги.

[13] Хартулярий — здесь надзиратель фиска за доходами казны.

[14] Гиполог — чиновник финансового ведомства.

обратное этому и противиться, чтобы им были переданы указанные эргастирии и пристани, чьи бы они ни были — церковные, частные или государственные или священного дома...

...Если же кто нарушит что-либо из пожалованного в настоящем хрисовуле, с него немедленно будет взыскано приказом императорских имуществ[1] 10 литр золота, и он уплатит вчетверо больше, чем у них захватит, так как это твердо и незыблемо установлено настоящим благочестивым хрисовулом, написанным в мае месяце 5-го индикта 6200 г.[2], в котором его и подписала богоустановленная и благочестивая моя царственность.

Подтверждая этот хрисовул, моя царственность твердо желает, чтобы все было выполнено так же, как изложено в пожаловании... на котором подписалась и моя богоустановленная и благочестивая царственность... Моя царственность желает и постановляет, чтобы они торговали и на островах Крит и Кипр и чтобы за это никто ничего с них не взимал.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 214—218.

7. Хрисовул императора Андроника II Палеолога (1282—1328) жителям г. Монемвасии[3] (1317 г.)

Так как монемвасиоты, населяющие и богом спасаемый град Монемвасию, и Пиги, а также недавно поселившиеся в господом прославленном, хранимом и возвышенном Константинополе и других городах и землях моей царственности, имели хрисовулы и простагмы[4] покойных святых и блаженных повелителей моих и императоров... предписывавшие, чтобы, какую бы торговлю ни вели монемвасиоты в господом прославленном Константинополе, Силимврии, Ираклии, Редесто, Галлиполи и других городах Македонии и [Фракии], они платили бы в качестве коммеркия[5] из расчета 2 номисмы за количество [товара] на 100 номисм, а во всех остальных местах, землях и пристанях моей царственности совершенно не подвергались бы взысканию коммеркия, охранялись бы, где бы ни находились, и проживали бы, не неся тягот и всех прочих платежей и взысканий, они попросили [поэтому], чтобы снова имел место [документ о] личном благодеянии [моем]... которым я проявил бы милость и желание на-

---

[1] Ведомство, управлявшее владениями и доходами императорской семьи.

[2] Явная ошибка или описка писца: должен быть 6590 г. (1082); цитируется хрисовул Алексея I.

[3] Монемвасия — город в Пелопоннесе.

[4] Простагма — вид императорской дарственной грамоты.

[5] Коммеркий — торговая пошлина.

граждать всех прибегнувших ко мне, верных и благонадежных.

I. Ныне [я]... предписываю и определяю, издавая для монемвасиотов настоящий хрисовул, чтобы все они, проживающие и в богом спасаемом граде Монемвасии, и в Пигах, и где бы то ни было, [в]... Константинополе или в другом месте, пользовались теми же правом и защитой, что и раньше, в соответствии с названными хрисовулами и простагмами, которые имели упомянутые монемвасиоты из Пиг. Сверх же этого самого права... жалую, чтобы вообще все монемвасиоты и из Пиг, и из Монемвасии, какую бы они ни вели торговлю, уплачивали в качестве коммеркия в... Константинополе за продажу [товара] на сумму 100 номисм одну номисму и за продажу на рынке товара на другую сотню номисм — [также] 1 номисму, а именно: за пшеницу в Просфории или в другом месте, где они хотят, или за вино, из какого бы места его им ни доставляли..., за животных, или другие товары, какие им угодны. Никто пусть не чинит им препятствий в продаже этих товаров, не привлекает их к взысканию (следует перечень торговых пошлин и различных повинностей) ... но да будут они хранимы от всего этого, совершенно необременяемы и небеспокоимы. Равным образом продающие им или покупающие у них животных, или разное зерно, или что другое, будь то в ... Константинополе или в других местах моей царственности, пусть не подвергаются взысканию коммеркия — также ради безопасности тех же самых монемвасиотов. Кроме того, если они доставляют свои товары на кораблях с верхнего моря или с нижнего [1], или из гаваней... Константинополя, будь то пшеница, вино либо что другое, то упомянутые монемвасиоты уплачивают и будут уплачивать в счет коммеркия ... Константинополя столько, сколько царственность моя выше определила. Владельцы же кораблей пусть остаются необремененными из-за этих товаров монемвасиотов, ни ради «четверти» и не подвергаются с чьей-либо стороны другим взысканиям из-за [упомянутого] права монемвасиотов. И если они проходят со своими товарами с запада на восток или с востока на запад, или перегоняют с рынка животных, или [перевозят] что другое в Созополь [2] или в Агафополь [3], или в Мидию [4] и другие земли моей царственности, они должны оставаться совершенно необремененными и неотягченными в

---

[1] Под верхним и нижним морями следует понимать, вероятно, Черное и Средиземное моря.

[2] Созополь — город на берегу Черного моря, южнее Анхиала.

[3] Агафополь — приморский город к югу от Созополя.

[4] Мидия — сокращенное наименование города Никомидии на Мраморном море.

отношении взыскания коммеркия, диаватикия[1] и пориатикия[2] как со стороны лиц, находящихся во главе упомянутых городов, так и со стороны лиц, осуществляющих там дела государственного казначейства.

Какую бы они ни вели торговлю в других местах моей царственности зерновыми или прочими товарами, на востоке или на западе, на островах или на материке, по городам и рынкам и прочим местам, а также по известным во всех землях Пелопоннеса и городах моей царственности ярмаркам, они должны быть свободными в отношении всех [налоговых] статей, совершенно необременяемыми ни в отношении уплаты коммеркия, ни в отношении пориатикия. Поэтому лица, требующие в настоящее время взносы в счет коммеркия... Константинополя и в других пристанях, землях и городах [моих] ... должны оставлять монемвасиотов необремененными и неотягченными. Кроме того, все те, которые владеют поместьями или зевгилатиями, или укреплениями по распоряжению [моему]... или люди дражайшей августы[3], либо любезнейшего сына [моего]... и императора[4], либо архонтов-родственников [моих]... и прочих архонтов и их преемников — все они не должны требовать с них «поварского» или «продуктового», или какого другого сбора либо налагать на них какой другой штраф и причинять ущерб. И те, кто когда-нибудь будет нести службу в ... Константинополе, пусть не пытаются привлекать их к эпириям и к тем взысканиям, которые могут случиться, или к «продуктовому», или к «поварскому», либо причислять их к прочим жителям города при случающихся порой ради общественной пользы сборах, как и вообще подвергать их особым взысканиям под предлогом этих сборов.

При судебных процессах, которые монемвасиоты могут иметь либо друг с другом, либо с другими, пусть они судятся не упомянутыми [чиновными лицами], а в секрете моей царственности, по воле и силе [моего] хрисовула ... которым регулируются дела монемвасиотов. Пусть руководствуются в отношении этого как можно точнее и родные дети, и потомки их, доколе продолжится род их. Ибо для полного утверждения всего этого и гарантии издан, вручен и передан монемвасиотам настоящий хрисовул ... составленный в месяце нояб-

---

[1] Диаватикий (диаватон) — пошлина за провоз товаров.

[2] Пориатикий — пошлина, взимавшаяся с купцов за провоз товаров по данной территории.

[3] Имеется в виду, по всей вероятности, Ирина Монферратская — вторая жена Андроника II.

[4] Имеется в виду Михаил IX.

ре настоящего 15-го индикта 6825 г. [1317], в чем наша благочестивая, богом хранимая власть и подписалась.

Андроник, во Христе боге верный император и самодержец ромеев, Дука Ангел Комнин Палеолог.

Ius Graeco-Romanum, ed. C. Zachariae a Lingenthal, v. III, Vindobonae, 1857, p. 635—638.

III. ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ

8. Константинополь перед завоеванием

Из хроники Одона Дельского

Одон Дельский — участник II крестового похода.

Константинополь — слава Греции, город, известный своими богатствами и еще более богатый, нежели о нем говорят... Внешняя красота [Влахернского дворца] несравненна, а внутренность превосходит все, что я мог бы сказать. Везде позолота и разнообразие цветов; двор превосходно выстлан мрамором, и трудно решить, что увеличивает ценность или красоту этого дворца: изумительное ли искусство, употребленное на него, или дорогие материалы, из которых он отстроен. Внутри у самых стен находятся пустопорожние места... где работает плуг и заступ; они разбиты на огороды, которые доставляют городу всякого рода овощи. Подземные каналы, проведенные извне, доставляют городу в изобилии пресную воду.

«Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 237—239.

9. Взятие Константинополя крестоносцами (1204 г.)

10. Спустя несколько дней латиняне, видя, что никто не сопротивляется им с суши, пододвинулись ближе к берегу. Конница отступила дальше от моря, а корабли направились в залив. После того одни с суши, другие с моря начали осаждать ту башню, к которой была прикреплена тяжеловесная железная цепь, поднимавшаяся в случае нападения неприятельского флота.

При этом одни из наших после кратковременного сопротивления бежали, другие были убиты или попали в плен; иные по цепи, как по веревке, спустились на наши корабли; многие же, не успев ухватиться за нее, были низвергнуты в море. Разорвав цепь, неприятельский флот весь двинулся вперед: наши корабли частью были захвачены, а другие, пригнанные к берегу и оставленные своими людьми, были разрушены. Бедствия являлись в столь разнообразных формах, что едва ли чей ум мог бы постигнуть их вполне. Все это происходило в июле месяце 6711 г. (1203).

3. После того (т. е. после бегства Константина Ласкариса[1]) неприятель сверх всякого ожидания увидел, что никто не выступает против него с оружием в руках и никто не сопротивляется: напротив, все остается открытым настежь, переулки и перекрестки не защищены, нигде ни малейшей опасности и полная свобода неприятелю. Жители города, предавая себя в руки судьбы, вышли навстречу латинянам с крестами и святыми изображениями Христа, как то делается в торжественных и праздничных случаях; но и это зрелище не смягчило души латинян, не умилило их и не укротило их мрачного и яростного духа: они не пощадили не только частное имущество, но, обнажив мечи, ограбили святыни господни и звуком труб побуждали коней идти вперед... О разграблении главного храма [св. Софии] нельзя и слушать равнодушно. Святые аналои, затканные драгоценностями и необыкновенной красоты, приводившей в изумление, были разрублены на куски и разделены между воинами вместе с другими великолепными вещами. Когда им было нужно вынести из храма священные сосуды, предметы необыкновенного искусства и чрезвычайной редкости, серебро и золото, которым были обложены кафедры, амвоны и врата, они ввели в притворы храмов мулов и лошадей с седлами; животные, пугаясь блестящего пола, не хотели войти, но они били их и таким образом оскверняли их калом и кровью священный пол храма.

4... Было весьма трудно смягчить мольбами и умилостивить варваров, раздраженных и исполненных желчи до того, что ничто не могло противостоять их ярости; если кто и делал такую попытку, то его считали безумным и смеялись над ним. Кто сколько-нибудь им противоречил или отказывал в требованиях, тому угрожал нож; и не было никого, кто в этот день не плакал. На перекрестках, в переулках, в храмах — повсюду жалобы и плач, рыдания, стоны, крики мужчин, вой женщин, грабежи, прелюбодейство, плен, разлука друзей. Благородные покрылись бесчестьем, старцы плакали, богатые бродили ограбленными. Все это повторялось на площадях, в закоулках, храмах, подвалах. Не было места, которое оставалось бы нетронутым или могло бы служить убежищем для страдальцев. Бедствия распространялись повсюду...

6. Когда они начали делить по жребию провинции и города, то при этом обнаружили бессмыслие, чтобы не сказать глупость людей, надутых изумительным чванством. Смотря на себя как на царей царствующих и как бы держа в своей деснице вселенную, латиняне разослали по греческим про-

---

[1] Константин Ласкарис был провозглашен императором после бегства Мурзуфла, в день захвата города крестоносцами (13 апреля).

винциям людей, для того чтобы разделить их по жребию на основании годовых доходов. В этот дележ вошли даже владения других народов: так, в число жребиев были включены Александрия, знаменитый город, лежащий на Ниле, Ливия, простирающаяся до Нумидии и Кадикса, далее парфяне[1], персы[2], земля восточных иберов[3], Ассирия[4], Гиркания[5] и другие восточные страны, орошаемые великими реками. Не были забыты и страны, лежащие на севере: они были разделены также по жребию. Один восхвалял свои города, их доходы и луга, где кормились лошади; другой говорил о всяких благах доставшейся ему доли; иные спорили за раздел городов; иные же менялись городами и переделывали границы. Многие весьма желали отправиться для завоевания Икония[6]. Городские же ворота и часть цепи, охранявшей гавань, они отослали с многими кораблями в Сирию, к своим землякам[7], извещая вместе с тем о взятии города.

Nicetae Choniatae Historia, p. 718—788.
Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 241—242.

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ, КЛАССОВАЯ БОРЬБА

10. Восстание крестьян в Вифинии[8] в 1262 г.

Из описания Георгия Пахимера

Георгий Пахимер (1242—1310) — византийский писатель, церковный и государственный деятель.

... Немного спустя жители гор в районе Никеи — были это крестьяне, занимающиеся земледелием, весьма отважные, вооруженные луками и уверенные, что их нелегко будет достать, если они и предпримут что-нибудь, из-за непроходи-

---

[1] Здесь и далее Хониат, по обыкновению авторов того времени, употребляет древние наименования народов и стран вместо современных ему. Под «парфянами» следует понимать, вероятно, жителей каких-то областей Месопотамии.

[2] Вероятно, также население Междуречья.

[3] Грузин области Лазика (?).

[4] Северная Месопотамия (?).

[5] Гиркания — древнее название страны, лежавшей на юго-восточных берегах Каспия. Вероятно, Хониат иронизирует над планами крестоносцев — вряд ли эти районы могли быть подвергнуты хотя бы даже предварительному дележу.

[6] Иконий — сельджукский султанат в Малой Азии.

[7] Имеются в виду государства крестоносцев на Востоке.

[8] Древнее название области, лежащей в Малой Азии между Мраморным и Черным морями.

мости этих областей, — [поднимают восстание против Михаила Палеолога].

...У них было одно решение: или победить, или всем пасть. И вот, засев в крепостях, они забрасывали наступающих потоком стрел или же устраивали вылазки легковооруженных... женщин и детей они спрятали в глубине чащи и окружили это место высоким частоколом и телегами.

Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 273.

11. Восстание в Адрианополе (1341 г.)

Когда в Адрианополь прибыли письма императора Кантакузина[1], которые он велел разослать и в другие города с извещением о своем вступлении на престол, знать хорошо приняла эти письма и велела зачитать их на собрании народа. Народ же принял их с возмущением и замышлял переворот; некоторые открыто выступали против. Разгневанная знать не только поносила их бранью, но и велела наказать плетьми. Народ некоторое время переносил бесчинство знати, так как не было вождей, которые возбуждали бы его, хотя недовольных было немало. Когда же наступила ночь, некий Вран, человек из народа, землекоп, едва добывающий средства к жизни, и двое других присоединившихся к нему, которые назывались Мугдуфом и Франгопулом, обходили дома простолюдинов и уговаривали их восстать против знати. Они убеждали не только отомстить за свое оскорбление, но и разграбить имущество знати. Собрав немало народа, они напали на знатных и завладели всеми, за исключением немногих, которые, чувствуя заговор, успели скрыться. Заперев пленных в городских башнях и расставив стражу, народ при наступлении дня, направившись по домам пленников, грабил их имущество, разрушал их дома, ломая не только деревянные части постройки, но в бешенстве разрушая и стены до основания. Не было ничего ужасного, чего бы они не предприняли против сторонников императора Кантакузина. Многие хотели использовать это движение народа в собственных интересах. Многие же, которым должны были деньги, должниками обвинялись в кантакузинизме. Поэтому восстание с самого начала сделалось весьма опасным. Оно казалось тем опаснее, что возникло сначала у них, так как впоследствии это название (кантакузинизм) направило весь ромейский народ на тяжелые события, ибо повсюду народ голосовал за провозглашение Палеолога[2] государем, а знатные либо

---

[1] Иоанн Кантакузин — византийский писатель и политический деятель (конец XIII в. — 1383 г.), в 1347—1354 гг. — византийский император.

[2] Иоанн V Палеолог (1341—1391).

искренне стояли за Кантакузина, либо, побуждаемые нуждой и жаждою перемен, не делали никаких возражений... Восставшие состояли из бедняков и грабителей. Побуждаемые бедностью, они решались на все и толкали к этому народ, лицемерно показывая свое расположение к Палеологу и называя себя его вернейшими слугами, как будто злокачественная, ужасная болезнь охватила всю империю, заражая ею тех, кто раньше казался умеренным и покорным... Все города сообща восстали против знатных. Те, кто запаздывал и слушал о происходившем в других местах, превышали всякую меру и доходили до убийств и всяких бесчеловечных поступков... Те, кто ненавидел Кантакузина и выступал против него с обвинениями и проклятиями, считались верными гражданами. Все благоразумные и умеренные в речи тотчас брались под подозрение...

Потом [после народного восстания в Адрианополе] вся Ромейская империя была охвачена самой дикой и тяжелой борьбой. Народ всюду видел свой долг в том, чтобы оставаться верным Палеологам, в то время как собственники либо искренне были расположены к императору Кантакузину, либо обвинялись в этом бедными и мятежниками без всякого доказательства. Наиболее легкими были нападения против тех, кто имел деньги, которые бедняки хотели захватить, как и против тех, кто отказывался действовать так подло, как действовали мятежники. Народ был готов восставать по малейшему предлогу и отваживался на самые ужасные действия, так как ненавидел богатых за их плохое обращение с ним в мирное время и теперь надеялся, кроме всего прочего, захватить их собственность, которая была велика. Мятежники состояли главным образом из наиболее жалких воров и бандитов и, подстрекаемые беднотою, действовали, решаясь на все. Под предлогом, что они благоприятно расположены к императору Палеологу, называя себя его наиболее верными подданными, они увлекали народ следовать их примеру.

Восстание распространилось по Ромейской империи, как ужасная, злокачественная болезнь, и заражало многих, кто раньше казался умеренным и справедливым... Итак, все города сообща восстали против знатных. Те, кто позднее вступил в борьбу, слыша, что случилось до этого, сами доходили до еще больших крайностей, до совершения убийств... Знатные и члены средних классов были полностью разорены; первые — потому, что они были благосклонно расположены к Кантакузину, или потому, что они не брались немедленно за оружие против него; вторые — либо потому, что они не сотрудничали с мятежниками, либо из зависти, чтобы они их

не пережили. Человеческая природа, всегда готовая совершать несправедливости по отношению к законам, кажется потом бессильной управлять людским неистовством.

Joannis Cantacuseni imperatoris Historiarum libri 4, Bonnae, v. I—III, 1828—1832, v. II, p. 175—179.
Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 273—274, 276.

12. Начало восстания зилотов в Фессалонике (1342 г.)

Побуждаемые его (протостратора, правителя Фессалоники) [1] медлительностью, считая уже и протостратора в числе сторонников Кантакузина, зилоты возбуждали народ против знатных. Напав на знать правильным отрядом, они изгнали из города около тысячи [знатных граждан]. Вооруженные стрелометательным оружием, они хранили некоторых членов из семьи протостратора и захватили в плен знатных граждан, которые при первом натиске не смогли бежать из города. Захватив власть в городе, зилоты направились в дома беглецов и подвергли их разграблению. Было похоже на то, что их побуждала к этому их бедность и возмущение собранными [знатью] богатствами. Они дошли до такого безумия и до такой дерзости, что позволили себе оскорбление святыни. Похитив крест из алтаря храма, они пользовались им как знаменем, говоря, что с ним они пойдут войной против своих врагов... В течение двух или трех дней Фессалоника опустошалась, как будто она была захвачена врагами. Все происходило именно так, как бывает в завоеванном городе. Ибо победители ночью и днем ходили толпами, криками выражая свою радость, неся имущество пленных. Побежденные же скрывались в тайных убежищах, довольные уже тем, что их немедленно не убивали. Когда было покончено с теми, кого можно было схватить, волнение прекратилось. Зилоты из беднейших и неизвестных сделались богатыми и важными, руководя всеми делами. Средних граждан они либо заставляли участвовать в своих бесчестных поступках, либо, если те проявляли благоразумие и мягкость, обвиняли их в кантакузинизме. Так было в Фессалонике.

Joannes Cantacusenus, Historiarum libri 4, Bonnae, v. II p. 233—235.
Цит. по: «Сборник документов по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 274—275.

---

[1] Протостратор Синадин — правитель города и личный друг Кантакузина.

13. Положение Фессалоники во время осады ее Кантакузином (1343 г.)

Из описания Никифора Григоры

Никифор Григора (1290/91—1360) — византийский писатель; крупный церковный деятель и богослов.

Жители Фессалоники, запершись со стадами внутри стен, и сами испытывали недостаток в продовольствии, и не имели средств пропитания для животных. Так как ежедневно умирали одни за другими и гниль отравляла воздух, жители города тяжело переносили все это и переходили к восстанию. Для тех, у которых были земельные владения, тяжело было, когда опустошались поля. Те, у которых были стада мелкого скота, быков и вьючных животных, также сильно беспокоились, боясь могущих произойти опустошений в своем имуществе и теряя надежду на помощь. Те, которых бедность угнетала и расстраивала их душевное состояние, стремились к переменам и смутам; зависть направляла их взгляды на богатых людей и заставляла замышлять злодеяния против них. К ним, расколовшимся на две части, присоединилась еще третья — из простонародья. Эта часть ничего не понимала в праве и несправедливости, легко шла за теми, кто увлекал ее к оружию, и с упрямством стремилась к опасным злодеяниям. Это простонародье не желало подчиняться ни собственному управлению, ни законам древних мужей, содержавшимся в книгах и руководившим государственными делами, всегда отвлекавшим людей от безрассудных поступков и направлявшим их к благополучию. Подобно тому как суда, идущие против ветра по морским волнам, погибают вместе с людьми, так и эти разрушают до основания дома богачей, жестоко и безрассудно занося свои мечи над головами врагов. Когда до простонародья дошла молва, что имевшие большие богатства, поля и стада собираются тайно открыть ворота города императору Кантакузину, то бедняки, стремившиеся к борьбе против богачей, выступили против них. Они (бедняки) открыто в самой середине города провозглашали имя императора Иоанна Палеолога, вместе с тем называли себя зилотами, прикрывая этим благонравным именем свои дурные намерения. Они призывали себе на помощь народ, подстрекая его надеждой на верную выгоду. Так в городе как бы вспыхнула буря с неожиданной силой. Среди всех граждан царило беспорядочное смятение, все тотчас высыпали из домов на улицы и сделались по отношению к богачам более жестокими, чем к внешним врагам. Богатства, которые были в домах, подвергались разграблению; тех из богачей, которые сопротивлялись, уничтожали, и по городу

текла кровь граждан. Избранные граждане и те, кто осуществлял надзор над городом, оказывались жертвами этих злодеяний, так как имели состояние. Некоторые из них умерщвлялись по приговору безумной черни. Тем из них, которые еще не знали своей будущей участи (их было больше, чем схваченных), приходилось с печальным видом оставаться дома и ожидать, чтобы на площадях или в театрах о них не говорили дерзостные речи. Они скоро умерли бы от страха, если бы некоторые люди извне не подали бы им надежды от императора и не призвали бы их к благоразумию.

«Сборник по социально-экономической истории Византии», М., 1951, стр. 275—276.

V. ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

14. Дука о завоевании Константинополя турками (1453 г.)

Дука — византийский историк и политический деятель, живший примерно между 1400 и 1470 гг.

Гл. 37. Итак, когда прошел месяц январь и начался февраль, приказал Мехмед[1] перевезти бомбарду[2] к Константинополю; и запрягли 30 упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков, я сказал бы, быки быков. А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравновешивали ее, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек — 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, и с ними 200 рабочих. И так прошли февраль и март до того, как оказалась она в месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т. е. Месемврию, Ахелоон, Визон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни св. Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же учинили поклонение (т. е. сдались), как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, остались нетронутыми; те же, которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку дано было приказание охранять ее, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой — не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы

---

[1] Мехмед II Завоеватель (1451—1481).

[2] Бомбарда — пушка огромной величины, отлитая в Адрианополе специально для осады Константинополя.

расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии[1] и Пафлагонии[2] для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое и ромеи не могли выйти. Но в то же время с моря на биремах и триремах[3] они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

Гл. 38. Итак, царь Константин[4] вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление сделается пустынным. Поэтому еще раньше послали они в Генную письма, прося помощи; и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идет один корабль с 500 тяжеловооруженными. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива[5] и реки Танаис[6], и из Трапезунда; царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыл из Генуи некто, по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооруженными генуэзскими воинами и военные машины — многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн мужем искусным, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытным. Царь принял его с честью и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора[7]. И он взял на себя охрану лежащих у дворца стен, ибо видел, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему через хрисовульную грамоту и остров Лемнос, если Мехмед будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того, что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рву. Часто, выскакивая за ров, вступали ромеи в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям

[1] Мизия — древнее название территории Болгарии между Балканами и Дунаем.

[2] Пафлагония — прибрежная область на севере полуострова Малая Азия.

[3] Монoремы, биремы и триремы — типы византийских военных кораблей.

[4] Константин XI Палеолог Драгас.

[5] Мэотийский залив — Азовское море.

[6] Танаис — р. Дон.

[7] Протостратор — командующий конницей.

пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок.... Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на бо́льшее, были стянуты воины, отборные и наилучшие... Те, кто рассматривал их, говорили, что свыше 400 000. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе[1], отправили послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он — друг их и не забыл свою любовь к ним, только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет, как прежде, когда город был осажден предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками[2], а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам по мере своих сил помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор, пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у нее потемнеет в глазах». Так и случилось...

...Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским биремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли, ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, около полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в нее, он низверг ее вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине...

Гл. 39... Военное счастье [в ходе генерального штурма 29 мая] уже склонялось на сторону турок... И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие придвигающим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

---

[1] До захвата Константинополя, примерно с 1365 г., Адрианополь был столицей турок.

[2] Имеется в виду, очевидно, осада 1422 г.

Ромеи же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а кроме того, и потому, что все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромеи не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их, и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок, увидав же, обратились в бегство... Когда же они (турки) вошли и рассеялись от ворот Харисийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2000. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 000. Поэтому они и убили 2000. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8000, не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золото они отпускают... И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь?.. Преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная...

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника...

«Византийский временник», т. VII, М., 1953, стр. 392—402.

15. Георгий Сфрандзи о числе войск, участвовавших в сражении за Константинополь

Георгий Сфрандзи (1401—1478) — византийский автор и политический деятель, с 1451 г. занимал высший гражданский пост великого логофета.

Гл. 3... Еще 10 апреля, сосчитав свой флот и сухопутное — конное и пешее — войско, эмир [султан Мехмед II] нашел, что трирем, бирем, монорем, быстроходных кораблей и небольших судов было у него до 420 вымпелов, а войска, которое сражалось на суше, — 258 000 человек. Для сопротивления им мужчин внутри города такой огромной величины было 4973,

кроме иностранцев, которых едва насчитывалось 2000. А что это было так, узнал я следующим образом. Согласно приказу императора, каждый из димархов и стратигов[1] составил по своему участку точный список всех лиц, как светских, так и монахов, способных к военной службе, указав также, какое каждый из них имел оружие для обороны. И вот каждый из димархов передал список своего участка царю. А царь приказал мне: «Дело это имеет к тебе отношение, ибо все эти сведения должны сохраняться в тайне. Итак, возьми все эти списки и сядь у себя дома, сосчитай точно, сколько в них значится людей и какое у них оружие, а также щиты, луки и метательный инструмент». И вот, выполнив приказанное мне царем, я представил результат подсчета повелителю моему, царю, с грустью и великим унынием: и число это осталось тайным для всех, кроме меня и императора.

«Византийский временник», т. VII, М., 1953, стр. 412.

---

[1] Димархи и стратиги — гражданские и военные начальники.

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В XI—XV ВВ.

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемые источники по истории южных славян характеризуют главным образом две проблемы: развитие и укрепление феодальных отношений в Болгарии, Сербии и других южнославянских странах и героическую борьбу народов Балканского полуострова против иноземных захватчиков.

В раздел, посвященный Болгарии, включено 8 документов. Док. № 1 и 2 сообщают о владениях византийских феодалов в Болгарии, о раздаче императорами болгарских земель вместе с их населением византийским полководцам, вельможам, монастырям. Док. № 3 позволяет судить о причинах неудачи восстания болгар в 1072 г. против византийского господства.

Отрывок из «Истории» Никиты Хониата (док. № 4) рассказывает о ходе победоносного восстания 1185 г., приведшего к образованию нового болгарского государства между Балканами и Дунаем, а док. № 5 — о битве при Адрианополе (весна 1205 г.), в которой болгары нанесли тяжелое поражение латинянам и положили в сущности конец их завоевательным планам на Балканах, укрепив тем самым свою недавно завоеванную независимость.

Грамота Ивана Шишмана Рильскому монастырю (док. № 6), дарующая ему финансовый и судебный иммунитет и торговые привилегии, подробно перечисляет владения монастыря, его деревни и их границы. Грамота Ивана Асеня г. Дубровнику (док. № 7) сообщает о той же политике покровительствования иноземным торговцам, которую проводили в это время и византийские императоры. Наконец, отрывки из поминальной церковной записи, предающей анафеме бого-

мильское движение, разгоревшееся в Болгарии с новой силой после завоевания независимости, дают представление об остроте социальных конфликтов в Болгарии начала XIII в. (док. № 8). Раздел завершается рассказом византийского писателя Георгия Пахимера о крестьянской антифеодальной войне в Болгарии 1277—1279 гг. под предводительством Ивайла (док. № 9). При рассмотрении этого документа следует учитывать его крайнюю пристрастность в изображении как самого Ивайла, так и его сподвижников. Тем не менее документ дает представление о народной войне, завершившейся временной победой восставших и нанесшей сокрушительный удар болгарским феодалам.

В разделе по истории Сербии, Хорватии и Словении наиболее ранними являются четыре документа, характеризующие положение Хорватии в XII—XIII вв. (№ 10—12). В них содержатся сведения об отношениях, сложившихся между хорватской знатью и венгерскими королями, о привилегиях хорватских городов.

Особое место среди представленных в этом разделе документов принадлежит законнику сербского царя Стефана Душана (1331—1353), который дает исключительно полную картину многих сторон жизни Сербии XIV в.[1] (№ 13).

Следующая группа документов позволяет выявить некоторые черты аграрных отношений в Словении (отрывки из Брежницких и Севницких урбариев 1339—1448 гг., док. № 14) и в Хорватии (отрывки из Модрушского урбария 1481 г., док. № 15). Сюда же относятся извлечения из Каставского статута, сообщающие ценные сведения о Хорватии конца XV в. (док. № 16).

Последний раздел главы посвящен героической борьбе народов Балканского полуострова против турецкого завоевания. Док. № 17 — отрывок из сербского эпоса — рассказывает о славной и трагической битве на Косовом поле (15 июня 1389 г.), где сербы, боснийцы и хорваты приняли неравный бой с полчищами турецкого султана Мурада. О героической борьбе Скандербега против турецких полчищ свидетельствуют док. № 18 и 19.

Составители и переводчики: Г. Г. Литаврин — док. № 1—7, 9, 18; Г. В. Раевский — док. № 10—13; Ю. В. Бромлей — док. № 14—16.

[1] Оригинал утрачен. Наиболее старый, близкий к оригиналу Призренский список датируется концом XIV — началом XV в. Он и положен в основу настоящего перевода.

I. БОЛГАРЫ И БОЛГАРИЯ КОНЦА XI—XIV в.

ВЛАДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ФЕОДАЛОВ В БОЛГАРИИ ВО ВРЕМЯ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

1. Из типика[1] Бачковского монастыря под Филиппополем[2]

Мы дали [монастырю] и утвердили, передав как бы в наследство, полученное от отцов в неотъемлемую и полную собственность и подлинное господство, что подтверждено и содержанием благочестивых хрисовулов, [следующие] из дарованных нам благочестивыми хрисовулами владений: первое из них и главное — укрепленное поселение, расположенное в самой феме[3] Филиппополя, а именно деревня, по названию Петрица, называемая местными жителями также Василакис, вместе с ее агридиями[4], с полем по названию Янова, которое ныне превращено в монастырек, полем Вацокова, полем Добролонг, полем Добростан, полем Вурцис и с полем Лалкува Аврова. [Мы отдали] все эти поля вместе с названным выше укрепленным поселением, со всей их округой, со всеми к ним относящимися владениями и древними правами, со всевозможными привилегиями и со всяким доходом в соответствии с предшествовавшим [этому] измерением их границ. Помимо этого, я отдал и соседнюю деревню, по названию Стенимах, вместе с двумя основанными мною в ней укреплениями, а также с их агридиями, а именно: Липицей и полем под названием св. Варвара, лежащим у Пренеца, и вместе с [тремя] ее обителями... монашествующих. И это все полностью [я отдал] вместе с древней их округой и владением в соответствии с проведенным мною размежеванием между ними и моим укрепленным поселением Водины. Отдал я к тому же и укрепленное селение Ваниста вместе с источником и прочими всеми его деревнями и агридиями, а также с планинами[5], со всей их округой и древними владениями. Подобным же образом дал я [монастырю] преторий[6] в Тополинице, по названию деревня Геллова, со всей ее округой и владением, а еще я отдал в означенный монастырь и святые его церкви в феме Волерон[7], на месте банды[8] Мосинополя — проастий, по

[1] Типик — монастырский устав.

[2] Филиппополь, ныне г. Пловдив. Бачковский грузинский монастырь был основан полководцем Григорием Бакуриани ок. 1083 г.

[3] Фема — административная область.

[4] Агридий — небольшое населенное владение, лежащее в стороне от деревни.

[5] Планина — гора с пастбищами, лесами или иными угодьями.

[6] Преторий — суд; здесь, вероятно, помещения, служившие административным целям.

[7] Административная область к западу от нижнего течения р. Месты.

[8] Банда — мелкий административный район, часть фемы.

названию Зауцы, со всей его округой и древним владением, а также внутри крепости Мосинополь купленные мною строения и дома, построенные в нем на собственные средства; а кроме того, [дома], купленные на наш счет нашим человеком Варданом — управляющим как внутри крепости Мосинополь, так и вне монастырька, основанного на горе Паппикий во имя и в честь св. Георгия, вместе с его виноградниками, хорафиями, всеми местечками, садами и с прочими всеми его недвижимыми угодьями и метохом [1] внутри крепости Мосинополь. Подобным же образом [отдал] расположенный в той же феме, в банде Перифеорий, проастий Мина и тянущиеся к нему хорафии и всевозможные местечки, о которых подробно написано в практике передачи, и расположенный внутри укрепления Перифеорий двор, находившийся во владении Абаси, брата Ахсартана, топарха [2] его [Перифеория] и нашего зятя, вместе со всеми его строениями и всякой принадлежностью.

Все эти [владения], названия которых перечислены выше, я даровал отныне грузинскому монастырю, храму пресвятой богородицы Петрицонитиссы [3] вместе со всей их древней округой, владением и всеми недвижимыми угодьями, а также с находящимися в них зевгариями, со всей имеющейся в них засеваемой площадью и вообще со всеми прочими движимыми и недвижимыми предметами, и со всем доходом и привилегиями, к ним относящимися.

Блаженный же родной брат мой, почивший магистр [4] Абаси, повелел и в завещании своем возвестил, чтобы «там, где бы мой брат Григорий ни пожелал основать церковь, монастырь свой, а также и гробницу, в которой будет положен, там и мое тело пусть будет погребено». К этому и прочему, что он написал, завещал он ради души своей деревню, которая называется Прилонг и расположена в феме Фессалоники, в архонтии [5] по названию Стефаниана. Деревней этой он владеет на основе хрисовула, даровавшего ее ему в обмен на его владения, которые он оставил в Великой Антиохии. И он распорядился в своем завещании так: «Если я не найду времени построить церковь и монастырь, то туда, где будет погребено мое тело, пусть будет отдана и моя деревня Прилонг». Когда же божьим водительством мною были построены почтенная церковь и монастырь, мы поступили по его воле и определе-

---

[1] Метох — маленький монастырь, вместе со всеми его владениями подчиненный другому монастырю.

[2] Топарх — правитель.

[3] Эпитет «Петрицонитисса» образован от названия деревни, где был расположен монастырь — Петрица (Бачково).

[4] Магистр — один из высших византийских титулов.

[5] Архонтия — мелкая административная единица, здесь, вероятно, равнозначная банде.

нию, перевезя узилище праха его в эту самую церковь нашу в монастыре... Отдали мы в соответствии с его распоряжением много раз упомянутой нами церкви и кладбищу, где погребено тело его... означенную его деревню Прилонг вместе с ее древними укреплениями, агридиями, странноприимными домами[1], со всей ее округой, древним владением и со всеми ее недвижимыми угодьями.

К этому мой блаженный брат добавил и определил в завещании следующее, отдав мне на основе легата[2] из дарованных ему благочестивым хрисовулом мест деревню, называемую Здравикий, вместе с Кесарополем, расположенным в феме Серр, на месте банды Забалта, вместе с его озером и рыбными ловлями и с принадлежащим ему агридием, по имени Гелавнон, и сделав меня наследным господином и правителем вместо себя над этим укрепленным поселением и деревней... и я определил это самое укрепленное поселение и деревню, которые он оставил мне на основе легата, для означенного нашего монастыря, святой его церкви и для кладбища в ней за его душевное спасение. Из ранее же названных укрепленных поселений, деревень и всех проастиев, дарованных святой нашей церкви и грузинскому монастырю, по названию Петрицос, все наименования исчислены по порядку в благочестивом и честном хрисовуле, который дан монастырю... Все эти владения, названия которых приведены выше в настоящем типике, переданы нами указанному монастырю вместе со всем в них имеющимся, а именно: с господскими зевгариями, париками, любыми принадлежащими им животными, со всевозможной землей, горной и равнинной, кроме того, с планинами, пастбищной и пахотной землей, виноградниками, всевозможными плодоносными и неплодоносными насаждениями, мельницами водяными и приводимыми в движение животными, озерами и землями около них, с укреплениями и со всевозможными в них строениями и любыми предметами, и доходами от внутри и вне их находящегося недвижимого, движимого и способного двигаться...

...[Дал я монастырю] жеребцов и кобыл вместе с жеребятами — 110, ослов и ослиц вместе с ослятами — 15, буйволиц дойных — 4, теленка — 2, рабочих волов, находящихся во всех владениях монастыря, 47 зевгариев, коров и быков — 72, дойных овец — 238, баранов — 94, коз — 52.

«Le Typicon de Grégoire, Pacourianos pour le monastère de Petrizos (Bačkovo)». «Византийский временник», т. XI, 1904, стр. 10—14, 54.

---

[1] Благотворительные учреждения, принимавшие на постой странников-богомольцев.

[2] Т. е. по завещанию.

2. Практик передачи 12 париков-зевгаратов, дарованных вам (монахам монастыря Богородицы Милостивой), посредством хрисовулов вместе с полагающейся им землей

1. 7 июля текущего, 15-го индикта 6660 г., во второй день мне, ничтожному рабу святого моего господина и повелителя счастливейшего кесаря[1], Михаилу Цанкицаки, чиновному лицу в феме Струмицы святой его царственности, было вручено досточтимое, честное, державное и божественное решение святейшим иеромонахом Дионисием, игуменом досточтимого монастыря пресвятой Богородицы Милостивой, который основан повыше деревни Палеокастрон, вынесенное по его просьбе. Просьба же дословно заключается в следующем:

2. Я, недостойный и нижайший раб сильной и святой твоей царственности, осмеливаюсь просить. Святый господине мой, блаженный во императорах император и дед святой твоей царственности[2], посетив фему Струмицу в то время, когда он выступил против сербов[3], вошел для поклонения в твой верноподданный и мне подчиненный монастырь, основанный в указанной феме во имя пресвятой Богородицы Милостивой, и, видя, что он крайне беден, а подвизающиеся в нем монахи во всем нуждаются, одарил его посредством хрисовула землей в 500 модиев и 6 рабочими зевгариями, чтобы они обрабатывали эту землю в 500 модиев и были свободны от всякой эпирии. Кроме того, он дал и 12 париков-актимонов [бесхозяйных], не имеющих собственных ипостасей[4]. Ныне же попечением твоей святой царственности они стали из актимонов зевгаратами, и мы, рабы твои, опасаемся, не побеспокоят ли когда-нибудь нас по этой самой причине, ибо означенные парики были дарованы монастырю актимонами, теперь же оказываются зевгаратами. Мы просим божественную власть святой твоей царственности, чтобы для указанного монастыря явилась твоя божественная и досточтимая простагма[5], повелевающая, дабы мы и этот монастырь не были беспокоимы как теми, кто является анаграфевсами[6] в настоящее время, так и прочими практорами[7], и чтобы эти самые 12 стихов рассматривались как дар и милость святой твоей царственности. Пусть будет составлен для нас и практик передачи, и на

---

[1] Кесарь — высший титул в империи, второе лицо после императора; кто имеется в виду в данном случае, точно не установлено.

[2] Алексей I Комнин.

[3] В 1085 г.

[4] Ипостаси — крестьянское хозяйство отдельной семьи.

[5] Простагма — вид императорского указа.

[6] Анаграфевсы — чиновники фиска, производящие опись имущества для обложения его налогами.

[7] Практоры — налоговые чиновники, сборщики податей.

париков, и на причитающуюся им землю человеком любезного зятя твоей царственности, несущим службу в тамошних местах.

Еще же молю святую твою царственность распорядиться, чтобы наш местный епископ не делал в отношении нашего тебе верноподданного монастыря ничего противоречащего имеющемуся у нас типику ктитора [основателя] и содержанию находящихся у этого монастыря хрисовулов блаженных наших императоров, деда и отца твоей царственности, поскольку епископ наших мест пренебрегает этими простагмами и стремится подчинить этот монастырь своей церкви, несмотря на то что монастырь свободен и согласно типику, и в соответствии с имеющимися у нас императорскими простагмами, и по другим нашим документам. После того как все это случится, мы не устанем еще более усердно молиться за божественную власть святой твоей царственности, которую я, раб недостойный, осмелился просить.

Просьба Дионисия, монаха и игумена монастыря пресвятой Богородицы Милостивой в Струмице, раба недостойного.

3. Честное же решение дословно повелевает следующее:

Когда твоему святейшему монастырю пресвятой Богородицы Милостивой, находящемуся в феме Струмицы, были дарованы блаженным дедом моей царственности 500 модиев земли и 6 рабочих-зевгариев, чтобы обрабатывать эту землю с их помощью, этому монастырю были дарованы также 12 париков-актимонов; теперь же эти 12 [париков] оказались зевгаратами, как ты напомнил.

Милостиво расположенная моя царственность также благоволит к этому монастырю и определяет, что он владеет этими 12 париками, ставшими зевгаратами, вместе с надлежащей им землей на основе полной и неотъемлемой собственности на вечные времена, что помимо [обязанностей в пользу] монастыря и они должны быть экскуссированы[1] от зевгология[2], энномия[3], мелиссоэнномия[4], ампелопакта[5], аэрикона[6] и вообще от какой бы то ни было тяготы и государственного налога, и от какого бы то ни было государственного взноса, а также и от всякой эпирии, ангарии[7], парангарии[8], псомодзимии[9] и что местные анаграфевсы и прочие практоры

[1] Экскуссия — освобождение от эпирий и повинностей.
[2] Зевгологий — один из главных видов византийских налогов.
[3] Энномий — налог за пользование пастбищем.
[4] Мелиссоэнномий — налог на пчел.
[5] Ампелопакт — налог на виноградники.
[6] Аэрикон — судебная пошлина.
[7] Ангария — отработочные повинности в пользу государства или предоставление рабочих животных для определенной работы.
[8] Парангария — дополнительная повинность, например предоставлять рабочий скот.
[9] Псомодзимия — вид повинности.

да не позволят себе никакого вмешательства. Но пусть эти 12 париков вместе с надлежащей им землей будут переданы через практик означенному монастырю несущим службу в феме Струмицы человеком любезного кесаря — зятя моей царственности. Всякое, впрочем, повеление, если бы оно гласило об отнятии настоящего дара моей царственности, да будет считаться несуществующим.

Местному же епископу да не будет позволения вступать в ваш монастырь и действовать вопреки содержанию имеющихся у вас документов, императорских хрисовулов, типиков монастыря и прочего, так как все эти хрисовулы должны сохранять свою силу, и никто да не осмелится противиться им или вообще делать что-либо вопреки содержанию и силе этих документов. Дерзнувшие совершить что-нибудь в нарушение чего-либо из написанного в настоящем постановлении моей царственности должны подвергнуться ее сильному гневу. [Утверждено] в месяце январе 15-го индикта красной подписью императорской божественной руки и обычной восковой печатью его святой царственности. [Составлялось] через логофета дрома [1]; заверено в секрете великого логариаста [2] в месяце феврале 15-го индикта Хрисовергом; заверено и в секрете имуществ [3] в месяце феврале 15-го индикта рукою Константина Феологита.

4. Увидя этот царственный дар, доставленный упомянутым игуменом, я тотчас встал и, смиренно приняв его на открытые длани, поклонился и со страхом поцеловал. Ничуть посему не медля с исполнением того, что было приказано мне этим [документом], я обдумал, что необходимо сделать. Затем, взяв с собой боголюбивейшего епископа Струмицы, досточтимого, разумею, монаха господина Климента и разных архонтов из наиболее достойных, которые должны были подписаться под настоящим практиком, я явился вместе с ними на место, в котором монастырю была передана ранее дарованная ему земля и которое по-местному называется Рулина. Здесь были посажены 6 из прежде пожалованных монастырю 12 париков-актимонов и был создан зевгилатий, или метох, монастыря, по имени Мостеница. Итак, соблюдая настоящий практик передачи монастырю этих 12 париков-актимонов и переписав [их] в присутствии бывших с нами людей, мы обнаружили, что они являются зевгаратами. Каковы следующие: Лазарь, или Черн, зять его, — зевгарат; Георгий, или Роман,

[1] Логофет дрома — управляющий секретом внешних сношений и почты.

[2] Великий логариаст — должностное лицо, осуществлявшее контроль над финансовыми органами и следившее за соответствием расходов доходам государства.

[3] Секрет имуществ — ведомство по управлению государственными имуществами.

сын его, — зевгарат; Веалис — зевгарат; Иванис, зять Злота Малетсина, — зевгарат; Симеон Рулиниот — зевгарат; Константин, сын Иоанникия, — зевгарат. Точно так же нашли мы и посаженных вне этого монастыря 6 других париков, а именно: Георгия Серба, зевгарата; Стефана Серриота, зевгарата; Василия Ромея, зевгарата; Михаила Скопиота, зевгарата; Михаила Малетсина, или Черну, зятя его, зевгарата и Велиса Овчеполита, или Веалиса, сына его, зевгарата, каковых мы и передали названному честному монастырю, с тем чтобы он владел и управлял ими безо всяких налогов и тягот как освобожденными от всякой государственной повинности, а именно: от зевгология, энномия, ампелопакта, мелиссоэнномия, аэрикона и прочей статьи, установленной для казны и вносимой [в нее]. Они должны были быть экскуссированы и от псомодзимии, ангарии, парангарии и от всякой другой непредвиденной эпирии и ущерба в соответствии с содержанием императорского божественного решения. [Переданы они] в полную и неотъемлемую собственность [монастыря] на вечные времена, дабы монастырь извлекал из них всевозможный доход, а монашествующие в нем усерднее молились за божественную власть святой его царственности.

5. Поскольку божественный приказ повелел передать этих самых 12 париков-зевгаратов вместе с надлежащей им землей, а количество модиев земли, которое должно быть передано каждому из них, было неясным, ибо выделение земли происходило в болгарских фемах и предшествующего измерения ее не было, мы воспользовались в качестве основания и отправного пункта ранее выданным монастырю императорским решением, предоставившим ему при дарении земли в 500 модиев 6 рабочих зевгариев для ее обработки, а также этим самым, ныне врученным нам императорским даром, полученным по напоминанию игумена и свидетельствующим, что земля в 500 модиев обрабатывается 6 рабочими зевгариями. Считая эти императорские и божественные дары превыше всякого землемерного искусства и соответствующего ему метода, мы признали необходимым исчислить для ныне передаваемых монастырю 12 париков-зевгаратов 1000 модиев земли. Поэтому, найдя близ ранее переданной указанному монастырю и находящейся в его владении земли прилежащую заброшенную землю (ибо стихи были вычеркнуты уже достаточное время назад) из округи деревни Кондарат архонтии[1] Радовисда и из округи деревни Лясковица архонтии Камба, как нам в качестве сведущих свидетелей сообщили наиболее старые и почтенные из жителей этих самых деревень (а именно: из деревни Кондарат — Константин Коро, священник

[1] Архонтия — мелкая административная единица.

Малорад, Черн и Сиро, сын Марицы, а из деревни Лясковица — Андроник, сын Родиона, Марк, сын Симеоницы, Власий, сын Зора, Алипий, священник Григорий, внук Климента, и Никита, сын Афаната, которые должны и подписать настоящий практик), мы передали эту землю монастырю.

6. Было сделано и измерение границ этой земли, чтобы не было тревоги за будущее... (Следует подробное описание границ с указанием расстояний между ориентирами; среди называемых при этом деревень, местечек, ручьев и т. п. преобладают славянские наименования)... Всего [периметр измеренной земли] $193^{1}/_{3}$ веревки [сокаря][1], что составляет 1176 модиев земли.

7. Впрочем, внутри этих границ находится и ранее дарованная монастырю земля; оказались включенными [в них] и хорафии некоторых париков, уплачивающих налоги в казну, [а именно]: из деревни Лясковица — 3 хорафия Андроника, 1 хорафий Феодора, сына Николицы, 1 хорафий Алипия, 1 хорафий Марка — [все] эти хорафии составляют 80 модиев; из деревни Кондарат — 1 хорафий Кора в 30 модиев, 2 хорафия священника Малорада, 1 хорафий Черна, 1 хорафий правоведа Михаила и 1 хорафий Сира; эти хорафии оказались равными 56 модиям. Итак, эти самые хорафии, обязанные платежами в казну, исчисляются в 166 модиев, на которые монастырь не должен посягать, а владеющие которыми [должны] платить налоги. За вычетом этих хорафиев остается земля, переданная ныне монастырю посредством указанной операции измерения границ для обработки ее, имеется в виду, дарованными ему 12 париками-зевгаратами, равная 749 модиям.

Так как многого недоставало до того количества земли, которое должно было принадлежать монастырю, и так как мы не могли в этом удовлетворить [монастырь] на месте, расследовав и тщательно поискав, мы обнаружили в округе деревни Палеокастрон местечко, оказавшееся заброшенным много лет назад и не дающее казне никакого дохода. Оно находится в местности, по названию Понтикоэкклисия, и равно 100 модиям. И это местечко мы передали монастырю, так что вся земля, переданная ныне нами монастырю через настоящий практик, составляет 849 модиев, которую и должны обрабатывать дарованные монастырю 12 париков согласно содержанию императорской божественной простагмы.

8. Именно так означенное было предпринято и совершено нами. Передача была осуществлена посредством двух идентичных практиков (заверенных подписями приглашенных ради этого самого достойных архонтов, как ранее было сказано, и нашим начертанием креста), из коих один отдан мо-

---

[1] Сокарь — мера длины, равная 10—12 оргиям (саженям).

настырю для собственной его безопасности и должен быть предъявлен с его стороны и зарегистрирован в соответствующих секретах; другой же взят нами, дабы он был доставлен и положен в наш господский вестиарий[1] для уведомления.

В месяц, индикт и год, впереди означенные. Константин Коро собственною рукой подписал. (Далее перечисляются 12 имен лиц, которые вместо подписи поставили крест.)

Нашим личным удостоверением и начертанием крестов свидетельствуя, что посредством настоящего практика переданная монастырю земля является заброшенной и не имеющей хозяина, мы, указав и отделив [ее], в этом и расписались. (Далее перечисляются еще восемь имен свидетелей, присутствовавших при составлении практика.)

Иоанн Спанопул, правовед Струмицы, написав настоящий практик, сам, свидетельствуя их идентичность, подписал...

Крест Михаила Цанкицаки, недостойного раба святого моего господина и повелителя счастливейшего кесаря. Все в настоящем практике изложенное совершив, подписал собственноручно честным и животворным крестом.

«Известия Русского археологического института в Константинополе», т. VI, София, 1900, стр. 34—46.

БОРЬБА БОЛГАР ПРОТИВ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА

3. Восстание 1072 г. в западных областях бывшего Болгарского государства

Переведенная здесь часть хроники византийского автора XII в. Скилицы принадлежит перу неизвестного автора, условно именуемого продолжателем Скилицы.

В первый год его, [Михаила VII Дуки], царствования[2], в 11-й индикт, народ сербов, которых, впрочем, называют и хорватами, выступил[3], намереваясь поработить Болгарию. Как же это случилось, расскажу, возвратясь несколько назад. Ведь когда император Василий [II][4] подчинил Болгарию, он не хотел вводить какие-либо новые обычаи, но [хотел], чтобы они управлялись во всем у себя своими архонтами[5] и по своим обычаям, как и при Самуиле[6], бывшем их правителе. Итак, еще ранее народ [болгар] бунтовал, не вынеся жадности

---

[1] Вестиарий — хранилище, казна.
[2] Михаил VII Дука царствовал в 1071—1078 гг.
[3] Время начала восстания сомнительно; большинство историков относит его к августу — сентябрю 1072 г.
[4] Василий II Болгаробойца (976—1025).
[5] Архонт — правитель архонтии.
[6] Самуил — болгарский царь (976—1014).

Орфанотрофа[1], тогда [в 1041 г.] они провозгласили своим царем [Петра] Деляна[2]... ныне он вновь устремился к восстанию, ибо не вынес алчности Никифора[3], который злоумышлял против всех, а император ни о чем не беспокоился, занятый лишь детскими развлечениями.

Главенствующие в Болгарии люди просят Михаила[4], бывшего тогда повелителем [сербов], помогать и содействовать им, а также дать им своего сына, чтобы провозгласить его царем Болгарии и освободиться от ромейского владычества и гнета. Тот же благосклонно выслушал их, отобрал 300 из своих воинов, передал их своему сыну Константину, которого звали и Бодином, и отправил их в Болгарию. Итак, Бодин выступил в Присдиану (Призрен), где собрались главенствующие в Скопле люди, предводителем которых был Георгий Войтех, происходящий из рода кавханов[5]. Они провозгласили Бодина царем болгар, переименовав его из Константина в Петра[6]. Услыхав об этом, обладающий в Скопле[7] властью дуки[8] Никифор Карантин, взяв подчиненных ему стратигов[9], выступил с войсками, стоявшими в Болгарии, против Присдианы. Но в то время когда Никифор снарядился для войны, его настиг его преемник [на посту дуки] Дамиан Далассин. Итак, объединившись с Карантином, сильно оскорбив его чем-то, достаточно обидев и каждого из бывших с тем стратигов и надсмеявшись над ними, как над трусами, Далассин построил войска и тотчас столкнулся с сербами. И произошла битва страшная, а поражение ромеев — еще более ужасное, ведь в сражении пали многие из ромеев и из болгар, многие были взяты в плен, в том числе сам дука Дамиан Далассин, так называемый Провата и Лонгивардопул, а с ними и многие другие. Был взят и лагерь ромеев, и все в нем было разграблено.

С тех пор болгары стали провозглашать царем Бодина, переименованного в Петра, как уже было сказано. Разделившись на две части, одни болгары ушли с Бодином в Ниш, другие же во главе с неким Петрилой, занимающим первое

---

[1] Орфанотроф — брат императора Михаила IV Пафлагонца (1034—1041), всесильный временщик в те же годы.

[2] Петр Делян — вождь болгарского восстания в 1041—1042 гг.

[3] Или Никифорица — временщик в правление Михаила VII, его дядя.

[4] Имеется в виду Михаил Зетский (Сербский) (ок. 1052 — ок. 1081).

[5] Древнеболгарский, унаследованный от протоболгар титул первого помощника и соратника болгарского царя.

[6] По всей вероятности, в честь канонизированного церковью св. Петра — царя Болгарии (927—969).

[7] Скопле был в это время главным городом византийской провинции Болгарии.

[8] Дука — правитель провинции.

[9] Стратиг — военачальник.

место около Бодина, отправились против ромеев в Кастории, ибо там, как говорилось, по причине крепости стен города собрались все заботящиеся о делах ромеев: стратиг Охрида Мариан и [стратиг] Девола, патрикий и анфипат[1] Феогност Вурцис, а с ними и сам стратиг Кастории; вместе с ними также Борис Давид и многие другие, которые, боясь угроз коренных болгар, сбежались в Касторию как в убежище. Достигнув Кастории с бесчисленной толпой болгар, Петрила готовил все необходимое для войны. Ромеи же, построившись, вышли против них, яростно напали на них и обратили Петрилу в бегство, принудив его бежать через непроходимые горы к его господину Михаилу. Многих болгар они убили, взяли в плен ближайшего к Петриле хорвата и связанного отвели к императору.

Бодин между тем, достигнув Ниша, держался уже как царь болгарский, опустошая все на своем пути, истребляя и разоряя не признающих его и не покоряющихся ему. Император, узнав о том, что дука разбит, а Бодин провозглашен царем, отправил против Бодина Саронита со значительным войском, состоящим из македонян[2], ромеев[3] и франков[4], чтобы погасить зло прежде, чем оно превратится в великий пожар. Саронит же направился к г. Скопле, а о тех, что в Нише, не позаботился. Итак, прибыв туда, он занял г. Скопле, дав слово Георгию, которому был вверен город, что тот ничего дурного не потерпит, устроил в нем лагерь и обдумывал и прикидывал, что нужно сделать против врагов в Нише.

Однако Войтех, раскаявшись, что оказался настолько добр и заботился о делах ромеев, тайно известил находящихся в Нише, [призывая их] прибыть побыстрее к нему и безжалостно разом перерезать всех, способных носить оружие, из бывших с Саронитом людей, проводивших время более чем беспечно и более чем беззаботно. Получив это известие, те выступили из Ниша и направились к Скопле, когда земля уже была покрыта снегом: ведь была зима, наступил уже декабрь месяц. Узнав об этом, бывшие с Саронитом люди вышли навстречу всей массой и, захватив тех на дороге в некоем местечке Таонион[5], перебили почти всех. Схвачен был и Бодин, Лонгивардопул же, приведенный, как говорилось, к Михаилу, дал ему клятву, был удостоен доверия, женился на его

---

[1] Анфипат — один из высших титулов, дававшийся обычно вместе с титулом патрикий.

[2] Жители фемы Македония (в то время область от р. Месты на восток, включая Адрианополь).

[3] Ромеи — вообще византийцы, здесь жители Фракии, Греции и, вероятно, азиатских фем империи.

[4] Франки — наемники, чаще всего итальянцы.

[5] Местечко на северо-запад от Скопле, на юге Косова поля.

дочери. Ему было вверено большое войско, состоявшее из лангобардов и сербов, с которым он был послан на помощь Бодину и снова вернулся к ромеям.

Бодина Саронит в оковах отослал к императору. Заключенный сначала в монастырь св. Сергия, он вскоре был передан Исааку Комнину, назначенному дукой Антиохии, и доставлен туда. Узнав об этом, его отец Михаил нанял за значительную плату нескольких венецианцев, занимавшихся мореплаванием, похитил его оттуда и вернул в свою страну. После смерти отца, уже в наши времена, он осуществлял власть [в этой стране][1]. Войтех же, подвергшийся жестоким пыткам на пути к императору, умер, не вынеся страданий от побоев. Аллеманы[2] и франки — это западные народы, посланные по стране, разрушили покинутые дворцы болгарских царей в г. Преспе, разграбили и тамошний храм, основанный во имя св. Ахилла, не пощадив ничего священного, находящегося там. Позднее они вернули из этого очень немногое, все же прочее, поделив, войско обратило в частное пользование.

Georgius Cedrenus, II, Bonnae,
1839, p. 714—719.

4. Восстание 1185 г.

Скупясь отпраздновать свадебный пир [с дочерью венгерского короля Белы III] на деньги казны, он (Исаак II Ангел) безвозмездно собрал их с подвластных областей и по своей жадности обобрал и другие города, которые находятся вблизи Анхиала, и варваров на горе Геме, которые раньше назывались мисянами, теперь же называются влахами, поднял на величайшую войну против себя и ромеев. Ведь эти [влахи], полагаясь на неудобства [их] местности и смелея от мысли о своих крепостях, которые весьма многочисленны и расположены высоко на обрывистых скалах, и в другие времена возносились против ромеев. На этот же раз, найдя предлог... в уводе своего скота и в своих бедствиях, поднялись на знаменитое восстание. Зачинщиками же зла и возмутителями всего народа были некие Петр и Асень, родные братья, принадлежавшие к одному и тому же роду. Не поднимая мятежа без предлога, они отправились к императору, стоявшему лагерем в Кипселлах[3], прося его, чтобы он причислил их к ромейским воинам и посредством своей императорской грамоты отдал им некую малодоходную деревню, расположенную на Геме[4].

[1] Константин Бодин — царь Зеты (ок. 1081 — ок. 1101).

[2] Наемники — немцы.

[3] Кипселлы — город в низовьях р. Марицы, между Димотикой и Эносом.

[4] Большинство историков рассматривают это место как указание на условную собственность военного характера.

Но просьба их потерпела неудачу, ибо побуждение господнее оказалось сильнее. Поэтому они возроптали, что ими пренебрегают, и, безрассудно настаивая на просьбе, наболтали дерзостей, поговаривая о восстании и о том, что они натворят, вернувшись домой, в особенности Асень, более дерзкий и грубый, который в порицание за свое бесстыдство и был бит по щекам по приказанию севастократора[1] Иоанна. Итак, ничего не добившись, они вернулись сильно оскорбленные. Сколько же эти нечестивцы и преступники натворили против ромеев, какое слово способно изобразить и какое повествование может охватить эти илиадовы беды?..

Так как мисяне явно замышляли восстание и нашлись, как я сказал, предводители этого зла, император выступил против них. Не дóлжно, впрочем, оставлять в неизвестности следующее: влахи медлили сначала и воздерживались от восстания, к которому их побуждали Феодор (Петр)[2] и Асень, остерегаясь грандиозности мероприятия. Избавляя сородичей от этой трусости, братья построили молитвенный дом во имя великомученика Дмитрия. Собрав в этот дом много одержимых демоном из того и другого народа с налитыми кровью, вытаращенными глазами, со встрепанными волосами, и во всем остальном они поступали совершенно сходно с теми, кто одержим демонами. Вот этим-то неистовствующим они и предложили возглашать, что господь соблаговолил даровать свободу народу болгар и влахов и согласился на избавление их от длительного ига, ради чего, мол, и мученик за Христа [св.] Дмитрий покинул митрополию Фессалоники и тамошний храм и, отказавшись от пребывания у ромеев, прибыл к ним, чтобы быть помощником и соучастником в их деле[3]. Немного передохнув и собравшись с силами, эти бесноватые эпилептики внезапно расходились снова и кричали вдохновенно и пронзительно, что не время теперь медлить, но [время] взять в руки оружие и устремиться на ромеев; захваченных же на войне не брать в плен, а беспощадно рубить и убивать, не отпуская за выкуп, не склоняясь перед мольбами, не уступая стоящим на коленях, но оставаясь непоколебимыми как алмаз, несмотря на любые увещания, и уничтожая решительно всех захваченных.

Итак, когда они убедили подобными пророчествами весь народ, все вооружились, и, так как восстание немедленно

---

[1] Севастократор — высший византийский титул, введенный Алексеем I Комнином (1081—1118) для своего брата Исаака.

[2] Брат Асеня Феодор получил имя Петра при коронации в 1186 г., так же как и Бодин в 1072 г., в память о св. Петре — царе X в.

[3] В основе распространяемой легенды лежал факт перенесения из Фессалоники, захваченной в августе 1185 г. норманнами, иконы св. Дмитрия.

пошло у них с успехом, они еще более возомнили, что их освобождению благоволит [сам] господь. Не довольствуясь своей независимостью, они распространили это и на удаленные от Гема городки и общины. Один же из братьев — Петр возложил золотой венец на голову и обул ноги в красные туфли[1]. Подойдя к Преславе — город этот весьма древний, весь из обожженного кирпича, большая часть его окружности защищена Гемом — и обнаружив, что осада его не безопасна, прошли мимо него и, спустившись с Гема, неожиданно напали на другие ромейские городки и захватили много свободных ромеев, много быков и подъяремного скота и немалые стада других животных. Теперь выступил против них Исаак...

Nicetas Choniata, Historia, Bonnae, 1835, p. 481—487.

5. Сражение болгар с крестоносцами при Адрианополе (1205 г.)

В марте месяце выступили [из Константинополя против восставших византийцев] император Балдуин[2], граф Людовик Блуасский, а также дож Венеции Энрико Дандоло — каждый со своим войском. Едва достигнув Адрианополя и разбив поблизости лагерь на расстоянии, не доступном для стрел [горожан], они на другой день подвели войска к стенам, ставя осадные машины. Но так как осажденные хорошо защищались, а стены были крепкими, они не совершили ничего в течение многих дней, лишь обстреливая [осажденных] и сами подвергаясь обстрелу. Итак, они еще не разломали основания стен, пытаясь тайно поколебать их. Для этого они делали длинный подкоп, украдкой вынося землю, ставя в подземных ходах подпорки из крепкого дерева. Совершалось это дело множеством рук. Ромеи же в свою очередь предпринимали меры к спасению города.

Но еще немного оборотов совершило солнце, как Иоанн [Калоян][3], появившись там, приказал отряду скифского войска напасть на предназначенный для питания и тягловый скот, который пасся в зелени кустов вокруг лагеря латинян, чтобы узнать о методах, поведении и военном построении врагов. Те же, едва завидев скифов, с воодушевлением устремились к своим коням и копьям и с яростью бросились на скифов, а

---

[1] Красные туфли (сапожки) — принадлежность лишь царского гардероба; надеть туфли такого цвета означало провозгласить себя императором (царем).

[2] Балдуин Фландрский, избранный крестоносцами IV похода императором (1204—1205) основанной на территории Византии Латинской империи.

[3] Иоанн Калоян — болгарский царь (1197—1207), брат Петра и Асеня.

скифы, повернув и оглядываясь, бросились бежать. Латиняне наступали, преследуя их, но не смогли ничего причинить этим крылатым, легковооруженным воинам. Так они и провели конец этого дня.

После этого Иоанн, имевший собственное войско, расположил его в оврагах, спрятал в лощинах, укрыл в местах, загороженных холмами, чтобы противник не знал, что он находится поблизости. Он повелел многим из скифского отряда, которым предводительствовал Коча, снова напасть на лагерь латинян, приказав им действовать, как прежде, и возвращаться той же дорогой, какую они избрали раньше. Латиняне, увидев снова скифов, с усердием тотчас вооружившись, напали на них сильнее, чем недавно, потрясая копьями и преследуя еще на более длинном расстоянии. Но так как скифы неслись вперед легко, не оборачиваясь к тому же, чтобы пускать стрелы, так как они были легко снаряжены и сидели на более резвых конях, то латиняне незаметно отъехали на значительное расстояние и безрассудно достигли тех мест, где были им уготованы тенета, засады и западни. Итак, достаточно уставшие от напряжения в пути, на совершенно измученных своих лошадях они наткнулись на свежие скифские силы и были окружены. Скифы обступили их со всех сторон, и битва стала рукопашной. Подавляемые множеством скифов, они низвергались с коней, ибо на одного нападало много; шеи надменных латинян поражались саблями и захлестывались арканами, снаряжение их боевых коней было растерзано. Так как скифы навалились подобно темной густой туче, латиняне не могли ни нападать, развернув своих коней, ни обратиться в бегство.

Так пали наиболее отборные из латинских ратников, знаменитые ударами своих копий. Пал и граф Людовик Блуасский. Балдуин же был схвачен живым и отведен в Мисию. Доставленный затем в Тырнов, он был заточен в тюрьму и закован в оковы до самой шеи[1]. Первейший же и хитрейший виновник [описанных событий], первопричина всех злоключений ромеев, дож Венеции Дандоло, следуя позади всех и узнав от беглецов о поражении войска, тотчас натянул поводья и, повернув, понесся в лагерь. Когда наступила ночь (а битва произошла к вечеру), он приказал зажечь в палатках огни и развести как можно бóльшие костры, чтобы показать, что не все войско уничтожено и что латиняне не отказались от борьбы. В первую же смену ночного караула, выйдя из лагеря, он помчался в приморский город Редесто. Соединившись [там] с родным братом Балдуина Генрихом[2],

---

[1] Вскоре Балдуин был убит по распоряжению Калояна.

[2] Генрих Фландрский, брат Балдуина, латинский император (1206—1216).

только что вернувшимся из Атрамиттия[1] с армянами Трои[2], которые участвовали с ним в походе, он отправился в Византий, совершенно разбитый и [неизлечимо] страдая внутренними органами, пораженными во время скачки на протяжении многих парасанг[3] бегства...

Nicetas Choniata, Historia, Bonnae, 1835, p. 811—814.

РАЗДАЧА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ ЦАРЯМИ ВТОРОГО БОЛГАРСКОГО ЦАРСТВА

6. Хрисовул Ивана Шишмана[4] Рильскому монастырю (21 сентября 1378 г.)

Благочестиво, весьма приятно и похвально для всех христолюбивых царей питать любовь и горячее усердие к святым и божественным церквам, в которых изображаются образы богочеловека и его святых. Украшается царь диадемою, камнями и жемчугами многоцветными, но еще более — благочестием перед богом и верою и церквей его святых почитанием.

Поэтому и моя царственность[5] помазанием божьим и по ангельскому завету на престоле свято почивших царей благочестивого христианства, по горячей любви к богу и из почтения к святым его церквам, к божественному его образу и ко всем его святым, а еще более — ради обновления, поминовения и попечения о душах свято почивших первопрестольных царей Болгарского царства последовала тому же закону и обычаю. Поэтому благоизволила моя царственность даровать это приличествующее и мое подлинное златопечатное слово[6] моему монастырю — св. отцу Иоанну Рильскому, обретающемуся в местности, по названию Рила, о всех его селах и всех его метохах, о всех его стасях и угодьях, как старых, так и новых.

Св. отцу Иоанну Рильскому принадлежат следующие села...[7] Затем также... село Градечница с людьми поименно: священник Тудор с его детьми и с родом его, Петр Феодосов со своими братьями... Пусть на все это повелением моего настоящего златопечатного слова пустынножитель Иоанн Рильский имеет власть неотъемлемую.

---

[1] Атрамиттий — город на юге полуострова Малая Азия.

[2] Вероятно, с армянами Киликии, частью входившей в пределы древней Троады.

[3] Парасанг — мера длины.

[4] Иван Шишман — царь Болгарии в 1371—1393 гг.

[5] Далее заменено личным местоимением (я, мой и т. д.).

[6] Златопечатное слово — букв. перевод с греч. «хрисовул».

[7] Здесь и далее идет перечисление сел и местечек с границами.

К вышеперечисленному также: где бы ни находились селения или сенокосы, или мельницы, или места, удобные для устройства мельниц, а также для рыбной ловли, или виноградники, или пашни, или какие-либо стаси, принадлежащие тем селениям и их людям, если они находятся под властью этого моего монастыря, пусть надо всем этим имеет неотъемлемую власть названный мой монастырь св. Иоанна.

Милует и освобождает моя царственность всех людей и все села этого монастыря моего полным и ясным освобождением. Да не смеют им препятствовать [в чем-либо государственные должностные лица], каковыми являются севасты, практоры, примикюры [1], алагаторы [2], ни судьи, ни перпираки [3], ни житари [4], ни винари, ни десяткари [5] пчелиные, свиные и овечьи, ни аподохаторы [6], ни [коми]ты (?) [7], а также ни страторы [8], ни сенари [9], ни митаты [10], ни крагуари [11], ни псари, ни градари [12], ни варьинчии [13], побирчии [14] и находники [15], ни кто-либо другой из любых боляр и чиновников моих, великих и малых, которые посылаются постоянно ради разных налогов и дел моих. Пусть никто из них не смеет препятствовать людям святого отца ни на пашнях их (будь то на поле, будь то в горах), ни людей его [монастыря Иоанна Рильского] взять на работу, ни их [монастыря] работников, ни зевгарии [этих людей] взять для выполнения ангарий, ни коня, ни [другой] скот. Кроме того, никто из вышеперечисленных пусть не смеет ни входить силою в села и к людям этого монастыря святого отца моего, ни насильно брать хлеб, ни убить птицу, ни ногу поставить на двор их. Но пусть все они изгоняются и находятся вдали [от владений монастыря] в силу этого златопечатного слова моего. Также и г. Стоб не имеет ни на волос никакой власти над людьми монастыря, ни над их стасями.

---

[1] Местные чиновники, старосты.

[2] Алагатор — предводитель конного отряда воинов.

[3] Перпираки — сборщики какой-то, может быть денежной, подати.

[4] Житари — сборщики подати зерном.

[5] Десяткари — сборщики десятины.

[6] Аподохаторы — значение этого слова не ясно.

[7] Может быть, следует читать «[коми]си» — правители комитатов — административных районов.

[8] Страторы — военачальники.

[9] Сенари — сборщики сена.

[10] Митаты — чиновники, распоряжающиеся при размещении на постой, или все те, кто пользуется постоем.

[11] Крагуари — сокольничии.

[12] Градари — царские садовники.

[13] Значение этого слова не выяснено.

[14] Побирчии — категория чиновников фиска.

[15] Находники — послы.

Помимо этого, если кто-нибудь из монастырских людей станет ходить ради торговли с товаром по всей державе и областям моего царства, то пусть покупает и продает свободно и без препятствий с чьей-либо стороны, предъявляя это златопечатное слово мое. И пусть с него не взыскивается ни кумерк[1], ни диавато[2], ни что-либо другое. К этому также следующее: если в области монастырской случается какое-либо нарушение, [рикос — ?][3], то монастырь святого отца, творя исправление, пусть взимает все[4], другой никто не имеет права брать тварико[5]. И также пребывает этот мой монастырь, св. Иоанн-пустынножитель, со всем вышеназванным его достоянием свободно и без чьего-либо вмешательства, пока сияет над землею солнце и пока я жив.

Поскольку я увидел столь благоустроенную красоту и [документы] о полном освобождении этого монастыря моего и всего его достояния, полученных от моих прадедов, и дедов, и родителей свято, почившего царя Асеня и царя Калимана[6], и от всех болгарских царей, моих прадедов, дедов и родителей, увидев [документы] о такой свободе [монастыря], я дал этому монастырю моему приличествующее и подлинное златопечатное слово. Когда люди этого монастыря придут в землю мою, в г. Средец, пусть никто не смеет учинить насилие ни над единым их волосом, но пусть будут свободными по повелению моему в отношении всех их угодий и всего их достояния, нового и старого, и пусть пребывает [этот монастырь] со всем его достоянием свободным и не подверженным ничьему вмешательству.

Впрочем, и по смерти моей тот, кого господь бог, царь вечный, изволит посадить на престоле моем, будь то превозлюбленный сын мой или брат, или родственник, пусть не подумает умалить что-либо или разрушить и уничтожить этот дар мой. Напротив, пусть он обновит, подтвердит его и добавит к нему, как и подобает поступать православным царям. Если же кто из них [царей] попытается нарушить это златопечатное слово мое, пренебречь им и отнять что-либо из здесь написанного и начнет чинить препятствия людям этого отца — пустынника Иоанна Рильского, то да испытает того господь бог своим судом праведным, и да примет жребий

[1] Кумерк — торговая пошлина.

[2] Диавато — пошлина за провоз товаров через переправу.

[3] Может быть, «рикос» — «арико», как предполагают, но мы предпочитаем сближать это слово с греч. «ῥῆξις» — ссора, разрыв, тяжба, т. е. когда «деется» рикос, то вместе с исправлением (судом) монастырь взимает и арико.

[4] Имеется в виду судебная пошлина.

[5] Тварико — арико.

[6] Вероятно, Иван Асень II (1218—1241) и Калиман Асень (1241—1246).

Иуды, предателя господня, и да унаследует проказу Гиезиеву, и да имеет врагом своим святого отца [Иоанна] и здесь, и в будущем веке. Аминь.

Ради всего этого и даровано настоящему монастырю моему приличествующее и подлинное мое златопечатное слово, чтобы всесторонне и открыто утвердить полную свободу [монастыря]...

Иоанн Шишман, во Христе боге благоверный царь и самодержец всех болгар и греков.

И. Иванов, Български старини из Македония, София, 1939, стр. 597—600.

7. Грамота царя Иоанна Асеня II г. Дубровнику (вскоре после 1230 г.)

Моя царственность дает это определение Дубровницкой стране, любезным и верным гостям моей царственности. Пусть они ходят по всей стране моей царственности ради какой бы то ни было торговли, ввозят ли или вывозят, или перевозят какой-либо товар в какую бы то ни было землю или область. Пусть доходят они и до Бдина[1] или до Браничева; приходят и в Белград или в Тырнов, ходят и по всему Загорью[2] или приходят в Преслав, либо в Карвунскую область[3], либо в Крынскую область[4], либо в Боруйскую, либо в Одрин[5] и в Димотику, либо в Скопльскую область, либо в Прилепскую, либо в Девольскую область, либо в землю Арванскую[6], либо в Солунь. Пусть ходят повсюду, покупают себе и продают свободно, без всякого ущерба, и пусть не чинятся им препятствия во всех областях моей царственности, в городах и горных проходах, но пусть они ходят, покупают и продают без опасений как верные и любезные гости моей царственности.

Если же кто причинит им в чем-либо ущерб — или в горных проходах, или на рынках, или еще где-нибудь — вопреки закону о торговле, то пусть знает, что он есть враг моей царственности, что не получит милости, но подвергнется великому гневу моей царственности.

Асень, царь болгар и греков.

И. Иванов, Български старини из Македония, София, 1939, стр. 578.

---

[1] Бдин — Видин.
[2] Загорье — территория Болгарии между Балканами и Дунаем.
[3] Область к востоку от Плиски.
[4] Область у истоков р. Тунджи.
[5] Одрин — Адрианополь.
[6] Т. е. Албанскую.

8. Из Синодика[1] царя Борила (1207—1218)

38. Так как вселукавый наш враг — [дьявол] рассеял по всей болгарской земле манихейскую[2] ересь, смешав ее с масалианской[3], тем, кто является начинателями этой ереси, анафема.

39. Попу Богомилу, который при болгарском царе Петре[4] воспринял эту манихейскую ересь и распространил ее в болгарской земле, добавив, что Христос-бог наш родился от святой богородицы приснодевы Марии лишь по видимости и по видимости был распят, но вознес воспринятую плоть и оставил ее в воздухе, его [попа Богомила] прошлым и существующим ныне ученикам, называемым апостолами, анафема.

41. Тем, которые имеют дружбу с ними, и по единодушию едят и пьют с ними, и получают дары от них как их единомышленники, анафема.

43. Тем, кто называет сатану творцом всего видимого и повелителем дождя, града и всего, что произрастает на земле, анафема.

44. Тем, которые говорят, что сатана создал Адама и Еву, анафема...

48. Тем, которые отвращаются от всякого моления в священных и божественных церквах и от самого дома божьего, каковым является церковь, и говорят, что нужно творить лишь молитву «Отче наш» где бы ни пришлось, анафема.

49. Тем, кто отвергает святые и священные богослужения и все святительские устроения и глумится над ними, говоря, что они — изобретение сатаны, анафема.

51. Тем, которые отвергают поклонение честному и животворному кресту и святым и священным иконам, анафема.

79. Всем еретикам анафема.

98. Тем, которые называют простыми домами святые божьи церкви, в которых освящается и обновляется все христианство и славится божье имя, анафема трижды.

99. Тем, которые пытаются переданные благоверными царями и богобоязненными христианами святым церквам, епископиям, монастырям и подтвержденные златопечатными и

---

[1] Синодик — поименная запись в православной церкви, читавшаяся во время службы с целью прославления и поминания или с целью анафемствования (проклятья).

[2] Манихеи — религиозная секта (по имени ее основателя перса Мани — III в.), проповедовавшая дуалистическую систему взглядов (борьба добра — духовного начала и зла — материального) и строгий аскетизм.

[3] Масалиане — религиозная секта, близкая к манихеям.

[4] Имеется в виду св. Петр (927—969).

простыми грамотами достояния нарушить или отнять что-либо из того, что посвящено богу, анафема трижды.

103. Всем болярам, малым и великим, священникам, и монахам, и всему народу, которые с покорностью хранят чистую и правую любовь к царю и архиереям, вечная им память.

«Хрестоматия по истории средних веков». под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. II, М., 1950, стр. 187—188.

9. Крестьянская антифеодальная война 1277—1279 гг. под руководством Ивайла

Был там [в Болгарии] некий поселянин, по имени Кордокува, за плату пасший свиней. Имя же его по-гречески переводится как «капуста», а поэтому он и называется Лаханой. Заботясь о свиньях, он был непритязателен — не заботился ни о пище, ни об одежде, питался одним хлебом и дикими плодами и вообще жил бедно и просто. Но перед своими подобными ему самому товарищами, с которыми он часто толковал, он выказывал себя человеком, воображающим о себе весьма много. Они же не менее смеялись над этим, чем верили ему. Итак, вознесясь на этих, не знаю откуда взявшихся мечтах, он обрел рассудительность и стал, как мог, возносить к богу молитвы. Ведь где ему было знать слово божье, живущему среди таких же по разуму грубых людей, а равно и среди пасомых им свиней и ничуть не отличавшемуся от них в простоте своей? Задумываясь таким образом над многим, но отнюдь не о полезном и помышляя о захвате какой-либо власти, он толковал с теми поселянами и свинопасами, рассказывая, что ему являются святые и дают повеления, чтобы он выступил и правил народами. Так как он говорил об этом часто, ему наконец поверили и стали относиться к нему уже иначе, чем прежде, ибо он объявлял о близости срока выступления. Итак, в один из дней он заявил, что получил знамение к выступлению, и тогда привлек к своим помыслам тех, кто его слушал. Они последовали за ним, как люди, надеющиеся совершить нечто великое.

Они отправились в страну и провозгласили имя свинопаса, [заявляя], что явилось от бога знамение, чтобы он правил. Дружно говоря об этом, они убеждали и присоединяли к себе много людей каждый день. Лахана же переоделся в более приличную верхнюю одежду, вооружился мечом, сел на коня и осмелился на дела, ему недоступные. Так как Константин [Тих][1] был слаб телом, ибо у него была сломана нога... был недвижим и, когда было нужно куда-нибудь отправиться, его везли на повозке, как простой груз, то многие пренебрегали

[1] Константин Тих — болгарский царь (1257—1277).

им, в особенности живущие поблизости татары, совершающие ежедневно набеги и воистину обратившие все мисийское в добычу мисян[1]. Столкнувшись с отрядом татар и напав на них с теми, кто следовал за ним, Лахана одержал полную победу, а на другой день — еще одну и так в течение немногих дней стал еще более известным. Отныне области присоединялись к нему, и люди возлагали большие надежды на благоприятный исход его действий и повсюду прославляли Лахану. В самом деле, не было дня, в который бы он не достиг больше прежнего и не обнаружил мужества в нападениях.

Все это в высшей степени пугало Константина. Донесшаяся молва пугает и самого императора[2], ибо он думал, что тот вопреки своему состоянию не возвысился бы так, если бы не отличался какими-то великими [способностями]. Итак, Константин, лишь расстроив все у кормила [своей власти], обратился мыслью к этому неожиданному явлению, о котором ни он сам, ни кто-нибудь другой никогда бы и помыслить не мог. Император же, желая оказаться поближе и беспокоемый слухами, поторопился прежде всего занять и укрепить [пограничные] крепости. Выступив [зимою] из Константинополя, он со всей скоростью двинулся на Орестиаду... Когда он подъезжал к Адрианополю, одновременно пришла весть о гибели Константина. Так как Лахана ежедневно усиливался, многие, презирая своего царя, переходили к нему... Из тех же, кто окружал Константина, часть была умерщвлена из-за коварных происков Марии[3], а из оставшихся в живых одни подозревались в злом умысле, другие же злоумышляли на самом деле. Оставшись один или, точнее, с немногими, Константин решился преследовать Лахану, уже с презрением относившегося к царю. Войско было построено, а сам он ехал в повозке... Лахана также выступил против него, напал, едва появившись, и наголову разгромил. Царя же, как ничего не совершившего в сражении, достойного царского сана, заколол подобно жертвенному животному, а воинов его, победив, сопричислил к остальному своему войску.

Крепко удерживая в своей власти страну, он захватывал уже и города, а беря их, не покидал, пока не был провозглашаем повелителем и царем. Так шли дела Лаханы, так он возвышался ежедневно все более, следуя от успеха к успеху.

---

[1] Игра слов: существовала византийская поговорка «превратить в добычу мисян» (древних племен, некогда населявших территорию между Балканами и Дунаем — Мисию) — значит начисто опустошить; византийские авторы в силу литературной традиции называли мисянами и болгар.

[2] Имеется в виду император Михаил VIII Палеолог (1259—1282).

[3] Имеется в виду племянница Михаила VIII, жена Константина Тиха.

Император же, поскорбев, как подобает по поводу неожиданного происшествия, и укрепив, сколь мог, и обезопасив то, чему могло угрожать падение Константина, решил усилить себя родством с Лаханою. И он отправил послов поразведать о варваре (достаточно ли имеет силы к дальнейшим успехам тот, который, начав так скромно, легко и счастливо достиг великого), замышляя сделать его зятем, если он покажется послам способным и к самой власти над болгарами. Однако император предусматривал одновременно и непостоянство судьбы... ибо весьма не доверял счастью Лаханы... Так и иначе обдумывая это, император созвал на совет приближенных к себе лиц, ибо видел, что болгарское царство крайне нуждается в повелителе. Он сравнил Лахану и Иоанна, сына Мицы [1], размышляя о том, что один обладает преимуществом на власть по своей смелости, счастью и успехам в делах, а другой, Иоанн, может укрепиться во власти в силу своего рода и связи с императором. Последнему он отдавал предпочтение. И многим понравилось его решение, ибо, если сын Мицы станет зятем императора, он займет и издревле принадлежащий ему престол с помощью самого императора, который будет содействовать в этом как ради оказания сыну Мицы справедливости, так и из-за кротости его отцов, а одновременно — и ради попечения о нем императора как тестя о зяте. Лахана же, внезапно обманутый судьбой, конечно, ослабит свой натиск при появлении в Болгарии ромейских сил, или признает себя рабом, или, обратясь в бегство, будет искать, где спрятаться, и не найдет места, где бы мог укрепиться. Марию же и ее сына жители Тырнова легко выдадут, ибо не так мало она натворила им зла, чтобы они легко предали это забвению... [Итак], послав за Иоанном, он доставляет его из Троады [2] на Скамандре [3], где тот жил, имея достаточно средств на содержание, к себе и, переодев его, нарек царем болгарским. Торжественно было возвещено и новое имя его — Асень в честь деда. Объявил император и о достойном наказании тех, кто будет называть его по забывчивости иначе. Готовых присоединиться к Асеню болгар император призывал, намереваясь немедленно облагодетельствовать; тех же, кто думал прежде всего об осторожности, заманивал посулами даров и укреплял надеждами, что они выгадают, приняв в качестве царя Иоанна и отказавшись от Марии...

---

[1] Мица — болгарский вельможа, пытавшийся в 1260 г. с помощью византийцев отнять престол у Константина Тиха. Потерпев неудачу, перешел на службу к Михаилу VIII и получил владения в Малой Азии.

[2] Троада — древнее название западной части Малоазийского полуострова (от г. Трои).

[3] Скамандр — река в Троаде.

Брак Ирины с Асенем, уже именовавшимся царем болгар, совершился с торжественностью... и были составлены договоры, что, если Иоанн с силами императора благополучно вступит в Тырнов... и станет царствовать над болгарами, он будет во всем союзником ромеев; если же нет, то в силу клятвы верности будет в качестве деспота[1] служить императору.

Захотел император прежде всего захватить Марию, чтобы она не успела привести все у себя в порядок и не сделала беспредметными планы императора. Он поторопился отправить к ней много послов не столько для того, чтобы они ее ниспровергли, сколько для того, чтобы исподволь склонили [болгар] к выдаче Марии и ее сына и к принятию детей императора (Ирины и Асеня). Впрочем, и Мария сознавала, что оказалась в безвыходном положении, подвергаясь угрозе с двух сторон: с одной — недавнее зло — Лахана, опустошивший страну и завладевший в своих нападениях всей округой [Тырнова], а с другой — большое войско императора, которое подвигалось все ближе, грозя ущербом простому населению вне города и вызывая разные опасения у знатных и находящихся внутри стен. Поэтому она трепетала за себя и сына, и ужасные заботы волновали ее душу... Она решила послать к императору и умолять его о справедливости, но она знала, что его помыслы были противны ее планам. Ведь ее заботой было упрочить [царское] достоинство за собой и ее сыном, императору же и в снах бы не привиделось пренебречь [интересами] своих детей, [Ирины и Асеня], ибо именно им он решил передать власть. Итак, мысль об императоре была совершенно отвергнута... Обдумав все, она немедленно (а медлить не позволяли послы императора) посылает к варвару, извещая его о своих планах и желаниях. Услышав об этом, тот сначала возгордился, будто бы оскорбленный этим посланием, жеманясь, что должен подарить власть, которую еще не завоевал своим мечом и превосходящими силами. Впрочем, он согласился на брачные условия, выражаясь весьма дурно и равнодушно, чтобы кто-нибудь не сказал, что он женолюбив и охоч до женских покоев. Ведь он весьма презирал людей, позволяющих размягчать свои чувства, и сторонился их, теперь же согласился ради мира, дабы не проливать кровь соплеменников, уступив не как получатель милости, а как сам ее оказывающий.

Итак, после того как взаимные клятвы совершились, ворота [города] раскрылись перед ним, она принимает его у себя и вступает с ним в брак, вместе разделяя с ним регалии цар-

---

[1] Деспот — высший титул с XII в., ранее принадлежавший только императорам, по рангу выше севастократора и кесаря.

ства и снова уготовляя, как она думала, достаточную защиту против императора... [Император], приготовляя все к низвержению Марии, отправляет войска для борьбы. Отныне Лахана воздерживается от всяких нежностей с женой... оставя покой и обдумывая сложившееся положение дел, он подчинял болгарских архонтов и готовился и к той, и к другой войне. Ведь нельзя было из-за того, что он ранее сделал, ни помириться с татарами, ни склонить как бы то ни было на свою сторону императора. Поэтому, сколько было в его силах, он волей-неволей должен был противодействовать, ибо, получив власть, на которую и не надеялся, он хотел не только удержать ее, но и возвысить. Хотя он и был варваром, он понимал, однако, что придется воевать по необходимости тому, кто не желал воевать. Поэтому-то его отважные схватки оканчивались успешно, ибо его враги не могли противостоять его нестройному натиску, и даже добрые воины опасались столкновения с ним, ибо он дурно обходился с побежденными... Итак, силы вокруг Асеня возрастали, ибо взятые им в плен содержались хорошо, когда покорялись немедленно, захваченные же [силой] не смели и надеяться на спасение — с ними расправлялись как с врагами.

Поэтому дела шли медленно, но можно было надеяться на какое-либо избавление от бед лишь с избавлением от самого варвара. Что вскоре и случилось — ведь не избег он непостоянства судьбы... Разнесся слух, что он разгромлен татарами; поверив молве, жители Тырнова сочли своевременным, поднявшись против Марии, выдать ее вместе с сыном людям императора. Асеня же они приняли в качестве своего повелителя...

Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis, I, Bonnae, 1835, p. 430—446.

II. СЕРБИЯ, ХОРВАТИЯ, СЛОВЕНИЯ В XII—XV вв. ОТНОШЕНИЯ ХОРВАТИИ С ВЕНГРИЕЙ

10. Договор венгерского короля Кальмана с хорватской знатью 1102 г.

Как и каким договором передались хорваты королю венгерскому. Кальман, божьей милостью сын Владислава [1], короля венгерского, являясь королем вместо своего отца и будучи весьма отважным, решил подчинить своей власти всю Хорва-

[1] Указание неточно. В действительности Кальман был сыном Гейзы I и племянником Владислава (Ласло) I. Впрочем, в рукописи, которую положил в основу своей публикации Т. Смичиклас, эта неточность исправлена: слово «Владислав» перечеркнуто.

тию вплоть до далматинского моря и отправился со своим войском прямо к реке Драве. Хорваты же, услышав о прибытии короля, собрали свое войско и приготовились к сражению. Король же, узнав об их сборе, отправил своих послов, желая вести с ними дружеские переговоры и заключить договор, какой они хотели. Хорваты, выслушав предложения господина короля, собравшись вместе на собрание, приняли все и послали 12 знатных старейшин от 12 племен[1] Хорватии, а именно: жупана[2] Гурру[3] — от племени[4] качичей[5], жупана Угрина — от племени кукарей, жупана Момонья — от племени шубичей, жупана Прибислава — от племени чудомиричей, жупана Георгия — от племени сначичей, жупана Петра — от племени муричей, жупана Павла — от племени гусичей, жупана Мартина — от племени каринян и от племени лапчан, жупана Прибислава — от племени полетчичей, жупана Обрада — от племени лачничей, жупана Ивана — от племени ямометов, жупана Миро[не]га[6] — от племени тугомиров. Явившись к господину королю, они оказали ему должные почести, он согласился на следующее: пусть все вышеупомянутые вместе со своими [людьми] мирно и спокойно держат свои земельные владения и имущество.

И ни одно из упомянутых племен, и ни их люди не должны королевскому величеству платить налог или дань, только обязаны упомянутые господину королю, когда кто-либо вторгнется в границы его [королевства]. Тогда, если господин король пошлет за ними, должны пойти с не менее чем десятью вооруженными всадниками от каждого упомянутого племени до Дравы на свои средства, оттуда в Венгрию на средства короля и, пока продолжается война, должны оставаться. И так было установлено в лето господнее 1102 и т. д.

T. Smičiklas, Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II, Zagrabiae, 1904, p. 8—9.

---

[1] В тексте — tribus.

[2] Здесь, как и при дальнейшем перечислении знатных старейшин, фигурирует эпитет — «comes». Переводим его, однако, словом «жупан» (а не «князь»), поскольку в хорватских раннесредневековых источниках обычно именно в таком значении употребляется термин «comes».

[3] Очевидно, Юрия.

[4] Здесь и далее в тексте употребляется термин «genus», а не «tribus», как это было выше (см. прим. 1). Однако, как полагают отдельные исследователи, эти термины в данном случае тождественны. В том, что «genus» следует переводить как «племя», окончательно убеждают позднесредневековые источники на хорватском языке, в которых в аналогичных случаях фигурирует слово «pleme».

[5] Наименования племен переведены в соответствии с их транскрипцией в позднесредневековых источниках на хорватском языке.

[6] В тексте — Mirogum. Однако, по мнению Я. Шидака, следует читать Миро[не]га.

11. Грамота 1107 г., подтверждающая привилегии далматинского г. Трогира

Лета распятия господнего 1108[1], 5-го месяца, дня 25, 12-го года моего правления.

Я, Кальман, король Венгрии, Хорватии и Далмации, обещаю клятвой на святом кресте вам, трогирцам, моим верным гражданам, прочный мир, а также, что мне и моему сыну или наследникам не будете обязаны данью; епископа же или князя, которых изберет клир или народ, буду признавать, и оставляю в силе ваши законы, издревле установленные; кроме того, из доходов городской гавани от иностранцев король имеет две части, третью же часть — городской князь, а десятина — епископу. Не буду допускать, чтобы в вашем городе поселился какой-нибудь венгр или другой чужестранец, кроме кого пожелает ваша добрая воля. Когда же придет к вам короноваться или чтобы решать с вами дела, касающиеся королевства, не может быть учинено какое-либо насилие никому из горожан в отношении его дома, кроме того, кого признаете по вашему желанию. А если когда-либо кому-нибудь моя власть покажется в тягость и захочет уйти в другое [место], то пусть идет с женой, и сыновьями, и семьею, и со всем своим куда ему захочется. Эта же присяга подтверждена королем и епископом Лаврентием и венгерскими князьями. Я, Иоанн, придворный князь, одобряю и подтверждаю. Я, Аппа, князь, одобряю и подтверждаю. Я, Томас, белградский князь, одобряю и подтверждаю. Я, Угуд, князь вашварский, одобряю и подтверждаю. Я, Славич, князь новоградский, одобряю и подтверждаю.

T. Smičiklas, Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II, Zagrabiae, 1904, p. 30—31.

12. Грамота Белы III от 1193 г. о передаче Модрушской жупании Крkскому князю Бартолу

Во имя св. троицы и неделимого единства Бела, божьей милостью потомственный король Венгрии, Далмации, Хорватии и Рамы.

Поскольку верность возрастает, когда она вознаграждается достойной компенсацией, считаем полезным обильнее проявить королевскую щедрость к тем, чья продолжительная

[1] Установлено, что грамота эта датирована на основе летосчисления г. Пизы. 1108 год этого летосчисления продолжался с 25 марта 1107 г. по 24 марта 1108 г. Следовательно, указанный в грамоте 25-й день 5-го месяца 1108 г. означает 18 августа 1107 г.

верность испытана и постоянное проявление преданности зарекомендовало себя перед нашей милостью. Обратив внимание поэтому благожелательного нашего ока на искренность и преданность нашего любезного и верного князя Бартола, передали ему и его потомкам в наследственное право все земли, расположенные в Модрушской жупании, со всем им принадлежащим и со всеми доходами, чтобы вечно владели на том условии, что упомянутый князь в компенсацию за наше благодеяние участвует в войске нашей светлости с десятью латниками в пределах границ королевства. Вне королевства же пусть нам служит с четырьмя латниками, при том лишь тогда выступает, когда по королевскому распоряжению все хорватское войско будет позвано на войну. Также решили включить в этот договор, если названный князь уйдет туда, куда уходит все живое, не оставив потомства, пусть один из сыновей его братьев под верховной властью нашей светлости мирно и спокойно владеет этой землей, придерживаясь того же соглашения. Кроме того, желаем и королевской властью постановляем, что все люди той земли не подвластны ничьему суду, кроме своего господина; однако если бан[1] в ту землю придет, то он может судить, пока здесь будет, но в другом [месте] им не вершит [суда]; однако же, если господин их захочет судить в ущерб своим людям и жалоба дойдет до бана, только в таком случае должен он[2] нести ответ перед баном за своих людей. Если же неоднократно упомянутый князь не явится в наше войско с тем количеством латников, которое обязан по соглашению выставить, и узнает наша светлость, что это произошло вследствие лености или беспечности и нерадивости, пусть явится на следующую ближайшую войну с двойным числом латников и, сколько латников недостало, пусть точно столько возместит в другой войне.

Итак, чтобы эта наша жалованная грамота приобрела силу постоянной прочности и чтобы никто не мог бы у этого пожалования что-либо отнять или умалить, снабдили [грамоту] оттиском своего лица на золотой печати.

Дано рукой магистра Катапана, препоста белградского и венгерского канцлера, в 1193 г. от распятия господа; архиепископом острогонским был [в то время] достопочтенный Иов, архиепископом калоцким — Саул, печским епископом, а также губернатором Далмации и Хорватии — Калан, чанадским епископом — Криспин, загребским епископом — Доминик, князем палатином и также [князем] Бачки — Мог, князем [королевской] курии и также [князем] бодрогским — До-

[1] Бан — феодал, наместник короля.
[2] Князь.

миник, князем шопронским — Андрей, князем бихарским — Боть, князем вашварским — Фулькон и князем солнокским — Макарий.

T. Smičiklas, Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, vol. II, Zagrabiae, 1904, p. 262—263.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕРБИИ В XIV в.

13. Законник царя Стефана Душана

В лето 6857 (1349) индикта 2, в праздник вознесения господня, месяца мая 21-й день. Составлен этот законник православным собором нашим, преосвященным патриархом кир Иоанникием, и всеми архиереями, и духовенством малым и великим, и мною, благоверным царем Стефаном, и всеми властелями моего царства — малыми же и великими.

Законов этих положения были [такие]:

4. О духовном законе. В духовных делах каждый человек должен иметь повиновение и послушание по отношению к своему архиерею. Если же окажется, что кто-либо по своей воле или против своего желания согрешил перед церковью или нарушил какое-либо положение этого законника, он должен покаяться и исправиться перед церковью. Если же он ослушается и отстранится от церкви, не захочет исполнить повеления церкви, пусть будет отлучен от церкви.

10. О еретике. И если окажется еретик, живущий среди христиан, пусть будет заклеймен по лицу и изгнан. Кто же будет его укрывать, также должен быть заклеймен.

11. О духовенстве. И святители пусть поставят духовенство по всем приходам, по городам и селам, и только те будут духовниками, [которые получили благословение от своего архиерея с властью духовно вязать и решать], и пусть каждый слушает их по закону церковному. Те же духовники, которых не поставили архиереи, пусть будут изгнаны, и пусть их накажет церковь по закону[1].

12. О духовном деле. И духовное дело миряне пусть не судят. Если же окажется, [что] кто-то из мирян судил по церковному делу, пусть платит 300 перперов[2]. Только церковь судит [по духовному делу].

21. О продаже христианина. И кто продаст христианина в иную, неверную веру, пусть у него будет отсечена [рука] и отрезан язык[3]. И люди властельские, которые сидят по цер-

[1] Статьи 10 и 11 направлены против богомилов. Под «духовниками, которых не поставили архиереи», составители законника имеют в виду представителей богомильской церковной иерархии.

[2] Перпер — денежная единица.

[3] Имеется в виду продажа в рабство, еще сохранявшаяся в Сербии до XV в.

ковным селам и катуням[1], пусть каждый возвратится к своему господину[2].

24. О власти над церквами. Над церквами пусть имеет власть господин царь, и патриарх, и логофет[3] — и никто другой.

25. Об освобождении церквей. Все церкви, какие находятся на земле моего царства, освобождаются мною, царем, от всех работ малых и великих[4]. И церкви царские пусть не подчиняются великим церквам.

28. О неприкосновенности церковного человека. Отныне да не тронет ни одна власть монаха или церковного человека. А кто нарушит это при жизни моей или после смерти моей, не будет благословен. Если же кто перед кем виноват, пусть ищет судом и правдою по закону. Если же затронет без суда или повредит кому, пусть платит тогда всемеро.

29. О поповской баштине[5]. И попы-баштинники пусть имеют свою наследственную землю и [да] будут свободны. Другим попам, которые не имеют баштины, пусть дается 3 нивы по закону, и да будет поп свободен. Если же он возьмет сверх той земли, пусть работает церквам по закону.

31. О суде церковных людей. Церковные люди по всякой тяжбе пусть судятся у своих митрополитов, и у епископов, и игуменов. Если оба (истец и ответчик) принадлежат к одной церкви, пусть судятся у своей церкви. Если же тяжущиеся из двух церквей, их должны судить обе церкви.

32. О селе меропхов[6]. И какие есть меропхские села в царстве моем, в Загорье и в других местах, церковные люди пусть не ходят на меропщину, ни на сенокос, ни на пахоту, ни на виноградники, ни на какую другую малую или большую работу. От всех работ я, царь, освободил их, пусть работают

---

[1] Катуни — небольшие поселения в горных районах, где расположены пастбища; население катуней занималось скотоводством.

[2] Статья направлена против бегства крестьян от их владельцев-феодалов на церковные земли, привлекавшие, в частности, освобождением от воинской повинности и другими льготами.

[3] Логофет — заимствованное из Византии название одного из придворных чинов царского двора; заведовал царской канцелярией, осуществлял контроль над церквами.

[4] Малые и великие работы, от которых царь освобождает церкви, совокупность повинностей крестьян: пахота, обработка виноградников, строительство городов и укреплений и т. д. — все выполнявшееся личным трудом и скотом крестьян называлось великими и малыми работами. Владения церкви освобождались от таких работ в пользу царя.

[5] Баштина — одна из двух форм феодальной собственности на землю, наследственное владение. Баштины духовенства, как видно из этой статьи, были свободными, т. е. освобождались от повинностей. Так же обстояло дело и с баштинами светских феодалов — властелей.

[6] Меропх — одна из категорий феодально зависимого крестьянства Подробности об их положении и обязанностях см. в ст. 66, 67, 140, 205. Меропштина — совокупность повинностей меропхов.

только церкви. А если окажется, что кто-то погнал метохию[1] на барщину и нарушил мой царский закон, то тот властитель лишится своего имущества и будет наказан.

33. О власти над церквами. И передал я, царь, игуменам церквей, пусть владеют всем домом, кобылами, и конями, и овцами, и всем прочим. И во всем да будут свободны, как соответствует это закону и правде.

37. О властелях и властеличичах. Властели и властеличичи[2], которые находятся в державе моего царского величества, сербы и греки, получившие от меня баштины по хрисовулам, которыми они владеют ко времени этого собора, пусть будут тверды.

38. О хрисовулах. И все хрисовулы, и указы, которые я, царь, дал и которые дам, и те баштины, [которые записаны в них], как и баштины, которые были даны первыми правоверными царями, пусть будут тверды. И пусть ими свободно располагают; дать ли церкви, или на помин души, или продать кому-либо.

39. О властельской баштине. Если властель не имеет детей или имел, да они умерли, то баштина после его смерти останется пустой, пока не найдется из его рода кто-либо до третьего племянника, тот пусть и получит его баштину.

40. О свободной баштине. И все баштины пусть будут свободны от всех работ и податей царства моего, кроме сока[3] и воинской службы по закону.

41. Об отнятии баштины. Да не волен господин царь, ни король[4], ни госпожа царица ни у кого отнять силой баштину, ни купить, ни выменять, если ее владелец сам не захочет [этого].

42. О властельских отроках. И отроки[5], которых имеют властели, пусть будут им в баштину[6] и их детям в баштину вечную, но в приданое отрок даваться не должен никогда.

46. О церкви. Если окажется властель, который подчинил свою церковь другой церкви, то он не имеет больше власти над той церковью.

47. О властеле и о коне. Когда умрет властель, добрый конь и оружие [покойного] пусть будут переданы царю, а одежду властельскую большую жемчужную и золотой пояс

---

[1] Метохия — заимствованное у Византии греческое название церковных владений.

[2] Властели и властеличичи — сербские землевладельцы-феодалы. Властель — крупный феодал-землевладелец, властеличич — более мелкий. См. также статью 49.

[3] Сок — натуральная подать на землю, уплачивалась царю.

[4] Король (сербск. краль) — здесь наследник царского престола.

[5] Отроки — несвободные люди, близкие по своему положению к рабам. См. ст. 71, 103.

[6] Баштина — здесь наследственная собственность на отрока.

пусть возьмет его сын, и да не отнимет у него царь. Если же властель не имеет сына, но имеет дочь, дочь вольна распоряжаться этим и продать или отдать [может] свободно.

48. О пограничном властеле. Властели, которые пограничные земли держат. Если какие-либо чужие войска перейдут границу, пограбят землю царскую и возвратятся тем же путем, то пограничные властели, через землю которых прошли иноземцы, должны за все заплатить.

49. Об оскорблении властеличича. Властель, выругавший и осрамивший властеличича, пусть платит 100 перперов, а властеличич, обругавший властеля, пусть платит 100 перперов и да будет бит палками.

51. Об измене. За измену, за всякое преступление [отвечают] брат за брата и отец за сына, родственник за родственника. Те же, кто отделены от такого [преступника, и живут] в своих домах, и [сами] не согрешили, не платят ничего, исключая того, кто согрешил, и дом того пусть платит.

54. О властельском поношении. И если себр[1] выбранит властеля, платит 100 перперов и будет заклеймен[2]. Если же властель или властеличич выбранит себра, платит 100 перперов.

55. О вызове властелей. Властель не призывается [на суд] вечером, призывается до обеда, и да будет ему сообщено об этом предварительно. И кто будет призван с приставом прежде обеда и к обеду не придет, будет [признан] виновным и платит 6 волов.

57. О селе, когда кто умрет. Если кто умрет, а имеет одно село в жупе[3] или между жупами, какое зло совершится этому селу, весь тот убыток платит округ.

58. О пронии[4]. Пронию никто не волен ни продать, ни купить, кто не имеет баштины. Из прониарской земли никто не волен отдать [часть] церкви: если же отдаст, это не будет твердо.

59. О путешествии царском. Пусть всякий везет царя, куда он только едет: всякий город до жупы, и жупа до жупы, и опять жупа до города.

66. Об отроке и меропхе. Отроки и меропхи, которые вместе живут в одном селе, всякую плату, приходящуюся на них,

---

[1] Себр — свободный человек, но не принадлежащий ни к духовенству, ни к властелям. Иногда понятие «себр» употреблялось как общее для свободных и крепостных — меропхов. См. ст. 68, 94, 96.

[2] В некоторых рукописях законника нет слов «и будет заклеймен». Принятая здесь формулировка статьи дана по Ходошской рукописи. Она находится в полном соответствии с отношением составителей законника к себрам, повсюду противопоставляемым властелям.

[3] Жупа — сельский округ.

[4] Про́ния — одна из двух форм феодальной собственности на землю; условное, временное владение, дававшееся за выполнение определенной службы. Бывали случаи, когда пронии переходили в баштины. Предотвратить такой переход и стремятся составители законника этой статьей.

пусть платят вместе по количеству душ. Как плату платят и работу работают, так пусть и землю держат.

67. О меропхе. Меропхам закон по всей земле. В неделю пусть работают два дня прониару, и дают ему в год царский перпер, и бесплатно сено косят ему один день, и на винограднике [работают] один день, если же кто не имеет виноградника, то пусть один день выполняют ему другие работы. И все, что не работает меропх, все они (прониары) получают, а иного ничего сверх закона пусть у них (меропхов) не отнимается.

68. О себре. Себры не должны собираться на сход. Если же найдется такой, кто [вздумает] собрать их, да будут отрезаны у него уши и выжжены ресницы[1].

70. О братнином преступлении. И кто зло учинит: брат или сын, или родственник, которые живут в одном доме, пусть платит все хозяин дома или пусть выдаст того, кто преступление совершил.

71. О несвободном. И кто из несвободных придет на царский двор, пусть всякому будет оказана правда, за исключением властельского отрока.

73. О пастбище села. Село с селом пусть пасет. Куда одно село, туда и другое [может], за исключением в заповедных, законных лесах и законных лугах, [где] пусть никто не пасет.

74. О жупе и потраве. Жупа жупе да не повредит скотом ничего. Если же окажется в этой жупе село какого-либо властеля, или мое царское село, или церковное село, или [село] властеличича, этому селу никто не запретит пасти, пусть пасет [оно скот там], где и жупа [пасет].

75. О потраве. Если кто потравит жито, или виноград, или луг не преднамеренно, за такую потраву пусть платит то, что назначат присяжные, которые оценивают [ущерб]. Если же преднамеренно потравит, пусть платит за потраву [да сверх того] 6 волов.

76. О нарушении границ. За нарушение границ между селами 50 перперов, а влахам и арбанасам[2] — 100 перперов, и [от] этой пени царю половина и господину, чье село, половина.

85. О бабунском слове[3]. Кто скажет бабунское слово, то, если он властель, пусть платит 100 перперов, если же не властель, 12 перперов и пусть будет побит палками.

---

[1] Запрещение себрам собираться на сельские сходы — показатель усиления феодального гнета. Стремление феодалов обезопасить себя от крестьянских волнений нашло выражение в этой статье.

[2] Арбанасы — албанцы-скотоводы, кочевавшие со своими стадами в Северной Албании, Македонии и Южной Сербии, входивших в состав владений Душана. Влахи — кочевое скотоводческое население, по национальности принадлежащее к группе аромунов. По-видимому, потомки оттесненного славянами в горные районы романского населения Балкан.

[3] Бабуны — бранное название богомилов.

86. Об убийстве. Где произойдет убийство, тот, кто затеял драку, пусть будет виноват, даже если и убит будет.

87. Если убийство совершено непреднамеренно и без насилия, убийца платит 300 перперов, если же убийство преднамеренное, отрубить ему (убийце) обе руки.

92. О поличном (скот, конь или что-либо другое). Если кто узнает у какого-либо человека поличное, а будет это в лесу или пустоши, пусть приведет его в первое на пути село, и передаст ему [этому] селу, и позовет [на суд], чтобы представили его судьям. Если село не выдаст его судьям, то к чему приговорит суд, пусть платит это село.

93. О содействии побегу человека. Кто проводит чужого человека в чужую землю, обязан доставить хозяину семерых.

94. О властелях и о себре. Если властель убьет себра в городе, или в жупе, или в катуне, платит 1000 перперов; если же себр убьет властеля, отрубить ему обе руки и пусть платит 300 перперов.

95. О брани. Если кто обругает святителя, или монаха, или попа, пусть платит 100 перперов, а кто окажется убийцей святителя, или монаха, или попа, тот будет убит и повешен.

96. Об убийстве. Кто окажется убийцей отца, или матери, или брата, или своего ребенка, пусть будет такой убийца сожжен на огне.

97. О властельской бороде. Если окажется, что кто-либо вырвал бороду у властеля или у доброго человека, отрубить такому обе руки.

98. О вырывании бород себров. И если два себра друг у друга вырвут бороды, штраф за это 6 перперов.

99. О поджигателе дома. Если кто подожжет дом, или гумно, или солому, или сено, село обязано выдать поджигателя. Если же не выдаст, платит все, что обязан был заплатить и претерпеть поджигатель.

100. О поджигателе гумна. Если же кто подожжет вне села гумно или сено, то платит округа или выдаст поджигателя.

101. О насилии. Насилия не будет никому ни в чем в земле моего царства. Если же кто подвергнется наезду или насилию с похвальбою, те кони, с которыми наехали, пусть будут все отобраны: половина — мне, царю, а половина — тому, на кого наехали.

103. О суде над отроками. Отроки должны судиться по всем своим проступкам у своих господ, а по царевым, т. е. за кровь[1], за вражду[2], за воровство, за разбой и прием [беглых] людей, — у судей.

---

[1] Кровь — убийство.

[2] Вражда — один из видов штрафов, взимавшихся за особенно тяжелые преступления.

107. Об убийстве судебного пристава. Кто окажется убийцей судебного посыльного или пристава, пусть будет схвачен и да будет отобрано у него все, что он имеет.

108. О вводе во владение. Относительно пошлины за ввод во владение пусть будет так: пошлина за землю приставу — 3 перпера, за село — 3 перпера, за мельницу — 3 перпера, за жупу с каждого села — 3 перпера и за город — конь и одежду, за виноградник — 3 перпера, за коня — 1 перпер, за кобылу — 6 динаров, за вола — 4 динара, за овцу — 2 динара.

112. О посрамлении судьи. Кто осрамит судью, то, если он властель, у него все отнимается, если же [это сделало] село, да будет [оно] разграблено и разорено.

113. О побеге из темницы. Какой человек убежит из темницы, будь то мой царский человек, или церковный, или властельский, с чем он придет на мой царский двор, с тем пусть будет свободный. Если же убежал от своего господина или покинул его, пусть будет принадлежать тому, от кого убежал.

116. О побеге. Кто принял принадлежащего кому-либо человека из чужой земли, а он бежал от суда своего господина, [то], если беглый представит милостивую царскую грамоту, она не должна признаваться недействительной.

Если же [беглый] не представит милости, то он возвращается ему [господину].

119. О купцах. Купцов, ходящих по царской земле, не волен никто из властелей или других людей задерживать насильно или распаковывать их товар и навязывать им силой деньги. Кто же будет силой разгружать или распаковывать товар, платит 500 перперов.

121. О царинниках[1]. Царский царинник не вправе принуждать или задерживать какого-либо купца, чтобы он продавал ему товар за бесценок. Пусть всякий свободно ходит по торгам со своим товаром.

122. Не волен властель, ни малый, ни великий, никто другой задерживать и заручать своих людей или других купцов, чтобы не ходили на царские торги. Пусть всякий ходит свободно.

123. О купцах. Если же властель задержит купца, то платит 300 перперов, если его [купца] царинник задержит, платит 300 перперов.

127. О городской земле. Городской землей [считается] [то], что около города. Что на ней будет ограблено или украдено, за все это платит округа.

128. О строительстве городского укрепления. Где разрушится городское укрепление или башня, пусть поправят их

---

[1] Царинник — сборщик таможенных пошлин.

жители этого города [и жупа, являющаяся округой этого города].

129. О помощи царю. Когда господин царь будет женить сына или крестить и будет нужно ему строить двор и дом, пусть помогает всякий, и малый, и великий.

130. О власти воевод. Во всяком войске пусть воеводы имеют власть, равную царской. Что они повелевают, всякий пусть им повинуется. Если же кто их ослушается в чем-либо, да будет ему такое же осуждение, как и тем, кто царя ослушался бы. И в судах малых и великих, которые есть в войске, пусть судит воевода, и никто другой.

131. О церкви. Кто разорит церковь в военное время, пусть будет убит и повешен.

132. О ссоре. В войске пусть не будет ссоры. Если же двое поссорятся, пусть бьются, а другой никто из воинов пусть им не помогает. Если же кто пойдет на поединок и поможет, [пусть будет наказан и будут отрублены руки], а те пусть бьются.

133. О военной добыче. Кто что купит из военной добычи на чужой земле. Всякий будет волен купить из военной добычи, приобретена ли она на царской земле или на чужой земле. Если же кто его обвиняет, говоря это мое, пусть оправдывает его порота[1] по закону, что он купил на чужой земле и что он не вор, не пособник, не соучастник. Тогда [по оправдании] пусть владеет этим, как своим [собственным].

138. О хрисовулах. Мои царские хрисовулы, что дарованы городам моего царства, что в них написано, не вольны того нарушить ни господин царь, ни кто-либо другой. Пусть будут тверды хрисовулы.

140. Меропхам в земле моего царства не вправе господин ничего учинить противного закону. Только то, что записал царь в законнике, обязаны они делать и давать. Если же [господин] сделает ему (меропху) что-либо вопреки закону, мое царское повеление, чтобы всякий меропх мог судиться со своим господином: будь то мое царское величество, или госпожа царица, или церковь, или властели моего царства, или кто бы то ни был другой. Никто не властен удержать от суда моего царства, но пусть судят его судьи по правде. И если меропх выиграет дело, пусть судья моего царства отдаст его на поруки, что господин все заплатит меропху в срок, и после того не вправе тот господин чинить зло меропху.

141. О приеме человека. Повелевает мое царское величество. Никто пусть не принимает ничьего человека: ни мое царское величество, ни госпожа царица, ни церковь, ни вла-

---

[1] Порота — клятва свидетелей. См. подробнее ст. 153.

стель, ни какой-либо другой человек — без моей царской грамоты. Иначе пусть наказывается как изменник.

142. О торге[1]. Также и торги, и князья в городах, если примут чьего-либо человека, таким же образом наказываются и да возвратят его.

143. О властеличичах. Если кто из властелей и властеличичей, которым царь дал земли и города, окажется насильственно завладевшим селами и людьми или чем-либо другим вопреки воле царя, узаконенной на соборе, то отнимется у него земля, а тот, кто устроил [этот захват], пусть платит все со своего дома и будет наказан как перебежчик.

146. О разбойнике и воре. Повелевает мое царское величество: во всех землях и городах, по жупам и по окраинам, чтобы не было разбойника и вора ни в чьем владении. И да укротится таким образом воровство и разбой: в каком селе будет обнаружен вор или разбойник, то село пусть будет разграблено, а разбойник повешен вниз головой, вор же ослеплен, а господин того села приведен связанным к моему царскому величеству и платит за все, что с самого начала учинили разбойник и вор, и, кроме того, наказан как вор и разбойник.

152. О воре. И если кто на суде обвиняет кого в разбое и воровстве и не будет улик, пусть будет им в оправдание железо[2], как это постановило мое царское величество, пусть вынут его у церковных дверей из огня и положат его на святой алтарь.

153. О пороте. Повелевает мое царское величество: отныне и впредь да будет порота и за большое дело, и за малое. За большое пусть будет 24 поротника, за то, что поменьше, — 12 поротников, и за малое дело — 6. И эти поротники не вольны никого помирить, но только [могут] оправдать или обвинить, и пусть будет всякая порота в церкви, и поп в ризах пусть приведет их к присяге. И в пороте за кого большинство клянется и кого большинство оправдает, тем и следует верить.

154. О законе. Как был закон у деда моего царского величества, у святого короля, [так] пусть [и] будут великим властелям поротниками великие же властели, а средним людям — равные им люди, а себрам — равные им. И пусть не будет в пороте ни родственника, ни насильника.

---

[1] Торги (сербск. трг) — торговые центры города, чаще всего принадлежавшие царю, где велась торговля, осуществлялся таможенный досмотр товаров купцов, собирались пошлины с их товаров. Здесь же были монетные дворы, где чеканили монеты, как это явствует из ст. 171.

[2] Оправдание железом — один из вариантов так называемого божьего суда.

156. О поротниках. Которые поротники поклянутся и оправдают кого-либо по закону и если после этого оправдания действительно обнаружится поличное у этого оправданного, которого оправдала порота, то возьмет мое царское величество с этих поротников по 1000 перперов и пусть не будет больше веры этим поротникам, и никто из них ни замуж не выходит, не женится.

161. О купцах. Когда купцы приходят ночью на ночлег и управитель или господин того села не допустит, чтобы купцы остались в селе согласно закону моего царства, как это записано в законнике, то, если что-либо утратит путник, платит все тот господин или управитель за то, что не впустили их в село.

162. О гостях или путниках. Если что случится с каким-либо гостем, или купцом, или монахом и отнимет у него что-нибудь разбойник или вор или иная какая беда произойдет, пусть идут они все к моему царскому величеству и заплатит им мое царское величество то, что они утратили, а мое царское величество да взыскивает [потом] с кефалиев[1] и властелей, которым был передан путь и поручена стража. И всякий гость, и купец, и латинянин пусть приходит к первым стражам со всем, что имеет и несет [с собой], и пусть передает его стража страже со всем [его добром]. Если же случится что-нибудь и он что-либо утратит, да будет ему порота из достойных доверия людей, и что скажет [он] по совести с этими поротниками, сколько он потерял, столько и платят ему кефалии и стражи.

168. О пьянице. Если пьяница откуда-либо идет и нападет на кого-нибудь, или ударит, или окровавит, но не до смерти, такому пьянице пусть будет вырван глаз и отсечена рука. Если пьяный будет задевать кого-либо, или собьет шапку, или [как] иначе оскорбит, а не окровавит, то дать ему 100 палок и бросить в темницу, а потом по выводе из темницы бить его [палками] и отпустить.

169. О тяжущихся. Тяжущиеся, которые придут на суд моего царского величества, что скажут в начале [суда], тем речам и верить, и по тем речам и судить, а последним [не верить] ни в чем.

176. О баштинах. Землевладельцы, имеющие наследственные земли, виноградники и купленные земли, могут свои виноградники и земли отдавать в приданое или дарить церквам (или продать), но при этом работники остаются всегда на том же месте, за тем господином, чье будет село. [Если же на том месте, у того господина, чье село, не будет работника], он может эти виноградники [и нивы] взять себе.

---

[1] Кефалии — представители царской администрации в городах.

178. О городах. Все города по земле моего царства пусть руководствуются законами, какие были при первых царях, а по судебным делам, что имеют между собой, пусть судятся перед управителями городскими и перед церковным клиром. А кто из жителей жупы имеет иск к горожанину, пусть начинает с ним тяжбу перед управителем города и перед церковью по закону.

184. Если найдется золотых дел мастер, чеканящий монету в городе без царской воли, да будет он сожжен, а город платит штраф, какой назначит царь.

189. О правом суде. За три вины — за измену, за убийство и за похищение властелицы — пусть идут к царю.

193. О своде коней и другого скота или какой другой вещи. В случае грабежа или воровства пусть тот, у кого оказалось поличное, сведет с себя обвинение сводом, [если же не сведет с себя обвинения], пусть платит всемеро. Если же скажет, купил в чужой земле, пусть оправдают его присяжные от пени, если же не оправдают его присяжные, пусть платит с пеней.

200. Царский доход: сок, и налог, и харач[1] — пусть дает всякий человек — кабл[2] жита наполовину чистого, а половину простого или перпер деньгами, а срок тому житу, когда его ссыпать, на димитриев день, а другой срок на рождество Христово. Если же властель сока не доставит в эти сроки, то пусть будет такой властель связан на царском дворе и держат его, пока не заплатит вдвойне.

205. Если меропх убежит куда-нибудь от своего господина в другую землю[3] или в царскую, где его найдет господин, пусть заклеймит его, и распорет ему нос, и отдаст его на поруки, дабы он опять был его [человеком], и другого ничего не возьмет с него.

Радойчич Никола, Законик царя Стефана Душана 1349 и 1354 године, Београд, 1960.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЛОВЕНИИ И ХОРВАТИИ В XIV—XV вв.

14. Отрывки из словенских урбариев XIV—XV вв.

Из урбария Брежицкого и Севницкого имений 1309 г.

Урбарий свободных держаний Зальцбургской церкви в Брежице и Севнице, составленный там прокуратором Ортолфом в лето господне 1309.

---

[1] Харач — денежный налог царю.

[2] Кабл — мера сыпучих тел (зерна, соли и т. д.). Точное значение неизвестно. Приблизительно ок. 15 *кг* зерна (см. *Иван Божић*, Доходак царски, Београд, 1956).

[3] Т. е. землю другого землевладельца.

Во-первых, службы в Брежице.

В Столовнике 8½ хубы[1] на праве половины[2], из которых 4 населены; из этих 2 имеет жупан[3] и служит: 1 модием пшеницы, 1 модием овса, 1 свиньей стоимостью в 40 денариев[4], ½ мензуры соли, 1 ягненком в 6 денариев в день св. троицы, за лен 3 денариями, 1 мерой пшеничной крупы, 1 хлебом к мессе и 1 хлебом с 1 цыпленком к рождеству господню. Из остальных 2 хуб каждая служит 1 модием пшеницы, 1 модием овса, ½ овцы, или 20 денариями, 2 хлебами с 1 цыпленком, мерой пшеничной крупы, в пост 1 цыпленком, за лен 2 денариями, двумя работами. Также вилла, которая должна исполнять пахоту, пашет управляющему три дня — один весной и два осенью, и вся вилла дает 4 угощения управляющему. И заметим, что 5 мензур пшеницы составляют 1 модий и 6 мензур овса составляют 1 модий. Также все виллы, которые записаны со службой на праве половины, в целом служат то же, что и вилла Столовник.

В верхнем Сремиче 7 хуб, все пустующие, на праве половины.

В нижнем Сремиче 6 хуб, все населенные, на праве половины, из которых жупаны имеют 2. Также имеется 1 хуба, которая служит в лето господне 1311. Также из остальных 3 хуб одна служит на праве половины. Также другие две служат лето господне 1310...

Службы в Севнице.

В Дрожане 6 хуб на полном праве, из которых 5½ населены. Из этих жупан имеет 2 и служит: 2 модиями пшеницы, 2 модиями овса, 2 свиньями, каждая по 40 денариев, 1 мензурой соли, 1 ягненком [ко дню] троицы в 6 денариев, за лен 4 денариями. Из остальных 3½ хубы каждая служит 2 модиями пшеницы, 2 модиями овса, 2 хлебами с 1 цыпленком, в пост 1 цыпленком, 1 пшеничной крупы, за лен 2 денариями. И вся вилла платит в счет косьбы 10 денариев, за собак 5 денариев, и это, если вилла полностью населена. Из названных населенных хуб ½ хубы служит в лето господне 1311. Также ½ хубы служит в лето господне 1312. В этой вилле каждая населенная хуба служит ½ овцы. Вина 8 урн[5]. Эта вилла служит на полном праве. И все виллы, которые записаны со службой на полном праве, служат таким же образом, что и названная вилла Дрожане, и ни в чем не будут изменены — ни в овцах, ни в вине.

---

[1] Хуба (гуфа) — земельный надел.
[2] Т. е. исполняют половину повинностей.
[3] Здесь; сельский староста.
[4] Денарий — французская серебряная монета.
[5] Урна — мера объема жидкости.

Из урбария Брежицкого и Севницкого имений 1322 г.

...III. Также в вилле Дрожане 6 хуб со службой на полном праве. Из этих жупан имеет 2, с которых служит 10 мензурами пшеницы, что составляет 2 модия, 12 мензурами овса, что составляет 2 модия, 2 свиньями, 1 ягненком, 1 мензурой соли, за лен 4 денариями и платежами. Остальные 4 хубы населены, и каждая служит 2 модиями пшеницы, 2 модиями овса, 1/2 овцы, 2 хлебами, 1 цыпленком, 1 мензурой бобов, за лен 2 денариями, в счет косьбы 3 1/2 денария. Также вина 5 урн. И так каждая хуба со службой на полном праве такой же чинш должна давать.

Из урбария Севницкого имения 1448 г.

В Дрожане 11 хуб. Жупан Анхел также служит 5 мензурами пшеницы, 6 мензурами овса, а остальное, что и упомянутый выше жупан Лукас[1], и дает в счет права св. Георга или жупанского права 69 денариев. Георгий Видгой держит одну хубу и служит 5 мензурами пшеницы, 6 мензурами овса, в счет права св. Георга 16 денариями, цыплятами, яйцами и всем другим, что выше в Острезе, в счет жатвы — 5. И так остальные крестьяне служат в этой вилле в счет жатвы. (По одному наделу имеют)[2] Юрий Стениц, Якоб Видгой, Андрей, Вадична, Петер (и)[2] Григорий, сын Михаила, [и служат, как] Григорий Видгой. Михеля Набега пустует, оттого должны также служить; опустевшим лежит...[3] Все люди служат барщинной и поденной работой так же, как это выше сказано в отношении всех других.

M. Kos, Srednjeveski urbarji za Slovenijo, Zv. I, Ljubljana, 1939, str. 71, 106, 120.

15. Отрывки из Модрушского урбария 1481 г.

В то время послал князь м[илостивый], князь Бернардин Франкопан, крkский, сеньский и модрушский и пр., нас, Мартина Оштрихарича и Ивана Клинчича, осмотреть все земли владения Модрушского и переписать все наделы и все службы, которые под Модрушем известны, и как какой надел служит.

---

[1] Жупан Лукас, согласно урбарию 1448 г., помимо 5 мензур пшеницы, 6 мензур овса и 78 денариев в счет жупанского права должен был вносить также 2 цыплят, 1 меру овса, 5 яиц.

[2] Слова в скобках принадлежат публикатору урбария, сократившего перечень повинностей, идентичных тем, которые должен был исполнять Григорий Видгой.

[3] Очевидно, пропуск в подлиннике.

Заборско. Служба кметская в Заборском. Прежде всего кмет служит тремя старами[1] пшеницы, 5 старами овса, а к тому же должен от Юрьева до Николина [дня] каждую неделю 2 дня [исполнять] барщину и еще должен каждый кмет [выставлять] 3 подводы: 2 для ближней поездки, а третью — для дальней.

Еще должны все сено убрать и привезти.

Еще должны к этому 3 [раза давать] дары[2].

Еще должны пойти с оповещениями[3].

Еще в Заборском живущих 12 кметов, а пустых наделов $6^1/_2$, а каждый надел имеет 12 югеров.

Еще к каждому наделу имеются сенокосы по 4 стога.

Еще под господский двор[4] — более 20 югеров, а сенокос — более чем на 50 косарей.

Еще должны господину к [его] дому лес привезти и каждый 10 досок, когда дом ремонтируется, кто держит полный надел; а кто держит полнадела, тот должен 5 досок.

Еще земля церковная в Заборском, которую держит поп, — 16 югеров, сенокос — 3 стога...

Плисково. Цвитан Ловренчич имеет земли 16 югеров, а сенокос — 3 стога, служит 2 злата[5]; еще Цвитан Ловренчич держит другой надел, который был портного Ивана; имеет земли 8 югеров, служит злат.

Фикац Ловренчич имеет земли 8 югеров, сенокос — 1 стог, служит 1 злат.

Мартин Томашич и Блажина имеют земли 16 югеров, сенокос — 2 стога, от тех бы наделов должны были служить 3 злата, а еще покойный старый князь это уступил бедному Томашичу за 2 с половиной.

Матко Новачич имеет земли 16 югеров, сенокос — 2 стога, служит 2 злата.

Бернардо Балшич держит $2^1/_2$ надела, земли — 20 югеров, а сенокос — 2 стога, служит $2^1/_2$ злата.

Михаил, Цвитков сын, имеет земли 8 югеров, сенокос — 1 стог, служит 1 злат.

Новаци. В Новацах 11 наделов, под каждый надел 17 югеров земли и по сенокосу. Служба с каждого надела по 93 сольдина, дары; и говорят, что это была их старая служба во время прежних господ: каждый кмет должен пойти с 2 волами сеять овес и однажды в виноградник, а также рыб-

---

[1] Стар — мера сыпучих тел.

[2] Согласно другим разделам этого урбария дары обычно состояли из различных натуральных приношений (хлеба, яиц, цыплят и т. п.).

[3] Имеется в виду прежде всего оповещение о турецких набегах.

[4] Господский домен.

[5] Злат — денежная единица.

ник[1] укреплять, что было при них[2]; и от всего [остального] свободны. А теперь на наделах 3 кмета и 3 вдовы, которые ничего не имеют, а остальное все опустело...

R. Lopasic, Urbaria lingua croatica conscripta. Hrvatski urbari, sv. I. «Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium», vol. V, Zagrabiae, 1894, p. 27—29, 32—33, 59.

16. Отрывки из Каставского статута 1490 г.

Глава I. Во-первых, должны [кме]ты каждый год давать в эту казну[3] 100 марок[4], каждая марка по 8 либр, и это должны между собой собрать и за неделю до мартинова (дня) отсчитать тому казначею.

Глава 2. Еще мы ему должны дать десятину от вина, овец, и коз, и от любого зерна; а этот казначей должен от той десятины давать всем старейшим и попу один обед ежегодно, который зовется кральев пир.

Глава 6. Если кто украдет в городе, платится рукой или [откупается] пятью марками.

Глава 7. Если кто украдет из печи или кузницы, отвечает головой или пусть платит 100 либр.

Глава 8. Если кто имеет фальшивую меру любой вещи, продавая или покупая, тот платит 50 либр.

Глава 22. Еще никто не имеет права ни от чужого сына, ни от дочери, ни от слуги, ни от служанки покупать ни одной вещи без разрешения их старших; если же купил, то отец или господин имеет право, заплатив 2 сольдина, получить обратно то, что было продано.

Глава 23. Если бы слуга или служанка ушли от господина без причины, они платят 1 марку и лишаются своего заработка.

Глава 24. Если господин прогонит слугу без причины, платит марку и весь заработок.

Глава 44. Те два судьи ежегодно могут по закону выделять кметам сенокосы; от каждого выделенного сенокоса им следует от того, кому дали, 16 сольдинов. И таким образом те два судьи могут поделить кметам земли коммуны, и от каждого, кому выделят, им идет 8 либр.

Глава 45. Еще таков закон сенокосам: если кмет умрет и оставит сына, в таком случае его сенокос должен перейти к этому наимладшему сыну без какой-либо платы тех денег. Если же [не останется] ни одного сына, а лишь останется

---

1 Место для разведения рыбы.
2 Т. е. при прежних господах.
3 Имеется в виду казна и казначей феодального владельца Кастава.
4 Марка — немецкая серебряная монета.

вдова, может этот сенокос удерживать, пока достойно сохраняет вдовство; если же выйдет замуж или умрет, не оставив сына, сенокос идет коммуне и попадает в распоряжение судьям, которые могут дать [его] другому кмету, который не имеет сенокоса, ибо никто не должен держать два сенокоса.

Fr. Racki, V. Jagic, I. Crncic. Statuta ligna croatica conscripta. Hrvatski pisani zakoni. «Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium», vol. IV, Zagrabiae, 1890, p. 181, 182, 184, 189.

III. БОРЬБА НАРОДОВ БАЛКАН ПРОТИВ ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

17. Битва на Косовом поле

Битва на Косовом поле 15 июня 1389 г. — крупное сражение между турками и их вассалами, с одной стороны, и сербским князем (кралем) Лазарем, союзниками которого были небольшие отряды босняков и хорватов, — с другой. Турецкие силы почти втрое превышали числом войско сербов, и, хотя в ходе сражения воевода Милош Обилич пробился к султану Мурату и нанес ему смертельную рану, сербы потерпели полное поражение. В результате поражения Сербия признала вассальную зависимость от султана, а в дальнейшем была лишена всякой независимости. В памяти народа виновником поражения остался воевода Вук Бранкович, якобы перешедший в ходе сражения на сторону врага, а сама битва на Косовом поле превратилась в символ героической борьбы против иноземных захватчиков. В сохранившихся юнацких песнях битва окружена множеством легендарных подробностей, а захваченный в плен турками и убитый после сражения князь Лазарь превращен, как и Милош Обилич, в народного героя.

Из песни «Мурат на Косовом поле»

Царь Мурат на Косово приходит,
Как пришел, письмо он мелко пишет
И его в Крушевец посылает.
На колени сербскому владыке:
«Ой ты, Лазарь-царь, владыка сербов!
Не бывало, да и быть не может,
Над одной землей двух господинов:
Раб один, а два с него оброка.
Нам нельзя царить с тобою вместе:
Присылай мне и ключи, и подать,
Городов твоих ключи златые,
За семь лет пришли мне дань с народа.
Если ж ты так сделать не захочешь,
Приходи на Косово с войсками,
Саблями мы землю там разделим».
Царь письмо Муратово читает,
А читает — ронит горьки слезы.

Из песни «Царь Лазарь и царица Милица»

А как утром солнце засияло,
Ворона два черных прилетели,
Прилетели от Косова поля
И на царском тереме уселись,
А на белу башню они пали —
Черный ворон говорил другому:
«Это ль терем Лазаря владыки?
Что же в нем души живой не видно?»
В терему никто того не слышал,
Только лишь царица услыхала,
Из своей светлицы выходила,
Воронам двум черным говорила:
«Ради бога, птицы, расскажите,
Вы откуда утром прилетели?
Не летите ль от Косова поля?
Не видали ль там два сильных войска?
Между ними не было ли битвы?
Чье же войско в битве победило?»
Отвечают вороны Милице:
«Слава богу, царица Милица,
Мы сегодня от Косова поля.
Там сошлися сильные два войска,
Рать на рать ударила, сразились.
У обеих их цари погибли.
Кое-что осталося от турок,
А от сербов если и осталось —
Раненые, мертвые остались».
Не успели речь окончить птицы,
Подъезжает тут слуга Милутин,
В левой держит правую он руку,
А на нем семнадцать ран зияют;
Даже конь облит юнацкой кровью.
Говорит Милутину царица:

. . . .

Что случилось на Косовом поле?
Где погиб супруг мой, царь наш Лазарь?
Где погиб и Юг-Богдан, отец мой?

. . . .

Отвечает ей слуга Милутин:
«Все они на Косове остались.
Где погиб наш славный князь — царь Лазарь,
Много копий там разбито в щепки,
Там разбито сербских и турецких,
И турецких, — только сербских больше.
Там ломали копья свои сербы,
Защищали государя-князя,
Старый Юг убит в начале битвы,
В первой схватке Юговичей восемь —
Восемь братьев — все убиты вместе...
Где стояло крови по колени,
Там убит был Банович Страхиня;
Был убит наш воевода Милош
У Ситницы, у воды студеной,
Где не мало перебил он турок:
Погубил султана он Мурата
И еще двенадцать тысяч турок...
Что же сказать о Вуке? Будь он проклят

И с отцом, и с матерью своею!
Будь он проклят с родом всем вовеки!
Изменил на Косове он сербам
И увел с собой двенадцать тысяч
Конной силы, госпожа Милица».

«Сербский эпос», переводы Н. Берга, Н. Гальковского и Н. Еравцова, «Акад.», 1933, стр. 297, 290—292.

18. Лаоник Халкондил о походе в Албанию Мурада II[1] в 1450 и 1451 гг. против албанцев, возглавляемых Скандербегом

Итак... с наступлением лета император [султан Мурад II] выступил против сына Ивана Скандербега, который еще ребенком прибыл ко двору императора, стал его любимцем, но бежал в свою родную страну, женился на дочери Арианита[2] и открыто воевал с императором, ни дани не уплачивая императору, ни ко двору не являясь, ни на увещания не склоняясь. Собрав поэтому все свои войска и из Азии, и из Европы, император выступил на страну Ивана и, когда достиг ее, вторгся в нее. Посылаемые им войска, поджигая все, что возможно поджечь, палили деревни, поля и имущество и уничтожали все находящееся там. Скандербег же и выдающиеся албанцы тайно отправили жен и детей в земли венецианцев, на побережье Ионического моря. Сами же, бродя кругом, переходили из одной области в другую, если их просили об этом их города, и оставались в горах, которые простираются над их страной до самого Иония. Мурад осадил прежде всего Сфетию, объявив жителям, что если они сдадут город, то могут уйти куда каждый пожелает. Но те не согласились. Тогда он бросил на штурм янычар, взял город силой, поработил жителей, а мужчин всех перебил. Затем, подойдя к Гетии, он занял ее, ибо жители сдались, и, обратив их в рабство, повел войска на Крую, самый выдающийся из городов страны албанцев, расположенный в очень укрепленном месте. Приступив к нему, он осадил его, ударил в стену таранами и низверг значительную ее часть. После этого, надеясь взять город, он штурмовал его с янычарами, но не мог захватить и отвел войско, ибо год уже кончался и наступившая зима угнетала воинов... А на другой год снова, объявив о сборе войска, выступил против Скандербега...

Албанцы, тайно отправив женщин и детей в укрепления венецианцев, собрались в горах, возвышающихся над городом Круей... Мужчин Скандербег оставил в городе для за-

---

[1] Мурад II — турецкий султан (1421—1451).
[2] Арианит — знатный албанец, тесть Скандербега, руководитель восстания против турок в 1448 г.

щиты и охраны стен, отборных воинов, добровольно пожелавших подвергнуться опасностям войны. Мурад же, приготовив машины для разрушения стен и придвинув их, пребывал с янычарами в ожидании у города. Когда все было готово, машины ударили в стену и опрокинули значительный участок. Скандербег между тем жег на горе костры, давая знак осажденным в городе, что, когда будет нужно, он сам придет на помощь. Когда же некоторые из воинов императора устремлялись на гору, он сражался сам, совершая дела, достойные, чтобы о них рассказали. Когда достаточная часть стены была обрушена, все войско бросилось на приступ. Янычары пытались ворваться там, где стена лежала на земле, но не смогли одолеть защитников города, сражавшихся так, как не могли и ожидать.

Император задумал поэтому утомить их голодом, а затем снова предпринять еще более сильный приступ, но в это время прибыл от правителя трибаллов[1] Георгия[2] вестник, сообщивший, что Иоанн[3], собрав пэонцев[4], перешел через Истр и со всем войском двинулся против императора. Услышав об этом, император, как можно скорее собравшись, ушел оттуда...

Laonici Chalcondilae Historiarum libri decem, Bonnae, 1843, p. 350—355.

19. Михаил Критовул[5] о походах Мурада II и Мехмеда II против албанцев в 1450—1451 и в 1452 гг.

С началом весны император выступил против иллирийцев (албанцев). В большинстве своем они кочевники, издревле независимые и живущие без царей. Обитают они в очень высоких, трудно доступных горах, имея на них множество крепостей и укреплений, а также крепкие городки на побережье Иония. Вся их страна защищена отовсюду огромными ущельями, густыми лесами и безводными, обрывистыми кручами. Предводительствуемые недавнее время происходящими из их рода повелителями — неким Арианом (Арианитом) и Александром (Искандером, или Скандербегом), они (албанцы) крепко удерживали свою страну, не желая ни примириться с императором, ни уплачивать дань, ни вообще выслушать

[1] Трибаллы — здесь сербы.

[2] Георгий Бранкович — сербский деспот (1427—1458), зависимый от турок.

[3] Имеется в виду Янош-Корвин Хуньяди, регент Венгерского королевства и полководец, организатор борьбы против турецкой агрессии.

[4] Пэонцы — здесь венгры.

[5] Греческий писатель и политический деятель, ренегат, перешедший на сторону турок (начало XV в. — ок. 1470 г.); его исторический труд — панегирик султану Мехмеду II.

его. Мало того, нередко выходя из своей страны и совершая втайне подготовленные нападения и набеги, они причиняли вред соседним с их страной землям императора...

Император [Мурад II], выступив со всем войском, вторгся в их страну, когда уже созревал хлеб, и в упорных набегах на их земли уничтожил хлеба, захватил величайшую добычу из людей и всевозможного скота, взял их крепости (одни — с налету, силой; другие — осадой) и срыл совершенно. Проще говоря, поверг к ногам и разорил всю их страну... И иллирийцы (албанцы), послав вестников, просили императора о заключении мира, выставляя заложников и клянясь давать императору в качестве ежегодной дани определенное число детей и стада скота, ибо у них не было денег, а также предоставлять воинов для походов императора и оставаться его друзьями и верными союзниками. И император согласился на это и заключил мир. ...Погибло [тогда] значительное число иллирийцев как в сражениях, так и в плену, когда их убивали по приказу императора. Было же взято в тех горах детей, женщин и мужчин до 20 тысяч. Из прочих же иллирийцев одни заперлись в крепких крепостях, а другие скрывались в иных горах с их предводителем Александром.

...Императору [Мехмеду II] было сообщено, что повелитель иллирийцев Александр, попросив некое союзное войско у пэонцев, собрав и взяв также и своих воинов, устроил втайне засаду и напал на оставленного там и совершенно ничего не подозревавшего сатрапа императора, по имени Балабан, когда он, окружив, осаждал крепость Крую. Поразив его неожиданностью нападения и обратив в бегство, он (Александр) преследовал его, убил многих из бывших с ним воинов, а также и самого храбро сражавшегося сатрапа. Теперь же он доставляет в крепость хлеб и все необходимое, как для длительной осады, и когда в обновленной крепости заперлись стратиоты, вышел из нее, чтобы овладеть всей страной.

Итак, когда об этом было возвещено, император был охвачен великим гневом. Нисколько не медля, он тотчас тщательно снарядил как можно большее конное и пешее войско, ибо зима уже кончалась, и с наступлением весны выступил против Александра...

«Fragmenta Historicorum Graecorum»,
ed. C. Müller, v. V. Parisiis, 1870, p. 129—130,
157—161.

ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНИЯ, МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Источники по истории Венгерского королевства и румынских земель разнообразны по своему характеру.

В раздел, посвященный Венгрии и Трансильвании, включено шесть документов, которые характеризуют основные события этого периода. В законе Иштвана (Стефана) Святого (док. № 1) сохранились свидетельства о наличии в венгерском обществе XI в. свободных общинников и рабов (сервов); в нем отражены также усилия феодального государства упрочить позиции католической церкви. В «Золотой Булле» (док. № 2) нашли яркое отражение стремления различных классовых сил (крестьян, мелких феодалов и даже части магнатов), принимавших участие в сложном социальном движении, предшествовавшем изданию этого акта.

События, связанные с татаро-монгольским нашествием на Венгрию и Трансильванию, описаны Рогерием в его «Печальной песне» (док. № 3). К моменту нападения татаро-монголов автор был архидиаконом в г. Орадя (Варад) в Трансильвании. Около года он провел в татарском плену. Сочинение закончено было им в первой половине 1244 г. Оно написано в форме посланий, обращенных к кардиналу Якобу Пекорарию. Большой интерес представляет док. № 4 — отрывки из хроники венгерского летописца Яноша Туроци (ок. 1435 — ок. 1490), в которых описаны крестьянское восстание 1437—1438 гг. и выступления горожан Буды в 1439 г. Хронист указывает территорию распространения восстания 1437—1438 гг., определяет его как крестьянскую войну, называет руководителей движения крестьянскими королями. Говоря о выступлении горожан Буды, Туроци отмечает антинемецкую направленность движения. Его свидетельства заслуживают доверия: будучи королевским протонотарием[1],

---

[1] Протонотарий — начальник королевской канцелярии.

Янош Туроци мог использовать не сохранившиеся до нашего времени памятники, а также устные рассказы очевидцев. О восстании 1437—1438 гг. свидетельствует и док. № 5 — договор восставших крестьян с феодалами. Следует иметь в виду, что по своему характеру и происхождению договор не запись крестьянских требований, а всего лишь фиксация компромисса между крестьянами и феодалами. Этот памятник содержит также сведения о характере феодальной ренты и правовом положении трансильванского крестьянства в первой половине XV в., о причинах восстания и его поводах, ходе борьбы, о совместных действиях венгерских и румынских крестьян против феодалов, о военной организации восставших, их руководителях и о территории, охваченной восстанием. О распространении гуситства в Венгрии и Трансильвании в 30-е годы XV в. свидетельствует послание инквизитора францисканца Якоба из Маркии (док. № 6) с изложением требований гуситов из Венгрии и Трансильвании, характеризующих их отношение к католической церкви и феодальному строю в целом, к церковным феодалам, к папе, к отдельным обрядам католической церкви. В источнике говорится о необходимости установления равенства в отношениях между различными классами.

Материалы по истории Валахии и Молдавии представлены главным образом грамотами валашских и молдавских господарей конца XIV и XV в. Эти грамоты закрепляли земельные пожалования феодалам (док. № 8, 9, 11 и 12), а также привилегии польско-литовским (док. № 7) и русским купцам (док. № 10). Они дают представление о формировании феодальных отношений, видах феодальной собственности, о развитии ремесла и торговли. Статьи венгерских гуситов, переселившихся в Молдавию от преследования инквизиции (док. № 13), свидетельствуют о широком распространении гуситства в Юго-Восточной Европе.

Составители и переводчики: В. П. Шушарин — док. № 1—6, 13; Л. Е. Семенова — док. № 7—12.

I. ВЕНГРИЯ И ТРАНСИЛЬВАНИЯ В XI—XV вв.

1. Из закона короля Иштвана (Стефана) I Святого (1000—1038)

Глава 8. Пусть священники и ишпаны[1] поручат всем деревенским старостам, чтобы по их приказанию в воскресный день все люди собирались бы в церкви, большие и малые, мужчины и женщины, за исключением стерегущих очаг.

---

[1] Ишпан комитата — глава королевской администрации округа.

Если кто-либо, упорствуя, останется дома, тот пусть будет избит и лишен волос.

Глава 13. Если кто-либо убьет кого-нибудь случайно, то должен заплатить 12 золотых и поститься согласно церковным канонам. Если же свободный убьет чьего-либо раба, пусть отдаст другого раба или заплатит его цену и будет поститься согласно церковным канонам.

Глава 17. Если кто-либо, руководимый милосердием, освободит собственных рабов и рабынь, засвидетельствовав это, то после его смерти никто пусть не осмелится из ненависти обратить их в рабство. Если же кто-либо обещал свободу, но умер, не оставив завещания, то жена и сыновья такого человека должны иметь возможность удостоверить освобождение и даровать милость во спасение души своего супруга по своему усмотрению.

Глава 18. Если какие-нибудь люди, придя в церковь, во время богослужения болтают друг с другом и мешают остальным, рассказывая пустые сказки и не обращая внимания на церковное чтение; если это знатные (majores), то им следует сделать порицание и с позором изгнать их из церкви. Если это не знатные, из простонародья (minores et vulgares), то следует их связать и избить бичами в притворе церкви за такое безрассудство.

Глава 20. Так как достойно бога и лучше всего для людей, когда каждый живет, пользуясь свободой, то согласно королевскому закону установлено, чтобы никто из ишпанов или воинов (рыцарей) не осмеливался отныне какого-либо свободного человека обращать в рабство. Если же кто-либо осмелится это сделать, движимый жаждой возвыситься, то пусть знает, что он заплатит полный выкуп, который, как и в других случаях это делается, должен быть разделен между королем и ишпаном.

Но если кто-либо, до сих пор находившийся в рабстве, защищая свою свободу, добивается законного решения, пусть пользуется свободой, а тот, который держал его в рабстве, не должен платить выкупа.

Глава 21. Мы хотим, чтобы сеньор, или господин, имел бы своего воина, т. е. сервиента. И чтобы никто другой не смел убеждать воина оставить прежнего господина и перейти к нему. Ибо в этом кроется начало беспорядка.

Глава 23. Если чей-нибудь воин или раб убежит к другому, а тот, чей воин или раб убежал, пошлет своего посла для возвращения бежавшего и этот посол будет ранен или избит там же кем-либо, то постановили в совете наших знатных (nostrorum primatum), чтобы виновник заплатил десятью бычками.

Глава 27. ...Так как это постановлено в королевском совете, то в случае если какой-либо свободный человек вступит в брак с рабыней другого и господин узнает об этом, то этот свободный потеряет свою свободу и станет навечно рабом.

Глава 34. Каждые десять деревень должны построить одну церковь и предоставить ей два надела с двумя рабами, а также лошадь для верховой езды и лошадь для пахоты, 6 волов и 2 коровы и 34 головы рогатого скота.

Глава 36. Если чей-либо раб убьет раба другого владельца, то господин убийцы должен уплатить половину цены раба господину убитого, если он может это сделать. Если же не может, то после сорокадневного поста он должен продать своего раба и разделить его стоимость.

Глава 37. Господин, если он захочет это сделать, должен выкупить своего раба, убившего свободного человека, отдав 110 бычков; если же не захочет, он должен выдать своего раба.

Глава 39. Если какой-либо раб впервые совершил кражу, то украденное следует возвратить и выкупить нос пятью бычками, если можно это сделать. Если нельзя, то нос должен быть отрублен.

Глава 41. Если кто-либо из свободных совершил кражу, то постановили руководствоваться следующим законом: если впервые, то пусть выкупит себя, если может, если же не может, то пусть будет обращен в рабство. Если этот обращенный в рабство совершит кражу, то пусть на него распространится действие закона, под который подпадают рабы. Если вторично украдет, то подпадает под действие того же закона. Если же в третий раз, то пусть будет осужден к лишению жизни.

Глава 52. Кому бог дает десять в год, тот должен отдать богу одну десятую часть. А если кто утаит свою десятину, тот пусть уплатит девять частей. И если кто украдет десятину, выделенную для епископа, пусть будет осужден за воровство, а весь выкуп за него пусть возьмет епископ.

L. Zàvodszky, A Szent István, Szent Lászlo és Kálmán korabeli törvények és zsinati határozatok forrásai, Budapest, 1904, old.

2. «Золотая Булла» короля Эндре (Андрея) II (1222 г.)

Статья 1. Постановили, что ежегодно мы должны в [городе] Фехерваре отмечать праздник св. короля [Иштвана I], если этому не помешает нам какое-либо чрезвычайное трудное дело или болезнь. И если мы не сможем там быть, то,

без сомнения, там вместо нас будет палатин[1] и от нашего лица выслушает дела. И все сервиенты[2] смогут, если захотят, свободно там собраться.

Статья 2. Хотим также, чтобы ни мы, ни наши потомки в любое время не могли бы схватить или разорить никого из сервиентов в пользу какого-либо магната (alicujus potentis), это можно делать лишь после вызова в суд и обвинения в законном порядке.

Статья 3. Далее, имения сервиентов не должны облагаться ни коллектой[3], ни налогом под именем «денарии со свободных». Мы не будем останавливаться ни в домах, ни в деревнях, если нас туда не позовут. Кроме того, население церковных владений не должно облагаться коллектой.

Статья 4. Если сервиент умрет, не оставив после себя сына, то четвертой частью его имения пусть владеет его дочь. Остальным он может распорядиться по своему усмотрению. Если же он умрет, не сделав завещания, то имение получают ближайшие родственники. Если у него совсем нет родственников, то имение переходит к королю.

Статья. 5. Ишпаны комитатов пусть не выносят решения относительно имений сервиентов, если дело не относится к взысканию денег или десятины. Ишпаны комитатских замков пусть вообще никого не судят, кроме людей, принадлежащих их замку. Воров и разбойников пусть судят королевские ишпаны деревень, но в суде ишпана комитата.

Статья 6. Далее, люди, тайно сговорившиеся в одном [деле], не могут быть названы ворами.

Статья 7. Если король захочет вести войско в заграничный поход, то сервиенты не обязаны идти с ним, если король им не заплатит за это. И после возвращения король не может наложить на них военный штраф. Если же на королевство нападет вражеское войско, то все они обязаны выступить. Далее, если мы захотим совершить заграничный поход и выступим с войском, то все ишпаны обязаны идти с нами за наш счет.

Статья 8. Наместник может судить всех людей нашего королевства без различия. Но он не может решать дела благородных (nobilium), касающиеся потери ими жизни или утраты их имений, не поставив об этом в известность короля. Судьи же пусть не держат заместителей, кроме одного при своем дворе.

---

[1] Палатин — наместник короля.

[2] Имеются в виду так называемые королевские слуги — мелкие и средние феодалы, основа будущего дворянства.

[3] Коллекта — собирательное имя для различных налогов в пользу короля.

Статья 9. Наш государственный судья, пока он находится при дворе, может судить всех и решать, где угодно, дела, поступившие к нам. Но если он находится в своем имении, он не может давать пристава и вызывать стороны.

Статья 10. Если какой-либо магнат, занимающий высокий пост (jobagio habens honorem), погибнет в войске [военном походе], то его сыну или брату следует даровать соответствующую должность. Если подобным образом погибнет сервиент, то его сын будет пожалован так, как будет угодно королю.

Статья 11. Если в королевство придут госпиты (гости), т. е. люди с добрыми намерениями, то они не должны занимать высокое положение без согласия страны.

Статья 12. Жены умерших или приговоренных к смерти, или павших в судебном поединке, или по какой-либо другой причине не могут быть лишены их приданого.

Статья 13. Магнаты, сопровождающие двор или следующие куда-либо, не должны угнетать и разорять бедняков (pauperes).

Статья 14. Далее, если какой-либо ишпан комитата будет вести себя недостойно своего сана или разорит людей своего замка, то, будучи уличен в этом, он должен быть перед лицом всей страны с позором лишен своего сана и он обязан возвратить взятое.

Статья 15. Конюшие, надсмотрщики за собаками и сокольничие пусть не осмеливаются останавливаться на постой в деревнях сервиентов.

Статья 16. Мы не будем даровать навечно целые комитаты или какие-либо должности в качестве имений или владений.

Статья 17. Если кто-либо достойной службой заслужил имение, то он никогда не может лишиться его.

Статья 18. Далее, сервиенты, получив разрешение от нас, могут свободно переходить к нашему сыну, как от старшего к младшему, и за это они не могут лишаться своих имений. Любого, кто осужден по справедливому решению нашего сына, или судебное дело, начатое им, мы не примем, прежде чем оно не будет им же завершено. И сын наш не будет поступать противоположным образом.

Статья 19. Иобагионы замков[1] должны жить согласно свободам, установленным св. королем Иштваном (Стефаном). Подобно этому и госпиты любой национальности должны жить согласно свободам, дарованным с самого начала им же.

---

[1] Иобагионы замков — мелкие и средние феодалы, занимавшие административные должности в королевских замках и имениях при них.

Статья 20 Десятины не должны взиматься серебром [деньгами], их следует платить тем, что родит земля, — вином или зерном. И если епископы будут возражать против этого, мы не поддержим их.

Статья 21. Епископы пусть не возят на наших лошадях десятину, собранную в имениях сервиентов, а их [сервиентов] люди свою десятину не должны возить в имения короля.

Статья 22. Далее, наши свиньи пусть не пасутся в лесах и лугах сервиентов, если последние этого не хотят.

Статья 23. Далее, новая наша монета пусть обращается целый год, от пасхи до пасхи. И денарии пусть будут такими, как во времена короля Белы.

Статья 24. Управляющие монетным двором, соляной палатой и сборщики пошлин должны быть из благородных (nobiles) нашего королевства. Мусульмане и евреи не могут быть ими.

Статья 25. Далее, соль не следует держать в нашем королевстве, кроме Салача и Сегеда, а также пограничных областей.

Статья 26. Далее, имения нельзя даровать людям, находящимся вне королевства. Если какое-либо имение пожаловано или продано, жители могут выкупиться.

Статья 27. Мартурина[1] должна платиться согласно обычаю, установленному королем Кальманом.

Статья 28. Если кто-либо осужден в законном порядке, то никакой магнат не может его защитить.

Статья 29. Ишпан комитата пользуется лишь правами своего сана. Всем остальным, относящимся к прерогативам короля, а именно налогом с бочек (cibriones), пошлинами, налогом быками и двумя частями доходов с замков владеет король.

Статья 30. Далее, никто не должен занимать две должности, кроме четырех магнатов: наместника, бана[2], государственного судьи короля и государственного судьи королевы.

Статья 31. ...Наместник, всегда имея перед глазами эту грамоту, пусть сам не уклоняется от высказанного, а также не позволяет делать этого ни королю, ни благородным, ни другим, чтобы они сами радовались своим свободам и благодаря этому оставались бы всегда верны нам и нашим наследникам и не отказывались бы от должного послушания королевской короне.

Если же мы или кто-либо из наших потомков когда-либо захочет выступить против этого нашего установления, то

[1] Мартурина, или куновина, — государственный налог с населения Хорватии и Славонии, находившихся в то время под властью венгерских королей.

[2] Бан — правитель Хорватии и Славонии.

пусть епископы, а также другие магнаты и благородные люди королевства все вместе и каждый в отдельности, настоящие, будущие и последующие, в силу этой грамоты будут иметь полное право оказать сопротивление и противоречить нам и нашим наследникам.

Дано... в году 1222, в 17-й год нашего правления.

«Corpus Juris Hungarici. Magyar Törvénytár. 1000—1526 évi törvénycikkek», Budapest, 1899, p. 130—145.

3. Рогерий о татарском нашествии на Венгрию и Трансильванию (1241—1242 гг.)

...Татары.., полностью опустошив Русь и Куманию, отступив, отошли от границ Венгрии на 4 или 5 дневных переходов, с тем чтобы при возвращении в эти места найти здесь продовольствие для лошадей и для себя и чтобы до венгров не дошли тревожные слухи. Когда же они истребили продовольствие в этих королевствах [Руси и Кумании] и решили занять Венгрию, великий господин Бату, оставив все их семьи, лишь с немногими воинами прямым путем приблизился к Русским воротам [1], находившимся ближе к месту, где король [Бела IV] собирал войско; разбив войско наместника, Бату овладел этими воротами и вошел в них. Король Пейдар [Бейдар] [2], двигаясь через Польшу, убил одного из польских герцогов, разрушил прекраснейший г. Вроцлав (Wratislavia) и произвел огромное разорение, поспешил, проявляя такую же жестокость, к Венгерским воротам [3] через землю герцога Моравии, который не смог получить помощи от других герцогов. Король Кадан, пройдя в течение трех дней лесами между Русью и Куманией, достиг богатой Родны, королевской деревни, расположенной среди огромных гор и населенной немцами-рудокопами, добывавшими серебро. Здесь проживало бесчисленное множество народа... Богутай же, перейдя вместе с другими королями реку, называемую Серет, достиг земли епископа кунов [половцев]; одолев людей, собравшихся для битвы, татары начали полностью занимать эту землю...

Главный господин Бату, после того как он перешел ворота, начал сжигать деревни, и меч его не щадил ни пола, ни возраста...

Король Кадан, как уже было сказано, взяв Родну и захватив графа Аристальда, выбрал для себя 600 вооруженных немцев, более искусных, нежели другие воины; эти немцы

---

[1] Верецкий перевел в Карпатах, ныне в Закарпатской области УССР.

[2] Хан Пейдар — внук Чингис-хана, сын Чагатая, один из татаро-монгольских военачальников.

[3] Яблунковский перевал в Карпатах.

находились под командованием указанного графа. Пройдя во главе с ними через леса и рощи, ущелья и стремнины, татары неожиданно приблизились к городу Орадя (Вараду). А так как этот город был очень хорошо известен в Венгрии, то сюда собрались отовсюду и господа, как мужчины, так и женщины, и бесчисленное множество простого народа. И хотя епископ с некоторыми канониками ушел отсюда, я все-таки был там с оставшимися. Поскольку крепость с одной стороны была разрушена, то мы в этом месте возвели высокую стену, чтобы, если не сможем защитить город, найти убежище в крепости. И когда в один из дней татары неожиданно появились и пребывание в городе стало небезопасным, я не захотел войти в крепость, но бежал в лес, где и скрывался долго, насколько мог. Татары же, быстро овладев городом и спалив большую его часть, в конце концов ничего не оставили вне стен крепости и, захватив добычу, убивали молодых и старых мужчин и женщин на площадях, в домах и в полях. Короче говоря, не пощадили ни пола, ни возраста. Совершив все это, татары неожиданно отошли, забрав с собой всю добычу...

«Scriptores Rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadinae gestarum», ed. E. Szentpétery, v. 2, Budapest, 1938, p. 543—588.

4. Янош Туроци о крестьянском восстании 1437—1438 гг.[1] и о выступлении горожан Буды в 1439 г.

Глава 22. О крестьянских королях, поднявшихся в стране.

Перед этими годами в Венгерском королевстве не в одно и то же время бушевали две крестьянские войны. Ими руководили некие крестьяне Антоний и Мартин. Антоний в трансильванских областях королевства, а Мартин в земле Ньиршег и в Самошкёзе[2] собрали огромные толпы крестьян, приняли королевское имя и развернули знамена. С огромной силой [толпы крестьян] разлились как наводнение, желая подчинить себе королевство; они шли во все стороны и убивали всех выступавших против них дворян: в деревни и местечки они посылали своих послов с окровавленным мечом, чтобы те присоединялись к ним. Грозили убить и ограбить тех, кто к ним не присоединится. Сила крестьян так выросла, что

---

[1] Восстание венгерских и румынских крестьян в 1437—1438 гг. было тесно связано с гуситским революционным движением, оказавшим большое влияние на подъем антифеодальной борьбы в венгерских и румынских землях. Ныне народы Венгерской Народной Республики и Румынской Народной Республики с гордостью включают события 1437—1438 гг. в сокровищницу своих революционных традиций.

[2] Области в Северо-Восточной Венгрии.

войска не осмеливались выступить против них. Наконец знатные, предприняв многие военные действия, победили их и подвергли заслуженным карам. Королей казнили, у остальных же, кто не смог убежать, выкололи глаза, отрезали носы, губы, руки.

Глава 25. О коронации короля Альбрехта и о разграблении, случившемся в городе Буде.

Император Сигизмунд оставил единственной наследницей королевства свою дочь по имени Елизавета, которая была рождена его второй женой, королевой Барбарой, дочерью некоего благородного графа Германа Циллийского. Император еще при жизни по христианскому обычаю отдал дочь в супруги австрийскому герцогу Альбрехту с тем условием, чтобы зять и дочь вместе унаследовали трон. И так как это распоряжение очень нравилось и венгерскому народу, то сразу после похорон императора ввели герцога Альбрехта и в первый день следующего, 1438 года, в праздник обрезания господня, по образу и подобию первого венгерского короля с пышностью благополучно короновали.

В первый год пребывания этого короля у власти [1] в городе Буде возник огромный мятеж. В городе проживали два народа — венгры и немцы. Немцы, возгордившись тем, что князь был их национальности, задумали совершенно подчинить венгров своей власти и уничтожить существовавший здесь с давних пор обычай, по которому городским судьей избирались поочередно на один год венгр, а на другой — немец. Теперь, так как им представился удобный случай, они стали оскорблять венгров и нападать на них. А венгры с давних пор имели обыкновение медленно подниматься на месть. Однако, если восстают наконец, чтобы получить удовлетворение за оскорбления, то их поздняя месть бывает сильна как вихрь. Они делали вид, будто глубоко спят, ожидая, пока проявится опрометчивая дерзость немцев. Тогда в городе жил один венгр по имени Янош Этвеш [2], человек выдающийся и не последний среди горожан. Он один с трудом терпел бесчестье венгерских жителей, словом и делом защищая честь венгерских горожан, как только мог. Немцы постоянно косились на него; воспользовавшись случаем, они тайно схватили и в одном из своих домов подвергли его различным мучениям. Наконец, после того как от слишком сильных пыток он умер, они, привязав ему на шею тяжелый камень, утопили его в Дунае. Восемь дней оставалось неслыханное преступление нераскрытым, пока его труп, освобожденный от тяжести камня, не был прибит к берегу. Тело на-

---

[1] Описанное событие произошло в действительности в мае 1439 г.
[2] Этвеш — по-венгерски ювелир.

шли и увидели следы пыток, давшие свидетельства об убийцах.

Много дворян было в это время в королевском дворце. Венгры, увидя это неслыханное преступление, единодушно подняли огромный шум, со страшной яростью бросились в город для мести. Не найдя убийц, они ворвались в их дворцы, разбив окованные железом ворота, и жадно расхитили богатства немцев.

Находился в это время в городе один брат францисканец по имени Якоб[1]; он был благочестив, очень набожен, по национальности итальянец. Проповеди его постоянно слушали венгры. Он был встревожен сильным шумом, а когда узнал, в чем дело, то схватил распятие и босиком бросился в гущу венгров, указывая на изображение Христа. Умоляющим голосом он просил их, чтобы они прекратили начатое ими дело ради того, кто принял смерть на кресте. От этого шум еще более усилился, и венгры стали говорить: «И бог с нами!»

Они только грабили и не внимали его просьбам. Брат понял, что он ничего не добился, а лишь поддержал волнение, и возвратился в монастырь Иоанна Евангелиста, откуда он и пришел.

Так отомстили венгры немцам за их преступление. Лишь тогда они прекратили грабеж, когда у них [немцев] не осталось никакого имущества.

«Scriptores Rerum Hungaricarum veteres ac genuini», ed. I. G. Schwandtner, t. I, Vindobonae, 1746, p. 235—238.

5. Соглашение восставших крестьян с господами от 6 июля 1437 г.

Конвент монастыря блаженной девы Марии в Клуж-Мэнэштуре[2] во имя спасителя приветствует всех верных христианству настоящих и будущих читателей.

Мы хотим довести до сведения всех по порядку о том, что, с одной стороны, избранные общиной дворян благородные мужи.., с другой же стороны, предусмотрительные мужи Ладислав Биро, староста Винцентий и Ладислав Бана, крестьяне господина Ладислава, сына Иоанна, бана из Марота, проживающие в Альпарете, а также Антоний, крестьянин господина Деже из Лошонца, проживающий в Венгерском Богаше, уполномоченные для составления нижеследующего

---

[1] Речь идет об инквизиторе Якобе из Маркии, принимавшем в то время участие в борьбе против еретиков в Венгрии и Трансильвании.

[2] В настоящее время — в черте города Клужа (Коложвара).

[соглашения] от венгров капитанами и военачальниками Антонием Большим, пребывающим в Диоше, Михаилом Большим и Галлом, находящимся в Кенде, Фомой Большим, расположившимся в Секе, Иоанном, сыном магистра Якоба, находящимся в Клуже, а также Ладиславом, сыном Галла, пребывающим в Анщуше, и Павлом Большим из Вайдахазы, командующим войском общины венгров и румын этой части Трансильвании, как и всей этой общиной, — в нашем присутствии, явившись лично, единогласно объявили и признали от имени упомянутой общины венгров и румын, в чьих бы имениях этой части Трансильвании они ни проживали.

Так как почитаемый во Христе отец, господин трансильванский епископ Дьердь Лепеш не захотел взыскать с общины венгров уплачиваемую ему десятину находящимися в обращении монетами — дешевыми денариями, то почти за три года накопился долг; в последнее время он захотел взыскать его большими и полновесными монетами, несправедливо обременив их (венгров). Вследствие неуплаты этой десятины он наложил на них церковный интердикт. Находясь под этим интердиктом, они хоронили родителей, т. е. отцов и матерей, а также братьев и сестер, сыновей и дочерей, как и других родственников, умерших без причастия и других таинств церкви, в поле, вне церкви и кладбища с печальным сердцем и горькими рыданиями. Кроме того, они выдают сестер и дочерей замуж вопреки установлениям и обычаям святой римской и универсальной церкви без его благословения.

Далее, господа [землевладельцы] низвели их до положения рабов, которых можно продавать. Когда из какого-либо имения хотят перейти на другое место, то им не разрешают это сделать даже в том случае, если они будут лишены всего их имущества.

И вот, будучи лишены всех прав на свободу, полностью угнетены и отягощены невыносимыми повинностями, они собрались вместе на горе Бобылна (Бабольна), принадлежащей к указанному имению Альпарет, и спокойно держали совет ради возвращения прежних свобод, дарованных святыми королями всем жителям королевства Венгрии, ради того, чтобы сбросить невыносимую тяжесть повинностей. Спокойно обсудив дела и направив послов к своим господам, они смиренно и с верностью просили, чтобы те сохраняли упомянутые свободы, данные святыми королями, и сняли бы с их шеи невыносимое ярмо рабства.

Когда же они стали излагать эти просьбы, господа не выслушали их. Послы не были отпущены назад, а по приказу трансильванского воеводы пресветлого Ласло Чаки были задержаны, лишены членов и убиты. Затем отряды гос-

подина воеводы и пресветлого графа секеев[1] выступили против них. В начавшейся войне с обеих сторон пали многие. Наконец по милости всемогущего бога, по внушению св. духа сердце некоторых богобоязненных дворян и жителей смягчилось, они вмешались, установили мир, успокоили борющихся, и те достигли соглашения об установлении мира и соглашения, согласно которому обе стороны прекращают убийства, разного рода кровопролития, резню и увечья. Они единодушно и по своей воле установили порядок, который должен быть соблюдаем под страхом отлучения от церкви.

При этом они прежде всего подчеркивают, что подписанием этих соглашений они не намерены нанести ущерб богу и его справедливости, матери св. церкви, св. короне, а также его величеству — их законному г-ну Сигизмунду, милостью божией римскому императору, королю Венгрии, Чехии, Далмации, Хорватии и т. д., но, сохраняя всю верность ему, они стремятся лишь восстановить свободы, дарованные им в прошлом святыми королями и совершенно уничтоженные и отнятые в настоящее время посредством разного рода злоупотреблений. Сами жители не хотят восставать против господ данного королевства, т. е. против дворян и духовных лиц любого сана, и не будут пытаться выступить против них и вредить им и в будущем.

Так как возникли различные противоречия, ссоры, столкновения и опасности из-за изменения ценности находящегося в настоящее время в обращении денария, которым уплачивается епископская десятина, то с целью избежать таких опасностей в будущем постановили и предписали, чтобы в будущем епископская десятина уплачивалась с каждых 20 скирд в размере одного флорина золотом или денариями, находящимися в данное время в обращении и равноценными золотому флорину. Во время сбора епископской десятины сборщик десятины не может требовать ее с фамилиариев[2] и слуг дворян.

Девятину же с плодов или с каких-либо злаков, или с вина пусть не осмеливается собирать никто из магнатов, дворян, духовных лиц и каких-либо людей ни с собственных крестьян, ни с чужих земледельцев или виноградарей. Те же, кто держат землю или виноградник чужих господ или признаются пахарями, должны вносить и с виноградников, и с пахотных земель обычную плату.

---

[1] Секеи — венгры, проживавшие в Восточной Трансильвании. Пользовались некоторыми привилегиями, за которые несли военную службу венгерским королям.

[2] Фамилиарии, или фамилиаристы, — мелкие феодалы, вассалы магнатов.

Так как ясно, что все жестокие мучения и угнетения жителей королевства происходят оттого, что тем, которые хотят переселиться для жительства в другое место, не разрешают этого делать, даже если перед этим и ограбят их, то постановили, что люди свободного состояния все вместе и каждый в отдельности могут свободно и безопасно переселяться туда, куда они пожелают, внеся перед этим справедливую поземельную плату и заплатив долги. А если кто-либо из дворян захочет ложно обвинить желающих уйти в другое место крепостных и нанести ущерб их имуществу, тогда пусть ишпан комитата принудит его [дворянина] под угрозой штрафа в три марки отказаться от этого. Те же, которые задерживаются из-за незначительного нарушения закона или из-за уплаты земельной пошлины, могут уйти лишь после своего оправдания. Тех крестьян, которые ушли тайно, без уплаты земельной пошлины или остались в долгу перед законом и справедливостью, их господин согласно обычаю королевства может требовать назад, обратившись к дворянскому судье и доказав своей клятвой и клятвой двух других соприсяжников тайный уход крестьянина и его долг перед законом.

Далее постановили, что если умрет бездетный, оставив жену, то господин не может взять себе ничего, кроме одной головы крупного рогатого скота в возрасте трех лет, а все имущество умершего переходит жене и родственникам, если они имеются. Те же, у кого нет ни детей, ни жены, ни родственников, передают свое имущество по завещанию, кому захотят, и это завещание господин не может изменить. Однако имуществом тех, у кого нет ни жены, ни детей, ни родственников и кто умер без завещания, владеет помещик.

Постановили и с твердостью подтвердили навечно, что в будущие времена ежегодно перед праздником вознесения изо всех деревень, имений, местечек по два мудрых и облеченных доверием старца будут собираться на упомянутой горе Бобылне вместе с указанными военачальниками или с некоторыми из них или другими, выбранными на это время. Там военачальники или один из них будут спрашивать у этих старцев, кто из их господ соблюдает их свободы, а кто — нет. И если окажется, что кто-либо из дворян нарушает вышеприведенные постановления, а также следующие за ними статьи полностью или в какой-то их части и действует против этих постановлений, то пусть он рассматривается как клятвопреступник, а остальные дворяне не должны защищать его.

Далее постановили относительно внесения денежной платы, оброка натурой и исполнения отработок... Если у его императорского величества они не могли бы добиться грамот

короля Иштвана (Стефана) Святого или документов, в которых содержатся его свободы и постановления, то тогда годовая денежная плата, оброк натурой и отработки должны быть следующими:

Каждый крестьянин должен вносить в день св. Мартина по 10 денариев, находящихся в обращении, в качестве годовой денежной платы, и не более. Тем господам-земледельцам, которые имеют мельницу или мельницы, следует приносить в качестве обычного дара (приношения, типеча) на рождество один кебель[1] (cubulum) овса и два рулета (tortae), на пасху — также два рулета, в престольный праздник — также два рулета и одного цыпленка. Тем же господам, у которых нет мельницы, крестьяне должны давать на рождество один кебель овса и также два рулета, а во все остальные упомянутые праздники — то, что указано выше. В качестве отработок должны один день убирать урожай или косить, а также согласно обычаю поддерживать в должном состоянии плотины мельниц и изгороди.

Далее, никто не должен давать десятину или какую-либо другую плату со свиней и пчел, как это делается до сих пор в некоторых имениях, а именно при замках, где ее собирают с венгров и румын. Никто не должен также платить господам-землевладельцам взнос, называемый по-простонародному «ако»[2].

Далее, в округах, подчиненных королевским соляным палатам, крестьяне, проживающие там, всегда обязаны верно исполнять справедливые и обычные отработки. Но глава палаты пусть не осмеливается насильно принуждать их к перевозке ни соли, ни других грузов.

Далее, глава такой палаты может продавать вино в помещении палаты, но не в других домах и местах, а во время продажи собственного вина он не может запретить другим, которые продают вино, делать это.

Решили и постановили далее, что если в грамотах короля Иштвана (Стефана) Святого или в документах не содержатся постановления и записи обычая, по которым жители должны оставаться под властью господ, то сами жители должны выбрать из своей среды людей, облеченных доверием, набожных и проницательных, и пусть они соберутся вместе с выбранными из среды дворян для этой цели достойными дворянами, спокойно обсудят и вынесут решение, согласно каким обычаям они сами и их преемники смогут остаться в мире и спокойствии на вечные времена.

---

[1] Кебель — мера сыпучих тел, величина которой колебалась.

[2] Этим словом обозначался один из видов ренты натурой.

Далее решили, постановили и приняли к непременному исполнению, что если возникнет необходимость какого-либо военного похода, то упомянутые господа — епископ, воеводы и ишпаны секеев, а также жители или люди любого состояния, обязанные нести военную службу, приобретают продовольствие таким образом: пусть они останавливаются летом в поле, зимой — в деревнях или городах, и военачальник, или капитан, пусть призывает к себе из расположенных вокруг имений сельских старост или главу городского совета и заставляет их клясться в том, что они не допустят, чтобы кто-либо осмелился продавать продовольствие по цене, выше рыночной, а военные пусть закупают продовольствие по установленной справедливой цене, не отбирают насильно и не берут по цене, ниже установленной, как это делают до сих пор, жители же пусть не отказывают войскам в продовольствии и в изобилии снабжают им в таком количестве, какое ими может быть найдено.

Пожелали и постановили также, чтобы те бароны, которые согласно королевскому приказу и распоряжению его королевского величества обязаны держать бандерии[1] в постоянной готовности для защиты страны, а также содержать воинов для набегов на врага и лазутчиков, пусть в будущем держат их, чтобы не призывать жителей напрасно к оружию и не беспокоить королевство и жителей пустыми, необоснованными известиями о приближении врага.

Постановили далее и приняли к исполнению, что если где-либо какой-либо дворянин в отместку за упомянутые прошлые действия или от возмущения осмелится совершить убийство или пролить кровь и нанести побои своим крестьянам, о которых шла речь выше, или крестьянам других владельцев и это будет доказано по крайней мере двумя или тремя верными свидетелями законным образом, то пусть такой дворянин рассматривается как клятвопреступник и вероломный человек, а дворяне королевства пусть остерегутся защищать этого дворянина. С другой стороны, если какие-либо крестьяне этих дворян, поднявшись против своих господ или против других дворян, осмелятся совершить действия этого рода или восстанут против этих дворян и это будет доказано подобным образом двумя или тремя свидетелями, то пусть они будут наказаны за эти поступки смертным приговором и лишением всего имущества.

Твердо решили также, что из общины дворян никто и никогда пусть не смеет ни по каким бы то ни было причинам, ни под каким бы то ни было предлогом препятствовать, мешать, беспокоить, наносить ущерб вышеупомянутым воена-

[1] Бандерии — военные отряды крупных феодалов.

чальникам (капитанам), выбранным мужам или кому-либо из их общины или делать им что-либо во вред. А господа воеводы и секейские ишпаны или господин епископ, а также вице-воевода Лоранд, или начальники замков, или люди любых чинов, сословий и достоинств после этого пусть не пытаются с раздраженной душой восставать против упомянутых военачальников, их общины или кого-либо из них и вредить им. В противном случае первые будут рассматриваться как клятвопреступники. Община же дворян или кто-либо из них пусть не осмеливается выступать на стороне этих господ воевод, секейских ишпанов, господина епископа, вице-воеводы Лоранда или кого-либо другого, а также оказывать им помощь. В противном случае они будут рассматриваться как клятвопреступники.

Решили также, чтобы епископская десятина, не уплаченная за несколько лет, была бы выплачена пятью денариями, находящимися ныне в обращении, т. е. по 100 денариев с каждых 20 скирд.

Однако королевская пятидесятина пусть будет выплачена, как она платилась ранее, и не следует ожидать королевского указания об уменьшении этого взноса.

Кроме того, твердо постановили и приняли к исполнению, что если послы дворян и жителей смогут получить и принести от его королевского величества грамоты св. короля Иштвана (Стефана) или документы, содержащие их, скрепленные печатью королевского величества или господина наместника, или графа королевского двора, или какого-либо капитула, то тогда вышеизложенные постановления и распоряжения будут недействительны. Они должны будут вечно оставаться при тех свободах, которые даровал святой король.

Если же не смогут найти грамоты с записью свобод, дарованных св. королем Иштваном (Стефаном), или документы, содержащие их, то в этом случае вышеприведенные постановления и распоряжения, а также те, которые согласно им будут приняты, на вечные времена полностью и неизменно действительны. Это постановление скрепляется таким обязательством: если какая-либо из сторон, будь то община дворян или община жителей, или же какое-нибудь одно лицо из этих общин осмелится выступить или против всего вышеизложенного, или против какой-нибудь статьи или статей или каким-либо образом осмелится отказаться от своих обязательств, то в этом случае другая сторона, отстаивающая вышеизложенное, пусть рассматривает это выступление как вероломство, а жители пусть остерегутся и воздержатся от защиты отступников.

Все вышеизложенное в целом и в подробностях подтвердили лично и в нашем присутствии по уполномочию общины

дворян... а по уполномочию капитанов, т. е. военачальников, и знаменосцев и их общины — упомянутые Ладислав Биро, староста Винцентий, Ладислав Бана и Антоний.

В память об этом деле и для увековечения его мы издали настоящую нашу грамоту и прикрепили к ней наши печати.

Совершено в первую субботу дня явления блаженной девы Марии [6 июня] в год 1437.

L. Demény. Textele celor doua înțelegeri, încheiate în 1437 intre rasculati si nobili, dupa documentele originale. «Studii. Revista de istoric», an. 13, № 1. București, 1960, p. 98—104.

6. Статьи венгерских и трансильванских гуситов

Это статьи, которые я нашел и уничтожил с помощью бога в королевстве венгров, секеев и трансильванцев.

1. Все должны причащаться под обоими видами.

2. Во время богослужения достаточно чтения одного послания и евангелия и службу можно совершать беспрепятственно, без денег, ночью и днем, в домах и лесах, в любом месте. И мужчины и женщины могут петь при богослужении псалмы.

4. Можно освящать [хлеб и вино] в деревянных сосудах, из которых люди едят и пьют.

6. Упоминание всех святых нужно выбросить из службы.

7. Дева Мария с остальными святыми не могут нам помочь, а только один сам бог.

9. Никому не следует поститься ни в дни святых, ни в великий пост, ибо бог не велел этого делать.

10. Нельзя убить ни одного злодея, ибо вы слышали, что было сказано древним: не убий.

11. Нужно праздновать лишь один праздник — воскресенье, ибо остальные праздники придуманы людьми.

12. Не следует почитать лики [образы, иконы], ибо черт в них смеется над людьми, так как если гнать осла на огонь, то он убежит от него, но распятие — на деревянном чурбане, который может гореть.

13. Мы не должны изображать ни распятия, ни креста.

14. Нет необходимости креститься.

15. Не следует почитать мощи, ибо они придуманы из корыстолюбия.

16. Папа имеет не более власти, чем простой священник...

17. Отпущение грехов не истинно, и папа его не может дать.

18. Привилегии папы не должны соблюдаться.

19. Никто не может быть высшим, ни папа даже, ни император, ибо все мы братья во Христе...

20. Ни папа, ни император не могут издавать законы, но достаточно, чтобы они соблюдали божий закон.

21. Освященное масло и последний елей и освященная вода ничего не значат.

23. Купель для крещения — человеческая выдумка, ибо Христос был крещен в реке.

24. Любой мирянин и любая мирянка могут исповедовать и давать отпущение грехов.

25. При исповеди не надо преклонять колени перед священником, но лишь перед богом.

27. Отпевание умерших ничего не значит.

28. Дева Мария является раскрашенной блудницей.

29. Нет никакого чистилища.

30. Не надо верить изречениям святых, а лишь священному писанию.

33. Отлучения от церкви не надо бояться, не надо принимать его во внимание, ибо, в то время как человек проклинает, бог благословляет.

34. Епископ может жениться на девушке, а монашество и каноники — выдумка черта.

35. Нельзя ничего дарить алтарю, даже свечи, ибо это симония и алчность.

36. Священник не может освободить от смертного греха.

39. Старающиеся вокруг мирских имуществ церковники — лицемеры и враги святой церкви.

41. Церковники, занимающиеся десятиной, светскими имуществами и должностями, — еретики.

42. Римская церковь — лживая, сатанинская синагога, человеческая выдумка, мать проклятия, источник всего дурного.

43. У священника, обладающего собственностью, сто чертей в душе.

44. Кто хочет получить прощение у римской курии, тот несет туда полный кошелек и освобождается от всех грехов.

45. Из-за алчности священники радуются трупам, словно вороны.

48. Церковные законы — подлость, софизмы, ниспровержение здравого смысла.

53. Достоинство патриархов, архиепископов, архидиаконов создано из-за высокомерия и алчности, и они служат черту.

54. Высшие священнослужители любят лошадей и женщин и сожительствуют с чужими женами.

58. Церковь превращена в пристанище разбойников, а обряды исполняются не ради народа, а ради денег.

Из всех этих еретиков, духовных и светских лиц я, брат Якоб, проповедью по милости бога и с его помощью обратил на путь истины две с половиной тысячи человек.

Брат Якоб из Маркии, ордена миноритов[1], Ваш нижайший слуга и оратор.

P. Lukcsics, XV. századi pápák oklevélei, Budapest, 1938, 21—25, old.

II. ВАЛАХИЯ И МОЛДАВИЯ В XIV—XV вв.

7. Грамота валашского господаря Мирчи Старого, предоставляющая свободу торговли в Валахии польским и литовским купцам (1390 г.)

Я, господарь (Ио)[2] Мирча, великий воевода и господин всей земли Угровлахийской[3] и Запланинской[4], доверяю всем купцам и горожанам (пръгарем) из земли родителя и брата господства моего короля Владислава из Львова и горожанам из земли брата господства моего великого князя Витольда, как это потребует, да придет в землю господства моего с торговлей, да придет свободно, доверяя господству моему, со множеством товара (добытком), да принесет его бесчисленное множество. И только на одном месте, где хотят развернуть торговлю, в Тырговиште, там да платят пошлину (ваму) и, что им понравится, то да купят. А господство мое, что если сыщет, то тоже купит. А что мы не купим, то они могут продавать и покупать на всех торгах и на всех бродах по Дунаю, начиная от Железных врат даже до самого Браилова, и кроме того, и на всех путях презпланинских[5]. И нигде да не платят пошлины, ни на каком торге, ни на каком броде. А где будет пошлинный товар продан от господства моего, и тот вамеш[6] да насчитает эту пошлину на меня, а с вас пошлину да не смеет взять. А где пошлинный товар не

---

[1] Т. е. францисканцев.

[2] Ио — сокращенный титул молдавских и валашских господарей, передающий первоначальный смысл греческого имени Иоан, т. е. богом данный. Впервые право на ношение этого титула было дано Константинопольской патриархией болгарскому правителю Борису при его крещении в 864 г. и позже молдавским и валашским господарям.

[3] Угровлахийская земля — Трансильвания. После завоевания правителями Валахии двух герцогств Трансильвании — Амлаша и Фагараша — к титулу «воевода Басарабы» (древнее название Валахии) присоединяется титул «господин всей земли Угровлахийской».

[4] Планина в гористых славянских странах означала горы. Запланина — название Трансильвании и Венгрии, обусловленное местностью и употреблявшееся в Валахии, Молдавии и в Подолии.

[5] Презпланинские — то же, что и запланинские.

[6] Вамеш — сборщик торговых пошлин.

продан, там да не просматривают его. А кто не обратит внимания на сей хрисовул, тот да примет великое зло и проклятие (оргия) от господства моего...

«Akta grodzkie i ziemskie», t. VII, Lwow, 1878, p. 200—201.

8. Грамота валашского господаря Мирчи Старого, утверждающая Тисманскому монастырю право собственности на общинные угодья, находящиеся в этом районе (23 ноября 1406 г.)

Я, господарь Мирча, великий воевода и самодержавный господин всей земли Трансильванской и Венгерским, а еще и Татарским странам[1], герцог Амлаша и Фагараша[2] и Северинскому банству[3] господин, по обе стороны Дуная даже до великого моря[4] и Дрстра[5] града самодержец.

Дает господство мое сие повеление (оризмо) попу Никодиму, никто да не посмеет покуситься на ловлю рыбы по реке Тисменски или на пастьбу какого-либо скота (добиток) начиная от села Тагоре и даже до Планины, но только монахи (калугере) могут рыбу ловить и скот монастырский пасти. А иной ничей скот да не смеет ходить и пастись без монастырского разрешения. А если кто из бояр великих и малых покусится на это и преступит сие повеление господства моего, то тот да будет проклят от пречистой богородицы и от всех святых и богоносных отец и да будет проклят Никодимовой клятвой. И к тому же и от господства моего да примет великое зло и проклятие. Но всякий да поступает по повелению...[6] господства моего.

И было это все в лето 6915 в 15 день, когда шло господство мое к Северину на встречу с королем[7], и дошел я до монастыря месяца ноября в 23 день со всеми игуменами мона-

---

[1] Татарские страны — юго-восточная часть Молдавии, входившая в территорию Валахии еще со времени Басараба I (ок. 1324—1352).

[2] Правители Валахии в качестве вассалов венгерского короля правили Амлашем и Фагарашем, за что им присваивался титул герцога.

[3] Северинское банство — территория, управлявшаяся вначале банами болгарских царей, а потом венгерских. Затем была уступлена венграми правителям Валахии на тех же условиях, что и Амлаш и Фагараш.

[4] Имеется в виду Черное море.

[5] Дрстра — Силистрия на Дунае.

[6] Многоточие в подлиннике.

[7] Имеется в виду встреча Мирчи с венгерским королем Сигизмундом. По-видимому, речь шла об участии валашского господаря в организуемом Сигизмундом крестовом походе против турок 1396 г.

стырскими и со всеми боярами господства моего, особенно же и жупан[1] Брата, тот да будет хотарником[2], равно как и тот судья (сядец) Жулю.

«Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты», собранные и объясненные Ю. Венелиным, СПб., 1840, стр. 22—23.

9. Валашский господарь Влад Дракул подтверждает своим боярам право собственности на села и повинности с них (13 августа 1437 г.)

Во Христе-боге благоверный и благочестивый и христолюбивый господарь Влад, воевода и господин милостью божьей и божьим произволением обладающий всей землей Трансильванской, герцог Амлаша и Фагараша, благопроизволило господство мое и даровало сей настоящий всечистый хрисовул господства моего боярам господства моего Ройне и Радулу, и Драгомиру, и Албулу, и Влксану, и Влайкулу, что да есть им половина от Лнжещи, от Аргиша, и Аниноса, и Раугул, и Балотещ, и Гурене. То все дается им в очиня и в охабя[3], пока живет господство мое и пока живут сыновья господства моего, и пока живут внуки и правнуки их, начиная от пошлины на овец, и на свиней, и на пчел, от кабларства[4], и пошлины на виноделие, от дижмы[5], и оброка на сенокос, поле и лес, и малых и великих служб, какие только находятся в самодержавной земле и областях господства моего, и да не смеет собирать (бантовати) их ни судья, ни глобник[6], ни бирчия[7] и никто из бояр великих и малых. А если кто и позабудет об этом, даже и единый от власти [имущих], то тот да примет великое зло и проклятие от господства моего как нарушитель сего хрисовула господства моего. Даже и после смерти господства моего, кого изберет господь бог быть господином Валашской земли — или из детей господства моего, или родича господства моего, или по грехам нашим кого из иноплеменных, — и если он [сей избранник] почтет и утвердит сей хрисовул господства моего, того господь бог да утвердит в господстве его. Если же кто разорит, а не утвердит, и того господь бог да поразит и

---

[1] Жупан — боярин.
[2] Хотарник — межевой, землемер.
[3] В очиня и в охабя — в вотчину.
[4] По-видимому, речь идет о подати с лошадей в виде перевозок. «Сав.» (рум.) — экипаж.
[5] Дижма — десятина, оброк.
[6] Глобник — сборщик штрафов, взыскиваемых с податного населения по обвинению в уголовных преступлениях.
[7] Бирчия — сборщик податей.

убьет здесь телесно, а на том свете — душевно. И да будет он подобен Иуде и Арию, о которых сказано: кровь его на них и на чадах их, еже есть и будет во веки веков, аминь. А на это свидетели: жупан Войко, дворник[1]; жупан Тудор; жупан Нанчю и жупан Станчоул; Мирча, брат жупана Нана Пасиола; жупан Станчул Хоной; Дмитрий, спатарь[2]; Койка, протовистиар[3]; Семен Столпык; Микле, пахарник[4]; Базе, конюший; Стефан, логофет.

Я, Койка, написал в Тырговиште августа 13 дня лета 6945.

«Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты», собранные и объясненные Ю. Венелиным, СПб., 1840, стр. 78—80.

10. Грамота молдавского господаря Александра Доброго о торговых пошлинах для купцов г. Львова и «всей Русской Земли и Подольской» (8 октября 1408 г.)

Милостью божьей мы, Александр, воевода и господарь земли Молдавской. Извещаем этим нашим листом всех, кто его увидит или услышит, что мы договорились с советниками (радцями) и с горожанами Львова и со всем их поспольством и установили устав о торговых пошлинах (мытах) в нашей земле, и договорились с ними, чтобы ходили в нашу землю с своей торговлей. А мыта им установили, чтобы давали в нашей земле так. Первое главное мыто сучавское[5], на складе, от сукна от гривны 3 гроша[6]. А если купят в Сучаве татарский товар: или шелк, или перец, или камку[7], или тебенки[8], или ладан (темьян), или греческое вино — от гривны в Сучаве по 3 гр. Если же купят татарский товар на других наших торгах, должны дать там, где купят, от гривны 2 гр.; а главное мыто в Сучаве от гривны 3 гр.; а продавать татарский товар могут там, где захотят. Кто идет к Львову, должен платить главное мыто в Сучаве: от скота — 1 гр., от 10 свиней — 1 гр., от 10 овец — 1 гр., от кобылы — по 6 гр. и каждого коня — по 6 гр., от 100 белок — 1 гр., от 100 лисиц — 10 гр., от 100 овчин сыромятных (суранныи) — 4 гр.,

---

[1] Дворник — дворецкий, наместник.

[2] Спатарь — меченосец, телохранитель господаря.

[3] Протовистиар — казначей, сборщик податей, налогов.

[4] Пахарник — придворный боярский чин; боярин, услуживающий господарю за столом.

[5] Сучава — один из крупных городов Молдавии XV в.

[6] Далее сокращенно: гр.

[7] Камка — шелковая ткань с разводами.

[8] Тебенки — кожаные лопасти по бокам седла, подвешенные на пряжках.

от 100 кож ягнячьих — 2 гр., от 100 кож яловых — 15 гр.; то мыто сучавское. Кто идет на татарскую сторону, должен платить от 12 кантари[1] в Сучаве 1 руб. серебра, в Яссах — 30 гр., в Белгороде — полрубля серебра. А кто не идет в Белгород, тот должен платить только в Тигине столько, сколько в Белгороде, кроме перевозов; а за охрану от каждого воза по 12 гр. Кто хочет погнать скот до татар, должен платить от скота главное мыто в Сучаве 4 гр., в Яссах — 2 гр., в Тигине — 2 гр., от 100 овец в Сучаве — 60 гр., в Яссах — 30 гр., в Тигине — 30 гр., то мыто для тех, кто идет до татар. Сукна могут продавать в Сучаве, а на других наших торгах не могут их продавать. А с теми грошами они могут свободно ходить и покупать по всем нашим торгам то, что захотят. В Трансильванию и Валахию они могут вывозить сукно свободно. Кто повезет сукно в Валахию, должен платить главное мыто в Сучаве от гривны по 3 гр., а на границе, в Бакове, от гривны 2 гр. А что привезут из Валахии: или перец, или хлопок (баволну), или что другое, от 12 кантари в Бакове полрубля серебра, а главное мыто в Сучаве от 12 кантари 1 руб. серебра. А кто повезет сукно в Бистрицу[2] и в Трансильванию, должен платить в Сучаве от гривны по 3 гр., а в Бане[3] от гривны полтора гроша, а в Молдавице от гривны полтора гроша. На обратном же пути из Трансильвании от каждого груза (терху) в Молдавице по 2 гр. и в Бане от каждого терху по 2 гр. Кто же повезет сукно в Брашов[4], должен платить главное мыто в Сучаве от гривны 3 гр., в Бакове от гривны полтора гроша, а в Тротуше от гривны полтора гроша. А на обратном пути от каждого терху в Тротуше по 2 гр., и в Бакове по 2 гр. Коней наших, которые по 3 гривны, и валашских коней могут свободно купить. А на каком торгу купят, там да платят пошлину от каждого коня по 4 гр., а в Сучаве от каждого коня по 6 гр., а в Серете от каждого коня по 2 гр., а в Черновцах по 2 гр. Кто поведет коней или кобыл в Каменец[5], должен платить пошлину в Дорохое такую, как в Серете, и в Хотине — как в Черновцах; мыто от кобылы такое же, как и от коня. А кто купит скот на торгу в Бакове, или Романе, или Бане, или Нямце или на других наших торгах, тот не должен нигде платить мыта, лишь там, где купил, и взять расписку от мытника. А на каком торгу купит, там должен платить от скота 1 гр., от 10 овец — 1 гр., от 10 свиней — 1 гр., от 100 кож воловьих — 10 гр., от 100 кож ягнячьих — 1 гр., от 100 сыромятных

[1] Кантари — мера веса.
[2] Бистрица — город в Трансильвании.
[3] Баня — молдавский торг XV в.
[4] Брашов — город в современной Румынии
[5] Каменец — город в Подолии.

овчин — 2 гр., — да идут на главное сучавское мыто. А в Серете от мелких товаров (крамних речей): от шапок, от ногавици[1], от корды[2], от меча — от гривны по 3 гр. Если повезут товар через Сучаву на Серет, должны платить в Серете половину сучавского мыта от всего, и от кожи, и от шерсти (волны) и от овчины, то мыто серетское. А в Черновцах от немецкого воза мыто — 4 гр., а от армянского воза — 6 гр., от скота — один гр., от 10 свиней — один гр., от 10 овец — один гр., от коня и от кобылы — по 2 гр. А на перевозы и от немецких и от армянских возов по 4 гр., то мыто черновское. А в Черновцах возы не стрясти, если купец заверит, что не имеет запретных товаров: куницы, серебро, воск, коней добрых. А цену сукна в Сучаве установить такую же, как и во Львове. Если львовчане пойдут в Браилов за рыбой, то должны платить мыто на границе, в Бакове или Бырладе, от гривны по полтора гроша, а воза и рыбы не задерживать. А взяв расписку, да придет свободно в Сучаву и заплатит главное мыто от гривны по 3 гр., а воза и рыбы не задерживать. А в Серете должны платить от гривны по полтора гр., а рыбы и воза не задерживать. А в Черновцах мыто от воза. Если львовчане повезут сами из Трансильвании серебро жженое, от того серебра мы можем купить, сколько нам будет нужно; а остальным серебром они могут торговать свободно. А валашским (мунтянским) и брашевским воском они могут торговать свободно. А мыто платить от камене[3] в Бакове 1 гр., а в Сучаве от камене 1 гр. и в Серете от камене 1 гр. А венгерскими куницами торговать им свободно, а мыто платить в Бане полтора гроша от гривны, а в Сучаве от гривны 3 гр., а в Серете полтора гроша от гривны. А из тех куниц мы можем купить, сколько нам будет нужно; а остальными они могут торговать свободно. Кроме того, мы разрешили им держать в Сучаве один дом, но чтобы в том доме корчмы не держать, ни пива, ни меду не варить, мясной лавки не держать, хлеб не продавать. Если же тот, кто будет жить в этом доме, захочет что-нибудь из этого держать, то в этом городе он не может жить. Все это мы установили купцам господаря нашего, короля польского, из всей Русской[4] земли и из Подольской. А то, что мы выше сего написали, обещаем вечно держать без лести и без хитрости на веки вечные мы и наши наместники, и никогда это не нарушим по нашей чести и по нашей вере, в соответствии с христианским правом.

---

[1] Ногавици — наголенки, камаши, составляющие часть обуви, покрывающей голень.

[2] Корда — венгерская сабля.

[3] Камене — мера веса для воска.

[4] Имеется в виду Галиция, населенная украинцами.

А на то свидетели: пан Жюржь, староста [сучавский]; пан Михайло, [староста] дорогуньский; пан Влад, [староста] серетский; пан Оана, дворник сучавский; пан Яцко и пан Илиаш, чашник[1]. Также при этом были послы из Львова, которые с нами договаривались: Мычко Куликовский и Зимирстан Ханыс, и Ханыс Верьзсть, и Рус Никкюс, и писарь львовский Ханыс. А для подтверждения всего велели мы нашему верному логофету написать и привесить нашу печать великую к этому нашему листу.

В Сучаве, в лето 6900 и 16 лето, октября 8.

«Akta grodzkie i ziemskie», t. VII, Lwow, 1878, p. 205—207.

11. Грамота молдавского господаря Стефана Великого Побратскому монастырю в Поляне, по которой последнему подтверждалось право суда в своих владениях (16 февраля 1459 г.)

Милостью божьей мы, Стефан, воевода, господарь земли Молдавской. Извещаем этим нашим листом всех, кто его увидит или услышит, если кому это будет необходимо, что даем и подтверждаем этим нашим листом людям нашего монастыря в Поляне, где находится храм св. Николы, на имя всех людей из Поляны и из Оничан по Жежии, чтобы не ходили в тех селах судьи из Дорогуне и их урядники, также и подводы бы им не давали. Даже ни один наш судья, ни глобник, ни припашар[2] не смеют этих людей судить и брать с них глобу, третину[3], ни одного гроша. А если кто увидит несправедливость этих людей, тот да предъявит им иск по закону перед игуменом или перед их урядником, а иного судьи над собой эти люди да не имеют, так как мы дали им его неизменно навеки.

А на то есть подтверждение нашего господства и подтверждение митрополита нашего кир Феоктиста и подтверждение бояр наших великих и малых. И для большей верности велели мы логофету пану Добрулу и нашу печать привесить к этому нашему листу.

Писан в Сучаве в лето 6967, февраля 16.

«Documente lui Ştefan cel Mare». Publicate de J. Bogdan, vol. I, 1457—1492, Bucureşti, 1913, p. 28—29.

---

[1] Чашник — то же, что и пахарник.

[2] Припашар — ведающий заповедниками, сборщик штрафа — «припаса» — и приблудившегося скота.

[3] Третина — третья часть штрафа (пошлины), шедшая в господарскую казну.

12. Грамота молдавского господаря Стефана Великого, подтверждающая земельные владения боярину Штефулу Чернетескулу (24 сентября 1468 г.)

Милостью божьей мы, Стефан, воевода, господарь земли Молдавской. Извещаем этим нашим листом всех, кто его увидит или услышит, что сей истинный наш верный боярин пан Штефул Чернетескул служил нам верою и правдою. И, видя его правую и верную нам службу, мы пожаловали его особой нашей милостью, дали и подтвердили ему в нашей земле Молдавской вотчину на села, а именно: где дом его Чернетешти на Короде, что купил у Стана Петкоа за 70 злотых, и вблизи, повыше Мотишещии, а еще выше по Короде селище Татулово и поляну из Деокиаци, которую купил у Хермана из дарения (урика) Оцелока, данного Оцелом внуку своему Херману, а пан Херман продал то село и поляну за 75 злотых, и на верх Бырзоте около колодца монахов у городища, и на Богдане, где дом его, где был Петр Делцаг, и с мельницей (млином), и со всеми старыми межами (хотари), и на верх по Смиле мельницу, где была мельница Петра Делцага из Буковины, между мельницей Вулпашева и между Журжа Плешана и между мельницей Щефулова и между мельницей Плешанулова, да построит пан Штефул мельницу на Смиле, и на Сучаве Рушчори Реосени половина, и на Сучаве да построит себе мельницу, и выше хутора (кутулу) Хуецении, на имя Унгурашии и селище Сучавую, где был татарин Петирь, и поляну, и половину озера Ковурлуйского, и половину устья (гырло) и село у мельниц на Пруте, где был Фара, и на Ковурлуи Редичещии, и повыше, где было болгарское село, и на верх Жерула селище Чернетещии. Все вышеписаное да будет ему от нас дарением со всем доходом, ему и детям его, и его братьям, и внучатам, и правнучатам, и пращуратам, и всему роду его, кто будет наиближний, навсегда неизменно навеки. А граница тем селам да будет со всех сторон по старым межам, существовавшим издавна. А на то есть вера господства нашего вышеписаного Стефана воеводы и вера бояр наших: вера пана Станчюла — пыркалаба[1] белградского и детей его, вера пана Влайкула хотинского и детей его, вера пана Гояна и детей его, вера пана Исайя дворника и детей его, вера пана Томи Вынде, вера пана Збиари — пыркалаба белградского, вера пана Алба нямецкого, вера пана Бухти — пыркалаба килийского, вера пана Буорена, вера пана Стецка Демекуша, вера пана Петра Якимовича, вера пана Гангура, вера пана Чокрелия, вера

---

[1] Пыркалаб — наместник, верховный военный и гражданский правитель волости.

пана Яцка Худича, вера пана Ивашка Хринковича, вера пана Сакыша спатаря, вера пана Юги казначея (вистерника), вера пана Пашка постельника[1], вера пана Негрила чашника, вера пана Луки стольника[2], вера пана Нега конюшего и вера всех бояр наших молдавских, великих и малых. А после нашей смерти, кто будет господарем земли нашей — или из детей наших, или из рода нашего, или кого бог изберет быть господарем земли нашей Молдавской, — да не нарушил бы нашего даяния и подтверждения, но подтвердил бы и укрепил, так как мы его дали за правую и верную службу. А для большего подтверждения всего вышеписаного велели мы нашему верному боярину логофету пану Фоме написать и привесить нашу печать к этому нашему листу.

Писал Роман в Сучаве в лето 6976, сентября 24.

«Documente lui Ştefan cel Mare».
Publicate de J. Bogdan, vol. I, Bucureşti,
1913, p. 129—131.

13. Статьи венгерских гуситов, переселившихся в Молдавию

Источники сохранили свидетельство об уходе части венгерских гуситов в Молдавию от преследований инквизиции. Там в 1461 г. представитель папской курии записал их статьи. Текст этой записи хранится в ватиканской библиотеке. Этот источник также свидетельствует о распространении в Венгрии в 30-е годы XV в. таборитской идеологии.

1. Не повинуются римской церкви и другой церковной власти.

3. Говорят, что у церкви нет права отлучать кого-либо.

4. Не признают в качестве законов декреты, церковные законы, распоряжения папы, говоря: в противоположность всему этому имеется божий закон.

5. Говорят, что никого нельзя убивать.

6. Брак разрывают, утверждая, что делают это на основании евангелия...

7. Отрицают, что необходимо учить о милости по отношению к какому-либо недостойному поступку.

8. Говорят, что никто не должен получить спасения, кроме вступивших в их секту и живущих по их обычаям, а все люди, жившие до возникновения их секты, прокляты.

10. Говорят, что ни один священник не имеет власти, данной блаженному Петру Христом, и ни один господин апостол (т. е. папа) не живет жизнью блаженного Петра.

---

[1] Постельник — придворная боярская должность, слуга-камердинер, ведавший покоями господаря.

[2] Стольник — придворный боярский чин, член господарского совета.

12. Отрицают всякие милости папы относительно спасения и освобождения верующих от грехов.

13. Проклинают всех, кто почитает мощи святых.

14. Смеются над чудесами, вызываемыми святыми. Издеваются над ними...

19. Запрещают какого-либо рода клятвы.

20. Говорят, что у каждого священника столько же власти отпускать или не отпускать грехи, сколько у папы.

22. Может каждый исповедоваться в грехах и мужчине, и женщине, старому и молодому. Лишь исповедь о смертных грехах остается за священником.

23. Говорят, что римский папа — блудник и вместе с ним блудники все церковники и монахи.

27. Римскую церковь называют сатанинской синагогой.

32. Воскресную соленую святую воду называют поповской мочой.

35. Действуя против церковных законов, они основали новую веру, называя друг друга братьями в божьем законе.

37. Женщины у них могут быть священниками.

Славный боже! Ради краткости здесь заканчивается перечисление статей заблуждающихся и еретиков.

P. Toth-Szabo, A cseh-huszita mozgalmak és uralom története Magyarorszagon, Budapest, 1917, p. 433—436, old.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МОНГОЛИЯ В X—XIV вв.

КОРЕЯ В X—XV вв.

ВЬЕТНАМ

ЯПОНИЯ В X—XV вв.

ИРАН В IX—XV вв.

АРАБСКИЕ СТРАНЫ

ТУРЦИЯ В XIV—XV вв.

ТРОПИЧЕСКАЯ АФРИКА

ЧАСТЬ II

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, ВИЗАНТИЯ, ЗАПАДНЫЕ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ В X—XV ВЕКАХ

ФРАНЦИЯ В XI—XV вв.

ИТАЛИЯ В XII—XV вв.

ИСПАНИЯ В XI—XV вв.

СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XI—XIII вв.

ПОЛЬША В XI—XV вв.

ЧЕХИЯ В XI—XV вв.

ВЕНГРИЯ, ТРАНСИЛЬВАНИЯ, МОЛДАВИЯ И ВАЛАХИЯ

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ. В 3-х т. [Для ун-тов и пед. ин-тов]. Под ред. акад. С. Д. Сказкина. М., Соцэкгиз. 1963.

Т. 2. X—XV века. 1963. 751 с.

9(И)1

Редактор *П. Бычков*

Художественный редактор *Г. Чеховский*
Технический редактор *Н. Ногина*
Корректоры *С. Игнатова, С. Новицкая, Л. Севастьянова, Р. Савельева*

Сдано в набор 18 июня 1963 г. Подписано в печать 19 октября 1963 г. Формат бумаги 60×90[1]/16. Бумажных листов 23,5. Печатных листов 47. Учетно-издательских листов 45,98 Тираж 30 000 экз. А-09370. Заказ № 423. Цена 1 р. 12 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление целлюлозно-бумажной и полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

1 р. 12 к.

СОЦЭКГИЗ · 1963